

ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ

АЛЬФРЕД
БРЕМ

РЕПТИЛИИ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

*В этом издании Вы увидите
гравюры знаменитых
художников - анималистов
второй половины девятнадцатого века:*

*Р. Кретшмера, В. Кунерта,
Г. Мютцеля, А. Рейхерта,
Ф. Шмидта-Каринга
и Ф. Шпехта*

АСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

Москва 2000

ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ

АЛЬФРЕД
БРЕМ

РЕПТИЛИИ

АСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

Москва 2000

УДК 59
ББК 28.693.3
Б87

Автор комментариев
Е.А. Дунаев

Брем А.
Б87 **Рептилии / Коммент. Е.А. Дунаева. – М.:
ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. – 664 с.:
ил. – (Жизнь животных).
ISBN 5-237-04505-7**

Издание подготовлено по переводу, выпущенному в свет в 1893 году в Санкт-Петербурге. Сохранен стиль повествования автора – всемирно признанного классика натуралистической литературы. В полном объеме воспроизведены иллюстрации, созданные немецкими художниками и граверами в XIX веке специально для книг А. Брема.

Книга адресована широкому кругу читателей.

**УДК 59
ББК 28.693.3**

ISBN 5-237-04505-7

© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000
© ООО «Издательство Астрель», 2000

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание книг А. Брема «Жизнь животных» подготовлено по переводу с 3-го немецкого исправленного и дополненного издания в 10-ти томах, выпущенному в свет в 1893 году Товариществом «Общественная польза и К^о» (С.-Петербург).

А. Брем — всемирно признанный классик научно-популярной натуралистической литературы. Заслуга его заключается в талантливом изложении сведений из жизни зверей, птиц и других животных. Все затронутые вопросы раскрываются им в общепонятной и увлекательной форме, доступной для самых широких кругов читателей. Знакомство с книгами Брема наибольшую пользу, на наш взгляд, принесет детям.

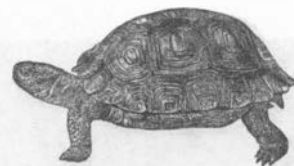
В издании полностью сохранен стиль повествования А. Брема. Сокращению подверглись только узкоспециальные разделы текста — систематические, географические, морфолого-анатомические описания, которые уже потеряли свою актуальность к настоящему времени. На полях книг сделаны необходимые комментарии и примечания. Их подготовили ведущие ученые-зоологи МГУ и РАН, доктора и кандидаты биологических наук, исходя из современного состояния науки.

Все латинские названия животных даны в их современном написании. Русские наименования, в большинстве случаев, также приведены в соответствие с общепринятым в научных кругах стандартом.

Особенную значимость этому изданию придают сохраненные в полном объеме классические высококачественные, очень точные иллюстрации животных, созданные немецкими художниками и граверами во второй половине XIX века специально для книг А. Брема.

Мы уверены, что знакомство с книгами А. Брема станет большой радостью для всех читателей, особенно для любителей живой природы.

БИОГРАФИЯ

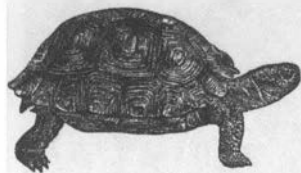
Альфреда Эдмунда Брема

Немецкий зоолог Альфред Брем известен всему миру как автор знаменитой книги «Жизнь животных», переведенной на многие языки. Родился Брем 2 февраля 1829 года в семье священника в небольшой деревушке Рентендорф лесистой и холмистой Тюрингии, в Германии. Его отец Христиан Людвиг Брем был не только пастором, но и знатоком жизни птиц. Как орнитолога его знали во многих государствах. Скромный дом пастора посещали ученые из Англии, Франции и других стран. Ему часто посылали для определения целые коллекции птичьих шкурок. Поэтому собственная коллекция постоянно обогащалась и достигла такого большого количества экземпляров, которое редко встречается у частного лица: у него было около девяти тысяч чучел птиц.

Уже в молодые годы благодаря отцу Брем приобрел необыкновенную наблюдательность. Ему была знакома вся фауна родных мест, он мог отличать мельчайшие особенности большинства птиц. Очень часто ранним утром пастор брал ружье и отправлялся на охоту в леса, окружающие приход; сыновья почти всегда сопровождали отца и несли добычу, которая большею частью состояла из редких птиц, нужных для коллекции. Альфред Брем с большим восторгом вспоминал об этих прогулках и рассказывал, что, когда ему минуло восемь лет, в день его рождения отец подарил ему ружье.

Дети посещали местную школу, но отец дополнял полученные там знания частными уроками, так что сыновья имели очень хорошую подготовку по всем предметам. Вечерами мать Альфреда собирала вокруг себя детей и читала им драматические произведения Шиллера и Гёте. Несомненно, Брем очень многое получил от своей матери — богатое воображение, прекрасный голос, блестящую память и дар выразительного чтения. Близкие люди утверждали, что Альфред мог бы сделаться прекрасным актером и даже певцом. Он сохранил в течение всей своей жизни любовь к поэзии.

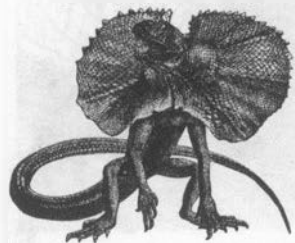
Удивительно, что когда Брему пришло время избрать практическую деятельность, то он обратился не к естественным наукам и медицине, а задумал стать архитектором. Он изучал архитектуру в Альтенбурге с 1843 по 1847 год. Занятия эти, впрочем, даром не пропали: они оченьгодились впоследствии, когда Брему было поручено устройство больших зоологических садов, и во время его путешествий. И вот, получив аттестат, молодой Брем вышел в жизнь; высокий, статный шатен с серо-голубыми глазами, орлиным носом, звучным голосом. Привычка зачесывать длинные волосы назад открывала высокий лоб красивого юноши. Для своего возраста он был образованным человеком, прекрасно разбирался в литературе, архитектуре, зоологии, знал латинский и французский языки.

Неожиданная возможность предпринять большое путешествие в Африку прервала практические занятия Альфреда. Организатор экспедиции барон Джон фон Мюллер — большой любитель природы и известный охотник, пригласил участвовать в ней молодого Брема, узнав, что восемнадцатилетний сын сельского пастора хорошо подготовлен в орнитологии и препарировании птиц. Брем с восторгом принял предложение, отец также с удовольствием согласился на это путешествие сына.

Брем и Мюллер сели на корабль в Триесте 6 июля 1847 года. Тогда еще Альфред не думал, что увидит родные леса только через пять лет. Спутники приехали в Каир и задержались в этом городе, так как оба, из-за неосторожности, получили тепловой удар. Кроме того, они пережили ужасы землетрясения, которое произошло там как раз во время их пребывания.

В Каире барон решил расширить маршрут своей экспедиции, не ограничиваться только Египтом, а добраться до столицы Судана Хартума. Но только 28 сентября путешественники смогли отправиться в путь, присоединившись к партии католических миссионеров. Сообща наняли барку и поплыли вверх по Нилу. Барка продвигалась медленно, поэтому натуралисты имели возможность проводить много времени на берегу, охотясь за редкими животными и наблюдая природу. Четвертого января 1848 года они достигли лесистой и богатой водами части Судана, там собрали богатую коллекцию редких птиц, в том числе марабу, маленького черного журавля и других.

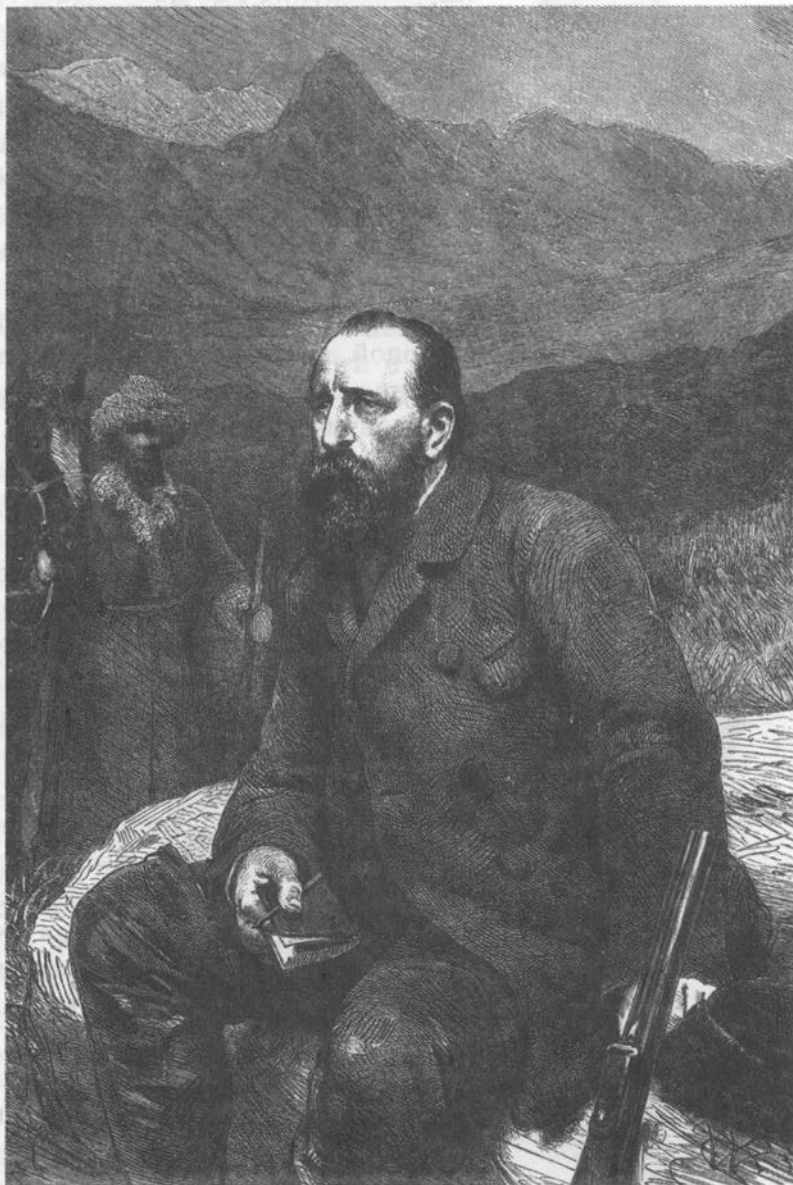
Шестого января путешественники прибыли в Хартум, где и прожили до 25 февраля. Охотились в окрестностях, знакомились с бытом населения, как местного, так и пришлого — турками, египтянами, европейцами. Дичь здесь была в изобилии, особенно в лесах, окружающих Голубой Нил, куда Брем отправился на довольно продолжительное время. Но вскоре заболел местной лихорадкой, приступы которой почувствовал еще на Ниле, и вернулся в Хартум. Подлечившись, Альфред снова отправился в леса и привез оттуда до 130 птичьих шкур.

В Хартуме Брем и Мюллеру представился благоприятный случай, они смогли присоединиться к опытному путешественнику английскому геологу Петерику и проехать частью водой, частью на верблюдах в малоизвестную страну Кордофан, лежащую в зоне саванн. Сначала отправились по Белому Нилу, потом начали сухопутное путешествие по жаркому Кордофану. Пребывание в этой стране было в высшей степени интересно, путешественники первый раз в жизни совсем близко наблюдали крупных млекопитающих: львов, леопардов, гиен. Их коллекция птиц пополнилась разными видами орлов, соколов, грифов. Но через четыре месяца убийственный климат заставил вернуться в Хартум. На обратном пути, проезжая по пустыне на спине верблюда, Брем претерпевал такие страшные страдания, что ежеминутно ожидал смерти. Наконец они достигли Нила и пошли на небольшом судне до Хартума, где намеревались довольно долго прожить, чтобы отдохнуть и вылечиться от лихорадки.

Мюллер и Брем прожили в Хартуме до 28 августа, а потом пустились в обратный путь вниз по Нилу. Генерал-губернатор Хартума отдал в их распоряжение две барки, на которых поместились многочисленные ящики с коллекциями и большое число клеток с животными. 28 октября доехали до Каира, довольные тем, что вернулись целыми и невредимыми из трудного путешествия и довели в сохранности все собранные сокровища. Конец года они прожили в этом городе, делали небольшие экскурсии по окрестностям для охоты и дополнения своих коллекций.

29 января барон фон Мюллер отплыл из Александрии в Европу, с тем чтобы начать подготовку новой, гораздо более обшир-

*Альфред Эдмунд
Брем*

ной африканской экспедиции. Брем остался в Египте. Почти год находился он то в Каире, то в Александрии, дожидаясь барона или хотя бы денег от него на предварительные работы по организации экспедиции.

Впрочем, любознательный юноша не терял времени даром. Он, облачившись в турецкий костюм, охотился в дельте Нила, бродил по Каиру, знакомился с его памятниками древности и бытом городского населения. Более того, пригласив опытного учителя, систематически изучал под его руководством арабский язык и переводил священную книгу мусульман — Коран.

Тем временем Мюллер добывал средства для экспедиции и вербовал новых членов. Экспедиция была задумана в грандиозных масштабах. Предполагалось добраться Красным морем до Суакина, доехать на верблюдах до Хартума, а оттуда подняться по Нилу до области проживания негров бари, то есть до 4-го градуса северной широты. После более или менее продолжительного пребывания среди них экспедиция должна была повернуть на запад к Атлантическому океану.

Барон пригласил для участия в экспедиции орнитолога доктора Ричарда Фирталера и Оскара Брема, брата Альфреда, которые прибыли в Александрию в ноябре 1849 года, привезли с собой деньги и снаряжение. Оскар Брем, хороший энтомолог, должен был обеспечить сборы насекомых и других беспозвоночных. Барон фон Мюллер обещал присоединиться к экспедиции в Хартуме около 1 июля.

Путешественники отправились в путь 24 февраля 1850 года. Точно так же, как и в первый раз, поднялись на барке вверх по Нилу, а затем продолжили путь на верблюдах. Начало путешествия было очень удачно: кроме птиц и зверей собрали много жуков и других насекомых, которыми специально занимался Оскар Брем. Но случилось большое несчастье — Оскар во время купания утонул буквально на глазах брата! Это был страшный удар для Альфреда и непоправимая потеря для экспедиции. Оправившись от удара, Брем все же нашел в себе силы доставить своих спутников до Хартума.

Положение участников экспедиции было плачевно. Не только не прибыл сам хозяин — барон, но от него не было ни денег, ни писем. Наконец поступило сообщение, что барон фон Мюллер обанкротился. Денег у Брема больше не было, но ему удалось сделать небольшой заем. На эти средства была предпринята шестинедельная экспедиция в леса Голубого Нила. Экспедиция дала богатый материал для коллекций. Но Брем опять схватил лихорадку и совсем больной вернулся в Хартум.

Вылечившись от лихорадки, Альфред вместе со всеми своими спутниками отправился во вторую экспедицию, которая про-

должалась три месяца, путешественники глубоко проникли в глухие места. Они добыли многих очень редких птиц, почти каждую ночь слышали рев львов, наблюдали целые стада слонов и огромные стаи обезьян, охотились на крокодилов и бегемотов. Однажды Брем чуть не сделался жертвой своей неосторожности, когда на него бросился легко раненный и разъяренный бегемот. Экспедиция привезла в Хартум около 1400 одних только птичьих шкур.

Брем жил в Хартуме, занимая деньги у своих друзей мусульман, которые высоко ценили его за способность приручать диких животных. Во дворе его дома был целый зверинец. Всюду за ним следовали стая ручных ибисов и мартышка, он приручил даже нескольких грифов. Но особенное удивление вызывали ручная львица и ручной крокодил. Брем пишет, что все эти животные составляли для него большое утешение во время его невольного плена в Хартуме. Встречая так много привязанности и благодарности в своих животных, он часто забывал тяжелое положение, в которое его поставили люди.

Тем временем припадки лихорадки становились все чаще; необходимость возвращения на родину была очевидной. Брем прожил в Судане четырнадцать месяцев, не имея средств заплатить долги. Вернуться в Каир, а затем и на родину ему помогли находившийся тогда в Хартуме немецкий купец Бауергорст и губернатор Судана Латиф-паша.

Отправившись 18 августа 1851 года из Хартума, Брем только к 26 октября добрался до хорошо знакомого ему Каира. Там он прожил всю зиму, отдохнул от трудного путешествия и поправил свое расстроенное здоровье. Шестнадцатого июля 1852 года вернулся он, наконец, после пятилетнего отсутствия в родной дом и имел счастье обнять отца, мать и всех братьев и сестер.

Понятно, что такое продолжительное пребывание в Африке и исключительные занятия охотой и наблюдением природы оказали решающее влияние на карьеру Брема. О продолжении своих занятий архитектурой он перестал думать. Прекрасно сознавая пробелы в естественнонаучном образовании, поступил в университет — сначала в Йенский, потом в Венский.

Уже в эти годы Альфред Брем начал свою литературную деятельность: печатал орнитологические очерки в специальных журналах и был одним из основателей немецкого Орнитологического Общества. В 1855 году он издал в трех томах «Путевые очерки о северо-восточной Африке». Написанные с блеском, они содержали не только подробные описания природы и различные сведения об охоте, рассказы об образе жизни тамошних животных, преимущественно птиц, но и богатый материал по этнографии виденных им стран.

Гонорар, полученный за эту книгу, позволил Брему в 1856 году вместе с братом Рейнгольдом совершить путешествие по Испании. Брат был врачом и также страстным охотником, любителем наблюдения природы. Эта поездка, богатая приключениями, в значительной степени пополнила сведения Брема о южноевропейских животных.

После возвращения из Испании Брем поселился в Лейпциге и стал заниматься литературным трудом. Он писал статьи для очень популярного журнала «Die Gartenlaube». Эти статьи сделали Брема известным, так как он сумел придать привлекательность и даже поэтический оттенок своим очеркам о жизни животных. В значительной степени на основании наблюдений, сделанных в Испании, братья в соавторстве с отцом опубликовали очень ценную статью «Орлы-ягнятники и их жизнь». Конечно, яркие поэтические описания царственной птицы принадлежат в этой книге Альфреду.

Вскоре А. Брем получил возможность совершить путешествие в Норвегию и Лапландию. Суровая, величественная природа фиордов и шхер далекого Севера произвела на него сильнейшее впечатление, особенно шумные птичьи базары. С энтузиазмом отдался он орнитологическим наблюдениям, уделяя больше всего внимания незнакомым птицам, не встречающимся ни в средней Европе, ни в Африке. Вернувшись в Лейпциг, описал свои впечатления в ярком очерке «Laplands Vogelberge».

Брем обладал изумительным даром чувствовать красоту и постепенно смог стать выдающимся стилистом — настоящим художником слова, способным представить на страницах яркие, красочные образы живой природы. Потребность в доступной форме передать свои знания широким кругам любителей природы побудила Брема написать большую популярную книгу «Жизнь птиц». В этой книге в виде художественных очерков он дал характеристики наиболее интересных представителей преимущественно средневропейской орнитофауны. По словам последующих исследователей, у Брема «всем птицам свойствен характер; существуют веселые, печальные, честные, вороватые, благородные и подлые, прямодушные и лукавые птицы». Книга вышла в свет в Лейпциге в 1861 году, в день 74-летия отца и учителя автора — Христиана Людвига Брема.

Несмотря на видимые литературные успехи, Брем решил упорочить свое материальное и общественное положение. Он поступил преподавателем географии в частную мужскую гимназию. Это дало ему возможность обзавестись семьей: в 1861 году молодой ученый женился на Матильде Рейц, сделавшейся до конца дней верной спутницей жизни. Она посильно участвовала в путешествиях и очень дорожила его славой писателя и ученого.

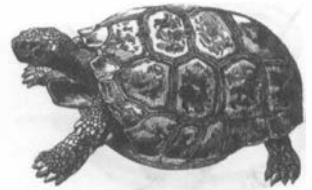
Счастье благоприятствовало Брему, в скором времени он мог снова поехать в Африку. Организаторы грандиозной охотничьей экспедиции в предгорьях Абиссинии пригласили участвовать в ней Брема, как опытного путешественника и натуралиста. Он был даже командирован вместе с молодой женой для выбора подходящего района охоты и разбивки постоянного лагеря. Так что медовый месяц молодые провели весьма экзотично: в Африке на подступах к Абиссинии.

Стоянку для лагеря Брем выбрал на плато Менда. Богатая и разнообразная природа этой местности позволила охарактеризовать ее как африканскую Швейцарию. Здесь Брем ознакомился с жизнью африканских горных животных и сделал множество новых интересных наблюдений. К сожалению, натуралисту не повезло: он снова схватил малярию и, немного подлечившись, вынужден был вернуться в Лейпциг.

Уже через год, в 1863 году, обработав результаты поездки в Абиссинию, он опубликовал книгу «*Ergebnisse einer Reise nach Habesch*». В книге, восхищаясь необыкновенным богатством флоры Абиссинии, автор глубоко сожалеет о том, что мало знаком с ботаникой и поэтому не может подробно описать богатую и разнообразную растительность этой страны. Зато Брем поместил большой материал об образе жизни млекопитающих и птиц. Эти страницы читались зоологами всех стран с большим интересом. В том же году он написал вместе со своим лейпцигским другом натуралистом Россмеслером книгу «Лесные животные», которая была переведена на русский язык.

Работа над этими двумя книгами навела Брема на мысль создать большую научно-популярную сводку о жизни представителей всех классов животного царства. Так было начато издание самого большого сочинения Брема «Жизнь животных». В качестве соавторов Брем привлек двух известных зоологов — Ташенберга, который взялся за написание статей о насекомых и паукообразных, и Оскара Шмидта, которому достались низшие беспозвоночные. Успеху этого сочинения способствовали многочисленные прекрасные иллюстрации. Первый том появился в 1863 году, а полностью объемное шеститомное сочинение вышло только в 1869 году.

Во время работы над первым томом Брему было предложено место директора зоологического сада в Гамбурге. Лучшего директора трудно представить: обширная эрудиция, большой опыт в содержании и приручении диких животных, личные связи — все это создавало блестящую репутацию Брему в глазах членов «Зоологического общества», фактически владевших зоопарком. И для Брема, трудившегося над первыми томами «Жизни животных», посвященными млекопитающим и птицам, эта должность была интересна. Через его руки проходили сотни редких экзо-

тических животных, привозимых кораблями из всех стран света в большой порт Гамбург, и частично оседавших в зоопарке, где ученый мог вести над ними наблюдения.

Брем проработал в зоопарке три года, поставив его на образцовую высоту. Из-за разногласий с членами «Зоологического общества» он вынужден был покинуть зоопарк в Гамбурге. Но вскоре переехал в Берлин, куда был приглашен, чтобы организовать в городе аквариум с морской и пресной водой.

В 1864 году он пережил большое горе: на 78-м году жизни умер обожаемый им отец. Эта смерть очень сильно повлияла на душевное состояние Брема.

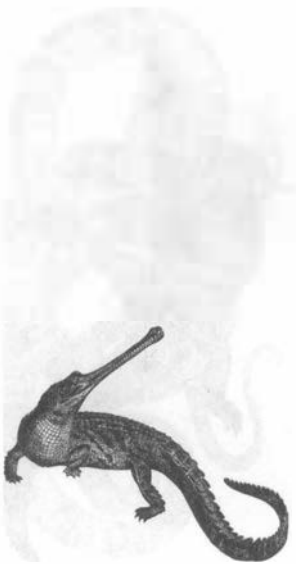
В 1869 году вышел последний шестой том «Жизни животных». Этот главный труд ученого сыграл огромную роль в популяризации зоологии во всем образованном мире. Он прославил автора на весь мир и вскоре был переведен на все европейские языки (первый полный русский перевод был сделан в 1870 году). Еще при жизни Брема вышло второе издание.

В этом же году был открыт и Берлинский аквариум. Настоящий зоологический сад в центре большого города сделался одним из самых популярных учреждений Берлина. На его территории кроме аквариума были созданы террариум, в котором содержались крокодилы, черепахи, змеи, и виварий, в больших светлых клетках распевали сотни самых разнообразных птиц. Громадный опыт по содержанию в неволе птиц позволил Брему опубликовать в 1870—1875 годах двухтомную сводку «Птицы в неволе». Сочинение сделалось настольной книгой для всех любителей птиц и послужило популяризации любительского занятия — содержания птиц в неволе.

В 1874 году Брем покинул место директора аквариума. И до конца жизни уклонялся от служебных постов. Успех «Жизни животных» и других книг давал ему солидный доход, и он жил как свободный художник, временами выступая с публичными лекциями.

В 1876 году Брему представилась возможность совершить путешествие в Россию и таким образом посетить страну, фауна которой была ему совсем не известна. Общество по изучению северных полярных стран предложило ему участвовать в экспедиции для исследования западной Сибири. Интересно, что среди прочих экспедицию щедро финансировал иркутский купец А.М. Сибиряков.

Путешественники 19 марта приехали в Нижний Новгород, оттуда по льду Волги на тройках они прибыли в Казань, где задержались на несколько дней. Из Казани маршрут привел их в Пермь, потом через Екатеринбург и Тюмень — в Омск, откуда по Иртышу они добрались до Семипалатинска. В течение нескольких месяцев Брем со своими спутниками исследовали средне-

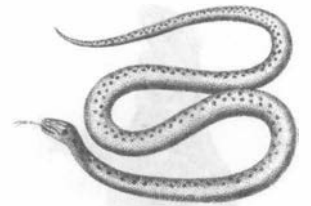
азиатские степи до горных цепей Алатау, причем сделали небольшую прогулку в Китай, за русскую границу. Затем они объехали значительную часть западной Сибири до берегов Карского моря.

Все путешествие длилось шесть месяцев. Сделанные наблюдения представляли для Брема значительный интерес. Он обогатил свой опыт натуралиста близким знакомством с жизнью зверей и птиц за полярным кругом, в тайге, в среднеазиатских степях и прилегающих к ним горах. Эта экспедиция дала богатый материал по этнографии многих народов, проживающих на территории той части России. Брем считал путешествие по России самым интересным в своей жизни и собирался издать подробный дневник. Но вместо этого он выпустил только несколько ярких очерков: «Путешествие по Сибири», «Тундра и ее животный мир», «Азиатская степь и ее жизнь», «Лес, дичь и охотничий промысел Сибири». Полное описание сибирского путешествия было дано спутником Брема — Отто Финшем, его объемистая, чрезвычайно интересная книга была издана в русском переводе под заглавием «Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брема».

Едва отдохнув от сибирского путешествия, неутомимый Брем предпринял новое. На этот раз он поехал недалеко — в южную Венгрию, эту обетованную страну всякого орнитолога. Путешествуя на пароходе по Дунаю, посетил знаменитую колонию цапель на острове Адони, дремучие леса Кескенде, необозримые болота Хулло и живописные Голубые горы. Конечно, по сравнению с сибирским путешествием, поездка по Дунаю была для Брема лишь увеселительной прогулкой.

В 1878 году Брем получил от австрийского императора орден Железной Короны, который давал права дворянства, а в следующем году — командорские кресты испанского ордена Изабеллы и португальского ордена — св. Иакова. Кроме того, Брем был награжден большой золотой медалью за особые научные заслуги и неоднократно избирался членом различных ученых обществ.

Но эти годы принесли Брему и много горя. Вскоре, после его возвращения из Сибири в 1877 году, умерла мать, а в следующем году, при рождении младшего сына, он потерял жену, которая была его верной спутницей и усердной сотрудницей в течение их супружеской жизни. От этого удара он уже совершенно не мог оправиться. Однако в 1879 году нашел в себе силы еще раз посетить Испанию, чтобы собрать экземпляры редких орлов. Потом он жил в своем поместье в Рентендорфе. Летом занимался разведением роз, зимой временами выезжал, чтобы прочесть публичную лекцию.

Лишь в 1883 году Брем совершил далекое путешествие. Он подписал очень выгодный контракт, по которому должен был прочитать пятьдесят лекций в больших городах Северо-Американских штатов. Но еще до начала поездки ученого постигло страшное несчастье: все пятеро его детей заболели дифтеритом. Хотя врач успокоил отца насчет исхода болезни, он уехал со стесненным сердцем. Младший сын, любимец семейства, умер раньше, чем Брем доехал до Америки, он получил горестное известие тотчас после высадки в Нью-Йорке.

Брем выполнил контракт, прочитал свои пятьдесят лекций. Это было последнее его путешествие; он вернулся в Рентендорф, чтобы оттуда уже не уезжать. 11 ноября 1884 года Брем скончался от кровоизлияния в мозг в возрасте 56 лет. Утверждения некоторых биографов, будто в конце своей жизни он ослеп, неверно. Его соколиные глаза сохраняли свою зоркость вплоть до того момента, как закрылись навеки...

ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ, ИЛИ РЕПТИЛИИ (Reptilia)

Общий взгляд
на жизнь
пресмыкающихся

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ

Творец научной зоологии Линней назвал «амфибиями» т. е. животными с двойственной жизнью, группу позвоночных, которых прежде относили частью к «четвероногим» и млекопитающим, частью к «червям». Окен пытался заменить это не совсем удачное название немецким словом и выбрал для этого нижнегерманское название жабы — Lork или Lurch, тогда как Кювье назвал их «пресмыкающимися — Reptilia».

Позднейшие исследователи придали больше значения, чем их предшественники, различиям во внешнем строении тела, а особенно в развитии, свойственным этим животным, и разделили их поэтому на два класса, которым дали уже существовавшие названия «пресмыкающихся» и «земноводных». Некоторые зоологи еще долго не соглашались с этим разделением, впервые высказанным де Бленвилем. Теперь оно общепризнано, и многие с полным основанием причисляют пресмыкающихся к ряду высших позвоночных, противопоставляя последних земноводным и рыбам как низшим представителям первого и важнейшего типа животного царства.

Пресмыкающиеся (Reptilia) — позвоночные с «холодной кровью»*, которые всю жизнь дышат легкими, следовательно, превращения не имеют; сердце у них с вполне обособленными предсердиями и не вполне разделенными желудочками; тело их покрыто чешуями или костяными щитками. Холоднокровными животными их можно назвать только в том смысле, что температура их крови находится в зависимости от температуры окружающей среды и лишь немного выше ее; поэтому их вернее назвать животными с изменяющейся температурой тела. Внешний вид пресмыкающихся представляет большое разнообразие: у некоторых из них туловище кругловатое или сплющенное, у других — удлиненное или даже червеобразное; у одних оно опирается на конечности, у других их не бывает; шея то короткая и неподвижная, то длинная и легко подвижная**. Конечностей обыкновенно четыре, за исключением форм, вовсе лишенных их; «но, благодаря своему горизонтальному направ-

* В современной зоологии понятие «холоднокровные животные» заменено термином «пойкилотермные» (от греч. poikilos — изменчивый, меняющийся и therme — тепло), т. е. животные, температура тела которых зависит от температуры окружающей среды.

** Среди пресмыкающихся наиболее крупными из сухопутных являются галапагосские слоновые черепахи (Geochelone elephantopus — до 1,5 м длиной при массе 400 кг) и из

**Общий взгляд
на жизнь
пресмыкающихся**

живущих в воде — кожистая (*Dermochelys coriacea* — до 2 м при весе 600 кг). Некоторые тропические питоны (например, *Python reticulatus*) превышают в длину 10 м. Среди ящериц самыми крупными считаются вараны (*Varanus komodoensis* достигает в длину 4 м при массе 150 кг), на территории бывшего СССР — серый варан (до 1,5 м). Наиболее мелкими пресмыкающимися являются некоторые виды хамелеонов рода *Brookesia*, максимальные размеры которых не превышают 4,5 см. Самое мелкое пресмыкающееся из российских видов — пискливый геккончик с общей максимальной длиной тела с хвостом 7,2 см, а минимальные размеры на территории бывшего СССР имеет таджикский геккончик (до 6,2 см).

лению, — говорит Фогт, — они, как направленные наружу рычаги, более помогают передвижению тела, нередко змеевидно извивающегося, нежели служат ему опорой, и лишь редко действительно его поддерживают».

Кожа покрыта различными образованиями. «У некоторых ящериц, — говорит Фогт, — мы находим настоящие чешуи, как у рыб, т. е. тонкие костяные пластинки, покрытые слоем рогового вещества, черепицеобразно налегающие друг на друга и лежащие в мешочках утонченной кожи; у прочих ящериц и змей, по-видимому, также обнаруживаются чешуи, но под этим названием не следует разумеать образований, подобных описанным выше. Кожа здесь ясно разделяется на два слоя: нижний — собственно кожный слой соединительной ткани, имеющий волокнистое строение, и надкожица (эпидерма), похожая на слой засохшего лака, верхние слои которой время от времени сбрасываются по частям или целиком. Нижний слой кожи образует то простые бугорки в виде сосочков, то бородавки, то возвышения, загнутые в виде чешуек и свободные на своем заднем краю; надкожица покрывает все эти образования, плотно прилегая к нижнему слою и следуя за его неровностями, и проникает в виде тонких складок в промежутки между сосочками и бородавками. У крокодилов в подобных возвышениях образуются настоящие костяные щитки, лежащие в толще нижнего слоя кожи, волокна которого проникают в многочисленные отверстия щитков; у черепах эти элементы кожного скелета очень рано срастаются с некоторыми частями внутреннего скелета и образуют спинной и брюшной щитки, а надкожица сильно утолщается и образует роговой покров, который в общежитии называют панцирем». Особенность строения кожи пресмыкающихся состоит, по мнению Каруса, в том, что вследствие сильного развития роговых образований замечается почти полное отсутствие осязательных сосочков и желез. Среди элементов кожного скелета различают чешуи и щитки. «Последние в основном представляют более крупные многоугольные образования, прилегающие всей своей поверхностью и друг на друга не налегающие»; чешуи очень разнообразны по форме и расположению и разделяются на гладкие, килеватые, мутовчатые и черепитчатые. К роговым образованиям надкожицы принадлежат когти на пальцах передних и задних конечностей, а также другие придатки в виде рожков, игл или конически свернутых пластинок. В то время, как у ящериц, крокодилов и гаттерий когти, по мнению Гегенбаура, расположены не на концах пальцев, у черепах они имеют именно такое положение; поэтому последние по устройству когтей стоят ниже всех пресмыкающихся.

Красотой внешней окраски пресмыкающиеся едва ли уступают другим классам животного царства. У большинства их окраска отвечает цветам их обычного местопребывания, т. е. цвету почвы, листьев и древесной коры; у некоторых даже способ-

ность приспособления к цвету окружающей обстановки более или менее зависит от их воли, так как эти животные могут, вероятно, изменять свой цвет по собственному произволу. Подобные изменения цвета вызываются главным образом передвижениями пигментных клеток, расположенных в слизистом слое надкожицы, а равно и в соединительном слое кожи и обладающих способностью сжиматься и расширяться, благодаря чему они то сильнее, то слабее просвечивают сквозь кожу. Повышенная жизнедеятельность, по-видимому, сообщает также чешуям и щиткам более яркую окраску.

Скелет пресмыкающихся окостеневает почти вполне, но в строении отдельных своих частей представляет такое разнообразие, что едва ли можно сказать о нем что-нибудь общее для всего класса. Череп, во многих отношениях поразительно напоминающий череп птиц, более или менее сплюснен, и челюстные кости вместе с лицевыми получают в нем преобладающее развитие. «Затылочная кость, — говорит Фогт, — по своей форме вполне отвечает позвонку и состоит из непарного тела, непарной чешуи и двух, как правило, сильно развитых боковых частей. За исключением двуходок, имеющих два сочленовных бугорка, затылочная кость остальных пресмыкающихся имеет только один, обыкновенно сильно развитый и выпуклый сочленовный бугорок, который входит в сочленовную ямку первого позвонка; этот общий признак, равно как и сильное развитие чешуи, отличает ее от затылочной кости земноводных, которая всегда имеет два сочленовных бугорка». Теменные кости срастаются большей частью в одну непарную пластинку, снабжены часто высоким костяным гребнем и всегда имеют глубокие височные впадины.

Небно-челюстной аппарат также представляет значительное разнообразие; почти у всех змей все его части соединены подвижно и связаны с помощью подвижных сочленений с плотной черепной коробкой; у крокодилов и черепах, напротив, все его кости соединены неподвижно, за исключением сочленения нижней челюсти.

Позвоночник всегда окостеневает и ясно расчленен на позвонки; у многих пресмыкающихся можно различить в нем шейный, грудной, поясничный, тазовый и хвостовой отделы. Число позвонков чрезвычайно колеблется в зависимости от длины тела; таким образом, у черепах оно редко больше 30, тогда как у змей оно может быть больше 400*. Грудная кость часто совершенно отсутствует или очень слабо развита; то же в известной степени можно сказать о плечевом поясе и конечностях, например, змей, у которых сохраняются только следы тазовых костей и задних конечностей в виде небольших косточек, лежащих на мускулатуре вблизи заднего прохода. У остальных пресмыкающихся конечности представляют самые разнообразные степени развития. О вооружении рта трудно сказать что-либо общее. Черепахи не

* Количество позвонков у змей может достигать 435.

имеют вовсе зубов, а челюсти их покрыты острыми роговыми пластинками. Прочие пресмыкающиеся имеют значительное число зубов, и не только на челюстях, но иногда также на небных костях, сошнике и крыловидных костях. Они почти всегда служат только для схватывания и удерживания добычи и очень редко для размельчения пищи. Обыкновенно они имеют крючковидную форму, но встречаются также зубы, сжатые с боков с зазубренными или бугорчатыми краями; у ящериц, питающихся плодами и семенами, зубы приспособлены к жеванию и имеют полусферообразные коронки.

Органы пищеварения также представляют значительное разнообразие. Язык у некоторых, например у крокодилов, имеет вид плоского возвышения, лежащего на дне ротовой полости, сросшегося с ней и совершенно неподвижного; у других, например у черепах, язык короткий, толстый, мясистый, у ящериц он имеет то яйцевидную плоскую форму, то заключен в чехол, то способен выбрасываться изо рта или, как у змей, нитевидно вытянут и раздвоен на конце. Широкая глотка у некоторых пресмыкающихся чрезвычайно растяжима и незаметно переходит в объемистый и толстостенный желудок, который отделяется от кишки складкой или клапаном. Кишка широкая, более или менее длинная, но с небольшим числом петель; прямая кишка часто снабжена слепым отростком и заканчивается сильно расширенной клоакой. Пресмыкающиеся всегда имеют печень, желчный пузырь и селезенку; настоящих слюнных желез часто не бывает, но поджелудочная железа встречается почти у всех без исключения. Черепахи отличаются от всех других пресмыкающихся присутствием подъязычной железы, у многих ящериц и змей мы находим железки на губах; кроме того, у многих змей встречаются большие железы в височной области, нередко с ядовитым выделением, вытекающим по бороздкам или каналам в ядовитые зубы.

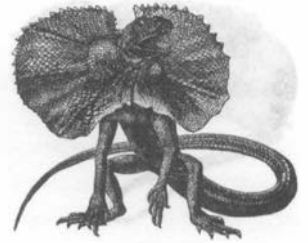
Почки обыкновенно очень велики и часто подразделены на многочисленные лопасти; выходящие из них мочеточники открываются на задней стенке клоаки, впереди которой у ящериц и черепах находится мочевой пузырь. Семенники лежат всегда в брюшной полости, семенные каналцы образуют обыкновенно придатки семенников, из которых выходят семенные протоки. Органы оплодотворения имеются у всех пресмыкающихся, за исключением гаттерий, у которых они отсутствуют. У змей и ящериц они парные и представляют два мешка, усаженных шероховатыми шипами или роговыми крючками и выпячивающихся при совокуплении, как палец перчатки, так что их внутренняя поверхность выворачивается наружу. Черепахи и крокодилы имеют на передней стенке клоаки непарный орган совокупления без внутреннего канала, но с наружной продольной бороздкой, по которой стекает семенная жидкость. Яичники имеют форму то трубок, то пластинок и всегда отделены от яйцеводов.

Органы дыхания, как уже было замечено, не претерпевают превращения и всегда присутствуют в форме легких. Только у некоторых черепах, именно у мягкокожих черепах, рядом с легочным дыханием имеются следы жаберного, в виде особых сопочков в глотке. Пресмыкающиеся имеют обособленную гортань: дыхательное горло обыкновенно разветвляется, но часто бывает трудно определить границу между ним и его ветвями, так как хрящевые кольца, окружающие его, иногда далеко продолжаются в легкие, и, с другой стороны, легочные дольки иногда скрывают значительную часть дыхательного горла. Легкие представляют собой перепончатые мешки, или цельные, как у большинства пресмыкающихся, или с придаточными мешками, как у некоторых ящериц, или с бахромчатыми придатками на концах. У змей правое легкое которых обыкновенно длиннее и шире левого, последнее может и совершенно отсутствовать, а первое, по крайней мере у некоторых видов, в заднем своем отделе превращается в воздушный приемник, не имеющий значения для дыхания. Вообще же оба мешковидных легких вполне развиты, тянутся через всю брюшную полость, и от внутренней поверхности их отходит ряд складок слизистой оболочки, образующих ячейки или, при более совершенном развитии легких, они приобретают характер губчатой массы.

Сердце, как уже было упомянуто, состоит из отделений: двух вполне разделенных предсердий и двух желудочков, перегородка которых полная, цельная только у крокодилов, у всех же остальных пресмыкающихся она имеет более или менее широкие отверстия, через которые кровь левого желудочка может смешиваться с кровью правого. В венозной системе воротное кровообращение кроме печени существует еще и в почках. Лимфатическая система чрезвычайно развита и представлена кроме обширных лимфатических пространств, расположенных в области желудка, еще 2 или чаще 4 особыми ритмически пульсирующими лимфатическими сердцами, из которых два всегда лежат в поясничной области непосредственно под кожей или несколько глубже, прилегая к крестцу, и которые гонят свое содержимое в близлежащие полые вены. Эти лимфатические сосуды не имеют клапанов. Кровяные тельца всегда яйцевидной формы и имеют ядра. Существование своеобразных соединений между крупными кровеносными сосудами объясняет, почему у пресмыкающихся потребность дыхания ограничена.

Мозг пресмыкающихся менее совершенен, чем мозг млекопитающих и птиц, но, с другой стороны, гораздо сложнее мозга гадов и рыб; именно здесь впервые обособляется слой коркового вещества, аммоновы рога и отходящий от них мозговой свод. Головной мозг состоит из трех лежащих друг за другом частей: переднего мозга, среднего и заднего. Последний особенно развит у крокодилов, значительно менее у черепах и змей и представля-

ет орган, заведующий, по Эдингеру, координацией движений животного. Те же различия наблюдаются в величине переднего мозга. Сравнительно с головным спинной мозг вместе со своими нервами имеет преобладающее развитие; поэтому влияние первого на отправление нервов ограничено. Из органов чувств у всех без исключения пресмыкающихся особенно развиты глаза, хотя нередко они бывают очень малы, а иногда даже совершенно скрыты под кожей. Для различных семейств и групп характерно устройство век. «В простейшем случае, — говорит К. Фогт, — как у змей, веки как бы совершенно отсутствуют, в сущности же они срослись друг с другом; кожа над глазным яблоком становится прозрачной и образует над ним выпуклый колпачок, защищающий его снаружи наподобие часового стеклышка, вставленного в окружающую кожу. Слезная жидкость заполняет пространство между этим колпачком и глазным яблоком и вытекает из внутреннего угла глаза через широкий канал в носовую полость. Почти у всех остальных пресмыкающихся верхнее веко мало развито и представляет обыкновенно твердую хрящеватую складку кожи, тогда как нижнее, гораздо больше и более подвижное, может закрывать весь глаз, часто подпирается особой костной пластинкой, а в некоторых случаях имеет прозрачный участок против входа зрительного нерва. У крокодилов, черепах и большинства ящериц имеется, кроме того, мигательная перепонка, нередко также заключающая хрящевую основу и более или менее полно закрывающая глаз, надвигаясь на него из внутреннего угла. Совершенно особо стоят между пресмыкающимися хамелеоны, выпуклые глаза которых снабжены одним круглым веком, прободенным небольшим отверстием, и обладающим гораздо большей подвижностью, чем у других пресмыкающихся. По внутреннему строению глаза последних вообще мало отличаются от глаз высших позвоночных».

У многих пресмыкающихся глаза малоподвижны; встречается, впрочем, и обратное, и притом в исключительной степени: хамелеоны обладают способностью вращать глаза в разные стороны независимо один от другого. Радужная оболочка у большинства ярко окрашена; зрачок у одних круглый, у других в виде вертикальной щели, как у кошек или сов: в таком случае он может сильно расширяться, и глаз приспособлен для зрения в темноте; у третьих, наконец, зрачок вытянут в поперечном направлении. Змеи и ящерицы обладают сильным мускулом из поперечно-полосатых волокон, расширяющим зрачок; у аллигаторов мускул этот отсутствует.

Одно из замечательных открытий последнего десятилетия — это обретение остатка особого органа чувств, который называли теменным глазом. По своему строению он напоминает глаз оболочников и лежит под кожей на поверхности черепа, нередко выделяясь по своей форме и окраске от окружающей его ткани;

так называемый мозговой придаток не что иное, как ножка теменного глаза. Если, кроме того, принять во внимание, что уже у одного отряда земноводных, а также у некоторых отрядов пресмыкающихся в теменном шве находится отверстие, вполне соответствующее теменному глазу современных ящериц и черепах, то мы должны принять, что этот теменной глаз играл большую роль у предков современных позвоночных и служил у них неизвестным до сих пор органом чувств. Только у гаттерий сохранилась, впрочем, и поныне связь теменного глаза с надмозговым придатком. В то время, как некоторые исследователи принимают, что теменной глаз ящериц и ящерогадов поныне служит органом зрения, хотя и в ограниченной мере, другие считают его кожным органом чувств или органом, воспринимающим тепловые ощущения, и, наконец, третьи не признают за ним в настоящее время никакой функции*. Что некогда он был органом чувств, доказано исследованиями Креднера, который прочно обосновал этот взгляд на основании положения, формы и величины теменных чешуй у ископаемых земноводных; но чтобы этот орган функционировал каким бы то ни было образом и поныне, отрицает Лейдиг полностью после бесплодных усилий отыскать нерв, идущий к этому предполагаемому органу чувств.

Орган слуха менее совершенен, чем у высших позвоночных: ухо не имеет раковины, и его полость устроена гораздо проще, чем у теплокровных позвоночных. Но улитка имеется у пресмыкающихся то в форме округлого перепончатого мешка, то в форме короткого канала с неполной спиральной перегородкой и колбообразным придатком на конце. У змей нет ни барабанной перепонки, ни барабанной полости, ни евстахиевой трубы; у остальных отрядов барабанная полость замыкается барабанной перепонкой, более или менее открытой снаружи, и сообщается с ротовой полостью посредством короткой и широкой евстахиевой трубы. Барабанная перепонка соединена с овальным окошечком столбиком, часто очень длинным, к которому у некоторых форм присоединяются еще другие косточки. За чувством слуха по степени развития следует кожное чувство, хотя оно выражено главным образом как чувство осязания, менее как способность восприятия иных кожных ощущений. Что пресмыкающиеся чувствительны к внешним воздействиям, показывает их любовь к солнечному теплу, хотя, с другой стороны, они обнаруживают нечувствительность, которая кажется нам просто непонятной. Чувство осязания, напротив того, может быть очень развитым и достигает высокой степени совершенства у тех форм, которым органом осязания служит язык. Чувство вкуса, по-видимому, в такой же степени недоразвито. У крокодилов, черепах и ящериц можно предполагать чувство вкуса; но у змей трудно допустить его существование. Чувство обоняния также не особенно высоко развито и во всяком случае не действует на большом расстоянии.

Общий взгляд на жизнь пресмыкающихся

* Теменной орган (так называемый третий глаз) гаттерии помогает регулировать температуру тела, выбирая места и позы, ориентируясь по характеру распределения солнечных лучей. Теменной глаз участвует в регуляции сезонных и суточных циклов активности гаттерии.

Общий взгляд на жизнь пресмыкающихся

** Наиболее крупные кладки ящериц насчитывают несколько десятков яиц, например у североамериканских жабовидных ящериц их может быть до 40. Несколько больше яиц в кладке змей: рекордная кладка обыкновенного ужа состояла из 105 яиц. До 90 яиц откладывают за один раз самки крокодилов. Самые крупные кладки — у черепах: в гнездах бразильской черепахи-тартаруги находили до 247 яиц. Размеры кладок прямо связаны с размерами тела самки — более взрослые и крупные самки откладывают больше яиц.*

Носовые полости пресмыкающихся снабжены хрящевыми (носowymi) раковинами и сообщаются с ротовой полостью; наружные носовые отверстия могут у некоторых форм расширяться и сжиматься или закрываться клапанами. Обонятельные нервы хорошо развиты, слизистая оболочка носовых полостей пронизана сосудами, образующими сетчатое сплетение.

Большинство пресмыкающихся развивается из яиц*, которые в общем похожи на птичьи, состоят из крупного, богатого жиром желтка и более или менее толстого слоя белка и заключены в кожистую, нередко растяжимую оболочку, на поверхности которой отлагается в большем или меньшем количестве известь. Развитие яйца, как правило, начинается еще задолго до кладки в яйцеводе самки, а у некоторых форм здесь и завершается развитие зародыша: детеныш прорывает оболочку яйца еще в яйцеводе и рождается живым. Некоторые виды, обыкновенно откладывающие яйца задолго до этого момента, могут задержать кладку до полного развития зародыша, если им постоянно мешать откладывать яйца. Оплодотворенное яйцо имеет на поверхности желтка беловатый кружок с неопределенными очертаниями, соответствующий той части куриного яйца, которую в обыденной жизни называют наседным пятнышком или рубчиком. Этот зачаток состоит из мелких бесцветных клеток и выглядит как белое пятно на желтке; он представляет самую существенную часть яйца и служит основой тех образований, которые принимают участие в построении тела зародыша. В той области, где появляются зачатки задних конечностей, передняя стенка кишки дает выпячивание в форме грушевидного пузырька, который проникает в полость тела через отверстие кожного пупка и разрастается над околоплодным мешком. Между тем как последний вполне замкнут, мочевой мешок, напротив, обильно снабжен разветвлениями сосудов, служащими для дыхания зародыша. Зародыш прорывает околоплодный мешок, а затем пробивает и скорлупу; для этой цели у многих форм ему служит особый непарный острый зуб, так называемый яичный зуб, который сидит на конце морды сверху, вырастает на межчелюстных костях и впоследствии выпадает. После рождения сосуды мочевого мешка съеживаются; дыхательная деятельность полностью переносится на легкие, и пупок зарастает совершенно, не оставляя никакого следа.

О пресмыкающихся можно определенно сказать, что время этих животных прошло. Действительно, из того, что мы теперь знаем о первобытном мире, явствует, что в числе вымерших животных имеются целые отряды пресмыкающихся, а до настоящего времени дожили только 4 отряда: ящериц, крокодилов, черепах и ящерогадов. Окаменелые остатки вымерших видов этого класса, находимые в наши времена, являют перед нами целый ряд различных и в высшей степени оригинальных животных, строением своего тела и образом жизни напоминавших частью мле-

копитающих (таковы несходнозубые), частью птиц (летающие ящерицы), земноводных и рыб (ихтиозавры).

Впрочем, в настоящее время на земном шаре живет все же около 3500 видов всевозможных пресмыкающихся: около 1645 ящериц, 55 хамелеонов, приблизительно 1575 видов змей, 23 — крокодила, 201 — черепах и 1 — гаттерия, причем ежегодно находят новые, еще неизвестные до того виды, особенно ящериц и змей*.

Весьма интересно широкое распространение по земному шару ныне живущих пресмыкающихся.

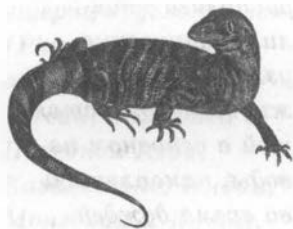
Огромное большинство пресмыкающихся живет в низменностях тропических стран, и количество видов этих животных более, чем всех остальных позвоночных, убывает по направлению к полюсам. То же самое относится и к различным горным поясам. Тепло является необходимым условием для их жизни: чем жарче страна, тем они многочисленнее, чем холоднее — тем беднее их фауна. Виды, область распространения которых охватывает несколько градусов широты, на юге часто бывают заметно крупнее и красивее окрашены, нежели на севере, так что в иных случаях трудно бывает даже признать в них одни и те же формы. Наряду с теплом для многих видов необходима также и влажность. Африка сравнительно бедна этими животными, тогда как в южной Азии, а еще более в Америке заметно бросается в глаза наибольшее разнообразие форм пресмыкающихся, а равно и наибольшая численность их особей. Величина отдельных видов находится в соответствии с развитием всего класса в том смысле, что крупнейшие виды населяют тропические страны, а в умеренных поясах живут почти одни мелкие виды.

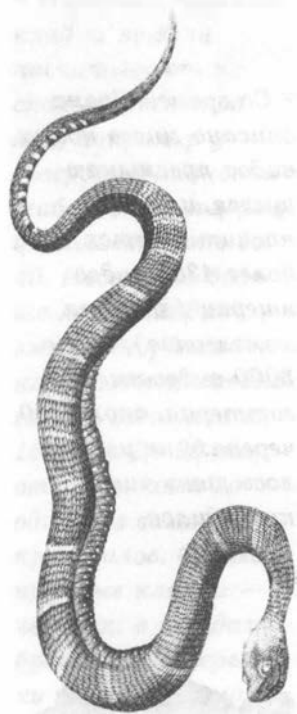
Все виды этого класса более или менее связаны с местностью, в которой живут: ни одно пресмыкающееся, за исключением разве морских черепах, не совершает регулярных переселений в прямом смысле этого слова. Черепахи распространяются по бассейну какой-либо реки и могут переселяться на соседние воды, но если область их жительства отделена от бассейна другой реки широкой безводной площадью, то уже только это является непреодолимым препятствием для их распространения. То же самое относится и к тем видам, которые живут на суше: какой-нибудь узкий морской рукав может воспрепятствовать дальнейшему расширению области их жительства. Змеи очень редки на островах, лежащих посреди океанов; если же присутствуют, то в виде своеобразных, исключительно местных форм. Несмотря на это, одни и те же пресмыкающиеся встречаются приблизительно в одинаковом числе в совершенно различных местностях, разделенных препятствиями, подобными вышеприведенным; в таком случае следует принять, что прежде такой разделяющей границы между данными местностями не существовало.

Места обитания пресмыкающихся весьма разнообразны, однако в общем их следует причислить к наземным животным. В

Общий взгляд на жизнь пресмыкающихся

** Со времен Брема описано много новых видов пресмыкающихся, и сейчас насчитывается более 4300 видов ящериц (включая хамелеонов), около 3000 видов змей, 1 гаттерия, около 250 черепах; не изменилось лишь число крокодилов.*

* Это не совсем так. Разные пресмыкающиеся по-разному приспособились к недостатку влаги. У пустынных игуан рода *Sauromalus*, например, по бокам тела под кожей располагаются лимфатические узлы, заполненные жидкостью, состоящей в основном из воды, накопленной во время дождей.

море постоянно живут только некоторые черепахи и змеи, остальные же населяют сушу и в особенности охотно живут во влажных местностях. Обитателью многих видов служат пресные воды, однако большинство в известное время держится вне воды, греясь на солнце и отдыхая, и только самая меньшая часть этих животных спит, плавая. Лес еще более богат видами пресмыкающихся, нежели болота и вода; он должен также считаться одним из главнейших приютов животных этого класса. Здесь они живут как над землей, так и на земле, между кустарниками и корневыми сплетениями, на стволах и в ветвях деревьев. Наконец, некоторые селятся в сухих песчаных или скалистых областях, так, многие ящерицы и змеи водятся в степях, а иные в пустынях, на местах, по-видимому, почти исключаящих возможность жизни в них.

«Для жизни в степных или пустынных областях для животного особенно ценно обладание быстротой передвижения с одного места на другое, имеющей особую важность при быстром ли ускользании от врага по лишенной растительности почве или же для быстрого перемещения при недостатке пищи из одной местности в другую. Особенное значение в этом случае имеет общая форма тела. Таким образом, в узком теле в высшей степени подвижных ящериц из семейства настоящих ящериц (*Eremias*), в форме тела степных гологлазов (*Ablepharus*), как равно и в бичевидно удлиненных стрелах-змеях (*Psammophis lineolatus*), мы видим пример необыкновенно важной приспособляемости к жизни в песках. Даже закаспийская очковая змея, или среднеазиатская кобра (*Naja oxiana*), рисунок очков у которой, впрочем, на раздувающемся затылке совершенно отсутствует, при обычном строении тела и при нормальном числе чешуй, в степных областях имеет более вытянутый и удлиненный хвост. Но не одна только длина хвоста обуславливает особенную быстроту движений большинства наземных змей; в незначительной степени быстроту эту следует считать свойственной и всем тем змеям, которые имеют большое число брюшных щитков (в общей сложности 200 и более).

Из других своеобразных черт, свойственных почти всем без исключения пресмыкающимся, живущим в азиатских степях и песках, характерно отсутствие потребности в удовлетворении жажды*. Коренные обитатели пустыни, быть может, даже отказываются от глотания ночной росы, которую другие змеи и ящерицы обыкновенно с жадностью отыскивают по утрам. Очевидно, обычная их пища уже включает в себе все то количество жидкости, которое необходимо этим животным. От ночного холода и от дневного зноя большая часть закаспийских пресмыкающихся прячется в норы и подземные ходы, а еще чаще просто зарывается в песок. Способность рыть и зарываться почти у всех видов высоко развита. Начиная от наземных черепах и пустынных вранов, с необыкновенной силой и ловкостью закапывающихся в самую сухую глинистую почву, до агам и круглоголовок

(*Phrynocephalus*), зарывающихся в более легкую степную почву, — все эти животные характеризуются хорошо развитыми роющими когтями.

Наконец, некоторые закаспийские пресмыкающиеся приспосабливаются к жизни в степи тем, что днем во время жары прячутся и ведут ночной образ жизни, например слепуны, которые избегают влияния температурных колебаний тем, что, подобно земляным червям, живут в земле под дерном. Из ящериц упомянем все семейство гекконовых, из змей род *Lytorhynchus*, а равно и все водящиеся там виды полозов, гадюк и *Echis*, которые уже по внешнему виду могут быть признаны настоящими ночными животными благодаря щелевидным зрачкам. Очковая змея, по Гюнтеру, также ночью кажется гораздо более оживленной, нежели днем. Такое строение тела ставит эту змею почти вне зависимости от внешнего влияния температуры, так как она при сильных ночных колебаниях тепла или холода всегда может вновь зарыться в безопасное песчаное убежище.

К одним из самых интересных приспособлений ящериц к жизни даже в мелкосыпучих песках принадлежит конструкция их органов движения. Так, род *Eremias* (*E. Intermedia* и *E. velox*) из местных ящериц имеет необыкновенно крупные щитки на голених, которые благодаря своей широкой гладкой поверхности не дают животному провалиться в песок. Пальцы их служат для той же цели, а равно и для облегчения рытья в песке, для чего они весьма своеобразно лопатовидно расширены. У чешуйчатого геккона, как и у рода *Crossobamon* из гекконовых и у круглоголовок, мы встречаем длинные бахромки по бокам пальцев, которые при хождении значительно расширяют площадь ступни. Подобное приспособление далеко не редкое у ящериц. Наоборот, у гекконов это явление редкое и необычное.

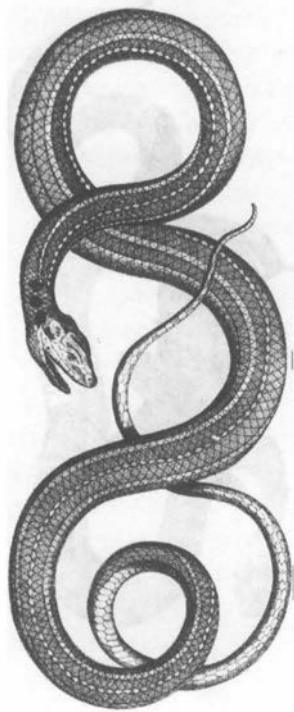
Совершенно другой характер, но еще более оригинальный, несут приспособления закаспийских пресмыкающихся, которым приходится защищать себя от вредных действий вечно клубящейся пыли и сыпучих песков. В этом случае естественно сначала обратить внимание на предохранительные приспособления отдельных органов чувств, особенно их наружных отверстий.

Прежде всего, поговорим о носе, органе дыхания. У фриноцефалов* носовые отверстия никогда не направлены прямо, открываясь на носовых пластинках, но выходят всегда наверху, будет ли носовая пластинка поставлена вертикально и обращена площадью вперед, или же располагается почти горизонтально, наверху морды. Вообще у всех зарывающихся в песок ящериц или змей во время рытья сор не может попасть непосредственно в нос; отверстия ноздрей лежат всегда в направлении, которое совершенно или почти совершенно противоположно самому сильному напору песка при рытье. У большинства змей Закаспийской области мы, кроме того, встречаем хорошо развитые клапа-

Общий взгляд
на жизнь
пресмыкающихся

* Фриноцефалами Брем называет ящериц-круглоголовок (*Phrynocephalus*), обитающих на юге России, в Средней и Передней Азии, Казахстане, Индии, Монголии и Китае.

ны. Так, мы видим это у видов рода *Lytorhynchus*, носовое отверстие которых в спокойном состоянии прикрывается наглухо закрывающимся отростком, у местных гадюк, у очковых змей. Раздувание ноздрей в гневе и при нападении асписовыми гадюками и очковыми змеями известно уже издавна, но, по-видимому, менее знакомо то обстоятельство, что всякая чуть попавшая в ноздри песчинка может быть с легкостью удалена животным с помощью чрезвычайно сильного фыркающего движения, что мы замечаем также у среднеазиатской черепахи (*Agrionemys horsfieldi*).

Но и глаза пресмыкающихся, особенно ящериц, живущих в песках, представляют нам пример в высшей степени интересного приспособления. Совершенно скрытые под щитками глаза бывают только у слепунов; в этом случае они настолько спрятаны, что, быть может, способны отличать только темноту от света. Как животных с чрезвычайно сильно развитыми веками мы прежде всего должны отметить агам и круглоголовок; смыкающиеся между собою пластинки век у них образуют довольно широкие площадки, наружные края которых, кроме того, снабжены ресницеvidными чешуйками, что, вместе взятое, вероятно, и служит надежной защитой от пыли и песка в ветреную погоду. Точно так же и увеличение верхнего века у чешуйчатого геккона замечательно тем, что как раз у гекконов развитие век принадлежит к числу редчайших явлений. Совершенно иное устройство видим мы у рода *Mabuia* из сцинковых. У ящериц этого рода нижнее веко весьма увеличено и направлено вверх, причем обычно оно плотно смыкается с верхним веком, которое меньше. Но именно в силу этого ящерицы эти столь же зорко видят, как если бы веки их были совершенно открытыми, так как большое, прозрачное нижнее веко не препятствует свободному доступу света. Наконец, еще интереснее устройство зрительного аппарата у пустынных гологлазов, у которых нижнее веко, как это открыл Буланже, срослось с верхним, разделяющая их горизонтальная щель совершенно исчезла и напоминающая видом часовое стеклышко пара век приняла вид роговицы и функционирует так же, как и она. Прежде думали, что гологлаз вообще лишен век или имеет только чешуевидные остатки их; в действительности же глаза у него похожи на глаза змей.

Наконец, что касается ушного аппарата, то у многих живущих в песках гекконов, например у вида *Cyrtopodion russowi*, мы встречаем ушные щели заметно меньше и более узкие, чем у их ближайших родичей. Другие ящерицы, как, например, агамы и сцинковые рода *Eumeces*, в виде защиты наружного уха имеют бахромчатые или иглистые придатки, состоящие из слабо прикрепленных прикрывающих чешуек, которые бывают всегда так расположены, что при рытье или зарывании в песок совершенно закрывают ушное отверстие или по крайней мере его большую часть. У круглоголовок же, как и у змей, наружное отверстие уха совершен-

но исчезает, что представляет собою явление чрезвычайно интересное и очень редкое среди ящериц. Подобное устройство ушного аппарата, без сомнения, имело определяющее значение для их распространения и изобилия в областях центральной Азии.

Чистого зеленого цвета в своей окраске закаспийские пресмыкающиеся абсолютно лишены. Такое явление объяснить нетрудно: зеленый тон в Закаспийской области есть тон редкий и встречающийся на окраинах лишь местами и то в течение коротких весенних месяцев. Нечасты также и бледные цвета, белый с серым или более черным пятнистым рисунком; мы встречаем их только у ночных гекконов, как приспособление к свету месяца и бросаемых им теней. Наоборот, повсюду и обычно встречаются животные песчаных цветов — желтого, желто-серого, желто-красного и желто-бурого; большинство бывает пестрого цвета с самыми разнохарактерными рисунками и оттенками. Но освещенный лучами солнца песок не состоит из однообразных желто-серых, желтых или желто-красных цветов, скорее он представляет собой смешение белых, красных, бурых и черных оттенков, в которые окрашены зернышки кварца и другие составные части песка и камней. Самая роскошная окраска подобного рода у одной из круглоголовок (*Phrynocephalus mystaceus*) или вида *Eremias grammica*: до такой точности обе эти ящерицы подражают своей окраской окружающей их обстановке песков. У вида *Phrynocephalus helioscopus* имеются даже еще темные спинные отростки, похожие на более крупные черные или черно-серые камешки, а сплюснутое, зарывшееся боками в песок, плоское тело часто можно не отличить от спокойно лежащего камня. Наряду с только что упомянутой пятнистой окраской матового колорита, похожего на теньевые тона, в окраске этих животных встречаются также и отдельно лежащие, ярко окрашенные пятна. Так, кирпично-красные пятна часто, но, по-видимому, не всегда украшают спину самки агамы (*Trapelus sanguinolentus*), таковы оба карминово-красные, обрамленные небесно-голубым кольцом глазные пятна на шее *Phrynocephalus helioscopus*, подобные же, но расположенные более назад, у области плеча, пятна круглоголовок Радде (*Phrynocephalus raddei*), яркое отдельное посередине спины у вида *Phrynocephalus interscapularis*, наконец, чудные бело-синечерные глазчатые пятна на боках *Eremias velox*. Чем обуславливается происхождение этих пятен, я достоверно высказать не могу. Быть может, все эти оригинальные и чрезвычайно яркие, выделяющиеся из окружающего пятнистые рисунки можно рассматривать как явления подражания почве или цветкам, на стеблях которых в известное время года круглоголовки имеют обыкновение сидеть, уцепившись своими вертлявыми хвостиками. С другой стороны, такие пятна могут служить для устрашения врагов или для приманивания самок. Не выяснено также значение лимонно-голубого или сургучно-красных цветов видов родов

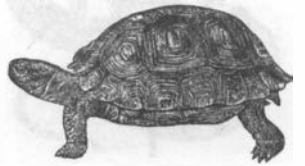
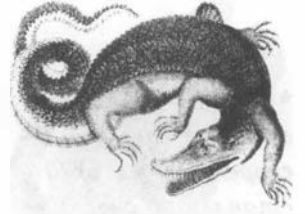
Eremias и *Phrynocephalus*; у последних при этом весьма обыкновенно бывает темно-черные полукольца перед концом хвоста.

Наряду с этим весьма распространенным пятнистым рисунком встречаются также полосатые рисунки. Это явление, частое также и в степных областях, свойственно из ящериц видам рода *Eremias*, особенно молодым. Быть может, оно является следствием приспособляемости к пребыванию в степи во время восхода и захода солнца, когда отдельные былинки и стебли бросают длинные тени на оголенную почву. Так как такой полосатый рисунок, что было выяснено еще Эймером, чаще имеет место у молодых животных, которые обыкновенно бывают чувствительнее к колебаниям температуры, то этот приспособляющийся признак тем более может быть особенно целесообразен тем, что таким животным действительно нельзя оставаться на открытых местах во время жаркого полуденного солнца или в холодную лунную ночь.

Узкий и тонкий лист предоставляет лучам солнца незначительную зеленую поверхность, почему и происходят резкие полосатые тени. Понятно, что полосатую ящерицу очень трудно заметить среди этих сухих тонких листьев. То обстоятельство, что молодые обладают более выраженным полосатым рисунком, чем взрослые животные, для закаспийских форм я объясняю себе отнюдь не более значительной чувствительностью первых к влиянию температуры, но тем, что для маленьких ящериц особенно опасны большей частью тонкие, живущие в песках змеи, от которых они и защищены своей предохранительной окраской. Таким образом, здесь, скорее всего, нужно предположить раздражительность окраски этих животных продолговатым листьям укромных уголков. Самые мелкие виды (какова, например, *Eremias scripta*) и во взрослом состоянии или весьма полосаты, или сильно походят окраской на окружающую обстановку. Вейсман во многих случаях мог наблюдать превосходную раздражительность гусениц траве, и я полагаю, что в интересующем нас вопросе мы встречаем то же явление, но выраженное еще сильнее».

Наверное, большая часть закаспийских пресмыкающихся являются настоящими плотоядными животными, что доказывается почти всеобщей мощностью зубного аппарата. Но особенно интересны некоторые приспособления, находящиеся в зависимости от добывания пищи, свойственные круглоголовкам и чешуйчатым гекконам, которые характеризуются известным своеобразным устройством хвоста. Известно, что все круглоголовки снабжены более или менее скручивающимся хвостом, при помощи которого они довольно крепко могут держаться на стеблях кустов и зонтичных растений. Я полагаю, что животные этого рода, все виды которого обладают таким хвостом, залезают весной на расцветшие растения именно ради облегчения себе добывания добычи; здесь они прячут свою голову между цветами и в

удобный момент ловят пролетающих насекомых. Этот взгляд укрепился во мне особенно после одного наблюдения над ушастой круглоголовкой (*Phrynocephalus mystaceus*), которое, мне кажется, объясняет значение удивительных крупных воронковидных кожных лопастей у углов рта животных этого вида. Я наблюдал яркую карминно-красную окраску внутренней стороны этих кожных лопастей, которые снаружи по краям имели красивые белоснежные пучковидные бахромки, оторачивавшие их. Если раскрыть рот этого животного, то такие лопасти в обоих углах рта расширяются в виде крупных лепестковидных площадок, красиво и аккуратно охваченных белыми бахромками. Я представляю себе дело таким образом: животное это, раскрывши пасть, сидит на стебле какого-либо растения, прицепившись своим подвижным хвостом, выглядывая из вышеупомянутого зонтика растения; возможно, что и слизь, выделяемая такими боковыми лопастями, придает им особенно обольстительную для насекомых влажность, или же, что сама глотка, кроме того, имеет яркий манящий цвет; одним словом — насекомые принимают всю эту ярко окрашенную, блестящую поверхность за только что распустившийся цветок зонтичного растения и летят прямо в рот ящерицы. Если подлетающие насекомые садят только на боковые лопасти, то последние снабжены такой сильной мускулатурой, что действуют как сачок и захлопывающимся боковым движением препровождают обманутое насекомое прямо в глотку животного. Если этот взгляд верен, то он сразу объясняет значение столь редких лопастевидных боковых отростков на верхней и нижней губе, явление, единственное во всем отряде ящериц. Вальтер высказывает по этому поводу, конечно, совершенно другое. Он говорит: «Во-первых, ушастая круглоголовка, будучи, правда, проворной, но и тяжелой, никогда или только в очень редких случаях залезает на растения. Во всяком случае, я ни разу не имел случая занести такой факт в свою записную книжку. Радде уверял, что однажды видел подобное животное, сидевшее на сухом кусте колючки, но очень вероятно, что был введен в заблуждение обманчивым воздухом пустыни и видел перед собой просто агаму (*Trapelus sanguinolentus*). Затем мне кажется, что хвост ушастой круглоголовки не обладает достаточной подвижностью, чтобы цепляться; далее, я полагаю, что своеобразные боковые бахромки на пальцах задних ног этого животного, напоминавшие мне всегда зубчики на пальцах глухарей и тетеревов, препятствуют лазанию по весьма тонким ветвистым пустынным кустикам. Затем окраска боковых лопастей имеет, хотя и отдаленное, сходство с цветом маленького рябчика (*Fritilaria*) и во всяком случае с цветом *Eremurus olgae*. Но оба этих растения цветут в такое время года, в которое ящерицы едва начинают бодрствовать и в которое вообще ни одна ящерица не лазает на кусты. К тому времени, когда ушастая круглоголовка делается заметно бодрее, не цве-

* Мнение Вальтера соответствует современному представлению о назначении «ушей» этой ящерицы.

** В настоящее время такое поведение геккона, которого сейчас называют сцинковым (*Teratoscincus scincus*), считается выражением общего возбуждения животного и специфической защитной реакцией, сигнализирующей об опасности.

тет ничего подобного, если не считать некоторых огромных чертополохов, которые посещают, однако, только некоторые насекомоядные животные, умеющие находить добычу в мелких цветках этих растений. В спокойном состоянии ушастая круглоголовка никогда не распускает свои бахромы, но они быстро и совершенно раскрываются и сплошь алеют, как только ящерица видит, что ее преследуют и она не может никуда скрыться. Таким образом, она принимает действительно весьма оригинальный вид, решительно напоминающий дракона, и в первый раз это меня на самом деле изумило. На основании личных наблюдений я в этом вижу не что иное, как средство испугать и тем самым защититься от преследователя, хотя я вообще не особенно склонен верить в эту теорию угрозы, столь часто преувеличиваемую, и гораздо скорее согласился бы со взглядом Бетхера, как с решительно более вероятным, если бы не имел случая лично побывать в тех местах»*.

Второе приспособительное свойство, менее спорное и подавшее повод также к изменениям в строении хвоста, мы встречаем у сцинкового геккона. На его хвосте благодаря продольному ряду крупных черепитчато наложенных друг на друга чешуек на верхней стороне образовался звуковой аппарат, при помощи которого это цепкопалое животное, быстро двигая хвостом в разные стороны, оживленно музицирует. При этом ящерица в вечерние сумерки или в начале наступающей ночи сидит перед своим жилищем. Звук от такого движения хвоста напоминает стрекотание кузнечиков и сверчков и, разумеется, может привлечь ночных кузнечиков, служащих пищей этой ящерицы; быть может, в то же время этот звук есть призыв в пору спаривания, однако это было бы необычно, так как его в состоянии производить как самцы, так и самки. Это очевидно странный, впервые указанный Штраухом факт требует еще дальнейших наблюдений и пояснений**.

Самая маленькая чешуйка, самое незначительное цветное пятнышко в хозяйстве и экономии природы имеет свое значение, но лишь в редких случаях точное объяснение этого значения бывает для нас столь просто и ясно, как окраска таких песчаных и степных жителей, у которых всякая малость в строении тела может уже, по-видимому, оказаться чрезвычайно полезной.

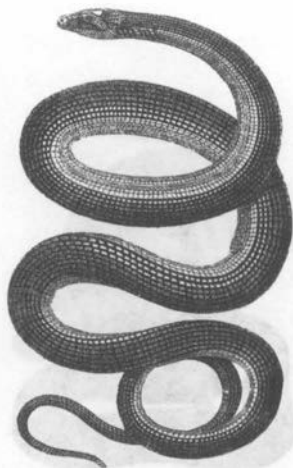
О заботах закаспийских пресмыкающихся по отношению к своему потомству, о самой важной деятельности для поддержания своего дальнейшего существования и об успешном продлении того или другого вида я, к сожалению, имею немного фактического материала. Там, где заботы о будущем поколении представляются земле в виде снесенных яиц, зарывание яиц на подходящих местах совершается с несколько большей заботливостью, причем черепаха Горсфильда, весьма ловко и терпеливо роющее животное, зарывает свои яйца на значительную глубину. Очковая змея родит живых детенышей; что змеи *Echis* и местные гадюки живородящи, почти несомненно по сходству их с европей-

скими и африканскими представителями рода *Vipera*; более чем вероятно также, что и большинство закаспийских ящериц из многочисленного семейства агамовых и все сцинковые также приносят живых детенышей».

Этими примерами влияния климата и окружающей среды на пресмыкающихся мы и удовлетворимся, хотя было бы очень заманчиво и интересно рассмотреть приспособляемость пресмыкающихся Бразилии и Мадагаскара к обстановке девственного леса или влияние неизмеримого моря на живущих в нем змей и черепахах.

Пресмыкающиеся ползают, бегают, лазают, прыгают и плавают; некоторые виды даже в известном смысле носятся по воздуху, т. е. совершают при помощи летательной перепонки, которой пользуются как парашютом, перелет на довольно большие расстояния, однако животные эти никогда не могут взлететь снизу вверх, но опускаются всегда только сверху вниз. Пресмыкающиеся заслуживают свое название, так как даже их ходьба и беганье в точном смысле слова – пресмыкание. Большинство волочит брюхо по земле, и яснее всего это заметно как раз у самых быстрых из них. Многие черепахи, правда, в состоянии ходить так, что брюшной панцирь не касается земли, но зато они двигаются с такою медлительностью, что движение их, в самом деле, едва ли можно назвать беганьем. Уже большая часть водяных черепах при движении по земле бороздят своим брюшным панцирем, а морские черепахи ползают по земле еще беспомощнее, чем тюлени. Ящерицы бегают, правда, очень быстро и проворно, но держат при этом свои ноги весьма вывернутыми в стороны, так что движение их в сравнении с движением млекопитающих также следует назвать беспомощным. Наконец, змеи, настоящие ползающие животные среди пресмыкающихся, двигаются при помощи своих ребер, которые служат им опорой тела: при передвижении они ими действуют, как рычагами, и употребляют их в дело, как ноги.

Плавание совершается различными способами. До сих пор еще неизвестно ни одно пресмыкающееся, которое бы, попав в воду, погибло. Даже беспомощные наземные черепахи, как камень тонущие в воде, не гибнут на глубине. Речные черепахи плавают при помощи своих широких ног; морские черепахи благодаря своим большим лапам двигаются в воде ловко, легко и продолжительно. Крокодилы плавают главным образом при помощи хвоста, представляющего собой мощный орган передвижения, двигая им подобно рулевому веслу, помещенному на корме лодки; при этом эти животные двигаются необыкновенно быстро. У морских змей задняя часть тела превратилась в превосходное, вертикально поставленное рулевое весло, благодаря чему и движения их становятся гораздо быстрее. Однако и простые змеи, лишенные такого приспособления, также весьма быстро скользят по волнам. Незна-

Общий взгляд
на жизнь
пресмыкающихся

чительная потребность в дыхании облегчает продолжительное пребывание в воде даже и земным пресмыкающимся.

Многие пресмыкающиеся лазают очень ловко. Известные виды ящериц взбираются по самым гладким стволам деревьев и скалам так же быстро, как и бегают по земле. Немало из них для удержания своего тела и прицепления обладают в высшей степени подходящими орудиями в виде острых, серповидно согнутых когтей или же в виде дисковидно расширенных пальцев конечностей, снабженных снизу поперечными складками; такие пальцы предоставляют им даже возможность, подобно мухам, удерживаться на нижней стороне горизонтального сучка или поверхности скалы и даже совершенно безопасно бегать по потолку комнаты. Змеи лазают тем же способом, как ползают и плавают: они двигаются, змеевидно извиваясь, и при влезании так плотно укрепляются своими подвижными ребрами к неровностям древесной коры, что совершенно не рискуют произвольно соскользнуть вниз.

Голосом, в настоящем смысле этого слова, обладают крокодилы, гекконы и некоторые ящерицы, как, например, алжирская (*Psammodromus*); все же остальные испускают только фыркающие и шипящие звуки.

Повышение внешней температуры положительно складывается на жизнедеятельности пресмыкающихся, и одна и та же змея ведет себя в жаркий день совершенно иначе, чем в прохладный. Процессы дыхания и кровообращения не в состоянии дать пресмыкающемуся внутренней теплоты, почему такое животное более или менее зависит от внешней температуры. Оно воспринимает ее и выдерживает, хотя бы покровы его тела, панцирь или чешуйчатая одежда до того нагрелись, что могли обжечь руку; иной раз оно предоставляет себя такому влиянию необыкновенно долгое время и затем мало-помалу снова возвращает воздуху теплоту, пока не восстановится равновесие между внешней температурой и теплотой тела. Пресмыкающиеся, получающие от лучей солнца как внешнюю, так и внутреннюю теплоту, или, лучше сказать, прогреваемые солнцем насквозь, остаются теплыми еще долгое время после захода солнца. Однако теплота их в течение ночи уходит обратно в воздух, а равно и уменьшается к осени или ко времени более холодной поры года. Весною же и летом она снова повышается. Этим объясняется также, что все те виды, которые живут в более холодных местностях, в зимние месяцы вынуждены уединяться, впадать в оцепенение или в зимнюю спячку: они погибли бы, если бы вышли на холод.

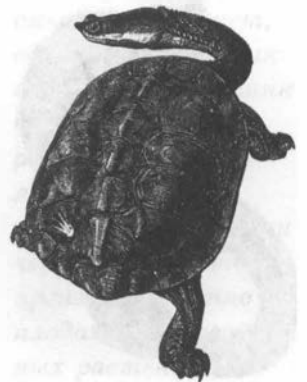
Уже из вышеприведенных сведений следует, что душевные способности пресмыкающихся должны быть совершенно незначительны. Создание, в теле которого головной мозг имеет столь небольшое значение, не может обладать и более высоко развитыми проявлениями деятельности этого мозга, тем, что мы называ-

ем понятливостью. Эта способность находится если и не в прямом, то все же в известном соответствии с величиной мозга, и теперь, когда известно, что вес головного мозга человека равен $1/40$ части общего веса тела, а вес мозга черепахи относится к весу ее тела как 1:1850, то мы имеем масштаб для суждения о способностях этого животного. Не только малое развитие и несовершенство головного мозга, но и незначительная масса его ставит этих пресмыкающихся на столь низкую ступень. Способность распознавать окружающие явления замечается только у немногих животных этого класса. Обман чувств, другими словами, недостаточное понимание какого-либо раздражения извне у них наблюдается часто; в них заметны лишь самые низменные проявления душевной деятельности; о способности рассуждать почти не может быть и речи. Известная память на местность, ограниченная способность распознавать съедобное от несъедобного, полезное от вредного, также понимание опасности и, наконец, некоторые аффекты — вот все проявления их душевных способностей. Они занимают очень низкую ступень в общем ряду столь богатого царства животных. У более высоко стоящих животных этого класса наблюдались некоторые проявления понятливости, накопление сведений, полученных опытом, и целесообразность поступков, как результат опыта; у других наблюдалась известная заботливость по отношению к потомству — в большинстве случаев лишь как следствие раздражения, имеющего связь с половой деятельностью. Многие пресмыкающиеся выказывают возбуждаемость, которая может означать злобу, гнев, коварство, и очень немногие из них полагаются на собственные силы. До хитрости, которая может служить выражением высшего проявления ума, не доходит ни одно пресмыкающееся.

Высокоорганизованные позвоночные животные выбирают местожительство обдуманно, пресмыкающееся же следует какой-либо из своих потребностей и почти не делает разницы между лучшим или худшим местом для своего пребывания. Оно делается осторожным и пугливым там, где впервые его начали преследовать, а со временем это обращается и в привычку, однако редко, быть может, даже никогда, такое животное не отличит настоящую опасность от кажущейся.

Чувственные раздражения иногда, конечно, довольно значительно влияют на маленький по массе мозг этих животных. Так, наблюдали, что во время оплодотворения они до того забывали окружающий мир, что становились как бы глухими и слепыми, не обращая внимания на самые очевидные опасности, которых прежде избегали, короче — совершенно меняли свое обычное поведение. О сознании их едва ли может быть речь, скорее еще можно говорить об их чувственности. Однако им также свойственна известная опытность, а равно нельзя им отказать и в умении иногда известным образом употребить ее в дело. Ядовитые змеи

хорошо сознают силу своего смертоносного оружия и спокойно ждут результатов от действия их яда; неядовитые змеи, черепахи, крокодилы, ящерицы подкрадываются к своей добыче, преследуют ее или же смотрят на нее снизу, внезапно подпрыгивают и стараются схватить; наконец, каждое пресмыкающееся до известной степени позволяет себя приручить, т. е. мало-помалу привыкает к человеку, снабжающему ее кормом, однако оно с трудом различает ухаживающего за ним человека и других людей, а просто видит в столь обычном для него явлении лицо, доставляющее ему пищу. Крокодилы и ящерицы, даже черепахи постепенно могут приучиться выходить на определенный свист своего хозяина и приготавливаться к принятию пищи; первых можно даже отучить от кусания: этим ограничивается достигнутая степень приручаемости пресмыкающихся. Я видел также, как ядовитые змеи брали предлагаемую им пищу, причем одновременно все-таки замечал, как они, несмотря на то что привыкли получать пищу из железных щипцов, при неожиданном для них движении кусали щипцы, следовательно, в это мгновение совершенно забывали, что они уже несколько раз повреждали свои зубы о железо. Так называемые ручные пресмыкающиеся остаются всегда опасными и в состоянии нанести серьезнейший вред ухаживающим за ними. Так, о привязанности с их стороны нечего и думать, скорее можно рассчитывать на досаду и злобу, нежели на дружбу. В дружественное общение такое животное не вступает ни с пресмыкающимися, ни с другими животными вообще. Самое большее, чего можно достигнуть, это что оно перестанет бояться другого животного или же будет относиться к нему равнодушно. Настоящей общительности среди этих низко стоящих животных не было замечено ни разу. Сотни черепах плавают сообща, 20, 30 крокодилов лежат в одном месте, греясь на солнышке, но каждое из таких животных думает, пока не наступит половая пора, только о себе, живет исключительно для себя и не заботится о соседи; общество никогда не приходит на помощь к одному из сочленов его.

Упомянув о телесных и душевных способностях пресмыкающихся, в заключение нам остается сказать о голосе. Среди более высоко развитых позвоночных мало таких, которые не были бы в состоянии издать звук или крик; среди пресмыкающихся же мы встречаем большое число таких, которых следует назвать немymi. Черепахи пыхтят или свистят, ящерицы и змеи, как известно, иногда выпускают более или менее громкое шипение, многие, однако, не издают и этого звука. Только крокодилы и гекконы, ночные ящерицы, а равно и некоторые обыкновенные ящерицы в состоянии воспроизводить громкие определенные и отчасти благозвучные звуки. Ниже стоящие земноводные в этом отношении являются одареннее пресмыкающихся.

Повседневная и, если можно так выразиться, общественная жизнь пресмыкающихся чрезвычайно однообразна. Среди чере-

пах живущие на суше деятельны днем, большинство же пресноводных черепах оживлены преимущественно ночью. Крокодилы охотятся за своей добычей главным образом в сумерках, хотя и днем не упускают случая поймать добычу. Только ящериц и значительную часть неядовитых змей нужно считать дневными животными, тогда как гекконы и почти все ядовитые, а равно и многие неядовитые змеи выходят на добычу после захода солнца. По обыкновению, водная среда изменяет образ жизни и этих животных в том смысле, что живущие в воде не делают разграничений суточного времени, как это свойственно живущим на суше, но и между водными пресмыкающимися большая часть оживляется только ночью.

За исключением наземных, некоторых пресноводных и одной морской черепахи, а равно и некоторых ящериц, всех животных этого класса мы должны назвать хищниками, а отдельных даже причислить к самым опаснейшим. Почти все классы животных платят им дань. Крокодилы нападают на млекопитающих величиной с собаку или свинью и столь же мало щадят человека, как и всякое маленькое хищное животное, приблизившееся к воде; преследуют же главным образом водных животных, в особенности рыб*. Черепахи ловят мелких млекопитающих, птиц, других пресмыкающихся, земноводных, рыб, головоногих, улиток, насекомых, раков, червей и медуз. Ящерицы питаются млекопитающими, птичками, другими ящерицами, земноводными, рыбами, насекомыми и различными червями. Змеи главным образом нападают на позвоночных, но есть целые семейства, питающиеся только червями и насекомыми. Почти все проглатывают свою добычу целиком, и только немногие, в особенности черепахи и крокодилы, разрывают сырую добычу предварительно на куски, как это делают те, которые питаются растениями. Оказывается, что пожирание и проглатывание у некоторых пресмыкающихся требует значительных усилий. Большинство этих животных пьет. С повышением температуры возрастает и прожорливость пресмыкающихся: в жаркое время года они, так сказать, набирают запасы питательного материала на все остальное время года. Однако сравнительно с их величиной пресмыкающиеся едят гораздо меньше, чем млекопитающие и птицы. Они проглатывают сразу огромные куски, но затем вплоть до полного переваривания днями лежат в ленивом покое более или менее на одном и том же месте, а в случае нужды могут обходиться и без пищи. При обильном корме они до известной степени тучнеют, некоторые же делаются очень жирными, однако ожирение выражается у них несравненно менее значительно, чем у млекопитающих и птиц.

Черепахи и крокодилы сменяют свою верхнюю кожу таким же способом, как и млекопитающие и птицы; остальные пресмыкающиеся линяют целой шкуркой, т. е. сбрасывают кожу лоскутьями или более или менее целиком, так что народ совер-

Общий взгляд на жизнь пресмыкающихся

* Питание определенной группой кормов может быть облигатным (постоянным), как, например, у королевской кобры, которая питается почти исключительно змеями (таких животных называют офеофаги), или у молоха, потребляющего почти исключительно муравьев (мирмекофаг). Вместе с тем облигатных карпофагов (специализированных потребителей плодов) среди пресмыкающихся нет, однако желтопузик и длинноногий сцинк охотно поедают различные спелые ягоды, а одна из обитающих в Индии черепах питается преимущественно плодами околоводных растений.

шенно справедливо упоминает про «ужовые рубашки». После такой линьки животные выказывают себя особенно ревностными на охоте и прожорливыми, так как им нужно восполнить свои потери.

С началом весны у пресмыкающихся также начинается половая пора. Виды, живущие в северных странах, появляются с первыми теплыми днями, животные умеренных или жарких стран, зарывающиеся на время сухой поры года, выходят после первого дождя. Некоторые виды, возбуждаемые половой страстью, ведут ожесточенные бои друг с другом. Крокодилы злобно гонятся друг за другом и яростно дерутся. Между ящерицами также происходят единоборства, змеи собираются на известных местах в большом числе, образуют путаные клубки, шипят или чем-либо другим выказывают свое возбужденное состояние, пока не спарятся с какой-нибудь самкой. Само оплодотворение длится целыми часами и днями; однако вслед за ним, по крайней мере у большинства, наступает тупое равнодушие между самцами или самками, проявлявшими только что такую сильную склонность друг к другу. Много времени спустя самка, если только она не родит живых детенышей, отыскивает подходящее место для кладки яиц. Большая часть пресмыкающихся кладет свои яйца в найденные или ими же вырытые подземные норы или между мхом или листвой на влажных теплых местах. Яйца имеют пергаментную или жесткую известковую оболочку; число их колеблется от 2 до 150; «высиживание» их самка поручает действию солнца или теплоты, развивающейся от гниения растений, и далее о них уже не заботится. Исключение составляют лишь некоторые крокодилы и змеи. Нередки случаи рождения уродливых детенышей, но такие животные редко достигают полного развития. Уже древние писатели совершенно правильно сообщают о двухголовых змеях, в наше же время были наблюдаемы также двухголовые ящерицы и черепахи. Молодые животные развиваются сравнительно быстро, обыкновенно уже через несколько недель или месяцев и уже с первого дня начинают вести жизнь своих родителей.

К зиме, а в сухих полосах тропиков к началу сухой поры пресмыкающиеся зарываются в землю, по крайней мере прячутся в более глубокие норы и впадают там в полное оцепенение, которое соответствует зимней спячке известных млекопитающих. На северной и южной границе области распространения пресмыкающихся все обитающие там виды ищут защиты от влияния неблагоприятного времени года, в южных частях умеренного пояса и под тропиками это делают только те из них, которые не могут иначе избежать вредного влияния перемен, зависящих от времени года. Во влажных областях Бразилии наземные черепахи бодрствуют повсюду круглый год, тогда как черепахи, живущие по Ориноко, по наблюдениям Гумбольдта, на время солнечного зноя и засухи прячутся под камнями или в вырытых ими

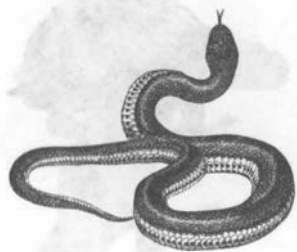
же норах, вылезая вновь из своих углов только тогда, когда появятся первые следы влажности воздуха или земли. Крокодилы, живущие в реках, обычно не впадают в зимнюю спячку. Там, где водоемы, в которых они держатся, в неблагоприятное время года высыхают, все виды проводят пору засухи, зарывшись в ил.

Во время зимней спячки вес пресмыкающихся несколько уменьшается, и этим доказывается расход органических веществ. Черепаха, весившая перед спячкой 4 фунта 9 унций, потеряла до февраля 1 фунт 5 драхм веса. Впрочем, животные вылезают отнюдь не бессильными, скорее же проявляют особенное оживление как раз после зимней спячки.

«Чтобы точнее изучить этих животных, лишь с трудом доступных наблюдениям на свободе, — пишет Фишер, один из опытейших воспитателей таких животных, — лучше всего пользоваться террариумами, т. е. теплицами в миниатюре, в которых животные принуждены жить в относительно тесном пространстве». Террариум, устроенный со знанием, обставленный рассудительно и заботливо, поддерживаемый с любовью и терпением, награждает своего обладателя обильным материалом для изучения и развлечения, равно может служить украшением комнаты и даже целого дома. Подобный террариум, наполненный пресмыкающимися, для образованного человека, любящего углубляться в созерцание природы, предоставляет даже зимой богатое и приятное поле деятельности и изучения. Он дает ему возможность дополнять знания, полученные при беглом осмотре набитых чучел или заспиртованных экземпляров пресмыкающихся, потерявших свои красивые цвета и естественную окраску; он может делать надлежащие наблюдения за нравами и поведением этих животных. Террариум уже помог, как это мы увидим на следующих страницах, разрешению весьма важных вопросов из жизни пресмыкающихся. Однако еще много биологических вопросов, которые могут быть разрешены только после продолжительных наблюдений или целесообразно произведенных опытов над пойманными животными, еще остаются без ответа; много также и попутных замечаний ждут своего подтверждения, а еще очень многое нужно дополнить и исправить.

Польза, приносимая нам пресмыкающимися, в сравнении с пользой от других позвоночных необыкновенно мала. Непосредственную пользу приносят нам аллигаторы и некоторые змеи своей кожей, которой покрываются и украшаются различные вещи, черепахи — своими пластинками щита, что составляет один из важных предметов торговли, использующийся для различных поделок, идущий как на изготовление предметов обихода, так и на безделушки; кроме того, черепахи приносят пользу своим мясом и яйцами. Косвенно полезны нам ящерицы ловлей вредных насекомых и личинок. Напротив, вред, приносимый пресмыкающимися, более значителен. Если мы оставим в стороне хищниче-

ство, от которого страдают рыбы и их икра, производимое даже маленькими черепашками, а равно и некоторыми змеями, то прежде всего наше внимание останавливается на большом количестве смертей людей и домашних животных от укусов ядовитых змей и нападений крокодилов. В этих случаях проповедовать пощаду было бы неуместно и грешно. Но мы должны также высказаться и за помилование огромной массы неповинных животных, терпящих заодно с небольшим количеством виновных. Оставим в стороне пресмыкающихся тропических стран, просить пощады которым мы не имеем ни желания, ни права, и обратимся, прежде всего, к красивым ящерицам, веретеницам, прудовым черепахам, которые веселят наш взор своей подвижностью, бодростью и беззаботностью, населяя поля, леса и уединенные озера. Они не вредят никому, и поэтому мы позволим себе сказать в пользу их слова милости. Что касается до змей, то мы считаем целесообразным убивать тех из них, которых мы не знаем хорошо, но вслед за тем в оправдание совершенного всегда брать убитое животное с собой и сохранять его в спирту, чтобы при случае показать компетентному человеку и таким образом узнать об ядовитости или безвредности данного животного. Такое знание, добытое личным опытом, не будет бесплодно, и в случае, если бы убитое животное оказалось безвредным, мы будем уже иметь повод позднее щадить такую змею. При более точном знакомстве вскоре можно научиться отличать безвредных ужа и медянку от ядовитых гадюк и тогда беспрепятственно любоваться жизнью и нравами неядовитых змей.

В давно прошедшие времена люди воздавали божеские почести тем пресмыкающимся, которые внушали им страх. Древние египтяне держали ручных крокодилов вблизи своих храмов и заботливо бальзамировали их трупы; жители восточной Азии, в особенности китайцы и японцы, придавали изображениям своих богов внешний вид змей и ящериц; греки и римляне идеализировали змей и слагали басни и песни о хитрости и уме этих животных, об их даре прорицания и о других качествах. Древнегерманские сказания точно так же повествуют о змеях, и отнюдь не всегда с отвращением. В наше время еще многие народы почитают и боготворят крокодилов и змей. Однако древние египтяне доказали нам также, что они были люди очень практичные. Я сам видел в пещере Маабде, близ Манфалута, в которой складывались мумии священных животных, тысячи молодых крокодилов и крокодилийх яиц, про которые, очевидно, никто не стал бы утверждать, что они были забальзамированы лишь после естественной смерти. Они скорее с достаточной очевидностью доказывают, что египтяне прежде всего заботились о собственной безопасности и полагали, что исполняют лишь священную обязанность, сохраняя земную оболочку животных, которые могли бы сильно им навредить, если бы выросли и размножились.

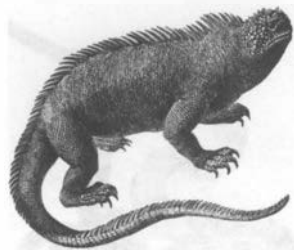
ОТРЯД КРОКОДИЛЫ (Crocodylia)

Отряд
крокодилы

Из допотопных исполинов этого отряда до нашего времени сохранились только немногие родственные формы, именно крокодилы. По своему общему виду очень похожи на ящериц, но эти пресмыкающиеся значительно отличаются от них различными важными признаками. Они превосходят всех остальных пресмыкающихся, следовательно, и ящериц, если не по массе, то все же по величине. Однако эти признаки еще недостаточны для резкого отделения обоих отрядов. Гораздо более важны отличия во внутреннем строении, особенно в строении зубов, устройстве языка и особенностях половых органов. Туловище крокодилов вытянуто и значительно больше в ширину, чем в высоту, голова плоская и низкая, рыло очень удлинено, ротовая щель не имеет мясистых губ и не прямая, а изогнута под углом, шея необычайно коротка, хвост длиннее, чем тело, и с боков сжат, так что образует сильный руль. Низкие конечности снабжены очень развитыми лапами, передние имеют 5, разделенных до корня пальцев, задние — 4 пальца, которые связаны плавательной перепонкой. Три внутренних пальца задних конечностей имеют ясные когти. Маленькие глаза, защищенные тремя веками, лежат довольно глубоко в орбитах. Они направлены несколько кверху и имеют поперечно расположенный, продолговатый зрачок. Ушные отверстия могут быть закрыты клапанообразной складкой кожи. Полулунные носовые отверстия, лежащие близко одно возле другого на верхушке верхней челюсти, закрываются сближением их вздутых краев. Задний проход имеет вид продольной щели. Верхняя и нижняя поверхность тела и хвоста покрыты четырехугольными, плотными и толстыми чешуйками и щитками. Спинные чешуйки и щитки отличаются выдающимся продольным гребнем или килем, хвостовые же образуют два пилообразно зазубренных ряда, которые сзади соединяются в один. Щитки и чешуйки, находящиеся по бокам тела, округлены. Эти щитки на спине окостеневают, вследствие чего покров тела имеет вид панциря. Для определения родов важны шейные и затылочные костяные щитки, так как их число и расположение у отдельных родов неодинаково и довольно постоянно, то различают их по положению. На мягкой части кожи за головой лежат отдельные маленькие, пере-

Отряд
крокодилы

дние затылочные щитки, которые расположены большей частью в один или два поперечных ряда, верхнюю часть щели занимают задние затылочные или шейные щитки.

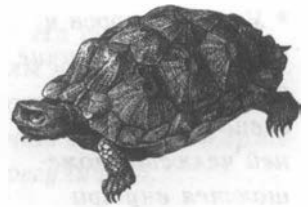
Благодаря обстоятельным исследованиям мы хорошо знаем внутреннее строение крокодилов. Голова у них очень плоская и сжатая, удлинненная, сзади широкая или вытянута в ширину, спереди мало-помалу делается тоньше. Морда так сильно вытянута, что настоящий череп едва занимает пятую часть длины головы. Затылочная кость состоит из 4 костей, клиновидная из 7, височная из 3, теменная из 1 и лобная из 3 костей. Существует решетчатая кость. Небные кости велики и продолговаты, верхнечелюстные, обхватывающие межчелюстную, необычайно развиты, так как они образуют широкую и плоскую небную поверхность. Сзади они соединяются длинным отростком со скуловой костью и крыловидными отростками клиновидной кости. Носовая полость, в образовании которой участвует внутренняя поверхность вышеупомянутых костей, замыкается двумя очень длинными носовыми костями. Большая, сильная нижняя челюсть состоит из двух ветвей, соединенных впереди швом. Зубы сидят в ячейках, конусообразно заострены и едва заметным образом изогнуты назад, очень сходны между собой и отличаются только длиной. Их конусообразная коронка спереди и сзади имеет острые ребра, корень всегда простой и полый почти вплоть до коронки. Это потому, что каждый зуб заключает в себе замещающий, который вырастает, когда старый выпадает, а может быть, и выдавливает последний в определенное время. Передние нижнечелюстные зубы входят в ямки или вырезы верхней челюсти. Первый и четвертый зуб нижней челюсти и третий зуб верхней челюсти обычно самые длинные и сильные. Число зубов значительно варьирует у различных родов.

Позвоночник состоит из 9 шейных, 12—13 спинных, 2—4 поясничных, 2—3 крестцовых и 34—42 хвостовых позвонков. Отдельные части позвонков не срастаются в один кусок, а состоят из нескольких частей, соединенных швами и хрящом, задняя поверхность каждого позвонка выпукла, передняя вогнута для соединения с поверхностью переднего позвонка. Кроме 12—13 двуголовчатых ребер, снабженных крючкообразными отростками, существуют еще особенные, тонкие, костяные брюшные ребра, которые не связаны с позвоночником и расположены в 7 или 8 поперечных рядов. Они лежат между слоями брюшных мускулов и прилегают спереди к хрящу последнего ребра и к хрящевому отростку грудной кости, а сзади к лобковой кости и образуют так называемую грудобрюшную кость. Каждое брюшное ребро в отдельности состоит из двух костей. Грудная кость разделяется на маленькую костяную часть и длинный, хрящевой мечевидный отросток. Настоящих ключиц нет. Скелет передних конечностей состоит из плечевого пояса, плеча, обеих костей предплечья, кос-

тей пясти и запястья. Запястье составляют 5 косточек; первый палец состоит из 2, второй и пятый из 3, средний и четвертый из 4 суставов. Таз состоит из подвздошной, седалищной и лобковой костей. Задние конечности — из бедра, обеих костей голени, костей плюсны и предплюсны. Предплюсна образуется из 4 костей; первый палец задних конечностей состоит из 2, второй из 3, а третий и четвертый из 4 суставов. К костям прилегают очень сильные мускулы белого цвета. По обеим сторонам позвоночного столба возле остистых отростков позвонков проходит длинный сильный мускул. Этот мускул с помощью нескольких других мускулов, отделяемых от него с трудом, вытягивает позвоночный столб. Мускулы хвоста очень многочисленны и очень сильные, брюшные — тонкие и кожистые, мускулы конечностей толстые и сильные. Между легкими и печенью, по обеим сторонам, лежит тонкий, широкий мускул с сухожильным покровом. Он прилегает к внутренней поверхности грудной кости, заменяет диафрагму высших позвоночных и, несомненно, играет важную роль при дыхании. Маленькая полость черепа занимает едва двенадцатую часть длины головы и заполнена мозгом, напоминающим в некоторых отношениях мозг птиц. Мозг, при рассмотрении сверху, представляет пять отделов: две передние большие массы, две средние поменьше и одну маленькую, треугольную, заднюю. Полушария покрывают в виде свода полосатые тела тонким покровным слоем, но не покрывают сзади, по словам Каруса, четыреххолмия и кпереди продолжают в полые обонятельные шишки. Спинальный мозг и главным образом нервы относительно очень сильно развиты. Короткий и плоский язык снабжен большим количеством вкусовых сосочков и по всей своей длине прикреплен к основанию ротовой полости. Пищевод продолжается в желудок, который лежит с левой стороны в брюшной полости и состоит из двух частей. Одна часть больше другой и образует закругленный сзади мешок, другая, стоящая с первой в соединении только посредством круглого отверстия, является как бы придатком к ней. Средняя кишка короткая, задняя — длинная, поджелудочная железа достаточно велика, двухлопастная печень очень велика, желчный пузырь грушевидный, селезенка мала. Лопастные, темно-красные почки прилегают к поясничным позвонкам, мочевого пузыря нет, мочевые сосуды соединяются в протоки и образуют мочеточник, открывающийся в клоаку, очень близко возле семенников, выходящих из семенных желез, лежащих в брюшной полости вблизи почек. Находящийся в задней части клоаки мужской уд не двойной, имеет конусообразную форму и снабжен изогнутой бороздой, проходящей по длине. Две большие железы, составляющие сильно пахнущие мускусом отделения, расположены по обеим сторонам клоаки и, вероятно, связаны с половой деятельностью. Две другие железы находятся сзади челюстей и представляют, возможно, видоизмененные слюнные железы, кото-

Отряд крокодилы

Отряд крокодилы

** У аллигаторов и кайманов в отличие от крокодилов и гавиалов зубы нижней челюсти помещаются внутри относительно зубов верхней челюсти и не видны при закрытом рте. А четвертый зуб нижней челюсти у крокодилов в отличие от аллигаторов входит в открытую ямку позади носового расширения и хорошо заметен.*

рых, по мнению анатомов, у крокодилов нет. Гортань открывается щелью за корнем языка, несколько удлиняется и переходит затем в дыхательное горло, которое, начинаясь в шее, входит в грудную полость и разделяется на две длинные, изогнутые трубки. Последние, в свою очередь, открываются в большие воздухохранилища, расположенные между легкими. Из воздухохранилищ воздух входит в большое количество ячеек легких. Емкость легких крокодила очень значительна. Если принять, по Реньяру и Бланшару, емкость легких степного варана равной 10, то емкость легких аллигатора составит 16,8, т. е. больше чем в полтора раза. Относительно маленькое сердце, окруженное сильной сумкой, имеет вполне разделенные правый и левый желудочки. Из левого желудочка выходит правая, а из правого левая аортальная дуга вместе с легочным кровеносным стволом. Обе дуги только в самом начале соединены между собой и закрываются, когда полулунные клапаны желудочков наполняются возвратившейся кровью.

В настоящее время известно 24 резко отличающихся вида крокодилов. Единственное важное отличие крокодилов от аллигаторов состоит в большем числе нижнечелюстных зубов у последних, той же особенностью отличается и гангский гавиал с Калимантана. Приспособление четвертого нижнечелюстного зуба к зубам верхней челюсти оказывается у настоящих крокодилов и аллигаторов далеко не столь постоянным, как раньше предполагали*.

Крокодилы распространены во всех частях света, за исключением Европы, ибо их местожительство ограничивается жарким поясом и прилегающими к нему частями земного шара. Дальше всего на север они заходят в Азии и Америке, далее всего на юге в Америке и в Африке. Границами области их распространения на севере служат в восточном полушарии 34 градус широты, в западном — 35. На юге в первом полушарии 21 градус, во втором 32 градус. Кроме Австралии вместе с некоторыми океаническими островами, где существуют крокодилы, принадлежащие азиатской области, каждая часть света имеет особые виды. В Азии и Америке существует по два вида, исключительно принадлежащие этим частям света, в Африке есть один особый род. Только крокодилы в тесном смысле распространены во всех частях света.

При описании общего для всех образа жизни я буду краток, так как подробно опишу жизнь известных и важных видов и тем самым дам полную картину жизни целого семейства.

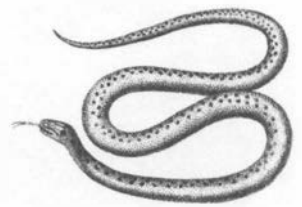
Все крокодилы обитают в воде, чаще всего в спокойно текущих потоках, реках и ручьях, даже в озерах, как пресных, так и соленых, в богатых водой топях и болотах, случайно даже в морских заливах. На сушу они выходят только поспать с полным комфортом, пригретые оживляющим их солнцем, отложить яйца или же в случае переселения из высыхающих ручьев в другую не

высохшую еще лужу или реку*. Если же предстоящая им дорога слишком длинна или слишком неудобна, тогда они закапываются в ил и остаются в нем в спячке, пока новое наводнение не вызовет их к жизни. Подобным же образом они избегают, по словам Катэсби, холода в Северной Америке, особенно в Каролине. Не редкость, что крокодилы, увлеченные морскими течениями, совершают произвольные путешествия. По Ридлею, на Кокосовых, или Килинговых, островах был убит гребнистый крокодил, который мог быть принесен сюда водой только с острова Ява, находящегося на расстоянии 700 морских миль. Точно так же, по Кольдуэлю, в 1885 году был выброшен на берег на острове Барбадос крокодил, который родом мог быть только из Ориноко, отстоящего по меньшей мере на 300 миль. Там, где крокодилы обитают, они появляются всегда большими колониями, причем старые и молодые живут в дружбе друг с другом. Добычей этим хищным животным служат позвоночные всех классов, начиная от человека и кончая рыбой. Они не пренебрегают также и беспозвоночными, особенно раками и моллюсками. Их не боятся только те животные, которые величиной и силой значительно превосходят этих очень наглых и вместе с тем очень трусливых тварей. Им нужно много пищи, они разом проглатывают огромные массы, причем, ради лучшего пищеварения, проглатывают также громадные камни. С другой стороны, они постятся в течение месяца и потому кажутся прожорливее, чем в действительности.

Все крокодилы размножаются яйцами, которые сходны по величине и виду с гусиными и окружены твердой известковой скорлупой, похожей на фарфор. Самка откладывает от 20 до 100 яиц и помещает их в простой, вырытой в песке ямке или зарывает их в болотистой почве, покрывает остатками стеблей, опавшей листвой и время от времени посещает вверенное земле дорогое потомство. По истечении продолжительного времени созревшая в тепле молодежь вылупляется и тотчас спешит в воду. В начале своей жизни крокодилы растут быстро, при хорошем питании через год достигают 30 см длины и становятся половозрелыми в возрасте от 6 до 8 лет. С этого времени рост их, по-видимому, подвигается медленнее и прекращается, вероятно, только с наступлением смерти. Какого возраста они достигают, неизвестно, но несомненно, что живут в несколько раз дольше, чем человек.

Грозное, поражающее всегда человека появление крокодилов, их безрассудная страсть к хищничеству, значительный вред, который они приносят, заставляет людей везде, где только суеверие не считает их священными, оберегать себя от них. Вышесказанным оправдывается их беспощадное преследование, ведущее мало-помалу к совершенному уничтожению. Самые хищные крокодилы, впрочем, не всегда опасны для человека. В некоторых областях, особенно в отдаленных пунктах, жители их необычайно боятся, в других же, наоборот, с ними обращаются так, что это

* На суше крокодилы часто лежат с открытым ртом, что связано с терморегуляцией.

Отряд крокодилы

показалось бы маловероятным, если бы в том не ручались достоверные наблюдатели. «Немногие крокодилы, встречающиеся в водах Майсура, — пишет Сандерсон, — бросаются очень редко на людей; рыбаки, плавающие около них, уверяли меня в том, что крокодил, на которого они наталкиваются при рыбной ловле, спокойно лежит на дне и даже при прикосновении не подает и признака жизни, очевидно стараясь остаться незамеченным. Это происходит потому, что крокодилы, как и все дикие звери, очень трусливы, суеверие же туземцев заставляет считать их смелыми. Читателям, знающим крокодилов только по рассказам, какие существуют относительно их смелости в других областях, может показаться совершенно невероятным нижеследующий мой рассказ. Я сам видел, как рыбаки, один за другим, погружались в реку четырех метров глубины, чтобы поймать за хвост крокодила в два метра длины, которого я легко ранил, и вытащить его на поверхность. Тогда только, когда человек, вытащивший животное, пытался перенести его на скалу, где я в ожидании стоял с веревкой, крокодил изгибался и ударял хвостом по руке. Вслед за этим он освобождался и погружался опять в воду. Таким образом, крокодила вытаскивали несколько раз, пока я не убил его выстрелом из ружья». Подобно Сандерсону из Индии, сообщает из Венесуэлы Закс, строго различающий опасные и безопасные виды, как просто обходится народонаселение с крокодилами. По его приказанию ловили рыбу в реке. Вдруг громадный невод застрял. «Остановили работу, — продолжает Закс, — и начали внимательно осматривать сеть, которую влекло в разные стороны находящееся, по-видимому, в воде препятствие. Оказалось, что в сеть запутался кайман. Тотчас один рыбак нырнул в воду, чтобы освободить сеть. Целая минута прошла, пока человек снова показался на поверхности воды. Товарищи же его в это время смеялись и шутили, нисколько не беспокоясь об исходе такого отважного поступка. Привычка все притупляет; очень часто случается, что ползающий по дну кайман запутывается в сети рыбаков и освобождается из нее водолазом. Если его не освободить, то он разрывает петли. Когда, после выполнения своей задачи, человек вышел на сушу, я спросил его, какое средство он употребляет, чтобы избежать опасного нападения каймана, и получил ответ, который, несмотря на то, что все присутствовавшие его подтвердили, я склонен считать за шутку. Кайман, услышал я, испытывает большое наслаждение, если его чесать и тереть по бокам тела в области ребер. Наслаждаясь, он вытягивается с удовольствием и позволяет делать с собой что угодно. К нему нужно приближаться сзади, одной рукой постоянно почесывать, а другой в это время освобождать сеть от зверя». Теннент, Пец и другие дают подобные же указания, которые подтверждают, что крокодилы не везде так страшны, как привыкли думать. «Нужно всегда помнить, — пишет Пехуэль-Леше, — что крокодилы не везде являются такими

страшными чудовищами, какими их считают. Некоторых человеку не нужно совсем бояться, и у самых опасных видов встречаются только отдельные экземпляры, которые становятся людоедами, как это бывает у тигров. Несомненный факт, что не во всех водах и не в каждом любом месте, где обитают эти животные, происходят нападения на людей. Крокодилы, смотря по внешним условиям, в которых они живут, поступают различно. Они опыты: то бывают боязливыми, то становятся смелыми. Впрочем, следует быть осторожным везде в водах, где они живут. Самыми опасными являются плоские берега с непосредственно прилегающей глубокой водой».

Схватенный крокодилом человек не всегда погибает: часто людей освобождали даже из зубов хищника или спасали благодаря своевременно поданной помощи. Быстрая и смелая оборона, по-видимому, ошеломляет крокодила или повергает его в страх, так что он бросает свою добычу и скрывается. При своих нападениях на зверей он также не всегда испытывает удачу. Однажды Баннистер заставил своего осла переплыть через маленькую, но посередине очень глубокую реку Кинсембо в Нижней Гвинее. Вдруг вынырнул огромный крокодил, погнался за ослом, схватил его за хвост и поволок ко дну. Вскоре после этого осел появился опять на поверхности и старался поспешно добраться до берега. Но его преследователь появился снова, подплыл и потащил снова за хвост вниз. Жертва снова освободилась под водой, выплыла на поверхность и достигла уже плоского места вблизи берега, как вдруг крокодил попытался в третий раз схватить ее за хвост. Но храбрый осел, почувствовав уже теперь под ногами твердую почву, лягнул так сильно, что его неприятель, получивший удар в голову, тотчас ушел в глубину.

Селусу однажды посчастливилось освободить дорогую собаку из пасти крокодила. Дело происходило в юго-восточной области Замбези. «Мы охотились, — пишет Селус, — под вечер на речонке Гвения за франколинами, как вдруг мою собаку Биля, бежавшую вдоль берега, схватил внезапно за заднюю часть тела средней величины крокодил, а затем скрылся под водой. Речонка в этом месте достигала едва два метра ширины, но была глубока, и русло ее было ограничено крутыми и высокими берегами. Я видел, что случилось, спрыгнул с лошади и подошел к воде; в тот же момент показался Биль вместе с головой крокодила, но опять скрылся. Так как я видел тело крокодила в то время, как он ворочался с собакой, то я дал два выстрела по нему. Я надеялся, что шум заставит его выпустить жертву. Но этого не случилось. Спустя несколько секунд рыло крокодила и бедная собака снова показались на поверхности. Я схватил свое ружье за дуло и подставил приклад Билю. Схвативши его зубами, Биль боролся между жизнью и смертью; ложе ружья и теперь имеет отпечатки его зубов. Тут я имел возможность схватить собаку за уши, потащил

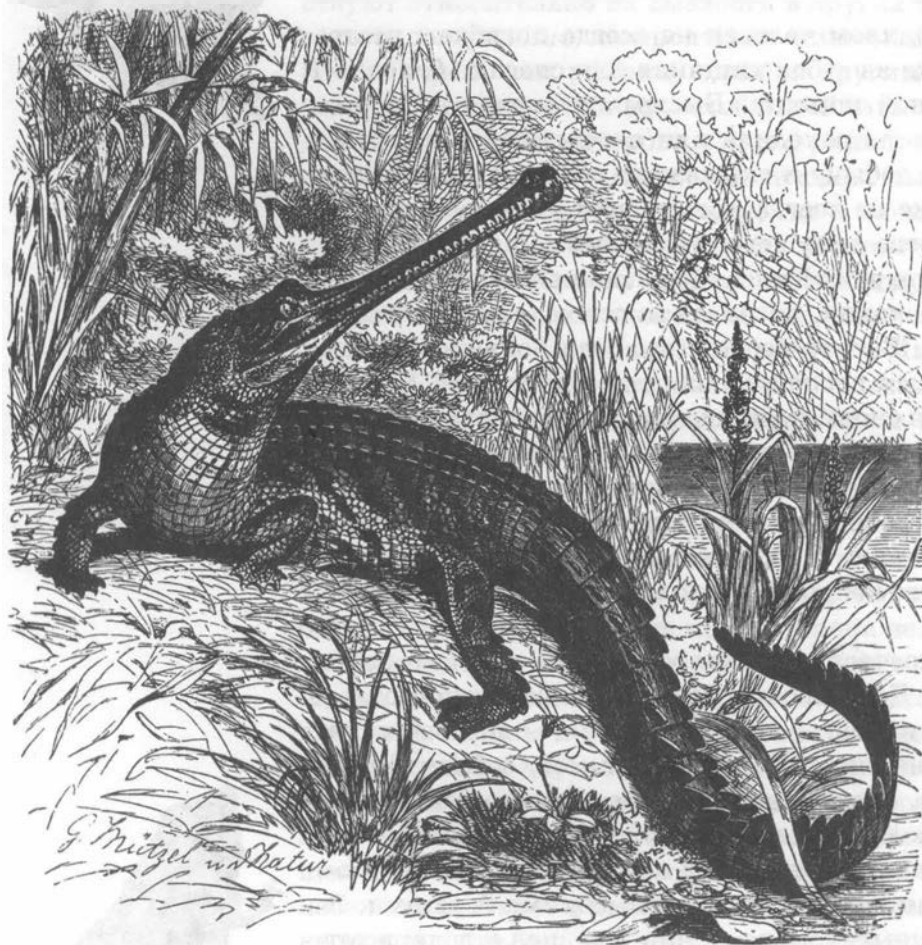

со всей силой и вытащил голову крокодила, не желавшего отпустить свою добычу на поверхность. Подбежавший и стоявший сзади меня спутник выстрелил в голову крокодила. Тогда он выпустил собаку, нырнул и больше не показывался. Спасенная собака получила три сильных раны, но скоро поправилась».

При уходе за крокодилами с молодости можно их сделать ручными. Они привыкают к воспитателю и к его зову или известному сигналу. Для получения пищи они раскрывают пасть, причем берут пищу как из рук, так и с подставленной палочки. Вообще они оказываются более понятливыми, чем какой-либо другой представитель этого класса.

СЕМЕЙСТВО ГАВИАЛЫ (Gavialidae)

Гавиалами называют таких крокодилов, у которых спереди на верхней челюсти на каждой стороне есть по три вырезки для принятия трех передних нижнечелюстных зубов. Число зубов колеблется между 27 и 29 в верхней челюсти и 25—26 в нижней. Рыло необычайно узкое и длинное; длина его в 3,5—5,5 раза больше, чем ширина основания, и на переднем конце расширяется в виде пяточка. Две ветви ниж-

Гангский гавиал
(*Gavialis gangeticus*)

ней челюсти соединены очень длинным костяным швом, достигающим сзади до 23—24 зуба. Спина покрыта панцирем, состоящим из четырех продольных рядов костяных пластинок. Эти пластинки лежат одна вблизи другой и снабжены гребнями. Брюхо не покрыто костяными пластинками.

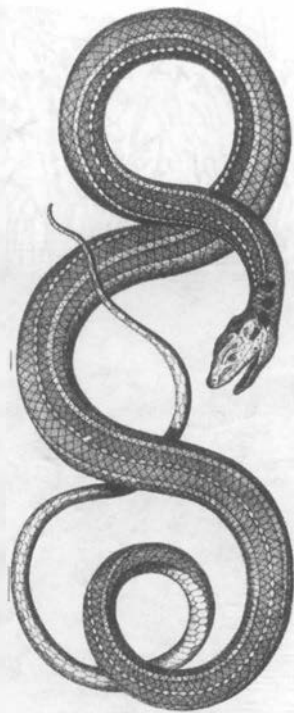
Представителем семейства является гангский гавиал (*Gavialis gangeticus*), называемый в Индии хариал. Он считается у многих индийцев священным животным, посвященным Виш-

ну. Творцу и властелину воды. Голова у него перетянута перед глазами, рыло длинное, узкое, плоское, сильно расширено к верхушке, носовые кости сравнительно коротки и далеко не доходят до межчелюстных частей, число зубов в каждой из обеих челюстей велико.

Кроме того, признаками гавиала могут считаться: присутствие затылочных щитков, маленькие глазные впадины и слабо развитые ноги. По словам Штрауха, это является главным отличием гавиала в любом возрасте от других форм. В обеих челюстях необычайно удлиненного рыла, которое Эдвардс, впервые описавший гавиала, сравнивает с клювом крохалея, помещаются слегка изогнутые зубы. Самыми сильными между ними являются оба передних боковых зуба верхней челюсти и первая, вторая и четвертая пара нижнечелюстных зубов. Непосредственно позади головы или затылочной кости в одном поперечном ряду лежат 4, чаще 6 маленьких щитков, другая пара таких щитков занимает пространство между передними и передними спинными щитками. Последние начинаются в середине шеи и образуют вплоть до начала хвоста 21—22 поперечных ряда, из которых первый состоит из двух щитков, в следующих двух прибавляются два боковых, остальные ряды состоят из 4 средних и двух очень маленьких боковых щитков. На хвосте 19 пар килеватых щитков и 19 простых чешуек, снабженных гребнем. У старых самцов переднее вздутие рыла выше, чем у самок, и содержит полость для принятия воздуха. Поэтому самцы могут долее самок оставаться водной. Окраска верхней стороны тела кофейно-зеленая, испещренная у молодых экземпляров многочисленными, маленькими, темно-коричневыми пятнами и полосами. Окраска нижней стороны представляет переход от желто-зеленого к белому цвету. Взрослые экземпляры достигают длины 5,75 метра, хотя в европейских коллекциях нет экземпляров больше 5 метров в длину.

Гавиал живет в Ганге и Брахмапутре и притоках этих рек, а по словам Дэя, и в Инде. Кроме того, по данным Буланже, он попадает еще в реке Маганади в Ориссе и в реке Коладине в Аракане, но его не встречают в Иравади, Годавари, Кистне, Тапти, Нарбаде и др.

Уже Элиан различает два вида крокодилов, живущих в Ганге: одни приносят незначительный вред, другие хищные и беспощадно преследуют человека и животных. «Последние, — говорит греческий исследователь, — снабжены на рыле сверху возвышением вроде рога. Ими пользуются для казни преступников, отдавая их на съедение крокодилам». Теперь мы с уверенностью можем сказать, что вышеуказанное различие существует в действительности, хотя новейшие данные относительно гавиала чрезвычайно скудны. Еще и теперь, как и прежде, в Ганге обитает кроме гавиала болотный крокодил. Данные Элиана, кроме того, подтверждает Паолино, рассказывающий, что обвиненных в преступле-

нии заставляют в присутствии браминов переплыть реку. Пощаженные крокодилом считаются оправданными.

Не подлежит никакому сомнению, что и теперь еще гавиалов считают священными. Почти все путешественники, упоминающие о гавиалах, говорят о таком воззрении туземцев. Зубастый крокодил производит, говорят, сильные опустошения среди рыб. Своеобразное устройство рыла гавиала говорит о том, что он питается, если не исключительно, то главным образом рыбой. Строение всего тела гавиала заставляет считать его животным, хорошо приспособившимся к жизни в воде. Дэй называет его «настоящим рыбадным крокодилом, ловящим добычу во время плавания». Буланже упоминает также, что гавиал питается исключительно рыбой. Форсит, отделяющий гавиала от болотного крокодила, не находит возможным утверждать на основании своих наблюдений, чтобы гавиал был опасен человеку. Стерндаль, наконец, прибавляет, что болотный крокодил чаще бросается на человека, гавиал же исключительно питается рыбой. Из этого мы видим, что неизвестно ни одного случая, или, по меньшей мере, ни за один случай нельзя с уверенностью ручаться, чтобы гавиал бросился на больших млекопитающих и человека. Поэтому его нужно считать одним из небольшого числа безобидных крокодилов. Вред его заключается только в том, что, уничтожая в большом количестве рыбу, он тем самым уменьшает количество пищи, которым бы могло воспользоваться население берегов рек, в которых он обитает.

О размножении гангского гавиала мы узнали из исследований Андерсона. Он вырыл из песка яйца и продержал у себя некоторое время несколько вылупившихся, отчасти с его помощью, молодых гавиалов. Яйца, 40 штук, лежали двумя одинаковыми кучками, расположенными одна над другой. Они были отделены слоем песка толщиной около 60 см. Вероятно, яйца были отложены в разное время. Премилые молодые животные имели после вылупления в длину 40 см, причем на рыло приходилось 4 см, а на хвост 22 см. Цвет их был серо-буроватый, на спине между передними и задними ногами расположены пять неправильных темных поперечных полос, на хвосте их 9. Непосредственно после вылупления они уже бегали с необычайной быстротой, один из них, вылупившийся с помощью Андерсона, живо огрызнулся и укусил в палец нашего путешественника, прежде чем тот успел освободить его полностью из скорлупы.

В европейских коллекциях гавиал попадает реже, чем другие крокодилы, в живом же состоянии встречается только у богатых любителей. Ввиду того что на свободе он живет в глубоких и текущих водах и добровольно выходит на сушу только во время размножения, содержание его представляет гораздо больше трудностей, чем содержание другого какого-нибудь представителя этого отряда.

СЕМЕЙСТВО НАСТОЯЩИЕ КРОКОДИЛЫ (Crocodylidae)

Семейство
настоящие
крокодилы

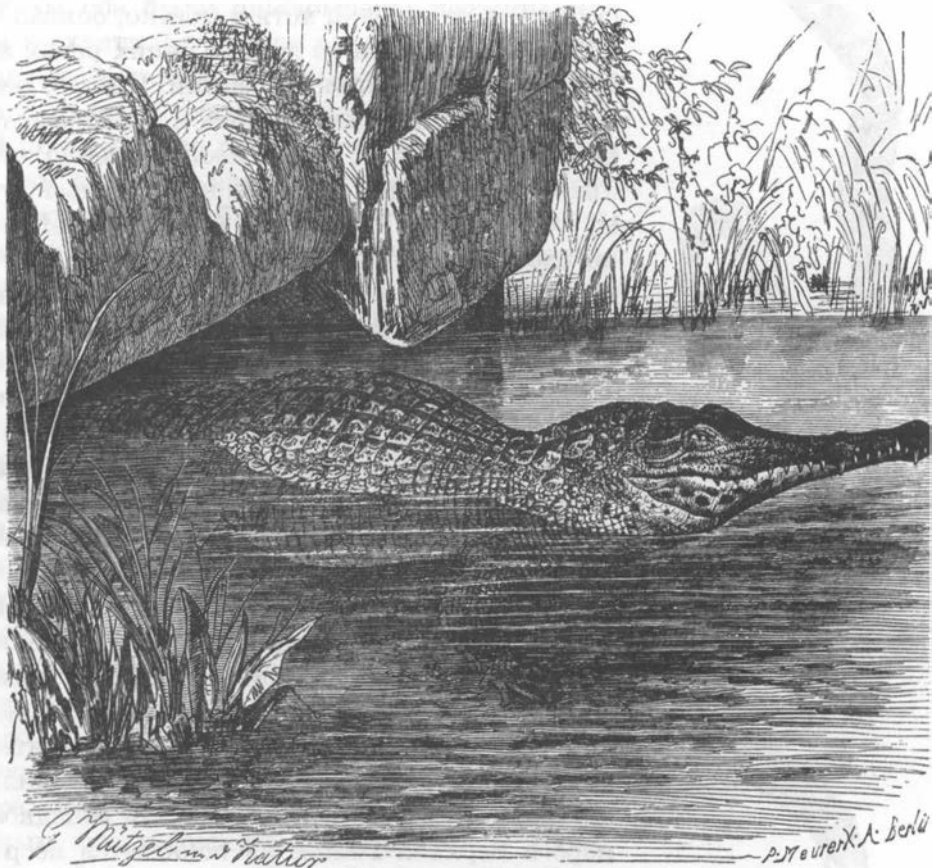
Настоящими крокодилами называют 12 видов, у которых межчелюстная кость имеет впереди две глубоких ямки, в которые входят два самых передних зуба нижней челюсти. Кроме того, каждая верхняя челюсть имеет вырезку для принятия с каждой стороны четвертого зуба нижней челюсти. Число неравных, но очень сильных зубов колеблется от 17 до 19 на каждой стороне верхней челюсти, по 15 на стороне каждой нижней челюсти. Общее число зубов, следовательно, от 64 до 68.

У всех известных видов пятый зуб верхней челюсти больше, чем все остальные, и шов, соединяющий обе ветви нижней челюсти, проходит не далее восьмого нижнечелюстного зуба. Спина покрыта четырьмя или более продольными рядами костяных килеватых щитков. Крокодилы живут в Африке и в тропической Америке.

Разграничить отдельные виды друг от друга, особенно если точно неизвестно их отечество, совсем нелегко. Насколько просто отличить далеко стоящие формы, например, африканского узкорылого от болотного крокодила,

настолько трудно точно определить другие виды, особенно молодые или недавно вылупившиеся из яйца. Потому приведенные нами признаки относятся исключительно к взрослым формам.

Описание настоящих крокодилов мы начнем с **африканского узкорылого крокодила** (*Crocodylus cataphractus*). Он вследствие строения своего узкого рыла является некоторым образом связующим звеном между гавиалами и крокодилами и даже теснее примыкает к первым. Очень вытянутое, узкое, заостренное, выгнутое сверху и гладкое рыло, которое в три раза больше в

Африканский
узкорылый крокодил
(*Crocodylus
cataphractus*)

длину, чем в ширину у основания, впалый лоб, две пары расположенных в два продольных ряда затылочных щитков и непосредственно граничащие с ними 6 продольных рядов спинного панциря — вот отличительные признаки африканского узкорылого крокодила. Голени снабжены, как и у многих других крокодилов, гребешком из чешуек, оканчивающимся большими зубцами. Голова оливкового цвета, усеяна коричневыми крапинками. Туловище и хвост темно-зеленого цвета с большими черными пятнами, желтовато-белое брюхо с черными, но значительно меньшими пятнами. Взрослое животное достигает в длину шесть метров.

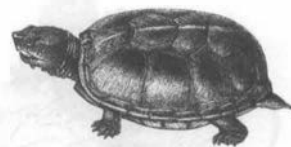
Адансон был первый путешественник, который отличил виденного им в Сенегале африканского узкорылого крокодила от нильского. Он же первый, хотя и кратко, описал его. С тех пор его находили или замечали во всех больших реках западного берега Африки, особенно в Сенегале, Гамбии, Нигере, Бенуэ, Камеруне, Габуне, Куйлу и Конго. Адансон, хотя и упоминает об образе жизни виденного им крокодила, но так неопределенно, что его данные с полным правом могут быть отнесены как к нильскому, так и к африканскому узкорылому крокодилу. Саваж посвящает последнему несколько слов. Названием «Кхинх», которое дают туземцы узкорылому крокодилу, обозначается собака. Образ жизни этого животного ничем не отличается от образа жизни других крокодилов. Он обитает в маленьких реках и стоячих водах низменности и питается рыбой, земноводными и пресмыкающимися, живущими в воде, но своим временным убежищем он выбирает нору на берегу реки и из нее бросается на беспечную добычу. Он кладет яйца на суше и покрывает их листьями и другими легкими веществами, и этим отличается от других крокодилов и аллигаторов. Он боязлив и не опасен, туземцы очень часто его ловят для приготовления их любимого блюда. На берегах Лаонго и Конго, по словам Пехуэль-Леше, африканский узкорылый крокодил считается очень опасным животным. Этими данными ограничивались наши сведения относительно его образа жизни. Благодаря же Рейхену, приславшему нижеследующие сведения, я имею возможность значительно пополнить вышеприведенные данные. «Узкорылый крокодил, — так пишет мне этот натуралист, — часто встречается в западной Африке, по крайней мере в Верхней Гвинее он попадает несравненно чаще, чем его родич, **тупорылый крокодил** (*Osteolaemus tetraspis*). Я его находил как в лагунах вблизи морского берега, в устьях больших рек, особенно широких, так и в верхнем течении рек в пресной воде. Мне попадались отдельные экземпляры этого крокодила в дельте реки Камерун, в узких каналах, пронизывающих низменность, поросшую мангровыми деревьями и панданами. Они грелись на солнце, приютившись на отмелях. Как только они замечали приближение лодки, то моментально спрыгивали в воду».

«В притоке же Камеруна, Вури, они попадают в поразительном количестве. Я не раз убеждался, что узкорылые кроко-

дили в пресной воде не бросаются, а если и бросаются, то только в очень редких случаях на сильную добычу, такую, как человек или другое большое животное, так как они могут оказать сопротивление. В одной лагуне на Золотом берегу негры переходили вброд, и я ни разу не слышал про несчастный случай, а между тем временами здесь бывало очень много крокодилов. Я сам, прежде чем заметил присутствие крокодилов, ходил по пояс в воде, охотясь на цапель и других болотных птиц. Очень часто бывало, что прижавшееся на дне животное, будучи потревожено мною, вздымало воду. Я думал, что это, должно быть, рыба. Но однажды я, по-прежнему беспечно бродя в воде, увидел в 8 шагах от меня высушующуюся из воды отвратительную голову громадного крокодила. В первый момент мы оба были ошеломлены неожиданной встречей, вслед за тем я схватился за свое ружье для стрельяния птиц и выстрелил бекасиной дробью в голову чудовища (у меня не было более сильного заряда). Тогда он ударил хвостом и скрылся в воду. Само собой понятно, что после этого я уже не ходил больше в лагуну, так как я не был настолько уверен в верности вышеприведенного наблюдения, чтобы рисковать собой. Негры же постоянно купались в Вури на мелких местах, не обращая внимания на многочисленных крокодилов. Когда же в дождливое время река разливалась и делалась глубокой, то нередко бывали случаи, что люди из плоскодонных челноков были схватываемы крокодилами. В этом случае они могли тотчас утащить добычу на глубину и потопить без значительного сопротивления со стороны последней. Живучесть этого узкорылого крокодила вовсе не так велика, как принято думать. Я убивал на расстоянии 20—30 шагов молодых, длиной в руку, утиной дробью. Я не стрелял в больших из моего ружья или винтовки, так как я, при вторичном посещении Вури, не хотел из-за охоты на крокодилов портить себе охоту на бегемотов».

«Во время засухи эти крокодилы, по-видимому, перекачывают; по крайней мере в начале засухи я в упомянутой лагуне находил их чаще, чем до этого. Я думаю, что они сюда перекачевали из маленьких, высохших речонок. Мясо этого крокодила белое, нежное и очень вкусное; поэтому неграми оно очень ценится».

Наиболее известным американским представителем крокодилов является **острорылый крокодил** (*Crocodylus acutus*). Рыло у него очень длинное, узкое и заостренное, длина его превосходит ширину основания в два раза, сверху оно более-менее выпукло и слегка сморщено. Другими отличительными признаками служат: вздутая продольная кайма на выпуклом рыле, 4 передних затылочных щитка, расположенных в один ряд, 6 больших задних затылочных щитков, расположенных обычно в два ряда, но иногда и иначе и, наконец, спинные щитки, расположенные в 4—6 продольных рядов и отделенные от затылочных щитков заметным промежутком. Голени снабжены гребешком. Верхняя сторона тела

**Семейство
настоящие
крокодилы**

окрашена в темный оливково-бурый цвет, нижняя же сторона чистого светло-желтого цвета. Взрослые экземпляры достигают в длину до 67 метров, находящиеся же в европейских коллекциях экземпляры чаще всего имеют в длину 3,5 метра.

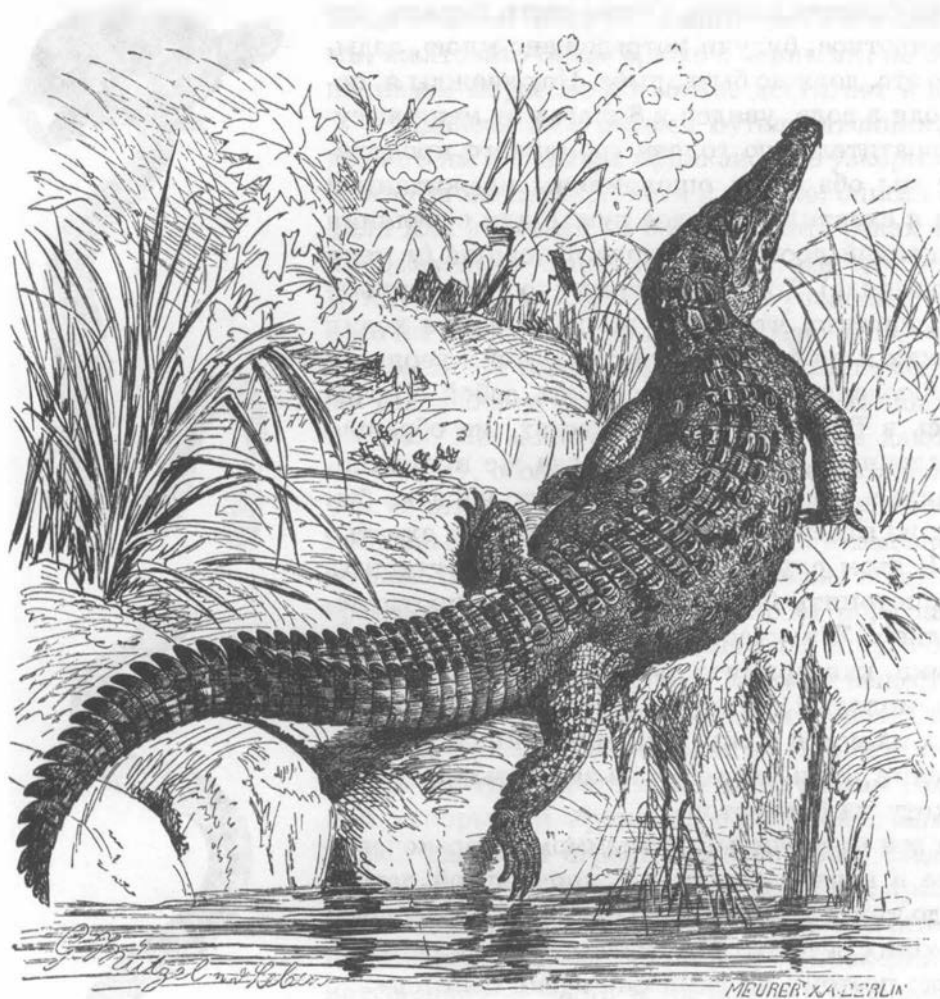
Острорылый крокодил водится на значительной территории южно-американского материка, в средней Америке и Вест-Индии, преимущественно же в пресных водах Эквадора,

Новой Гренады и Венесуэлы, Юкатана, Гватемалы, южной и средней Мексики, Кубы, Сан-Доминго, Ямайки, Мартиники и Флориды. Таким образом, он живет почти во всех странах и на больших островах, лежащих между 30 градусами северной и 5 градусами южной широты.

Нижеследующее описание образа жизни представляет собой извлечение из данных, приводимых А. фон Гумбольдтом в разных местах относительно острорылого и оринокского крокодилов.

«Начиная от
Диаманта, — гово-

рит знаменитый натуралист, — тянется область, густо населенная зверями, и местами она оказывается настоящим царством ягуаров и крокодилов. Один берег реки, вследствие наводнений, пустынный и песчаный, другой — выше и покрыт высокоствольными деревьями; там и сям река ограничена с обеих сторон деревьями. Большие степные четвероногие: тапиры, пекари и ягуары проложили в береговой чаще тропинки, которые служат им путями к реке для питья. Так как они не убегают при виде лодки, то можно наблюдать, как они медленно проходят по берегу и скрываются в какой-нибудь узенькой просеке. Чувствуешь, что находишься среди девственной природы, среди нового мира! То появ-

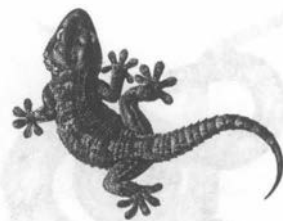
**Острорылый
крокодил**
(*Crocodylus acutus*)

ляется на берегу ягуар, то по берегу медленно шествует гокко; животные различных классов заменяют друг друга. «Здесь находишься точно в раю», — сказал наш рулевой, старый индеец из миссии. Действительно, все напоминает здесь первоначальное состояние мира, о безгрешности и благополучии которого у всех народов существуют издавна благочестивые предания. Но, наблюдая здесь взаимное отношение зверей, мы видим, что они боятся и избегают друг друга; золотой век прошел, и в этом раю американских лесов, как и везде, долгий горький опыт научил всех тварей, что сила и кротость редко совмещаются в живом существе.

«Там, где плоский берег значительной ширины, ряды кустарников удаляются от реки. В этой промежуточной области можно видеть разом несколько крокодилов, числом от 8 до 10, лежащих на песке, с раскрытыми под прямым углом челюстями; покоятся они друг возле друга, не выказывая взаимного расположения, какое мы наблюдаем у животных общественных. Они расходятся в разные стороны, лишь только сойдут с берега, однако, по всей вероятности, группа эта состоит из одного самца и нескольких самок, ибо самцы попадаются довольно редко. Они, вероятно, в период спаривания дерутся друг с другом, и многие погибают в этих боях. Эти мощные пресмыкающиеся так многочисленны, что на всем протяжении реки их можно каждое мгновение видеть по 5—6 штук, хотя Апуре только начала наполняться водой и, следовательно, сотни крокодилов еще лежали, зарывшись в ил саванн».

В реке Невери этих чудовищ масса, даже вблизи ее устья, они пробираются, особенно во время штиля, вплоть до открытого моря. «Легко понять, — продолжает Гумбольдт, — что животное, у которого тело заключено в панцирь, не очень чувствительно к едкости соленой воды. Это наблюдение имеет значение для геологии ввиду удивительного смещения окаменелых морских и пресноводных животных».

«В четыре часа вечера мы принялись измерять мертвого крокодила, выброшенного волной на берег. Он имел только 5,24 метра в длину. Несколько дней спустя Бонплан нашел другого самца, имевшего длину 6,8 метра. Во всех странах, как в Америке, так и в Египте, эти животные достигают указанной длины. Второй вид, часто попадающийся в Ориноко, представляет из себя не каймана или аллигатора, но настоящего крокодила с зазубренными на наружных краях голенями. Он похож на нильского крокодила и называется аруе у таманаков. Крокодил в Апуре движется очень быстро и проворно, когда он нападает; если же он не возбужден гневом или голодом, то ползает медленно, как саламандра. При движении их слышен шум, по-видимому, производимый трением кожных щитков один о другой. Часто мы на берегу слышали недалеко этот шум щитков. Утверждение индейцев, что старые крокодилы, подобно броненосцам, могут приподнимать свои чешуи и весь свой панцирь, оказывается неспра-

*Семейство
настоящие
крокодилы*

ведливым. Они во время движения изгибают спину, и ноги их кажутся длиннее, чем во время покоя. Они движутся по большей части прямо или, как стрела, которая по временам меняет свое направление. Поворачиваются они при желании очень легко, несмотря на небольшие ложные ребра, которые, прикрепляясь к шейным позвонкам, по-видимому, затрудняют движение вбок. Я часто наблюдал, как молодые экземпляры кусают себе хвост; другие наблюдали то же самое и у взрослых крокодилов. Что их движение почти всегда кажется прямолинейным, происходит оттого, что они, подобно ящерицам, движутся толчками. Они плавают превосходно и пересиливают легко самое сильное течение; впрочем, мне показалось, что они не могут быстро поворачиваться, когда плывут вниз по реке. Однажды громадный крокодил начал преследовать в реке большую собаку, сопровождавшую нас на пути из Каракаса. Он уже был совсем близко от собаки, которая избежала опасности единственно благодаря тому, что повернулась и поплыла против течения. Крокодил тоже повернулся, но гораздо медленнее собаки. Собака же тем временем благополучно достигла берега».

Впрочем, нрав осторылого крокодила, как об этом высказывается в нескольких местах Гумбольдт, бывает различен, смотря по местности, в которой он живет. В некоторых реках его очень боятся, в других не очень или совсем не боятся. «Привычки животных одного вида, — так говорит Гумбольдт, — по-видимому, бывают различны в зависимости от местных влияний, выяснить которые очень трудно. В Рио-Буритуку предупреждали нас, чтобы мы не позволяли нашим собакам пить из реки, так как в ней водятся очень свирепые крокодилы. Эти крокодилы, говорили нам, выходят нередко из воды и преследуют собак на берегу. Эта смелость тем более удивительна, что в Рио-Тизанао крокодилы довольно робки и безвредны. Точно так же и в Рио-Невери, в которой встречается много больших крокодилов с щучьим рылом, они не столько злы, как в Ориноко. В связи с развитием культуры в различных местах, а также с более или менее густым населением вблизи рек изменяются, вероятно, также привычки этих больших пресмыкающихся. Они становятся боязливыми на суше и даже убегают от человека, когда они не голодны и когда нападение связано с некоторой опасностью. В новой Барселоне можно наблюдать, как индейцы доставляют на рынок лес; они бросают в реку большие брусья, которые увлекаются течением. Владелец же, вместе со своим старшим сыном, плывет то по одну, то по другую сторону брусьев и сдвигает с мели бревно, остановившиеся в извилах реки. В большинстве же рек, где водятся крокодилы, подобная перевозка запрещена.

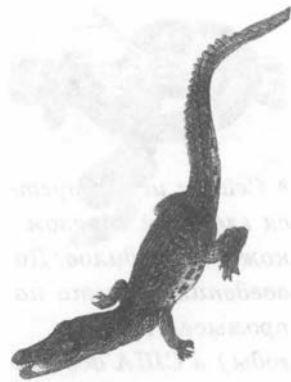
В желудке одного крокодила в 3,6 метра длины мы, т.е. Бонплан и я, по вскрытии, нашли рыбу, наполовину переваренную, и круглые камни, величиной 8—10 см. Нельзя предпола-

гать, чтобы крокодилы случайно проглатывали эти камни, ибо, когда они на дне реки схватывают рыбу, их нижняя челюсть не касается дна. Индейцы придумали неудачное объяснение, будто эти ленивые животные добровольно прибавляют себе веса, чтобы легче нырять. Я думаю, что они проглатывают большие камни для переваривания пищи в желудке, подобно многим птицам, также для большего выделения желудочного сока. Исследования Мажанди говорят за такое воззрение. В Апуре они имеют обильную пищу, именно водосвинок, которые живут по берегам рек группами в 50—60 штук. Эти несчастные животные не обладают вовсе оружием для защиты: они плавают немногим лучше, чем бегают. В воде же они становятся добычей крокодилов, а на суше их пожирают ягуары. С трудом можно понять, как они могут быть столь многочисленны при двух таких сильных врагах. Можно представить себе наше удивление, когда мы увидели, что громадный крокодил лежит без движения и спит среди этих грызунов. Он проснулся, как только мы приблизились в нашей лодке, и медленно направился в воду, причем даже не обеспокоил водосвинок. Наши индейцы объясняли это равнодушие свинок их глупостью; но, по-видимому, водосвинки по опыту знают, что крокодил в Апуре и оринокский не нападают на суше, разве только случайно схватывают добычу, отправляясь с берега в воду.

Опасности, которым подвергаются жители Ориноко, служат у них предметом ежедневных разговоров. Они изучили привычки крокодила так, как бойцы быков привычки последних, — они знают движения крокодилов и их способ нападения и заранее определяют степень их смелости. Если туземцы видят, что крокодилы им угрожают, то прибегают с полным присутствием духа и с решимостью, свойственной индейцам, замбо (помесь индейцев с ниграми) и вообще цветным туземцам, ко всем средствам, известным им с детства. В странах, где природа представляет столько ужасов и опасностей, человек всегда приготовлен к обороне. Молодая индианка, которая без посторонней помощи высвободилась из пасти крокодила, сказала: «Я знала, что кайман меня отпустит, если я ему придавлю глаза пальцами». Эта девушка принадлежала к бедному классу населения, у которого привычка к нужде увеличивает душевную силу. Но по истине поразительно наблюдать в странах, где часто бывают землетрясения, что у женщин из высших слоев общества в момент опасности появляется подобная же находчивость и решимость.

Крокодил вследствие строения своей глотки и язычной кости и вследствие складчатости языка может схватить добычу под водой, но не может ее там проглотить. Поэтому часто человек, схваченный крокодилом, тотчас исчезает, и только спустя часа два можно видеть, как показывается крокодил не очень близко от того места, где произошло несчастье, и проглатывает свою добычу. Тем не менее редко охотятся на этих опасных хищных жи-

Семейство настоящие крокодилы

** Сейчас используется главным образом кожа крокодилов. До введения запрета на промысел (1960-е годы) в США добывалось до 50 тысяч крокодилов ежегодно. В 1980 году мировые объемы уничтожения крокодилов составили 7 миллионов. В настоящее время на фермах Флориды содержится около 12 тысяч крокодилов, 25% поголовья которых ежегодно поставляется на рынки. Только Япония импортирует более 100 тысяч шкур аллигаторов и крокодилов в год.*

вотных. Они очень хитры, а потому их нелегко убить. Пуля тогда лишь бывает смертельна, если она попадет в пасть или под мышку. Индейцы, редко пользующиеся огнестрельным оружием, нападают на них с копьями, когда крокодилы попадают на острые, крепкие железные удочки, к которым, в виде приманки, прикреплено мясо; и то индейцы подходят только тогда, когда крокодилы долго промучаются, стараясь освободиться от железа. Невероятно, чтобы такая охота могла совершенно очистить страну от крокодилов, так как из многочисленных рек каждый день приходят новые полчища от восточного склона Андов через Мету и Апуре к берегам Испанской Гвианы. Результатом усиленной охоты будет лишь то, что крокодилы сделаются боязливей и поэтому их легче прогнать».

В Южной Америке из убитых крокодилов извлекают мало выгоды. Гумбольдт упоминает только, что жир каймана служит прекрасным слабительным, а белое мясо в некоторых местах охотно употребляют в пищу*.

Острорылые крокодилы имеют не много опасных врагов, кроме человека. Часто рассказывают о битвах между крокодилами и большими удавами, но эти рассказы не заслуживают ни малейшего доверия. Вообще крокодилы обращают внимание только на животных, могущих служить им добычей, к остальным же они остаются совершенно равнодушны. Гумбольдт рассказывает, что маленькая белоснежная цапля часто бегаёт по спине и даже по голове крокодила, а он не обращает на это никакого внимания. Здесь мы видим случай, аналогичный тому, как относится крокодил к своему «сторожу». Шумливые обитатели их реки, по-видимому, не нравятся крокодилам: Гумбольдт видел, что крокодилы ныряют, если близко к ним подходят дельфины. Старые крокодилы хорошо защищаются против нападения других животных; молодых же подстерегают ревностно и с успехом различные болотные птицы и грифы.

Относительно их размножения есть старое исследование Уллоа. «Они откладывают, — так описывает он, — в течение двух дней, по крайней мере, 100 яиц и, помещая их в ямках в песке, прикрывают и барахтаются сверху, чтобы скрыть следы. Вслед за этим они удаляются на несколько дней, по прошествии которых возвращаются в сопровождении самца, разрывают песок и разбивают скорлупу яиц. Мать помещает затем молодёжь к себе на спину и несёт их в воду. По дороге к воде нескольких утащит гриф, самец съест столько штук, сколько может, даже мать пожирает тех, которые упадут или же не умеют плавать, так что в конце концов остается не более 5 или 6 штук.

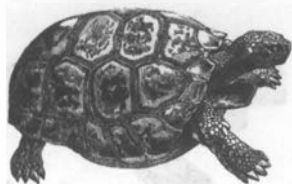
Грифы очень любят яйца крокодилов и поэтому летом, как часовые, скрываются на деревьях, следя внимательно за самкой во время кладки. Как только она удалится, они набрасываются на гнездо, разрывают клювом и когтями песок и вступают из-за

яиц в драку». Едва ли нужно упоминать о том, что у Уллоа правдоподобное перемешано с фантазией. Правдоподобное подтверждено Гумбольдтом. «Крокодилы, — рассказывает он, — кладут яйца в отдельные ямки, и самка возвращается ко времени созревания яиц, зовет молодых крокодилов, те ей отвечают, и она помогает им выйти из земли». Я не знаю, наблюдал ли Гумбольдт лично вышесказанное или передает слышанное им. Мне же не удалось найти то место в его сочинении, на которое он указывает. Впрочем, это становится несколько правдоподобным после новейших исследований Фельцкова над нильским крокодилом. Молодые крокодилы предпочитают широким и глубоким рекам маленькие лужи и рвы с водой. Во рвах, окруженных камышом, их находят в таком изобилии, что они там кишат, как черви.

По исследованиям Гумбольдта, оринокский крокодил подвержен летней спячке. «Ниже впадения Рио-Араука, — говорит он, описывая свое путешествие, — появилось крокодилов больше, чем прежде, особенно сравнительно с большим озером, соединенным с Ориноко. Индейцы сказали мне, что эти крокодилы пришли с суши, где они лежали под илом саванн. После первого ливня они пробуждаются от оцепенения, собираются массами и направляются к реке, где снова расходятся. Под тропиками они пробуждаются тогда, когда становится более влажно; в умеренных же странах, Джорджии и Флориде, их пробуждает усиливающаяся жара. Эта жара выводит их из состояния оцепенения или ослабления нервов и мышц, во время которого дыхание совсем прекращается или, во всяком случае, очень сильно ослабевает. Время сильной засухи, неправильно названное летом жаркого пояса, соответствует зиме умеренного пояса. Поэтому замечательно с физиологической точки зрения то, что в Северной Америке аллигаторы вследствие холода находятся в зимней спячке, а крокодилы в то же самое время в льяносах находятся от жары в летней спячке. Вероятно, что аллигаторы и крокодилы, принадлежащие к одному семейству, жили когда-нибудь вместе в северных странах. Переселившись к тропикам, они тем не менее и в новом климате ведут тот же образ жизни и чувствуют потребность дать отдохнуть своим мускулам, проработавшим 6—7 месяцев. Нам показали хижину или скорее род сарая, где с нашим хозяином произошел весьма удивительный случай. Однажды он спал со своим другом на обтянутой кожей скамейке; вдруг он рано утром просыпается от сильных толчков, шума и стука глыб земли, ударяющихся о хижину. Немного погодя, под скамьей появляется молодой крокодил, длиной в метр, и направляется к собаке, лежащей на пороге дверей. Собака, конечно, обращается в бегство, а крокодил поспешно идет к берегу и входит в реку. Исследовали почву под скамьей, и странное приключение объяснилось. Оказалось, что в высохшем, сильно разрытом теперь иле крокодил лежал в летней спячке и проснулся от шума людей и лошадей, а

Семейство
настоящие
крокодилы

может быть, и от запаха собаки. Хижина стояла у пруда и часть года бывала под водой. Несомненно, что во время наводнения саванн крокодил попал в ту яму, из которой видели его выходящим. Итак, мы видим, что в льяносах жара и зной оказывают на зверей и на растения действие, подобное холоду. Многие пресмыкающиеся, особенно крокодилы, неохотно покидают лужи, в которых они во время разлития реки нашли воду. Чем больше эти водоемы высыхают, тем более они зарываются в ил, следуя за влагой, необходимой для того, чтобы сохранить гибкость их покровов. В этом состоянии покоя наступает у них оцепенение; они хотя не совершенно отрезаны от доступа воздуха, но этот доступ воздуха очень мал. Впрочем, его достаточно для поддержания дыхания у животного, которое хотя и имеет большие легочные мешки, но не производит никаких мускульных движений и приостанавливает всякое жизненное проявление».

Наиболее известный и, если можно так выразиться, знаменитейший из всех крокодилов, нильский, издревле служил предметом для верных описаний и баснословных рассказов. Уже Геродот описал его, о нем упоминается и в Библии. Первый в точности описывает то, что он сам видел во время своего пребывания в Египте, а в книге Иова мы находим прекрасное и вполне характерное описание крокодила под названием «Левиафана». «Образ жизни крокодила, — так приблизительно рассказывает Геродот, — следующий: он живет на суше и в воде, откладывает и высиживает яйца на суше, где и проводит большую часть дня, а на ночь возвращается в реку, так как вода ночью теплее, чем ясное небо и роса. Он становится из самого маленького самым большим между всеми животными. Яйца его не больше гусиных, и детеныши сначала очень незначительной величины; но, выросши, он имеет в длину 17 локтей. У него четыре ноги, глаза как у свиньи, большие выдающиеся зубы, языка нет. Он не двигает нижней челюстью, но, наоборот, приподнимает верхнюю, что не свойственно ни одному животному. Когти у него большие, кожа, покрытая чешуей, не может быть отделена от спины. В воде он слеп, на воздухе же он обладает острым зрением. Так как он живет в воде, то рот его наполнен пиявками. Его избегают все птицы и звери, с птицей же *Trochilus* он живет в дружбе, потому что она ему полезна. Когда он, выйдя на сушу и повернувшись против ветра, лежит с раскрытой пастью, тогда в эту пасть входит трохил и поедает пиявок; крокодилу эта услуга нравится, и поэтому он оставляет птицу невредимой. В течение четырех холодных зимних месяцев он не принимает никакой пищи. В Египте называют его не крокодилом, а хампсой; ионийцы же называют его крокодилом ввиду сходства с ящерицами, бегающими по стенам их садов».

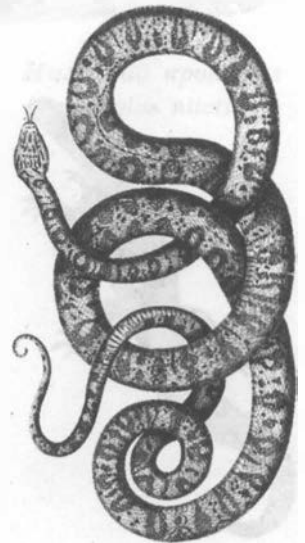
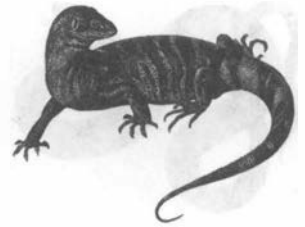
Другие старинные писатели, такие, как Аристотель, Диодор Сицилийский, Сенека, Страбон, Плиний, Плутарх, Максим Тирий,

Дий Кассий, Элиан, Флавий Вописк и Аммиан Марцеллин, писали также о нильском крокодиле и сообщали многое, заслуживающее внимания. Впрочем, они лишь немного пополнили пробелы в описании Геродота, которое лишь мало противоречит действительности. Зато они бесхитростное описание этого писателя украсили различными сказаниями.

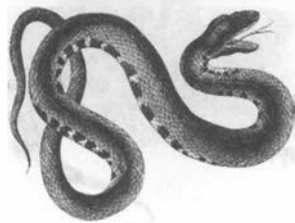
Много сведений, сообщенных ими, собрано Геснером, и мы передадим их здесь со слов Форера, переводчика «Книги животных» Геснера. «Это животное (крокодил) — водное, хотя иногда и выходит на сушу, и его следует назвать водным крокодилом, в отличие от наземного, никогда не заходящего в воду. Этот водный крокодил находит пищу в воде, а для дыхания должен высовывать морду на воздух, где и дышит посредством легких. Поэтому он не может обходиться ни без воды, ни без воздуха. Ночь он обыкновенно проводит в воде, а днем выходит на сушу и лежит на солнце так тихо и неподвижно, что его можно, по неопытности, принять за мертвого. Пищей служит им все, что попадается навстречу: люди, как старые, так и молодые, всевозможные звери, телята, собаки и разные рыбы. Все это они пожирают, разорвавши когтями. Сперва они убивают жертву ударами хвоста, который у них очень силен. Эти животные очень плодовиты, носят яйца внутри тела в течение 60 дней, затем, откладывая в течение 60 дней по одному яйцу, кладут 60 яиц, величиной с гусиные. Высиживают они яйца в течение 60 дней, по истечении которых выходит молодежь. Яйца они откладывают в сухой земле, на песчаных, теплых местах. Высиживают яйца как самец, так и самка, причем они, по словам Solinus'a, чередуются. Нет ни одного животного, которое из такой незначительной величины в начале жизни достигло бы впоследствии столь большого роста, именно, из яйца, как сказано, величиной с гусиное, вырастает крокодил, достигающий длины в 26 локтей. Впрочем, некоторые пишут, что его рост не останавливается в продолжение всей жизни, которая длится в течение 60 лет.

Крокодил, животное лживое, хитрое, неприязненное и хищное, может считаться врагом всех остальных тварей. Когда же молодежь вылупится из яиц, крокодил перестает хищничать, а заботится о ней. Молодь не тотчас же хищничает, а сначала жует соломинки, травки, ящериц, мух и т.п., а затем мать их научает есть и более крупных животных.

Птичка *Trochilus* находится в большой дружбе с крокодилом, так как у крокодила, как у водного животного, в пасти много пиявок, и кроме того, между зубами от пищи остается много мяса, которое эта птичка очень любит. И вот, когда крокодил ложится спать на солнце, по обыкновению, с открытой пастью, птичка влетает к нему в пасть, начинает клевать и очищать зубы от мяса. Это крокодилу доставляет большое наслаждение, и потому он оставляет птичку в покое и не закрывает пасти. Если же у него явится желание,

Семейство
настоящие
крокодилы

* Одно из названий
египетского
мангуста.

чтобы она вылетела, тогда он приводит слегка в движение верхнюю челюсть и позволяет птичке улететь неповрежденной.

«Крокодилы вовсе не всегда оказываются свирепыми и вредными, если имеют достаточно рыбы или другой пищи; их можно сделать даже совсем ручными. Когда же они расшвирепеют от голода, тогда они до такой степени люты, что одним ударом хвоста убивают самых сильных животных и пожирают их с жадностью.

Самец у этих животных чувствует пылкую любовь к самкам. Проезжающие по Нилу матросы заставляли часто крокодилов во время спариванья. Самка в это время лежит на спине. Матросы с сильным, неистовым криком подбегают к ней. Самец от испуга быстрым скачком скрывается в воде, самка же не может из-за коротких ног перевернуться на брюхо и бывает умерщвлена. Обыкновенно самец помогает ей повернуться. Когда же самец возвращается и находит на том месте, где лежала самка, кровь, он делается страшно зол, преследует матросов, схватывает зубами и когтями корабль и часто подвергает его большой опасности.

Свиньи, говорят, находятся в удивительной дружбе с крокодилом: те, которые пасутся вблизи Нила, никогда не подвергаются нападению со стороны крокодила; фараонова крыса (*Ichneumon*)*, напротив, враждебна крокодилу и уничтожает его яйца, если только набредет на них. Когда крокодил спит с открытой пастью, ихневмон вползает ему в брюхо, изгрызает и разрывает внутренности и весь живот до тех пор, пока не выйдет, прогрызши кожу. *Trochilus* хорошо знает об этом и из любви и природной склонности к крокодилу, замечая подобную опасность, будит крокодила. Одно семейство обезьян, так называемые *Cercopithecus*, один вид диких быков и ястребы враждебны крокодилу. Особенно же вредят ему дельфины, заходящие в Нил из моря. Когда какой-нибудь из них заметит в воде крокодила, тогда, помня хорошо, что он на спине усажен очень острыми шипами и вооружен ими как бы ножами, а что брюхо у него мягкое, он тихо погружается в воду под крокодилом, затем вдруг сильным толчком разрывает ему мягкое брюхо. Подобное строение крокодила позволяет рыбе, уступающей по величине и силе такому большому и сильному зверю, побеждать его. Таким образом, каждое животное имеет природного врага, которое угрожает его жизни. Крокодил и скорпион являются также исконными врагами, и египтяне, желая представить двух равных врагов, приводили всегда в пример крокодила и скорпиона.

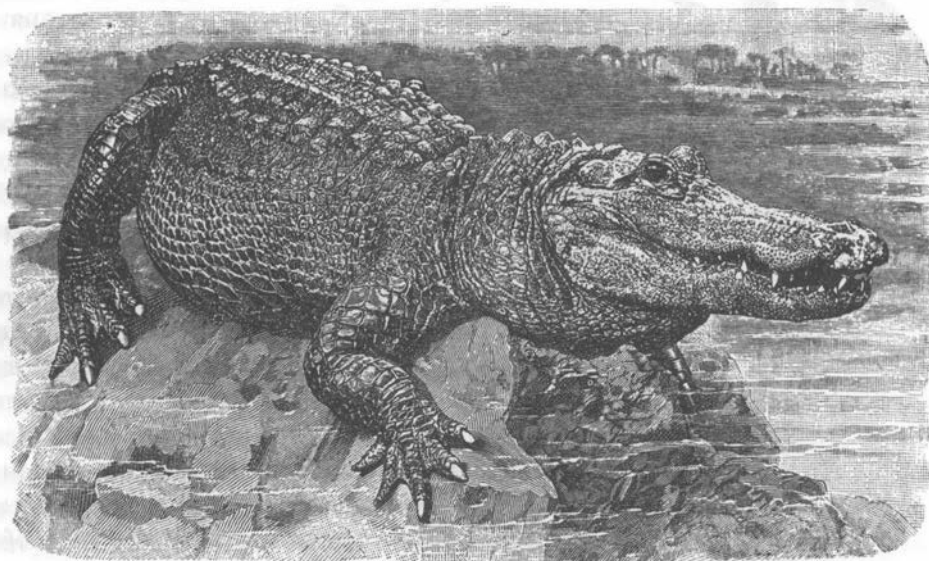
Я достаточно ознакомился с этим «левиафаном» во время своих путешествий, наблюдал их в Египте, Нубии и Восточном Судане, сотни их видел, во многих прицеливался, часто их убивал, держал в неволе, отведывал их мяса и яиц. Могу по совести сказать, что хорошо знаю нильских крокодилов.

Нильский крокодил (*Crocodylus niloticus*) может достигать в длину до 10 метров. Впрочем, я думаю, что это несколько преувеличено; в действительности же они достигают 5, чаще 6 метров в длину. Он значительно отличается от близко стоящих к нему **гребнистого крокодила** (*Crocodylus porosus*) и **сиамского крокодила** (*Crocodylus siamensis*) отсутствием всякого рода гребней на передней части головы или рыле. За черепом лежат в один поперечный ряд 4—6 килеватых щитков, на затылке их 6, число поперечных рядов щитков на спине различно, чаще их 16 или 17, хвостовых щитков бывает 17—18 парных и 18—20 одиночных. Основная окраска темная бронзово-зеленая, причем на спине находятся маленькие черные пятна, на боках туловища и шее замечаются неправильно расположенные темные пятна, а нижняя поверхность тела грязно-желтая. Впрочем, окраска бывает довольно разнообразна.

Местопробыванием нильскому крокодилу, таким образом, служат воды большей части Африки, как береговой области, так и внутренней части материка. Из реки, название которой он носит, он распространяется на восток к югу до области Лимпопо, а на запад от Сенегала до Кунене, а в области озера Чад, по словам Нахтигалья, от вод Вадиса к югу до озера Нгами. Указание Де-Бари, что крокодилы встречаются в Сахаре, севернее 25 градуса широты, в болотах Вади-Михеро, ошибочно. По всей вероятности, многочисленные следы ног, которые Де-Бари видел в иле и принял за следы небольших крокодилов, имевших 5—6 футов длины, принадлежали степному варану. Из островов крокодил живет на Мадагаскаре, Коморских и Сейшельских, но на западноафриканском острове Биоко его нет. Он водится и в стоячей, и в текучей воде, как в озерах и болотах, так и в лужах и дождевых прудах, в многоводном потоке и в незначительной речонке. Он выбирает преимущественно спокойные и глубокие места вод.

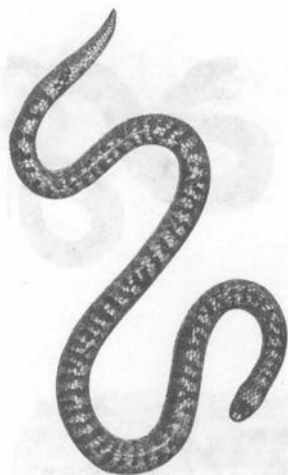
Нильский крокодил, которого арабы называют ледшун, кроме того, живет теперь в Палестине, но только в одном месте и в немногих экземплярах, в Крокодиловой речке.

В Египте крокодил в настоящее время почти совсем уничтожен. Стрелы и пращи, о которых упоминается в Библии, конечно,

Нильский крокодил
(*Crocodylus niloticus*)

Семейство
настоящие
крокодилы

не могли изгнать их, но ружейные и винтовочные пули скоро уничтожили этих животных. Наш левиафан хотя и не отступал перед ними, а выдерживал нападение как герой, однако сожительство с современным человеком оказалось для него непосильным. Его золотой век уже почти везде прошел, дни его сочтены, с тех пор как новые охотничьи ружья пробивают его панцирь, как картон. Каждый ребенок может теперь с ним справиться. Над смелым ихневмоном, героем древних преданий, теперь смеются, и его подвиги считаются сомнительными. Ему теперь не приходится поедать яйца крокодилов и вползать в их пасть, чтобы съесть сердце чудовища, так как немногие, оставшиеся в живых крокодилы, которых я видел в Египте, вероятно, в последние годы уже погибли под пулями европейских путешественников. Ихневмон же должен довольствоваться теперь вместо яиц крокодилов куриными яйцами, которыми, впрочем, он, по моему твердому убеждению, всегда питался.

Мое первое знакомство с крокодилом показало мне, что в Египте дни его сочтены. Однажды иезуиты, отправляющиеся в Судан для проповеди христианства язычникам Белого Нила (я вместе с ними отправился в первый раз во внутреннюю Африку), подняли охотничий крик и схватились за свои винтовки. Щелкнуло шесть выстрелов, но я не стрелял, так как сразу заметил, что лежащий смело на виду крокодил уже мертв и был убит опередившими нас путешественники. Но если бы чудовище и было бы живым, то оно все-таки не было бы застреленным, так как из шести пущенных в него пуль ни одна не попала. Но из этого охотничьего пыла, который так сильно возбудил даже духовных лиц, я понял, как в наши дни плохо приходится этому травленому зверю, впрочем, впоследствии я сам старался убедить крокодилов, что им теперь плохо жить.

В этом лежит причина, почему в Маабдийских пещерах в Египте насчитывают крокодилов тысячами, но — в виде мумий. В Судане и особенно во внутренней Африке, где ружья не вытеснили старинного оружия туземцев, дело обстоит иначе. Там еще существует старинная поговорка: «Если ты подымеешь на него руку, то помни, что завяжется бой, которого ты не избежишь», особенно у тех рек, берега которых заняты девственным лесом. Поэтому здесь нужно быть очень осторожным. На каждой песчаной отмели можно найти, по крайней мере, одного большого крокодила и с полдюжины меньших, различного возраста и разной длины. Здесь в топях, озерах и болотах можно наблюдать прекрасные экземпляры этих чудовищ. К Судану еще вполне применимы слова Священного Писания относительно страшного левиафана, ибо там нет ни одного села, жители которого не рассказывали бы о несчастных случаях, нет ни одного человека, который бы, удивляясь силе «Тимзаха», не проклинал бы его. На последнее суданцы действительно имеют полное право, ибо они совершенно бессильны против крокодила и должны, не оказывая сопротивления, позволять ему уйти, когда страшный хищник та-

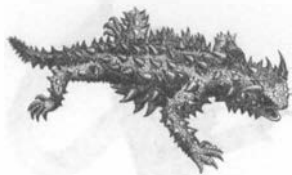
щит на глубину их детей или домашних животных. Они с трудом побеждают его, но не могут уничтожить. Можно предположить, что в Голубом и Белом Ниле живут еще сотни и тысячи крокодилов, так как я видел их везде. Я насчитал их в течение одного дня в Голубом Ниле больше 30 штук и на одной только песчаной отмели 18 штук. Между ними были исполины, достигавшие в длину не менее 5 метров, которым наверно было несколько сот лет. Я должен заметить при этом, что ошибиться относительно длины крокодила, греющегося на солнце вне воды и движущегося в воде, так же легко, как относительно длины змеи. Крокодил, имеющий 5 метров в длину, представляет из себя на самом деле исполинское чудовище, но кажется невооруженному глазу еще длиннее, чем в действительности. Я не думаю, чтобы между сотнями виденных мной крокодилов был хоть один в 7 метров длины. Поэтому я оставляю под сомнением те сообщения, в которых говорится о крокодилах, имеющих в длину около или больше 9 метров. Эти сообщения не основаны на точном измерении; длина крокодилов вычислялась на основании длины черепов. Вследствие этого часто впадали в ошибку, так как череп старых крокодилов несравненно длиннее, чем череп молодых экземпляров. Крокодил, имеющий 5 метров в длину, может считаться взрослым, тем не менее, хотя и очень медленно, рост его постоянно увеличивается. По всей вероятности, он растет до конца своей жизни, который наступает, при очень благоприятных условиях, наверно только по прошествии необычайно длинного периода.

Песчаная отмель, на которой крокодил уютно может погреться на солнце, является главным условием при выборе ими местопребывания. Быстрых мест в реке он не любит, очень редко его находят в потоках с сильным течением. Он с постоянством и упорством держится раз избранного местопребывания. Мы всегда обращали внимание на участки реки, изобилующие крокодилами, и старые люди уверяли нас, что они еще с детства замечают всегда одного и того же крокодила на определенной песчаной отмели. В дождливое время он предпринимает иногда небольшие экскурсии внутрь страны, но держится там в дождевых потоках или в лесах, залитых водой. Тот, кто привык думать, что крокодил неловок, ошибается. В воде крокодил очень проворен, плавает и ныряет на всякой глубине очень быстро и рассекает волны, как стрела прорезает воздух. Необычайно сильный хвост служит ему отличнейшим рулем, а хорошо развитые плавательные перепонки на задних лапах помогают ему двигаться куда угодно и принимать всякое положение в воде. Когда он хочет отдохнуть, тогда он погружает по косому направлению заднюю часть своего тела в воду. В это время его голова лежит по всей длине горизонтально на поверхности воды. Он удерживается в таком положении, по-видимому, слабыми толчками хвоста. Он может также оставаться неподвижным, если у него легкие с избытком наполнены возду-

*Семейство
настоящие
крокодилы*

*Семейство
настоящие
крокодилы*

** Нильский крокодил может пробыть под водой максимум до 6 часов.*

хом. Если он хочет опуститься на дно реки, тогда он опоражнивает дыхательные пути и бросается на глубину вниз головой, причем, подобно играющим дельфинам, выставляет часть спины и, по большей части, также и кончик хвоста*. Если он хочет быстро проплыть известное пространство, тогда он машет хвостом вправо и влево и гребет одновременно задними лапами, хотя последние преимущественно служат рулем. Рассерженный и в смертоносном бою он бьет по воде так сильно, что вполне оправдывает библейское описание: «Он кипятит пучину, как котел, и море превращает в кипящую мазь» (Иов, гл.41, ст.23). На земле он также движется довольно ловко, хотя только в исключительных случаях проходит большие пространства на суше. Когда он карабкается на песчаную отмель, то проделывает это обыкновенно очень медленно: передвигает одну ногу за другой и держит тело так низко, что оно волочится по песку. При этом задняя часть тела приподнята выше, чем передняя. Если он находится в некотором отдалении от реки, то, испуганный, очень быстро бросается в воду. С такой же скоростью он выскакивает из воды на сушу, когда желает схватить замеченную им добычу. Мой друг Пенней во время своего путешествия натолкнулся однажды на крокодила, который спрятался в дождевом потоке, почти сплошь наполненном сухими листьями. При приближении всадников крокодил убежал и поспешил напрямик к реке, находившейся на расстоянии около 10 километров. Он это проделал так быстро и торопливо, что его нельзя было догнать на очень быстрых верблюдах. Известное старинное повествование о том, что крокодилы не умеют двигаться зигзагами, не что иное, как басня, может подтвердить каждый наблюдатель, видевший, как крокодил выползает из воды на песок и возвращается обратно в воду. Он на протяжении этого короткого пути описывает круг, диаметр которого немногим превышает длину тела крокодила.

Мнение Геродота о зрении неверно, так как крокодил обладает под водой чрезвычайно острым зрением и на суше видит довольно хорошо. Если же отец истории хотел сказать, что зрение у крокодила не является самым развитым чувством, тогда он прав, потому что самым развитым чувством у крокодила следует считать слух. Во всяком случае, крокодил слышит лучше, чем другие, пожалуй, даже, чем все остальные пресмыкающиеся. Он различает, в чем легко убедиться на охотах, самый незначительный шорох и в большинстве случаев обязан в минуту опасности этому острому слуху своим спасением и безопасностью. Незрелыми, чтобы не сказать тупыми, являются чувства обоняния, вкуса и осязания, что может быть доказано некоторыми наблюдениями. Нельзя отказать крокодилу в известной степени понятливости. Он не забывает преследований, которым подвергался, и на будущее время старается тщательно их избегать. Все крокодилы, живущие в Египте во время моего пребывания, при

приближении корабля уползали всегда в воду. Это они проделывали всегда так своевременно, что ни разу нельзя было послать им вдогонку пули из ружья. Наоборот, крокодилы, живущие в реках Судана, подпускают значительно ближе к себе судно, и, вследствие этого, их можно застрелить с судна. Старые крокодилы, появляющиеся в течение многих лет на одной и той же песчаной отмели, оставляют ее, если их несколько раз потревожить, и выбирают другую. Выбор свой они делают с известным умением, руководясь тем, чтобы на ней можно было уютно поспать и согреться на солнце. Они также с точностью помнят места, доставлявшие им не раз добычу, именно дороги, ведущие к реке, по которым часто проходят стада животных и женщины спускаются за водой. С этих мест они не сводят глаз и вблизи их подстерегают добычу. Однако они не делают различия между людьми, могущими нанести им вред, и такими, которых вовсе не нужно бояться, но предпочитают действовать наверняка и прячутся в воду всякий раз, как увидят людей. При нападении на добычу они проявляют явное лукавство, которое, впрочем, нельзя сравнивать с хитростью млекопитающих или птиц. При этом ясно выказывается неуклюжесть, дикость и незначительная понятливость крокодила. Их образ жизни различен, смотря по обстоятельствам. На суше крокодил жалок и труслив, в воде же он, хотя не дерзок, но смел и предприимчив. По-видимому, он убедился в безопасности, которую доставляет природная среда, что и видно из его поведения. Крокодил живет с равными ему по величине животными того же вида в добром согласии, за исключением времени спаривания*. Крокодилы же менее значительной величины находятся постоянно в опасности, так как крокодил, томимый голодом, теряет всякое самообладание. Он обращает на других животных внимание только тогда, когда можно одно из них схватить и пожрать, а тем, которых он не может схватить, позволяет бродить очень близко около себя.

Крокодил способен издавать крик, похожий на глухое мычание; впрочем, он кричит только при сильном возбуждении. Я полагаю, что можно наблюдать крокодила в течение нескольких месяцев и не слышать его голоса; если же его испугать неожиданно или нанести рану, тогда он начинает глухо ворчать или даже громко мычать. На одной охоте на цапель у Белого Нила я осторожно приблизился к крутому берегу и увидел у моих ног, вместо желанной птицы, крокодила. Предназначенный для цапли заряд я пустил в череп крокодилу. Он, разъяренный, выдвинулся из воды, громко заворчал и исчез под волнами. Тот крокодил, на которого набрел Пенней, выразил свой испуг мычанием. Когда он рассержен, то слышится трубное или глухо шипящее сопение. Молодые крокодилы, недавно только вылупившиеся из яйца, издают своеобразно квакающий звук, напоминающий веселую трескотню лягушек**. Крокодил обыкновенно выходит из

** Согласно современным представлениям, у нильских крокодилов выявлены иерархические отношения. Для доминантных крокодилов характерен территориальный образ жизни, подчиненные особи территории не имеют.*

*** Действительно, звуковые сигналы крокодилов могут быть достаточно оригинальны. Крики крокодиловых кайманов, например, длятся 0,1 секунды и включают два компонента — вступление (3,2 и 6,4 КГц) и основную часть (0,8 и 1,6 КГц). При этом они опускают нижнюю челюсть в воду и издают глухое ворчание. Аллигаторы устраивают концерты в виде импульсивных звуков продолжительностью до 1 минуты. Они способны фыркать, реветь, хрипеть, хрюкать и т.д.*

Семейство настоящие крокодилы

реки около полудня, чтобы погреться на солнце и поспать. Он не может спать на воде, потому что при неправильном, произвольном дыхании он опускается в глубину, где, вследствие потребности в воздухе, он должен скоро проснуться; однако при известных условиях крокодилы, лежащие на воде, могут предаваться полудремоте: по крайней мере мои пленники так поступали. Для своего полуденного сна он вползает на низменную песчаную отмель очень медленно и осторожно, внимательно обозревает окрестность своими зеленоватыми глазами и после продолжительного осмотра ложится спать, причем сразу грузно опускается на брюхо. Он лежит, почти всегда свернувшись, причем рыло и конец хвоста направлены к берегу. Часто конец хвоста обмывается при этом водой. Растянувшись удобно, он приподнимает крышечку, закрывающую его ноздри, сопит, зевает и открывает, сколько может, свою зубастую пасть. С этого момента он лежит неподвижно на одном месте и, по-видимому, скоро засыпает, но нельзя сказать, чтобы сон его был очень глубок, так как каждый, едва слышный шорох пробуждает его и заставляет прятаться в воду. Я наблюдал это приготовление ко сну крокодила с помощью зрительной трубы из одной землянки, расположенной на той же отмели. Поэтому я могу поручиться за каждое вышесказанное слово.

Крокодил лежит на суше вплоть до захода солнца, иногда их собирается многочисленное общество. Случается, некоторые лежат отчасти друг на друге, обычно же они лежат поодиночке, отдельно один от другого, особенно молодые находятся на почтительном расстоянии от старых. С наступлением сумерек все острова пустеют, в это время начинается охота, продолжающаяся в течение всей ночи и даже в утренние часы. Предметом охоты в реке служат главным образом рыбы. Не подлежит никакому сомнению, что громадные, тяжеловесные, по-видимому, неповоротливые крокодилы умеют ловить этих проворных водных обитателей, так как рыбы составляют настоящую, если можно так выразиться, их природную пищу. Кроме рыб крокодил схватывает всех больших и маленьких млекопитающих, пришедших, по неосторожности, к реке для питья, а также болотных и водяных птиц, которых может поймать. Он приближается к водопою или стоянке своей добычи очень осторожно, погружается совершенно в воду, плавает тихо и бесшумно и выставляет из воды только ноздри для дыхания. Нападая, он бросается на берег, как я не раз наблюдал, быстро, как молния, и в прямолинейном направлении. Крокодил никогда не решается преследовать на суше не пойманную в воде добычу. Мы видели с истинным наслаждением, как пьющая у реки антилопа вдруг двумя сильными скачками очутилась на вершине берега, и в тот же момент крокодил погнался за ней лишь только до середины высоты берега. Он обманывает птиц своим видимым спокойствием, невнимательностью и неподвижностью и делает вид, что и не помышляет вовсе об их

преследовании. Затем, бросившись моментально вперед, попадает в их гущу или же сначала приближается к ним очень медленно, дюйм за дюймом, а потом, находясь от них на достаточном расстоянии, переходит к нападению. «Я постоянно бывал свидетелем, — говорит Бэкер, — как он бросался на густые стаи маленьких птиц, которые роятся в кустах на берегу реки. Эти птицы сознают постоянно свою опасность и убегают, если возможно, до нападения. Крокодил лежит на поверхности воды так спокойно и невинно, точно он попал туда случайно. Таким образом, он обращает на себя внимание птиц и, заметивши их взоры, медленно уплывает на значительное расстояние. Птицы, одураченные обманщиком, будучи убеждены, что опасность миновала, возвращаются в кусты и, побуждаемые жаждой, погружают свои клювы в воду. Занятые утолением жажды, они не замечают, что их враг исчез с поверхности воды. Внезапный плеск, появление под кустом пары сильных челюстей и проглатывание нескольких дюжин жертв — вот результаты неожиданного возвращения крокодила. Он коварно скрылся в воду и, под охраной ее, возвратился. Я наблюдал, что крокодилы постоянно ведут охоту именно вышеуказанным способом; обманывают ложным отступлением и бросаются затем из-под воды».

Я несколько не сомневаюсь в истине сообщения Бэкера, что жертвой взрослому крокодилу служат также птицы величиной с зяблика; Дэй находил в исследованных желудках болотного крокодила, похожего на описываемый вид, не только остатки речных выдр, птиц, змей, ядовитых и неядовитых, но и остатки водяных жуков, попавших, вероятно, вместе с добычей. Нильский крокодил так же мало, как и болотный, пренебрегает маленькой, незначительной добычей, хотя всегда предпочитает крупную. Гессе нашел в желудке крокодила, имевшего в длину только 2,7 метра, вместе с несколькими потертыми осколками зеленых бутылок остатки 40 крыс. Он охотится даже на больших млекопитающих животных: стаскивает на глубину реки ослов, лошадей, быков и верблюдов. На двух главных разветвлениях Нила пастухи ежегодно теряют многих животных из своих стад. Мы видели у Голубого Нила быка, лежавшего на берегу без головы. Владелец его, плача, рассказал нам, что за несколько минут до этого его схватил «сын, внук и правнук проклятого Аллахом чудовища» и откусил голову зубами, я и до сих пор не могу себе объяснить, несмотря на сильное вооружение пасти, столь мощное проявление силы*. Что он одолевает верблюда, я впоследствии убедился.

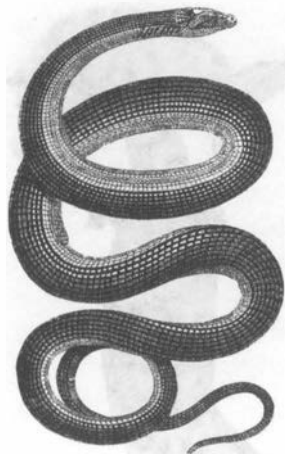
Во время моего пребывания в Хартуме у одного верблюда, отправившегося на водопой к Белому Нилу, крокодил откусил ногу, и когда я поехал к реке, то увидел, что пастухи в Восточном Судане принимают, при водопое своих верблюдов, меры осторожности. Они гонят стада в реку с сильным криком, и всех животных разом, для того чтобы шумом и суматохой прогнать кроко-

* Нильские крокодилы иногда объединяются при охоте и поедании пищи. Известны случаи, когда крупную добычу два крокодила разрывают, схватившись в нее с двух сторон и крутясь вокруг собственной оси в разных направлениях.

Семейство
настоящие
крокодилы

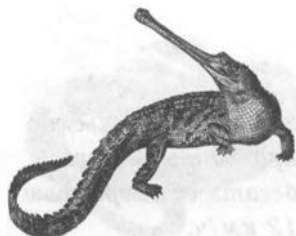
дила. Более мелких животных, коров, лошадей, ослов, овец и коз никогда не поят прямо из реки, в которой водятся крокодилы, а всегда из особо вырытых на берегу бассейнов и прудов. Пастухи должны наполнять эти водохранилища водой или же они отгораживают в самой реке густым терновым плетнем участок, для того чтобы образовать безопасный от страшных хищников водопой. Пожиранием людей крокодил еще опаснее, чем похищением домашних животных. В Судане повсюду происходят ежегодно несчастия, а что путешественники мало слышат рассказов об этом, объясняется тем, что они не особенно справляются о них. Старые люди всегда могут рассказывать любознательному чужестранцу, что крокодил утащил в мутные волны такого-то и такого-то, сына того и того, потомка этого и того, и еще разных животных: лошадей, верблюдов, мулов, ослов, собак, овец и коз. Утащив, он их пожрал целиком или, по крайней мере, откусил у них конечности. Большею частью туземцы становятся добычей крокодила тогда, когда они входят в реку черпать воду. Эти опасные хищные звери встречаются даже у водопоев больших деревень и городов. Во время моего пребывания в Хартуме один мальчик в нескольких шагах от дома был схвачен, потоплен, выброшен на песчаную мель, находившуюся среди реки, и проглочен там, на глазах моих слуг. К сожалению, страх суданцев обусловлен основательными причинами. По словам Пехуэль-Леше, у берегов Лоанге появляются очень часто три вида крокодилов: африканский узкорылый, нильский и тупорылый, а о несчастных случаях здесь очень редко можно слышать. У берегов нижнего Конго дело обстоит иначе. Там, по Линднеру, похищается вблизи европейских факторий ежегодно не менее четырех человек. Гессе утверждает, что ему в течение трех лет было известно с полдюжины таких случаев у берегов Конго и Лоанге; число же жертв в действительности значительно больше, так как большая часть происшествий только случайно становится известной. «Конечно, — продолжает он, — часто можно было бы избежать этих несчастных случаев, если бы негры не были необычайно беспечны и неосторожны. Достоверно известно, что крокодилы нападают, хотя и очень редко, на людей в челноках. За один случай такого рода может поручиться Пехуэль-Леше, который был очевидцем его вместе с миссионером Кумбером. Этот случай произошел в полдень у бельгийской станции Минианга на берегу Конго. Старшина туземного племени удил рыбу на глубоком, хотя и защищенном подводными камнями месте реки с очень маленькой душегубки, находившейся вплоть до бортов в воде. Вдруг его схватывает и моментально утаскивает в воду крокодил, голова которого только на мгновение показалась из воды, все это совершилось так бесшумно и быстро, что негр даже не успел вскрикнуть. Только опрокинувшийся вслед за этим челнок произвел шум. Это произошло столь неожиданно, что нельзя было себе уяснить, как и где крокодил схватил человека.

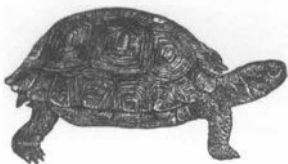
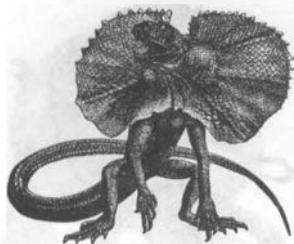
Все более разумные животные знают крокодила и его способ нападения. Когда степные номады приходят к реке со своими стадами и собаками, тогда им приходится много возиться с последними и терять много прекрасных животных, так как собаки еще не набрались опытности. Напротив, собаки, выросшие в селах, расположенных у реки, редко становятся добычей крокодила. Когда у них является желание напиться, тогда они приближаются к поверхности воды всегда с чрезвычайной осторожностью, внимательно осматривают ее, выпивают несколько капель и поспешно возвращаются на берег. Постояв здесь достаточно долгое время, они пристально смотрят в воду, снова приближаются с соблюдением всех правил предосторожности и пьют еще. Так они поступают до тех пор, пока не утолят жажды. Ненависть их к крокодилу обнаруживается, если показать им большую ящерицу. Увидев ее, они отскакивают так, как обезьяна от змеи, и начинают громко лаять.

Крокодил пожирает, кроме живых, также и мертвых животных, плавающих в реке. Я несколько раз лишился ценных птиц, которые, будучи подстрелены, падали в реку, причем каждый раз при подобной потере я повторял клятву отомстить, данную впервые мной при одной встрече с крокодилом, которая могла оказаться очень печальной для меня. Каждая выпущенная моей рукой пуля, которыми я пронизал во время своего второго путешествия в Судане одно из этих чудовищ, служила местию. Я раскинул свой шатер напротив Хартума, охотился в течение нескольких дней и однажды подстрелил орлана, казавшегося мне тогда ценной птицей. Птица, будучи подстрелена, долетела до реки и здесь упала на поверхность воды. Волнами ее прибило к берегу и приблизило к одному течению, направляющемуся в середину реки. Этим течением ее унесло бы от меня. Показался араб, я стал просить его выловить для меня птицу. «Сохрани меня Бог, господин, — отвечал он мне, — здесь я не войду в воду, потому что в ней много крокодилов. Только несколько недель тому назад они поймали во время питья двух овец и утащили в реку; одному верблюду откусили ногу, лошадь едва убежала от них». Я обещал арабу большое вознаграждение, назвал его другом и потребовал от него, чтобы он показал, что он мужчина. Он спокойно возразил, что он не может исполнить даже, если бы я мог предложить ему «все сокровища мира». Я неохотно разделся, спрыгнул в реку и поплыл за моей птицей. Вдруг араб громко закричал: «Господин, во имя милостивого и милосердного Аллаха, возвратись! Крокодил!» Я в испуге поспешил к берегу. С другой стороны реки появился огромный крокодил, выставляя свои спинные щитки над поверхностью воды. Он плыл прямо в направлении моей птицы, нырнул вблизи нее, открыл пасть, которая показалась мне достаточных размеров, чтобы вместить и меня, утащил на моих глазах добычу и исчез с ней в мутных волнах. Второй крокодил тоже

*Семейство
настоящие
крокодилы*

**Семейство
настоящие
крокодилы**

** Молодые нильские крокодилы могут бегать со скоростью 12 км/ч.*

прямо поплыл на клювача, которого мой слуга хотел поймать на другом берегу. Он, наверно, учинил бы охоту на человека вместо птицы, если бы я своевременно пущенной пулей не помешал бы этому и другим дальнейшим его нападениям. Иных крокодилов нельзя даже выстрелами заставить уйти от добычи, на которую они обратили внимание. Иногда они схватывают негодные для пищи вещи, которые плавают в реке, и тратят немало времени для исследования мнимой добычи, прежде чем проглотить ее. Употребляемый суданцами кожаный мешок, наполненный воздухом или водой, может служить, по словам Бэкера, приманкой для крокодила. Крокодил схватывает этот мешок, а владелец мешка спасается.

В прямой противоположности к наглой дерзости крокодила, находящегося в воде, стоит его жалкая трусость во время пребывания на суше. Очень редко он отходит на расстояние, больше 100 шагов от берега, и при кажущейся опасности устремляется напрямик обратно в реку. При появлении человека крокодил всегда обращается в бегство с большой поспешностью, при этом он никогда не помышляет преследовать человека в глубь суши. Я сотни раз внезапно, шутя, пугал крокодила и всегда видел, что он, подобно лягушкам на суше, с боязливой поспешностью спрыгивал в реку. Один из моих слуг хотел рано утром еще в сумерках подстеречь диких уток из-за ствола дерева, лежавшего вблизи реки. Он немало испугался, когда мнимый древесный ствол вдруг оказался крокодилом. К счастью, крокодил, перепуганный, вероятно, не меньше, чем мой слуга, поступил как всегда. Он стал сам искать спасения, вместо того чтобы броситься на подползающего человека. Крокодил проявляет подобную боязливость даже тогда, когда ему отрезают дорогу к реке. Он всегда стремится достигнуть первого хорошего убежища, где он мог бы быть в безопасности. Во время одной охоты в лесах Голубого Нила мы были очень встревожены, встретив однажды утром в лесу крокодила, имевшего в длину около 2,5 метра. Но наше изумление возросло еще больше, когда мы увидели, что крокодил убежал в ближайший высокий кустарник, где оставался совершенно недвижим, так что мы не могли увидеть его и привести в исполнение наше намерение пустить в него пулю.

Подобные же факты сообщает и Пехуэль-Леше из западной Африки: «Животные, кажущиеся на суше столь беспомощными, могут бегать с совершенно поднятым телом так быстро, что их нельзя догнать, причем хвост их не волочится. Испуганные и отрезанные от воды крокодилы, изгибаясь, убегают очень поспешно в очень густой кустарник и скрываются в нем так искусно, что очень редко можно их найти. Во время бега они могут очень круто поворачиваться и иногда делают петли и бегут зигзагами. Поэтому преследовать их в местности, не вполне открытой взорам, оказывается бесполезной попыткой*. Запыхавшийся, разби-

тый и исцарапанный охотник через большой или меньший промежуток времени остановится и с удивлением спрашивает себя, куда могло спрятаться столь крупное животное. Крокодил же между тем, вероятно, достиг уже реки или преспокойно лежит в чаще. Крокодилы, подобно бегемотам, могут взбираться на очень крутые отлогости и скалы и вползают очень охотно на свалившиеся или отчасти прямо стоящие стволы деревьев, растущие на берегу. На более значительные расстояния от берега, именно на 50—100 шагов, они удаляются только в местах, не посещаемых человеком, и на песчаных мелях, представляющих возможность обозрения большого пространства. Обыкновенно же они спят или греются на солнце так близко к берегу, что одним прыжком могут очутиться в воде. При этом голова у них всегда обращена к воде, тело, особенно у взрослых, только в очень редких случаях лежит прямо вытянутое, чаще же более или менее изогнуто, так что некоторые положения тела кажутся совсем неестественными. Некоторые из этих чудовищ греются на солнце, лежа на боку, причем все четыре лапы или вытянуты, или же все подогнуты, а хвост загнут к брюху в виде петли. Так как часто у этих животных очень толстое брюхо, то крокодил при этом несколько не соответствует обычному образу, который мы о нем составили, и он вовсе не похож на тощие экземпляры иных зоологических садов.

Все крокодилы необычайно пугливы и внимательны. У них очень тонкий слух и очень острое зрение, чувство же обоняния у них, должно быть, совершенно тупо. Подкрасться к ним, во всяком случае, очень трудно; случайность играет при этом более значительную роль, чем все усилия. К ним нельзя вовсе подойти на песчаных отмелях, а на высоких заросших берегах их можно увидеть с лодки, только когда они быстро прыгают в воду. Иногда, если тихо ехать по течению вдоль берега, крокодил прыгает в воду так близко от судна, что, по неопытности, можно подумать, что он желает сделать нападение. Я допускаю возможность, что иногда он зацепляется за судно, опрокидывает или разбивает его вдребезги; но при этом животное, будучи само сильно испугано, нимало не думает о нападении. Иные испуганные крокодилы не отваживаются на прыжок, но уходят и пережидают, чтобы опасность миновала, или же поспешно удаляются от берега. Кто проезжает в тихий солнечный полдень, и притом совершенно безмолвно, по маленькой, извивающейся речке Нанг, притоку Куилу, тот в течение двух часов может видеть, как несколько дюжин больших крокодилов (не считая маленьких) почти бесшумно спрыгивают с высоких берегов в глубину».

По всей вероятности, крокодил предпринимает путешествие внутрь страны только ночью, вероятно, в надежде отыскать другой водоем. Для охоты же, как сказано, он не покидает реки, по крайней мере, я никогда не имел случая наблюдать или слышать об этом. Во время дождей он следует за дождевыми потоками,

** Для самцов нильских крокодилов характерно демонстративное поведение. Оно заключается в плескании хвостом, выдувании пузырей изо рта, рычании и изгибании шеи.*

которые вслед за этим скоро пересыхают. Он заходит в эти потоки так далеко, что из-за быстро наступающей засухи оказывается отрезанным от главного потока. Тогда он вынужден зарыться как можно лучше и выжидать наступления дождей. Сначала он перекочевывает из одной лужи в другую, позже остается неделями в той луже, в которой есть еще немного воды и которая не всегда соответствует росту животного, так как иногда можно видеть в маленькой луже настоящих исполинов. Наконец, когда и в этой луже вода высохнет, тогда он зарывается в ил. Пенней со своими слугами перешел дождевой ручей, устье которого находилось от Голубого Нила на расстоянии 20 километров. Вследствие недостатка воды начали рыть колодец в высохшем ложе этого ручья, надеясь получить, таким образом, необходимое количество воды. Когда работники вырыли яму глубиной около 2,5 метра, они вдруг выскочили, испуганные, и позвали на помощь всезнающего главного штаб-лекаря. Они заявили, что в яме ворочается какой-то серый зверь. Внимательное исследование показало, что они имели дело с верхушкой хвоста одного живого, очень большого крокодила.

Когда была вырыта в области головы вторая ямы, тогда явилась возможность нанести ему копьём смертельный удар в затылок. Наконец, его выкопали и узнали, что его длина достигает 5 метров. Вследствие этой находки дождевой поток и теперь еще называется «Хор ель Тимзах», или крокодиловый дождевой поток. Эмин-паша и Штульман недавно также подтвердили, что крокодилы во внутренней восточной Африке впадают в летнюю спячку, зарывшись в ил.

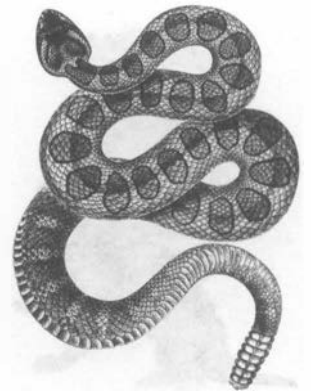
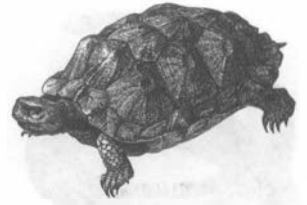
Крокодилы, имеющие в длину 3,5 метра, уже достигают половой зрелости, самки такой величины откладывают яйца, но в меньшем количестве и меньшей величины, чем совершенно выросшие экземпляры. В период спаривания крокодилы, главным образом самцы, издают столь сильный запах мускуса, что иногда узнаешь об их присутствии раньше обонянием, чем зрением. Иногда можно чувствовать запах мускуса на местах отдыха крокодила, хотя уже и покинутых последним. О боях, происходящих между самцами-соперниками, я ничего не знаю*, но я много раз слышал, что спаривание происходит на песчаных отмелях. При спаривании самец переворачивает самку на спину, а по окончании — переворачивает ее обратно. Число яиц, сходных по форме и величине с гусиными яйцами и имеющих в длину 9 см, а в ширину 6 см, колеблется между 20 и 90, в среднем их бывает от 40 до 60. Самка кладет яйца в глубокую ямку, которую она покрывает с помощью хвоста песком, затем тщательно уничтожает все следы своей работы. Суданцы утверждают, что самка крокодила охраняет свои яйца и помогает вылупляющейся молодежи. Она вынимает молодых из песка и отводит их к воде.

Фельцков нашел в восточной Африке 19 января одно свежее гнездо, расположенное на голой почве в 5—6 шагах от бере-

га. На дне ямки, 0,5 метра глубины, лежало 79 яиц, расположенных 4 кучками. Настоящего гнезда не было, но со стороны матери была известного рода забота о детенышах, так как она сторожила это место вплоть до выхода потомства из яиц, что последовало по истечении двух месяцев. Кладка яиц, по Фельцкову, бывает один раз в год, от конца января до начала февраля. Эминпаша и Штульман пополняют эти наблюдения сообщением, что время кладки яиц в различных местах бывает различно. В течение двух дней, по их наблюдениям, самка откладывает 90—100 яиц в 4—5 отдельных ямок, расположенных близко одна от другой. Период развития яиц длится 40 дней. Названные путешественники не могли удостовериться в попечении матери о детенышах. Фельцков продолжал свои исследования над развитием нильского крокодила и на Мадагаскаре. «Самый большой, измеренный мною крокодил из северо-западной местности Мадагаскара имел в длину 3,5 метра, хотя встречаются животные значительно больших размеров. Кладка яиц начинается здесь в последних числах августа и продолжается до конца сентября. Число яиц одной кладки колеблется от 20 до 30 штук. Гнездо вырывается в земле и представляет ямку глубиной от 0,5 метра, отчасти с крутыми стенками. У основания эти стенки имеют выемки, там-то и помещаются яйца. Так как основание ямки посередине несколько поднято, поэтому яйца, откладываемые матерью, сами собой скатываются в выемки. Очень редко находят пару яиц, лежащими в середине ямки. Вслед за этим ямка засыпается, и гнездо никак нельзя различить снаружи. Самка спит на гнезде; поэтому туземцы и находят яйца, идя от воды по следам крокодила. Почти все гнезда были вырыты в сухом, белом песке, некоторые в такой влажной почве, что яйца не могли развиваться вследствие сырости, к которой свежесложенные яйца чрезвычайно восприимчивы.

«Как мне рассказывали люди из племени Сакалава, самка разгребает ямку, когда яйца готовы к вылуплению». Я не имею никакого основания сомневаться в этом, так как я сам видел много ямок, из которых песок был удален и которые содержали разбитые скорлупы яиц. Невольно возникает вопрос, на основании чего мать знает, что яйца достаточно развились и что наступило время разгребать ямку? Вопрос этот разрешается очень просто.

В кабинете моего дома в Маюнго стояло несколько ящичков с песком, в которых были положены яйца крокодилов, чтобы, имея их постоянно в виду, можно было в любое время проследить за вылуплением маленьких крокодилов. Однажды я заметил, что из какого-то ящичка раздаются звуки, я предположил, что одно из молодых животных уже появилось на свет, но, зарывшись в песок, задыхается и вследствие этого издает эти крики. Разрывая песок, чтобы разыскать зверька, я был поражен необыкновенным явлением, а именно: звуки исходили из цельных, нетронутых яиц и были так громки, что явственно слышались из соседней комнаты,

Семейство настоящие крокодилы

** Развитие яиц крокодила длится около 3 месяцев. В это время кладку может охранять как самка, так и самец. Издаваемый ко времени вылупления писк действительно слышен на 20 м от гнезда. После этого самка собирает яйца в пасть и, перекачивая их между небом и языком, помогает детенышам освободиться от скорлупы, перенося их затем в заранее выбранный и очищенный от растительности мелкий водоем. В этот период самка, видимо, не питается.*

когда яйца лежали неприкрытыми. Если же они лежали под слоем песка около 0,5 метра, как это бывает всегда в природе, тогда звук делался несколько глуше, но все же был слышен издали. Подобные крики детенышей можно вызвать всякий раз, если проходить с шумом мимо того места, где лежат яйца, или же если постукивать по ящику, в котором они помещаются, а также если брать яйца в руки и тихонько встряхивать их; каждый толчок непременно заставляет животное пищать. Так как самка крокодила, как выше сказано, спит на гнезде, то при каждом движении, а также при каждом странствовании ее из гнезда к воде и обратно она колеблет под собой почву и этим возбуждает достаточно развитых детенышей к пisku в яйце. Услышав звуки, мать начинает вырывать из ямы песок, после чего детеныши вскоре вылупляются*. Из подобных яиц, вырытых из песка и свободно лежащих, молодые крокодилы выползли через три дня. Издаваемые звуки производятся с закрытым ртом, по-видимому, посредством сильного сжатия брюшных мускулов вроде нашей икоты, на которую они очень похожи.

После того как детеныши вылупятся, мать отправляется вместе с ними к воде. Мой помощник, очень добросовестный наблюдатель, рассказывал мне, что он видел взрослого крокодила, который со стаей около 20 штук молодых переправлялся через песчаное пространство к воде, причем старый крокодил имел очень злой вид. Однако, по своим собственным наблюдениям, я положительно не могу верить, чтобы только что вылупившиеся детеныши могли без помощи матери пробраться сквозь покрывающий их слой песка. Из тех яиц, которые были покрыты слоем песка толщиной в 0,5 метра, некоторые, правда, делали слабые попытки высвободиться, так, например, у иных яиц была проломана скорлупа, иногда даже из отверстия высовывался кончик рыла, но в конце концов они умирали, по всей вероятности, от недостатка воздуха. Из яиц, покрытых тонким слоем песка, детеныши выползали без всякого затруднения.

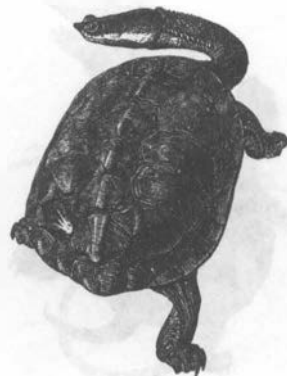
При вылуплении длина детенышей бывает от 20—25 см, в течение первых двух лет они вырастают примерно на 10 см, в следующие же годы на 15 см, до тех пор пока наконец не достигнут общей длины около 3 метров, с этих пор, по-видимому, рост их идет чем дальше, тем медленнее, так что, на основании показаний местных жителей, крокодила длиной в 5—6 метров можно считать за столетнего. До каких лет они доживают, трудно определить.

Даже маленькие, только что появившиеся животные, по мнению Фельцкова, уже очень злы, они, например, хватают за пальцы, когда хочешь их взять. Они часто пищат, особенно если голодны. Тон голоса при этом не так высок, как в яйце. Он звучит примерно так, как голос нашей жерлянки, но несколько громче, крик повторяется раз 6—7, и затем наступает промежуток. Кроме того, животные эти фыркают, когда их дразнят, например, приподни-

мают за хвост. Развитие яйца продолжается на Мадагаскаре около трех месяцев.

В прежние времена, по сообщению Геродота, жители Нижнего Египта содержали крокодилов в неволе. «Некоторые египтяне, — говорит этот писатель, — считают крокодилов за священных животных, другие же видят в них злейших своих врагов: первые живут около Мериодова озера, а вторые около Элефантины. Этим животным устраивают великолепное житье, привешивают им к ушам золотые кольца с самоцветными камнями, передние ноги их украшают золотыми запястьями и кормят их вареными мучными кушаньями и мясом жертвенных животных. После смерти крокодилов бальзамируют и кладут в священные гробницы. Подобные гробницы находятся в подземных помещениях лабиринта около Мериодова озера недалеко от Крокодилополиса». Страбон дополняет эти сведения. «Город Арсиноэ в Египте прежде назывался Крокодилополис, потому что в этой стране крокодилов считали священными животными. Здесь содержат в озере одного крокодила, который совершенно приручен жрецами. Его зовут Зухос. Кормят его мясом, хлебом и вином, и корм этот приносят постоянно с собой странники, которые хотят видеть священное животное. Мой хозяин, высокоуважаемый муж, который нам показывал тамошние святыни, пошел с нами к озеру. Причем взял с собой небольшой пирог, жареного мяса и кувшин медового вина. Мы нашли крокодила лежащим на берегу. Жрецы подошли к нему, открыли ему пасть и положили туда пирог, затем мясо и влили вино. После этого животное вскочило в воду и уплыло к противоположному берегу. Между тем подошел другой чужестранец, привезший подобные же дары. Жрецы взяли приношение, обошли озеро и накормили им крокодила тем же способом». Плутарх сообщает, что крокодилы не только узнают голоса жрецов, но позволяют прикасаться к себе, чистить зубы и обтирать их куском полотна. Диодор Сицилийский, наконец, нам объясняет причину, почему крокодилов считали священными животными и воздавали им божеские почести. «Говорят, что ширина Нила и множество там живущих крокодилов препятствуют аравийским и либийским разбойникам переплывать эту реку. Другие рассказывают, что одного из древних царей, по имени Менас, преследовали его собственные собаки; он спасся в Мериодовом озере, и крокодил перевез его чудесным способом на противоположный берег. Чтобы отблагодарить этих животных за свое спасение, царь выстроил поблизости город, назвал его Крокодилополис и приказал жителям почитать крокодилов, как божеств. Он же тут выстроил пирамиду и лабиринт. Впрочем, некоторые люди приводят другие причины обоготворения этих животных». Как велико было почитание крокодилов, доказывает один рассказ Максима Тира: «Одна женщина в Египте воспитала крокодила, и потому и ее почтили, как божество. Сын ее жил и

*Семейство
настоящие
крокодилы*

*Семейство
настоящие
крокодилы*

играл с крокодилом, пока тот вырос, окреп и, наконец, пожрал своего товарища по играм. Несчастливая мать, однако, восхваляла счастье своего сына, который удостоился послужить пищей Богу».

Ныне на берегах Нила никто не думает о приручении крокодилов, да это и нелегкое дело, если животное поймано взрослым. 20 июля 1850 года я купил в Хартуме для наблюдений живого крокодила 3,5 метра длины, который запутался в рыбацьи сети, и заплатил за него одну немецкую марку. Рыбаки завязали ему морду, чтобы он не кусался; несмотря на это, когда мы приблизились, он так неистово и быстро на нас бросился, что мы со страху отступили. Когда его толкали, то он, глухо пыхтя, сопел и фыркал, но вообще казался довольно нечувствительным. Мы его всячески мучили, но он не выказывал своего недовольства. Только табачного дыма он, по-видимому, не мог переносить: когда мой спутник, Фирталер, подносил к его ноздрям зажженную трубку, то крокодил страшно бесился. Сильный ночной ливень ему оказался очень полезным, так как он превратил в лужу небольшое углубление в земле, которое и стало местожительством нашего пленника. Здесь, по-видимому, он себя хорошо чувствовал, но держался больше под водой и появлялся на поверхности редко, и то выставлял только одни ноздри, чтобы подышать, между тем как во время пребывания на суше он дышал очень часто. Для жителей города наш крокодил служил большой забавой. Взрослые и дети постоянно стояли вокруг лужи, где жил «собачий сын». Чтобы помешать его бегству в реку, которая была не очень далеко, я велел его привязать веревкой. Каждый проходящий тащил беззащитное животное на сушу, чтобы лучше его рассмотреть, а затем отпускал его с проклятьями и ругательствами, сопровождаемыми часто бросанием камней; даже небольшие мальчики не могли отказать себе в удовольствии надругаться над крокодилом. Чтобы испугать мучителей, я велел разрезать веревку, которой была завязана морда, но и это не помогло. Приносили длинные палки, били ими крокодила по спине, и когда он был сильно раздражен, то совали палку ему в пасть, причем животное так сильно в нее впивалось, что позволяло себя тащить за палку, но не отпускало ее. При этом часто крокодил ломал себе несколько зубов, но все-таки продолжал кусаться. Вследствие этих мучений он через несколько дней околел.

Молодые крокодилы скоро становятся такими же ручными, как ящерицы, через некоторое время их можно трогать, причем они не пыхтят и не фыркают, идут на зов, берут пищу из рук и тогда очень интересны. Нет сомнения, что животное это, воспитанное с малоду, и в старости бывает настолько спокойно и смиренно, насколько это возможно для крокодила, и потому нет повода сомневаться в справедливости рассказов древних о прирученных крокодилах.

Древние египтяне охотились за крокодилами, по Геродоту, различным образом. Охотник, например, бросал в реку кусок сви-

нины с вложенным в него крючком на длинной веревке, прятался на берегу и ударами принуждал поросенка кричать. Этот крик привлекал крокодила, который глотал свинину и с помощью веревки вытаскивался на берег. Здесь охотник прежде всего замазывал ему глаза грязью, чтобы обеспечить себя от его нападений, и затем убивал его. По словам Гессе, негры в нижнем течении Конго охотятся и теперь подобным же образом. Две с обоих концов заостренные палочки из твердого дерева связываются накрест и прикрепляются к бечевке, другой конец которой обматывается на крепкий кол, вбитый в берег. Посередине бечевки приделывают деревянный поплавок, насаживают на крест приманку, для чего обычно служат внутренности убитых животных, и опускают его вечером в реку. Когда крокодил проглатывает приманку, то острые палочки впиваются ему в мягкую пасть тем глубже, чем больше усилий делает животное, чтобы освободиться. Нередко случается, что бечевка лопается, и тогда животное уплывает, после этого обыкновенно пускаются на поиски и нередко находят его по приделанному к веревке поплавку, который и выдает место нахождения сильно выбившегося из сил и часто уже близкого к смерти разбойника».

Тентириты, как уверяет Плиний, отваживались следовать за плывущим крокодилом, набрасывали ему на шею петлю, садились к нему на спину, и в то время, как животное разевало пасть, чтобы укусить, они всовывали ему поперек пасти распорку. При помощи этой распорки они вели свою добычу, как коня за повод, и пригоняли к берегу. Поэтому, думает Плиний, крокодилы боятся даже запаха тентиритов и не осмеливаются подплывать к их островам.

В настоящее время таким способом больше не охотятся, хотя современная охота требует от охотника не меньшей храбрости. Она впервые описана Рюппелем, а мне рассказана совершенно таким же образом разными другими лицами. Охота начинается во время отлива, когда обнажаются песчаные отмели, на которых крокодилы спят и греются. Охотник примечает места, на которых чаще всего располагаются крокодилы, выкапывает себе углубление в песке с подветренной стороны, забирается в него и выжидает, когда животное появится и заснет. Главное оружие охоты состоит из метательного копья, железный трехгранный конец которого снабжен загнутыми вниз крючками и прикреплен к рукоятке посредством кольца и 20—30 крепких веревок, идущих частью отдельно, частью же соединенных вместе, но через определенные промежутки, рукоятка в свою очередь соединена с небольшим чурбаном. «Главное искусство охотника состоит в том, чтобы бросить копьё с такой силой, чтобы железо пробило щит насквозь и проникло бы не менее, чем на 10 см в тело животного. Во время метания рукоятка копья, на которой железный наконечник сидит свободно, отделяется от последнего и падает. Раненый крокодил, конечно, не бездействует, начинает отчаянно

*Семейство
настоящие
крокодилы*

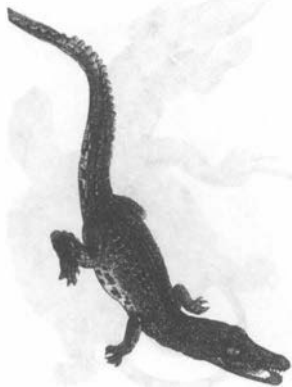

*Семейство
настоящие
крокодилы*

ударять хвостом и всячески старается перегрызть веревку, но отдельно лежащие бечевки попадают между зубами, и он перекусывает только очень немногие из них или же все остаются неповрежденными. В мелких местах рукоятка, плывущая по поверхности воды, указывает путь, которого держится животное, в глубоких же местах — легкий чурбан. По указанному таким образом пути охотник гонится за ним на маленькой лодке до тех пор, пока, по его мнению, не найдет удобное место на берегу. Если гарпун засел крепко, то он вытягивает крокодила на поверхность воды и убивает его ударом копья в затылок или просто вытаскивает на берег. Если бы я это не видел сам своими глазами, то мне бы показалось невероятным, что два человека могут вытащить из воды крокодила, длиной почти в 5 метров, и, завязав ему сначала пасть, стянуть на спину ноги крестом и, наконец, убить его острым железом, перерубив ему надвое позвоночный столб. Сетями крокодилы ловятся только случайно, и особенно редко попадают большие, так как они движутся так быстро, что обыкновенно рвут даже толстые рыболовные сети.

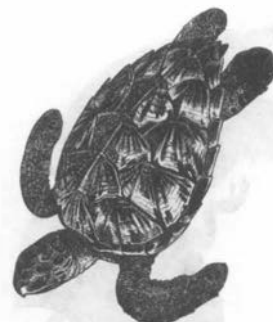
Европейцы, турки и обитатели среднего Египта охотятся на них с огнестрельным оружием. Я угостил, по крайней мере, сотню крокодилов пулями и ни разу не видел, чтобы пуля отскакивала от них, как многие утверждают. Но доказано, что только в редких случаях пуля убивает его моментально. Его живучесть необыкновенно велика, даже смертельно раненный крокодил обычно добирается до реки и в таком случае ускользает из рук охотника. Многие из тех, которым я простреливал мозг, как бешеные били хвостом по воде, носились взад и вперед непосредственно у поверхности воды, затем у них появлялись судороги, они широко разевали пасть, издавали невыразимый крик и, наконец, исчезали в глубине мутных волн. Через несколько дней они хотя и всплывали, но были до того разложившимися, что никуда уже не годились. Однажды я лежал в шалаше, покрытом циновками и песком, на одной из отмелей Голубого Нила и сторожил, собираясь бить журавлей. Не успели еще птицы показаться, как я увидел шагах в пятнадцати от себя крокодила длиной метров в пять. Он медленно двигался на меня и, не доходя 6 метров, улегся на песок, вероятно, намереваясь заснуть. Желая наблюдать, я подавил в себе всякое чувство мести и рассчитывал, что заслуженную им пулю я все же ему пошлю, но несколько позже. Один показавшийся журавль случайно спас ему на этот раз жизнь, так как я направил винтовку на птицу, которая представляла для меня более ценную добычу. Крокодил услышал выстрел и, может, не поняв даже его значения, устремился как можно быстрее к воде, но только что я поднял убитого журавля и начал снова заряжать ружье, как он снова появился и именно на прежнем месте. Тут уже я с полным спокойствием прицелился ему в висок, выстрелил и, к своему величайшему удовольствию, увидел, что после выстрела чудови-

ще извилось сильным отвесным прыжком и тяжело рухнуло на землю, где и замерло совершенно неподвижно. Воздух над отмелью буквально весь переполнился одуряющим запахом мускуса, мой служитель Томбольдо, запрятавшийся в песке на противоположном конце отмели, с громкими криками радости выскочил из своей засады и стал просить: «Добрый господин, дайте мне железу, дайте мне мускус для моей жены, чтоб я ей тоже мог принести какой-нибудь гостинец из путешествия». Мы стояли около убитого животного, тело которого еще дрожало и судорожно передергивалось. «Берегись хвоста, — предупреждал меня Томбольдо, — и попотчуй его еще пулей, чтобы он от нас не ускользнул». Хотя я считал последнее излишним, но все же, в угоду своему верному негру, исполнил его желание, приложил дуло винтовки почти к самому уху крокодила и всадил еще пулю ему в голову. В тот же миг он подпрыгнул вверх, взмахами хвоста забросал нас песком и мелкими камнями, судорожно затрясся всем телом и затем вдруг помчался к реке, как будто вовсе не был ранен, разрушая все мечтания о приобретении мускуса. По уверениям Гейглина, заряд крупной дроби на очень близком расстоянии действует гораздо вернее пули. «Мы простреливали пулями вдоль и поперек, — говорит мой спутник, — тело настоящих гигантов-крокодилов, и они, несмотря на это, проворно устремлялись к воде, пока град крупной дроби не укладывал их мертвыми на месте»*.

Наблюдения Пехуэль-Леше также подтверждают мнение, что большой заряд дроби, даже на расстоянии 30 и 40 шагов, действует успешнее выстрела пулей. Самую ценную добычу современных суданцев составляют упомянутые четыре железы, которые они очень искусно вытаскивают из тела мертвого крокодила. Во время моего там пребывания каждая железа продавалась по 4—6 талеров, сумма, за которую в той же местности можно было тогда купить двух быков. При помощи этих желез нубийские и суданские красавицы изготовляют ту благовонную мазь, которой они смазывают свое тело и волосы, что делает их особенно привлекательными для глаз, или, вернее говоря, для носов их поклонников и чем они действительно сильно выигрывают перед женщинами среднего Нила, которые свой войлокоподобный головной покров мажут помадой из касторового масла, запах которого отталкивает от них европейца, по крайней мере, на 30 шагов. Эти мускусные железы сообщают всему телу крокодила сильный и такой своеобразный запах, что есть мясо старых животных становится совсем невозможно. Я хотя несколько раз и пробовал мясо крокодилов, но мог проглотить только несколько кусочков и то от молодых животных. Конечно, туземцы думают иначе; им, очевидно, как мясо крокодила, так и его жир кажутся особенным лакомством. По древним авторам мы узнаем, что жители Аполлонополиса также охотно ели мясо крокодилов, но прежде чем его убить, они вешали пойманное животное и били до тех пор, пока

Семейство настоящие крокодилы

** Нильский крокодил сейчас исчез из многих мест своего прежнего обитания в связи с его браконьерским выловом.*

Семейство настоящие крокодилы

оно не начинало издавать жалобные крики, и только потом разрезали его. Такой возни современные африканцы не поднимают; они в основной части просто варят мясо в воде и прибавляют к нему разве что соли и перцу.

Незадолго до нашего прибытия в городок Валед Мединэ с палубы корабля я убил крокодила. Возвратясь вскоре после этого с охотничьей прогулки, я нашел его уже разрезанным, и от множества яиц, которые в нем были найдены, осталось всего 26 штук, матросы признались, что не могли удержаться от соблазна при виде такого дорогого лакомства и устроили себе из них прекрасное кушанье. На следующий день половина нашей добычи заполонила рынок Валед Мединэ, поразительно скоро мясо было частью продано, частью же променяно на меризе (напиток вроде пива). В тот же вечер неподалеку от судна был учинен пир. Для украшения празднества, по поводу изготовления яств из крокодильего мяса, было приглашено столько местных красавиц, сколько было матросов на нашем корабле. Все они охотно приняли участие в пире, главное украшение и смысл которого составляла красота этих прелестных жен и дев. Над тремя огромными кострами в шаровидных горшках кипела диковинная дичь. Вокруг огней у горшков двигались темные фигуры в обычных танцах. Весело раздавались звуки тарабука (туземного барабана), от тел красавиц приятно пахло мускусом, так как вежливые поклонники их изготовили им мазь, менялись обоюдно словами любви, а светлый месяц и я, грешный, скрылись, чтобы не мешать празднику. Поздно ночью еще слышались звуки барабана, почти до самого утра продолжались танцы; весело поедалось блюдо из крокодила и запивалось прекрасным меризе; мне также предлагали, как того, так и другого, и немало удивлялись, что я так упорно отказываюсь от этого кушанья.

В древние времена из убитого крокодила добывались кое-какие лечебные средства. Кровь его слыла чрезвычайно целебной против змеиного яда, уничтожала, говорят, также бельма на глазах, считалось, что зола от сожженной кожи залечивала раны, жир же предохранял от лихорадки, зубной боли и укусов москитов, зубы его носили как амулеты на руках, чтобы сообщить носившему особенную силу. Об этом, впрочем, теперь не слышно ничего. Некоторым частям крокодила, однако, и в наше время приписывают восстанавливающее действие тех сил, которые наиболее желательно укрепить людям, увлекающимся жизнью, и для поддержания которых они прибегают к самым разнообразным средствам.

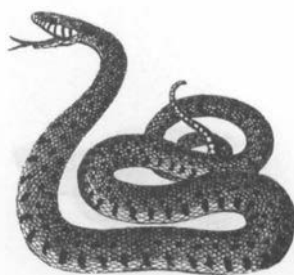
Не всем крокодилам воздавались одинаковые почести, на животных, мумии которых находят в гробницах Фив, говорит Жофруа Сенгт-Илер, заметны дырки, куда были продеты кольца. Те, которых мы рассматривали в пещере Маабде близ Монфалуга, были просто завернуты в полотно, пропитанное смолой. Пещера

эта лежит на правом берегу Нила, на первой плоской возвышенности, на которую входишь, поднявшись на береговые горы. Начало этой пещеры образует небольшая шахта, глубиной 3—4 метра, закрытая обломком скалы, перед входом в нее валяются кости и лохмотья полотна, закрывавшие крокодилов и мумии; далее шахта эта переходит в более длинную штольню, по которой любознательному наблюдателю приходится ползти на четвереньках. Ход этот ведет в объемистую пещеру, в которой ютятся несметные количества летучих мышей. От первого и самого большого отделения во все стороны идут ходы высокие и низкие, короткие и длинные, каждый из них и в настоящее время носит свой первобытный характер, нигде нет следа культуры, так как, по-видимому, резец древних египтян вообще никогда не касался сводов гробниц этих священных животных. В одной из более объемистых сводчатых пещер посетитель замечает довольно большое возвышение в виде холмика; при более тщательном осмотре он видит, что холмик этот состоит из человеческих трупов. Несколько далее, в отделении еще больших размеров, лежат мумии крокодилов, нагроможденные тысячами одни над другими, всевозможных величин и возрастов, мумии гигантских чудовищ, а рядом — только что вылупившихся детенышей, даже засушенные, пропитанные смолой яйца. Все более крупные крокодилы завернуты в полотно и настолько бережно прибраны, что каждый завернут отдельно, между тем как молодые, хотя и прибраны с одинаковой тщательностью, но они сохранялись по 60—80 штук в длинных, с обеих сторон заостренных и завязанных корзинах из пальмовых ветвей. Точно таким же образом укладывались и яйца. Глядя на такие груды трупов этих священных животных, невольно приходит мысль, что в этом почитании скрывалось нечто своеобразное и особенное. По-видимому, древние египтяне скорее боялись крокодилов, чем обоготворяли, и всячески старались уменьшить число их. Все те чудовища, тела которых здесь лежали, очевидно, почтили не естественной смертью, но, конечно, были убиты и забальзамированы, чтобы этим в то же время искупить убийство. В каком отношении к крокодилам находились мумии людей, трудно сказать: очень может быть, что это были люди, специальность которых была охотиться за крокодилами и бальзамировать их тела.

Между азиатскими видами этого рода следует, прежде всего, назвать **гребнистого крокодила** (*Crocodylus porosus*). Этот вид наиболее распространенный из всего семейства. Очень важные признаки, говорит Штраух, отличающие гребнистого крокодила от всех остальных видов, составляют: полное отсутствие передних затылочных щитков, которые встречаются очень редко и в таком случае всегда только в количестве одной пары, 4—8 спинных щитков, которые расположены вдоль спины в два ряда; самой же характерной особенностью этого крокодила являются два очень

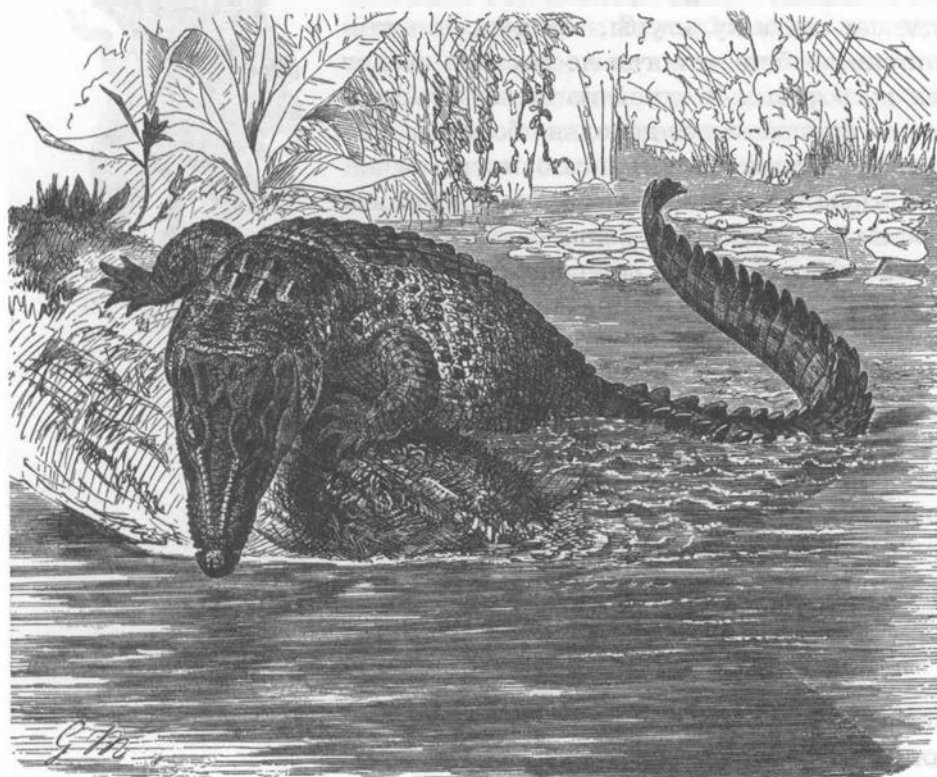
Семейство
настоящие
крокодилы

Семейство
настоящие
крокодилы

длинных, четкообразных, членистых, костяных валика, идущих по всей морде от глаза и почти достигающих кончика носа. Морда все еще вытянутая, более или менее узкая и на конце заостренная, вдвое длиннее ширины у основания, сводчатая и в морщинах. Зубчатый гребень на голени существует. Окраска темная оливково-зеленая, у молодых, кроме того, с темными пятнами. Некоторые бывают 8,6 м в длину, впрочем, в коллекциях экземпляры в 5,25 м считают редкостью.

Юг Азии и близлежащие острова являются родиной гребнистого крокодила; он встречается на восточном берегу Индии, на

Цейлоне, в Бенгалии, Бирме, юго-западном Китае и на всех островах, во множестве разбросанных до самой Австралии, и известен даже жителям Соломоновых островов и Фиджи. Буланже говорит, что еще не доказано его существование на западных берегах Индии, а также еще недостоверно и то, встречаются ли они в устьях рек выше мест, куда достигает прилив. Всем этим он отличается от своего ближайшего родича, с которым его нетрудно спутать, но

Гребнистый
крокодил
(*Crocodylus porosus*)

который гораздо меньше его, а именно с болотным крокодилом (*Crocodylus palustris*). Он достигает не более 3—4 м длины; морда его еще короче и только в полтора раза длиннее, чем ширина основания. У него нет костяного валика, идущего от глаз по морде, как у гребнистого крокодила, и спина его почти всегда покрыта только тремя рядами костяных щитков. Это и есть тот крокодил, магер, который обыкновенно встречается в Индии, в Бирме, на Малакском полуострове, на Цейлоне и Малайском архипелаге и живет там почти во всех пресных водах.

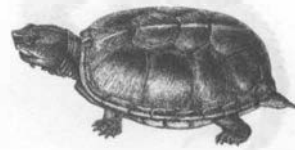
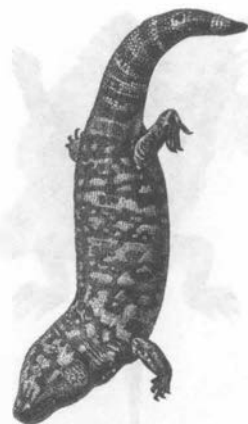
Гребнистого крокодила можно назвать морским, потому что он чаще других отправляется из устьев рек в море и нередко встречается на расстоянии нескольких морских миль от берега, а во время отлива его можно видеть на сухих песчаных отмелях на

открытых местах между островами. На Цейлоне, говорит Тен-нент, гребнистый крокодил селится преимущественно в реках или озерах низменностей неподалеку от морского берега, между тем как болотный крокодил вовсе избегает близости моря и живет исключительно в пресных водах внутри страны. Если гребнистый крокодил где-нибудь встречается, то непременно во множестве, в наибольшем же количестве живет он на Зондских островах. Соломон Миллер уверяет, что на расстоянии менее часа пути он видал штук по 10—12 этих животных. Шлегель, который издал записки Миллера, говорит следующее: «Гребнистые крокодилы, без сомнения, представляют самых опасных и ужасных хищников Индостана. Мы считаем вероятным, что в Индии столько же людей умирают жертвами крокодилов, сколько бывают растерзаны тиграми. Они пожирают без разбора все, что им попадает из животного царства, свежее или гнилое; прожорливость их доходит до того, что они глотают даже камни. На жертву свою они чаще всего нападают из засады; главным образом оленей, свиней, собак, коз, обезьян они подстерегают, когда последние приходят утолять жажду у реки.

Когда это кровожадное животное высматривает добычу, сидя под водой, то оно высовывает над поверхностью только ноздри, и в таком положении крокодил проводит нередко целые часы, не двигаясь с места. Слух, который, по-видимому, составляет наиболее развитое чувство у всех крокодилов, до того тонок, что дает ему возможность на больших расстояниях и даже под водой слышать, что делается над ее поверхностью. При малейшем шорохе он обыкновенно тотчас же приближается к берегу, не производя никакого шума. Если это приближаются люди, то он подплывает постепенно и до тех пор скрывается под водой, пока не представится удобный случай, дающий возможность напасть на добычу. При этом он редко терпит неудачу, так как в большинстве случаев бросается на подстерегаемую добычу не раньше, как убедившись, что она не минет его пасти. При нападении, при закусывании или утаскивании добычи, движения этих крокодилов быстры, как стрела, даже до такой степени, что человек, схваченный ими, редко успеет издать какой-либо звук. Они тотчас же утаскивают добычу под воду, но некоторое время спустя появляются с ней на поверхности. Если животное невелико ростом, то крокодил пожирает его, пlying, причем держит голову высунутой над водой; животных же побольше и людей он, наоборот, съедает спокойно вечером или ночью, для чего уносит их на берег в уединенное место. По-видимому, он раздробляет добычу, сильно потряхивая ее взад и вперед и ударяя ее о землю, а затем раздирает ее на куски с помощью передних лап.

Насколько крокодилы сильны и предприимчивы в воде, настолько робки и пугливы они кажутся вне ее. При виде человека, который приближается к ним на суше или подплывает в челно-

*Семейство
настоящие
крокодилы*

**Семейство
настоящие
крокодилы**

ке, они тотчас бегут к реке, бросаются в воду и, погружаясь, несколькими сильными ударами хвоста производят страшный шум и затем исчезают под водой. Походка крокодила на суше вообще ленивая и затрудненная, но маленькие расстояния, однако, он перебегает с непостижимой быстротой. Более отдаленные путешествия они предпринимают только по ночам, так как их все же следует причислить скорее к ночным, нежели к дневным животным, они, как и многие большие виды кошек, опаснее всего вечером и около полуночи. Плывут они одинаково легко, как по течению, так и против. Признаков выражения удовольствия или обоядной привязанности мы у них не замечаем: каждый из них живет только для себя».

Теннент утверждает, что болотный крокодил в сухое время года предпринимает более отдаленные странствования, но что гребнистый, а при некоторых обстоятельствах и болотный зарываются в иле, остающемся от высыхающих водоемов, впадают в состояние оцепенения и остаются здесь до первых дождей. В одной из восточных частей восточного полуострова Ост-Индии он сам лично видел подобное ложе, в котором одно из упомянутых животных предавалось зимней спячке, место это вполне ясно сохранило отпечаток частей тела его. Один офицер рассказывал ему, что он разбил палатку на илистом дне высохшего озера и был немало испуган какими-то колебаниями земли под его постелью, которые повторились и на следующий день. Оказалось, что это проснулся от оцепенения крокодил.

Все большие животные боятся крокодила не менее, чем туземцы. «Те собаки, — говорит Мюллер, — которым пришлось хоть один раз видеть близко это чудовище, делались до того боязливой, что приближались потом к воде очень тихо и с большой осторожностью. На берегу Тимора мы замечали несколько раз, что собака отступала назад перед своей собственной тенью, тряслась и, полчаса спустя, дрожа всем телом, останавливалась за 6—8 шагов от берега, выпучив глаза, пристально смотрела на то место, где видела это пугало, сначала лаяла, а затем начинала громко, жалобно выть. Если ночь застаёт туземцев на воде в их маленьких лодочках, в которых они обыкновенно странствуют, как только наступают сумерки, каждый направляется в середину реки, так как тут крокодилы бывают реже, чем у берегов. Несмотря на это, в Индии нередко случается, что крокодилы таскают людей из лодки и часто с такой быстротой, что соседи едва это успевают заметить. Старые крокодилы своим хвостом разбивают иногда в щепки маленькие лодки, при этом постоянно кто-нибудь из людей, сидящих в лодке, становится их добычей. Подобный печальный случай произошел на острове Калимантан в октябре 1838 года. На берегах реки Дузон большой крокодил в течение двух недель сожрал жену и единственного сына одного малайца; несколько времени спустя этот малаец хотел закинуть крючок на

том месте, чтобы словить животное и отомстить за своих. Когда мы говорили с этим человеком, то он устраивал крючок и прикреплял к нему, в виде приманки, труп молодой обезьяны. На следующий день он вместе с тремя другими малайцами отправился на указанное место, чтобы привязать крючок к кусту так, чтобы приманка была над водой. Не успели они еще привязать крючок, как челн их получил сильный толчок снизу, так что был разбит и все сидевшие в нем упали в воду. Каждый из них от испуга думал лишь о своем спасении и старался как можно скорее вплавь достичь берега. Троим из них это удалось, а четвертый, затеявший охоту, исчез: он сделался жертвой прожорливого животного, как и жена его и ребенок. Три спасшиеся человека сами рассказывали нам об этом грустном событии».

«Другое подобное происшествие случилось за несколько месяцев до нашего приезда на Калимантан, на реке, которая известна во всей стране по массе живущих в ней крокодилов. Только что женившийся малаец из деревни Кетань хотел вместе с женой поздно вечером вернуться домой. Близ устья реки огромный крокодил схватил его за руку в то время, когда он греб; животное вытащило жертву из лодки и утащило человека так быстро и бесшумно, что жена, сидевшая, по обычаю, на передней части лодки, заметила только руку своего мужа, когда он уже был стащен в воду. Малаец этот был племянник местного старшины Бодиэна, который был до того возмущен этой дерзостью, что тотчас приказал приготовить крючки, для того, чтобы изловить этого крокодила, если же можно, то и других; благодаря этой ловле мы получили очень много крокодилов. По уверениям Бодиэна, крокодил, сожравший его племянника, был длиной в три сажени. До поимки этого чудовища голова жертвы видна была в кустах; у пойманного же, по вскрытии желудка, были найдены кое-какие обрывки платья и почти все кости проглоченного человека. Мы привезли с собой его огромный череп, который между многими другими был выставлен на берегу напоказ с широко раскрытой пастью. Достоин внимания еще один необыкновенный случай. Четыре человека на озере Лампур отправились на рыбную ловлю. Один из них, именно тот, который выбрасывал сеть, стоял впереди в лодке; поразительной величины крокодил схватил его за ноги и утащил в воду. Все считали его погибшим. Однако немного спустя хищник снова появился около самой лодки, держа в пасти свою добычу; человек был еще жив и громко кричал, взывая о помощи. Брат погибающего, пораженный ужасом, в порыве сострадания, не медля ни минуты, бросился его спасать; он обнажил саблю, прыгнул в воду, схватил брата за руку и в то же время так сильно ударил крокодила по затылку, что тот тотчас же выпустил человека из пасти. Спасенный жил недолго; после двухдневных страданий он умер вследствие ран, нанесенных ему кровожадным животным».

Рассказы о подобных происшествиях передаются многими путешественниками, особенно же теми из них, которые прожили долгое время в Ост-Индии или на юге Азии, особенно же на более обширных островах Индийского океана. Эпп, который жил на острове Бангка 10 лет, говорит, что в течение этого времени около 30 человек были съедены крокодилами или же тяжело ранены. На Цейлоне, по-видимому, бывает не так много несчастных случаев; по крайней мере, Теннет об этом не так много распространялся.

В английских служебных донесениях о смертных случаях, происшедших вследствие нападения диких зверей, встречаются немногие и как бы случайные замечания о несчастьях, приписываемых крокодилам. Поэтому данные эти как бы подтверждают мнение Форсита, что крокодилы в Индии далеко не так опасны для человека, как можно бы предполагать, основываясь на мнениях, опирающихся только на слухи. По официальным донесениям, крокодилами были уничтожены: в Бенгалии в 1882 году — 202 человека, в 1884 и в 1885 годах в северо-западных провинциях и в Ауде — 20 и 24 человека, а в те же годы в Бомбее человеческих жертв насчитывалось лишь от 3 до 5. Вот единственные сведения, заслуживающие большего или меньшего доверия. Хотя все это говорится «об аллигаторах» вообще, но следует предположить, что большая часть жертв приходится на долю гребнистого крокодила, меньшая же часть на долю болотного, гангскому гавиалу же не может быть приписан ни один смертный случай.

Понятно, что этих опасных животных в Азии преследуют повсюду, но легко объяснить также и то, что кое-где их считают священными животными и им воздают божеские почести. В тех странах, где их считают священными, высшая мечта людей состоит в том, что они превратятся не в ангелов, а в крокодилов, там их никогда не преследуют, а, напротив, стараются приобрести их дружбу. Не подлежит сомнению, что болотного крокодила еще и поныне считают священным, так как все путешественники, которые о нем упоминают, говорят о таком взгляде туземцев. В 1842 году Орлих посетил священный пруд, лежащий поблизости города Карачи, составляющий место поклонения туземцев. В этом водоемстелище жили до 50 штук крокодилов, из которых некоторые были очень велики. Брамин, которому был поручен надзор за этими животными, вызывал их в присутствии путешественника из воды, чтобы кормить. К своему немалому удивлению, Орлих увидел, что крокодилы повиновались сторожу, по его зову выходили из воды, ложились вокруг него с сильно разинутой пастью и слушались, повинувшись лишь прикосновению трости. Для их трапезы был убит козел и разрезан на куски, и каждый крокодил получил свою долю. По окончании кормления сторож прикосновением трости снова прогнал их обратно в воду. Трумп говорит, что по крайней мере 12 факиров посвящают себя служению и поклонению кро-

кодилам этого пруда, но за пищу, как она ни дешева, должен платить народ. Шлагинтвейт также упоминает о прирученных и хорошо содержащихся крокодилах, но неправильно называет их за их короткую морду: аллигаторами. «Насколько ручны аллигаторы в Магарском пруду, — говорит он, — можно заключить из того, что на головах некоторых животных мусульмане сделали большие рисунки и написали на них целые изречения масляными красками. Удивительное впечатление представляет зрелище, когда, повинувшись зову человека, вас со всех сторон окружают аллигаторы, и странно, что зрелище это, вероятно вследствие своей новизны и особенности, не вызывает страха, столь понятного при другой обстановке».

Андерсон уверяет, что он в одной реке на Суматре видел гигантского гребнистого крокодила, которого постоянно кормили рыбьими головами и который, вследствие такого хорошего к нему отношения, стал чрезвычайно ручным. Это необыкновенное животное выживало всех прочих, себе подобных, но к почитателям своим относилось так добродушно, что позволяло им прикасаться к своему благословенному телу. Крокодил очень точно появлялся к обеду, остальное же время проводил в созерцательном бездействии. «У многих людей, — говорит Мартенс, — страх и почтительность, печаль и равнодушие, проистекающие от сильной веры, часто возникают одна из другой; неудивительно поэтому, что жители Ост-Индии по рассказам, слышанным мной на одном острове, не преследуют того крокодила, который живет поблизости от них и съел их ребенка, а считают его священным и веруют, что в него переселилась и живет душа одного из их предков, который до известной степени даже имеет право похитить своего внука». В других местах не так суеверны, преследуют этих животных и применяют различные средства для их истребления. Чаще всего пользуются крючками с наживой, иногда их ловят толстыми сетями, а в некоторых местах устраивают запруды с отверстием, в которое вделана падающая дверца, не позволяющая крокодилу вернуться в глубокую воду.

На Филиппинских островах, по словам Ягора, на легком плоту из бамбука устраивают небольшое возвышение, к которому привязывают собаку или кошку, а рядом с ней крючок, привязанный пучком манильской пеньки, этот плот пускают в реку по течению. Когда крокодил проглатывает приманку и крючок, то он тщетно старается освободиться: разорвать пеньковую привязь ему не удастся, так как плот слишком подвижен, он же всегда указывает ловцам на местонахождение крокодила. Пойманный на удочку крокодил ведет себя как бешеный и обыкновенно сильно сопротивляется, но когда он вытащен на сушу, то делается спокойным и покоряется своей участи. Теннент рассказывает, что крокодилы, которых ловят сетями в мелких озерах с тинистым дном, зарываются часто в тину, так что сеть проходит над ними,

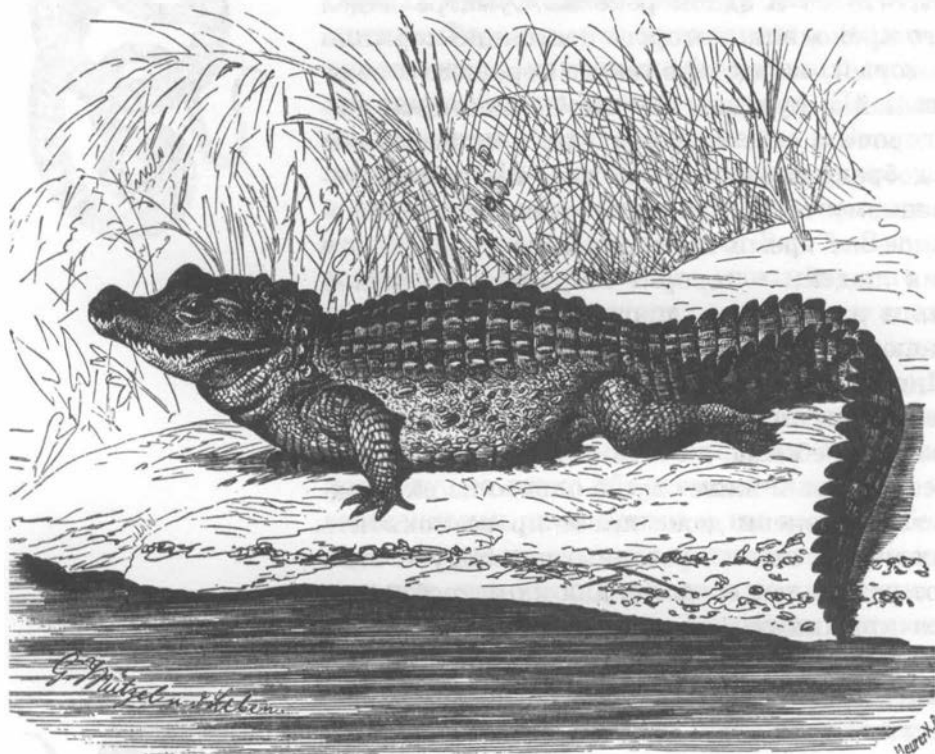

таким образом, эти животные выказывают хитрость, к которой даже в Индии их не считают способными.

Пойманных гребнистых крокодилов убивают и ничего от них не используют, но в некоторых местах, например в Сиаме, мясо их едят и продают на рынках.

Тупорылого крокодила (*Osteolaemus tetraspis*) можно считать переходной формой между крокодилами и аллигаторами. Он служит единственным представителем одноименного рода (*Osteolaemus*), который отличается от настоящих крокодилов главным образом костяной перегородкой, разделяющей носовую полость на две части. Верхнее веко покрыто, кроме того, костяным щитком. Верхняя часть головы очень выпукла, лоб сильно ско-

шен, морда широкая, плоская и мало заострена, длина ее почти равняется ширине при основании, передняя часть приподнята и возвышена. Перепонки между пальцами очень короткие, а на голени, вместо гребня, замечается продольный ряд крупных килеватых щитков: по этим признакам тупорылый крокодил похож на аллигаторов. Передняя часть шеи покрыта 6 щитками, расположенными в один ряд, но разделенными на две группы,

Тупорылый крокодил
(*Osteolaemus tetraspis*)

задняя часть шеи — 4—6 костяными щитками, расположенными парами одна за другой; спина покрыта 6 продольными и 17 рядами поперечных щитков. Верхняя часть тела окрашена в матовый бурый цвет, на голове, спине и в иных местах хвостового гребня замечается грязная светло-бурая окраска с черными точками и пятнами, нижняя часть однообразно блестяще-черно-бурая. Молодые животные желтовато-бурого цвета со многими черными пятнышками, а на спине и хвосте у них широкие черные полосы; брюшные щитки у них черные с желтыми пятнами. Длина взрослых животных достигает, говорят, 1,7 метра, но Пехуэль-Леше уверяет, что видел крокодилов этого вида, которые были вдвое больше.

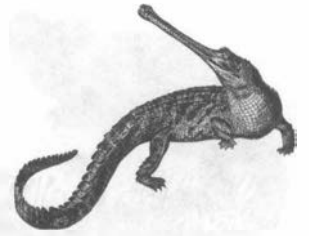
Дю Шалью привез первого тупорылого крокодила, по которому определен этот вид, из реки Огое в Америку, Муррэй получил его из Калабара, Рейженов нашел его в Камеруне, экспедиция Гюсфельда находила его по всему берегу Лоанго. Пехуэль-Леше наблюдал это животное в Конго и южнее около речки Кинзембо; позднее его находили в Сьерра-Леоне. Следовательно, область его распространения простирается от 9 градусов северной широты до 7 градусов южной широты, а может быть, и еще южнее.

Отличается ли это животное по образу жизни и насколько отличается от других крокодилов, мы не знаем, так как наблюдения, специально относящиеся именно к этому виду, не обнародованы. Один Пехуэль-Леше говорит об этом крокодиле с берега Лоанго следующее: «Туземцы считают его совершенно безвредным. Он нахальнее других крокодилов и на глазах охотников таскает под воду подстреленных птиц; однако нельзя ручаться, чтобы другие виды при подобных условиях не делали бы того же самого. Он также доверчивее или, скорее, любопытнее других видов. Я несколько раз замечал, что там, где много этих крокодилов, они высовывают головы из воды всякий раз, как на берегу или на песчаных отмелях происходит что-либо необыкновенное. Их особенно много в Бани и Куилу, в тихих водах и в запрудах. Его даже при беглом осмотре нельзя спутать с другими видами, так как торчащая из воды короткая голова его очень похожа на голову гигантской лягушки, кроме того, на морде замечается характерное вздутие, и цвет животного грязно-бурый». Молодые животные этого вида теперь нередко привозятся в Европу и их иногда можно увидеть в зверинцах и зоологических садах, но чаще их помещают в такие небольшие бассейны, что невозможно за ними наблюдать. Экземпляры, которые были на моем попечении, вели себя совершенно так же, как и более крупные их родичи.

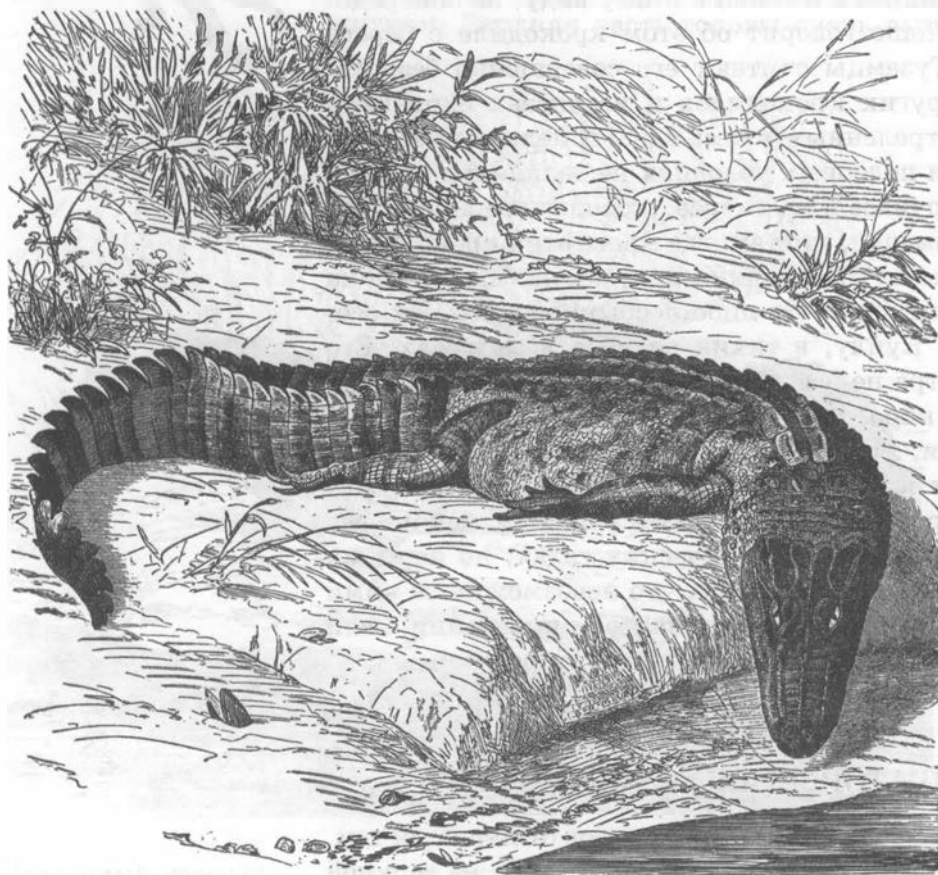
СЕМЕЙСТВО АЛЛИГАТОРЫ (*Alligatoridae*)

Аллигаторы от вышеописанных крокодилов отличаются тем, что для помещения четвертого нижнечелюстного зуба на верхней челюсти находится не вырезка, а глубокая впадина. На каждой стороне челюсти помещается, по крайней мере, по 17 зубов, но на верхней челюсти их может быть до 20, а на нижней — до 22, так что общее число зубов может доходить до 84. Перегородка между ноздрями у них костяная, спинные щитки похожи на щитки крокодилов, но в брюшных щитках или вовсе нет надкожных костяных пластинок, или же они очень тонки и незаметны. В этом роде насчитывают два североамериканских и один южнокитайский вид.

Миссисипский аллигатор (*Alligator mississippiensis*) отличается, по мнению Шрауха, тем, что имеет широкую, плоскую в

форме параболы, на поверхности почти гладкую морду, похожую на щучью. Его невозможно спутать с другими видами этого рода, так как костяная перегородка между ноздрями заметна даже снаружи в виде продольного гребня, разделяющего обе ноздри; кроме того, на зашееке у него два ряда друг подле друга лежащих щитков. Затылок покрыт четырьмя большими, парными, поперечными рядами, а спина 8 продольными рядами щитков, пальцы соединены широкой плавательной перепонкой. Длинной он бывает до 4,5 метра, однако особей, достигших даже половины этой величины, следует считать взрослыми. Цвет верхней части тела

*Миссисиппийский
аллигатор
(Alligator
mississippiensis)*

** Миссисиппийские
аллигаторы вырывают
норы, тянущиеся
от водоема под корни
деревьев до 6 м.*

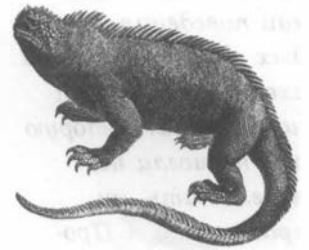
обычно грязный, маслянисто-зеленый, по которому разбросаны темные пятна, нижняя часть тела нечистая ярко-желтая. У молодых животных по спине и хвосту идут желтые полосы.

Область распространения миссисиппийского аллигатора ограничивается юго-восточными частями североамериканских Штатов, от впадения Рио-Гранде и к северу до 35-го градуса. Он встречается очень часто почти во всех больших и малых реках, озерах и болотах Южной Каролины, Джорджии, Флориды, Алабамы, Миссисипи и Луизианы, далее к северу он встречается реже и в Северной Каролине постепенно исчезает. Одюбон, сообщениями которого я буду пользоваться, говорит, что аллигаторы взбираются на стволы деревьев, растущих по илистым берегам помянутых рек, и греются на припеке или же плавают по реке, добывая себе пищу*. В Луизиане все болота, бухты, реки, пруды, озера, все полно этими животными, их можно видеть повсюду, где есть вода, в которой они могут найти себе убежище и достаточное количество пищи, таким образом, они распространяются на юге, ниже впадения реки Арканзас, на востоке до Северной Каролины, а на западе повсеместно. На Крас-

ной реке, до того как их не испугали пароходы, их было такое поразительное множество, что по берегам и на огромных плотках плывущего леса они встречались сотнями. Детеныши их лежали на спинах у взрослых, и иногда раздавалось такое рычание, как будто бы мычали тысячи диких быков, вступающих в бой. Как многие другие дикие животные в Америке, так и они настолько мало боялись людей, что если в них не стреляли или не пугали намеренно, то они подпускали мимоидущие лодки на несколько метров, не обращая на них ни малейшего внимания. Только в стоячих водах с гниющими растениями они показываются редко.

На суше аллигатор обыкновенно движется медленно и неуклюже. О походке его можно сказать, что он с трудом карабкается по земле: он тяжело передвигает нога за ногу, объемистый же живот почти касается земли, а длинный хвост волочит сзади позади. Так он выползает из воды, так же он тащится и по полям или по лесу, разыскивая место, более обильное пищей, или же удобное для кладки яиц. Насколько медленно он движется, ясно видно из следующего наблюдения. Одубон встретил однажды аллигатора, длиной 4 метра, шагах в 30 от пруда, очевидно намеревавшегося перейти в другое водовместилище, расположенное неподалеку. К наступлению сумерек он прошел шагов 600 и далее двигаться уже не мог. На суше, конечно, вследствие своей беспомощности они действительно ужасно трусливы. Если они во время своих перекочевок от одного места к другому замечают врага, то прижимаются, сколько возможно, к земле, сильно наклоняют голову и как окаменевшие лежат в таком положении, следя за врагом своими подвижными глазами. Если к ним подойти, то они даже не пытаются спастись бегством и, конечно, не нападают, а только поднимаются на ноги и пыхтят, как будто у них внутри находится кузнечный мех. Тот, кто желает убить животное в это время, не рискует подвергнуться какой-либо опасности, однако следует помнить, что необходимо держаться в почтительном отдалении от его хвоста, так как в нем главная сила аллигатора и до известной степени лучшее его оружие. Человек, получивший сильный удар этим хвостом, может умереть от него.

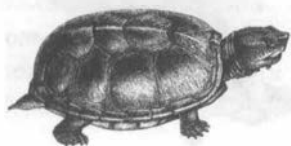
В воде, которая, собственно, и есть его природная стихия, аллигатор живет и смелее. Здесь случается, что он даже нападает на человека, в большинстве же случаев он его боится и при встрече с ним почти всегда убегает. В Северной Америке случается, что пастухи бывают вынуждены входить в воду, вооруженные дубинами, чтобы провести свой скот вброд через водоем, обитаемый крокодилами, или же чтобы удержать прожорливых животных от нападения на скот во время водопоя. Впрочем, стоит только попасть в голову аллигатору, то его уже нечего бояться. Иногда случается видеть в воде людей, ослов и аллигаторов совсем близко друг от друга, люди колотят их, чтобы отогнать от ослов, чудовища же поглядывают жадными глазами на желанную добычу, которая при

Семейство аллигаторы

** Несколько раз были описаны случаи поведения молодых аллигаторов при схватывании крупной добычи, которую они не могли ни проглотить, ни «разжевать». Проблема была решена, когда два аллигатора, стащив жертву в воду и схватив ее с двух сторон, стали крутиться вокруг собственной оси в разных направлениях, разорвав добычу на более мелкие части.*

*** Самцы миссисипских аллигаторов имеют охраняемые участки в 20—40 га, которые периодически обходят, издавая при этом по весне громкий рев.*

другом положении дела могла бы достаться им и от которой только страх перед боями удерживает их на известном расстоянии.

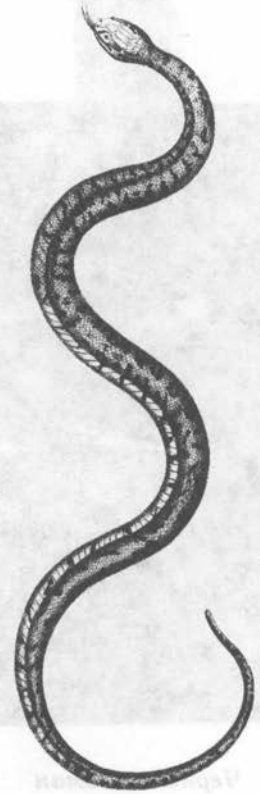
Овцам и козам, которые приходят на водопой, собакам, оленям и лошадям, которые переплывают через водоем, грозит опасность быть потопленными, а затем и съеденными*. Главную же пищу аллигаторов, собственно говоря, составляют рыбы. Во время ежегодного половодья тамошних рек большие соседние и мелководные озера и илистые болота наполняются не только водой, но и рыбами, за которыми аллигаторы и охотятся. После спадения весенней воды все соединительные ветви между водоемами пересыхают, рыба же забирается в более глубокие места и делается жертвой аллигаторов, которые переползают от одного углубления к другому или, вернее, от одной лужи к другой. После заката солнца издали слышится шум, производимый хвостами хищников. Подойдя ближе, можно рассмотреть, в какое движение они приводят хвостами воду; маневр этот приводит рыб в такой страх, что они, желая избежать своего злейшего врага, сотнями подпрыгивают в воздух, часто же ударами хвоста подбрасываются прямо в зубастую пасть чудовища. Иногда Одюбон для потехи бросал в подобную яму надутый бычий пузырь. Какое-нибудь из животных приближалось, подталкивало его к себе или старалось схватить зубами, пузырь выскальзывал, прочие старались половчее схватить мнимую добычу, иногда бывало так, что они в полном смысле слова играли в мяч этим пузырем. Случалось бросать им закупоренную бутылку, которую легче схватить, тогда можно было слышать, как разбивалось и хрустело стекло у них на зубах, причем зрители злорадно желали приятного аппетита броненосному разбойнику, которого все так ненавидят.

Весной, во время спаривания, аллигаторов следует бояться. В это время они очень свирепы. Самцы вступают между собой в бой, как в воде, так и на суше, и бывают вследствие этого так раздражительны, что мало и даже почти нисколько не боятся человека**. Очень может быть, что подобное состояние их зависит от того, что время спаривания совпадает с половодьем, вследствие чего рыба имеет возможность уплыть из одного углубления в другое и ловить ее уже не так легко, как прежде. По сведениям, сообщенным Одюбоном, Люцельбергером и Лейелем, после спаривания в особо устроенные гнезда самка кладет яйца, которые относительно малы, белого цвета, имеют крепкую известковую скорлупу и которых иногда бывает более 100 штук. Для устройства гнезда она выбирает подходящее место шагах в 50—60 от воды, в густых кустарниках или тростниках, натаскивает в пасти листья и ветки, сносит туда яйца и бережно прикрывает их. Говорят, что с этих пор она постоянно находится около гнезда и стережет его, если же кто-либо приближается, на того она яростно нападает. Теплота, которая развивается в гниющих растениях, способствует созреванию яиц. Вылупившиеся маленькие аллигаторы очень ловко выкарабкиваются

из-под покрывающих их листьев, мать встречает их и ведет тотчас же к воде, обыкновенно сначала в маленькие, отдельно лежащие лужицы, чтобы уберечь их от самцов и от больших болотных птиц. Кларк однажды, в середине июня, во Флориде нашел два гнезда, в которых было 29 и 30 яиц. Белое, с крепкой скорлупой яйцо имеет 67—88 мм длины и 35—40 мм ширины.

Живучесть аллигаторов затрудняет охоту за ними, хотя их и можно убить пулей, попавшей в мозг или в сердце. Для ловли этих животных чаще, чем огнестрельное оружие, употребляются сети, которыми их и вылавливают из воды, вытаскивают на берег и убивают топорами. Некоторые негры умеют очень ловко ловить их петлями: когда животное приближается к берегу, то они набрасывают ему петлю на голову и вытаскивают из воды. Раненые аллигаторы производят такое сильное возбуждение между сожителями одного и того же озера, что они с испугу или перебираются в другое место, или прячутся в течение нескольких дней, между тем как на тех, которые умирают моментально от выстрела дробью, по-видимому, никто не обращает ни малейшего внимания. В прежние годы близ Красной реки их убивали тысячами, потому что была большая мода на башмаки, сапоги и седла из их кожи. Вскоре, однако, убедились, что кожа эта недостаточно прочна для обуви и не выдерживает сырости, но все же теперь она идет на разные другие поделки, жир убитых животных также идет в употребление, например, на приготовление машинной смазки. Для желез же их, по-видимому, еще не нашли постоянного применения, несмотря на то, что они так же сильно пахнут мускусом, как и у настоящих крокодилов. Гронен считает, что во Флориде ежегодно уничтожается до 6000 молодых аллигаторов для получения кожи, зубов и жира. 100 маленьких крокодилов стоят около 25 долларов, живые животные 12 и 15 футов длины стоят от 25 до 60 долларов.

Это тот вид семейства крокодилов, который чаще всего можно видеть в зоологических садах и у торговцев зверями. На европейском рынке ежегодно продают несколько сот живых аллигаторов, и все они находят покупателей; молодые, только что вышедшие из яйца, попадают к любителям, которые помещают их в аквариумы и настолько их приручают, что они наконец начинают брать из рук предлагаемую им пищу. Большие попадают в зверинцы, владельцы которых таскают аллигаторов с места на место, пока они не околеют от голода, холода и дурного обращения. Старые экземпляры сначала отказываются от пищи, но скоро начинают есть, особенно если у них просторное помещение, а лучше всего небольшой пруд в саду. Чтобы их приручить к корму, следует сначала предлагать им живую добычу, например воробьев с перебитыми крыльями, которых бросают в воду, живых голубей, кур и т.п., позднее они жрут и сырое мясо, которое привязывают к бечевке и двигают взад и вперед, и наконец, они тотчас же раскрывают пасть, когда им показывают корм, и глотают

его с радостным ворчанием, точно пища волшебным образом им сваливается с неба; старые аллигаторы жрут много и могут в неделю съесть до 8 кг мяса. При внимательном уходе они по нескольку лет выдерживают в неволе на открытом воздухе, но для этого необходимо, чтобы зимой они могли хорошо защитить себя от холода, зарыться в ил и предаться зимней спячке, если условие это не соблюдено, то они околевают в первую же зиму.

Остается упомянуть еще об одном роде крокодилов, а именно об **очковых кайманах** (*Caiman*), которые, по Буланже, отличаются от аллигаторов тем, что у них нет костяной перегородки между ноздрями, а также, что у них кроме спинного панциря замечается брюшной, состоящий из черепицеобразных костяных пластинок. Каждая пластинка состоит из двух частей, соединенных

швом. Виды этого рода живут исключительно в Средней и Южной Америке.

«Кайманы, которых мы встречали в верхнем течении Эссекибо, — говорит Шембург, — а также в других реках саванны, по величине и цвету сильно отличаются от тех, которые живут на берегах моря. Одни достигают 4 метров в длину, гораздо чернее и кое-где с желтыми пятнами, морда их короче и тол-

Черный кайман
(*Melanosuchus niger*)

ще, ноги короче и сильнее, чем у береговых. Они совершенно похожи на черных кайманов, найденных Марциусом в Амазонской реке». Бетс замечает, что туземцы в верхнем течении Амазонки также отличают кайманов от других маленьких видов.

Черный кайман (*Melanosuchus niger*) принадлежит к роду черных кайманов, у которых между глазами находится поперечный валик, но отличается от остальных, кроме своей значительной величины, еще и множеством задних затылочных щитков, которые обыкновенно образуют четыре довольно неправильных поперечных ряда, кроме того, глазная впадина расположена более впереди, над девятым и десятым верхне-челюстными зубами. Вышеуказанный межглазной валик, кроме того, имеет обычно в середине треугольное возвышение, а полуокостеневшие веки плоски и тонко изображены, но не морщинисты. Передние затылоч-

ные щитки также расположены в 4—5 поперечных рядов. Верхняя часть тела черная, нижняя — желтая. У молодых животных на черном фоне замечаются желтые, часто очень яркие пятна, сливающиеся даже в поперечные полосы.

Черный кайман встречается в Гвиане, северной Бразилии, Боливии, Эквадоре, в восточном Перу и вообще во всей тропической Южной Америке на восток от Анд, живет во всех больших реках и озерах в довольно большом количестве. «Если утверждают, что воды в верхнем течении Амазонской реки в сухое время года наполнены кайманами так же, как лужи Англии головастиками, — говорит Бетс, — то это не следует считать преувеличенным. Во время пятидневного путешествия, совершенного нами в ноябре на пароходе, мы на обоих берегах повсюду видели этих животных, с утра до вечера пассажиры забавлялись стрельбой в них пулями. Особенно много их было в неглубоких бухтах, где они лежали целыми кучами и с шумом расплзались при приближении парохода». Они, подобно черепахам, ежегодно предпринимают странствования: в половодье они поднимаются вверх по реке и заходят в затопленные болота и лужи, с наступлением же сухого времени года они возвращаются в реки. В озерах и лагунах, у которых соединительные каналы пересыхают в жаркое время года, кайманы вынуждены зарываться в ил и предаваться спячке до начала дождливого времени, в верхнем течении Амазонки, где сухое время года продолжается недолго, они остаются деятельными в течение целого года. Туземцы боятся только черных кайманов, а маленькие их родичи им вовсе не страшны. Последних они, по словам Бетса, ловят иногда руками, между тем как черные кайманы повсюду внушают к себе уважение, так как нападают не только на воде, но ночью бывают опасны и на суше, например, стараются схватить собак, которые бегают вокруг лагерных костров. Бетса несколько ночей подряд беспокоил дерзкий старый самец, который имел смелость заходить в хижину, где спали натуралист и его спутники, однажды ночью этот кайман удалился только тогда, когда индейцы бросили несколько пылающих головней на его толстую шкуру. Шомбургк также уверяет, что черные кайманы самые хищные и прожорливые твари, каких можно себе представить. Некоторые из них, за которыми он долго наблюдал, постоянно сторожили добычу в тихих бухтах реки, подкарауливали собак и однажды вечером схватили ручного гигантского аиста, который спал на берегу. Собаки, которых кайманы также таскают в воду, очень хорошо знают о грозящей им опасности и сильно лают, когда заметят врага.

«Чтобы наблюдать, как кайманы ловят добычу, — говорит Шомбургк, — я часто привязывал птиц и больших рыб к куску дерева и пускал их плыть по реке. Как только приманка бывала замечена одним из кайманов, то он подплывал к ней тихо, так что поверхность воды не колыхалась. Приблизившись, он сгибал тело

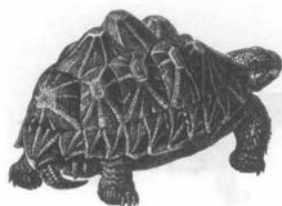

дугой, и кончиком хвоста, который может быть подогнут к самой пасти, он подбрасывал в рот все предметы, находящиеся внутри полукруга, затем он исчезал под водой и через несколько минут выходил на ближайший берег или на песчаную отмель, чтобы там съесть добычу. Если она была не особенно велика, то кайман высовывал из воды только переднюю часть тела до плеч и в этом положении проглатывал пойманное животное. Чаще всего он ест рыб, которых убивает ударом хвоста, а затем подбрасывает высоко над водой и ловит их пастью. Закрывание челюстей и удар хвостом производят громкий шум, который, особенно в тихую ночь, слышен далеко.

Однажды после обеда нам пришлось быть свидетелями очень интересной борьбы. Поверхность реки была вполне спокойна; вдруг мы заметили на небольшом расстоянии необычайное движение в воде: огромный черный кайман схватил за середину тела «кайкучи», как называют там более мелкий вид кайманов; голова и хвост жертвы висели по сторонам страшной пасти чудовища. Битва была очень жаркая, но все усилия слабейшего противника оказались тщетными в борьбе с жадным и свирепым кайманом. Затем оба исчезли в глубине, и только сильные волны, поднявшиеся на тихой поверхности реки, указывали, что под водой происходит борьба на жизнь и смерть; через несколько минут животные снова всплыли и так сильно стали бить хвостами по воде, что от них распространилась по реке сильная зыбь. Скоро, однако, нельзя было сомневаться в исходе битвы: силы кайкучи ослабели. Мы приблизились к ним в лодке. Как только большой кайман нас заметил, то тотчас же нырнул, но так как под водой он не мог проглотить добычу, то снова появился и поплыл к песчаной отмели, где тотчас же принялся за еду.

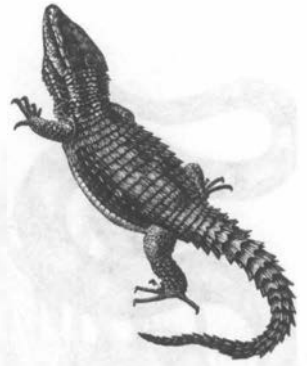
Мне показалось удивительным, что самки долгое время выказывают сильную любовь к своим детенышам, за ними наблюдают и с ожесточением защищают, в чем я убедился по собственному опыту. Однажды я обратил внимание на крик, похожий на мяуканье котят, и полагал, что недалеко находится гнездо тигровой кошки, но мой спутник указал мне на воду и вскрикнул: «молодые кайманы!» Звуки раздавались из-под ветвей дерева, которое вследствие того, что корни его были подмыты рекой, наклонилось к воде и касалось ее поверхности своими сучьями. Осторожно проползли мы по стволу до самой вершины, и я увидел под собой в тени весь выводок кайманов, имевших до 0,5 метра длины. Так как мы находились всего на один метр над поверхностью воды, то моему индейцу было не трудно убить одного из детенышей стрелой и вытащить бьющееся и кричащее животное. В ту самую минуту вынырнул из воды под нашими ногами огромный кайман, мать детенышей, которая, вероятно, уже некоторое время наблюдала за нами и приготовилась к защите своих детенышей, издавая при этом страшное рычание. Я не знал, с чем сравнить этот крик: он не совсем похож на мычание быка и на голос ягуара или на

крик другого известного мне животного, но представляет собой смесь всех этих голосов, однако так страшен, что невольно производит дрожь во всем теле. Рычание это скоро привлекло других кайманов, которые, очевидно, желали помочь гневающейся матери, а она часто поднималась выше плеч из воды, чтобы нас схватить с возвышающегося над водой дерева. Спутник мой еще сильнее дразнил мать, держа перед ней извивающегося на конце стрелы детеныша. Когда она была ранена стрелой, то на некоторое время исчезала под водой, но тотчас же снова выплывала и возобновляла свои нападения с еще большей яростью. Тихая поверхность воды превратилась в бушующую бездну, так как кайманы постоянно били ее своими согнутыми хвостами, и я должен сознаться, что необычайная смелость животных заставляла мое сердце биться вдвое сильнее обыкновенного. Неосторожный шаг или неловкое движение нас наверно низвергли бы в пасть страшного животного. Когда вышел весь наш запас стрел, то я счел благоразумным осторожно ретироваться, так как на земле кайман слишком труслив, чтобы быть опасным; он, по-видимому, сознает свою беспомощность, когда находится на суше, и потому всегда бежит как можно скорее к воде, где он снова чувствует себя в своей сфере.

Щитки детеныша были еще мягки и гибки, из чего можно было заключить, что он проклюнулся из яйца лишь несколько дней назад, но и он уже распространял сильный мускусный запах. Недалеко от этого места мы заметили на берегу широкую тропинку, которая нас привела к гнезду, расположенному на расстоянии метров десяти от воды. Оно состояло из ветвей листьев и травы и было устроено в углублении в земле; судя по пустым скорлупкам, оно содержало 30—40 яиц, которые лежали слоями один над другими. Один слой отделялся от другого листьями и илом, верхние яйца, по-видимому, также были покрыты слоем ила. Кайманы кладут яйца в одно и то же время, как и черепахи, и детеныши их вылупляются еще до наступления дождей. Во время странствований их от гнезда к воде они подвергаются нападениям не только больших хищных птиц и крупных аистов, но также и самцов кайманов. Следует заметить, что если бы большая часть выводков не уничтожалась, то кайманы должны были бы размножиться в невероятном количестве. На песчаных отмелях самки никогда не зарывают своих яиц.

На следующее утро я, в сопровождении многих индейцев, вернулся к месту нашего вчерашнего приключения, с ружьем, заряженным пулей. Самка с детенышами уже ушла. Несмотря на то, что над поверхностью воды поднималось бесчисленное множество голов и что мы пробовали их зацепить большими крючками, мы не могли поймать ни одного чудовища. Но по возвращении нашем домой охотник на кайманов, который поселился близ бухты, попросил меня оставить ему ружье, так как он надеялся, что в течение дня все же застрелит хотя одно животное. Под вечер он действительно

* В распространении крокодиловых кайманов существенное значение имеют так называемые плавучие острова из водного гиацинта *Eichhornia crassipes* и некоторых других растений. Эти острова, занимающие порой до 900 м², уносят молодых кайманов далеко вниз по течению крупных рек и даже в открытое море.

пришел известить нас, что он сдержал слово. Кайман еще находился в воде и крепким вьющимся растением был привязан за шею к дереву. Он имел 4,5 метра длины. На нем виднелась огромная рана, которая уже зарубцевалась и которую он, вероятно, получил во время одного из отчаянных побоев, бывающих между самцами. Из его 18 пальцев у него трех не хватало, одна из передних лап была сильно изувечена. По уверениям индейцев, увечья эти причиняет им прожорливая рыба пиранья, единственное существо, способное вредить взрослому кайману. Охотник убил этого зверя только седьмой пулей, которая, пройдя через глаз, засела в мозгу».

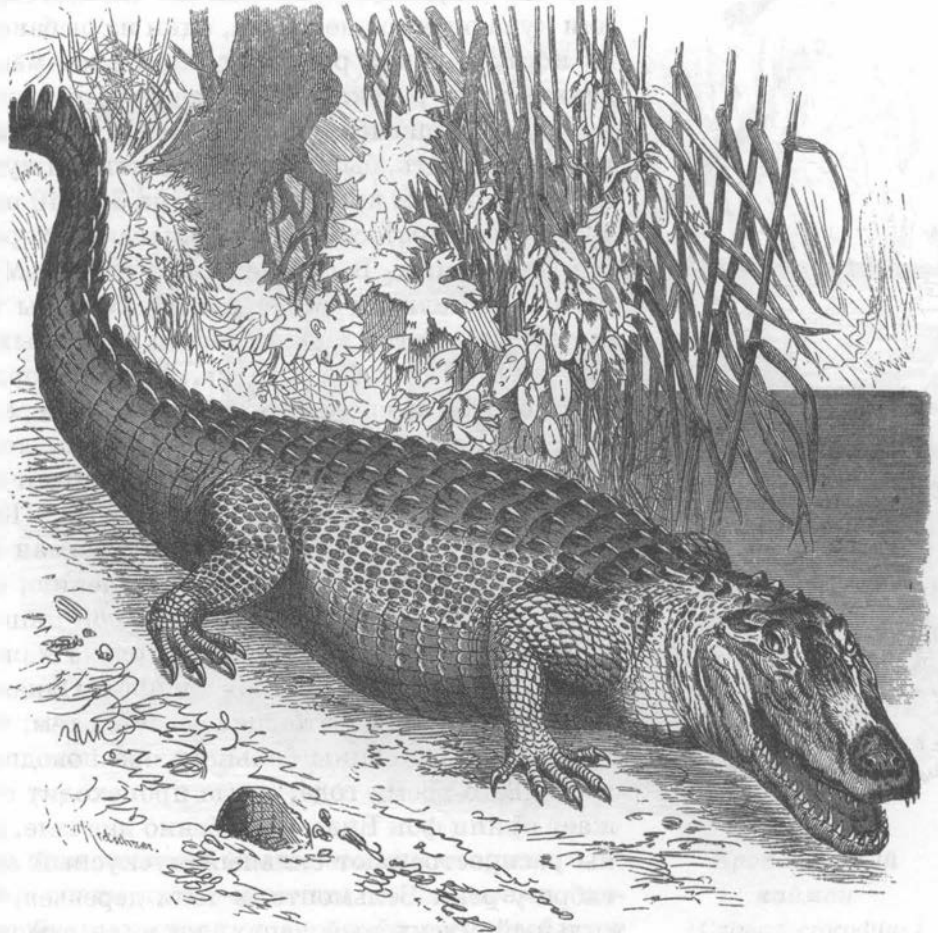
Другой черный кайман, которого еще прежде убил проводник Шомбургка, еще долго после того, как получил удар пулей, метался и доказывал, что не так-то легко заставить его расстаться с жизнью. Лучи солнца, по-видимому, вновь пробудили в нем жизнь даже после того, как его уже вытащили на берег, мнимо убитый враг зашевелился и даже пытался напасть. Многие индейцы бросились бежать и притащили колья, самый смелый из них бросился на зверя, который ожидал его с разинутой пастью, кол вонзился в глотку. «Хотя кайман сильно зажал пасть и закусил кол, но, судя по глухим стонам, такого рода борьба пришлось ему очень не по вкусу. Два другие неустрашимые индейца подошли между тем сзади и своими дубинами стали колотить по концу хвоста, на который удары сыпались как град. С каждым новым ударом животное поднималось с пеной у рта на дыбы и широко разевало пасть, в которую опять поспешно вонзалась новая дубина. Индейцы утверждают, что хвост каймана есть средоточие его жизни; что он составляет самую чувствительную часть его тела. Это нам было ясно из того, что с каждым ударом по хвосту животное яростно подпрыгивало, между тем, как оно почти вовсе не замечало тех бесчисленных ударов, которые получало по голове и туловищу. После долгой и яростной борьбы разбойник был, наконец, убит».

Почти по всей Южной Америке распространен описанный внимательными наблюдателями широкомордый кайман (*Caiman latirostris*), которого часто путают с крокодиловым кайманом (*Caiman crocodilus*). У обоих видов верхние веки отчасти костяные, отчасти кожистые, снаружи морщинисты и имеют маленький роговидный придаток, глазницы спереди соединены поперечным валиком, по которому эти кайманы и названы очковыми. Передние затылочные щитки у обоих видов большие и расположены в 2 или 3 поперечных ряда: у широкомордого задние затылочные щитки образуют 3 или 4 ряда, а у крокодилового каймана всегда 5 рядов. Первый достигает 3,5 метра длины, а второй, более длинномордый, лишь 2,8 метра длины. У обоих верхняя часть тела темно-оливково-бурая, по бокам с серым мраморным рисунком, нижняя часть тела бледно-зеленовато-желтая. Широкомордый кайман живет в Южной Америке к востоку от Анд, от Амазонки до Ла-Платы*, преимущественно в южной части вос-

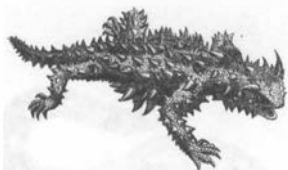
точной Бразилии, в Уругвае и на северо-востоке Перу; крокодиловый кайман встречается во всей Средней и Южной Америке от мыса Тегуантепек до Ла-Платы, в Гвиане, Бразилии, северо-восточном Перу и Аргентине. Однако крокодилового каймана не находят в бразильской провинции Рио-Гранде-де-Сул.

Азара и принц фон Вид достаточно подробно описали образ жизни широкомордого каймана. Он также предпочитает тихие речные рукава и стоячие воды быстрым рекам и потому особенно часто встречается в больших болотах внутри материка. Принц фон Вид не замечал его во многих больших быстрых реках, зато их много в почти стоячих боковых рукавах и медленно текущих ручьях, а чаще всего их можно видеть в болотах и лужах.

Пока этот жадный хищник сторожит добычу, из воды торчит только передняя часть головы, настолько, чтобы глаза были выше поверхности воды и могли обозревать окрестность и ноздри были бы свободны. Днем он долго остается на одном месте, а в полдень приплывает к берегу или к скале, чтобы погреться на солнце и поспать; если приближается человек или собака, то кайман тотчас же бросается в воду. «Часто проезжаешь мимо этих животных, — говорит принц фон Вид, — не замечая их, так как темно-бурую голову и спину их нелегко отличить от кусков гранита, на котором они отдыхают, но чаще они с шумом ныряют в глубину. В тихом ручье, втекающем в Паранаибу, жило очень много этих животных. С довольно высокого берега, оттененного растениями, имевшими 3—4 метра вышины, можно было разом видеть многих кайманов, у которых из воды торчали только морды с глазами. Там, где листья водяных растений, особенно кувшинок, несколько поднимались над поверхностью воды, непре-

Широкомордый
кайман
(*Caiman latirostris*)

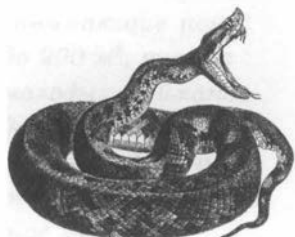

менно можно было найти каймана, потому что им тут удобно прятаться. Если их беспокоили, то они ныряли, но скоро опять появлялись на другом месте.

Пища их состоит из всевозможных животных, которых они могут захватить. Один из моих охотников убил молодого каймана, который схватил застреленную им утку. Я находил в желудке их особенно много остатков рыб, много чешуй и рыбьих костей, перья и кости птиц, но также небольшие камешки и песок и узнал, что они иногда глотают большие камни. Рыбаки утверждают, что широкомордый кайман иногда нападает на пловущего или купающегося человека, один из рыбаков даже показывал мне на ногах и руках рубцы от укусов каймана. Однако, если даже верить этим рассказам, то все-таки нельзя утверждать, что эти крокодилы опасны для человека. Все кайманы, которых мне удалось наблюдать, были в высшей степени пугливы и тотчас исчезали, когда к ним приближались на 30—40 шагов. Но они, говорят, часто пожирают собак, переплывающих реки, и других небольших животных. В лагуне Арара у реки Мукури широкомордый кайман поселился около нашей хижины и постоянно пожирал кухонные остатки, внутренности животных и другие отбросы, которые слуги бросали в воду». Азара говорит, что этих кайманов мало боятся и спокойно купаются и переплывают реки вблизи них, так как они нападают на человека, только когда приближаются к их яйцам, но и тогда не пожирают и не разрывают людей на части. Гензель говорит почти то же. «Кое-где утверждают, — пишет он, — что широкомордый кайман опасен для людей, но сведения, относящиеся к этому мнению, очень недостоверны и требуют еще подтверждения. Главной пищей этих кайманов служат рыбы, которых они, несмотря на кажущуюся неповоротливость, легко ловят в мелких заливах. Однако они едят и беспозвоночных животных, что доказывается тем, что в их желудках часто находят раковины больших пресноводных улиток».

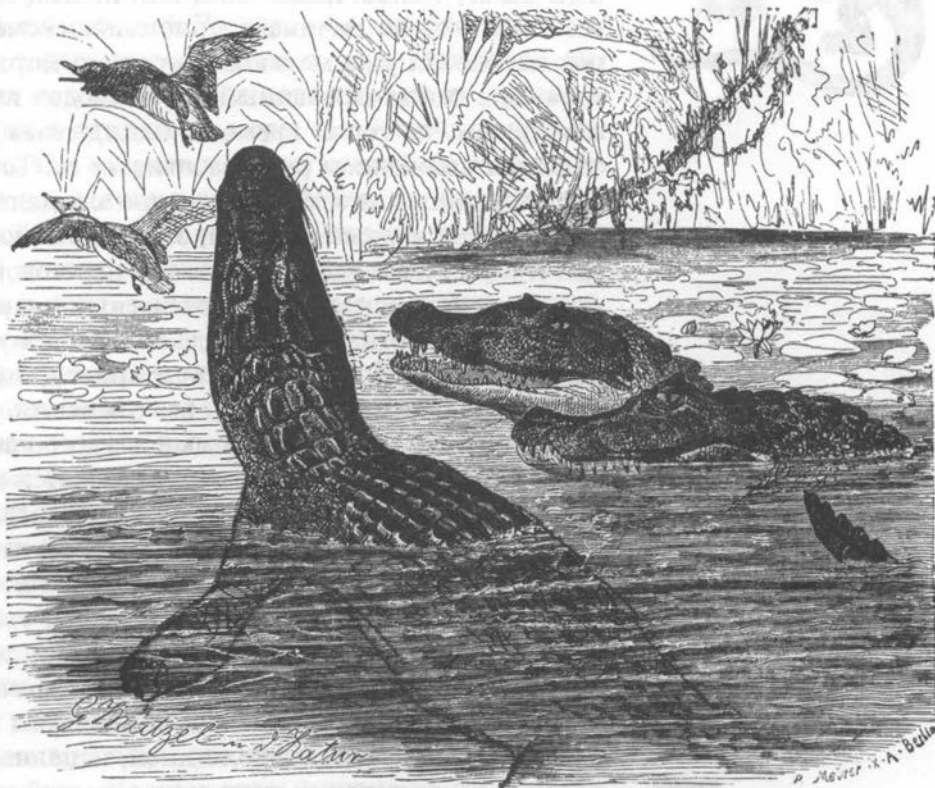
«В то время года, когда происходит спаривание, — продолжает принц фон Вид, — особенно вначале, широкомордые кайманы распространяют сильный мускусный запах. В августе и сентябре у реки Бельмонте, в тени деревьев, мы часто чувствовали сильный мускусный запах, не видя самого животного, которое давно нырнуло в воду. Сопровождавшие нас ботокуды, почуяв этот запах, тотчас же кричали «эхэ», имя, которое они дают этому кайману. У реки Ильеус я замечал тот же запах в начале декабря и в январе». Яйца, величиной с гусиные и числом около 60, кладутся в песок, покрываются сухой травой и предоставляются для нагревания солнцу, детеныши тотчас по вылуплении, как узнал принц фон Вид, отправляются в воду и, говорят, часто пожираются грифами, другими хищными птицами и млекопитающими.

Пользы широкомордые кайманы не доставляют никакой, поэтому для выгоды за ними никто и не охотится. Некоторые негры

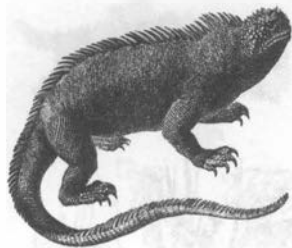

и индейцы едят их белое, похожее на рыбье мясо, особенно часть хвоста у основания, но подобное жаркое нечасто им достается. Очень трудно убивать этих животных, которые так же живучи, как и прочие их родичи, и при первом звуке выстрела немедленно ныряют в воду. Мы очень часто стреляли по ним дробью; по большей части заряд в них попадал, но у нас не оказывалось никаких приспособлений, чтобы вытащить раненое животное со дна воды. Однажды мой проводник попал зарядом мелкой дроби кайману в затылок и ранил его смертельно. Оказалось, что свинец пробил не щит животного, а мягкую кожу на затылке. Крупная дробь падает гораздо лучше, особенно если целиться в голову, затылок или в бока. Зверь, которого удается застичь на суше, всегда делается добычей охотника, ибо на земле движения его настолько же медленны и неповоротливы, насколько проворны в воде. Если он замечает в подобных случаях врага, то остается неподвижным и дает себя убить, даже не пытаясь оказывать сопротивления. Он кусается только в таком случае, если его часто раздражать палкой. Молодые животные гораздо проворнее на земле, нежели старые».

Жители Парагвая очень часто охотятся за шакарами, индейцы при помощи особенных стрел, а европейцы употребляют огнестрельное оружие. Стрелы вгоняются кайману в бока и имеют особенное приспособление: как только железный наконечник стрелы засел в теле животного, так стержень, который посредством шнурка соединен с наконечником, отпадает и, всплывая на поверхность воды, указывает охотнику место, где укрылось раненое животное. Для поимки его испанцы употребляют заостренный с обоих концов кусок дерева, к которому прикрепляют бечевку, навязывают на нее бычье легкое и бросают эту приманку в воду, кайман хватает ее и глотает, после этого его уже без всяких затруднений подтаскивают к берегу и вынимают из воды.

Крокодиловый
кайман
(*Caiman crocodilus*)

Келлер-Лейцингер описывает совершенно своеобразный способ охоты на кайманов. Одно индейское племя, каничане, предпочитают жареного каймана всякому другому мясу и никогда не упустят случая изловить свою излюбленную дичь. Один из охотников тщательно прикрепляет крепкую петлю из воловьей кожи к длинной жерди, раздевается и голый входит в воду в неглубоком месте, тихонько, по возможности согнувшись, он подходит к пресмыкающемуся и направляет на него конец жерди. «Кайман смотрит на все происходящее спокойными и добродушными глазами и изредка только проявляет признаки жизни, лениво поворачивая свой огромный хвост, только после того, как индеец подходит к нему уже совсем близко, он начинает пристально всматриваться. Между тем роковая петля уже мелькает перед его мордой, но он все еще ее не замечает: как зачарованный, он не сводит глаз с охотника, который между тем, не теряя времени, закидывает ему петлю на голову и сильным движением руки затягивает ее. Товарищи его, которые до сих пор, припав на земле, безмолвно ожидали на берегу, прибегают, и 4 или 5 этих черных силачей, блестящих, как бронзовые статуи, тащат к берегу животное, которое еще неистово бьется и мечется. Только тут, получив несколько тяжеловесных ударов топором по хвосту и по темени, он стихает навсегда и делается уже вполне безвредным. Если бы зверь в это время не старался спастись, а попытался бы напасть на охотников, то им, без сомнения, пришлось бы побросать жердь и петлю и бежать, но мысль эта, по-видимому, не приходит в голову чудовищу, которое упорно старается отбиваться, поэтому битва всегда кончается его смертью. Из двенадцати раз только однажды мне пришлось, почти стоя подле него, застрелить пулей необыкновенно большого аллигатора, который так сильно бился, что я боялся, что он ушибет одного из каничан своим сильным зубчатым хвостом. Прежде чем разобрать всю тушу на части, тщательно вырезаются четыре мускусные железы, чтобы не дать сильному запаху распространиться на все мясо. Эти железы представляют пузыри в 3—4 см длиной, в палец толщиной, наполненные густой бурой жидкостью, по извлечении отверстия пузырей перевязывают, и железы вешают сушиться на солнце. Нам передавали, что женщины Боливии очень любят душить этим веществом свои черные, как смоль, волосы, для этого они берут содержимое железы, которое имеет неприятный запах и производит головную боль, и смешивают его с небольшим количеством розовой воды».

«У меня было, — говорит в заключение принц фон Вид, — несколько живых, молодых широкомордых кайманов. Они были дики и буйны, надували брюхо и гортань, если их трогали или дразнили, шипели при этом, как гусыня на гнезде, и открывали пасть; если их удавалось тронуть сзади, то они быстро оборачивались и сильно кусали и били хвостом. Даже у этих молодых особей был замечен неприятный мускусный запах».

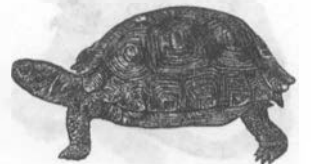
ОТРЯД ЧЕРЕПАХИ (Testudines)

Отряд
черепахи

«Черепашки, — говорит старый Геснер, — относятся к четвероногим животным, которые имеют кровь и размножаются яйцами. Они бывают трех сортов. Одни живут на земле, другие в пресных водах, а третьи в открытом море, но все заключены в твердые щитки, которые так закрыты, что из частей их тела ничего не видно, кроме головы и конца лап, впрочем, и их черепахи могут втягивать под свой твердый и толстый щиток, который так крепок, что через него может переехать нагруженная телега, не раздавивши его, голова и ноги, которые они высовывают, покрыты чешуйками, как у змеи и ужа».

Вышеназванный натуралист причисляет черепах, как и древние, к четвероногим животным, которые имеют кровь и размножаются яйцами, прежние зоологи часто ставили их во главе класса пресмыкающихся, так как существовало мнение, что черепахи, по строению грудной кости и по своим острым челюстям, несколько похожи на птиц. Если не обращать внимания на эти признаки, то нет никаких причин ставить черепах во главе пресмыкающихся, так как их неуклюжесть, слабое развитие внешних чувств и глупость, очевидно, ставят их ниже всех животных этого класса, как физически, так и по душевным качествам.

Строение черепах так своеобразно и так сильно отличается от строения других пресмыкающихся, что их никак нельзя спутать с прочими животными. Характерные признаки их следующие: туловище, заключенное в твердый панцирь, неуклюжая голова, челюсти которой, как у птиц, покрыты острыми роговыми пластинками и никогда не имеют зубов, ноги короткие и как бы недоразвитые, превращающиеся иногда в длинные узкие ласты. Панцирь состоит из двух частей: верхней и нижней, или спинного и грудного щитков. Первый более или менее выпуклый, круглый, удлиненный или сердцевидный. Нижний — широкий, плоский, яйцевидный или крестообразный с округленными концами, так как его соединение со спинным щитком иногда бывает довольно узко. Соединение обоих щитков состоит из хряща, который или остается мягким на всю жизнь, или же окостеневает, и тогда соединение получает вид шва. Таким образом, оба щитка образуют коробку, которая открыта только спереди и сзади, чтобы животное

Отряд черепахи

могло высовывать голову, ноги и хвост, туловище же в ней заключено полностью. Голова обыкновенно яйцевидная, сзади как бы обрублена, а морда более или менее вытянута, шея имеет различную длину, но относительно подвижна. Четыре конечности служат для ходьбы, для плавания, а иногда имеют вид ластов. В большинстве случаев короткий, цилиндрический, или конический хвост бывает различной длины. Панцирь покрыт роговыми пластинками, или щитками, а у немногих видов покрыт толстой кожей, голова, шея, ноги и хвост покрыты бородавчатой кожей, на которой замечаются большие или маленькие щитки, бугорки и зернистые придатки, а иногда даже шпорцы и шины. Щитки спинного панциря разделяются на хребетные, боковые или ребровые и краевые, из которых выделяются один затылочный и один или два хвостовых щитка, парные щитки брюшного панциря разделяются на горловые, плечевые или верхние грудные, брюшные, нижние брюшные или бедренные, заднепроходные, а кроме того, подмышечные и паховые щитки. Большой частью щитки соприкасаются между собой и тогда соединены швами, однако случается, что они наложены друг на друга, как черепицы на кровле. Число щитков, их отношение один к другому и расположение имеют важное значение для определения видов.

Строение тела черепах, а особенно панциря становится вполне понятным, только если изучить их скелет и его развитие. Череп у них сзади плоский и соединен с первым шейным позвонком одной суставной головкой. Лицевая часть черепа короткая и тупая. Задняя часть верхнего черепного свода вытянута в длинный отросток. Большие височные впадины сверху или открыты, или снабжены костяным сводом. Лобная кость состоит из трех парных костей, из которых передняя пара образует крышку над носовой полостью. Межчелюстные и верхнечелюстные кости крепко соединены с черепом и неподвижны, боковые стенки мозговой коробки соединены с каменной частью височной кости хрящеватой перепонкой, стенки между глазными впадинами также перепончатые. Обе ветви нижней челюсти почти всегда спереди сросшиеся. Шейные позвонки, которых бывает большей частью 8, у многих видов не имеют развитых отростков; передние из них имеют сзади вогнутые суставные поверхности, а задние вогнутые поверхности спереди; посередине же один позвонок с двояковыпуклыми суставными головками, так что образуются очень подвижные суставы, позволяющие очень разнообразные движения. У некоторых видов на шейных позвонках замечаются большие поперечные отростки, которые затрудняют изгибы шеи в отвесной плоскости или даже делают их совсем невозможными. Восемь неподвижных спинных позвонков расширяются у всех черепах, за исключением одного вида, в костяные щитки, в состав которых входят накожные костные образования, затем они срастаются между собой и с ребрами зубчатыми швами и образуют,

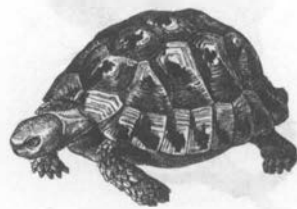

таким образом, спинной панцирь, покрытый сверху кожистыми или роговыми таблицами, причем, следует заметить, что эти роговые щитки вовсе по своему виду и расположению не соответствуют лежащим под ним костям.

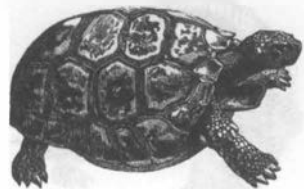
«Ребра, — говорит Фогт, — простираются большей частью до края панциря, однако случается, что они имеют вид щитков только около позвоночного столба, а потом суживаются и делаются похожими на спицы колеса, а промежутки между ними у живых животных наполнены кожей или роговыми пластинками. Обыкновенно на краях панциря находится ряд особых краевых щитков, в которые входят концы ребер, так что даже у узко реберных черепах мы находим непрерывный ряд краевых щитков». Крестец образуется двумя, редко тремя щитками, которые точно так же неподвижны, как и спинные позвонки. Хвост образуется 18—27 подвижными позвонками. Брюшной панцирь образуется точно так же, как и спинной, именно из чрезвычайно расширенной и распавшейся на несколько частей грудной кости, настоящей же грудной кости вовсе нет. Плечевой пояс состоит из трех костей: узкой лопатки, ключицы и дужки. Один из отростков лопатки связан сухожилиями со спинным панцирем, противоположный конец ключиц точно так же связан с брюшным панцирем, так что обе пары этих костей образуют спереди кольцо, через которое проходят пищевод и дыхательное горло, плечевая кость соединена со всеми тремя вышеназванными костями большой яйцевидной суставной головкой. Таз образуется тремя парами коротких и широких костей, которые иногда подвижно прикреплены к спинному и брюшному панцирям, иногда же с ними срастаются. Плечевые и бедренные кости коротки и плотны, предплечье и голень состоят из двух отдельных костей, запястье и плюсна образованы многими небольшими косточками неправильной формы. На всех конечностях бывает обыкновенно по пять пальцев, состоящих из двух, трех и редко четырех или многих суставов; на пальцах имеются когти. К позвонкам туловища и к щиткам спинного панциря никаких мускулов не прикрепляется, брюшные мускулы также сильно недоразвиты и служат разве только для затвора заднего промежутка между панцирями. Зато шейные мускулы, из которых задние закрывают передний промежуток между панцирями, а также мускулы конечностей и хвоста отличаются толщиной и силой.

Слюнные железы есть только у некоторых сухопутных черепах, следовательно, у большинства этих животных не может быть и речи о действии слюны на пищу. Глотка довольно широкая, но мало растяжимая; пищевод не отделен мускулом от желудка. Продолговатый, очень толстостенный желудок, однако, резко отделен от кишок толстым кольцеобразным мускулом. Кишки не образуют слепого отростка и замечательны своей длиной. Большая печень разделяется на две лопасти и окружает собой объе-

Отряд черепахи

Отряд черепахи

мистый желчный мешок. У черепах есть почки, мочевой пузырь и лимфатические сосуды. Заднепроходное отверстие круглое, находится в удлинённой складке кожи. Органы дыхания и кровообращения у черепах более совершенны, чем у других пресмыкающихся, но процессы эти совершаются все-таки медленно и неправильно. Небной занавески и надгортанного хряща нет. Дыхательное горло открывается, когда выдвинуто вперед перед глоткой, и закрывается, когда оттянуто назад. Так как грудная клетка почти всегда совершенно неподвижна, да и грудобрюшная перегородка имеет вид тонкой перепонки, то очень объемистые легкие, заключенные, вместе с другими внутренностями, в костяную коробку, наполняются воздухом с помощью многих брюшных, а также плечевых и тазовых мускулов. Черепахи, если можно так выразиться, глотают воздух: закрывают плотно рот и то приподнимают, то опускают язычную кость. При опускании воздух входит через ноздри, а при поднятии язычной кости воздух вгоняется в легкие. У морских черепах, впрочем, как доказал это Руч, выдыхание происходит от упругости панциря. Дыхательное горло ясно отделено от глотки, но голос издают только немногие виды черепах. Самцы черепах имеют непарный, длинный мужской половой член, разделенный на две части продольной бороздкой, самки имеют двойные гроздевидные яичники, в которых уже за 10 месяцев до кладки очень заметны отдельные яички. Очень маленькая полость черепа наполнена мозгом, величина которого очень незначительна сравнительно с объемом тела, причем отношение количества головного мозга к спинному еще меньше, чем у высших позвоночных. Черепахи массой 10 кг имеют головной мозг, который весит не более 4 г, у черепах в 1 кг мозг весит 0,36 грамма. У головного мозга нет больших комиссур, и полушария его не имеют извилин; обонятельные лопасти выдаются вперед над полушариями; немного выпуклый мозжечок также не имеет извилин и по величине равняется одной из половин среднего мозга. На глазах замечаются два века и мигательная перепонка. Строение глазного яблока во многом напоминает глаз птиц: кольцо, окружающее роговую оболочку, имеет костяные таблички; чечвица шарообразная. У биссы Зардеман нашел слезные железы замечательной величины. Ухо состоит из средней полости и полукруглых ходов, стенка, отделяющая среднюю полость уха от полости черепа, бывает отчасти кожистой, молоточек имеет очень тонкую рукоятку и врос в хрящ, которым покрыты стенки полости. Полость эта продолжается в виде узкого канала, оканчивающегося яйцевидным окошечком в барабанной перепонке. Наружное ухо закрывается толстой хрящевой чешуйкой. Ноздри маленькие, у некоторых видов продолжены в виде трубки или хобота, слизистая оболочка внутри имеет много складок. Язык мясистый и покрыт мягкими бородавками. Из вышесказанного оказывается, что черепахи видят довольно хорошо и слышат удов-

летворительно*; они имеют относительно развитое обоняние и могут различать вкус, о чувстве осязания трудно судить.

Черепашки также относятся к древнейшим обитателям земного шара. Несомненные остатки черепах находят в известняке и кейпере; остатков морских и пресноводных черепах довольно много в юрской, меловой и третичной формациях. Отпечатки и окаменелости настоящих сухопутных черепах найдены в эоценовой формации в Америке и миоценовой и плиоценовой в Европе.

Самое большое разнообразие форм этих животных мы находим в теплых странах с обильным орошением, к полюсам и на высотах гор число их быстро уменьшается, до полярного круга не доходит ни один вид. Они могут переносить сильный зной и засуху, но не переносят холода**. Местом жительства им служат реки, болота, трясины, тенистые, сырые леса, а также степи, пустыни и открытое море.

Произвольные движения черепах обыкновенно медленны и неуклюжи, но некоторые из них показывают, однако, проворство, напоминающее движения других пресмыкающихся. Ходят они все неловко и медленно, причем хуже всего делают это сухопутные и морские черепахи, а пресноводные ходят проворнее. Пресноводные и морские черепахи при плавании и нырянии выказывают наибольшую подвижность, на какую они вообще способны.

Сухопутные черепахи питаются главным образом травой, листьями и плодами, но многие из них едят при этом и насекомых, улиток, червей и т. п. Пресноводные питаются преимущественно животной пищей и схватывают при этом всевозможных позвоночных, мягкотелых и суставчатых животных, однако в Индии живет не менее четырех видов, которые едят исключительно растительные вещества. Морские черепахи кормятся отчасти водорослями, а отчасти ракообразными, веслоногими моллюсками, медузами и другими низшими морскими животными, а также маленькими рыбками. Некоторые черепахи могут быть названы настоящими хищниками. Они едят, собственно говоря, только в жаркие летние дни, а под тропиками в дождливое время и в течение нескольких недель сильно жиреют; затем почти перестают принимать пищу и зимой, а в тропических странах в сухое время впадают в оцепенение. То же самое происходит с теми видами, которые постоянно живут в лесах.

Зимняя спячка черепах, как очень верно замечает Тобурн, не есть приращенное и наследственное свойство их, а явление, обусловленное внешними обстоятельствами. Этому не противоречит наблюдение Аббота, который говорит, что сухопутные черепахи Северной Америки подвергаются зимней спячке, но пресноводные, хотя большей частью также закапываются, но все же остаются деятельными и зимой. Например, мускусная черепаха при пересыхании болота, где она зарылась, говорят, даже по снегу отправляется искать воду.

Отряд черепахи

* Черепахи слышат очень плохо. В основном они воспринимают звуки только низких и средних частот.

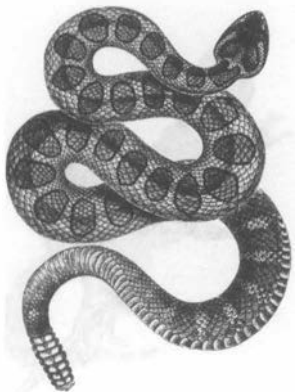
** У пустынных черепах выявлена любопытная особенность, связанная с терморегуляцией, которая получила название «реакция самооплевывания». При температуре 40—41 °С они языком облизывают голову и передние конечности, смазывая их слюной и снижая, таким образом, температуру тела почти на 15 °С.

Отряд черепахи

* *Морские черепахи — самые плодовитые пресмыкающиеся. В двух кладках у них может быть до 400 яиц.*

Размножение происходит весной после пробуждения от зимнего сна. По Агассису, некоторые виды размножаются только осенью, некоторые пресноводные черепахи достигают половой зрелости только на 10—11 году. Спаривание длится иногда по нескольку дней, причем самец сидит на самке.

По прошествии довольно долгого времени самка с некоторой тщательностью выкапывает в земле, а еще чаще в песке, ямки, кладет туда яйца и закрывает их слоем земли или песка. Яйца имеют твердую, известковую скорлупу, и только у морских черепах они покрыты мягкой кожей, похожей на пергамент; у некоторых видов они шарообразны, у других продолговаты, но вообще относительно невелики. Маслянистый желток бывает оранжевого цвета, а белок, свертывающийся только при очень высокой температуре, — зеленоватый. Многие черепахи кладут не более дюжины яиц, а крупные виды более ста*. Мать после кладки вовсе не заботится о своих детенышах. Созревание яиц продолжается несколько месяцев. Детеныши после вылупления, которое происходит почти всегда ночью, ползут в какие-нибудь норки на земле или в воду. Бесчисленное множество их уничтожается млекопитающими, птицами, другими пресмыкающимися, необыкновенная живучесть избегнувших этих врагов предохраняет виды от вымирания. У японцев черепаха считается эмблемой долговечности и счастья; относительно первого качества эмблема эта вполне подходящая.

Французский натуралист Ласепед, который писал о пресмыкающихся в конце прошлого столетия, называет панцирь черепах прекрасным домом и крепостью, которая защищает животное от нападения врагов. «Большинство черепах, — говорит он, — могут, если хотят, прятать голову, ноги и хвост в твердую, костяную, как сверху, так и снизу запирающуюся скорлупу, и остающиеся отверстия так малы, что туда не могут проникнуть когти хищных птиц и зубы хищных млекопитающих. Если черепахи остаются в этом положении, то они смело могут противостоять нападениям. Они тогда не представляют собой живых существ, которые противопоставляют силу — силе и могут пострадать во время обороны и даже в случае победы, но пассивно предоставляют врагам один панцирь свой, против которого сии последние ничего сделать не могут; зубы и клювы хищников встречают только как бы скалу, а черепаха под нею так же хорошо скрыта, как в норе под камнями». Все это хорошо придумано и красиво сказано, но, к сожалению, неверно. Уже Бехштейн, который перевел Ласепада на немецкий язык, обращает внимание на то, что для сухопутных черепах ягуар, а для морских — акула представляют врагов гораздо более опасных, чем человек. Нам же теперь известно, что не только ягуар, но даже тигр и другие крупные кошки нападают на довольно больших черепах, переворачивают их на спину, чтобы удобнее с ними справиться, и затем, лапами, вырыва-

ют мясо из-под панциря. Малайские дикие собаки, адьяги, набрасываются даже на морских черепахах и убивают их. Свиньи глотают маленьких черепахах вместе с панцирем. Мы знаем также, что крупные хищные птицы, например ягнятники, схватывают небольших черепахах, высоко их поднимают и нарочно роняют на скалы, чтобы разбить их панцирь, а что более мелкие птицы, например некоторые соколиные, вороны и цапли, едят маленьких черепахах. Мы, конечно, еще не знаем всех врагов черепахах, но нет сомнения, что их гораздо больше, чем только что упомянуто.

Человек почти везде присоединяется к врагам черепахах. Можно смело сказать, что это самые полезные из всех пресмыкающихся, так как мы не только пользуемся роговым покровом черепахах, но едим их мясо и яйца и находим их вкусными. Некоторые из них, правда, так сильно пахнут мускусом, что, по крайней мере, мы, европейцы, не можем есть кушанья, сделанные из их мяса, но из других, как известно, готовят очень вкусные блюда. Однако человечество мало бы проиграло, если бы на земле не стало черепахах*.

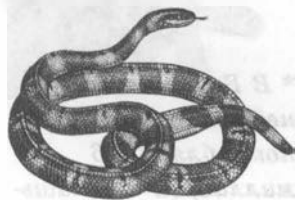
Черепахах издавна держат в неволе. Я держал в течение нескольких лет много этих животных, но не находил в них ничего привлекательного, может быть, исключением здесь могут служить большие морские черепахах. Они все мне казались слишком ленивыми, медлительными и тупоумными. Существуют, однако, любители, которым эти животные нравятся и которые считают их привлекательными созданиями. Воспитание их, впрочем, требует более внимания и умения, чем обыкновенно думают. Хотя они очень живучи, но часто в неволе околевают от многих болезней, причиной которых бывает всегда недостаток заботливости со стороны воспитателя. Главным условием их благосостояния следует считать тепло: если их держат в холодном помещении или холодной воде, то им живется плохо. Фишер, которому мы обязаны прекрасными наблюдениями над пленными черепахах, говорит: «Животным этим часто очень вредят, думая, что их живучесть происходит от хорошего здоровья. Нет! Черепахах очень чувствительны к внешним, даже незначительным влияниям. Они только долго терпят, а это ведет к тому, что думают, будто они могут все переносить».

Сочинения древних писателей не только дают возможность судить о том, что людям тогда было известно о черепахах, но они содержат некоторые исторические факты, стоящие внимания. Понятно, что эти часто встречающиеся животные были хорошо известны древним, но описания их содержат, однако, много таких сведений, которые мы теперь считаем за басни, хотя очень может быть, что мы и не правы. Цицерон смеется над писателем Пакувием, который обычное слово «черепаха» заменяет целым описанием: «тихо ползущее, земное, низкое четвероногое животное, с короткой головой, змеиной шеей, выпученными глазами, без внут-

** В Бразилии до недавнего времени потребляли 4,6 миллиарда черепаших яиц в год. Отдел статистики ЮНЕСКО подсчитал, что в мире за год съедают около 7 миллиардов черепаших яиц и 4 миллиарда куриных. В 1980-х годах в мире ежегодно добывалось до 1 миллиона морских черепах и до 10 миллионов их яиц.*

Семейство кожистые черепахи

* Систематика черепах до сих пор считается не устоявшейся. Некоторые специалисты выделяют до 6 подотрядов. Однако в последнее время популярность приобретает разделение черепах на 2 подотряда: бокошейные (*Pleurodira*), куда относят пеломедуз и змеешейных черепах, и скрытошейные (*Cryptodira*), включающий остальные семейства. Всего же насчитывают около 250 различных видов черепах из 90 родов и 13 семейств.

ренности, без души, но с голосом». Аристотель описывает кладку яиц, но к своему, вообще очень верно изложению фактов прибавляет, что самка черепахи насиживает яйца, возвращается через 30 дней к ним, отрывает их, разламывает скорлупу и ведет детенышей к воде. Кроме того, он говорит, что когда черепахи съедят гадюку, то начинают есть майоран, чтобы спасти себя от вредных последствий ядовитой пищи. Плиний собрал все то, что ему было известно о черепахах, по обыкновению перечисляет всевозможные лекарства, приготовляемые из частей тела этих животных, и присовокупляет, что любящий роскошь Карвилий Паллион первый приказал покрыть черепахой некоторые домашние предметы. Элилан знал, что отрубленная голова черепахи еще движется, кусается и мигает глазами. Он уверяет, уподобляя глаза черепах жемчугу, что они издают далеко заметный блеск и что женщины их высоко ценят, когда глаза эти оправят в золото и сделают из них запястья. Павзаний говорит, что на Парфеноне в Аркадии водятся черепахи, из панциря которых делают превосходные лютни, но что их там нельзя убивать, так как местные жители их считают животными, посвященными богу Пану, и потому их оберегают. Юлий Капитолин, между прочим, упоминает, что в Риме императорских детей купают в спинных щитках черепах, а Диодор Сицилийский, наконец, рассказывает о людях, питающихся черепахами, которые живут на маленьких островах в океане, находящихся около материка, и ловят особым способом черепах, посещающих эти острова. Животные эти необыкновенно велики, похожи на маленькие рыбацкие челноки и ночью ищут пищу, а днем спят под лучами солнца на поверхности воды. В это время люди тихонько к ним подплывают, несколько человек переворачивают черепаху на спину, привязывают веревку к хвосту и один человек, пlying, тащит черепаху к берегу, а другие ее подталкивают. На берегу они убивают животное, съедают все мясо, высушивши его на солнце, а щитки употребляют на челны или на крыши своих хижин.

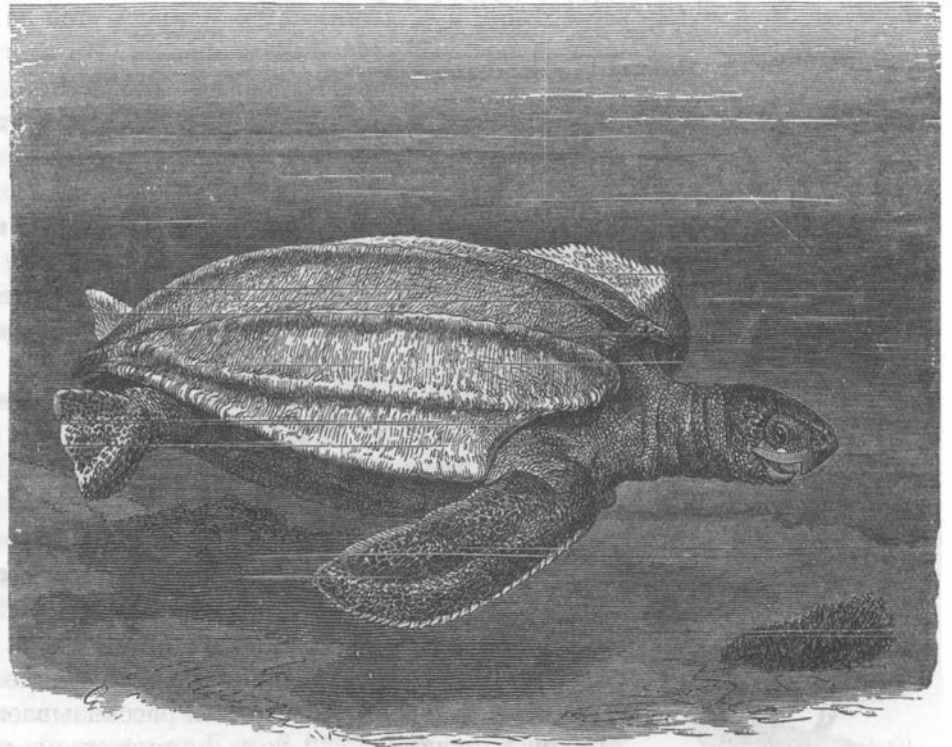
Буланже, от которого мы заимствуем разделение черепах, делит их на два подотряда: щитовых и бесщитовых*. Бесщитовые, ныне состоящие только из одного семейства, рода и вида, отличаются от других черепах свободными позвонками и ребрами, которые отделены от кожного скелета, состоящего из щитков, расположенных в виде мозаики. На теменных костях у них нет спускающихся вниз отростков.

СЕМЕЙСТВО КОЖИСТЫЕ ЧЕРЕПАХИ (*Dermochelyidae*)

Кожистые черепахи (*Dermochelys coriacea*) — огромные животные около двух метров общей длины и 500—600 кг массы. Роговой ободок верхней челюсти образует между тремя треу-

гольными глубокими выемками, спереди, с каждой стороны, по одному большому выступу в виде зуба, вообще же края челюстей острые и без зазубрин. Передние конечности более чем вдвое длиннее задних. Совершенно окостенелый спинной щит слегка выгнут, спереди довольно закруглен, а сзади заострен в виде хвоста; щит этот разделен на шесть полей семью продольными ребрами, которые у взрослых животных представляют непрерывные несколько зазубренные полосы, у молодых же состоят из ряда округленных шишек. Грудной панцирь не вполне окостенелый: он мягок и гибок, но имеет тоже пять продольных ребер или килей. Голова, шея и ноги молодых черепах покрыты щитками, которые с возрастом мало-помалу исчезают, так что кожа старых животных почти гладкая и только на голове остаются небольшие щитки. Цветом эти черепахи бурые, с более или менее светлыми желтыми пятнами.

Кожистая черепаха (самая большая из живущих в настоящее время) становится с каждым годом более редкой, так что этот вид с полным правом можно назвать вымирающим*. Ее постоянное местопребывание — все моря жаркого пояса: встречается как у Соломоновых островов Тихого океана, так и у берегов Аравии и Черного моря, у Бермудских островов и южного берега Северной Америки, около Мадагаскара, но доплывает и до морей умеренного климата и достигает иногда, гонимая ветром и бурей, а может быть, и любовью к перемене места, до европейских берегов Атлантического океана и даже до Северо-Американских Штатов и Чили, где неоднократно попадалась охотникам. Некоторые экземпляры встречаются и в Средиземном море. Об образе жизни кожистой черепахи мы знаем вообще весьма мало. Пища ее состоит преимущественно, если не исключительно, из различных животных, особенно рыб, раков и мягкотелых. После спаривания они появляются в большом количестве на Черепаших островах

Кожистая черепаха
(*Dermochelys coriacea*)

* В наше время
Международный
Союз охраны природы
разработал меры
по охране кладок
кожистой черепахи,
благодаря чему ее
численность увеличивается.

Семейство каймановые черепахи

* Наиболее крупные места откладки яиц кожистой черепахи расположены на тихоокеанском побережье Мексики. Здесь ежегодно можно увидеть до 30 тысяч самок.

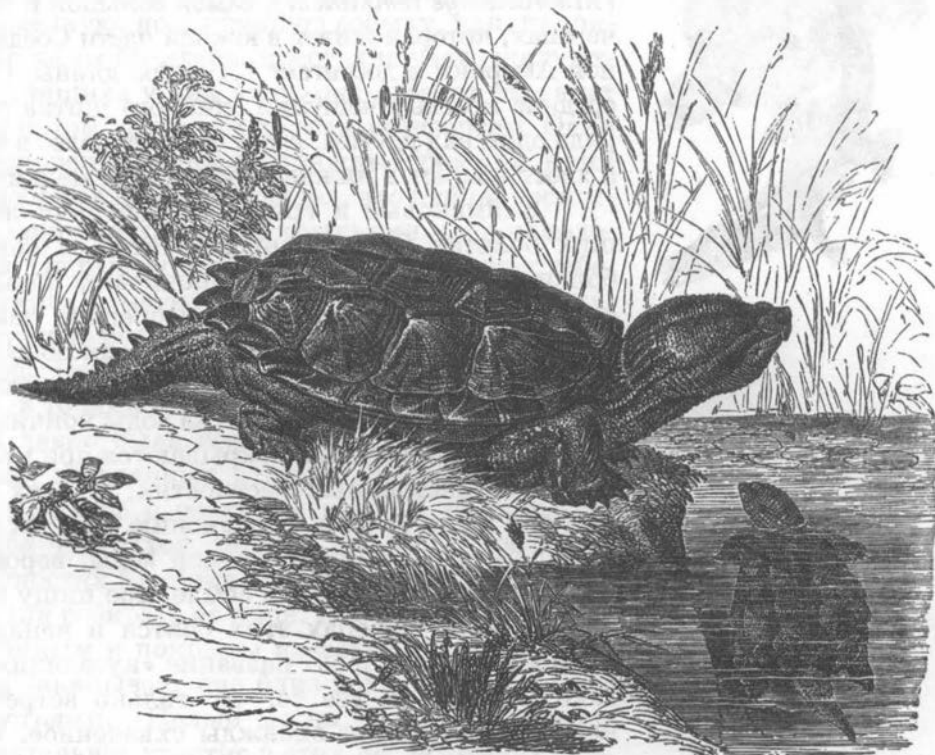
у Флориды; а, по словам принца фон Вида, также в большом числе у песчаных берегов Бразилии и здесь кладут, подобно другим морским черепахам, свои яйца*. Согласно собранным принцем фон Видом сведениям, каждая самка четыре раза в год появляется на местах кладки, где в течение четырнадцати дней кладет от 18 до 20 дюжин яиц. Это сообщение подтверждается, по крайней мере отчасти, следующим рассказом Тиккеля: 1 февраля 1862 года, у берега Тенассерима, близ устья реки Ую, была выслежена рыбаками кожистая черепаха, положившая уже до 100 яиц в береговой песок. Когда после отчаянного сопротивления с ее стороны рыбакам удалось одолеть и убить огромное животное, в ее яичниках оказалось еще до 1000 яичных зародышей в разных степенях развития. Из этого мы должны заключить, что способность к размножению кожистой черепахи весьма значительна, и можно только удивляться тому, что она так редко встречается наблюдателям. Вероятно, большая часть их погибает еще в юношеском возрасте. Только что освободившиеся из яйца молодые черепахи прямо ползут к морю, но здесь им, кажется, угрожает еще большее число врагов, чем на суше: различные хищные рыбы уничтожают их во множестве, так что только благодаря своей необычайной способности к размножению вид этот не вымер окончательно.

Из вышеупомянутого короткого сообщения Тиккеля явствует, что рассказы прежних писателей о силе и способности к защите кожистой черепахи не преувеличены. При вышеупомянутой ловле произошла отчаянная борьба: все шесть рыбаков желавших овладеть огромным животным, были протащены им вниз по береговому откосу и едва не сброшены в море. Только при содействии подоспевших на помощь других рыбаков удалось одолеть исполинское животное и привязать его к толстым жердям, но потребовалось 10—12 человек, чтобы донести тяжелую ношу до ближайшей деревни. Де ла Фон рассказывает, что пойманная около Нанта 4 августа 1729 года кожистая черепаха подняла отчаянный, слышный за четверть мили в окружности крик, когда ей проломил голову железным крюком. Дальнейших подробностей о жизни столь редкого во всех коллекциях животного мы не знаем. Мясо его не едят, так как считают, что его употребление приводит к разным вредным последствиям, а на островах Чагос его прямо относят к ядовитым.

СЕМЕЙСТВО КАЙМАНОВЫЕ ЧЕРЕПАХИ (Chelydridae)

Одну из представительниц семейства каймановых черепах, **каймановую**, или **кусающуюся**, **черепаху** (*Chelydra serpentina*), мы с полным правом можем назвать чудовищем по виду и образу жизни. Нам известны два вида этого семейства, местожитель-

ство которых распространяется от Северной Америки, через всю Среднюю Америку, к югу до Эквадора*. По едва выпуклому спинному щиту идут три продольных ряда невысоких бугров, из которых, впрочем, средний не всегда вполне развит. Затылок покрыт роговыми пластинками, на хвосте они двойные, боковые крайние щитки расположены в один ряд, касаясь, но не прикрывая друг друга. Грудной щиток узок, крестообразной формы, состоит из десяти щитков и соединяется с каждой стороны со спинным посредством трех пластинок. Посередине спинного панциря находится 13 пластинок: 5 средних более широких, чем длинных, и почти равных между собой по величине. Форма этих щитков почти четырехугольная, между тем как 4 боковые пластинки с каждой стороны или, по крайней мере, первая из них, — неправильны и имеют более или менее ясную пятиугольную форму. Край спинного щитка состоит из 25 пластинок, из которых первая короткая, но очень широкая, а задние так

сильно заострены, что образуют от 6 до 8 глубоких вырезок или зазубрин. Голова большая, плоская, треугольная, морда короткая и заостренная с очень сильными, острыми, на конце крючковатыми челюстями без зазубрин, глаза глядят вперед и вместе с тем и вверх, шея, которая во время покоя кажется короткой, может вытягиваться очень далеко. Ноги сильные, передние пятипалые, задние — четырехпалые, плавательные перепонки хорошо развиты. Хвост поражает своей длиной (равняющейся двум третям длины всего панциря), толщиной и гребнем костяных остроконечных зубцов, который тянется по всей его верхней части, зубцы эти с боков сжаты и постепенно уменьшаются к концу хвоста, нижняя его часть покрыта двумя продольными рядами квадратных чешуек. Все не закрытые панцирем части тела покрыты бородавчатой кожей, которая на животе отвислая, шероховатая и морщинистая и везде покрыта небольшими чешуйками. Доволь-

Каймановая, или
кусающаяся, черепаха
(*Chelydra serpentina*)

* Одной из интересных особенностей каймановой черепахи является ее устойчивость к холоду.

Иногда удавалось видеть, как черепахи этого вида активно двигаются в воде подо льдом или ползут по нему.

Семейство
каймановые
черепахи

но большие, одиноко стоящие, поперечные пластинки покрывают передние части ног и нижние части бедер. С подбородка висят два маленьких усика. Цвет кожи трудноопределимый, часто меняющийся маслянисто-зеленый. Спинной щит сверху грязновато-темно- или черно-бурый и, как обыкновенно, у молодых светлее окрашен, чем у старых. Последние достигают 1 м длины и около 20 кг массы.

Каймановую черепаху нельзя спутать ни с одним видом черепах, за исключением разве родственной ей **грифовой черепахи** (*Macrolemys temmincki*), самой большой и тяжелой из всех речных черепах, которая живет в южной части Соединенных Штатов Северной Америки и достигает 1,4 метра длины. Отличается она тем, что средние краевые чешуйки спинного щитка расположены в 3 или 4 ряда один над другим, глаза смотрят более в бок, чем у предыдущей, а хвост покрыт в нижней части более мелкими чешуйками.

Каймановые и грифовые черепахи живут в реках и больших болотах Соединенных Штатов, в некоторых местностях в большом количестве и предпочитают воды с илистым дном, по словам Миллера, они не пренебрегают даже самыми вонючими лужами. Гольбрук сообщает, что они обыкновенно лежат в глубокой воде посреди реки или болота, появляются иногда и у самой поверхности и, высунув из воды кончик рыла, несутся, таким образом, по течению, но скрываются при малейшем шуме, особенно в густонаселенных местностях, в водах же менее населенного юга они не так робки. По мнению Кэя, их можно встретить и на большом расстоянии от всякой воды, вероятно, вследствие того, что они ищут на твердой земле себе пищу или удобное место для кладки яиц. Черепах этих боятся и ненавидят, так как они, с полным правом, носят название «кусающихся» черепах. Они хватают челюстями все то, что только встречается им по пути, и нелегко выпускают однажды схваченное. «Едва положишь пойманную черепаху в лодку, — говорит Вейнланд, — как разъяренное животное откидывается назад, садится на свои могучие задние ноги, но только для того, чтобы в следующий момент, со страшной быстротой, ринуться вперед на полметра и яростно вцепиться в протянутое ему весло». Обращаться с ней надо чрезвычайно осторожно, так как она со свирепостью соединяет большую смелость и при случае может злобно напасть на человека, попавшего в обитаемую ею воду, и своими сильными челюстями нанести ему опасные раны. Вейнланд уверяет, что весло, в один сантиметр толщины, пробивается, точно пулей, твердым, похожим на клюв хищной птицы клювом этого животного, другие наблюдатели утверждают единогласно, что эта черепаха легко перекусывает пополам довольно толстую трость. «В то время как, — говорит Миллер, — глаза прочих черепах выражают как бы глупое добродушие, глаза кусающейся черепахи светятся коварством и злобой, так что, наверное, многие люди, встретившись в первый раз с этим

видом, отшатнутся от него в сторону. Хотя это неприятное впечатление производится и всей фигурой животного, но длинная голова и хвост его имеют особенно отвратительный и ужасный вид. Мне бы очень хотелось знать, что бы сказали при взгляде на него те люди, которые пугаются саламандры или ящерицы».

Каймановая и грифовая черепахи подвижнее большей части своих сородичей. По земле, на которую иногда выходят, они двигаются не тише прочих, плавают очень быстро и выказывают удивительную скорость при преследовании добычи. Пищу их составляют рыбы, лягушки и другие позвоночные, живущие в воде. Они хватают не только мелкую, но и крупную добычу, как, например, уток и гусей. По словам Миллера, крестьяне часто жалуются на то, что черепаха утащила у них утку: она хватается ее, тянет за ноги в воду, топит и потом пожирает со всем комфортом. Один знакомый Миллеру человек услышал однажды громкий крик своей утки; тотчас же побежав к ней, он увидел, что птица, несмотря на сильное сопротивление и хлопанье крыльями, уже наполовину исчезла под водой. Он быстро схватил ее и, притянув к себе, к величайшему удивлению, заметил, что на ней висит черепаха, которая, не желая выпустить свою жертву, дала себя преспокойно вытащить вместе с ней. Пехуэль-Леше убил однажды в пруду кусающуюся черепаху, в то время как она уже схватила сильного селезня. Черепаха эта давно была всем ненавистна из-за своих разбойничьих нападений на водяных птиц.

Все наблюдения Агассиса о развитии черепах сделаны им именно над кусающейся черепахой, потому что она встречается довольно часто в окрестностях Кэмбриджа, и особенно потому, что нет никакого затруднения собирать ее яйца, которые по величине почти равняются голубиным и покрыты известковой скорлупой. От 20 до 30 таких яиц закапывает она близ воды в землю, прикрывая их сухими листьями. «Целый месяц, — говорит Вейнланд, принимавший деятельное участие в этих исследованиях, — ежегодно выползали такие маленькие черепашки из заложенных песком и мхом яиц, и — достойно замечания — первым движением пробившейся из скорлупы головки было хватание и кусание!» То же самое заметил еще раньше принц фон Вид.

Каймановые черепахи, пойманные старыми, упорно отказываются от пищи, молодых же, напротив, легко приучить к еде. Одна старая черепаха, которую Миллер держал у себя, не ела в течение целого года: «Я предлагал ей всего, что только мог придумать, — но напрасно. Вначале она хоть хватала пищу клювом, впоследствии же старалась только укусить меня за руку, понимая, вероятно, что причиняет мне этим боль, и желая мстить мне. Я часто привешивал ей на нос кусок мяса, и она гуляла с ним долго по комнате; даже всунутое ей в рот мясо не проглатывалось ею». Одна грифовая черепаха массой 40 килограммов, за которой наблюдал Вейнланд, не обращала никакого внимания на

*Семейство
каймановые
черепахи*

плавающих в ее водоеме рыб и скачущих около нее лягушек; всунутую же ей в челюсти пищу только раскусывала пополам, но не проглатывала. Плутон сообщает еще, что голодные черепахи этого вида открывают пасть и, высунув из нее две прикрепленные к кончику языка ниточки, заставляют их извиваться в воде, как червячков на удочке. При этом само животное остается совершенно неподвижным и походит на камень, обросший водорослями. Я, впрочем, видел у Эффельдта, что все-таки есть возможность довести этих черепах до принятия пищи, и позднее сам с успехом применял те же насильственные приемы. Эффельдт добыл себе молодую каймановую черепаху, которая вначале отказывалась от всякой пищи и вела себя совершенно как миллеровская. Упорство ее было, наконец, побеждено тем, что ей всовывали в рот пищу и проталкивали в глотку. Мало-помалу она привыкла сама глотать, а впоследствии и вежливо брать из рук предложенную ей пищу, не выказывая при этом прежней злобы и коварства. Однако и глотающая пищу черепаха этого вида мало радуется сердце своего воспитателя. «Такой же мрачной, какой она выглядит, — говорит очень основательно Фишер, — остается она всю жизнь; пугливо прячется от лучей восходящего солнца в самые отдаленные уголки и только с наступлением ночи принимается за свою беспокойную деятельность». Фишер полагает, что на своей родине эта черепаха каждую ночь совершает далекие путешествия, так как его пленница каждую ночь выползала из своей засады и ходила безостановочно по всем комнатам, волоча за собой свой длинный остроконечный хвост. Так путешествовала она до утра, когда опять пряталась под постель или в темный угол. Мои пленные каймановые черепахи отыскивали тоже самые темные уголки большого водоема, в который я их поместил, и лежали там днем целыми часами, неподвижно, как камни, не поднимаясь даже для вдыхания воздуха на поверхность воды.

Каймановую черепаху легко можно было бы водворить и у нас, если бы это могло принести кому-либо пользу. Существует прямое доказательство, что она без труда переносит климат Германии и даже зимний холод. Мейер рассказывает, что в 1893 году у одного садовника в Оффенбахе исчезла присланная ему из Америки черепаха этого вида, которую не могли нигде потом отыскать, несмотря на самые тщательные поиски. Три года спустя рабочие, при очистке городского канала, нашли, к величайшему своему изумлению, глубоко засевшее в иле невиданное ими животное, которое оказалось не только живым, но и очень бодрым и готовым искушать всякого, кто к нему приблизится. Чем питалась черепаха в своем тинистом убежище — остается тайной; но что она, вероятно, питалась отлично, доказывал ее внешний вид и бодрость.

Мясо очень старых каймановых черепах едва ли может быть употреблено в пищу вследствие присущего ему сильного мускус-

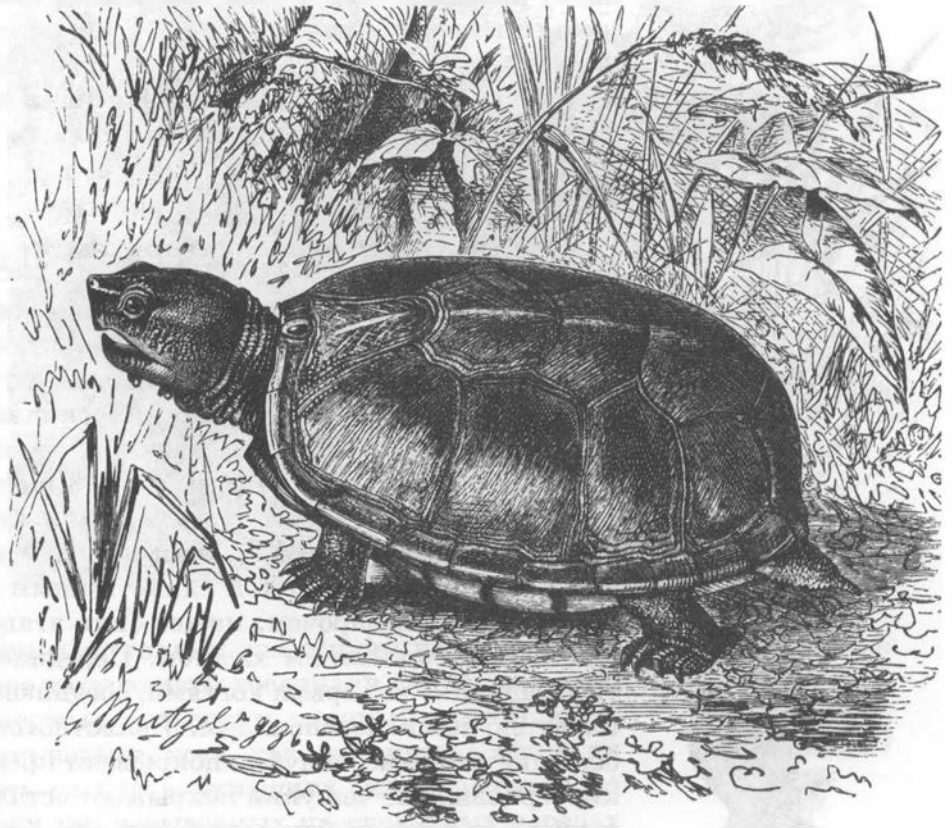

ного запаха, мясо же молодых, напротив, считается очень питательным и вкусным. Еще более ценятся яйца. Кэй уверяет, что благодаря этим яйцам он наслаждался превосходными обедами во время своих странствований. Чтобы найти яйца, в июне, т.е. во время кладки, исследуют палкой песчаные места, на которых видны следы черепахи, и узнают по рыхлости почвы, где именно скрыт клад, тогда разрывают песок и часто находят в гнезде 60—70 драгоценных яиц, положенных иногда сюда несколькими самками.

СЕМЕЙСТВО ИЛОВЫЕ ЧЕРЕПАХИ (Kinosternidae)

Пенсильванская черепаха (*Kinosternon subrubrum*) — маленькое животное 15 см общей длины, 11 см которой принадлежит спинному щиту. От других видов этого рода она отличается умеренной величиной брюшного щита, передняя крышка которого значительно уже отверстия спинного щита, а грудные пластинки треугольные или только в середине брюшка образуют совсем короткий общий шов. Спинной щит оливково-бурого цвета, грудной щит желтый или оранжевый, все швы отдельных пластинок щита темно-бурые или черные, бурая голова и часть шеи покрыты неправильными линиями, черточками и пятнами желтоватого цвета, лапы и хвост сверху тускло-бурого цвета, снизу светлее. Радужная оболочка глаз темно-бурая.

Пенсильванская черепаха очень часто встречается в южных частях Соединенных Штатов и гораздо реже в северных. Область ее распространения простирается на северо-восток до Нью-Йорка, на запад — до долины реки Миссисипи, на юг — до Мексиканского залива. По образу жизни она почти сходна с речными черепа-

Пенсильванская
черепаха
(*Kinosternon
subrubrum*)

Семейство
большеголовые
черепахи

хами, но, по словам Миллера, придерживается более болот, чем рек. Пища ее состоит из маленьких рыб, насекомых и червей. Вуд наблюдал за этими черепахами во время их охоты за саламандрами. Движения их в воде были в высшей степени обдуман-ны. Они осторожно плавали около избранной жертвы или подползали под нее и снизу наносили сильный удар. Американские рыболовы ненавидят пенсильванскую черепаху, потому что она очень часто клюет на удочку и, проглотив крючок, так сильно дергает лесу, что вводит рыбака в заблуждение, будто попалась крупная рыба. При наступлении зимы она подползает под мох и вновь появляется только в мае.

Рассерженная — она чаще открывает рот, чем наши речные и болотные черепахи, и делает вид, что хочет укусить; однако она легко и быстро приручается, берет из рук своего воспитателя пищу и отличается от прочих речных черепах разве только тем, что ест гораздо жаднее последних. Жившая у Миллера черепаха стала под конец так жирна, что не могла закрывать своих щитков, потому что мясо ее выступало со всех сторон. Вследствие этой прожорливости Фишер называет этих черепах и их близких сородичей свиньями черепашьего рода. Иногда сильный и тогда неприятный мускусный запах делает мясо этих черепах противным даже для любителей.

СЕМЕЙСТВО

БОЛЬШЕГОЛОВЫЕ ЧЕРЕПАХИ (*Platysternidae*)

Большеголовая черепаха (*Platysternon megacephalum*) принадлежит, по своей странной наружности, к самым необычным представителям одноименного рода. Это удивительное создание отличается, прежде всего, плоским спинным щитом с затылочной и двойной хвостовой пластинкой, очень широким и плоским грудным щитом, состоящим из 12—13 пластинок, и места соединения которого, включая затылочную и паховую пластинку, покрыты тремя нижними краевыми или межреберными пластинками, огромной, покрытой единственным большим щитком головой, которая, впрочем, может быть втянута между щитами, и длинным, чешуйчатым хвостом. Передние ноги вооружены пятью, задние — четырьмя когтями, соединенными слаборазвитыми плавательными перепонками. Неплотно сидящие друг к другу, большие широкие чешуйки покрывают предплечья, голени и пятки; зерновидные чешуйки покрывают остальную часть ног и шеи и круглые плоские бородавки — горло. Окраска верхних частей тела оливково-бурая, нижних — желтовато-светло-бурая, нижняя часть ног и хвост покрыты неправильными красноватыми пятнами, и черная полоска проходит по глазу. Общая длина равняется 40,5 см, длина головы и шеи — 8,5, щита — 15, хвоста — 17 см.

Большеголовая черепаха живет в реках Бирмы и Сиам и доходит на запад до Перу и Тенассерима. Это очень редкий вид,

который встречается, по словам Свинхэ, в восточных частях южно-китайских провинций Куанг-тунг и Куанг-си. Дальнейшее о ней, о ее образе жизни и местожительстве мне неизвестно.

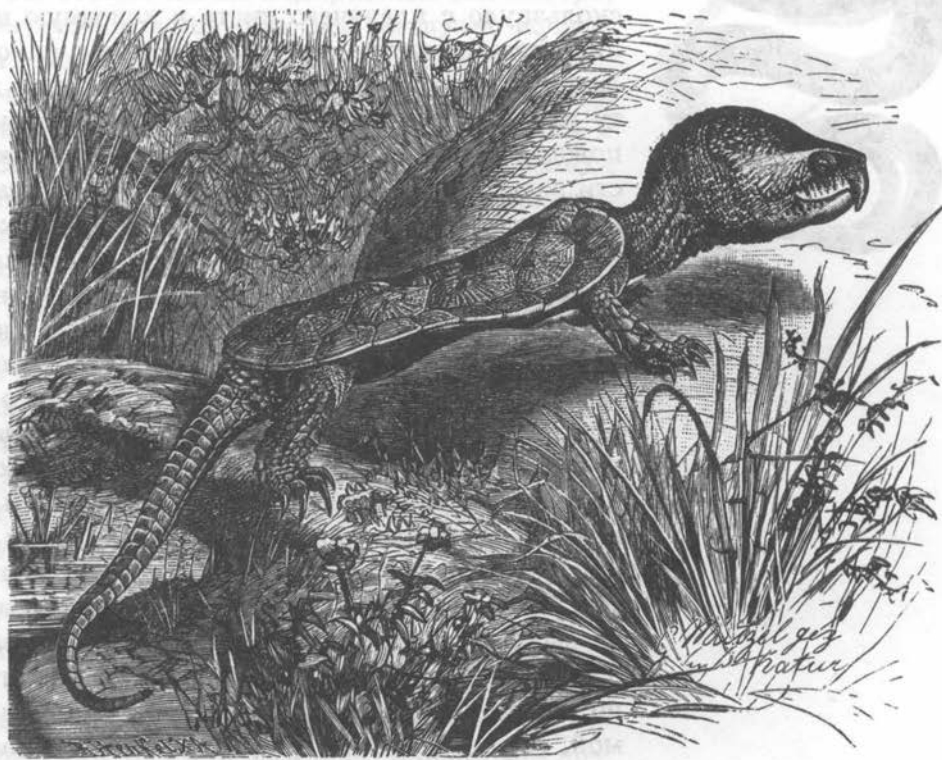
Большинство всех ныне живущих черепах относятся к сухопутным черепахам. Снаружи они отличаются щитом, покрытым роговыми, кожаными щитками; грудные и краевые пластинки щита очень близко прилегают друг к другу, а брюшной щит состоит постоянно из 11 или 12 пластинок. От прочих скрытошейных черепах они отличаются тем, что ноги или лапы их вооружены когтями и костяная затылочная пластинка не имеет реберных островков.

К другим, общим для всего семейства признакам принадлежит способность совершенно втягивать шею и голову под щит и то обстоятельство, что пальцы передних и задних ног имеют подвижные суставы, а пальцы задних ног снабжены 4—5 когтями. Сухопутные черепахи живут во всех жарких и умеренных странах земного шара, исключая Австралию и Новую Гвинею. Все эти виды образуют почти непрерывную цепь существ, начиная с чисто водяных животных и кончая черепахами, приспособленными только для жизни на суше.

Почти все прежние натуралисты соединяли в отдельное подсемейство наземных черепах с плоским спинным щитом и короткими плавательными ногами, хотя, как уже сказано выше, их весьма трудно отделить от видов, живущих исключительно на земле. Зато образ жизни так называемых пресноводных черепах представляет так много общего, что описанию всех последующих родов может предшествовать одна общая характеристика.

«Тот, кто хочет изучать черепах во всем разнообразии их форм и ежедневно наблюдать за ними на свободе, — говорит Вейнланд, — должен посетить Северную Америку, эту обетованную землю черепах, где многочисленные их виды населяют пруды и

Семейство
большеголовые
черепахи

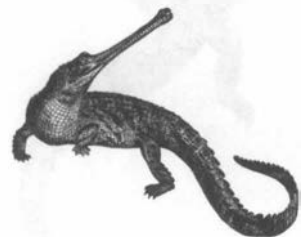
Большеголовая
черепаха
(*Platysternon
megacephalum*)

Семейство
пресноводные
черепахи

реки, леса и долины и где ученым еще долго нечего опасаться их скорого вымирания. Когда европейский естествоиспытатель отправится в теплое послеобеденное время прогуляться в Новой Англии, имеющей по климату так много сходного с Германией, то напрасно станет он высматривать ящериц, которые в Европе снуют под ногами на каждом лужке; не найдет он и веретениц, как бы усердно ни переворачивал камни. Но если он подойдет к маленькому озеру или луговому ручью с медленно текущими водами, то он найдет совершенно достаточно материала для удовлетворения своей любознательности. Что это за странное, круглое, бурое существо величиной в талер, которое сидит на листе водяной кувшинки? Наблюдатель поспешно подходит ближе, но животное с быстротой молнии уже соскользнуло с плавучего листа в холодную воду. Жадно следит за ним глазами натуралист и узнает в нем, наконец, хорошенькую маленькую черепаха, которая быстро бежит по дну реки и через минуту уже скрывается в тине или среди водяных растений. Пройдет, пожалуй, больше часа, пока черепаха опять покажется на поверхности воды, чтобы подышать воздухом, и тогда наблюдатель должен, как охотник в засаде, избегать всякого движения или шума. Наконец, начинают появляться то там, то сям, на гладкой поверхности воды, маленькие головки, ярко блестят маленькие черные глазки, и животное медленно, почти не производя ряби, плывет к берегу и именно к тому месту, где стоит его усердный наблюдатель: нужно заметить, что все низшие существа узнают о присутствии человека или вообще всякого одушевленного существа только по их движениям. Это нужно приписать их неумению схватывать предмет глазами и замечается не только у низших, но и у других высших животных. Черепаха может прямо из воды так же легко выползти на протянутую ей руку, как и на камень или на землю, конечно, под тем только условием, что эта рука была совершенно неподвижна и не выдала своего присутствия каким-либо запахом. Может ли наблюдатель схватить ее? Да, конечно, потому что укушение ее неопасно. Радостно держит он в руке копошащееся животное, спешит домой, где показывает первому попавшемуся американскому приятелю свою счастливую находку. «Если это животное тебе нравится, — говорит, улыбаясь, янки, — то ты можешь получить их тысячи».

Действительно, Америка — настоящее отечество черепах, но и Азия изобилует ими, нельзя сказать, чтобы и Африка была ими бедна. Там, где в теплой стране есть вода, они всегда встречаются в большом количестве.

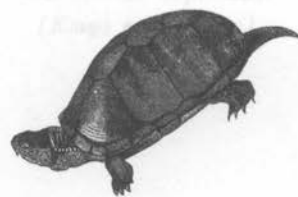

СЕМЕЙСТВО
ПРЕСНОВОДНЫЕ ЧЕРЕПАХИ (Emyidae)

Все пресноводные черепахи живут в сырых местах, по большей части в водах медленно текущих рек, прудов и озер. Их можно с полным правом назвать прекрасно одаренными водяными

животными. Движения их на твердой земле беспомощны и медленны, хотя значительно быстрее большей части настоящих сухопутных черепах, зато движения их в воде, при плавании — очень быстры и замечательно ловки. Их часто можно видеть лежащими или плавающими на поверхности воды, при малейшем же подозрительном шуме они с быстротой молнии ныряют в глубину, чтобы в то же мгновение скрыться в иле или под корнями растений. «Они, по-видимому, прекрасно умеют становиться невидимками. Я находил иногда берега ручьев и прудов и даже малейшую возвышенность совершенно покрытыми обыкновенными американскими черепахами, которые, по-видимому, беззаботно грелись на солнце. Но стоило к ним подкрасться так быстро, чтобы можно было схватить их рукой, как они беззвучно исчезали, и тогда поймать их можно было только при условии совершенной прозрачности воды с чистым песчаным дном, иначе они в то же мгновение проворно закапывались в ил, благодаря силе и ловкости своих ног». Во время погони за своей добычей черепахи эти выказывают изумительное умение плавать. Европейские и североамериканские виды питаются преимущественно животными, как то: мелкими млекопитающими, птицами, пресмыкающимися, земноводными, рыбами и беспозвоночными, которых они постоянно проглатывают под водой. Напротив того, многие виды, живущие в Индии (по крайней мере, четыре из них), питаются исключительно растениями. Целыми часами плавают они на поверхности воды, опустив глаза вниз, и тщательно всматриваются в лежащее под ними дно, так что их можно сравнить с орлом, выслеживающим добычу. Завидев ее, они ускоренно двигают ногами и, выпустив воздух, быстро опускаются в глубину. Здесь они жадно набрасываются на лакомую пищу, хватая ее всегда острыми челюстями и, минуто спустя, сильным движением вытянутой вперед головы проглатывают ее. Тристрам приписывает пресноводным черепахам и султанским курочкам разорение гнезд и уничтожение выводков, которое замечается во всех озерах и болотах Алжира. Среди рыб они хозяйничают еще больше, чем среди птиц, и там, где рыбы приобрели некоторую ценность, они приносят людям ощутимые убытки.

Легко понять, что умственные способности болотных черепах находятся в полном соотношении с их подвижностью и хищничеством. Органы чувств развиты у них гораздо лучше, чем у всех других сухопутных черепах, а по умственному развитию они значительно выше последних. Они очень скоро замечают, когда их тревожат, и некоторые из них выказывают такую хитрость и осторожность, какой нельзя было бы от них ожидать, они умеют выбирать самые удобные убежища и умно пользуются приобретенным опытом. В неволе скорее всех других черепах становятся ручными, относительно скоро узнают своего хозяина, подплывают или подползают к протянутому им пальцу и едят из рук,

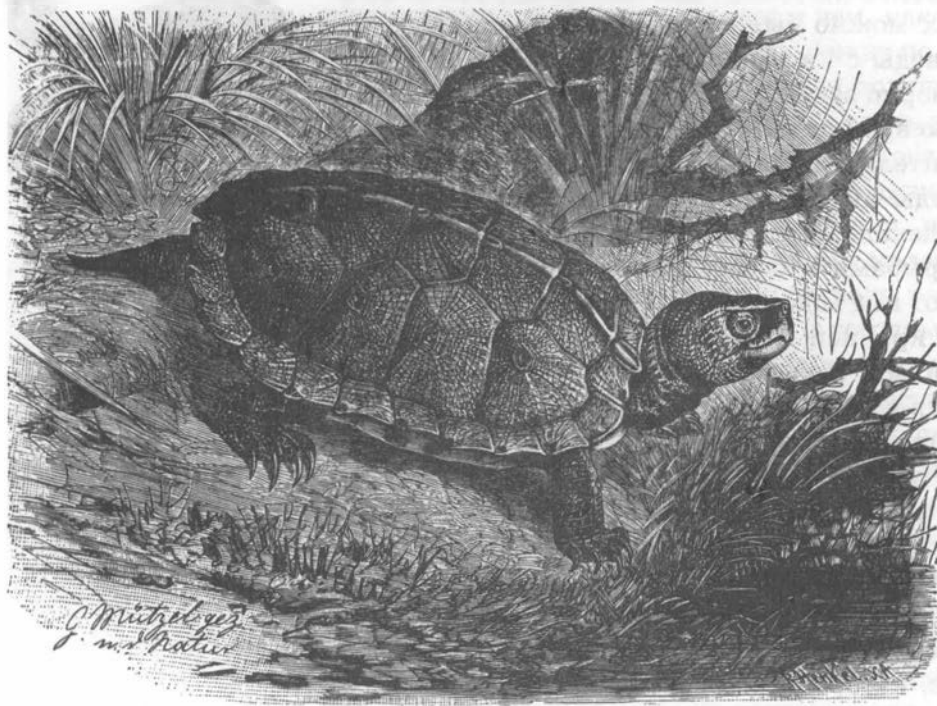

вообще они легко привыкают к людям, не делая, впрочем, между ними никакого различия.

С приближением зимы черепахи зарываются довольно глубоко в почву и остаются там все неблагоприятное время года в состоянии, похожем на смерть. То же самое делают они и под тропиками в сухое зимнее время, когда засуха временно испаряет все воды, служащие им местопребыванием. Миллер рассказывает, что они совершенно подкапывают берега некоторых североамериканских рек. «Поэтому их зимнее убежище очень легко отыскать: оно имеет такой вид, будто бы в нем копалось целое стадо свиней». В Северной Америке они по одиночке выползают из своих убежищ, уже в апреле или начале мая, если весна не

запоздала своим появлением, и принимаются тут же за свою летнюю жизнь, а вместе с тем и за дело размножения.

Длина лесной черепахи (*Clemmys insculpta*) достигает 29 см, из которых 5 см принадлежат хвосту, длина щита доходит до 18 см. Яйцевидный спинной щит несколько килеват, задние его края зубчатые. Грудной щит спереди цельный, а сзади выемчат. Пальцы ног снабжены только у основания

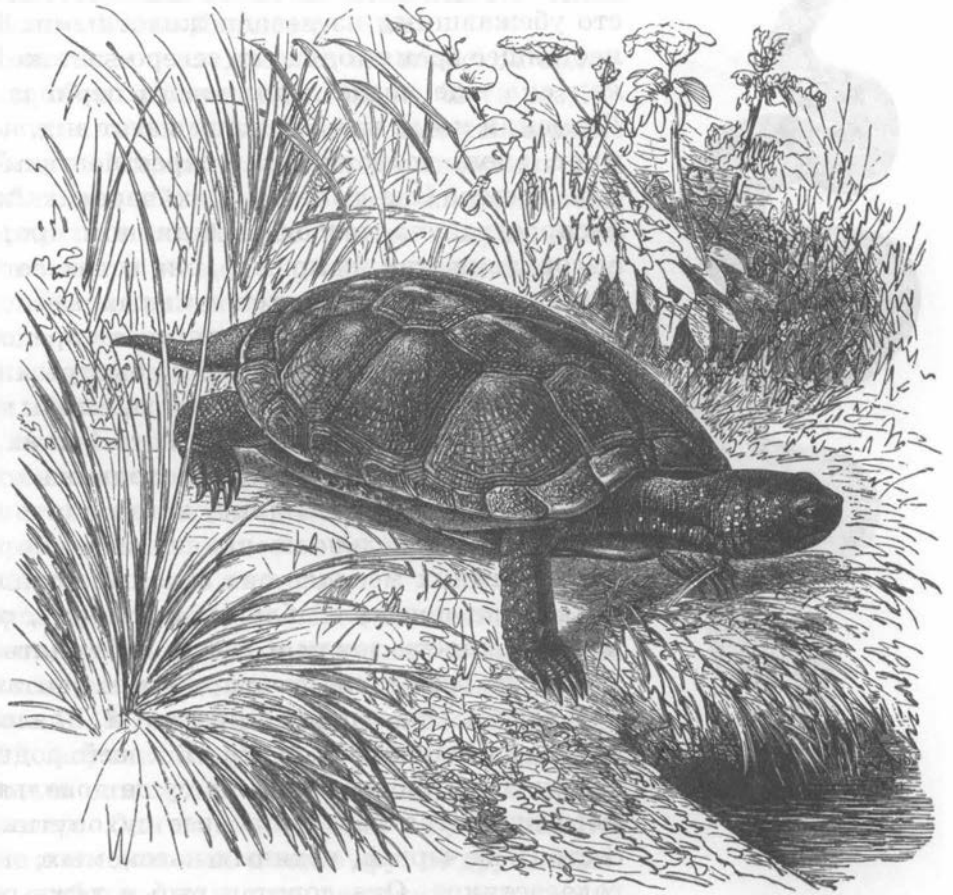
Лесная черепаха
(*Clemmys insculpta*)

плавательными перепонками; в верхней челюсти замечается выемка, по обеим сторонам которой видно по тупому зубцу. Щитки спинного панциря буроваты и расписаны лучистыми, несколько загнутыми линиями из желтых точек; пластинка брюшного щита серо-желтая с большим темным пятном на нижней части. Мягкие части тела темно-бурые или оливкового цвета, нижние части шеи и ног и хвоста красные с черными точками, с обеих сторон шеи видна яркая желтая полоса, глаза карие, окружающее их кольцо — желтое.

Все приатлантические береговые земли Соединенных Штатов от Мэна до Пенсильвании служат отечеством огромному количеству черепах этого вида. Они тоже живут в болотах и реках, но чаще и на более продолжительное время покидают воду, чем другие их сородичи, и целыми месяцами остаются иногда на суше.

Гальдеман думает, что они делают это с целью освободиться от одного паразита, который мучает их в воде. Гольбрук заметил, что пленные черепахи этого вида так же живо и ловко движутся на суше, как и в воде, следовательно, могут жить как здесь, так и там. По словам Миллера, лесная черепаха предпринимает часто путешествия от одной воды к другой или совершает переходы по полям и лесам, за что и получила в Америке название «лесной черепахи». В местностях, бедных водой, наши путешественники, желая скрыться, зарываются просто в мох, так как пленные лесные черепахи поступают точно так же, то мы имеем полное право думать, что сухопутная жизнь есть отличительный признак этого вида, а не следствие испытанных ею в воде страданий. Жизнь их проявляется и в отношениях к другим животным: они постоянно нападают на товарищей по клетке или месту жительства. Относительно пищи и размножения лесные черепахи почти ничем не отличаются от других пресноводных черепах.

Наша европейская болотная черепаха (*Emys orbicularis*) достигает 32 см общей длины, из которых 8 приходится на хвост, длина щита не более 19 см. Не защищенные щитом части тела покрыты по черноватому фону кое-где желтыми точками, пластинки спинного панциря украшены по темно-зеленому фону лучевидно расходящимися рядами мелких точек желтого цвета, пластинки брюшного панциря — грязновато-желтые и покрыты неправильно и редко расположенными точками бурого цвета или же лучистыми огненными полосками. Впрочем, как цвет, так и рисунок подвержены значительным изменениям, встречаются экземпляры совершенно темно-бурого цвета.

Европейская
болотная черепаха
(*Emys orbicularis*)

Настоящим и, вероятно, первоначальным отечеством этого вида черепах мы считаем южную и восточную часть центральной Европы. Она очень обыкновенна в Албании, Далмации и Боснии, в Италии, не исключая островов, в низменностях Дуная и в Венгрии, встречается и в южной Франции, Испании и Португалии, Алжире, к северу от Атласских гор, не менее часто — в России на большом протяжении, к востоку от Сырдарьи, даже в Курдистане и Персии. В Германии они населяют реки и стоячие воды в Бранденбурге и Мекленбурге, в Польше в Познани, Померании, а может быть, встречается и в Силезии, следовательно, в системе Одера и Вислы, до Балтийского моря она никогда не доходит. Отдельные экземпляры болотных черепах, найденные в других местах Германии, мы должны считать просто убежавшими из неволи животными. Эта черепаха живет в настоящее время только на северо-востоке Германии, между тем как она еще после ледникового периода населяла все болота Германии и Англию. Может ли этот вид, как предполагает Зиммрот, вновь водвориться в окрестностях Лейпцига — покажет нам время. Она дальше всех черепах проникает на север и распространена на более обширном протяжении, чем другие ее сородичи, так, например, она встречается между Алжиром и Курляндией, Португалией и Сырдарьей.

Европейская болотная черепаха предпочитает стоячие, медленно текущие и мутные воды быстрым рекам и чистым озерам. Днем она выходит из воды, чтобы погреться на солнце, только в самых уединенных тихих местах, но все-таки держится поблизости воды и сидит неподвижно и тихо на одном месте до самого захода солнца, когда спать оживает, так как главная ее деятельность проявляется, по-видимому, ночью. Во время зимних месяцев она закапывается в ил. В половине апреля, если погода ей благоприятствует, она опять появляется на поверхности земли и дает о себе знать особым свистом, который, по всей вероятности, должен считаться призывным криком самца. Она очень осторожна и, плавая в воде, ныряет под воду при малейшем шуме. В своей родной стихии черепаха эта очень проворна, но и на суше довольно ловка, по крайней мере движется гораздо скорее сухопутных черепах. Пища ее состоит из червей, водяных насекомых, лягушек, саламандр и головастиков. Она ловит и рыб и даже решается нападать на довольно крупных, кусая их в нижнюю часть тела до тех пор, пока жертва ее, совершенно обессиленная, не попадает к ней в лапы. Маркграф заметил на пленных черепахах, что они убитых ими рыб тотчас уносили под воду, где и пожирали со всеми костями. При разрывании добычи черепаха часто откусывает плавательный пузырь, который и поднимается на поверхность воды, поэтому если мы заметим на воде много плавательных пузырей, то можно с уверенностью сказать, что тут водятся ев-

ропейские болотные черепахи. В неволе они долго могут жить в совершенном здравии, если их кормить рыбами, дождевыми червями или сырым мясом, они скоро становятся ручными, едят из рук, привыкают спать на определенных местах и в теплом помещении не впадают в зимнюю спячку, если же им отведут небольшой пруд в саду, то они закапываются в ил с наступлением холодного времени.

По словам Ратке, совокупление происходит следующим образом: в теплый майский вечер самцы влезают на спину самок и животные начинают выходить попарно из пруда, причем самка положительно несет на спине самца, который обхватывает ее ногами. Вышедши на плоский берег, черепахи довольно долгое время остаются там вместе, если их ничто не потревожит. Число яиц достигает, по Даннилю, 13, по Дюригену — 15.

О способе размножения и о кладке яиц европейской болотной черепахи очень подробно сообщает нам Мирам. Хотя результаты его наблюдений почти ничем не разнятся с добытыми ранее над другими черепахами, но Мирам описывает размножение подробнее всех других наблюдателей, почему и заслуживает, чтобы мы его сообщения передали в полном их объеме. Мирам долго держал с научной целью много живых черепах в своем саду, окруженном высокой стеной, за неимением пруда он велел вкопать в землю большое корыто, служившее водоемом. Крестьяне из окрестностей Киева приносили ему из озер и прудов множество черепах, но в основном взрослых, редко молодых, да и то преимущественно в апреле и мае. Часто случалось, что принесенные черепахи клали яйца в разных местах сада, поэтому Мирам дал им полную свободу в этом и заметил вскоре, что самки для выкапывания себе гнезд выбирали самое высокое место сада, почва которого состояла из песка, смешанного с глиной.

Кладка всегда происходит вечером перед солнечным закатом около 7 или 8 часов, но так как выкапывание и зарывание гнезда происходит единовременно, то вся операция продолжается почти всю ночь. 28 мая 1849 года в теплый прекрасный вечер, после продолжительной засухи, пять черепах стали класться одновременно, для этой цели они сошлись в вышеупомянутом месте сада около 7 часов вечера. Они не соединились на узком месте, но держались, напротив того, довольно далеко друг от друга. Выбрав себе удобное место, свободное от всяких растений, они выпустили довольно значительное количество мочи, вследствие чего верхний слой земли несколько разрыхлился, после чего стали буравить землю хвостом, мускулы которого были туго натянуты, при этом они прижимали кончик хвоста к земле, между тем как верхняя часть его описывала вращательное движение. Вследствие этого сверления образовалось вверху широкое, внизу узкое отверстие конической формы, в которое черепахи, чтобы размягчить почву, пускали мочу в небольшом количестве. Когда пробурав-

*Семейство
пресноводные
черепахи*

ленное отверстие достигало длины хвоста, черепахи начинали раскапывать дальше яму задними ногами. С этой целью они попеременно, то правой, то левой ногой, выкапывали землю, выкладывая ее всякий раз на край ямы и образуя, таким образом, вокруг нее род вала. При этом ноги их действовали совершенно как человеческие руки, черепахи царапали землю попеременно то правой ногой справа налево, то левой слева направо, причем всякий раз выносили из ямы, так сказать, горсточку земли, которую и выкладывали заботливо кругом отверстия, в некотором расстоянии от края, и работали, таким образом, до тех пор, пока ноги достигали земли. Все туловище оставалось в это время неподвижно, а голова едва высывалась из щитков. Каждая черепаха сделала, таким образом, яму в двенадцать сантиметров в поперечнике и более широкую посередине, почти яйцевидной формы. После нескольких тщетных попыток выкопать еще больше земли из ямы животное, кажется, убедилось, что гнездо готово. Вся операция продолжалась около часа, а может быть, и более.

Не изменяя положения, черепаха принялась тотчас после того за кладку, которая представляла так же много любопытного, как и предшествующие ее действия. Из заднего прохода показалось яйцо, которое было осторожно подхвачено задней ногой, подставленной, так сказать, ладонью вверх, и так же осторожно опущено на дно ямы. После того бывшая в действии нога спряталась, и другая задняя нога точно так же поймала второе яйцо, которое, по примеру первого, было тоже опущено в яму. Так попеременно, то правой, то левой ногой, подхватывалось по яйцу и опускалось в гнездо. Скорлупа яйца была вначале мягкая, но очень скоро затвердела на воздухе. Яиц обыкновенно бывает 9, редко менее, Мирану только один раз случилось видеть, что черепаха положила 11 яиц. Так как яйца появляются одно за другим очень скоро, почти всегда через минуту, редко через две-три, то и вся кладка продолжается не более четверти — получаса. Окончив с кладкой, животное, по-видимому, решилось отдохнуть: оно лежало некоторое время совершенно неподвижно. Нога, бывшая в действии последней, свешивалась, как бы в изнеможении на краю ямы, так же, как и хвост, который во время кладки бывает свернут на сторону. По прошествии получаса черепаха принялась за последнюю и, по-видимому, самую утомительную работу: зарывание ямы и утаптывание над ней земли.

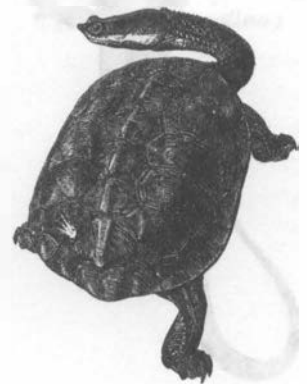
Для этой цели она опять свернула хвост на сторону и подтянула под себя висевшую ногу, другой она захватила горсть земли, осторожно опустила ее в яму и заботливо обсыпала ей яйца. То же сделала она и другой ногой, и так попеременно работала она то той, то другой ногой, пока хватило вырытой из ямы земли. Но последние пригоршни земли не были уже брошены с такой осторожностью, как первые: черепаха, напротив того, старалась придавить ее наружной частью ноги. Когда, наконец, после получасо-

вой работы вся земля с вала была употреблена в дело, наступило время второго отдыха. После того черепаха поднялась, высунула голову между щитами и обошла гнездо кругом, как бы для того, чтобы убедиться в удовлетворительности своей работы. Затем она начала утаптывать образовавшийся холм задней частью своего грудного щита; при этом она приподнимала заднюю часть тела вверх и потом быстро опускала ее с известной силой. Это утаптывание совершалось кругом всего гнезда и было очень утомительной работой, животное исполняло все эти движения с изумительной для черепахи быстротой и тщательностью, вследствие чего ей так хорошо удалось скрыть следы устроенного на том месте гнезда, что Мирам на другое утро напрасно бы проискал свои яйца, если бы не догадался отметить место знаком.

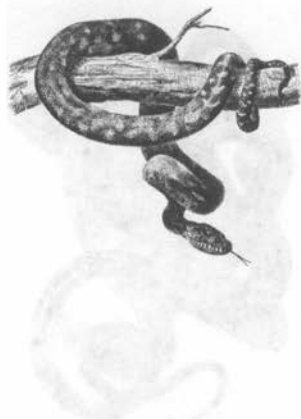
Яйца, положенные таким образом в землю на глубину около 8 см, остаются там до августа или сентября, когда молодые черепахи выползают на свет Божий. Длина их в это время равняется 15—20 мм. Если при вылуплении они освобождены уже от желточного мешка, то по большей части грудной щит их носит между пластинками явные следы шнурка, к которому посередине был прикреплен этот мешок.

Мирам прилагал все старания, чтобы вырастить их большими, но все-таки не мог сохранить их долее трех месяцев. Маркграф был счастливее: ему удалось вырастить нескольких родившихся у него европейских болотных черепах. В течение всей зимы молодая черепаха ничего не ела и по большей части лежала неподвижно на дне водоема с втянутой под щит шеей, в ясные дни она немного прохаживалась по комнате. С наступлением весны она начала есть, а на третьем году уже была в состоянии проглатывать целиком дождевых червей и мелких рыб. Больше всего она ела в июне, начиная с сентября, аппетит ее уменьшался, а к ноябрю она вовсе переставала есть. Черепаха эта дожила до пяти лет.

Фишер-Зигварт рассказывает нам интересный случай догадливости европейской болотной черепахи. В большом водоеме, где черепахи жили вместе с золотыми рыбками и редкими земноводными, их обильно кормили сырой телятиной, чтобы удержать от пожирания других обитателей водоема. Они действительно не трогали золотых рыбок. Но когда в один из бассейнов, в который черепахи обыкновенно не заглядывали, были впущены два протей и несколько аксолотлей, то они скоро отыскивали лакомую пищу и в один прекрасный день наш наблюдатель увидел, как одна черепаха пожирала протей, между тем как вторая гонялась за аксолотлями, тихо подплывала к ним и потом вдруг высовывала голову, чтобы поранить преследуемое животное. Чтобы прекратить подобные разбойничьи набеги, кругом всего бассейна вбили в землю на расстоянии 23 см ивовые тычинки, которые соединили еще сверху тонкой проволокой. На другой день хозяин водо-

*Семейство
пресноводные
черепахи*

ема увидел черепаху, в то время как она старалась протиснуться между двумя тычинками, причем ей приходилось стоять на боковой грани своего щита. Проволочная загородка помогла только на короткое время, разбойники не унялись, пока не преодолели препятствие. Они частью разрушили загородку, частью перелезли через нее или долгими и мучительными усилиями пробирались между проволочными прутами. Одним словом, они действовали с осмотрительностью и настойчивостью, достойной лучшей цели.

Относительно их способности к приручению рассказывает нам Мартин следующую интересную историю: «Самая маленькая из живущих у меня пяти черепах, величиной в талер, с первых дней выказывала вдвое больше живости, чем все остальные: в то время как другие лежали неподвижно, она весело разгуливала по своему помещению. Весьма естественно, что вместе с физической деятельностью развивалась и умственная и что крошка ранее всех своих сотоварищей сбросила свою естественную робость. Вследствие этого она сделалась любимицей моей жены, которая по нескольку раз в день сажала ее на руку, разговаривала с ней, ласкала ее, чем доставляла ей заметное удовольствие. Уже с первых дней знакомства она была названа Августом и с той поры вела себя необыкновенно разумно, т.е. не втягивала под щит при малейшем прикосновении голову и ноги, как это делали ее глупые сестрички, но выказывала себя весьма храброй, оживленно и умно поворачивая головку в ту и другую сторону. По прошествии нескольких дней Август уже отзывался на свое имя, и когда жена подходила к водоему, где сидели все пять черепах, то ей стоило только несколько раз назвать избранницу по имени, чтобы увидеть, как Август быстро вбегал на скалу из песчаника; он делал это с такой торопливостью, что часто падал головой вниз, но также скоро опять поднимался вверх и выказывал сильное желание быть вынутым из помещения. Такого рода привязанность в черепахе достойна тем большего внимания, что ее нельзя привлечь лакомствами; как известно, черепахи могут есть только под водой. Следовательно, эту привязанность прямо должно объяснить только стремлением к сближению с людьми, что доказывает довольно хорошо развитую умственную деятельность у этого, по видимому, беспомощного животного. В настоящее время, когда прошло уже два года пребывания у нас черепах, другая из них, значительно большая, стала тоже отзываться на зов Август, так что теперь появляются уже две черепахи на этот зов, впрочем, он оказывает свое действие только в устах моей жены.

В последнее время черепахи стали поступать в торговлю целыми массами для любителей аквариумов и террариев, особенно в Венеции, где занимаются правильным ловом их.

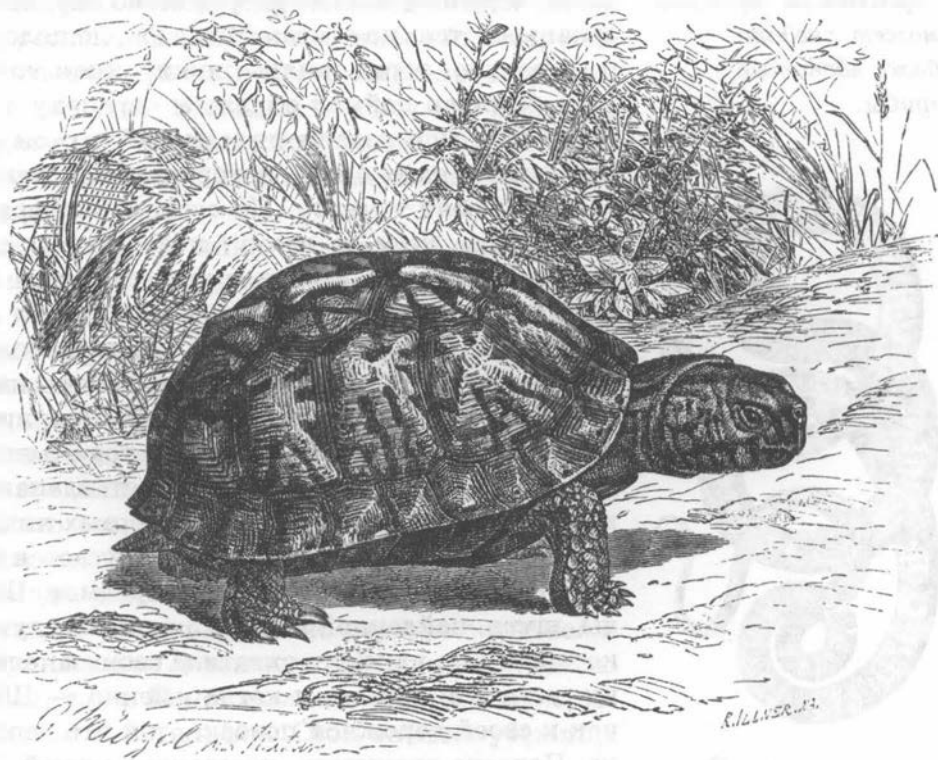
Мясо европейских болотных черепах съедобно, но малая польза, которую они этим приносят людям, так же как и пожира-

нием дождевых червей и улиток, далеко не искупает вред, приносимый ими уничтожением молодой рыбы.

У каролинской коробчатой черепахи (*Terrapene carolina*) посередине спины проходит возвышенность в виде тупого кила, этот вид черепах очень разнообразен по строению, окраске и рисунку. Цвет верхней стороны обыкновенно красно-бурый или черно-бурый, рисунок состоит из желтых неправильных пятен и полос, у темно-бурых экземпляров встречается иногда на боковых пластинках рисунок в виде золотисто-желтого Е. По желтому фону щитков брюшного панциря проходят бурые жилки. Длина щита равняется 13, а у некоторых разновидностей — 17 см. Ширина обыкновенно 11—12 см. Продолговатая голова яйцевидной формы снабжена острыми незубчатыми челюстями и покрыта, так же как и ноги, бурыми и желтыми пятнами. У самца красная, а у самки бурая или серая радужная оболочка.

Область распространения каролинской черепахи проходит по большей части восточных Соединенных Штатов от Мэна до Флориды, на запад до Миссури и Техаса, одна из ее разновидностей встречается еще в Мексике, но совершенно отсутствует в Вест-Индии. В вышеупомянутых местностях она водится везде и в большом количестве. Каролинская черепаха по своему образу жизни сходна с другими сухопутными черепахами. По словам Орда, который хорошо наблюдал этих черепах, их чаще можно встретить на сухих, чем на сырых местах. Тот наблюдатель, который найдет ее на сыром месте, может быть вполне уверен, что в эту неприятную для нее местность она привлечена какой-нибудь лакомой добычей. Так, например, в тех болотах, где цапли вьют себе гнезда, на нее наверно можно рассчитывать, потому что под гнездами всегда лежит много сгнившей рыбы, которая, по-видимому, служит настоящим лакомством для этой черепахи. Кроме этих остатков она ест и насекомых, улиток, червей, нежные гри-

Семейство
пресноводные
черепахи

Каролинская
коробчатая черепаха
(*Terrapene carolina*)

*Семейство
пресноводные
черепахи*

** Каролинская
коробчатая черепаха
может поедать
даже ядовитые
грибы.*

*** Тем не менее на
северо-западе Север-
ной Америки каро-
линская черепаха
была полностью
истреблена челове-
ком.*

бы* и ягоды, последние даже с особенной жадностью. Другие наблюдатели вполне подтверждают сказанное выше. «Я имел часто возможность, — говорит Миллер, — наблюдать за каролинскими черепахами как на свободе, так и в неволе, и никогда не находил их в воде, а, напротив того, заметил, что, попавши в воду, они выказывали большое неудовольствие и старались как можно скорее выбраться из нее. Они встречаются, правда, и на сырой и даже на болотной почве, но живут обыкновенно в лесах и на лугах, предпочитая, по-видимому, лиственные леса всяким другим местностям. Ее находят иногда и на очень сухих, даже на безводных местах». Однако Шуфельдт утверждает, что каролинская коробчатая черепаха иногда добровольно спускается в воду. Они часто закапываются, по словам Миллера, до половины в мох или землю и, вероятно, тогда заняты пожиранием грибов, червей и насекомых. Миллер поймал однажды черепаху в пустом дупле, откуда слышался еще издали шум ее работы; он нашел ее окруженной личинками насекомых, которыми она питалась. Каролинские черепахи любят темноту. По словам Фишера, черепахи этого рода забирались днем за печку, под шкафы и другие заслоняющие свет предметы: с наступлением же ночи становились живее и всегда бегали по комнатам, когда светил месяц. Точно так же поступают они, без сомнения, и на свободе. Здесь каролинская черепаха выказывает себя не менее боязливой и робкой, чем другие маленькие виды ее сородичей. При приближении существа, несколько больше ее ростом, она тотчас втягивает голову и ноги под щит и так плотно захлопывает клапаны, что становится совершенно безопасной от обыкновенных хищных зверей. Но в раздражении она тоже защищается, кусается и не так-то легко выпускает из пасти захваченный предмет. Шиль протянул однажды, шутя, найденной в прерии черепахе сучок толщиной в палец, который она, наконец, схватила своими челюстями. Чтобы узнать, выпустит ли она его и когда именно — Шиль привязал этот сучок к своей дорожной повозке, так что черепаха повисла в воздухе. Повозка тронулась, и черепаха целый день, с утра до вечера, болталась на суке, не выпуская его, следовательно, не уставая.

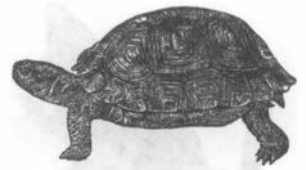
За каролинской черепахой почти совсем не охотятся**. Ее мясо не употребляют в пищу, несмотря на то, что оно чрезвычайно вкусно. Причиной тому служит тот же предрассудок, который заставляет крестьян пренебрегать лягушками, улитками или грибами. Чего крестьянин не знает, того он не ест. «Когда однажды, — рассказывает Орд, — старый моряк, вышедши в отставку, поселился в Пенсильвании и стал посылать ребятишек за лягушками и черепахами, которых он ел, то возбудил вообще недоверие только потому, что умел ценить такую вкусную и здоровую пищу». Яйца нравятся больше.

О способе размножения каролинской черепахи сообщает нам очень подробно Орд. Он держал много лет подряд несколько че-

репах в своем саду, во всех отношениях удобно устроенном для самых тщательных наблюдений. Несмотря на доступное им большое пространство и почти неограниченную свободу, очень немногие из них приступили к делу размножения, и даже большая часть яиц погибла, по всей вероятности, от укусов маленьких муравьев, разорвавших их гнезда. Рытье ям для гнезда и кладка яиц происходит в общем точно так же, как описано про европейскую болотную черепаху. Яма выкапывается так глубоко, как только достают ноги самки, и кладка яиц, по-видимому, не причиняет родовых болей, хотя яйца, числом от пяти до шести, появляются в промежутках не менее пяти минут одно после другого. Полувзрослые самки тоже несутся иногда, причем ведут себя совершенно так же, как и взрослые. Каждое положенное яйцо окружается землей, а яма опять засыпается и место тщательно уравнивается. Во все время рытья ямы и кладки черепаха не изменяет своего положения и даже не оглядывается назад. Потревоженные во время кладки черепахи принимаются за новую яму только по прошествии 14 дней.

Орд вынул однажды из ямы яйца черепахи в самый день кладки и переложил их в ящик, наполненный землей. Первая черепаха вылупилась из яйца на 88, а последняя на 109 день после кладки. Молодые черепахи были различной величины и силы, все хорошо сложены и с первой минуты жизни очень подвижны и проворны, но щиты их были еще мягкие, и остатки желточного мешка очень заметны на середине грудного щита. Однако часто случается, что средняя температура пенсильванского лета недостаточна для полного созревания яиц и наступившая зима застает их еще в скорлупе. В таком случае они, конечно, еще скорее погибают от холода, чем старые черепахи, которые тоже страдают от мороза, если не успели довольно глубоко зарыться в землю. Счастливы вылупившиеся детеныши зарываются в землю в одно время со старыми, т.е. в Пенсильвании в половине октября, чтобы опять появиться к 20 апреля. Свои зимние убежища они выбирают весьма искусно в рыхлой почве и на месте, защищенном от северных ветров.

Мюленберг рассказывает, что каролинская черепаха преследует крыс и змей, что ради этого ее ловят и сажают в погреба, где она оказывается весьма полезной. По его словам, она хватается этих животных и, ущемив их между спинным и грудным панцирем, давит на смерть, после чего пожирает их. Но этот рассказ доказывает только, что добродушному Мюленбергу навязали детскую сказку. Как дело обстоит в действительности, узнал Кэй на собственном опыте, когда посадил в свой погреб черепаху, чтобы испытать справедливость пущенного Мюленбергом слуха: оказалось, что сама черепаха была заедена крысами. Однако совершенно верно, что в доме она приносит известную пользу истреблением личинок и насекомых, для чего ее охотно держат в неволе.

Черепахи этого вида питаются самой разнообразной пищей: они едят грибы, салат, картофель, овощи, хлеб, насекомых и мясо. Жившая у Рейхенбаха каролинская коробчатая черепаха выказывала странное отвращение к средиземноморской черепахе, с которой жила в одном помещении. «В то время как я спокойно занимался, — рассказывает Рейхенбах, — я часто слышал как будто постукивание маленьким молоточком и никак не мог понять причины этого стука. Я заметил, наконец, что маленькая каролинская черепаха напала на большую средиземноморскую: подступив к ней с известной злобой, она старалась приблизиться к середине боковой стороны своей противницы; достигнув этого места, она втягивала голову, становилась на передние ноги и с расстояния около 2 см начинала, наподобие римских таранов, ударять передним краем своего щита в середину бока средиземноморской черепахи, повторяя эти удары от десяти до двенадцати раз подряд. Это интересное зрелище повторялось ежедневно, и многие из моих друзей наблюдали его вместе со мной, пока маленькая черепаха, может быть, со злости на бесполезность своих усилий, наконец, не околела». Обе черепахи, вероятно, были самцами. С наступлением зимы необходимо дать каролинским черепахам возможность зарыться в землю, в этом состоянии они вернее всего переносят зимний холод. По словам Шнека, они доживают до 60 лет, а, по словам Ходзсона, до 62 лет.

СЕМЕЙСТВО СУХОПУТНЫЕ ЧЕРЕПАХИ (Testudinidae)

Среди представителей своего класса сухопутные черепахи принадлежат к числу самых ленивых и равнодушных существ. Каждое их движение неуклюже, тяжело и беспомощно. Они в состоянии пройти довольно большие пространства без передышки, но совершают эти переходы с невыразимой медлительностью, лениво переставляя одну ногу за другой и как будто с отвращением передвигая свое тяжелое тело. Однако каждое их движение совершается со значительной силой и выдержанностью. Брошенные в воду или нечаянно попавшие туда черепахи как камень падают на дно, но тут преспокойно путешествуют дальше и после довольно продолжительного времени опять достигают берега, как ни в чем не бывало. Гораздо труднее им перевернуться на ноги, если другие виды черепах или какие-нибудь враги положат их на спину; они должны часто целыми днями работать головой и хвостом, пока им удастся перевернуться, потому что неуклюжие ноги решительно отказывают им в этой услуге. Если им, однако, удастся захватить ртом какую-нибудь ветку или траву, они закусывают ее челюстями и, втянув шею, легко переворачиваются на ноги. Удивительно, что они выказывают сравнительную ловкость в другом роде движений, так, например, они довольно хорошо

умеют лазать. Настоящего голоса, по-видимому, у них нет: в раздражении они сопят или фыркают, но не издают настоящих звуков. Умственные способности вполне соответствуют малому объему мозга, который, по-видимому, существует только ради одних внешних чувств. Однако нельзя им отказать в известной степени умственного развития. Они иногда выказывают довольно хорошее знание местности, память, даже некоторую рассудительность или, по крайней мере, стремление к известной цели. «Посаженная на плоский стол, черепаха Горсфильда, — сообщает нам Бетхер, — очень хорошо понимает ту страшную высоту от земли, на которой она находится, и постоянно бегаёт кругом борта стола, опуская время от времени голову вниз, измеряя вышину стола, но не падая. Случается, однако, что когда в жаркие дни черепаха особенно оживится, она пробует спуститься со стола, и если этот смелый поступок ей удастся, она повторяет его, раза два-три, если ее даже тотчас посадят на стол обратно, все это, несомненно, доказывает, что животное убедилось в безопасности своей попытки. Если же между столом и полом находится какой-нибудь предмет вроде стула или даже моей ноги, она при соскальзывании со стола благоразумно выбирает этот путь, чтобы ослабить силу падения». При виде врага черепахи прибегают к своему обычному средству защиты, втягивая под щит все конечности, чем мало-помалу утомляют самого терпеливого противника, однажды испугавшись, они начинают при малейшем поводе втягивать конечности под спасительный покров. Между собой они иногда выказывают чувства привязанности или отвращения, проявляется иногда и ревность: так, например, два самца могут долго спорить за обладание одной самкой, и эта борьба продолжается с известным упорством довольно продолжительное время. За избранной самкой влюбленные самцы следуют целыми днями, но только в период любви, по прошествии же его каждое животное отправляется отдельно в разные стороны, не заботясь о другом. При кладке яиц они выказывают заботливость, свойственную всем членам этого порядка, к вылупившимся же детенышам относятся совершенно равнодушно.

Пища сухопутных черепах состоит преимущественно из мягких частей растений, которые они срывают или, лучше сказать, срезают с корня. Большие виды жадны и в большом количестве поедают всевозможные травы, меньшие с большей разборчивостью выбирают части листьев, отпрыски растений и плоды. Маленькие черепахи рвут траву, а большие срезают острыми челюстями или отделяют захваченный кусок, отдергивая назад голову. Говорят, что иногда они едят червей и улиток, на больших животных они нападать не решаются. Пьют они редко, но много за один раз.

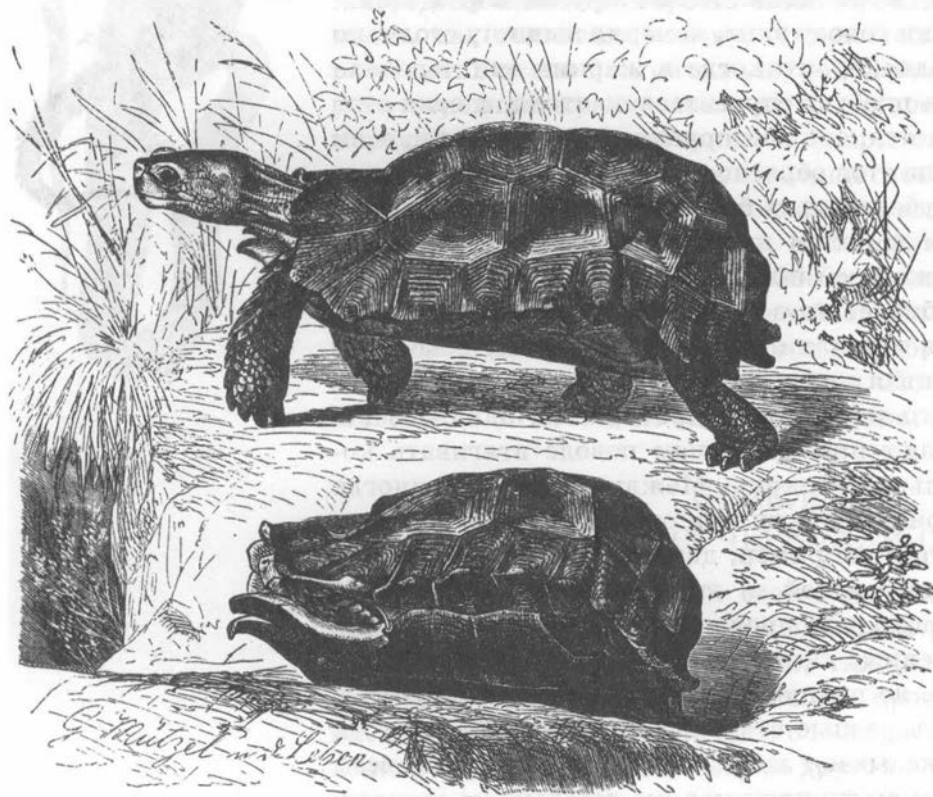
Шаровидные яйца этих черепах, покрытые известковой скорлупой, кладутся в самое благоприятное время года. Они бывают

тотчас засыпаны землей или зарыты в листву; детеныши вылупляются через несколько месяцев и начинают вести взрослую жизнь.

Сухопутные черепахи едва ли приносят человеку какую-нибудь значительную пользу. Только в домашнем обиходе диких или полудиких народов их щиты играют большую роль, в виде ящичков и коробочек для домашней утвари; как табакерки, например, они очень часто употребляются у туземцев юго-западной Африки. Мясо сухопутных черепах так же съедобно, как и мясо речных и морских черепах, однако их редко ловят для этой

цели. Чаще ловят их для жизни в неволе и тогда пускают их бегать по комнатам и саду. Привыкнув однажды к тесному помещению и к соединенной с ним переменной пище, они легко выживают многие годы в неволе, если зимой позаботятся о доставлении им необходимого тепла. Если же им в течение лета доставляют некоторую свободу, например, позволяют гулять по желанию в саду, окруженном стеной, и только с наступлением холодов переносят в бо-

Зубчатая киникса
(*Kinixys erosa*)

лее теплое помещение и, наконец, не препятствуют их зимней спячке, то они чувствуют себя еще лучше, чем в клетке, отыскивают большую часть пищи сами и даже иногда плодятся. Единичные экземпляры выживали 70, 100 и даже 150 лет в неволе.

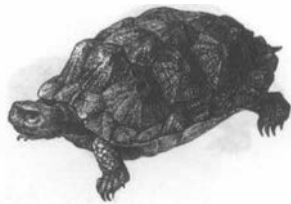
Зубчатая киникса (*Kinixys erosa*) самый известный, хотя и не самый распространенный вид этой группы. Он отличается овальным, сверху плоским, вперед вытянутым, в затылочной части придавленным книзу спинным щитом без зашейных пластинок. Передний и задний края спинного щитка сильно зазубрены и загнуты вверх. Передняя часть грудного щита довольно значительно выступает вперед против спинного. Спинной щит равномерно светло-каштаново-бурого цвета, щитки на голове, чешуйки

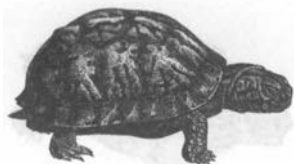
на ногах и обе челюсти светло-желтого цвета, некоторые щитки на голове грязновато-бурые. Величина этой киниксы довольно значительна, длина панциря нередко достигает 23 см.

Отечеством этой черепахи можно считать весь запад Африки. Ее находили от реки Гамбии к югу до устьев Конго, как далеко она распространена во внутренней части Африки — до сих пор еще неизвестно.

Об образе жизни всех вообще киникс мы получили только в самое последнее время довольно скудные сведения. До той поры я слышал о ней только один рассказ, как в дельте Нигера у одного туземца, державшего подобную черепаху на привязи, ее купили, привезли живой в Европу, кормили только каждые 2—3 недели морскими сухарями, и, несмотря на то, она выжила в неволе несколько лет. В последнее время достигли до нас не только другие экземпляры черепах этого вида, но и подробные сведения об их жизни на свободе. Эти сведения не только бросают неожиданный свет на всех киникс, но и доказывают тоже верность взгляда Штрауха, который утверждал, что болотные и сухопутные черепахи не только принадлежат к одному семейству, но составляют как бы звенья одной и той же цепи. Хотя Монтейро решительно называет один вид этой группы исключительно сухопутными животными, живущими только на гранитных скалах или очень сухой почве и утверждает, что он появляется только в жаркое дождливое время, а прохладные месяцы, от мая до октября, по уверению туземцев, проводит, глубоко зарывшись под землей, однако о двух других видах существуют сведения, доказывающие совершенно противоположное. Егер доказывает, что они служат пищей туземцам, почему ценятся ими очень высоко и по той же причине редко поступают в продажу. При этом он прибавляет: «По-видимому, она может долгое время жить в воде: одна из принесенных мной домой черепах целые месяцы пробыла перед тем в водоеме». С этим вполне согласен Фалькенштейн. «О киниксе, — пишет он, — я не мог много узнать ни из собственных наблюдений, ни из рассказов негров. Я знаю только, что доставленная мне живой киникса встречается нечасто и водится в реках или около них почти до самого их впадения в море. Отсюда она подходит для кладки яиц к самому берегу моря, где ее и ловят. В какое это время происходит — я наверняка не знаю; я убежден, что она прекрасно умеет плавать, несмотря на плохое развитие ног; по крайней мере жившие у меня в неволе черепахи доставали себе пищу из очень глубокого сосуда с водой и, чтобы отыскать ее, опускались на самое дно».

Жизнь в неволе киникса описана в кратких чертах Фишером по его наблюдениям над всеми тремя видами этого рода. Виды эти совершенно сходны между собой по нравам и привычкам: это ленивые и тупые дневные животные, которые едва заметно передвигаются с места на место; их движения так же мед-

ленны, как передвижение минутной стрелки; при еде же они так беспомощны, что Фишер удивляется, как они вообще могут насытиться. Одна из черепах, за которыми наблюдал Эффельдт, ела только одни вишни, те, которые жили у Фишера, питались исключительно яблоками, да и то они ели не чаще как через 8—10 дней, а иногда проходило от трех до четырех недель, пока они решались приступить к пище. Сильнее всего возбуждается у них аппетит в ясную погоду и после теплого купанья; но при еде у них часто выпадают куски изо рта, после чего они долго, но тщетно хватаются за них, так что для полного их насыщения требуется не менее двух или трех часов.

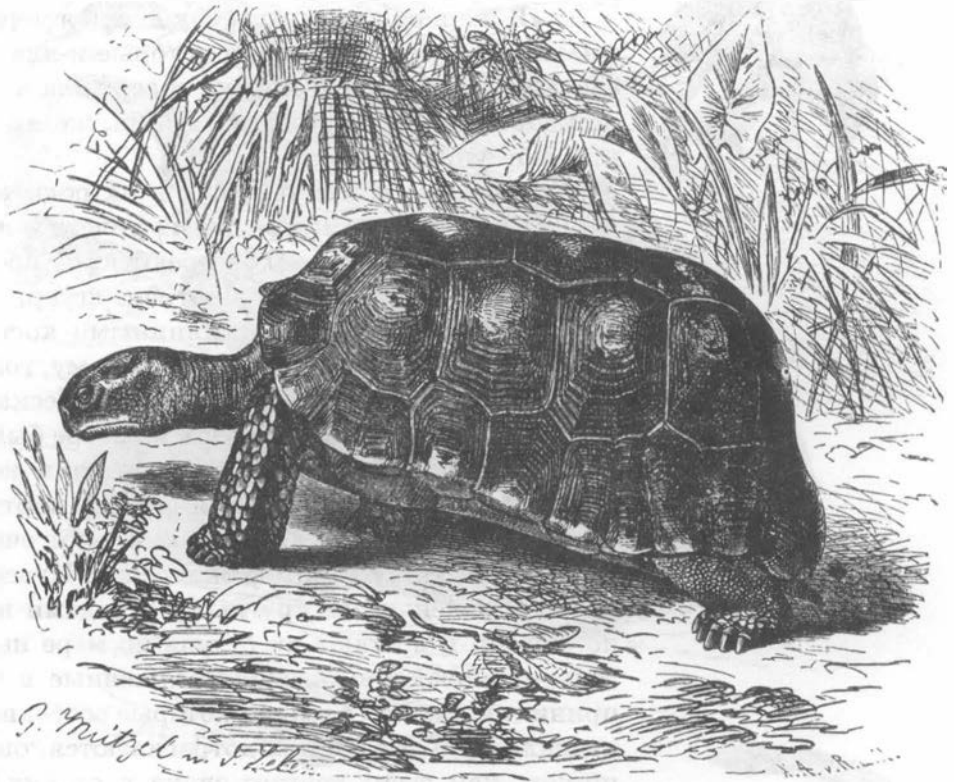
Эффельдт сообщил мне незадолго до смерти, что походкой киниксы отличаются от всех других ему знакомых черепах, и их походка может называться хождением на ходулях, так как эти животные выступают буквально на кончиках когтей. В минуты внезапного или продолжительного испуга они совершенно прячутся под панцирь, опускают подвижную заднюю часть щита, вследствие чего образуется открытая только спереди коробка.

Семейство сухопутных черепах в тесном смысле слова отличается следующими общими признаками: сильно выпуклый спинной щит состоит из одного неподвижного куска, разделенный на 12 пластинок брюшной щит — из одной или двух частей, в последнем случае передняя часть неподвижна, задняя подвижна, хвостовая пластинка всегда простая, хотя иногда бывает разделена на поверхности. Затылочная пластинка иногда вдвинута между другими краевыми пластинками или совершенно отсутствует, плечевые и паховые пластинки почти всегда налицо. Голова покрыта щитками, кончик хвоста иногда вооружен роговым наростом. Большие черепитчатые чешуйки покрывают плечевую часть передних ног. Пятки задних ног покрыты наростами в виде шпор, которые иногда, поодиночке или группами, видны и на задней части бедер. Сросшиеся до самых когтей пальцы неуклюжих ног имеют только два сочленения и снабжены спереди пятью, реже четырьмя, а сзади четырьмя когтями. Все принадлежащие к этой группе виды ходят на пальцах и относятся к сухопутным животным в полном смысле слова. К этим признакам Буланже прибавляет, что верхняя челюсть, внутренний и наружный край которой параллельны, снабжена еще продольным костяным валиком.

Из Южной Америки очень часто к нам привозится **зубчатая черепаха** (*Geochelone denticulata*), которую в Бразилии называют шабути. Наружность ее довольно неуклюжа: плоский щит круто спускается спереди, а сзади сильно удлиннен, по краям нигде не загнут. Голова довольно большая, края роговых челюстей мелко зазубрены, шея довольно длинная и толстая, хвост очень короткий, неуклюжие ноги поражают своей длиной. На спинном щите 5 широких щитков посередине, по 4 с каждой стороны, и 23

меньших образуют внешний пояс, затылочной пластинки нет. Позвоночные пластинки имеют возвышенную срединную плоскость, которая резко отделяется своей желтой или оранжевой окраской. Брюшной щит очень велик, спереди как бы обрублен, сзади вырезан под тупым углом и состоит из 12 пластинок. Горловые щитки хорошо развиты, но не вытянуты вперед. Спинной щит темно-бурый или черный, каждая пластинка украшена посередине желтым пятном. Брюшной панцирь бурый и желтый, а иногда желтый с большим бурым пятном посередине. Непокрытые части тела черноватого цвета и разрисованы разными оранжевыми или красными пятнами, темя бледно-желтое с черными полосками и пятнами, остальная часть головы черноватая. Над носом видны рядом два круглых желтых пятна, такие же два пятна над ушами и одно на заднем конце нижней челюсти. На буроватом фоне передних ног резко выделяются ярко-оранжевые чешуйки, тогда как задние ноги имеют только на бедрах несколько желтых чешуек и, кроме того, на пятках несколько пятен того же цвета. Длина щита равняется 55 см. Самец

отличается от самки немного более длинным и тонким хвостом и на нижней стороне плоским, даже вогнутым брюшным щитом. У молодых животных спинной щит еще более выпуклый, чем у старых, и окраска ярче.

Зубчатая черепаха распространена по всей тропической Южной Америке к востоку от Анд, встречается также на расположенных к северу от Южной Америки Малых Антильских островах. На удобных им местах они попадают даже очень часто. «Я находил, — говорит принц фон Вид, — много пустых щитов в лесах Тапебуку, на $1/2$ градуса севернее Кабу-Фриу, и, идя далее в том же направлении, находил и самих животных всюду в больших лесах восточной Бразилии. В Бельмонте они нередки, и я

Зубчатая черепаха
(*Geochelone denticulata*)

Семейство
сухопутные
черепахи

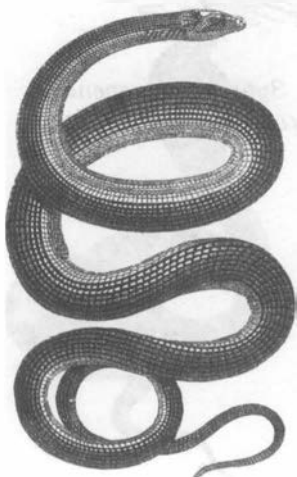

часто видел в дорожных мешках ботокудов целые щиты этих черепах, так же как и верхний щит речной черепахи, на котором эти дикари растирают свои краски. У реки Ильеус, наконец, во время нашего странствования по беспрерывным лесам, мы встречали их часто в самых густых зарослях. Они, по-видимому, живут только на сухой земле, а именно в лесах, и я только там и встречал их. Здесь можно часто увидеть, как они медленно передвигаются на своих неуклюжих ногах, которые тотчас же втягивают под щит, когда увидят что-нибудь подозрительное. Пищу свою этот вид добывает из растительного царства. Они едят преимущественно упавшие с дерева спелые плоды, чрезвычайно разнообразные в этих странах.

«В жаркое время года сухопутная черепаха собирает в кучу множество сухих листьев, в которые и кладет 12 и более яиц. По словам Каплера, одна кладка содержала в Суринаме только 5—6 яиц. Детеныши, по выходе из яйца, желто-бурого цвета, а щит у них еще упругий.

Эти юные животные, как и их родители, имеют много врагов. На старых, несмотря на их толстый щит, нападают иногда большие виды кошек и пожирают их. Хорошо знакомые с лесом и его жизнью индейцы уверяют, что ягуар, найдя такую черепаху, ставит ее стоймя и своими длинными когтями мало-помалу вытаскивает мясо из-под щита. Вот почему, говорят они, и находят в лесах много пустых панцирей. Эти рассказы казались нам тем вероятнее, что пустые панцири на ребре были несколько обгрызаны и раскрыты. Так как эти черепахи не имеют неприятного запаха, то они употребляются в пищу португальцами, неграми и индейцами и в известное время бывают очень жирны. В некоторых местностях, например около реки Ильеус, их держат для этой цели за маленькими круглыми оградами из вколоченных отвесно жердей и достают их оттуда по мере надобности. Они долгие годы выживают в неволе. Посаженные в загородку, они тотчас принимаются есть бананы, которые особенно любят, листья и разные плоды. Когда до них дотрагиваются, они прячутся под щит и шипят, как гуси: другого звука я от них никогда не слышал». Каплер, который наблюдал за этой черепахой в Суринаме, слышал, что она издавала жалобные звуки, и замечает в то же время, что ее едят по всей Гвиане.

Шабути в последнее время стали часто привозить в Европу живой, и если ее только держат зимой в теплом помещении, то она выживает в неволе многие годы. Своим нравом она мало отличается от других сухопутных черепах. Соответственно своим высоким ногам она двигается скорее, чем все другие виды этой породы. «У меня, — рассказывает Фишер, — эти черепахи бегают свободно по комнатам. С первыми лучами солнца они просыпаются и начинают прохаживаться по комнатам. Целый день они в движении, обнюхивают все, что лежит на полу, пьют

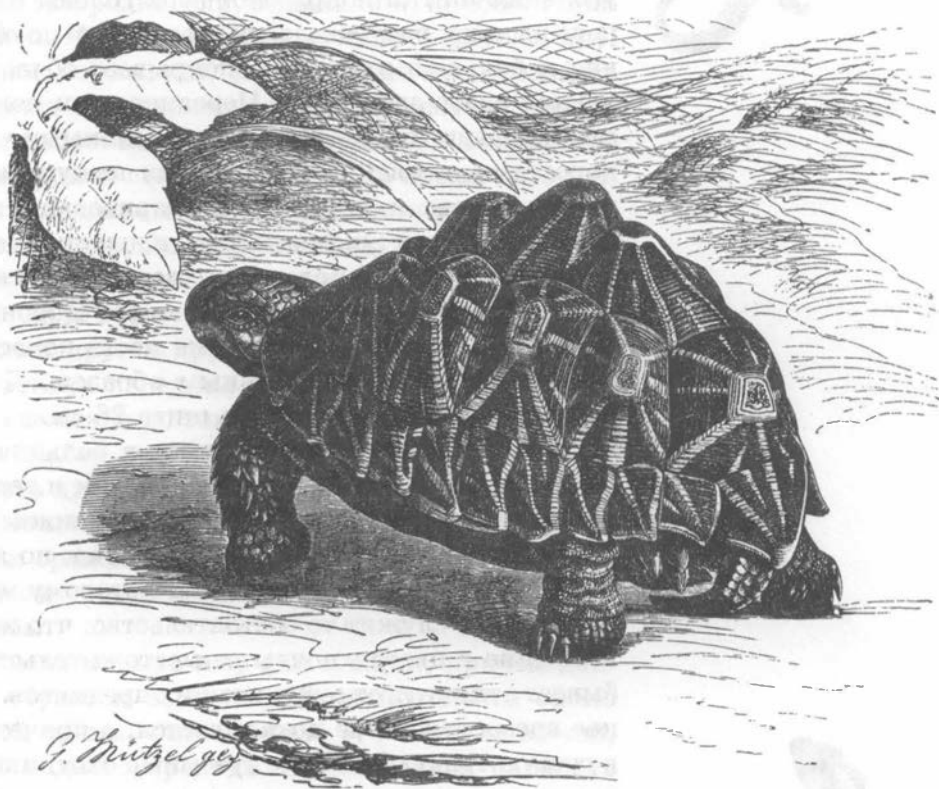
воду и молоко из чашки, приготовленной для них, и едят то очень много, то вдруг (в пасмурные дождливые дни) совсем перестают есть. Если они найдут на полу неразрезанное яблоко, то стараются прокусить его, но вместо того катят его только перед собой, так как, наклоня голову, всякий раз толкают яблоко концом морды. Эта игра продолжается довольно долго, и они, наконец, оставляют свое намерение и двигаются дальше. Я заметил, что они впоследствии оставляли без внимания неразрезанные яблоки, как бы признавая бесполезность своих усилий.

Как только стемнеет, они заползают под кровати, шкафы и занавеси; однако тотчас же вылезают оттуда, если вблизи их зажгут свечу или лампу. Тогда они опять начинают бродить кругом на своих неуклюжих ногах. Когда у меня в комнате топится печка, они выходят из засады, останавливаются на некоторое время и затем медленно опускаются на пол около печки, здесь они лежат, с видимым наслаждением вытянув шею и задние ноги во всю их длину.

Пища их состоит почти ежедневно из булки, размоченной в молоке или в воде, лимонов, которые им, по-видимому, очень нравятся, яблок, груш, салата, капусты, тыквы и мяса. Замечательно то, что самцы охотно едят мясо, между тем как самки питаются исключительно растительными веществами.

Когда я их получил, они были так пугливы, что при малейшем приближении, шипя, прятались под щит. Теперь они не перестают даже есть, когда до них слегка дотрагиваются рукой, и едят прямо из рук».

Звёздчатая черепаха (*Geochelone elegans*) принадлежит к самым красивым видам этой группы и происходит из Ост-Индии. Продолговатый яйцевидный щит посередине сильно возвышается, с обоих концов почти одинаково пока в общем более высок, чем широк, брюшной щит спереди, а спинной сзади вырезан

Звёздчатая черепаха
(*Geochelone elegans*)

*Семейство
сухопутные
черепахи*

глубоким треугольником. Средние площадки отдельных пластинок возвышаются у некоторых старых черепах так значительно, что каждая пластинка образует отдельный горб. В хребетных пластинках средняя, самая высокая площадка, иначе сказать — верхушка горба находится в середине, на реберных пластинках между серединой и верхним краем, на краевых — в нижнем заднем углу, у трех задних краевых пластинок она особенно выступает в виде острия. Затылочная пластинка отсутствует, горловые имеют вид продолговатого треугольника, плечевые более длинны, чем широки, грудные — очень узки, брюшные одинаковы в длину и ширину, заднепроходные имеют форму ромба. Маленькие многоугольные щитки покрывают верх головы и лежат на верхней стороне рыльца, распределяясь равномерно по обе стороны, более длинная и большая пластинка покрывает область над ухом. Края челюстей слабо зазубрены. Передние ноги покрыты спереди, задние сзади большими, плоскими, треугольными чешуйками и роговыми наростами, а пятки — большими выпуклыми чешуйками в виде шпор. Голова и конечности разрисованы по желтоватому фону неправильными жилками, отдельные щитки панциря покрыты по черному фону великолепным узором: от всех светло- и ярко-желтых средних полей расходятся во все стороны в виде звезды постепенно расширяющиеся того же цвета полосы, которые украшают щит самым привлекательным образом. Длина вытянутого животного равняется 35, длина щита 26 см.

Звездчатая черепаха живет в большинстве на сухой почве, богатой травой, колючим кустарником и терновником, у подошвы холмов в Индостане, за исключением нижней Бенгалии, и доходит на западе до Синда, на юге до Цейлона, но ловят их нечасто. Причиной тому, по словам Хуттона, которому мы обязаны всем ниже сказанным, служит то обстоятельство, что их окраска сходится совершенно с цветом почвы ее местожительства; поэтому ее трудно бывает отличить от окружающих предметов, кроме того, она в жаркое время совсем не показывается, а прячется под кустарник или в густую траву. Опытные туземные охотники разыскивают их следы на песчаных или пыльных местах, идут по ним с поразительной верностью и таким образом часто овладевают черепахами. В дождливое время звездчатые черепахи чувствуют себя лучше всего и почти весь день бегают взад и вперед для еды и спариванья. С началом холодного времени они отыскивают себе убежище и прячутся, как могут лучше, чтобы защититься от холода. Здесь остаются они в тупой бездеятельности, но не в бессознательном сне, до наступления теплых месяцев, в течение которых они стараются защититься себя в полдень от жары, как прежде защищались от холода, — и выходят из засады только к солнечному закату.

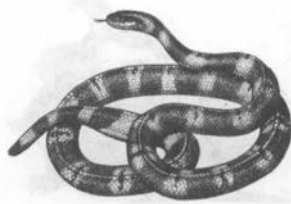
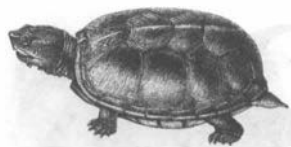
Хуттон несколько раз держал звездчатых черепах в неволе, один раз даже шесть штук сразу: четырех самцов и двух самок. Он посадил их за широкую загородку, снабдил водой, свежей, су-

хой травой, большой кучкой хвороста и жесткого сена, в которое они спрятались, и внимательно наблюдал за ними. В жаркое время года они оставались целый день в своем убежище и показывались только перед солнечным закатом, чтобы поесть, однако они не прятались на ночь, а оставались на одном месте, как бы в спящем состоянии и, видимо, радовались прохладе; с наступлением дня они опять отправлялись в свое убежище. В это же время они часто купались, причем входили в воду, где оставались большей частью около получаса и тут же почти всегда испражнялись. Воды они пили тоже очень много.

С наступлением дождливого времени они оживились, бродили целый день в своей загородке, ели, отдыхали и, наконец, приступили к совокуплению. Часто два самца гонялись друг за другом, не тревожа, впрочем, самки, которая спокойно ела, оставаясь на одном месте. Во время спаривания самцы влезают по примеру млекопитающих на избранных самок, причем обнимают щит передними ногами, а задними стоят на земле. Во время совокупления, которое часто продолжается от 10 до 15 минут, самец испускает звуки, похожие на хрюканье. Все время, пока продолжаются дожди, значит, с конца июня до половины октября, самки терпят ласки самцов, после этого оба пола опять становятся совершенно равнодушными друг к другу. Два самца нередко сражались между собой, втянув передние ноги и голову, они упирались задними ногами в землю и до тех пор ударялись панцирями, пока один из бойцов, ослабев, не отступал. Иногда удавалось одному из самцов повалить другого на спину; из такого положения ему удавалось выйти только благодаря отчаянным усилиям головой и ногами. В этих сражениях принимали участие и самки, которые, благодаря своему росту и силе, обычно выходили победительницами из борьбы.

11 ноября самка начала рыть яму для кладки, причем действовала следующим образом: выбрав уединенное место около куста густой и жесткой травы, она смочила его сначала мочой, которую выпустила из заднего прохода, потом начала царапать размягченную землю задними ногами, употребляя попеременно то одну, то другую ногу. Продолжая по каплям выпускать мочу, она превратила почву в густое тесто и только тогда могла приступить к обработке ее по желанию. После приблизительно двухчасовой работы она вырыла углубление в 10 см в поперечнике и 15 см глубины, положила туда 4 яйца, закрыла их выброшенной землей, втоптала ее опять в яму при помощи задних ног, и когда углубление было наполнено, стала утаптывать землю, подымаясь как можно выше на ноги и вдруг падая вниз, чем так уравнила то место, что Хуттон не мог бы его найти, если бы все время не наблюдал за ее работой. Окончив свое дело, она сошла с места, но скоро легла на землю, как бы утомившись от работы. Эта работа отняла у нее целых четыре часа.

Семейство
сухопутные
черепахи

При наступлении холодного времени все пленные черепахи стали ленивее, все реже и реже выходили из своих углов и с начала декабря оставались неподвижно на одном месте и не принимали больше пищи. Ни одна из них не пробовала зарыться в землю, как это делают греческие черепахи. Целые два месяца провели они в одном положении, предаваясь ленивому покою, но не впадая в зимнюю спячку. Когда в середине февраля пошел дождь, они появились, поели немного травы, с жадностью выпили большое количество воды, но потом снова удалились в свое зимнее убежище и впали в прежнее состояние. Только с середины апреля, когда началось теплое время года, они начали регулярно появляться в своей загородке большей частью около полудня. Спокойно нежились они под живительными лучами солнца и только вечером возвращались в свое ночное убежище.

«Почти все путешественники XVI и XVII веков, которые общались о своих наблюдениях и открытиях в Индийском и Тихом океанах, — замечает Гюнтер, — упоминают о бесчисленном множестве исполинских черепах, которых они встречали на отдельных или группами расположенных островах. Эти острова, находящиеся между экватором и тропиком Козерога, составляют два замечательных в зоологическом отношении центра. Один из них заключает в себе Галапагосские, или Черепашьи, острова; другой — острова Альдобра, Реюньон, Маврикий, Родригес и Мадагаскар. Обе эти группы сильно отличаются друг от друга, но они имеют то сходство, что на всех них, за исключением Мадагаскара, ко времени открытия не было ни людей, ни других больших млекопитающих. Ни один из упомянутых мореплавателей не указывает, чтобы где-нибудь в другом месте, на островах, как и на материке Индии, водились эти черепахи. Невероятно, чтобы тот или другой путешественник не упомянул бы о подобной встрече, потому что они составляли важную часть их пищи. Путешествия, которые продолжают теперь несколько недель, требовали тогда целых месяцев, на всех кораблях был многочисленный экипаж, но пищей суда были снабжены очень скудно, эти черепахи, которых в несколько дней совершенно легко можно было словить любое количество, были весьма желательной добычей. Их можно было снести в трюм или куда угодно, сохранять целые месяцы без корма, убивать по мере надобности и при этом получать от 40 до 100 кг превосходного мяса: неудивительно, что некоторые суда на острове Маврикий или Галапагосских островах ловили их около 400 штук и увозили с собой. Полнейшая безопасность, которой до сих пор пользовались на своей родине эти беспомощные существа, так же как и их живучесть, которая позволяет многим поколениям жить одновременно, делают нам совершенно понятным необыкновенную многочисленность этих животных».

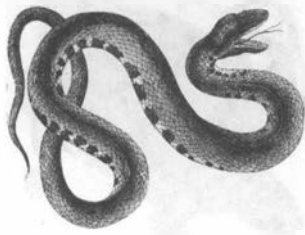
Когда Легуат в 1691 году посетил остров Родригес, эти животные были так обыкновенны, что можно было видеть большие

стада их в 2000 или 3000 штук и прогуляться шагов сто по их спинам. Около 1740 года, как сообщает Грант, суда, шедшие на парусах в Индию, всегда приставали к острову Маврикий, чтобы запастись черепаками, а впоследствии, 20 лет спустя, многие маленькие суда непрерывно занимались тем, что вывозили оттуда тысячи их, главным образом для употребления в больницах. С этого времени, кажется, число их начало сильно уменьшаться; старые были переловлены, молодые уничтожены свиньями, и те и другие оттеснены вследствие увеличивающегося заселения острова, так что уже к началу нашего столетия на многих островах этой группы они были истреблены. В настоящее время уже ни одной такой черепахи не живет ни на острове Маврикий, ни на Родригесе, ни на острове Реюньон. Некоторые, но немногие содержатся в неволе еще на Сейшельских островах и из этих, воспитанных в тесной тюрьме молодых черепах иные убегают на волю и живут самостоятельно. Все эти пленные исполинские черепахи происходят с маленького островка Альдабры, единственного островка Индийского океана, на котором выдерживают еще борьбу за свое существование некоторые, постоянно уменьшающиеся в числе особи этого вида, но и здесь тоже вечно оттесняются все дальше и дальше людьми. Ловцы, которые ежегодно приезжали сюда для охоты, отгораживали известное пространство стенами, чтобы запереть животных до отправления их на Мадагаскар или на Африканский материк. В одной из таких загородок наши наблюдатели нашли 200, а в другой 300 черепах, которых кормили просто травой и листьями. Один гамбургский купец рассказывал Керстену, что в 1847 году на Альдабре 100 человек матросов, т.е. экипаж двух судов, в самое короткое время поймали до 1 200 подобных черепах, между которыми встречались исполины, весившие до 400 кг. В настоящее время на Альдабре трудно найти и сотой доли этого числа более мелких исполинских черепах. Литльтон сообщает, что в 1883 году из Альдабры были перевезены 6 штук исполинских черепах на остров Флэт и там выпущены на волю, чтобы не допустить вымирания этого вида. Они чувствуют себя совсем хорошо на своем новом местожительстве. Живут ли и до сих пор взрослые черепахи на Альдабре — неизвестно, но на Маврикий и Сейшельских островах находятся в неволе еще много старых экземпляров.

То же самое случится, вероятно, и на Галапагосских островах. Ко времени открытия испанцами этих островов они были так густо заселены черепаками, что даже получили от них и свое название. В конце XVII столетия мореплаватели посещали эту группу островов только для того, чтобы запастись водой и черепаками. «Сухопутных черепах, — говорит Дампье в своих путевых заметках, вышедших в 1697 году, — здесь такое множество, что от 500 до 600 человек могли бы в течение месяца питаться только ими одними. Они необыкновенно велики, жирны, и их мясо так

же вкусно, как мясо нежного цыпленка». До первых десятилетий нашего столетия количество их на Черепаших островах, по-видимому, не изменилось существенно. Делано, который с 1800 года часто посещал эти острова, нашел черепах еще во множестве, описал их очень хорошо и привез после шестидесятидневного пути половину из 300 вывезенных черепах на острове Мас-Афуэра, других же два раза привозил в Кантон. Так как эти несчастные животные всю дорогу были не кормлены, следовательно, голодали целый месяц, то многие из них издохли; те же, которые вынесли это суровое испытание, после того, как наелись досыта, успокоились и, по-видимому, примирились с непривычным климатом Мас-Афуэра. Они, вероятно, остались бы живы и, может быть, даже стали плодиться, если бы их не убили, чтобы полакомиться их мясом. Портер встречал этих животных в 1813 году на всех больших Черепаших островах, в более или менее значительном числе, и поймал исполинов в 150—200 кг в общем 500 штук, которые вместе весили свыше 14 тонн. Через 22 года после Портера в 1835 году Галапагосские острова посетил Дарвин. В это время они перешли во владение свободного штата Эквадора и были населены сотней ссыльных, которые, по-видимому, нанесли такой ущерб черепахам, какого не сделали все прежние посетители островов, потому что они вели настоящую разрушительную войну против беззащитных созданий, ловили их и солили их мясо. Вместе с поселенцами явились на островах и свиньи, которые отчасти одичали, так что количество врагов наших черепах значительно увеличилось. То же самое нашел Дарвин почти на всех посещенных им островах. Когда 11 лет спустя военное судно «Herald», посланное с научной целью, остановилось у острова Чарльза, ехавший с ними естествоиспытатель нашел на этом острове многочисленные стада домашних животных, одичалых собак и свиней, но не черепах, за это время они были истреблены. Но они жили еще на острове Чатама. По словам Штейндахнера, в 1872 году на Галапагосских островах не насчитывалось более одного белого и двух черных жителей, которые вели жалкое существование на острове Чарльза; все остальные жители или умерли, или выселились, по словам этих трех людей, черепахи были уничтожены на этом последнем острове, так же как, по Бауру, на Гуде и Баррингтоне. Что совершилось уже на Маскаренских островах, то, наверно, скоро случится и на Галапагосских.

Портер первый обратил внимание на различие черепах, живущих на разных островах группы Галапагос. На острове Портера они отличались необыкновенной величиной, потому что некоторые из них были около 1,5 метра в длину, только на 30 см менее в ширину и в высоту почти в один метр, не говоря уже о еще больших, которых, как говорят, находили моряки*. Панцирь тех черепах, которые живут на острове Джемса, поражает своей хрупкостью и незначительной толщиной. Очень толстый щит

* За последние 300 лет мореплаватели уничтожили более 10 миллионов слоновых черепах.

черепах, живущих на острове Чарльза, сильно удлинена, спинной щит спереди поднят наподобие испанского седла, а окраска черная, т.е. все совершенно противоположно круглым, неуклюжим, цвета черного дерева, черепахам острова Джемса. Наконец, черепахи, происходившие из острова Гуда, были малы и походили на жительниц острова Чарльза. Гюнтер принял в соображение эти данные, но, на основании собственных наблюдений, пришел к заключению, что черепахи Галапагосских островов являются представителями шести различных видов*. По моему мнению, нет необходимости в «Жизни Животных» останавливаться на найденных различиях; я удовольствуюсь только указанием, что, по словам Гюнтера, все исполинские и слоновые черепахи Галапагосской группы отличаются от одинаковых с ними по величине родственных видов Маскаренских островов тем, что у их панциря нет затылочных пластинок и задние края горловых пластинок сзади соединяются и образуют более или менее тупой угол. Этих животных нельзя смешать ни с одной из остальных сухопутных черепах, потому что они отличаются не только своим исполинским ростом, но также и длинной змеиной шеей, высокими ногами, черным цветом щитов, так что их нельзя не узнать.

Описание Портера образа жизни черепах, которых Гюнтер назвал **слоновыми** (*Geochelone elephantopus*), настолько существенно уступает замечательному описанию Дарвина, что я буду возвращаться к Портеру только для пополнения тех или других маленьких пробелов.

«На дороге, — так начинает Дарвин свой рассказ, — я встретил двух больших черепах, из которых каждая весила, по крайней мере, по 100 кг. Одна ела кусок кактуса; когда я подошел ближе, она посмотрела на меня и спокойно пошла дальше, вторая издала тихое шипение и спрятала голову. Огромные пресмыкающиеся, окруженные черной лавой, безлиственными кустами и большими кактусами, показались мне существами допотопными.

Эти животные водятся, вероятно, на всех островах этой группы, по крайней мере на большей части их. Они живут преимущественно на высоко лежащих сырых местах, впрочем, посещают и более низкие — сухие. Некоторые достигают чудовищной величины: Лаузе, англичанин, которому во время нашего пребывания там поручен был надзор над поселением, рассказывал о таких больших черепахах, что требовалось 6—8 человек, чтобы поднять одну из них и что каждая давала до 100 кг мяса. Самцы, которых легко отличить от самок по более длинным хвостам, значительно больше самок.

Те, которые живут на безводных островах или в низких и сухих местах, питаются большей частью сочными кактусами; те же, которые поселились на сырых высотах, едят листья различных деревьев, кисло-вязкие ягоды, называемые гвайявита, и бледно-зеленые лишай, которые висят на извилистых сучьях деревь-

* Почти на каждом из Галапагосских островов обитает свой подвид слоновых черепах, иногда признаваемые некоторыми систематиками самостоятельными видами.

*Семейство
сухопутные
черепахи*

ев. Они любят воду, пьют ее в большом количестве и валяются в тине. Только большие острова имеют источники, которые находятся обыкновенно в середине острова и на значительной высоте. Поэтому, когда живущие в низинах черепахи захотят пить, им приходится совершать немалый путь. Вследствие этого по направлению от источника к морю виднеются ясные, широкие следы; испанцы по этим следам находили источники. Во время моего пребывания на острове Читама я не мог сначала объяснить себе, какие животные так регулярно ходят по раз проложенным тропинкам. У источника мне представилось замечательное зрелище. Я увидел несколько исполинов, одних усердно идущих вверх с длинно вытянутыми шеями, других уже напившихся, возвращающихся назад. Когда черепаха приходит к источнику, она опускает голову в воду до самых глаз, не обращая внимания на могущих случиться зрителей, и жадно пьет, делая глотков 10 в минуту. Туземцы говорили, что каждое животное проводит от 3 до 4 дней близ воды и тогда уж возвращается в низины; но относительно числа таких посещений — они не были согласны между собой. Животное в этом случае, вероятно, руководится качеством той пищи, которую оно ело. Несмотря на это, известно, что черепахи живут и на таких островах, на которых они долгое время должны пользоваться только дождевой водой.

Известно, что мочевой пузырь лягушки служит для хранения необходимой для нее влаги. То же самое, кажется, можно сказать и об этих черепахах. Через несколько дней после посещения источника мочевой пузырь этого животного вследствие накопившейся жидкости был сильно растянут; со временем количество ее уменьшается, причем вода делается менее чистой. Туземцы употребляют это себе в пользу: когда их во время остановок томит жажда, они убивают черепаху, и если пузырь полон, они выпивают содержимое. Я видел одну мертвую черепаху, у которой эта жидкость была совсем светлая и только имела чуть-чуть горьковатый вкус. Кроме того, туземцы пили воду из сердечной сумки, потому что здесь она лучше.

Раз черепахи задумали идти к определенному месту, они идут туда день и ночь и достигают своей цели прежде, чем этого можно было ожидать. По наблюдениям над некоторыми черепахами, туземцы думают, что эти животные могут пройти около 8 миль в 2 или 3 дня. Большая черепаха, которую я наблюдал, ходила со скоростью 60 ярдов в 10 минут, что, за исключением короткого времени для еды, составляет круглым числом 4 английские мили ежедневно». Их шаги, как замечает Портер, медленны, неравномерны и тяжелы; во время хода она держит свое тело приблизительно на 30 см от земли.

«На время размножения, когда оба пола соединяются, — продолжает Дарвин, — самец испускает хриплое мычанье или бляенье, которое слышно более чем за 100 шагов. Самка никогда

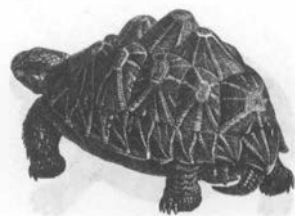
не пользуется своим голосом, а самец — только во время совокупления, так что люди, когда слышат крик черепахи, знают, что оба пола спарились. Самки кладут яйца в октябре. Там, где почва песчаная, они вырывают ямы, кладут туда вместе все яйца и закрывают песком, на каменистом грунте они кладут свои яйца наудачу в какую-нибудь яму. Биное нашел 7 штук их, лежащих рядком в одной расщелине. Яйца белы и круглы; одно, которое я измерил, было 18 см в обхвате». Портер замечает относительно размножения, что самка, вероятно, только для кладки яиц спускается с гор в долины. Между теми, которых он взял с собой, нашлось только три самца, да и те были найдены невдалеке от горы. Самки несли уже готовые яйца, числом от 10 до 14, которые они, очевидно, хотели положить в песчаных долинах.

«Днем, — так сообщает Портер о своих наблюдениях, — черепахи поразительно осторожны и пугливы, отчего и происходит, что они при малейшем движении какого-нибудь предмета прячут голову и шею под щит; ночью же они кажутся совсем слепыми, а также и глухими. Сильнейший шум, даже выстрел, несколько их не беспокоит и не производит на них никакого впечатления».

Дарвин подтверждает эти показания: «Туземцы думают, что эти животные совсем глухи: по крайней мере, известно, что они не слышат того, кто идет сзади их. Меня всегда забавляло перегонять одно из этих громадных животных, которое спокойно шло вперед, и видеть в ту самую минуту, когда я его обгонял, как оно прятало голову и шею, испускало глухое шипенье и с громким шумом припадало к земле, как бы мертвое. Я часто садился им на спину; когда я ударял их несколько раз в заднюю часть щита, они вставали и шли дальше; однако я находил, что трудно, сидя у них на спине, сохранить равновесие».

«Ни одно животное не доставляет более здорового, сладкого и вкусного мяса, чем эти черепахи», — уверяет Портер, и Дарвин не возражает против этого. «Мясо, — говорит он, — как свежее, так и соленое, употребляют в различных видах в пищу, а из сала готовится прекрасное светлое масло. Когда поймают черепаху, разрезают кожу около хвоста, чтобы видеть, есть ли у нее под спинным щитом слой жира. Если этого нет, то животное отпускается на волю, и оно скоро оправляется от своей раны. Чтобы удержать черепаху на месте, недостаточно бросить ее на спину, так как она легко может принять свое обыкновенное положение. Только что вылупившиеся черепахи в большом количестве становятся добычей хищных птиц из рода сарычей. Старые, кажется, умирают большей частью насильственной смертью или погибают, падая с обрыва. По крайней мере жители рассказывали мне, что, кроме вышеупомянутых случаев, они никогда не находили мертвых черепах».

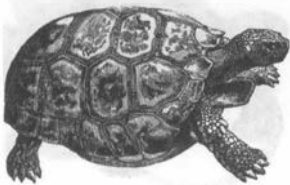
Различные мореплаватели уверяли Портера, что слоновые черепахи, пойманные ими и посаженные на судно, 18 месяцев

Семейство сухопутные черепахи

* Излюбленным лакомством слоновых черепах в зоопарках становятся помидоры. Привыкнув к ним, они проявляют пищевую реакцию на любой красный предмет сходных размеров.

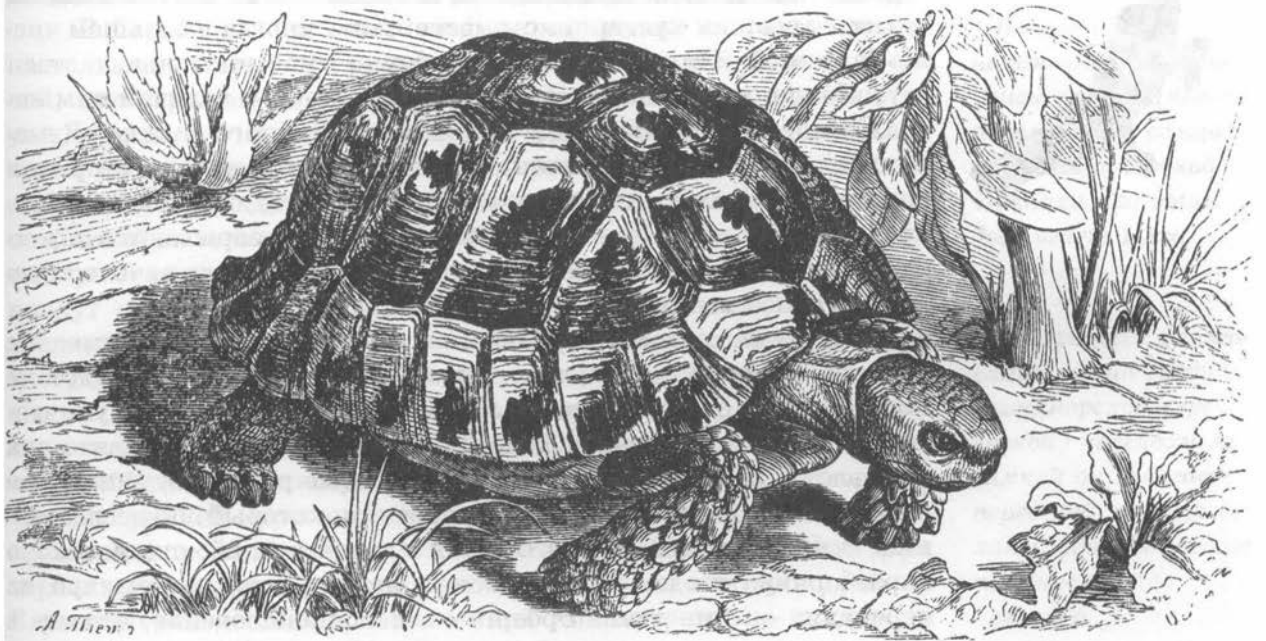
** Для сохранения слоновых черепах разработаны методы искусственного осеменения самок.

находились без пищи, и когда их закололи, то нашли, что здоровье их нисколько не пострадало, и они не потеряли своего жира. Они переносили без вреда и другие неудобства жизни. Слоновая черепаха, которая служила моделью нашему художнику, раньше, чем доехала до Берлина, уже много лет прожила в неволе и, наконец, служила колодой для рубки. Рассерженные ее постоянными набегами, слуги ее владельца, которым беспрестанно приходилось ловить стремящееся на волю животное, наконец, засадили ее между вколоченными столбами, а ее спинной щит стали употреблять для рубки дров. Благодаря той легкости, с которой эти исполинские животные переносят долгие путешествия морем, их нередко привозят в Европу, и лет 25 тому назад зачастую можно было их видеть в зоологических садах и зверинцах. Я сам многих воспитал и многих наблюдал. Их содержание не представляет никаких трудностей, надзор за ними не труднее, чем за другими сухопутными черепахами. Зимой их держали в сильно нагретом помещении и кормили растительной пищей всякого рода; летом их выводили на траву, давали им на всякий случай достаточное количество капусты и картофеля и предоставляли им пастись по их усмотрению*. Это они делали, откусывая или отрывая большие охапки травы, разжевывая, размягчали их и, наконец, проглатывали, часто давась при этом. Я остался в сомнении, отличают ли они своего воспитателя от остальных людей или нет; иногда мне казалось, что да, иногда же они относились к нему, как ко всякому другому. По крайней мере, к людям вообще они привыкали, переставали шипеть и бояться, выходили без ударов палками, позволяли на себя садиться и возили всадника равнодушно, но, конечно, всегда очень медленно. В настоящее время в самых богатых зоологических садах можно видеть черепах этого вида, а через несколько лет это уже будет невозможно, если только немногие, живущие в Европе пленники благодаря своей долговечности не переживут своих сородичей**. По словам Гюнтера, 80-летний самец слоновой черепахи Лондонского зоологического сада весил 345 кг. В 1888 году североамериканский военный пароход «Альбатрос» посетил Галапагосские острова, и Доу мог убедиться, что некоторые из видов сухопутных черепах водятся еще в большом количестве. В заметках 1889 года Баур считает два из шести видов слоновых черепах на Галапагосских островах совсем исчезнувшими. Вашингтонский зоологический сад обладает еще тремя видами живых черепах.

Европейским представителем рода наземных черепах обыкновенно считают средиземноморскую черепаху (*Testudo graeca*). Щит ее вообще овальный и довольно выпуклый, сзади немного расширяется и более круто спускается, нежели спереди; плоский у самок и несколько вогнутый у самцов грудной щит спереди срезан, сзади с глубоким вырезом. Хребтные щитки слабо изогнуты, три средние шестиугольные, передний и задний — пяти-

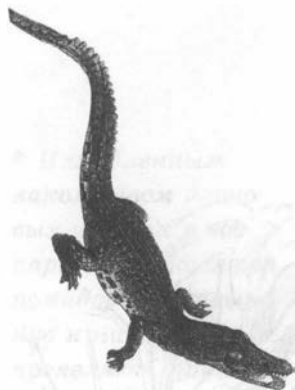
угольные, оба средних боковых щитка почти вдвое больше в ширину, чем в длину, с неясно очерченными пятью углами, т.е. представляют собой четырехугольники с ломаной внутренней стороной; передний средний щиток пятиугольный с дугообразным нижним краем, задний неправильно четырехугольный. Между 25 краевыми щитками затылочный щиток самый маленький, последний, выдающийся назад и спускающийся к хвосту, — самый большой и в середине разделен глубокой продольной бороздкой на две половины; остальные имеют различную неправильно пятиугольную форму. У более молодых животных середина каждого щитка зернистая, у старых гладкая и окруженная ясными по-

лосами, указывающими на постепенный рост пластинок. Довольно неуклюжая голова заметно толще, чем шея, рыльце спереди тупо срезано, но глаза сравнительно велики, уши, расположенные около глаз, тоже довольно большие, верхняя и боковая часть морды покрыта большим круглым надлобным, меньшим лобным и очень большим длинным височным щитами. Остальная часть головы прикрыта сверху маленькими неправильными щитками. Каждый щиток спинного панциря в середине черен, а с краев окаймлен желтым и черным. По брюшному щиту пробегает широкая неправильная продольная полоса желтоватого цвета. Бока тоже кажутся желтыми, остальная часть панциря черная. Голова, шея и конечности грязновато желто-зеленого цвета. Окраска подвергается частым изменениям, даже число когтей на передних ногах может у отдельных особей уменьшаться до четырех. Также может на одной передней ноге быть 4, на другой 5 когтей. Самки отличаются от самцов меньшим ростом и более коротким,

Средиземноморская
черепаха
(*Testudo graeca*)

*Семейство
сухопутные
черепахи*

утолщенным у корня хвостом, молодые черепахи от старых — более короткой формой панциря. Длина панциря достигает 14, самое большое 16 см, масса редко более 0,5 кг.

Первоначальным отечеством этой черепахи можно считать страны, лежащие на север от Средиземного моря, а также они часто попадают в Сирию. По всем указаниям и предположениям, она как очень распространенное животное, встречается в Греции, на греческих островах, в Далмации и Турции, в Дунайской низменности, в южной Италии и, наконец, на островах Корсике, Сардинии, Сицилии и Балеарских. По Шрейберу, эта черепаха задолго до нашего времени была введена монахами во многие страны, как домашнее животное, а потом одичала. Она живет в сухих, заросших кустарником местностях, иногда в большом числе. В южной Италии и Греции особенно многочисленна.

Тепло она любит чрезвычайно и поэтому с величайшим наслаждением часами греется в лучах полуденного солнца. Думериль находил их в Сицилии, где они часто лежат по сторонам дороги и настолько нагреваются солнцем, что он не мог дотронуться рукой до их щита. Зимой они глубоко зарываются в землю и здесь спят в продолжение холодного времени, в начале апреля они снова выходят на свет Божий.

Пища ее состоит из различных растений и плодов, вместе с тем она пожирает и улиток, червей и насекомых и вследствие этого в своем отечестве часто содержится в садах, чтобы уничтожать вредных животных, дело, впрочем, кончается тем, что она обрывает или мнет самые лучшие и сочные растения. В отличие от одного ее сородича, живущего в Греции, который, по исследованию Эрбера, питается строго растительной пищей, она довольно неразборчива в еде. «Что особенно мешало мне любить суп из черепахи, — пишет мне Эрбер, — это мое наблюдение, что она с удовольствием ела человеческие испражнения. Я видал большие сборища их, привлеченные этим отвратительным запахом». В неволе они едят овощи, салат, хлеб, размоченный в молоке или воде, мучных и дождевых червей, так же как и сырое мясо, чувствуют себя при этой пище превосходно, если только они сохранены от стужи, и могут пережить много человеческих поколений: так, Чуди сообщает об одной черепахе, которая прожила около 100 лет в имении близ Альтдорфа в кантоне Ури. «Одна сухопутная черепаха, — рассказывает Уайт, — прожила у одного из моих друзей около 40 лет в загороженном месте и потом перешла в мое владение; каждый год она к середине ноября зарывается в землю и появляется снова в середине апреля. При своем пробуждении весной она мало проявляет жадности, позднее, среди лета, она ест очень много, к осени опять меньше, а за несколько недель до зарывания не ест совсем ничего. Ее любимую пищу составляют растения с млечным соком. Когда она осенью роет свою нору, она скребет землю передними лапами замечательно медленно и

обдуманно, а задними откидывает ее далеко от себя. Проливных дождей она боится, в сырую погоду она прячется целый день. В хорошую погоду летом она засыпает в 4 часа пополудни, а утром встает довольно поздно. При страшной жаре она иногда ищет тени, но обыкновенно с удовольствием нежится на солнце». Рейхенбах заметил, что пленные черепахи этого вида, которых он содержал в Дрезденском ботаническом саду, далеко путешествовали, но всегда придерживались той же дороги, и, если становилось прохладнее или солнце не показывалось, он находил их под одним и тем же широколистным растением. Осенью они зарывались, весной появлялись на свет, как только показывались сложноцветные растения, листьями которых они питаются.

В Сардинии, где зима хотя и умеренная, но тем не менее настолько сурова, что черепахи должны искать убежища под землей, они зарываются, по словам Четти, в ноябре и появляются уже в феврале*. В первые весенние дни происходит и случка, во время которой слышатся довольно громкие крики**. В мае или июне они уже кладут свои 8—15 яичек, круглых, белых, с твердой скорлупой и величиной с небольшой орех. Для кладки яиц они выбирают самое солнечное место, вырывают задними ногами яму, кладут туда яйца, покрывают их старательно землей и предоставляют дальнейшую заботу о своем потомстве солнышку. При наступлении первых сентябрьских дождей вылупляются молодые черепахи, по величине похожие на половину грецкого ореха, — самые милые создания в свете. Когда их оставляют на полной свободе, они легко уживаются в северных странах, плодятся или по крайней мере совокупляются. Так, по словам Зюндеваля, один работник из Кольмара, в юго-восточной Швеции, нашел двух черепах этого вида, ушедших из неволи и уже совокупившихся. В равномерно и сильно натопленной комнате они не впадают в зимнюю спячку, но, по исследованию Фишера, живут на так долго, как те, которые пользуются покоем зимой.

Все любители, которые долгое время содержали черепаху в неволе, уверяют, что они привыкают к своему воспитателю, точно так же видно из наблюдений Дюмериля, что эти черепахи могут раздражаться. «Раз мы видели, — говорит этот наблюдатель, — как два самца с невероятным упорством сражались из-за самки. Они кусали друг друга в шею, старались повалить один другого, и бой кончился не ранее, как когда один из соперников оказался побежденным, т.е. неспособным к сражению». Заметили, что случка этих беспомощных животных совершается после многих напрасных попыток.

В Сицилии и вообще в Италии этих черепах постоянно приносят на рынок, потому что мясо их всюду употребляется в пищу, и особенно ценится приготовляемый из них суп.

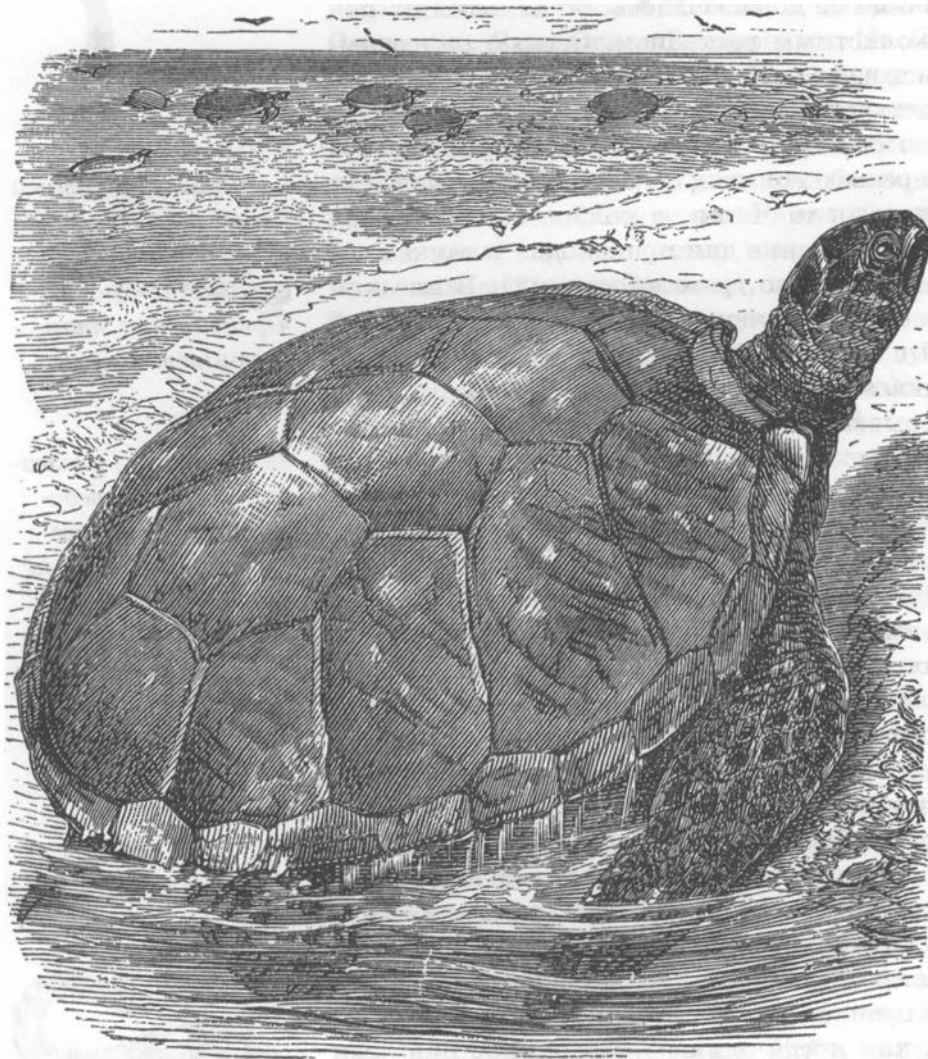
* Весной самцы начинают активный поиск самок. Дневное перемещение самца средиземноморской черепахи при этом достигает 1 км.

** В процессе ухаживания самца средиземноморской (греческой) черепахи за самкой он забегаёт перед ней, кусает ее лапы, ударяет своим панцирем по ее панцирю.

СЕМЕЙСТВО
МОРСКИЕ ЧЕРЕПАХИ (Chelonidae)

От остальных представителей отряда морские черепахи отличаются превращенными в лапы ногами, из которых передние значительно длиннее задних, и покрытым роговыми пластинками панцирем. Каждая нога образует длинный, широкий и сплюснутый ласт, который, как указывает Ваглер, представляет большое сходство с ластами тюленей.

Пальцы одеты общей кожей и поэтому неподвижны и по большей части лишены ногтей; только первый или два первых пальца каждой ноги имеют острые ногти. Кроме того, морские черепахи отличаются сердцевидным, спереди округло выемчатым, сзади заостренным, мало выпуклым, не вполне окостеневшим к концу ребер спинным щитом, в который шея и голова могут втягиваться не вполне, а конечности вовсе не могут втягиваться. Отдельные части брюшного щита не образуют сплошного панциря, а соединены между собой хрящом. Чешуйки и

Зеленая, или суповая, черепаха
(*Chelonia mydas*)

щитки, покрывающие панцирь, имеют своеобразное строение. Шея короткая, толстая, морщинистая; голова короткая, толстая, четырехгранная; челюсти голые и одеты острыми роговыми чехлами, которые иногда зазубрены на краю; верхняя челюсть вполне обхватывает нижнюю и на конце загибается в виде крючка. Глаза большие, выдающиеся; ноздри очень маленькие, покров головы и ног состоит из своеобразных щитков;

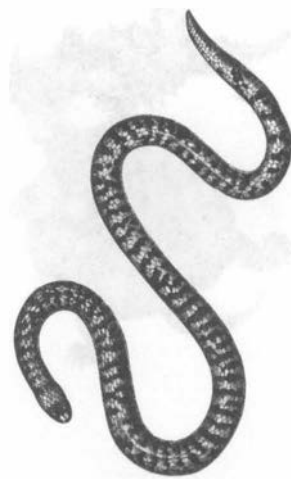
хвост короткий, тупой и одет чешуйками. Суставы пальцев лишены суставных головок.

Зеленая, или суповая, черепаха (*Chelonia mydas*) очень большое животное, длина панциря которого равна 1,1 м, а масса 450 кг, отличается не загнутым впереди крючкообразно и вытянутым вперед, а притупленным, острым, мелкозубчатым покровом верхней челюсти, пластинками спинного панциря, лежащими рядом, а не прикрывающими друг друга и одной только парой щитков между ноздрями и лобным щитком. Передние конечности имеют обычно лишь по одному когтю. Все остальные признаки представляют столь многочисленные видоизменения, что подало повод к установлению около десяти различных видов. Очень непостоянный цвет верхней стороны часто бывает бледный буровато-зеленый с желтоватыми пятнами или мраморными рисунками, цвет нижней стороны желто- или грязно-белый.

Зеленая черепаха живет во всех морях жаркого пояса и, по-видимому, обыкновенна здесь повсюду. В Средиземное море, где ее заменяет другая морская черепаха, она попадает лишь случайно, заблудившись. Ее наблюдали от Азорских островов до мыса Доброй Надежды, вдоль всего африканского берега и у всех островов, принадлежащих этой части света, у Атлантического берега Америки от 34 градуса северной широты до устья Лаплаты, в Тихом океане от Перу до Калифорнии и Галапагосских островов и, наконец, в Индийском океане и относящихся к нему морях и проливах от Маскаренских островов и Мозамбикского пролива до Красного моря включительно, у всех берегов Ост-Индии, у Зондских и Филиппинских островов, и, наконец, у берегов Австралии. Отдельные заблудившиеся экземпляры были пойманы также у северо-восточного берега Америки и у берегов Европы.

Зеленые черепахи, подобно своим родичам, настоящие морские животные. Они держатся преимущественно поблизости от берега, не слишком редко встречаются перед устьями или в устьях больших рек, но часто попадают также очень далеко от берегов, иногда среди открытого моря*. Здесь можно видеть, как они плавают около поверхности воды, иногда лежат на ней и, по-видимому, спят, но при самой ничтожной тревоге тотчас исчезают в глубине. «Сухопутные черепахи, — говорит Ласепед, — издавна считались воплощением медленности, морских черепах можно назвать воплощенной осторожностью». Действительно, все рассказы согласны между собой в том отношении, что эти животные, пока они бодрствуют и не приведены в состояние самозабвения овладевшим ими возбуждением, боязливо избегают человека; но едва ли мы вправе приписывать им более высокие способности, чем остальным представителям того же отряда. Их пугает не враг, которого они узнали, а необыкновенный предмет. В этом выражается, правда, некоторая понятливость, но, конечно, очень

Семейство морские черепахи

* Американский герпетолог (специалист по пресмыкающимся) А. Карр методом мечения зеленых (суповых) черепах установил, что они могут проплывать около 2600 км для того, чтобы отложить яйца на песчаном берегу острова Вознесения. Он считает, что черепахи ориентируются при этом по солнцу и запаху морских течений.

Семейство морские черепахи

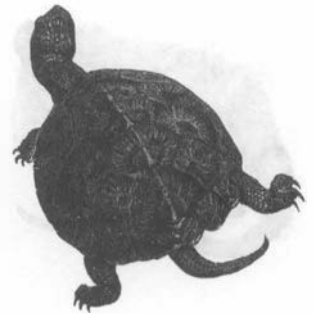
незначительная и, во всяком случае, не большая, чем у других черепах. Душевные способности их так же ничтожны, как значительны телесные. Говорят, что они могут ползти по земле, неся на спине столько людей, сколько может поместиться на их спинном щите, но свою настоящую подвижность они обнаруживают лишь в воде. Когда они плывут, движения их напоминают полет больших хищных птиц, например орлов. Они плавают изумительно, и их движения отличаются в равной степени силой и быстротой, неизменной выносливостью и красотой, они одинаково отлично ныряют и неподвижно держатся в воде на различной глубине и принимают в воде всевозможные положения, то более, то менее уклоняясь от горизонтального. Там, где они обыкновенны, можно иногда видеть целые стада их, и вообще они, по-видимому, очень общительны. «Так как они, — говорит Ласепед, — всегда находят достаточно пищи у тех берегов, где держатся, то они никогда не ссорятся между собой из-за пищи, которую имеют в избытке. Кроме того, они, подобно всем пресмыкающимся, могут поститься месяцами, даже по целому году, поэтому среди них царствует вечный мир. Они не ищут друг друга, но часто сходятся и добровольно остаются вместе. Они не собираются воинственными толпами, чтобы легче овладеть трудно добываемой добычей, а просто одинаковое побуждение ведет их к одному и тому же месту, и одинаковый образ жизни держит в порядке их стада. Своих привычек они держатся так же крепко, как крепко их панцирь. К окружающему миру они относятся пассивно, и страсти их никогда не бывают очень сильными. Они осторожны, но не храбры, редко защищаются активно, а всегда стремятся как можно более и как можно скорее добиться безопасности; для достижения этой цели они напрягают все свои силы». Я полагаю, что с этим описанием можно согласиться, другими словами, что оно в общих чертах верно. Общительность и миролюбие — выдающиеся качества многих черепах, но особенно морских.

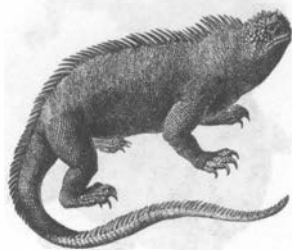
В отличие от родственной ей биссы, которая представляет записного хищника, зеленая черепаха поедает морские растения, особенно водоросли, и там, где она обыкновенна, присутствие ее выдают откушенные ею части этих растений, плавающие на поверхности моря. Так говорит, согласно почти со всеми авторами, Гольбрук и прибавляет, подтверждая слова Одюбона, что она предпочитает всем другим водорослям нежнейшие части морского растения взморника (*Zostera marina*), которое даже называют черепашьей травой. Он замечает, что пойманных черепах кормят исключительно растительными веществами, а именно портулаком. Найдт рассказывает, что ее очень часто находят в береговых озерах, многочисленных на берегу Флориды, где она питается растущей там водяной травой. Наевшись досыта, они свертывают большие массы водяной травы, которую отгрызают своими острыми роговыми челюстями, и склеивают их глинистым илом, на

котором эти растения растут, в комки, часто величиной с голову. Когда наступает прилив, вода уносит эти комки и животные следуют за ними, чтобы питаться ими позднее. Найдя такие комки в прибрежных озерах, рыбаки хорошо знают, что там есть черепахи; они тотчас же забрасывают сети и ловят животных в большом числе.

В известное время самки зеленых черепах оставляют открытое море и плывут к определенным, привычным местам, чтобы откладывать там яйца. Они избирают для этого песчаные места берега необитаемых островов или места на морском берегу, удаленные от людского движения, и всегда отыскивают одно и то же место, если не в течение всей своей жизни, то, по крайней мере, известной части ее, даже если им приходится для этого перекочевать на расстояние сотен морских миль. Самцы, по словам Дампфера, следуют в этом путешествии за своими самками, но не выходят во время кладки на берег, а остаются поблизости в море. Перед этим происходит спаривание, которое, по Кэтсби, длится более 14 дней. Вилльмон говорит, что самец во время совокупления сидит на спине самки и как бы едет на ней верхом. Это наблюдение, по видимому, соответствует истине. Обе черепахи, а особенно самец, совершенно забывают, говорят, во время спаривания свою обычную осторожность. «Я поймал, — уверяет Дампфер, — самца во время совокупления. Они тогда вовсе небоязливы и их легко добыть. При виде лодки самка хотела скрыться, но самец крепко держал ее обоими передними лапами. Если желаешь добыть спаривающихся черепах, то надо только убить самку, самца тогда, наверное, можно поймать». Сколько времени проходит после совокупления до того, когда первые яйца созревают и могут быть отложены, — неизвестно. Приблизившись к берегу, черепаха дожидается времени кладки и затем с большой осторожностью выходит вечером на сушу. Уже днем, по наблюдениям принца фон Вида, можно видеть, как она плавает недалеко от берега, причем высывает из воды только толстую круглую голову, а спинной панцирь достигает лишь поверхности воды. При этом она самым тщательным образом исследует редко посещаемые берега. Одюбон, который наблюдал ее из скрытого места, уверяет, что прежде, чем выйти на сушу, она принимает еще особые меры предосторожности, именно издает свистящий звук, как будто желая прогнать скрытого врага. Самый ничтожный шум заставляет ее мгновенно погружаться в глубину моря и искать другого места. Сент-Пьер уверяет даже, что судно, простоявшее на якорю несколько часов около острова, где черепахи откладывают яйца, на целые дни прогоняет этих осторожных животных от острова, а пушечный выстрел так пугает их, что они снова показываются у берегов лишь по прошествии недели. Если все спокойно, черепаха медленно приближается, наконец, к берегу, выползает на сушу и, высоко подняв голову, передвигается на расстояние до 30 или 40 шагов от черты

прилива, еще раз озирается и начинает затем класть яйца. Принц фон Вид наблюдал ее в это время и сообщает нам следующее: «Наше присутствие не помешало ей заниматься своим делом. Можно было трогать ее, даже поднимать (для чего было нужно четыре человека); при громких знаках нашего изумления и рассуждениях, что с ней делать, она не обнаруживала иных признаков беспокойства, как шипение, какое издают гуси, если приближаться к их гнезду. Она медленно продолжала своими ластообразными задними ногами раз начатую работу, вырывая прямо под заднепроходным отверстием цилиндрическую ямку около 25 см ширины в песчаной почве, чрезвычайно ловко и правильно и даже до известной степени в такт выбрасывала по обеим сторонам тела выкопанную землю и тотчас вслед за тем стала класть яйца. Один из наших двух солдат вытянулся во всю длину на земле рядом с черепахой, доставлявшей запас для нашей кухни, запустил руку в глубину ямки и стал выбрасывать яйца по мере того, как черепаха клала их. Таким образом, в течение приблизительно 10 минут мы собрали до 100 яиц. Мы стали рассуждать, не будет ли целесообразным присоединить это прекрасное животное к нашим коллекциям, однако большой вес черепахи, для которой пришлось бы назначить особого мула, а также и трудность укрепить эту неуклюжую ношу, заставили нас даровать ей жизнь и ограничиться данью, которую она уплатила нам яйцами. Возвратившись через несколько часов на берег, мы не нашли ее более. Она закрыла свою ямку, и широкий след по песку показывал, что она уползла обратно в свою стихию».

В своих «Материалах к естественной истории Бразилии» принц фон Вид прибавляет к сказанному следующее: «Я знаю по опыту, что эти животные во время бразильского лета, в декабре, январе и феврале, во множестве приближаются к берегам, чтобы зарывать там свои яйца. В этом отношении все морские черепахи сходны между собой, и рассказ о том, как они делают это, чему я был очевидцем, относится ко всем этим животным, родственным между собой по строению и образу жизни. Для кладки яиц в тех местностях, которые я объехал, всего благоприятнее ненаселенные пространства на протяжении 18 миль, находящиеся между устьями Рио-Доси и реки Св. Матвея, далее местности между только что названной рекой и Мукури, а также несколько других мест на берегах, не окаймленных высокими крутыми утесами, о которые разбиваются морские волны. В период кладки путешественник часто находит на прибрежном песке места, где две параллельные бороздки указывают путь, которого держались черепахи, выйдя на сушу. Бороздки эти – следы, оставленные четырьмя ластообразными ногами животного; между ними заметна широкая полоса, вдавленная нижним панцирем тяжелого животного. Идя по этому следу шагов 30—40 вверх по песчаному берегу, можно найти большое, тяжелое животное, которое непод-

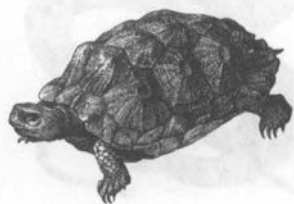
вижно лежит в плоской, мало углубленной котлообразной ямке, происшедшей от кругового движения тела, наполовину спрятав в нее тело. Когда все яйца отложены, как было описано, животное наскребает с обеих сторон песок, плотно прижимает его и отправляется так же медленно, как пришло, по тому же следу обратно в свою стихию».

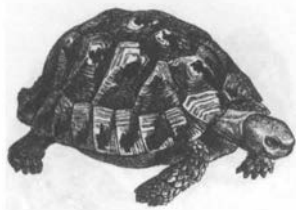
Теннент в противоположность этому узнал, что у берегов Цейлона, где этот вид особенно посещает остров Рамесварам и соседние мелкие острова, лежащие между Цейлоном и южной Индией, наблюдали известную хитрость у черепах, кладущих яйца. Они стараются, говорят, скрыть свое гнездо, описывая по берегу обширную дугу и возвращаясь в море в совершенно ином месте, чем вышли из него. Сингалезцы принуждены поэтому обыскивать весь след, исследуя почву палкой, так как они никогда не могут сразу узнать, где находится гнездо.

По-видимому, первая кладка не исчерпывает запаса оплодотворенных яиц самки, напротив, по истечении известного времени, она, по-видимому, снова является на то же место, чтобы опять доверить такое же число созревших яиц земле, которая матерински хранит их; все число яиц взрослой самки может поэтому достигать до 300, быть может, 400. Старые и новые авторы, имевшие случай наблюдать зеленых черепах там, где они кладут яйца, собирать здесь, на их родине, сведения о них, единогласно утверждают, что эти животные появляются на местах размножения ежегодно от двух до пяти раз, и именно через промежутки в 14—15 дней, и каждый раз кладут по 75—200 яиц. Возвращение определенных самок на места кладки могло быть установлено с уверенностью. На островах Тортуга, одном из главных мест размножения черепах в Вест-Индии, были, по словам Стробеля, пойманы и помечены различные черепахи; затем их отвезли в Кэй-Вест и заперли в загородку. Буря разрушила изгородь и освободила пленников. Несколько дней спустя они были пойманы на том же месте и при таких же обстоятельствах, как и первый раз. Напротив, Крюммель рассказывает о черепахах, появляющихся на острове Вознесения. «Не раз пытались в последние 50 лет отметить некоторых, прикрепляя к их спинному щиту медную пластинку, но никогда не случилось еще снова видеть такое животное».

В зависимости от местности время кладки различно. В Малаккском проливе оно приходится в те же месяцы, как в Бразилии, на островах Тортуга и Бермудских на время от апреля до июня, напротив, на Золотом берегу, по Лойеру, на время между сентябрем и январем; других указаний я не нахожу. Развитие яиц длится приблизительно 6—10 недель, немного более или менее, смотря по температуре места, например на острове Вознесения, как узнал там Крюммель, 9—10 недель.

На островах Зеленого Мыса молодые черепахи выходят из яйца, как говорят, уже на тринадцатый день после кладки; это

указание, наверное, основано на неточных наблюдениях. Они тотчас ползут к морю, но сначала не умеют нырять и многие из них становятся добычей чаек, цапель, хищных птиц и хищных рыб. Некоторые естествоиспытатели полагают, что рост их идет очень быстро, однако это мнение не согласуется с наблюдениями, произведенными над болотными черепахами, и, во всяком случае, рассказ Вилльмона, будто бы один туземец на Сан-Доминго держал черепаху в неволе и она за один месяц выросла на фут, не заслуживает никакой веры.

Во время кладки яиц зеленые черепахи, которых в остальное время никто не трогает, подвергаются большой опасности. Большие хищники и люди овладевают теперь беззащитными существами. Дикие собаки нападают на них, но, несмотря на производимые ими опустошения, эти собаки не могут считаться самыми опасными врагами морских черепах. Хуже их свирепствует человек, и притом белые действуют не менее бессовестно, чем краснокожие. Лишь в немногих местах охота на этих ценных животных ведется разумным и приличным образом. У берегов Гвианы выставляют широкоячейные сети, которые поддерживаются в верхних слоях воды с помощью поплавков, время от времени их осматривают и вынимают запутавшихся в петлях морских черепах. В Средиземном море охота на родственный вид, биссу, производится и теперь еще таким же образом, как в древности. Лодка, которая при полном штиле медленно скользит по голубой воде моря с помощью тихих ударов веслами, по словам Эргардта, довольно часто наталкивается, в нескольких морских милях от ближайшего острова, на спящую на поверхности морскую черепаху, которая издали похожа на опрокинутый челнок. Если к ней можно приблизиться прежде, чем она проснется, то опытные рыбаки схватывают ее за ногу, быстрым движением легко поворачивают на спину и тем приводят в беспомощное состояние, но и теперь остерегаются подвергнуться укушению животного, так как оно свободно перерезает палки толщиной в 2 см. Однако часто слух ее оказывается слишком тонким, чтобы не заметить опасность, и, проснувшись вовремя, она перед глазами обманутого врага медленно, почти без движения, погружается в голубую глубину, «где она еще в течение нескольких минут видна глазу человека, под конец, как зеленая гаснущая звезда».

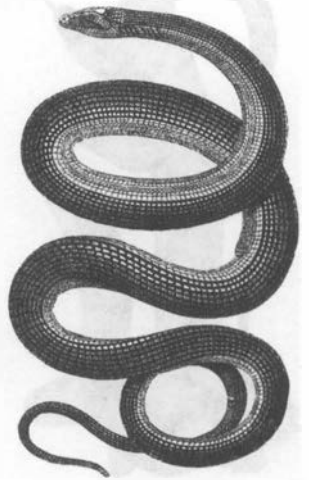
Один способ ловли, применяемый туземцами островов Тихого океана, о котором рассказывал уже лорд Ансон, правда, не встречая полного доверия, в новейшее время следующим образом описывается миссионером Уайтом Джилем, который ознакомился с ним в Торресовом проливе. «Заметив спящую черепаху, туземцы очень тихо гребут к животному; один из них, обвязав тело веревкой, прыгает на спину ничего не подозревающей жертве. Конечно, ловец вместе с черепахой тотчас устремляются на дно, что несколько его не беспокоит; между тем он выворачивает и погибает на

спину передние конечности животного и крепко держится за них, пока его не вытащат вместе с черепахой в лодку». Тот же автор рассказывает о подобном способе ловли, который правильно применяется на острове Пенрин. «Если царствует полный штиль и поверхность моря похожа на зеркало, островитяне выезжают с наступлением дня на своих челнах. Длинным рядом тянутся они и напрягают зрение, чтобы заметить на коралловом грунте черепаху. От времени до времени над поверхностью воды раздается крик: «Вон плывет черепаха». Лодки быстро образуют круг над своей жертвой, причем туземцы сильно стучат по бортам судов, чтобы, как они полагают, сбить черепаху с толку. Когда они думают, что достигли своей цели, один из них, с веревкой под мышками, ныряет на дно, чтобы захватить черепаху. Другие следуют за ним, чтобы окружить добычу и помочь ловцу, главная задача которого заключается в том, чтобы удерживать ноги сильного животного и дать возможность вытащить обоих на поверхность. Иногда товарищи, чтобы помочь ловцу, схватывают его за волосы и тащат вверх. Две или три черепахи считаются хорошей дневной добычей».

Что на островах в Торресовом проливе для ловли морских черепах употребляют прилипало, присасывающуюся рыбу из рода *Echeneis*, и дают рыбам этого вида, привязанным к веревкам, присасываться к черепахам, утверждает Гаддон, а Склатер и Линг Рот констатируют тот же способ ловли для Занзибара и Кубы.

Безлюдные, дикие берега Бразилии, на которые обычно выходят черепахи, лишь редко посещаются путешественниками, но во время кладки яиц сюда сходятся все индейцы, живущие поблизости. «Эти индейцы, — говорит принц фон Вид, — самые жестокие враги черепах; они ежедневно находят по нескольку животных этого вида, которые намереваются класть яйца, и тотчас убивают их, так как эти тяжелые медленные создания настолько же беспомощны на суше, насколько они ловки в воде. Поэтому печальные пустынные берега, покрытые лишь песком, а дальше в глубь страны темными девственными лесами, омываемые бурными волнами океана, представляют всюду картину разрушения и гибели всего живого; всюду лежат во множестве черепа, панцири, целые скелеты этих животных, истребляемых именно в период их размножения; скелеты эти очищены грифами от последних остатков мяса. Индейцы убивают морских черепах ради жира, заключающегося в их мясе, варят его и собирают многочисленные яйца, находящиеся в песке или в теле животных, в большие корзины, чтобы съесть их дома. В это время собирания черепаших яиц можно часто встретить на этом берегу семейства индейцев, нагруженные названными сокровищами; они строят себе также хижины из пальмовых листьев, чтобы поселиться у берега на несколько дней или недель и ежедневно заниматься собиранием».

Подобным образом преследуют этих полезных животных на всех берегах, которые они посещают для того, чтобы класть

яйца. Тем не менее очень значительное размножение зеленых черепах покрывало бы все потери, происходящие от ловли старых самок, если бы довольствовались самими самками и не грабили места кладки, истребляя тысячи и сотни тысяч яиц. Неосмотрительное истребление яиц грозит этому виду большой опасностью, но об этом не думает грубый эгоистичный охотник. С приближением времени кладки яиц этих животных сюда сходится всякий сброд, чтобы собрать, возможно, обильную и ценную добычу. Охотники осторожно приближаются в маленьких лодках к берегу ненаселенных островов или подходят с суши к местам кладок на населенных берегах, прячутся поблизости и тихо ждут, пока боязливые животные выползут на сушу и достаточно удалятся от воды. Если охотники поднимутся слишком рано, то черепахи тотчас спешат к морю, и если берег несколько наклонный, то им часто удается спастись, быстро поворачивая обратно и скользя вниз по песку. Если охотники поспевают вовремя, то они обеспечивают себе добычу, переворачивая черепах на спину. Ни одна морская черепаха не может освободиться из этого положения, хотя и бьет бешено своими лапами вокруг себя и по панцирю, и с течением времени до такой степени измучивается, что ее глаза наливаются кровью и сильно выступают из орбит. Не слишком редко случается, что ловцы по жестокости переворачивают больше черепах, чем им нужно, и оставляют некоторых из них лежать в беспомощном положении и погибать голодной смертью. Очень больших и тяжелых черепах переворачивают рычагами, многих ловят сетями, других добывают гарпунами. Одюбон познакомился с одним ловцом черепах, который в течение одного года наловил не менее 800 штук, почти исключительно взрослых самок. Охотятся всегда ночью и приступают на следующее утро к собиранию пойманных черепах, которых переносят, прежде всего, или в особые, приготовленные для них помещения, или на суда и затем рассылают. В садках, которые представляют, по-настоящему, резервуары, наполненные морской водой, можно видеть, как они медленно плавают или часто лежат по 3—4 друг на друге. Свободно пущенные на суше, они оживленно ползают и временами выражают свое неудовольствие сопением. За еду пойманные черепахи редко принимаются, а потому скоро худеют и теряют цену. Те, которых привозят на европейские рынки, происходят по большей части из Вест-Индии, и именно с Ямайки. Их кладут в удобном месте на баке на спину, прикрепляют веревками, протягивают над ними парус и часто поливают морской водой, чтобы они оставались постоянно мокрыми или по крайней мере влажными, всовывают бедным животным в рот кусок белого хлеба, намоченного в морской воде, и полагаются в остальном на их чрезвычайную живучесть. В европейских приморских городах их держат в больших кадках, которые наполняют водой через 2—3 дня, убивают затем, отрубая им голову, и вешают на 1 или 2

дня так, чтобы вся кровь могла вытечь. Только тогда мясо считается годным для приготовления дорогих супов.

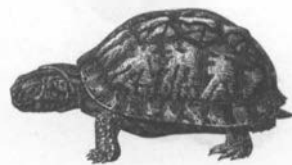
На острове Вознесения, как рассказывает Крюммель, пойманных черепах сохраняют в прудах, устроенных на берегу таким образом, что они имеют сообщение с морем. В конце времени ловли, в мае, в прудах бывают иногда сотни этих животных. «Мясо черепах, — продолжает Крюммель, — появляется два раза в неделю на столе гарнизона, а комендант присылает всегда в подарок каждому заходящему сюда военному судну одно или несколько этих животных. Нам капитан тоже прислал две штуки на судно еще до полудня».

В Индии, где этот вид, по заметкам Буланже, довольно редок, и особенно на Цейлоне мало церемонятся с морскими черепахами, предназначенными для кухни. Крайне противное зрелище представляется, по словам Теннента, посетителю рынков на Цейлоне. Пойманных черепах мучают здесь ужасным образом. Покупатели, вероятно, хотят получать мясо по возможности свежим или продавцы не хотят давать себе труд убить животное, поэтому просто отделяют у живого животного грудной панцирь и вырезают, по желанию покупателя, указанный кусок мяса из тела жертвы, пользуясь известной живучестью черепах, европеец в ужасе видит при этом, как истерзанное животное ворочает глазами, медленно открывает и закрывает рот и как бьется сердце, которое требуют обыкновенно последним.

В известные времена здесь избегают есть мясо этих черепах вследствие вредного, даже ядовитого действия его. В Пантуре, к югу от Коломбо, 28 человек, которые поели черепашьего мяса в октябре 1840 года, сильно заболели вскоре после еды, и 18 из них умерли на следующую ночь. Оставшиеся живыми утверждали, что мясо отличалось от безвредного, по-видимому, только тем, что было очень жирно. В чем заключается причина вредного действия этого мяса, еще не выяснено.

Второй вид этого рода — *бисса* (*Eretmochelys imbricata*). По величине она заметно уступает зеленой черепахе, но очень близка к ней по строению и виду и отличается во всяком возрасте более или менее крючковатой спереди верхней челюстью, а также тем, что между ноздрями и лобным щитком всегда лежат две следующих друг за другом пары щитков, и, наконец, более или менее явственно черепитчатыми, следовательно, отчасти налегающими одна на другую роговыми пластинками спинного панциря, который сзади сильно пилообразно зазубрен и на котором у молодых заметны три продольных гребня. Передние конечности имеют всегда по два когтя. Все пластинки спинного панциря разрисованы на каштаново- или черно-буrom фоне желтыми пятнышками, из одного места, чаще заднего угла щитка, расходятся более светлые, прозрачные, розово-красные, красно-бурые, желтые, как кожа, полосы, которые иногда могут настолько расширяться, что первоначально темный цвет щитков занимает меньше места,

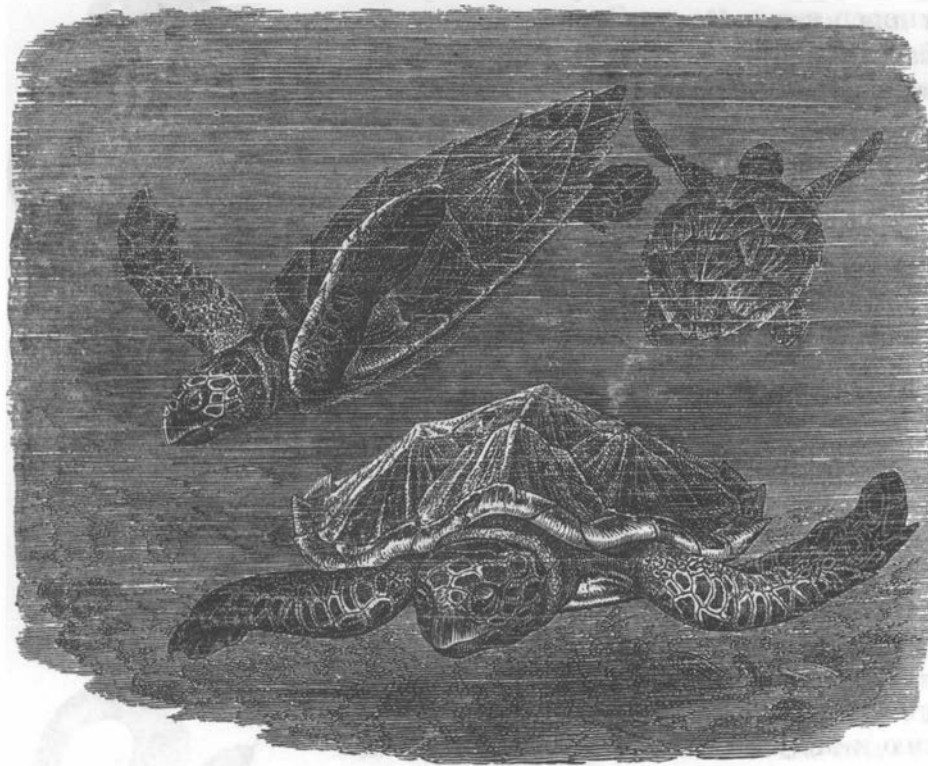
Семейство
морские черепахи

чем светлый. Пластинки грудного панциря одноцветные, желтые, щитки головы и конечностей темно-бурые с желтыми краями. Длина панциря достигает 84 см; самый большой спинной панцирь в Парижском музее равен лишь 74 см; Гюнтер говорит, что панцирь длиной в 60 см должен уже считаться чрезвычайно большим.

По-видимому, область распространения биссы более или менее совпадает с областью обитания зеленой черепахи. Она тоже живет в тропических и околотропических морях обоих полушарий и особенно часто встречается в Карибском море и вокруг Цейлона, у Мальдивских островов и в море Сулу. Ее

ловили или наблюдали во многих местах вдоль атлантического берега Америки, от южных Соединенных Штатов до Санта-Роза, южнее Монтевидео, у мыса Доброй Надежды, в Мозамбикском проливе, в Красном море, во многих местах у Ост-Индских и Малайских берегов, около Зондских островов, в Китайском и Японском морях, в Австралийском море и у западного берега Средней Америки.

Бисса
(*Eretmochelys imbricata*)

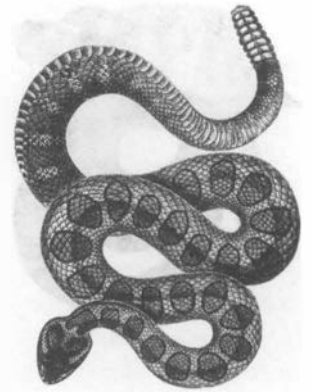
По своему поведению и движениям, образу жизни, нравам и привычкам бисса, насколько нам известно, в общем схожа с зеленой морской черепахой. Но это хищное животное в полном смысле этого слова, она совершенно пренебрегает растительной пищей, питается исключительно животными веществами и, как говорят, умеет овладевать даже большими животными. По словам Кэтсби, американские рыбаки рассказывают, что часто случается находить раскушенные ею большие раковины. Кроме моллюсков, главную часть пищи этого животного составляют, вероятно, рыбы, ловкость, с которой эта черепаха плавает, делает вероятным, что она может ловить и проворные виды рыб.

Размножение биссы во всех отношениях похоже на размножение других морских черепах. Яйца она тоже откладывает в при-

брежный песок и притом в те же месяцы, как и зеленая черепаха, и, подобно последним, биссы всегда возвращаются снова на те места, где родились. В 1826 году, по словам Теннента, была найдена одна бисса, в одном из плавников которой находилось кольцо, это кольцо прикрепил ей во время кладки яиц один голландский офицер за 30 лет до того времени на том же самом месте.

Эта неизменная, чтобы не сказать упрямая, привязанность животных к месту рождения влечет за собой то печальное последствие, что биссы, видимо, уменьшаются в числе. Человек беспощадно и безрассудно преследует и их. Мясо их едят, правда, лишь туземцы тех стран, которые эти черепахи посещают, но не европейцы. По мнению последних, оно вызывает понос и рвоту, чирья и нарывы, напротив, по мнению жителей Индии и Америки, оно предохраняет от других болезней. Биссу ловят не ради мяса и не ради яиц невкусных, по мнению Ключингера, но очень вкусных, по мнению других, а ради рогового слоя ее панциря, так называемой «черепахи», которого взрослая черепаха может дать 2—6 кг. При получении этого ценного товара тоже поступают с отвратительной жестокостью. Роговое вещество легко отделяется от спинного панциря лишь тогда, когда его сильно нагреть. Бедную черепаху вешают над огнем и поджаривают до тех пор, пока не добьются желаемого результата. Китайцы, заметив, что роговое вещество легко может портиться от действия сухого жара, пользуются в настоящее время для той же цели кипятком. По окончании этого истязания биссу отпускают и дают ей бежать к морю, полагая, что роговой слой образуется снова. Возможно, что истерзанная таким образом черепаха остается жива, но едва ли ее придется после этого мучить еще раз: восстановительная способность этого животного едва ли может достигать такой степени, чтобы щит покрывался новыми пластинками, годными для торговли. Возможность такого восстановления мы не можем, однако, отрицать с тех пор, как Гадов доказал, что по крайней мере сухопутные черепахи могут снова производить удаленные части костяного панциря с покрывающими их роговыми пластинками.

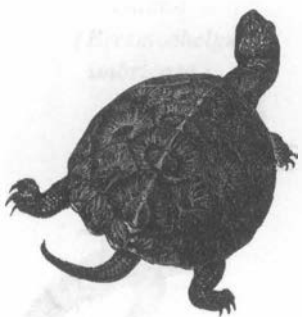
Роговое вещество биссы не только превосходит всякую другую роговую массу красотой и добротой, но, кроме того, куски его легко свариваются вместе. Достаточно погрузить отдельные пластинки, которые не одинаковой толщины и хрупки, в кипяток и затем сжать их между металлическими вальками. При достаточном давлении они склеиваются так крепко, что нельзя более отличать отдельные части, вполне сохраняют, медленно отвердевая, всякую форму, которую им придадут в размягченном состоянии, и потому превосходно годятся для приготовления табакерок и гробенок. Даже обрезки идут в дело: ими наполняют промежутки между отдельными пластинками и снова до тех пор сдавливают при высокой температуре, пока они не сольются с ними в одну массу. Местами употребляется также лишенный рогового

слоя спинной щит: так, арабские моряки украшают ими, по словам Клюнцингера, свои суда. Наконец, вытопленное из жира черепаховое масло играет даже в глазах некоторых европейцев роль чудесного целебного средства. Самая лучшая и дорогая «черепаха» идет с Сулавеси, откуда ее вывозят в Китай. В Европе ее обдывают в особенно значительном количестве в Неаполе.

Биссы попадают так же часто, как и зеленые черепахи, живыми на наши рынки и при надлежащем уходе очень хорошо выживают в неволе. Клюнцингер, как он сообщил мне в письме, не раз держал во время своего пребывания на берегах Красного моря молодых животных этого вида в бассейне, имевшем сообщение с морем, где они могли питаться моллюсками, но нашел, что животные всегда погибали, когда вода колодца начинала весной нагреваться. Это примечательно в том отношении, что, по наблюдениям других, и морские черепахи требуют умеренно нагретой воды и лишь в таком случае могут быть бодрыми и вообще чувствовать себя хорошо. При этом они не нуждаются, безусловно, в морской воде. Фишер с полным успехом держал молодых морских черепах даже в пресной воде и без труда кормил их водяными мокрицами и бокоплавами. Я держал несколько экземпляров и очень полюбил их. Сначала они казались мне, правда, скучными. Отвыкнув от воды, они долго делали тщетные усилия, прежде чем им удалось опуститься в глубь поставленного им бассейна, а когда, наконец, снова освоились с родной стихией, то целыми днями лежали на одном и том же месте. Но это изменилось, когда они окрепли. Утверждают, что старые животные этого вида любят кусаться, у моих молодых питомцев я не замечал этого даже тогда, когда они снова окрепли благодаря обильной пище. Если их не сажать в холодную воду, т.е. такую, температура которой ниже 12,5 градуса Цельсия, то они доставляют мало хлопот, скорее принимают за пищу, берут ее у хозяина даже из рук, не нападают на плавающих в том же бассейне рыб, хотя и едят мясо рыб охотнее, чем всякую другую пищу, и восхищают каждого зрителя своими чудными движениями. Сравнение с летающими хищными птицами, которое я употребил выше, приходит в голову каждому, кто видит, как они плавают. Медленно, постоянно двигают они своими лапами, и тело их спокойно и равномерно скользит в любом направлении через слои воды. Ни один известный мне вид черепах не плавает так, как они и вообще морские черепахи. Никогда не заметно у них торопливости, они, точно играя, рассекают воду и тем не менее проплывают в известный промежуток времени такое же расстояние, как маленькая, сильно работающая водяная черепаха. Их плавание походит на парение в воде.

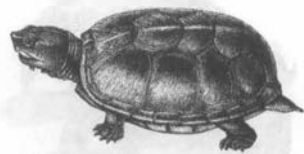

Второй ряд настоящих черепах обнимает так называемых бокошейных (Pleurodira), очень замечательную и своеобразную

группу черепах, отличающуюся тем, что все принадлежащие сюда семейства не просто втягивают назад свою по большей части длинную шею вместе с головой, а в случае опасности загибают ее в сторону и так закладывают назад между спинным и брюшным панцирем, что конец морды касается правой или левой плечевой ямки. Эта особенность обуславливается тем, что шейные позвонки снабжены чрезвычайно сильно развитыми поперечными отростками. Второй признак, позволяющий тотчас отличить бокошейных черепах от скрытошейных, заключается в строении таза, который всегда сращен, как со спинным, так и с брюшным панцирем посредством плотного костяного соединения. Кроме того, пальцы никогда не имеют более трех суставов. Все принадлежащие сюда виды, за исключением одного, напоминающего морских черепах и снабженного лапами рода речных черепах Новой Гвинеи, имеют 13 пластинок на брюшном панцире, так как к обыкновенным кожным пластинкам присоединяется еще непарная горловая.

В Северном полушарии, следовательно, в Европе, всей Азии и Северной Америке представителей этого рода нет. Принадлежащие сюда три семейства ведут почти исключительно водный образ жизни.

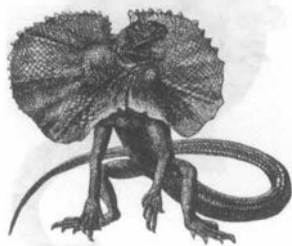
Яйца нескольких южноамериканских бокошейных приносят значительную пользу некоторым народам, и вообще значение этих болотных и речных черепах в хозяйстве человека не следует оценивать слишком низко. Бэтс рассказывает, что он на Амазонке почти целый год питался черепахами, и они очень надоели ему, под конец он не мог слышать запаха их мяса и потому временами был вынужден терпеть голод. У каждого владельца дома там есть маленький пруд, в котором пойманных животных держат до наступления дождливого времени года, и все, у кого служит по несколько индейцев, посылают их во время низкого стояния воды на охоту, чтобы снова наполнить пруд. Дело в том, что, несмотря на изумительное множество водящихся там черепах, в дождливые месяцы их трудно достать за деньги. Легкость отыскивания и ловли их стоит в прямой связи с высоким или низким уровнем воды. Если вода в реке понижается менее обыкновенного, то они редки; если же она очень упадет, то их ловят во множестве, так как все лужи и болота в лесах кишат ими. Для охоты употребляют сети и стрелы, наконечник которых, попадая в тело, отделяется от древка, но остается соединенным с ним длинной веревкой. Древо плывет по воде, охотник подплывает на лодке, схватывает его и тянет, пока животное не приблизится к поверхности. Затем в тело животного пускают иногда еще одну стрелу и вытягивают его на сушу. Туземные женщины умеют различным образом, но превосходно готовить мясо черепах. Оно очень нежно, вкусно и здорово, но скоро приедается и, наконец, становится противным европейцу. По уверению названного исследователя, можно

Семейство
пеломедузовые

* В некоторых африканских племенах существовала традиция запускать пеломедуз (в частности, *Pelomedusa subrufa*) в бассейны с питьевой водой, где они уничтожали личинок комаров — переносчиков желтой лихорадки.

долго держать в неволе лишь один вид и именно самый крупный из тех, которые встречаются в Амазонке, более мелкие, гораздо более вкусные виды, обыкновенно выносят, как говорят, потерю свободы лишь в течение немногих дней.

СЕМЕЙСТВО
ПЕЛОМЕДУЗОВЫЕ (*Pelomedusidae*)

К первому семейству бокошейных, пеломедузовым, мы вместе с Буланже причисляем всех снабженных щитками черепах, у которых 13 грудных пластинок примыкают к краевым, затылочного щитка нет, шея может втягиваться, загибаясь в сторону, и совершенно прятаться в панцирь. Что касается их скелета, то от речных черепах он отличается 11 костями в брюшном панцире вместо 9.

По отношению к образу жизни, движениям и поведению, пеломедузы во многих существенных чертах сходны с остальными черепахами, живущими в пресной воде. Говорить о них здесь больше нет надобности, так как жизнь одного вида, о котором придется тотчас упоминать, описана одним из величайших исследователей всех времен и не уступает по полноте описанию образа жизни любой другой черепахи*.

«К 11 часам утра, — рассказывает А. фон Гумбольдт, — мы высадились на острове посреди реки, который индейцы в миссии Уруана считают своей собственностью. Остров славится ловом черепах, или, как говорят здесь, жатвой яиц, которая производится здесь ежегодно. Мы нашли более 300 индейцев, расположившихся в шалашах из пальмовых листьев; кроме гуанов и отомаков из Уруаны, которые и те, и другие считаются дикими племенами, недоступными цивилизации, здесь находились карибы и другие индейцы с низовьев Ориноко. Каждое племя расположилось отдельно и отличалось по цвету, которым была раскрашена их кожа. В шумных толпах мы заметили несколько белых, именно мелких торговцев из Ангостуры, которые поднялись сюда вверх по реке, чтобы скупать у туземцев черепашие масло. Мы встретили также миссионера из Уруаны, который рассказал нам, что перешел сюда вместе с индейцами ради сбора яиц, чтобы каждое утро служить мессу под открытым небом и запастись маслом для лампад в алтаре, а особенно для того, чтобы держать в порядке эту «республику из индейцев и кастильцев», в которой каждый желает для себя одного все, что Бог дарует всем.

В сопровождении этого миссионера и одного торговца, который хвастался, что уже 10 лет приезжает на сбор яиц, мы обошли остров, который посещают здесь так, как у нас ярмарки. Мы находились на ровном песчаном пространстве. «Насколько глаз хватает по берегу, — сказали нам, — лежат под слоем земли яйца черепах». В руках миссионера был длинный шест, и он

показал нам, как с его помощью исследуют почву, чтобы определить, до какого места простирается слой яиц, как рудокоп определяет границы слоя мергеля, дерновой железной руды или бурого угля. Втыкая шест вертикально в землю, замечает существование в почве пустоты или рыхлого слоя, заключающего яйца, так как сопротивление в таких местах сразу прекращается. Как мы убедились, слой в общем распределен так равномерно, что на расстоянии 20 метров вокруг данной точки шест наверняка наталкивается на него. Здесь говорят лишь о «квадратных шестах» яиц, точно делят участок земли, в которой залегает руда, и равномерно разрабатывают его. Однако слой яиц показывает далеко не весь остров, напротив, он прекращается всюду там, где почва быстро повышается, так как черепаха не может выползать на эти маленькие плоские возвышенности. Я рассказал своим проводникам о преувеличенных описаниях патера Гумиллы, по которым на берегу Ориноко меньше песчинок, чем черепах в реке, и они останавливали бы суда, если бы люди и тигры не убивали ежегодно столько черепах. «Поповские сказки», — тихо сказал торговец из Ангостуры. Индейцы уверяли нас, что от устья Ориноко до впадения Апуре нет ни одного острова и ни одного берега, где можно было бы во множестве собирать яйца черепах. Те части берега, куда, по-видимому, ежегодно собираются почти все черепахи Ориноко, лежат между слиянием Ориноко и Апуре и большими порогами или Раудалес, и здесь находятся три самых знаменитых места лова. Один вид, аррау, не переходит, кажется, выше порогов, и нас уверяли, что выше Апуре и Майпуре встречаются лишь черепахи терекай.

Большая черепаха, аррау, пугливое, боязливое животное, которое выставляет из воды только голову и прячется при малейшем шуме, избегая тех частей берега, где живут люди или ходят лодки. Это большая пресноводная черепаха с плавательными ногами, очень плоской головой, двумя мясистыми, очень острыми придатками под подбородком, с 5 пальцами на передних и 4 на задних ногах. Спинной панцирь состоит из 5 средних и по 4 боковых с каждой стороны и 24 краевых щитков; он сверху черно-серого цвета, снизу оранжево-желтого; длинные ноги такого же цвета. Между глазами очень глубокая продольная бороздка. Когти очень велики и согнуты. Заднепроходное отверстие находится на первой пятой части очень короткого хвоста. Взрослое животное весит 20—25 кг. Яйца, которые гораздо больше голубиных, покрыты известковой скорлупой и, говорят, так тверды, что дети отомаков, большие любители игры в мяч, могут перебрасываться ими. Терекай меньше аррау, панцирь состоит из такого же числа пластинок, но они расположены несколько иначе. Я насчитал 5 средних, по 4 боковых и 24 четырехугольных, сильно согнутых краевых пластинок. Цвет панциря черный с зеленоватым налетом; ногти и ноги, как у аррау; голые части оливково-зеленые; на голове находятся два пятна смешан-

ного красного и желтого цветов; шея желтая. Терекай не собираются в такие большие стада, как arraу, чтобы класть яйца на том же берегу. Последние имеют приятный вкус и очень ценятся жителями испанской Гвианы. Arraу не переходит вверх за пороги, терекай встречается как в верхнем течении Ориноко, так и ниже порогов, а также в Апуре, Уритуку, Гуарико и маленьких реках, текущих по льяносам Каракаса».

Arraу, или тартаруга (*Podocnemis expansa*), большое животное, панцирь которого имеет 77 см в длину; оно служит представителем рода щитоногих черепах (*Podocnemis*), которые отличаются следующими признаками: в умеренно выпуклом спинном панцире, край которого горизонтально выступает, нет затылочной пластинки, в грудном щите недостает подмышечных и паховых пластинок. Хвостовая пластинка двойная, замечательно мелкие плечевые пластинки брюшного панциря едва достигают половины величины грудных. Большие щитки одевают голову, которая особенно бросается в глаза благодаря глубокой и широкой продольной борозде между глазами, с подбородка свешиваются 1 или 2 усика. Предплечья и наружный конец задних ног покрыты несколькими большими чешуйками; остальная кожа конечностей и кожа шеи голые. Плавательные перепонки развиты очень сильно.

От остальных родов этого семейства они отличаются числом пальцев, которых на передних ногах по 5, на задних по 4, между тем как оба остальных рода, встречающихся только в Африке, имеют и на передних, и на задних ногах по 5 пальцев.

От других видов того же рода arraу отличается глубоко вдавленной выемчатой передней частью головы, тремя короткими и слабыми продольными ребрами на внутренней жевательной поверхности верхней челюсти и двумя короткими жилками на подбородке. Спинной панцирь бурого цвета с более темными пятнами, брюшной панцирь желтоватый с бурыми пятнами. Молодые животные сверху оливково-бурого цвета, снизу желтого, верхние края глаз, пятно позади глаз и двойное пятно на межтеменном щитке тоже желтые. Самка приблизительно вдвое больше самца.

Этот вид живет во всей тропической Южной Америке к востоку от Анд. Кроме Ориноко он в большом числе живет в реках Гвианы, именно Такуту, Рио-Бранко и Эссекибо, в Амазонке с ее притоками, Сан-Франциско и других реках Бразилии, встречается также в северо-восточных провинциях Перу, а следовательно, имеет очень обширную область распространения.

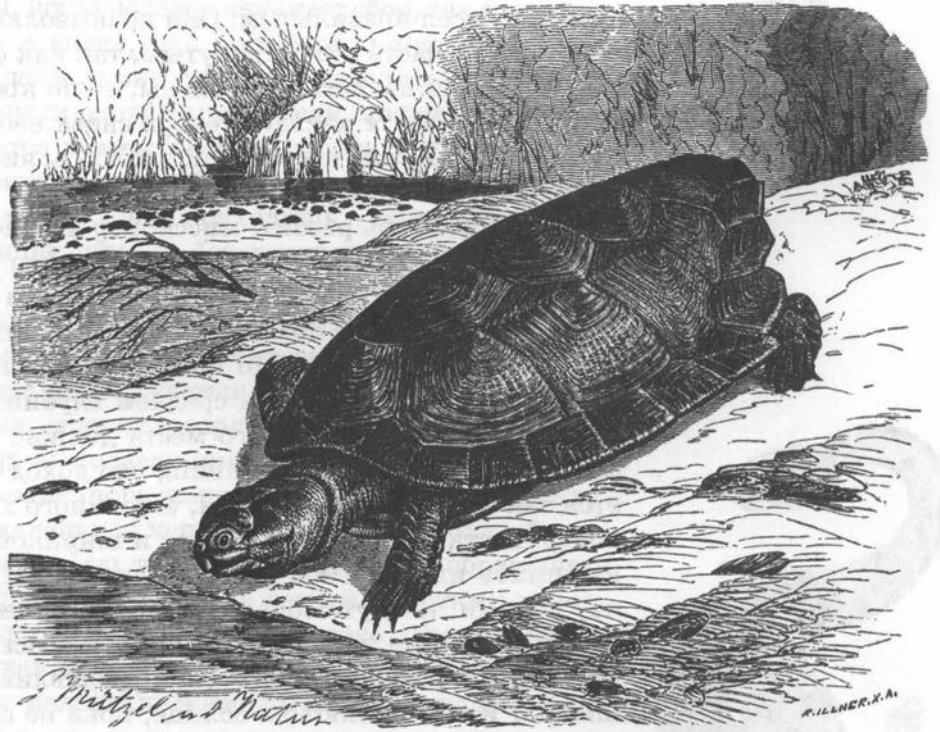
«Время, когда arraу кладет яйца, — продолжает Гумбольдт, — совпадает с самым низким стоянием воды. Так как вода в Ориноко начинает прибывать с весеннего равноденствия, то с начала января до 29 марта бывают непокрыты водой самые низкие части берега. Arraу собираются уже в январе большими стадами, выходят из воды и греются на солнце, на песке, так как, по мнению индейцев, нуждаются в сильном жаре, чтобы чувствовать

себя хорошо, и так как солнечный жар ускоряет кладку яиц. В течение февраля arraу находятся на суше почти весь день. В начале марта разбросанные стада соединяются вместе и плывут к немногим островам, на которых кладут обыкновенно яйца; вероятно, одна и та же черепаха каждый год является на один и тот же берег. За несколько дней до кладки многие тысячи их появляются длинными рядами у берегов островов Кукурупару, Уруана и Парарума, вытягивают шею и держат голову над водой, выматривая, не грозит ли опасность со стороны «тигров» или людей. Индейцы, для которых очень важно, чтобы собравшиеся стада продолжали держаться вместе, ставят вдоль берега стражу, чтобы животных не разгоняли и они могли в полном покое класть яйца. Людям, плывущим в судах, показывают знаками, чтобы они держались на середине реки и не пугали черепах криком.

Кладка происходит всегда ночью, но начинается тотчас после захода солнца. Животное вырывает задними лапами, которые очень длинны и вооружены кривыми когтями, углубления шириной в метр и глубиной в 60 см, стенки которого оно, по уверениям индейцев, смачивает своей мочой, чтобы сделать песок более мягким. Стремление к кладке яиц так сильно, что некоторые черепахи спускаются в выкопанные другими и

еще не наполненные снова землей углубления и кладут второй слой яиц на только что сложенный. При этой бурной суматохе разбивается столько яиц, что потеря, как говорил нам миссионер, может достигать трети всего количества яиц. Мы находили, что кварцевый песок и разбитая скорлупа яиц были склеены в большие комки вытекшим из яиц желтком. Число животных, роющих ночью на берегу, так неизмеримо велико, что наступающий день застает некоторых еще не окончившими кладку. В таком случае они более чем когда-либо торопятся отделаться от яиц и прикрыть выкопанные углубления, чтобы ягуар не мог уви-

Arraу,
или *тартапуга*
(*Podocnemis expansa*)

деть их. Запоздавшие черепахи не обращают при этом внимания ни на какую опасность, угрожающую им самим, и работают на глазах индейцев, которые приходят на берег рано утром и называют их «глупыми черепахами». Несмотря на их сильные движения, их легко ловят руками.

Три лагеря индейцев в названных выше местах устраиваются в последние дни марта или первые числа апреля. Сбор яиц идет каждый раз одинаково с той правильностью, которая царствует во всем, что исходит от монахов. До появления на реке миссионеров туземцы в меньшей степени пользовались тем, что природа в таком изобилии предлагает им здесь. Каждое племя рыло берег по-своему, и при этом разбивали бесконечное множество яиц, так как рыли неосторожно и открывали больше яиц, чем можно было унести. Дело шло так, как если бы рудник разрабатывался неумелыми руками. Иезуитам принадлежит та заслуга, что они сделали этот промысел правильным. Они не позволяют взрывать весь берег и оставляют часть его нетронутым, так как опасаются, что черепахи могут если не быть истреблены, то по крайней мере значительно уменьшиться в числе». Теперь снова неосмотрительно перерывают весь берег, зато и замечают, что сборы яиц, по-видимому, уменьшаются год от года.

Когда лагерь разбит, миссионер назначает своего заместителя, который делит участок, где лежат яйца, на доли, по числу индийских племен, принимающих участие в сборе. Он начинает с того, что исследует с помощью своего шеста, как далеко простирается в земле слой яиц. По нашим измерениям, он простирается до 40 метров от берега и в среднем глубиной в один метр. Поверенный означает, до какого места должно работать каждое племя. Не без удивления слышишь, что доход от сбора яиц оценивается так же, как доход с поля, засеянного хлебом. Случается, что поверхность длиной в 40 метров и шириной в 10 метров дает 100 кувшинов или на 1000 франков масла. Индейцы разрывают почву руками, кладут собранные яйца в маленькие корзинки, называемые маппири, уносят их в лагерь и бросают в большие корыта, наполненные водой. В них яйца раздавливают лопатами, размешивают и выставляют на солнце, пока не сгустится маслянистая часть, желток яиц, который плавает сверху. Масло вычерпывают и варят на сильном огне; как говорят, оно держится тем лучше, чем сильнее его варят. Хорошо приготовленное масло прозрачно, лишено запаха и разве немного желто. Миссионеры считают его равным по достоинству с лучшим оливковым маслом. Его употребляют не только для горения, но преимущественно для приготовления пищи, так как оно не придает кушаньям никакого неприятного вкуса. Однако трудно добыть совершенно чистое черепаховое масло; по большей части оно имеет гнилой запах, происходящий оттого, что между яйцами попадают и такие, в которых уже образовались молодые черепахи.

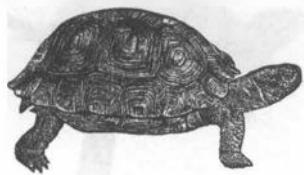

Берег Уруаны дает ежегодно 1000 кувшинов масла. Кувшин стоит в Ангостуре 2—2 1/2 пиастра. Весь доход с тех частей берега, на которых ежегодно производится сбор яиц, можно определять в 5000 кувшинов. Так как 200 яиц дают винную бутылку масла, то на кувшин идет 5000 яиц. Если принять, что каждая черепаха кладет по 100—116 яиц и треть разбивается во время кладки особенно «глупыми черепахами», то оказывается, что для того, чтобы наполнить эти 5000 кувшинов масла 330000 аррау должны отложить на трех местах сбора 33 миллиона яиц. При этом расчете мы, вероятно, получаем число гораздо меньшее, чем действительное. Многие самки кладут лишь 60—70 яиц, многих в то мгновение, когда они выходят из воды, съедают ягуары; индейцы берут много яиц с собой, чтобы высушивать их на солнце и есть, и разбивают много по небрежности во время сбора. Число яиц, из которых уже вышли молодые черепахи в то время, когда человек начинает сбор, так громадно, что у лагеря в Уруане я видел, как весь берег кишел молодыми черепахами, длиной в дюйм, и они с трудом спасались от детей индейцев, которые устраивали охоту на них. Если прибавить к этому, что не все аррау являются к трем местам кладки, что многие кладут яйца поодиночке, между устьем Ориноко и впадением Апуре и недели на две позднее, то неизбежно приходишь к выводу, что число черепах, ежегодно несущих яйца на берегах нижнего течения Ориноко, доходит почти до миллиона. Это чрезвычайно много для животного столь значительной величины, которое достигает веса в полцентнера и над которым так страшно свирепствует человек; мелкие виды вообще сильнее размножаются, чем крупные.

Молодые черепахи ломают скорлупу яйца днем; но лишь ночью можно видеть их выползающими из земли. По уверениям индейцев, они боятся солнечного жара. Краснокожие хотели также показать нам, как маленькая черепаха, если ее унести с берега в мешке и посадить на землю так, чтобы она была обращена к реке задом, тотчас направляется к реке самым коротким путем. Я согласен, что этот опыт, о котором говорит уже патер Гумилла, не всегда удается одинаково хорошо, но обыкновенно мне действительно казалось, что маленькие животные, даже находясь очень далеко от берега и на острове, могли различать, откуда веяло самым влажным воздухом. Если принять во внимание, как далеко простирается, почти без перерыва, слой яиц на берегу и сколько тысяч маленьких черепах, тотчас по выходе из яиц, направляются к воде, то нельзя принимать, чтобы столь многочисленные животные этого вида, вырывающие себе гнезда на одном и том же месте, могли отыскивать своих детенышей и отводить их, как делают крокодилы, в лужи по берегу Ориноко. Достоверно, что эти черепахи проводят первые годы жизни в самых мелких лужах и переходят в русло реки, лишь когда вырастут. Каким же образом находят детеныши эти лужи? Аррау, наверное, узнает так же хорошо, как крокодил, то место, где она устроила гнездо; но так

*Семейство
пеломедузовые*

как она не смеет приблизиться к берегу, если индейцы устроили там лагерь, то как могла бы она отличать своих детенышей от чужих? С другой стороны, отомаки уверяют, что видели в половодье черепах-самок, за которыми следовало довольно много молодых черепах; это были такие черепахи, которые положили яйца отдельно на уединенном берегу и могли возвратиться к ним. Самцы очень редки среди черепах: из нескольких сотен едва встретишь одного. Причина этого явления не может, однако, быть та же, что у крокодилов, которые устраивают между собой кровавые битвы во время спаривания и размножения.

Сбор яиц и приготовление масла продолжают три недели, и лишь в это время миссии имеют сношение с морским берегом и соседними цивилизованными странами. Францисканцы, живущие к югу от порогов, являются на сбор яиц не столько затем, чтобы добыть масла, как для того, чтобы видеть белые лица. Торговцы маслом получают 60—70 процентов барыша; индейцы продают кувшин за пиастр, а издержки по перевозке равняются лишь $\frac{2}{5}$ пиастра на кувшин. Все индейцы, принимающие участие в сборе яиц, приносят домой массы яиц, высушенных на солнце или слегка сваренных. Наши гребцы всегда имели их с собой в корзинах или маленьких мешках из бумажной ткани. Вкус их казался нам не неприятным, пока они хорошо сохранялись».

Что яйца arraу ценятся и другими племенами, видно из следующего рассказа Шомбургка. «Радостные восклицания, которыми гребцы приветствовали некоторые песчаные банки Эссекиво, я мог разгадать лишь тогда, когда несколько индейцев, прежде чем челноки успели пристать, нетерпеливо бросились в реку, поплыли к песчаной банке, стали вдруг рыться там в песке и достали множество яиц. Время кладки у черепах уже началось, то время, которого так же страстно ждут индейцы, как наши гастрономы перелета бекасов или начала привоза свежих устриц. Жадность индейцев была так велика, что если бы за самовольное оставление челнока была назначена смертная казнь, то они, я полагаю, и тогда не могли бы устоять от искушения поплыть к песчаным банкам, скрывающим в недрах своих вкусные яйца. Когда я познакомился с этим хваленым лакомством, я нашел страсть индейцев понятной. Что значат наши хваленые яйца чибисов по сравнению с яйцами этой черепахи!

Животное отходит на этих песчаных банках по большей части на 80—140 шагов от берега, вырывает в песке углубление, кладет яйца, покрывает их песком и возвращается к воде. Неопытный европеец долго и тщетно старался бы найти эти яйца; но опытный сын леса редко ошибается, и почти никогда не случается, чтобы, разрыв песок, он не нашел непосредственно под ним яйца. Легкое волнистое возвышение песчаной поверхности выдает ему место гнезда; этот признак мы научились замечать лишь тогда, когда видели несколько песчаных банок, вся поверхность

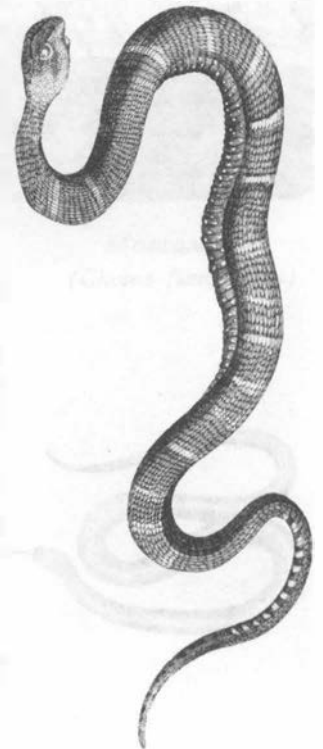
которых имела волнистый вид. Белок яйца, не твердеющий при варении и остающийся совершенно жидким, выпускают и едят лишь вкусный и питательный желток. Превосходное лакомство доставляли нам сырые желтки, смешанные с сахаром и несколькими каплями рома, что придавало им чрезвычайное сходство с самым нежным марципаном*.

Временем кладки яиц у черепах Амазонки Марциус считает октябрь и ноябрь; по Гумбольдту, оно падает для Ориноко на март; напротив, в Эссеквибо оно начинается в начале января и продолжается, самое большее, до начала февраля. Это различие во времени кладки, по-видимому, стоит в связи с временем наступления дождливого времени года в пределах областей этих трех рек. Животные освобождаются от яиц в те благоприятные дни, когда солнце может еще довести до конца развитие яиц, прежде чем наступит долгое дождливое время. Для индейцев появление молодых черепах служит самым верным знаком скорого наступления дождливого времени; когда они, выйдя из земли, ползут к воде, можно с уверенностью рассчитывать, что дождливое время близко. Через 40 дней после кладки детеныш разрывает похожий на пергамент покров яйца и вылезает».

Кроме человека, который причиняет самый значительный урон еще и теперь многочисленным стадам аррау, регулярно похищая яйца, они терпят и от хищных животных. «Нам показывали, — заканчивает Гумбольдт свое интересное описание, — большие панцири черепах, опорожненные ягуаром. Эти «тигры» преследуют аррау на берегах, когда те собираются класть яйца, нападают на них и переворачивают их на спину, чтобы удобнее съесть их. Черепахи не могут выйти из этого положения, и так как тигр переворачивает их гораздо больше, чем он может съесть в одну ночь, то индейцы часто пользуются его хитростью и злобной жадностью». Закс тоже находил пустые панцири.

Если обратить внимание на то, с каким трудом путешествующий естествоиспытатель вынимает тело черепахи, если не хочет отделять спинной щит от брюшного, то кажется в высшей степени удивительной та ловкость, с которой тигр оцараживает лапой двойной щит аррау, так что места прикрепления мускулов как будто бы отделены ножом хирурга. Тигр преследует черепаху даже в воде, если она не очень глубока, вырывает яйца, и вообще он вместе с крокодилом, цаплями и грифами самый страшный враг только что вылупившихся черепах. В прошлом году остров Парарума во время сбора яиц посещался таким большим числом крокодилов, что индейцы в одну ночь поймали на железные крючки, наживленные мясом ламантина, 18 штук длиной до 4 метров. Кроме только что упомянутых диких животных, значительный вред приносят приготовлению масла также дикие индейцы. Как только начинаются первые, менее значительные ливни, которые они называют черепашими дождями, они отправля-

* Сбор яиц аррау до последнего времени еще сохранял внушительные объемы. Ежегодно собиралось 30—50 миллионов яиц этой черепахи. Неудивительно, что сейчас она включена в Красную книгу Международного союза охраны природы.

**Семейство
змеиношейные
черепахи**

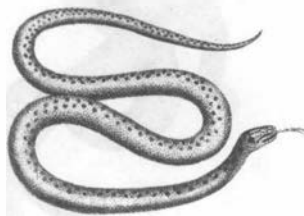
ются на берег Ориноко и убивают отравленными стрелами черепах, которые греются на солнце, подняв голову и вытянув ноги».

Гелди доставили недавно подробные сведения об arraу Амазонской реки на основании ненапечатанных отчетов Сильва Кутинос. С января до июля arraу живет в лужах и береговых озерах затопленных лесов и ест почти исключительно опавшие древесные плоды. В августе их ловят сетями, в другое время гарпунами и стрелами. Совокупление происходит в воде, яйца откладываются в конце сентября и до октября рано утром, 80—200 яиц наполняют яму глубиной в 45—60 см. Яйца едят или в большом количестве готовят из них масло, которое прибавляется к дегтю, употребляется на освещение, реже для приготовления пищи, не щадят даже только что вышедших детенышей. Вследствие неосмотрительного истребления эти черепахи заметно уменьшились уже в числе.

**СЕМЕЙСТВО
ЗМЕИНОШЕЙНЫЕ ЧЕРЕПАХИ (Chelidae)**

Змеиношейными черепахами мы называем второе семейство бокошейных черепах, которые, будучи в остальном сходны с пеломедузами, не могут втягивать шею, а заворачивают ее вбок под края панциря и спинной панцирь которых по большей части имеет явственную затылочную пластинку. Покрытый 13 пластинками, брюшной панцирь состоит лишь из 9 костяных таблиц, между тем как у пеломедуз он заключает 11 костяных частей. Костяной височной дуги нет в черепахе всех родов, принадлежащих к губастым черепахам, 5-й и 8-й шейные позвонки всегда выпуклы на обоих концах.

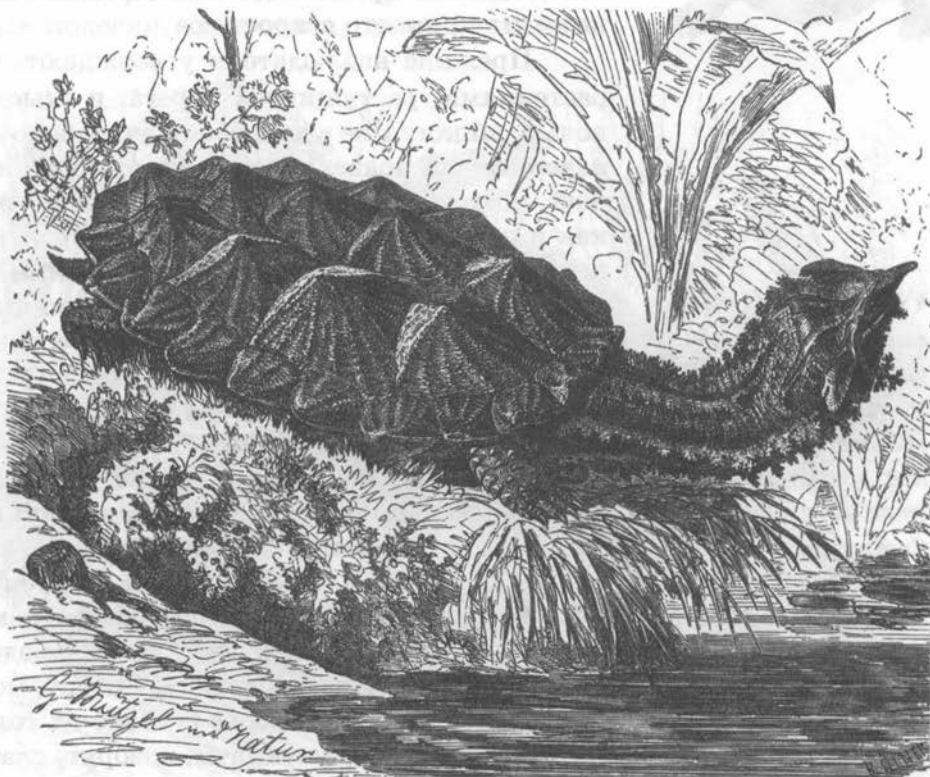
Род **бахромчатых черепах** (*Chelus*) принадлежит к тем, которые имеют самый странный вид во всем отряде. Он отличается следующими признаками. Очень мало выпуклый спинной панцирь, снабженный затылочной пластинкой и двойными хвостовыми, имеет три продольных ряда килеватых бугров, разделенных широкими и глубокими бороздками, состоящий из одного куска длинный и узкий по бокам килеватый брюшной панцирь не имеет плечевых и паховых пластинок. Голова очень сильно приплюснутая, треугольная, глаза необыкновенно малы, разрез рта достигает ушной области, более или менее загнутая внутрь челюсть покрыта слабым роговым клювом, а этот последний мягкой вздутой кожей, нос вытянут в длинный хобот, шея длинная, длиннее спинной части позвоночника и очень широкая и сплюсщенная, хвост короткий и не имеет на конце когтя, плавательная перепонка на передних и задних ногах сильно развита, передние ноги с 5, задние с 4 когтями. Мелкие пластинки и различные кожистые придатки одевают голову, продольные ряды мелких чешуй — шею, множество больших чешуй, вытянутых в поперечном на-

правлении, — ноги, наконец, зернышки — хвост. Упомянутые придатки состоят из тонкой, довольно большой, стоячей треугольной лопасти кожи над каждым слуховым органом, представляющей собой до известной степени наружное ухо, двух усиков на подбородке и длинного, на конце расщепленного усика на горле, к ним принадлежат также 4—5 кожистых наростов с каждой стороны, расположенных в один ряд, которые имеют ту же форму, как усик на горле.

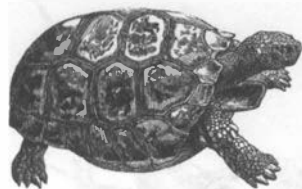
У **матаматы** (*Chelus fimbriatus*) — единственного представителя этого рода длина панциря достигает 38 см. Цвет верхней стороны почти равномерный каштаново-бурый, цвет нижней грязный зеленовато-желтый, у молодых экземпляров пластинки разрисованы черными и желтыми пятнами и полосами, нижняя сторона шеи — шестью черными продольными полосками.

Область распространения матаматы ограничивается Гвианой и северной Бразилией; Спикс нашел ее здесь в стоячих водах Амазонии, Кастельно — в самой Амазонке, Шомбургк — в реках Эссекибо, Такуту, а также в озерах и болотах саванн. По Каплеру, ее нет в Суринаме, но она обыкновенна в Кайенне. Там, где она водится, она встречается, по-видимому, часто, а потому хорошо известна всем европейским колонистам и креолам, но благодаря ее страшному виду и отвратительному запаху на нее смотрят с отвращением и избегают ее. «Действительно, не может быть более безобразного существа, — говорит Шомбургк, — чем такая черепаха; ее отвратительный вид возбуждает уже страх, но она становится еще гораздо противнее благодаря сильному, отвратительному запаху. Усаженная множеством зубчатых лопастей, хоботообразная голова и шея, а также увешанные такими же, лишь несколько меньшими лопастями ноги, которые она может подтягивать под плоский щит так же, как и голову

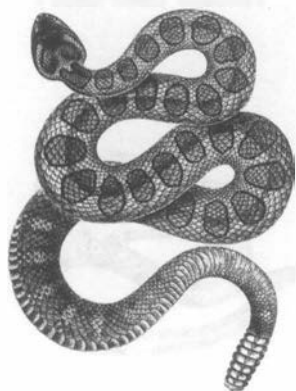

Матамата
(*Chelus fimbriatus*)

*Семейство
змеиношейные
черепахи*

** Матамата отличается удивительной прожорливостью. При обилии пищи она поедает рыб до тех пор, пока та помещается в желудке. Стимулом к схватыванию добычи, вероятно, является блеск рыбьей чешуи.*

с шей, возбуждали во мне глубочайшее отвращение каждый раз, когда я встречал это животное. Столь необузданный в своей фантазии, направленной к изображению безобразного, живописец Брейгель Адский не выдумал бы такого отвратительного создания, какое существует здесь в действительности. Обыкновенно матамата лежала у берега реки, зарывшись в песок, так что вода покрывала ее щит приблизительно на палец, и, казалось, неподвижно подстерегала добычу. Она, не двигаясь, давала схватывать себя руками, однако мы редко делали это вследствие ее противного запаха. Наши карибы набрасывались на ее мясо просто с яростью».

Прежние наблюдатели утверждают, что матамата питается растениями, растущими у берега, и отыскивает эту пищу лишь ночью, никогда не удаляясь значительно от берега. Это мнение, наверное, несправедливо: то, что челюсти покрыты вздутой кожей, похожей на губы, так же решительно противоречит этому, как и рассказ Шомбургка. Гораздо вероятнее кажется мне указание Пеппига: «Она питается маленькими рыбами и лягушками, лежит, подстерегая их, между плавающими водяными растениями, плавает быстро, может даже догонять рыб и, вдруг поднимаясь, схватывает мелких водяных птиц»*. Может быть, странные придатки на голове и шее служат приманкой для доверчивых рыбок, которых привлекают червеобразные придатки и которых затем матамата легко схватывает. Гутье уверяет, что некоторое время «очень легко» кормил одну самку травой и хлебом, но, впрочем, не говорит, как долго. Старые матаматы, которых я видел в неволе или держал сам, не принимали никакой пищи и всегда умирали через несколько недель. Своей боязнью света и ленивым покоем они надоедали каждому, кто наблюдал их. Были ли другие счастливее меня, я не знаю. По Гюнтеру, можно предполагать, что пища этого вида на свободе состоит из головастиков и лягушек.

Размножение матаматы, говорят, слабо, и половая жизнь ее вообще не отличается от жизни родственных видов. Самка, которую держал Гутье, положила перед смертью пять яиц; из одного вышла черепаха, и притом, против всякого ожидания, в выдвижном ящике, в котором хранились яйца.

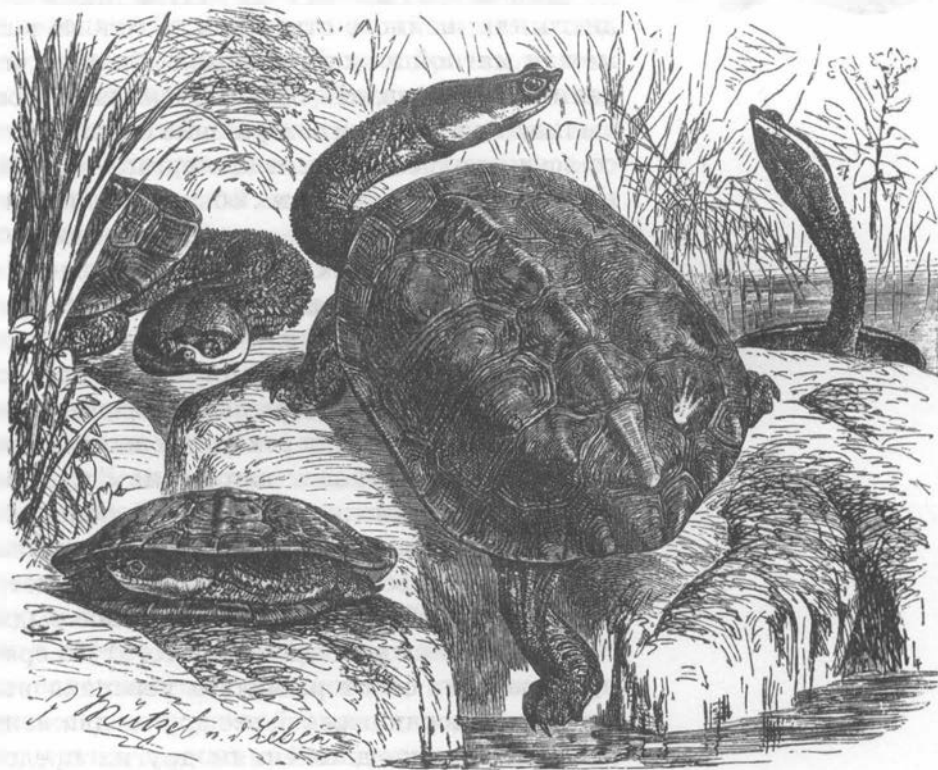
Гидромедузами (*Hydromedusa*) мы будем называть два вида змеиношейных черепах. Они отличаются слабовыпуклым, по краям загнутым кверху в виде желобка спинным панцирем, состоящим из 14 пластинок, и очень плоским брюшным, состоящим из одного куска, сплюснутой сверху и одетой мягкой кожей головой, слабыми челюстями, очень длинной, бородавчатой шей, которая длиннее спинного отдела позвоночника, коротким хвостом и четырьмя когтями на передних и задних ногах. У них, в виде исключения, 14 спинных пластинок, потому что затылочная пластинка здесь не лежит, как обыкновенно, на переднем краю между краевыми пластинками, а позади их на поверхности самого щита

перед первой хребтовой пластинкой и как бы играет роль шестой пластинки этого рода. Хвостовая пластинка двойная, занимающая передний край брюшного панциря, почти пятиугольная межгорловая пластинка очень велика, плечевых и паховых пластинок нет, усиков на подбородке тоже нет.

Для описания одного из двух видов этого рода мы изберем аргентинскую змеиношейную черепаху (*Hydromedusa tectifera*) в качестве представителя группы, хотя нам мало известно об ее жизни на свободе. Все пластинки широкояйцевидного, спереди закругленного спинного панциря представляют у молодого животного многочисленные полосы нарастания, посреди которых по большей части, но

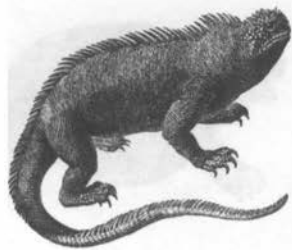
не всегда можно отличать выступающее в виде конуса или бугорка срединное поле щитка; напротив, у старых животных они кажутся совершенно гладкими. Цвет спинного панциря равномерный, темный оливково-зеленый, цвет грудного панциря грязный буровато-желтый с темно-бурыми пятнами, этот цвет выступает и на нижней стороне краевых пластинок, но переходит в месте соединения обоих щитов в буро-черный. Голова, шея, ноги и хвост свинцово-серого цвета; полоска, начинающаяся на резко усеченном верхнем крае морды по бокам носа, пробегающая отсюда в виде тонкой черты до глаза, расширяющаяся, начиная отсюда, и остающаяся одинаковой ширины вдоль всей шеи, а также другая полоска, которая пробегает с каждой стороны внутри от нижней челюсти и скоро соединяется с первой, желтовато-белого цвета с черными каемками. Длина панциря равна 20 см.

Область распространения змеиношейной черепахи ограничивается, по-видимому, крайним югом Бразилии и соседними странами. Наттерер нашел ее в Сан-Пауло, Ихеринг — в Рио-Гранде, другие исследователи — в Ла-Плате, д'Орбиньи — в Монтевидео

Аргентинская змеиношейная черепаха
(*Hydromedusa tectifera*)

*Семейство
змеиношейные
черепахи*

и Буэнос-Айресе; Гензель получил ее из Банда. Микан дает первое описание ее; д'Орбиньи говорит, что она обыкновенна и держится в мелких озерах и ручьях, но не говорит ничего более об ее образе жизни.

Образ жизни змеиношейной черепахи, как ни сходен он в общем с образом жизни других водяных черепах, должен быть замечателен во многих отношениях. Это доказывает молодое животное, по которому сделано наше описание. Днем можно редко видеть что-нибудь, кроме панциря, так как голова и конечности совершенно втянуты. Длинная шея лежит в это время в виде толстого валька поперек и довольно глубоко в пространстве между спинным и грудным щитом, занимая почти всю ширину переднего или шейного отверстия, а голова так крепко прижимается между мягкой кожей плечевой области, что лишь в виде исключения можно видеть больше чем часть боковой поверхности затылка, а нос и глаза совершенно скрыты от взгляда, так как кожа со всех сторон окружает эти органы чувств. Ноги и хвост втягиваются и загибаются, как обычно, но подошвы ног, вооруженные длинными, но крепкими когтями, лежат при этом свободно на поверхности. Таким образом, животное выставляет на воде, в случае какого-либо нападения, лишь панцирь да ноги. Но длинная шея может вдруг выдвинуться и обнаруживать при этом такую изумительную гибкость, быстроту и подвижность, что совершенно напоминает змею. Теперь наша черепаха готова к защите и, когда сочтет это нужным, переходит к нападению, которое по живости нисколько не уступает нападениям кусающейся черепахи и далеко превосходит их ловкостью. Злобный блеск как бы оживляет светло-желтые глаза, шея изгибается по-змеиному, чтобы достаточно вытянуться для нападения, и с быстротой молнии, как кусающая ядовитая змея, злое животное выдвигает ее вперед, когда считает момент удобным для этого. По сравнению с гибкостью и проворством, с которыми эта черепаха втягивает и вытягивает шею, не поворачивая ею, все другие движения, хотя они и не уступают нисколько движениям других представителей отряда, кажутся едва заслуживающими особого упоминания, по крайней мере они вовсе не характерны.

Если позволить себе сделать вывод о жизни этой черепахи на свободе на основании того, что замечаешь на животном, содержащемся в неволе и молодом, то можно приблизительно следующим образом представить себе картину жизни этой черепахи. Змеиношейная черепаха спокойно лежит днем в воде или на сухих местах над водой и начинает охоту лишь к вечеру. Ее спинной панцирь, который такого же цвета, как иловатый грунт, скрывает ее от глаз рыб, которых она подстерегает, наполовину зарывшись в ил, и они беззаботно приближаются, пока вдруг не выбросится длинная шея и клювообразные челюсти не схватят неосторожную жертву. Если засада неудачна,

то эта шея оказывает прекрасные услуги и при погоне за добычей. Против врагов змеиношейная черепаха защищается с мужеством, упорством и ловкостью, а потому, вероятно, мало терпит от более сильных противников, да и то, пожалуй, лишь в молодости. Все вооружение предназначает ее к тому, что так удачно выражает название ее: она настоящая — «Hydromedusa», т.е. водное страшилище.

СЕМЕЙСТВО ТРЕХКОГОТНЫЕ ЧЕРЕПАХИ (Trionychidae)

Третий естественный ряд настоящих черепах включает семейство трехкоготных черепах. От всех остальных черепах они отличаются отсутствием роговых пластинок на панцире и явственными пальцами, из которых лишь три внутренних имеют когти. Их всегда круглый или яйцевидный, по большей части очень маловыпуклый спинной панцирь представляет костяное среднее поле, одетое на поверхности мягкой, зернистой или морщинистой кожей, и вокруг него мягкий, хрящевой край, который крайне редко подпирается отдельными краевыми косточками. Грудной панцирь состоит из костей, которые остаются разделенными всю жизнь. Обе половины панциря одеты непрерывной мягкой кожей, но не роговыми пластинками. Ноздри лежат в мягком подвижном хоботе, барабанная перепонка скрыта под кожей, челюсти окружены мясистыми губами. Голова и шея могут втягиваться под панцирь, изгибаясь вертикально в виде S, как у скрытноголовых, трехкоготные плавательные ноги с очень развитыми плавательными перепонками тоже могут втягиваться, а задние могут иногда скрыватьсь под особыми крышками. Хвост короткий.

Очень замечательно дыхание триониксовых. После того как уже Агассис указал, что в глотке североамериканских трехкоготных черепах находятся волокнистые образования, которые, по видимому, служат для известного рода жаберного дыхания, Гиэс доказал в 1884 году, что у этих черепах действительно существует, как у двоякодышащих и некоторых ганоидных рыб, дыхание воздухом, растворенным в воде, рядом с настоящим воздушным дыханием, и что эти два способа дыхания могут чередоваться. Животные, над которыми производились опыты, добровольно оставались в текучей воде по 2—10 часов под водой и не добровольно — по 15 часов, не терпя никакого вреда. Дыхание должно было, следовательно, происходить за счет воздуха, растворенного в воде. Химическое исследование показало в воздухе, растворенном в воде, служившей для дыхания, сильную потерю кислорода и значительную прибыль углекислоты. В качестве внутренних жабр служат при этом нитевидные кожистые наросты, которыми густо усажена слизистая оболочка глотки и которые кажутся красными и сильно раздутыми от обильного притока крови.

Семейство трехкоготные черепахи

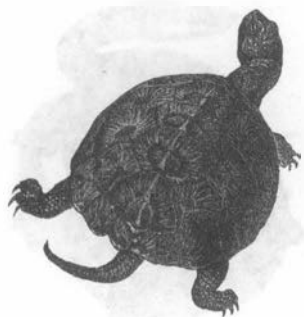
*Семейство
трехкоготные
черепахи*

Образ жизни их еще мало известен; однако мы знаем, что они выходят на некоторое время из воды лишь для того, чтобы положить яйца, а в остальное время проводят жизнь в воде. Хотя они довольно проворны на суше и, по словам Бэкера, бегают довольно быстро, однако лишь крайне редко предпринимают большие странствования по суше: они не совершают их даже тогда, когда воды, в которых они живут, высыхают, а просто зарываются при таких печальных обстоятельствах в ил и ожидают здесь нового обилия воды. Тем более предприимчивыми оказываются они в тех случаях, пока могут передвигаться в воде. Один вид поймали в значительном расстоянии от устья родной реки в открытом море, и вероятно, что такие экскурсии в море совершаются не слишком редко. Дело в том, что все реки, впадающие в известную часть моря в небольшом расстоянии друг от друга, населены обыкновенно одними и теми же видами, напротив, те, которые текут в различные части моря и не связаны между собой в верхнем течении, населены различными видами триониксовых. Из всех представителей отряда, кроме морских черепах, они предпринимают добровольно самые далекие перекочевки.

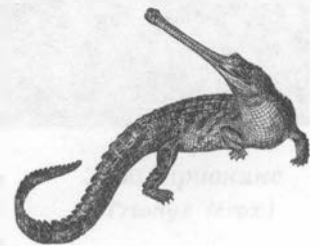
Жизнь их в воде малозаметна. Все виды, по-видимому, ночные животные и начинают свою настоящую деятельность лишь после солнечного заката. Днем они лениво лежат, наполовину или совсем погрузившись в ил, на одном месте, часто на очень малой глубине, которая может более прогреваться солнцем, чем более глубокие места. Ночью они охотятся на различных плавающих животных, особенно рыб и водяных моллюсков. Это не исключает того, что они схватывают и днем подвернувшуюся им добычу; они жадно хватают также, по крайней мере пока солнце еще на небе, наживку на крючке. О виде, живущем в Ниле, арабы рассказывали мне, что черепахи едят рыб, а Бэкер уверяет, что эти черепахи очень решительно хватают приманку.

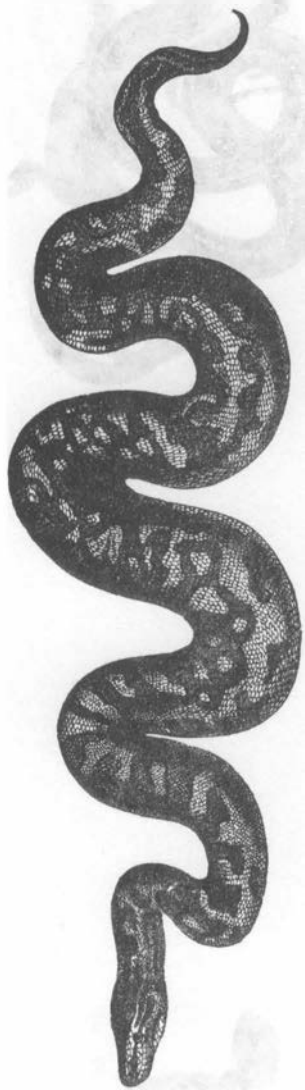
В пользу хищности, а косвенно и животной пищи триониксовых говорит также смелость и злость, нередко переходящие в бешенство, которые они обнаруживают, если их поймают, а особенно если их предварительно ранят. Не все, но очень значительное большинство наблюдателей, которые имели случаи ознакомиться с живыми триониксовыми черепахами, согласны между собой в том, что они принадлежат к числу самых свирепых и злых представителей отряда и не только шипят и хрипло вскрикивают, но и сильно кусаются. Значительная величина этих черепах, масса которых может достигать у некоторых видов до 75, даже 100 и более килограммов, и их чрезвычайно вкусное мясо побуждают, понятно, к более или менее упорному преследованию. Их ловят сетями для рыб и на крючки, убивают из ружья или колют в воде, смотря какой способ ловли в данной местности употребителен или обещает лучшие результаты, но следует держаться в почтительном отдалении от пойманной триониксовой черепа-

хи. «Для ловли трионикса, — рассказывает Теобальд, — пользуются длинной, заостренной на концах железной вилкой или заостренной бамбуковой палкой и втыкают это оружие в различных местах в мягкий ил или намытые полусгнившие листья, вдоль берегов горных рек. Если рыбак коснется при этом трионикса, то замечает это по его движениям. Он осторожно исследует затем рукой положение черепахи и, смотря по величине животного, прикрепляет к задней части хрящевое края щита животного один или несколько крепких крючков. Затем он сильно тянет за все веревки, привязанные к крючкам, и из воды показывается черепаха, дико бьющая ногами вокруг себя и с бешенством хватаящая все, до чего может достать. Если она очень велика или лежит глубоко, то ей вгоняют в спину с помощью тяжелого молотка крепкий заостренный кол и на нем вытаскивают ее на берег. Горе той части тела, которую может схватить яростное животное! Я видел, как трионикс откусил человеку палец ноги. Всегда следует как можно скорее пустить пулю в голову этому, в сильной степени подвижному и злому созданию, трионикс тоже обнаруживает чрезвычайную живучесть, и его голова яростно кусается после того, как ее отделили от тела».

Монголы, которым, по-видимому, хорошо известно, что водящиеся у них триониксовые черепахи сильно кусаются, окружают их жизнь баснями и сказками. «Наши казаки отказывались, — рассказывает Пржевальский, — купаться вместе с нами в ручье Тахылга; они боялись триониксовых черепах, о которых им рассказали монголы. Последние приписывают этим созданиям особые волшебные силы, и в подтверждение своего взгляда указывают на изящные глазчатые пятна на верхней стороне спинного панциря, в которых они видят тибетские буквы. Они напугали наших казаков, утверждая, что черепахи всасываются в тело человека, и что если это случится, то их нельзя более оторвать обыкновенным способом. Единственное средство в таком случае — привести белого верблюда и белого самца косули; увидев черепаху, они начинают кричать, и тогда она выпускает жертву. В прежние времена в ручье Тахылга не было триониксовых черепах; страшные животные явились внезапно и настолько же изумленные, как и испуганные окрестные жители не знали что делать. Наконец они обратились за советом к хигену, или настоятелю соседнего буддийского монастыря, и он объявил, что внезапно появившаяся черепаха останется впредь владычицей ручья и что ее вообще должно причислить к священным животным. С тех пор у источника Тахылга производится раз в месяц благоговейное молебствие». Впрочем, Буланже, говоря об индейских триониксовых черепахах, тоже высказывает мнение, что их дикость, злость и способность с изумительной быстротой выбрасывать шею во все стороны могут делать большие экземпляры опасными для купающихся. Так как некоторые виды, водящиеся в Индии, имеют

панцирь длиной в 1,4 метра, то такое мнение не заключает в себе ничего странного.

Мясо триониксовых черепах едят не везде, но все, кто его пробовал, очень хвалят его. По Бэкеру, оно дает отличный суп. Менее вкусны, по-видимому, яйца. «От одной черепахи, — замечает тот же автор, — я получил более 100 яиц; они были приготовлены в виде яичницы, но имели довольно неприятный вкус».

О жизни триониксовых черепах в неволе мы имеем мало подробных рассказов. Гессе держал в Конго долгое время в неволе маленький экземпляр африканского трионикса длиной в 7 см. «Это было живое существо, очень любившее кусаться; он с яростью бросался на подставленный палец и, несмотря на незначительную величину, мог чувствительно щипать. Вцеплялся он челюстями так крепко, что его можно было поднять, таким образом, на пальце. Он ловко плавал, но и вне воды двигался быстро. Если его клали на спину, то он легко переворачивался, причем сильно вытягивал шею, загибал ее и употреблял как рычаг. Если он поднимался на поверхность, чтобы подышать, то высовывал из воды лишь нос, вытянутый в мягкий хобот. Я кормил его маленькими кусочками ветчины, которые он жадно проглатывал; другое мясо менее нравилось ему, а растительной пищей он совершенно пренебрегал». Келорть упоминает, что он целые месяцы держал в чане с водой вид, живущий на Цейлоне, и что эта черепаха без принуждения ела животные вещества, хлеб и вареный рис; он замечает, что эту черепаху сажают обыкновенно в трюм рыбацких лодок, чтобы она могла поесть находящиеся там остатки. К нам живые черепахи этого семейства попадают крайне редко, но я тем не менее видел молодой экземпляр одного вида, который еще нельзя было определить. Это было очень милое существо, со светлыми умными глазами, движения которого по изяществу и красоте превосходили движения всех известных мне пресноводных черепах.

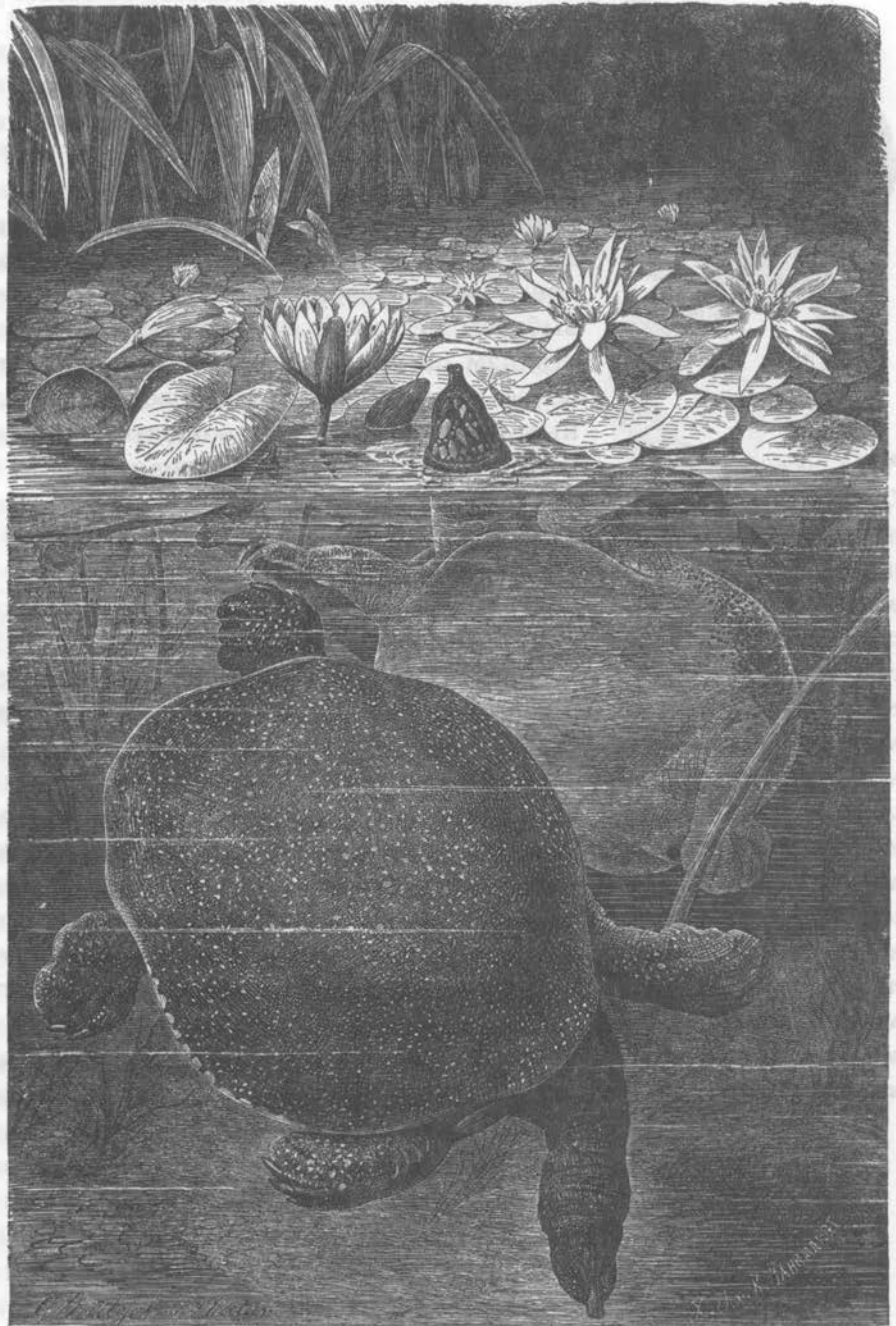
Спинной панцирь у триониксов крайне маловыпуклый, срединное поле умеренной величины, хрящевой край поэтому велик и без следа краевых костей, брюшной панцирь короток, с узкими задними лопастями и без крышек, так что задние ноги не могут прятаться под ним. Мягкая и гладкая кожа покрывает голову, шею, ноги и хвост, лишь на передних конечностях заметно несколько чешуевидных поперечных складок. В черепе глазная орбита более приближена к височной ямке, чем к наружным носовым отверстиям, внутренние костяные носовые отверстия открываются между глазницами.

По Буланже, по крайней мере три, а вероятно, все виды этого рода имеют ту особенность, что являются в зрелом возрасте в двух формах, которые различаются по ширине и крепости челюстей. Между тем, как у всех молодых, челюсти снабжены острыми краями, старые черепахи имеют или челюсти с острым краем,

или массивные, приспособленные для размалывания. Первые питаются преимущественно рыбами и лягушками, у вторых челюсти предназначены, по-видимому, исключительно для размалывания пресноводных, одно- и двустворчатых раковин. Развитие жевательных мускулов тоже гораздо сильнее у экземпляров с широкими челюстями, чем у питающихся рыбой. Баур сделал наблюдение, что у одного из североамериканских видов самка вдвое больше самца.

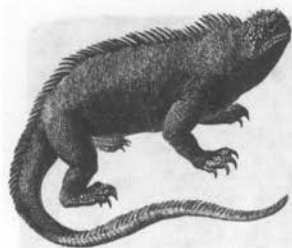
Из видов, принадлежащих к этому роду, мы лучше всего знаем **злого трионикса** (*Trionyx ferox*), самого крупного из североамериканских видов. Щит его разрисован сверху по темному аспидно-серому фону, многочисленными и крупными глазчатыми пятнами и, особенно у края, темными крапинками; снизу он грязно-белого цвета; голова шиферного цвета с темными пятнами сверху и сбоку, в области глаз украшена височной полоской с темными краями, которая достигает шеи и здесь теряется; подбородок, а также ноги и хвост представляют мраморный рисунок из черного и белого цвета; радужная оболочка желтая.

Эта кусающаяся черепаха живет, по словам Гольбука, в реках Саванна и Алабама и во всех реках, изливающихся в Мексиканский залив, а также на юго-востоке Соединенных Штатов от Джорджии до Западной

Злой трионикс
(*Trionyx ferox*)

**Семейство
трехкоготные
черепахи**

** На российском Дальнем Востоке также встречается представитель этого рода. Дальневосточный трионикс существенно снижает свою численность. Существенный урон его популяции наносят вороны, енотовидная собака, лисица, разрушающие порой все кладки на берегу; летние паводки вымывают кладки, а местные жители собирают яйца триониксов.*

Луизианы. Родственные виды живут также в больших северных озерах и, наконец, в Гудзоне, но их нет во всех реках, которые впадают в Атлантический океан, между последней рекой и Саванной. В недавнее время они проникли и в воды штата Нью-Йорк, но можно доказать, что это произошло через Нью-йоркский канал, до окончания его строительства они были там неизвестны. В большей части вод своей области злой трионикс встречается часто. В тихую погоду можно видеть их в значительном числе плавающими на поверхности, в реках они часто появляются в большом числе в воде около утесов, чтобы греться здесь на солнце на небольшой глубине. Обыкновенно трионикс лежит, спрятавшись под корнями и водяными растениями, и подстерегает добычу. Он охотится на рыб, земноводных и водяных птиц, медленно подплывает к замеченной жертве и с быстротой молнии выбрасывает очень метко свою относительно длинную шею. Крестьянам он вредит, охотясь на молодых уток и гусей. Рыбам и более мелким живущим в воде пресмыкающимся и земноводным он опасен. Между молодыми аллигаторами он производит, говорят, настоящие опустошения, зато большие в свою очередь съедают его.

В мае самки отыскивают песчаные места вдоль берегов тех вод, где они живут, и в это время, несмотря на то что обычно боятся суши, взбираются на возвышение более метра вышиной. Яйца круглы и относительно ломки, во всяком случае более чем у других черепах, живущих в тех же водах. О жизни молодых, которые вылупляются, по-видимому, в июне, не обнаружено никаких наблюдений.

Из всех североамериканских черепах этот вид обладает самым вкусным мясом, и потому его ревностно преследуют. Его убивают из ружья, окружают сетями те места, где триониксы спят, или ловят их на крючки*. Со взрослыми надо обращаться осторожно, так как они защищаются и могут наносить, кусаясь, чувствительные раны. Особенно те, которые попадают на крючок, ведут себя как безумные, хватают челюстями по воздуху, коль скоро кто-нибудь к ним приближается, и вообще стараются всячески проявить свою ярость. Белль рассказывает, что раз одно из этих животных откусило палец неловкому ловцу.

ОТРЯД
КЛЮВОГОЛОВЫЕ
(Rhynchocephalia)

Семейство
клинозубые

Этот во всех отношениях замечательный отряд совершенно напоминает по внешнему виду ящериц, но по внутреннему строению соединяет признаки различных других отрядов, даже классов, с некоторыми самыми странными особенностями, в известном отношении он сходен даже с земноводными. Относящаяся сюда гаттерия соединяет в себе признаки первобытных стегоцефалов, остатки которых находят в пермской и девонской формации Богемии и Саксонии, с признаками исчезнувших плезиозавров и наших обыкновенных ящериц.

СЕМЕЙСТВО
КЛИНОЗУБЫЕ (Sphenodontidae)

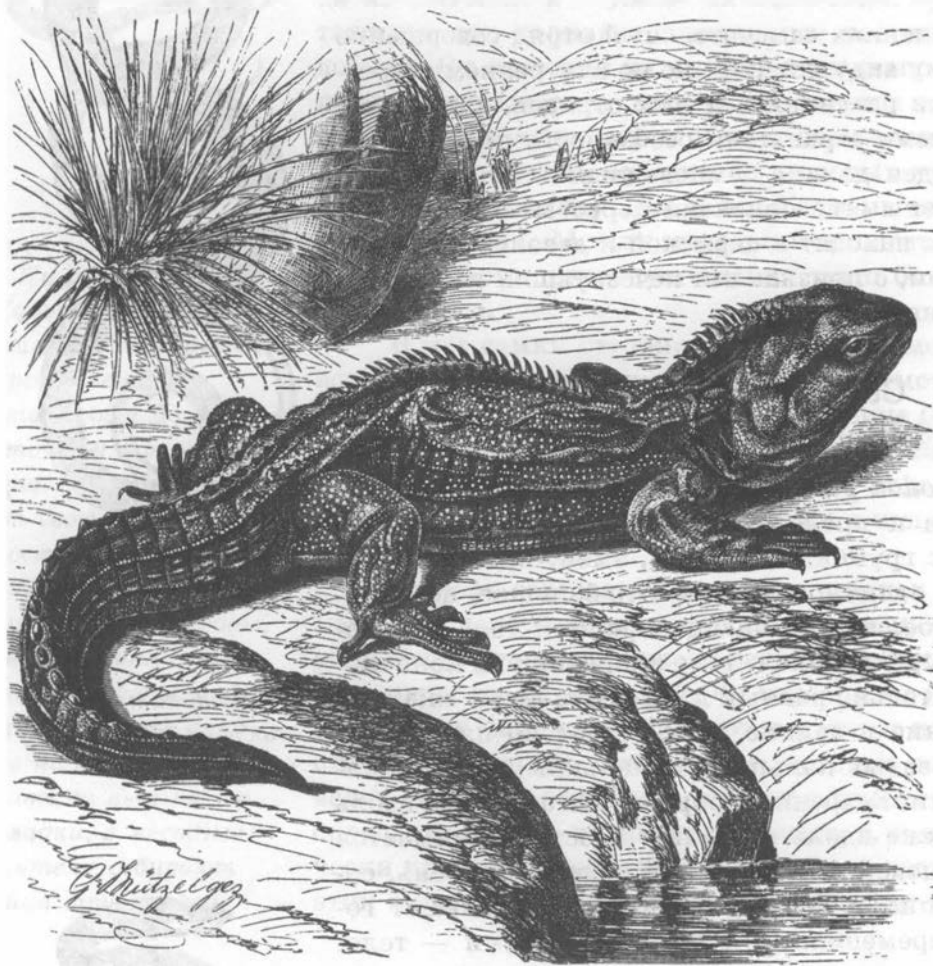
Гаттерию (*Sphenodon punctatus*) мы должны считать типом особого семейства и представителем отряда клювоголовых, равнозначного с группами ящериц, змей, крокодилов и черепах и существенно отличного от них. Это большое, несколько неуклюжее животное, напоминающее формой тела некоторых игуан. Голова четырехгранная, тело укороченное, конечности сильные, приблизительно равной длине тела хвост сжатый, трехгранный*, передние и задние ноги имеют по пять сильных, коротких, вальковатых пальцев с маленькими перепонками и короткими когтями. Бедренных пор нет. На затылке, вдоль середины спины, а также вдоль середины хвоста поднимается прерывающийся в плечевой и поясничной области гребень, состоящий из плоских шипов. Мелкие чешуйки покрывают голову, более мелкие, перемешанные с более крупными — тело, большие четырехугольные плоские щитки, расположенные поперечными рядами, — нижнюю сторону, мелкие чешуйки — хвост, верхнюю и нижнюю сторону пальцев. Чешуйки всей верхней стороны зернистые, те, которые покрывают неправильные складки кожи, больше остальных. Основной цвет бледный оливково-зеленый, бока и конечности испещрены мелкими белыми и лежащими между ними более крупными желтыми крапинками, шипы гребня на затылке и спине желтые, шипы хвостового гребня бурые.

* Хвост гаттерии способен к регенерации.

Гораздо более замечательные и важные признаки обнаруживаются при анатомировании этого животного. Квадратная кость, в противоположность тому, что мы находим у всех чешуйчатых пресмыкающихся, неподвижно соединена с черепом, лицевая часть черепа соединена с височной областью двумя костяными мостиками, проходящими над височной ямкой. Зубы укреплены обыкновенным образом своими корнями на краю челюстных костей, но, за исключением тоже изменяющихся, но исчезающих двух больших передних зубов, так стираются у более старых животных, что они должны, подобно черепахам, кусать краями челюстей.

На наружном крае небных костей находится второй ряд зубов. При закрывании рта ряд зубов нижней челюсти приходится между небным и параллельным ему верхнечелюстным рядом зубов. На каждом сошнике находятся иногда по одному или по два зуба. Ветви нижней челюсти соединены впереди связкой, как у змей. Позвонки снабжены спереди и сзади воронкообразными углублениями, как у некоторых земноводных и у многих костистых рыб и как было у ископаемых пресмыкающихся — ихтиозавров, мегалозавров и телеозавров. Снаб-

Гаттерия
(*Sphenodon punctatus*)

женные одной суставной головкой, ребра с крючковатыми отростками сходны с ребрами большинства ящериц в том отношении, что некоторые из них, именно три пары, соединяются с грудной костью, а затем существует одиннадцать пар ложных ребер. Но нижние концы ложных ребер соединяются, в свою очередь, с особыми узкими косточками, брюшными ребрами, которые лежат в подкожном слое брюшных покровов и по своему числу и положению соответствуют расположенным поперечными рядами на-

ружным брюшным щиткам и вдвое превышают число позвонков и ложных ребер. Они так крепко связаны с брюшными щитками, что могут быть отделены от них лишь с помощью ножа. Поперечный ряд брюшных щитков этого животного соответствует, следовательно, отдельному брюшному щитку змеи и еще более отдельным частям брюшного панциря черепахи. Со змеями гаттерия сходна и в том отношении, что у нее нет барабанной перепонки и обособленной барабанной полости и большой столбик заменяет слуховые косточки*; передние конечности соединяются с грудной клеткой посредством ключиц и дужки. Глаза велики и имеют вертикальный зрачок. Заднепроходная щель расположена поперек, как у ящериц. Мужских органов совокупления Гюнтер не мог отыскать; гаттерия сходна, следовательно, в этом отношении с земноводными**. Таким образом, можно сказать, что гаттерия есть пресмыкающееся, которое в общих чертах сходно с ящерицами, но в некоторых очень важных чертах организации остановилось на степени земноводного, а также выработало другие приспособления такого же рода, какие мы находим у черепахах и змей***.

О распространении и образе жизни гаттерии мы имеем пока лишь скудные сведения. Кук первый упоминает о ней: «Говорят, что в Новой Зеландии есть ящерицы громадной величины, что они бывают длиной в 2,6 метра и толщиной с человека, что они нападают иногда на людей и съедают их. Они живут в норах под землей, и их убивают, разводя огонь перед входом в нору»****. Поллак тоже говорит об этом животном. «Исполинская ящерица или гуана, — говорит он, — живет преимущественно на острове Виктория; немногие из них встречаются на островах в бухте Пленти. Туземцы рассказывают о ней, что она поедает людей; однако она, несомненно, безобидное существо»*****. Диффенбах узнал немного более. «Меня известили о существовании большой ящерицы, которую туземцы называют «туатера» или «нарара» и очень боятся; однако, хотя я обыскал все места, где она, говорят, водится, и предложил значительное вознаграждение за поимку ее, мне удалось достать одну лишь за несколько дней до моего отъезда из Новой Зеландии. Ее поймали на маленьком скалистом острове Карева, лежащем в бухте Пленти приблизительно в двух милях от берега. Из всего, что я узнал, по-видимому, следует, что гаттерия была прежде обыкновенна на всех островах, жила в норах, а часто и на песчаных холмах около берега; туземцы преследовали и убивали ее из-за мяса. Вследствие этих преследований, а также вследствие ввоза свиней животное это стало столь редким, что многие пожилые жители страны не видали его».

Гаттерия, которую Диффенбаху принесли живой, попала позднее в Британский музей и дала Грэю возможность познакомиться с этим видом ученый мир. После Диффенбаха, в начале

* Барабанных перепонок у гаттерии действительно нет, а полость ее среднего уха заполнена жировой тканью. Несмотря на это, она обладает слухом, но воспринимает лишь низкие звуки — 100—900 Гц.

** Гаттерия — единственное пресмыкающееся, у которого отсутствует копулятивный орган.

*** Одной из самых оригинальных черт гаттерии считается температура их тела, которая колеблется в пределах от 6 до 13 °C (в среднем — около 11 °C).

**** Часто гаттерии поселяются в норах буревестников, выгоняя оттуда птиц.

***** Достоверно зарегистрированные размеры гаттерии не превышают 75 см в длину.

Семейство клинозубые

** У гаттерии извест-
тен и каннибализм
(поедание себе подоб-
ных). В неволе
гаттерии доживают
до 70 лет.*

*** Несмотря на
охрану закона, гат-
терия действительно
стала очень редкой,
ее цена возросла с
40 руб. после второй
мировой войны до
10 000 руб. в 1961
году. Общая числен-
ность гаттерии, по
данным Международ-
ного Союза Охраны
природы, к 1982 г.
составляла примерно
100 тысяч особей,
при этом самая
крупная популяция,
обитающая на остро-
ве Стефанса, насчи-
тывала 50 тысяч
особей (здесь они
достигают плотнос-
ти до 480 экзempla-
ров на 1 га).*

сороковых годов нашего столетия, еще несколько экземпляров были присланы в Англию живыми или мертвыми, но в таком малом числе, что Гюнтер уже в 1867 году мог высказать опасе- ние, что гаттерию, вероятно, скоро придется причислить к вымер- шим животным. Позднее Беннет сообщил, что это животное до 1851 года жило еще в значительном числе на отдельных остро- вах упомянутого залива, особенно на Рурима и Монтоки. Одна компания офицеров наловила здесь в полчаса около 40 экзempla- ров гаттерий, гревшихся на солнце, длиной от 8 до 50 см. Наконец, в 1869 году одно из этих пресмыкающихся снова попало живым в Англию, именно через посредство Гектора, который достал это животное в провинции Веллингтон в Новой Зеландии. Об этом экземпляре мы узнаем, что животное с жадностью ело мучных червей и других насекомых, а от Диффенбаха мы знаем, что гатте- рия в неволе в высшей степени вяла, но зато очень добродушна и позволяет трогать себя, не кусаясь и вообще не оказывая сопро- тивления. В неволе они, говорят, не пренебрегают и растительной пищей*.

Еще теперь, время от времени, с маленьких островов к восто- ку от северного острова Новой Зеландии привозят в Европу жи- вых или мертвых гаттерий, но они все же принадлежат к редким животным и стоят дорого**.

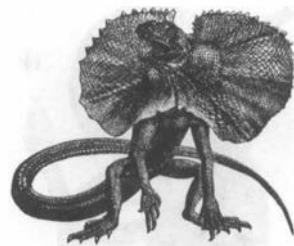
ОТРЯД ЧЕШУЙЧАТЫЕ ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ (Squamata)

Подотряд ЯЩЕРИЦЫ (Lacertilia)

Типической формой этого отряда может служить обыкновенная миловидная ящерица, которая, без сомнения, знакома нашим читателям по их собственному наблюдению, хотя это основная форма, если можно так выразиться, сильно видоизменяется или вследствие того, что взаимное отношение между отдельными частями тела бывает другое, чем у обыкновенной ящерицы (так, например, могут не развиваться конечности, и животное тогда становится похожим на змею), или у некоторых видов вырастают странные шипы, кожистые гребни, лопасти и складки. Обыкновенно ящерицы по внешнему виду походят на крокодилов и только немногие из них по внешнему виду и отсутствию ног похожи на змей, однако по внешним и внутренним признакам они более отличаются от крокодилов, чем от змей. Тело их в большинстве случаев ясно разделяется на голову, шею, туловище и конечности, но эти последние могут быть малоразвитыми и даже вовсе отсутствовать; тогда-то ящерицы и принимают внешнюю форму змей: но это сходство, бросающееся в глаза несведущему человеку, оказывается поверхностным и исчезает при более точном наблюдении. Характерными признаками ящериц могут считаться: внешний покров, состоящий из роговых чешуек, внутри которых иногда бывают костные пластинки, иногда нет, подвижный язык и зубы, которые никогда не сидят в ячейках, но срослись с челюстной костью. Ушное отверстие не прикрыто кожистой складкой; барабанная перепонка находится на поверхности кожи или на дне очень короткой барабанной полости, иногда же в виде исключения покрыто внешней кожей; веки почти всегда подвижные, ноздри отделены одна от другой. Задний проход имеет вид поперечной щели, как у змей, а не продольной, как у черепах и крокодилов.

Чешуйки, представляющие большое разнообразие форм у различных видов, разделяются на табличные, зерновидные,

Подотряд
ящерицы

Подотряд ящерицы

черепитчатые и мутовчатые. Табличными или зерновидными чешуйками называют маленькие, круглые или многоугольные роговые образования, которые всей нижней поверхностью прирастают к коже, лежат одно около другого и друг друга не покрывают. Черепитчатые чешуйки вырастают в кожу своим передним краем, задняя же часть их свободна, причем они покрывают друг друга боковыми частями, а также и кончиками. Мутовчатые чешуйки бывают расположены поперечными рядами одна около другой, так что образуют на теле пояса или мутовки. Чешуйки, отличающиеся большой величиной и прилегающие всей нижней поверхностью к коже, называются щитками и носят различные названия, в зависимости от положения и формы. Кроме чешуек и щитков у ящериц нередко встречаются шипы, гребни, роговые складки и другие роговые образования.

Череп ящериц значительно отличается от черепа крокодила. Квадратная кость, соединяющая нижнюю челюсть с черепом, постоянно соединена с последним подвижным суставом; верхняя челюсть, за немногими исключениями, неподвижна. От теменной кости идут в большинстве случаев довольно большие гребни в виде дуг по сторонам затылочной кости; лобная кость, как правило, цельная и редко разделена посередине, барабанная кость не срастается с соседними костями, носовые кости часто недоразвиты. Позвоночный столб состоит из очень различного числа позвонков, которые обыкновенно имеют на передней стороне углубление, а на задней выпуклый бугорок, а в виде исключения — углубления с обеих сторон. Крестцовых позвонков бывает не более двух, а у ящериц, не имеющих задних конечностей, их едва можно отличить от прочих позвонков. Грудная кость, ключицы и лопатки, а также тазовые кости могут быть иногда сильно недоразвиты, но всегда присутствуют, как у змей. Форма ключицы имеет большое значение, как отличительный признак между некоторыми семействами ящериц.

Язык, который также очень важен для определения семейства, бывает различной формы: иногда он покрыт чешуйками или волосистыми бородавками, мясистый, спереди с небольшой выемкой или округленный, короткий и утолщенный у основания, тонкий и спереди более или менее расщепленный и т. д. Более подробно об этом органе придется говорить впоследствии. Зубы бывают вросшие (*Acrodontes*), если они сидят на краю челюстей и приросли к ним, и приросшие (*Pleurodontes*), если они внешней стороной своего основания приросли к внутренней поверхности челюстей, так что корень их свободен и лишь только прикрыт десной. Однако встречаются переходы от одной формы зубов к другой, например, у американских варанов и у двуходок. Кроме этих зубов у ящериц встречаются еще зубы на небных и крыловидных костях, впрочем, они редко сидят на небных костях и на сошнике. По форме своей зубы бывают очень различны, и у некоторых видов

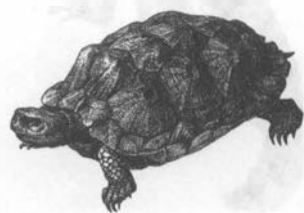
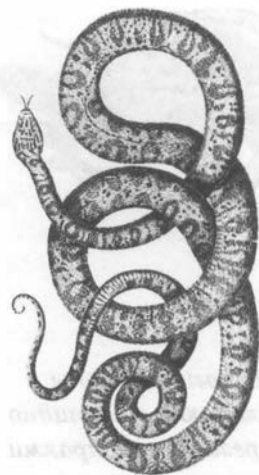

можно, пожалуй, даже различить резцы, клыки и коренные зубы. Широкий пищевод постепенно переходит в конусообразный желудок, который иногда спереди расширен, иногда перегнут посередине и окружен толстым кольцеобразным мускулом и всегда отделен от кишок особым клапаном; почки лежат за брюшной полостью, имеют удлинненную или лентообразную форму и на заднем краю часто срастаются между собой. Мочевой пузырь всегда существует. Сердце имеет два совершенно раздельных предсердия, но желудочки его соединены между собой. Легкие не отделены особым мускулом, похожим на грудобрюшную преграду, как у крокодилов, но проникают в брюшную полость; одни только вараны составляют здесь исключение. Особенно замечательны двойные или парные органы оплодотворения ящериц, которые и в этом отношении более похожи на змей, чем на черепахи и крокодилы.

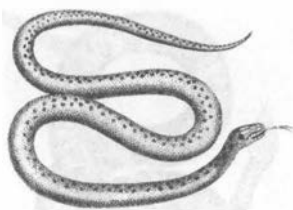
По форме тела этих животных можно судить о месте жительства их. Те, у которых тело сплющено сверху вниз, живут большей частью на песчаных равнинах и прячутся под камнями, в трещинах скал и в норах; те же, тело которых сжато с боков, живут на кустах и деревьях, наконец, те, у которых тело цилиндрическое или червеобразное, большую часть времени пребывают в подземных норах и дуплах деревьев. Безногие и змеевидные ящерицы живут всегда на поверхности земли, а червеобразные — под нею. Однако это правило имеет и некоторые исключения.

Человек относится к ящерицам не враждебно, и они вполне этого заслуживают. На них следует, без всякого сомнения, смотреть как на самых высокоодаренных пресмыкающихся, и они решительно ни в каком отношении не уступают прочим представителям этого класса. Движения их разнообразны, ловки и в большинстве случаев очень быстры; хотя и они влачат по земле свое туловище, однако бегают чрезвычайно скоро, змеевидно извивая свое тело; опираясь на хвост и ударяя им по земле, они могут приподниматься с ее поверхности и делать довольно большие прыжки. Те немногие виды, которые живут в воде, отлично плавают и ныряют, несмотря на отсутствие плавательных перепон на ногах, и даже те, которые обыкновенно тщательно избегают воды, умеют двигаться в ней с большим искусством, если случайно туда попадут; те ящерицы, которые лазают по скалам, стенам и по ветвям деревьев, исполняют это с удивительной ловкостью. Древесные ящерицы с успехом пользуются своим длинным хвостом для поддержания равновесия, и они в состоянии точно так же ловко бегать вдоль ветвей и прыгать с сучка на сучок, как их родичи двигаются по земле. Некоторые ящерицы, благодаря широким и шероховатым внизу пальцам, лазают по деревьям в любом положении вверх и вниз как на верхней, так и на нижней стороне; иные, наконец, могут совершать большие прыжки с верхних ветвей на нижние, пользуясь при этом

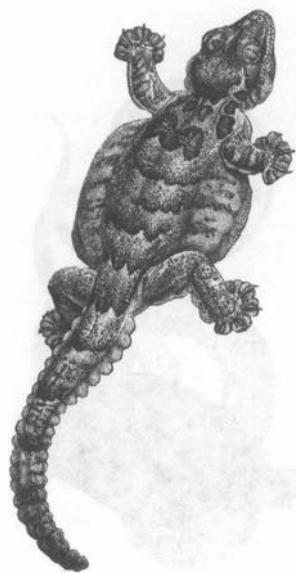
Подотряд ящерицы

Подотряд ящерицы

* Многие гекконы обладают пилевидно изрезанными краями зрачков, которые при их смыкании образуют округлые «отверстия», каждое из которых фокусирует изображение на сетчатку.

растяжимой перепонкой, которая натягивается по сторонам их тела. Те ящерицы, у которых ноги мало развиты или их нет вовсе, двигаются по земле наподобие змей, хотя ребра у них не имеют такого свободного движения, как у последних.

Лишь немногие ящерицы имеют настоящий голос; но большинство во время гнева фыркает, шипит или пыхтит. Однако некоторые виды, особенно ночные, издадут довольно громкие отдельные звуки, не имеющие, впрочем, никакого сходства с ревом крокодила, а скорее напоминающие кваканье лягушек или трещание кузнечиков и сверчков; иногда же раздается писк или чириканье.

Между внешними чувствами зрение постоянно развито лучше других; у большинства ящериц глаза хорошо развиты и имеют круглый зрачок; некоторые, однако, имеют щелевидный зрачок, прямой или извилистый, и по этому признаку можно узнать ночных животных*. После зрения следует упомянуть о слухе, который у большинства ящериц также очень тонок. Все виды, которые издадут звуки, обращают внимание на шум, который передается им через воздух или через колебание почвы. За слухом следует развитие обоняния и осязания: многие ящерицы пользуются своим языком, как змеи, более для ощупывания, чем для вкуса. Вкус редко хорошо развит, однако у ящериц, питающихся растениями и плодами, а также у разборчивых настоящих ящериц он настолько тонок, что они самым тщательным образом выбирают себе пищу.

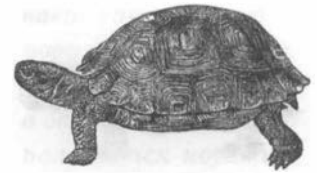
Относительно понятливости ящерицы стоят едва ли ниже каких-либо других пресмыкающихся: они довольно наблюдательны и умеют пользоваться своими наблюдениями. Все любители, державшие этих красивых животных в неволе, утверждают, что питомицы узнают их, и если этим еще не доказано, что они отличают своих хозяев от других людей, то все же видно, что они изменяют свое поведение согласно сделанным наблюдениям. Нрав их, очевидно, по душе людям: они нам кажутся, большей частью справедливо, олицетворением веселой невинности: они живы, подвижны, осторожны и в сравнении со своей величиной очень смелы. В качестве хищных животных они позволяют себе иной раз поступки, которые мы не можем, с нашей точки зрения, не порицать; например, они, не задумываясь, пожирают своих детенышей, или крупные ящерицы — своих мелких родичей: несмотря на это, общественность у них все-таки более развита, чем у других пресмыкающихся: многие из них собираются вместе, и наблюдения показывают, что члены этого общества имеют некоторую связь между собой.

Некоторые ящерицы питаются растительными веществами, не пренебрегая, впрочем, совершенно и животной пищей; лишь очень немногие скорее будут голодать, чем станут есть мясо, а большинство, как уже сказано выше, хищники, которые ищут себе

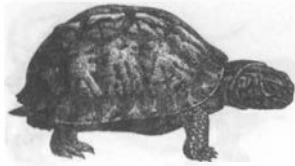
добычу в различных классах животного царства. Большие виды нападают на позвоночных всех пяти классов, бывают иногда опасны маленьким млекопитающим и птицам, а иногда даже и большим, опустошают гнезда, преследуют всех пресмыкающихся, режут гадов и рыб, и охотятся, кроме того, на всех низших беспозвоночных животных, которых могут себе добыть. Маленькие виды питаются преимущественно беспозвоночными животными, главным образом суставчатыми, а другие — улитками и червями. Пищеварение у них совершается быстро, особенно при высокой температуре; они тогда едят чрезвычайно много и до известной степени тучнеют, но при неблагоприятных условиях могут без видимого вреда долго голодать. Твердые части своей добычи и случайно проглоченные вместе с нею растительные вещества они выбрасывают вместе с пометом. Почти все известные виды ящериц пьют жидкости, лакая с помощью языка, быстро опуская его в воду и снова втягивая; впрочем, большая часть их довольствуется росой, которую они собирают на листьях и камнях, а некоторые, по-видимому, могут по целым месяцам, а может быть, и вовсе обходиться без воды.

Ежедневная жизнь этих животных разнообразнее, чем у других пресмыкающихся, но все же довольно однообразна. Подвижнее всего они бывают в жарких тропических странах, особенно там, где между временами года мало различия и где ящерицы не принуждены искать временной защиты от влияния непогоды. Здесь они начинают свою деятельность уже рано утром и бывают подвижны до захода солнца, уступая затем место своим родичам, ведущим ночную жизнь. Первые и последние часы дня они посвящают охоте, перед полуднем и после полудня предаются собственным им удовольствиям, т. е. собираются в общества, а самое жаркое время дня они проводят в полудремоте, потому что боятся чрезвычайной жары точно так, как и холода. В умеренных странах они в полуденное время лежат, растянувшись на камнях или сухих местах, сильно нагретых солнечными лучами, а в тропических странах они в это время отыскивают себе тенистые места. Каждая отдельная ящерица избирает себе известную область жительствова, а в ней какое-нибудь укромное местечко для постоянного пребывания, устраивая его себе даже иногда искусственно. От этого жилища, которое можно назвать гнездом ящерицы, она никогда далеко не удаляется, а в случае опасности спешит туда как можно скорей. В этом отношении не делают исключения и те ящерицы, которые живут в воде и на деревьях. Кто тщательно наблюдал варанов, наверно заметил, что они появляются почти всегда на одном и том же месте, чтобы погреться на солнце или поспать, а кто долго занимался ящерицами, живущими на деревьях, наверно убедился в том, что они добровольно никогда не покидают их. По-видимому, каждая ящерица с некоторым смыслом выбирает себе место жительствова, по окраске

Подотряд ящерицы

Подотряд ящерицы

** Временные норы служат для непродолжительного укрытия ящериц, например на ночь. Многие пустынные ящерицы каждый раз для ночного или полуденного отдыха выкапывают новую норку, совсем короткую — такую, чтобы в ней можно было только поместиться. Постоянные норы располагаются обычно в наиболее удобных местах индивидуального участка. Они более глубокие, используются и для отдыха, и для укрытия от врагов. Ящерицы многих видов защищают постоянные норы от сородичей. Именно в таких норах животные зимуют, у приткнутой ящерицы они могут достигать глубины 2 м. Многие пресмыкающиеся откладывают в норы яйца:*

подходящее к ее цвету. Здесь она охотится за добычей, каждый вид по-своему. Все зорко всматриваются в свою жертву, при случае бросаются на нее большим прыжком, схватывают ее, раздавливают между зубами и глотают по возможности головой вперед. После обильной еды и ящерицы делаются вялыми, но никогда не впадают в состояние совершенного расслабления и равнодушия к окружающему, как змеи. После захода солнца дневные ящерицы постоянно прячутся в свои убежища, а при плохой погоде остаются там по нескольку дней и даже недель. Все виды этого отряда, которые не живут на деревьях или в воде в странах, где царствует вечная весна, проводят неблагоприятное время года в состоянии, похожем на зимнюю спячку млекопитающих. В средней Европе ящерицы осенью прячутся в подземные норки* и, проспав там всю зиму, появляются лишь в начале весны; те виды, которые в Германии спят только пять месяцев, в северной Европе или высоко в горах остаются в состоянии окоченения 6—8 месяцев. Что подобное окоченение происходит и в тропических странах доказывается хотя единичными, но совершенно согласными наблюдениями сведущих путешественников.

Скоро после пробуждения весной, каким бы образом это ни произошло, у ящериц проявляется стремление к размножению. Тогда замечается между ними сильное возбуждение; часто видишь, как два самца яростно преследуют друг друга, нередко дерутся, кусаются и треплют один другого. Только в это время самцы и самки живут близко друг от друга. Несколько недель спустя яйца, числом от 2 до 30, готовы к кладке, и мать готовит для них довольно заботливо и старательно надлежащее гнездо, вырывая в рыхлой земле или во мху, в гнилом дереве или в муравьиных или термитных кучах ямку, куда она кладет яйца, и слегка закрывает их. Яйца мало отличаются от яиц других пресмыкающихся, имеют тягучую, кожистую, мягкую скорлупу, заключающую в себе малое количество известки, большой маслянистый желток и совершенно жидкий белок. Некоторые, например гекконы, кладут яйца с твердой скорлупой. Через несколько недель или месяцев, смотря по тому, когда они положены, яйца созревают, и детеныши вылупляются без всякой помощи со стороны родителей и с первых же дней своей жизни ведут себя, как взрослые.

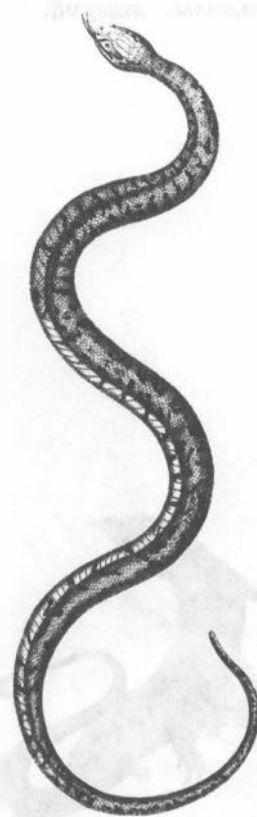
Так бывает чаще всего, но некоторые ящерицы яиц не кладут, а рожают живых детенышей; иногда совершенно так же, как и млекопитающие, иногда же яйца настолько сильно развиваются в теле матери, что оболочка их лопается и детеныши вылупляются из яиц еще до рождения. У безногих ящериц можно заметить у зародышей присутствие конечностей, которые при дальнейшем росте остаются недоразвитыми и исчезают при вылуплении детенышей. В северных странах детеныши, родившиеся поздним летом, еще раз линяют, а затем отыскивают себе удобное место для зимней спячки. О способности возобновлять утраченные

части тела мы уже говорили выше. Буланже сделал у ящериц интересное наблюдение, что, в случае нового вырастания сломанного хвоста, часто на нем заметна другая форма чешуек и иное расположение их. Между тем как гаттерии заменяют потерянный хвост таким же, и то же самое замечается у настоящих ящериц и веретениц, у гекконов первоначальная форма часто значительно изменяется. Особые видоизменения в форме чешуй хвоста происходят у *Gymnophthalmus*, который покрыт круглыми и черепицеобразными чешуйками: новый хвост его имеет устройство чешуек, похожее на чешуйки ящерицы тейю, в свою очередь похожей на *Cercosaura*, примерно как у *Heterodactylus*. Наоборот, вновь выросший хвост желтопузика покрыт черепитчатыми чешуйками, как у веретеницы, между тем как в первоначальной форме этот хвост покрыт килевидными мутовчатыми чешуйками.

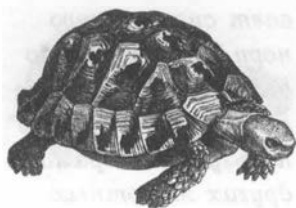
Ящерицы подвержены нападению врагов более, чем другие пресмыкающиеся. Множество хищников преследует их и нападает на них во всех возрастах их жизни. Большие виды ящериц благодаря своей силе и зависящего от нее мужества в значительной степени способны противостоять нападениям других животных, но маленькие виды служат добычей виверрам, куницам и вонючкам, грифам, орлам, соколам и сарычам, совам, воронам, куриным, болотным и водным птицам, змеям и, наконец, более крупным ящерицам, так что следует удивляться, как эти животные могут иногда избегать всех разнообразных врагов. Человек также иногда присоединяется к числу врагов и преследователей этих безобидных созданий и делает это без всякой цели, а только из любви к уничтожению других существ. Некоторых ящериц считают, совершенно несправедливо, ядовитыми, других принимают за змей, и они должны терпеть последствия ненависти к этим пресмыкающимся тварям. И то и другое несправедливо: ядовитой следует считать только одну ящерицу, именно ядозуба (*Heloderma*), живущего в Северной Америке, да и он бывает лишь в редких случаях опасен для людей. Правда, что ящерицы не приносят никакой заметной пользы, но они и не причиняют никакого вреда человеку. Мясо некоторых больших видов съедобно, и даже европейцы находят его довольно вкусным, другие ящерицы нас радуют своею грациозной подвижностью на свободе, а также красотой форм и безвредностью, если их держат в клетках, а большинство их питается животными, которые нам неприятны. Только немногие ящерицы опасны своим хищничеством среди домашних птиц или тем, что они уничтожают их яйца, другие пугают слабонервных людей своим сходством со змеями и подозрительным шуршанием в траве. Вот все, что можно сказать о пользе и вреде ящериц. Большого значения для нас они не имеют, но вместе с тем ничего не делают такого, за что их должно было бы преследовать.

Подотряд ящерицы

самка либо выкапывает специальную нору для этого, либо делает ответвление в основной норе, либо пользуется норами других животных. Ящерицы разных видов часто используют норы грызунов, насекомых, птиц, других пресмыкающихся.

Подотряд ящерицы

* Название *Stellio* сейчас принадлежит не гекконам, а роду агамовых ящериц.

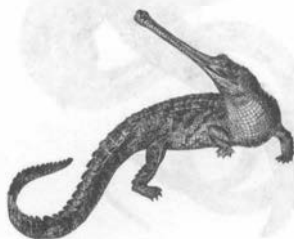

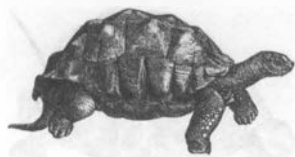
Чрезвычайное разнообразие форм этого отряда пресмыкающихся не позволяет в популярном сочинении подробно описать огромное количество ныне известных видов их; поэтому на следующих страницах мы будем говорить лишь о самых важных представителях различных групп ящериц, причем придется даже пропустить некоторые семейства, так как образ жизни животных, к ним относящихся, до сих пор еще мало известен. Натуралисту, который не имеет в своем распоряжении первоклассного естественноисторического музея и полной коллекции научных сочинений по этой отрасли знания, в высшей степени трудно ориентироваться в существующей до сих пор путанице названий и описаний различных ящериц; кто же желает ознакомиться с образом жизни пресмыкающихся и кое-что рассказать об этом в популярном сочинении, тот часто находится в самом затруднительном положении, так как материала для этого он почти нигде не находит. Вследствие этого необходимо в значительной степени ограничить число описываемых видов.

Едва ли о какой-либо группе пресмыкающихся так много сочинено басен, как о цепкопалых, или гекконах, ночных ящерицах, которые живут в жарких странах всех частей света и имеют очень своеобразную внешность. Древние их называли «*Stellio*»*, потому что, как нам объясняет Овидий, на спине у них замечаются маленькие звездообразные пятнышки (*stella* — звезда). Аристотель говорит, что стеллионы живут в комнатах на окнах и в подземельях, лазают по стенам и часто падают с потолка на стол в кушанья. Они спят в яслях, влезают ослам в ноздри и мешают им есть; далее, что укушение их ядовито и что они в течение четырех холодных месяцев в году прячутся и ничего не едят, а весной и осенью линяют и сами съедают свою кожу. Геснер говорит: «стеллионы съедают свою кожу вследствие недоброжелательства к людям, чтобы не давать им возможности пользоваться этим прекрасным лекарством от падучей болезни, и потому у юристов существует термин «*Titul stellionatus*», которым обозначают, когда кто-либо вымогает и отнимает что-либо обманом или хитростью. Говорят, что у стеллионов существует инстинктивная вражда к скорпионам, так что если они только увидят их, то сильно пугаются и покрываются холодным потом. Поэтому это животное варят в масле и получают лекарство, употребляемое против укуса скорпионов». Плиний утверждает, что геккон доставляет очень опасное снадобье; если его утопить в вине или умертвить в мази, то люди, употребляющие это вино или эту мазь, получают множество веснушек. «Многие нарочно дают такую мазь красивым девушкам со злостным намерением уничтожить их красоту». К счастью, Плиний дает и противоядие: если смешать яичный желток с медом и щелоком, то это снадобье уничтожает вредное действие предыдущего. По мнению этого натуралиста, укус геккона в Греции смертелен, а в Сицилии неопасен.

Подобные басни рассказываются во многих местах еще и до сих пор и находят наивных людей, которые им верят. Старый писатель Бонциус, которому мы обязаны многими дельными наблюдениями, повествует об одном гекконе, живущем в Индии, следующие страшные вещи: «укушение его столь ядовито, что смерть следует после него через несколько часов, если укушенная часть тела не будет отрублена, или ее не прижгут каленым железом. Это я испытал сам на матросе, который лежал в госпитале в Батавии: у него сделался пузырь, как от сильного ожога кипятком только потому, что такая ящерица пробежала у него по груди. При вскрытии этого пузыря вытекла желтая вонючая материя, и мясо под нею было черное, как ореховое дерево; на этом месте сделался антонов огонь, и мясо к нашему большому удивлению и ужасу стало отваливаться кусками в два пальца толщины. Ящерица эта имеет столь острые зубы, что она оставляет ими следы на стали. Ее пасть ярко-красного цвета, как горящая печь. К ужасу тамошних жителей она часто попадает в их спальнях, и люди часто вынуждены ломать свои хижины, чтобы прогнать оттуда этих животных. Яванцы отравляют свое оружие их кровью и слюной; бессовестные люди, которых много в этой стране, для того, чтобы приготовить яд, вешают этих ящериц за хвост и собирают в глиняный сосуд желтую липкую слюну, которую гекконы выпускают в ярости, а затем сушат ее на солнце; поэтому они всегда держат у себя и воспитывают этих отвратительных животных. Даже моча их производит пузыри на коже». Хасельквист утверждает, что цепкопалая ящерица, живущая в Египте, выпускает яд из бороздок, находящихся на ее широких пальцах, и уверяет, что видел двух женщин и одну девушку, которые были при смерти вследствие того, что поели сыр, отравленный этой ящерицей. Миссионер, который схватил это скверное животное, получил от прикосновения пузыри на руках, которые горели точно от ожога крапивой. Тот, кто поест кушанье, через которое пробежала эта ящерица, делается паршивым и т. д. Подобные же басни сообщали Пеппигу в Перу. Один встречающийся там гекко, говорят, так ядовит, что даже прикосновение к нему опасно. Яд выделяется из нижней поверхности пальцев, и он действует не столь быстро, но все же смертельно, как и яд змей. Индейцы знают это хорошо и, отрубивши ему ноги, смело хватают животное руками. Эта ящерица, к счастью, сама не нападает на человека, и подвергаешься опасности лишь тогда, когда она неожиданно падает с потолка, или ее нечаянно схватишь, подымая что-нибудь из темного угла. Так как вышеупомянутый путешественник при рассмотрении животного в хорошую лупу заметил, что чешуи его совершенно сухие, и при анатомировании «на сколько позволяла опасность от животного» под кожей не видал ни железок, ни пузырьков с ядом, то он предполагает, что ящерица эта выпускает яд по своему желанию. Он думает, что хорошим средством

Подотряд ящерицы

против этого яда могут служить выжигания едкой жидкостью и натирания горячим маслом, так как, хотя яд этот несомненно силен, но все же не так опасен, как змеиный, который через рану вводится в кровь. Подобные страшные истории рассказываются и в других частях Америки, в Африке, в Индии и даже в южной Европе. Индейцы и негры рассказывали братьям Шомбургк следующее: «когда геккон упадет с потолка или с балки на крыше на голую кожу человека, то расширения на пальцах, содержащие яд, расправляются и впиваются в мясо, отчего происходит опухоль, причиняющая очень скорую смерть». Поэтому люди боятся гекконов точно так, как ядовитых змей. В южной Европе все совершенно убеждены в их ядовитости. «Их не только обвиняют в том, — замечает принц Бонапарт, — что они портят кушанья своими ногами, но даже ложно утверждают, что если они пробегут по груди человека, то у него мгновенно свертывается кровь. Матери ежедневно пугают своих детей этой страшной басней». Одним словом, недоверие и отвращение к гекконам есть всеобщее явление, а все-таки оно совершенно незаслужено!

Фитцингер возвел это семейство в отдельный отряд, но мы считаем их только одним из семейств ящериц (*Gekkonidae*). Согласно мнению Гюнтера, гекконы отличаются от других ящериц своими позвонками, вогнутыми с обеих сторон, неполными надглазными и теменными дугами на черепе и почти всегда парными теменными костями. Но у них, как и у других ящериц, встречается столбик. Буланже прибавляет к этим признакам гладкий или покрытый шерстистыми бородавками язык и широкие, на конце петлеобразные ключицы.

СЕМЕЙСТВО ГЕККОНОВЫЕ (*Gekkonidae*)

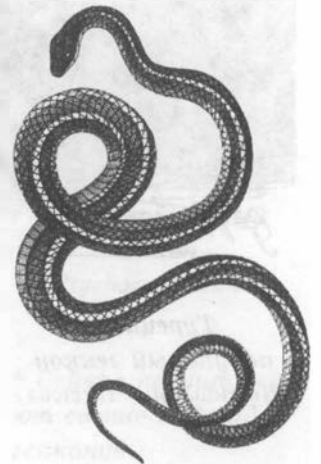
Гекконовые — большей частью небольшие, короткие, плоские ящерицы темного цвета. На голове у них замечается удлиненная, сзади расширенная, а около лба вогнутая, спереди круглая, сильно расщепленная щучья морда; особенно обращают внимание большие глаза, как у всех ночных животных; зрачок у них при дневном свете превращается в узкую, продольную, часто бахромистую щель, а век, по-видимому, совсем нет. Настоящие веки встречаются только у некоторых родов, у прочих же, как у змей, кожа покрывает глаз и образует над ним круглую прозрачную складку, заменяющую веко. Только немногие роды, например, живущие в восточно-африканских немецких колониях *Lygodactylus*, имеют круглый зрачок и потому должны считаться дневными животными. Ушное отверстие также имеет вид продольной щели. Шея очень короткая и толстая, туловище также короткое, округленное, сверху и снизу сплюснутое, иногда с бахромками по бокам; очень ломкий хвост имеет среднюю длину,

толстый, у основания круглый или также плоский, иногда по сторонам он окаймлен кожистой складкой. Ноги очень короткие, а пальцы имеют совершенно своеобразное строение, которое может считаться главным признаком этого семейства. У большинства видов пальцы относительно коротки, по длине мало отличаются один от другого, очень часто соединены между собою кожицей и снизу снабжены пластинчатыми подушечками, состоящими из поперечных кожистых листочков различной величины, формы и положения; эти подушечки дают животному возможность бегать по очень гладким поверхностям в каком угодно положении. У некоторых присасывательные подушки занимают всю нижнюю поверхность пальцев, у других же только часть ее; у первых подушечка разделена на две части, у вторых этого деления не замечается; у иных расширены лишь последние суставы пальцев, у других же подушечки заменяются круглыми бородавками, у некоторых, наконец, пальцы устроены таким же образом, но согнуты и т. д. Одним словом, строение пальцев в высшей степени разнообразно, и зоологи пользуются этим признаком, чтобы разделить этих ящериц на несколько родов и видов. У большинства видов замечаются острые подвижные, часто даже втяжные когти, но случается, что на некоторых, а иногда и на всех пальцах когтей нет. Внешний покров состоит из маленьких лежащих друг около друга возвышений или чешуек, между которыми иногда встречаются и большие. Только немногие виды покрыты круглыми чешуйками, как сцинковые. Зубов бывает всегда очень много, но они не отличаются разнообразием, так как почти все одинаковой формы и величины, и только задние постепенно делаются короче. Нижняя часть зубов цилиндрическая, а коронка имеет вид несколько сжатого с боков острия. Особенно больших зубов, похожих на клыки, не замечается, нет зубов и на небе. По исследованию Пультона, при открывании пасти и кусании верхняя челюсть двигается кверху, что и понятно, так как морда соединена подвижно с костями черепа.

Полупальцами гекконами (*Hemidactylus*) называют те виды, у которых присоски находятся только у оснований пальцев, а предпоследний и последний суставы имеют обыкновенное строение. Присоска разделяется продольной бороздкой на две половины. Нижняя часть хвоста покрыта щитками. У самцов есть железистые отверстия около заднего прохода и на бедрах.

Представителем этого рода в южной Европе служит **турецкий полупальный геккон** (*Hemidactylus turcicus*). Это маленькая ящерица 9—10 см длины, у которой замечается 14—16 продольных рядов неясно треугольных бородавок, из которых часть окрашена в белый, а другая в черноватый цвет; верхняя часть тела имеет мясной цвет с серовато-бурыми пятнышками. По мнению Вернера, турецкий полупальный геккон отличается от других видов тем, что у него замечается перемена цветов: в темноте он

Семейство
гекконовые

кажется молочно-белым и как бы просвечивающим, а при дневном свете его спина принимает разные оттенки от светло-бурого до темно-бурого. Он живет в тех же странах, как и стенной геккон, но по юго-восточному направлению доходит до берегов Красного моря и до Синда.

Род **лопастехвостые гекконы** (*Ptychozoon*) отличается кожистой складкой по сторонам тела, которая образует и на хвосте кожистую каемку; пальцы соединены между собой кожей по всей длине и четыре из них снабжены когтями.

Единственный вид рода **индо-малайский лопастехвостый геккон** (*Ptychozoon Kuhli*) принадлежит к числу самых странных по внешности животных этого семейства. Он имеет 18—20 см длины; верхняя сторона тела желтовато-зеленого масляного цвета, переходящего по сторонам в красновато-бурый; на этом фоне замечаются ломаные поперечные полосы и зигзаги бурого, темно-бурого или черного цвета; складчатая кожа на щеках

Турецкий
полупалый геккон
(*Hemidactylus turcicus*)

светло-мясного цвета с темно-бурыми точечками, на кистевом суставе замечается буроватое колечко, нижняя часть тела серовато-желтая, а кольцо кругом глаз золотисто-желтое. Кроме острова Явы, где этот геккон встречается особенно часто, он живет

на Суматре, Калимантане, Малаккском полуострове и островах Лиукии.

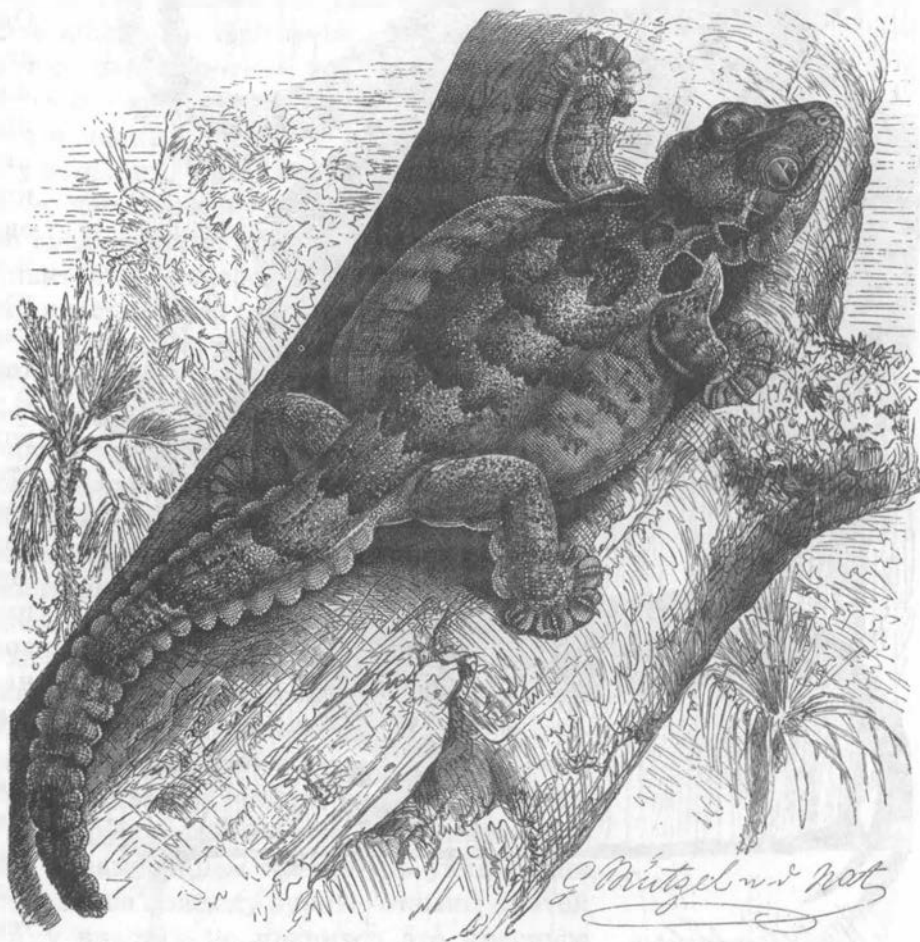
У широкопалых гекконов (*Tarentola*) присоски занимают всю нижнюю поверхность пальцев, из которых первый, второй и пятый лишены когтей. Присоски не разделяются продольной полоской, и железистых отверстий на бедрах и около заднего прохода не замечается.

Сюда относится **стенной геккон** (*Tarentola mauritanica*), маленькое животное 12—16 см длины, из которых хвост занимает половину. Верхняя часть тела бывает разного цвета от светло-желтовато-серого, просто серого и бурого, черно-бурого до матово-черного цвета, на котором иногда замечаются полоски, иногда же вся верхняя сторона одноцветная и как бы покрыта пылью. Нижняя часть тела грязно-желтовато-белая. Голова покрыта неровностями, на спине находится от 7 до 9 продольных рядов бородавок, из которых каждая состоит из 3—4 маленьких очень близко друг от друга стоящих возвышений; брюшко гладкое и покрыто чешуйками. Область распространения этого животного простира-

ется на все страны, окружающие Средиземное море; особенно обыкновенно оно в Испании, на островах, окружающих Италию и в северной Африке. В южную Францию (Порт-Вандр, Сет, Марсель, Тулон и т. д.) ящерица эта завезена кораблями, например, в Сете она встречается только в той части города, которая граничит с гаванью, где пристают алжирские корабли.

Семейство гекконовых, которых теперь известно до 270 видов*, распространено по всем жарким странам земного шара; ящерицы эти живут не только на материке, но также и на остро-

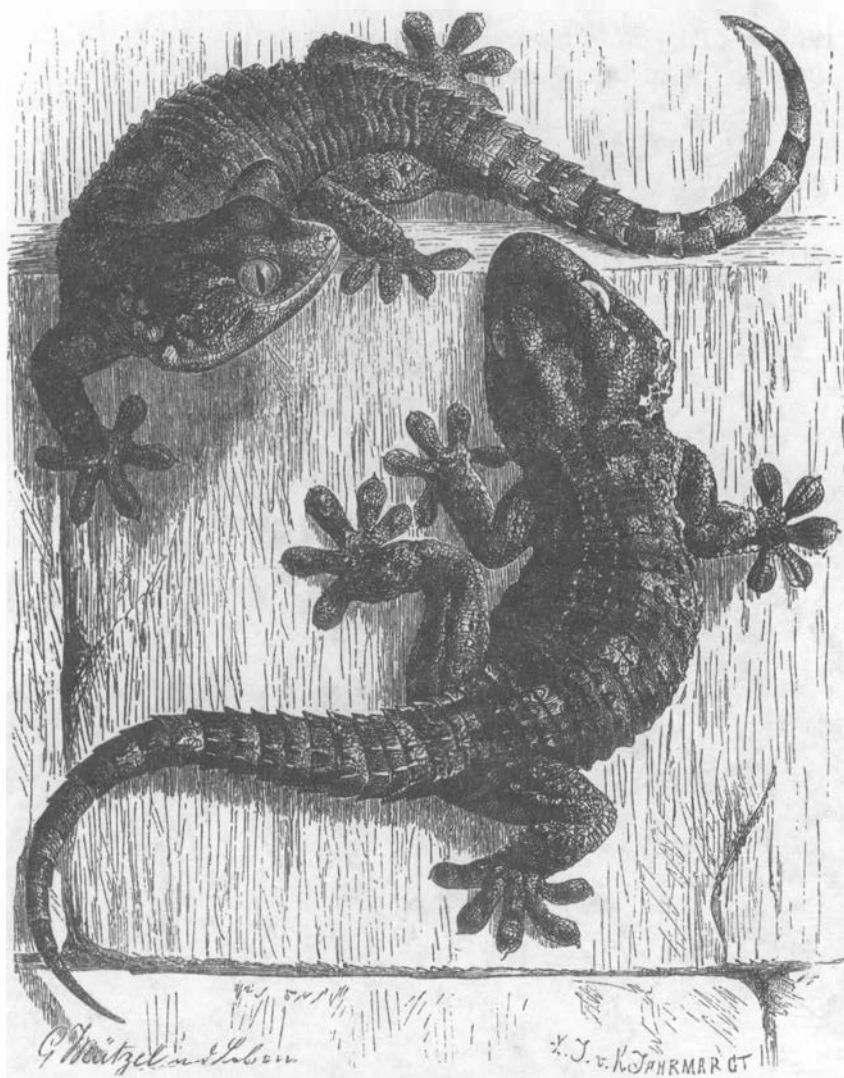
Семейство
гекконовые

Индо-малайский
лопастехвостый
геккон
(*Ptychozoon Kuhl*)

* Сейчас насчитывают свыше 900 видов гекконов.

вах, расположенных внутри области их распространения, даже на таких, которые одиноко лежат в океане и которые, по всей вероятности, никогда не были соединены с материком. Они живут как в низменностях, так и на горах, в лесу и в безлесной пустыне, среди больших и многолюдных городов и под сводами уединенного колодца на большой дороге в пустыне.

Стенной геккон
(*Tarentola mauritanica*)

* Охотничий участок стенного геккона, расположенный на вертикальной поверхности здания, обычно не превышает 1 м².

Предпочитаемые местообитания и образ жизни всех гекконов более или менее одинаковы. Они живут на стенах* и деревьях, между валунами и скалами, и очень охотно — в человеческих жилищах, от погребов до крыш. Те из них, которые окрашены в зеленый цвет, живут только на деревьях, а другие встречаются как между растениями, так и на стенах и в домах. В тех местностях, где они водятся, они большей частью очень многочисленны и привлекают к себе внимание людей, так как это единственные ящерицы, которые могут производить звуки своей гортанью, иначе говоря, которые имеют голос.

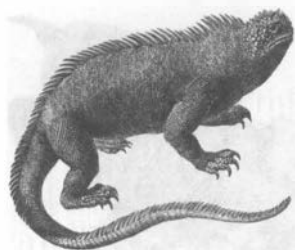
Днем гекконы мало заметны, так как они в основном ночные животные и уже при восходе солнца отыскивают себе темные уголки, где бы они могли спрятаться; они за-

ползают под камнями и под отставшую кору деревьев, в щели и ямки и только тогда остаются на стене или на древесном стволе, когда окраска окружающей среды похожа на их собственную или они по опыту знают, что обитатели того жилища, где они поселились, не причинят им вреда. Однако они точно так, как и другие пресмыкающиеся, любят греться под лучами полуденного солнца, причем на таких стенах, которые бывают отчасти затенены, они перебираются из тени в освещенную часть. В тех странах, где их не преследуют, можно видеть сотни гекконов на одной стене,

дюжины — на одном и том же дереве, так как они любят общество себе подобных, хотя и не всегда живут в мире между собой; может быть, эти сборища происходят оттого, что они умеют найти самое подходящее место в известном участке и туда собираются в большом количестве. С наступлением ночи они делаются живее и начинают охотиться за всякими мелкими животными, именно: мухами, комарами, пауками, жуками, небольшими гусеницами и т. п., причем умеют очень ловко овладевать своей добычей. Большие виды, по словам Мартенса, преследуют также маленьких животных своего семейства; вообще все они точно так же прожорливы, как и другие ящерицы. При начале своей деятельности они издают очень заметный короткий звук, который можно примерно передать слогами «еко» или «токи», производимый в более высоких или более низких тонах. У маленьких видов голос часто сильнее, чем у больших, например, турецкий полупальчатый геккон кричит громче, чем стенной. Почти все гекконы издают звуки гортанью, но среднеазиатские стрекочущие гекконы (*Teratoscincus*) имеют удивительную способность стрекотать большими черепицеобразными пластинками своего хвоста, вроде того, как жук-усач скрипит посредством трения головы о грудной щиток. Штраух полагает, что этими звуками геккон привлекает кузнечиков, которые ему служат пищей. Станный музыкант, который добывает себе пропитание с помощью хвоста!

Движение гекконов продолжается в течение всей ночи и представляет действительно очень странное явление. Неудивительно, что новичку кажется странным, что геккон, животное, похожее на ящерицу, с удивительной ловкостью и большой уверенностью лазают по отвесным гладким стенам, быстро переходит даже на потолок и там бегают точно по полу. Непривычному человеку странно видеть, как это животное несколько минут сряду бывает как бы прилеплено к потолку, как затем оно быстро подвигается вперед, неуверенно поворачивая вправо и влево своим толстым хвостом, как оно извивается наподобие змеи, причем внимательно наблюдает все окружающее своими большими и светящимися ночью глазами, с намерением где-нибудь увидеть добычу. Неудивительно, что, слыша повсюду дурные отзывы об этой ящерице, путешественнику вначале не нравится это красивое животное и возбуждает в нем даже отвращение; но это последнее чувство появляется только у тех, кто не дает себе труда ближе познакомиться с образом жизни гекконов. Я не понимаю, как Шомбургк, который может считаться наблюдателем без предвзятых идей, счел нужным неодобрительно отозваться об этих безвредных животных. «Еще противнее ядовитых змей, — говорит он, — было для нас присутствие гекконов или «лесных рабов», как их называют колонисты, которые в неисчислимом количестве собирались на стенах, стропилах и крышах наших жилищ, как только началось дождливое время года. Ужасные рассказы

индейцев подействовали и на нас и сделали для нас ненавистными этих, по всей вероятности, безвредных животных. Часто случалось, что во время наших вечерних собраний внезапно падал такой непрошенный гость к нам на стол, что легко может случиться, так как гекконы постоянно друг за другом гоняются и кусаются; тогда в одно мгновение все вскакивали с мест и не усаживались до тех пор, пока отвратительное животное не было удалено. Наше отвращение к этим безобразным ящерицам было так сильно, что мы никогда не ложились раздетыми в наши гамаки».

Мне тоже пришлось по целым неделям и месяцам жить в домах, где гекконы жили массами, и меня поразили первые экземплярные этих ящериц, которых я увидал; но мне эти своеобразные и безвредные существа скоро понравились и часто помогали коротать время. Это настоящие домовые животные в более тесном смысле этого слова, чем мыши, и во всяком случае гораздо полезнее последних. Днем движения их действительно кажутся неуклюжими, особенно тогда, когда им угрожают, и они как можно скорее скрываются в свои убежища; точно так же не в их пользу говорит и то, что они от страха, как некоторые жуки, часто внезапно падают на пол, причем обыкновенно у них отваливается хвост. Когда же наступит их время деятельности, т. е. темнота, то натуралист или внимательный наблюдатель должен на них смотреть, если не с восхищением, то по крайней мере с интересом. Даже Шомбургк признает, что ловкость и быстрота, с которой они бегают по стенам, другим гладким поверхностям или стропилам, иногда кажется баснословной, а также, что они в высшей степени своеобразно кивают головой, особенно тогда, когда сидят смирно; если же все это его не так занимало как меня, то в этом он виноват сам. Первый вечерний крик гекконов доставлял мне всегда большое удовольствие, когда мы вечером собирались в наших жилищах в Каире, Донголе, Хартуме или других местностях долины Нила, видели этих животных на темных глиняных стенах или в соломенных хижинах и имели возможность наблюдать, как эти ящерицы бегали, точно привидения, и усердно охотились за добычей.

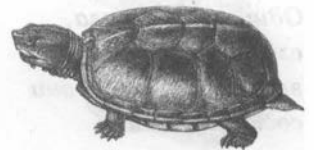

Движения гекконов хотя довольно неуверенны, но в высшей степени быстры и поразительно ловки. При быстром беге они извиваются так заметно, что кажется, будто каждый шаг представляет для них затруднение; но если наблюдать, как они весело и живо двигаются, как, играя, гоняются друг за другом или серьезно дерутся, то скоро убеждаешься в ложности этого мнения. Они плотно прижимаются своим животом к поверхности, по которой двигаются, при лазании по отвесным стенам захватывают большую поверхность, как можно дальше раздвигают свои ноги, а также пальцы, опираются еще, кроме того, на хвост и таким образом двигаются с большей уверенностью, чем всякая другая лазающая ящерица. По наблюдениям Кантора, лопастьхвостые

гекконы благодаря кожистым оторочкам, служащим им парашютом, могут производить довольно большие прыжки, между тем, как другие виды, которые иногда пытаются скакнуть, если торопятся и возбуждены, большей частью теряют равновесие и падают на пол. Нрав их соответствует живости их движений: ночью они точно так же беспокойны и легко возбуждаются, как ящерицы днем; вообще они по своим способностям не уступают этим последним, хотя по строению тела на них мало похожи. Например, их смелость и любовь к дракам точно так же сильны, как и у ящериц. В большом обществе гекконы почти всегда живут во вражде между собой, преследуют друг друга, беспрестанно ссорятся и очень умело и с успехом пользуются своими зубами. Большие виды даже пытаются защищаться от человека, раскрывают насколько можно свою пасть, дико смотрят на нападающего и так сильно кусаются, что могут прокусить кожу человека. Это рассказывают, например, Теобальд и Мартенс про одного большого геккона, распространенного по всей южной Азии; туземцы боятся его до смешного не только из-за страшного его вида, но также из-за его привычки кусаться.

Я ловил несчетное число раз гекконов, держал их в руках и внимательно рассматривал их и их присоски, причем не чувствовал ни малейшего вреда от прикосновения к этим животным, так как у них на пальцах вовсе нет «клеякой жидкости», о которой говорят некоторые писатели. Уже Юм, который серьезно исследовал гекконовых, высказывает мысль, что геккон образует посредством своей присоски безвоздушное пространство и этим придерживается на гладких поверхностях; в этом отношении Юм вполне прав. Прикосновение к присоскам действительно возбуждает ощущение, как будто трогаешь что-то клейкое, но на самом деле клейкого вещества, которое могло бы отравить, наверно не замечал ни один натуралист, который серьезно изучал этих ящериц. Ни один из натуралистов, которые говорят об этом клее, не подумал, что если бы эта жидкость действительно существовала, то геккон скоро не мог бы пользоваться своими ногами, так как к присоскам пристало бы много пыли и грязи, и животное не могло бы больше прилепляться к стене. Геккон, очевидно, держится на предметах в силу воздушного давления, и он может лазать и быстро бегать на самых гладких поверхностях, например, зеркалах и мраморных плитах. Если схватить подобную ящерицу, которая ползет по зеркалу, то чувствуешь небольшое, но очень заметное сопротивление, которое, очевидно, происходит от давления воздуха.

Когда я писал о гекконах, то получил от моего брата Рейнгольда известие, что у него геккон живет в неволе, и так как я знал, что он не побоится воображаемой опасности исследования, то и попросил его еще раз изучить способ лазания этих животных и сообщить мне свои наблюдения. В ответ на эту просьбу я

Семейство гекконовые

** Нижняя поверхность пальца стенного геккона в действительности покрыта расширенными пластинками с поперечными рядами щеточек из микроскопических многовершинных волосков длиной в 90 мкм. На одном пальце расположено около 200 миллионов таких щеточек, которые способны цепляться внешне даже за очень гладкую поверхность. Однако со стекла, смазанного тетраэтиленгликолем, они соскальзывают.*

получил следующее. «Согласно твоему желанию, я несколько раз исследовал ноги стенного геккона и ни разу не нашел и следа клейкой жидкости; строение пальцев этого маленького зверька такого рода, что он вовсе не нуждается в клейкой жидкости, чтобы держаться и бегать по стенам. Все его пальцы в высшей степени подвижны, и пальцы на передних ногах отличаются от пальцев на задних только тем, что пятый палец задних ног длиннее соответствующего переднего и вообще самый длинный из всех. Геккон может располагать крайние пальцы не только под прямым, но даже под тупым углом с соседними, да и второй палец каждой ноги так подвижен, что животное может им описывать довольно большую дугу, между тем как третий и четвертый могут быть только незначительно отдалены друг от друга. Последние, т. е. третий и четвертый пальцы, при лазании служат главным образом для придерзания тела на месте, а три остальных имеют значение для присасывания при перемещении. Эта необыкновенная подвижность пальцев при боковых движениях приносит, очевидно, животному большую пользу, но она еще увеличивается тем, что второй и третий суставы двух первых и пятого пальцев имеют совершенно своеобразное движение: эти суставы могут становиться под прямым углом один к другому. Уже давно известные кожистые пластинки на присосках во время покоя складываются, как пластинки веера, так что разрезы между ними совершенно исчезают, между тем как они делаются очень заметными, когда животное применяет свои пальцы к лазанию по стенам. На ощупь они похожи на бархат. Как бархат при незначительном нажатии пристаёт к довольно гладким поверхностям, точно так прилепляется и геккон к неровным стенам своими бархатистыми пальцами, что облегчается еще крючковатыми и острыми когтями третьего и четвертого пальцев*. Во время покоя когти отчасти втянуты, как у кошки, но тотчас выставляются, когда животное хочет лезть. Несмотря на это, ты вполне прав, утверждая, что геккон поддерживается на вертикальных поверхностях воздушным давлением, которое проявляется тогда, когда животное ставит свои присосковые листочки перпендикулярно к поверхности, между тем как при движении на земле они лежат наклонно; таким образом, образуются пустые пространства между листочками, которые и служат причиной воздушного давления».

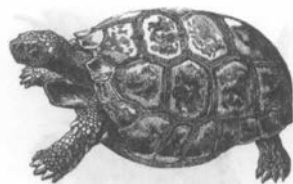
Браун, который еще раз исследовал ноги гекконов, заметил, что прилипание их представляет собой две деятельности. Сначала нижняя часть пальцев прижимается к поверхности, по которой ящерица лазает, посредством сокращения мускулов и тем выдавливается воздух между пальцами и поддерживающей поверхностью. Когда же давление несколько ослабнет, то листочки присосок становятся в перпендикулярное положение посредством особых мускулов, причем действует также упругость густых

волосков, которые покрывают эти листочки, и таким образом образуется безвоздушное пространство между всей подошвой и стеной. При линянии возобновляется также вышеупомянутый слой из волосков.

В высшей степени замечательны большие выпуклые глаза геккона, имеющие цвет светлой бронзы; радужная оболочка с металлическим блеском, точно она бронзирована гальваническим путем; зрачок продолговатый и с бахромчатыми краями, а при сильном свете он превращается в тонкую, черную поперечную и волнистую линию, которая делит глазное яблоко на две одинаковые половины. Если затенить глаз, то зрачок расширяется очень быстро, сначала делается продолговатым, затем почти круглым и, наконец, занимает всю видимую часть глазного яблока, так что радужная оболочка заметна по обеим сторонам только в виде узкой каемки, а сверху и снизу она почти совершенно исчезает.

Гекконы обращают мало внимания на других пресмыкающихся и вообще позвоночных, разве только тогда, когда они в другом, более сильном существе видят врага. В южной Европе довольно трудно наблюдать цепкопалых ящериц, вероятно потому, что они здесь повсюду без всякой нужды преследуются и становятся очень боязливыми; в Африке же, напротив того, они вовсе не боятся людей и очень к ним доверчивы, что очень располагает всех к ним; но, делаясь очень осторожными при преследовании, они в то же время постепенно привыкают к другим животным и даже к человеку, так что становятся в известной степени ручными. «В комнате, где проводили вечера дамы моего семейства, — рассказывает Теннент, — одна из этих доверчивых и интересных ящериц поселилась за рамкой картины. Когда зажигали свечи, геккон появлялся на стене, чтобы получить обычно предлагаемую ему пищу, состоящую из различных крошек; если на него не обращали внимания, то он постоянно напоминал о себе громким «чик, чик, чик». В квартире одного офицера в крепости в Коломбо приучили другого геккона ежедневно появляться вечером, когда садились обедать. Он появлялся очень правильно, когда подавали десерт. Семейство офицера уехало из этой квартиры на несколько месяцев, и его отсутствием воспользовались, чтобы привести в порядок все помещение; стены обили новыми обоями, выбелили потолки и даже сняли крышу, чтобы ее починить. Все предполагали, что маленький обитатель этой квартиры удалился из нее вследствие столь сильных перемен, но это было не так. При возвращении своих прежних приятелей он появился с прежней пунктуальностью в первый же раз, когда был накрыт стол, и снова стал выпрашивать себе подачки». Подобную же историю рассказывает Мелендорф о другом гекконе в немецком консульском доме в Маниле. «Дети так привыкли к этим доверчивым сожителям нашим, что каждому из них дали особое имя, — например, «бесхвостый Ванька» не пропускает ни одного

Семейство
гекконовые

* К числу «живородящих» гекконов сейчас относят еще представителей новозеландского рода *Hoplodactylus* и новокаледонский вид *Rhacodactylus trachyrhynchus*.

завтрака или обеда и постоянно появляется среди нас, чтобы получить подачку».

Подобные наблюдения, которые каждый может произвести, казалось бы, должны были расположить людей к этим безвредным животным, а вместо того их преследуют и убивают без всякой нужды. «Геккон представляет, — говорит совершенно справедливо принц Бонапарт, — ясный пример людской неблагодарности. Этот зверек всеми силами старается очистить комнаты, где он поселяется вместе с нами, от пауков, комаров и других докучливых насекомых, и за это благодеяние вместо благодарности его преследуют и на него клеветают!»

Все европейские гекконы кладут два почти шарообразных яйца с твердой белой известковой скорлупой. Бауер сообщает, что живший у него в неволе яванский лопастехвостый геккон в ноябре также положил два яйца, из которых детеныши выползли в середине мая. Только один новозеландский геккон *Naultinus elegans* составляет исключение: по словам Коленса, вид этот рождает живых детенышей всегда по двое и время беременности продолжается пять с половиной месяцев*.

К сожалению, гекконов очень трудно держать в тесной неволе, и в средней Европе они очень плохо переносят зиму и часто околевают. Даже ловить их не так-то легко. Днем относительно легко их захватить, если только они спрятались не слишком высоко: ночью же поимка этих быстрых животных очень затруднительна, а часто даже невозможна. При сколько-нибудь неосторожном прикосновении хвост у них отламывается, точно стеклянный, что, конечно, не составляет большой потери, так как уже через несколько дней нарастает новый хвост, а через месяц он уже получает прежний вид, хотя находящиеся в нем позвонки еще не появились; но внешний покров этого хвоста изменяется: он делается гладким, без шиповидных бугорков и в том месте, где был сломан, несколько утолщен. Геккон живет по-прежнему, но вначале, конечно, очень неприятно видеть это животное изуродованным, а затем обращение с ним делается в высшей степени затруднительным. Хвост очень часто снова ломается даже при самом осторожном обращении; можно определенно сказать, что очень редко удастся в целости перенести геккона из одной клетки в другую. Жизнь в тесном помещении, по-видимому, делает животное скучным и беспокойным: оно всегда остается боязливым, и раньше, чем успеешь его приручить, приходит злая зима, которая бывает губельна для геккона. Вследствие этого редко можно видеть цепкопалых ящериц в неволе у любителей. Только в последнее время научились содержать этих животных живыми длительное время, именно, искусственно воспитывая для них подходящий корм (личинки маленьких жуков). В хорошо устроенном павильоне зоологического сада, где в течение целого года поддерживается

одинаковая температура, этим ящерицам живется легче; здесь не особенно трудно их продержат и зимою.

«Мой пленник, — пишет мне брат, — ест мух, которых схватывает быстрым прыжком, предварительно долго к ним присматриваясь; мучных червей он, кажется, не любит, по крайней мере, до сих пор он постоянно от них отказывался. Считаю долгом еще сообщить, что мнение древних, будто геккон при линянии съедает свою собственную кожу из недоброжелательства к человеку, так как эта кожа представляет собою очень хорошее лекарство против падучей болезни, основывается на действительном факте. Мой геккон действительно сожрал свою кожу на этих днях. Линяние началось со спины и постепенно распространялось на голову и шею; здесь кожа дольше всего оставалась прикрепленной к телу. Как только геккон совершенно освободился от старой кожи, то захватил ее в пасть и постепенно стал глотать, по-видимому, без усилия».

СЕМЕЙСТВО ЧЕШУЕНОГИ (*Pygopodidae*)

Чешуеноги (*Pygopus*) образуют особое семейство; это австралийские ящерицы очень странного вида, которые отличаются длинным, тонким змеевидным туловищем, на котором, по-видимому, передних конечностей вовсе нет, а задние получили вид ластовидных придатков*. Язык покрыт шерстистыми бородавками, ключицы на внутренней стороне не развиты, на маленьких глазах нет подвижных век. По строению черепа они близки к гекконам, и поперечный узкий зрачок приближает их к семейству гекконовых и легко отличает их от веретениц, около которых их прежде ставили в системе. Известно 6 родов с 8 видами этих животных, которые водятся только на материке Австралия, в Тасмании и Новой Гвинее**.

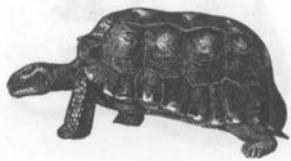
Обыкновенный чешуеног (*Pygopus lepidopodus*) животное, имеющее 52—58 см длины с хвостом, длина которого вдвое больше длины туловища. Голова удлинённая, морда спереди острая, мало отделенная от туловища, сверху покрыта большими щитками, а по сторонам маленькими чешуйками; ухо очень заметно и расположено вкось; верхнее и нижнее веки совсем мало развиты, неподвижны и покрыты маленькими чешуйками; туловище цилиндрическое, очень тонкое, почти одинаковой толщины по всей длине, очень длинный хвост к концу постепенно суживается и сверху покрыт, как и спина, килеватыми муточкатыми чешуйками. Задние конечности образуют два придатка, похожие на плавники, которые на конце закруглены и покрыты черепитчатыми чешуйками. Верхняя часть тела имеет серовато-бледно-бурый цвет; у большинства экземпляров заметен красивый рисунок, состоящий из 3 или 5 рядов черноватых пятен, проходящих от

Семейство чешуеноги

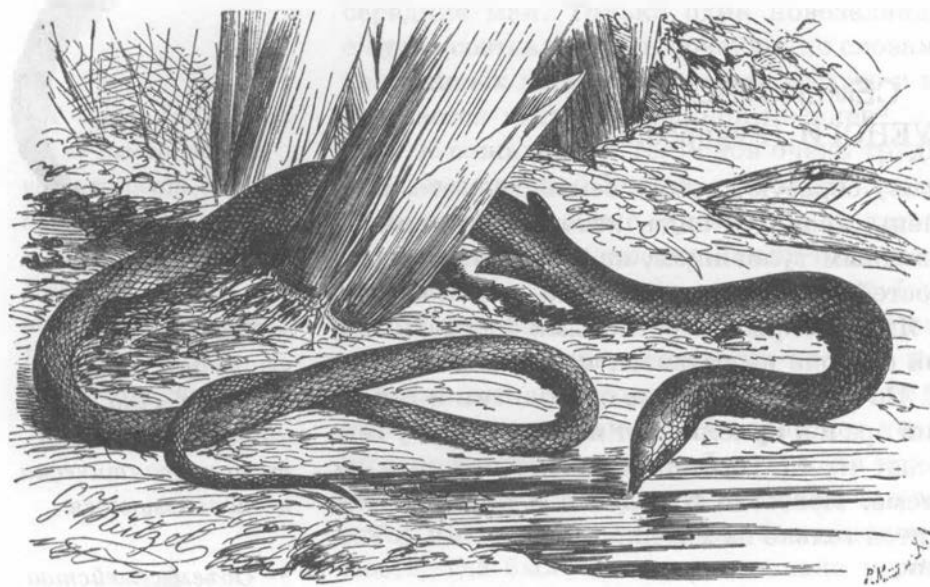
* При движении чешуенога его конечности обычно плотно прижимаются к телу и практически не используются.

** Объем семейства увеличился до 32 видов и 8 родов.

Семейство агамовые

* Один из видов чешуеногов способен имитировать оборонительное поведение ядовитых аспидовых змей, принимая S-образную стойку и издавая шипящие звуки.

Обыкновенный
чешуеног
(*Pugorius lepidorodus*)

** Агамовых ящериц сейчас насчитывают более 350 видов, объединяемых в 45 родов.

голова к кончику хвоста; горло белое, прочие части тела с серым налетом. О жизни чешуенога мы знаем лишь то, что это животное встречается в Австралии и Тасмании и живет наподобие нашей веретеницы. Его особенно часто встречают в более жаркой северной части провинции Виктория*.

СЕМЕЙСТВО АГАМОВЫЕ, ИЛИ АГАМЫ (Agamidae)

На юге и востоке Старого Света к вышеназванным ящерицам присоединяется многочисленное семейство агам, которых известно ныне 30 родов и более 200 видов**. Внешность относящихся к этому семейству ящериц в высшей степени разнообразна: туловище иногда короткое, иногда вытянутое, иногда сплюс-

нутое сверху вниз, иногда сжатое с боков, но вообще довольно плотное, голова короткая и широкая, хвост неломкий, длинный, острый или короткий и толстый, конечности хорошо развиты. Голова покрыта многочисленными маленькими или немного выпуклыми щитками неодинаковой величины. Спина, бока и нижняя часть тела покрыты большими,

большей частью ромбоидальными черепитчатými чешуйками. К ним присоединяются очень часто различные удлинённые роговые образования, которые иногда покрывают одну голову остриями и зубцами, иногда образуют гребень на спине и хвосте, иногда же расположены по всему телу. Язык толстый, прикреплен по всей своей длине к нижней части полости рта, на конце округленный или с легкой выемкой и не может выдвигаться изо рта. Зубы срослись с внутренним краем челюстей и на каждой челюсти замечается несколько зубов, которые больше других и похожи на клыки. Ключицы на нижнем конце не расширены. Во всем остальном агамы так мало похожи друг на друга, что более подробное описание должно быть отнесено к отдельным их родам.

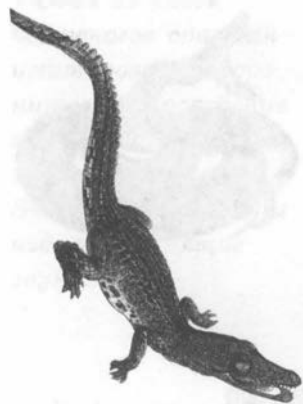
Область распространения агам начинается в юго-восточной Европе, на юг простирается до мыса Доброй Надежды, на восток —

до Китая и включает в себя южноазиатские острова, Австралию и Полинезию. Наибольшее развитие агамы получают в южной Азии, так как здесь живет около половины всех известных видов. Прочие распределяются по Австралии, которая относительно богата этими ящерицами, и распространяются через степи средней и западной Азии, а также через всю Африку до Греции и южной России. Почти все виды могут быть названы более или менее вполне наземными животными; многие из них живут даже в самых сухих и безводных местностях своего отечества, между тем как другие встречаются только во влажном климате, но здесь держатся почти исключительно на деревьях. Про агам можно сказать, что они оживляют пустыни Африки и Средней Азии точно так, как украшают собой роскошные леса южной Азии. Уже самые древние путешественники любовались ими и говорили о них с восхищением; они и ныне поражают тех, кто видит их в естественных жизненных условиях во всем великолепии их удивительной и часто подверженной изменению окраски. Все виды должны считаться безвредными животными: даже лучше всего вооруженные из них не причиняют никакого вреда ни человеку, ни живущим в их отечестве высшим животным. Большинство из них питается различного рода насекомыми, а некоторые, может быть большее число, чем мы в настоящее время предполагаем, едят также растительные вещества, плоды, травы и листья деревьев, которые они собирают на земле или на ветвях деревьев. Все, по-видимому, без исключения, кладут яйца, из которых детеныши вылупляются через некоторое время после кладки их, и ни один из известных видов не родит живых детенышей.

«Мне сказали, — так рассказывает Геродот, — что около города Бутуса в Аравии есть местность, где живут летающие змеи; поэтому я съездил туда и увидел невероятное количество толстых и тонких костей, которые лежали большими и маленькими кучками. Местность эта находится в окруженной горами долине, которая открывается в обширную Египетскую равнину. Мне говорили, что эти летающие змеи весной летят из Аравии в Египет, но в конце долины встречают ибисов, которые их уничтожают, поэтому эти птицы и пользуются в Египте таким почетом. По внешнему виду эти змеи похожи на водяных, а крылья их не состоят из перьев, а похожи на крылья летучих мышей. В Аравии получают ладан, мирру, кассию и корицу. Крылатые змеи охраняют деревья, производящие ладан (те самые змеи, которые прилетают целыми стаями в Египет); их, однако, можно прогнать дымом смолы стиракс». Трудно теперь сказать, о каких животных повествует самый древний историк, однако возможно предположить, что уже тогда имели кое-какие сведения о маленьких древесных ящерицах Ост-Индии, которые хотя и не имеют настоящих крыльев, тем не менее снабжены органами, похожими на парашют. Эти маленькие безвредные животные только по названию

Семейство агамовые

похожи на сказочных драконов змеев-горынычей, которых представляли себе громадными крылатыми змеями или крокодилами, снабженными чудовищными крыльями; впрочем, название свое они все-таки получили от этих мифических животных.

Летучие драконы (*Draco*) отличаются тем, что пять или шесть ложных ребер с каждой стороны оттопырены и соединены полукруглой перепонкой, которая в спокойном состоянии может быть сложена и служит для той же цели, что и боковые складки кожи у летяги и сумчатого летуна, но у драконов эта перепонка не соединена с конечностями. На середине горла висит другая складка кожи и по сторонам горла также замечаются небольшие складки. Голова толстая и высокая, морда короткая и тупая, шея довольно длинная, тело сжато и с боков худощавое, хвост длинный, тонкий и к концу постепенно суживается. Ноги отличаются относительной длиной и стройностью, на лапах как спереди, так и сзади находится по пять длинных тонких пальцев, которые снабжены короткими крючковатыми когтями. Маленькие круглые ноздри расположены на одном небольшом, очень выдающемся щитке, но расположение их различное: иногда они направлены вверх, иногда в стороны. Глаза имеют среднюю величину и снабжены хорошо развитыми веками. Зрачок круглый, что соответствует дневной жизни животного. Барабанная перепонка заметна у всех видов, но у одних она голая, а у других покрыта маленькими чешуйками. Голова также покрыта очень маленькими чешуйками, которые превращаются в довольно маленькие щитки только на краях губ; подобные же маленькие тонкие чешуйки покрывают и все прочее тело. Во рту замечаются 3—4 передних зуба, по два зуба, похожих на клыки, и много трехконечных коренных зубов в каждой челюсти. Бедренных железок нет.

Самым замечательным органом драконов является, без сомнения, перепонка, поддерживаемая ложными ребрами, так как подобного образования нет ни у одного другого животного. Как известно, только змеи пользуются своими ребрами, как органами движения, но у них все ребра служат для одной цели и отчасти заменяют недостающие конечности, между тем как у драконов только часть ребер служит для того, чтобы помогать деятельности хорошо развитых конечностей. По замечанию Мартенса, особенно странным является то обстоятельство, что на родине дракона встречается наибольшее количество летающих или, вернее, далеко прыгающих млекопитающих, что здесь даже нашли летающих лягушек, между тем, как в тропической Африке живут только так называемые летающие белки, а в тропических странах Южной Америки вовсе нет млекопитающих, снабженных такими парашютами.

Летучий дракон (*Draco volans*) может считаться наиболее известным из 21 ныне описанных видов. Это интересное животное достигает 21 см длины, из которых 12,5 см приходится на

длинный тонкий хвост. Ноздри расположены по сторонам морды, барабанная перепонка не покрыта чешуйками и меньше глаз. У самца заметен кожистый гребень на затылке, а у обоих полов находится по маленькому тупому бугорку на задней части надглазной дуги. Спина покрыта неправильными килеватыми чешуйками; вдоль боков идет ряд больших килеватых чешуек, образующих неправильноломаную линию. Окраска сильно изменяется, как у всех драконов, не только по местностям, но даже у отдельных экземпляров. Красота их, впрочем, как очень определенно выражается Кантор, превосходит всякое описание. Голова живого дракона металлически-бурого или зеленого цвета и украшена черным пятном между глазами, спина и задняя часть парашюта окрашены смесью темно-бурого и розово-красного цветов с металлическим отливом; у некоторых экземпляров замечаются поперечные полосы, состоящие из многочисленных черных пятен и коротких неправильных черточек. Окраска передней части парашюта изменяется от оранжево-желтой до розово-красной, и на ней также замечаются неправильные черные пятна или поперечные полосы, а по краям парашют украшен серебряной каемкой. По конечностям и хвосту проходят у некоторых экземпляров чередующиеся розово-красные и бурые поперечные полосы, а над веками замечаются короткие, лучистые черные линии. Горловой мешок у самца ярко-оранжево-желтый, а у самки — синеватый. Грудь окрашена также, только с черными точками. Боковые шейные наросты бывают желтоватые или розово-серебристые, а также с черными пятнами. Подобные же пятна видны и на нижней поверхности летательной перепонки, но здесь они часто принимают бурый цвет. Летучий дракон встречается на Зондских островах и в южной части полуострова Малакка. По образу жизни он не отличается от своих родичей.

Все драконы должны считаться древесными ящерицами в полном смысле этого слова: по доброй воле они, вероятно, никогда не бывают на земле. Они большей частью живут в густых ветвях деревьев, почему их присутствие замечают гораздо реже, чем, если бы они жили более открыто. Хотя распространение их довольно значительно, но их трудно заметить и редко можно видеть, даже если они поселились в садах жилищ европейцев. Они постоянно держатся высоко на деревьях и, как правило, сидят там неподвижно, особенно в полуденные часы, когда солнце сильно греет. Поэтому их великолепная и пестрая окраска вовсе не бросается в глаза. Этих животных можно заметить в тени листьев или на толстых сучках только тогда, когда к ним подойдешь очень близко, да и тогда видишь только смесь серого и бурого цветов, очень сходную с окраской древесной коры. При этих условиях даже при очень внимательном наблюдении у этих животных не замечаешь никаких признаков жизни, кроме беспокойно движущихся глаз, которые следят за летающими мимо насекомыми.

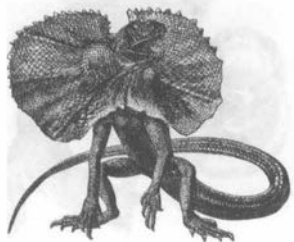
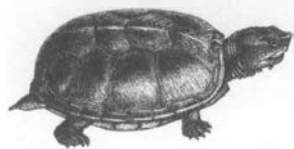
Семейство агамовые

Семейство агамовые

* *Летучий дракон может не только пролетать по воздуху до 30 м, но и менять направление полета, как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости.*

** *Один самец летучего дракона обладает охотничьим участком, состоящим из нескольких деревьев.*

Если добыча пролетает недалеко от дракона, то он внезапно направляет свою перепонку, с ее помощью делает большой прыжок в воздухе, почти всегда схватывает добычу, а затем опускается на другую ветвь. Но даже и в этом случае красота цветов не бросается в глаза: она делается заметной только при очень близком созерцании. По сообщениям прежних наблюдателей, драконы могут с помощью своей перепонки переноситься на расстояние 6—10 м, но, как все животные, снабженные подобными парашютами, они двигаются только по наклонной плоскости сверху вниз или только немного поднимаются вверх*. Их движения отличаются от движений других древесных ящериц в значительной степени тем, что они не бегают, а подвигаются вперед прыжками**.

Хотя драконы в наших глазах и кажутся безоружными и безобидными животными, но самцы, которые отличаются от самок более длинным и более ярко окрашенным горловым мешком, ведут между собой жестокие бои. Это видно уже по украшениям на горле и шее, которые у всех пресмыкающихся, да и не у них одних, обозначают легко возбуждающийся нрав. Однако достоверных наблюдений об этих драках мы до сих пор не имеем: мы знаем только, что самцы, по-видимому, встречаются в гораздо большем числе, чем самки. Последние кладут 3—4 цилиндрических и по концам закругленных яйца, имеющих желтовато-белую окраску и около 1 см длины; по наблюдению старых натуралистов, яйца эти кладутся в отверстия коры.

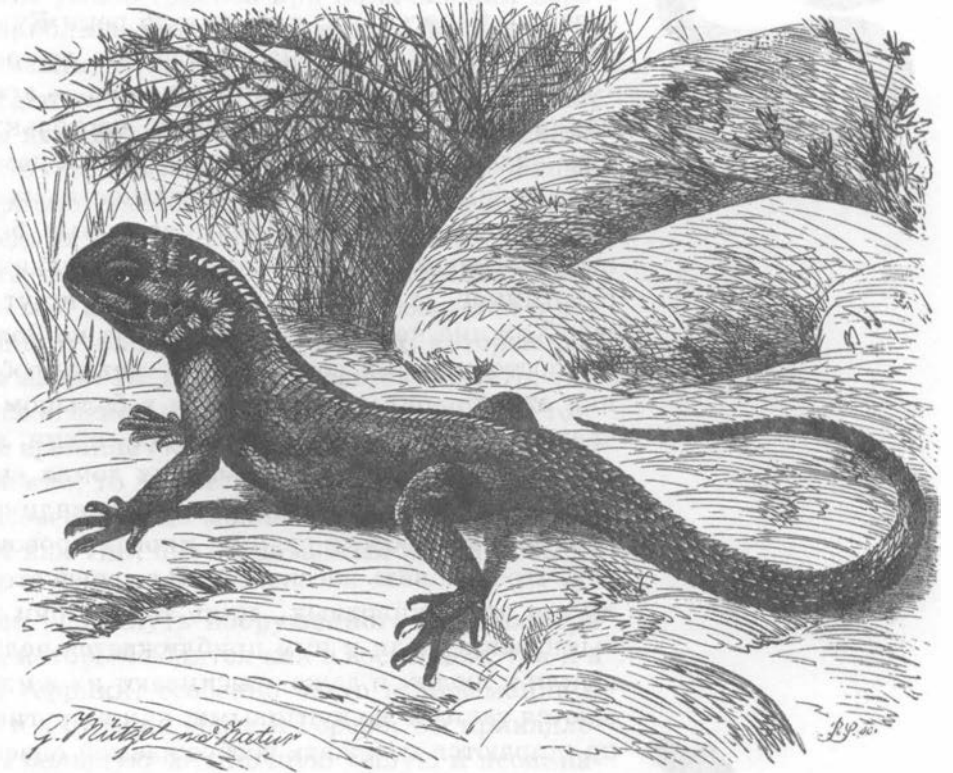
Держали ли драконов в неволе, я сказать не могу, но читал, что они не очень живучи. Если бы возможно было их содержать в клетках, то их необыкновенная красота, подвижность и безвредность, наверное, сделали бы их особыми любимцами всякого воспитателя животных, причем чересчур боязливые люди научились бы оценивать по достоинству этих и подобных им животных, которых до сих пор еще многие страшатся.

Кроме вышеназванных животных, к этому же семейству относятся ящерицы рода агамы (*Agama*). Они отличаются короткой треугольной головой, которая сзади сильно выпукла, спереди круто спускается и оканчивается округленной мордой; туловище толстое, плоское, ноги длинные и стройные, а хвост круглый, более или менее длинный. Ноздри расположены близко одна от другой, ушные отверстия явственны, и в них в некотором углублении видна барабанная перепонка. На горле редко замечается большой горловой мешок, с каждой стороны шеи есть углубление и очень заметная поперечная складка; бедренных железок нет, а вместо них у самца перед задним проходом имеется один или несколько рядов толстых мозолистых чешуек. Верхняя часть тела покрыта более или менее правильно расположенными, ясно килеватыми и черепитчатыми чешуйками; на голове замечаются многочисленные, в основном маленькие,

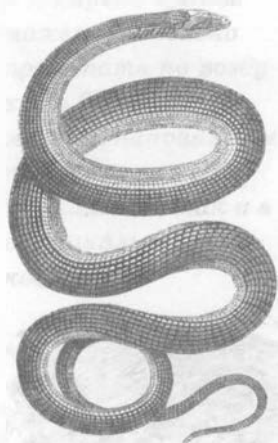
плоские или выпуклые щитки; хвост покрыт черепитчатыми или мутовчатыми чешуйками.

«Для путешественника, который после многих месяцев скучного морского плавания высадится на Золотом берегу, — так пишет мне Рейхенов, — одна часто встречающаяся там ящерица окажется в высшей степени поразительным и интересным животным. Точно так, как взор любителя птиц, который посещает в первый раз эту страну малоизвестного материка, бывает восхищен общественными гнездами ткачей в высоких вершинах кокосовых пальм, а слух его услаждается глухим воркованием голубей, населяющих изгороди кругом деревень, точно так же бывает он поражен при виде красноглавой агамы колонистов. Впрочем, и при более продолжительном пребывании эти красивые создания невольно обращают внимание натуралиста; я по крайней мере никак не мог на них наглядеться».

Взрослый самец агамы колонистов (*Agama agata*) окрашен в такие яркие цвета, о которых бледные, сохраненные в спирте экземпляры наших музеев не дадут ни малейшего представления. Вся голова живой агамы огненно-красного цвета, горло покрыто мелкими желтыми пятнами, туловище и конечности блестящего темно-синего стального цвета, по спине проходит яркая белая полоса, которая, впрочем, иногда и не замечается. Нижняя сторона хвоста от заднего прохода до середины соломенно-желтого цвета, а соответственная верхняя сторона стального светло-голубого; остальная часть хвоста огненно-красная, а кончик темно-синий со стальным отливом. У старых животных хвост у основания сверху и снизу светло-голубой со стальным отливом, затем идет огненно-красная полоса, которая занимает почти всю остальную половину хвоста, и только на конце замечается короткая темно-синяя верхушка. У самки все тело имеет обыкновенную бурю окраску со

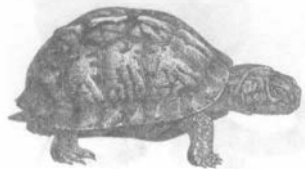

Агама колонистов
(*Agama agata*)

светлой спинной полоской. Молодые самцы похожи на самок, но отличаются светло-желтыми пятнами на голове и затылке. В горах Агуанима внутри материка Золотого берега я нашел очень красивую разновидность агамы колонистов, живущую постоянно в чащах лесов. У самцов этой разновидности голова была белая, а вместо огненно-красной полосы на хвосте замечалась такая же желтая. Длина взрослого самца 35 см, из которых 22 см приходится на хвост.

Характерным признаком этого вида может служить необыкновенно большая затылочная чешуйка, затем однообразные чешуйки спины с очень острыми шипами и, кроме того, 7 или 8 верхнегубных щитков, которые окаймляют глаз спереди. Область распространения этой агамы в западной Африке простирается на север до Сенегамбии, а на юге до реки Кунене. Однако, по моим наблюдениям, к югу она становилась все реже и реже. «На Золотом берегу, — продолжает Рейхенов, — агамы колонистов встречаются повсюду и, по-видимому, настолько же связаны с жилищем человека и с его привычками, как домовый воробей. В лесу, кроме вышеупомянутой разновидности, их встречают только кое-где на полянах и на полях, засеянных бананами, пизангами и ямсом, именно там, где выстроены отдельные хижины сторожей и работников, так что даже в лесу они ищут человека и его жилище. Хижина негра, воробей и агама на Золотом берегу составляют постоянно три соединенных между собою понятия. В деревнях эти ящерицы встречаются в большом количестве: их замечаем повсюду на глиняных стенах хижин, на соломенных и пальмовых крышах и на выбеленных домах европейцев; иногда они спокойно лежат и греются под перпендикулярными лучами горячего тропического солнца, иногда проворно бегают взад и вперед, чтобы ловить насекомых. В высшей степени своеобразны движения этих животных, лишь только они заметят что-либо необыкновенное или к ним приближается человек. Хотя они и привыкли к людям и даже отыскивают их жилища, но все же оказываются такими же пугливыми, как и другие ящерицы, и постоянно стараются избежать воображаемой опасности. Когда они приходят в беспокойство, то быстро двигают головой вверх и вниз, причем то приподнимают, то опускают переднюю часть тела, опираясь на передние конечности, так что кажется, будто они кланяются, нагибая свою красную голову. Чем ближе подходишь, тем быстрее становятся эти движения и, наконец, животное с быстротой молнии исчезает в трещине стены или во внутренности соломенной крыши. Когда я в полуденное время проходил по улицам Аккры и повсюду замечал этих великолепных, кивающих мне ящериц, то не мог противостоять искушению за ними поохотиться с помощью сетки для бабочек; однако вследствие проворства агам, охота моя редко бывала успешна. Легче их убить самой мелкой дробью из небольшого охотничьего ружья, причем

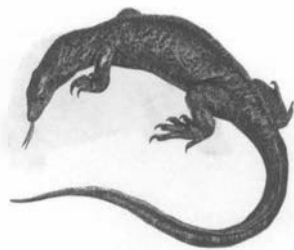

достаточно одной дробинки, проникнувшей в их тело, чтобы лишить их жизни. Несмотря на известную живучесть пресмыкающихся, я испытал то же самое при охоте на змей».

«Движения этих красивых и проворных животных, — говорит Пехуэль-Леше, — очень различно окрашенных, в зависимости от возраста и пола, в высшей степени интересны, тем более, что ящерицы эти всегда держатся вблизи человеческих жилищ. Их постоянно видишь в большом числе, греющихся на солнце или бегающих взад и вперед и друг за другом гоняющихся; они быстро исчезают и столь же внезапно снова появляются. Их нельзя назвать пугливыми, но они так беспокойны, что нельзя считать их и доверчивыми. Самым красивым их движением следует признать постоянное кивание умной головой при покачивании передней части тела. Если приближаешься спокойно, то все общество играющих ящериц останавливается и обращает внимание на подходящего. Они раздвигают передние конечности, приподымают головы и несколько раз двигают вправо и влево своими подвижными хвостами. Затем, с любопытством всмотревшись в человека, они начинают быстро кивать головой и шаловливо подыматься и опускаться на передних ногах; быстрота движений увеличивается при приближении человека, пока, наконец, передняя ящерица не пускается в бегство, а за ней мгновенно разбегается и вся пестрая группа кивающих и кланяющихся ящериц, которые быстро прячутся в щели и ямки. Но это продолжается недолго: там и сям снова показывается огненно-красная шея, выглядывает тонкая головка, и красивое зрелище скоро возобновляется. Если стоять совершенно неподвижно, то эти безвредные животные подходят совсем близко к человеку; тогда можно слышать едва заметный голос их, звучащий как «пк,.pk», издаваемый ими при быстрых движениях».

Кроме того, можно упомянуть **вооруженного акантозавра** (*Acanthosaura armata*), который водится как в восточной, так и в западной части южной Африки, особенно часто в Мозамбике и Натале, но встречается и в странах Нама и Гереро. Он принадлежит к видам, имеющим большую затылочную чешую и неодинаковые острые спинные чешуйки; барабанная перепонка у него больше глазного отверстия, третий палец несколько больше четвертого, и все брюшные чешуйки имеют острые ребра. Длина его равняется 25 см, из которых 16 см приходятся на хвост. Этот вид также представляет большое разнообразие в окраске и в рисунке. Спина имеет оливково-зеленую или оливково-бурую окраску, а большие спинные колючие чешуйки, расположенные неправильными рядами, окрашены несколько светлее; кроме того, по спине и по основанию хвоста тянется двойной ряд темно-бурых или черных пятен, которые иногда сливаются в боковые полосы, более ясно ограниченные сверху, чем снизу. На светлой желтоватой нижней части тела замечаются голубовато- или серовато-черные

Семейство
агамовые

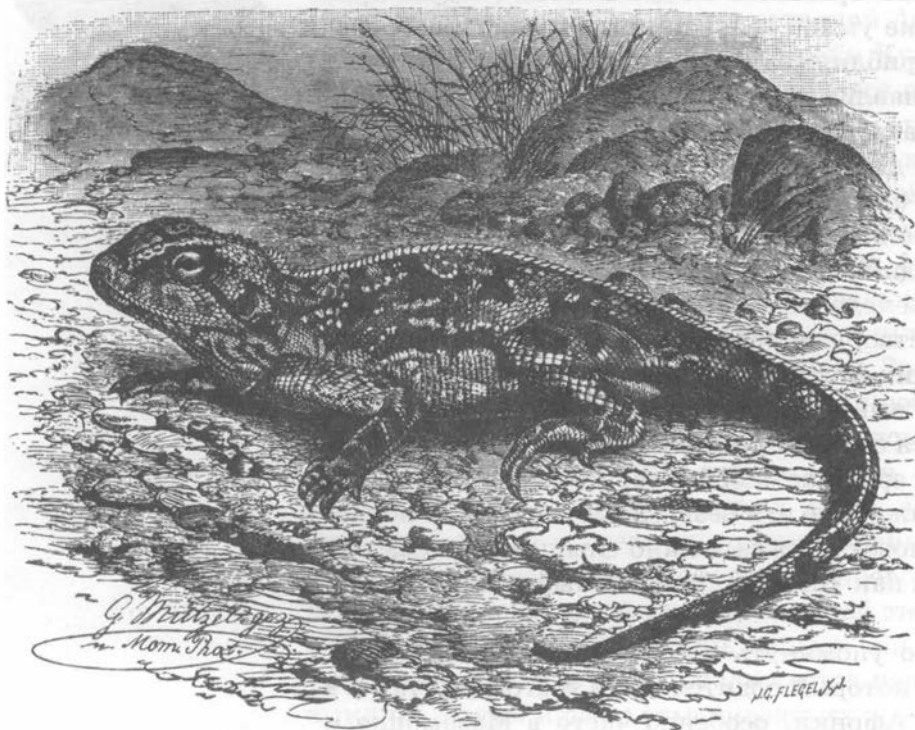
продольные линии, которые у молодых экземпляров очень ясно заметны на горле.

Как самец, так и самка имеют низкий гребень на затылке и спине, чего не замечается у всех родственных южноафриканских видов ящериц. Самец отличается, как и у других видов, двумя поперечными рядами по 12 штук утолщенных чешуек перед задним проходом.

Об образе жизни вооруженного акантозавра мы еще мало имеем сведений, хотя, вероятно, в этом отношении он мало отличается от вышеописанных видов. Петерс находил его в лесистых равнинах во внутренности Мозамбика, где туземцы ее называют

«ток». Желудок акантозавра был наполнен разломанными остатками жуков, кузнечиков и муравьев.

С тел ли он (*Stellio stellio*) отличается от других агам более толстым туловищем и колючими мутовчатыми чешуйками, образующими на хвосте пояски. Почти треугольная голова у них плоская, за ротовой щелью углубленная, щеки несколько вздуты, туловище более или менее толстое, шея покрыта неправильными складками, короткая и тоньше

Вооруженный
акантозавр
(*Acanthosaura armata*)

задней части головы, хвост средней длины, у основания плоский, а в остальной части круглый, ноги относительно длинные и толстые. Ноздри расположены по сторонам морды; ушные отверстия, в которых барабанная перепонка несколько углублена, но все-таки очень ясно заметна, довольно велика. Верхняя часть тела покрыта неодинаковыми килеватыми чешуйками, нижняя часть — черепитчатыми; голова покрыта маленькими многоугольными щитками, из которых некоторые гладкие, другие ребристые, а на задней части тела и на висках щитки принимают форму конусов или шипов. Эта агама нам больше всего знакома, потому что встречается и в Европе. Взрослые экземпляры достигают 28 см длины, из которых 17 см приходится на хвост. Окраска и рисунок бывают довольно разнообразны, как и у других ящериц.

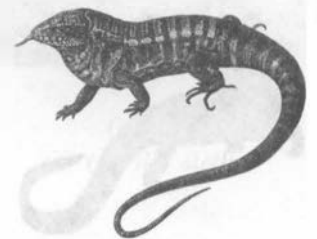
Цвет верхней части тела изменяется от серовато-черного и желтовато-бурого до светло-серовато-желтого; на спине замечаются большие черные пятна и точки посередине спины. Ноги и бока обыкновенно окрашены светлее; хвост имеет всегда буроватый оттенок, а на конце его замечаются черноватые колечки. На брюшке по желтому фону темные пятна и линии, но нижняя часть хвоста одноцветно грязно-оранжевая или буровато-желтая. Самец отличается от самки более крупной головой, а также 3—5 рядами пор, расположенных около заднего прохода, и двойным рядом подобных же пор на середине живота.

Стеллион встречается у нас в европейской Турции и на некоторых островах Эгейского моря. Кроме того, он распространен по большей части Малой Азии, Сирии, северной Аравии и Египту. По Эргардту, его довольно часто встречают на Кикладских островах, но нигде в таком количестве, как на острове Миконос, где он уничтожил процветавшее там прежде пчеловодство истреблением пчел. Его находят также на Паросе, Антипаросе и Наксосе; на прочих Кикладских островах, точно так, как и собственно в Греции, он не встречается; однако довольно обыкновенен на острове Кефалиния. Жители и поныне называют его как и во время Геродота «крокодилом» или «коркодилом».

Гораздо чаще, чем в Европе эта ящерица встречается в северо-восточной Африке, где «гардун», как его называют арабы, общеизвестное животное. Его встречаешь везде дюжинами и еще в большем числе на камнях, скалах и домах, по стенам которых он точно так же ловко лазает, как и по наклонным поверхностям скал. Хотя по виду он и кажется неуклюжим, но по ловкости движений едва ли уступает нашей ящерице. Он бегают, извиваясь, но очень быстро, лазает подобным же образом, так как это лазанье можно назвать беганьем по более или менее наклонным поверхностям. При этом стеллион держит голову высоко и потому производит впечатление смелого и храброго существа.

Пища его состоит главным образом, если не исключительно, из больших насекомых, особенно мух, бабочек и, как выше сказано, пчел, ос и шмелей. Уничтожением вредных насекомых он в Египте приносит пользу, а на греческих островах оказывается вредным истребителем пчел.

В Египте стеллиона, как и других больших ящериц, часто ловят заклинатели змей. Кроме этих почтенных людей и натуралистов, мало кто обращает внимание на эту ящерицу, однако некоторые экземпляры попадают к нам в зоологические сады. Я сам несколько раз воспитывал их, но по недостатку времени не мог обстоятельно заняться ими и потому не могу сообщить подробных сведений о жизни стеллиона в неволе. Этот пробел я могу пополнить сведениями, любезно мне сообщенными Симонсом. «У меня содержатся, — пишет мне вышеупомянутое лицо, — два стеллиона, которых я выписал через Триест; это два взрослых

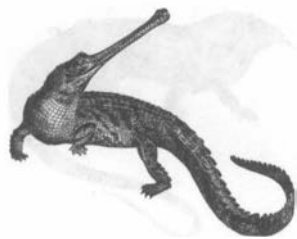
экземпляра, которые я получил в июле 1876 года. Я их тотчас посадил в хорошо устроенный, отапливаемый террариум, поставленный в моем саду. Температура в террариуме была почти всегда выше окружающей, но стеллионы в ноябре 1876 и в феврале и марте следующего года выдержали без вреда для себя довольно низкую температуру между 5 и 0,6° по Цельсию. Эти наблюдения не согласуются с сообщениями Шрейбера, который утверждает, что они плохо переносят наш климат, при холодной погоде перестают есть и скоро околевают. Мои стеллионы до сих пор чувствуют себя вполне хорошо, и объем их тела даже увеличился во время неволи.

Вначале животные были очень пугливы, так что убежали в свои норки, когда я приближался на 10—15 шагов к террариуму. Любимым местопребыванием их стала крышка котла с горячей водой, служащая для нагревания террариума. Котел этот покрыт сверху и с боков жестяным футляром, так что дневной свет может проникать в то пространство только спереди. Это самое теплое и недоступное, но зато самое темное место в террариуме; однако стеллионы охотнее всего держатся там. Они всегда стараются туда спрятаться, и их трудно оттуда выгнать, даже если толкаешь их пальцем или палочкой. Туда они постоянно убегают, если их застают в террариуме. Когда я вытаскивал их оттуда и клал на открытое место террариума, то они тотчас же старались ускользнуть, прыгали даже по стеклянным стенкам террариума и до тех пор не успокаивались, пока не находили себе какого-нибудь укромного местечка, чтобы спрятаться.

Только в последние недели они настолько привыкли ко мне, что убежали не тотчас, когда я приближался, а несколько секунд оставались на месте. Впрочем, они покидали свои норки только тогда, когда террариум сильно освещался солнцем, и в мае начали выходить из норок и при облачном небе. В виде корма я им ежедневно даю достаточное количество мучных червей, а кое-когда и дождевых; в августе, сентябре и октябре прошлого года я добавлял к этому кузнечиков, мух, бабочек и т. п.; приняв во внимание упитанность моих стеллионов, я должен предположить, что они не пренебрегали этим кормом, хотя только раз видел, как стеллион во время скорого бега схватил одного мучного червяка. Пьют ли они воду, я сказать не могу.

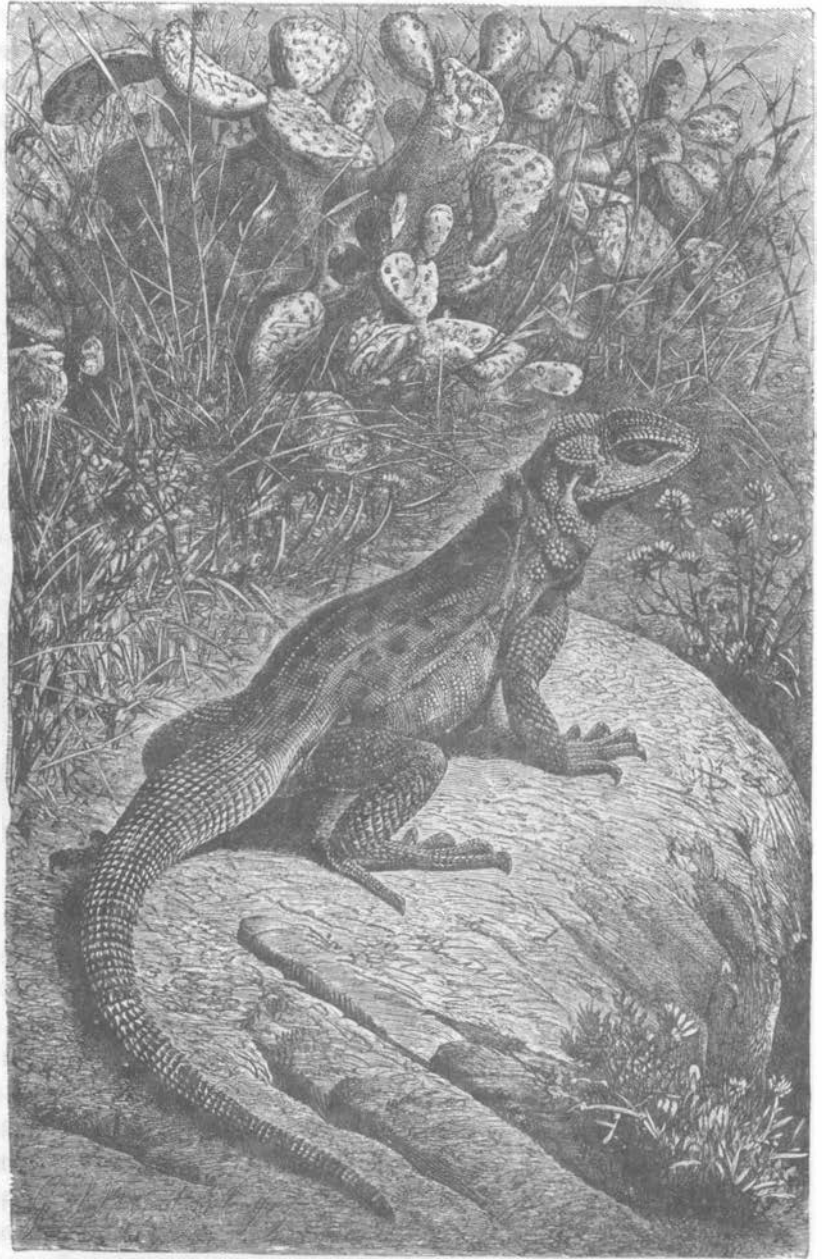
В моем террариуме они не впадали в зимнюю спячку; однако, при температуре около 0°, державшейся в течение нескольких часов, они окоченевали точно так, как и другие ящерицы, но при обыкновенной комнатной температуре скоро снова оживали.

Все движения стеллионов показывают относительно большую силу. Они очень быстро бегают и хорошо лазают; в этих качествах я убедился при трех попытках этих животных к бегству. В первый раз один из них убежал и спрятался под листьями плюща, который покрывал собой цветочную клумбу, и только сильное движение листьев указало нам на след животного и дало

возможность его поймать. Самка стеллиона в апреле месяце текущего года поразила меня необыкновенным объемом своего туловища, а в конце этого месяца чешуйки на животе были местами неправильно приподняты, и образовались выпуклости величиною с двадцатикопеечную монету; из всего этого я заключил, что следует ожидать прибавления семейства. Она все менее и менее делалась подвижной, почти все время лежала на трубах, служащих для нагревания террариума, и 17 мая была найдена мертвой. Над ней была тотчас же совершена операция кесарева сечения, которая указала на присутствие девяти удлиненных яиц, имевших белый цвет с легким желтоватым отливом; величина яиц превосходила величину яиц нашей серой ящерицы, и вес их колебался между 0,77 и 1,15 грамма. По положению их можно было предположить, что эти яйца должны были быть снесены в скором времени, но что у больной самки не достало силы их снести. Удивительно, что она могла развить в себе такое количество яиц. Так как оба стеллиона находились в неволе почти целый год, то мне кажется несомненным, что спаривание произошло в террариуме.

Стеллионы относились совершенно равнодушно к другим животным, населявшим вместе с ними террариум, где жило несколько взрослых серых и зеленых ящериц, один геккон и веретеница. Кусаются стеллионы сильно, так что они были в состоянии укусить мой палец до крови. Когда их раздражают и принуждают кусаться, то они после этого в течение нескольких минут держат свои челюсти открытыми».

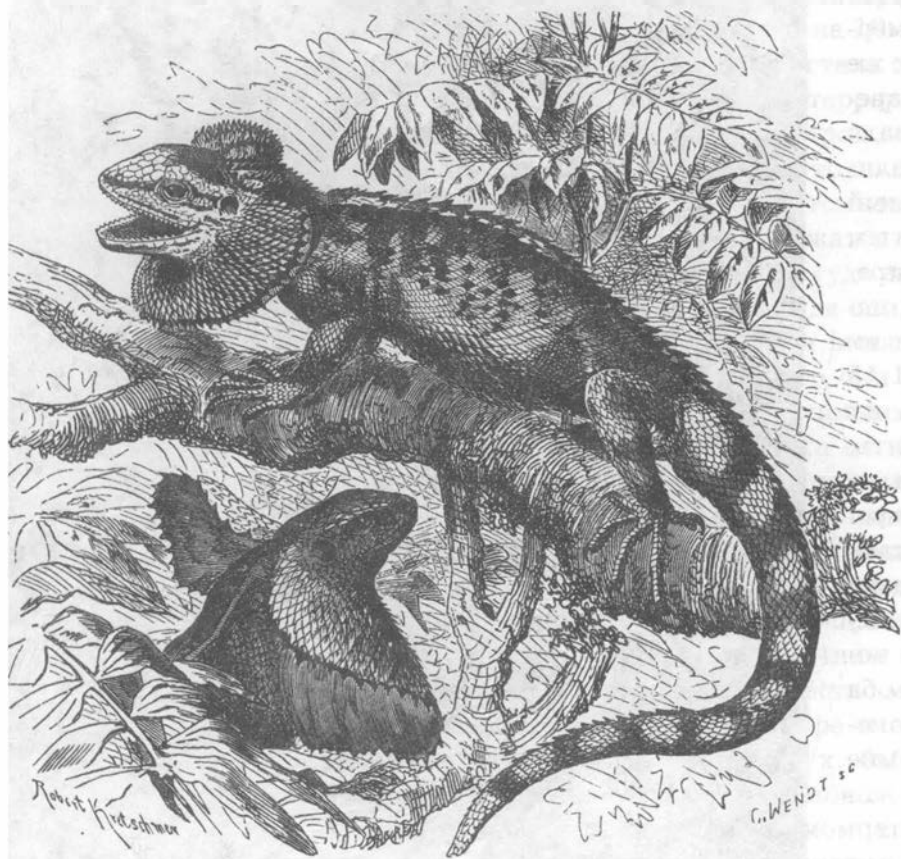

Стеллион
(*Stellio stellio*)

По мнению Бедряги, стеллион также имеет способность под влиянием солнечных лучей и при внутреннем волнении, изменять свою окраску и принимать различные оттенки основного цвета.

«Я имел несколько раз возможность, — пишет он, — на острове Микonos наблюдать черную разновидность стеллиона, описанную Эргардтом, и пришел к убеждению, что все стеллионы принимают темную окраску и делаются, наконец, совсем черными, когда подвержены жгучим лучам солнца. Возбуждение при спаривании также производит у этих животных изменение в окраске, например, верхняя часть головы и затылок часто при этом делаются ярко-кирпично-красными. Следует заметить, что эти цвета у самца гораздо ярче, чем у самки. Эта временная окраска, являющаяся только при половом возбуждении, не может быть удалена искусственными средствами; во время спаривания пойманные стеллионы сохраняют и в спирту красный цвет головы и затылка».

Аллан Кунингам, известный своими путешествиями по Австралии, которые окончились его печальной смертью, открыл там одну из удивительнейших ящериц, так называемую плащеносную ящерицу (*Chlamidosaurus kingi*). Взрослое животное достигает 81 см длины, из которых однако 55 см приходится на хвост, и отличается от всех других пресмыкающихся удивительным плащом, находящимся на шее, который послужил поводом к ее названию. Этот воротник прикреплен к сторонам шеи, поддерживается хрящевыми лучами, по краям зубчатый, на верхней поверхности покрыт мелкими чешуями и огибает все горло; на затылке он достигает наибольшего развития и может быть расширен во все стороны на 15 см и даже перекинут через голову. На спине и хвосте не замечают большого

Плащеносная
ящерица
Chlamidosaurus kingi)

звиваемую плащеносную ящерицу (*Chlamidosaurus kingi*). Взрослое животное достигает 81 см длины, из которых однако 55 см приходится на хвост, и отличается от всех других пресмыкающихся удивительным плащом, находящимся на шее, который послужил поводом к ее названию. Этот воротник прикреплен к сторонам шеи, поддерживается хрящевыми лучами, по краям зубчатый, на верхней поверхности покрыт мелкими чешуями и огибает все горло; на затылке он достигает наибольшего развития и может быть расширен во все стороны на 15 см и даже перекинут через голову. На спине и хвосте не замечают большого

гребня. Ноги довольно стройные и тонкие, пальцы очень длинные. Все тело покрыто маленькими неровными чешуйками, из которых наименьшие расположены на боках. Ушные отверстия велики, глаза живые и довольно выпуклые. Во рту замечаются на каждой стороне обеих челюстей по 3 остроконических передних зуба, по 4 длинных зуба, соответствующих клыкам, и по 30 трехзубчатых коренных зубов. Перед задним проходом и вдоль бедра замечаются ряды железистых пор. Молодые животные отличаются от взрослых меньшей величиною воротника. Окраска состоит из однородной смеси желто-бурого и черного цветов.

Об образе жизни этой ящерицы мы, к сожалению, имеем еще мало сведений. Плащеносная ящерица, по словам Грэя, живет в Квинсленде и в северной и северо-восточной Австралии и держится главным образом на деревьях, хотя может очень быстро бегать и по земле. Если ее не дразнить и не пугать, то она ходит тихо и свой модный воротник *a la Marie Stuart* складывает и прижимает к телу; но она принадлежит к числу раздражительных животных и тотчас же расширяет свой плащ, как только ее испугают. В этом случае она старается как можно скорее забраться на дерево; если же ее преследуют, то она прижимается к земле задней частью тела, часто поджимает под себя хвост, приподнимает переднюю часть тела и голову, сколько возможно, и показывает своему противнику свои страшные зубы, которыми она умеет очень хорошо пользоваться, даже храбро нападает на врага и яростно кусает все, что может захватить. Грэй уверяет, что эта храбрая ящерица очень смело защищается и может действительно испугать непривычного или неловкого европейца, так как не довольствуется защитой, а при случае и нападает на противника. Она, по-видимому, пользуется своим воротником не только для того, чтобы испугать врага, но также и как щитом для туловища, конечностей и хвоста. Де-Вис, который исследовал мускулы, служащие для натягивания воротника, полагает, напротив, что это расширение служит для усиления звука и может рассматриваться как гигантская ушная раковина.

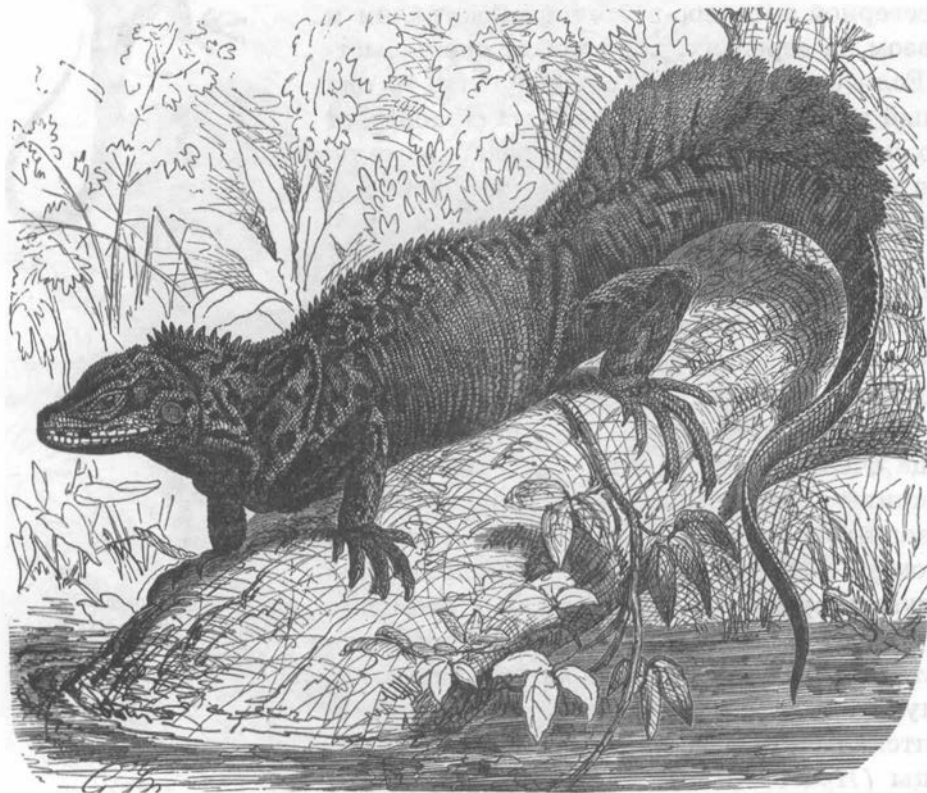
Парусные ящерицы (*Hydrosaurus*) отличаются коротким, но высоким с боков сжатым туловищем, короткой толстой головой, очень длинным толстым хвостом, сильными ногами и лапами, длинные пальцы которых по краям усажены чешуйками, образующими выдающиеся лопасти; кроме того, у них замечается вдоль середины спины чешуйчатый гребень, который особенно высок на основании хвоста и образует здесь как бы парус, поддерживающийся высокими отростками позвонков. Тело покрыто маленькими четырехугольными чешуйками, которые на голове и на спине снабжены ребрами. Во рту мы видим с каждой стороны челюсти по 6 маленьких конических передних зубов, по 4 длинных клыка и по 13 коренных зубов. На верхней части бедра находится ряд железистых пор.

Единственным представителем этого рода считается **молуккская парусная ящерица** (*Hydrosaurus amboinensis*). Это очень большая древесная ящерица, имеющая более метра длины, окрашенная в оливково-бурый цвет, который на голове и шее переходит в зеленоватый, а на теле испещрен черными пятнами и таким же мраморным рисунком. На плече замечается совершенно черная складка кожи. Эта ящерица встречается на Филиппинских и Молуккских островах, на Яве и Целебесе. В Европу ее привезли первоначально из Амбоины.

Валентин в начале нашего столетия сообщил несколько сведений о парусной ящерице. Она живет в лесах и кустах вблизи

рек и питается зернами, листьями, цветами и ягодами, а также водяными растениями, червями, многоножками и подобными животными. Если это животное испугать, то оно бросается в воду и здесь прячется под камнями, но легко позволяет себя захватить сетью и даже руками, так как оно очень глупо, пугливо и совсем не сердито. Яйца парусная ящерица кладет в песок. Туземцы охотятся за ней из-за ее белого мяса, которое, говорят, имеет приятный вкус дичины.

Молуккская
парусная ящерица
(*Hydrosaurus
amboinensis*)

В пустынях северной Африки и южной Азии живут большие и довольно неуклюжие агамы **шипохвосты** (*Uromastix*). Отличительные признаки этого рода следующие: голова треугольная, сверху плоская, несколько похожая на голову черепахи, короткая морда спереди тупо округлена, туловище короткое, широкое и довольно плоское, хвост также плоский и сверху покрыт многими рядами мутовчатых чешуек; ноги короткие, сильные, пальцы также короткие с очень изогнутыми когтями. Ноздри направлены назад и расположены по сторонам морды; ушные отверстия велики и имеют вид поперечного овала; барабанная перепонка лежит глубоко, но все же явственно заметна. Передние

зубы широкие и образуют у взрослого животного один или два непрерывных ряда, которые отделены от коренных зубов пустым промежутком. Складчатая кожа покрыта однообразными округленно-четыреугольными чешуйками, которые на верхней части головы превращаются в небольшие гладкие неправильно четырехугольные щитки; за ушными отверстиями чешуйки превращаются в бугорки и шиповидные отростки. Ноги также покрыты бугорчатыми чешуйками, а пальцы черепитчатые, большей частью гладкими табличками. На бедрах всегда замечаются поры.

Шипохвост африканский, называемый арабами дабб (*Uromastix acantinus*) может достигать 46 см длины, из которых 19 см приходится на хвост; верхняя часть тела довольно однообразно серовато-бурая или оливковая с неправильными бурими пятнами, а во время спаривания блестяще-зеленая; нижняя часть тела зеленовато-желтая*.

Все шипохвосты, которых ныне насчитывают 7 видов, имеют очень странный внешний вид и выглядят неуклюжими и неподвижными существами, но на самом деле только отчасти оказываются таковыми. Они всегда избирают своим местопребыванием пустынные каменистые местности, не избегая, однако, близости поселений. Африканский шипохвост, по словам Эргардта, встречается на острове Крите, но настоящее его отечество лежит южнее, так как только в каменистой Аравии и в Египте он встречается в большом количестве. В голой песчаной пустыне его встретить нельзя, но он постоянно попадает в низменностях, где под изредка падающим дождем произрастает хоть жалкая растительность. Днем он иногда лежит открыто на камнях и греется на солнце, но чаще держится в широких щелях скал. В особенно благоприятных местностях, именно таких, где находится много недоступных скважин, он встречается в большом количестве. Я помню, что находил их дюжинами в некоторых щелях скал. В случае недостатка подобных щелей шипохвосты сами вырывают себе норки в песке и покидают их только днем, чтобы погреться на солнце, но в жаркие полуденные часы также туда прячутся**. Другой сходный вид, говорят, очень чувствителен к изменениям температуры и при холодной погоде тщательно засыпает песком отверстия своих норок. Делает ли то же самое дабб, я сказать не могу.

Если подойти к шипохвосту, то он спешит спрятаться в свою норку, при этом извивает свое тело, что при короткости и неуклюжести его, а также неподвижности хвоста производится очень неловким образом. Пока еще не заметил человека, он идет развалистой походкой, потихоньку, причем покачивает головой направо и налево, точно он оглядывается с большой осторожностью. Достигнув своей норки, он сидит там совершенно тихо, если успел добраться известной глубины, как будто знает, что там никто его потревожить не может. Если случайно или искусно крадучись,

Семейство агамовые

* Шипохвосты великолепно приспособились к смене окраски в зависимости от температуры и освещения. Если с утра их кожа бывает еще темно-оливково-серой, то днем на ярком солнце она становится почти оранжевой.

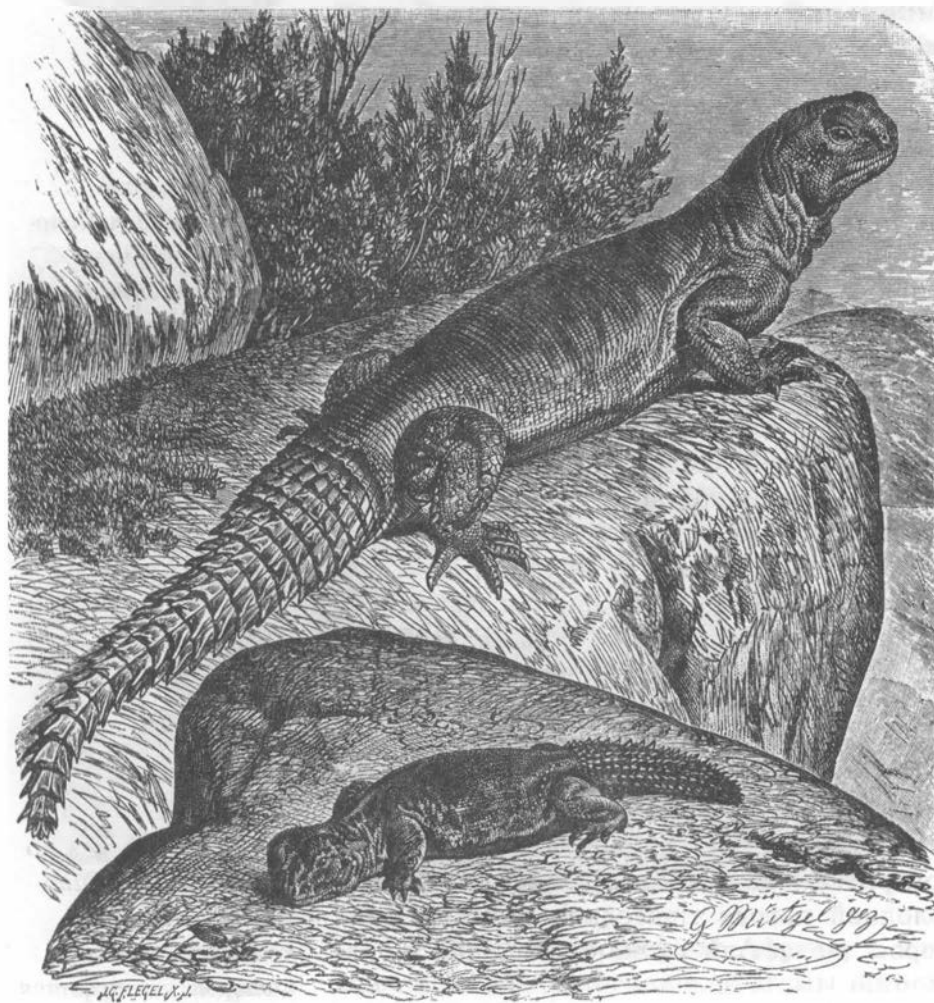
** Установлено, что африканский шипохвост имеет подкожные полости, в которых запасается вода, поступающая в его организм из пищи.

загородить ему дорогу к жилищу, то он становится перед противником, издает глухое пыхтение и приготавливается к обороне. Главным оружием ему служит хвост, удары которого очень сильны и чувствительны. Кусаться он решается редко, но, раз укусивши, не легко бросает схваченное, даже если ему при этом сломают челюсть.

Все шипохвосты питаются растительной пищей и едят различные листья, цветы, семена травы и сухие плоды; животную

пищу они едят только при случае. Рюпель видел, как один из самых красивых видов этих ящериц ел траву, а Эффельд на своем печальном опыте убедился, что воспитываемые им шипохвосты околевали вследствие того, что он их кормил мясом. Они, правда, схватывали и глотали предлагаемый им кусок мяса, но уже на другой день или через несколько дней делались неповоротливыми и бесчувственными, чем показывали, что захворали, а болезнь эта всегда вела к смерти. Последнее время я несколько раз воспитывал дабба, но не мог добиться, чтобы он ел в неволе, и потому не могу ска-

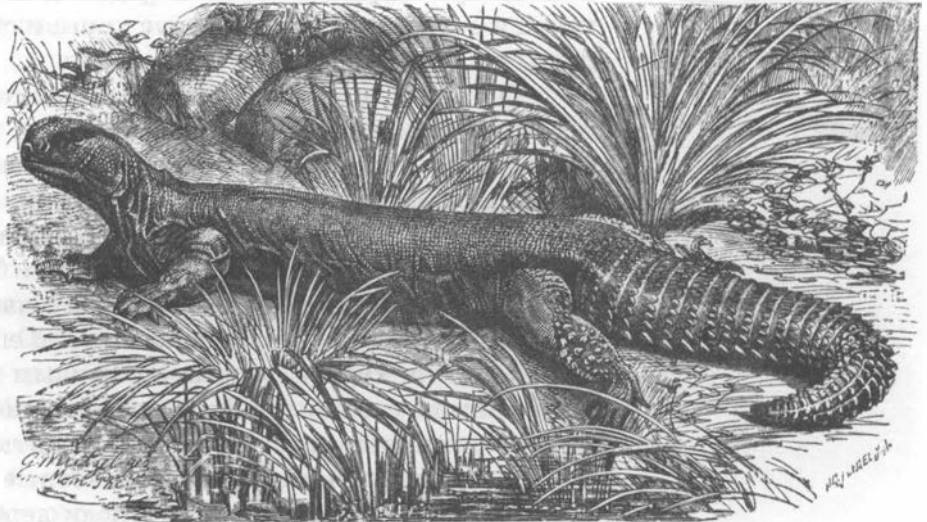
Шипохвост
африканский
(*Uromastix
acantinurus*)

зать, можно ли долго сохранить его живым, кормя растительной пищей. От бедуинов, живущих в Сахаре, Тристрам узнал, что это животное никогда не пьет и что вода ему даже в сильной степени вредна. Новые исследователи подтвердили это сведение. Те шипохвосты, которых я наблюдал в неволе, были все время очень беспокойны и вели себя тише только тогда, когда увеличившаяся слабость делала их равнодушными к внешнему миру. По сообщению Клюнцингера, арабы иногда держат дабба в неволе, так как

считают его животным, приносящим счастье дому, и 21 кольцо его хвоста упоминаются в одной из легенд, имеющих отношение к этой ящерице. Бедуины, напротив, охотятся за шипохвостом из-за его мяса; они откармливают это животное и съедают. Тристрам не упоминает о том, чем его кормят, но уверяет, что и ему мясо это очень понравилось и что оно похоже на мясо молодых цыплят.

Кроме человека, эта ящерица, умеющая хорошо защищаться, едва ли имеет таких врагов, которые могли бы нанести ей существенный вред. Бедуины рассказывали Тристраму, что рогатая гадюка часто прячется в норку шипохвоста, но при этом почти всегда лишается жизни, так как хозяин сильными ударами хвоста постоянно ломает змее хребетный столб. Однако следует предположить, что этот рассказ, подобно многим другим, принадлежит к числу басен.

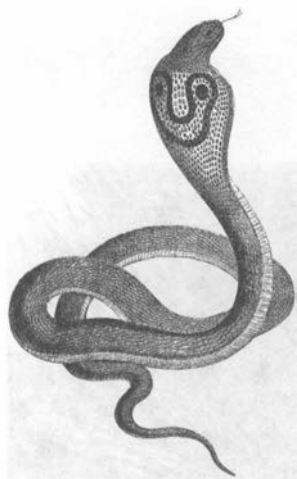
Второй вид этого рода **индийский шипохвост** (*Uromastix hardwickii*), животное 28 см длины, из которых 16,5 приходится на хвост. От африканского и других шипохвостов этот вид отличается расположением чешуек на хвосте, на котором колечки с шипами на верхней стороне не соприкасаются друг с

другом, а отделены двумя, тремя или четырьмя рядами мелких чешуек, а также вся спина его покрыта однообразными чешуйками. Кроме того, индийский шипохвост легко узнается по большому черному пятну на передней части бедра. Общая его окраска песчано-желтая, а иногда железно-серая на верхней части тела и однообразного рогового белого цвета на нижней стороне, где, впрочем, иногда замечаются темные пятна и сетчатый рисунок. Отечество этого шипохвоста, часто встречающегося в зоологических садах, находится в Индии и Белуджистане.

Фишер нам сообщил интересные сведения о жизни этого животного в неволе. Он говорит, что этот шипохвост держится довольно смело, и внешность его красива и изящна. «Он не так зябок, как изменчивый шипохвост, и уже при 22° Цельсия у него является полный аппетит, а при 34° он себя чувствует нехорошо, ищет тени, широко раскрывает пасть и начинает быстро дышать, как собака в жаркую летнюю погоду, причем кожа на горле у

Индийский
шипохвост
(*Uromastix hardwickii*)

него то приподымается, то опускается. Несмотря на это, индийский шипохвост ищет умеренных солнечных лучей и любит там погреться. Он не отыскивает сырости даже при высокой температуре, но и не избегают ее, если она умеренна. Вечером с заходом солнца и при наступлении темноты животные эти прячутся в свои норки, а утром, когда постепенно светлеет и теплеет, они высовывают головки, но не решаются вылезти, пока воздух и почва хорошенько не согреются. Они вылезают из своих ночных убежищ, беспрестанно зевая.

Единственный звук, который издает это животное, — довольно сильное шипение, происходящее от выдыхания воздуха при открытом рте. Они совершенно безвредны, и гнев их выражается только шипением; если же их долго дразнить или беспокоить, то они начинают сильно хлопать хвостом. Между собой они живут мирно; только изредка два самца ссорятся между собой и стараются укусить друг друга в горло, но при этом редко доходят до крови.

О других животных они не заботятся. Большим преимуществом индийского шипохвоста должна считаться его сильная способность к приручению; можно даже сказать, что он привязывается к человеку. Уже через несколько недель неволи его можно гладить, причем он не убегает, и эта доверчивость вовсе не происходит оттого, что они становятся бесчувственными вследствие неволи. Животное это бегаёт за лакомым кусочком, который держат в руке, как собачка, и если его долго держать в клетке, то оно не худеет, а остается живым и проворным. Если его поместить на стол около блюдечка с мучными червями, то он сейчас же начинает есть. Можно поместить лакомую пищу на ладонь и всунуть руку в клетку: животные сейчас же прибегают и без всякого страха едят с руки. Если держать руку довольно высоко, то ящерицы приподымаются, опираются передними ногами на руку и спокойно продолжают есть.

У индийского шипохвоста очень хорошая память; доказательством этого может служить следующий факт: так как хамелеоны и стеллионы едят по преимуществу утром и вечером раньше, чем шипохвосты проснутся, и после того, как они отправятся в свои ночные убежища, то в это время в ветвях дерева, стоящего в клетке, вешался сосуд, в который ежедневно насыпали мучных червей. Один из шипохвостов при своих довольно неуклюжих попытках к лазанию однажды наткнулся на этот сосуд, где еще было несколько червей. Он тотчас же их съел и слез с дерева. С этого дня он очень хорошо узнал значение бурого глиняного сосуда: как только его вешали на дерево, он тотчас же лез вверх и съедал содержимое. Так как от этого страдали хамелеоны и стеллионы, то я оставил сосуд в террариуме и насыпал червей утром и вечером. Шипохвост напрасно лазал на дерево, так как сосуд днем был пуст. Наконец он привык к висящей чашечке и более

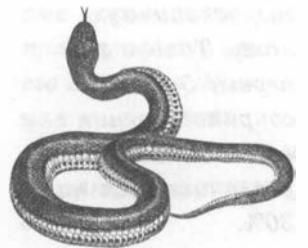
ее не осматривал, но скоро заметил, что вечером, незадолго до захода солнца снова открывали дверь террариума. Однажды тот же самый шипохвост появился вечером, когда насыпали червей; он тотчас же поднялся наверх, опорожнил весь сосуд, а затем спрятался в свою норку. С тех пор он ежедневно показывается, как только вечером открывают дверь террариума, тотчас же подходит к кормушке и съедает там все до последнего червяка. Я был вынужден совершенно изменить свою систему кормления, так как иначе хамелеоны и стеллионы умерли бы с голоду. Шипохвост, однако, часто долго стоит вечером у двери и отправляется на покой только тогда, когда убедится, что ее не отворяют.

Зрение и слух у них очень острые, и они слышат малейший шорох. Что касается до вкуса, то их короткий розовый язык оказывается чрезвычайно чувствительным, и они способны по вкусу различать то, что от человека наверно бы ускользнуло. Кроме того, язык им служит для осязания, а также для хватания: им они схватывают или вернее слизывают, как игуаны, зерна, листья и насекомых.

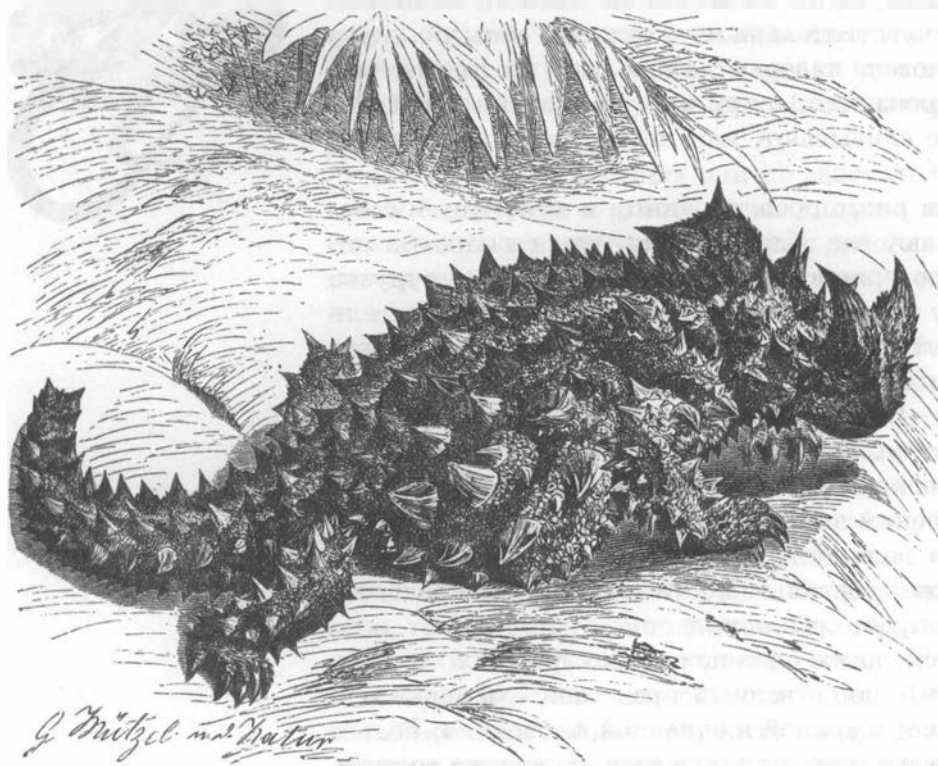
Они берут языком рис, просо, пшеницу и кукурузу и с наслаждением разжевывают их. Удивительно, как сильны их короткие челюсти: они совершенно размельчают зерно кукурузы, которое даже человеку трудно раскусить. Впоследствии они ели охотно и даже с жадностью листья брюссельской капусты, иногда немного люцерны, цветы одуванчика, но особенно мучных червей в большом количестве. Они также любят есть траву, особенно осоку, которую съедают целиком; траву на дерне они подгрызают до самой земли. Им необходимо ставить воду, которую они пьют, медленно лакая. Индийский шипохвост любит рыть землю и этим приводит террариум в большой беспорядок. Его стремление к рытью и большие крючкообразные когти заставляют предположить, что на свободе он роет себе норки.

К агамам относится также одна из самых странных ящериц, **молох** (*Moloch horridus*), единственный представитель одноименного рода, который живет в южной и западной Австралии. Голова у него очень маленькая и узкая, не шире шеи, туловище толстое, посередине расширенное и плоское, так что несколько напоминает туловище жабы; хвост немного короче туловища, округленный и на конце тупой. Ноги довольно толстые, пальцы необыкновенно короткие и широкие и вооружены длинными когтями.

На середине шеи возвышается длинный бугорок, по сторонам которого торчат большие шипы. Голова, шея и туловище покрыты неправильными щитками, на которых сидят довольно прямые шипы, похожие на шипы розана. Шипы эти имеют различную длину и неодинаково загнуты. Самые большие и кривые находятся по сторонам головы, так что похожи на рога млекопитающего; другие, также большие, сидят на середине шеи и на обоих боковых шейных бугорках, а также вдоль всего хвоста; самые

маленькие находятся на ногах. Нижняя сторона тела не гладкая, но без шипов. Окраска этого колючего животного не особенно яркая, но довольно красивая. Основной цвет у него каштаново-бурый с темными каемками по сторонам; вдоль середины спины проходит узкая полоска цвета охры, которая во многих местах расширяется, образуя ромбы; две других, точно так же окрашенных полоски начинаются по сторонам шеи, проходят по плечам, здесь расширяются и разделяются на две ветви, из которых одна тянется вдоль туловища и по сторонам хвоста, а другая загибается за плечевой сустав. Основной цвет нижней части тела светло-буровато-желтый, на котором замечается рисунок, состоящий из широких продольных и поперечных полосок с темными каемками; рисунок этот занимает всю грудь, брюшко и нижнюю часть хвоста. Общая длина тела равняется 18—22 см.

Молох
(*Moloch horridus*)

* Молох имеет очень гигроскопичную кожу. Только за первые 5 минут соприкосновения ее с водой вес ящерицы увеличивается на 30%.

Мы только в последнее время кое-что узнали об образе жизни молоха, которого колонисты называют «колючей ящерицей» или «колючим чертом»; по своей внешности он очень похож на американских жабовидных ящериц. Вильсон много лет собирал все известия об этом странном животном и сообщил их вместе со своими

собственными наблюдениями. Молоха встречают в различных местах около порта Августа, но его область распространения на pewno простирается дальше, чем до сих пор известно. Ящерица эта живет только на очень песчаных местах, и иногда можно видеть, как две или три из них греются на солнце на верхушке песчаного холмика вблизи залива*. Случается, что они закапываются в песок, но глубоко никогда не зарываются. По их привычкам и маленьким скрытым глазам можно догадаться, что эти животные дневные, которые, видимо, очень редко активны ночью; обыкновенно они двигаются медленно, но случалось видеть, что они бегают очень скоро, особенно, когда хотят спрятаться в норку,

расположенную не очень далеко. Когда они сидят смиренно, то приподымают голову, так что она образует со спиной тупой угол. Пища их, говорят, состоит преимущественно из муравьев, но некоторые утверждают, что молох иногда ест и растительные вещества. Яйца, которые мало отличаются от яиц других ящериц, кладутся в песок.

Молох также имеет способность изменять свой цвет соответственно окружающей обстановке, но, по наблюдениям Вильсона, это никогда не делается внезапно, а лишь очень постепенно; однако это случается нередко. Яркая окраска переходит тогда в темный шиферно-серый или дымчато-бурый цвет, и красивый рисунок при этом почти пропадает.

Молохи, жившие у Вильсона в неволе, были очень скучные существа, почти вовсе не двигались, а в присутствии натуралиста совсем не шевелились; если их приподнимали, то они оставались сидеть в этом положении, и вообще казались совершенно бесчувственными относительно внешнего мира и даже дневного света. Только когда их переворачивали на спину, то они сильно карабкались, чтобы опять встать на ноги. Ни один из молохов, живших у Вильсона, не принимал пищу, однако они прожили, таким образом, целый месяц, не выказывая ни особой худобы, ни слабости, что следует объяснить живучестью, свойственной всем пресмыкающимся.

Молох напрасно носит свое страшное название; внешность его действительно ужасна, но по образу жизни он совершенно безвреден. Единственным орудием ему служат шипы, но они так слабы, что ловкий человек редко получает от них вред. Кусаться он не может, так как у него очень маленький рот.

СЕМЕЙСТВО ИГУАНОВЫЕ (Iguanidae)

Агамы, живущие в Старом Свете, в Америке заменяются игуановыми; только они встречаются в большем числе видов и гораздо разнообразнее по внешнему облику. Общие признаки их следующие. Голова покрыта множеством мелких щитков, на спине замечаются очень равнообразные чешуйки, которые часто расположены поперечными рядами. Глаза имеют хорошо развитые веки*, барабанная перепонка почти всегда видна. Ноги бывают короче или длиннее, но обе пары имеют по пяти, большей частью, свободных пальцев. Хвост бывает очень различной величины, но в большинстве случаев длиннее туловища. Язык короток, толст, спереди с мало заметной выемкой и прирос ко рту всей своей длиной. Главное различие игуан от агам состоит в том, что зубы у них приросли к костяному рубцу, находящемуся на внутренней стороне верхнего края челюстей; зубы эти внизу круглые, а наверху широкие. Выдающихся зубов, похожих на клыки, почти

* На нижнем веке некоторых игуан имеются прозрачные чешуи, которые позволяют ящерицам видеть даже с закрытыми глазами, (так называемое «окошко»). Некоторые специалисты предполагают, что его основная функция — снижать яркость света, как и у солнцезащитных очков.

Семейство игуановые

* Согласно последним сведениям, известно около 670 игуановых ящериц, объединяемых в 60 родов.

** Игуаны могут развивать скорость на задних конечностях до 25 км/ч.

никогда не бывает, на крыловидных костях зубы почти всегда есть, а на небных очень редко.

Ныне насчитывают до 50 родов и 300 видов игуановых*; они в высшей степени характерны для Южной и средней Америки и там повсюду встречаются в большом числе, но распространяются и на жаркие страны Северной Америки: на запад до Британской Колумбии, на восток до Арканзаса и южных Соединенных Штатов, а также населяют соседние с Америкой острова.

Местожителство этих ящериц точно так же разнообразно, как обширна область их распространения. Они живут буквально везде, где только пресмыкающиеся могут найти условия для своего существования: на материке, на островах, на высоких и низких местах, на сухих равнинах, и в сырых тенистых первобытных лесах, в непосредственной близости человеческих жилищ, в городах, селах, на наружных стенах и внутри домов, а также в совсем пустынных местностях. Многие виды должны считаться водными ящерицами, так как они, как вараны Старого Света, при малейшей опасности бегут в воду и превосходно плавают и ныряют. Один вид даже ищет себе пищу в море. Между ними также встречаются малоразвитые, ленивые и, по-видимому, бесчувственные существа, но большая часть их нисколько не уступает нашим обыкновенным ящерицам в живости, проворстве и как в физическом, так и в душевном развитии**. Игуаны точно так же украшают леса своей родины, как это делают агамы в Старом Свете. Пища их состоит из насекомых и растительных веществ. Некоторые виды питаются исключительно растениями, но большинство, как и прочие пресмыкающиеся, охотятся за насекомыми и другими мелкими животными. Ныне известно, что все игуаны кладут яйца, кроме некоторых жабовидных ящериц и нескольких видов рода *Sceloporus*. Многие виды имеют для человека довольно большое значение, так как мясо и яйца их охотно употребляются в пищу.

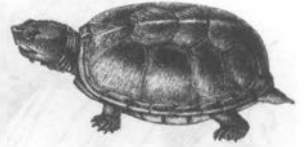
В лесах, рощах и садах всех жарких стран Америки живет многочисленный род очень милых ящериц, которым дали название **анолисы** (*Anolis*), потому что так их зовут на Антильских островах. Виды этого рода отличаются пирамидальной головой, средней длины шеей, на которой у самца замечается большой висячий, большей частью великолепно окрашенный мешок; туловище у них стройное, обе пары конечностей хорошо развиты, причем задняя пара длиннее передней; лапы большие с пятью неодинаково длинными пальцами, у которых средние суставы расширены, и на нижней стороне имеют поперечные листовые полоски; когти необыкновенно длинные, острые и загнутые; хвост очень длинный, тонкий. Все тело покрыто очень маленькими щитками, которые на спине и хвосте иногда образуют гребень; передние зубы острые, конические, несколько загнутые, а задние с боков сжаты и имеют трехзубчатую коронку; кроме того, на крыло-

видных костях замечается один ряд маленьких крючковатых зубов. Кожа окрашена в великолепные цвета; анолисы способны изменять ее окраску гораздо более, чем всем известный хамелеон.

Каждый путешественник, который посещает какую-либо часть Южной или средней Америки, знакомит нас с новыми, еще не описанными видами этого рода; таких видов ныне насчитывают более ста; они распространены почти по всем теплым странам Америки*. Анолисы живут повсюду: в каждом лесу, в каждой роще, на каждом отдельном дереве, но иногда появляются на стенах домов, в сенях и даже в комнатах, так что не заметишь их можно разве в густом лесу. В то время, как в первобытном лесу только случайно увидишь, как это животное тихо, без движения сидит на ветке — поблизости поселений анолисы поневоле бросаются в глаза людям и оправдывают слова Никольсона, который, шутя, говорит, что эти ящерицы как будто подслушивают человека. Необыкновенно живые, проворные и ловкие, они постоянно заняты охотой на насекомых, здесь схватят комара, там бабочку или жука, исследуют все щели и уголки, чтобы завладеть пауком, караулят добычу, как хищные животные и, как кошки на мышь, бросаются с быстротой молнии на свою добычу, схватывая ее почти всегда с большой ловкостью. Они находятся в движении целый день, и все время враждуют с себе подобными. «Как только анолис увидит другого, — рассказывает Никольсон, — то он живо подбегает к нему, а тот ожидает противника, как храбрый герой. Перед боем они друг перед другом вертятся почти так, как петухи, быстро и сильно кивают головой вверх и вниз, как можно больше надувают горло и смотрят друг на друга сверкающими глазами; затем бросаются друг на друга, и каждый старается повалить противника. Если оба анолиса одинаково сильны, то бой, который почти всегда ведется на деревьях, кончается не так скоро. К борющимся приближаются другие анолисы, вероятно, самки, чтобы полюбоваться зрелищем, как будто оно им доставляет удовольствие, но в драку не вмешиваются; противники так сильно впиваются друг в друга зубами, что долго таскают один другого и уходят, наконец, с окровавленной мордой. Несмотря на это, ссора скоро возобновляется, более слабый противник в счастливом случае уходит с откусанным хвостом, но часто бывает и убит. Если они теряют хвост, то делаются пугливыми и скучными и почти всегда прячутся. Бои эти, вероятно, происходят из-за самок; по крайней мере во время спаривания анолисы живее, чем обыкновенно, и без усталости прыгают с ветки на ветку. Самка вырывает передними ногами под деревом или около стены неглубокую ямку, кладет туда свои грязно-белые яйца и прикрывает их чем-нибудь, предоставляя нагревание их солнцу».

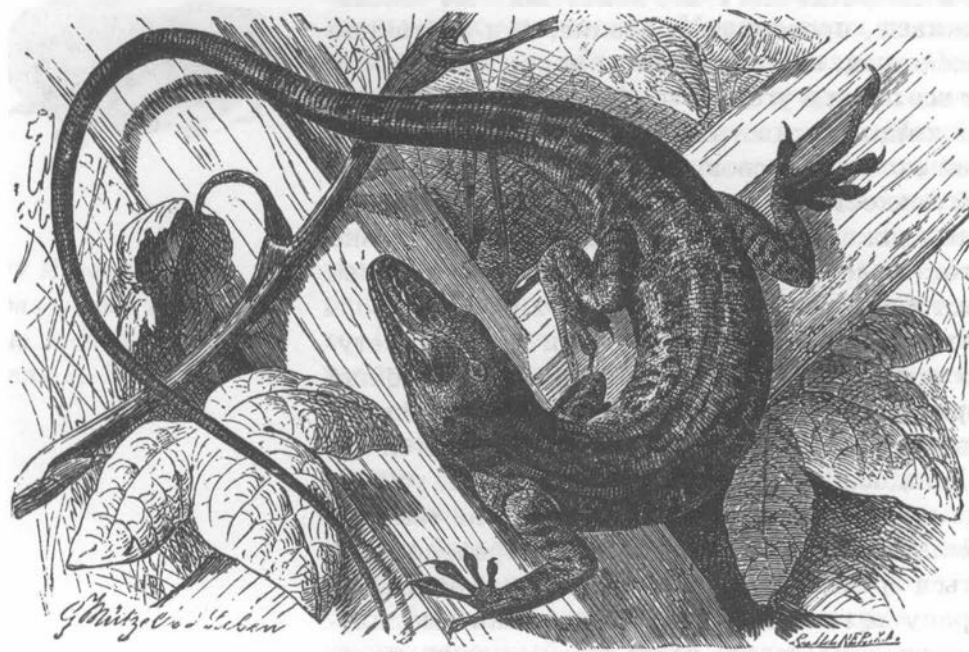
Благодаря своей безвредности и доверчивости, анолисы приобрели даже в Южной Америке, где, по словам принца фон Вида, всем животным придают вредные качества, если не всеобщее

* К настоящему времени объем рода увеличился почти втрое.

Семейство игуановые

* Анолисы жили на земле очень давно. Некоторых из них находят в ископаемом янтаре, возраст которого исчисляется миллионами лет. Одна из таких находок была сделана на острове Гаити.

Североамериканский
красногорлый
аналис
(*Anolis carolinensis*)

расположение, то, по крайней мере, признание их неядовитыми существами*. На них нигде не смотрят с отвращением, а в некоторых местах даже с благосклонностью, как бы признавая их заслуги, состоящие в ловле насекомых. Им прощают даже их смелость, выражающуюся в том, что они бросаются на преследующего их человека и впиваются в него зубами. Все виды при хорошем уходе легко переносят неволю и поэтому могут быть без труда привезены в Европу.

Как представителя этого рода мы опишем **североамериканского красногорлого анолиса** (*Anolis carolinensis*). Признаки этого животного следующие: голова удлинённая, треугольная и плоская, у молодых экземпляров почти гладкая, а у старых с двумя сильными ребрами и покрыта довольно большими многоугольными щитками, барабанная перепонка заметна, шея короткая, у

самца под ней находится довольно большой мешок, туловище столь же высокое, как и широкое, спина не острая, брюшко плоское; туловище сверху покрыто маленькими шестиугольными или круглыми, друг друга не прикрывающими, слегка килеватыми чешуйками; брюшко покрыто продолговато-шестиугольными, прикрывающими

друг друга и также килеватыми чешуйками; хвост почти круглый, у основания сжат с боков, а на конце покрыт маленькими мутовчатыми килеватыми чешуйками; у живых животных верхняя часть тела блестяще-зеленая, а нижняя серебристо-белая, горловой мешок ярко-красный и покрыт белыми чешуйками, виски черные, над прикреплением передних конечностей замечается круглое черное пятно, похожее на глаз, около хвоста на теле много черных точек. Зеленый цвет может, однако, переходить в буроватый или бурый и вообще сильно изменяется. По словам Шомбургка, окраска этого животного при возбуждении переходит от зеленовато-серой, темно-серой, бурой во всевозможных оттенках до блестяще-зеленой, причем сильно изменяется и рисунок. Длина

этой ящерицы колеблется, в зависимости от пола, от 14 до 22 см, из которых две трети приходится на хвост. Самцы, как у большинства видов этого рода, всегда больше, толще и красивее окрашены, чем самки.

Красногорлый анолис в Луизиане, Каролине и на острове Куба принадлежит к числу самых обыкновенных ящериц и живет во всех подходящих местах, на деревьях, изгородях, на наружных стенах домов и нередко даже внутри их. По описанию Гольбрука, это в высшей степени подвижное, веселое и драчливое животное, которое, вовсе не обращая внимания на присутствие человека, бегаёт по столам и другой мебели и в сообществе себе подобных гоняется за мухами и комарами. По своим привычкам он мало или вовсе не отличается от других видов. Он бегаёт по земле в высшей степени проворно и так как держит голову высоко, то выглядит очень красивым: кажется, что он летает, а не ходит. По деревьям он двигается с удивительной быстротой и ловкостью, делает скачки, превосходящие в двенадцать раз длину его тела, прыгает с ветки на ветку или с одного дерева на другое и умеет удержаться, если даже схватился лишь за один листик; благодаря своим широким пальцам, он, как гекконы, в одно мгновение прилипает к предметам, даже к самым гладким, например, к полированному дереву или стеклу; он в состоянии бегать даже по потолку комнаты*. Этот анолис питается животными, но может случиться, что проглотит и ягоду. Шомбургк говорит, что он также ловит ос и других жалящих насекомых, по мнению многих, он не боится и скорпионов и так ловко их схватывает за голову, что они, защищаясь, ранят иногда сами себя, но никогда не жалят анолиса. В пору спаривания его возбуждение сильно возрастает, и он храбро и сердито дерется со всяким другим самцом. Оба противника надувают как только это возможно свои горловые мешки, схватывают друг друга за челюсти и так впиваются зубами, что некоторое время их невозможно разнять. При этом изменение окраски бывает у них всего заметнее и происходит очень быстро. К осени анолис забывает все распри и живет вполне мирно с себе подобными, иногда даже большими обществами, которые случайно собрались на одном месте. Шомбургк редко находил в теле самки более двух яиц и заметил, что обыкновенно одно было более развито, чем другое. Самка просто роняет свои яйца без всяких предосторожностей, так что их находят то в песке, то на скалах и даже иногда в комнатах**. Шуфельдт заметил, что домашняя кошка — самый большой враг анолиса и предпочитает эту ящерицу всякой другой добыче. Впрочем, анолисы подвергаются и всяким другим преследованиям, что видно по обломанным хвостам и недостающим конечностям. Чем жарче погода, тем чаще эти животные сползают с деревьев и охотятся за насекомыми около корней их. Если схватить анолиса, то он кусается, но прокусить кожу человека не может.

* Наличие на нижней стороне пальцев анолисов расширенных пластинок с поперечными рядами прикрепительных щеточек, покрытых микроскопическими крючкообразными волосками, является отличительным признаком рода. Именно эти волоски и позволяют анолисам не скользить по гладкой вертикальной поверхности.

** Любопытно, что яйца анолисы могут откладывать не только в землю или дупла, но и в плотные гроздьевые бромелиевых растений.

По словам Шомбургка, мальчики пользуются любовью анолисов к музыке, свистя, приближаются к проворным животным и накидывают им на шею петлю, чтобы поймать их. Пленные анолисы скоро делаются ручными, и потому часто видишь их в неволе даже у таких людей, которые не любят других пресмыкающихся. Их очень часто привозят живыми и в Европу.

В главных чертах анолисы ведут себя, как и наши европейские ящерицы, но гораздо проворнее их и сообразно устройству своих ног лучше лазают. Их очень хорошо описал Белль. «У меня жили два живых анолиса из Вест-Индии, — рассказывает он, — и я кормил их мухами и другими насекомыми. Мне очень нравилось их проворство при преследовании добычи. Они караулили свою жертву с осторожностью кошки и бросались на нее с быстротой молнии. Однажды я, кроме мух, бросил в их помещение большого паука крестовика. Один из анолисов бросился на него, но схватил только за ноги; паук сразу обернулся, окружил обе передние лапы своего противника толстой паутиной, а затем укусил за губу, точно так, как он обыкновенно это делает, когда сам ловит добычу. Анолис, по-видимому, очень сильно испугался. Я вынул паука и освободил ноги ящерицы от паутины, но через несколько дней она околела, очевидно, от полученной раны, так как другая ящерица, которая не была укушена, пережила ее намного».

Под именем василиска древние греки и римляне представляли себе змееподобное чудовище самого страшного вида и одаренное сверхъестественной силой. Он и родился сверхъестественным путем, высиженный гадами, не способными к насиживанию, и был вреден для всего живущего, не исключая и человека. В его рождении участвовали петух, змея и жаба: петух клал уродливые яйца, а змеи и жабы ими завладевали и высиживали. У василиска было крылатое туловище, на голове находилась корона, у него было четыре петушьи ноги, змеиных хвост, сверкающие глаза и такой ядовитый взгляд, что он действовал гораздо сильнее, чем «худой глаз» у нынешних жителей юга и востока. Исходящий от этого чудовища яд, говорят, наполнял воздух и убивал все живущее: плоды падали с деревьев и гнивали, трава засыхала, птицы падали мертвыми, и даже лошадь с всадником погибали. Лишь одно животное могло прогнать василиска и сделать его безвредным, это был один из его родителей — петух. Точно так, как пение петуха по позднейшим преданиям прогоняет черта, привидения и всякую нечистую силу, точно так и василиск был принужден скрываться в недра земли, как только слышал пение этой птицы. Все эти глупые басни повторялись до новейшего времени и не только невежественными людьми, но и так называемыми учеными мужами, которые писали о природе, например английский натуралист Топселем, который составил удивительное описание василиска. Название василиска упоминается и в

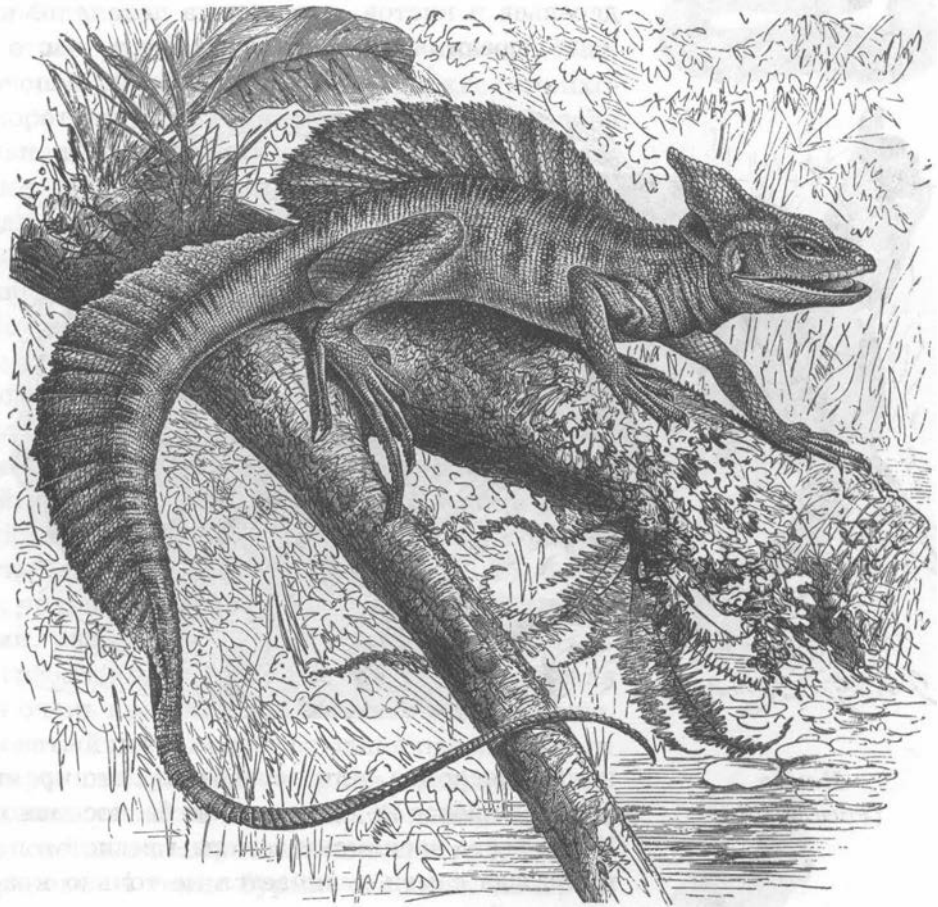
Ветхом Завете, например, у пророков Иереми и Исаяи, но трудно решить вопрос о том, какое животное подразумевалось под этим именем. По тексту видно, что оно должно было быть страшное и вредное. Зоологи воспользовались этим названием для обозначения совершенно безвредной американской ящерицы, что неудивительно, так как животным часто дают имена, заимствованные из древней мифологии.

Василиски (*Basiliscus*) образуют род с четырьмя видами; самцы их имеют на задней части тела высокий кожистый нарост,

а на спине и у основания хвоста у них замечается кожистый гребень, который поддерживается остистыми отростками позвонков; пальцы задних ног имеют с наружной стороны чешуйчатые каемки. Голова и шея коротки, туловище высокое и худое, хвост очень длинный и сильно сжат с боков, голова покрыта маленькими килеватыми щитками, а туловище — ромбоидальными чешуйками, расположенными поперечными рядами. Во рту замечается много одинаковых по величине и стоящих близко друг от друга пря-

мых, сплюснутых зубов с трехлопастной коронкой: в верхней челюсти их около 42, а в нижней почти столько же; кроме того, есть несколько рядов зубов на крыловидных костях. Все василиски живут в тропической Америке.

Шлемоносный, или обыкновенный, василиск (*Basiliscus basiliscus*) имеет на затылке острый колпачок, поддерживаемый хрящеватым гребнем и снаружи покрытый килеватыми чешуйками. Брюшные чешуйки у него совсем гладкие, без всякого следа ребер. Натуральный цвет его кожи, вероятно, зеленый, но у животных, сохранных в спирту, спина оливково-бурая, а брюшко

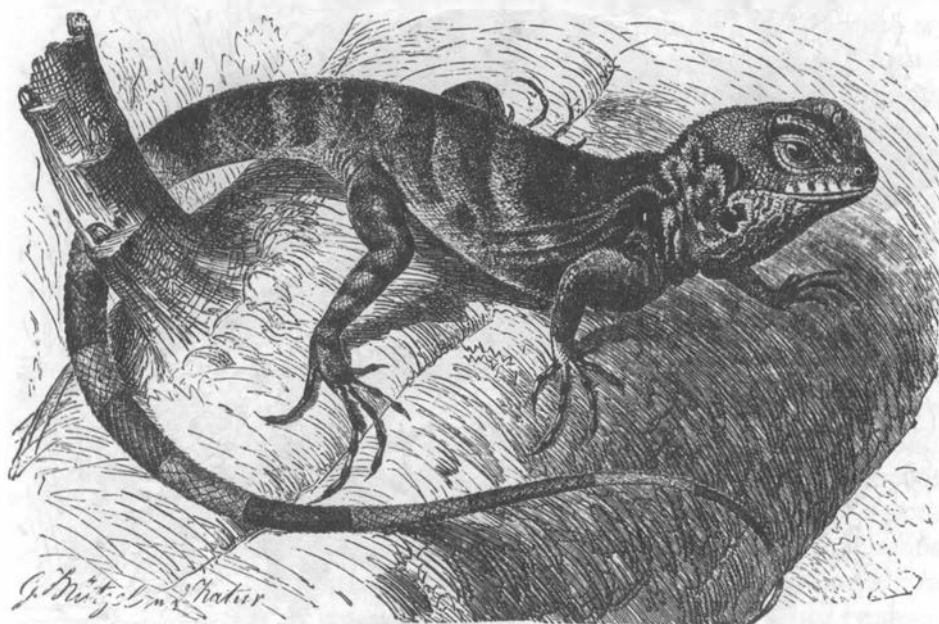

*Шлемоносный, или
обыкновенный,
василиск
(Basiliscus basiliscus)*

грязно-белое; от спины по бокам идут неправильные и прерванные черные поперечные полосы; за глазами замечается белая полоска и другая такая же еще более заметная за углом челюстей. Длина животного около 80 см, из которых 56 приходится на хвост. Он живет на Панамском перешейке и в Коста-Рике.

Об образе жизни василисков мы получили сведения лишь в новейшее время. По словам Сальвина, другой вид, **мексиканский полосатый василиск** (*Basiliscus vittatus*), так обыкновенен в Гватемале, что этот натуралист мог получить столько этих животных, сколько хотел. Их повсюду видишь сидящими на низких ветвях деревьев и кустов, а также на поваленных стволах, где они, не жась, греются на солнце. Особенно часто их встречаешь около

рек, окрестности которых, кажется, они никогда не покидают. Движения их, однако, довольно быстры, и схватить их может только искусный ловец. Зумихраст описывает нам более подробно этот вид и этим, вероятно, дает понятие о всей группе. «На берегах всех рек жаркой и умеренной части Мексики часто встречаешь василисков, которых индейцы называют цумбихи, а мекси-

Плика
(*Plica umbra*)

канцы пасариос, или перевозчик; это премилое животное, нравы которого вовсе не напоминают баснословного василиска древних. Чаще всего василиски заметны весной в период спаривания, так как тогда самец отличается не только красивым видом и яркой окраской, но также грациозными движениями. Рано утром они отыскивают себе корм, а в полуденные часы любят греться на солнце, сидя на сухих ветвях. При каждом шуме они приподнимают голову, надувают горло и быстро двигают кожистым гребнем. Зоркие глаза с золотисто-желтой радужной оболочкой тотчас замечают опасность, и василиск быстро, как на пружине, прыгает в воду. При плавании он приподнимает голову и грудь, гребет передними ногами как веслами, а длинный хвост ворочается как руль, чем и объясняется мексиканское название — перевозчик.

В конце апреля или в начале мая самка кладет 12—18 яиц в ямку у ствола дерева и предоставляет насиживание их солнцу.

Они имеют 20 мм в длину и 13 мм в ширину, а в прочем похожи на яйца игуан. Детеныши вылупляются через несколько дней и по цвету сильно отличаются от старых, так как гребень и хвост у них, как у самок, оливкового света, между тем как у самцов он красиво-красного цвета». Василиски питаются, насколько до сих пор известно, исключительно растительными веществами.

Два известных вида **плик** (*Plica*) имеют голову, покрытую не особенно выдающимися чешуйками; затылочный щиток у них очень велик, пальцы сильно согнуты в суставах, на затылке замечается гребень, а на спине другой, пониже; бедренных пор нет. Клыки у них довольно большие.

Представителем этого рода может служить **плика** (*Plica umbra*), животное, имеющее 30 см длины, причем на хвост приходится 20 см. Голова короткая и толстая, над глазами утолщена как у жаб, морда довольно тупая, нижняя челюсть несколько длиннее верхней, очень заметная барабанная перепонка яйцевидная, по сторонам шеи находится мягкая кожа, которая при возбуждении надувается и образует горловой мешок, торчащий по обе стороны головы; туловище довольно стройное, ноги высокие, хвост длинный и тонкий. На передних и задних ногах по 5 сжатых с боков и согнутых в суставах кривых пальцев, снабженных довольно толстыми, короткими и с боков сжатыми когтями. Туловище покрыто маленькими тонкими чешуйками, голова — несколько более крупными шестиугольными, четырехугольными или неправильными чешуйками, по сторонам обеих челюстей замечаются большие чешуйки, по сторонам горла небольшие острые чешуйки; нижняя часть тела покрыта четырехугольными, более крупными, чем сверху, чешуйками, а хвост — четырехугольными килеватыми чешуйками, расположенными кольцами. На затылке находится низкий гребень, который продолжается до начала хвоста. Окраска плики очень красива. Голова и затылок окрашены в светло-серый, буроватый цвет, на шее от одной передней ноги до другой проходит широкая бархатисто-черная поперечная полоса, перед ней по сторонам затылка находятся большие желтые пятна, а за ними узкие светлые поперечные полосы голубовато-серого цвета. Далее проходят 4 темно-бурых, широких поперечных полосы, окаймленные темными каемками и разделенные узкими голубовато-серыми полосками. Задняя часть тела и хвост имеют желтовато-розовый основной цвет и украшены 11—12 черно-бурыми или черными поперечными полосками или кольцами; на задних ногах замечаются 4 бурых полосы с темными каемками, а серовато-бурые передние ноги покрыты неясными бледно-голубыми поперечными полосками и пятнышками. На сторонах шеи, когда она не надута, находится круглое оранжевое пятно, а когда она надута, то весь пузырь принимает оранжевую окраску. Горло и нижние части тела голубовато-пепельно-серые с беловатым или красноватым оттенком. Кругом радужной

оболочки находится узкое желтое кольцо, а сама радужина бурая. У молодых животных на бурых полосках замечаются круглые жемчужные пятнышки, которые у взрослых исчезают. Плика распространена по всей тропической Южной Америке.

«Этот необыкновенно красиво разрисованная пестрая игуана, — говорит принц фон Вид, — встречалась мне в огромных девственных лесах близ лагуны Аррара около Мукури, когда я там жил в феврале и марте. Я наблюдал ее только в этой местности, но встречал там часто и мог срисовать с натуры. Ее там называют хамелеоном, так как она немножко изменяет свой цвет и при возбуждении, особенно по бокам, принимает прекрасную розовую окраску. Это изменение цвета по преимуществу заметно на светлых полосках, испещряющих ее тело. Она живет постоянно на деревьях, по стволам которых ловко лазает, но бегаёт также скоро и по сучьям; она высоко держится на ногах, а голову и шею поднимает еще выше, и глаза у нее всегда сильно открыты. Если она не может убежать от угрожающего ей существа, то открывает пасть, надувает горловые мешки, издает шипение и прыгает на противника. Это животное, вероятно, нередко встречается в обширных первобытных лесах по берегам Мукури, так как индейцы, которые каждый день работали в лесу, вечером обыкновенно приносили несколько штук этих животных, чтобы, как они говорили, доставить удовольствие любознательному чужеземцу».

Острова Галапагос образуют особый мир, так как большинство растений и животных, там живущих, более нигде не встречаются. Пресмыкающиеся играют очень важную роль в фауне этих островов и в известном смысле заменяют здесь недостающих млекопитающих, особенно травоядных. Там живет немного видов, но каждый из них встречается, или, по крайней мере, встречался несколько десятилетий тому назад в большом числе экземпляров. Особенно замечательные здесь четыре ящерицы из семейства игуановых, а из них заслуживают особенного внимания две очень странные ящерицы, которые значительно отличаются от родственных им игуан зубами, формой головы и покровом ее, толщиной черепных костей и отсутствием горлового мешка. Обе они сходны между собой по строению, и образ жизни их во многом одинаков. Быстротой движений не отличается ни одна из них; обе принадлежат к травоядным животным, хотя питаются различной пищей: одна из них живет на земле, другая в воде и, что всего удивительнее — это единственная ящерица, которая справедливо может быть причислена к морским животным, единственная, которая питается водорослями.

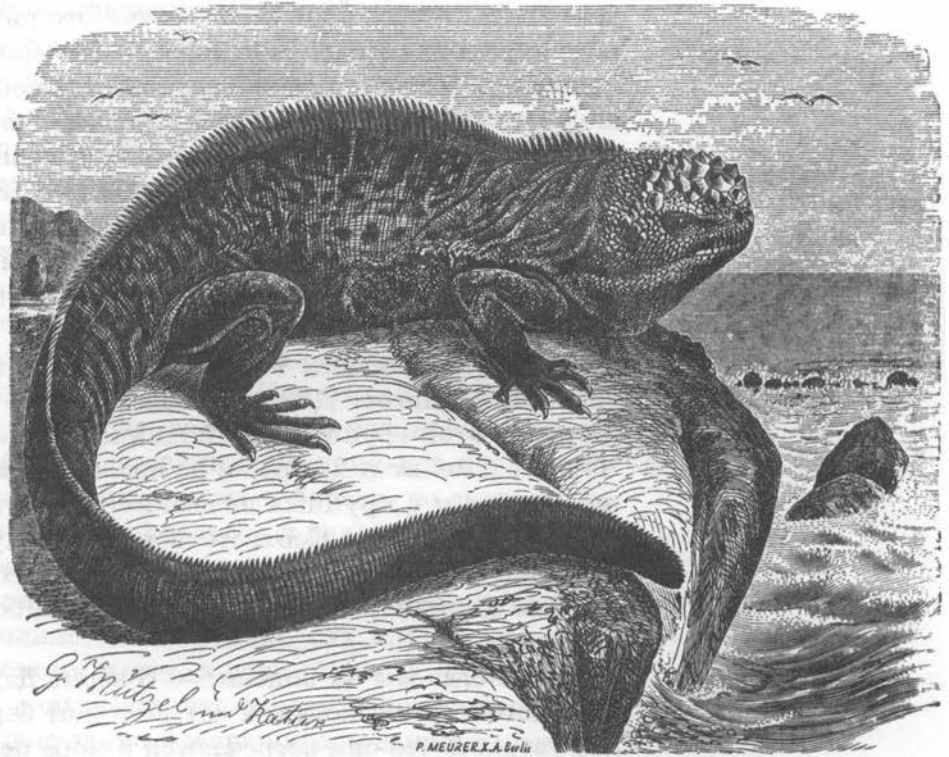

Морская игуана (*Amblyrhynchus cristatus*) единственная представительница своего рода, очень крупное животное: длина ее достигает 135 см при длине хвоста в 80 см; вес доходит до 12 кг. Короткая и широкая голова круто спускается по сторонам, спереди суживается и образует очень крутую и дугообразно

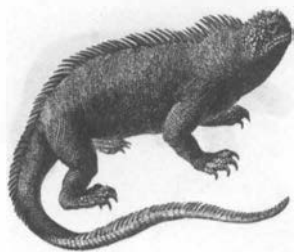
согнутую поверхность от лба до края морды. Для описания этого животного я воспользуюсь сообщениями Штейндахнера, который написал особое сочинение о ящерицах Галапагосских островов. Вся верхняя часть головы покрыта многоугольными, большей частью четырех- или шестиугольными щитками различной величины и расположенными вроде мозаики; самые крупные ко- нические, даже шиповидные щитки лежат на передней части го- ловы, самые маленькие над глазами. Яйцевидные ноздри распо- ложены довольно высоко по сторонам головы и имеют наклон- ное положение снизу вверх; они окружены возвышенным кожи- стым гребнем, на котором снаружи сидят маленькие щитки. На

верхней губе нахо- дятся 9—10 пяти- угольных щитков, на нижней — 12— 13 четырехуголь- ных; от глаза до висков идет дуга, со- стоящая из килева- тых чешуек, а ниж- няя сторона головы покрыта маленьки- ми выпуклыми че- шуйками. Яйцевид- ная барабанная пе- репонка окружена толстыми круглыми ребрами. На горле и по сторонам шеи кожа более или ме- нее слабо прикреп- лена к телу, и иног- да образует перед грудью заметную поперечную склад-

ку. Туловище очень толстое, на затылке, шее и спине замечается сильно сжатый с боков гребень, распространяющийся до самого конца хвоста и разделенный более или менее глубокими надреза- ми на отдельные части, именно затылочную, спинную и хвосто- вую. Все прочие чешуйки отличаются малой величиной, на спине они килеватые, на боках выпуклые, а на животе крупнее и совсем плоские. Хвост длинный, у основания сжат с боков умеренно, а на конце очень сплюснут, так что принимает форму плавника и покрыт большими четырехугольными килеватыми чешуйками, которые, как и на спине, расположены правильными поперечны- ми рядами. Ноги короткие и плотные, пальцы соединены между собой короткой перепонкой и вооружены большими, сильно

Морская игуана
(*Amblyrhynchus
cristatus*)

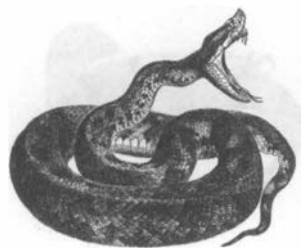

загнутыми когтями; второй и третий пальцы одинаковой величины и длиннее других. Толстый язык занимает всю ширину полости рта. Зубы большие, трехлопастные и прикреплены к наружной стенке глубокого желобка, находящегося на челюстях; на верхней челюсти их бывает 22—25, на нижней 20—24, из которых 6—8 одинаковых расположены на межчелюстных костях. Небольшие и малочисленные зубы на крыловидных костях часто вываливаются.

Окраска и рисунок изменяются в зависимости от возраста. У молодых морских ящериц по сторонам головы и под нею, а также на боках замечается много светло-серых пятен на черном фоне, и этих пятен бывает иногда так много, что основной темный цвет сохраняется лишь в виде сетчатого рисунка. Спина покрыта или переменными грязно-серыми и черными неправильными полосами, состоящими иногда из отдельных пятен. Верхняя и наружная сторона ног покрыта серыми точками или большими серыми пятнами. Нижняя сторона головы грязно-темно-серая, горло черное, брюшко грязно-желто-бурое, верхняя часть пальцев, плюсны и голени, а также задняя часть хвоста совершенно черные, на спинном гребне заметны переменные желтые или серые и черные полоски. В виде исключения встречаются совершенно черные экземпляры.

Морские игуаны в довольно большом числе живут на островах Галапагос. Дарвин нашел их на всех посещенных им островах этой группы, Штейндахнер — на островах Албемарль Черльз, Джеймс и Джервиз, на последнем в необыкновенно большом числе и в крупных экземплярах; Куксен находил их и на острове Абингдон. Соответственно своему образу жизни, они всегда встречаются на скалистых морских берегах и, по наблюдениям Дарвина, никогда не удаляются более, чем на 10 шагов от воды.

«Иногда мы их видели, — говорит Дарвин, — плавающими на расстоянии нескольких сот шагов от берега, и капитан Кольнет уверяет, что они встречаются в море целыми стадами и здесь занимаются рыбной ловлей или греются на скалах. Я полагаю, что он ошибается насчет цели их плавания, но сообщаемый им факт не может быть подвергнут сомнению. Животное это плавает в воде легко и быстро, змееобразно извивая туловище и плоский хвост, но при этом не пользуется своими ногами, которые плотно прижимаются к бокам и в воде никогда не двигаются. Один матрос привесил к такой ящерице значительную тяжесть и бросил ее в море, полагая ее сразу потопить, но к удивлению своему заметил, что через час ящерица была еще вполне жива. Ее конечности и большие когти прекрасно приспособлены к ползанию по шероховатым и растрескавшимся массам лавы, из которых состоят все берега. На подобных местах часто видишь 6 или 7 этих некрасивых пресмыкающихся, лежащих на черных

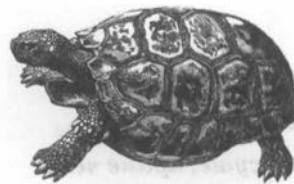

скалах в нескольких метрах от прибоя волн; они здесь греются, растопыря свои ноги.

Я исследовал желудки многих из них и находил его всегда наполненным размельченными морскими водорослями, именно остатками того вида, который имеет широкие листовидные вай светло-зеленого или темно-красно-зеленого цвета. Так как я не помню, чтобы встречал эту водоросль в значительном количестве на скалах, омываемых морем, то следует предположить, что они растут на дне моря, недалеко от берега, и если это верно, то этим вполне объясняется, почему игуаны плавают в море. Биноэ нашел раз в желудке морской игуаны остатки краба, но, вероятно, они были случайно проглочены, и сведение это поэтому не может иметь большого значения. Плоский хвост, добровольное пребывание этой игуаны в воде и пища ее достаточно доказывают, что это животное морское, но по странному противоречию она не спасается в воду, если ее испугать. Ее легко загнать на камень, выступающий из воды, но там скорее она даст себя схватить за хвост, чем бросится в море. О защите посредством зубов она, по-видимому, не имеет никакого представления. Если ее сильно напугать, то она брызгает попавшей в рот водой из ноздрей. Однажды я принес морскую игуану, пойманную в глубокой луже, оставшейся после отлива, и несколько раз бросал ее туда, как только мог дальше; она постоянно возвращалась прямым путем к тому месту, где я стоял. При этом я заметил, что она плавала близко от дна, красиво и быстро извиваясь, причем ногами не пользовалась при плавании, но иной раз ползала на них по неровному дну. Приблизившись к берегу, но еще оставаясь под водой, она старалась спрятаться в водорослях или в какую-нибудь ямку; через некоторое время, думая, что опасность уже прошла, она выползала на сухие скалы и, переваливаясь, как можно скорее уходила. Я несколько раз рядом ловил эту игуану, пригнав к удобному месту, и всякий раз замечал, что ее никакими средствами нельзя загнать в воду, а когда я ее туда бросал силой, то она постоянно возвращалась вышеуказанным способом. Может быть, эта кажущаяся глупость объясняется тем, что на берегу у нее нет врагов, в море же она часто делается жертвой многочисленных акул, таким образом, по опыту считает берег безопасным убежищем.

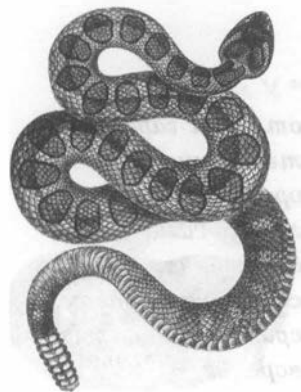
Во время нашего посещения в октябре я видел многих маленьких игуан этого вида, но между ними ни одной, которая была бы моложе года. Поэтому можно предположить, что время размножения их тогда не наступило. Я спрашивал многих туземцев о том, не знают ли они, куда кладет эта ящерица свои яйца; они отвечали, что хорошо знакомы с яйцами другого вида, но не имеют ни малейших сведений о том, как размножается морская игуана, что очень странно, если иметь в виду, что она на этих островах встречается в столь значительном числе»*.

Семейство игуановые

** У морских игуан отмечен гаремный тип социальной организации, когда группа самок, сосредоточенная около самца, распадается сразу после оплодотворения.*

* Морские игуаны на суше, кроме человека, врагов практически не имеют, а в воде ими любят полакомиться акулы.

Штейндахнер посетил острова Галапагос в 1872 году и нашел, что морские ящерицы там встречаются тысячами, точно так, как во времена Дарвина и Дампиера. «Когда мой спутник Питкинс, — говорит он, — увидел большое число этих безобразных животных, греющихся на скалах, состоящих из лавы, то он выстрелил в толпу их, и когда я тотчас после того, а затем еще раз через час осмотрел это место, то на нем не было более ни одного животного. Они все спаслись в море и, вероятно, затем отыскивали какое-нибудь более отдаленное убежище*. Это наблюдение, которое я повторял на островах Джеймс и Джервис, доказывает, что хотя морские ящерицы очень ленивы и беспомощны в своих движениях, почему их вовсе нетрудно словить, все же стараются избежать угрожающей опасности, а не остаются лежать с тупым упрямством на том месте, где они замечают врагов вблизи. При спокойном море часто видишь, как эти игуаны быстро плавают и ныряют в море довольно далеко от берега. Движения их в воде похожи на движения змеи, голова только высовывается из воды, а ноги прижаты к телу. На острове Джервис я их находил только на неровных и растрескавшихся массах лавы вблизи моря; они там лежали целыми стадами, состоящими из 100—150 особей. На острове Джеймс я находил только несколько небольших экземпляров, довольно далеко от моря, около небольших пещер, заросших травой и кустарником; очень может быть, что подобные места служат им гнездовьями. Желудки и кишки их, как уже было замечено Дарвином, постоянно наполнены небольшими широколистными красными водорослями».

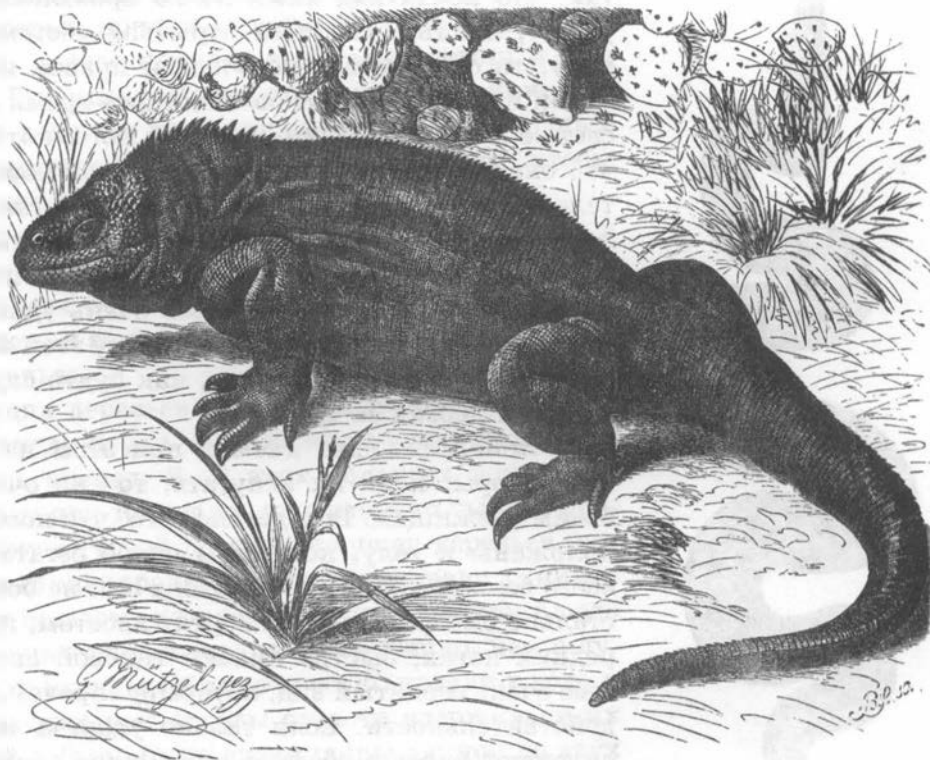
Вторая ящерица, встречающаяся на островах Галапагос, значительно отличается от морской по внешнему виду, а также отсутствием зубов на крыловидных костях; она еще неуклюжее и неповоротливее морской игуаны. Так как она живет только на суше, то у нее нет перепонки между короткими пальцами толстых ног. Хвост у нее короче и сжат с боков только слегка, в разрезе он яйцевидный и почти без гребня; шея у нее зато гораздо длиннее и снизу имеет продольные складки, голова более вытянута, не так высоко и не так круто спускается ото лба к краю рта. Поэтому Штейндахнер присоединяется к мнению тех натуралистов, которые из нее образуют особый род **конолофы** (*Conolophus*). Ей дали название **галапагосский конолоф** (*Conolophus subcristatus*). Штейндахнер приводит следующие признаки этого животного. Щитки верхней части головы гораздо меньше и потому многочисленнее, чем у морской игуаны; маленький затылочный щиток несколько вдавлен; широкие ноздри оканчиваются на большом щитке, который образует значительную выпуклость. В верхней челюсти замечается 23—24 длинных тонких трехконечных зуба, включая сюда 7 одинаковых, сидящих на межчелюстной кости; на нижней челюсти 23—24 таких же зуба. Яйцевидный язык в верхней части вальковатый и

посредине переднего края имеет неглубокую треугольную выемку. Чешуйки нижней части головы, шеи и боков малы и имеют конусообразную форму, верхушки их направлены, смотря по положению чешуи, в сторону или вниз; чешуйки на спине килеватые, на животе несколько крупнее, плоские, неправильно четырехугольные и расположены правильными поперечными рядами. Только на затылке возвышается ряд высоких, более или менее конических, большей частью сзади плоских, а спереди сильно выпуклых чешуек, которые отделены друг от друга маленькими чешуйками; они образуют гребень, который выше всего на середине, на спине сильно понижается и переходит в еще более низкий хвостовой гребень, в котором только кое-где замечается высокая чешуйка. Хвостовой гребень начинается на некотором расстоянии от начала хвоста, не образует непрерывного ряда и теряется около середины хвоста. Голова более или менее яркого лимонно-желтого цвета; спина около гребня кирпично- или ржаво-красная; в редких случаях на ней замечаются чередующиеся и неясные желтые и красно-бурые полосы, на боках красно-бурая окраска переходит в грязный, темно-бурый цвет. Кое-где замечаются точки и маленькие, неясно очерченные черные пятнышки. Брюшко темно-желтое с красно-бурым оттенком. Наружные и верхние стороны передних ног красновато-желтые, задние ноги буровато-желтые, когти и пальцы около них черноватые. Ящерица эта достигает 107 см длины, из которых 54 см приходится на хвост.

Хвостовой гребень начинается на некотором расстоянии от начала хвоста, не образует непрерывного ряда и теряется около середины хвоста. Голова более или менее яркого лимонно-желтого цвета; спина около гребня кирпично- или ржаво-красная; в редких случаях на ней замечаются чередующиеся и неясные желтые и красно-бурые полосы, на боках красно-бурая окраска переходит в грязный, темно-бурый цвет. Кое-где замечаются точки и маленькие, неясно

очерченные черные пятнышки. Брюшко темно-желтое с красно-бурым оттенком. Наружные и верхние стороны передних ног красновато-желтые, задние ноги буровато-желтые, когти и пальцы около них черноватые. Ящерица эта достигает 107 см длины, из которых 54 см приходится на хвост.

Дарвин наблюдал конолофа только на средних островах группы Галапагос, именно Албемарл, Джеймс, Барлинктон и Индефатигабл. Здесь он живет как на высоких и сырых, так и в более низких и пустынных частях; в последних, впрочем, он многочисленнее. «Чтобы дать понятие об их многочисленности, — замечает Дарвин, — я не знаю лучшего средства, чем сказать, что на

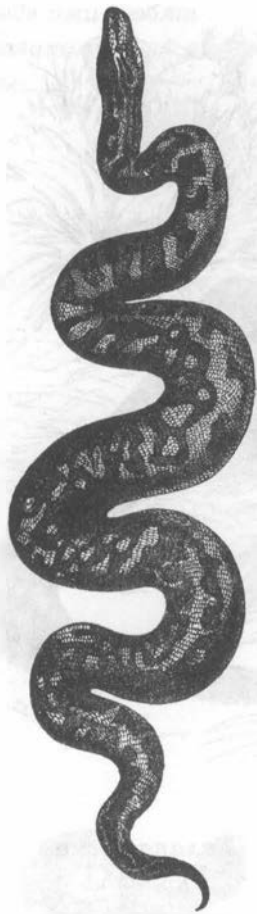
Галапагосский
конолоф
(*Conolophus
subcristatus*)

острове Джеймс мы довольно долго не могли найти подходящего места для нашей палатки, так как вся земля была изрыта их норками. Конолоф точно так же безобразен, как и морская игуана, и голова его вследствие малого лицевого угла имеет очень глупое выражение.

По движениям своим он кажется ленивым и сонным. Если его не пугать, то он ползает тихо, влача по земле живот и хвост, часто останавливается, на несколько минут закрывает глаза, как будто дремлет, и при этом широко распластывает задние ноги по земле. Он живет в норах, которые выкапывает между обломками лавы, а чаще на ровных местах, в мягком вулканическом песке. Норки эти, кажется, неглубоки и не круто спускаются в землю, так, что почва над ними легко проваливается, и путник очень устает, шествуя по этим изрытым местам. Когда конолоф роет нору, то он работает по очереди правой и левой стороной тела; одной из передних ног он некоторое время царапает землю и бросает ее по направлению к задней ноге, которая так расположена, что она может выбрасывать землю из норы. Когда одна сторона тела устанет, то начинает работать другая, и так по очереди. Я наблюдал одного из этих животных довольно долго, пока все его туловище не зарылось в землю; тогда я подошел ближе и потащил его за хвост; оно казалось очень удивленным, выползло из норы, чтобы объяснить себе причину этой помехи в работе, и пристально на меня посмотрело, как будто спрашивая меня: «зачем ты меня дергал за хвост?»

Конолофы едят днем и при этом не удаляются далеко от своей норы. Если их испугать, то они очень неуклюже бегут к своим убежищам. Вследствие того, что ноги довольно близко расположены к телу, конолофы скоро бегать не могут и им легче всего бежать под гору. Человека они не боятся: если на них пристально смотреть, то они вертят хвостом, приподнимаются на передних ногах, быстро кивают головой вверх и вниз и придают себе очень сердитый вид, который, впрочем, вовсе не соответствует действительности. Если только ударить ногой о землю, то они опускают хвост и убегают как можно скорее. Я часто видел, что маленькие насекомоядные ящерицы точно так же кивают головой, если внимательно к чему-нибудь присматриваются, но я никак не мог понять, для чего это они делают. Если остановить конолофа и дразнить его палкой, то он сильно ее кусает; я, однако, многих хватал за хвост, и ни один из них не пробовал меня кусать. Напротив того, если посадить двух конолофов вместе на землю друг против друга, то они тотчас начинают драться между собой и друг друга кусают до крови.

Все те конолофы, которые живут в низменностях, в течение целого года выпивают только несколько капель воды, но поедают большое количество сочного кактуса, если ветром случайно оторвет ветвь. Когда некоторым из них я бросал куски кактуса, то

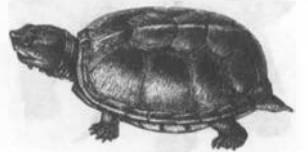

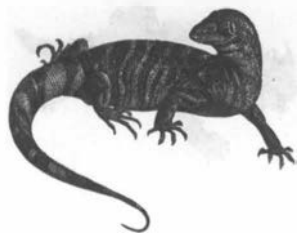
интересно было видеть, как каждый из них старался схватить и утащить свою долю, совершенно подобно собакам, которые спорят из-за кости. Они едят очень медленно, но не жуют пищу. Все маленькие птички знают, что эти животные безвредны. Я видел, как толстоклювый воробей клевал один конец куста кактуса, между тем, как конолоф ел с другого конца, и маленькая птичка потом совершенно спокойно прыгнула на спину пресмыкающегося. В желудке тех, которых я исследовал, я находил только растительные волокна и листья различных растений, чаще всего от одного вида акаций. В высоком поясе острова эти ящерицы питаются преимущественно кислыми и вяжущими ягодами гуаявиты, и я видел, как они ели их вместе со слоновыми черепахами. Чтобы полакомиться листьями акации, конолофы отыскивают низкие карликовые деревья, причем нередко случается что некоторые из них сидят на дереве на метр высоты от земли и там спокойно едят листья. Туземцы говорят, что конолофы, живущие в сырых местах, пьют воду, но те, которые живут в безводных местах, никогда не поднимаются на более сырые высоты, чтобы напиться, как это делают черепахи.

Во время нашего пребывания на островах мы находили у самок в теле много больших продолговатых яиц; они их кладут в свои норки, а туземцы их отыскивают для еды. Вареное мясо этих ящериц белого цвета и считается у людей без предрассудков за очень хорошее кушанье».

«Два вида цветущих деревьев из рода инга привлекли необыкновенно большое число игуан. При каждом ударе весла, которым мы подвигались вперед, 3—4 этих больших животных падали с деревьев в воду или исчезали, удивительно быстро пробираясь с ветки на ветку в густой листве верхушек деревьев, где однако зоркие глаза и меткие стрелы индейцев следовали за ними. Все оживились, так как каждому хотелось получить лакомое блюдо к ужину. Охота с помощью ружей шла менее успешно, чем с луком и стрелами, так как игуаны, убитые дробью, падали в воду и тонули, между тем как длинные стрелы отчасти удерживали их на воде. В числе нашей добычи были экземпляры длиной до двух метров и толщиной 30 см. Несмотря на страшный вид животных, мясо их принадлежит к числу самых нежных, которое можно себе представить; яйца их также очень вкусны. Качества эти способствуют уничтожению этих животных, особенно близ берегов моря, где, кроме туземцев, за ними охотятся европейцы, мулаты и негры».

Этими словами Шомбургк описывает свою встречу с **обыкновенной игуаной** (*Iguana iguana*), наиболее известным видом и типическим представителем всего семейства. Признаки рода **игуан** (*Iguana*) следующие: туловище вытянутое, с боков сжатое, голова большая, четырехугольная, шея короткая, ноги коренастые, пальцы длинные, а хвост очень длинный, с боков сжатый и

покрыт однообразными килеватыми чешуйками. На горле замечается большой висячий горловой мешок с гребнем на передней его части, состоящим из шипов. От затылка до конца хвоста тянется спинной гребень, голова покрыта многогранными выпуклыми и килеватыми щитками очень различной величины; брюшко покрыто гладкими или слабо килеватыми чешуйками, нижняя сторона пальцев — щитками с тремя ребрышками на каждом, на бедрах замечаются железистые поры, барабанная перепонка большая, круглая, ясно заметная, ноздри широкие. Передние зубы имеют коническую форму, очень острые и несколько загнуты назад; прочие зубы, сжатые с боков, треугольные и, в отличие от сходных родов, имеют зубчатые края. Кроме челюстей, двойной ряд маленьких зубов замечается на крыловидных костях; число зубов изменяется в зависимости возраста.

Игуана достигает 1,4—1,6 м длины, из которых 1 м приходится на хвост. Основной цвет кожи ярко-травяной зеленый, местами переходящий в синий, темно-зеленый, бурый и серый; нижняя часть тела и ноги полосатые, перед прикреплением передних конечностей замечается иногда белая полоска, на хвосте — несколько широких темных полос. Впрочем, окраска бывает очень различная, тем более, что игуаны также способны изменять свой цвет.

Все игуаны живут в тропической части Южной Америки и в странах около Мексиканского залива, следовательно, также и на Антильских островах; все они живут на деревьях и охотнее всего на таких, которые растут на берегу воды. Здесь они двигаются с большою ловкостью, лазая и прыгая с ветки на ветку, и умеют очень хорошо прятаться в листве, так что непривычному глазу они мало заметны. К вечеру они нередко спускаются на землю, чтобы и здесь искать себе пищу, но при опасности спасаются, если это только возможно, на верхушках деревьев или, как мы уже это видели выше, прыгают в воду. В воде они точно так же хорошо двигаются, как и вараны, и с большою ловкостью и быстротой пользуются своим сильным хвостом, как веслом. Они плавают, как замечает Тэйлер, тем же способом, как и другие ящерицы, т. е. прижимают конечности к туловищу и двигаются исключительно с помощью хвоста. В воде они двигаются совсем свободно, ныряют точно так же хорошо, как и плавают, долго остаются под водой, не устают и могут легко спастись от всех врагов, угрожающих им в этой чуждой для них стихии; по крайней мере, они вовсе не боятся крокодилов и кайманов, которые живут в тамошних реках.

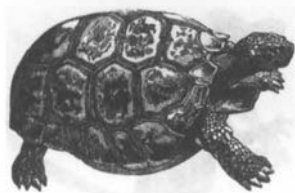
Дюмериль говорит, что находил в желудках исследованных им игуан только растительные вещества, и Тэйлер и Зумихраст с ним в этом соглашаются. Последний нашел во внутренностях анатомированных им экземпляров только мягкие ягоды, которые иной раз сильно расширяли кишки; Тэйлер замечает, что между полупереваренными листьями иногда находят бесчисленное

множество маленьких червяков, и полагает, что они грызли съеденные игуанами листья и вместе с ними были проглочены. Многие натуралисты полагают, что игуаны при случае едят и насекомых, что подтверждается наблюдениями над живущими в неволе, но главной их пищей, несомненно, остаются растительные вещества.

Обыкновенно они убегают при виде человека, так как научились видеть в нем самого опасного врага; если они находятся в безвыходном положении и бежать не могут, то пробуют защищаться, причем надуваются и расширяют свой горловой мешок, чтобы придать себе страшный вид, шипят, фыркают, прыгают на своего противника, пробуют укусить его и не так легко выпускают то, что схватили своими сильными зубами; своим большим хвостом они наносят очень чувствительные, а иногда даже опасные удары. Во время размножения они, говорят, бывают еще более возбуждены и злы, чем обыкновенно; они не отходят от избранной самки и с яростью нападают на каждое животное, к ней приближающееся; между собой они также дерутся из-за обладания самкой. Последние через некоторое время после спаривания появляются на песчаных отмелях, чтобы отложить яйца, и в это время легче всего наблюдать этих обыкновенно очень скрытно живущих животных. На острове Санта-Лучия яйца кладутся в феврале, марте и апреле. Яйца имеют величину примерно голубиных и мягкую скорлупу белого или светло-желтого цвета; скорлупа похожа на тонкую лайку, и непосвященному человеку яйца бросаются в глаза тем, что состоят почти из одного желтка, как, впрочем, большинство яиц пресмыкающихся. Самки кладут яйца в песок, в ямку и тщательно их прикрывают, но затем более о них не заботятся. Шомбургк замечает, что в яичниках убитых им самок он находил по 18—24 оплодотворенных яиц. По исследованиям Тэйлера, старые самки кладут гораздо больше яиц, чем молодые. Одна самка, жившая у него в неволе, положила в один день пять, а пять дней спустя еще тридцать два яйца. В теле анатомированных самок находили, смотря по величине животного, 8, 14 и 17 яиц, которые были все одной величины, и расположены в два ряда по сторонам живота. По наблюдениям Зумихраста, часто случается, что многие самки игуан кладут яйца сообща в одну ямку, так что иногда находят до десяти дюжин яиц в одном месте. Многие яйца уничтожаются не только муравьями, но также маленькими млекопитающими, особенно часто встречающейся на Санта-Лучии так называемой мускусной крысой. Поэтому, вероятно, что самки игуан нарочно отправляются на берег моря, где песок менее доступен их врагам, чем на песчаных отмелях в реках. Вылупившиеся детеныши, по-видимому, остаются довольно долго жить вместе, так как Гумбольдт упоминает, что его проводник принес однажды целое гнездо молодых игуан, имевших всего 10 см длины. «Этих животных трудно было отличить

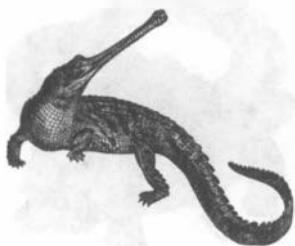
*Семейство
игуановые*

от обыкновенных ящериц, так как спинные шипы, большие приподнятые чешуйки и все те особенности, которые придают игуанам, имеющим 1—1,5 м длины, столь страшный вид, были заметны лишь в виде чуть-чуть выдающихся зародышей».

В Вест-Индии почти всюду распространено мнение, что мясо игуан нездорово и в некоторых болезнях увеличивает число припадков; однако мало кто обращает внимание на это мнение, а, напротив, каждый старается, как проводники Шомбургка, добыть себе это лакомое блюдо. Катесби говорит, что игуан ловят для того, чтобы торговать ими, и их отправляют на материк, чтобы за большую цену продавать богатым людям, как особенно изысканное кушанье. Мясо их считается легко перевариваемым, питательным и вкусным, и едят его в жареном, а еще чаще в вареном виде. Яйца, в которых почти нет белка и которые при варке не твердеют, обыкновенно употребляются для приготовления супов. Особенности охотники занимаются отыскиванием этой странной дичи и ловят ее различными способами. Некоторые путешественники упоминают об одном способе ловли игуан, который сильно противоречит сведениям, сообщенным Шомбургком. Говорят, что охотники приближаются к животным, которые так любопытны, что остаются на месте и даже протягивают шеи; их сначала гладят кнутиком, а затем надевают на шею петлю, находящуюся на конце кнута. Тогда их силой стаскивают с дерева; вначале игуаны страшно бьются, стараются освободиться, открывают пасть, фыркают и шипят, но скоро с ними справляются, связывают им морду и в таком беспомощном состоянии приносят на рынок. Насколько правдив этот рассказ, я не берусь решать, но возможно, что любопытные животные там, где за ними мало охотились, подпускают людей близко к себе, надеясь на свои средства защиты. Обыкновенно для этой охоты пользуются дрессированными собаками, так как без их помощи очень трудно, даже почти невозможно отыскать среди зелени мало заметных животных. Либман рассказывает, что на западном берегу средней Америки игуан подкарауливают, когда они вечером слезают с деревьев, и тогда на них выпускают собак, а Тэйлер к этому добавляет, что собак к этой охоте приходится особо дрессировать. Опытные собаки отыскивают игуан, вероятно, чутьем и начинают лаять, когда увидят их на дереве, или делают стойку, когда животное находится на земле. Некоторые собаки прямо схватывают игуану за спину и закусывают до смерти; но таких немного, так как опытные и не особенно злобные собаки по опыту боятся сильных ударов хвостом, а также острых когтей и зубов игуан. Если игуана еще может бежать, то прежде всего старается спастись на дереве, а при неимении такового прячется в какую-нибудь норку, но в обоих случаях почти всегда погибает, так как ее довольно легко стрясти с ветки или добыть тем, что сучок, на котором она сидит, отпиливают; с другой стороны, игуаны очень редко находят достаточно

большую норку, чтобы спрятаться, а обыкновенно считают себя спасенными, если куда-нибудь сунут только свою голову. Схватившей игуане, чтобы она не кусалась, продевают крепкую соломинку через ноздрю и кожу нижней челюсти, а затем завязывают соломинку; после этого вырезают сухие жилы из длинных средних пальцев задних ног и пользуются ими, чтобы связать обе пары ног, перегнув их через спину; в таком жалком виде игуан приносят на рынок. Так как мексиканцам известна живучесть игуан, которые часто спасаются с сильным зарядом дроби в теле, то туземцы сохраняют иногда в течение целого месяца связанную вышеописанным способом игуану, чтобы потом ее продать. Игуан в особенности охотно покупают во время поста; их тогда запекают в тесто из кукурузной муки и считают в таком виде большим лакомством, даже употребляют их для подарков. Во внутренностях этих животных иногда находят безоаровые камни, которые прежде считались сильным лекарственным средством, а может быть, и ныне кое-где употребляют для лечения.

Пленные игуаны сначала бывают очень дики и выказывают даже коварство: они стараются укусить человека и огрызаются на всякое приближающееся животное, иногда даже убивают слабых домашних животных, до которых могут добраться, а также и сидящих в одной с ними клетке. Но ярость их понемногу затихает, и по прошествии нескольких недель они делаются такими ручными, что позволяют себя трогать. Тэйлер сообщает следующее средство, чтобы заставить их есть: нужно их дразнить до того, чтобы они стали яростно кусаться, и тогда вместо пальца всовывать им в пасть предлагаемую пищу. Тогда они без затруднения глотают ее и таким образом понемногу приучаются к кормлению. Однако этому натуралисту и этим способом не удалось долго сохранить их в живых. Некоторые околели после того, как поели листьев, которые им были не по вкусу, а другие оттого, что ели зерна. В их отечестве иногда содержат игуан на свободе в садах или в домах; в Европе их кое-где можно видеть в зоологических садах и у некоторых любителей. Те, которых я мог наблюдать, меня не привлекали. Правда, они были настолько ручными, что брали из рук их воспитателя предлагаемую добычу, листья салата, капусту, цветы и тому подобное, но в действиях и движениях животных не было ничего замечательного: они по целым часам скучно сидели на одном месте и выказывали большое равнодушие ко всему окружающему. Для их благосостояния необходимы довольно высокая и постоянная температура (27—28 °С) и вода для утоления жажды; при небольшом уменьшении температуры они делаются вялыми, отказываются от пищи и скоро околевают.

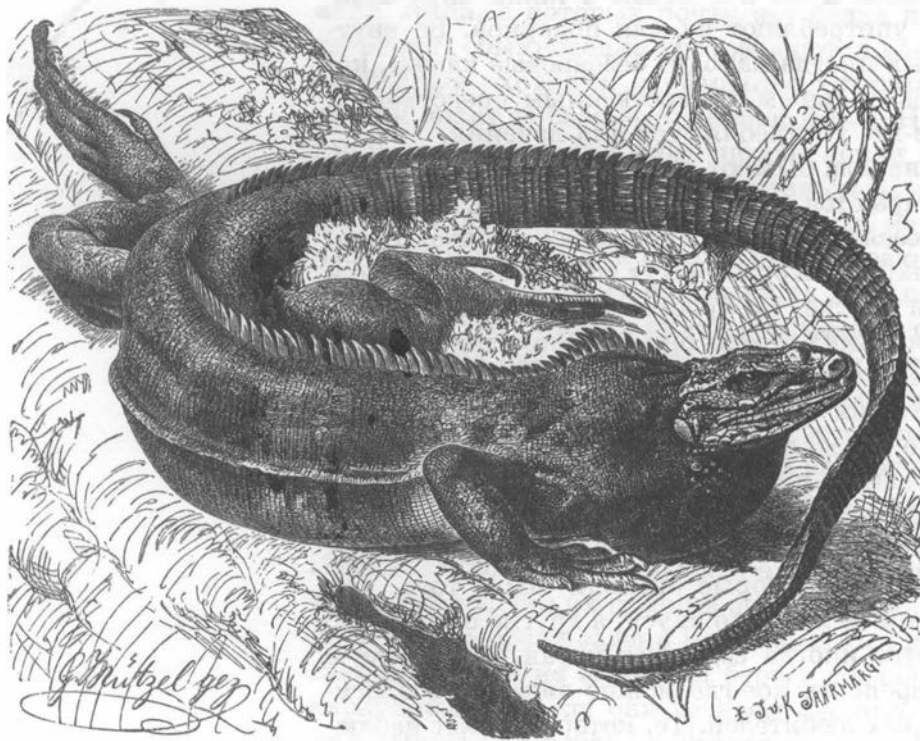
Циклуры, или кольцехвостые игуаны (*Cyclura*), отличаются от вышеописанных игуан своими зубами, небольшим горловым мешком и незначительной поперечной складкой под шейю. Покров тела почти такой же, как у игуан, но чешуйки на верхней

части хвоста отличаются тем, что после трех или четырех рядов обыкновенных чешуек замечается кольцо, отдельные чешуйки которого имеют не особенно длинные, но острые шипы, образующие мутовку. Спинальный гребень иногда прерывается над плечами и крестцом. Зубы, число которых, по-видимому, увеличивается с возрастом, не имеют по краям зубчиков, как у игуан, но гладкую трехлопастную коронку; на крыловидных костях зубы мелкие, но многочисленны. Бедренные поры у них существуют.

Единственный известный вид этих животных **килеватая циклура** (*Cyclura carinata*), живущая на Кубе, Ямайке и Багамских островах; она прекрасно описана Госсе и его друзьями. Животное это достигает длины 1,2—1,3 м, из которых 70 см при-

ходятся на хвост, и отличается довольно низким спинным гребнем, состоящим из сжатых с боков, несколько серповидных шипов; иногда спинной гребень соединен с гребнями затылочным и хвостовым, а иногда отделен от них маленькими чешуйками. Передняя часть головы покрыта щитками различной величины, из которых средний особенно велик. На нижней челюсти замечается ряд больших ромбоидальных килеватых чешуек. Туловище и конечно-

Килеватая циклура
(*Cyclura carinata*)

сти окрашены в буровато-зеленый цвет, кое-где переходящий в шиферно-синий; над плечами проходят несколько наклонных темно-оливково-бурых линий, а по бокам от спинного гребня к животу тянутся несколько широких полос того же цвета. Хвост покрыт правильно расположенными чередующимися полосками более светлого и более темного оливково-бурого цвета.

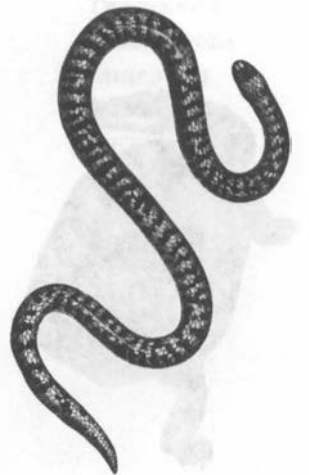
По словам Госсе, циклура встречается на Ямайке только в некоторых местностях. Она, например, довольно часто попадает на известковых горах, которые тянутся от порта Кингстон к так называемому Козьему острову; горы эти, между прочим, замечательны тем, что на них живут одичавшие козы, свиньи и куры. Кроме того, циклуру нередко встречают на равнинах между

вышеназванными береговыми горами и высокими внутренними горами, но только в тех местах, где есть старые дуплистые деревья. Животное это, по-видимому, не особенно нуждается в воде, хотя оно хорошо плавает, как все его родичи. Счастливый случай дал возможность узнать образ жизни циклуры лучше, чем образ жизни других сродных видов. В имении Мино две циклуры жили в течение 16 месяцев на старой акации и дали возможность этому помещику их наблюдать, причем он оберегал их от всяких опасностей. Один из друзей Мино случайно нашел этих животных, но так испугал их ударом хлыста, что они в течение нескольких недель только потихоньку выходили наружу и при приближении человека тотчас же прятались в дупло дерева. После того как Мино строго запретил их пугать, циклуры понемногу забыли свой страх и, наконец, сделались настолько ручными, что позволяли хозяину наблюдать за собой.

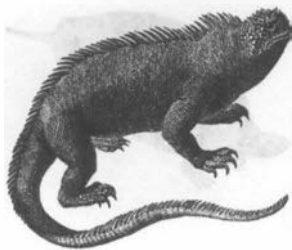
Как только день становился теплее, одно из этих животных появлялось из дупла и, цепляясь за кору или, ползая по ней, отправлялось на тонкий сухой сучок, чтобы греться на солнце. Здесь оно оставалось в течение целого дня, не обращая внимания на окружающее. Мино никогда не видел, чтобы циклура ловила насекомых и лишь однажды заметил, что она ест. Это случилось после сильного дождя, когда солнце прорвало темные тучи и несколько осушило растения. Одна из циклур слезла с дерева медленными шагами; едва передвигая одну ногу за другой, она проползла метров 10 по земле, приблизилась к кусту так называемой цесаркиной травы, стала щипать ее и, набравши полный рот, разом проглотила. Заметив наблюдателя, она испугалась и поспешила к дереву, причем не ползла и не бежала, а двигалась вперед небольшими прыжками, несколько похожими на прыжки лягушки: она скоро добралась до дерева, влезла на него и в одно мгновение скрылась в дупле.

Мино считает замечательным то, что циклура и при этих условиях не искала воды, как это делают родственные виды, вообще мало заботилась о ней и даже при сильной засухе не пила. Оба животных, живших в дупле, составляли, очевидно, парочку, так как отличались и по величине, и по окраске. Они жили дружно, но никогда не показывались вместе вне дупла, а всегда по очереди выходили наружу. Негодный мальчишка нарушил наблюдение над циклурами, спрятавшись в засаду около дерева и убил одну ящерицу за другой. Мино анатомировал убитых животных и нашел желудки их наполненными вышеупомянутой травой.

Хотя циклура бежит от человека, если только есть путь к спасению, но в случае нужды умеет защищаться храбро и успешно. Хвост ей служит оружием, которое нельзя считать ничтожным, и она пользуется им с большим успехом. Как все игуаны, она легко приходит в возбуждение и делается очень сердитой, если поставлена в безвыходное положение: надувается, приподнимает

Семейство игуановые

* Сейчас насчитывают 15 видов рода *Phrynosoma*.

спинной гребень, открывает пасть, показывает свои острые зубы, грозно смотрит на своего противника и готовится к удару. Если продолжать ее дразнить, то она быстро оборачивается и ловким боковым движением наносит удар своим хвостом, иногда оборачивается на другую сторону и наносит новый удар. Негры предупредили Гилля об опасности, исходящей от этого животного, и советовали ему держаться подальше от него. Шипы сильного хвоста так остры, что животное может ими нанести очень чувствительные раны. Собакам, которые неосторожно к нему приближаются, сильно достается.

Может быть, вследствие свой пищи циклура имеет очень дурной запах, так что даже муравьи ее не трогают и не едят ее мяса, если бросить в муравейник труп этой ящерицы. Кажется, что в Мексике не так усердно за ней охотятся, как за игуанами.

В конце этого семейства мы помещаем род **жабовидных ящериц** (*Phrynosoma*), которые в некотором отношении служат представительницами шипохвостов между игуанами. Это бросающееся в глаза, но безобразное животное, имеющее широкое, плоское, по сторонам складчатое туловище и короткий, у основания толстый хвост; тело покрыто неодинаковыми чешуйками, из которых многие оканчиваются кое-где шипами; на задней части головы находятся костяные крупные шипы, а на крыловидных костях зубов нет. На бедрах всегда замечаются поры.

Род этот состоит из 12 видов*, живущих в Северной Америке и Мексике, а самым известным представителем его считается **техасская жабовидная ящерица** (*Phrynosoma cornutum*), которая была уже известна Гернандецу и названа им «тапаяксия»; животное это действительно во многом похоже на жабу и, без сомнения, самое неуклюжее из всех игуан. Голова у этой ящерицы очень короткая, неправильно четырехугольная, почти такой же длины, как и вышины, шея короткая, туловище широкое, плоское, округленное, хвост короткий и оканчивается острым конусом. Ноздри находятся на верхней части морды, горло покрыто маленькими одинаковыми килеватыми чешуйками; параллельно щиткам нижней челюсти расположен ряд очень больших шиповидных чешуек. По сторонам рта и на затылке находятся 10 довольно длинных шипов, по бокам тела проходит двойной ряд треугольных шипов, чешуйки верхней части тела большей частью превращены в большие тупые шипы неодинаковой длины; нижняя часть тела покрыта одинаковыми черепитчатыми чешуйками; на шее находится поперечная складка. Во рту замечаются 6 коротких, простых, прямых конических передних зубов и по 18 одинаковых, сжатых с боков, округленных и наверху плоских коренных зубов. Голова спереди красновато-бурая, сзади буровато-желтая, с бурыми пятнами, основной цвет верхней части тела грязно-песочно-желтый; по бокам затылка находится по одному темно-бурому пятну, спина покрыта бурыми пятнами, так

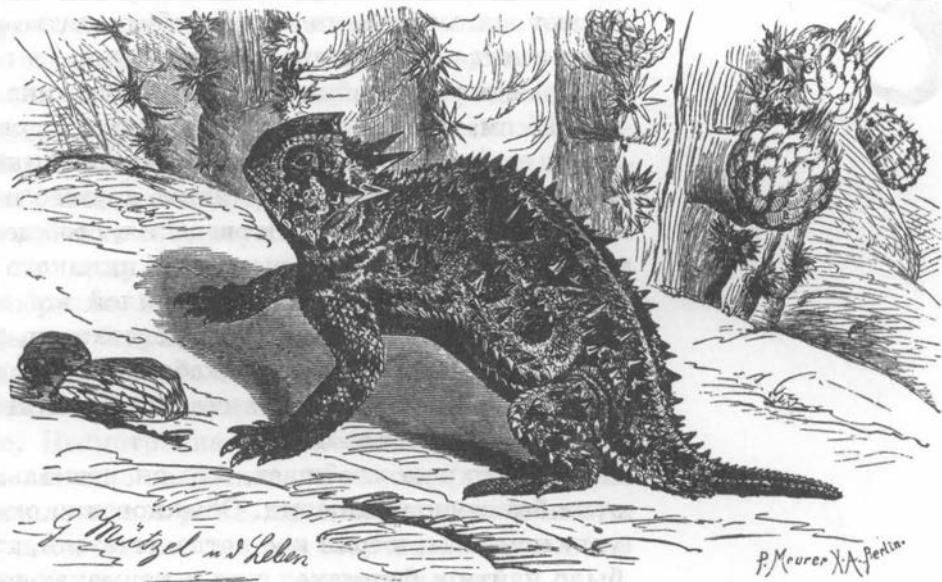
как шипы бурые или светло-серые и окружены узким темно-бурым кольцом; нижняя часть тела песочно-желтая, одноцветная или с немногими маленькими бурыми пятнышками. Этот вид, встречающийся только в северной Мексике и в юго-западных Соединенных Штатах, имеет 12—13 см длины, из которых 4 см приходится на хвост.

Уже старый писатель Гернандец кое-что говорит об образе жизни этого странного животного, и все прочие натуралисты, посещавшие его родину, также о нем упоминают. Несмотря на это, мы только в последнее время получили более подробные сведения о жизни жабовидной ящерицы на свободе, и обязаны благодарить за это Зумихраста и молодого Уоллеса. Жабовидная ящерица живет как на горах, так и на равнинах северной Мексики, чаще всего на песчаных и солнечных склонах сухой части плоской возвышенности,

находящейся в середине этой страны. Здесь она местами встречается очень часто, но ее иногда не замечают, так как землистый цвет ее туловища сливается с окраской почвы. Она мало приспособлена для беганья и потому далеко не так проворна, как другие ящерицы; передвигается она порывисто и потому вовсе не быстро.

«Когда видишь, как она с трудом подвигается вперед, — говорит Зумихраст, — то понимаешь, что ей нелегко достается ежедневное пропитание. Ее толстый язык, прилипший к небу, не позволяет ей легко схватывать жуков, находящихся вблизи нее, как это делает хамелеон. Широкое висячее брюшко мешает ей бежать за добычей так, как это делают стройные ящерицы, не может она схватывать муху на лету, что так хорошо удается проворным анолисам. Ей приходится питаться лишь неповоротливыми жуками, которые почти так же плохо бегают, как она сама, и которые, если можно так выразиться, сами ползут в ее пасть. Вследствие этой умеренности в пище, которая зависит от ее организации, туземцы утверждают, что она питается воздухом».

Не имея никаких средств защиты, она дает себя схватить, не делая никаких попыток кусаться. Однако она выражает свое

Техасская
жабовидная
ящерица
(*Phrynosoma
cornutum*)

недовольство другим и очень странным способом. Уже Гернандец упоминает, что если схватить жабовидную ящерицу, то у нее из носа и глаз вытекают капли крови, которыми она прыскает на несколько сантиметров; он полагает, что это явление, не замечаемое ни у какого другого пресмыкающегося, происходит от нежности строения ноздрей и глаз. По новому наблюдению молодого Уоллеса, который ничего не знал о сведениях, сообщаемых Гернандцем, однако оказывается, что это прысканье кровью должно считаться средством для защиты. «При известных условиях, — замечает он, — и, по-видимому, защищаясь, ящерица эта брызгает из глаз струей ярко-красной жидкости, очень похожей на кровь. Это я замечал три раза на трех различных экземплярах, хотя я ловил и таких, которые этого не делали. Следует даже заметить, что это прысканье есть явление необыкновенное, и я часто напрасно старался воспроизвести его. Обычно животные эти не прибегают к этому странному способу защиты, если их брать с земли, хотя иногда это и случается; например, я поймал одну ящерицу, которая тотчас же брызнула жидкостью на мою руку на расстоянии 15 см, другая делала это, если я держал блестящий ножик перед ее глазами. Я полагаю, что эта жидкость берется из глаз, так как не могу себе представить другого места, откуда ее можно брызгать». Передавая эти сведения, сообщенные двумя очевидцами, я не позволяю себе высказать никакого о них суждения, хотя никак не могу понять, какой силой эта жидкость может быть выдавлена из глаз. Новые исследователи, как Бетхер и Фишер, которые наблюдали это вид жабовидных ящериц или другие сходные, не заметили у них никакого брызганья кровью и считают всю эту историю за басню.

Зумихраст сообщает, что он несколько раз держал у себя этих безвредных ящериц. Обыкновенно они сидели где-нибудь в углу комнаты, и если кое-когда исчезали, то, наверное, их можно было найти в башмаках или в карманах висящего на стене платья. Несколько раз случалось, что когда он клал самок жабовидных ящериц в спирт, то они в эту минуту рождали от 10 до 12 детенышей. Наблюдение это было сделано у другого похожего вида, так что Зумихраст считает себя в праве предполагать, что большинство мексиканских жабовидных ящериц, по крайней мере те, которые живут в высоких и холодных частях страны, рождают детенышей живыми. Шуфельдт получил от сходного вида (*Phrynosoma douglassi*) 24 детеныша и считает, что беременность продолжается около 100 дней.

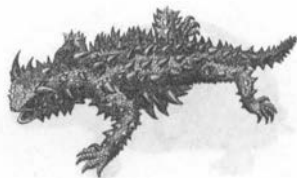
Жабовидная ящерица попадает теперь довольно часто в клетки наших зоологических садов. Живущие в Мексике немцы с большой готовностью пересылают этих странных животных своим родным и знакомым; они их укладывают, вероятно, по совету мексиканцев, в толстый слой ваты в деревянный ящик и пересылают, как посылку, по почте. Таким образом, они благополучно

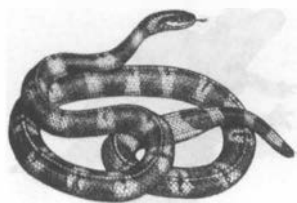

достигают Европы. Я иногда воспитывал 5 или 6 этих ящериц заразом, но, несмотря на все мои старания, ни одна из них не смогла окрепнуть до такого состояния, чтобы добровольно брать пищу: далекое путешествие и связанное с ним голодание так ослабляло их, что они едва могли двигаться. Они безучастно лежат на животе и маленькие глаза их совершенно мутны. Если их толкнуть, то они иногда решаются сделать несколько шагов, но тотчас снова ложатся в то же положение, пока, наконец, по еще более помутившимся глазам не заметишь, что они околели. После этих неудачных опытов, которые повторялись, несмотря на все мои старания, мне было в высшей степени удивительно увидеть совершенно здоровую жабовидную ящерицу, которая без всякого колебания брала пищу, состоявшую из мучных червей и гусениц, и добровольно двигалась. При этом, к моему большому удивлению, ее сходство с жабами еще более бросалось в глаза. Жабовидная ящерица, о которой идет речь, как только ее сажали на солнце, принимала то положение, которое изображено на нашем рисунке, и старалась убежать. Движения ее сначала состояли из ряда быстро следующих друг за другом неуклюжих, коротких и низких прыжков, совершенно подобных тем, которые свойственны жабам, и только пройдя таким образом некоторое пространство, она решалась бежать, причем, извивая свое неуклюжее тело из стороны в сторону, она передвигала одну ногу за другою, чередуя задние и передние ноги крестообразно. Конечно, она и в таком случае не смогла бы перегнать быстро бегущую обыкновенную ящерицу, но, вопреки нашим ожиданиям, бег ее был довольно скор и продолжителен. К сожалению, и эта жабовидная ящерица не долго оставалась в полной силе. Несмотря на заботливый уход, которым она пользовалась, она заметно ослабевала и наконец околела. Ее движения делались медленнее и реже, прыжки прекратились, а через несколько недель она точно так же безучастно лежала на животе, как и те ящерицы, о которых я говорил выше.

Бетхер, который описывает жизнь этих ящериц в неволе, указывает на удивительное сходство жабовидных ящериц по внешнему виду и позе с **круглоголовками** (*Phrynocephalus*), живущими в степях Средней Азии. «Об окраске тела жабовидных ящериц, — говорит Бетхер, — можно только сказать, что животное это по цвету удивительным образом подходит к песчаной почве, на которой живет, причем все выступы, темно окрашенные бугорки и темные точки на теле этих животных вполне согласуются с цветом камушков и крупных песчинок; когда эта ящерица, наполовину зарытая в песок, плотно к нему прижмется, то очень напоминает камбал, которые таким же образом зарываются в песчаное морское дно и тем спасаются от своих врагов.

Жабовидные ящерицы каждый день к вечеру, как только солнце опустится ниже и лучи его не очень сильно греют, постоянно зарываются, распластавшись, в песок, делают таким

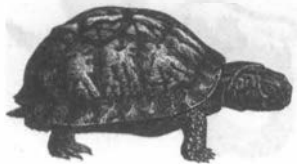

образом вполне незаметными и остаются без движения с закрытыми глазами до следующего утра. При зарывании в песок они производят сильные боковые движения, но сначала роют перед собой головой, встряхивая ей кверху; при этом шипы, находящиеся по сторонам головы, оказываются очень полезными. Если песок не очень мягкий, то движения эти делаются с небольшими паузами. Затем передняя часть тела лежит совершенно без движения, а шевелятся только боковые шипы, загребая песок так, что он падает на спину; наконец они начинают двигать в стороны задними ногами и хвостом и таким образом через несколько секунд бывают совсем зарыты в песок, где остаются лежать в течение нескольких часов.

Ноздри этих ящериц точно так же прекрасно приспособлены к необходимому сну в песке, как и шипы по сторонам головы. В пятиугольном носовом щитке на каждой стороне морды находится ноздря, имеющая вид поперечной щели и открывающаяся вниз; она прикрыта круглой кожистой, наверху подвижной пластинкой, похожей на занавеску, которая может плотно закрыть ноздю и действительно ее закрывает, когда животное зароется в песок, в чем я лично убедился. Когда утром солнце начинает довольно сильно греть песок, то ящерицы понемногу оживляются, они вылезают из песка и начинают искать себе пищу, двигаясь быстро, почти как мыши. Как уже было замечено, скорость движений этих, по-видимому, столь неуклюжих животных на самом деле поразительна, если только воздух и почва сильно нагреты; однако быстрые повороты и боковые движения им даются нелегко.

Жабовидные ящерицы настоящие дневные или, лучше сказать, даже солнечные животные, которые покидают свое песчаное ложе только тогда, когда солнце находится довольно высоко над горизонтом, а при начинающейся прохладе, следовательно, осенью, уже в 4 или 5 часов снова зарываются в песок. Если их схватить, то они никогда не пробуют кусаться, а лишь стараются освободиться от сжимающих их пальцев, вертятся и двигая своей иглистой головой. При сильном страхе и во время покоя они плоско прижимаются к земле, что, впрочем, также случается, если гладить их палочкой вдоль хребетного столба, особенно в облачные или холодные дни. При скорых движениях и когда солнце сильно греет, они держат спину высоко и приподнимают голову, принимая то положение, которое так хорошо изобразил Мютцель на своем рисунке. Лишь иногда я замечал у них кивание головой, как у африканской агамы, причем это движение, точно так, как зевание у человека, вызывало подражание, так что вторая и третья ящерицы, находящиеся вблизи, также начинали кивать. Проворство у жабовидных ящериц при полном солнечном свете необыкновенно велико, и по живости и подвижности их тогда можно вполне сравнить с нашими обыкновенными ящерицами;

они точно так же, как и те, стараются вырваться на свободу из того помещения, где их заперли.

Жабовидная ящерица ест только живых животных и при выборе их очень прихотлива. Лучшим кормом для нее служат маленькие муравьи* и пауки, а также пауки средней величины; этих животных ящерицы едят охотно, даже с жадностью. Так как они питаются мелкими животными, то количество съедаемой пищи довольно велико. Лишь изредка они едят жуков, именно маленьких черных жужелиц и навозных жучков. Нетрудно приручить этих животных настолько, что они, как ручные квакши, приходят с жадностью схватывать из рук предлагаемого им мучного червяка. Эти ящерицы очень редко долго преследуют добычу; только при сильном голоде или во время сильной жары они могут пробежать за муравьями расстояние до одного фута, обыкновенно они, спокойно сидя, дают им приблизиться, а затем быстро схватывают их движением языка. Если животное сидит спокойно и заметит лакомую добычу, то оно, как кошка, начинает махать хвостом, и это служит несомненным признаком, что через несколько секунд оно схватит добычу. Вообще, по моему мнению, живые черные глаза этого животного указывают на то, что зрение у него развито лучше всего.

Слух, по-видимому, менее развит, и только в виде исключения жабовидная ящерица поворачивается, если услышит за собой шуршание бегущего животного. Кажется, что она не пьет регулярно воду, но очень может быть, что иногда слизывает капли росы.

При отпавлении естественных потребностей жабовидная ящерица поднимает хвост выше туловища и, нажимая брюшные мускулы, скребет одной из задних ног назад. Помет состоит из довольно больших темных вальков, образованных главным образом хитиновыми покровами насекомых; моча имеет вид почти сухих белых вальков, которые меньшей величины, чем помет. Моча выбрасывается отдельно от помета и всегда перед ним. Интересно то, что, по исследованиям моего отца, моча эта, как у змей, состоит почти только из одной мочевины. Количество испражнений, согласно довольно обильной пище, значительно, и они выбрасываются довольно регулярно через день».

СЕМЕЙСТВО ПОЯСОХВОСТЫ (Cordylidae)

Я здесь пропускаю одно семейство американских ящериц, об образе жизни которых до нас дошли только очень скудные сведения, и после игуан буду описывать поясохвостов. Так называют тех ящериц, по обеим сторонам тела которых проходит складка кожи, покрытая мелкими чешуйками, начинающаяся у передних конечностей и отделяющая спину от брюшка. По внешнему виду они или похожи на обыкновенных ящериц, или имеют

Семейство ПОЯСОХВОСТЫ

** Многие виды жабовидных ящериц действительно поедают преимущественно муравьев. Такой тип питания называют мирмекофагией.*

Семейство ПОЯСОХВОСТЫ

змеевидное туловище, вследствие очень длинного хвоста и недоразвития конечностей. Язык всегда простой, и передняя часть его не может высовываться изо рта. На глазах всегда замечаются веки, а барабанная перепонка лежит открыто. Спина покрыта большей частью щитовидными, большей частью килеватыми и расположенными поперечными рядами чешуйками, или чешуйки эти маленькие и имеют зернистую поверхность; голову покрывают правильные щитки.

Некоторые виды этого семейства по внешней форме мало отличаются от обыкновенных ящериц, другие очень похожи на змей. При змеевидном удлинненном и вальковатом туловище конечности расположены друг от друга на большом расстоянии; только у некоторых видов конечности вполне развиты, как у настоящих ящериц, у других они настолько недоразвиты, что имеют вид простых отростков без пальцев, а у одного вида передних конечностей совсем нет, так что эти животные имеют большое сходство со змеями. Череп и у змеевидных видов похож на череп ящерицы, как по сочленению нижней челюсти, так и по приросшим к челюстям зубам. У всех есть грудная кость и таз; веки хорошо развиты, язык короткий, у основания толстый, спереди совсем без выемки или с очень незначительной выемкой, но всегда без чехла; сердце лежит совсем впереди, оба легких развиты одинаково. Все эти признаки связывают этих животных, с одной стороны, с игуанами, а с другой, с веретеницами, и указывают, что, несмотря на внешнее сходство, ящерицы эти в системе должны быть поставлены далеко от змей.

* В настоящее время к этому семейству относят 10 родов и 65 видов.

Семейство это, состоящее из 4 родов с 14 видами, населяет тропическую и южную Африку и остров Мадагаскар*. Поясохвосты живут как обыкновенные ящерицы, но те из них, которые похожи на змей, и по образу жизни на них несколько похожи. Движения их быстры, даже у тех, которые имеют недоразвитые конечности; последние двигаются как змеи, может быть, немного медленнее, чем проворные ужи, но довольно грациозно; вообще, эти животные производят приятное впечатление. Некоторые из относящихся сюда видов живут только на ровных местах и могут подниматься разве только по наклонным плоскостям; другие держатся преимущественно на склонах и очень ловко лазают. Ящерицы эти питаются другими животными. Об их размножении мы имеем еще мало сведений и знаем лишь то, что они в этом отношении едва ли отличаются от других ящериц.

К этому семейству относятся **поясохвосты** (*Cordylus*), ящерицы, которые по внешнему виду похожи на агам; туловище у них короткое и плотное, конечностей четыре, голова плоская, треугольная, хвост средней длины и толстый. Спина и верхняя часть шеи покрыты большими четырехугольными чешуйками, расположенными поперечными рядами; нижняя часть тела — большими щитками; на верхней части конечностей замечаются

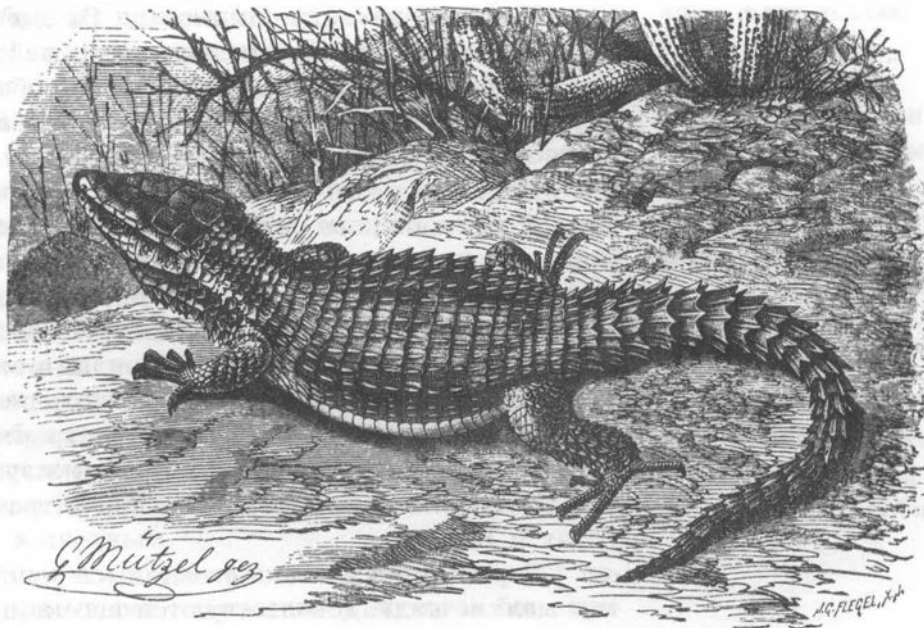

килеватые черепитчатые чешуйки, а хвост покрыт мутовчатыми чешуйками с большими шипами. На челюстях находятся маленькие одинаковые конусообразные, тупые и у основания полые зубы; 7 из них сидят на межчелюстной кости, а на челюстных костях наверху их бывает по 18, а внизу по 20. Округленный плоский язык имеет спереди лишь слабую выемку.

Поясохвост обыкновенный (*Cordylus cordylus*) живет на юге Африки от мыса Доброй Надежды на севере до реки Кунене. Эта ящерица длиной 18 см и с очень изменчивой окраской. У большинства экземпляров спина и хвост грязно-оранжевого цвета, голова и ноги светло-желтые, нижняя часть тела белая; у других верхняя часть тела темно-черно-бурая, а у иных бурая со светлыми полосами.

Кое-какие сведения об образе жизни этой ящерицы дает Смит. Все поясохвосты живут в скалистых местностях, и если им дана возможность выбора, то держатся постоянно на крутых, мало доступных склонах. Здесь они довольно медленно бегают взад и вперед, отыскивая корм и греясь на солнце, пока что-либо их не испугает и не заставит спрятаться в

свои норки. Даже если отыскать эти норки, то поймать этих животных нелегко, так как они удивительно сильно прицепляются к камням, и чаще всего в руках остается хвост, а не все животное.

Поясохвост
обыкновенный
(*Cordylus cordylus*)

СЕМЕЙСТВО ВЕРЕТЕНИЦЕВЫЕ (Anguidae)

Веретеницевые приближаются к предыдущему семейству, от которого отличаются главным образом присутствием на коже костяных пластинок, заключающих в себе неправильные лучевидные и разветвленные каналы, а также тем, что передняя часть языка вдвигается в основную часть, которая имеет вид чехла. У некоторых родов замечается по бокам тела складка кожи, как у поясохвостов, у других ее нет. Зубы у различных видов очень разнообразны и изменяются гораздо заметнее, чем у ящериц

Семейство веретеницевые

* По современным представлениям, семейство включает 9 родов и около 70 видов.

других семейств. Между тем как желтопузик по зубам похож на игуану, наша веретеница имеет кривые крючковатые зубы, неплотно приросшие к челюсти, что отчасти напоминает зубную систему змей. Небо может быть совсем лишено зубов, а иногда они замечаются на крыловидных костях, небных и даже на сошнике.

И в этом семействе встречаются животные очень различного вида, от настоящих ящериц с пятипалыми ногами до безногих змеевидных веретениц; но в этом семействе мы замечаем несколько промежуточных форм, у которых туловище постепенно удлиняется, а конечности все менее и менее развиты. По головным покровам веретеницевые значительно отличаются от сцинковых тем, что у них всегда замечается непарный затылочный щиток, которого не бывает у большинства очень похожих на них по внешнему виду сцинковых. От змей веретеницевые отличаются тем же, чем и предыдущее семейство, но следует заметить, что линька происходит иным способом, чем у большинства ящериц, например у сцинковых, именно у всех видов этой группы кожа слезает целиком со всего тела, как у змей.

Все виды этого семейства живут на земле, лишь некоторые виды американского рода *Gerrhonotus* влезает на низкие кусты и наклонно стоящие деревья. Веретеница, как мы знаем, рождает живых детенышей, а представитель одного вида только что упомянутого *Gerrhonotus*, по наблюдениям, однажды положил 17 яиц. Нам известны 7 родов с 45 видами этих ящериц*, из которых большая часть живет в средней Америке и Вест-Индии, причем только немногие виды распространяются на Северную и Южную Америку. Только три вида живут в Европе и по берегам Средиземного моря, а один вид встречается в Гималайских горах и Бирме.

Веретеницевые также питаются исключительно животными: мелкие виды довольствуются насекомыми, пауками, мокрицами, слизнями, червями и тому подобным, а крупные виды, кроме вышеупомянутых животных, нападают и на позвоночных, преимущественно на пресмыкающихся; некоторые из них оказываются полезными уничтожением ядовитых змей. Многие из этих ящериц очень хорошо переносят неволю: они неприхотливы, мало чувствительны к изменению внешних условий, довольствуются простой пищей и выживают, при не очень сильно изменяющейся температуре, по целым годам в террариумах. Они привыкают к своему воспитателю, не отличаются никакими дурными наклонностями и оказались бы очень полезными у нас в домах истреблением вредных насекомых, если бы возможно было им позволить гулять свободно по нашим комнатам.

Паллас открыл в тенистых оврагах приволжских степей большую веретеницу, которую тамошние жители называли желтопузиком; позднее он ее нашел на берегах рек Терека и Сарпы; другие натуралисты находили ее в Венгрии, Истрии, Далмации, Греции,

Малой Азии, Сирии, Персии, в Закавказье, за Каспийским морем и в Туркестане. В Марокко ее заменяет другой, гораздо ярче окрашенный вид. Эрбер чаще всего находил ее в Далмации, особенно у озера Баканьяца около Цары. Любимым местопребыванием желтопузика служат густо заросшие кустами долины, где он находит отличные места для скрытых убежищ, так что его трудно заметить, несмотря на его крупный рост; при приближении человека он постоянно старается скрыться, сознавая свою беспомощность. Все натуралисты, наблюдавшие его, расточают ему похвалы. Это одно из самых полезных пресмыкающихся, так как желтопузик питается обыкновенно вредными животными. Главная его пища — мыши и улитки, причем, по словам Эрбера, последних он глотает со скорлупой*; он нападает также на гадюк, убивает и съедает их, не обращая внимания на яд, который действует убийственно на других пресмыкающихся. Когда Эрбер однажды посадил в одно помещение желтопузика и гадюку, то оба животных сейчас же приняли оборонительные позы, между тем, как к другим змеям гадюка относилась равнодушно. Так как у Эрбера был всего один желтопузик, то он не захотел им рисковать и вынул его из клетки, но позднее, как видно, он производил другие опыты, так как указывает нам на желтопузика, как на одного из лучших истребителей гадюк. Несмотря на то, что желтопузик оказывается очень сильным хищником**, к человеку он относится с таким добродушием и спокойствием, что заслужил любовь всех тех, кто содержал его в неволе. Он никогда не кусается, и потому с ним можно обращаться совершенно спокойно, при продолжительной неволе он до известной степени привязывается даже к своему воспитателю, и Эрбер думает, что он мог бы сделаться полезным домашним животным.

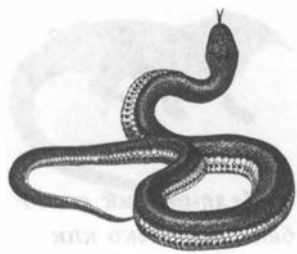
От других ящериц он отличается своею живостью: он постоянно в движении, красивыми изворотами двигается без прерыва в своей клетке, высовывает язык и самым тщательным образом исследует каждую щель, каждое отверстие между камнями и мхом. Если его пустить гулять по комнате, то он тотчас же начинает охотиться за насекомыми и пауками и особенно полезен тем, что истребляет массу тараканов и прусаков, отыскивая их во всех щелях и даже в печных трубах.

Гюнтер еще раньше Эрбера обнародовал свои наблюдения о жизни желтопузиков в террариуме для змей Лондонского зоологического сада. «В одном помещении павильона, устроенного для змей, живут пресмыкающиеся, которые, по-видимому, лучше всего здесь себя чувствуют, так как температура помещения им вполне благоприятна: здесь я разумею четырех желтопузиков. Это самые прожорливые из всех живущих там пресмыкающихся. Чтобы их вызвать из песка или из-под ковра, где они обыкновенно прячутся, достаточно самого незначительного шума. Они тотчас высовывают головы, осматриваются своими живыми глазами,

* Желтопузик способен не только как веретеница извлекать тело моллюсков из раковины, вытаскивая его оттуда зубами при опоре концом морды о раковину, но и просто разбивая раковины о камни.

** Желтопузик — один из немногих видов, который может питаться даже падалью.

чтобы узнать, не наступило ли время кормления. Если им показать какой-либо белый предмет, который они издали могут принять за белую мышку, служащую обыкновенно для них кормом, то они тотчас же приходят в возбуждение и приползают, тесня друг друга, если встретятся по дороге. Однако их кормят только раз в неделю, так как разом они съедают много, и я никогда не видал ни одного из них совершенно сытым. Они бросаются на руку сторожа, который держит около дюжины мышат или птенцов, и вырывают их у него силой прежде, чем он успеет их бросить. При этом случается, что одну мышку схватят два желтопузика и ни один не хочет уступить ее другому: один ее тащит направо, другой налево, один приподымается, чтобы тяжестью своего тела выхватить мышку из пасти товарища, но напрасно; они дергают мышку до тех пор, пока не разорвут ее на две части, и каждый поспешно глотает доставшийся ему кусок. Но из-за этого спора желтопузики многое потеряли, так как прочие их товарищи успели съесть все остальное. Если один из них еще не успел совсем проглотить свою добычу и часть ее торчит изо рта, то другие преследуют его, и снова начинается спор, который иногда ведется даже между тремя желтопузиками. После того, как все съедено, они еще долго ползают по клетке и ищут, не осталось ли чего съедобного, и приподымаются по стеклянной стенке, глядя на сторожа, который иногда по просьбе зрителей бросает им еще что-нибудь. Зрелище это довольно похоже на кормление щенят или лисят, которым разом бросают одну добычу, и если бы природа дала желтопузикам голос, то они, наверное, при этом стали бы лаять или пищать. Они, впрочем, хватают свою добычу целиком, как другие ящерицы, сильно кусают, чтобы разломать кости, а затем разом проглатывают».

Прочитав до тех пор мне неизвестные вышеизложенные сообщения Гюнтера, я пожелал иметь более подробные сведения об этом животном и обратился к Эрберу, прося его сообщить мне свои собственные наблюдения. В ответ на это я получил ниже следующее описание, в котором мы в первый раз находим точные сведения о жизни желтопузика на свободе.

«Желтопузик точно так же интересен на свободе, как и в клетке, и вследствие своей доверчивости, безвредности и полезности может быть причислен к моим любимцам. Если часто подходить к его клетке, то можно настолько его приручить, что он позволяет себя брать в руки без всякого страха. Единственное средство защиты, которым он пользуется против человека, это его задний проход, чем он похож на обыкновенного ужа. Когда его схватывают, то он так ловко извивает свое, по-видимому, столь твердое тело, что всегда сумеет с головы до ног опрыскать человека своим ужасно вонючим пометом. Этим, однако, он и довольствуется, так как, по совершенно непонятной причине, никогда не употребляет в дело против человека свои очень сильные зубы.

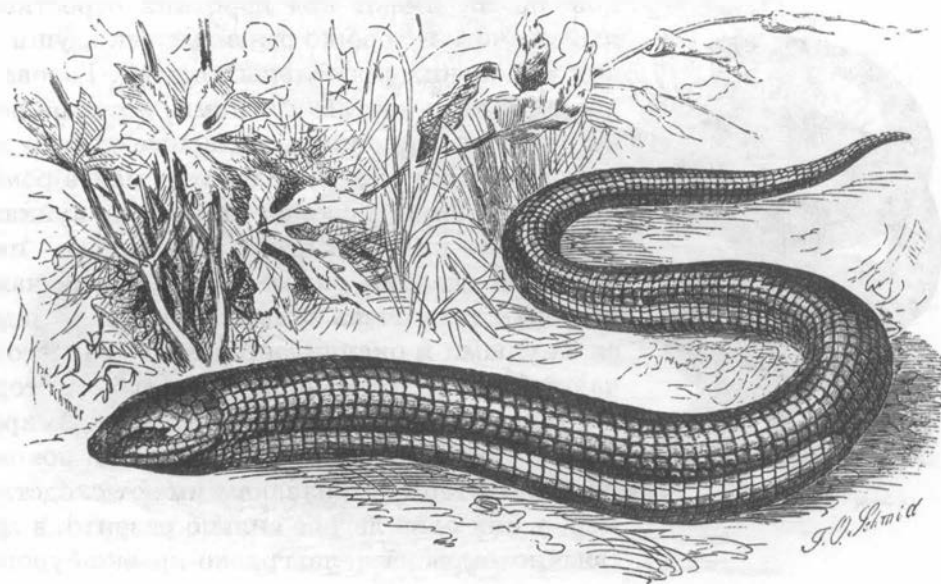
Когда видишь, как он на свободе со свойственной ему обыкновенно быстротой ловит песчаную гадюку и совершенно легко ее раскусывает пополам, то кажется очень удивительным, что он не пользуется силой своих челюстей для защиты от человека; но мои собственные наблюдения показали, что в борьбе с человеком он никогда не кусается.

В высшей степени интересно видеть, как желтопузик ловит и убивает мышь или крота. Как только он захватил подобную добычу, он начинает с удивительной быстротой вертеться, пока схваченное животное не потеряет сознание и не сможет от него ускользнуть. Тогда он раздавливает ему голову и начинает есть. На это требуется много времени, так как он глотает ее по кускам, и зубы его не настолько остры, чтобы он мог разом прокусить кожу и сухие жилы. Для ящериц он очень опасный сосед, так как он откусывает у них хвосты и проглатывает их; остальные части тела ящерицы, по-видимому, ему не нравятся.

Половое возбуждение у желтопузиков очень сильное: во время спаривания они забывают обо всем вокруг и не разъединяются даже, если их в это время поймают. Спрятавшись, я однажды наблюдал, как самец во время спаривания хватал

зубами все окружающие предметы. Вследствие крупных и иглистых мужских половых органов, животные так тесно соединены при спаривании, что их до окончания этого акта нельзя разъединить, не повредивши половых органов. Яйца кладутся под густые кусты и слои сухих листьев, где и взрослые животные охотнее всего держатся. Детеныши по окраске совсем непохожи на взрослых и, кажется, приобретают внешний вид своих родителей только через несколько лет. Хотя я не вполне уверен, что могу делать точные выводы, основываясь на росте моих пленных желтопузиков, но мне кажется, что я не ошибусь, допуская, что эти животные могут прожить 40—60 лет*.

Последнее время я держал у себя многих желтопузиков и могу почти во всем подтвердить прекрасные наблюдения Гюнтера и Эрбера. Только движения этих животных мне не показались

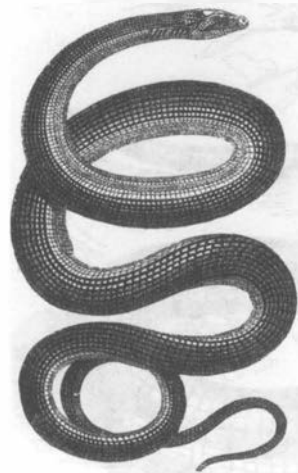
Желтопузик
(*Pseudopus apodus*)

* Не исключено, что эти цифры несколько завышены.

столь изящными, как их описывает Эрбер. По моему мнению, желтопузику недостает гибкости змей и проворства ящериц, и движения его, что заметил также Лейдиг, довольно неуклюжи, а извороты коротки и круты. Считаю необходимым добавить, что больших и маленьких желтопузиков можно держать вместе без всякого для них вреда, так как сильные никогда не обижают и не съедают слабых.

Желтопузик (*Pseudopus apodus*) относится к роду **панцирных веретениц** (*Pseudopus*) и отличается следующими признаками: туловище змееобразное, длинное, вальковатое, с боков несколько сплющенное, почти такой же толщины, как шея; голова заметно отделяется от туловища, четырехугольная, почти такой же длины, как и вышины, морда удлинённая и остроконечная, хвост по длине равняется половине туловища, тонкий и на конце заострен. От передних конечностей не осталось и следа, а задние конечности имеют вид коротких отростков. Глаза имеют круглый зрачок, и хорошо развитые веки, уши очень заметны, имеют вид маленьких продольных щелей. Голова покрыта плотно прилегающими к костям щитками, которые по форме, положению и числу очень похожи на головные щитки веретеницы; туловище покрыто костистыми, более или менее ромбоидальными, друг за другом рядами расположенными чешуйками; чешуйки верхней части тела килеватые, а на нижней — имеют на задней части острые и гладкие, кроме тех, которые находятся на хвосте. По сторонам тела очень заметна боковая складка, которая начинается за ушами и оканчивается около заднего прохода. Во рту замечаются тупые, толстые, круглые зубы, которых в верхней челюсти насчитывают 28, а в нижней 26. Анатомирование указывает, что желтопузики в значительной степени похожи на других ящериц, но по некоторым признакам имеют сходство и со змеями, например, у них одно легкое сильно развито, а другое гораздо меньше. Обычно окраска тела грязно-красно-бурого или темно-соломенно-желтого цвета, причем голова окрашена несколько светлее. Старые экземпляры после линяния бывают сверху темно-медно-красные с зеленовато-красной головой. Молодые по серому фону имеют темно-бурые пятна и поперечные полосы; подобные же темные поперечные полосы заметны и по сторонам головы. Длина тела 1,1 м, из которых 65 см приходится на хвост; отростки, заменяющие задние ноги, имеют около 1 см длины.

Настоящие **веретеницы** (*Anguis*) отличаются следующими признаками: по бокам тела нет складки, передних и задних конечностей вовсе не видно, барабанная перепонка маленькая и большей частью мало заметная, тело покрыто маленькими, шестиугольными, гладкими и блестящими чешуйками, которые по бокам тела расположены поперечными рядами, а на голове превращаются в более крупные щитки; скелет похож на скелет ящерицы, зубы длинные, тонкие, загнутые крючком и острые, на небе зубов

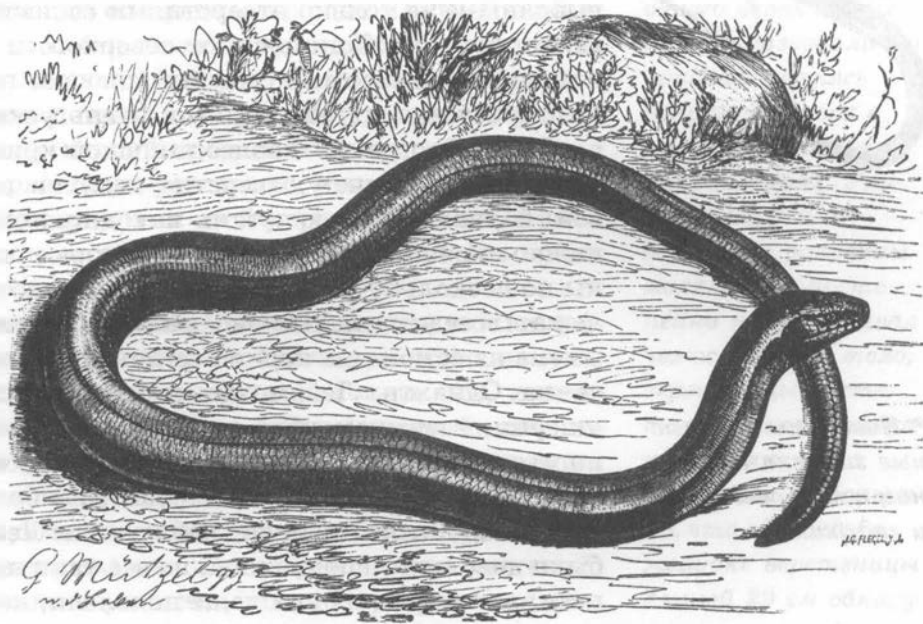
нет, язык плоский, довольно широкий и спереди с небольшой выемкой; оба легких развиты одинаково. Главным представителем этого рода служит наша **веретеница ломкая** (*Anguis fragilis*)*. Верхняя часть тела обыкновенно окрашена красивым свинцово-серым цветом, переходящим по бокам в красновато-бурый, а на животе в голубовато-черный; кое-где заметны иногда желтоватобелые точки, но едва ли можно найти двух веретениц, которые были бы вполне похожи друг на друга по окраске. Ленц уверяет, что он однажды за полчаса поймал 33 веретеницы на пространстве в 600 шагов и между ними не нашел двух веретениц, которые были бы одинаково окрашены. Очень старые экземпляры имеют на верхней части тела большие или маленькие синие пятна или точки, расположенные продольными рядами; молодые животные сверху серебристо-белые, а внизу черные, и у них на спине заметна или одна широкая, или две узких черных полосы; самец по цвету не отличается от самки, но оба пола способны изменять свои цвета. Лейдин, например, поймал молодых веретениц, у которых на белой спине с черными полосками в течение первой ночи в неволе появились две слабые новые полоски; он наблюдал так-

же, что каштаново-бурая окраска спины иногда переходила в желто-бурую, ограниченную по бокам двумя буроватыми продольными полосками; он также видел, что некоторые экземпляры теряли свою красивую окраску, а потом снова приобретали**. Радужная оболочка глаза желтовато-красная. Взрослые экземпляры достигают 43 см длины, причем на хвост приходится несколько более 23 см.

Веретеница ломкая живет по всей Европе от южной Швеции до Греции и Испании, кроме того, на Кавказе и в Грузии, а также по всей западной Азии; она встречается повсюду на равнинах, как и на высотах, даже в горах до 1 450 м вышины; на сырых местах она встречается чаще, чем на сухих, однако попадает в различных местностях, чаще всего в буковых лесах, почва которых покрыта густым кустарником и высокой травой и где

Семейство веретеницевые

*В народе веретеницу раньше и часто до сих пор именуют медяницей. Однако сейчас медянкой называют не безногую ящерицу, а змею рода *Coronella* (семейство *Colubridae*).

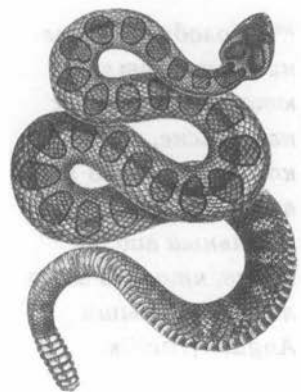
Веретеница ломкая
(*Anguis fragilis*)

** Молодые веретеницы, так отличаются от взрослых по окраске, что в конце XIX века их выделили в самостоятельный вид, не поняв, что это всего лишь детеныши *Anguis fragilis*.

*Семейство
веретеницевые*

** Известны совместные зимовки веретениц с земноводными и гадюками.*

на земле валяется много камней. В северной Африке ее нет. Смотри по условиям местности она устраивает себе жилище в различных укромных уголках. В мягкой земле она роет более или менее глубокую норку; там, где много травы или мха, она прячется между растениями, в кустах под корнями их, на каменистых местах под плоскими камнями, которые, по-видимому, ей особенно нравятся. Так как она не боится муравьев, то часто живет с ними вместе под камнями и встречается даже в муравейниках, причем беспокойные жители их, которые нападают на всякое животное, ее не трогают.

В середине или конце октября веретеница забирается в естественные или ею самой выкопанные норки под землей, чтобы там предаться зимнему сну. Все те зимние убежища, которые исследовал Лейдиг, по положению своему были очень тщательно выбраны и не только отверстиями своими направлены на юг, но также хорошо защищены от северного и восточного ветра. Животные эти часто сами себе выкапывают норки, буравя землю головой. Иногда их находишь в очень узких норках на 7—30 см глубины, иногда же в более широкой кривой норке, имеющей до 1 м длины, причем отверстие изнутри заткнуто землей и травой; большей частью тут их находишь от 20 до 30 штук, совершенно окоченевших, причем некоторые свернуты, другие сплетены по нескольку штук вместе, а иные просто вытянуты. У выхода лежат всегда молодые экземпляры, затем следуют более крупные, а на самом дне норки всегда лежит старый самец или старая самка. Однажды Лейдиг нашел медянку, врага всех более слабых ящериц, в зимнем убежище веретениц*. Все они при холодной погоде лежат без движения в глубоком оцепенении, но оживляются, если их постепенно перенести в более теплое место. Те 20 штук, над которыми делал наблюдение Ленц при 1,5—2° Цельсия, были довольно неподвижны, но все-таки шевелились, если их трогали; некоторые из них даже поползли, когда их снова положили в их ящик. Веки у всех веретениц были совершенно закрыты, и только две из них немного открывали глаза, когда их брали в руки; если им насильно открывали веки, то они при первой возможности сами их закрывали. Когда температура понизилась до 3° холода, то все они улеглись в отрубях, находящихся в ящике, в полном оцепенении; однако ни одна из них не замерзла, между тем как некоторые настоящие змеи, находившиеся в том же помещении, околели от холода. Впрочем, при более сильных морозах веретеницы также умирают. Весной при хорошей погоде они выходят из своих норок уже в середине марта.

Веретеница ломкая питается почти исключительно голыми слизнями и земляными червями; при случае она хватается также гладкую гусеницу, но не в состоянии овладеть быстродвигающимся животным. За находящейся в неволе веретеницей Ленц наблюдал, как она медленно подползает к брошенному ей червяку,

обыкновенно его ощупывает сначала языком, затем открывает пасть и схватывает жертву. Червяк вьется, насколько хватает сил; веретеница ждет, пока он умается, а потом медленно глотает его, поворачивая голову то направо, то налево и постепенно захватывая все дальше и дальше червяка своими зубами. Она возится 5—6 минут над одним червяком, пока, наконец, его проглотит, но за один раз ей достаточно одного большого червяка или двух средней величины*. Воду она пьет очень часто и таким же способом, как ящерицы.

Хотя случается, что она и днем схватит находящуюся перед ее мордой добычу, но обыкновенно отправляется на охоту только в сумерки. Днем она лежит, как другие пресмыкающиеся, по целым часам на солнце, прижав голову к земле, и, по-видимому, очень хорошо себя чувствует, когда солнце ее сильно греет. Однако в очень жаркие, сухие дни она редко выходит из своей норки, но всегда вылезает, если собирается дождь. «Когда веретеница ползает рано утром, — замечает Лейдиг, — это всегда означает, что произойдет перемена погоды, т. е. пойдет дождь». Гредлер также считает веретеницу верной предсказательницей погоды и замечает, вероятно совершенно справедливо, что ее появление перед переменной погоды или во время этой перемены имеет связь с тем, что дождевые черви, ее обыкновенная добыча, в это время приближаются к поверхности земли.

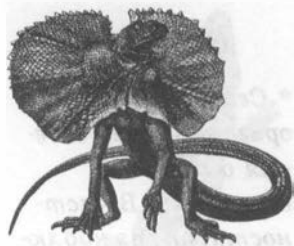
Движения веретеницы медленны и мало похожи как на движения ящериц, так и на движения змей. Вследствие того, замечает Лейдиг, что кожа ее покрыта известковыми щитками, движения ее не происходят в виде крутых волнистых линий, как это очень часто замечается у змей, но при обыкновенных условиях она извивается по почве очень пологими дугами. Тело ее тогда образует более крутые повороты, когда ей приходится прокладывать себе дорогу через камни или в густой чаще растений; но и эти повороты довольно неуклюжи, если их сравнивать с движениями змей. С горы она ползет довольно скоро, на ровном месте так медленно, что человек, идущий тихими шагами рядом, легко перегоняет ее, а на гору она ползет совсем медленно. Если ее положить на гладкое стекло, то ей очень трудно сдвинуться с места, но мало-помалу она, однако, подвигается вперед, учащая свои боковые извороты. В воду она добровольно не идет, но если же ее туда бросить, то она очень ловко плавает, извивая тело в сторону и обыкновенно приподняв голову над поверхностью воды; случается, что она плывет и на спине, но, во всяком случае, она старается как можно скорее выбраться на сушу.

Из ее внешних чувств, очевидно, лучше всего развито зрение, и совершенно непонятно, почему немцы называют ее слепой (Blindschleiche). У нее два хорошеньких глаза с золотисто-желтой радужной оболочкой и черным зрачком, которыми она очень хорошо видит. Гредлер сомневается в остроте их зрения, так как

** Сейчас собраны оригинальные сведения о питании веретениц. В частности, не раз наблюдали, как две веретеницы, схватившие одного червя с двух концов, разорвали его пополам, вертясь вокруг своей оси в противоположных направлениях. Упираясь мордой в основание раковины моллюска и постепенно перехватывая челюстями его тело, веретеницы достаточно легко извлекают моллюска из раковины. Любопытно, что однажды в желудке веретеницы длиной 29 см обнаружили восемнадцатисантиметрового ужомка.*

Семейство веретеницевые

никогда не замечал, чтобы находящиеся в плену веретеницы бросались на корм, если его держать прямо перед ними на некотором расстоянии, но признает, что молодые веретеницы на довольно большом расстоянии замечают приближение руки даже сквозь стеклянные стенки террариума, и вообще он не приводит никаких доказательств того, чтобы это животное, имеющее два хорошо развитых глаза, худо видело.

Но видит ли веретеница при ярком солнечном свете — это другой вопрос: желтовато-красный цвет радужной оболочки не говорит ничего ни за, ни против, но неуверенные движения животного при солнечном свете указывают на то, что днем она видит плохо. Опыты над пленными веретеницами свидетельствуют, что слух их почти так же хорошо развит, как и зрение, однако определенное заключение об этом сделать трудно. Точно так же трудно сказать что-либо определенное о развитии прочих внешних чувств, кроме осязания, но об обонянии и вкусе мы решительно ничего сказать не можем. Лейдиг, по-видимому, имеет высокое мнение о понятливости веретеницы. Ее поведение во многом отличается от поведения ящериц. «Прежде всего, она действует гораздо спокойнее и обдуманнее, чем эти последние, причем не мешает заметить, что полушария большого мозга в сравнении со средним мозгом у веретеницы заметно больше, чем у ящерицы». Она вовсе не пуглива и не выказывает никакой хитрости, но старается освободиться от врагов, и если ее схватить, то она начинает страшно извиваться, причем почти всегда теряет кусок своего хвоста. «Пока отломанный кусок, — говорит Ленц, — сильно шевелится и бывает тотчас схвачен хищником, — сама веретеница всегда находит возможность улизнуть, что можно легко наблюдать, если кормить различных хищников веретеницами». Обыкновенно она позволяет себя поймать, не пробуя защищаться, но изредка употребляет в дело и свои зубы, чем, однако, не может испугать никакого противника. Со временем она приучается к изменившимся условиям, т. е. к своему террариуму и воспитателю. «Если она привыкнет к человеку, — говорит Ленц, — то очень охотно допускает, чтобы ее брали в руки, очень ловко проскальзывает головой или хвостом между пальцами, как будто ища себе места, чтоб спрятаться». Она хорошо уживается с различными змеями, лягушками и ящерицами и, по-видимому, очень довольна, когда никто на нее не нападает.

Веретеница очень живуча, точно так, как и другие пресмыкающиеся, и может голодать по целым месяцам. Табачный сок, который легко убивает змей, ей мало вредит. Ленц давал двум веретеницам по 3 дня сряду табачного соку; они сначала были точно опьянены, но скоро поправились. Другой веретенице силой влили в рот нефти; она после этого была очень беспокойна и так сильно завертелась, что обломала себе хвост, но вовсе не была ошеломлена и осталась живой.

«Веретеницы рожают живых детенышей, как ужи, что доказано многими наблюдениями», — говорит старый Геснер о размножении этих животных. По-видимому, веретеница не приступает к размножению раньше четвертого года своей жизни, так как Ленц находил зрелые яйца только у вполне выросших экземпляр. Спаривание происходит в мае и, по словам Мейера, совершается как у ящериц: самец так сильно схватывает самку зубами за затылок, что даже повреждает ей чешую на этом месте. Затем он приближает заднюю часть тела к заднему проходу самки и, оплодотворивши ее, лежит несколько часов рядом, не свиваясь, однако, с ней.

Детеныши рождаются во 2-й половине августа или в 1-й половине сентября; яйца кладутся с промежутками в несколько минут, и детеныши тотчас выскальзывают из тонкой прозрачной кожицы яиц. Только что вылупившиеся детеныши имеют беловатый цвет, переходящий на голове и животе в синеватый, вдоль спины проходит синеватая линия. Ленц говорит, что получил от пленной самки до 100 детенышей, которые, однако, все околели с голоду в течение 1—6 недель. Другие любители, например Эрбер, были счастливее, и им удалось воспитать маленьких веретениц, но это действительно нелегко, так как детеныши могут есть только самых маленьких и нежных насекомых, а их не всегда легко достать. Взрослые веретеницы обыкновенно тотчас же берут корм, когда пойманы, и потому их без затруднений можно держать в неволе по несколько лет. Они чувствуют себя вполне хорошо в террариуме, наполненном отчасти землей, отчасти камнями и мхом, и наблюдать их в таком помещении очень интересно, так что содержание их можно рекомендовать всякому.

Еще и в наше время веретеница у простого народа считается за змею, потому полагают, что она очень ядовита, и вследствие этого ее беспощадно преследуют и без всякой жалости убивают, где только ни увидят; между тем как, напротив, ее следовало бы щадить и даже разводить, особенно в садах. Что она неядовитая, знали уже древние, и Геснер говорит очень ясно, что укус веретеницы неядовит и даже не вреден, однако он рассказывает почти те же самые истории, которые и теперь повторяются итальянцами о трехпалом халциде. «Если скот, например быки и коровы, лягут на веретеницу и раздражат ее тяжестью своего тела, то она кусается, отчего происходит гноящаяся опухоль. Если это случится, то укушенное место следует вскрыть ланцетом или другим острым орудием, а затем нужно развести мел или сукновальную глину в уксусе и помазать этим рану». Геснер говорит и о пользе веретеницы, но не о том, что она полезна истреблением вредных животных, а о том, что она употреблялась тогдашними шарлатанами для их лекарств, что, впрочем, может быть, и поныне еще случается. «Некоторые, — продолжает он, — приготавливали спирт из веретениц, и во время чумы прибавляли его в потогонное пи-

* В отличие от змей, обладающих парой наиболее крупных ядовитых зубов на верхней челюсти, у ядозуба все зубы ядовиты. Боль после укуса может длиться до 8 часов, хотя уже через 15 минут проявляется опухоль, наступает головокружение, учащается дыхание. Яд ядозуба поражает центральную нервную систему. Выпавший или сломанный зуб ядозуба достаточно быстро заменяется новым.

ть, причем 2 или 3 приема этого лекарства сохраняли людям жизнь». Большинство простого народа, однако, ныне уже бросили эти взгляды, но сохранили еще мнение о ядовитости веретеницы, в чем их поддерживают, впрочем, многие из образованных людей.

СЕМЕЙСТВО ЯДОЗУБЫ (*Helodermatidae*)

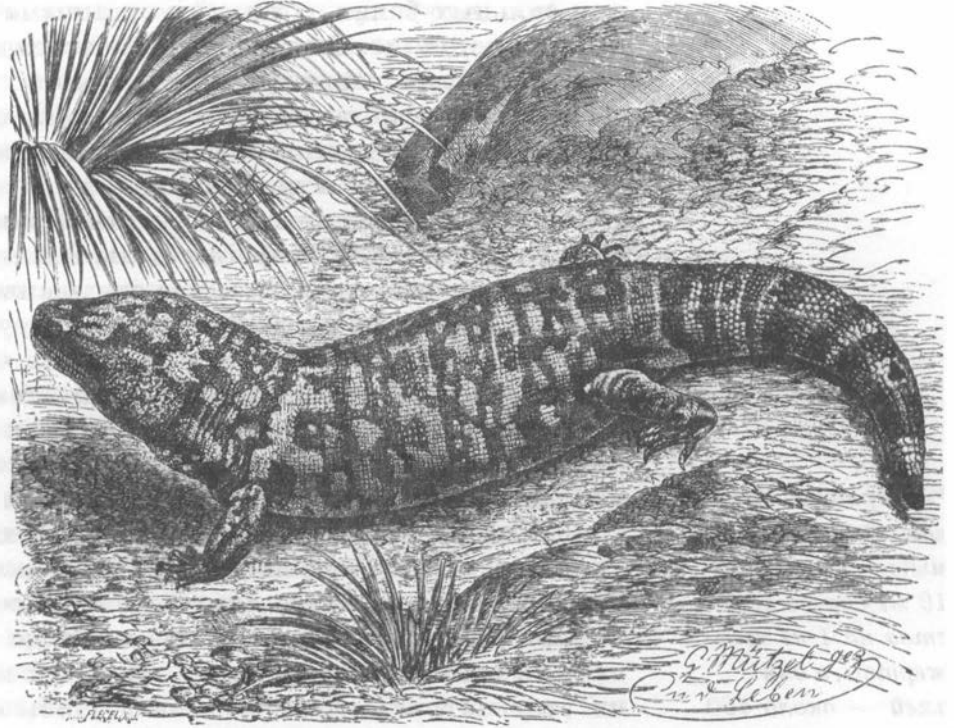
Одна ящерица, известная еще старому путешественнику Хернандецу, замечательна тем, что по строению зубов она похожа на так называемых ложных ужей, которые могут быть отчасти причислены к ядовитым змеям; этим оправдывается всеобщее убеждение туземцев, что эта ящерица ядовита. Действительно, это единственная ящерица, от укуса которой человек может умереть.

Эскорион (*Heloderma horridum*), называемый мексиканцами **тола-хини**, служит представителем особого рода **ядозубов** (*Heloderma*) и даже особого одноименного семейства. Род этот включает в себе только два вида, живущих в Мексике и в соседней с ней юго-западной части Соединенных Штатов. Тело у ядозуба плотное, хвост цилиндрический и длинный, третий и четвертый пальцы передних и задних ног длиннее других, барабанная перепонка заметна. Тело покрыто чешуйками, расположенными поперечными рядами и имеющими вид бородавок; язык разделяется спереди на два коротких гладких острия и вообще похож на язык веретениц. Зубы загнуты крючком, как у змей, у основания несколько утолщены, довольно неплотно прикреплены к внутреннему краю челюстей и у корня не имеют внутренней полости*. Взрослый ядозуб достигает в длину 60 см. По строению скелета он ближе всего подходит к веретеницам, а по внешнему виду напоминает варана и амеюву, но гораздо неуклюжее их и заметно отличается толстым, круглым хвостом. На верхушке плоской, спереди тупой головы замечаются возвышенные окостеневшие бородавки; туловище и прочие части тела покрыты бородавчатыми чешуйками, похожими на бисер, почему кожа на ощупь кажется неровной и шероховатой. На передней и задней части конусообразных острых зубов замечаются ясные продольные бороздки. Окраска этого очень бросающегося в глаза животного похожа на окраску нашей саламандры. Верхняя часть тела имеет темно-бурый цвет и покрыта небольшими, но очень различными, в зависимости от возраста и разновидности животного, пятнами желтовато-белого, оранжево-желтого и красновато-бурого цвета; на хвосте много желтых полос, нижняя часть тела рогового бурого цвета с желтоватыми пятнами.

Короткое и необстоятельное описание, составленное Демпе, в новейшее время в значительной степени дополнено Зумихрастом.

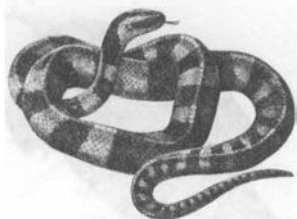
По словам вышеназванного натуралиста, эта странная ящерица живет на западном склоне Кордильер до самого Тихого океана, и только в сухих местностях; добровольно она, кажется, никогда в воду не ходит. Это ночное животное, которое двигается медленно и тяжело, а в старости или во время беременности, тащит с трудом свое брюхо по земле. Днем ядозуб прячется в вырытые им самим норки под корнями деревьев или под упавшими листьями и лежит там неподвижно, свернувшись. Вечером он вылезает из своего убежища и охотится за всякими мелкими животными: бескрылыми насекомыми, земляными червями, многоножками, маленькими лягушками и т. п., которых он схватывает на лесных тропинках; он вырывает также яйца игуан и даже не пренебрегает гниющими животными веществами. Его чаще всего можно встретить в дождливое время года, реже всего — от ноября до июня; из этого можно заключить, что в сухое и жаркое время года, соответствующее нашим зимним месяцам, он впадает в спячку, как многие другие пресмыкающиеся в средней и Южной Америке.

Если ядозуба раздражить, то у него изо рта течет беловатая клейкая слюна, выделяемая очень развитыми слюнными железами около нижних челюстей; при этом он издает глухое шипение. Фишер посредством анатомического исследования убедился, что ядозуб действительно принадлежит к ядовитым животным; бороздчатые зубы и строение нижнечелюстных желез отчасти это подтверждают. В новейшее время доказаны также вредные последствия укуса этой ящерицы. При этом вовсе не имеется в виду мнение туземцев, которые считают укус ядозуба гораздо более опасным, чем укус самых страшных ядовитых змей. Зумихраст сделал несколько опытов, которые, несомненно, доказывают ядовитость этого животного. Он дал

Эскорион
(*Heloderma horridum*)

Семейство вараны

* Смертельной дозой яда ядозуба для мышей считается 10 мг сухого вещества на 1 кг веса жертвы, а для змей — около 400 мг. К собственному яду ядозубы не чувствительны. Специалисты не заметили каких-либо изменений в поведении ядозубов после введения им их собственного яда в дозе, смертельной для 45 крупных кроликов.

возможность молодому и довольно истощенному ядозубу укусить курицу в бок, и та скоро умерла с явными признаками отравления. Укушенная за заднюю ногу здоровая кошка сильно захворала, ослабела и выказывала признаки сильной боли; однако потом она выздоровела, но осталась худой и бесчувственной. Эти наблюдения над птицами и млекопитающими дополняются опытом, сделанным Штейном над самим собой и переданным нам Фишером. Самый большой из двух экземпляров ядозуба, над которыми Фишер производил свои анатомические исследования, одно время жил в неволе у Штейна в Мексике и укусил натуралиста за палец, когда тот переносил ядозуба из одной клетки в другую. Палец и вся рука распухли при сильных болях, и во всем организме заметно было болезненное состояние. Еще долго после этого кожа руки имела вид сухого желтого пергамента.

Из вышесказанного можно с некоторой достоверностью заключить, что туземцы справедливо приписывают ядозубу ядовитые качества, хотя несомненно, что укус его только в редких случаях причиняет человеку смерть. Начиная с 1881 года Шуфельдт, Буланже, Фэйрер, Мютцель, Рейхерт, Гарман, Тридуэль и Ярау производили опыты над этим животным, причем некоторые подтверждали его ядовитость, а другие отрицали ее. Все эти опыты в сложности доказывают, что ядозуб и родственный ему вид (*Heloderma suspectum*) единственные действительно ядовитые ящерицы и что укусы их в несколько минут убивают маленьких животных, например лягушек и голубей; на человека они действуют очень вредно, хотя и не смертельно*.

В неволе часто держали ядозубов, которые клали яйца; они представляют собой очень непривлекательных животных. По словам Циперлена, ядозуб лежит весь день неподвижно, четыре раз в год линяет и еженедельно съедает 3—4 сырых куриных яйца. По-видимому, он ведет ночной образ жизни, но этот натуралист не замечал, чтобы ядозуб зарывался в песок, как утверждают другие наблюдатели. Зумихраст говорит, что ядозуб умирает лишь от ран, нанесенных острым или огнестрельным оружием, так как крепкая кожа делает его почти нечувствительным к ударам. Сократимость мускулов у него сохраняется до 48 часов после отделения головы от туловища.

СЕМЕЙСТВО ВАРАНЫ (*Varanidae*)

Вследствие странной ошибки немецких натуралистов некоторых больших ящериц называли «предохраняющими» (*Warneidechsen*). Наиболее известные виды этого семейства живут в Египте и называются там варанами; это слово передела-

ли в Warner (предупреждающий) и сохранили то же значение в латинском термине Monitor. Между тем, варан или, вернее, по-арабски уаран не имеет никакого отношения к предупреждению, а просто значит, «ящерица».

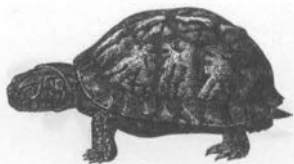
Вараны очень похожи на других ящериц своим удлинённым туловищем, широкой спиной без гребня и хорошо развитыми спереди и сзади пятипалыми ногами с большими когтями. Они отличаются от прочих ящериц тем, что ключица на внутренней стороне не расширена, присутствием грудобрюшной перегородки, которая по строению своему похожа на тот же орган у крокодилов, кроме того, чешуями, строением языка и формой зубов. Голова у них относительно длиннее, чем у прочих ящериц, и несколько напоминает голову змей; шея и туловище, особенно хвост, гораздо более удлинены, чем соответствующие части их родичей. Язык в сжатом состоянии совершенно спрятан в чехол, но может быть сильно выдвинут и имеет на конце два длинных роговых острия. Зубы прикреплены к внутреннему краю челюстей; они сидят довольно далеко друг от друга, большой величины, конусообразные и на конце острые; на небных и крыловидных костях зубов нет. Спинные чешуйки небольшие, круглые, имеют форму пуговиц и окружены колечками мелких зернистых чешуек; на голове чешуйки мало увеличиваются и не могут быть названы щитками; брюшко покрыто более крупными четырехугольными чешуйками, которые расположены правильными поперечными рядами. На бедрах и около заднего прохода железистых пор нет.

Вараны, которых известно до 27 видов*, живут в восточном полушарии, именно в Африке, южной Азии, Австралии и Полинезии. Некоторые виды живут постоянно на суше, даже в пустынях, отыскивают себе какую-либо норку, чтобы прятаться и охотиться недалеко от нее, иные днем, иные в сумерки или даже ночью; другие должны быть причислены к водным животным, так как они держатся исключительно вблизи воды, в болотах или на берегах рек, и в случае опасности спешно спасаются в воде. Все вараны очень подвижные животные. Они бегают по твердой земле, сильно извивая туловище, и так скоро, что могут догнать маленьких млекопитающих и даже птиц; несмотря на свою величину, они прекрасно лазают, а те виды, которые бывают в воде, прекрасно плавают и ныряют, несмотря на то, что у них нет плавательных перепонок. Продолжительному пребыванию в воде в значительной степени помогают две большие полости в верхней части морды, которые соединены с ноздрями; они наполняются воздухом и могут быть закрыты подвижными краями ноздрей. По своему образу жизни, нравам и привычкам вараны напоминают ящериц, но не крокодилов; однако соответственно своей величине и силе они гораздо более хищны, смелы и задорны, чем их более мелкие родичи. От человека и крупных животных они постоянно убегают, если могут это сделать; наземные виды при

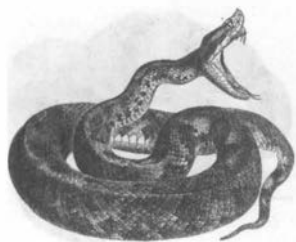
Семейство вараны

** Согласно современным взглядам, насчитывается около 35 видов варанов.*

Семейство вараны

этом с быстротой молнии прячутся в свои норки, а водные, как уже сказано выше, бросаются в воду. Если же им нельзя спастись, то есть отрезан путь к их убежищу, они смело вступают в бой, с помощью своих ног и сильного хвоста делают высокие прыжки и храбро стараются вцепиться в лицо и руки своего противника.

Пища их состоит из различных животных. Нильский варан, который был уже известен древним египтянам и изображен на их памятниках, прежде считался одним из самых опасных врагов крокодила, так как думали, что он отыскивает и уничтожает его яйца и пожирает вылупившихся из них молодых крокодилов. Насколько справедливы эти рассказы, трудно решить, но можно смело предположить, что варан действительно может съесть молодого крокодила и проглотить содержимое яйца этого животного. Лешено уверяет, что был свидетелем, как несколько индийских варанов, собравшись вместе, напали на детеныша оленя, долго его преследовали и, наконец, утопили в воде; он утверждает также, что находил в желудке варанов бараньи кости. Со своей стороны, я решительно сомневаюсь, чтобы какой-либо вид этого семейства ящериц нападал на больших животных, чтобы питаться их мясом, но африканцы и арабы несколько раз меня уверяли, что вараны могут одолеть птиц до величины чибиса и млекопитающих до величины крысы. Вараны, живущие на земле, преследуют мышей, маленьких птичек, небольших ящериц, змей, лягушек, насекомых и червей, а также воруют птичьи яйца; живущие в воде виды этого семейства, по всей вероятности, главным образом питаются лягушками, но, конечно, не упускают случая захватить неосторожно приблизившееся к берегу маленькое млекопитающее или зазевавшуюся птичку. Там, где их не преследуют и где им легко прятаться, они сильно разбойничают в курятниках, захватывая цыплят и куриные яйца, и потому в этих местах их совершенно справедливо боятся и ненавидят.

Живущие в неволе вараны ясно доказывают, что они большие хищники. Хотя они не пренебрегают мертвыми животными и сырой говядиной, но решительно предпочитают живую добычу. Их поведение тотчас изменяется, если бросить им в клетку дюжину живых ящериц или лягушек. Ленивое спокойствие, в котором они любят пребывать, тотчас же сменяется самым упорным вниманием: маленькие глазки сверкают, и длинный язык быстро появляется и снова прячется. Наконец, они начинают двигаться, чтобы завладеть одной из своих несчастных жертв. Ящерицы бегают, лазают, прыгают в смертельном страхе по клетке, лягушки боязливо скачут, толкая друг друга. Глаза и язык так испугавшего их врага ясно доказывают, что он только ждет минуты, чтобы схватить добычу. Вдруг длинная голова варана внезапно вытягивается вперед и схватывает почти всегда без промаха лягушку или даже проворную ящерицу; животное убивается сильным сжатием челюстей и тотчас же целиком проглатывается. Это

повторяется, пока не съедены все находящиеся в клетке животные, даже в том случае, если ящериц или лягушек было несколько дюжин. Если варану кладут в клетку одно или несколько яиц, то он потихоньку к ним приближается, ощупывает языком яйцо, осторожно схватывает его челюстями, приподнимает голову, раздавливает яйцо и с наслаждением проглатывает содержимое его, а затем облизывает вытекший на губы белок или желток своим чрезвычайно подвижным языком. Без сомнения, он точно так же поступает и на свободе.

Более чем странно то обстоятельство, что мы до сих пор не имеем обстоятельных сведений о размножении варанов. Если бы мне был известен этот пробел в естественной истории варанов в то время, когда я путешествовал по Африке, то я бы более тщательно занялся наблюдениями над ними; однако не стану утверждать, что наверно узнал бы что-либо положительное, так как арабы и жители Судана, которые очень охотно рассказывают о разных животных все, что им известно, сколько мне помнится, никогда ничего не говорили о размножении этих ящериц. Кажется один Теобольд сообщает краткие сведения о размножении одного индийского вида, **желтого варана** (*Varanus flavescens*). «Вараны, — говорит он, — кладут свои яйца в землю. Иногда они для этого пользуются гнездами термитов. Яйца эти имеют цилиндрическую форму, на обоих концах закруглены, длиной около 5 см и грязно-белого цвета; вообще они кажутся грязными и противными». Каждая самка кладет, по-видимому, разом довольно большое число яиц. Во время путешествия несчастного фон дер Деккена, ставшего жертвой науки, однажды был убит выстрелом дробы метровый варан; когда его анатомировали, то нашли в нем 24 яйца.

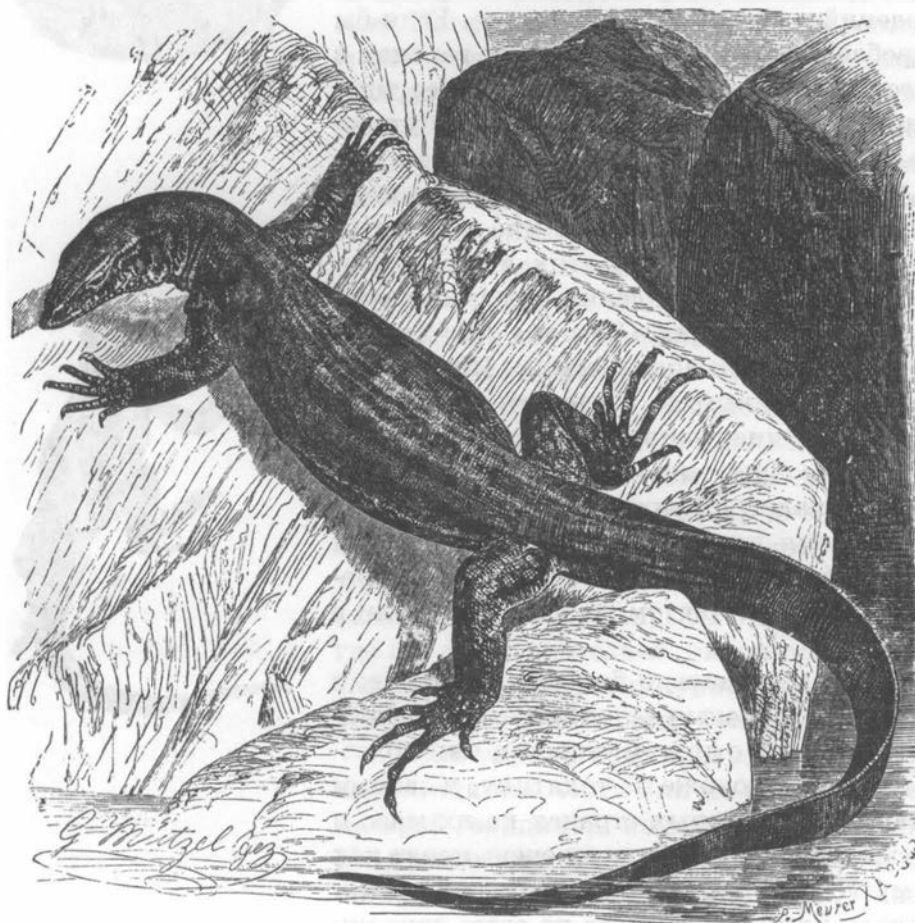
Вараны имеют для человека довольно большое значение; с одной стороны, они приносят вред своими хищническими набегами на домашних птиц и их яйца, но с другой стороны, они полезны своим вкусным мясом, которое похоже на телятину, и своими еще более вкусными яйцами. В некоторых странах на их мясо и яйца смотрят, правда, с отвращением, но в других очень ценят как мясо, так и яйца и потому усердно преследуют этих животных. По словам Теобольда, житель Бирмы, несмотря на свою прирожденную лень, не пожалеет труда срубить дерево, куда спрятался варан, чтобы только завладеть лакомым блюдом. Пойманным водяным варанам заворачивают все четыре ноги на спину и связывают их, безжалостно вырезая сухие жилы сломанных пальцев несчастной жертвы. Яйца варанов в Бирме продают дороже куриных; они совершенно справедливо считаются лакомством, не имеют никакого противного запаха, действительно очень вкусны и отличаются от птичьих яиц только тем, что белок их при варке не свертывается. Индусы едят мясо варанов чаще всего жареным, а европейцы большей частью варят из него суп. Келлерт, пробо-

Семейство вараны

вавший этот суп, говорит, что он очень вкусен и похож на суп из заячьего мяса. Кроме того, кое-где употребляют в дело чешуйчатую кожу варанов; например, в северо-восточной Африке ей покрывают разную домашнюю утварь. Варанами пользуются также фокусники для разных кунштюков, а знахари из различных частей их тела приготавливают таинственным образом различные яды.

Пленные вараны доставляют мало удовольствия. Сначала содержащиеся в неволе животные бывают очень беспокойны, шипят и фыркают как змеи, когда к ним приближаешься, или яр-

Нильский варан
(*Varanus niloticus*)

напротив, очень милые существа, которые скоро делаются ручными и легко приучаются брать пищу из рук.

В прежнее время семейство варанов разделяли на несколько групп; но едва ли можно их считать отдельными под родами, так как отличия их ограничиваются очень ничтожными признаками; поэтому я не считаю нужным приводить здесь эти подразделения.

Нильский варан (*Varanus niloticus*) отличается от других видов несколько сжатым с боков хвостом, который на верхней

стороне кусаются, если думают, что могут добраться до своего воспитателя; они, по словам Фишера, разбивают сильными ударами хвоста стеклянные стенке своего террариума. Однако понемногу они делаются смиреннее, но никогда действительно не приручаются, а при случае бывают очень опасны и любят кусаться, причем нужно всегда иметь в виду значительную силу их зубастых челюстей. Их можно держать только в больших помещениях, но и здесь они скоро делаются неприятными своей бестолковой беготней и лазаньем, а также прожорливостью и неопрятностью. Молодые животные,

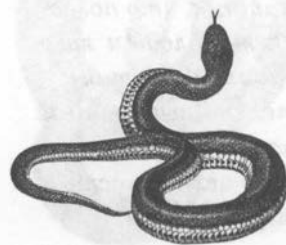
стороне образует выдающийся гребень; зубы спереди конусообразные, сзади с тупыми коронками, на верхней части головы не замечается продольного ряда широких чешуек над каждым глазом, ноздри круглые и несколько ближе придвинуты к переднему краю глаза, чем к концу морды. Взрослый варан достигает длины в 1,7 м, из которых хвост занимает около 1 м. Тело имеет основную темно-желтовато-зеленую окраску; на этом фоне заметны черные пятна и расположенные рядами зеленовато-желтые точки. Между плечами и пахом находятся подковообразные желтые пятнышки, а перед плечами — черноватая полукруглая полоска; первая треть хвоста имеет желто-зеленые, а остальная часть — желтые колечки. Нижняя часть желтая с более или менее яркими поперечными полосами.

Нильский варан, по-видимому, встречается во всех африканских реках, за исключением тех, которые протекают в северо-западной части этого материка; его находили не только в Египте и Нубии, но также и в Верхней, и Нижней Гвинее, а также в южной и восточной Африке. В Египте, насколько я мог убедиться собственными наблюдениями, он встречается чаще, чем в Нубии, вероятно потому, что Нил доставляет ему больше пищи, чем реки в Нубии; в Восточном Судане он в некоторых местах встречается в большом числе, но только поодиночке, а не обществами. Обыкновенно его замечаешь лишь тогда, когда он начинает двигаться и бежит к реке; в воде он большей частью прячется, а на земле обыкновенно лежит без движения на солнце. В отличие от крокодила он только в крайнем случае выбирает себе для отдыха и сна плоские песчаные отмели, а везде, где это возможно, держится на горизонтальной вершине круто спускающегося к воде берега, а еще охотнее на верхушке береговой скалы; иногда его встречаешь и в береговом кустарнике, но старается не уходить далеко от воды. Гейглин, однако, встречал его на довольно больших экскурсиях в глубине страны, даже в пустыне. В береговом кустарнике убежищами ему служат подмытые водой корни деревьев, особенно в тех реках, которые летом совсем высыхают*. Он, кажется, не подвержен летней спячке и хотя очень любит воду, но все же не так от нее зависит, как крокодил. Египтяне и африканцы знают варана очень хорошо и никогда не смешивают с крокодилом. Очень возможно, что древние египтяне считали варана истребителем крокодила, которому воздавали божеские почести, и потому часто изображали эту ящерицу на своих памятниках; ныне же это животное очень хорошо обходится и без молодых крокодилов. Нильский варан гоняется, как уже сказано, за маленькими млекопитающими и птицами, а также за другими ящерицами, которых в Египте везде очень много, и, следовательно, они встречаются в большом количестве и около реки. Очень может быть, что он ест и молодых мягкокожих черепах, но главным образом питается лягушками, грабит также гнезда береговых птиц и посещает

Семейство вараны

** В случае опасности нильский варан может притвориться мертвым.*

Семейство вараны

* Яйца нильский варан может откладывать в термитник, разрывая его размоклие стенки в период дождей, которые насекомые потом застраивают. При вылуплении варанов из яиц вытекает жидкость, смачивающая термитник, что позволяет молодым ящерицам самостоятельно выбираться наружу, вновь нарушая целостность термитника.

даже голубятни и курятники, чтобы завладеть яйцами и птенцами; между прочим, он охотится и за насекомыми. Пленные вараны, которых наблюдал Жофруа Сент-Илер, были в высшей степени хищны и нападали на всех маленьких животных, которых впускали в их клетку; вообще они оказались очень кровожадными. Я часто убивал варанов, но всегда случайно, когда, подкрадываясь к птицам, я мог незаметно приблизиться к этим животным, лежащим на солнце. Пленных варанов видишь иногда у рыбаков, которые их ловят вместе с рыбами в сети, куда они запутываются, но регулярному преследованию эта ящерица в Египте не подвергается. Иное мы замечаем в средней и южной Африке. Ливингстон, под именем «игуаны», мясо которой он считает очень вкусным, без всякого сомнения, имеет в виду варана. Швейнфурт мне рассказывал, что в Галабате усердно преследуют всех больших ящериц, особенно варанов, сдирают с них шкуру, жарят на углях и считают, вероятно вполне справедливо, за отличное кушанье. В Занзибаре, рассказывает Керстен, их часто ловят, привязывают к палке и в таком беспомощном виде приносят на рынок; однако едва ли их там едят, так как магометанское население страны и туземцы, живущие на материке, не употребляют в пищу подобных животных. Яйца той самки, которая была поймана спутниками фон дер Деккена, были сварены, и европейцы ели их с большим аппетитом, но Керстен тщетно предлагал это кушанье туземцам, сопровождавшим путешественников. От этого кушанья отказывались даже неразборчивые ваника, которых магометане восточного берега Африки называют свиньями, так как они едят всевозможных животных, не брезгают содержимым кишок убойного скота и считают хорошим кушаньем мясо убитой хищной птицы, будь это даже самый вонючий гриф; эти люди ни за что не хотели попробовать вкусную яичницу из яиц варана, несмотря на то, что Керстен нарочно при них ел ее*.

Живучесть, которой варан обладает наравне с другими ящерицами, делает это животное вполне пригодным для содержания в неволе; он привлекает внимание зрителей тем, что держится то на суше, то в воде, и может считаться очень приятным жильцом хорошо устроенного просторного помещения.

В Индии, южном Китае и на всех азиатских островах до северного берега Австралии нильского заменяет **полосатый варан** (*Varanus salvator*), которого сингалезцы называют «кабаргойя»; он отличается от нильского тем, что у него на верхней части головы над глазами находится продольный ряд широких щитков; ноздри имеют яйцевидную форму и расположены ближе к концу морды. Верхняя часть тела черного цвета с рядами желтых точек и глазков; около висков проходит черная полоса, а на шее заметна желтая полоса; нижняя часть тела одноцветно-желтая. Взрослые экземпляры достигают 2,2 м длины.

Хотя полосатый варан встречается главным образом на Зондских, Филиппинских и Молуккских островах, но его находят также в Ост-Индии, Цейлоне, Сиаме и Китае. Кантор находил его на полуострове Малакка очень часто как в холмистых местностях, так и на равнинах. Днем он обыкновенно держится на ветвях больших деревьев, которые растут по берегам рек и ручьев; здесь он караулит птичек и маленьких ящериц и грабит гнезда*, если же его испугать, то он тотчас же прыгает в воду**, даже со значительной вышины. Если условия местности ему благоприятствуют, то он поселяется вблизи человеческих жилищ и даже за оградой их и тогда делается очень опасным хищником для домашних птиц. Мартенс, например, узнал от одного европейского плантатора, живущего недалеко от Манильи, что у него под домом живет «крокодил» и ночью выходит, чтобы таскать кур, причем Мартенс был уверен, что этот «крокодил» был не кто иной, как варан. Хотя полосатый варан выказывает большую смелость при своих хищнических набегах и бессовестно ворует и грабит вблизи человеческих жилищ, однако он боязливо избегает преследования человека. Если его застать на ровной местности, то он, по словам Кантора, как можно скорее убегает и старается по возможности спастись в воде, но быстрота его бега не настолько значительна, чтобы проворный человек не мог его догнать. Если его схватить, то он храбро защищается зубами и когтями и наносит также сильные удары своим хвостом.

Туземцы низших каст добывают этого варана, вырывая его из нор, и едят мясо с большим удовольствием. Но эта ящерица играет еще более важную роль у индусов при приготовлении смертельных ядов, которые сингалезцы и до сих пор часто употребляют в дело. По словам Теннента, для приготовления самого страшного сложного яда, называемого «карабатель», служат змеи, именно: очковая змея (*Naja naja*), цепочная гадюка (*Vipera russellii*) и каравилья (*Ancistròdon hypnale*), которым делают надрезы на голове, а затем вешают над сосудом, думая таким образом собрать их яд. Этим способом собранная кровь смешивается с мышьяком и другими ядовитыми снадобьями, а затем при помощи кабарагойи варится в человеческом черепе. При этом вараны должны играть роль таинственных животных, которыми пользуются наши сказочные ведьмы при своих колдовствах. Варанов крепко привязывают перед огнем с трех сторон, так что головы их обращены к огню; их сильно бьют и мучают, отчего они шипят и как будто раздувают огонь. Слюну, которая у них вытекает изо рта при этих мучениях, старательно собирают и прибавляют к вышеназванному вареву, которое считается готовым, когда на поверхности его покажется маслянистая жидкость. Само собой разумеется, что настоящим сильно действующим средством здесь является мышьяк, но безвредная кабарагойя, вследствие шарлатанства знахарей, пользовалась в тех странах такой дурной славой,

Семейство вараны

* На Цейлоне полосатый варан в больших количествах поедает пресноводных крабов, разрушающих плотины на рисовых полях. Может нападать даже на кобр.

** Полосатый варан способен в течение получаса лежать под водой без движения.

Семейство вараны

что все и ныне до смешного ее боятся. Так же, как и нильский, полосатый варан на Цейлоне держится преимущественно около воды и бросается туда при всякой опасности; при высыхании рек он иногда вынужден предпринимать странствования по земле, и при этом случается, что он появляется около жилищ сингалезцев и даже пробегает по двору. Это считается очень дурным предзнаменованием; туземцы тогда ожидают болезней, смерти или другого несчастья и отправляются к знахарям, чтобы предотвратить, по возможности, последствия этой беды. Последние являются, заставляют доверчивого туземца порядочно заплатить, входят на двор, где появилась кабарагойя, и начинают петь; пение это состоит из немногих слов, обозначающих, что отныне все дурные последствия посещения кабарагойи уничтожены.

Уже Геродот рассказывает про «земного крокодила», который живет в области Либийских кочевых пастушеских народов и похож на ящерицу; Проспер Альпин считает это животное за *Scincus* древних, о котором говорили, что он питается пряными травами, особенно любит полынь, и потому сам приобретает целебные свойства, между тем, как теперь под именем сцинка мы разумеем другое животное. Этот земной крокодил теперь носит научное название **серого варана** (*Varanus griseus*), который отличается от других варанов, главным образом, круглым хвостом без гребня; ноздри у него щелевидные, косо поставленные, а передние зубы маленькие и широкие. Верхняя сторона тела имеет серовато-желтый цвет с бурыми поперечными полосами по спине и хвосту; такие же бурые полосы заметны и на затылке, а нижняя сторона тела одноцветно песчано-желтая. Животное это достигает 1,3 м длины.

Серый варан живет только в самых сухих местностях северной Африки и юго-западной Азии, особенно в пустынях. В Азии он встречается во всей западной части ее, от Каспийского моря до северо-западной Индии, а на юго-западе — до Палестины и Аравии. Он здесь держится точно так, как и его южноафриканский родич, на каменистых местах, но иногда охотится и в песчаных местностях между скалами. Арабы по справедливости его боятся, так как он смелее и злее всех других ящериц этой страны; если его вспугнуть на открытом месте, то он тотчас же готовится к защите, прыгает на 1 м в высоту с помощью своего сильного хвоста и бросается человеку в лицо или на грудь, а крупным животным на брюхо, вцепляется и наносит сильные раны верблюдам, лошадям и ослам, отчего те пугаются и бешено несутся по пустыне. Пища его состоит из различных мелких животных. Ваглер нашел в желудке серого варана, которого он анатомировал, кроме двух кремней величиной с каленый орех, 11—12 штук цельной саранчи, два яйца какой-то куриной птицы и хорошо сохранившегося скорпиона величиной в палец. Арабы уверяют, что животное это охотится преимущественно на маленьких

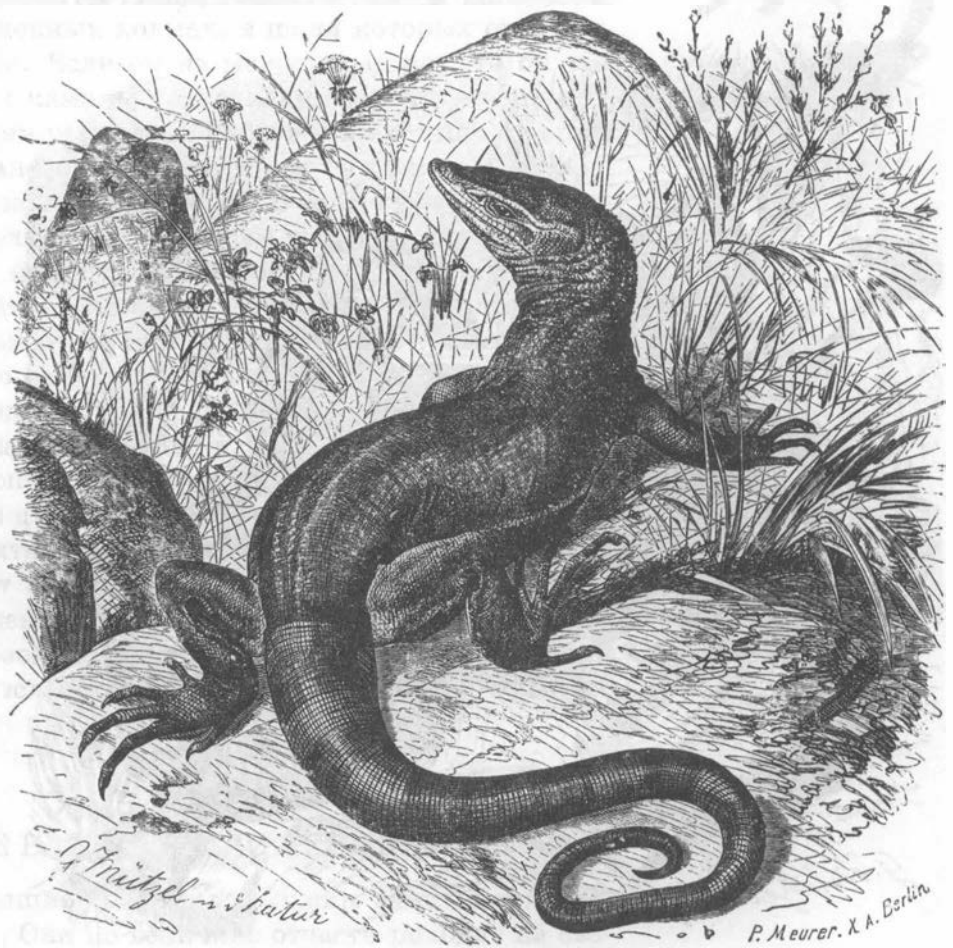

ящериц и змей, но умеет схватывать тушканчиков и птиц и в особенности любит грабить птичьи гнезда.

Вальтер, который познакомился с этим видом в Закаспийской области, говорит, что этот варан там встречается часто и держится по преимуществу в настоящих песчаных пустынях, а в так называемой голодной степи его видишь редко и только недалеко от песчаных мест. «В виде исключения он живет на тех местах в степях, которые находятся вблизи высохших потоков и отличаются тем, что здесь много оврагов, щелей в камнях и пещер в земле, например около Атрека, где он живет в довольно большом числе. На горы серый варан никогда не поднимается. От запада на восток Закаспийской области он более обыкновенен в песке, особенно на дюнах, заросших саксаулом, в восточной части Мервского оазиса. В верхнем течении Мургаба и около Кушки его также часто встречают. Этот вид на пищу неприхотлив и ест всякие животные вещества, которые ему попадаются».

Из трех экземпляров, желудок которых был исследован Вальтером, он нашел в одном длинноногого сцинка (*Eumeces schneideri*), в другом остатки большого таракана, скорпиона, кузнечика и куски птичьего яйца и, наконец, в третьем были найдены одна или две пригоршни гусениц *Deilephila livornica* и *alecto* — «последние представляли особенно грустное зрелище для страстного охотника за бабочками!» Зарудный же находил в желудке серого варана ящериц агам и очень часто детенышей его вида.

На базаре в Каире можно часто видеть заклинателя змей, который показывает горожанам связанного серого варана, как

Серый варан
(*Varanus griseus*)

животное, совершенно им неизвестное; он многословно рассказывает своим слушателям всевозможные басни про эту ящерицу, приписывает ей волшебные качества, подкрепляет все это сильной жестикуляцией и таким образом зарабатывает себе пропитание. Само собой разумеется, что хитрый шарлатан предварительно отпилил зубы варану и обессилил его худым обращением; подобные заклинатели змей, конечно, вовсе не думают о хорошем содержании показываемых ими животных. Варана точно так же, как очковую змею и рогатую гадюку, сначала приводят в

Капский варан
(*Varanus
exanthematicus*)

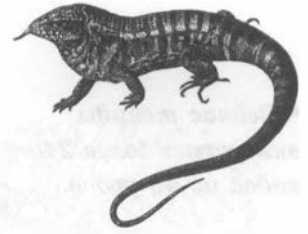
безвредное состояние отпиливанием зубов и затем держат в неволе до тех пор, пока те ее выдерживают. Помещением для них служит кожаный мешок или ящик, наполненный отрубями, откуда их вынимают, когда начинается представление. Животные эти не получают ни еды, ни питья, так как заклинатель считает более выгодным изловить новых животных и их дрессировать, чем уменьшить свой приход тратой на мясо или другой корм. Относительно серого варана заклинатели в некотором отношении правы, так как эти ящерицы очень редко добро-

вольно едят в неволе, и им приходится силой впихивать корм в пасть, причем они часто ранят своего воспитателя. Бедуины считают серого варана, как и других больших ящериц, за дичь, за которой стоит охотиться, так как мясо ее довольно вкусно. Капский варан (*Varanus exanthematicus*), который живет в южной и юго-западной Африке, а в новейшее время был найден Шенком в немецких колониях юго-западной Африки, отличается от полосатого и серого коротким туловищем, короткой мордой, лишь слегка сжатым с боков хвостом с двойным гребнем на верхнем крае и короткими пальцами с очень большими когтями;

у него, кроме того, туловище покрыто маленькими чешуями, и ноздри, имеющие вид косо поставленных щелей, расположены очень близко от глаз. Животное это, вполне выросши, достигает не более 1,3 м длины, имеет серо-бурую окраску с желтыми полосками и пятнами; нижняя сторона тела светлее, горло желтовато-белое, а на хвосте замечаются бурые и желтые колечки.

Смит первый доставил нам некоторые сведения об образе жизни капского варана; Дюмериль и Биброн даже не знали, где он живет. Смит нашел его на севере Капской земли, на крутых утесах или низких каменных холмах, в щели которых он в случае опасности прячется. Если он не может спастись, то он так сильно прицепляется к камням или скалам, что его можно оторвать только с большими усилиями. Взрослое животное, говорят, не может быть оторвано одним человеком даже в том случае, если ему привязать к задней ноге толстую бечевку. «Я видел, — говорит Смит, — что только вдвоем людям удалось оторвать взрослого капского варана, но когда это наконец случилось, то люди вынуждены были бежать, так как животное мгновенно и яростно на них бросилось, угрожая им своими страшными зубами. Когда этого варана убили, то заметили, что он обломал себе кончики всех ногтей, стараясь крепче прицепиться».

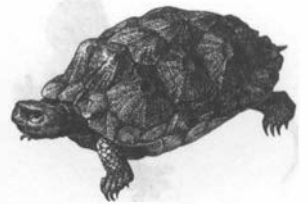
Пища капского варана состоит из насекомых, раков, лягушек, маленьких млекопитающих и тому подобных животных, за которыми он охотится днем. Его нередко встречают вблизи рек, и туземцы поэтому считают их священными животными, думая, что смерть их поведет за собой уменьшение количества воды. Голландские боэры очень боятся этой ящерицы не потому, что она злобна и имеет довольно страшные зубы, а потому, что они считают ее ядовитой; вследствие этого боэры называют ее Adder (гадюка).

СЕМЕЙСТВО

АМЕРИКАНСКИЕ ВАРАНЫ, ИЛИ ТЕЙИДЫ (Teiidae)

В Америке настоящие ящерицы и вараны заменяются американскими варанами. Они по величине отчасти походят на своих родичей Старого Света, сходны с ними и по строению тела, но значительно отличаются от них по устройству черепа, зубами и кожным покровом. Зубы их прикреплены по краям челюстей, никогда не бывают пустыми и наклонены несколько вперед. Чешуйки похожи на чешую ящериц, на голове они превращаются в щитки, которые не срастаются с черепными костями, на животе и хвосте чешуйки расположены поперечными рядами. У большинства их замечаются две поперечные складки кожи на горле; у многих на бедрах находятся железистые поры. Язык длинный, на конце с двумя остриями и покрыт чешуйками, расположенными черепицеобразно или косыми складками кожи; язык нередко

Семейство
американские
вараны

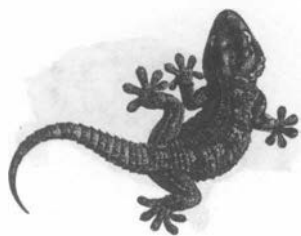
* Сейчас тейиды
включают более 240
видов из 40 родов.

может прятаться в особый чехол. Барабанная перепонка заметна; на глазах есть веки, а височная полость открыта, т. е. не прикрыта костью. По внешнему виду высшие представители этого семейства похожи на наших ящериц, другие несколько напоминают гологлазов (*Ablepharus*), у иных же замечаются только 4 пальца на конечностях. Наконец, встречаются такие виды, у которых конечности совсем недоразвиты или задних конечностей снаружи вовсе не видно; последние напоминают по своему внешнему виду двуходок.

В семействе этом насчитывается 35 родов с 110 видами*, которые живут в теплых странах Америки, причем самые крупные виды, само собой разумеется, встречаются под тропиками. Некоторые из них живут только в жарких песчаных равнинах, другие в высокой траве лугов, третьи — в лесах, а иные ведут полуподземную жизнь. Убежищами им служат естественные или ими самими вырытые углубления в почве, куда они постоянно прячутся от опасности. По образу жизни эти ящерицы отчасти напоминают варанов или мелких ящериц, некоторые же — сцинков и двуходок. Они очень живы и быстры, а крупные виды представляют собой больших хищников, которые ловят не только насекомых, червей и улиток, но даже мелких позвоночных животных; поэтому некоторые из них должны быть причислены к вредным животным. От человека и больших животных они бегут, но если они поставлены в безвыходное положение, то смело защищаются от противника и даже пугают больших собак. Яйца кладут в дуплах деревьев. Некоторые виды, особенно крупные, считаются вкусною дичью, и за ними кое-где регулярно охотятся; более мелких люди не беспокоят.

Ящерицы тегу (*Tupinambis*) отличаются у основания круглым, а начиная с середины, несколько сжатым с боков хвостом, кожа на шее у них складчатая, спина покрыта мелкими одинаковыми чешуйками, брюшные щитки четырехугольные и расположены более, чем в 20 продольных рядов, на нёбе зубов нет, передние зубы с двумя или тремя выемками, коренные зубы у молодых трехконечные, а у старых бугорчатые, язык может быть спрятан в находящийся у его основания чехол.

Самый известный из трех видов этого рода называется в Гвиане тегу (*Tupinambis teguixin*). Это большая ящерица 92 см длины, из которых $\frac{3}{5}$ занимает хвост. Она довольно пестрая: основной цвет ее буровато-черный, несколько впадающий в синеватый, на затылке заметны беловато-желтые, а по сторонам шеи и головы беловатые пятна, расположенные рядами, на спине находятся 9—10 поперечных полос, состоящих из круглых желтых пятен, хвост покрыт неправильно расположенными желтыми пятнами, из которых некоторые образуют ряды; на наружной стороне ног замечаются желтоватые точки, а нижние части их желтовато-красные с разорванными поперечными черными полосками;

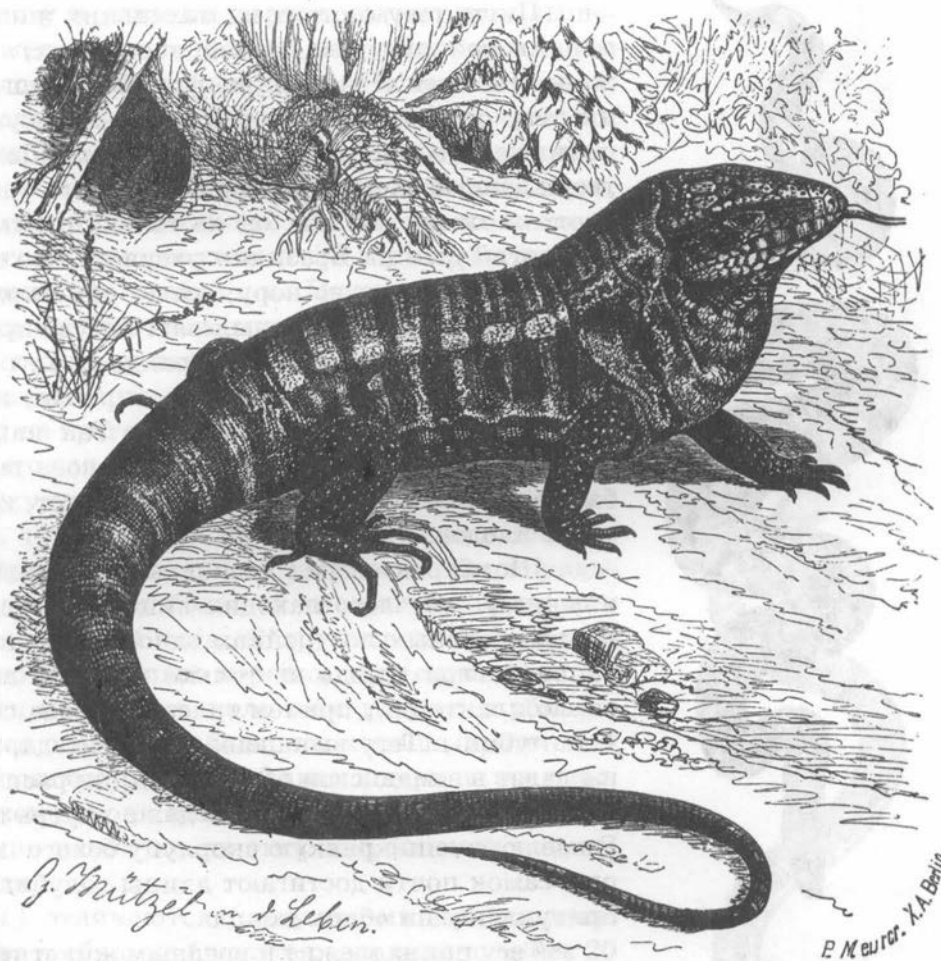
на горле и нижней части шеи находятся желтые полосы, окаймленные черным. Головные щиты также окаймлены черными полосками.

Тегу береговых индейцев, или лагардо португальцев, распространена по большей части Южной Америки от Гвианы до Уругвая; она живет также в Вест-Индии и в большинстве местностей, по-видимому, очень обыкновенна, но чаще встречается на берегу, чем внутри страны. В населенных странах тегу, по словам Шомбургка, держится

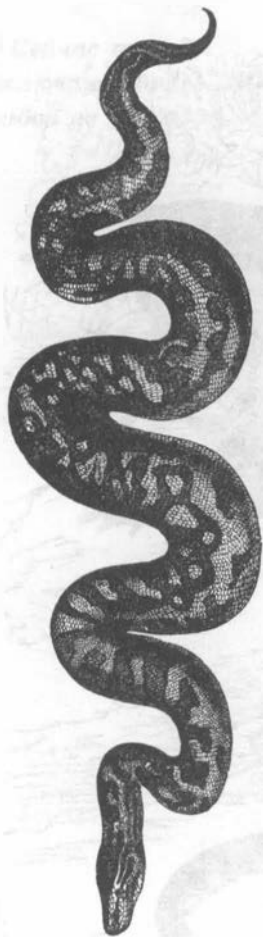
больше всего на сахарных плантациях и в соседних с ними лесах; в Бразилии же, по указаниям принца фон Вида, он предпочитает сухие песчаные и глинистые местности, а также кусты, опушки лесов и даже большие первобытные леса внутри страны. Прежние писатели говорили, что это животное охотно заходит в воду, но принц фон Вид считает это мало вероятным: «Хотя мы часто видали тегу около воды и там охотились за ним, однако я никогда не замечал его в воде; индейцы и ботокуды также меня уверяли, что эта ящерица живет только на

суше и никогда в воду не ходит». Она живет в норе, которую выкапывает себе под корнями деревьев и снабжает очень широким отверстием; в эту нору она прячется, если ее преследуют или если она испугана чем-нибудь необыкновенным. Тегу очень сильное и проворное, но боязливое животное, которое редко позволяет, особенно в населенных местностях, близко подойти к себе, но в случае нужды оно храбро защищается, кусается очень сильно, так что прокусывает даже толстые сапоги, и бьет нападающих на него собак своим сильным мускулистым хвостом. В спокойном

Семейство
американские
вараны

Тегу
(*Tupinambis teguixin*)

состоянии тегу высоко приподнимает голову и потому приобретает своеобразный, но не неприятный вид, причем выражение морды усиливается огненным взглядом его глаз; он бегаёт с быстротой стрелы и в прямом направлении, причем хвост его извивается за ним наподобие змеи. Язык находится в постоянном движении и выбрасывается изо рта даже тогда, когда это вовсе и не нужно. Принц фон Вид никогда не слышал голоса тегу и называет баснями прежнее предположение, что он предупреждает других животных, если приближается какой-либо хищник.

Пища тегу состоит из маленьких живых животных, например, мышей, лягушек, червей, насекомых, а также из яиц и других животных веществ. Принц фон Вид нашел в желудке убитого им тегу остатки мышей и насекомых и узнал, что он, говорят, похищает цыплят на птичьих дворах; Шомбургк и Гензель подтверждают последнее и уверяют, что его с неудовольствием видят около жилищ, так как он не только съедает яйца, но таскает и цыплят. Туземцы Бразилии уверяют, что в холодное время года тегу прячется в свою нору, живет там около 4 месяцев, кормясь собранными плодами, и вылезает оттуда примерно в августе; Гензель заметил, что около Рио-Гранде-де-Сул он зимой действительно прячется и показывается на открытых местах только в случае продолжительной теплой погоды. Так как заметили, что хвост его часто бывает отломан, а затем снова вырастает, то сочинили басню, что тегу зимой съедает свой хвост, когда у него истощится запас плодов.

Шомбургк собрал несколько сведений о размножении этой ящерицы. «Я часто находил яйца, — говорит он, — в больших конусообразных постройках одного вида термитов, которые устраивают свои гнезда не только в лесах, но и на больших пнях около плантаций, причем галереи гнезда спускаются в землю до 1 м глубины. Тегу выкапывает эти гнезда, съедает обитателей их и кладет в землю свои 50—60 яиц; он расширяет входы в гнездо, так что может легко влезть даже внутрь пня». Яйца имеют, по Гензелю, очень крепкую скорлупу белого цвета и у крупных старых самок почти достигают длины голубиных яиц, но они уже и притуплены на обоих концах.

Тегу принадлежит к вредным животным, так как вследствие своей смелости и хищничества приближается к человеческим жилищам и нападает на птичники; его преследуют уже по этой причине, но еще более из-за его вкусного мяса; охотой этой занимаются довольно усердно, отправляются в лес с собаками, особо для этого дрессированными, которые отыскивают ящерицу и загоняют ее в нору, откуда ее вырывают и убивают холодным оружием или из ружья дробью. Для этой охоты нужно иметь довольно крупных и хорошо дрессированных собак, так как только такие и могут справиться с взрослым тегу, а неопытные большей частью пугаются сильных ударов хвоста этой ящерицы и трусливо

отступают. Мясо тегу, если его хорошо приготовить, похоже на мясо цыплят; оно белое, вкусное и потому очень высоко ценится. Его употребляют и как лекарство против укусов змей; особенно полезен для этого, говорят, жир.

Шомбургк держал несколько месяцев тегу в клетке, но приручить его не мог. «Это было злое животное, — говорит он, — сильно кусалось и не могло отучиться от своей дикости. Он ел только мясо и так же часто пил, как ужи, так что каждый день ему приходилось давать воду». Я несколько лет сряду держал у себя этих ящериц и могу в главных чертах подтвердить вышесказанное, однако должен прибавить, что в конце концов в известной степени привязался к своим пленникам. Их смелость и самоуверенность мне нравились. Если заботиться о них правильно, т. е. держать их в тепле и доставлять нужный корм, то они скоро привыкают к клетке, а до известной степени и к воспитателю, однако не позволяют ему ничего такого, что им не нравится, а постоянно сохраняют свою самостоятельность и в случае нужды защищают свое помещение и свой корм. Неловкое и недружелюбное обращение вызывает их гнев: они тогда поднимают голову выше обыкновенного, откидывают ее несколько назад и смотрят на противника сверкающими глазами; тогда их ничем не испугаешь, они скачут на врага, прыгая даже на метр в высоту и так сильно кусаются, что человек должен несколько недель сряду лечить укушенную руку или ногу. Относительно корма они довольно требовательны, так как едят много. Им нужно в течение дня давать 100—200 граммов нежирного коровьего или лошадиного мяса, которое они съедают большей частью зараз, и этого хватает им не более как на 24 часа. С другими экземплярами своего вида они уживаются довольно хорошо, хотя случается, что старый сердитый самец не терпит около себя другого и убивает или сильно ранит более слабого. В больших хорошо протопленных и освещаемых лучами солнца помещениях ящерицы эти даже приступают к размножению; они кладут яйца нередко и в тесной клетке, но, сколько мне известно, из этих яиц никогда еще не вылуплялись детеныши.

Амейвы (*Ameiva*) отличаются следующими признаками: хвост у них круглый без гребня, на брюшке расположено менее 20 продольных рядов гладких щитков, зубы маленькие, конусообразные, сжаты с боков и имеют коронку с двумя или тремя остриями. Язык прячется в чехол. Они в средней и Южной Америке заменяют наших обыкновенных ящериц, в главных чертах похожи на них по образу жизни, и их в Бразилии называют ящерицами.

Самый обыкновенный из известных видов — **амейва гигантская** (*Ameiva ameiva*), ящерица 38—53 см длины, из которых 25—36 см занимает хвост. Спина у нее травянисто-зеленого цвета, на боках замечаются на землистом или буроватом фоне поперечные полосы, состоящие из черных и желтых пятен. У молодых

**Семейство
настоящие
ящерицы**

животных вместо этого рисунка видна широкая черная продольная полоса со светлыми каемками. На брюшке находится 10—12 продольных рядов щитков.

Амейва встречается во всей Южной Америке и распространяется на север до Никарагуа; в большинстве местностей она очень обыкновенна, живет там же, где тегу, и похожа на него по образу жизни, привычкам, пище и размножению: это, как говорит принц фон Вид, тегу в уменьшенном масштабе. Она поселяется под кустами и сухими листьями, между камнями в трещинах скал, в земляных норах, под гнилыми деревьями, но всего охотнее на очень сухих и горячих песчаных или глиняных поверхностях; в Гвиане же часто живет в садах, на плантациях и на открытых лесных прогалинах, доступных лучам солнца. В воду она не ходит также, как и тегу. В случае опасности она как можно скорее бежит к своей норке, а если не может спрятаться, то готовится к защите и больно кусается. От человека она всегда убегает, даже если ее и не преследуют, так что натуралист, который хочет ею завладеть, должен употребить в дело огнестрельное оружие.

**СЕМЕЙСТВО
НАСТОЯЩИЕ ЯЩЕРИЦЫ (Lacertidae)**

Ящерицы, которых мы рассматриваем как прототип всего отряда, представляют собой красиво сложенных животных с вполне развитыми конечностями. Они отличаются вальковато-вытянутым туловищем, ясно отделяющейся от шеи головой, очень длинным, сильно утончающимся к концу хрупким хвостом, четырьмя пятипалыми ногами, видимой снаружи барабанной перепонкой, хорошо развитыми, по большей части свободно двигающимися глазными веками и костистыми, плотно сросшимися своей нижней стороной, многоугольными щитками, покрывающими голову; спину и бока покрывают зернистые чешуйки, никогда не содержащие в себе накожных костей, а брюхо одето четырехугольными продольными и поперечными щитками; зубы у ящериц конические, прямые, на конце слегка выгнутые, пустые внутри и снабженные двумя или тремя остриями; они сидят в выемке верхней и нижней челюстей, присосли к ним с внутренней стороны; межчелюстная кость простая; язык плоский, спереди суживающийся, чешуйчатый, глубоко рассеченный и двухконечный. Помимо того, отличительным признаком являются ясно видимые бедренные поры.

Все ящерицы живут в Старом Свете и уже в Европе распространены во множестве видов. За исключением нашей медяницы, все вообще немецкие ящерицы относятся к этому семейству; в южной Европе к ним присоединяются много других, но особенно богата ими Африка. В восточной Азии живут немногие виды, но зато наиболее прыткие и длиннохвостые, у которых хвост в

четыре, даже в пять раз превосходит длину всего тела. Известных до сих пор 100 видов ящериц разделяют на 17 родов*. Для нашей цели вполне будет достаточно, если мы опишем все водящиеся в Германии виды, присоединив к ним еще два южноевропейских вида.

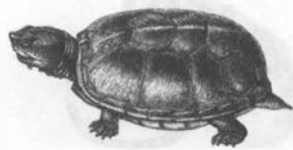
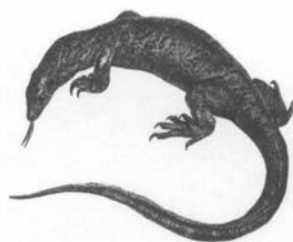
Ящерицы, живущие в Германии, избирают своим местопребыванием обращенные к солнцу холмы, стены, груды камней, пни деревьев, изгороди, плетни и кусты, а равным образом залитые солнцем выгоны и т. п. места; здесь они выкапывают норы или пользуются найденными и редко когда удаляются от центра своего района. «У ящериц есть обыкновение, свойственное и многим другим низшим и высшим животным, — говорит Лейдиг в своем прекрасном сочинении о германских ящерицах, — упорно держаться на том клочке земли, где они впервые увидели свет. Во многих областях, достаточно известных нам вследствие частых экскурсий, приходилось замечать, что ящерицы из года в год держатся в известном округе, не распространяясь по другим местностям, хотя бы, насколько можно судить, одинаково подходящим для них. Перекочевка, стало быть, и у них вызывается только крайней необходимостью, когда, например, местность чересчур переполнена ими».

В теплую погоду ящерицы лежат на вольном воздухе, всего охотнее на солнышке, подстерегая и высматривая своими блестящими глазами всякую добычу, в особенности летающих насекомых; в прохладные же или дождливые дни они сидят, спрятавшись в своих норах. Они в самом полном смысле слова находятся в полной зависимости от солнца и показываются тогда только, когда оно светит на небе, а как только оно скрывается, и они прячутся в норы. Выходя греться на солнце, они выбирают такие места, где более всего греют его лучи и поэтому влезают даже на деревья, на частоколы и т. п., одним словом, куда-нибудь повыше, растягиваются и расплываются там как можно шире, как бы опасаясь утратить хоть один луч живительного света. Чем ярче солнце, тем более поднимается в них дух оживления и бодрости. В утренние и вечерние часы они кажутся ленивыми и в высшей степени смиренными: в полдень же они становятся не только подвижными, но зачастую очень храбрыми, даже задорными. Под осень они большую часть своего времени проводят внутри своих нор, а с наступлением октября в Германии забираются уже в свои зимние логовища, где и проводят всю зиму до наступления весны.

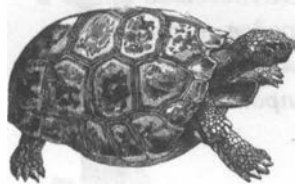
«В очень странном виде предстают эти животные, — говорит Лейдиг, — когда весна застаёт их лишь только вылезшими из своих земляных нор в состоянии крайней неловкости. Даже и при комнатном содержании, если только температура понизится, они тотчас же утрачивают свою подвижность и еле-еле волочат ноги, осторожно и медленно передвигая их одну за другой, тогда как при солнечном свете все движения их приобретают

Семейство настоящие ящерицы

** Со времен Брема количество видов и родов настоящих ящериц увеличилось практически вдвое.*

Семейство настоящие ящерицы

замечательную легкость, и они шныряют всюду, как бы не чувствуя тяжести тела. При довольно высокой температуре в 20° по Цельсию, в комнате и без солнца южные виды становятся не только холодными на ощупь, но и крайне отошталыми, худыми на вид; под влиянием солнечных лучей у них усиливается биение сердца и дыхание и вследствие того, что легкие от этого растягиваются и наполняются воздухом, внешний вид их снова принимает прежние здоровые формы».

Всего охотнее ящерицы любят выходить греться на солнце перед полднем, от 9 до 12 часов; содержащиеся в клетках даже в пасмурные дни около 11 часов утра всегда выходят наружу. «При южном ветре ящерицы уже с раннего утра чувствуют себя быстрыми; в ненастье, перед дождем, они прячутся от света, тогда как наших змей, как известно, такая температура выманивает наружу. Холодная погода действует на ящериц очевидно вредно: так, например, уже Паллас вывел такое наблюдение, что в Крыму после трех холодных лет подряд почти совершенно вывелись таврические, или крымские ящерицы (*Podarcis taurica*), в былые времена крайне многочисленные там». Время их удаления на зимнюю спячку зависит не только от местности, но также и от вида животного, а по мнению Лейдига, даже от пола и возраста: старые самцы исчезают осенью раньше старых самок, а как те, так и другие — раньше молодых ящериц. Весной замечается обратное явление: прежде всего появляются молодые, затем самцы и после всех уже самки. В зимних своих логовищах, где они располагаются большей частью целым обществом, они лежат совершенно оцепенелые, с закрытыми глазами, но с открытым ртом, совсем как мертвые; но как только до них коснется тепло, они тотчас же оживают, начинают шевелиться, дышать, открывать глаза и мало-помалу становятся бодрыми.

Какое замечательное влияние оказывает на ящериц тепло, доказывают те их виды, область распространения которых охватывает относительно большое пространство с севера на юг, и притом очевиднее всех прочих пресмыкающихся, за исключением разве только столь родственных им змей. Один и тот же вид на юге области своего местожительства выказывает себя совершенно иным, чем на севере. Повышающаяся температура поднимает в них жизненную деятельность и вместе с тем способствует внешней красоте; продолжительное лето, затянувшаяся на несколько месяцев дольше жара ограничивает их зимнюю спячку, если таковая вообще наступает, всего несколькими неделями; питание и обмен веществ вследствие этого происходит гораздо правильнее и благоприятнее. Весьма понятным следствием всего этого является большая величина животного: всеми доказано, что ящерицы, живущие на юге, значительно крупнее тех, которые свойственны северу.

Почти все ящерицы существенно способствуют украшению той местности, в которой обитают. В Германии это замечается

конечно, меньше, чем на юге Европы. Здесь они шмыгают и шелестят повсюду; каждая стена, каждая улица, почти каждая дорога оживляется ими, и глаза наши восхищаются в самом деле ослепительным великолепием, когда эти чудно окрашенные, блестящие животные, в избытке жизненных сил, по-видимому играя, гоняются друг за другом. Подобно драгоценной цепочке, по словам Эргардта, извивается в зелени и ветвях смоковниц и кирказона (*Aristolochia*) сверкающее тело зеленой ящерицы, переливаясь медно-бронзово-золотыми металлическими оттенками и оживляя до тех пор столь пустынные и однообразные Киклады; блеск драгоценных камней сверкает также и на чешуйчатом теле других видов, поражая внимание всякого путешественника по югу; испуг, возбужденный сначала в робких сердцах шелестом этих животных, скоро превращается в ощущение довольства и благоволения к ним. Каждый должен отнестись к ним любовно, хотя даже еще не приобрел достаточных сведений относительно их симпатичных привычек и образа жизни.

Все настоящие ящерицы подвижные, резвые, живые и относительно умные животные с тонкими чувствами. Если они не греются на солнце, то охотно шныряют внутри своего района и всегда находят себе какое-нибудь дело. При этом они проявляют свое проворство во всех направлениях. Вообще все виды сходны между собой тем, что бегают чрезвычайно быстро, лазают ловко, а в случае нужды и плавают; но все же степень подвижности различна у разных видов. Каждое движение производится извивами тела, и ему одинаково существенно способствуют как хвост, так и ноги. Ящерицы, лишенные хвоста, теряют равновесие в движениях, а вместе с тем живость и равномерность каждого поворота; кажется даже так, как будто утрата хвоста более стесняет их, чем недостаток одной ноги. Насколько гибки их суставы, настолько же превосходно развиты их чувства. Зрение у них острое, соответственно живым глазам; слух так тонок, что малейший шум уже привлекает их внимание; тонкость своего ощущения они проявляют в своей пристрастии к теплу, а — осязания — в том, что постоянно шевелят языком. Впрочем, язык служит им также настоящим органом вкуса, так как можно заметить, что все сладкие фруктовые соки, мед или сахар, которые любят все без исключения, они сразу умеют отличить от другой пищи; но все же при этом играет роль и их обоняние. В полном соответствии с развитием их внешних чувств стоят и их душевные способности. Это столь же живые и беспокойные, сколько раздражительные и подвижные создания; они постоянно проявляют любопытство и напряжение, забавляются или скучают, по крайней мере, явно зевают, выказывают себя, смотря по обстоятельствам, то пугливыми и робкими, то смелыми и храбрыми, легко впадают в гнев и так же скоро снова успокаиваются; они обращают внимание решительно на все, даже на музыку, к которой прислушиваются с

Семейство
настоящие
ящерицы

*Семейство
настоящие
ящерицы*

удовольствием. По уму они стоят, конечно, нисколько не ниже других пресмыкающихся, напротив, превосходят даже в этом отношении большую их часть. Они ведут себя так умно, как только может пресмыкающееся, правильно распознают вещи, набираются опыта и сообразно с этим меняют свои поступки, скоро свыкаются с изменившимися обстоятельствами и привыкают к созданиям, которых прежде боязливо избегали, например к людям. Лейдиг полагает, что душевные способности ящериц в существенном основываются на унаследованной от предков опытности и приобретенных ими знаниях. Различные состояния, которые приходится переживать той или другой ящерице, многократно повторяющиеся в ее жизни случаи, опыты постепенно собираются родом, «вызывают физические изменения и выражаются у потомства в виде унаследованной осторожности, склонности, навыка, короче говоря — в виде определившихся природных способностей». Я не хочу возражать этому почтенному исследователю, но в то же самое время не могу безусловно согласиться с ним. Вообще, ящерицы одного и того же вида ведут себя в существенном одинаково; все молодые, однако, держатся совершенно иначе, чем старые, и этим доказывают, что каждая набирается опытности только для себя лично. Уроки и пример старых, более толковых ящериц, при реализации приобретенных знаний и понятий имеют, по крайней мере, такое же значение, как и наследственные или природные способности, которые, наверно, безусловно отвергать все-таки нельзя.

Ящерицы — ловкие хищники. Они ревностно преследуют насекомых, дождевых червей, земляных улиток, нападают также на маленьких позвоночных, грабят гнезда и пожирают также яйца пресмыкающихся. Некоторые из них, по наблюдениям Глюкзелига, совершенно пренебрегают мухами, даже как будто побаиваются больших из них, тогда как другие не выказывают подобного страха и так же жадно поглощают больших и маленьких мух, как и других насекомых; пауков они преследуют ревностно для того, чтобы поедать их; голых садовых улиток они хватают с удовольствием, дождевых червей же менее охотно; бабочки, сверчки, кузнечики, жуки и их личинки составляют, по-видимому, любимую пищу ящериц. Но они строго умеют различать различные виды их, если даже они так походят один на другой, что несведущий человек легко может спутать их, и если возможно, то делают из предлагаемой им добычи выбор, оказывающий честь их вкусу и понятливости; так, например, мягкоскорлупных насекомых они всегда предпочтут твердоскорлупным, а некоторыми жуками, по крайней мере в клетках, совершенно пренебрегают. Лакомством, как например мучными червями, их можно так избаловать, что они долгое время не дотронутся до другой пищи. Некоторых насекомых они иногда едят, по-видимому, без всякого колебания, одно за другим, иногда же упорно оставляют лежать нетронутыми.

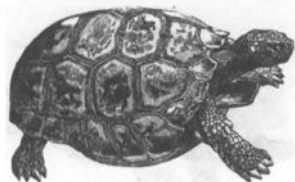
Все, что они получают в пищу, должно быть в живом состоянии, так как до мертвых насекомых они не дотрагиваются, если только их не подсунуть им обманом, т. е. не двигать ими искусственным образом перед ручными ящерицами. В неволе большинство видов привыкают к сырому мясу, муравьиным куколкам, а некоторые также и к плодам, но и в этом случае всегда предпочитают живую пищу всякой другой.

Они схватывают свою жертву внезапно, зачастую прыжками издали, сдавливают ее зубами и затем медленно проглатывают. Крупных насекомых они трясут во рту до тех пор, пока те не перестанут шевелиться, затем вываливают изо рта, рассматривают и опять хватают. Бабочек они ловят на лету и одним укусом отгрызают у них крылья, которые падают зачастую справа и слева и, сметаемые ветром в большие кучи, возбуждают внимание путешественников. Проглатывание крупного насекомого причиняет, по-видимому, маленьким видам ящериц много труда: они до тех пор ворочают насекомое во рту, пока его голова не ляжет вперед, и тогда медленно проглатывают его. Если это удастся, то с видимым удовольствием облизывают рыло. Настоящими пресмыкающимися они выказывают себя тем, что беспощадно преследуют собственных детенышей, которых, в случае если удастся поймать, без дальнейших околичностей умерщвляют и пожирают. В жаркие солнечные дни они пьют очень много, медленными, но частыми погружениями языка в жидкость. Мед и сахар они лижут с жадностью и видимым наслаждением; сладкий фруктовый сок им тоже очень нравится, поэтому думаю, что и на свободе они, по всей вероятности, не пренебрегают плодами.

Каждый катышек помета состоит, по исследованиям Лейдига, из двух, резко отделяющихся одна от другой частей: большая представляет собой продолговатую массу, в свежем виде буркокофейного цвета; это и есть собственно кал; меньшая часть, образующаяся из мочи, является в виде белой, как мел, известковой кашицы. Помет всех видов немецких ящериц существенно не отличается; может встретиться разве только маленькое различие в форме катышков. Таким образом, и в этом отношении пресмыкающиеся приближаются к птицам. Вскоре после пробуждения от зимней спячки, весной, возбуждаются любовные похоти и пары начинают сходиться. Самец большей частью всегда крупнее самки и ярче окрашен. Половое стремление проявляется у них чрезвычайно бурно, так как самец, под влиянием любовных похотей, становится крайне сварливым: сильнейший свирепо преследует слабейшего, он высоко приподнимается на своих вытянутых ногах и злобно наступает с опущенной головой на противника, который некоторое время всматривается в своего врага и, убедившись в его силе, ищет спасение в бегстве. Атакующий во весь дух преследует беглеца и иногда до того озлобляется, что кусает даже подвернувшуюся на дороге самку. Если ему удастся догнать

**Семейство
настоящие
ящерицы**

** На Кавказе обитает группа ящериц, имеющая крайне специфичную генетическую структуру популяции, особи которой размножаются без участия самцов (партеногенетически). Это явление, характерное для кавказских скальных ящериц (в пределах рода *Lacerta*), было впервые установлено отечественным герпетологом И. С. Даревским. Такие формы организмов называются партеновидами и возникают при гибридогенном видообразовании. У гибридных форм нарушается нормальный ход процес-*

беглеца, то он пытается схватить его за хвост: отсюда-то и происходят те увечья, которые так часто приходится наблюдать у ящериц. Уложив соперника на поле брани, самец, по наблюдениям Глюкзелига, приближается к самке в высоко приподнятом положении с выгнутым дугой у основания хвостом обходит ее кругом и, видя, что самка, извиваясь и трепетно шевелясь, проявляет ему свое сочувствие, делается еще более смелым. Он схватывает самку ртом выше задних ног и таким образом довольно сильно сдавливает ее тело, затем приподнимает и переворачивает ее, крепко сжимая, выворачивает клоаку, закидывает одну ногу через ее спину и прикладывает свои половые органы к половым частям самки. Оба в продолжение трех минут остаются неподвижными, затем самец разевает челюсть и выпускает самку, которая быстро удаляется. Спаривание совершается по нескольку раз в течение дня; самец спаривается с несколькими самками, а самка, в свою очередь, с несколькими самцами. При спаривании, которое может продолжаться полчаса, согласно наблюдениям Мортенсена, выдвигается и действует всегда только один из мужских половых органов*. Приблизительно недели через 4 после первого спаривания самка кладет, по наблюдениям Чуди — обыкновенно ночью, 6—12 продолговато-округлых яиц, величиной с боб, грязно-белого цвета; место кладки зависит от расположения местности, так как яйца ящериц находят не только на солнечном припеке в песке или между камнями, но также и во мху, и в кучах крупных черных муравьев, которые не трогают их, и в тому подобных местах. Для развития яиц необходима сырость; в сухом воздухе яйца очень скоро высыхают. Молодые вылупляются среди лета, и с самого рождения так же подвижны, как и взрослые; они сбрасывают с себя кожу в начале осени и тогда же подыскивают себе подходящее убежище для зимней спячки.

Взрослые ящерицы линяют в течение лета несколько раз в неопределенное время, тем чаще, чем сильнее, крупнее и тучнее экземпляр. Старая кожа отделяется лоскутьями и удаляется посредством трения о камни, коренья, траву и т. п. У слабых животных и в холодную погоду сбрасывание кожи занимает зачастую восемь дней, у здоровых и сильных особей оно заканчивается обыкновенно в два дня.

Наши безвредные ящерицы страдают не только от холодов, но также и от многочисленных ловких врагов. Все раньше уже поименованные хищные животные беспрестанно угрожают им: отсюда и проистекает их осторожность и пугливость. Панический страх наводят на них змеи: едва завидев их, они изо всех сил спешат убежать, а если это не представляется возможным, то остаются неподвижно стоять на том же месте с закрытыми глазами, как бы оцепенев от ужаса. Впрочем, они имеют полное основание бояться этих родичей своих, так как некоторые виды змей охотятся почти исключительно за ящерицами, которых ядовитые

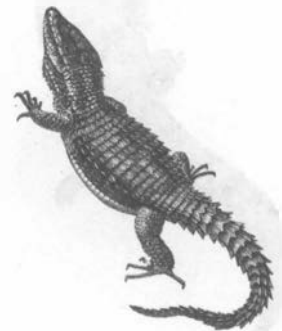
зубы гадюк и других родственных змей убивают так же быстро, как и теплокровных животных. Ящерицы умеют очень точно различать разных змей. Пленные ящерицы, содержащиеся у Лейдига, держали себя осторожно по отношению медянок, тогда как клетчатые ужи их ничуть не беспокоили.

Живучесть ящерицы вовсе не так велика, как других пресмыкающихся. Отсеченная голова умирает в несколько мгновений, а движения туловища после обезглавливания или отнятия какого-либо члена основываются, очевидно, не на самостоятельности нервной системы и ее независимости от мозга, а на отличительном свойстве самих нервов. Животные яды быстро и наверняка убивают самую сильную ящерицу: выделение слизистой железы жабы умерщвляет ящерицу очень скоро. Минеральные и растительные яды действуют на них медленнее; так, например, для умерщвления кошки достаточно двадцатой части той дозы синильной кислоты, которая необходима для ящерицы. Из растительных ядов всего, по-видимому, губительнее и быстрее действует на них никотин: засунутая в рот щепотка табака или несколько капель табачного сока убивают их очень быстро.

Пленные ящерицы доставляют немалое удовольствие и поэтому находят себе много любителей и любительниц. Если взяться за дело как следует, то их можно наловить какое угодно количество; не умеючи же придется бесполезно промучиться целый день и недостать ни одной, так как ловля этих зорких животных оказывается делом вовсе не легким. наших ящериц с хрупким хвостом всего легче удастся добыть неповрежденными посредством узких сачков с длинными ручками. От такого орудия ловли они не так легко ускользают, как от протянутой руки, и всего лучше, поймав ящерицу, из сачка переложить ее в легкий холщовый мешок, в котором легче всего донести ее домой в целости. Отведенная для них клетка должна быть частично выложена мхом и иметь удобные норки; но прежде и главное всего следует позаботиться о том, чтобы она стояла на солнце или искусственно согревалась, потому что тепло столь же необходимо ящерицам, как вода и обильная пища. Пока они оживленны и бодры, значит они здоровы; но когда они начнут добрую половину дня проводить лежа неподвижно на одном месте с закрытыми веками, то им, очевидно, чего-нибудь не хватает — или удовлетворительной пищи, или тепла, и если в таких случаях тотчас же не принять соответственных мер, то животное быстро умирает. Кто с ними много занимается, тот уже через несколько дней приобретает если не их благосклонность, то во всяком случае доверие. Вначале они при появлении человека боязливо убегают в самый скрытый уголок, потом начинают с любопытством поглядывать оттуда, высунув головку и, наконец, впоследствии привыкают до того, что не только не убегают, но позволяют себя трогать и гладить рукой, и ловко и грациозно берут предлагаемую им пищу

Семейство настоящие ящерицы

сов мейоза при образовании половых клеток, и становится невозможным нормальное половое размножение. Выживание таких форм определяется их способностью к партеногенезу. Возможно, партеновиды имеют некоторые преимущества перед родственными двуполовыми видами в неблагоприятных условиях, где низкая плотность популяций затрудняет возможность контактов и спаривания разнополых особей. Известно, что однополые виды *L. unisexualis* и *L. rostrombecivi* существуют на территории современной Армении примерно 5—7 тысяч лет.

Семейство
настоящие
ящерицы

прямо из пальцев. Случается, конечно, что некоторые экземпляры, именно пойманные старыми, никогда не приручаются. Чрезвычайно забавно смотреть на них, когда на несколько ящериц достанется всего один червяк: каждая из них старается тогда стянуть добычу у другой, при этом они хватают червяка с разных сторон и дергают его туда и сюда до тех пор, пока он не разорвется или не исчезнет в том или другом рте. Глюкзелиг утверждает, что они даже способны доходить до задора. «Мой большой самец, — говорит он, — несмотря на свою прирученность, очень легко приходит в раздражение, если кончиком пальца щелкнуть его по темени; он тогда не убегает, а храбро готовится к обороне, забавным образом ударяет задней ногой по руке и старается укусить; после такого возбуждения долгое время потом расхаживает по своей клетке и задирает своих сожителей». С последними так называемые невинные ящерицы далеко не всегда обходятся дружелюбно, но зачастую крайне задорно, сварливо и по разбойничьи.

О далматской *Lacerta mosorensis*, ближайшем родиче стеной ящерицы, Шрейбер сообщает: «Она вовсе не требует рачительного ухода и у меня в Герце держится без особенного призора уже третью зиму в нетопленном помещении. В самое короткое время животные становятся до того смиренными и доверчивыми, что их прирученность граничит уже с назойливостью и они доставляют воспитателю поистине большую радость. Ящерицы не только принимают теперь всевозможную пищу, поедая ее прямо с руки, но я не могу приподнять крышку с их клетки без того, чтобы та или другая из них тотчас же не вскочила мне на руку; она то остается сидеть на руке, то принимается лазать по мне, принимая и поедая предлагаемую ей пищу. Это в самом деле настоящие назойливые попрошайки, которые достигают некоторой степени короткого знакомства и дружбы с человеком. Что вовсе уж не так часто встречается у пресмыкающихся».

В настоящее время нам приходится ограничиться признанием только той пользы за ящерицами, что они ловят и истребляют всевозможных вредных мелких животных; в прежние же времена из них умели извлекать и другую пользу: «Если, — пишет старый Геснер, — ствол яблони обмазать желчью зеленой ящерицы, то яблоки на этом дереве не станут портиться или точиться червями. У африканцев мясо этого животного считается съедобным; особенно оно полезно для тех, кто страдает ломотой в бедрах или в пояснице. Если мясо этого животного разрезать и сырым или вареным дать съесть ястребу или соколу или натереть им эту птицу, то она вскоре изменит свое оперение. Если это животное без головы и ног сварить в вине и затем каждое утро принимать такое вино по полному бокалу, то самые изнуренные и чахлые больные поправляются. Если в стеклянный сосуд положить мясо, кровь или золу этого животного или же заключить его самого и туда же опустить несколько железных, серебряных

или золотых колец и продержат все это в продолжение девяти дней, после чего ящерицу выпустить из сосуда, то кольца, носимые на пальцах, служат необыкновенным целебным средством против гноения, красноты и воспаления глаз. Нужно семь таких зеленых ящериц (или наших обыкновенных, но тоже зеленых ящериц) бросить в сосуд, заключающий в себе один фунт обыкновенного масла и, закупорив, дать им задохнуться, продержать сосуд с маслом трое суток на солнце; тогда таким маслом можно мазать красные и гноящиеся глаза, после чего они становятся ясными и чистыми. Некоторые варят это животное в масле и употребление такого масла способствует тому, что вырванные с корнем волосы больше не будут расти: подобное же действие производит и желчь этого животного, если ею настоять на солнце белое вино до густоты киселеобразной жидкости».

После вышеприведенного общего описания ящериц вообще я думаю ограничиться отдельным описанием лишь немногих видов. Прежде всего, следует упомянуть о **настоящих ящерицах** (*Lacerta*), так как к ним причисляются все немецкие виды. Отличительные признаки этого рода, включающего 23 вида, живущих в Европе, в северной и западной Азии, в северной Африке, севернее экватора и на островах Атлантического океана, — следующие: более или менее стройное туловище вальковато или немного сжато от верха к низу; пирамидальная голова имеет отвесные боковые стенки, спереди более или менее круто суживающиеся; шея, длиной почти с голову, выделяется не особенно ясно; хвост, всегда превосходящий длину туловища, в виде длинного конуса, зачастую очень длинный, тонкий и острый. Покров тела на голове и брюхе образуют щитки, на туловище маленькие чешуйки, расположенные в виде колец, а на хвосте — более крупные мутовчатые; на нижней же части шеи — особенно большие чешуйки, соединяющиеся в кольцо вокруг шеи. Пять пальцев различной длины, снабжены серповидными, сжатыми с боков когтями, с желобком на нижней стороне, и не имеют ни бахромы по сторонам, ни выпуклых килей на нижней поверхности.

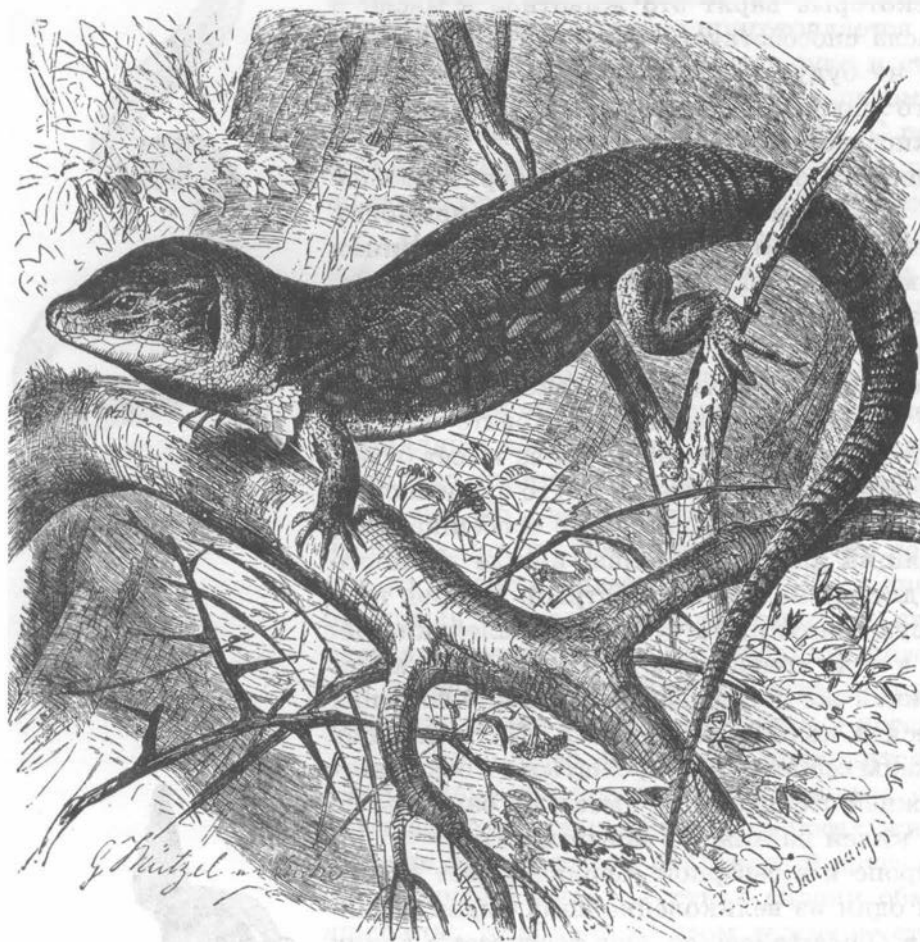
В юго-западной Европе и в северной Африке живет самый крупный и вместе с тем один из великолепнейших видов семейства, **глазчатая ящерица** (*Lacerta lepida*). Она достигает в длину от 41 до 61 см и считается одним из самых красивых видов всего отряда. Чешуйки у нее поразительно малы, гораздо меньше, чем у всех остальных родичей; вокруг тела насчитывают не меньше 70 чешуек, из которых 8 или 10 должны считаться брюшными щитками. Верхняя часть головы покрыта большими щитками, между которыми особенно отличается своей шириной затылочный щиток; окраска этой ящерицы буроватая, по сторонам головы — зеленая; спина по темному фону так плотно усеяна зелеными или желтоватыми запутанными линиями, что в некоторых местах светлая окраска преобладает; кроме того, каждая сторона

Семейство
настоящие
ящерицы

испещрена приблизительно 25 синими пятнами с черной опушкой (глазками); нижняя часть тела равномерного светлого желто-зеленого цвета; все остальные части более или менее ярко-зеленые или зелено-серые. Молоденькие ящерицы отличаются от старых более мрачной оливково-бурой окраской и многочисленными белыми или голубоватыми с черной каемкой глазками по бокам тела.

Глазчатая ящерица живет на Пиренейском полуострове, но распространяется также и в южной Франции и на северо-запад-

Глазчатая ящерица
(*Lacerta lepida*)

ных берегах Италии, именно до границы произрастания оливкового дерева. В южной и средней Испании она часто встречается повсюду. В Алжире и Тунисе она замещается другой, меньшей и более зеленой разновидностью (*var. pater*), у которой насчитывается только восемь брюшных щитков. Мне приходилось часто наблюдать этот вид. Обыкновенно эту ящерицу можно видеть вблизи дуплистого дерева, нередко на некоторой высоте над землей и даже лазающей по ветвям. При появлении человека она быстро убегает в свое дупло, исчезает в нем, свертывается там и высовывает в проход только голову, чтобы видеть, что будет происходить дальше. Пока она в силах бегать, то постоянно спасается, но только не от собак и не от кошек; против этих животных она храбро обороняется, прыгает им навстречу и больно кусается прямо в морду или в переднюю часть шеи, таким образом постоянно прогоняя их. Если она случайно очутится отрезанной от своей норки, то карабкается на одно из ближайших деревьев, поспешно влезая по косым сучьям, и там выжидает, высматривая и прислушиваясь, будут ли ее преследовать. Если это случится, то она сильным

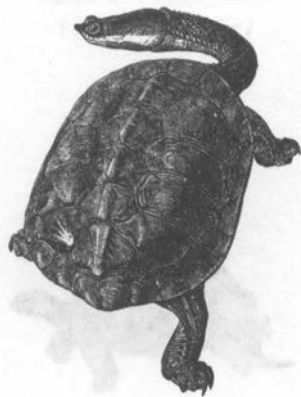
прыжком соскакивает сверху прямо на землю и все-таки спешит укрыться в какой-нибудь норе. Если она спрячется под камнем, и камень этот поднимут, то она старается прижаться вплотную к земле и тогда ее очень легко схватить. Но это следует делать ловко, так как она кусается и очень больно, а также пускает при защите в ход и свои острые когти. Больших глазчатых ящериц, бегающих на свободе, я не советовал бы вообще брать руками; не малого труда стоит обороняться от них, когда они, озлобившись, больно укусят за икру или за сапог.

Пища глазчатой ящерицы более или менее та же, что и у наших немецких видов; соответственно своей силе она со страстью охотится за относительно крупными животными, в особенности за другими ящерицами, молодыми змеями и мышами; вместе с тем она ест также виноград, свежие винные ягоды и другие сладкие плоды. «Заметив добычу, — говорит Шинц, — она подстерегает ее, пристально уставив прямо на нее свои сверкающие глаза, и затем наскокивает с большой быстротой, схватывает ее зубами, несколько раз сильно трясет головой и тогда уже медленно пропускает в рот пойманное и прищемленное животное. Проглотив добычу, она с большим удовольствием облизывает морду языком подобно кошке, поевшей молока». Дюжес наблюдал, что эта ящерица ест также птиц и пресмыкающихся, даже своего же вида.

В период спаривания как в неволе, так и на свободе, самцы ожесточенно дерутся друг с другом и укусы свои направляют преимущественно на хвост соперника. 6—10 яиц кладутся обыкновенно в рыхлую древесину оливкового дерева.

Шинц сообщает, что в Бернский ботанический сад было пущено несколько живых глазчатых ящериц с намерением акклиматизировать их там. Для жительства им отвели подходящий холмик. Во время жарких летних дней они выглядели такими же оживленными, как и на своей родине, в холодные дни становились вялыми и равнодушными, а с наступлением холодной осенней погоды совсем перестали показываться. Зимой они не смогли пережить. Подобный исход был почти очевиден. Хотя зима в северо-испанских горах и даже в средней Испании немного уступает нашей по продолжительности, зато она значительно превосходит ее по мягкости.

Во время нашего пребывания в Испании мы, т. е. мой брат Рейнгольд и я, очень часто ловили глазчатых ящериц, но никогда не могли наблюдать их в клетках, так как женский персонал нашего дома приходил в сильное возмущение каждый раз, когда мы приносили такую ящерицу с нашей охотничьей прогулки, и постоянно либо тайком выпускали животное, либо убивали его. Хотя впоследствии и мне часто приходилось ухаживать за глазчатыми ящерицами, но все же в описании этого животного я предпочту уступить место Либе, так как не в состоянии дать такого

*Семейство
настоящие
ящерицы*

прекрасного описания их жизни в неволе, какое составил этот исследователь.

«Она очень скоро освоилась с моей комнатой, но была неслосна тем, что любила лазать по занавескам, нижний край которых доставала прыжком. Вообще она, среди бега, охотно делала прыжки без всякой видимой к этому надобности. Добычу свою она схватывала с наскака только тогда, когда та могла легко ускользнуть от нее; к ползающим насекомым она приближалась медленно и схватывала их быстрым боковым движением головы. Если кто-нибудь становился ей в это время на дороге, она зачастую так озлоблялась, что кусала за носок сапога или за брюки. Прикосновение воды к ее телу вызывало в ней ужас, хотя брошенная в воду, она ловко выплывала, чем и отличалась от обыкновенной ящерицы. Обрызгивание водой нагоняло на нее такой страх, что она делала тщетные попытки вскарабкаться на ближайшую пригодную стену. Несмотря на это, она все-таки воду пила, причем осторожно погружала кончик рыльца в жидкость и вбирала ее в себя, по-видимому, при помощи языка. Молоко она тоже скоро выучилась пить. Солнце ей было необыкновенно приятно: тучка, набежавшая на небо, могла принудить ящерицу запрятаться в мох и листья. Большого затруднения стоило мне вначале доставлять ей подходящую пищу. Она ела мучных червей, майских жуков, личинки их и т. п., но никогда не ела много зараз, в особенности майские жуки ей очень скоро приедались. Дождевых червей, улиток, головастиков и лягушек она не брала даже во время сильной голодухи. Один только раз я добился того, что она съела молодого мышонка, но больше никогда это не повторялось. Зато любимым ее кушаньем были все виды прямокрылых, в особенности большие кузнечики. Она хватала их постоянно за середину, кивком головы поворачивала их так, что длинные задние ноги ложились вперед, и тогда уже проглатывала, причем зачастую выскользнувшие голени выбрасывала на землю ловким поворотом головы. Самым большим лакомством для нее все же были пресмыкающиеся, собственные родичи, обыкновенные ящерицы, веретеницы, кольчатые и гладкие ужи. К сожалению, я не мог получить для опыта ни одной обыкновенной гадюки. Все эти животные впивались зубами, как только были схвачены, в челюсти или шею ящерицы, но она их ударяла о землю и таким образом оглушала. При этом подбрасывании веретеницы обыкновенно разрывались на куски, и ящерица подбирала их только тогда, когда они еще немного шевелились. Когда наступила зима, мне было очень трудно доставлять ящерице удовлетворительную пищу; но всего более опасны для нее были, очевидно, ночные холода. Она стала вялой, тощей, утратила аппетит и наконец впала в почти летаргическое состояние; это вовсе не было зимней спячкой, так как теплота не приносила

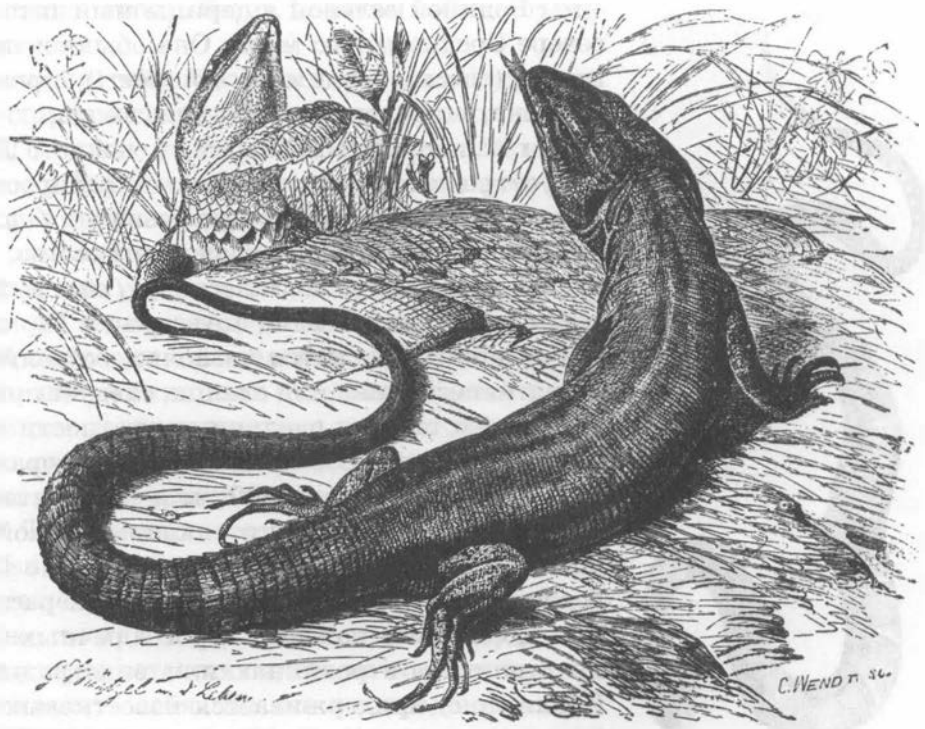

уже никакого улучшения. Продержавшись в подобном состоянии 6 недель, она в конце зимы умерла. Я ухаживал за этой ящерицей почти целый год».

Благодаря своей способности к защите, глазчатой ящерице приходится страдать от меньшего количества врагов, чем ее более мелким родичам. Опаснейшими их врагами остаются хищные птицы, именно крачуны и сарыч, к которым присоединяется еще и ворон. Испанцы считают глазчатую ящерицу ядовитой, боятся ее просто до смешного и вследствие этого убивают ее чаще, чем это было бы желательно.

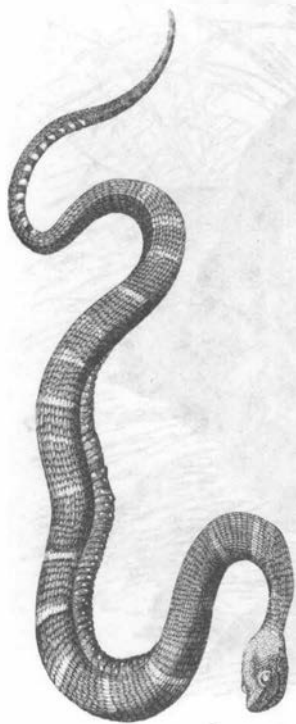
Из живущих в Германии видов превосходит всех своей величиной и красотой **зеленая ящерица** (*Lacerta viridis*). Она достигает в Германии 30,

а на юге 43 см в длину, из которых не более $\frac{1}{3}$ приходится на голову и туловище; вследствие длинного хвоста она кажется очень тонкой, на самом же деле туловище ее довольно толстое. Щитковый покров головы отличается тем, что позади носового отверстия лежат обыкновенно прямо друг за другом два маленьких щитка; затылочный щиток треугольный, но очень маленький, а височная область покрыта неправильными щитками и чешуйками; покров тела характеризуется тем, что брюшные щитки расположены в шесть долевых рядов, а щитки ошейника зазубрены. Носовое отверстие стоит в соприкосновении с рыльцевым щитком; лапки у самок и молодых всегда длиннее головы. В межчелюстной кости помещаются 9—10 зубов, в верхней челюсти с каждой стороны 19—20, в нижней же 23—24, а в крыловидной кости с каждой стороны 8 больших и несколько мелких зубов. Самец отличается от самки более длинной и высокой головой, вздутым основанием хвоста, более сильными задними ногами и большей частью также более значительной величиной. Окраска его яркая, зачастую даже блестящая зеленая с различными оттенками, начиная от синевато-зеленого, изумрудного и

Зеленая ящерица
(*Lacerta viridis*)

Семейство
настоящие
ящерицы

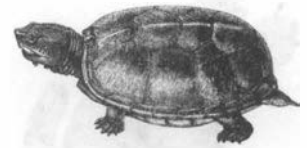
до светло-зеленого, который на нижней стороне тела переходит в зеленовато-желтый. Верхняя сторона украшена черными точками, которые на голове кое-где увеличиваются до пятен, тогда как нижняя сторона, за исключением зачастую синевато окрашенных горла и нижней челюсти, постоянно одноцветная. Самка нередко походит на самца, тоже имеет синее горло; обыкновенно же красивый покров ее тела более или менее с буроватым отливом и украшен по сторонам желтоватыми с черной каемкой пятнами, расположенными долевыми рядами. У молодых ящериц преобладающая окраска кожи бурого цвета с одним или двумя желтыми боковыми полосами. Влияние возраста и места родины не особенно существенно сказывается на обоих полах, но южные экземпляры, в особенности далматские, всегда красивее окрашены, чем северные.

Родиной зеленой ящерицы мы считаем страны на востоке и севере Средиземного моря. Она обыкновенна в Португалии и Испании (здесь в виде *var. schreiberi*), проникает во Францию до Парижа, встречается в Италии, за исключение Сардинии, в южной и западной Швейцарии, в южном Тироле, на Балканском полуострове считается одним из распространеннейших видов и достигает здесь наибольшего развития (*var. major*), населяет также Дунайские области и южную Россию, Персию и Кавказ, Малую Азию, Сирию и Палестину (*var. strigata*); отдельными экземплярами встречается в Австрии и Германии. Имея в виду, что эти ящерицы держатся на почве, состоящей их твердого камня, извести, песчаника или сланца, следует признать, что местопребыванием им служат различные местности одинаково, как на равнинах, так и на возвышенностях и в горах. Начиная от морского берега до высоты в 1 000 м, а в Эггентале еще выше, зеленую ящерицу встречали решительно на всякой высоте. Где она обыкновенна, там попадаетея всюду: так, по Гредлеру, в Тироле она держится на скалах или каменных раскаленных солнцем местах вдоль улиц, полевых дорог и речных берегов, в предгорьях и кустарниках, в равнинах или виноградниках; по Бедряге — в Италии она придерживается известковых гор, поросших кое-где низкими тернистыми кустарниками; по Эберу — в скалистой Далмации попадаетея решительно всюду. «Одна парочка зеленых ящериц, — говорит Бедряга, — приютилась в группе кустарников. Животные греются на солнце постоянно в некотором отдалении от своего ночного убежища, для того чтобы даже незначительная тень от кустов не застилала им солнце; они растягиваются на каком-нибудь камне во всю длину своего тела и их яркая окраска резко выделяется на фоне скалы». Зеленая ящерица довольно охотно взбирается также на кусты, чтобы прогреться там на солнышке, а также и на деревья, чтобы пользоваться большей безопасностью. В южной Франции она живет, по словам Фишера, по берегам почти всех водных бассейнов она плавает и ныряет превосходно.

Движения зеленой ящерицы прекрасны как по своей быстроте и ловкости, так и по красоте и грации. «Подобно молнии пересекает она дорогу», — воспевают Данте; «при скачке, — говорит Лейдиг, — она, подобно стреле, перелетает с вытянутым хвостом в прямом направлении довольно большое расстояние и часто даже дальше цели». При преследовании, по Эрберу, она ищет спасения на деревьях. Если ее и здесь еще побеспокоят, она бросается зачастую громадным прыжком на землю и ускользает под камни или в земляную нору. «Какое важное значение для поспешного, прямолинейного движения имеет ее хвост, — замечает Лейдиг, — можно убедиться тогда, когда мы случайно встретим ящериц с изувеченными хвостами. Хотя такие животные и пускаются тоже в бегство, но они неспособны уже к быстрым, подобно стреле, движениям, а просто бегут, помогая себе частыми и быстрыми извивами тела».

Всеми своими прочими способностями зеленая ящерица нисколько не уступает другим своим сородичам. Она столь же пуглива, как и проворна, столь же умна, как и подвижна. Если, по словам Лейдига, старого, в большинстве случаев живущего одиноко, самца, несколько раз сряду потревожить, не поймав его, то после этого греющееся на солнце животное всегда заранее убежит в свою нору прежде, чем удастся подойти к нему близко. При этом замечательно, что зеленая ящерица отлично различает и понимает, когда к ней подходит с тяжелой ношей крестьянин; тогда, не изменяя своего положения, она дает ему пройти мимо себя, между тем как, увидев горожанина, она удаляется уже заблаговременно. В неволе она почти ежедневно дает доказательства своей понятливости; она, безусловно, причисляется к умнейшим видам своего рода. Только когда после неоднократных преследований она спрячется под неплотно лежащим камнем, и тот будет приподнят, она уже не ищет спасения в бегстве, а отдается в руки судьбы; точно также иногда случается, что после неудачного выстрела в нее, она в испуге остается сидеть на том же месте и тогда позволяет легко схватить себя. Но все же продолжает защищаться укусами, которые, конечно, не могут причинить пальцам никакого вреда. Совершенно иначе поступает она когда задевает ссору со своими родичами. Будучи общительной, как все ящерицы, она живет с себе подобными довольно мирно, по крайней мере там, где встречается часто; но все же дает чувствовать свое превосходство более слабым видам, а иногда даже нападает на молодых животных своего вида.

Ее обычная пища состоит из больших, проворно движущихся насекомых, их личинок, из улиток и червей; осенью она живет зачастую исключительно кузнечиками, но пожирает также, не задумываясь, маленьких ящериц, по крайней мере, по наблюдениям Симона, поступает так в неволе. Чтобы проглотить такую крупную добычу, как обыкновенная стенная ящерица, она, по словам

Симона, хватая ее за середину туловища, жуя, несколько раз переваливает ее во рту с головы до хвоста, придавливая и, наконец, проглатывает, не выпуская изо рта, с поразительной для ящерицы легкостью. О прожорливости ее свидетельствуют данные Эрбера, который высчитал определенное количество насекомых, съеденных как ей, так и другим, воспитывавшимся у него пресмыкающимся: одна зеленая ящерица съела с февраля по ноябрь месяц более 3 000 штук больших насекомых, из 2 040 одних только мучных червей.

Южнее Альп зеленая ящерица удаляется на зимнюю спячку в ноябре, в Германии же — почти на целый месяц раньше; на юге Греции и Испании она в некоторые зимы остается почти все время в деятельности. В Германии она погружается в зимнюю спячку до самого апреля; в южном же Тироле показывается уже в марте. В мае или июне величавые самцы, в полной красе своего брачного наряда, уже вступают в ожесточенную борьбу с соперниками; эти последние не менее их возбуждены и при этом тот или другой из них откусывает своему противнику его главное украшение — хвост. Около этого же времени происходит и спаривание; месяцем позже, в Швейцарии или в Германии редко раньше июня, самка кладет в соответственном месте 8—11 яиц (североафриканский вид 15—22), величиной с боб и такой же формы, грязно-белого цвета; приблизительно еще через месяц, стало быть, в июле вылупляются молодые, которые вскоре же начинают вести себя так же, как и взрослые.

Бетхер, описывающий жизнь немецких особей зеленой ящерицы, указывает прежде всего на то, что и у самки в период полового возбуждения горло украшается светло-синим цветом. Весеннее линяние наступает 15 апреля, а 15 июня начинается вторичная линька. Германские виды с большим удовольствием едят дождевых червей, которых хватают всегда с конца туловища и жуют, хрустя зубами вследствие приставших на них песчинок. Очень крупные черви, неудобные для еды целиком, перегрызаются, после чего делается маленькая пауза и затем уже берется остальное и пережевывается. Дождевых червей наши ящерицы умеют распознавать с ранней юности очень хорошо и моментально подхватывают их прежде другой предложенной пищи. Были сделаны попытки перемены корма, но они охотно едят еще только жуков и больших пауков. Поевши, они трутся краями челюсти о камень, чтобы чистоплотно удалить приставшие кусочки, песчинки или оставшуюся после червей слизь, и затем по-кошачьи тщательно облизываются и чистятся своим широким, очень подвижным языком.

«Несмотря на противоречащие указания других наблюдателей, немецкая зеленая ящерица легко приходила в гнев, постоянно становилась против пальца, за который ожесточенно хваталась и, вытянув вперед голову, старалась защититься против

всякого кажущегося нападения. Мне приходилось видеть, как животное по целым минутам стояло перед самым невинным зрителем в таком положении с угрожающе раскрытым ртом. Ни малейшего следа доверчивости или хоть какой-нибудь прирученности я не подметил у этих красивых ящериц, несмотря на то, что долго изо дня в день старательно занимался ими. Впрочем, весьма возможно, что различные животные, в зависимости от возраста и природных способностей, выказывают себя совершенно иными; я отнюдь не сомневаюсь в том, что и немецкие ящерицы могут достигнуть такой же степени прирученности, как тирольские и далматские».

«Купание было любимым занятием для моей ящерицы; даже в очень холодной воде она чувствовала себя хорошо. Часто я видел ее, по полчаса лежащей в воде. Во время очень жаркой погоды я мог заметить, что она, особенно в послеобеденное время, старалась укрыться в тенистом месте под листьями. Ночь же она всегда проводила в скрытом убежище.

29 мая вечером, между 5¹/₂ и 6¹/₂ часами вечера при жаркой душной погоде самка снесла в сыром песке 11 яиц и нагребла над ними в продолжение последовавшей затем ночи и раннего утра горку сухого песка в 6—7 см вышиной. Я взял ящерицу из ее четырехугольного ящичка, переложил яйца в другой сосуд, чтобы можно было присматривать и наблюдать за их развитием, и затем тщательно выровнял опять клетку. Сосуд с водой, который раньше стоял около песчаной горки, содержащей в себе яйца, я случайно поставил на противоположную сторону ящичка. Тогда произошло одно явление, которое меня, по правде сказать, страшно удивило и, кроме того, крайне убедительно доказало мне в высшей степени тонкую даже неуловимую память на место, присущую этому животному. Вечером я нашел ящерицу опять в том же углу, в котором она положила свои яйца: ее нисколько не спутало измененное положение сосуда с водой. Других же более очевидных признаков, по которым она могла бы ориентироваться, тоже не существовало, так как мокрое место в прежнем углу уже успело высохнуть, ящичек был совершенно прямоугольный и везде одинаково ровно выстлан песком. Ящерица опять соорудила совершенно такую же песчаную горку, под которой на этот раз не было яиц, но очевидно, у нее было намерение опять положить яйца в этом месте и вот уже второй день, как все свое внимание и заботы она посвятила выводу детенышей».

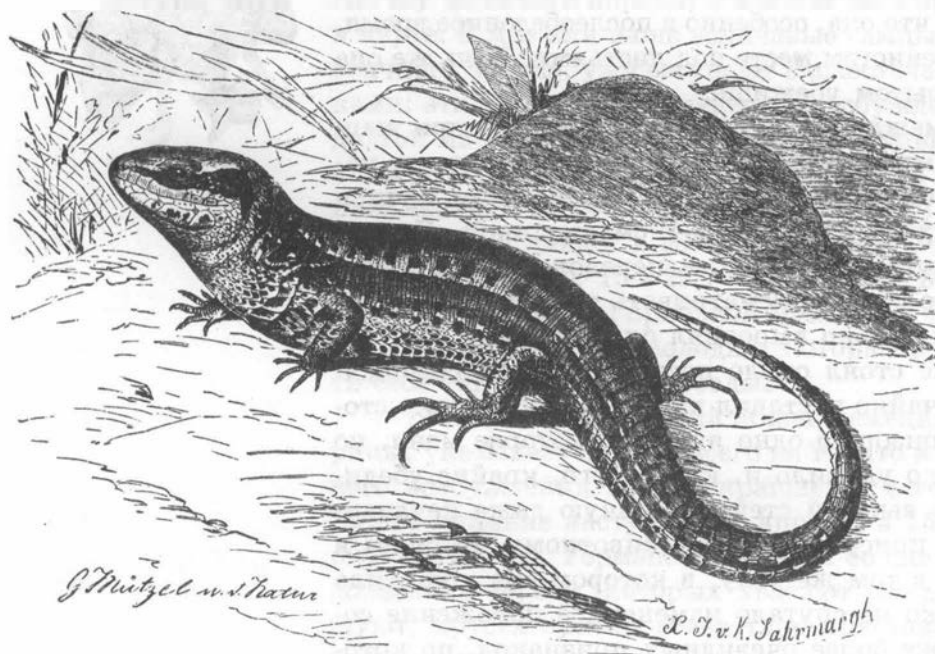
Зеленой ящерице приходится в прямом смысле слова страдать от всех врагов, поименованных в общем обозрении жизни всех ящериц, а еще более — от суровых зим и холодных сырых лет. Шарпантье рассказывает, что до наступления суровой зимы 1829—30 годов эти ящерицы были заурядным явлением в Бексе, но после того довольно долгое время они

Семейство
настоящие
ящерицы

почти не показывались, потому что, без сомнения, большая часть их нашла свой конец в недостаточно глубоких норах, куда проникал мороз.

Гораздо более, чем с зеленой ящерицей, мы освоились с нашей, повсюду распространенной и везде заурядной **прыткой ящерицей** (*Lacerta agilis*). Ее длина достигает самое большее 25 см, в большинстве же случаев только 20—21 см, голова относительно короче, толстая и с тупой мордой, хвост не более как на $1\frac{2}{3}$ длиннее туловища и головы. Из уздечных щитков передние расположены непосредственно позади носового отверстия в виде треугольника; маленький затылочный щиток имеет вид трапеции. Височная область покрыта правильными щитками; маленькие чешуйки спины и более крупные — боков большей частью суще-

ственно отличаются своей величиной; брюшные щитки образуют, как правило, 8 долевых рядов. Носовое отверстие всегда отделено от рыльцевого щитка маленьким промежутком; между щитком века и бровным у этой ящерицы никогда не замечается той четко видной долевой полосы из мелких крупинок, по которой так часто можно отличить зеленую ящерицу и всегда — стенную;

Прыткая ящерица
(*Lacerta agilis*)

лапы у нее никогда не бывают длиннее головы. В межчелюстной кости помещаются 9 зубов, с каждой стороны в верхней челюсти 16, в нижней до 20, в крыловидной кости, со включением маленьких, 10 назад и внутрь направленных зубов. В окраске самца преобладает на верхней стороне более или менее яркий зеленый цвет; окраска самки преимущественно серая или бурая; темя, спинная полоса и хвост по большей части бурые, подбородок и нижняя сторона зеленоватые или желтоватые. Спинная полоса, а у самок также и бока разрисованы белыми, вдоль расположенными пятнами, которые местами увеличиваются до размера глазков; нижняя же сторона испещрена черными крапинами. Впрочем, встречаются различные изменения, которые у самцов напоминают окраску и узор зеленых ящериц.

Прыткая ящерица распространена по северной, средней и восточной Европе, начиная с Альп до южной Англии и Швеции, от Кавказа до Финского залива, а на западе — до средней Франции; ее совсем нет южнее Альп, и чем дальше на север, тем она встречается реже. За Уралом она заходит до западной Сибири и распространяется далее в Азиатской России (*var. exigua*)*. В северном Тироле она, по словам Гредлера, поднимается до высоты 1 200 м, в Ваадтланде, по исследованиям Питтье и Варда, до 1 380 м. В Германии она почти всюду обыкновенна, хотя не во всех местах одинаково заурядна. Местопребыванием своим она избирает преимущественно освещенные солнцем склоны холмов, именно такие, которые покрыты малорослыми кустарниками, степи, каменистые покатоности, плетни, края лесов и улицы, и особенно железнодорожные насыпи; но ее можно встретить также и на тощих лугах, не слишком сырых болотах, одним словом, она водворяется всюду, где может рассчитывать на добычу. «Если, — говорит Лейдиг, — на том месте, где находится прыткая ящерица, лежит пограничный камень, то она с удовольствием избирает его своим местожительством. При спокойной обстановке она греется на нем на солнце и, скрываясь под ним, как будто чувствует, что этот камень останется неизменен в своем положении».

По своей подвижности прыткая ящерица так сильно уступает зеленой, что Линней, наверное, дал бы ей другое научное название, если б ему пришлось наблюдать на свободе другие виды этого отряда**. Она тоже проворна и быстра***, но не настолько, чтобы напрасно измучить ловкого ловца, который всегда может наловить их столько, сколько пожелает. Она бежит действительно быстро лишь там, где не встречает никаких препятствий, зато очень ловко пробирается в густой траве и сросшихся ветвях, лазает довольно сносно, но все-таки только по низким кустам, чтобы греться на них, а в случае нужды и плавает быстро извивающимися движениями по лужам, ручьям и даже маленьким рекам. По своему образу жизни она гораздо менее отличается от своих родичей, чем по своим движениям.

В Германии она появляется в первых числах, самое позднее в середине апреля; на юге ее области распространения прыткой ящерицы ее никогда не видели раньше конца марта, на севере — позже конца апреля. Старые самки, по Лейдигу, появляются почти на неделю позже молодых. В мае, а при очень хорошей весенней погоде даже в конце апреля они приступают к размножению****. В одну из июньских ночей самка кладет 5—8 тупо овальных яиц с белой оболочкой на солнечном месте в песке, между камнями, по Шинцу — также в кучах черных муравьев, которые их не трогают; в конце июля или в начале августа вылупляются молодые. По предположению Лейдига, старые, после периода размножения, удаляются в скрытые убежища или зарываются в землю, может быть, для того чтобы таким же способом, как это бывает

* В настоящее время можно считать доказанным существование на описываемой территории 9 подвидов прыткой ящерицы.

** Убегая, прыткие ящерицы могут преодолевать водные преграды, совершать резкие прыжки с холмиков в траву, «пролетая» по воздуху до 0,5 м.

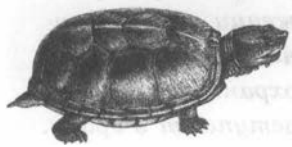
*** Скорость бега взрослого самца прыткой ящерицы может достигать 8 м в секунду.

**** У прыткой ящерицы крупный и сильный самец обычно играет главенствующую (доминирующую) роль. Другие самцы занимают подчиненное положение и убегают при приближении самца-доминанта, принимают охранную позу или вступают в драку.

Семейство настоящие ящерицы

* *Прыткие ящерицы потребляют от 34 до 98 % вредных беспозвоночных животных однако их реальное значение определяется как численностью самих ящериц и членистоногих, так и соотношением полезных и вредных насекомых в биоценозе и характером его хозяйственного использования. Значение ящериц возрастает в лесостепной зоне по сравнению со степной и лесной. Заселяя трансформированные экосистемы (лесополосы, виноградники, плодовые сады и т. д.), на химическую обработку которых затраты максимальны, ящерицы экономят около 10 % финансовых средств.*

** *В желудках прытких ящериц иногда находят яйца и детенышей своего вида.*

у питонов, выдержать нечто вроде летней спячки. «Каждый может легко подметить тот факт, что весной в определенном месте ящерицы могут быть очень многочисленны, а позже, приблизительно в конце июля, как раз в то время, когда устанавливается сильная жара, они исчезают. Дюжес давно уже заметил это и истолковал это явление тем, что ящерицы или впадают в некоторый род оцепенения, в летнюю спячку, или же скрываются в прохладное, сырое убежище».

Прыткие ящерицы с жадностью едят капустных бабочек и тем становятся полезными для садоводов*. Когда Бетхер ловил в саду этих бабочек для своих ручных ящериц, то они следили за ним глазами и все время сидели в просительной позе с приподнятыми головами на той стороне ящика, которая была обращена к нему, и даже подпрыгивали, подобно собакам, когда он просовывал бабочку в проволочную сетку, покрывавшую их клетку. Прыткая ящерица и живородящая совершенно исключают присутствие одна другой: они никогда не населяют одной и той же местности. Это весьма понятно для каждого, кто хоть раз видел, с какой свирепостью прыткая ящерица преследует детенышей живородящей, как неумолимо пожирает и истребляет их**. Следствием этого было то, что живородящая ящерица удалилась в высокие и сырые места, куда не хотела и не могла последовать за ней прыткая, любящая больше тепло и сухость.

Между несметными врагами, преследующими прыткую ящерицу и ее детенышей, прежде всего, следует назвать медянку (гладкого полоза) и гадюку обыкновенную. Первая питается исключительно ящерицами; гадюка же, пока сама еще не выросла, преследует менее прытких и гибких животных, в особенности молодых ящериц. Различные куницы, соколы, сойки, сорокопуты, домашние куры, индейки, павлины, аисты и утки тоже преследуют этих ящериц и, по-видимому, с удовольствием едят их.

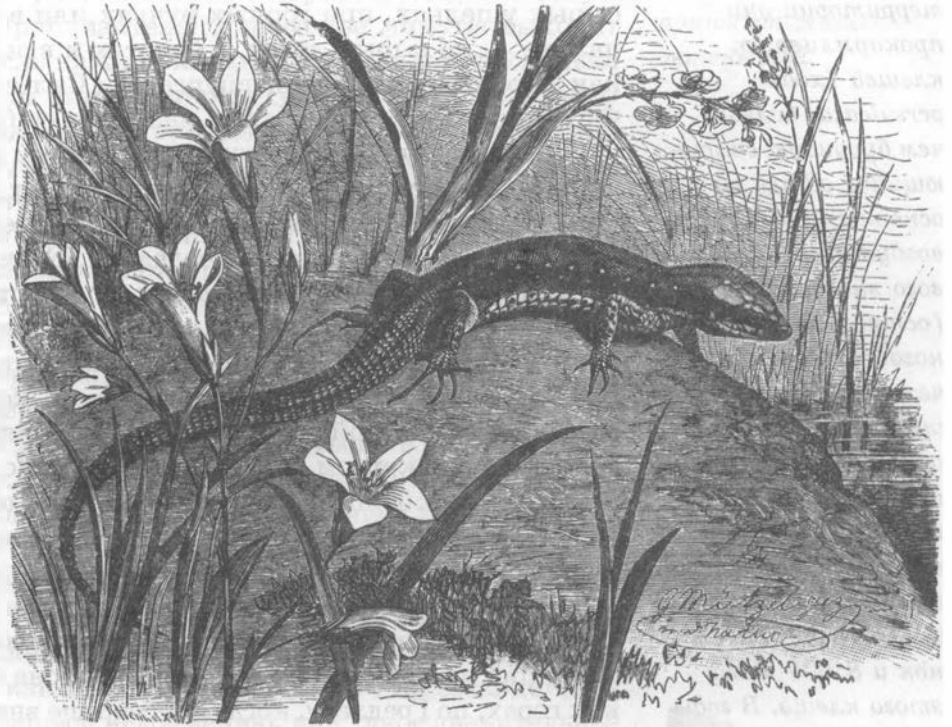
Наряду с прыткой ящерицей в большей части Германии встречается также **живородящая ящерица** (*Lacerta vivipara*). Ваглер возвел ее в представительницы особого рода (*Zootoca*), так как она производит на свет живых детенышей; новейшие же зоологи не придают этому отличительному свойство такого важного значения, которое допустило бы подобное деление. Живородящая ящерица достигает в длину 15—18 см, из которых 10—11 см приходится на хвост, имеющий у основания такую же толщину, как и туловище. Голова, туловище и пальцы имеют немного более тонкое и нежное строение, чем у прыткой ящерицы. В межчелюстной кости помещаются 7 зубов, в верхней челюсти с каждой стороны 16, в нижней 16—21. Чешуйки относительно больше, чем у обыкновенной ящерицы, на спине они чуть-чуть килеваты, на шее слегка зазубрены, на брюхе распределены в 6 рядов средней длины; к ним с каждой стороны может быть причислен еще один ряд щитков, которые некоторыми исследователями не

рассматриваются в качестве брюшных, так как они почти сходны с боковыми. Носовое отверстие находится в соприкосновении с рыльцевым щитком; за ним лежит только одна чешуйка, а позади нее единственный передний уздечный щиток. Лапы обыкновенно длиннее головы. Основная окраска спины более или менее темно-бурая, переходящая довольно ясно в шиферный цвет, но во всяком случае на середине спины и на каждом боку образует более темные полосы. Последние много раз меняются, ограничиваются наверху светло-серой или желтой линией, а также отдельными белыми или желтыми чешуйчатыми пятнами, кроме того, имеют темные точки или глазки, которые сливаются в продольные полосы и т. д. Нижняя сторона по буровато или голубовато-серому,

желтовато-белому, шафранно-желтому или кирпичного цвета фону покрыта черными точками или пятнами; горло синеватое, но нередко буквально розово-красное. Самец отличается от самки большей стройностью, более плоской головой, вздутым основанием хвоста, а также обыкновенно более яркой окраской и рисунком. Почти черная разновидность, (*var. nigra*), попадающаяся там и сям в Альпах, по

словам Мехели, передает в восточной Трансильвании свою окраску детенышам и является таким образом более, чем простым и случайным изменением цвета.

Область распространения живородящей ящерицы охватывает значительно большую часть северной и средней Европы и простирается, кроме того, по всей северной Азии до Амура и острова Сахалин. Этой ящерицы нет, как кажется, к югу от Альп, но на север она доходит дальше, чем все остальные виды ее семейства; по словам Нильсона, она водится в значительном количестве в средней Скандинавии и на фиельдах поднимается до пояса березы; по Берману, она живет даже в окрестностях Архангельска, а в Альпах ее находили на высоте до 3 000 м. На

Живородящая
ящерица
(*Lacerta vivipara*)

Семейство настоящие ящерицы

* Любопытно, что, как и некоторые другие виды ящериц, живородящая порой бывает обильно заражена клещами. Так, в оптимальных условиях на единице территории они прокармливают клещей *Ixodes persulcatus* больше, чем бурундук, считающийся одним из основных хозяев возбудителя клещевого энцефалита (острого инфекционного заболевания человека, протекающего с поражением центральной нервной системы). За весь период паразитирования клещей ящерицы прокармливают около 18 000 личинок и 8 000 нимф этого клеща. В годы снижения численности мышевидных грызунов живородящие ящерицы могут играть роль основного хозяина этого паразита.

** Живородящая ящерица в Южной Европе активна 9 месяцев в году, в Средней России —

такой высоте, как и на севере, она проводит три четверти года в зимней спячке и наслаждается жизнью всего каких-нибудь два, от силы 3 месяца. На Кавказе она заменяется родственным видом — луговой ящерицей (*L. praticola*). В Германии в некоторых местах ее совсем нет, на других же она попадает часто, например, преимущественно в горных местностях и в болотах. В Швабских Альпах, в Таунусе, Тюрингенском Лесу, Гарце, Гладских горах она так же многочисленна, как в Альпах, в голландских дюнах, в Бельгии и в северной Франции, а во всей Великобритании не менее обыкновенна чем на болотистых местах Бранденбурга, в степях ГанOVERA и Эстляндии или в области озер Финляндии и в южной части тундровой полосы России. Гредлер замечает вполне справедливо, что она любит жить по близости воды, «на горах в сырых ущельях, при горных ручьях или в водопроводах, в долинах же — на сырых лугах, в болотах и в запрудах». Это касается как Тироля, так и Бранденбурга или Силезии, где я ее наблюдал. Фитцингер не без основания называет ее болотной ящерицей.

По своему образу жизни, движениям и привычкам живородящая ящерица очень мало отличается от родственной ей прыткой. Но все-таки она менее проворна и реже лазает, чем та; но зато плавает чаще и легче последней. Если после грозового дождя на обитаемых ею горных лугах образуются лужи или болотца, то ее можно видеть пробегающей по дну лужи и выходящей на другой стороне, как будто бы она понимает, что это средство скорее может спасти ее от преследователя, который, оберегая свою обувь, не всегда пойдет за ней в воду. Если, преследуя ящерицу, обходят лужу кругом, то животное нередко снова поворачивается той же дорогой по дну болотца и таким образом действительно успешно уклоняется от поимки. На более высоких горах живородящая ящерица держится заметно неповоротливее и медлительнее, чем в глубоких долинах, но и здесь она так же приспособлена к господствующей тут температуре воздуха, как и ее сородичи, живущие на низменностях*. Человека она мало боится. На высоких горах, по Гредлеру, когда ее убежище внезапно откроется вследствие обвала камней, она обыкновенно не выказывает ни малейшего намерения убежать; в болотах она также дается легче в руки, чем всякий другой вид.

Соответственно своему пребыванию в северных странах или на высоких горах, живородящая ящерица появляется весной так рано, как это позволяет погода, в более теплых местах в одно время с обыкновенной ящерицей или даже раньше ее, на севере же своей области распространения, как и в горах, не раньше мая.

Может быть, от этого зависит время кладки уже созревших в утробе матери яиц или появления на свет детенышей, которое бывает крайне различно**. Межаков видел в Вологодской губернии уже 29 июня молодых ящериц, а 1 августа находил еще беременные самки. Весьма возможно, что более старые самки рожают

позже молодых, а может быть, на размножение значительным образом влияет и господствующая в тот год погода. В южной Германии живородящие ящерицы рожают обыкновенно в конце июля, и притом всегда ночью, 8, в крайнем случае, 10 детенышей. Родовой процесс — впервые точно исследованный Межаковым, происходит таким образом: перед родами самка выказывает себя крайне беспокойной, скребет почву, время от времени прижимается к твердым предметам, закручивает хвост, как бы желая закинуть его себе на спину, позднее, иногда только по прошествии целого дня, успокаивается и, наконец, вечером становится на ноги, широко раздвинув их, вытягивается, как будто желая испражниться, и несколько минут спустя, по-видимому, без напряжений и болей, рождает первого, обыкновенно завернутого еще в яичную оболочку детеныша. Приблизительно через две минуты выходит второе яйцо и т. д. После каждой кладки самка делает несколько шажков вперед, так что яйца, которые сначала были прикрыты хвостом, ложатся в ряд. Между тем, детеныши стараются разорвать яичную оболочку, и не проходит и получаса, как они из нее выбегают. Мать, кажется, не проявляет к ним ни малейшего участия, но бегаёт туда и сюда, как только снесет последнее яйцо. Если же случайно она впоследствии и вернется к яичным оболочкам, то лишь для того, чтобы съесть там то, что есть съедобного. Детеныши проводят первые дни своей жизни в полнейшей бездеятельности, спят, свернувши хвост, в щелях и расселинах земли, кажутся совершенно нечувствительными, но все же ощущают легчайшее прикосновение и пытаются освободиться от него. Они растут, не принимая пищи, замечательно быстро: те, которые при рождении имели 15 мм в длину, через 20 дней достигли 27 мм. Лейдиг кормил их травяными вшами, которых они с жадностью поедали. По наблюдениям названного исследователя, яичная скорлупа может сбрасываться еще в утробе матери и в таком случае происходит действительно рождение живых детенышей. «Когда видишь, — заключает Лейдиг, — как выходят на свет 8—10 ящериц-детенышей, то невольно поддаешься недоумению, как такое значительное количество хорошо развитых ящериц могло втиснуться в нежной, тесной утробе самки».

В странах, омываемых бассейном Средиземного моря, водится очень красивая и подвижная **обыкновенная стенная ящерица** (*Podarcis muralis*). Немецкие экземпляры достигают в длину 18—19 см, южно-итальянские 20—24 см; они резко отличаются от своих родичей стройностью своего туловища, длинной с узкой мордой головой и очень остроконечным хвостом, длина которого превышает половину общей длины, и это отличие до того разительно, что их едва ли кто-нибудь может спутать с какой-нибудь другой ящерицей. Сзади носового отверстия помещается только один щиток, три уздечных щитка лежат в один ряд; между щитками век и бровей находится четко видный ряд мелких зернистых

Семейство настоящие ящерицы

около 5,5, на севере — примерно 4 месяца. Действительно, горные популяции живородящей ящерицы размножаются, откладывая яйца, а низинные приносят живых детенышей.

Семейство
настоящие
ящерицы

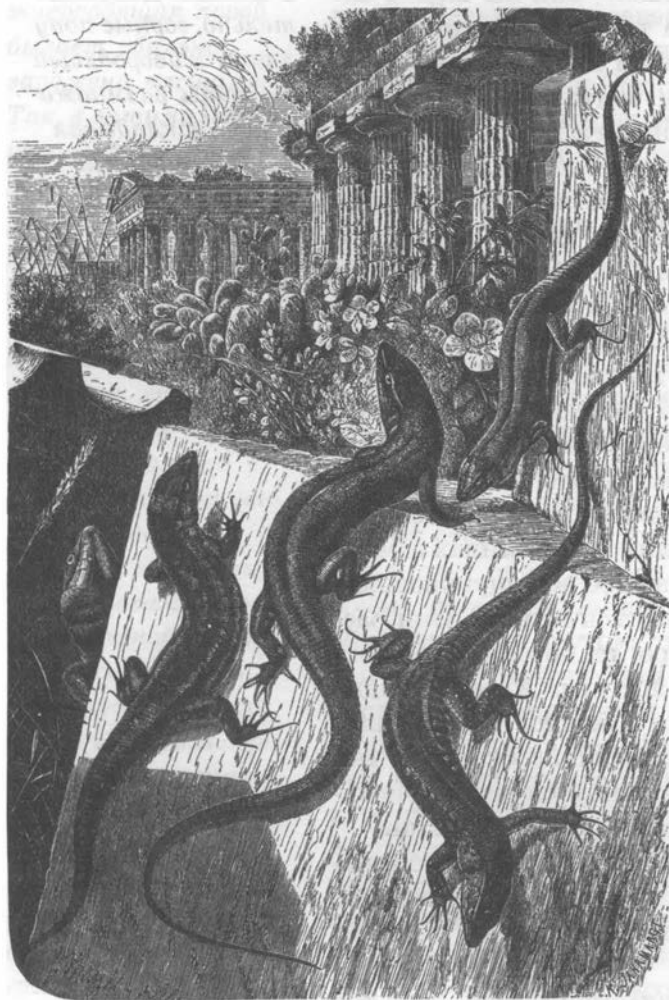
чешуек, служащий верным признаком, отличающим их от других немецких ящериц; в центре височных чешуек выделяется в большинстве случаев более крупный щиток. Чешуйки спины и боков малы и кругловаты, вследствие чего спина выглядит как бы покрытой зернами; почти четырехугольные брюшные щитки образуют шесть продольных рядов; шейник цельнокрайний и без зубчиков. Зубов на крыловидной кости обыкновенно нет; в межчелюстной кости находится 6—7,

в верхней челюсти с каждой стороны 17—18, в нижней же 20—23 зуба. Насчет окраски едва ли можно сказать что-нибудь определенное. По Лейдигу, основная окраска спины у немецких экземпляров бурая или серая, при ярком освещении, именно при солнечном свете, — с бронзово-зеленым отливом; на этом фоне выделяется темная, начинающаяся еще с головы боковая полоса и пятнистый или облачный узор; в промежутке между боками и брюшком выделяется продольный ряд голубых пятен; брюшко светлее или темнее, переходя в окраске постепенно от молочно-белого к желтому и до медно-красного; иногда оно одноцветное, зачастую с облачным или пятнистым узором.

Во всех странах, окружающих Средиземное море, стенная ящерица попадается, если не чаще всякого другого вида их семейства, то, во всяком случае, — в громадном количестве и решительно повсюду. Ее знают во всей северо-западной Африке, средней и южной Европе, Малой Азии. На многих маленьких островках Средиземного моря это единственный встречающийся там вид. С юга Европы она, по-

видимому, постепенно перекочевала в центр Европы, а равным образом и в Германию и вполне утвердилась тут.

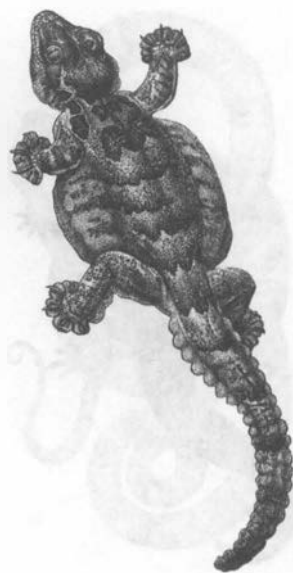
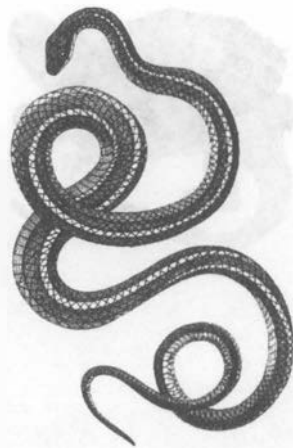
В южной Европе стенная ящерица живет прямо-таки в поразительном, даже в необыкновенном множестве. Здесь ее встречают буквально повсюду: как на пустынных скалистых островах, где редко ступает человеческая нога, так и среди больших и многолюдных городов, как на морском берегу, так и внутри страны, как на низменностях, так и на умеренной высоте. «Даже на глыбах лавы, — говорит Лейдиг, — которые еще не так разложились,

Обыкновенная
стенная ящерица
(*Podarcis muralis*)

чтобы дать развиваться настоящей растительной и животной жизни, стенная ящерица отвоевала себе место. Те из посетителей Везувия, которые обращают на это внимание, ясно замечают, что вблизи кратера некоторые насекомые еще летают, а ящерицы проскальзывают через лаву и серу». Забавным образом выражается Кейслер, путешественник прошлого века, слова которого Лейдиг тоже приводит. «Другое неудобство, которое присуще Неаполю и другим итальянским местностям, заключается во множестве ящериц, зеленый вид которых повсюду встречается в огромном количестве. Весной их сотнями видишь лежащих на плоских крышах и греющихся там на солнышке. Они ползают по стенам вверх и вниз, вследствие чего ни одна комната, двери и окна которой открыты, не защищена от их вторжения. Со мной был такой случай: когда я однажды на окно третьего этажа каменного дома положил на солнце промокшие от дождя перчатки, то, спустя несколько минут, в одну из них вполз этот непрошенный гость, которого я заметил только тогда, когда всунул руку в перчатку». В долинах Рейна и Мозеля Нолль никогда не встречал стенных ящериц на возвышенностях, а только у подошвы долины, в отверстиях, не выложенных цементом стен виноградников и набережной, и всегда именно на тех местах, которые обращены на юг. Места, на которых Бетхер в большем числе встречал этот вид на Рейне, лежали вообще на правой стороне реки. Удостоверение древних, что ящерицы любят соседство людей, может подтвердить всякий, кто их хорошо изучил, так как все новейшие исследователи сходятся в том, что численность ящериц увеличивается поблизости людских селений; там же, где таковых нет, ящерицы почти совсем исчезли.

Интересно описывает Гредлер ее пребывание в южном Тироле. Никакое животное не может произвести на северянина, переходящего летом или осенью через Бреннер, более сильного и разительного впечатления, чем стенная ящерица, которая там кучами населяет все солнечные места, заборы, шлагбаумы, стены домов, даже церковные колокольни до самой верхушки. Все туземцы с замечательным равнодушием привыкают к этим неизбежным живым зверькам, шмыгающим туда и сюда, вдоль и поперек по огородам, между плодов, разложенных для просушки, или занимающихся возней и всюду сующих свою остренькую мордочку, привыкшую исследовать решительно все, что попадает на пути. Такое добродушие со стороны человека вызывает доверие животных, так что даже живущие на свободе ящерицы берут из рук предлагаемых им червей, трепещущихся мух и т. п. Гредлер так приручил одну стенную ящерицу, что она, будучи несколько раз накормлена им, обыкновенно сама появлялась в полдень у садового плетня и до тех пор обращала в его сторону свою головку, пока не получала свою долю». Совершенно иначе ведут себя умные создания там, где они подвергаются преследованию,

*Семейство
настоящие
ящерицы*

как, например, по словам Эйлера, на острове Капри, тогда как на редко посещаемых человеком фаральонских скалах они так же неустрашимы, как и в Тироле.

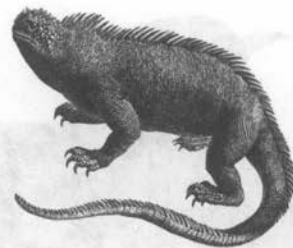
По своим движениям, образу жизни и повадкам обыкновенная стенная ящерица напоминает большинство своих родичей с зеленой окраской. Своей быстротой, живостью и ловкостью она далеко превосходит прыткую и живородящую ящерицу. Каждое ее движение совершается быстро, хотя в то же самое время не лишено и грации. В проворстве стальных ящериц пришлось однажды убедиться Бетхеру, когда он в первых раз взял с собой домой пять этих животных, положив их в жестянку. Закрыв в комнате все окна, он хотел вынуть свою добычу и пересадить ящериц в пригодное для них помещение. Но ему не пришлось порадоваться на своих зверьков. Удивительно быстро все ящерицы выскочили из жестянки и бросились: одна под кровать, две за книжный шкаф, скорее мчась, чем убегая, а исчезновение двух остальных так и осталось неразгаданным, и в результате оказалось, что из пяти животных ни одного не удалось снова поймать, даже ни одно из них больше не попало и на глаза. С быстротой молнии эта ящерица носится по прямому направлению на дальнейшее расстояние, так что глаз почти не в состоянии уловить те змеинообразные извивы ее тела, которые она при этом производит; но поразительнее всего она разворачивает свою выдающуюся ловкость при лазании по отвесным стенам. Такой способностью лазить по стенам и домам не обладает никакой другой немецкий вид ящериц и вместо всяких ученых мудрствований и кропотливых сравнений чешуек и щитков, достаточно было бы определенного ответа на единственный вопрос: «Ты ее поймал на отвесной стене?» Малейшая неровность позволяет задерживаться ее длинным, гибким, далеко хватаящим пальцам с острыми когтями, и таким образом в лазании эта ящерица в состоянии соперничать с гекконом. С этой ловкостью в полном соответствии находится бодрость ее духа. Вследствие своей многочисленности и частью обусловленного этим общительного образа жизни, а может быть, также и из-за жадности к корму, она самая сварливая и задорная среди немецких видов и почти постоянно ссорится с другими представителями своего рода; даже и в клетке она не меняет своего характера. Она на каждом шагу дает доказательства своего замечательного для пресмыкающихся ума и вообще правильного понимания человека и существующих отношений: основательное доверие, так же как и справедливую недоверчивость, она проявляет заметнее всякой другой ящерицы, так как ни одна из них так тесно не связана с человеком, как эта. Несмотря на это, ее все-таки удается иногда обмануть просто непостижимым образом. Эйлеру пришлось очень много потрудиться на острове Капри над ловлей стальных ящериц, которые, хотя и очень многочисленны здесь, но крайне трусливы и осторожны по отношению к человеку,

а между тем, потом он узнал, что туземные мальчики применяют почти безотказное средство для ловли в каком угодно количестве этих проворных и ловких зверьков. Для этого мальчики берут длинный травяной стебелек и тонкий его конец завязывают петлей, плюют на нее, вследствие чего на этой петле образуется тонкая пленка из слюны, натянутая как в рамке. Завидев ящерицу, они ложатся или садятся на корточки на землю, тихонько подкрадываются в таком положении к зверьку и, вытянув во всю длину руку, держат петлю над самой головой ящерицы. Она останавливается как пригвожденная на одном месте и удивленно всматривается в редкостное явление, забывая от любопытства даже свой страх, тем временем мальчик медленно притягивает к себе стебелек и сминает с места ящерицу, затем, выждав удобный момент, внезапно накидывает петлю ей на голову. Сначала Эйлер предполагал, что ящерицу в этом случае привлекает разноцветный блеск слюнной пленки, но впоследствии он убедился, что ее можно приманить и одной петлей без слюны. Каждый раз, когда после этого открытия на своих отдаленных прогулках он пользовался услугами сведущих мальчиков, его охота за ящерицами увенчивалась блестящим успехом. Впрочем, это удивительное искусство вовсе не составляет новейшего открытия: как нам свидетельствует одна из великолепнейших, дошедших до нас, статуй древности (Зауроктонос) оказывается, что уже 2 000 лет тому назад в южной Италии мальчики применяли совершенно такой же способ ловли.

На юге области своего распространения стенная ящерица выдерживает лишь короткую зимнюю спячку; в южном Тироле она скрывается только в декабре, и появляется снова уже в середине февраля, а на особенно солнечных местах в виде исключения показывается там и сям в теплую погоду даже среди зимы; на юго-западе Германии она шныряет на вольном воздухе, по крайней мере, до половины ноября, а в первые же солнечные дни весны опять показывается из своих зимних убежищ. Как только солнце станет греть жарче, к стенной ящерице возвращается ее бодрость и подвижность, а с полным восстановлением сил — и прежний воинственный задор. Настоящее значение этого вполне достоверного наблюдения, вероятно, то, что у ящериц уже в раннее время года проявляется, если не стремление к спариванию, то, во всяком случае, избыток силы и драчливость, вызывающие собой те драки с поеданием хвостов, о которых только что говорилось. Всевозможная летающая и ползающая мелкая тварь: насекомые, пауки, черви, а равно, по всей вероятности, и молодые слабые экземпляры их вида и рода также составляют их пищу.

К псаммодромусам, или визжащим ящерицам (*Psammodromus*), причисляются, по Буланже, все настоящие ящерицы, у которых или вовсе нет ошейника, или он обозначен весьма неясно, и у которых пальцы на ногах по сторонам не

Семейство
настоящие
ящерицы

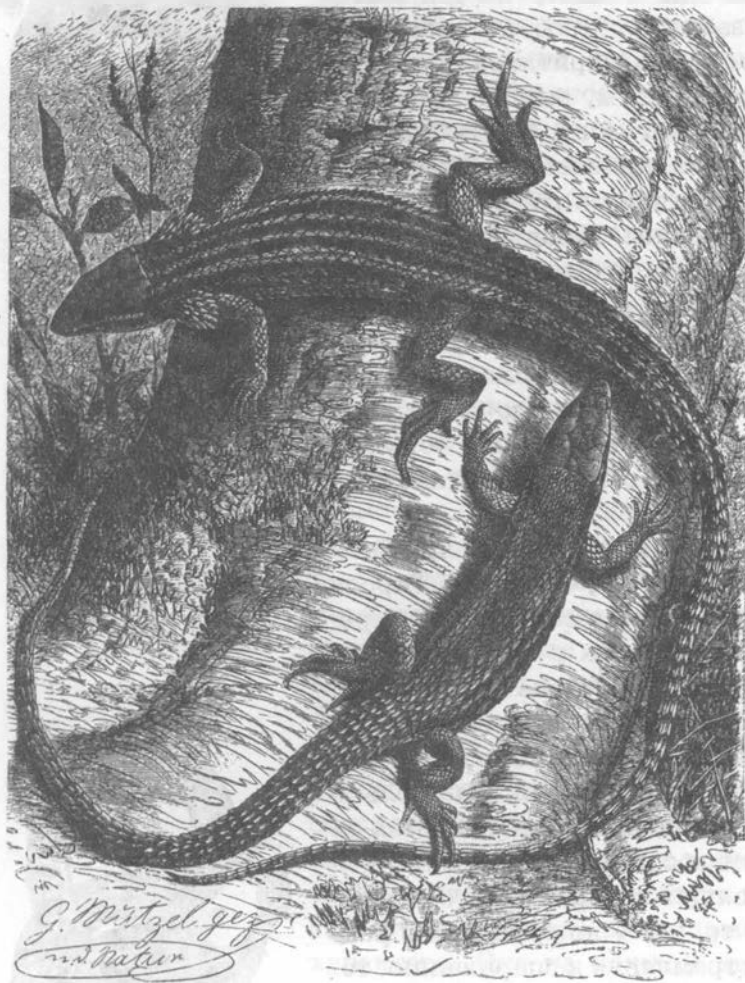
бахромчатые. От настоящих ящериц они отличаются, кроме того, большими ромбоидальными, остро-килеватыми спинными чешуйками, расположенными в виде кровельных черепиц и килем на нижней стороне пальцев, который у некоторых из четырех известных видов заменяется узелками. Бедренные железки у них имеются. Все эти ящерицы живут в юго-западной Европе и на противоположном берегу Средиземного моря.

Алжирский псаммодромус (*Psammodromus algirus*) самый большой вид этого рода, достигающий в длину 27 см, из которых

19 см приходится на хвост. Он необыкновенно многочислен по всему северо-африканскому берегу от Туниса до Марроко, но также живет в Португалии, Испании и на юге Франции. При отсутствии всякого следа ошейника, он отличается от других видов своего рода еще своими брюшными щитками, совершенно равными по ширине и расположенными в шесть долевых рядов. Если считать эти брюшные щитки, то туловище алжирского псаммодромуса окружено 30—36 рядами чешуек. Верхняя сторона туловища украшена блестящим бронзово-зеленым цветом, от которого по сторонам расходятся одна или две золотистые с черной каймой долевые полосы; нижняя сторона серебристо-белая с отливом в зеленое. У самцов над плечевой впадиной светится синее с черной каемкой пятно, за которым зачастую следует второе и третье, более мелкие.

Фишер находил эту ящерицу в большом количестве в Алжире, где она оживляет плетни,

низкие, тернистые кустарники и известковые скалы, тогда как в южной Франции она никогда не встречается на плетнях. «В окрестностях Моннелье она избирает своим местопребыванием преимущественно «пустыри», — выветренные, растрескавшиеся известковые скалы, наполненные валунами, которые обросли вечно-зелеными малорослыми дубами, тимьяном, розмарином и можжевельником и представляют картину безотрадной пустыни. Охота на них, столь легкая в Алжире, в южной

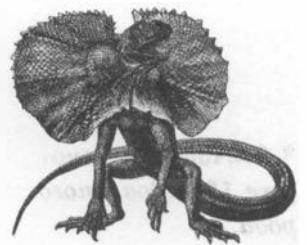
Алжирский
псаммодромус
(*Psammodromus
algirus*)

Франции становится пробным камнем нашей ловкости. Приходится скользить на каждом шагу по рыхлым, хрупким валунам, ноги каждую минуту подвертываются, и вперед подвигаешься с большим трудом и крайне медленно, тогда как в высшей степени проворная ящерица шныряет с быстротой молнии, всюду находя случай скрыться, благодаря кустообразным, колючим группам карликовых растений, о которые только рвешь платье. Одному эту ящерицу почти невозможно поймать; надо быть вдвоем или втроем, потому что каждую минуту теряешь ее из виду, так как она вдруг появляется там, где ее совсем не ожидал. К тому же она шмыгает так быстро, что даже ее очертание неясно видно. Улавливаешь только одну темную тень, всего яснее выдаются золотисто-желтые боковые полосы, когда на них попадает солнечный луч. Молодые значительно менее ловки, чем старые, и ловить их гораздо легче.

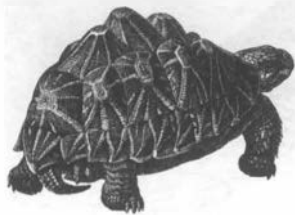
Ни мне, ни одному из моих многочисленных знакомых ловцов ни разу не приходилось видеть, чтобы алжирский псаммодромус при поимке прыгал на человека или даже кусал его. При схватывании его он только издает громкий крик и кусает за палец или за руку, что, однако, делают и все другие ящерицы.

Алжирский псаммодромус любит сухие, подвергающиеся действию ветра, хотя вместе с тем и очень теплые, места. В тамошних пустырях нет ни ключей, ни ручьев. Животные, вследствие этого, могут пользоваться только росой и дождем; но так как летом в южной Франции почти не бывает дождей, то им приходится довольствоваться одной росой. По утрам их можно видеть, жадно облизывающих листья и поглощающих каждую каплю. Это самое благоприятное время для охоты, так как рано утром они еще не совсем согрелись. Час или два спустя, может быть, только напрасно придется порвать себе сапоги, платье и поцарапать руки. Окончив утреннее питье, они любят распластаться на горячих от солнца известковых осколках, причем делаются совсем плоскими и широкими. Они лазают так же ловко, как и зеленые ящерицы, и влезают на кусты, именно на можжевельниковые, чтобы греться на солнце. С удовольствием они также закапываются в песок, хотя не в такой степени, как ящерицы с бахромчатыми пальцами.

В неволе им необходимо устроить норки, в которые бы они могли прятаться по вечерам или в пасмурную погоду, сучки и растения для лазанья и какой-нибудь растрескавшийся камень, под который они могли бы подлезать. К сожалению, ночью они легко пугаются гекконов или каких-нибудь других ночных жителей их террариума, и тогда, как сумасшедшие, принимаются бегать кругом. При ламповом освещении они, как правило, все выходят наружу, ложатся под свет лампы, расплываются и поступают совершенно так, как при солнечном свете. Когда лампу унесут, они зачастую остаются лежать на месте до рассвета и при

Семейство настоящие ящерицы

* Сейчас известно уже 12 видов этого рода.

этом легко простужаются. Из этого можно заключить, что умственные способности этих красивых животных, несмотря на их умные глаза, совсем невысоки.

Самая удивительная способность, отличающая их от всех ящериц, заключается в их голосе, который они издают при схватывании, а иногда также при испуге. Он звучит как довольно громкое, протяжное «тси» или «тситсии». Есть экземпляры, которые, будучи посажены в клетку или в мешок, пищат зачастую по четверти часа; другие же спокойнее предаются в руки судьбы, а иные с громким визгом бегают по террариуму и, наконец, забиваются в угол, где и остаются надолго сидеть с широко разинутой пастью, пищат и насакакивают на протянутый палец или подставленное лицо. Последнее случается больше со старыми, только что пойманными алжирскими псаммодромусами.

В период спаривания самцы зачастую, громко крича, жестоко кусают друг друга. В другое время эти ящерицы по отношению друг к другу довольно миролюбивы. В неволе при хорошем, спокойном обращении они очень скоро совершенно утрачивают свою пугливость и легко привыкают к человеку, как что их можно сажать на стол и кормить; только если их чем-нибудь вспугнуть, они быстро убегают. Вообще движения их, так же как и у настоящих ящериц, отличается спокойствием и обдуманностью. У меня есть старый самец, который совершенно спокойно лежит на коленях, ест из рук мучных червей и только медленно ползает кругом.

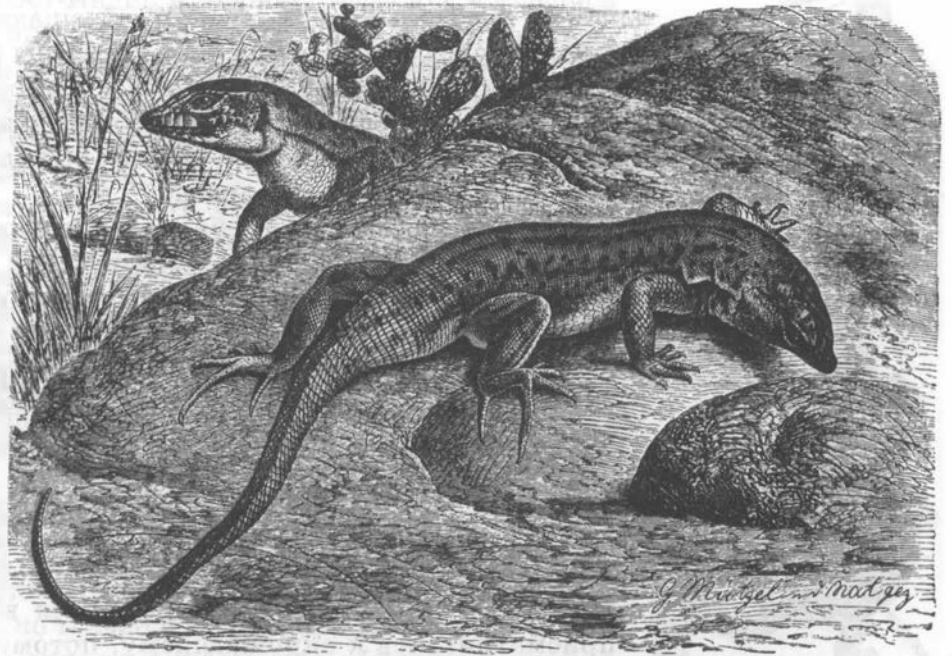
Зрение алжирского псаммодромуса необыкновенно остро и служит ему лучшим вспомогательным средством при охоте на насекомых и при самосохранении, так как они видят приближающегося к ним человека на дальнем расстоянии. Слух, обоняние и вкус развиты одинаково хорошо. В корме своем они любят перемену. На свободе их пища состоит преимущественно из мелких бабочек всех видов, мух и столь бесчисленных на пустырях маленьких стрекоз. При нужде они едят также пауков, мокриц, тысячножек и других маленьких животных. Я знаю только один случай, — заключает Фишер, — когда алжирский псаммодромус был приучен в неволе к сырому, наскобленному мясу, которое он под конец стал предпочитать всему другому. Они пьют много заразы и подолгу, но не часто».

Гребнепалые ящерицы (*Acanthodactylus*) отличаются от настоящих и визжащих ящериц своими как бы гребенчатыми пальцами, снабженными по сторонам рядом бахромчатовидных чешуек, вследствие чего с нижней стороны они вдоль килеваты. Затылочного щитка у них нет; носовое отверстие помещается между двумя носовыми щитками и первым губным щитком; ошейник, более или менее развитый, всегда существует. Десять видов этого рода* населяют сухие и песчаные страны на юге Испании и Португалии, всю Африку на север от экватора и юго-западную Азию на восток до самого Пенджаба.

Спинные чешуйки, постепенно увеличивающиеся к основанию хвоста, где они крупнее, чем на затылке, 8 или 10 рядов брюшных щитков, остро-килеватые верхние хвостовые чешуйки, только два больших щитка на веках и очень слабо, но все же правильно гребенчатые пальцы, — вот отличительные признаки **европейской гребнепалой ящерицы** (*Acanthodactylus erythrurus*). Это стройное животное, длиной 18—20 см, из которых 10—12 см приходится на хвост. Этот вид разделяется на две разновидности — европейскую, живущую в Испании и Португалии, а поодиночке также и на юге Франции и отличающуюся гладкими или лишь весьма слабо килеватыми спинными чешуйками, и — североафриканскую, населяющую Марокко, северный Алжир и северный Тунис и обладающую красивой окраской сильно килеватых спинных чешуек. Молодые ящерицы этого вида, живущие в Испании, имеют вдоль спины резкие черные и белые полосы, на бедрах белые круглые пятна и сургучно-красный хвост; старые экземпляры более или менее утрачивают темные долевые полосы и выглядят сероватыми или буроватыми, сохраняя лишь большей частью только следы долевых полос, которые образуются из черных и светлых пятен; по бокам туловища, между сочленениями, зачастую бывают большие, синие глазки.

«Гребнепала ящерица, — описывает Фишер, — существо крайне непостоянное, нелюдимое и буйное, но ее красивый покров тела с розово-красным хвостом и отважный нрав делают ее в высшей степени привлекательным жителем террариума. Она населяет теплые, расположенные на солнце места, и при опасности с быстротой молнии скрывается между камнями и в ямах, выкопанных ею в рыхлой земле. Поэтому ловля этой ящерицы нелегка.

Бегает она толчками, при каждой остановке высоко приподнимаясь на передних ногах, тогда как задние ноги складывает и раскорячивает. Вследствие этого вся передняя часть туловища вместе с головой приподнята, а остальная лежит низко. Прежде

Европейская
гребнепала ящерица
(*Acanthodactylus
erythrurus*)

чем бежать дальше или высматривать, нет ли где опасности, эта ящерица делает одно или несколько кивательных движений сверху вниз. Гребнепалые ящерицы очень любят дневной свет, в особенности солнечный. Они чувствуют себя хорошо и выглядят бойкими только тогда, когда солнце во всей силе освещает их помещение; при пасмурном дневном свете, если даже температура и достаточно высока, они по целым часам лежат с закрытыми глазами и греются. При ярком дневном свете или во время солнечного сияния их поступки сильно меняются. Они становятся оживленными, много бегают кругом, катаются в песке, прячутся в выкопанные норки, чтобы тотчас же снова показаться в другом месте. Они избегают сырости, но всегда должны иметь сосуд с водой, потому что пьют часто и подолгу.

Они прислушиваются ко всякому, даже к малейшему шуму и при подозрении на опасность обращаются в паническое бегство. К холоду они крайне чувствительны и тотчас же прячутся, когда температура воздуха начинает понижаться. Одним из главных условий ее благоденствия, кроме тепла, служит светлое местоположение ее помещения, так как они едят только тогда, когда проникает самый яркий дневной свет.

По моему опыту, гребнепалая ящерица никогда не делается ручной, разве только до известной степени доверчивой, например, чтобы вытаскивать свою пищу из щипцов, но дальше этого дело не идет. Между собой они крайне миролюбивые животные, если одинакового роста. Взрослые гребнепалые ящерицы, конечно, безжалостно пожирают молодых и, следовательно, более слабых животных своего вида или других родов ящериц. На свободе они питаются всем, что в состоянии осилить и переварить. Они схватывают свою добычу сильными боковыми движениями головы, тотчас же поднимают ее кверху и проглатывают кусок с лихорадочной поспешностью, причем глаза их в это время ворочаются во все стороны, зорко присматриваясь к окружающему, потому что даже и во время еды они не забывают своей предосторожности, приобретенной опытом».

СЕМЕЙСТВО СЦИНКОВЫЕ (Scincidae)

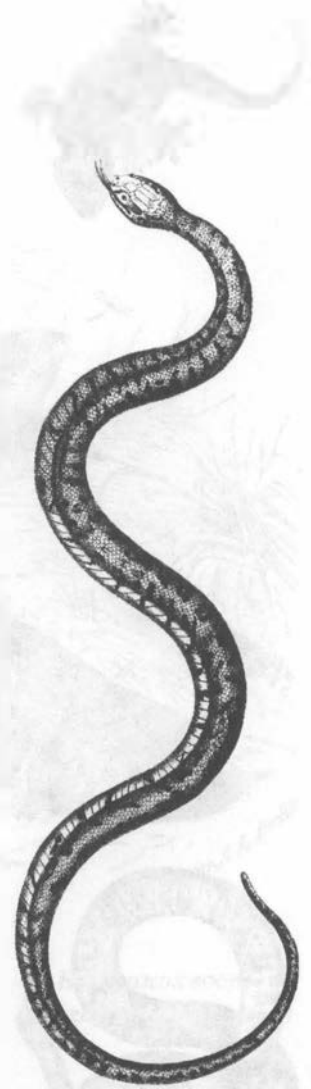
Сцинковые, составляющие собой многочисленное семейство, из 25 родов и 375 видов*, также разнообразны по форме, как американские вараны и поясохвосты: они представляют собой, как обыкновенно выражаются, постепенные переходы от ящерицы к змеям, вследствие недоразвитости ног и удлинения туловища. Ноги, если вообще и есть, то всегда короткие, у некоторых их всего две, у многих же они совсем неразвиты: число пальцев изменяется не только у различных родов, но даже у отдельных ви-

* В настоящее время описано уже около тысячи видов сцинковых ящериц почти из 100 родов.

дов. Зубы прикрепляются своими корнями к внутреннему краю зубного желобка; язык короткий, свободный, слегка зазубренный спереди и чешуйчатый; большей частью заметные снаружи уши покрыты иногда чешуей; в очень редких случаях наружного уха совсем нет. Глаза имеют крупные зрачки и почти всегда подвижные веки, из которых нижнее и большее снабжено по середине прозрачной кожей, как бы окошечком. Голова покрыта правильными щитками; спина, брюшко и бока — такими же чешуйками, похожими на рыбью чешую и содержащими костное вещество. Боковой складки нет; также отсутствуют бедренные и заднепроходные железки.

Область распространения сцинковых очень обширна. Они живут во всех частях света от крайних границ умеренного пояса до экватора; особенно они многочисленны в Австралии, на островах Великого океана в Ост-Индии и Африке, тогда как в Европе и Америке имеют мало представителей. Их образ жизни исследован еще недостаточно, и это тем более прискорбно, что по тем немногим видам, которых имели возможность наблюдать, можно судить, что сцинковые обладают столь же своеобразными, сколь и привлекательными качествами.

В общем, мы должны признать, что все сцинковые более или менее привязаны к земле и лазают только в виде исключения и то лишь в ограниченной степени. Зато они владеют способностью, которой нет у большинства остальных ящериц, а именно: они могут, если и не с такой силой, то все же с ловкостью крота двигаться под поверхностью земли. Почти все более известные виды обитают на сухих местах и боятся или, по крайней мере, избегают воды, хотя и случается, что они могут попасться непосредственно на морском берегу за пределами прилива. Лучше всего они любят селиться там, где мелкий песок на далекое расстояние покрывает почву, кроме того, между валунами и между камнями обвалившихся скалистых утесов, на стенах с глубокими выемками и в тому подобных местах, но только меньшинство видов, живущих в области Средиземного моря, отыскивает себе убежище и пищу в имеющихся здесь расселинах и щелях; большинство же копается в песке и движется под самой поверхностью земли с поразительной быстротой. Их более или менее веретенообразное туловище, покрытое гладкими чешуйками, короткие недоразвитые ножки и прозрачные окошечки в нижних глазных веках вполне способствуют такому копанью и тогда только становится понятной вся целесообразность их строения, когда наблюдаешь их деятельность и поступки. В обыкновенной клетке, дно которой устлано тонким слоем гравия и мха, конечно, нельзя усмотреть никаких подобных движений; если же сцинковым предоставить просторное помещение и дно его усыпать, по крайней мере, сантиметров на 6, лучше на 10 и даже больше мелкозернистым песком, то приходится изумляться так же, как дивился я, глядя на пленных

халцид, а именно на тилигугу (*Chalcides ocellatus*), и на всех других членов этого семейства с одинаковым устройством, как они тотчас же исчезают в этом песочном слое, буквально ныряют в него и затем взрывают его на различной глубине по всем направлениям и даже, собственно говоря, плавают в песке. Все это, и в особенности движение в горизонтальном направлении, производится с такой же легкостью и быстротой, с какой бегают обыкновенно по земле, ничем не испуганная и не встревоженная ящерица. Если сцинковым, совершенно скрытым под песком, но движения которых удобно можно наблюдать по колебанию песка, бросить на дно их клетки какое-нибудь лакомство, например мучного червя, то они тотчас же приближаются к добыче, поднимаются вплотную к самой поверхности, несколько раз дотрагиваются до червя языком, который в большинстве случаев только и виднеется наверху, затем быстро высовывают голову из песка, схватывают жертву и с ней или совсем выходят наружу, или снова исчезают в скрывающем их слое песка. По этим опытам, о которых было известно и раньше, можно заключить, что сцинковые и на свободе поступают приблизительно таким же или соответственным образом и также охотятся под землей на всевозможных мелких животных. Что сцинковые, впрочем, не чужды и поверхности земли, доказывают так же хорошо халциды, например халцид трехпалый, с которым мы познакомимся ниже, или среднеамериканский вид семейства, описанный с натуры Госсе.

Во многих отношениях совершенно особенный образ жизни сцинковых мог быть главной причиной того, что древние египтяне, известные как проникательные наблюдатели и любители таинственных толкований, тщательно бальзамировали этих животных и мумии умерших заключали в маленькие искусно вырезанные гробики, украшенные с наружной стороны изображением упомянутой ящерицы; может быть, этот вид сцинковых, степная халцида (*Chalcides sepidoides*) уже и тогда считался за животное, обладающее целебной силой, как впоследствии другой родственник ему вид, сцинк аптечный. В настоящее время мы видим во всех сцинковых только лишь более или менее безвредных и полезных созданий, а в некоторых из них — прелестных и занимательных пленников. Между тем, бедуины пустынь и пустынных степей Сирии и Палестины, которые метко прозвали этих животных «пескороями», ревностно преследуют их, из-за белого нежного и вкусного мяса, которое они с удовольствием едят, хотя благочестивый толкователь Корана и усмотрел бы в нем нечистую пищу.

Содержащиеся в неволе сцинковые очень привлекательны. Большинство из тех, которые воспитываются в тесном помещении, выдерживают неволю очень хорошо, некоторые просто превосходно, скоро привыкают к потере своей свободы, а также до известной степени и к воспитателю, причиняют самые

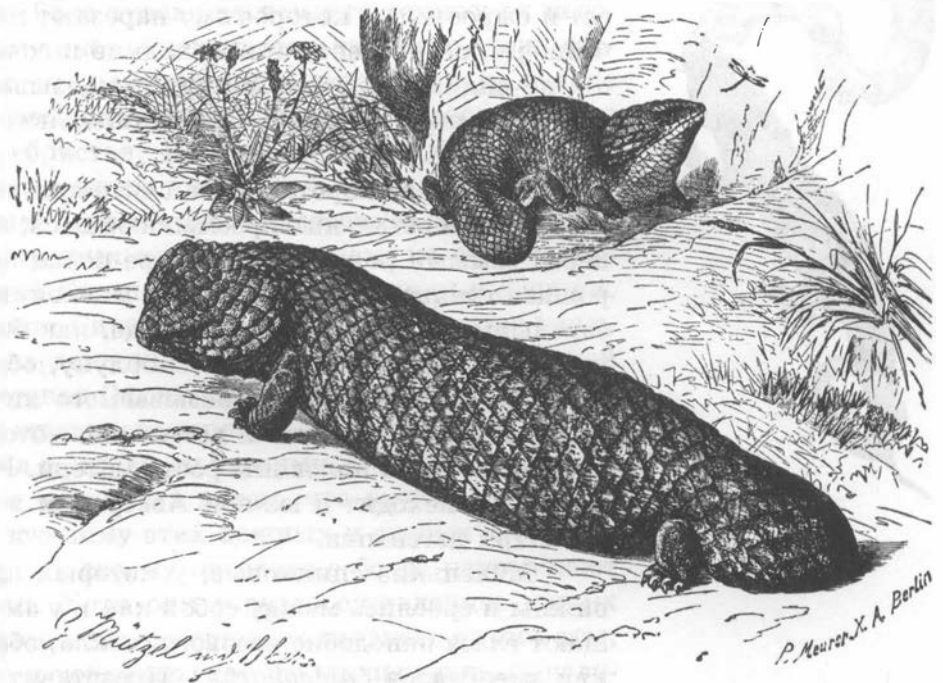

незначительные хлопоты и своей красивой наружностью доставляют такое же удовольствие, как и прочими своими качествами, так что остается только пожалеть, что в продаже так редко можно достать сцинковых, особенно из крупных видов.

Чаще всех других сцинковых, за единственным исключением южноевропейского и североамериканского тилигугу, мы встречаем в наших клетках обитающего в Австралии короткохвоста (*Trachysaurus rugosus*); самый характерный признак, отличающий этого чешуйчатого сцинка от других, заключается в своеобразном устройстве его хвоста. Короткохвост является единственным представителем одноименного с ним рода (*Trachysaurus*). Уже старый Дампьер в 1698 году дает описание этого странного

животного. Тупопирамидальная голова заметно отделяется от короткой шеи, туловище длинное и толстое, заметно сплющенное, хвост очень короткий, широкий, плоский и на конце закругленный, у самца немного длиннее и уже, чем у самки; четыре низкие, коренастые ноги имеют короткие лапы, снабженные пятью мало отличающимися между собой пальцами, которые вооружены сильно изогнутыми

ногтями. Большинство поперечных пластинок, лежащих на нижней стороне пальцев, по середине разделены. Вся верхняя часть тела покрыта очень толстыми, грубыми, неровными чешуйками, что придает животному вид еловой шишки; нижнюю же сторону покрывают более тонкие, гладкие чешуйки. Верхняя часть тела короткохвоста по черноватому фону покрыта как бы стертыми неправильными пятнами цвета желтого рога и неправильными же поперечными полосами, которые иногда так расширяются, что желтый цвет становится преобладающим; нижняя сторона имеет более или менее яркую окраску с бурыми пятнами, мраморными разводами или полосами. Общая длина животного достигает самое большее 36 см, из которых хвост занимает пятую или шестую часть.

Короткохвост
(*Trachysaurus rugosus*)

О жизни короткохвостов как на свободе, так и в неволе имеется очень мало данных. Хотя я их и часто воспитывал, но ничего не заметил такого, что было бы достойно пространного описания. Днем животные спокойно сидят на одном месте со скучающим видом, почти не меняя положения, и пристально, но безучастно глядят в пустое пространство. Их движения обыкновенно медленны, ползучие, так что туловище почти или даже совсем волочится по земле, приспосабливая к этому положению и прочие свои жизненные отправления. Короткохвост почти не в состоянии прийти в возбуждение, даже в те минуты, когда его чем-нибудь дразнят или подманивают кормом. Это очень нетребовательный пленник; он питается мелкими животными всех сортов, в особенности личинками насекомых и червями, а также ест и сырое мясо, которое ему нарезают мелкими кусочками. По Фишеру, он поедает также сладкие и сочные плоды. К сторожу он, по-видимому, мало-помалу привязываются и во всяком случае привыкает к нему. При тщательном уходе он выживает в клетке очень долгое время.

По Гааке, короткохвост считается живородящим не в том смысле, как остальные пресмыкающиеся, яйца которых лопаются перед самыми родами или вскоре после того; они действительно рожают живых детенышей, как млекопитающие животные, т. е. зародыши развиваются в яйцевом, как бы превращенном в матку, и не облечены в яичную скорлупу, образованную в яйцевом или еще в яичнике. Так называемого яичного зуба вовсе нет у созревшего для рождения детеныша, который в длину достигает приблизительно половины роста матери. Размножение короткохвостов происходит в южной Австралии в марте; рождается два, реже три детеныша.

Маленькие сцинковые, у которых прозрачные веки неподвижны и срослись между собой как и у змей, покрывают и защищают глаза наподобие часового стекла, образуют род **гологлазов**, или **змееглазов** (*Ablepharus*). Представители этого рода живут в Австралии, юго-западной Азии, юго-восточной Европе, в тропической и южной Африке, а один из видов встречается даже неправильно рассеянным по жарким областям обоих полушарий.

В этом роде, который, помимо того, отличается еще и тем, что у некоторых экземпляров слуховой канал виден снаружи, у других он спрятан под чешуйками, также встречаются виды с совершенно развитыми конечностями или же такие, у которых конечности более или менее недоразвиты. Десять из 15 известных видов* имеют по пять пальцев на передних и задних ногах, один вид — по 4 пальца на передних и по 5 на задних: два вида снабжены четырьмя пальцами, кроме того, есть по одному виду с 3 пальцами и с 2 на передних и 3 на задних ногах.

Из всех этих ящериц мы обратим внимание на **азиатского гологлаза** (*Ablepharus pannonicus*), потому что он встречается в

* Сейчас к этому роду относят 7 видов.

соседней Венгрии. Это миловидное создание имеет тонкое удлиненное, цилиндрическое туловище, длинный, круглый, постепенно утончающийся хвост, далеко отстоящие друг от друга конечности, из которых передняя пара короче задней, и внешний покров, состоящий из довольно однородных, гладких чешуек. Овальная, сверху довольно плоская голова покрыта щитками, числом около двадцати, различной формы, затылок — 6—8 гладкими, короткими, широкими, шестиугольными щитками, расположенными в два долевых ряда; остальная часть спины — более узкими, закругленными, шестиугольными чешуйками, разделенными на 4—6 долевых рядов; грудь, брюхо и хвост одеты подобными же образованиями. Основная окраска верхней стороны бронзовая оливково-бурая, от которой по середине спины зачастую отделяются две черные долевые линии; бока туловища немного темнее; от носового отверстия к глазам тянется черноватая полоса, с обеих сторон окаймленная светлым, которая продолжается кзади в виде постепенно расплывающихся темных боковых полос; нижняя сторона зеленовато-серебристая. Длина достигает 9—11 см, из которых ровно половина идет на хвост.

Азиатский гологлаз живет преимущественно в Венгрии и притом на склонах, покрытых коротким дерном, но встречается также и в юго-восточной Европе, например в Греции и Турции, кроме того в Малой Азии, Сирии и северной Аравии даже чаще, чем думают. На него нередко можно натолкнуться в городской роще в Пеште или на стенах Офенской крепости. Эрбер упоминает, что он получил два живых экземпляра, воспитывал их в течение трех месяцев, кормя дождевыми червями, и что оба околели в один день; впрочем, он мне писал потом, что впоследствии ему удалось сохранить на всю зиму этих нежных и слабых зверьков. Лейдиг нашел, что они по своему поведению более напоминают веретениц, чем ящериц. Хотя они гораздо оживленнее наших веретениц, но, по крайней мере, совершенно сходны с ними в том, что обыкновенно долго и усидчиво, как бы оцепеневши, прислушиваются, прежде чем пуститься в бегство. Несмотря на все проворство, извивам тела двигающегося животного недостает той гибкости, которая присуща настоящим ящерицам, причиной этого, по всей вероятности, являются костистые таблички, из которых состоит кожа. Таким образом, они и в этом отношении всецело принадлежат к сцинковым.

По словам Фишера, азиатский гологлаз живет на дернистых холмах и песчаных местах. Его движения состоят из необыкновенно быстрых изгибов, но он в состоянии также легко взбираться по шероховатым стенам. Его незначительная величина, гладкость чешуек и полная беззащитность объясняют, с одной стороны, боязливость в характере, а с другой, — ту ловкость, с которой он умеет прятаться. Только в 4—6 часов пополудни зверек идет за пищей и с наступлением ночи снова уползает в нору.

* В настоящее время
род включает 5
видов.

Сырость ему противна, но он все же пьет. Его зрение лучше слуха. Он, в отличие от большинства своих сородичей, кладет яйца. Неволю он переносит годами, если только хорошо за ним ухаживать и давать соответственный корм в виде мух, маленьких мучных червей и личинок жуков.

Другие виды этого рода считаются характерными животными для среднеазиатских степей, покрытых коротким дерном.

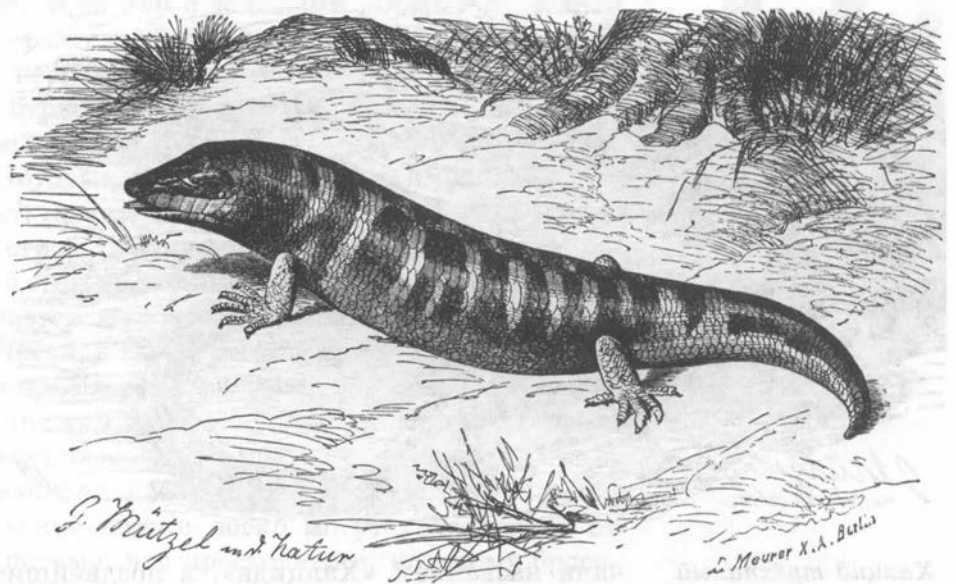
Один из сцинков, именно сцинк аптечный (*Scincus scincus*), представитель рода сцинков (*Scincus*), включающего 9 видов*, названный в библии «хамет» (Левит. 11:30) обрел в древности большую славу и сумел долго поддерживать ее. «Мясо этих животных, — говорит Геснер, — употребляется в некоторых самых благородных лекарственных средствах, как например митридите и тому подобных. Будучи примешано к другим лекарствам, оно может служить против апатичной слабости нервов. Мясо этих животных в свежем или сушеном виде имеет удивительную силу возбуждать в мужчинах половую деятельность и вести к невоздержанности в этом отношении. Пепел сожженного мяса, смешанный с уксусом и маслом, отнимает от членов всякую чувствительность, так что их можно даже резать. Жир или сало этих животных также употребляется, как возбуждающее средство, и принимается внутрь; оно облегчает также боль в почках. Почки этих животных способствуют плодовитости. Из внутренностей приготавливают курение, которое очень полезно против вялости матки. Желчь, смешанная с медом, отличное лекарство против бельма и темной воды в глазах. Помет или кал этих животных, совершенно белого цвета, имеет приятный запах; в аптеках он известен под названием *Crocodulea* и продается как косметическое средство для красоты лица, против пятен, веснушек и морщин».

Естественным последствием этого заблуждения, которое и в настоящее время еще распространено среди некоторых магометан, было то, что сцинки сделались предметом усерднейшего преследования; их ловили тысячами и вели прибыльную торговлю их сушеными или сожженными в пепел трупами. Несмотря на это, мы еще мало знакомы с образом жизни этого животного. В то время, как его сородичи распространены по пустынным и степным местностям Сенегамбии, северной Африки, Аравии, Персии и Синда, аптечный сцинк живет в Сахаре и в пустынных береговых местностях по Красному морю. В Египте и Нубии он нередок, а в алжирской и тропической Сахаре даже очень многочислен. Лефевр, посетивший оазис Бахарие, сообщил Дюмерилю и Биброну, что он встречал сцинка преимущественно в маленьких песочных бугорках, наметенных ветром, у подошв деревьев и у изгородей, окружающих обработанную землю; здесь он потягивается под палящими лучами солнца в полном покое, только время от времени припрыгивая, чтобы схватить жука или какое-нибудь другое насекомое. Бег его быстрый; но при опасности он не старается

убежать, а закапывается в песок и притом с такой удивительной ловкостью, что в несколько минут зарывается на несколько метров в глубину. Тристрам, наблюдавший аптечного сцинка в западной Сахаре, во всех отношениях подтверждает данные Лефевра. Он никогда не видел сцинка, которого тамошние арабы называют, в зависимости от пола, «Сарарутом» и «Салгагой», на каменистой почве, а всегда только там, где почва покрыта рыхлым песком, но здесь всюду целыми толпами. В холодное время года он залезает в норы или в подземные ходы и выдерживает здесь зимнюю спячку; летом днем его постоянно можно видеть лежащим на солнце, а ночью, при лунном сиянии, бегающим кругом; будучи испугнут, он на одно мгновение извивается и затем исчезает вышеописанным способом. По сообщениям арабов, он питается не только всевозможными насекомыми, но нередко ест также и скорпионов.

У арабов Сахары аптечный сцинк так же невысоко ценится в качестве питательного продукта, как и лекарства. В некоторых оазисах, как например в Варгле и Туате, ловлей его занимается значительная часть населения. По мнению Тристрама, основанному на собственном наблюдении, жареный сцинк представляет собой действительно очень вкусное кушанье. Арабы сдирают со сцинка кожу, высушивают его, затем толкут в ступке, пока он не превратится в порошок, смешивают его с мякотью финика, все это укладывают в кожаные мешки и продают за хорошую цену караванам в Туате и проезжим торговцам.

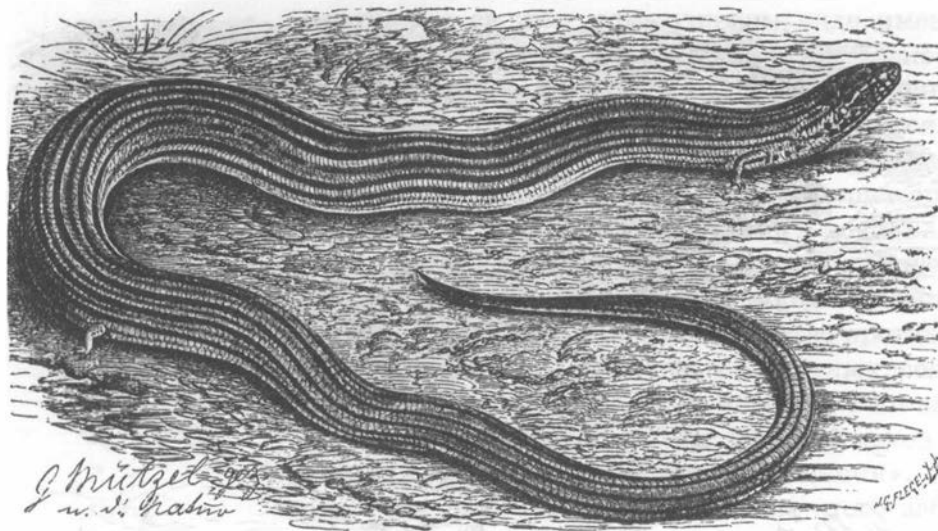
Будучи пойман, сцинк поступает так же, как и другие члены его семейства; хотя он и пытается улизнуть, но никогда при этом не кусается и не защищается своими когтями. Фишер, дающий интересное описание жизни аптечного сцинка на свободе, называет его кротом среди ящериц, который в буквальном смысле слова «плавает» в песке. При ловле его схватывают в песке, одним ловким движением пересылают и содержат его также в самом мелком, сухом песке. В неволе он охотно пьет; его пища состоит из саранчи, жуков и мокриц. На песке его движения

Сцинк аптечный
(*Scincus scincus*)

довольно медленны. Уже при температуре в 18° по Цельсию сцинк приходит в оцепенение. Кусаясь, он испускает шипящий звук. Зрение — самое важное из его чувств. Главными его врагами являются серый варан и один из видов злых ужей (*Spalerosophis diadema*).

Сцинк очень плотная ящерица с короткими конечностями. На всех четырех ногах имеется по пять плоских пальцев неодинаковой длины, по бокам бахромчатых и разделенных до самого основания; хвост конический, голова с клиновидно заостренным рыльцем; верхняя челюсть выступает над нижней и спереди немного притуплена. Носовое отверстие помещается между верхним и нижним носовыми щитками, веки покрыты чешуйками, ухо скрыто под чешуйками. Чешуйки более широкие, чем длинные, закругленные, гладкие, блестящие, желтоватой или буроватой окраски с тонкими бурыми и беловатыми пятнышками и стержневыми черточками. По туловищу проходят зачастую несколько бурых поперечных полос. Нижняя сторона одноцветно-белая, с блестяще-жемчужным отливом. Взрослые сцинки достигают длины в 21 см.

Греческие исследователи обозначали названием «Халцида», а позднейшие римские — именем «сепс» одну в высшей степени миловидную ящерицу, которую они легко могли наблюдать, и, несмотря на это, все-таки описывали как крайне страшное животное. Ее укус, будто бы, тотчас же вызывал гнойное воспаление или гангрену, и пострадавший умирал через несколько дней; даже простое прикосновение к ее телу, по их мнению, влекло за собой большую опасность. Простой народ в Италии еще и до сих пор верит в ее ядовитость, хотя уже Соваж и Четти описали это животное, как совершенно невинное, безвредное и приятное создание.

Халцид трёхпалый

(*Chalcides chalcides*)

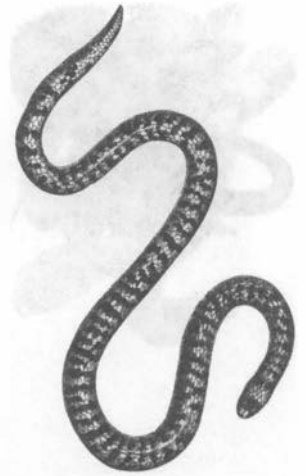
Халцид трёхпалый, или сепс трёхпалый (*Chalcides chalcides*), является представителем рода халцидов, или цилиндрических сцинков (*Chalcides*), по своей величине и силе приблизительно равняется нашей веретенице и на некотором расстоянии выглядит довольно похожим на нее; но, рассмотрев ближе, его тотчас же можно отличить от веретеницы по четырем недоразвитым

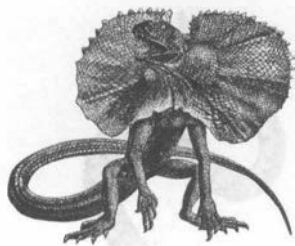
ножкам. Голова у него заостренная с тупым рыльцем, туловище цилиндрическое и очень удлиненное, хвост равномерно утончается до очень острого кончика; на каждой из четырех недоразвитых ног видны три зачаточных пальца, вооруженных едва заметными когтями. Второй палец всегда длиннее третьего. Небо не имеет зубов, челюсти снабжены простыми коническими зубами; на плоском стреловидном языке также заметны чешуйчатые бородавки. Покров тела состоит из маленьких, плотно прилегающих, красивых, блестящих чешуек, которые на голове переходят в более крупные щитки и здесь замыкают довольно большой средний щиток. Носовое отверстие помещается в зазубрине рыльцевого щитка, между этим последним и очень маленьким носовым щитком; нижнее веко имеет прозрачное окошечко. Верхняя сторона тела окрашена в блестящий бронзово-бурый или серебристо-серый цвет одного тона или с долевыми, близко стоящими друг к другу, но все же отдельными полосками; нижняя сторона выглядит беловатой с перламутровым отливом.

Этих черных или бурых полос насчитывают никак не больше шести, но всегда четное число. Взрослые экземпляры могут достигать в длину 42 см, из которых одна половина приходится на туловище, а другая на хвост; ножки едва имеют в длину 8 и 12 мм.

Из прибрежных стран Средиземного моря Испания, Сицилия, Сардиния, Тунис и Алжир служат родиной трехпалого сепса. Здесь он всюду встречается в громадном количестве, а в Сардинии, как выражается Четти, в таком множестве, «как сухая трава на лугах». Для своего пребывания он выбирает преимущественно сырые луга по той простой причине, что здесь он скорее всего может найти себе добычу: насекомых, маленьких голых улиток и червей. По образу жизни он необыкновенно напоминает нашу веретеницу. Его маленькие ножки легко могут ускользнуть от внимания; немудрено потому, что простолюдин, которому бросается в глаза только туловище и змеевидные движения, принимает халцида за змею; и действительно, он движется совсем как уж обыкновенный, а когда лежит спокойно, то свертывается так же, как и этот последний. Тем не менее, зачатки ног ему не совсем бесполезны, так как, когда он движется, видно, что его маленькие ноги также работают, по мере сил содействуя движению. Холода он боится больше всех остальных родичей и скрывается в норы даже раньше черепах; поэтому в начале октября трехпалого халцида уже не увидишь и разве только можно отыскать его глубоко в земле, искусно вскопав ее. Он появляется снова только когда весна действительно вступает в свои права, и с тех пор начинает свой летний образ жизни.

По Фишеру, трехпалый сепс рождается живым и питается маленькими насекомыми, пауками и улитками. Он любит солнце и требует теплого, обращенного на солнце, помещения с песком и камнями, под которые в сумерки и забивается. Его кормят

маленькими мучными червями и мухами и получают от него большое удовольствие, так как он скоро становится доверчивым и сам приходит получить назначенный ему корм.

Подобно нашей веретенице, халциду приходится страдать от многочисленных врагов. Его преследуют многие млекопитающие, птицы и пресмыкающиеся и к этому многочисленному сонму врагов, которые, по крайней мере, хоть пожирают его, стало быть, пользуются им, присоединяется в качестве злейшего врага человек. Ему еще и донныне это безвредное создание кажется крайне ядовитым животным, так что он считает себя обязанным истреблять его всякими средствами. Даже более культурные жители Сардинии, которые отлично знают, что сепсы или совсем не кусаются, или же если и делают это, то укусы их ни в каком случае не влекут за собой вредных последствий, — даже они говорят, что если рогатый скот или лошади проглотят халцида вместе с травой, то брюхо у них страшно вздувается и появляется необходимость в срочной врачебной помощи; этим они также стараются оправдать повсеместное жесткое истребление сепсов. Кроме того, трехпалых халцидов преследуют все виды куниц и вообще все маленькие хищные животные так же, как и соколы, вороны, сойки, аисты и даже куры.

СЕМЕЙСТВО ХАМЕЛЕОНЫ (*Chamaeleonidae*)

Представители семейства хамелеонов характеризуются полными височными дугами, костяным мостиком, перекинутым от темени к сосцевидной кости, непарным сошником, отсутствием дужки и ключицы, расположением пальцев и особенным устройством языка. Самый известный род этого семейства — **настоящие хамелеоны** (*Chamaeleo*).

Строго говоря, хамелеоны имеют мало родственного с другими ящерицами. Их туловище сильно сжато с боков, узкое и имеет острый, выгнутый спинной хребет. Голова возвышается пирамидально или же плоско сжатая, представляет обыкновенно украшенный гребнем шлем и в рыльцевой части зачастую выдвинута вперед в виде костяного острия или кожистой лопасти, вообще она необыкновенно угловата; шея едва отделяется от головы. Сжатые, треугольные, с тремя более или менее ясными остриями зубы помещаются на краю челюсти, небо всегда без зубов. Ноги не менее своеобразного строения. Они длинные, тощие, цилиндрической формы и все почти одинаковой длины; на каждой ноге по пять пальцев, которые расположены группами по 2–3 пальца и облечены до самого основания их предпоследних суставов общей перепонкой. Они образуют нечто вроде клещей, которые крепко и уверенно обхватывают сучок, так как внутренняя их сторона покрыта зернистой кожей. Всегда и всюду одинаково плотное

прикрепление всего туловища к месту остановки достигается еще тем, что пальцы расположены очень своеобразно: на передних ногах соединены вместе три внутренних пальца, а на задних — три наружных. Таким образом, видно, что ноги этих животных относительно своего устройства единственные в своем роде. Хвост, служащий хватательным органом, кругловатый, сильный, к концу постепенно утончающийся и в нижней своей части имеющий способность свертываться спиралью. Он не такой хрупкий, как хвост многих ящериц, и также не имеет свойства снова отрастать, если его отделить. Вместо чешуек кожу покрывают маленькие зернистые возвышения, между которыми иногда попадаются более крупные зерна или бородавки, и всегда проходят тонкие складочки. Это особенность кожи допускает значительную растяжимость.

Наряду со строением описанных частей тела, внимание даже поверхностного наблюдателя привлекают глаза хамелеонов. Они заключены, словно в капсулу, в толстые веки и свободным остается только очень маленькое круглое отверстие для зрачка. Оба глаза в своих движениях совершенно независимы друг от друга, так что правый может смотреть вперед или вверх, в то время как левый смотрит назад или вниз, и наоборот. Эта, не встречающаяся еще ни у одного из пресмыкающихся подвижность глаз, дает хамелеону возможность, не двигаясь, обозревать всю окрестность и отыскивать добычу*. Барабанной перепонки совсем нет.

Внутреннее строение не менее замечательно, чем внешнее, и в некотором отношении напоминает строение первобытных ящериц, именно динозавров, а также птиц. В странном устройстве черепа бросаются в глаза необыкновенно большие с толстым ободком глазные впадины и задние, необыкновенно развитые, раковистые и перпендикулярно опускающиеся небные кости, неразделенная лобная и тонкие височные кости. Присутствие у хамелеонов столбика, отличающегося от столбика у ящериц только своей незначительной величиной, недавно доказано Долло. Шея состоит только из 2–3 позвонков, спина из 17–18, поясница из 2–3, крестец из двух, хвост из 60–66 позвонков с углублением спереди; 17–18 ребер соединены в средней линии брюшной стороны посредством хрящевой полоски; запястье образуется из пяти крепких костей. Мы не станем подробно заниматься расположением мускулов и органов пищеварения, а перейдем прямо к тому, что Видерсгейм открыл у обыкновенных хамелеонов чрезвычайно своеобразное устройство легких, а именно — присутствие множества слепых отростков, которые объясняют нам способность хамелеонов надуваться. Своеобразно устроенный язык, играющий важную роль в жизни животного, заслуживает подробного описания. Если идти на сравнения, то можно сказать, что он напоминает язык муравьеда и дятла, но все же весьма существенно отличается от того и другого. В состоянии покоя он лежит свернутым в

* Хамелеоны питаются преимущественно насекомыми, но особи крупных видов (например, *Chamaeleo melleri*) вполне могут питаться и позвоночными животными (мелкими птицами и ящерицами).

Семейство хамелеоны

* Язык хамелеона во рту животного сжимается гармошкой.

** Выбрасывание языка хамелеона из рта длится всего лишь 0,05 секунды, а обратное втягивание с добычей 0,19 секунды.

*** Некоторые хамелеоны (например, *Chamaeleo oweni*) способны даже перепрыгивать с ветки на ветку на расстоянии до полуметра.

пасти*; при употреблении же в дело может выдвигаться на 10 и более сантиметров и, во всяком случае, более чем на половину длины тела. Подъязычная кость, по словам Хустона, не связана с дыхательным горлом и имеет четыре рожка, длиной 2 см, и поразительно удлиненное тело, которое вытягивается наподобие грифеля на 3 см вперед, служа опорой языку, когда тот находится в состоянии покоя. В вытянутом положении язык имеет толщину лебединого пера, на ощупь эластичен и сплющивается лишь немного, посередине выглядит красноватым, а по обеим сторонам почти на 2 см от кончика, имеет белую полосу, на самом же кончике несколько толстых полых вен, наполненных кровью. Он приводится в движение девятью мускулами с каждой стороны, которые притягивают рожки подъязычной кости к грудной клетке и отдергивают назад. Подвижная часть языка состоит из трех частей: одна служит для схватывания, другая для опоры и третья — влагалище; первая из них лежит спереди, имеет в длину около 2,5 см и 2 см в окружности; длина ее не изменяется и при высовывании языка, так как она окружена волокнистым влагалищем; ее передний, углубленный кончик покрыт морщинистой слизистой оболочкой и выглядит как бы обмазанным клейкой массой, которая выделяется несколькими железами. Вторая часть лежит между первой и подъязычной костью и меняет свою длину, в зависимости от обстоятельств. В спокойном состоянии она занимает очень маленькое пространство, но при высовывании языка две очень большие язычные артерии, ветвящиеся в ней на бесчисленное количество капилляров, наполняют ее кровью и растягивают. Стремительность, с какою высовывается язык, происходит, таким образом, вследствие сильного притока крови в сеть кровеносных сосудов, а не посредством накачивания воздуха, как прежде думали. Кровеносные сосуды наполняются приблизительно также быстро, как вспыхивает румянец на щеках человека**;

поэтому высовывание и втягивание языка представляет собой влагалищеподобную складку, в которую может втягиваться основание языка во время бездействия.

«Стоя по целым дням на одном месте, — говорит Ваглер, — животное с известной беспечностью ожидает добычи, которую пошлет ему случай. Ловля добычи вовсе не составляет цели этого приятного покоя. С быстротой молнии язык высовывается из рта и издали схватывает насекомое, на которое он направлен. Его стремительное выталкивание не в состоянии поколебать туловище и сбить с позиции хамелеона, хотя бы он и стоял на очень гибкой и гладкой ветке, так как сильный мускулистый хвост, которым он цепляется, не дает туловищу сползать»***.

Весьма возможно, что своеобразное строение, серьезная наружность, медленная походка, внезапное выталкивание языка на добычу — все это вместе привлекло внимание греков к этому животному и заставило их дать хамелеону прекрасное название

«маленького или земляного льва». Впрочем, и в древности, и в позднейшее время, как исследователей, так и профанов, занимало свойство хамелеона переменять цвета. Прежде предполагали, что животное может менять свою окраску произвольно, принимать, например, цвет окружающего и посредством этого скрываться от врагов; поэтому человека, менявшего свои убеждения, смотря по обстоятельствам и всегда к своей личной выгоде, называли хамелеоном и считали последнего за эмблему холопской угодливости льстецов и царедворцев. Одно это имя уже дало Тертуллиану материал для строгой критики всякой фальшивой внешности и бесстыдства лицемеров и хвастунов. Появлялись как ученейшие, так и самые безграмотные, как остроумнейшие, так и самые нелепые рассуждения и толкования по поводу этой изменчивости цветов, которую мы, впрочем, замечаем еще в большей степени и у других ящериц, например у калота (*Calotes*); но до настоящего времени существовало разногласие во мнениях относительно этого, еще недостаточно разъясненного явления, пока, наконец, Брюкке не решил этот вопрос путем удачных исследований.

Причина перемены цвета основывается на двояком положении различных красящих веществ (пигментов), из которых одно расположено под верхними слоями собственно кожи, но распространяется также в соединительную ткань и здесь проникает между ее частями; другое же распространяется по всей коже, находясь именно в разветвленных клеточках, которые лежат под кожей или также в главной массе кожистого слоя. Первое из этих двух красящих веществ дает белый цвет, который, впрочем, кнаружи

Настоящие
хамелеоны
(*Chamaeleo*)

Семейство хамелеоны

* Состав семейства
сейчас включает
8 видов рода
Rhampholeon, 14 ви-
дов рода *Bradypodion*,
21 вид рода *Brookesia*
и около 80 видов
рода *Chamaeleo*.

** Самки некоторых
видов хамелеонов
имеют особые семя-
приемники, где доста-
точно долго «в рабо-
чем состоянии» мо-
жет сохраняться
сперма, расходуемая
при повторных клад-
ках уже без участия
самцов.

становится обыкновенно более или менее ярко-желтым; второе — буровато-черного цвета. Оба эти красящие вещества обуславливают изменчивость цвета животного, в зависимости от того располагаются ли они рядом или одно за другим, или же проникают одно в другое. Если в силу входит светлый пигмент, то кожа выглядит белой или желтой, если в него проникает черный — то кожа становится бурой или черной; промежуточные цвета дает просвечивание одного пигмента чрез другой в различной степени. Каким способом происходит сама перемена цвета и какие причины вызывают ее — это мы узнаем впоследствии.

Хамелеоны не только по внутреннему и внешнему строению тела стоят особняком среди пресмыкающихся, но также и по душевным своим способностям занимают среди них особое место. В этом нас убеждают подвижность и вполне независимая деятельность глаз, способность языка высовываться с поразительною стремительностью, главным образом медлительность и спокойствие в движениях их конечностей — все это постоянно вводит натуралистов в заблуждение относительно того, действительно ли имеешь дело с ящерицами в лице этих странных созданий.

Все хамелеоны принадлежат Старому Свету или, вернее, Восточному полушарию, так как действительно не имеют в Америке ни одного родственного представителя. Они причисляются к характерным животным Африки и, кроме того, встречаются еще в пограничных странах соседних частей света. Из 55 известных нам видов* одна половина живет на Мадагаскаре и соседних островах, а другая — в жарких и умеренных странах Африки. Всего только один вид населяет области по берегам Средиземного моря; по одному виду живут на острове Сокотра в южной Аравии, Индии и на Цейлоне. Различают три рода хамелеонов, из которых, кроме главного, собственно хамелеонов, особенный интерес для нас может иметь еще один (*Rampholeon*), так как единственные два вида этого рода встречаются в Германских владениях: один из них в восточной Африке, а другой в Камеруне.

Что касается их размножения, то нам известно, что большая часть видов кладет яйца, но что есть также виды, например **карликовый хамелеон** (*Chamaeleo pumilus*) с его пятью ближайшими родичами, которые рожают до 11 живых детенышей**. Для нашей цели вполне достаточно описать только те виды, которые встречаются в Европе.

Хамелеон обыкновенный (*Chamaeleo chamaeleon*), упомянутый в Библии (Левит. 11:30), имеет следующие отличительные признаки: спинной гребень у него зазубрен только до половины, брюшного гребня, идущего от подбородка до зада, совсем нет; на затылке возвышается тупо пирамидальной формы шлем, который образуется из сильно выступающего, загибающегося назад теменного валика; туловище покрыто всюду одинаковыми маленькими чешуйками, которые увеличиваются только на голове.

На задней стороне шлема, слева и справа, ясно обозначается кожистая лопасть, которая отделяет голову от шеи; ни на той, ни на другой паре ног шпорцевидных кожистых отростков нет. Относительно окраски мы поговорим ниже; вполне удовлетворительно-го описания ей дать нельзя. Длина животного 24–28 см, из которых половина приходится на хвост. Область распространения обыкновенного хамелеона простирается от южной Испании через большую часть побережья Средиземного моря: он живет в Андалузии, во всех странах северной Африки, от Марокко до Египта, в Аравии, Сирии, на Кипре, Самосе и Хиосе и в Малой Азии.

Все хамелеоны придерживаются таких стран, где хоть временами идет дождь или каждую ночь выпадает такая сильная роса, что они во всякое время могут удовлетворить свою настоятельную потребность в воде. На этом основании они селятся преимущественно на побережьях и островах. Впрочем, хамелеоны попадают так же и в пустынях, но и там придерживаются исключительно тех местностей, которые находятся под влиянием моря и потому производят хотя бы скудную растительность. Другая их потребность заключается в высоких растениях, деревьях или кустах, или, по крайней мере, в кустарнике, так как они вполне древесные животные, которые только в виде исключения сходят на землю (преимущественно для того, чтобы напиться или отложить яйца). Этим объясняется то обстоятельство, что почти во всех известных видах численность самок гораздо больше, чем самцов, которые зачастую украшены рожками или кожистыми лопастями на голове, и, кроме того, легко отличаются от самок тем, что у них основание хвоста всегда утолщенное и вздутое вследствие выпяченных половых органов. Там, где они живут, при особенно благоприятных обстоятельствах их можно встретить на небольшом расстоянии целую дюжину. Обыкновенно их видишь маленькими обществами в 3–6 штук, сидящими неподвижно на кусте или на верхушке дерева, прикрепившись к одной или нескольким веткам своими четырьмя цепкими ногами и хвостом так, как будто бы это приросшие к сучку древесные наросты. В продолжение целого дня все их движения ограничиваются тем, что они то опускаются, то снова поднимаются по тому сучку, который избрали себе местом отдохновения, и только какие-нибудь исключительные обстоятельства заставляют их изменить не только положение, но и место. Прославленный ленивец и всякое другое подобное существо, живущее на деревьях, движется больше и чаще, чем они, если только не принимать во внимание их глаза и язык, так как глаза непрерывно вращаются, а язык высовывается каждый раз, как показывается добыча. Никакое другое позвоночное не подстерегает свою добычу так настойчиво, как хамелеон: в этом отношении его можно сравнить только с низшими беспозвоночными животными, которые как бы прирастают к скалам. Кому посчастливится напасть на это, не так-то легко находимое

существо, тот может видеть, как оба глаза животного постоянно движутся как бы толчками и высматривают в различных направлениях независимо один от другого. Если продолжительный пост не возбудит в нем слишком сильного аппетита, то хамелеон остается в одном положении даже тогда, когда ему удастся высмотреть насекомое, и спокойно выжидает, когда оно сядет на ветку или на лист на досягаемом для него расстоянии. Как только это произойдет, голова хамелеона поворачивается к насекомому, оба глаза обращаются вперед, рот медленно раскрывается, язык высвобождается, приклеивается к добыче и втягивается назад; иногда замечается быстрое жевательное движение челюстей и затем животное становится опять таким же неподвижным, как прежде. Но если ему долгое время не было удачи в охоте, то он может пуститься преследовать высмотренное насекомое, преодолевая расстояние до одного метра, но все же не покидая того куста, на котором сидит.

Во время моего пребывания в Александрии, я однажды держал в комнате до 20 живых хамелеонов. Они все достались мне в один и тот же день и с самого начала поделили между собой отведенное им помещение. Они расселись на каждом выступе, на подоконниках, на дверных карнизах, на ружьях и чубуках, стоявших в углу, на столах, стульях, ящиках и коробках, и каждый оставался на своем месте по возможности долго. Посредством посуды, наполненной медом, я приманивал для них насекомых, в особенности мух; но или голод моих пленников было трудно утолить, или же избранные ими стоянки были так неблагоприятны, что волей-неволей им приходилось пускаться в дальние прогулки. Эти выходы на охоту вначале были удачными; но когда я затворил окно и тем прекратил доступ новых мух, охота усложнилась, потому что мухи заметили преследование и осторожно избегали приближавшихся врагов. При этом мне не раз пришлось подивиться неистощимому терпению хамелеонов.

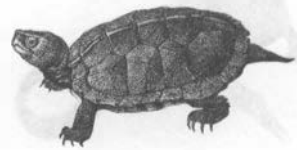
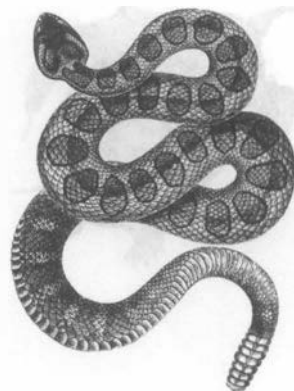
Один из моих зверьков, укрепившийся на спинке стула, сначала стал ворочать глазами, пока, наконец, не заметил на соседнем столе муху. Открытие свое он тщательно проверил и затем, по-видимому, взвесил все случайности. У него, очевидно, еще была слабая надежда на то, что муха, удаленная от его рыльца на 20 см, усядется на спинку стула; но, к сожалению, эти радужные мечты не осуществились. Тогда хамелеону приходит новая мысль, и он спешит по-своему привести ее в исполнение. Осторожно освобождает он одну из передних ног, тихонько приподнимает ее приблизительно на 1 см от прежнего положения, медленно переносит, может быть, сантиметра на два дальше и снова крепко прикрепляется ею. Через мгновение после этого петля хвоста распускается, эта пятая рука также вытягивается, снова прикрепляется и теперь животное может передвинуть и одну из задних ног. Естественно ожидаешь, что будет передвинута передняя лапа

противоположной ноги, но скоро замечаешь, что хамелеон не придерживается в ходьбе общего правила, а переставляет то одну ногу за другой одной и той же стороны, то попеременно переднюю и заднюю ноги. Один глаз пристально следит за мухой, другой еще беспрерывно вращается, как будто бы он должен охотиться самостоятельно. Муха продолжает сидеть, — следовательно, можно продвигаться вперед. С крайне забавной, но, не смотря на это, мучительной медлительностью спускается терпеливый хищник по спинке стула, вперед на сидение, с удивительной ловкостью взбирается снизу на стол и после неописанных усилий, карабкаясь и цепляясь, добирается до края доски. Оба глаза вращаются теперь так быстро, как только могут; муха, к счастью, продолжает еще сидеть на том же самом месте; наконец она входит в поле зрения хамелеона, и дальнейшие его движения снова становятся рассчитанными. Он достигает соответственной близости, челюсти его открываются, и показывается головка кончика языка, — но озабоченная муха, жужжа, улетает, а хамелеон только глядит ей вслед. Снова глаза начинают вращаться и долгое время совершенно напрасно; наконец, по крайней мере, один из них неожиданно устремляется куда-то в дальний угол, и действительно, там снова уселась муха. Теперь, кажется, досада на неудачную попытку заставляет хамелеона ускорить шаги, так как он с поразительной поспешностью спускается на стол, и с широко расставленными ногами, пользуясь хвостом в качестве подпорки, шагает по плоской поверхности, хотя очевидно с большим трудом, но все же гораздо скорее, чем можно было ожидать от него. Длинный чубук служит ему удобной лестницей, и через несколько минут вершина его счастливо достигнута. Но если бы чубук был на 15 см длиннее! Когда наш хамелеон достигает его конца, он, после минутного размышления, замечает, что ему не хватает этих 15 см. Муха сидит с невозмутимым спокойствием, но вне досягаемости его языка; долго-долго оба глаза неподвижно впиваются в нее: муха остается на том же месте, а хамелеон — на своей позиции, занятой с таким трудом. Возможно, что муха со временем приблизится на несколько сантиметров; возможно также, что прилетит и другая.

Неоднократно утверждали, что хамелеон при всем своем желании не в состоянии сделать в течение дня больше нескольких шагов. Но я убедился, что это неверно. Когда он захочет, то в течение одного часа может пройти относительно порядочное расстояние. Некоторые исследователи высказывали мнение, что будто бы хамелеон не может плавать, потому что у этого животного не только глаза, но и обе половины мозга, а вследствие этого и обе половины тела совершенно независимы одна от другой. Я же того мнения, что хотя хамелеону и нечасто приходится переплывать реки, но сомнительно, чтобы он при этом пошел ко дну, так как ему достаточно только надуться, что он

*Семейство
хамелеоны*

Семейство
хамелеоны

и без того часто делает, чтобы обезопасить себя от погружения в воду.

Относительно перемены в окраске кожи обыкновенно бытует ложное представление. Некоторые думают, что хамелеон имеет свойство внезапно проявлять на своей коже всевозможные оттенки и переходы всех, каких только можно представить себе цветов, что он бесконечно может применяться по окраске к разным обстоятельствам, в каких приходится ему обретаться, и потому по желанию в состоянии принимать какой угодно цвет. Но все эти мнения более или менее несправедливы. Обычно хамелеон выглядит зеленоватым, похожим по цвету на лист; но он далеко не всегда может принимать по желанию окраску того предмета, на который его посадят. В цвете его кожи встречаются все переходы от оранжевого через желто-зеленый до сине-зеленого и оттенки и переливы всех этих цветов в отдельности, переходящие через серый или серо-бурый в черный, белый, мясо-красный, ржаво-бурый, фиолетово-синий и сине-серый. Бывают еще перемены цветов, образуемые тонкими, плоскими, шестиугольными клеточками кожи, лежащими над верхним слоем кожи. Все изменения окраски происходят с известной правильностью или вследствие внешних влияний или же вызываются какими-нибудь душевными движениями или общими ощущениями, например: голодом, жаждой, потребностью покоя, пресыщением, сладострастием и т. п. Однако эти перемены далеко не у всех экземпляров совершаются одинаковым образом или с одинаковыми последствиями. Замечено, что и не все части тела обладают способностью менять окраску: желтая полоса, идущая от подбородка к заду, т. е. так называемая нейтральная линия, и тоже желтая внутренняя часть лап на обеих парах ног никогда не меняют своего цвета; внутренняя сторона предплечья и бедра подвергается лишь весьма незначительным изменениям.

Фан-дер-Хувен сделал очень точные наблюдения над изменчивостью окраски тела хамелеона и изобразил это животное в различных цветах. По сторонам замечаются две широкие, светлые долевые полосы и рассеянные между ними от головы до хвоста и от спины до брюха темные, круглые крапины, которые больше других мест подвержены изменению. По утрам, когда животное более или менее спокойно, кожа его бывает желтоватая, а обе полосы выглядят красноватыми; крапины и вовсе незаметны или очень мало. Днем, немного позднее, цвет кожи выглядит почти так же, без большой перемены, полосы же становятся беловатыми, а крапины темно-зелеными; кроме того, по спинному хребту выступают темные тени. Если животное взять в руки утром, то также выступают зеленые пятна. В возбужденном состоянии кожа хамелеона становится зеленоватой, брюхо синеватым, полосатость белой, а крап черным. Иногда животное выглядит красновато-бурым, полосы тогда светлее, крапины и тени почти совершенно

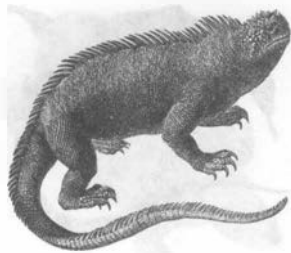

исчезают. Этим, впрочем, вовсе не исчерпывается изменчивость красок. Я заметил, что два хамелеона во время спаривания принимали молочно-белую окраску, а когда их сердили, они становились почти совершенно черными; другие исследователи видели хамелеонов с бледно-красными, пурпуровыми и фиолетовыми крапинами. В общем, окраска и узор тем ярче, чем здоровее и восприимчивее животное. Но и это правило не без исключения. Что свет и теплота также имеют существенное влияние на окраску, это можно доказать опытами. «Если кому-нибудь вздумается посмотреть, как быстро меняется окраска хамелеона, — говорит Ленц, — тому стоит сидящего в прохладном месте хамелеона взять в руки или согреть каким-нибудь иным способом». Иногда для этого не требуется даже и теплоты: одного слабого света уже достаточно, чтобы вызвать изменение цвета. Если ночью подойти к спящему хамелеону со свечей в руках и держать ее на расстоянии 6–10 см от одного бока животного, то можно заметить, как на желтой коже через несколько минут выступают светло-бурые пятна, которые постепенно будут делаться все темнее и темнее, пока не станут совсем черными; как только удалите свечку, пятна медленно исчезнут. Если пойманного хамелеона перенести из темного помещения на солнце, то его кожа темнеет в течение нескольких минут. Необыкновенное влияние света и определенная независимость обеих половин тела хамелеона становятся вполне очевидными, если животное освещать или согревать только с одной стороны; в таких случаях изменяется только эта сторона, а не обе. Поэтому весьма возможно такое странное явление: когда спящее животное неожиданно разбудить и раздражить, то просыпается только одна половина его, а другая продолжает находиться в сонном состоянии. Дальнейшее возбуждение, например спрыскивание водой, тоже влияет на изменение окраски, в особенности тогда, когда животное долго ей не пользовалось. Из всего этого следует, что изменение окраски зависит от влияния нервов и происходит только вследствие возбуждения нервной системы.

С себе подобными хамелеон уживается не лучше большей части прочих пресмыкающихся. Нередко случается, что два хамелеона обозлятся друг на друга, яростно нападают и стараются поранить соперника своими сильными челюстями. Когда несколько хамелеонов живут в одном тесном помещении, то поводов к ссорам и дракам бывает немало. Какое-нибудь удобное местечко для сидения уже способно возбудить зависть и досаду в менее удачливом сопернике и вызвать угрожающие движения и даже настоящее нападение с его стороны; но гораздо серьезнее обстоит дело, когда пробудится потребность к спариванию. Тогда в них просыпается не только ревность — они всерьез дерутся за обладание самкой, яростно нападают друг на друга и изо всей силы кусаются. С другими пресмыкающимися они живут в полнейшем мире,

Семейство хамелеоны

или, вернее сказать, не имеют с ними никаких сношений, так как они интересуются только теми животными, которые им опасны или могут служить пищей. Когда к ним приближается враг или просто какая-нибудь безобидная птица, они, прежде всего, стараются надуться так, что туловище их становится почти круглым в поперечном разрезе, а затем принимаются фыркать и шипеть. Если схватить их рукой, то они также вцепляются в нее и немного придавливают кожу челюстями, но настолько слабо, что обычно не причиняют ни малейшего повреждения. Само собой разумеется, что при этом их кожа переливается различными цветами и сама форма животного, вследствие раздутия, совершенно изменяется: все ребра выступают, и животное в буквальном смысле приобретает известную прозрачность, так что сквозь его тело можно разглядеть ветки или перекладины его клетки, которые выделяются в виде темных полос.

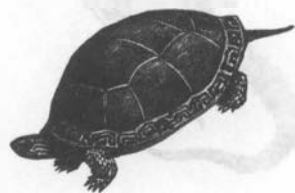
Подобно большинству пресмыкающихся, хамелеон, без всякого вреда для себя, может голодать по целым неделям и даже, быть может, месяцам; но жажду долго не выносит. Однажды летом я получил из Александрии многочисленное общество этих животных, которые были в дороге всего 14 дней. Больше трети всех хамелеонов, удовлетворительное состояние здоровья которых перед отправлением было констатировано, лежали мертвыми на полу хорошо устроенной клетки; другие безо всякого сопротивления позволяли брать себя; но как у тех, так и у других кожа выглядела равномерного серовато-соломенно-желтого цвета без ясного узора, без всякой яркости в красках. Мое предположение, что умершие животные погибли от голода, что слабые близки к голодной смерти, а остальные, по крайней мере, очень голодны, не подтвердились. Хотя глаза всех их устремились на приготовленный корм, где копошились мучные черви и гусеницы, а также слетались на приманку мухи, но ни один из моих воспитанников не стал есть, ни один из них даже не пытался достать добычу. Тогда в виде опыта, я пустил на них сверху искусственный дождь. Магического, более животворного действия наверно никогда не имела даже первая гроза после продолжительной засухи, никогда так освежающе не влиял, по всей вероятности, первый глоток, сделанный изнывающим от жажды человеком. Каждая капля, падавшая на желто-кожаное тело, восстанавливала в орошенном месте свежесть кожи и, подобно солнечному лучу, рассеивающему тучу, «сдирала» эту одежду вынужденного лишения, чтобы уступить место роскошному одеянию. Живительная влага освежала не только завядшую кожу, язык также с жадностью подбирал отдельные капли. И когда капли стали падать все реже и реже, истомленные жаждой животные ухватились с обеих сторон за лист своими сухими губами и буквально присосались к нему, а когда он был весь вылизан и высосан, они обратились к другому листу. Наконец все хамелеоны успели подкрепить себя еще раз

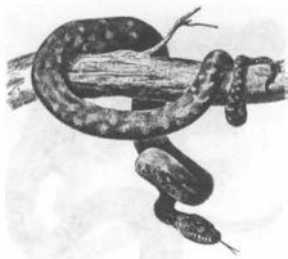
предложенным питьем и тогда только обратили должное внимание на копошащихся мучных червей и похотливых до меда мух. Туловища хамелеонов из плоских сделались опять кругленькими, в подгибавшихся ногах восстановилась крепость и устойчивость, тусклые глаза приобрели подвижность. После долгого поста они не только ели с жадностью, но поедали корм в изумительном количестве. До этого, по своим наблюдениям и опытам, я считал их умеренными созданиями. Я знал, что на свободе они питаются только мелкими и слабенькими насекомыми, в особенности мухами, бабочками, жуками, кузнечиками, гусеницами, пауками, мокрицами, может быть, также червями; я представлял себе, что они терпеливо выжидают, пока им предложат какую-нибудь добычу. Я читал, наконец, что они никогда не едят больших насекомых и могут одолеть зараз только одного; теперь же мне пришлось убедиться совершенно в противоположном. Животные лазали по веткам вверх и вниз; когда не хватало места, они обвивались между собой завитками хвоста; за лучшее место они ссорились с угрожающими жестами; глаза их, действующие независимо друг от друга, осматривали все углы, как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости. Дюжины таких глаз метились на одну и ту же добычу; муха, счастливо избежавшая одного языка, неизбежно становилась жертвой второго, третьего и т. д. Довольно большое блюдо, наполненное мучными червями, они опустошили за один присест; содержимое довольно объемистой коробки, которую дал им садовник, обиравший гусениц, в течение суток было поглощено желудками моих сорока хамелеонов, а вращающиеся глаза все еще продолжали высматривать следующую добычу: мои пленники казались прожорливее всякого другого известного мне пресмыкающегося.

Как собственно поступает хамелеон, чтобы завладеть добычей, я не мог узнать наверно. Кажется, что схваченное глазом насекомое приклеивается к головке быстро высунутого и так же быстро подобранного языка, и это, судя по наблюдениям, должно быть так; с другой стороны, может быть, что голова языка употребляется ими вроде клещей. Как бы то ни было, но я сам бесчисленное количество раз был свидетелем, что попавшее на головку языка насекомое может считать себя погибшим. После того, как чашечка с кормом была наполнена мучными червями, мои хамелеоны буквально открыли настоящий перекрестный огонь «выстрелов» и ни разу язык не всовывался без добычи; очень часто на головке языка висели 2 или 3 мучных червя, и ни один из них не отпадал. Меткость этих стремительных выстрелов языка возбуждала всеобщее изумление.

Кладка яиц у обыкновенного хамелеона наблюдалась неоднократно, но, насколько мне известно, только у пленных животных. «Однажды я заметил, — рассказывает Валлиснери, — что один из моих хамелеонов сделался очень беспокойным и, наконец,

Семейство хамелеоны

** Любопытно, что несмотря на древесный образ жизни хамелеонов, кладка все же закапывается самкой в землю. На место «погребения» кладки самка подгребает сухие листья и веточный опад, образуя достаточно плотный холмик. Процесс развития яиц длится 9 месяцев.*

тихонько, со всей своей прирожденной ленью, спустился на землю по ветвям, которыми была украшена его клетка; здесь он стал беспокойно бегать, пока не остановился в углу клетки, где не было ни песка, ни пыли, а одна твердая земля, и передними лапами начал рыть ее. Твердая земля оказывала ему такое сопротивление, что он должен был проработать без перерыва целых два дня, чтобы расширить прежнюю дырку до размеров ямки 10 см в поперечнике и 15 см глубины. Он залез в эту ямку и там стал откладывать яйца, положив всего более 30 штук, как я убедился сам. Выполнив, и надо сказать с большим старанием, это дело, он задней ногой снова зарыл яму, совершенно так, как это делают кошки, когда хотят скрыть свои испражнения. Но этим он, однако, не удовольствовался и наносил еще сухих листьев, соломы и хвороста, из чего сделал нечто вроде крыши над образовавшимся холмиком». 25–30 яиц, составляющих кладку хамелеона, овальной формы и равномерно-белого цвета, с мягкой как пергамент скорлупой. По моим наблюдениям, очень многие самки, даже сильные и здоровые, умирают перед, во время или после кладки яиц.

«Увиденный хамелеон, — погибший хамелеон, — гласит одна испанская пословица, и вполне справедливо, так как, несмотря на всю свою изменчивость, мало бросающаяся в глаза окраска животного служит ему лучшей защитой против бесчисленного полчища врагов, преследующих его. Не только все маленькие четвероногие хищники и большая часть хищных птиц, но также и вороны, птицы-носороги, цапли, аисты и, наконец, даже большие змеи, быть может, также вараны и другие пресмыкающиеся должны быть причислены к врагам этого безобидного создания. Человек повсеместно уделяет ему внимания больше, чем это полезно для него. Нигде его не считают ядовитым или опасным, но всюду его удивительное строение так бросается в глаза, что каждый старается овладеть животным. Ловля производится обыкновенно самым грубым способом: хамелеонов, которых можно схватить руками, силой отрывают от ветвей; тех же, которые сидят слишком высоко, стараются сбросить на землю, кидая в них камни. Поэтому неповрежденные экземпляры могут получить только те ловцы, которые будут обращаться с ними с величайшей осторожностью; вследствие дурного обращения большая часть пойманных хамелеонов умирает через несколько дней, максимум — через несколько недель.

Вначале пленные хамелеоны проявляют себя крайне раздражительными, фыркают и надуваются каждый раз, когда к ним кто-нибудь приближается, даже стараются укусить, одним словом, не хотят и знать своего воспитателя. Впрочем, поведение их скоро изменяется: они привыкают к человеку и терпеливо переносят от него решительно все. При целесообразном уходе они выживают в неволе целые месяцы. Больше всего они требуют

равномерной теплоты. Наступление поздних осенних дней служит для них началом недомоганья. Они перестают есть, чахнут и умирают. Лучше всего они содержатся в оранжереях, равномерно теплая температура которых позволяет им бороться даже с продолжительным постом. В надлежащей пище они никогда не должны терпеть недостатка; из вышесказанного можно видеть, что они требуют значительного количества мух, мучных червей, пауков, кузнечиков и т. п. Они никогда не дотрагиваются до мертвого насекомого, как бы заманчиво оно ни было; все, что они поглощают, должно быть в живом виде. Хотя Джэмсон и рассказывает, что его садовник в продолжение целой зимы пичкал одного хамелеона мокрицами и дождевыми червями, но такие податливые экземпляры попадаются очень редко: большинство из них предпочитает умереть голодной смертью, чем принимать непривычную для себя пищу; к тому же насильственное открывание челюстей хамелеона — вовсе не простое дело. Фишер, державший недавно в клетке множество хамелеонов, считает их очень чувствительными к холоду и поэтому советует держать их при температуре 27–35° Цельсия. Влажность воздуха и питье также служат главными условиями их благоденствия. По словам того же достоверного наблюдателя, искусственное освещение не влияет на перемену окраски, если животное не разбужено. В известное время хамелеоны издают мурлыкающий звук. В отношении душевных способностей они из всех пресмыкающихся стоят на самой низкой ступени, хотя зрение и слух у них отлично развиты. Пищей им служат мухи, мучные черви, тараканы и кузнечики. Линька совершается с августа по сентябрь; затем следует период спаривания. Процесс спаривания продолжается от нескольких секунд до 14 минут; беременная самка принимает постоянную присущую ей окраску. Беременность длится 51–57 дней, обычная кладка состоит из 24–37 яиц. В конце ноября яйца пристраиваются в соответственное место и через 125–133 дня после кладки появляются молодые; впрочем, наверно еще не доказано, что на родине животного эти сроки совпадают с выше указанными.

В южной Испании хамелеона держат в комнате вовсе не для удовольствия. Ему отводят определенное место, подвешивают там сосуд с медом и тем привлекают надоедливых мух к внимательному и неутомимому ловцу. Мой брат пишет мне, что в Севильи почти в каждой лавочке видишь этих пресмыкающихся, которых содержат как домашних животных.

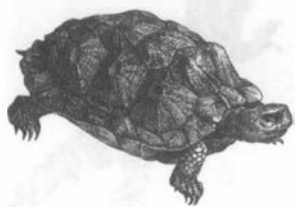

Важнейшим отличительным признаком змей является присущая им подвижность лицевых костей, которая способствует необычайному расширению рта. Многие другие пресмыкающиеся животные имеют, как мы видели, такую же внешнюю форму тела, как змеи. Приняв это во внимание, можно сказать, что змеи характеризуются вытянутым, червеобразным телом, одетым в твердую, так называемую чешуйчатую кожу. Голова и хвост слабо отграничены от туловища. Согласно воззрению новейших исследователей, змеи представляют своеобразно развившуюся боковую ветвь чешуйчатых пресмыкающихся и не отличаются от последних какими-либо важными признаками. Отсутствие плечевого пояса и мочевого пузыря, чему придавали большое значение, нужно рассматривать как особенность, которая была предуготовлена образом жизни некоторых первобытных ящериц.

Голова змей никогда не бывает очень велика; обыкновенно она шире, чем остальное туловище. Только у немногих видов она особенно резко отделена от шеи или от туловища. Голова яйцевидной или треугольной формы, обыкновенно сдавлена сверху вниз, то есть, иначе говоря, сплюснута. Ротовая щель столь велика, что пасть, по-видимому, заходит далее задней границы головы. Ушного отверстия нет; глаза расположены почти над серединой ротовой щели, сбоку и вблизи края челюсти. Носовые отверстия всегда расположены впереди, часто совсем близко к верхушке рта. Чешуйчатый покров головы более или менее отличен от покрова туловища. Обособленной шеи нет; туловище начинается по большей части непосредственно позади головы и переходит незаметным образом в более или менее удлиненный хвост. Последний имеет форму полного или усеченного конуса. Длина туловища и хвоста больше их ширины в 20—90 раз. Голова, туловище и хвост одеты твердой кожицей, которую, по словам Карла Фогта, «неправильно называют чешуйчатой кожицей, так как в действительности покров этот представляет одно неразделенное целое и ясно состоит из настоящей кожи и лежащей над ней верхней кожицы».

По форме различают два рода чешуек. Одни, имеющие в длину бóльшие размеры, чем в ширину, и снабженные часто посредине килем, встречаются преимущественно на спинной поверхности животного; другие, большей частью шести или четырехугольной формы, имеют в ширину бóльшие размеры, чем в длину, и главным образом встречаются на брюшной стороне туловища и на голове». Щитки, покрывающие верхнюю сторону головы, имеют такие же названия, как и у ящериц. Из щитков, покрывающих нижнюю сторону, мы различаем: пару самых передних чешуевидных горловых щитков, расположенных сзади бороздковых

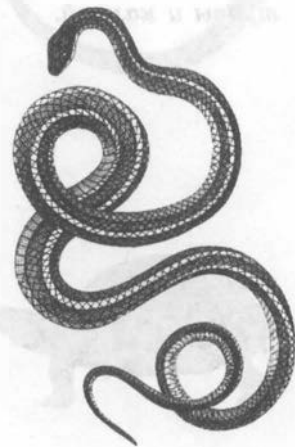
щитков широкие, идущие вплоть до заднепроходного щитка брюшные щитки; кроме того, покрывающую заднепроходное отверстие полукруглую, одиночную или парную, чешуйку — заднепроходный щиток и находящиеся на нижней поверхности хвоста, парные или непарные, хвостовые щитки.

«Для змей характерны бороздковые щитки, из которых обыкновенно две пары лежат друг за другом на подбородочной борозде, и два нижнегубных щитка, лежащих большей частью посредине, позади подбородочного щитка. Нижнегубные щитки, расположенные по бокам, впереди бороздковых щитков, заполняют спереди границы подбородочной борозды».

Нельзя сказать ничего общего относительно окраски и рисунка кожи, так как они представляют необычайно большое разнообразие. Существуют змеи одноцветные, а также с пестрыми пятнами, с узором, состоящим из колец, решеток, полосок, точек, пятен в виде облаков и т. д. Одни виды невзрачны, другие же щеголяют великолепными красками. Но всегда рисунок и окраска стоят в известной зависимости от местности, в которой обитает змея. У живущих в пустынях преобладает песочно-желтая окраска, у древесных форм — зеленая. Змеи, ползающие по почве, покрытой растительностью, имеют пестрое одеяние, а пресноводные — соответственно темноте иловатых вод — носят темное одеяние. Морские змеи, напротив, щеголяют яркими — желтой и черно-голубой — красками, которые согласуются с разноцветными волнами тропических морей. Это соответствие окраски и местности не всегда наблюдается непосредственно, но путешественники, изучившие на основании собственных наблюдений богатство красок тропических стран, непременно заметят его, точно так же как наши охотники на змей знают, как хорошо они приспособляются к почве, по которой движутся. Заслуживает внимания замечательное исключение из этого правила. Именно — чешуйки роющих змей, проводящих полжизни под землей, отчасти окрашены в яркие цвета, отчасти же имеют металлический блеск, подобный блеску полированной стали. Хотя окраска и рисунок не могут быть изменяемы произвольно, не усиливаются при возбуждении и не ослабевают во время сна, но, тем не менее, являются постоянными только до известной степени. Именно только общий отпечаток их существует у всех экземпляров данного вида. Строго говоря, окраска и рисунок значительно варьируют, у одних видов больше, у других — меньше. Наша гадюка, например, имеет около 12 названий, потому что прежние исследователи принимали отдельные разновидности за особые виды, которым и давали названия. При этом возраст и пол оказывают влияние более значительное, чем обыкновенно думают.

Простота и однообразие внешней формы тела обусловлены строением костного скелета, который состоит только из черепа, позвоночного столба и ребер. Существующие же у некоторых се-

Подотряд змеи

Подотряд змеи

* Ближайшими родственниками змей часто считают безухих варанов (*Lanthanotidae*), сейчас представленных одним видом — *Lanthanotus borneensis*, однако в последнее время их сближают с гекконоподобными предками, среди которых были и безногие формы.

** Причины утраты конечностей окончательно до сих пор не установлены. Одни специалисты считают, что это произошло в результате перехода к роющему образу жизни, другие связывают это с обитанием в водной среде или среди травы и камней.

мейств укороченные тазовые и ножные бугорки, расположенные соответственно задним конечностям других пресмыкающихся, служат лишь намеком на конечности*. Эти костные бугорки заслуживают нашего внимания, особенно если сопоставить их с наблюдениями Карлсона, который нашел у небольшого числа змей остатки плечевых мускулов и кровеносных сосудов передних конечностей. Вышеупомянутые данные заставляют нас признать, что змеи произошли в старину из четвероногих, ящерицеобразных форм**.

Важнейшей и самой своеобразной по форме и устройству частью скелета является череп. Он состоит, не считая менее важных для нас костей, из затылочной кости, теменных, лобных, височных, скуловых, носовых и слезных костей, клиновидной и межчелюстной костей, двух верхнечелюстных и двух небных костей и связанных с ними нижнечелюстных костей, состоящих из нескольких частей. Еще более, чем незначительная величина части черепа, заключающей мозг, бросается в глаза сильная подвижность челюстного аппарата. «Межчелюстная кость, — говорит Карл Фогт, — связана плотно с носовой костью; верхнечелюстные, крыловидные и небные кости, напротив, являются очень подвижными у большинства змей, главным образом у ложноногих, ужей и гадюк, и могут двигаться из стороны в сторону, а также вперед и назад. Столь большая подвижность зависит от нижнечелюстных костей. Длинная чешуевидная сосковидная кость связана с черепом только посредством связок и мускулов и несет на конце также длинную стержневидную, направленную косо вниз квадратную кость, с которой сочленена нижняя челюсть. Эта последняя состоит обыкновенно из двух, совершенно отдельных, стержневидных, лишь слегка изогнутых половин, которые соединены впереди только рыхлыми, растяжимыми волокнами; отделение их обозначается снаружи на так называемой подбородочной борозде, находящейся на нижней поверхности головы». Такое устройство позволяет змеям значительно расширять свой рот и проглатывать добычу гораздо более значительных размеров, чем, по видимому, это допускает отверстие рта. К голове непосредственно примыкает туловище, так как у змей нет различий между шейными, грудными, поясничными, крестцовыми и хвостовыми позвонками. Уже начиная со второго, третьего или четвертого позвонка, лежащего позади черепа, все позвонки снабжены парой ребер, отличающихся от ребер туловища только меньшей величиной. Начиная с указанных, все позвонки, лежащие сзади, имеют более или менее одинаковое строение. Они связаны друг с другом настоящим шарообразным сочленением, причем сочленовная головка предыдущего позвонка входит в полушарообразную ямку последующего, и имеют ребра, связанные с телами позвонков также шарообразным сочленением. Ребра имеют особенное и очень важное значение, так как они заменяют у змей недостающие ко-

нечности. Они оканчиваются в мускульном слое, связанном с большими брюшными щитками, и придавливают их, когда движутся спереди назад, своими задними концами, выпячивающимися к поверхности, по которой должно совершаться движение. Таким образом, они представляют ряд рычагов, из которых каждый если и не вполне соответствует конечности, то, во всяком случае, исполняет ее роль. Следовательно, будет справедливо, если мы скажем, что змеи ходят на своих ребрах. У некоторых видов змей шейные ребра расширены также и вбок. В хвостовой части ребра уменьшаются мало-помалу и наконец совершенно исчезают. Соответственно видам и величине змей число позвонков колеблется в широких пределах. Только в исключительных случаях число их бывает менее 200, у отдельных же видов оно превышает 430. Грудная кость отсутствует у всех змей, так как ребра оканчиваются свободно; у них также нельзя заметить следов плечевого пояса и передней пары конечностей.

Не менее чем кости скелета, заслуживают внимания зубы, так как по своему строению они представляют важные отличия и служат для определения семейства и подсемейства змеи. Зубы помещаются не только в верхней и нижней челюсти, но часто также на межчелюстной кости и по большей части на нёбных и крыловидных костях. Зубы всегда прирастают к костям, на которых они сидят, и, по мере надобности, заменяются новыми. Эти последние развиваются или позади, или рядом со старыми зубами и заключены с ними в общую складку слизистой оболочки. Различают три рода зубов: плотные, бороздчатые, то есть такие, которые снабжены на своей изогнутой передней поверхности глубокой бороздой, идущей от корня до кончика, и полые, продырявленные в передней части корня и рассеченные щелеобразно недалеко от верхушки. Все зубы дугообразны, очень остры и крючковаты. Они служат только для укуса и удерживания добычи; змеи никогда не разрывают и не перетирают пищу. Плотные зубы образуют конус, состоящий из твердого зубного вещества и покрытый тонким слоем эмали. Бороздчатые зубы представляют собой, по-видимому, недоразвитые полые зубы, так как можно допустить, что края борозды у последних срослись и образовали трубку. «Сообразно с таким качеством зубов, — замечает Карл Фог, — построен и верхнечелюстной аппарат. У большинства неядовитых змей, снабженных плотными зубами, верхняя челюсть очень длинна и несет непрерывный ряд зубов. За этим рядом внутри следует второй, образованный существующими почти у всех змей зубами, сидящими на нёбной кости и на непосредственном ее продолжении — крыловидной кости. У так называемых подозрительных змей с бороздчатыми зубами верхняя челюсть короче и усажена в передней части маленькими крючковатыми зубами, а в задней — большими бороздчатыми зубами. У аспидов и морских змей верхняя челюсть совсем коротка и усажена распо-

Подотряд змеи

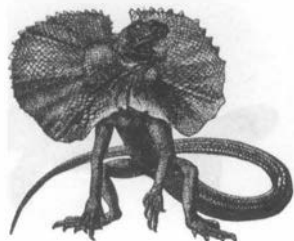
ложенными позади больших продырявленных ядовитых зубов маленькими, плотными, крючковатыми зубами. Наконец, у гадюк верхняя челюсть имеет вид совсем коротенькой косточки, усаженной несколькими ядовитыми полыми зубами, продырявленными вблизи верхушки».

Изобилие мускулов является следствием своеобразного устройства скелета. Межреберных мышц можно насчитать столько же, сколько и ребер. Кроме них вдоль спины проходят мышцы, имеющие много точек прикрепления у различных ребер и позвонков. Это позволяет им не только проявлять значительную силу, но и действовать в самых разнообразных направлениях. Все мышцы, как и вообще у всех пресмыкающихся, имеют очень бледную окраску.

Вытянутой форме туловища соответствуют и внутренности. Отверстие дыхательного горла расположено в передней части пасти. Дыхательное горло тянется под пищеводом и рядом с ним и состоит из тонких растяжимых хрящевых колец. Эти кольца в передней части горла замкнуты, а в задней соединены перепонкой. Гортань не ясно обособлена, надгортанный хрящ почти всегда отсутствует. Кольца сзади постепенно расширяются и переходят в легкие, образующие один или два больших полых мешка. Легкие тянутся до конца брюха.

Удавы и питоны, по исследованиям Шульце, снабжены двумя одинаково развитыми легкими, имеющими почти одинаковые размеры в длину; у гадюк и морских змей только одно легкое. Между ними существуют многочисленные переходные формы, характеризующиеся в основном уменьшением левого легкого. Отношение передней, деятельной и участвующей в дыхании, части легкого к задней, более или менее гладкой, варьирует у различных семейств. Так, у удавов и у водных ужей существует незаметный переход от одного отдела легкого к другому, а у очковых змей эти отделы резко разграничены. Легкие змей, которые по другим признакам стоят ближе всего к ящерицам, походят, в общем, на легкие ящериц. Маленькое сердце, значительно удаленное от головы и у некоторых аспидов лежащее даже в начале второй трети туловища, состоит из двух совершенно обособленных предсердий и одного не вполне разделенного желудочка. Органы пищеварения отличаются своей простотой. Пищевод длинный и очень мускулистый; желудок представляет собой, собственно, только расширение пищевода и имеет сходство с длинным мешком. Короткие и мало извитые тонкие кишки отграничены от желудка только уменьшением диаметра. Почки, яичники и семенники очень вытянуты; печень — в виде длинной и сравнительно крупной лопасти; желчный пузырь значительных размеров; поджелудочная железа велика.

В жизни змей важную роль играют некоторые железы, которые особенно развиты у ядовитых видов этого подотряда. Вслед-

ствие этого понятно, почему они стали предметом точных исследований. В голове змей существуют шесть пар желез и одна непарная. Из этих желез не все, но большая их часть встречаются одновременно. Таковы: передние подъязычные железы, задняя подъязычная, носовая, слезные, нижние и верхние защечные и губные железы и, наконец, ядовитые. Ядовитые железы, расположенные почти всегда позади и ниже глаз над верхней челюстью, очень велики, продолговаты, листоватой структуры и имеют внутри значительную полость. Они, кроме того, характеризуются длинным выводным протоком, тянущимся вперед к наружной поверхности верхней челюсти. Выводной проток открывается впереди и над ядовитым зубом в окружающий их чехол, так что отделение железы может изливаться в зуб. Ядовитая железа окружена очень сильным мускулом, который, совместно с жевательным мускулом, служит для сжимания железы. У некоторых ядовитых змей железа эта тянется назад так далеко, что отчасти лежит на ребрах. Ее присутствие констатировано у всех змей, имеющих полые зубы. У змей же с бороздчатыми зубами ее заменяет сходная с ней железа. Эта последняя мягкого, губчатого строения, никогда не бывает окружена мускулистым чехлом и, таким образом, является недоразвитой и менее приспособленной к введению яда в рану. Она, впрочем, часто подвергается небольшому сжатию от действия переднего височного мускула.

Спинальный мозг по своей массе значительно превосходит головной. Последний необычайно мал; спинной же мозг, наоборот, сообразно длине позвоночного столба, внутреннюю полость которого он заполняет, очень велик и объемист. Следствием этого является необычайная раздражимость мускулов, тупость сознания и слабость остальных душевных способностей. Преобладающим чувством, несомненно, является осязание, т. е. способность ощупывать предметы. Язык, с давних пор считающийся жалом и теперь еще многими невеждами рассматривающийся как орган нападения, служит не для вкуса, а исключительно для осязания. Поэтому язык имеет для змей громадное значение. Он очень длинен, тонок, спереди разделен на две заостренных половины и покрыт роговой массой. Он помещается в мускулистом чехле, проходящем под дыхательным горлом и открывающемся недалеко от отверстия горла, вблизи верхушки нижней челюсти. Язык может втягиваться в этот чехол или очень далеко выдвигаться и вообще отличается необыкновенной подвижностью. Вырезка в верхней челюсти, которая и при закрытом рте образует еще отверстие, облегчает попеременное высывание и втягивание языка, так как он постоянно имеет свободный выход. Орган зрения змей по своей остроте может быть поставлен в один ряд с языком, отлично приспособившимся к осязанию. Впрочем, несомненно, глаз у змей менее совершенен, чем у остальных пресмыкающихся. Своеобразная особенность глаза заключается в его кажущейся

Подотряд
змеи

Подотряд
змеи

неподвижности, которая придает ему вид стеклянного глаза. Вместо подвижных век у них существует прозрачная кожица, которая «вделана, подобно часовому стеклу, в желобок круглой глазной впадины и образует капсулу, соединяющуюся внутри с носовой полостью посредством длинного протока слезного канала». Эта прозрачная кожица, которую некоторые неправильно уподобляют роговице или даже рассматривают ее как таковую, представляет часть верхней кожи. Самый наружный ее слой во время общего линяния сбрасывается в виде одного куска вместе с остальной верхней кожей. Вследствие этого и прозрачность ее увеличивается после линяния и постепенно уменьшается в промежутке между двумя линьками. Нужно заметить, что при подобной линьке внутренний слой глазной капсулы остается. Итак, эту капсулу можно рассматривать как замкнутое, так сказать, прозрачное веко, под которым глаз может свободно двигаться. Зрачок либо круглый, либо продолговатый и в последнем случае вытянут или в горизонтальном, или в вертикальном направлении. Горизонтальный зрачок мы наблюдаем у дневных змей, а вертикальный — у ночных. Радужная оболочка отликает яркими цветами, у одних золотым, у других серебряным, у третьих ярко-красным и у четвертых зеленым цветом. Орган обоняния, о существовании которого мы можем судить снаружи по ноздрям, открывающимся с каждой стороны между глазом и вершиной верхней челюсти на боковой стороне или сверху рыла, по-видимому, далеко уступает по развитию органам осязания и зрения. Ноздри прикрыты у некоторых видов кожистыми клапанами или подвижными крышечками. Носовые трубки коротки, окостенелая носовая раковина, слизистая оболочка которой снабжена лишь немногими веточками нервов, очень проста. О присутствии органа слуха мы узнаем лишь тогда, когда удалим чешуи с боковых сторон головы, так как слуховые проходы целиком скрыты под кожей. Настоящей барабанной полости нет, равным образом отсутствует и барабанная перепонка, улитка же существует и, в общем, похожа на улитку птиц.

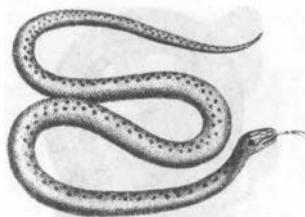
Очертанием тела обуславливаются присущие змеям движения и, само собой разумеется, до известной степени и образ жизни, так как привычки у животных, по крайней мере посредственно, вытекают из строения их тела. Движения змей разнообразнее, чем обыкновенно считают незнакомые с ними. Змеи, во всяком случае, скорее, чем большинство остальных представителей этого класса, заслуживают названия пресмыкающихся животных. Они ползают не только по ровной почве, но и в гору и под гору; они ползают вверх по деревьям, между сучьями их, двигаются по поверхности воды и скользят по дну реки. Следовательно, они ползают, лазают, плавают и ныряют и все это проделывают приблизительно с одинаковым проворством и ловкостью. Их многочисленные ребра, сочлененные только с позвонками, а внизу

свободные, приводятся в действие при ползании: каждое отдельное ребро становится, как замечено, ногой, опоркой и рычагом, который не только поддерживает тело, но и приводит его в поступательное движение. Ползающее движение происходит несколько иначе, чем думают неспециалисты, и иначе, чем рисуют неопытные живописцы. Это движение совершается не посредством вертикальных дугообразных изгибов, а посредством боковых волнообразных. Все позвонки очень легко изгибаются в боковом направлении, и ребра так же легко передвигаются спереди назад. Когда змея хочет двигаться вперед, тогда она вытягивает попеременно то одни, то другие боковые мускулы и изгибает вследствие этого тело в горизонтально расположенную волнообразную линию. Вместе с тем она настолько вытягивает ребра вперед, что они занимают почти перпендикулярное или перпендикулярное положение первоначальному. При последующем изгибе она приводит ребра в наклонное положение, спереди назад, т. е. двигает ими так же, как другие животные двигают ногами. Острые края брюшных щитков, направленные книзу, облегчают, вследствие трения о почву, поступательное движение вперед и не допускают соскальзывания назад. Пока змея движется по гладкой поверхности, ее движение совершается очень легко: тело целиком находится в деятельном состоянии. Многочисленные пары ребер служат для опоры, и в это время остальные подтягиваются одновременно вперед и приводятся в действие в тот момент, когда первые прекращают движение. Каждый изгиб, который описывает тело, очень скоро сменяется другим, поэтому передвижение может совершаться очень быстро; с другой стороны бесконечное число изгибов, которое должно описать тело при поступательном движении, замедляет скорость. Когда змея ползет через узкие проходы, в которых она не может совершать движения тела в стороны, тогда она пользуется исключительно своими ребрами как опорками, причем опирается на свои чешуйки. Лазание есть, строго говоря, не что иное, как ползание по отвесным плоскостям. Древесный ствол, если только его кора не слишком гладкая, не представляет никакого затруднения змее, желающей обвиться вокруг него. Она очень быстро взбирается на него винтообразными извивами, причем все время подвигается вперед. При этом она не сползает вниз благодаря острым задним краям брюшных щитков. Многие древесные змеи имеют по обеим сторонам брюшных щитков угловатые края и даже выдающиеся гребни, проходящие вдоль краев брюшных щитков. Эти гребни очень полезны змеям при лазании. Даже по ветвям они ползают почти с такой же уверенностью и поспешностью, как и по гладкой почве, особенно если листва густая. Змея совершает точно такое же движение и во время плавания; несомненно, при этом главнейшим органом движения является хвост. Все змеи умеют плавать; впрочем, те, которые обыкновенно не ищут воды и не живут в ней,

Подотряд
змеи

Подотряд змеи

* Скорость передвижения американских полозов — 11 километров в час.

очень скоро, по-видимому, устают от движения по воде. У настоящих морских змей, у которых хвост сплюснут с боков и снабжен еще кожистой оторочкой, плавательное движение, более чем у других представителей отряда, похоже на плавание угря.

«Немногие из животных, — утверждает Ласепед, — столь проворны, как змеи. Когда они бросаются на добычу или убегают от врага, то уподобляются стреле, выпущенной из лука сильной рукой; каждая часть в отдельности действует тогда как стальная пружина, которая отскакивает с силой. Кажется, будто их беспрестанно отталкивает все, к чему они прикасаются, будто они летают по воздуху, только дотрагиваясь до земли. На высочайшие верхушки деревьев они взбираются быстрее, чем птица: они с такой быстротой извиваются вокруг стволов и ветвей, что за ними едва можно уследить взором». Это описание очень напоминает преувеличенные описания древних, ибо ни одна змея не движется в действительности так, как описывает Ласепед. «Извилистое движение змей, — говорит Ленц, — значительно обманывает глаз, и так как немного людей взяло на себя труд точно измерить скорость его, то вообще допускает, что быстрота этого движения очень велика; но ни одна змея не движется настолько быстро, чтобы нельзя было скорым шагом, а не бегом идти рядом с ней*. Они движутся, сравнительно медленнее, чем ящерицы, лягушки, мыши и т. п. По мху и по степи с короткой травой они двигаются быстрее всего, потому что им помогает колючая подстилка, а по голой земле они ползут медленнее. Если их положить на стеклянную пластинку, тогда им очень трудно двигаться вперед. С крутых горных утесов они сползают так легко, что кажется, будто они летят, и притом так быстро, что никогда нельзя узнать, какого вида змея и какой величины».

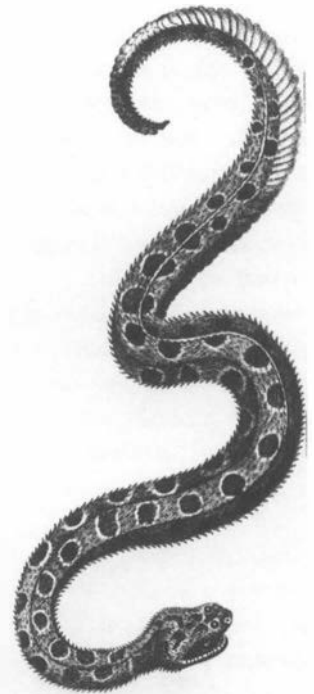
Только небольшое число змей в состоянии поднимать переднюю треть своего туловища; описания, утверждающие противоположное, без сомнения нужно признать ложными. Большинство змей не поднимают голову выше чем 30 см над землей. Исключение составляют немногие, например очковые змеи; многие из них могут извиваться настолько, что если их взять за хвост и держать вниз головой в висячем положении, то и тогда они достают головой до руки или кисти.

Дыхание вполне бодрствующих и деятельных змей совершается непрерывно и сопровождается заметным движением ребер, попеременно поднимающихся и опускающихся. Дыхание сопровождается также легким расширением головы и жевательным движением челюстей. В общем, дыхание слабое и увеличивается только с наступлением гнева. Хорошим признаком наступления гнева служит сиплое продолжительное шипение, прерывающееся только на короткое время, которое заменяет собой недостаток голоса. Одна змея, водящаяся в Африке, по словам Ливингстона, так часто прерывает шипение, что звук его делается

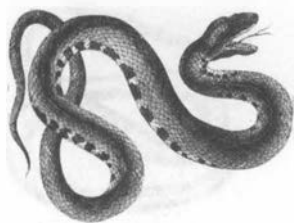
похожим на бляение козы. В немецких владениях в юго-западной Африке туземцы рассказывают об этой змее, которую они называют «ондара», совершенно удивительные и ужасные вещи, хотя, впрочем, не могут ее точно описать. Может быть, это иероглифовый питон (*Python sebae*), который, несмотря на свою величину, безопасен для человека. Своеобразное сиплое шипение видов североамериканского рода *Pituophis* зависит, по Уайту, от присутствия надгортанного хряща. Этот последний у других змей или совсем отсутствует, или же является в виде маленькой бородавки. У *Pituophis* же он тонок, имеет форму лопаточки и служит подвижной затворкой голосовой щели.

Кроме осязания, а у некоторых видов и зрения, остальные чувства у змей слабо развиты, и даже осязание развито только как способность ощупывать предметы. Мы согласны также с важной ролью языка у змей, хотя мы очень хорошо знаем, что значение его совершенно иное, и притом даже более важное, чем думали древние. Змеи, впрочем, могут и без помощи языка совершать обыденные отправления, хотя и не с такой легкостью. Об этом мы можем судить по наблюдениям, произведенным в этом направлении. Ленц отрезал у кольчатого ужа половину языка — змея пользовалась оставшейся половиной как целым языком и выказывала в своем поведении почти такое же проворство, как и до операции. Гадюка, у которой вышеупомянутый наблюдатель отрезал от языка столько, что она могла высовывать только маленький кусочек, также не выказывала в своих движениях никакой заметной перемены. Мы имеем из собственного опыта данные, утверждающие выводы, противоположные тем, к которым, по-видимому, приходит Ленц. У арабов, кроме заклинателей и опытных ловцов змей, господствует распространенное, как и у нашего народа, мнение, что змеи смертоносно жалят языком. Поэтому, надеясь обезопасить себя от яда змей, арабы стараются отрезать им язык. Изувеченные подобным способом совершенно невинные змеи нередко попадали в наши клетки. Они выживают в неволе очень продолжительное время, движутся так же, как и змеи с целым языком, и шевелят кончиком языка, который вновь никогда не вырастет, так же, как неповрежденным языком. Несмотря на все это, они никогда не едят, не пьют, становятся более нечувствительными, чем всякая другая змея, не обращают внимания ни на пищу, ни на другие предметы, и вследствие этого скоро наступает безусловная и жалкая смерть.

По моим наблюдениям и сведениям, змея, лишенная языка, не может как следует ни двигаться, ни жить. Непреложный факт, что змея, если только она не отдыхает вытянувшись, беспрестанно шевелит языком, и притом двигает им во всех направлениях, желая исследовать предметы, находящиеся перед ней. Факт также и то, что она никогда не пьет и не входит в воду, прежде чем не коснется языком ее поверхности. Неоспоримо и то, что она ис-

Подотряд змеи

следует языком не только умерщвленную добычу, прежде чем проглотит ее, но, если только жертва даст ей время, исследует и саму жертву до того, как ужалит. Даже в том случае, когда она боится, что намеченная жертва убежит от ее охотничьего аппетита, она все-таки частыми движениями языка делает попытку произвести обычное исследование. «По-видимому, — говорит Ленц, — она осязает не только те предметы, которых касается своим языком, но получает представления и о предметах, находящихся на расстоянии 1 см от ее языка. В этом можно убедиться, если дать возможность змее уйти из ящика, банки или т. п. Когда она выдвинет за край ящика свою голову и заметит пред собой пустое пространство, тогда она, все время двигая языком, начинает ползти по наружным стенкам его. Если мы пустим змею на дерево, то она всегда касается языком той ветви, на которую желает перейти. При этом она не считает необходимым коснуться языком каждой ветви. Если запереть змею в коробку, в которой проделаны отверстия, то она высовывает свой язык через них. При погружении змеи в сосуды, наполненные спиртом или водой, можно видеть, как она боязливо старается отыскать языком отверстия в стенках сосуда.

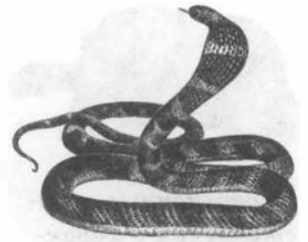
Кольчатый уж во время плавания держит голову над поверхностью воды и при этом беспрестанно высовывает язык, точно он ползет по суше; даже плавая под водой, он ведет себя так же. Чем бодрее змея, тем чаще и скорее она шевелит языком. Рас- свирепевшая гадюка так быстро шевелит языком, что многие считали видимое при этом мерцание за электрическое явление». Частое повторное втягивание языка, несомненно, имеет целью увлажнить его и тем самым увеличить его восприимчивость.

О так называемой особенной выразительности глаза змей рассуждали и говорили больше, чем предмет того заслуживает. «Глаз змей, — говорит Линк, — более выразителен, чем у других животных, и передает не только характер змеи, но и настроение духа в данную минуту. Спокойным и кротким, но не без блеска он бывает у миролюбивых змей, неприятным — у тех, которые собираются ранить, но не умерщвлять; грозным и страшно сверкающим бывает глаз гадюки, которая во время ярости носит смерть на кончике своих зубов. Но даже самой кроткой змее придает своеобразное выражение стекловидная кожа, покрывающая глаз, а также и относительная неподвижность глазного яблока, которое движется только с трудом и сильными толчками». Вторая часть описания совершенно справедлива, первая же — приписана глазу змей самим наблюдателем. Несмотря на стекловидность, глаз не представляет ничего необыкновенного. Грозность и неприятность взгляда зависят не столько от строения глаз, сколько от положения под покрывающими их в виде свода щитками или чешуйками. Эти щитки и чешуйки особенно развиты у ночных ядовитых змей и производят такое же впечатление, как, например, выпяченные бровные отростки хищной птицы.

Насколько мы можем судить, за чувством зрения следует, по своей тонкости, слух, хотя, по-видимому, орган слуха развит слабее, чем орган обоняния. Тупоумие змей становится очень заметным во время исследований остроты чувств, и потому наблюдателю трудно прийти к какому-либо определенному выводу. Опыты, произведенные Ленцем и другими, доказали только, что змеи мало обращают или совсем не обращают внимания на различные звуки, если только последние не слишком потрясают воздух или почву. С другой стороны, путешественники, перед которыми индийские и египетские заклинатели змей фиглярничали, наблюдали, что змеи, повинувшись звукам флейты, выделяют своеобразные движения. Я сам, будучи в Египте, очень часто присутствовал на подобных зрелищах и пришел к такому же выводу, к какому пришли и другие наблюдатели. Я также думаю, что змеи, действительно, обращают некоторое внимание на раздающиеся звуки духового инструмента, который заклинатели змей держат в руке. Впрочем, я только упоминаю о высказанном мнении, ибо я, быть может, был введен в обман, а Ленц и другие натуралисты, признающие слух в высшей степени слабым, могут быть правы. Ричардс не имел возможности убедиться в Индии в том, что ядовитые змеи, принесенные фокусниками, выказывают какое-либо пристрастие к музыке. Он считает весьма вероятным, что вообще змеи очень мало восприимчивы к действию звуков.

Так же трудно уяснить себе степень развития чувства обоняния. «Что чувство обоняния у змей развито очень слабо, — говорит Ленц, — я заключаю отчасти из того, что обонятельный нерв очень короток, отчасти из того, что никогда не наблюдается, чтобы змеи отыскивали или исследовали что-либо обонянием; у млекопитающих же это очень легко наблюдать. Кроме того, я заключаю это из следующего наблюдения. Я брал палочку, смоченную в табачный сок, и держал ее пред носом гадюк, медянок, эскулаповых змей и обыкновенных ужей. Ни одна из них не обратила никакого внимания на палочку. Табачный сок, как известно, не только обладает сильным запахом, но и отличается способностью легко умерщвлять этих змей или же, по крайней мере, вызывать у них заболевание. Поэтому я вправе был ожидать, что змеи, если бы чувство обоняния их было тонко, убегут от запаха табачного сока». При этом кстати привести еще одно замечание. Все животные обоняют только тогда, когда втягивают носом воздух, или, другими словами, когда различные запахи приходят в соприкосновение с обонятельными нервами. Змеи же, как известно, вдыхают очень редко и неравномерно. Поэтому возможно, что змеи в течение опытов Ленца не производили дыхательных движений. Бетхер до перенесения в спирт уничтожал чувствительность многих змей парами эфира или хлороформа. При этом он замечал сильное возбуждение у змей именно в тот момент, когда он подносил бумажку, смоченную летучей жидкостью. На осно-

Подотряд змеи

** Современные представления о характере функционирования органов чувств змей свидетельствуют о существенной роли обоняния, хотя в ряде случаев важное значение для ориентации имеют органы зрения, слуха и термического чувства. На верхнем нёбе змей расположен парный анализатор химического чувства (Якобсонов орган), распознающий информацию о веществах, находящихся в воздухе или на различных предметах (в том числе и пище), которых касается язык.*

вании этого он не считает возможным отрицать у змей чувство обоняния. Еще решительнее говорит в пользу того, что у змей обоняние ясно выражено, факт, указанный Вернером: ужи отыскивают в темноте между большим количеством различных видов земноводных именно ту лягушку, которую они преимущественно употребляют в пищу. Возможно, что при этом выборе не принимает участия вкус, а единственно только обоняние.

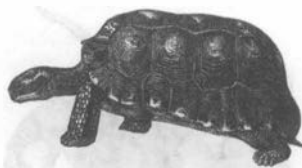
Легче, чем о других чувствах, за исключением осязания, мы можем составить себе понятие о чувстве вкуса у змей, так как можем смело утверждать, что он совершенно не развит. Это подтверждается как исследованием языка, так и наблюдениями над живыми змеями. Аристотель уверяет, конечно, что язык разделен на две части единственно с целью доставить лакомкам змеям двойное наслаждение во время принятия пищи. Однако в языке не нашли вовсе окончаний вкусовых нервов, и на каждой змее, умерщвляющей добычу, можно наблюдать, что язык во время глотания втягивается в язычный чехол. С другой стороны, известно, что они делают различие между разнообразной добычей. Однако мы не имеем права приписать это явление чувству вкуса, но главным образом — осязанию или обонянию. Утверждение Аристотеля, столь точного наблюдателя в остальном, что змеи — самые хитрые лакомки, столь же ошибочно, как и его замечание, что змеи не знают меры в употреблении вина и напиваются допьяна. Недавно Лейдиг нашел бокаловидный орган чувств в ротовой полости гадюки, быть может служащий для вкусовых ощущений; впрочем, более точно этот орган не исследован*.

Библейское изречение «будьте мудры, как змеи, и бесхитроутны, как голуби» следует понимать только в переносном смысле. На самом же деле змеи не выказывают не только никакой мудрости, но, как было сказано выше, понятливость у них очень слаба. Совершенно справедливо принимают, что между низкоорганизованными пресмыкающимися змеи стоят ниже всех. Во время своей охоты они ясно выказывают известную долю хитрости и, по видимому, часто поступают умно со своими врагами; к своим воспитателям они до известной степени привыкают. Впрочем, они ни при каких обстоятельствах не выказывают большей понятливости, чем другие пресмыкающиеся. У них не только внешние чувства тупы, но вообще они тупоумны. Только Аббот не признает правильности этого воззрения и считает одиннадцать тщательно исследованных им североамериканских видов змей умными животными. Черному ужу он приписывает умение не только приобретать опытность и становиться подозрительным, но и сохранять в памяти определенные случаи. Другие виды подражают, по видимому сознательно, почти точным образом гремучей змее, и это подражание обеспечивает им безопасность. Третьи узнают своих воспитателей. Все это, однако, не может заставить нас отказаться от мнения, относящегося ко всем змеям вообще.

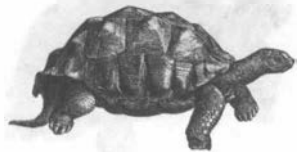
Змеи встречаются во всех частях света, но не в одинаковом количестве. Они также подчиняются общим законам распространения пресмыкающихся. Число видов быстро убывает в высоких широтах.

Кроме обильной пищи змеи всегда ищут местности с норками и убежищами и избегают местностей, которые не предоставляют им возможности прятаться. Швейнфурт с удивлением заметил, что в стране Бонго нет совсем змей, а если и есть, то очень мало. На расспросы он получил объяснение, справедливость которого и подтверждает. В этой каменной стране, сказали ему, нет чернозема, а чернозем, глубоко растрескиваясь во время засухи, представляет змеям удобное убежище для отдыха, а особенно во время степных пожаров. То же самое мы можем наблюдать и в Европе. Так, в окрестностях Берлина гадюка появляется местами необычно часто, в других же местах ее совершенно нет. В первых местах она находит убежища, во-вторых же — не находит. Вообще, замечено, что змеи появляются тем чаще, чем разнообразнее местность. Совершенное отсутствие их является исключительным случаем; они обитают как в пустыне, так и в лесу, как в горах, так и на низменностях. Теплота и влажность нравятся им более, чем зной и сухость, хотя и в последних условиях они переносят невероятное. Несмотря на отсутствие ног, они умеют располагаться: одни — на ровной почве, другие — на крутых склонах, третьи — в болоте, четвертые — в воде озер, рек и даже морей; отдельные экземпляры даже живут под землей, и немало — в листве деревьев. По-видимому, змеи упорно держатся раз выбранного местопребывания, следовательно, они обходят очень маленький участок. Они также и странствуют в ограниченной степени; так, они переплывают реки или другие воды, чтобы поселиться на противоположном берегу или на островах; они приходят из лесу или из степи в города и села. Вообще же змеи не любят кочевать и обыкновенно выбирают местопребывание по возможности такое, которое имело бы укромные уголки, и в окрестностях его подстерегают добычу. Весьма вероятно, что по своей воле они кочуют только в период спаривания и перед наступлением зимы. Они бывают вынуждены переселяться, когда местность, в которой они обитают, изменяется настолько, что они лишаются убежища и пищи или возможности уютно погреться на солнце. Обыкновенно змей находят вдали от человеческих жилищ, но это потому, что вблизи жилых мест человек преследует их и прогоняет. Сами же змеи нисколько не боятся близости своего непримиримого врага и появляются около людей часто весьма нежелательным способом. У нас нередко можно встретить змей в садах, расположенных посредине города. В южных странах они часто появляются в домах. Посещения совершают ночные змеи, самые опасные, и они нередко становятся очень неприятными. Мне не раз случалось во время моего пребывания в Африке на-

Подотряд змеи

Подотряд змеи

талкиваться в жилищах на змей и находить их даже на моей постели под ковром. Все путешественники, посещавшие тропические страны, испытывали то же самое. «Единственное, что беспокоит иностранца в жилищах динков, — говорит Швейнфурт, — это шуршание змей, которые шумят в соломе крыши над головою испуганного путника». Уоллеса они посещали не только на суше, но и на борту его корабля, и однажды только благодаря счастливой случайности он избежал укуса одной ядовитой змеи, которая свернулась в его постели. В Индии подобные посещения представляют обыденное явление, и из нескольких тысяч людей, погибающих там ежегодно от укусов змей, немалая часть бывает укушена внутри своих жилищ. Еще и теперь дело обстоит здесь немного лучше, чем две тысячи лет тому назад, и слова Непарха, переданные Страбоном, сохраняют свою силу. Теперь еще, как во времена Страбона, случается, что при наводнении змеи появляются в большом количестве в человеческих жилищах и принуждают людей поднимать свои постели или даже покидать свой дом и двор. Своеобразное устройство поселений на столбах во внутренней Африке объясняется основательной боязнью змей, посещающих по ночам эти хижинны.

Местности, в которых в течение года внешние условия не меняются, постоянно доставляют змеям приблизительно одинаковые удобства, а именно: достаточное количество пищи, приятную теплоту и воду для купания. Естественным следствием этого является то, что здесь жизнь змей из года в год протекает почти одинаково. Совсем иначе обстоит дело там, где смена времен года обуславливает различный образ жизни. Во всех местностях, где зима холодная или же жаркая, сухая, змеи вынуждены защищаться от действия холода или засухи. Все виды змей, обитающие в северной части нашего умеренного пояса, прячутся с наступлением зимы в глубокие норы и пребывают в них в состоянии оцепенения в течение неблагоприятного времени года. То же самое можно наблюдать и в тропиках, хотя здесь засуха неприятна только видам, обитающим если не в воде, то во влажных местах. Некоторые виды во время зимней спячки собираются часто группами. Возможно, что скопление это оказывается необходимым, так как масса змей, рассеянных по определенной области, с трудом может найти подходящую нору. Утверждают, что в Северной Америке гремучие змеи собираются во время зимы дюжинами в одной и той же зимней берлоге. То же самое наблюдается и у наших гадюк. Приведенное предположение, как показывает нижеследующее, оказывается очень вероятным. Относительно самой зимней спячки, т. е. времени, когда наступает оцепенение и сколько оно продолжается, невозможно произвести удовлетворительных наблюдений на свободе. Для этого нужно поступить так, как поступил Ленц, у которого перезимовали 30 змей и почти такое же число ящериц.

«Для этого опыта, — говорит он, — я выбрал в нижнем этаже комнату, обращенную окнами на юг, и разместил животных частью в открытых ящиках, частью в ящиках, прикрытых стеклянными пластинками. Дно этих ящиков было покрыто слоем отрубей толщиной в 8 см, и в каждом находился сосуд с водой. В течение первых трех недель ноября змеи почти всегда находились, при открытом окне, при температуре от 2 до 4 градусов тепла. Все же они становились более вялыми и медлительными и были холодны на ощупь. В течение последней недели ноября на дворе начало морозить; я запер окно, и в комнате в течение этой недели было только 1,5—2 градуса тепла. Я произвел осмотр и нашел следующее: два обыкновенных ужа, находившихся в открытом ящике, заползли под отруби, стали довольно неповоротливы, хотя еще двигались и шевелили языком; один очень большой уж, находившийся в ящике, прикрытом стеклянной пластинкой, ползал еще, хотя и медленно, шевелил языком и даже шипел, когда его сильно беспокоили; две медянки ползали еще произвольно и не прятались в отруби; четыре эскулаповы змеи были бодрее всех, хотя все-таки как бы полупоцепенели; двенадцать гадюк лежали свернувшись вместе в виде толстого клубка; те, которых я вынимал поодиночке, надувались, шевелили языком, шипели и очень медленно ползали; четыре гадюки в другом ящике и три в третьем ящике лежали уже давно свернувшись поодиночке; некоторые еще ползали; совсем молодые гадюки частью лежали, спокойно свернувшись, частью ползали, шипели и надувались, когда их трогали; ни одна из гадюк не зарылась в отруби.

Когда по прошествии нескольких дней стало теплее и температура повысилась до 4—5 градусов, я открыл в комнате окно и впустил свежий воздух. Все змеи сделались несколько бодрее; когда же температура снова упала до 1—2 градусов, они стали опять очень спокойны; при температуре 0 градусов я с удивлением заметил, что все стали беспокойны, а те, которые уже в течение большого промежутка времени лежали на одном и том же месте, переменили место. Даже большая куча, состоявшая из двенадцати гадюк, переменила место, хотя на третий день возвратилась на прежнее. В этот день я умертвил трех гадюк, влив им в пасть табачного сока; все они околели, но примерно в три раза медленнее, чем летом. Все змеи (а также веретеницы и ящерицы) в состоянии оцепенения проявляли такую живучесть, что почти ни одна из них не околела, между тем как летом многие из них умирали от табачного сока.

На четвертый день, девятого декабря, в комнате вдруг стало два градуса мороза, а ночью могло понизиться и до трех градусов. На следующее утро я произвел осмотр и обнаружил следующее: девять гадюк совершенно замерзли, сделались тверды, как палки, все более или менее свернулись и были совершенно без призна-

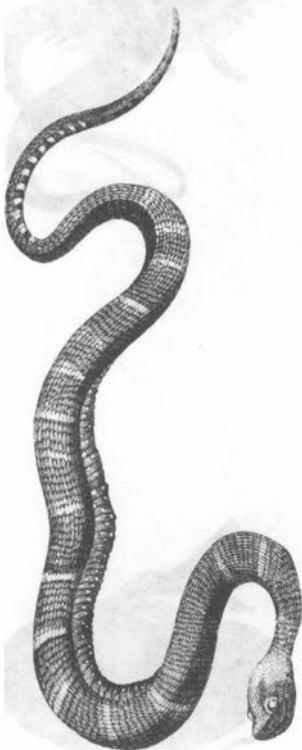
Подотряд змеи

Подотряд змеи

** Собственная температура тела змей в среднем обычно меньше, чем у ящериц на 8—10°C.*

ков жизни; черный зрачок стал ледяного цвета, что доказывало, что и жидкости глаза замерзли. В большой куче все еще были живы и двигались и только одна из них, лежавшая как раз посередине, одеревенела, как палка. Все незамерзшие очень мало двигались, когда я их трогал; зрачок их был еще черный, а тело — мягкое. Из четырех эскулаповых змей самые большие замерзли, и зрачок стал ледяного цвета; из ужей самый большой совершенно замерз; другие же скрылись под отруби и еще не оцепенели. Когда я взглянул на часть замерзших змей, лежавших предо мною, то я и не подозревал, что они бездыханны; мне казалось очень подозрительным то обстоятельство, что многие из них находились в таком положении, точно они оцепенели во время движения: они выглядели так, точно хотели двигаться вперед. Только когда я дотронулся до них, то понял, что они околели».

Из наблюдений нашего исследователя вытекает, что змеи, подобно другим животным, подвергающимся зимней спячке, в течение своего оцепенения должны находиться в местах, защищенных от действия мороза*.

При теплой, тихой погоде уже в марте можно снова заметить в средней Германии змей. Они уже оставляют свои зимние убежища, чтобы погреться на солнце, вечером же, вероятно, снова возвращаются в свою норку. Они тогда еще не помышляют об охоте и размножении, ибо настоящая летняя жизнь начинается у них только в начале апреля. Когда они отправляются осенью на покой, тогда они жирны; когда же они выходят весной, то почти половина их жира истрачена.

Большинство безвредных змей — дневные животные, многие же из подозрительных, снабженных бороздчатыми зубами, и почти все ядовитые змеи — ночные. Первые с наступлением темноты возвращаются в свое убежище, где в полном покое проводят ночь, и только много времени спустя после восхода солнца вновь появляются. Ядовитые змеи и днем довольно часто показываются, хотя в состоянии сонливого покоя, ибо их деятельность начинается только с началом сумерек. Кто зажжет костер в таких местах, где встречаются ядовитые змеи, тот убедится, что все гадюки принадлежат к ночным животным. Привлеченные светом костра, они сползаются со всех сторон, и ловец, напрасно старавшийся днем поймать хотя бы одну обыкновенную, носатую или аспидовую гадюку, ночью может получить богатую добычу. Когда нам приходилось ночевать в африканских степях, то нас часто беспокоили рогатые гадюки, и не раз мы по целым часам караулили их со щипцами в руках, чтобы моментально схватить подползшую змею и бросить ее в костер. Эффельдт ловил в окрестности Берлина обыкновенных, а в Штирии носатых гадюк подобным же образом. Он или разводил костер и приманивал змей огнем, или же выходил на охоту с фонарем в руке; даже в тех местах, где днем он понапрасну искал, он находил многих гадюк

лежащими у своих нор. Все, кто держит ядовитых змей в неволе, уверяют, что они если и не исключительно, то обыкновенно едят только ночью, что они только в темноте становятся деятельными и выходят на охоту.

Все без исключения змеи, образ жизни которых мы знаем, питаются другими животными, и главным образом такими, которых они сами поймают и умертвляют. Способы, которые они применяют для добывания насущного пропитания, очень разнообразны*. Это известно каждому, кто держит в неволе в большом количестве разнообразных змей. Большинство их подстерегают добычу, проходящую вблизи их местопребывания, затем неожиданно бросаются на нее и наносят смертельный укус или схватывают и проглатывают, немедленно или предварительно задушив свою жертву. Относительно способа охоты ядовитых змей у нас недостает наблюдений. Это объясняется тем, что эти змеи большей частью деятельны только ночью, а мы их изучаем в большинстве случаев днем в состоянии покоя, а не во время их энергичной деятельности. Поэтому неповоротливость их в сравнении с подвижностью неядовитых, большей частью дневных змей кажется нам больше, чем какова она в действительности. Этим мы вовсе не хотим сказать, что ядовитая змея может поспорить в быстроте и ловкости с безвредными змеями. Ядовитая змея не нуждается в избытке силы настолько, насколько неядовитая. Ее оружие столь страшно, что достаточно ей только прикоснуться к своей жертве и сделать ей своими ядовитыми зубами ранку в один миллиметр глубины, и жертва в ее власти. Безвредная же змея хотя и подстерегает добычу, подобно ядовитой, но все же охотится чаще и правильнее, чем какая-либо ядовитая змея. Если она удачно поймает невнимательную добычу, то ей приходится еще напрягать силы, чтобы удержать ее; в этом ей помогают внимательность, вытянутое строение, ее более значительная, в сравнении с ядовитой, длина тела и, следовательно, большая подвижность и гибкость.

Если за разнообразными змеями ухаживать надлежащим образом, обеспечивая им прежде всего необходимое тепло, то они, вероятно, ведут в клетке образ жизни, немногим отличающийся от жизни на свободе. Беспольное передвижение им не нравится; они любят больше спокойно пребывать на одном и том же месте. Некоторые из них лежат по целым часам более или менее неподвижно в песке или на песке между камнями, представляющими для них удобное убежище, а также и в воде. Другие отдыхают свернувшись, более свесившись, чем лежа, на удобных для них ветвях. Все они, пока их не потревожат, находятся, по видимому, в благодушном настроении духа, и для них остальной мир как бы не существует. Но вот приближается человек, раздающий пищу, и вытряхивает свою подачку в клетки пойманным змеям. При этом он руководствуется видом змей и их потребностями: в одну клетку он бросает лягушек, в другую

* Крайне интересный способ охоты «изобрели» плюющиеся кобры (африканские *Naja nigricollis*, *Hemachatus haemachatus* и индонезийская *Naja naja sputatrix*), которые выстреливают ядом за счет сжатия височной мышцей ядовитой железы, развивая при этом давление в 1,5 атмосферы. Трахея в этот момент пережимается, чтобы при выдохе не произошло «распыление» струйки яда, что повлияло бы на точность прицела. При каждом выстреле кобра расходует около 3,7 (максимально — до 6,8) мг яда. В состоянии значительного раздражения она выпускает «пулеметную очередь» из 28 плевков, расходуя, таким образом, более 130 мг яда. Яд выплевывается всего лишь за четверть секунды, причем само выбрасывание совершается через 0,07 секунды после того, как змея начинает открывать рот.

Подотряд змеи

определенное количество рыбы; в клетку, наполненную удавами и большими ядовитыми змеями, он кидает живого кролика, голубя или какое-нибудь другое теплокровное позвоночное животное. Но даже и после этого ядовитые змеи нередко не обращают по целым часам внимания на жертву. Чаще же они надуются характерным образом, по-видимому рассердившись на предмет, нарушивший их покой, иногда шевелят языком, поднимают грозно голову и этим приблизительно и довольствуются. Удавы, питоны и ужи, если они сколько-нибудь голодны, не теряют ни одной минуты, а начинают тотчас же преследовать добычу, попавшую в их владения. При этом одни, напрягши все свои силы, бросаются на добычу со всей возможной быстротой, другие же стараются подкрасться к ней осторожно, медленно и правильно. Брошенная в клетку лягушка не успеет даже узнать, в каком обществе она находится, а проворный уж хватается ее уже за заднюю лапу. Она напрасно работает остальными конечностями, стараясь освободиться, на самом же деле медленно подвигается все глубже и глубже в глотку ужа, причем жалкие движения передних конечностей как бы прощаются с внешним миром. Немногим лучше приходится кролику, голубю, курице, положенным перед удавом; разница только в том, что их удав сначала удушает нижеописанным способом. Животное, брошенное ядовитой змее, также погибает в течение ночи; впрочем, часто замечали, что змея, умертвивши жертву, не трогала ее. Видимо, в таких случаях змея была голодна, и убивала свою жертву единственно по злобе и с досады за причиненное беспокойство.

Замечательно, что все змеи очень хорошо знают, как они должны обходиться со своей добычей. Лягушек и рыб они проглатывают животрепещущими, ящериц же, млекопитающих животных и птиц сперва душат. Пока змея не убедится в смерти добычи, до тех пор она не освобождает ее из своих петель и только затем пожирает жертву обычным способом.

Хотя из вышесказанного должно быть ясно, что змея всякую добычу проглатывает целиком, однако я считаю нужным еще раз подчеркнуть тот факт, что змея не может раздробить добычу или откусить от большого животного какую-либо часть. Мне стыдно было за состояние нашего просвещения по естествоведению, когда я прочел в выдающихся немецких газетах страшную историю, выдуманную каким-то американцем. В этой истории рассказывалось, как североамериканские змеи нападают, на глазах у трепещущего от страха, но, к счастью, спасшегося всадника, на лошадь и вырывают у нее из живого мяса один кусок за другим. Ужасный рев лошади переходит в стоны, и это продолжается до тех пор, пока чудовища не умертвят ее. Рассказ этот беспрепятственно распространялся и даже попал на страницы таких журналов, которые, как правило, сообщают только достоверные

факты. Каждый школьник, усвоивший первоначальные сведения по зоологии, должен был бы знать, да и знал, вероятно, что весь рассказ от начала до конца выдуман.

В зависимости от рода и величины змеи добыча, которую они преследуют, бывает очень разнообразна. Исполины этого отряда могут проглатывать животных величиной с козулю; так, Фалькенштейн и Пехуэль-Леше достали из застреленного питона еще совершенно свежую взрослую антилопу, у которой, к удивлению, недоставало головы, но ни одна косточка не была сломана. Другие змеи довольствуются более мелкими тварями, например грызунами, маленькими птицами, пресмыкающимися всякого рода (исключая черепах) и рыбами. Низшие же животные служат пищей только для червеобразных, карликовых и других мелких змей и, быть может, для молодых разнообразных видов, которые только в зрелом возрасте охотятся за позвоночными.

Наблюдения наши над питанием змей еще скудны и поверхностны; однако мы можем утверждать, что каждый вид змей предпочитает более или менее определенный вид животного, иногда питается исключительно одним видом.

Что отдельные представители змей пожирают птичьи яйца, известно со времен Плиния, который следующим образом описывает, как это происходит. «Змеи, — говорит он, — объедаются яйцами, и нужно при этом удивляться их искусству, ибо они проглатывают яйца, если только пасть может схватить их, целиком и разбивают их в брюхе посредством извивания тела, или же, если они еще очень молоды и малы, обвивают яйцо своим туловищем и постепенно сдавливают его так сильно, что как бы отрывают от него часть, и, крепко держа оставшуюся, выпивают содержимое. В первом случае они выплевывают скорлупу подобно тому, как удаляют с усилием перья проглоченной целиком птицы». Исключая вскрытие яиц и выбрасывание скорлупы, все данные Плиния подтверждены более новыми наблюдениями. Последние твердо устанавливают тот факт, что змеи действительно крадут яйца, уносят и проглатывают их, раздробляют их внутри тела и переваривают. Африканские щитохвостки, например, похищающие яйца у голландских колонистов, и индийский род *Elachistodon*, по-видимому, совершенно приспособились к питанию яйцами. Их зубы недоразвиты, а нижние отростки передних позвонков превратились удивительным образом в зубовидные органы. У обоих родов эти нижние отростки удлинены необычайно, в виде зубов, покрыты эмалью и продырявливают прикрепленную к ним часть пищевода. Как только яйцо подойдет под ряд этих зубовидных отростков позвонков, оно раздробляется, и в тот же момент пасть закрывается, так что ни одна капля жидкого содержимого яйца не пропадает. Многие змеи, кроме позвоночных, пожирают еще и беспозвоночных; некоторые виды, вероятно, едят даже мягкотелых и ракообразных. Весьма вероятно, что при сильном

Подотряд змеи

Подотряд змеи

** В питании змей, действительно, прослеживается самая разнообразная стратегия. Например, тропические толстоголовые змеи (Amblycephalidae) едят только моллюсков.*

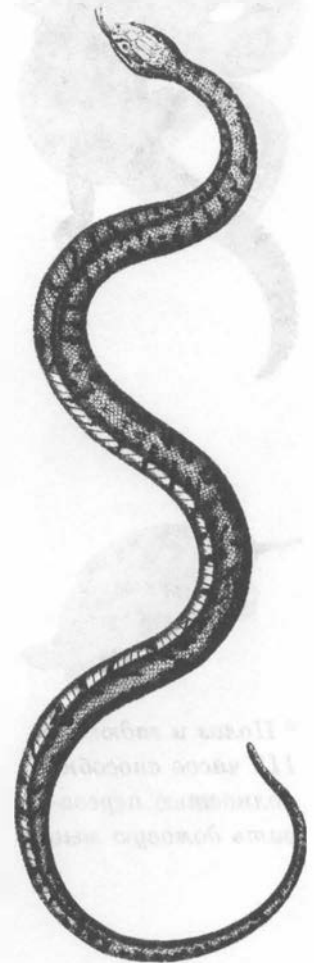

голоде ими питаются даже те виды, которые обыкновенно охотятся за крупной добычей. Наблюдали, что змеи, по-видимому с истинным наслаждением, пожирали куколок муравьев, а в их желудках находили кузнечиков. Индийские толстоголовые змеи питаются исключительно ночными насекомыми*.

Вера в чудесное и сверхъестественное породила удивительное, существующее еще и ныне, поверье. До последнего времени даже натуралисты не боялись употреблять слова «магическая сила змеи» и приводить их в связи со способом, посредством которого змеи добывают себе пищу. Наблюдали, что многие животные, например мыши и птицы, приближались без боязни к тем змеям, которые их затем схватывали и проглатывали. Из этого делали приблизительно такой вывод: так как инстинкт, который должен предупреждать животное о всякой опасности, угрожающей ему, в этих случаях не действовал и совершенно покинул бедную мышь или птичку, то можно предположить присутствие другой, сверхъестественной силы. Если бы захотели вполне поверить бесчисленным рассказам, которые нам передавали о волшебной силе змей различные путешественники, то нужно было бы, без сомнения, согласиться с их воззрениями. Познакомившись с последними, приходишь к тому, что их нужно, безусловно, отбросить, и видишь, что наблюдения могут быть сами по себе правильными, а заключения неверны. На основании моих многократно повторенных наблюдений дело объясняется просто тем, что животные, околдованные, по мнению путешественников, не считают змею, которая им угрожает, столь страшным животным, какова она в действительности. Лихтенштейн рассказывает, что он во время одной из поездок в южную Африку наблюдал одну змею во время ее охоты за полевой мышью. «Бедный зверек был настигнут как раз у своей норки и вдруг, хотя змея не тронула его, остановился, как бы обессилев от страха. Змея вытянула свою шею по направлению к мышке, открыла пасть и, по-видимому, пристально смотрела на нее. Животные некоторое время были неподвижны. Но как только мышка сделала попытку убежать, голова змеи быстро отреагировала на это движение, как бы желая отрезать ей путь к отступлению. Эта игра продолжалась почти 4 минуты, пока мое приближение не положило ей конец. Змея быстро схватила мышку и убежала со своей добычей в ближайший кустарник, куда я напрасно погнался, желая ее умертвить. Так как я уже много слышал о силе змей, околдовывающих маленьких млекопитающих животных, то для меня было очень важно увидеть собственными глазами доказательство этому. Я, впрочем, оставляю нерешенным вопрос, оказал ли ядовитый запах змеи расслабляющее действие на преследуемую мышку, или же просто взгляд и уверенность в неизбежности смерти были причиной последней». Сообщение Лихтенштейна вполне отражает ту эпоху (начало нашего столетия), в которую оно написано.

Не ядовитый запах, не уверенность в неизбежной гибели, а просто любопытство заставило мышь поступать так, как она поступила. Я убедился в этом, наблюдая за пленными змеями. Ни млекопитающее животное, будь это глупый кролик или старая, опытная крыса, ни птица, если бы даже это был недоверчивый, не раз наученный горьким опытом воробей, не понимают, что представляет собой змея. Если вообще они обратят на нее внимание, то приближаются к ней неловко, с любопытством, рассматривают или обнюхивают ее. Они позволяют змее трогать их языком и только тогда отскакивают немного, когда язык защекает какое-либо чувствительное место. Старые, сильные крысы, помещенные к большим змеям, не только вовсе не робеют пред ними, а, напротив, выказывают часто совершенно неожиданным образом собственную отвагу. Одна из них, которую я пожертвовал пленной гремучей змее, не обращала никакого внимания на грозный шум и шипение змеи, напротив, когда почувствовала голод, прогрызла дыру в туловище змеи, вследствие чего последняя жалким образом околела. Не нуждается в длинном объяснении то, что нельзя приписывать какой-либо змее ядовитый запах. Многие змеи, особенно ядовитые, конечно, не издают особенно приятного запаха, напротив, после еды, во время пищеварения, они пахнут очень неприятно. Но, конечно, невозможно признать, что этот запах мог приводить млекопитающих в бесчувственное состояние. Несколько иначе, хотя с такой же легкостью, объясняется боязливое поведение различных птиц у гнезда при виде приближающейся змеи, что наблюдали вышеупомянутые путешественники. В таких случаях, как известно каждому наблюдателю, более слабые птицы охотно прибегают к искусству притворяться, для того чтобы отвлечь внимание замеченного врага от яиц и обратить его на себя. Они при этом жалобно кричат, приближаются, как бы околдованные, к врагу, порхают и прихрамывают на земле, как будто у них ослабели крылья и ноги, падают, как мертвые, с высоты веток на траву и т. п. Этим они вводят в обман каждого не особенно опытного врага, не исключая и человека. По всей вероятности, таковы и были обстоятельства, наблюдаемые путешественниками. Такого же мнения придерживаются исследователи Мютцель, Никольсон, Ричардс, мисс Гоплей и другие, которые имели возможность наблюдать на свободе змей и поступки их жертв. При этом может случиться, что от глаз наблюдателя, заметившего странные поступки животного, ускользнуло, как оно было укушено или схвачено. Так, Руссель с удивлением обнаружил, что курица, которую он только поднес к древесной змее, вдруг начала корчиться, точно в предсмертных судорогах. Когда он ближе расследовал дело, то нашел, что древесная змея образовала концом хвоста петлю вокруг шеи курицы и едва не удушила последнюю. Как всегда, так и в этом случае чудесное исчезает при беспристрастном наблюдении.

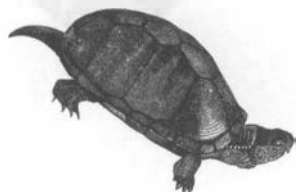
Подотряд
змеи

Подотряд змеи

** Полоз и гадюка за 118 часов способны полностью переварить домовую мышь.*

Так как змеи проглатывают всякую пищу нерасчлененной и даже целых животных, которые вдвое шире, чем голова змеи, то заглатывание требует значительных усилий и совершается медленно. За редкими исключениями, змеи схватывают добычу всегда спереди за голову, крепко держат ее зубами, двигают вперед одну сторону головы, зацепляют зубами, затем подвигают другую сторону головы. Таким образом, они захватывают добычу попеременно то одним, то другим рядом зубов, пока добыча не попадет целиком в пасть. Вследствие значительного давления происходит усиленное отделение слюны, которая облегчает прохождение пищи через отверстие рта, которое постепенно расширяется донельзя. Во время заглатывания очень большой добычи голова принимает безобразно расширенную форму и каждая косточка челюстного аппарата как бы вывихнута. Как только добыча проглочена, голова быстро принимает свой первоначальный вид. Случается, что змеи схватывают и стараются проглотить животных, которые слишком велики даже для их невероятно растяжимого челюстного аппарата. Тогда они часами лежат на одном месте с добычей в пасти, причем дыхательное горло у них выдвинуто далеко вперед, чтобы не прерывать дыхания. Они лежат и тщательно селятся одолеть массу; иногда, впрочем, им случайно удается вытащить из нее зубы и, сильно тряхнув головой, выбросить ее вон. Иные утверждают, что змея не может освободиться от схваченной и проглатываемой пищи и, в случае слишком крупной добычи, должна задохнуться; это совершенно неверно. Ядовитые змеи схватывают свою жертву только после того, как она околеет, и притом с известной осторожностью, чтобы не сказать с нежностью. Они при глотании не пользуются своими ядовитыми зубами, но отодвигают их как можно дальше в сторону и действуют главным образом нижней челюстью.

Переваривание совершается медленно, но очень энергично*. Сначала переваривается та часть добычи, которая находится в нижней части желудка. При этом одна часть, переваренная, переходит в кишки прежде, чем другая начнет перевариваться. Если проглочено несколько животных, то они, если только не слишком малы, помещаются не рядом, а всегда одно позади другого. Если при этом желудок полон, тогда остальные пребывают в пищеводе до тех пор, пока не смогут подвинуться дальше. Не перевариваемые части или остатки пищи, особенно перья и волосы, удаляются через задний проход. В виде исключения или только слабосильные и больные змеи изрыгают их через рот. То же бывает и с полупереваренными кусками добычи, если змея испугана или чем-нибудь обеспокоена. Количество пищи зависит от погоды и увеличивается с повышением температуры; но змей, собственно, нельзя назвать прожорливыми. Они хотя и проглатывают зараз много пищи, но зато могут оставаться в течение нескольких недель и даже месяцев без всякой пищи. Шу-

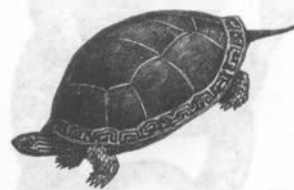
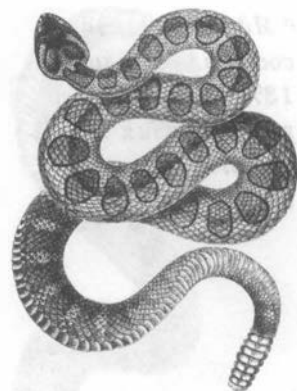
берт рассказывает, что один удав — анаконда (*Eunectes murinus*) — голодал в течение 500 дней.

Дюмерил, посвятивший всю свою жизнь изучению змей и написавший вместе с Биброном относительно этой животной группы важное сочинение, поймал во время одной прогулки гадюку, думая, что это гадюковый уж, был укушен и находился в течение многих дней в большой опасности. На этот факт следует обратить особое внимание, потому что он слишком ясно доказывает, что наружные отличия безвредных и ядовитых змей могут быть, и во многих случаях действительно бывают, в высшей степени незначительны. При наружном осмотре невозможно безусловно признать ядовитую змею. Конечно, это не относится ко всем видам или подсемействам, потому что морские змеи, гремучники и некоторые гадюковые могут быть узнаны и по наружным признакам. К тем, которых нельзя отличить по наружному виду, относится обыкновенная гадюка, которая обманула даже опытный глаз такого исследователя, как Дюмерил. В некоторых учебниках зоологии отличительные признаки ядовитых змей приведены совершенно неправильно. Это правда, что виды, ведущие ночной образ жизни, обыкновенно имеют короткое туловище, сильно утолщенное посредине и в поперечном разрезе треугольное. Правда, что они имеют конусовидный хвост, тонкую шею и треугольную голову, очень широкую сзади. Правда, что по строению своих чешуек они часто отличаются от безвредных змей. Совершенно справедливо и то, что глаза у них большие, зрачок представляет вертикальную щель и глаз защищен выдающимся надглазным щитком и поэтому имеет злобное и лукавое выражение. Но все эти признаки характерны только для ночных ядовитых змей и совершенно непригодны для дневных, а также для аспидов и для морских змей, ибо большинство представителей последних двух групп по виду так же невинны и безвредны, как и какая-либо неядовитая змея. Одна из многочисленных групп аспидов, в ядовитости которых теперь уже никто не сомневается, снаружи так привлекательна и кажется столь добродушной, что даже очень опытные исследователи за нее заступались, а подтверждением ее безвредности служили прежние рассказы о том, что эти змеи являются игрушкой для детей и женщин. Только исследование зубов позволяет сделать безошибочный вывод относительно ядовитости или безвредности змеи.

Замечания такого рода считаю своим долгом предпослать описанию змей для того, чтобы, насколько это возможно, предостеречь неспециалистов и новичков, желающих изучить змей, от легкомысленного обращения с этими опасными тварями.

Кто вспомнит, как велико число людей, ежегодно гибнущих от ядовитых змей, сколь многие у нас подвергаются благодаря им по меньшей мере продолжительной болезни, тот поймет ужас, овладевающий каждым неопытным человеком при виде змеи,

Подотряд ЗМЕИ

Подотряд змеи

* Ядовитые змеи составляют лишь 13% всего видового разнообразия этой группы пресмыкающихся.

тот уразумеет также рассказы, предания и выдумки древних и новых народов, в которых идет речь о змеях.

Ядовитые виды змей хотя и не в состоянии совершенно обезлюдить страну, в которой обитают, однако приносят жителям такой вред и такое стеснение, о котором мы, жители Севера, бедного ядовитыми змеями, не имеем и понятия*. Фэйрер, английский врач, занимался в течение многих лет изучением действия змеиного яда и регистрировал во время своего пребывания в Индии число укушенных и умерших от отравления змеиным ядом людей в течение каждого года. Данные, полученные от правительства, поистине ужасны. Фэйрер обращался за сведениями к начальству; ответы были получены не отовсюду или же не давали возможности составить себе ясную картину положения дела. Тем не менее результат этих исследований для 1869 года поразительный. Общее число укусов по тем сведениям, которые он получил, было для этого года не менее 11 416 и, по мнению Фэйрера, далеко от истины. Многие укусы змей не были записаны: туземные правительственные чиновники только в исключительных случаях обращают внимание на подобные ежедневные происшествя, а туземцы привыкли к неизбежности укусов и не считают нужным сообщать о них.

По мнению Фэйрера, число людей, погибающих от укусов змей, достигает ежегодно, по крайней мере, 20 тысяч. Хотя население Индии очень многочисленно и составляло в то время 120 миллионов, этот факт не теряет значения и подтверждает, по видимому, высказанное уже во времена римлян утверждение, что в Индии ядовитые змеи представляют ужасное бедствие. Я могу к этому прибавить, что в сравнении с ними тигры, пантеры и волки оказываются невинными и безвредными существами. С того времени индийским правительством ежегодно собираются статистические данные относительно числа смертных случаев, которые в известных частях английских владений могут быть приписаны укусам змей, и эти данные докладываются в известные периоды времени парламенту в напечатанном виде.

В этих официальных докладах приведена для последних лет следующая таблица относительно людей, погибших от укусов змей, а также число убитых змей.

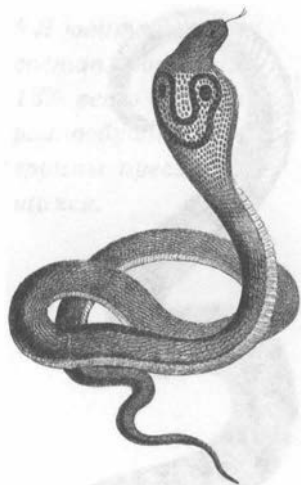
Год	Умерло человек	Убито змей
1878	16 812	117 958
1879	17 388	132 961
1880	19 150	212 776
1881	18 670	254 968
1882	19 519	322 401
1883	20 067	412 782
1884	19 629	380 981
1885	20 142	420 044
1886	22 134	417 596

За этот промежуток времени была выплачена огромная сумма вознаграждения за убитых и доставленных змей. При этом, однако, оказалось, что индийцы, чтобы заслужить большее вознаграждение, устраивали настоящие садки для разведения змей.

Это большое число смертных случаев людей, мало-помалу удвоившееся со времени первых и неполных исследований Фэйрера, кажется вероятным, но на самом деле преувеличено. Это просто грандиозный обман, и вышеприведенные официальные данные нужно рассматривать не только как неточные, но следует признать их как заведомо совершенно неверные. Снискавшие себе доверие как наблюдатели и охотники в пустынях Индии, например, Балдуин, Форсит, Кинлох, Мацентайр, Невелл, Рис, Сандерсон, Шекспир, Стерндаль и другие совершенно не приводят сведений, которые хотя бы сколько-нибудь могли служить подтверждением официальных данных. Большинство охотников считает даже совершенно лишним говорить о змеях и об исходящей от них опасности.

Форсит только вскользь упоминает, что не раз терял собак вследствие укусов змей. Гарбе рассказывал, что, действительно, видел вскоре после высадки нескольких ядовитых змей, но прошло больше года, пока он снова во время своих поездок увидел одну змею, которую и убил палкой. Выражая свое мнение об опасных индийских животных, он говорит: «Все эти животные в действительности не столь злобны и вредны, как их описывают в учебниках зоологии». Заслуживающие доверия врачи, правдивые колонисты и путешественники из тропических стран, в которых фауна змей одна и та же или очень сходная, ручались письменно и устно за то, что вышеприведенные данные ошибочны и не следует им придавать ни малейшего значения. Если бы эти числа колебались в пределах сотен, тогда, вероятно, они не привели бы нас к раздумью и не возбудили бы никакого сомнения. Но, когда мы благодаря Монике и другим узнаем, что на всей Яве и на Суматре только изредка можно услышать о смертных случаях от укусов змей, когда мы узнаем, что в Кохинхине и Камбодже убыль людей вследствие отравления змеями считается ничтожной, тогда мы невольно становимся в тупик и спрашиваем себя, чем объяснить такие невероятные потери от укусов змей именно в английской Индии. На это мы от знатоков тамошних порядков получаем ответ, что почти каждый смертельный случай, например все детоубийства, частые, возбуждающие ужас самоубийства вдов, и все те случаи, которые по разным причинам не могут быть обнародованы — все это сваливается на ядовитых змей. Кроме того, сборщикам податей часто выдают за мертвых тех людей, которые впоследствии оказываются невредимыми. Наконец, благодаря способу доставления сведений ненадежными туземными чиновниками, которые, не обращая внимания на последствия их легкомысленного отношения к делу, не боятся заносить на бумагу

числа, полученные совершенно произвольно. Благодаря, повторяем, всему этому совершенно изменяется, если и не совершенно исчезает, правильность цифровых данных, принимаемых на веру правительством.

Если бы было желание или возможность произвести подобные исследования и в других странах, где живет большое количество змей, тогда получились бы результаты если и не тождественные, то, во всяком случае, приближающиеся к результатам, полученным на Яве. Впрочем, все путешественники, особенно Чуди, уверяют, что в Бразилии дело обстоит подобно тому, как в Индии. «Из моих сообщений относительно ядовитых змей, — говорит он, — не следует выводить заключение, что при каждой прогулке подвергаешься опасности быть укушенным ими и что поездка в девственные леса представляет беспрестанную борьбу с кроталами и змеями шарарака. Богатая фантазия путешественников слишком преувеличила действительность; но тем не менее все же совершенно справедливо, что в Бразилии ядовитые змеи очень часто встречаются и там ежегодно сотни людей становятся их жертвами. Один из моих знакомых поймал в своей беседке в Рио-де-Жанейро в течение двух лет девять различных видов змей в количестве более 30 экземпляров и сохранил их в спирте. Каждый помещик в Бразилии знает, что в его саду или парке живет множество этих пресмыкающихся животных. Путешествующему естествоиспытателю, который входит в леса, обыскивает кустарники, переворачивает камни, нужно самым настоятельным образом посоветовать брать с собой при своих поездках несколько метров узкого бинта и склянку нашатырного спирта».

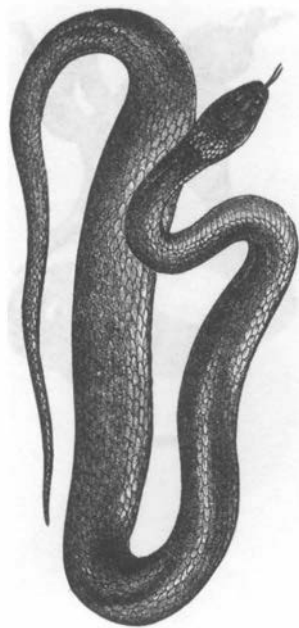
В Африке дело находится в таком же положении. Сообщение Висмана, которое может быть приведено как противоречащее этому, стоит особняком. «В стране Башилангов, в средней Африке, — пишет Висман, — змеи, особенно ядовитые, встречаются очень часто. Можно наблюдать много несчастных случаев из-за них. При постройке станции Лулуабург на площади, имеющей 300 квадратных метров, было убито 26 ядовитых змей и укушено 6 человек, которые все, впрочем, были спасены». Удивительно уже то, что были укушены африканцы, которые, конечно, в совершенстве знают опасность. Но еще удивительнее, что все они остались живы. Другой рассказ повествует о тех же происшествиях, но точнее: «В окрестностях Лулуабурга было удивительное множество змей; до нашего сведения дошло не менее 11 случаев укусов людей змеями. Из них четыре имели смертельный исход, другие же можно было, к счастью, своевременно вылечить аммиаком, и они прошли без продолжительного вреда для здоровья». Напрасно мы стали бы ждать подобных рассказов из других областей, например в сообщениях наблюдателей, проживших там целые годы и имевших поэтому случай точно исследовать состояние вопроса и тщательно проверять происшествия. Так, Монтейро из южной

половины Нижней Гвинеи совсем не рассказывает о подобных несчастных случаях. Драйсон считает удивительным, что в южной Африке так редко слышишь об укусах змеями. Селус, Джемс Александр, Ганс Шинц и многие другие, имевшие удобнейший случай точно изучить положение дела, не сообщают ничего противоречащего. Относительно области нижнего Конго Гессе сообщает: «Страна богата змеями; я собрал 29 различных видов, между ними 9 ядовитых. Некоторые из последних встречаются очень часто, и, в самом деле, удивительно, что так редко люди подвергаются укусам змей. Это тем более странно, что туземцы не носят никакой обуви на ногах и вследствие этого совершенно не защищены от нападения этих животных, если последние имели такую склонность — нападать. Но, очевидно, змеи вовсе об этом не думают: они убегают от людей и кусаются только тогда, когда их рассердят. Во время моего трехлетнего пребывания в Конго мне стал известен только один бесспорный смертельный случай от укуса змеи». С этим согласуются сведения, полученные Бюттикофером в Либерии. «Змеями, — пишет он, — и притом настолько же ядовитыми, насколько и неядовитыми, Либерия особенно богата».

При всем разнообразии внешней формы и строения, а также образа жизни ядовитые змеи, тем не менее, имеют в своих ядовитых органах такой признак, который позволяет с уверенностью и при некотором навыке и с известной легкостью отличить их от безвредных змей. Именно, у всех в верхней челюсти находятся крупные продырявленные зубы, которые могут или стоять одиноко, или же сопровождаться маленькими плотными зубами. Верхняя челюсть у всех ядовитых змей сравнительно коротка, а у видов, ведущих ночной образ жизни, она укорочена до маленькой косточки. У них верхняя челюсть необычайно подвижна, так как она опирается сзади на тонкий стебелек — поперечно-нёбную кость (Transpalatinum), которая, в свою очередь, опирается на крыловидную кость и при посредстве первой, управляемой своими мускулами, может двигаться в направлении, перпендикулярном к поперечно-нёбной кости. У дневных ядовитых змей зуб укреплен в верхней челюсти более внутри, чем у ночных ядовитых змей. У тех и у других видов ядовитых змей зуб связан с челюстью не корнями, а только связками. На самом деле он неподвижен. Что у гадюковых ядовитый зуб может быть повернут назад, зависит только от подвижности плотно соединенной с ним верхней челюсти; у аспидов эта подвижность не больше, чем у неядовитых змей, т. е. ядовитый зуб укреплен неподвижно и может совершать только движения влево и вправо, каковые и совершает преимущественно верхняя челюсть у большинства змей. Верхняя челюсть у гадюковых имеет на нижней поверхности с каждой стороны две или более мелких ямок, которые стоят вплотную друг к другу и в которые помещаются основания ядовитых зубов. Обыкновенно у них

Подотряд змеи

образуется только один зуб с каждой стороны; но так как в каждой челюсти существует всегда несколько (1—6) развивающихся замещающих зубов, то может случиться, что образуются одновременно два из них — в каждой ямке по одному. Между замещающими зубами, расположенными на кости неплотно, зуб, ближайший к ядовитому, бывает всегда самым развитым. По обеим сторонам зуба десна образует чехол, в котором помещается ядовитый зуб, когда верхняя челюсть находится в покое.

Ядовитые зубы отличаются от остальных зубов более значительной величиной, ясно выраженной шиловидной формой и, по словам Штрауха, построены у всех ядовитых змей по одному и тому же основному плану. Кроме полости, находящейся у основания и служащей для питания зуба, — она встречается у всех змей без исключения — каждый ядовитый зуб имеет еще полость, проходящую вдоль, по длине его. Эта полость помещается всегда на передней выпуклой стороне зуба и открывается впереди наружу двумя отверстиями. Одно из этих отверстий, всегда более или менее округлое, находится вблизи основания зуба и способствует вхождению яда в зуб, так как при открывании гадюкой пасти и при обусловливаемом этим перемещении зуба оно располагается под выводным протоком ядовитой железы. Нижнее же отверстие, расположенное у верхушки зуба и служащее для выбрасывания яда, имеет вид щели. У большинства ядовитых змей оба эти отверстия соединены друг с другом тонкой, еле заметной щелью, так что, следовательно, полость не вполне замкнута спереди; напротив того, у меньшинства змей эта полость совершенно замкнута и вместо щели мы находим весьма часто тонкую линию. Поэтому различают бороздчатые и гладкие ядовитые зубы, другими словами, такие, у которых полость имеет спереди щель, и такие, у которых канал совершенно закрыт. Впрочем, щель на бороздчатых ядовитых зубах едва ли имеет какое-либо физиологическое значение, так как она всегда так узка, что змеиный яд не может пройти сквозь нее наружу.

Все исследователи, производившие наблюдения над образованием и ростом ядовитых зубов, сходятся в том, что возникновение трубки всегда предшествует образованию борозды и что канал может возникнуть только благодаря схождению или же срастанию краев этой борозды. По исследованиям Шлегеля, каждый зуб змеи на первых стадиях развития состоит из широкой поверхности с завернутыми внутрь краями, следовательно, имеет на своей передней поверхности борозду. Эта борозда у плотных зубов исчезает очень рано, а на задних бороздчатых зубах подзрительных змей не исчезает и сохраняет у бороздчатых ядовитых зубов на всю жизнь форму более или менее узкой щели; она только у гладких ядовитых зубов остается более открытой, а когда зуб вырастет, тогда она замыкается посередине и принимает форму трубки, сохраняющей еще сверху и внизу часть борозды.

У змей различных видов и различной величины ядовитые зубы отличаются по длине. Так, все дневные ядовитые змеи имеют сравнительно маленькие, а все ночные — сравнительно большие зубы. У нашей гадюки ядовитые зубы достигают длины 3—4, самое большее — 5 мм, у копьеносной куфии они имеют в длину 25 мм*. Они тверды и хрупки, как стекло, необычайно остроконечны, так что, подобно острой иголке, легко проникают в мягкие предметы, даже в мягкую кожу. С твердых же предметов они соскальзывают или даже отламываются, если удар, который нанесла змея, был силен. Если один из зубов потерян, тогда на его место выходит следующий за ним замещающий зуб. Подобная смена зубов совершается с известной регулярностью даже без всякой внешней причины — раз в год, а может быть, и чаще. Развитие и образование зубов совершается необыкновенно быстро. Ленц нашел, что молодые гадюки, которых он вынул, по его расчету, из беременных самок за 4 или самое большее за 6 дней до рождения, еще не имели вовсе ядовитых зубов. Те же, которые должны были родиться, по его мнению, на следующий день, имели уже вполне развитые ядовитые зубы. Так же быстро, как новообразование, происходит и замена потерянных или же насильно вырванных ядовитых зубов. Если они попросту выломаны, тогда часто уже по истечении трех дней, а самое позднее через шесть недель появляется на их месте замещающий зуб. Зубы не возобновляются только в том случае, если, как это делают заклинатели змей, вырезать также слизистую оболочку, в которую погружен ядовитый зуб, и выломать часть верхней челюсти, т. е. разрушить все зачатки зубов.

Каждая ядовитая железа отделяет сравнительно небольшое количество жидкости: железа здоровой двухметровой гремучей змеи отделяет не более 4—6 капель. Но достаточно маленькой доли подобной капли, чтобы в течение нескольких минут отравить кровь большого млекопитающего животного**. Железа изобилует ядом, и он сильнее действует, если змея продолжительное время никого не кусала***. Возобновление способности отделять яд совершается очень быстро, и свежеприготовленный яд также в высшей степени силен****.

Сам по себе яд, сравниваемый со слюной и рассматриваемый за таковую, представляет водянистую, прозрачную, окрашенную в слабый желтый или зеленый цвет жидкость. Эта жидкость в воде опускается на дно, а при легком встряхивании смешивается с водой. Она окрашивает лакмусовую бумажку в красный цвет, и, следовательно, действует, как кислота. Яд, по исследованиям Мютцеля, состоит из белкового вещества, которое и есть самая существенная его составная часть; вещество это свертывается в абсолютном алкоголе, но не при нагревании; яд содержит также сходное вещество, но более сложного состава, которое не оказывает никакого действия и свертывается как при нагревании, так и в

* Самые крупные ядовитые зубы у габонской гадюки (до 4,5 см). Основания обломанных ядовитых зубов все равно остаются ядовитыми. Более того, на смену им у аспидных змей со временем вырастают не менее ядовитые зубы-заменители.

** Предполагают, что возникновение ядовитого аппарата связано с заглатыванием крупной добычи, которую необходимо обездвигнуть.

*** Израильская гадюка может сделать подряд 23 укуса, но с каждым укусом концентрация яда уменьшается.

**** В действительности только через 16 дней после израсходования яда он восстанавливается в ядовитом аппарате в полном объеме, а через 40 дней — и в исходной концентрации.

Подотряд змеи

** Свою силу яд сохраняет до 23 лет.*

*** Ядовитость змей — понятие условное. Американский герпетолог установил, что для смертельного исхода для человека достаточно 15 капель яда гремучника, 3 капли яда кобры или 0,5 капли яда морской змеи. Но одна и та же змея может быть в разной степени ядовита в зависимости от условий. Степень ядовитости змеи зависит от ее состояния, возраста того, кого она кусает, и т. д. Токсичность яда детенышей кобры намного больше, чем у взрослых.*

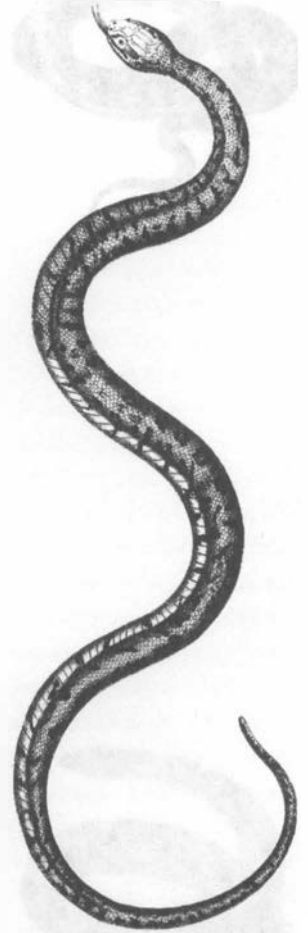
алкоголе, желтое красящее вещество и неопределенную массу (эти две последние составные части растворяются в алкоголе), жир, свободные кислоты и, наконец, соли; кроме того, в нем есть хлор и фосфор; яд легко высыхает на предметах и тогда блестит, как лак, и по целым годам сохраняет, по исследованиям Манджили, свои свойства. По Армстронгу и Брунтену, которым Фэйрер передал для исследования яд очковой змеи, он представляет бурую сиропообразную жидкость и содержит 43—45 процентов углерода и 13—14 процентов азота. При прибавлении азотной кислоты, спирта и при нагревании яд свертывается. никоим образом не удалось получить из него твердое, кристаллическое вещество. присутствие белковых веществ легко обнаруживается разнообразными способами.

Относительно действия яда твердо установлено, что оно тем интенсивнее, чем больше змея и чем теплее погода, и что это действие у различных ядовитых змей отличается только по степени интенсивности*. Прежде считали, что яд может быть проглочен без вреда; в результате новых опытов обнаружено, что яд, даже сильно разбавленный водой, будучи введен в желудок, оказывает еще довольно сильное действие, при проглатывании вызывает боли и нарушает деятельность головного мозга, всасывается, преимущественно слизистыми оболочками, и может вызвать опасные припадки**. По исследованиям Фэйрера, яд змеи может вызвать смерть, если его ввести в достаточном количестве в желудок, в глаз или же поместить на брюшину. Тем не менее, старый вывод из опыта остается в силе: змеиный яд серьезно угрожает жизни только тогда, когда он непосредственно введен в кровь. Чем совершеннее система кровообращения, тем опустошительнее действие яда: теплокровные животные после укуса змей умирают гораздо скорее и вернее, чем пресмыкающиеся, земноводные и рыбы.

В общих чертах ход отравления, произведенного змеями, протекает у всех животных более или менее одинаково, хотя следующие за укусом припадки могут быть и, по-видимому, бывают разного рода. По мнению древних, действие яда каждого вида ядовитых змей различно. Это яснее всего видно из описания Лукана, который описывает поход Катона по африканским пустыням после битвы при Фарсале. Сначала Лукан рассказывает басню о возникновении ядовитых змей и образно описывает, как страшные ядовитые животные выросли из капель крови, упавших на землю из отрубленной головы Медузы; затем он переходит к отдельным случаям укусов змеями и к несчастной развязке, вызванной ими, и говорит буквально следующее: «Сквозь полчища этих мерзких чудовищ вел Катон свое закаленное войско и видел, как многие из его спутников жалким образом погибают от маленьких ран. Знаменосец Аул наступил на змею дипсу; она поворотила голову и ужалила его. Он едва почувствовал укус жи-

вотного, и рана сама по себе казалась совершенно несерьезной. Но скоро яд проник во все его тело; небо начало становиться сухим, язык — сохнуть, никакой испарины не выходило из кожи, ни единая слезинка не падала из глаз. Несчастный бросил знамя и неистово стал искать, измученный страшной жаждой, воду. Он пил и пил, и его все более томила жажда; наконец, он перерезал свои жилы, начал пить свою собственную кровь, но не мог все-таки утолить жажду. Объятый страхом, Катон приказал войску поспешно идти вперед; но скоро смерть должна была показать себя ему в еще более страшной форме. Ногу Сабелла укусил маленький сепс. Он оторвал животное рукой и исколол его копьем; рана была мала, но тотчас же вокруг нее кожа отпала кусками, так что видны были голые кости. Бесперывно поднимаясь дальше, болезнь распространялась; мясо превратилось в гнилой гной, и, когда оно исчезло также с головы, тогда начали гнить и распадаться даже кости, так что нельзя было более распознать человеческий труп, но вместо него только пятно, окрашенное ужасным гноем. Марсийский воин Назидий был ужален гадюкой. Огненный румянец начал пылать на его лице, и кожа натянулась; опухоль всего тела скоро зашла так далеко, что нельзя было более узнать фигуру, так что удивленным взорам войска представился только громадный ком. Никто не отважился положить на костер такой труп, который все еще увеличивался, а каждый искал спасения в бегстве. Тулл был уязвлен подковчатым ужом. Из всей кожи начал тотчас течь красноватый ядовитый гной, и глаза, рот и нос наполнились им. Несчастный Лев умер, ужаленный змеей, причем он моментально потерял сознание. С одного древесного ствола сползла вниз быстрее шипящей стрелы змея, названная африканцами *Iaculus* (удавчик), и поразила Павла, пролезши со свистом через его голову. Мурр проколол копьем василиска. Яд проник через копы в руку; но он сам отсек ее мечом».

Конечно, нет необходимости говорить о том, что эти события не могли совершаться так, как их описывает Лукан; но все же из них делается очевидным, что они основаны на наблюдении случаев, имевших место в действительности. Однако они преувеличены в такой же мере, в какой поэты умеют заставить нас поверить в самые невероятные происшествия. К сожалению, и теперь еще очень часто люди бывают ужалены змеями, поэтому мы в точности знаем не только видимые припадки, но также ощущения и чувства ужаленных. Непосредственно после укуса замечаются две расположенные рядом маленькие проколотые раны, если же существовал только один ядовитый зуб — то одну рану, и часто даже из них не течет кровь. Жертва же обыкновенно испытывает сильную, ни с чем не сравнимую боль, которая проходит по телу, как электрический ток; во многих же случаях бывает и обратное явление: укушенный думает, что он только оцарапался шипом, и поэтому вовсе не считает боль

Подотряд змеи

опасной. Следующие непосредственно за этим усталость всего тела, чрезвычайно быстрый упадок сил, припадки головокружения и повторяющиеся обмороки — первые безошибочные признаки начинающегося изменения крови. Очень часто появляется рвота, часто даже с кровью; почти так же часто появляется понос, иногда начинается кровоизлияние изо рта, носа и ушей.

Дальнейшее изнеможение проявляется в усиливающейся сонливости и в заметном ослаблении мозговой деятельности; в высшей степени повреждается деятельность органов чувств, так что, например, может появиться совершенная слепота или глухота. С увеличением слабости уменьшается ощущение боли, и, когда приближается конец, тогда отравленный, по-видимому, вовсе не ощущает страданий, но постепенно в полностью бессознательном состоянии умирает. При быстром ходе разрушения крови укушенная конечность обыкновенно незначительно распухает, а при медленном ходе, напротив, распухает в безобразную массу, и опухоль распространяется тогда и на другие части. Многие укушенные не только выглядят как мертвецы, но у них наблюдается также своеобразная холодность тела — естественное последствие нарушенного кровообращения, так как отравление вызывает разрушение крови. Но не всегда заболевший испытывает указанные симптомы; часто он по целым часам мучится от ужаснейших страданий и его нервная система возбуждена до такой степени, что раздражает самым ужасным образом каждое движение, каждый шорох около него. Укушенные люди жалостливо рыдают, укушенные собаки жалобно воют по целым часам, пока наконец не наступит бессознательное состояние и не последует сравнительно тихая смерть.

Чем змея больше, сильнее и богаче ядом, чем дольше она не уязвляла, чем теплее погода и чем змея яростнее, тем быстрее и опаснее действует ее яд. Важнейшие явления болезни сходны, в общем, с вышеописанными; но течение болезни гораздо быстрее, и поэтому иногда появляются другие признаки. Почти непосредственно за укусом следуют: оглушение и сильное беспокойство, непроизвольное выделение мочи и кала, расширение или сужение зрачка, медленное и неправильное дыхание, судороги, дрожание мышц, нечувствительность кожи, а сознание и деятельность органов чувств сохраняются до последней минуты, затем паралич, сопровождаемый судорогами и конвульсиями или без них. Смерть обыкновенно обусловлена удушением, так как деятельность сердца продолжается дольше дыхания. Опытами установлено также, что животные, которым был введен змеиный яд, оставались долгое время в живых благодаря искусственному дыханию, с помощью которого судороги могли быть временно остановлены. Смерть может наступить уже через 20 минут после укуса, а когда яд попадает в полую вену, смерть наступает почти мгновенно. По Джону, вскоре после укуса температура тела немного повышается, а позже силь-

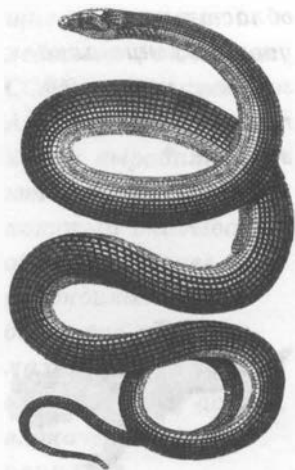
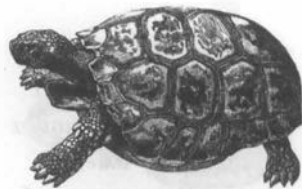
но падает. Деятельность сердца ускоряется, но слабо; появляются кровотечения в пищеварительном канале и разлитие желчи. Нередко в числе первых признаков наблюдается потеря речи. При вскрытии трупа не наблюдают трупного окоченения, а в правом желудочке находят дегтеобразную мягкую свернувшуюся кровь, а левый желудочек пуст. Сосуды головного мозга и мозговых оболочек наполнены в избытке темной кровью, печень и легкие тоже изобилуют кровью; печень распухшая и окрашена в темный цвет.

Если течение болезни, вследствие ли примененного средства или же вследствие того, что количество яда, введенного в рану, было слишком мало, принимает другое направление, тогда за этими первыми общими явлениями наступает продолжительная болезненность, прежде чем приходит полное исцеление. К сожалению, слишком часто бывает, что человек, возвратившийся к жизни, страдает вследствие укуса змеи несколько недель, месяцев и даже лет, так что вся его жизнь отравлена в буквальном смысле одной только каплей ужасной жидкости.

Несть числа противоядиям, которые издавна применялись и теперь еще применяются против укусов змей. К сожалению, при этом еще значительную роль играет суеверие. Применяют также и средства, которые оказываются более или менее рациональными: вырезывание или прижигание раны; привязывание особых змеиных камней: с одной стороны, благодаря своей пористости они в состоянии высасывать яд, а, с другой стороны, давление, производимое ими на рану, препятствует дальнейшему распространению яда; прикладывание измельченных корней и листьев; принятие внутрь растительных соков, нашатырного спирта, хлора, мышьяка и других ядов и т. п. Однако, несмотря на это, до сих пор не известно ни одного верного и заслуживающего доверия средства. По-видимому, лучше всего действует винный спирт, выпитый или принятый внутрь в большой дозе все равно в какой форме — в виде ли алкоголя, рома, арака, коньяка, водки или же крепкого вина. Это средство не новое, но известное уже с незапамятных времен и применяется в самых разнообразных частях земного шара. Уже Марк Порций, Катон Цензорий советуют давать человеку или домашнему животному, ужаленному змеей, истертый тмин в вине; Цельзий рекомендует вино, приправленное перцем и чесночным соком. Далматинцы, ужаленные гадюкой, пьют вино до опьянения и выздоравливают. Ловцы гадюк применяют против укусов змей только вино. Североамериканцы сравнительно мало обращают внимания на укусы гремучих змей, если у них есть достаточное количество водки. Они напиваются ею, сколько могут, просят свой хмель и не испытывают никаких вредных последствий от змеиного яда.

Жители Индии не признают другого средства, кроме настойки дикой конопли или табака на водке. Малайцы на Калимантане

Подотряд змеи

Подотряд ЗМЕИ

** Современные представления о первой медицинской помощи укушенным змеями исключают употребление алкоголя, так как он расширяет кровеносные сосуды и ускоряет всасывание яда.*

*** Со времен Брема существенно изменились принципы лечения при отравлении змеиным ядом. Наиболее эффективным считается применение так называемых противозмеиных сывороток; противопоказано использование жгутов, прижигание области укусов, употребление алкогольных напитков, производство надрезов и т. д.*

считают человека, укушенного ядовитой змеей, спасенным, если только он выпьет водки до опьянения*. Горькие пьяницы могут быть укушены змеей несколько раз, и это им не принесет никакого вреда. К сожалению, не приведены доказательства того, что при укусе яд попадал в рану, а свидетели могли, как это часто бывает в Индии, впасть в ошибку. В новейшее время одни врачи применяют также винный спирт в различной форме, другие же, среди них и опытный Ричардс, не признают за ним никакого целебного действия и даже считают вредным принятие его в больших количествах. Что алкоголь не действует как противоядие, другими словами, не разрушает змеиный яд, доказано опытами; но он повышает деятельность сердца, которая ослабевает вследствие отравления, больше и быстрее, чем другое возбуждающее средство. Поэтому он оказывает прекрасную услугу и может быть особенно рекомендован к применению в самом начале, так как водку можно иметь в каждом селе.

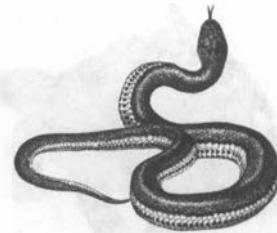
При уходе за больным, укушенным змеей, всякая излишняя нежность вредна, а нужно только одно — быстро и решительно действовать. Фэйрер на основании своих многочисленных опытов дает вкратце следующее наставление для ухода и лечения человека, укушенного ядовитой змеей. Тотчас же после укуса взять какую-нибудь тесьму, обернуть ее выше укушенного места, вокруг пораненной конечности и завязать как можно туго, даже, в случае необходимости, с помощью рычага. На некотором расстоянии выше первого так же туго наложить вокруг конечности второй, третий и четвертый бинт. Затем произвести быстрый надрез над раной и позволить крови сочиться или же высосать ее; затем взять для прижигания горящий уголь, раскаленное железо или, если есть, ляпис или какое-нибудь другое едкое вещество. Если укушен палец на руке или на ноге, можно отсечь или отрезать зараженный член; если этого сделать нельзя, тогда, по крайней мере, вырезать рану настолько глубоко, насколько это можно сделать, не причиняя вреда. Больного оставить в покое и не надоедать ему всевозможными предложениями, как это обыкновенно принято при уходе. Если появятся первые признаки отравления, давать ему нашатырный спирт, сильно разбавленный водой, или еще лучше нагретый спирт, водку, глинтвейн с водой. Рациональнее давать не слишком много за один раз, а как можно чаще, маленькими дозами. При наступлении слабости положить на живот горчичник или горячий компресс, направить на сердце и грудобрюшную преграду гальванический или электрический ток; можно применить обливание холодной водой. Если больной захочет принять противоядие, в которое он верует, дать ему просимое; важнее всего внушить ему как можно более бодрости**.

Буддисты, догматы которых воспрепятствуют умерщвлению животных, помещают пойманную ядовитую змею в корзинку, сплетенную из пальмовых листьев, и доверяют ее волнам реки. У нас

также встречаются глупые люди, которые вследствие непонятной чрезмерной чувствительности требуют пощады для гадюки, приносящей пользу пожиранием мышей, и осмеливаются называть умерщвление змей бесполезной жестокостью. Но с ними, конечно, не стоит спорить, так как они не ведают, что говорят. «Живее берите камни и дубины и безжалостно бейте вредное существо, хотя бы оно, угрожая, приподнималось и шипело с расширенной шеей», — говорит уже Вергилий, и мы присоединяемся к нему. Мы убиваем ядовитых змей и, поступая так, делаем правильно. Напротив того, разумные люди не считают нужным говорить о пощаде, ибо только беспощадное истребление увеличит нашу безопасность. К счастью, и в Индии есть много людей, которые, поощренные наградами, назначенными правительством, посвящают себя истреблению ядовитых змей. В Северной и Южной Америке змеям не оказывают никакого снисхождения, никакой пощады. Кто увидит в Северной Америке ядовитую змею, тот не ленится сойти с лошади или из экипажа, чтобы умертвить ее; кто может в Бразилии захватить змею, тот, хотя и не без страха, убивает ее со злобой и смертельной ненавистью. Много и неядовитых змей становятся жертвами этой ненависти: но кто же захочет поставить это в вину людям, которые ежегодно испытывают последствия укусов змей? Нет такого места, где человек может похвалиться тем, что одержал полную победу над ядовитыми змеями, и, пока продолжается истребительная война против них, преждевременно требовать безусловной пощады безвредным змеям. Человек никогда не истребит ядовитых змей; он может только уменьшать их количество. Это доказывают те страны, в которых утвердился земледелец, именно Соединенные Штаты и Бразилия*. При постепенном увеличении площади обрабатываемых почв число змей, особенно ядовитых, значительно уменьшается, и со временем в этих местностях человек будет иметь возможность жить без страха. До тех пор мы и все разумные люди будем согласны с Вергилием**.

Во многих учебниках зоологии говорится, что змеи не пьют. Опыты, произведенные над пленными ужами и гадюками, по-видимому, указывают на то, что они никогда не пьют воду. Но эти опыты ничего не доказывают, так как наблюдение, и притом повторенное несколько раз, доказывает нам обратное. Все змеи пьют, одни вбирая воду полными глотками, причем заметно двигая челюстями, другие же схватывают языком капли воды и росу или же смачивают ими свой язык. Я особенно обращаю на это внимание, так как Леали еще в 1870 году уверял, что никто не видел, как змеи пьют. Эффельдт же, наблюдательность и опытность которого я вполне признаю, писал Ленцу, что даже те змеи, которые во время питья погружают голову в воду, пьют всегда лакая, другими словами, никогда не пьют с втянутым языком. Я имел случай наблюдать на воспитанных мною гремучих змеях совершен-

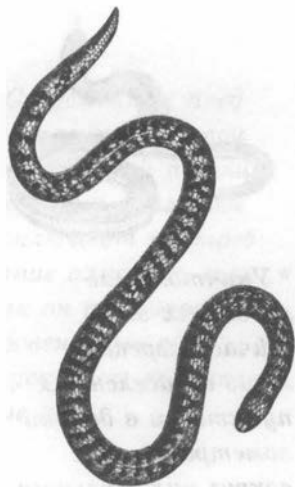
Подотряд ЗМЕИ

** Уничтожение ядовитых змей сейчас разрешено лишь в населенных пунктах и в двухкилометровой зоне вокруг них. Большинство видов ядовитых змей ныне крайне редки и охраняются.*

*** В наше время яды приносят и пользу человеку. Из них изготавливают кровоостанавливающие препараты: лебетокс (в бывшем СССР) и стипвен (в Англии). Из яда кобры вырабатывают кобротоксин, который оказывает обезболивающее и успокоительное действие при спазмах сосудов сердца, бронхиальной астме, злокачественных опухолях.*

Подотряд змеи

** Сейчас установлено, что линька пресмыкающихся связана с деятельностью щитовидной железы. Роговой эпидермис отпадает за счет наслоения нового рогового слоя, куда поступает много гипотоничной лимфатической жидкости. Поэтому линяющему организму нужно много воды, и змеи перед линькой любят, например, забираться в водоемы.*

но обратное: они пили, когда их сильно томила жажда, с настоящими жевательными движениями челюстей, т. е., хлебая, а не лакая. Если змей после долгого путешествия в узких ящиках, наполненных песком, перенести в обширную клетку, они, томимые голодом и жаждой, исследуют ее по всем направлениям; найдя наконец сосуд с водой, змеи убеждаются прикосновением языка в присутствии усладительного питья, погружают в него морду поверх глаз и иногда пьют так много, что, как очень верно замечает Эффельдт, «совершенно разбухают». Многие виды явно страдают и околевают, если они лишены воды; другие же, по видимому, могут удовлетворять свою жажду несколькими каплями в день или даже пьют раз в течение нескольких недель. Эффельдт поставил пред своими пленными змеями сахарную воду, вино и молоко и заметил, что некоторые из них, будучи лишены воды, пьют слегка подслащенную воду и молоко, вином же и сильно подслащенной водой, напротив, постоянно пренебрегают. Молодая гремучая змея, которая не хотела есть, но пила молоко, по истечении нескольких месяцев околела.

В жизни змей линька, или сбрасывание с себя кожи, имеет еще большее значение, чем в жизни птиц*. Это сбрасывание — первое, через что проходит молодь, только что вылупившаяся из яйца, и что взрослые животные претерпевают в течение года несколько раз. Сбрасывание начинается отделением тонкой стекловидной кожицы на губах, результатом чего является возникновение большого отверстия. Затем образуются две лопасти: одна — на верхней части головы, другая — на нижней челюсти. Эти лопасти отворачиваются и все дальше и дальше заворачиваются, так что в конце концов внутренняя часть становится наружной.

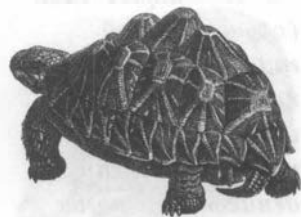
По Бугону, в сброшенной коже, по крайней мере у обыкновенных ужей, отсутствует всегда самый крайний конец. Для освобождения от своей «сорочки» на свободе змеи пользуются мхом, вереском и другими растениями и вообще шероховатыми поверхностями и в состоянии в короткое время закончить сбрасывание кожи; в ящике же они понапрасну прилагают усилия для достижения той же цели и только в редких случаях сбрасывают целиком всю кожу. По наблюдениям Ленца, у наших змей первая линька начинается в конце апреля и в начале мая, вторая — в конце мая и начале июня, третья — в конце июня и начале июля, четвертая — в конце июля и начале августа, наконец, пятая — в конце августа и в начале сентября. У видов, обитающих в теплых странах, сбрасывание совершается таким же образом. Относительно последних у нас в настоящее время имеется только немного данных. По Гартману, гремучие змеи линяют только два раза в год. Фэйрер и Ричардс наблюдали в Индии, что находящиеся в неволе кобры меняют свою кожу каждый месяц даже зимой и «во время линьки, без всякого сомнения, слепы». Если пленным не хватало воды, тогда сорочка отделялась по частям.

«Я очень сомневаюсь, — продолжает Ричардс, — чтобы у свободных живущих змей линька происходила так же часто, как у находящихся в неволе. Я несколько раз наблюдал, что птицы употребляют змеиные сорочки как подстилки для своих гнезд». Непосредственно перед линькой все змеи пребывают в покое, после же нее они становятся гораздо бодрее. Применение теплых ванн значительно облегчает сбрасывание кожи пленным змеям.

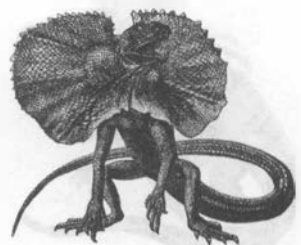
Несколько дней спустя после первой весенней линьки начинается размножение. Оно в известной степени возбуждает змей, но никоим образом не столь сильно, как об этом болтают. Очень вероятно, что определенные виды в период спаривания собираются в группы и долгое время пребывают вместе. По крайней мере, наблюдали, что некоторые ядовитые змеи во время спаривания спутываются в форменный клубок и целыми часами остаются в такой удивительной связи. Древние, которые, по-видимому, наблюдали подобные сплетения у многих змей, объясняли себе их причину суеверным образом, называли клубок змеиным яйцом и приписывали ему чудодейственную силу. Обыкновенно же находят спаривающихся змей, самца и самку, тесно сплетенными и покоящимися на излюбленных местах. Они лежат по целым часам на солнце на одном месте, не шевелясь. Соединение животных очень тесное, потому что цилиндрический половой орган самца, усаженный на внутренней поверхности твердыми шипами и выворачивающийся при спаривании, прочно удерживается в половых органах самки. Еще не знают, сколько времени продолжается спаривание, но нужно думать, что несколько часов: Эффельдт нашел вечером дюжину сплетенных гадюк и обнаружил их на следующий день в том же положении*. «Если змеи сцепились, — говорит Ленц, — то можно их очень спокойно наблюдать на умеренном отдалении. Если подойти ближе или же ударить их, они стараются дать тягу. Но им не так легко это совершить, потому что они обвиты вокруг друг друга и поэтому не способны ползать. Сначала они стараются улизнуть вместе, но замечают, что это им не удастся. Тогда они отчасти или совсем распутываются и уползают. Так как они еще крепко соединены шипами самца и каждая желает пойти своей собственной дорогой, то как одна, так и другая тянут и меньшей приходится следовать за более крупной. Подобное бегство совершается, конечно, очень медленно. Если же начать их сильно и без перерыва бить, или же наступить на них, тогда они наконец с помощью сильного толчка отрываются друг от друга».

По истечении 4 месяцев яйца числом от 6 до 40, а у ложноногих и до 100 кладутся во влажных темных местах, если вид не относится к тем змеям, которые откладывают настолько развитые яйца, что молодь разламывает скорлупу яйца или непосредственно вслед за кладкой, или уже в теле матери. Только относительно некоторых удавов известно, что они регулярно высижива-

Подотряд змеи

* Обнаружено, что у змей *Bothrops insularis*, живущих только на одном из островов на юге Бразилии, площадь которого всего лишь 3 кв. км, большинство самок имеют кроме яичников еще семенники и копулятивные органы самцов. Такой гермафродитизм, видимо, позволяет повысить темпы размножения, не увеличивая числа обитателей на ограниченной площади острова.

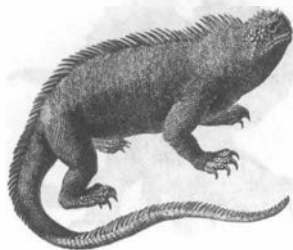

Подотряд ЗМЕИ

** У некоторых змей (обыкновенной гадюки, североамериканского водяного, или подвязочного, ужа, великолепной денисонии, многих морских змей) есть зачатки истинного живорождения. Они обладают даже примитивной плацентой.*

*** Значение змей в природе Брем явно недооценивал, равно как и для человека. Изготовление изделий из змеиной кожи давно стало привычным промыслом.*

**** Ежегодно регистрируется около 68 тысяч смертельных случаев от укусов ядовитых змей, что во много раз меньше количества людей, погибающих под колесами автомобилей.*

ют яйца. Шнек утверждает, что он вынул из одного североамериканского водяного ужа (*Thamnophis sirtalis*) даже 78 молодых экземпляров. Подобные количества детенышей мы наблюдали также и у аспидов*. Мать не оказывает никакой помощи при разламывании скорлупы и вообще мало или совсем не заботится о вылупившихся детенышах. Последние растут необычайно медленно, но, вероятно, рост продолжается до конца их жизни, хотя в более зрелом возрасте, конечно, растут несравненно медленнее, чем вначале. Они могут достичь глубокой старости.

Значение змей в сравнении с остальным животным миром так мало, что можно справедливо утверждать, что и без них равновесие природы не нарушилось бы**. Во всяком случае, некоторые из них приносят пользу уничтожением мышей и других вредных грызунов; но польза, которую они приносят этим человеку, как я уже говорил, более чем уравновешивается тем вредом, который наносят, по крайней мере, ядовитые виды. Потому нельзя назвать несправедливой ту ненависть, которую питают ко всему этому подотряду. У нас, конечно, нетрудно отличить два местных вида ядовитых змей от безвредных видов. Но уже в Западной Европе встречается, как мы слышали, один уж, который по наружному виду так похож на одну из ядовитых змей, что даже знаток змей Дюмерил смог ошибиться и схватил вместо мнимого ужа гадюку, укусы которой подверг опасности его жизнь. Во всех остальных частях света встречаются змеи, относительно которых, несмотря на наше знание, ушедшее далеко вперед, неизвестно, ядовиты ли они или безвредны. Кто хочет проповедовать пощаду змеям, должен, по крайней мере, ограничиваться только Германией; этим он еще не принесет беды***. Я вовсе не желаю защищать змей, так как наши безвредные виды поедают главным образом таких животных, которые, несомненно, более полезны нам, чем их хищники. В Северной Америке также сильно жалуются на опустошения, которые производят среди молодой рыбы водяные ужи. Тот, кто истребляет всех змей, не причиняет этим, повторяю, никакого вреда, а тот, кто хоть раз примет ядовитую змею за неядовитую, может поплатиться за это жизнью или здоровьем.

Просвещенный человек, который очень хорошо понимает, что неразвитые люди всегда считают зло сильнее добра, а язычники особенно боялись злых существ, найдет очень понятным, что в преданиях и мифологии древних народов змеи играли важную роль. Предания почти всех народов упоминают о них то со страхом и отвращением, то с любовью и благоговением. Змеи считались олицетворением быстроты, хитрости, врачебного искусства, даже времени. Уже в седую старину, как и теперь еще у диких народов, существовало поклонение змеям. Так, в Индии им поклонялись как олицетворению мудрости, у других народов — как олицетворению лживости, коварства и обольщения. Что римляне оказывали змеям божеские почести, видно из сведений, сообщае-

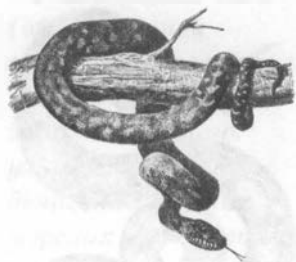
мых их писателями. «Городу Риму, — говорит Валерий Максим, — боги уже часто давали доказательства своего особенного благоволения. Однажды город в течение трех лет посещался чумой, и ни боги, ни люди не помогли тяжелой беде. Наконец жрецы спросили Сивиллины книги и нашли в них, что прежнее здоровое состояние может быть достигнуто, только если бог Эскулап будет привезен из Эпидавра. Было послано посольство искать утешения и помощи. Эпидавряне приняли римлян любезно и повели посольство в храм Эскулапа. Само божество выказало знаками свое благоволение. В Эпидавре иногда видели змею, появление которой каждый раз приносило особенную благодать и которая поэтому была почитаема так же высоко, как и сам Эскулап. Во время пребывания римлян показалась эта змея медленно двигалась, кротко озираясь вокруг, по самым населенным частям города. Это она повторяла в течение трех дней, а народ смотрел на нее с благоговением. Наконец змея решительно направилась к римскому военному кораблю. Там она привела перепуганный ею экипаж в сильный трепет, но, не обращая внимания ни на кого, поползла в каюту посланника Огулния и свернулась там с величайшим удобством. Тогда послы, увидев собственными глазами, что они владеют богом, стали решать, как бы оказать ему подобающую почесть; они поблагодарили учтиво и сердечно жителей Эпидавра и отплыли в радостном расположении духа. После благополучного плавания корабль остановился в Антиуме. Там змея, оставшаяся раньше при всех остановках на корабле, выползла из него, направилась к портику Эскулапова храма, где стояло ветвистое миртовое дерево, и обвилась вокруг высокой пальмы. Здесь она отдыхала три дня, и ей приносили обыкновенную пищу. Послы боялись, что она не возвратится на корабль; но она добровольно оставила дерево и снова направилась на корабль. Наконец послы высадились у устья Тибра. Там змея поплыла на остров, на котором ей воздвигли храм. С ее прибытием Рим освободился от чумы».

Подобные воззрения удержались до последнего столетия и в настоящее время существуют еще у различных народов Европы, Азии и Африки. Согласно довольно распространенному предрассудку, змеи приносят счастье; индийцы и малайцы твердо убеждены, что убийство змеи влечет за собой несчастье. Так, по сообщению Ричардса, индийцы утверждают, что не надо убивать ядовитую змею, укусившую человека, иначе укушенный непременно умрет. Заклинатели змей остерегаются их убивать, так как иначе, по их словам, они потеряют свою власть над змеями. Подобное же суеверие нашел Пим в Америке у караибов. Мартенс замечает, что, согласно предрассудку, на Амбоине, кто убьет питона, тот скоро потом сам умрет; однако проповедник Валентийн, уже достаточно просвещенный для своего времени, утверждает, что, убив питона в собственном доме, он не испытал иного вреда, кроме

Подотряд змеи

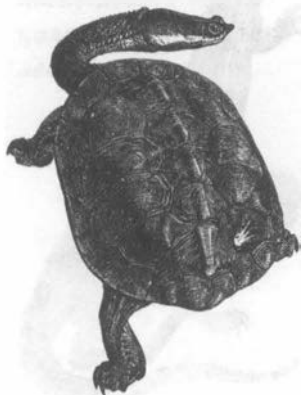

Подотряд
змеи

увеличения числа крыс. Но суеверие сумело объяснить и этот факт в свою пользу: дух змеи, говорили, бессилен относительно проповедника. По словам Крапфа, галласы считают змею родоначальницей людей и выказывают к ней высокое почтение. Когда Гейглин убил одного африканского питона вблизи жилища негров динка, они были очень рассержены и, жалуясь, говорили, что им принесет несчастье насильственная смерть их предка, уже давно мирно жившего у них. Это подтверждается и дополняется замечанием Швейнфурта, что змеи являются единственными животными, которым негры динка и шиллук на Белом Ниле поклоняются, как богам. Динка называют змей своими братьями и считают преступлением убивать их. Различные свидетели рассказывали Швейнфурту, что некоторые змеи лично известны хозяину жилища, в котором они поселились, что он называет их по именам и обращается с ними как с домашними животными.

По словам Ливингстона, в странах у озера Ньяса убить змею — преступление, даже если она сделалась в тягость жителям своим грабительством. Говорящие по-арабски купцы, путешествуя по тем странам, утверждали даже, что на островах названного озера живут змеи, обладающие даром человеческой речи; по воззрению этих простодушных людей, они происходят от первородного змия, соблаздившего нашу праматерь Еву. Прежде чем смеяться над дикими народами, вспомним сначала о сардинцах: воззрения их очень мало отличаются от воззрений дикарей. «О наших змеях рассказываются чудеса в собраниях женщин, — говорит Четти. — В прежние времена змеи были пророчицами и знали будущее. Я охотно верю, что подобные сказки только для шутки рассказываются нашими образованными женщинами; но многие итальянцы видят в змее существо, достойное полнейшей их привязанности и уважения. Когда змея заползет в хижину крестьянина или пастуха, она указывает на предстоящее счастье; если бы кто-нибудь вздумал дурно ее встретить, это сочли бы столь же глупым, как прогнать счастье, приближающееся к дому. Поэтому все местные женщины стараются удержать змей и с особенной заботливостью ежедневно кладут им корм перед норами, в которых они поселились. Я знаю одну женщину, делавшую это в течение двух лет». Тюрингенские и южногерманские крестьяне смотрят на змею так же, как сардинцы: и в их глазах заползшая в жилище змея считается вестницей приближающегося счастья.

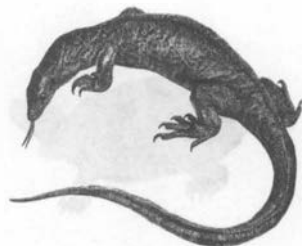
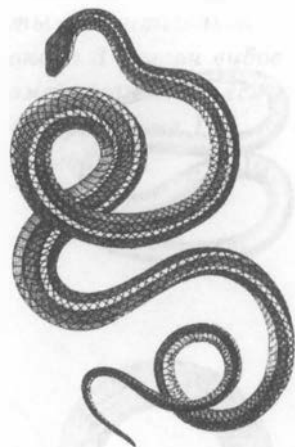

Неудивительно, что подобные воззрения уже в отдаленнейшие времена должны были вести к тому, чтобы видеть в змеях совсем не то, что они в действительности. Им приписывались всевозможные качества, злые и добрые, и они занимали место то божества, то злого духа. Им придавались не только несуществующие свойства, но также крылья, ноги и другие члены, головное

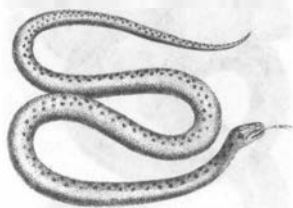
украшение вроде короны и т. п., потому что главную роль тут играло воображение, а не действительное наблюдение. Для сведущих людей змеи долгое время были источником больших доходов, потому что для одурачивания слепо верующей толпы ими легче пользоваться, чем всякими другими животными. Я не буду перечислять приводимых Плинием и другими римскими, а также греческими писателями лечебных, волшебных и тому подобных средств, добывавшихся из тела и отдельных частей различных змей. Достаточно сказать, что мы обязаны римлянам и грекам теми приготовляемыми из гадюк лекарствами, которые на много пережили средние века. Еще в последнем столетии для европейских аптек собирались сотни тысяч различных змей из рода гадюк, преимущественно в Италии и Франции. Доходило до того, что покупали огромное множество египетских ядовитых змей, так как европейских не хватало. Уже знаменитый врач императора Октавиана Августа — Антоний Муза — употреблял гадюк в качестве лекарств; но только лейб-медик императора Андромач Критский открыл тэриак. Еще в прошлом столетии он приготовлялся почти во всех европейских аптеках под наблюдением врачей, обязанных исследовать все составляющие его вещества. Особенно славилась тэриаком Венеция, едва ли менее Рима, где его приготовляли иезуиты. Тэриак прописывался для очищения крови при лишаях, проказе, чесотке, золотухе, зобе и как противоядие при отравлениях; он обладал совершенно теми же целебными свойствами, какие приписываются разным современным чудесным лекарствам. Кроме тэриака врачи прописывали вареных и жареных гадюк, супы, студни и сироп из них, порошок из сердца и печени и спиртовые вытяжки из разных частей тела от лихорадок, оспы, падучей, паралича, апоплексического удара, гниения зубов. Жир считался отличным лекарством при ушибах, ранах и при глазных болезнях; он также принимался внутрь чахоточными и втирался в лицо кокетками для уничтожения морщин и улучшения цвета лица. Вера в целебность гадючьего жира держалась до самого последнего времени, и даже такой свободный от предрассудков человек, как Ленц, не мог вполне отделаться от нее, по крайней мере в прежние годы. Во всяком случае, это заблуждение, как и всякое другое, имело и одно хорошее следствие: оно существенно содействовало уменьшению численности гадюк. В настоящее время ни один разумный человек не верит больше в подобные лекарства прошлых столетий и десятилетий, потому что сегодня в фармакогнозии самым блестящим образом выразилось благотворное влияние развития естественных наук. Но именно поэтому является обязательным полнейшее покровительство естественным врагам змей.

К успокоению всех, боящихся змей, и к радости всех противников этого опасного или возбуждающего страх племени полчища его врагов очень многочисленны. У нас змей преследуют кош-

Подотряд
змеи

Подотряд змеи

** В бразильском институте Бутантан в Сан-Паулу расположен первый и до сих пор один из наиболее крупных змеиных питомников, основанный еще в 1899 году. Здесь содержится несколько десятков тысяч ядовитых змей, от которых получают 5—6 л яда в год.*

ки, лисицы, куницы, хорьки, барсуки, ласки, ежи, дикие и домашние свиньи; в южных странах — виверры и мангусты; в южной Африке, согласно Фиску, — также некоторые ящерицы, а равно самым упорным образом преследуют их змеяд и малый подорлик, ястреба, вороны, сороки и сойки, аисты и другие болотные птицы, а также их родственники в жарких странах. Самым лучшим истребителем змей является птица-секретарь; но и другие ее родичи выказывают достаточную деятельность, именно местные породы ястребов, орлов и грифов, совершенно независимо от многих куриных и голенастых. Все они заслуживают уважения и защиты рассудительных людей, потому что большей частью не только уничтожают змей, но и совершенно возмещают полезную деятельность этих последних.

Приручение змей или, по крайней мере, содержание их в неволе известно с древности. Уже египтяне, по-видимому, держали в своих жилищах змей и между ними также страшную египетскую кобру. Элиан сообщает, что фокусники совершенно так же пользовались этими змеями, как и в настоящее время, и так же часто, как и теперь, подвергались смертельным укусам. У Марциала мы читаем, что женщины иногда клали холодных змей вокруг своей шеи. По сообщению Светония, у императора Тиберия была змея, которую он очень любил и всегда кормил из рук. Император Гелиогабал, по словам Элия Лампридия, иногда приказывал собирать много змей и выпускать их до восхода солнца в дни народных игр, чтобы позабавиться ужасом людей, из которых многие погибали от укусов змей или в давке. При дворах индийских князей содержание змей в неволе было самой обыкновенной вещью, если верить старинным писателям.

Большинство змей легко привыкают к неволе и выживают в ней годы или, по крайней мере, месяцы. Гадюки, пойманные старыми, не всегда берут корм в плену, но, видимо, только потому, что им устраивают жилье неподходящим способом*. Для их благополучия необходимо тепло, и притом влажное; в их клетке непременно должен быть бассейн с водой для купания. Чтобы приучить их к корму, надо сначала давать им живых животных; когда гадюки согласятся хватать и проглатывать их, можно перейти и к мертвым, а позже даже к кускам мяса.

Змеи различных родов, посаженные в одну клетку, иногда уживаются между собой, иногда дерутся; часто случается также, что одни пожирают других, как это бывает и на свободе.

Относительно подразделения змей на семейства и роды мнения современных специалистов так же далеко расходятся между собой, как и относительно определения видов. В то время как Гюнтер в 1858 году устанавливал 630 видов, а Ян в 1863 году — 780, Уоллес в 1876 году считал необходимым принять круглым счетом 970 видов. Напротив того, в 1885 году Гюнтер довел это число до 1800, а Буланже в 1891 году снова сократил его до 1500.

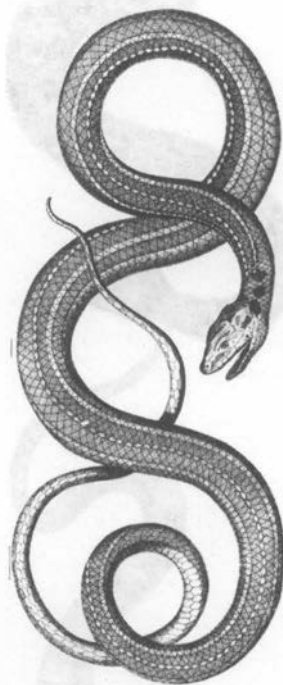
Но из 315 родов, принятых в 1886 году Коппом, мы считаем только половину хорошо обоснованными*.

Не подлежит никакому сомнению, что древние подразумевали под своими драконами наших современных гигантских змей. Поразительная величина этих животных, их значительная сила и всеобщий страх перед змеями вообще делают очень понятными преувеличения, в которых повинны древние; по тем же причинам простительны и сверхъестественные представления о них, еще и теперь сохранившиеся у многих людей, вместе с излюбленными преувеличениями некоторых путешественников и натуралистов. Мы не должны удивляться, что, чувствуя себя слабым перед подобным чудовищем, человек от страха все преувеличивал вдвое и его воображение наделяло этих страшилищ несуществующими частями тела. Так называемые задние шпорцы гигантских змей, в настоящее время принимаемые за укороченные зачатки ног, не были замечены древними, но зато древние присвоили отвратительным в их глазах созданиям своеобразные лапы и удивительные крылья. С течением времени из непонятных сказок восточных людей постепенно выросли образы, для которых разумный человек тщетно искал оригиналы, потому что сведения о самих гигантских змеях были почти потеряны. Тем упорнее держались необразованные люди излюбленного описания большого дракона, или горыныча, извергнутого на землю на погибель всему миру. С понятием о драконе постепенно связывалось понятие о дьяволе, пока слово «дракон» не сделалось его прозвищем. Еще и теперь оно употребляется в этом смысле простонародьем в Германии, например тюрингенскими крестьянами, в других отношениях очень образованными.

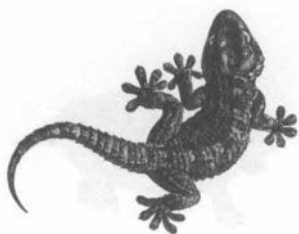
Во времена старика Геснера, т. е. к концу XVI столетия, люди еще не были так просвещенны, как теперь. В те времена наше всеобщее неверие было присуще немногим и сказкам охотно верили даже те, кто называл себя натуралистом. Геснер добросовестно потрудился над описанием драконов и ради этого выбрал из древних писателей все казавшееся ему важным. Не хочу лишать это описание его старинной окраски и потому предоставляю говорить самому моему старому другу. «Название «дракон» происходит у греков от острого зрения, и под ним часто подразумеваются змеи вообще. Но собственно драконами следует называть тех змей, столь больших и тяжелых телом, которые величиной превосходят всех прочих, поэтому должны быть рассматриваемы относительно змей так же, как большие киты относительно других рыб. Августин говорит, что на Земле нет ни одного животного больше дракона... Элиан пишет, что в Мавритании живут драконы в тридцать шагов длиной; по-видимому, у мавров нет для них никакого особого имени, и они зовут их просто «убивателями слонов»; эти драконы доживают до глубокой старости. Во времена Александра Великого один индеец выкормил и воспитал двух драко-

Подотряд ЗМЕИ

** Сейчас специалисты насчитывают около 3 тысяч видов змей, относящихся к 480 родам из 18 семейств.*

Подотряд
змеи

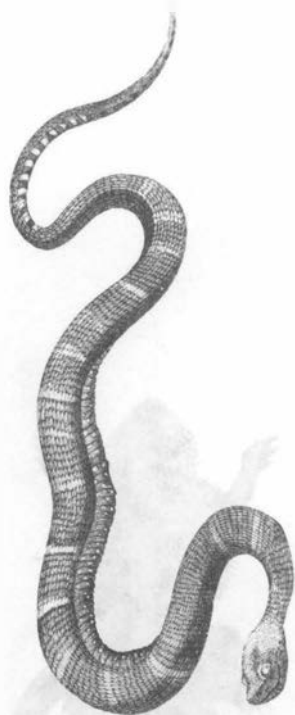

нов, одного длиной 46, а другого 80 локтей, и Александр Великий пожелал видеть их ради их замечательной величины. У египтян, говорит Элиан, есть сказание, что в правление царя Филадельфа из Эфиопии были привезены в Александрию два живых дракона, один 14 и другой 13 локтей длины. Также во время Эвергета оттуда привезли трех, по 7 и 9 локтей длиной; одного из них с большими издержками прилежно воспитывали и кормили в храме Эскулапа. Элиан сообщает также, что Александр Великий видел в Индии много редких животных; между прочим, он нашел там одного дракона, которого, однако, пощадил по просьбе индийцев, считавших его священным. Говорят, дракон этот был 70 локтей длины; услышав приближение войска Александра, он так страшно засвистал, что сильно перепугал всех. Он не вылезал совершенно из норы, а только высовывал голову. Глаза его по величине равнялись большому щиту... В Эфиопии водится много драконов, особенно к югу, вследствие близости солнца и сильного зноя; они по большей части длиной 20 локтей. В большом числе драконов находят также в Индии, Нубии, Ливии и тому подобных жарких странах; они иногда бывают 15 шагов длиной и по толщине походят на бревна; но индийские, как правило, крупнее и страшнее живущих в Мавритании... Они подразделяются на два рода: одни держатся в горах и гористых местах, велики, проворны, быстры и имеют гребень; другие же живут во мхах и болотах, ленивы, спокойны, неповоротливы, и у них нет гребня... Также у некоторых имеются крылья, а у некоторых нет. Августин пишет: дракон часто лежит в своей норе, но, как только почувствует сырость в воздухе, вылезает, взлетает в высоту при помощи своих крыльев и улетает с большим шумом. У некоторых драконов нет ног, и они ползают грудью по земле, у других есть ноги... У одних рот маленький, вроде трубочки; у других же, водящихся в Индии, Мавритании и подобных местах, рот так велик, что драконы эти проглатывают целиком птиц и других животных. Язык их раздвоен. Зубы сильны и велики, остры и похожи на острую пилу. У драконов весьма острое зрение и хороший слух; они редко спят, и оттого поэты называют их стражами сокровищ. Где живет дракон, там воздух портится от его свиста и ядовитых испарений. Он питается всякой пищей — яблоками, травами, яйцами, птицами и разными животными. Он может очень долго жить без пищи и в особенности долго воздерживается от нее, когда становится стар и достигает присущей ему величины. Но когда дракон получает пищу и набрасывается на нее, то не скоро насыщается. Во Фригии, как сообщает Элиан, существуют драконы длиной 10 шагов; во время кормежки все они выползают из своих нор к реке Риндако, упираются на хвост, поднимают вверх все тело и вытягивают вверх шею; так они ждут с раскрытой пастью пролетающих мимо птиц и, как только завидят их, притягивают к себе своим дыханием и проглатывают. Так они поступают до захожде-

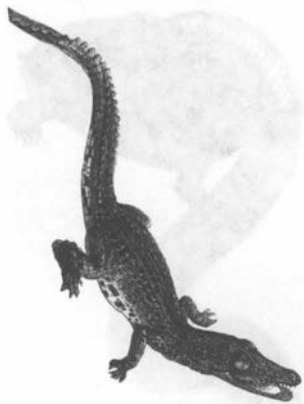
ния солнца, после чего прячутся и подкарауливают возвращающийся домой скот, похищают и калечат его, а также часто умерщвляют пастухов... Орел постоянно враждует с драконом, так как ест и змей... Кроме того, драконы ведут постоянную войну со слонами. Как сказано, в Эфиопии водятся драконы 30 шагов длиной; у них нет особого имени — их просто называют «убийцами слонов». Когда подобный дракон узнает, что слоны объедают некоторые деревья, он прилежно высматривает это, влезает на такое дерево, прикрывает свой хвост листьями и ветками, переднюю часть тела свешивает вниз, как канат. Когда затем слон подойдет, чтобы объесть верхние ветки, дракон неожиданно бросается ему прямо в глаза, вырывает их и так опутывает и оплетает слона, что он остается на месте. Часто драконы залегают около тропинок, по которым ходят слоны, и, спрятавшись, поджидают их; передних пропускают и нападают на самого заднего, чтобы первые не могли прийти ему на помощь; связывают хвостами ему ноги так, что он не может идти дальше, и убивают его. Плиний говорит, что драконы так велики, что могут обвить и стянуть все туловище слона; но иногда и слон растаптывает и убивает дракона. Точно так же, когда драконы нападут на слона и обовьют его, он трется о скалы или деревья, чтобы растереть и измолоть своих врагов; но тут дракон употребляет другую хитрость — обвивается вокруг ног слона, так что он не может двигаться... У драконов мало или совсем нет яда, поэтому к ним причисляются змеи, которые приносят более вреда наносимыми им ранами, чем ядом... Надо заметить, что драконы по природе своей не ядовиты, но в некоторых странах находят и ядовитых. Драконы, как и другие змеи, не так вредны в холодных странах, как в Африке и подобных жарких местах; поэтому Лукан говорит: «Вы, драконы, считавшиеся до сих пор во всем свете безвредными, в Африке, однако, вы особенно ядовиты и вредны»... Отправляясь на охоту за людьми или животными, драконы всегда сначала едят ядовитые травы и корни; впрочем, они наносят больший вред хвостом, чем зубами, и кого они схватят хвостом, тот погиб. Их укус не силен и не болезнен, так как у них маленький рот, и они при нападении пользуются не столько зубами, сколько проявляют свою силу хвостом...»

Если припомнить преувеличения, в которых даже в настоящее время повинны некоторые путешественники, то, вероятно, придется примириться с вышеприведенным описанием. Еще и теперь рассказывают об удавах 50 футов длиной; еще и теперь не стыдятся писать, что такие чудовища нападают на лошадей, рогатый скот и других животных, душат их и проглатывают, и если в список их жертв не зачисляют слонов, то, может быть, только потому, что забыты древние истории. Возможно, что прежде удавы достигали большей величины, чем теперь, когда против них выступает лучше вооруженный человек и укорачивает их жизнь сво-

Подотряд
змеи

Семейство ложноногие змеи

им страшным оружием; но никогда не бывало таких змей, каких описывают нам древние. По собственному опыту я знаю, как бывает трудно правильно судить о длине змей. Очень сильно ошибается даже привычный человек, проверяющий позже свои оценки точным измерением. Даже маленьким змеям, длиной в метр, легко прибавить лишнюю треть, когда видишь их спокойно лежащими перед собой и поэтому имеешь достаточно времени для запоминания их вида. Со змеями же 3 метра длиной трудности и ошибки оценки удваиваются и утраиваются; когда же подобная змея двигается, просто невозможно точно оценить ее длину. Не сумею сказать, отчего это, собственно, происходит, но могу лишь утверждать на основании фактов, что всякий пытающийся определить на глаз длину змеи, постоянно ошибается в большую сторону и постоянно снова впадает в ту же ошибку, даже неоднократно убедившись в ней. Самообман открывается, лишь когда приложишь к змее точную меру. Поэтому неудивительно, что живое воображение туземцев южных стран, еще менее нашего способное удерживаться в границах, вдвое и втрое преувеличивает настоящую величину змей. Иной индеец или южноамериканец с видом полнейшей достоверности рассказывает о виденном или убитом им удаве в 50 футов длины; он заявляет натуралисту, спокойно измеряющему убитую змею в 6 метров, что она далеко превосходит по величине всех виденных им змей того же рода.

СЕМЕЙСТВО ЛОЖНОНОГИЕ ЗМЕИ (Boidae)

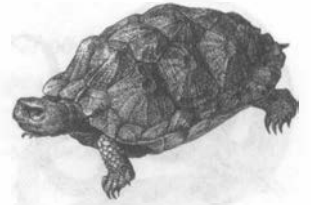
К этому семейству принадлежат гигантские, или исполинские змеи. Они отличаются следующими признаками: голова треугольной или продолговато-яйцевидной формы более или менее явственно отделена от туловища, сверху вниз сплющена, спереди по большей части заострена, пасть более или менее широко рассечена; тело сильно и мускулисто, с боков сжато, вдоль средней линии спины часто углублено, а с обоих боков возвышено соответственно проходящим здесь сильным мускулам; хвост относительно короток; ложные ноги, как правило, и снаружи обозначены с каждой стороны тупой роговой шишкой (шпорцем) вблизи заднепроходного отверстия. Голова покрыта иногда табличками, иногда чешуйками, туловище — маленькими шестиугольными чешуйками, брюхо — короткими, но широкими щитками, которые к хвосту или следуют один за другим неразделенными, или идут двумя рядами. Верхняя челюсть, нёбная кость и крыловидные кости подвижны. При внимательном анатомировании обнаруживаются явственные зачатки таза, состоящие из четырех костей — подвздошной, лонной, седалищной и бедренной. Обе челюсти и нёбные кости усажены сильными зубами, расположенными по величине так, что самым

большим является третий или четвертый зуб в ряду, а остальные в направлении назад от него уменьшаются. Относительно маленькие глаза имеют вертикальный зрачок. Ноздри открываются кверху. Оба легких хорошо развиты.

За исключением причисляемых к нашему семейству удавчиков, признаки, которых я совершенно пропущу при общем описании, ложноногие живут только в полосе между тропиками, по крайней мере не заходят далеко за эти пределы. Неизвестно, была ли прежде область их распространения шире. В настоящее время они населяют все жаркие и богатые водой страны Старого и Нового Света, преимущественно же большие леса, охотнее и чаще всего такие, которые прорезываются реками или вообще влажные. Но некоторые виды ложноногих встречаются и в сухих местностях. Многие виды оказываются настоящими водными животными, покидая реки, озера и болота для того лишь, чтобы греться на солнце и спать; охотятся же они преимущественно в воде или на ее берегах. Другие же, по-видимому, избегают воды и до некоторой степени боятся ее. Строение глаз ложноногих заставляет признать их за ночных животных; наблюдения над содержащимися в неволе экземплярами не оставляют никаких сомнений на этот счет. Во всяком случае, в их родных лесах исполинских змей видятдвигающимися и днем, иногда они в это время добывают себе и пищу. Но настоящее их оживление начинается с наступлением сумерек и кончается с рассветом. Однако относительно этого имеется еще мало наблюдений, но лишь потому, что темнота затрудняет или делает невозможным исследование жизни исполинских змей на свободе. Напротив, при содержании в неволе скоро замечают, что они во всех отношениях ночные животные. Насколько они ленивы и любят покой днем, настолько же они веселы и живы ночью. Только ночью начинают они двигаться, ночью же на свободе они блуждают по своей области и отправляются на охоту. В течение дня их видят отдыхающими или греющимися на солнце, свернувшись самым различным образом.

Одни избирают для этого отдельные скалы, сухие места или выдающиеся из воды ветви; другие влезают на деревья, крепко прицепляются к их ветвям своим цепким хвостом, свиваются клубком или свешивают глубоко вниз переднюю часть тела; третьи отыскивают чистое место в зарослях, на краях скал, на склонах гор и спокойно ложатся здесь, более или менее вытянувшись или свернувшись в плоскую спираль. Все они двигаются как можно меньше, собственно лишь в случаях опасности или если они долго понапрасну охотились и им теперь подвертывается добыча. Тогда клубок вдруг разматывается и могучее пресмыкающееся бросается со всей своей силой на замеченную жертву, схватывает ее зубами, обвивает и неминуемо душит. Мне так часто приходилось наблюдать это, что я могу описать употребляемые змеей приемы на основании личных наблюдений. Сверх того, наш ил-

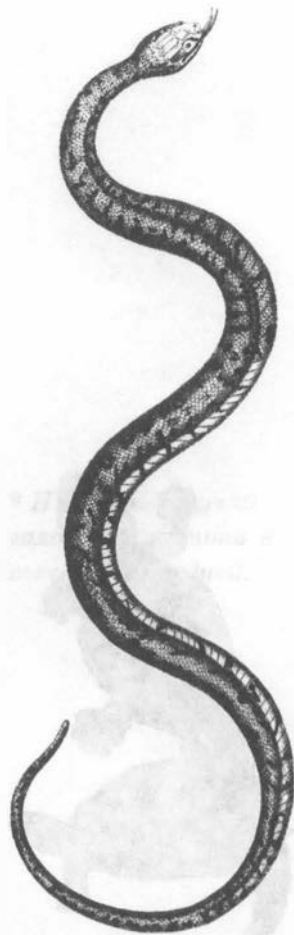
люстратор возымел счастливую мысль изобразить исполинских змей, о которых подробно говорится ниже, в положениях, принимаемых ими в покое, а также на охоте, когда они увидят добычу, к ней подкрадываются, умерщвляют и проглатывают.

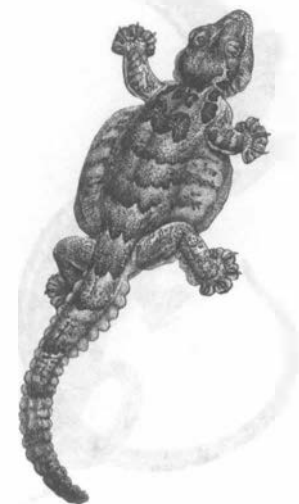
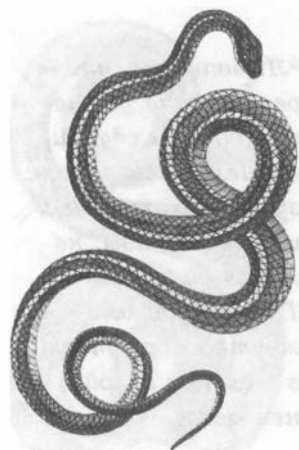
Как только исполинская змея замечает беззаботно приближающуюся к ней добычу, хотя бы и днем, она поднимает голову над тупым конусом, свернувшись в который она предавалась покою. Суженные на свету в узкую щель зрачки ее маленьких глаз расширяются, язык начинает двигаться, появляясь и исчезая, поворачивается и вертится то в ту, то в другую сторону; конец хвоста также приходит в движение, выражая пробуждающуюся хищность, как у подкарауливающей кошки. Именно это мгновение избрал Мютцель для изображения обыкновенного и стройного удава. Тщательно осмотрев жертву, что может занять более или менее продолжительное время, змея постепенно распрямляется и начинает преследование, как это видно на рисунке анаконды. Медленно тянется передняя часть тела поверх колец, в которые была свернута покоившаяся змея; за передней частью медленно и непрерывно следует все большая и большая часть червеобразного тела. Все мускулы работают, все ребра упираются в землю, подвигая вперед тяжелую массу; вечнодвигающийся язык исследует все встречающееся на пути, а глаза непрерывно следят за жертвой. Все ближе и ближе подбирается к ней хищник. Жертва нисколько не подозревает об угрожающей ей опасности, потому что не узнает в непрерывно приближающейся к ней змее страшного врага, от которого ей не будет спасения. Озадаченная незнакомым и, вероятно, в высшей степени поразительным явлением, жертва продолжает сидеть или делает несколько шагов или скачков, словно желая дать дорогу змее, потом снова успокаивается. Она не только допускает проходящего все в большее и большее возбуждение хищника складывать шею в кольца непосредственно перед ней, чтобы выгадать длину, необходимую для нападения, но часто продолжает сидеть даже тогда, когда змея настолько приблизилась, что трогает свою добычу кончиком языка. При этом кролики, как я постоянно наблюдал, начинают со своей стороны любопытно обнюхивать змею, словно желая ответить на ее прикосновения. Вдруг голова змеи неожиданно выбрасывается вперед; одновременно, но не ранее раскрывается пасть, и, прежде чем жертва сообразит, что ей угрожает, она схвачена и сжата одним или двумя кольцами тела змеи. Это происходит с такой молниеносной быстротой, что зритель едва получает настоящее представление о том, как это произошло. Змея схватывает животное, как показывает рисунок собакоголового удава, и одновременно обвивается вокруг него передней частью тела, поворачивая вперед свою голову, вцепившуюся в добычу, и описывая ею столько кругов, сколько колец она хочет наложить на свою жертву. Не проходит и секунды с начала нападения, как схваченная жертва уже

находится в смертельных тисках. Лишь изредка отмечается вскрикивание жертвы, и, вероятно, оно происходит только вследствие страшного давления, выжимающего содержащийся в легких воздух через гортань. По выражению морды жертвы видно, как непреодолимо это давление: глаза выходят из орбит, губы болезненно растягиваются, задние ноги, иногда не захваченные кольцами, судорожно подергиваются*. Но уже через несколько мгновений исчезает сознание и, в зависимости от живучести животного, раньше или позже ослабевает сердцебиение; наконец, оно совершенно исчезает и наступает смерть.

Напрасно стали бы мы пытаться теперь развернуть змею. Ее страшная мускульная сила не поддается усилиям нескольких людей. «Я пробовал, — замечает Хуттон, — размотать исполинскую змею два метра длиной, обвинившую куропатку, но не добился и тени успеха, хотя напрягал все свои силы». Но змея точно соразмеряет силу, потребную для умерщвления добычи, и никогда не выпустит ее из своих тисков раньше, чем вполне убедится в ее смерти. Небольшие исполинские змеи обвиваются вокруг малых жертв описанным образом, большие же часто зажимают их лишь между двумя изгибами передней части тела и душат, ложась на них, т. е. заставляя действовать собственную тяжесть; напротив, больших животных они всегда обвивают так, как показывает рисунок тигрового питона. Из одного сообщения Хуттона поразительно выясняется, как точно исполинские змеи различают разную добычу. Этот натуралист, с наблюдениями которого вполне согласуются и мои, однажды пожертвовал большого и сильного варана (*Varanus niloticus*) одному пойманному им тигровому питону. Ящерица попыталась убежать и при этом вскочила на спину своего врага. Неприятно затронутая острыми когтями варана змея продолжала спокойно лежать, но пристально уставила глаза на сородича. Через некоторое время варан сошел с ее спины, словно усмотрев плохой выбор места, и убежал в другой конец клетки. Змея распустила свои кольца и приготовилась к нападению; варан повернулся к ней, так что Хуттон уже стал надеяться, что загорится битва. Но тут змея бросилась вперед и с такой необычайной быстротой и силой обвилась вокруг варана, что его шея дважды хрустнула, а основание хвоста было прижато к концу носа. Целый час спустя враги еще оставались свившимися вместе. Удивленный этим, Хуттон взял палочку и попробовал заставить змею выпустить добычу, но скоро понял причину ее неподвижности: варан еще был жив и шевелил ногами; он оказался так живуч, что питон мог развернуться не раньше 3,5 часа. Змея знала в точности, сколько времени ей следует продолжать душить. Млекопитающее издыхает самое позднее через 10 минут, обыкновенно же через 5 минут и вскоре после этого пожирается, варан же требует в двадцать раз большего напряжения сил и все-таки нисколько не утомляет змею.

**Любопытно, что в результате удушения добычи сдавливанием, змеи парализуют дыхательный центр жертвы, не ломая ей ребра. Таким образом, жертва поступает в желудок целой и неподвижной.*

Когда змея убедится в смерти своей жертвы, она осторожно распрямляется и пробует добычу языком, обыкновенно еще не выпуская ее совершенно из своих колец, как это можно видеть на рисунке южноафриканского питона.

Я никогда не наблюдал, чтобы перед тем, как проглотить добычу, змея играла ею, как это утверждали древние и повторяли новейшие писатели. Мне всегда казалось, что ощупывание языком имеет целью лишь отыскание подходящего места для начала заглатывания. Этим местом является голова, потому что большой кусок пищи, который должен быть проглочен целиком, лишь тогда представляет наименьшее сопротивление, когда змея сначала заберет в пасть голову. После продолжительного ощупывания языком, змея снова схватывает мертвое животное за голову, растягивает как можно шире пасть и начинает утомительный акт заглатывания. Змея поочередно выдвигает одну за другой половины челюсти, каждый раз запуская в добычу свои загнутые назад зубы, чтобы прочно удерживать ее, и постепенно все дальше проталкивает ее внутрь. При этом, видимо, нижняя челюсть расширяется сначала вниз, потом все более и более вперед, в то время как подвижные связки все шире растягиваются. Прежняя красота головы совершенно исчезает; лишь верхняя часть приблизительно сохраняет свой вид; нижняя же челюсть и кожа глотки расширяются, как у пеликана, в мешок и, как изображает рисунок иероглифового питона, наконец, походят на широкий кошель с твердым кольцом на верхнем краю. Чем сильнее растягивается нижняя челюсть, тем больше выступает дыхательное горло. Все железы обильно выделяют слюну и смачивают волосы или перья жертвы, насколько она вошла в заднюю часть рта. У более крупных животных лопатки, а у птиц крылья причиняют ей особенные затруднения. Но как только змея справится с ними, остальное тело добычи поразительно быстро подвигается дальше, пока не исчезнут ноги и хвост. Тогда голова змеи снова принимает прежний вид. Раздвинувшиеся суставы стягиваются; змея, равномерно зевая, несколько раз открывает и закрывает пасть; затем все снова оказывается в порядке. В это время пища дальше и дальше двигается по пищеводу, что ясно видно снаружи, пока не достигнет желудка. Еще раньше, чем это произойдет, змея может поймать вторую жертву. Если после долгого поста змея получит в свое распоряжение столько добычи, сколько пожелает, то легко может случиться, что она пожрет подряд 6—8 животных, ростом с кролика или голубя. Если привязать, как это принято делать в некоторых зоологических садах и странствующих зверинцах, к протягиваемой ей живой жертве еще две или три мертвых равной величины, то змея сразу проглатывает весь ряд; если ей подадут живых животных одно за другим, то она убивает и пожирает их по очереди. Несмотря на необыкновенную способность исполинской змеи к заглатыванию, растяжимость ее челюс-

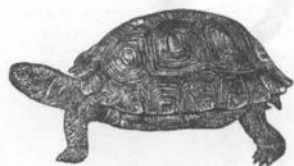
тей все-таки имеет свои границы. Разные страшные истории, которые рассказывались об удавах и которым верили, неверны: ни одна исполинская змея не в состоянии проглотить взрослого человека, быка, лошадь, большого оленя; уже заглатывание животного величиной с косулю причиняет немалые трудности даже гигантам этой семьи. В высшей степени излюблен рассказ, что исполинские змеи справляются с большими животными, ожидая, пока та часть тела, которую они не в состоянии проглотить, придет в гниение; к тому прибавляют, что слюна змеи быстро вызывает гнилостное разложение тела животных. Положим, может случиться, что содержащиеся в неволе змеи, постепенно приученные есть и мертвых животных, долго не притрагиваются к своей пище, когда они не голодны, и только тогда проглатывают ее, когда уже началось ее разложение. Но подобные наблюдения не дают понятия о жизни животных на свободе. Напротив, совершенно верно, что исполинские змеи после обильной еды впадают в состояние вялости, пока продолжается большая часть пищеварения. В старинных путешествиях рассказываются сказки, как живущие на свободе исполинские змеи во время переваривания пищи остаются спокойно на месте даже тогда, когда к ним приближаются люди; утверждали даже, что люди, приняв их за упавшие древесные стволы, садились на них, и только тогда они медленно уползали. Подобные рассказы сами себя опровергают, и мне не понятно, как могли им верить в начале и даже в середине нашего столетия. Сколько бы ни съела исполинская змея, она все-таки не становится так вяла, чтобы спокойно допустить приближение человека, не делая хотя бы попытки к обороне или бегству. Наступить на нее — дело возможное, но садиться — конечно, нельзя. На содержащихся в неволе змеях можно наблюдать, как необычайно сильно действует их пищеварение. Самое позднее через 4 дня даже крупнейшее млекопитающее из употребляемых для корма совершенно переваривается; лишь некоторые остатки волос извергаются вместе с калом, и с этой минуты змея снова обнаруживает аппетит. Но ей не вредит, если придется голодать недели и даже месяцы*, разумеется, в тех случаях, когда неопытный воспитатель не заставлял ее уже раньше почти непрерывно поститься.

Относительно спаривания исполинских змей на свободе, сколько мне известно, еще не собрано никаких точных наблюдений. Что касается размножения, то известно, что одни принадлежат к живородящим пресмыкающимся, другие кладут яйца, из которых через продолжительное время вылупляются детеныши при деятельном участии матери, вообще не наблюдающемся ни у каких других пресмыкающихся. У содержащихся в неволе змей неоднократно наблюдали, как я дальше расскажу подробнее, что мать прикрывала снесенные яйца своим телом и до некоторой степени высиживала их; поэтому вполне правдоподобно следую-

Семейство ложноногие змеи

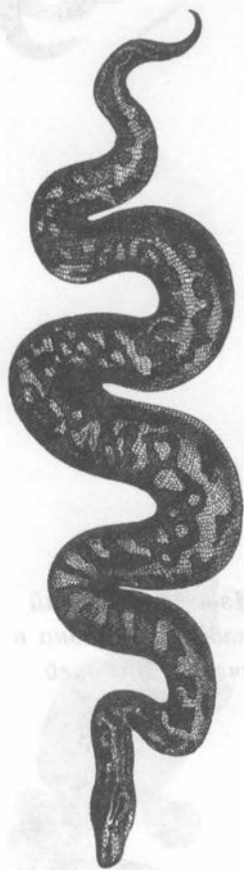

** Известен случай голодовки питона в течение 500 дней.*

*Семейство
ложноногие змеи*

** Скручиваясь вокруг
яиц, питоны таким
образом нагревают
кладку микросокра-
щениями мускулату-
ры тела на 10—15°С
выше температуры
окружающей среды.*

щее сообщение двух индийцев. «В марте 1838 года, — пишет Аббот, — названные люди нашли вблизи Акиаба в Акаране под обломком скалы большую исполинскую змею женского пола, около 4 м длины, лежащую на гнезде, в котором было 48 яиц. Змея, очевидно, насиживала их; делала это она и позже, в неволе, когда ей в клетке отдали эти яйца*. В течение всего времени она ничего не ела. По истечении 3 месяцев яйца еще не были высижены; но при исследовании одного из них я нашел вполне развитого сильного детеныша, который жил бы, если бы его не убили». Заботится ли мать о детенышах после вылупления или предоставляет их своей участи — этого я не могу сказать. Живородящие виды, по видимому, так же мало, как и другие пресмыкающиеся, заботятся о своем потомстве, как только оно благополучно появится на свет. Детеныши, длиной почти в метр и толщиной с большой палец, после вылупления ведут образ жизни родителей, но еще долгое время держатся вместе, одни, на земле, другие — ютятся в ветвях деревьев. Их рост идет сначала очень быстро, позже замедляется и наконец становится практически незаметным. Рожденные в неволе питоны, к которым я еще возвращусь, всего быстрее росли в первые четыре года своей жизни, затем медленнее, а с 14 лет увеличение стало незаметным; поэтому следует принять, что исполинские змеи длиной 6—7 м могут быть в два раза старше.

Исполинские змеи обыкновенно убегают от человека, хотя бывают и исключения. В Бразилии почти все убеждены, что эти змеи постоянно выказывают подобающее почтение к властителю вселенной, т. е. проворно уползают при его появлении; но иногда происходит и обратное, потому что они отлично знают свою силу и раздражительнее многих других змей. Это нередко можно наблюдать на змеях в неволе, и иногда, конечно, то же может случаться и на свободе. Когда Гейглин со своими спутниками шел по абиссинской степи в темную бурную ночь, он был принужден как можно быстрее сделать маленький обход, потому что как раз на дороге лежала змея, зашипевшая и зашумевшая при их приближении; вероятно, это была исполинская змея; в темную ночь было невозможно ее разглядеть. Шедшие позже люди нашли ее на том же месте и в таком же настроении. Что так настроенная змея легко может иногда напасть и на человека, в этом, конечно, нельзя сомневаться после следующих сообщений добросовестных путешественников. «Один человек в Буру, живший недалеко от меня, — пишет Уоллес, — показал мне на своей ляжке рубцы, которые ему нанесла змея в непосредственной близости от его дома. Змея была достаточно сильна, чтобы схватить в пасть ляжку человека, и, вероятно, умертвила бы его и проглотила, если бы на его крик не прибежали соседи и не убили чудовище своими косарями». Принц Мориц Нассауский, бывший бразильский штатгальтер, утверждает, что видел, как змея проглотила одну голландку, а в одном путешествии по Индии сообщается, что одного матроса

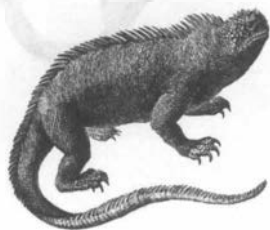
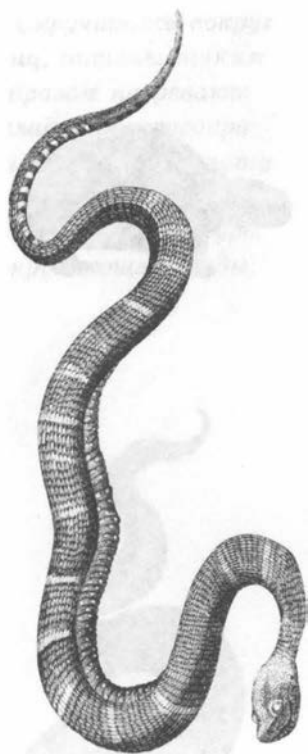
ждала такая же участь, если бы его товарищи вовремя не освободили его из колец исполинской змеи. Шомбургк также рассказывает подобную историю, которую я передам ниже. Наконец, епископ Паллегуа утверждает, что одна исполинская змея заглотнула спящее дитя около кровати его матери. Я не буду отрицать последнее, как и сообщение Шомбургка, но самым решительным образом сомневаюсь во всех остальных историях и в других с подобным же содержанием.

Если бы исполинская змея действительно обвилась вокруг человека с намерением сожрать его, он, конечно, погиб бы; как уже справедливо замечает Хуттон, сила свивающейся змеи так велика, что едва допускает возможность обороняться. Но что касается заглатывания людей, это мне кажется еще менее правдоподобным, чем нападение, потому что растяжимость челюстей имеет свои пределы, как я уже замечал выше, и ни один из рассказов о том, что исполинские змеи охотятся за людьми, не имеет таких поручителей, чтобы я мог считать его достоверным. Во всяком случае, достоверно известно, что ни один южноамериканский охотник и ни один разумный смыслящий в охоте туземец в Африке не боятся исполинских змей. Их ревностно преследуют, потому что многообразными способами используют их мясо, жир и кожу. Мясо, правда, употребляется в пищу лишь туземцами; но жиру приписывают целебные свойства, а кожу обрабатывают для разных украшений. Сама охота в настоящее время производится почти исключительно с огнестрельным оружием. Выстрела дробью в голову вполне достаточно, чтобы умертвить исполинскую змею, потому что сравнительно с их величиной и силой они гораздо менее живучи, чем другие виды змей.

Исполинских змей часто также ловят живьем; ловля эта не представляет особых трудностей: их или преследуют и ловят на бегу, или ставят перед их убежищем силки, так настороженные, что они пропускают только тонкую голову, но не туловище, и тем крепче затягиваются, чем сильнее усилия пытающегося освободиться животного. Нечего бояться, что оно удавится, потому что, как было замечено выше, все змеи могут необыкновенно долго не дышать. В настоящее время неизвестны громадные приспособления для ловли исполинских змей, описываемые древними авторами; эти рассказы, вероятно знакомые не всем моим читателям, слишком характерны для тогдашних воззрений, чтобы я мог совершенно обойти их молчанием.

Особенно выделяется живое описание, оставленное нам Диодором Сицилийским. «Люди, живущие близ пустынь и диких местностей земли негров, рассказывают, что там водятся различные виды змей невероятной величины. Некоторые даже утверждают, что видели змей длиной в 100 локтей, но эти заявления кажутся и мне, и другим честным людям неправдой. К этому прибавляют, что такие змеи, свернувшись, издали похожи на холм.

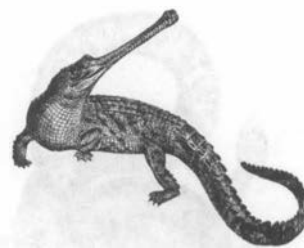
Если это и преувеличение, то, с другой стороны, я расскажу о большой змее, которую действительно видели и привезли в специально для нее выстроенном помещении в Александрию. Дело было так: Птолемей II, страстно любивший охоту на слонов и щедро награждавший тех, кто ловил ему разных могучих животных, побудил многих охотников решиться рискнуть жизнью, чтобы поймать живую змею и привезти ее в Александрию. Охотники обнаружили одну подобную, имевшую в длину 30 локтей; она жила у стоячей воды и здесь большей частью лежала неподвижно свернувшись, пока какое-нибудь животное не приходило, чтобы утолить свою жажду. Тогда змея вдруг бросалась, схватывала жертву пастью и так обвивала ее своими кольцами, что та не могла шевельнуться. Так как змея была очень вялой, то охотники надеялись справиться с ней при помощи веревок и цепей. Они дерзко отправились на это предприятие. Когда они подошли ближе, увидели огненные глаза и вертящийся во все стороны язык змеи и услышали возбуждающий ужас шум, который змея производила своими жесткими чешуями, когда они увидели громадные зубы, ужасную пасть, то ими овладел страх и ужас. Но все-таки они отважились, как ни были испуганы, набросить ей на хвост веревку. Тогда чудовище обернулось со страшным шипением, схватило переднего охотника пастью за голову и живьем проглотило. Затем змея поймала на бегу второго охотника, обвилась вокруг него и крепко держала. Все остальные спаслись бегством в величайшем смятении. Но охотники, побуждаемые надеждой на большое вознаграждение, не бросили своей затеи из-за неудачной попытки. Теперь они попытались достичь хитростью того, чего не удавалось добиться силой. Они сплели из толстых прутьев мережу (корзину для ловли рыбы) такого объема, чтобы в ней могло поместиться все чудовище. Они выследили, в какую нору змея пряталась, и заметили час, когда она отправлялась на добычу и возвращалась. Когда змея вышла, они забили нору большими камнями и землей и выкопали подле яму, в которой так расположили мережу, что отверстие было обращено кнаружи. Дорогу, по которой обычно змея возвращалась, заняли стрелками из лука, пращниками, многими всадниками, и никто не отважился подойти к ней. Когда со всех сторон стали стрелять из луков и метать камни, всадники начали скакать туда и сюда, залаяла целая стая собак, зазвучали трубы, тогда змея испугалась и бросилась к своей норе. Чем ближе подходила она, тем сильнее делался шум от оружия, криков и трубных звуков. Змея обнаружила вход в свое жилище закрытым и бросилась в мережу; всадники поспешили к ней и заперли корзину прежде, чем попавшая змея могла снова найти выход. Тогда мережа была вытащена из ямы и поднята рычагами. Змея страшно бесилась в тесном помещении, раздробляла прутья своими зубами и билась во все стороны, так что несшие мережу каждую минуту ожидали ее прорыва. Чтобы ото-

гнать змею от прутьев, охотники начали колотить ее по хвосту, и этим отвлекли внимание змеи. Наконец удивительное животное доставили в Александрию и охотники получили от царя заслуженное вознаграждение. Чудовище было усмирено голодом и постепенно сделалось удивительно ручным. Птолемей держал змею у себя и показывал посещавшим его царство чужеземцам как наибольшую редкость в нем».

Ниже я приведу описание ловли одной индийской исполинской змеи, из которого видно, что подобное животное и в настоящее время может еще пугать робких людей, отчего вышеприведенный рассказ Диодора становится понятнее.

В южной Азии и в Америке очень часто держат в неволе исполинских змей, пользуясь ими как искусными крысоловами. Причем им дают большую или меньшую свободу в доме и на дворных постройках. Относительно этого Ленц сообщает следующее со слов некоторых из своих учеников, отцы которых жили в Бразилии в качестве купцов: «При собирании каучука негры иногда ловят удава и приносят его с собой домой. Здесь удава сажают в ящик, который днем запирают; ночью же змее дают полную свободу для ловли крыс и мышей. Перед тем как запечатать хлебный амбар, один из негров открывает ящик змеи, вынимает ее и часто, выпустив в помещение, сначала долго играет с ней, а потом чистит ящик, снова наполняет водой находящийся в нем сосуд и уходит, закрыв за собой дверь амбара. Когда змея очистит его от крыс, то негры, с особенной любовью ухаживающие за ней, достают ей мертвых мышей и крыс; когда же и их нет, змее дают нарезанное сырое мясо, приучив ее сначала к такой пище. Утром, после отпирания амбара, туда сначала входит негр, снова ловит змею и снова сажает ее в ящик». Такие уже привыкшие к неволе исполинские змеи гораздо лучше выносят пересылку в Европу, чем только что пойманные, и при мало-мальски удовлетворительном уходе выживают в клетках много лет. В Европе, как и в Северной Америке, удавов всегда с охотой покупают содержатели зверинцев, потому что странствующий зверинец без исполинской змеи потерял бы свою главнейшую приманку.

Исполинские змеи, за которыми не слишком заботливо ходят, особенно которых содержат в недостаточном тепле и редко купают в теплой воде, подвержены многим болезням; в особенности они гибнут от так называемой гнилости рта — болезни, сходной с цингю. Пораженные ею змеи теряют аппетит, вероятно, потому, что растягивание пасти причиняет им сильную боль, худеют и, в конце концов, околевают, если искусной рукой не будет применено подходящее лекарство. В качестве подобного средства, Вернер рекомендует для небольших видов смазывание кисточкой краев челюстей и пасти алкоголем и прибавление спирта в воду для питья и купания. Другой болезнью является иногда болезнь кожи, похожая на проказу и вызываемая микроскопи-

ческим грибком; при этом часто вся кожа начинает гноиться, даже появляются глубокие язвы в мускулах, и змея должна избегать всякого движения. И в этом случае лучшим или, правильнее, предупредительным средством является регулярное купание. Кроме того, исполинские змеи, как и другие змеи, страдают от солитеров и других глистов, иногда в невероятном числе; с этими паразитами можно справиться, лишь смазывая жидким лекарством животное, даваемое змее в пищу. Понятно, что исполинской змее невозможно просто дать внутрь какое-либо лекарство.

Мегастен пишет, что в Индии змеи были так велики, что могли совершенно проглатывать оленей и быков. Метродор рассказывает, что при реке Риндакус в Понте змеи были до того громадны, что хватали высоко и быстро летящих птиц. «Известно, что римский полководец Регул во время войны с карфагенянами в северной Африке у реки Баграда должен был обстреливать из больших метательных машин и штурмовать одну змею 120 футов длиной. Кожа и пасть ее хранились в Риме в одном храме до Нуманцийской войны. Этот рассказ тем более правдоподобен, что даже в Италии так называемые змеи-боа (удава) бывают до того велики, что во времена императора Клавдия в брюхе одной такой змеи, убитой на Ватиканском холме, нашли целого ребенка. Боа сначала питается коровьим молоком и отсюда (от слова *bos* — бык) получил свое имя». Так пишет Плиний, и мы видим, что имя «боа», собственно, относится к исполинским змеям Старого Света. В том же смысле высказывается и Гумбольдт. «Первые сведения о громадном пресмыкающемся, — говорит он, — которое хватает людей и даже больших четвероногих, обвивается вокруг них и так раздробляет им кости, которое душит домашних и диких коз, — первые сведения эти получены нами сначала из Индии и с берегов Гвинеи. Как ни мало значит имя, но все-таки лишь с трудом привыкаешь к мысли, что удава обыкновенного (*Boa constrictor*) совсем нет на том полушарии, где Вергилий воспел страдания Лаокоона, повторяя сказание, заимствованное малоазиатскими греками у народов, живущих гораздо южнее. Так как боа Плиния был африканский или южноазиатский змей, то, конечно, Додэну следовало бы окрестить американского боа питоном, а индийского питона — боа». Теперь уже нельзя вернуть этого, исправить путаницу в понятиях: раз введенное в науку название не должно быть оставляемо без особенно важных причин. Итак, мы подразумеваем под именем «питон» великанов этого семейства в Старом Свете.

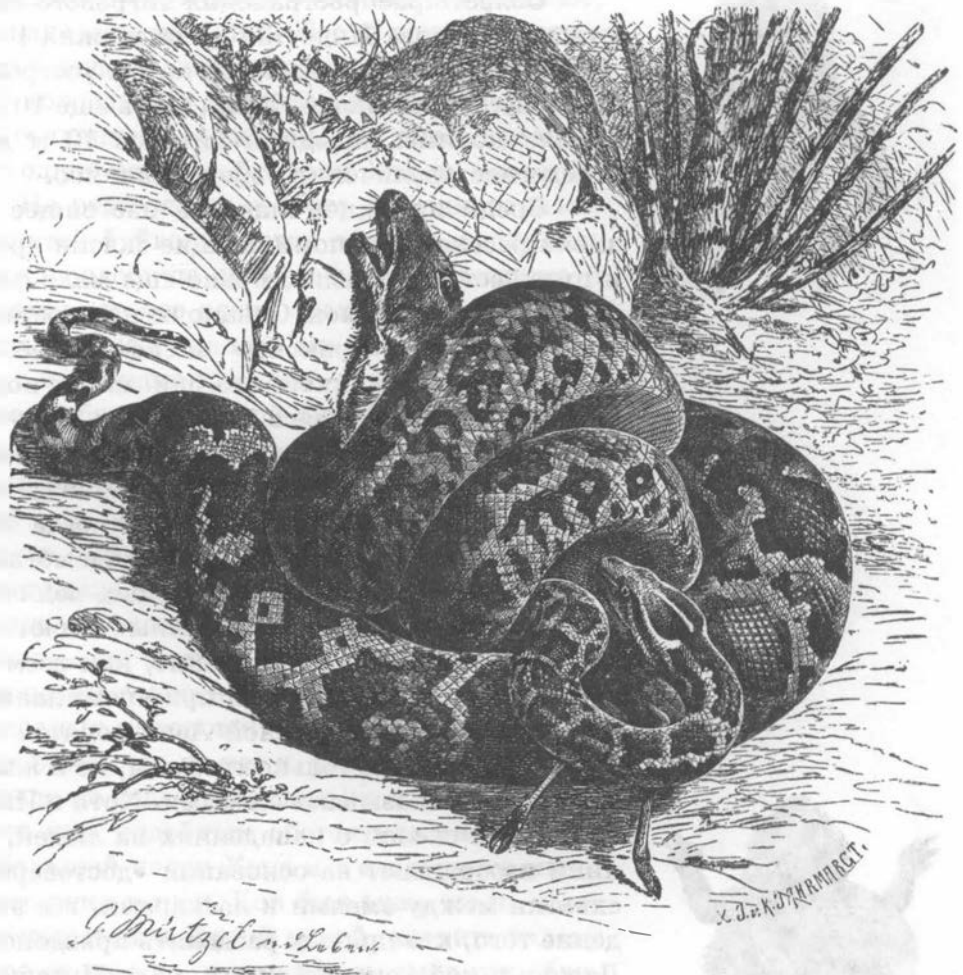

Питоны (*Python*) отличаются от обыкновенных удавов главным образом тем, что у них и межчелюстные кости вооружены зубами, и нижние хвостовые щитки, как обыкновенно у змей, образуют два ряда. На некоторых губных щитках на обеих челюстях или лишь на нижней часто имеются углубления. Отдельные виды характеризуются также особенностями головного покрова —

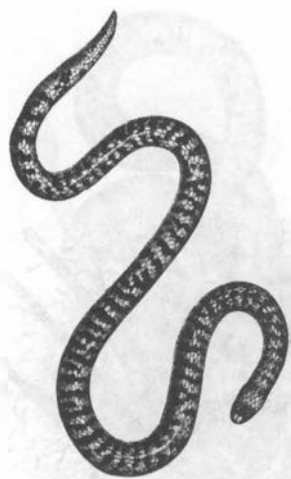
голова покрыта полностью либо отчасти мелкими чешуями или спереди более крупными табличными щитками — и, наконец, положением носовых отверстий сверху или с боков морды. Особенно богаты представителями данного рода Молуккские острова, Новая Гвинея и Австралия; вообще же распространение их строго ограничивается Старым Светом.

Тигровый питон (*Python molurus*), или педдапода бенгалийцев, живет в большей части Индии; он является представителем настоящих питонов, которые отличаются тем, что у них покрыта щитками лишь передняя половина верхней части головы, а задняя, напротив того, покрыта чешуями; щиток морды и некоторые верхние и нижние губные щитки имеют углубления; ноздри находятся между двумя неодинаковой величины щитками. Передние зубы на обеих челюстях довольно длинны; глаза малы, тело покрыто очень мелкими чешуйками, гладкими, без кия. Хвост настоящий хватательный, цепкий. Известно 7 видов, из которых 4 живут в тропической Африке, а 3 — в южной Азии. Длина тигрового питона достигает 6 м; более крупные экземпляры, если вообще и существуют, встречаются

чрезвычайно редко. В среднем длина этого питона не превышает 3,5 м. Голова серовато-мясо-красная, темя и лоб светло-оливково-коричневые, спина светло-коричневая, посередине с серо-желтым налетом. Нижняя сторона тела беловатая; от носового отверстия через глаз и сзади угла рта вниз идет масляно-бурая полоса; такого же цвета пятна треугольной формы окружают глаза. На задней части головы и затылке находится большое пятно, книзу вилообразное, острием вперед, или просто продолговатое. На спине

Тигровый питон
(*Python molurus*)

ряд больших продолговато-четырёхугольных пятен красноватобурого цвета с черными каемками; эти каемки зубчатой или прямолинейной формы; частично пятна бывают с ярко-желтой серединой. Вдоль боков идут меньшие продолговатые пятна, соответствующие средним. Другими отличительными признаками являются: два передних и два задних лобных щитка; между последними и обоими теменными щитками много маленьких щитков и треугольные углубления в двух верхних и четырех нижних губных щитках; верхняя сторона тела покрыта мелкими чешуйками, расположенными в 60—75 рядов.

Область распространения тигрового питона простирается от юга полуострова Индостан до подножия Гималаев. Согласно Буланже, он редко встречается на полуострове Малакка, Яве и на Цейлоне; но, по словам Хали, здесь еще 10 лет тому назад в плантациях корицы находили питонов 10 м длиной. Они вымерли вследствие увеличения города Коломбо.

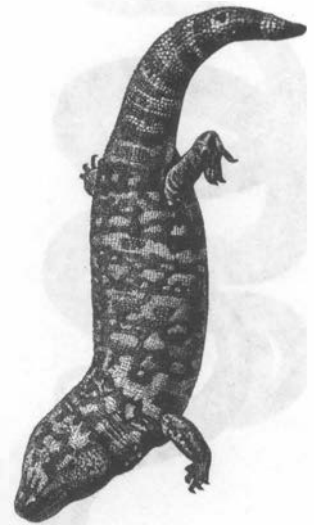
Среди индийцев еще и в настоящее время ходят об этих змеях рассказы, напоминающие сказки древних. Натуралистами и путешественниками собрано еще мало фактических данных об образе жизни питонов. Однако из них достаточно выясняется, что южноазиатские «драконы» нисколько не опаснее своих американских родственников, что они живут подобно им, с особенной любовью придерживаясь болотистых мест, затопленных рисовых полей, вообще держатся вблизи воды, но также не избегают и сухих скалистых мест и всюду охотятся за мелкими позвоночными. Очень большие экземпляры иногда нападают на молодых мунтжаков и мелких оленей, отсюда и могли произойти рассказы, что питоны умерщвляют животных величиной с нашего благородного оленя. Конечно, названные животные принадлежат к семейству оленей, но по величине, как всем известно, никогда не равняются нашей косуле, и при упоминании о них нужно всегда еще помнить, что в южной Азии водятся маленькие мускусные олени, которых не только туземцы, но и живущие там европейцы обыкновенно называют оленями. Хотя в Индии и теперь еще рассказывают сказки о нападениях на людей, а знаменитые художники изображают на основании «достоверных фактов» ужасные схватки между змеями и ласкарами, все это не введет в заблуждение того, кто привык разделять правдоподобное и невероятное. Даже в такой хорошей книге, как «Путешествие Новары», находишь утверждение, что путешественники видели на Манилле живого обыкновенного удава около 14 м длиной и 17 см толщиной; читая это, невольно думаешь, что, наверно, ни один натуралист не просматривал внимательно этих строк перед печатанием. Преувеличение всех подобных описаний неопровержимо выступает из действительно достоверных фактов. Шлегель, как первоначальный сотрудник, а потом руководитель одного из величайших музеев мира, имел возможность составить верное мнение. Он

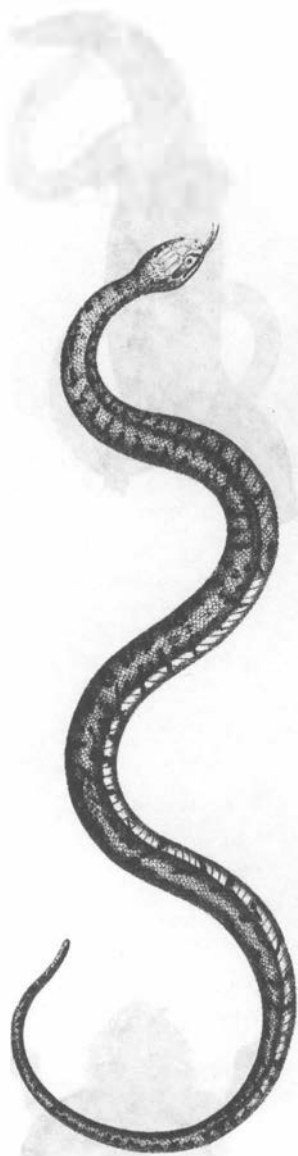

решительно утверждает, что индийские питоны больше 6 м принадлежат к величайшим редкостям. Его друг Буа, который в качестве путешествующего натуралиста провел много лет своей жизни на родине питона и обращал особенное внимание на пресмыкающихся, несмотря на самые ревностные поиски, никогда не мог добыть ни одного тигрового питона вышеуказанной величины. Маленькие млекопитающие составляют главную пищу змей, и лишь старые, крупные экземпляры иногда нападают на поросят или телят мелких видов оленей.

Крупные млекопитающие и люди никогда не подвергаются опасности быть пожранными ими, и даже туземцы утверждают, что питоны никогда не нападают на детей. После подобных серьезных исследований легко решить, как относиться к следующему сообщению Клейера. «В королевстве Арраком, на границе Бенгалии, — говорит бравый голландец, — видели, как змея огромной величины напала, подле одной реки, на буйвола. Бой их представлял страшное зрелище. На расстоянии доброго пушечного выстрела слышался хруст костей буйвола, когда они раздроблялись силой его врага. Я купил подобную змею у одного охотника и нашел в ней, при вскрытии, целого оленя средней величины, со шкурой и волосами; в другой же — целого дикого козла, несмотря на его длинные рога, а в желудке третьего — целого дикобраза с его иглами. На острове Амбоин подобной змеей была проглочена даже одна беременная женщина».

Подобные сказки сообщаются и другими старинными путешественниками, и, может быть, вследствие их Уоллес придает большее значение, чем следует, вышеупомянутым нападениям одного из видов питона на человека. По моему мнению, случающиеся иногда нападения питонов на человека никогда не совершаются намеренно, самое большее — по ошибке. Такое нападение испытал сторож Коп в Лондонском зоологическом саду, когда протянул одному из своих голодных питонов курицу, как всегда делал это при кормлении. Змея бросилась на нее и, вероятно, промахнулась, потому что дело было не задолго до линьки и ее глаза, как это обыкновенно бывает при подобных обстоятельствах, были мутны. Змея схватила большой палец Копы и в следующее мгновение обвилась вокруг его руки и шеи. Коп был один, но не потерял присутствия духа, а попытался другой рукой схватить голову змеи, чтобы освободиться от нее; но, к несчастью, змея так обвилась вокруг своей собственной головы, что сторож не смог ее достать и был вынужден лечь на пол клетки в надежде справиться со змеей. К счастью, два сторожа вовремя пришли Копу на помощь и не без усилий освободили от противника, который в противном случае мог уготовить ему участь Лаокоона. Подобные недоразумения возможны, как я знаю из собственного опыта; но на свободе питон только тогда нападает на человека, когда считает, что защищает собственную жизнь. Змея эта так же мало спо-

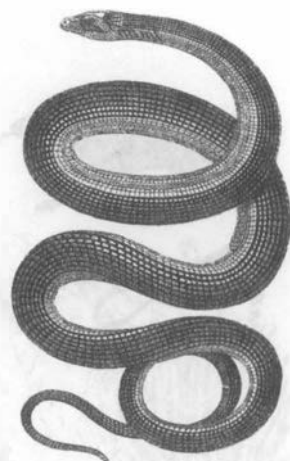
собна замыслить съесть царя вселенной, как какое-либо другое большое животное или, как это также рассказывали про нее, затеять бой с сильным королевским тигром. Хуттон, наблюдавший змей этого вида во время своего пребывания в Индии, видел, что одна из его пленниц сочла за благо снова выпустить схваченную и обвитую кошку, потому что та так упорно защищалась, что питон счел себя не в состоянии что-либо поделать с ней.

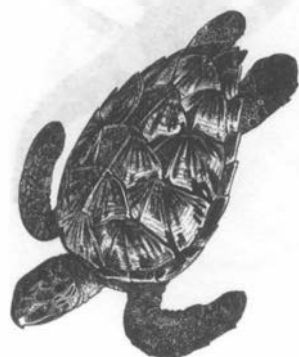
Относительно питания, температуры тела и линьки в неволе тигрового питона Пинсон сообщает следующее. В течение жаркого времени года переваривание пищи продолжается 8, в холодную же погоду 38 дней. В холодное время в течение 113 дней всякая пища отвергалась, и при этом температура тела змеи упала с 28 до 23 градусов Цельсия. Линька наблюдалась четыре раза в год. Приведенное выше сообщение о размножении живущих на свободе южноазиатских питонов было вполне подтверждено наблюдениями над содержащимися в неволе. 1 января 1841 года заметили, как подробно описывают Валансьен и Дюмерил, в первый раз совокупление двух живших в Парижском *Jardin des plantes* тигровых питонов. До конца января змеи несколько раз совокуплялись. Со 2 февраля самка, которая в этот день проглотила кролика и 4 кг бычьего мяса, больше не ела, но начала равномерно увеличиваться в толщине. 6 мая она положила в течение 3,5 часа 15 яиц, одно за другим, собрала их в кучу и так свернулась над ними, что отдельные кольца ее тела образовали плоский свод, высшую точку которого заняла голова. В таком положении змея оставалась почти два месяца, с 5-го мая до 3 июля, когда вылупились детеныши. В течение этого времени несколько раз измеряли температуру между кольцами змеи и нашли, что иногда она на 10—12 градусов превышала окружающую. Змея лежала на яйцах в большом ящике, который снизу подогревался сосудами с горячей водой и мог быть нагрет до 25 или 30 градусов. Эта температура тщательно поддерживалась в течение всего времени и, вероятно, существенно содействовала достигнутым приятным результатам. Из 15 яиц вылупилось в вышеупомянутый день 8 змеенышей около 50 см длиной. В течение первых 16 дней они выросли, не принимая пищи, до длины 80 см, линяли в первый раз между 13 и 18 июля; вообще же, линяли до декабря того же года пять раз и начали есть только после первой линьки. Сначала им давали воробьев, которых они умерщвляли так же, как их родители; позже они получали сырое мясо и маленьких кроликов. Так как им давали столько корма, сколько съедят, то они отлично росли и к декабрю года своего рождения уже достигли длины 1,5—1,55, даже 2 м. Через 20 месяцев, 2 марта 1843 года, длина большинства была больше 2 м, или вчетверо превосходила их длину при рождении; один из них даже вырос до 2,34 м. Этот последний в первые полгода своей жизни съел 13, а во второй год — 22 кг пищи. Из этих фактов Гюнтер выводит, что трех-

метровый тигровый питон должен иметь около четырех лет от роду; из наблюдений, полученных в Лондонском зоологическом саду, мы узнаем, что в следующие 10 лет длина его может достигнуть 7 м.

В южной Азии тигровые питоны ловятся и охотно содержатся в неволе, хотя и не всеми народностями. По словам Мартенса, китайцы с удовольствием видят ту или другую исполинскую змею в своих джонках и считают ее залогом счастья, если она что-либо ест, и несчастья, если она покинет джонку. На судах, равно как и в жилищах, где ее держат, она ревностно охотится за крысами. Старик Валентин рассказывает, как ловко она это делает: не шевелясь, она позволяет крысам бегать по своему телу, но потом, как только они оказываются на удобной дистанции, она вдруг хватает и обычным способом душит и пожирает дерзкую тварь. Признавая полезность питона, его охотно оставляют жить в надворных постройках домов, особенно в хлебных амбарах; может быть, вследствие этого или помня о хорошей еде на китайских судах, он нередко посещает суда и дома, куда ее вовсе не приглашали. Так, в 1840 году заметили одного питона на корме военного судна, которое стояло на якоре в 3—4 морских милях от берега вблизи Сингапура, и не нашли ничего лучшего, как застрелить просящего о гостеприимстве пришельца. Так же в один прекрасный вечер Уоллес был испуган появлением питона в своем доме на Амбоине. «По вечерам, — говорит он, — я обыкновенно сидел, читая, на веранде, будучи готов к ловле насекомых, привлекаемых светом. Раз, вечером, около 9 часов, я услышал страшный шум и шуршание над собой, словно тяжелое животное медленно ползло по крыше. Шум скоро прекратился, я перестал о нем думать и пошел спать. На другой день после полудня, как раз перед обедом, я, утомленный дневной работой, лежал на кровати и читал; взглянув вверх, я увидел большую массу чего-то, которую раньше не замечал. Внимательно рассмотрев, я различил желтые и черные пятна и сначала принял это за щит черепахи, который засунули туда между стропилами и крышей, чтобы убрать с дороги. Но при дальнейшем наблюдении предмет преобразился в большую свернувшуюся в клубок змею, и я мог уже разглядеть, как раз посередине колец, ее голову и блестящие глаза. Теперь объяснился шум прошлого вечера. Питон влез на один из столбов дома, пробрался под крышей на один метр над моей головой и там удобно растянулся, а я всю ночь благополучно проспал непосредственно под ним. Я кликнул обоих моих слуг, которые препарировали птиц, и сказал: «На крыше большая змея». Но оба, как только я показал им ее, бросились вон из дома и меня уговаривали выйти вон. Так как я видел, что они слишком трусливы, чтобы что-либо предпринять, то позвал с полдюжины работников с плантации. Они стали совещаться. Один из них, уроженец Буру, где очень много змей, сказал, что он легко вытащит ее, и тотчас

*Семейство
ложноногие змеи*

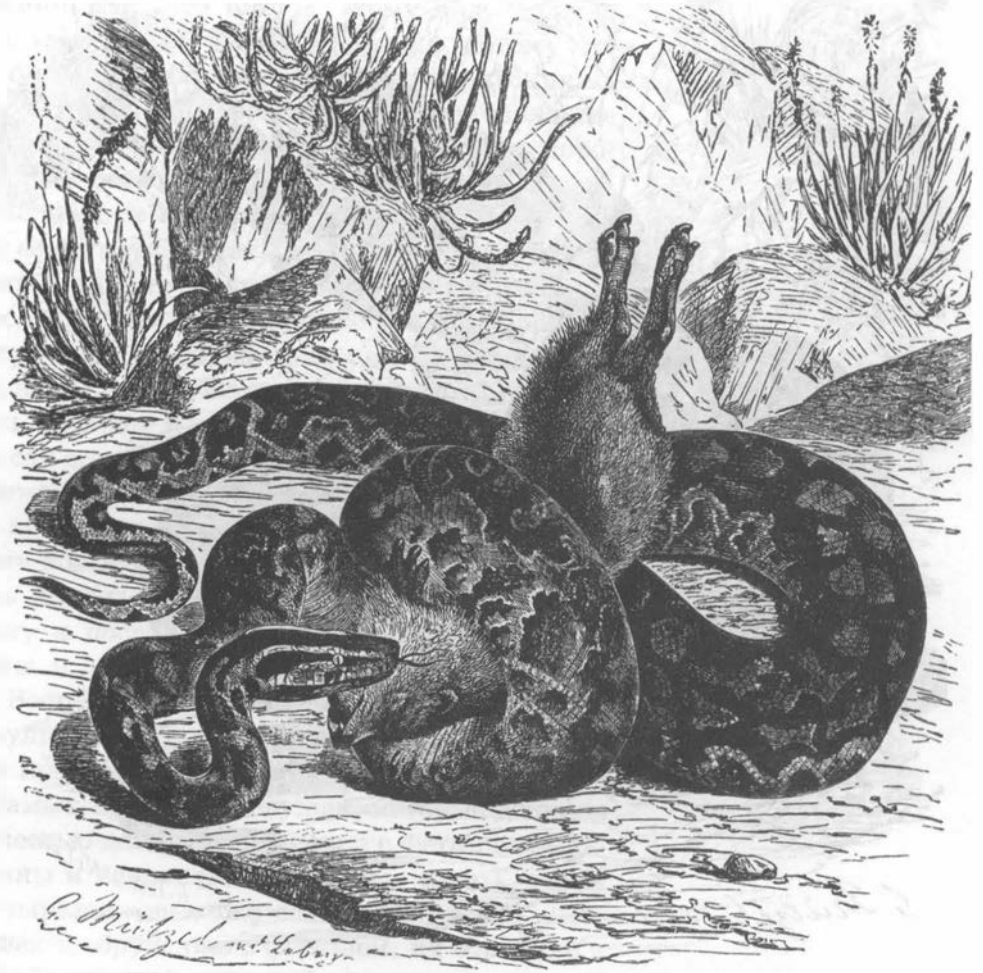
умело принялся за дело. Он приготовил петлю из ротанга, взял ее в одну руку, а в другую длинную жердь и стал толкать ею змею, пока она не начала медленно развертываться. Он действовал так, пока не надел ей петлю на голову, осторожно подвинул вниз на туловище, затянул и стащил змею вниз. Змея обвилась вокруг подпорок стропил и столбов с намерением оказать сопротивление своему врагу, поэтому вышла большая возня. Наконец туземец схватил ее за хвост и бросился из дома; он понесся так быстро, что змея казалась ошеломленной; он попробовал ударить ее головой о дерево, но промахнулся и должен был выпустить, после чего испуганное животное спряталось под лежавший поблизости гнилой ствол дерева. Но ее снова выгнали, опять поймали за хвост и на этот раз счастливо с размаху ударили головой о дерево, после чего легко убили топором. Она была около 4 м длины, очень толста и была бы в состоянии надеть много бед, так как могла бы проглотить ребенка или собаку».

Не знаю, почему Уоллес считал столь небольшую змею способной на такое тяжкое злодеяние, так как он, насколько я мог заметить, во всем своем сочинении не сообщает ни одного наблюдения, которое оправдывало бы подобное его мнение. Я привел выдержку из его сочинения, чтобы показать, как сильно боятся исполинских змей. Еще яснее видно это из одного рассказа Добсона о ловле тигрового питона. Один подобный питон забился в сад в предместье города Калькутты и здесь расположился на манговом дереве, оттенявшем маленький пруд. Попробовали спугнуть змею, и для этого один человек влез на дерево, чтобы стряхнуть ее с ветки, на которой она свернулась. Но вдруг змея развернулась и бросилась в находившийся внизу пруд. Нападавший на нее человек, боявшийся, что змея может обвиться вокруг него, тоже бросился вниз, свалился по другую сторону от дерева на землю и при этом едва не сломал себе шею. Змея исчезла под водой и в следующие полчаса не появлялась; с тех пор, почти целый месяц, ее вообще больше не видали, пока наконец ее снова не заметили на берегу того же пруда на другом манговом дереве. Когда сюда прибыл Добсон, он нашел, что она снова переменяла место, но опять выбрала манговое дерево и на значительной высоте свернулась на развесистой ветке. Туземцы объяснили ее пристрастие к деревьям, говоря, что исполинские змеи влезают на деревья, когда голодны, чтобы ловить здесь ночующих птиц. Тогда наш наблюдатель прежде всего сфотографировал змею, и так как эта работа могла быть исполнена лишь с трудом, то в тот же день оказалось слишком поздно, чтобы попытаться поймать ее. Поэтому при помощи подачи на водку побудили туземного садовника покараулить змею до следующего утра. Между тем известие о присутствии змеи распространилось в тот же вечер еще далее, и на следующее утро в саду появились люди, тоже желавшие поймать гадину; за еще более крупную подачку они также заручились

помощью садовника. При этом они старались обещанием щедрого вознаграждения уговорить туземцев поймать змею, но охотников взяться за это опасное дело не нашлось. Вновь прибывшие люди вернулись обратно в город искать подмогу. Садовник, желавший получить третий куш, воспользовался их отсутствием и сообщил о происшедшем некоторым соседям, услугами которых воспользовались для Добсона. Эти пришли с заклинателем змей, несколькими сетями и многими рабочими и усердно принялись расстраивать планы других.

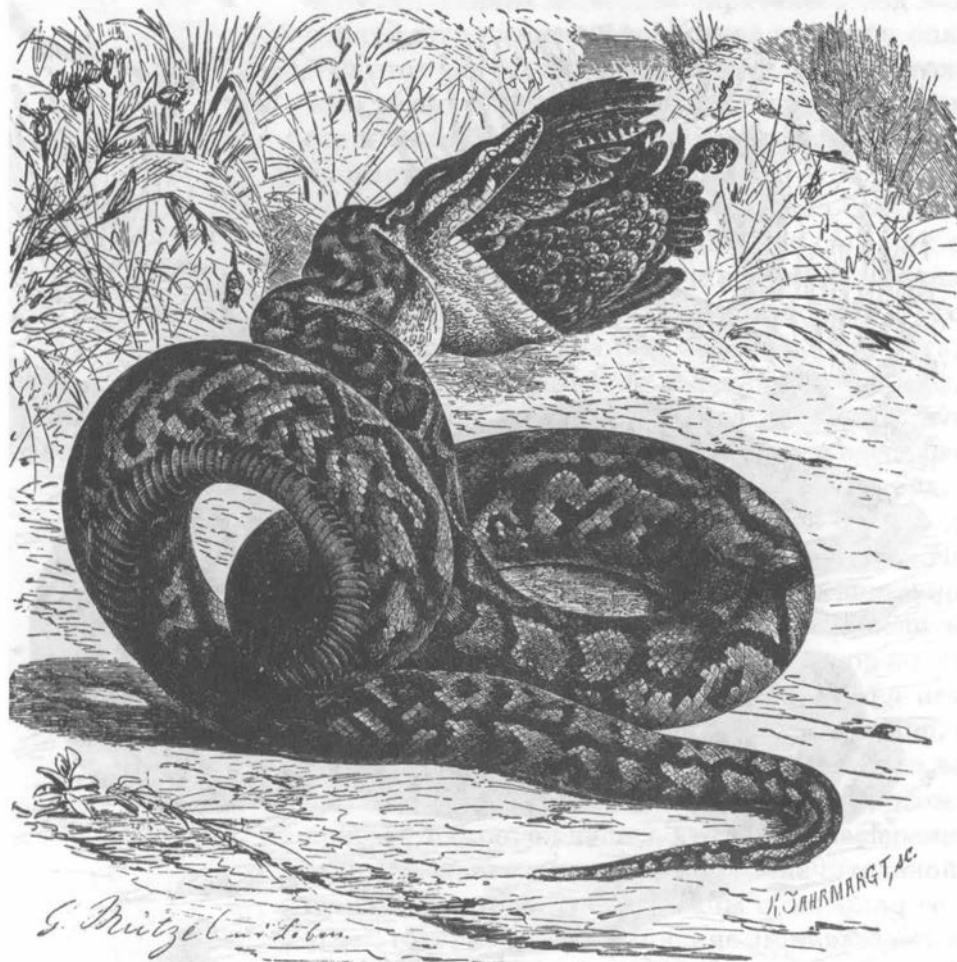
Заклинатель змей влез на дерево и попробовал уговорить змею оставить свое место. Но она не исполнила его желания и сильно укусила за руку, потом вдруг быстро развернулась и попробовала скрыться, как ранее, но на этот раз пруд был слишком далеко, и она упала на сухую землю. В то же мгновение кули закутали ее сетями и торжественно понесли прочь, к великому разочарованию другой компании, которая в этот момент снова появилась на месте действия и тоже привела с собой заклинателя змей и большое число кули. Добсону пришлось почти месяц продержать питона в клетке, прежде чем удалось отослать его. Один капитан, которого он пробовал уговорить перевезти питона в Англию, сказал, что лучше возьмет что угодно на борт, только не змею, и отказался взять с собой прочно упакованное в ящик животное. Другой капитан оказался достаточно разумен, чтобы смотреть на названный ящик как на кладь, которая не может внушать никакого страха.

Южноафриканский питон (*Python sebae natalensis*) распространен лишь в восточной части южной Африки; у него оба перед-

Южноафриканский
питон
(*Python sebae
natalensis*)

них лобных щитка длиннее следующей за ними средней пары лобных щитков, а эти почти такой же величины, как задняя пара; остальные головные щитки, за исключением непарного теменного щитка, малы и неправильной формы; передний щиток морды с двумя углублениями, между тем как оба передних верхнегубных щитка с каждой стороны имеют по одному углублению. Все три пары лобных щитков почти одинаковой ширины; туловище покрывает от 65 до 70 рядов чешуй. Основной цвет передней трети тела — красивый желто-бурый; остальная верхняя часть тела более темного оливково-бурого цвета; нижняя сторона тела кра-

Иероглифовый
питон
(*Python sebae*)

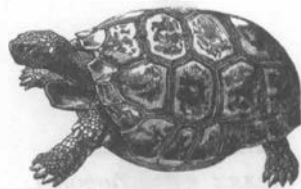
сивого красновато-белого цвета; большую часть верха головы занимает черно-бурое пятно, обращенное острием вперед; по всей верхней стороне тела тянется ряд переплетенных в виде цепи пятен черно-бурого цвета, продолговато-четырёхугольных, более или менее прямоугольных или косых, у краев часто сливающихся, обыкновенно неодинаковых и неодинаково расположенных; эти пятна продолжаются до конца хвоста как темная полоса между двумя желтыми продольными полосами.

Напротив, у распространенного по всей западной и центральной Африке **иероглифового питона** (*Python sebae*) передние лобные щитки лишь такой же длины, как средние, или короче и в то же время гораздо уже последних; третья пара лобных щитков значительно меньше средней пары; два теменных щитка лежат рядом; но углубления в щитках морды и в щитках верхней губы расположены так же, как у южноафриканского питона. Около 80 рядов чешуй покрывают середину туловища. Верхняя сторона головы настолько по-

крыта темно-бурым или черноватым стреловидным пятном, что сбоку остается лишь узкая бело-желтая полоса. Тело покрыто по серо-желтому фону буроватыми пятнами разнообразно меняющегося вида — внутри они по большей части светлее, чем у краев; кроме того, замечаются поперечные полосы, которые, как и пятна, с каждой стороны выходят от темной, книзу переходящей в светло-желтый фон продольной полосы. Нижняя сторона тела серо-желтая; боковые края брюшных щитков с каждой стороны украшены продольным рядом маленьких черноватых пятен.

Старый Босман правильно заметил, как подтверждается позднейшими путешественниками, что именно этому виду должно принадлежать название «змея-идол» (Abgottschlange), потому что именно ей на Гвинейском берегу поклоняются в храмах-хижинах, где ее содержат жрецы. По рассказам француза Марше, обожание этой змеи имеет серьезную причину. Когда однажды войско короля племени вайда стояло в боевом порядке, от врага приползла змея-идол; она так доверчиво и кротко вела себя и была такая ручная, что всякий мог ее ласкать. Главный жрец взял ее в руки и сделал предметом поклонения. Негры упали ниц, чтобы молиться новому божеству, затем мужественно ударили по врагу и обратили его в бегство. Кому, как не змее, были обязаны они такой удачей?! Ее чудодейственная сила блестяще обнаружилась, и потому сочли необходимым выстроить ей храм и собрать сокровища на его содержание. Ее возвели в сан покровительницы войны, земледелия и торговли, и она, по-видимому, оказала замечательные услуги, потому что вскоре первый храм уже не мог вмещать всех поклонников. Пришлось возводить новые постройки, чтобы поклоняться ей; для ее культа нашлись жрецы и жрицы; ежегодно отыскивали прекраснейшую девушку и посвящали ее змее. Сначала, может быть, верующие являлись и добровольно; позже их принуждали к служению змее силой. Вооруженные тяжелыми дубинами жрецы рыскали в поисках девушек; противившейся их священному выбору грозили хотя и не проклятием и костром, но все-таки дубиной. Жрецы забирали самых красивых девушек, которые должны были считать высокой честью для себя обручение с фетишем. Сначала их учили петь гимны и исполнять священные танцы, потом им обрезали волосы и вырезали на коже священные знаки. Достойно приготовив девушек к обручению с фетишем, их отводили в темный подземный покой, шумной музыкой, пением и танцами восхваляя их высокую судьбу. По возвращении из священной пещеры девушка получала титул змеиной невесты, но, несмотря на это, могла потом выходить замуж по собственному выбору; избранный ею счастливец выказывал ей высочайшее почтение и подчинение. Но о том, что происходило с ними в пещере, девушки должны были хранить полное молчание; если же они позволяли себе болтать, то жрецы забирали их и убивали, уверяя всех, что змея уничтожила их, мстя за себя.

*Семейство
ложноногие змеи*

** На человека иероглифовый питон нападает лишь в целях самообороны, нанося при этом серьезные укусы.*

*** Официально зарегистрированная длина иероглифового питона — 9,81 м. Такой экземпляр был пойман в Бингервилле (Кот-д'Ивуар).*

По уверению Маттьюса, иероглифовый питон ловит не только коз, овец и свиней, но нападает и на леопардов. Туземцы утверждают, что в болотистых местах низменной части страны, где человек не преследует эту змею, она достигает громадной величины и силы и может съесть даже буйвола; короче, опять является на сцену старая сказка о драконах. Для человека же иероглифовый питон опасен будто бы лишь тогда, когда он находит его спящим*.

Относительно образа жизни этого питона, особенно же о его хищничестве и о пожирании им добычи, Маттьюс рассказывает подобные же сказки, приводимые ниже. «Обыкновенно, — пишет он, — эта змея держится в болотистой местности, и здесь иногда случается видеть, как она осматривается, подняв голову над травой 3 фута высотой». Нападение ее на добычу и умерщвление последней описываются нашим автором довольно правильно, но он положительно утверждает, что, сжимая жертву, иероглифовый питон раздробляет ей все кости, повторяя это в двух-трех различных местах тела. Умертвив добычу, питон этот будто бы делает обход в полмили в диаметре, чтобы посмотреть, нет ли вблизи кого-либо из его врагов; из этих врагов для него всех неприятнее одна порода муравьев или термитов; когда змея проглотит добычу и, словно мертвая, лежит, переваривая пищу, в таком положении от 3 до 5 дней, в зависимости от величины и свойств добычи, на нее нападают муравьи, проникающие через все отверстия ее тела, и в самое короткое время пожирают беззащитное пресмыкающееся.

Из этого описания видно, что Маттьюс не собирал самостоятельных наблюдений, а записывал не выдерживающую критики болтовню туземцев. Если мы примем, что африканские исполинские змеи принадлежат к сходным между собою видам или ведут приблизительно одинаковый образ жизни, то, сводя здесь действительно наблюдавшиеся факты, мы получим следующее описание жизни этих пресмыкающихся. Южноафриканский и иероглифовый питоны, по-видимому, нигде особенно не многочисленны, но и не совсем редки; они вытеснены только из населенных местностей. Старые экземпляры, длиной 6 м и более, принадлежат к величайшим редкостям; даже экземпляры в 5 м лишь в исключительных случаях попадают на глаза наблюдающим и коллекционирующим натуралистам. Барт упоминает, что его людьми у озера Чад был убит питон в 6 м длиной; Руссегер тоже говорит об одном необычайно большом питоне, убитом во время путешествия в Сенааре. Мне самому пришлось измерить только двух — в 2,5 и 3,15 м. Последний в глазах суданцев казался настоящим чудовищем. Швейнфурт говорит об одном убитом иероглифовом питоне почти в 5 м и о другом виденном — в 6 м. По измерениям экспедиции Гюсфельдта в Лоанго эти змеи в среднем достигают длины 4 и 5 м; свыше 6 м не измерено ни одной. Отсюда легко можно судить, что следует думать, когда рассказывают о змеях 10—16 м длиной**.

Возможно, что иероглифовый питон многочисленнее, чем думают, потому что он по большей части прячется в зарослях травы и кустов и начинает бродить лишь после захода солнца. Все иероглифовые питоны, которые попадались нам или о которых мы слышали рассказы, очевидно, были потревожены среди отдыха и старались как можно быстрее уйти прочь, как только замечали, что их обнаружили. Довольно часто люди проходят или проезжают верхом близко от отдыхающей змеи этого вида, не замечая ее, потому что она не находит нужным двигаться; между тем, ее, несомненно, заметили бы с помощью приученных к охоте лошадей или охотничьих собак, которым она выдает себя своим запахом. Весьма понятно, что, вследствие такой редкости встреч с иероглифовым питоном, во всей Африке господствует полное неведение относительно его образа жизни. Мало знают даже о добыче, за которой он охотится; именно поэтому живое воображение туземцев тешится бессмысленнейшими рассказами, которые находят отклик даже в сообщениях европейских путешественников и в естественно-исторических книгах. «Содрогаешься, — уверяет Ласепед, — когда читаешь в рассказах путешественников, проникавших в глубину Африки, как огромное животное, подобное большому, длинному, тянущемуся вперед бревну, ползет извиваясь в высокой траве и кустах. Уже издали замечаешь борозду, прокладываемую извивами его тела в сгибающихся под ним травах и растениях, и видишь целые стада антилоп и других преследуемых им животных, убегающих от него. Чтобы оградить себя от его силы и убийственной пасти, в этой огромной пустыне остается одно средство — поджечь траву, уже наполовину высушенную солнцем. Всякое другое оружие бессильно против взрослого и особенно против голодного питона. Избежать смерти можно только, предав пламени всю местность вокруг себя и таким образом противопоставив стену огня преследованиям чудовища. Реки и даже рукава моря не удерживают его, потому что оно плавает и среди бушующих волн. Высочайшие деревья также представляют плохое убежище, потому что змея эта быстро взлезает до самых высоких вершин». Ласепед подкрепляет это описание несколькими рассказами путешественников, уверяющих, что в желудке африканских исполинских змей находили не только крупных животных, например ланей (*Cervus dama*, которых, как известно, совсем нет в западной Африке), но и людей. Упоминаю снова об этих бессмысленных баснях лишь потому, что убедился: сколько раз их ни опровергай, никогда не будет лишним. В действительности ни одна африканская исполинская змея, как бы ее ни называли и каков бы ни был ее образ жизни, не охотится за млекопитающими крупнее козули или овцы; уже подобная добыча, несомненно, является редким исключением. Я знаю лишь немного надежных сообщений о столь крупной добыче питонов.

Семейство
ложноногие змеи

Во время пребывания Саважа в западной Африке он узнал, частью по собственным наблюдениям, частью по слухам, что исполинские змеи около 5 м длиной два раза хватали и обвивали небольших собак и раз схватили маленькую антилопу. Собак можно было спасти из ужасных тисков, начав колотить и колоть змей. Одна из собак долго твердо помнила испытанное нападение и боялась всего и всех. На одну из этих собак питон напал днем, на другую, как обыкновенно, ночью. Ночью же одна исполинская змея посетила хижину негритянки, чтобы рядом с ее постелью овладеть курицей.

Одно подобное происшествие живо и увлекательно описывается Швейнфуртом: «В одной из глубоких расселин земли, превращавшихся во время дождей в два сливающихся ручья, мой спутник скрывался вместе со своим ослом; я же в высокой траве ранил маленькую антилопу. Я видел, как она скакала через траву по направлению ко мне, и ждал, что она вот-вот упадет. Вдруг я услышал, как антилопа издала короткий блеющий крик, и в то же мгновение она исчезла с моих глаз, словно упала в яму. Я пошел через высокую траву к месту, где видел ее в последний раз, но ничего не мог найти. Мои движения сковывали два ружья, которые я нес; но, зная, что зверь должен находиться на резко ограниченном участке, между двумя потоками, я старательно продолжал искать. Наконец я увидел антилопу лежащую близко передо мной; она отчаянно двигала ножками, плотно притянутыми к земле каким-то предметом, которого я не мог разобрать. Мне показалось, словно какой-то нубиец набросил на мою добычу свой грязный набедренный платок. Я подошел на шаг ближе и совершенно ясно разглядел исполинскую змею, которая трижды обвилась вокруг тела антилопы; голова змеи, вцепившейся в одну из задних ног жертвы, была отнесена далеко назад». Ниже я расскажу, как Швейнфурт убил эту исполинскую змею, а здесь лишь замечу, что она и антилопа почти уравнивали друг друга на спине осла. Наконец, Фалькенштейн убил, как он пишет мне, змею 6 м длиной, у которой в теле оказалась взрослая антилопа, еще так мало переваренная, что ею могли воспользоваться для составления скелета, за исключением недостававшей головы.

Я повторяю, что иероглифовый питон лишь в исключительных случаях нападает на таких крупных и тяжелых животных, чтобы пожрать их. Обыкновенно он довольствуется гораздо более мелкой дичью, особенно зайцами, земляными белками, крысами и другими живущими на земле грызунами. Эти и различные сухопутные птицы, вероятно, чаще всего подвергаются его преследованию. В желудке одного из исследованных мной иероглифовых питонов я нашел цесарку, и с этим согласуется одно сообщение Драйсона. Он рассказывает, что в Натале однажды видел, как маленькая дрофа несколько раз взлетала, и, подъехав ближе, заметил, что ее упорно преследует южноафриканский питон. Когда

Драйсон появился на месте действия и убил вкусную птицу, змея сочла благоразумным как можно проворнее удалиться; но ревностный охотник, давно уже желавший добыть подобное пресмыкающееся, после хорошей охоты настиг ее и ударом дубины убил или, по крайней мере, оглушил. Фалькенштейн пишет мне дальше, что одна змея на западном берегу Африки хотела украсть курицу, так сказать, на его глазах, что змеи эти чаще всего ловятся в овечьих хлевах, привязываются неграми на веревку из травы и так отводятся для продажи европейцам.

Наконец, Андерсон утверждает, передавая рассказы туземцев, что названные змеи питаются преимущественно даманами; это тоже, может быть, справедливо. «Эта змея встречается гораздо чаще, чем думают, — пишет Пехуэль-Леше из западной Африки, — потому что ее нечасто видят, так как она обыкновенно лишь ночью выползает из зарослей и лесов саванн на открытые участки. По правдоподобным рассказам туземцев, она охотно подвешивается к ветвям деревьев, стоящих у опушки зарослей кустов, и караулит тут добычу. Близ миссии в Ландане один из охотящихся так питонов раз утром схватил даже полосатого волка, на жалобный крик которого мы побежали и успели вовремя, чтобы освободить его. Густая растительность мешала нам решить, обвилась ли змея вокруг своей добычи или лишь вцепилась в нее зубами; мы видели только, что питон отцепил свою хвостовую часть от ветки одного дерева на высоте роста человека, и ясно слышали, как он шлепнулся на землю. В Чинчочо мы держали в деревянной клетке кроме ядовитых змей также много питонов; самый крупный из них раз вечером выломал одну доску и ушел из клетки. Вероятно, в поисках крыс он заполз в хижину нашего надсмотрщика и прополз вплотную между горевшим там ярким огнем и сидевшими около него и болтавшими людьми. Совершенно бледный от ужаса надсмотрщик сообщил нам о происшествии. Я прибежал в хижину с ружьем; мой Мулек, светивший мне головней, поднял циновки, свешивавшиеся с приподнятой кровати. Там лежал свернувшись в углу и тараща на нас глаза посетитель, очень испуганный шумом. Я раздробил ему выстрелом голову и шею. Отчаянно смелый юноша, Мулек схватил извивавшуюся гадину за хвост и вытащил ее к собравшимся снаружи любопытным, которые, естественно, с криком бросились врассыпную. Повеселевшие обезьяны тоже пришли в величайшее возбуждение и издавали свою характерную трескотню. Упомянутая уже выше змея, которую Фалькенштейн застрелил недалеко от устья Куилу, наевшись досыта, предавалась кайфу; она злобно фыркала и шипела, когда мы ее дразнили, и много раз выбрасывала в нашу сторону, на целый метр, свою голову в раскрытой пастью.

В соседней с нашим селением фактории раз ночью питон проник в хлев и вследствие поднятого козами шума был замечен

как раз в ту минуту, когда он держал, обвивши, самого крупного козленка. В факториях Массабе и Виста два других питона среди белого дня поймали по курице. Живущий у устья Куилу торговец Рейс завел себе хорошенький выводок гусей, но, в конце концов, из-за питонов лишился всех своих гогочущих питомцев, кроме старого белого гусака, умевшего спастись от преследований змей. Питоны приплывали с материка через пролив к острову, на котором жил Рейс. Во время нашего пребывания у него одна змея высадилась как раз во время обеда, но была встречена криками людей, тотчас снова бросилась в воду и так ловко ныряла, что мы не могли ни разу по ней выстрелить. Вред, причиняемый питонами, ограничивается кражей мелкого скота и домашней птицы. При нападении они защищаются, шипят и яростно стараются укусить. Ходячие рассказы о том, будто бы они умерщвляют даже буйволов и леопардов, отрицаются умными и понимающими охоту туземцами. Они утверждают, что питон особенно охотно ест яйца, но преимущественно питается крысами и куриными птицами и т. д.; свою добычу он хватается пастью, трясет маленьких барахтающихся животных, пока они не околеют, и лишь более крупных душит, обвиваясь вокруг них. Туземцы рассказывают также, что испугнутый или преследуемый днем на открытом месте питон чаще всего высоко поднимается, чтобы осмотреться среди окружающей его растительности, но всегда убегает от человека, пока может это сделать, или держится совсем тихо, пока человек не пройдет мимо».

Относительно размножения питонов туземцы ничего не могли сообщить нам. Что иероглифовый питон в этом отношении не отличается от своих азиатских родственников, мы узнали поймав, и содержа в неволе этих животных.

В июне 1881 года два питона этого вида спарились в Лондонском зоологическом саду, и к середине декабря было замечено, что самка очень увеличилась в объеме. Сторож, знавший, что животное ничего не ело в течение многих недель, счел ее больной и лишь за несколько дней до 13 января узнал истинную причину необычайного явления. На утро названного дня он заметил, что змея-самка в течение прошедшей ночи снесла большое количество яиц — почти 100, как оказалось после, — и свернулась на них уже описанным выше способом. По-видимому, во время кладки змея постоянно кружилась и клала одно яйцо за другим. Ни одно из них ничем не соединялось с другими; позже вся куча, однако, крепко склеилась вследствие клейкой скорлупы, и, кроме того, яйца были так сдавлены тяжестью лежащей сверху матери, что совершенно потеряли свою первоначальную форму. В таком положении самка оставалась до 4 апреля и в течение всего этого времени лишь изредка покидала яйца, и всегда ненадолго, дольше — только 4 марта, когда она линяла.

Линька, занимающая у здоровых змей самое большее 3 или 4 часа, на этот раз продолжалась полных 10 часов, и верх-

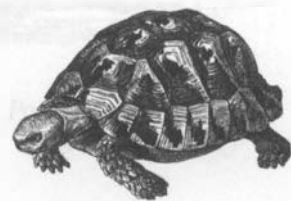
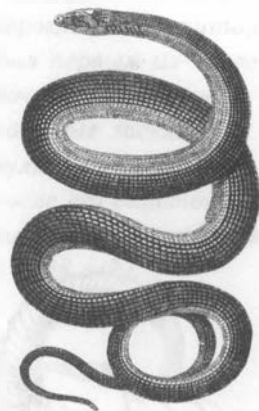
няя кожа отделялась лишь маленькими лоскутками, что всегда является признаком нездоровья змеи.

Зная о наблюдениях Валансьена, и в настоящем случае измеряли температуру, между кольцами змеи, применяя для этой цели специально устроенные, в высшей степени чувствительные инструменты. Хотя результат измерений был совсем иной, однако было установлено, что температура тела у самки выше, чем самца, а температура между кольцами еще значительно температуры внешних частей тела. Например, при температуре воздуха $14,8^{\circ}\text{C}$ температура внешних частей тела самца равнялась $21,2^{\circ}$, самки — $22,8^{\circ}$; температура между кольцами самца — $23,8^{\circ}$, между кольцами самки — $27,6^{\circ}$; в одном случае, 2 марта, при $15,6^{\circ}$ в воздухе измерение дало 22° для внешней и $24,11^{\circ}$ для внутренней температуры самца, а для самки $28,9^{\circ}$ для внешней и $35,6^{\circ}$ для внутренней температуры; таким образом, разница в пользу самки оказалась от $6,9$ до $11,2^{\circ}\text{C}$.

4 апреля заметили, что яйца начали гнить, и так как нельзя было ожидать благоприятных результатов, потому что змея уже почти 10 недель лежала на них и, кроме того, постилась почти 32 недели, то яйца были удалены. Ближайшее исследование обнаружило в 5—6 из них отчасти развившихся зародышей, среди которых один достиг длины около 29 см. Уже были видны щитки, окраска и рисунок кожи, т. е. детеныш развился почти до вылупления. Остальные исследованные яйца представляли, за исключением одного, испортившуюся жирную массу, и нельзя было понять, были ли они оплодотворены. В вышеупомянутом единственном яйце живого зародыша замечали еще 15 дней спустя после того, как яйцо было отобрано у самки. Змея, выказывавшая сильное беспокойство после удаления яиц, около месяца спустя снова переменила кожу, начала есть как обыкновенно и с тех пор чувствовала себя отлично. В новейшее время, между прочим, Чапер наблюдал на Золотом Береге размножение иероглифового питона на свободе и ему случилось спугнуть самку с яиц в дуплистом дереве.

Суданцы, отлично знающие, что иероглифовый питон не опасен, при охоте на него пользуются простыми дубинами, потому что достаточно одного сильного удара по голове пресмыкающегося, чтобы убить его. Мы испытали, что его также легко убить выстрелом дробью средней величины. Подстреленные исполинские змеи, особенно больно раненные, по-видимому, пробуют защищаться. Швейнфурт, увидав упомянутую выше антилопу во власти исполинской змеи, отошел назад, насколько считал нужным для удобства выстрела, потом выстрелил; в то же мгновение питон встал дыбом перед его глазами, взвившись прямо вверх больше чем на метр. «Потом, — как говорит Швейнфурт, — он снова опустился и с невероятной быстротой бросился на меня. Но лишь передняя половина его тела оказалась способной двигаться,

Семейство ложноногие змеи

остальная часть туловища осталась на земле парализованной, потому что позвоночный хребет был сломан. Когда я убедился в этом, я схватил свой дробовик, выстрелил, снова зарядил и стрелял до тех пор, пока гадина не перестала шевелиться. Я стрелял почти наугад, потому что не успевал следить за движениями змеи». Этот естествоиспытатель убедился и при других случаях, что исполинских змей можно убивать обыкновенной дробью.

В Восточном Судане я узнал, что убитых иероглифовых питонов туземцы, прежде всего, употребляют в пищу; их мясо, приправленное солью и красным перцем, разваривается как можно мягче и потом поедается с таким же великим удовольствием, как мясо крокодила. Так как мы много слышали о хорошем вкусе его, то я приказал и для нас приготовить описанным образом кусок мяса. Кушанье это имело многообещающий, белоснежный цвет и действительно приятный вкус, напоминающий вкус куриного мяса, но было так твердо и вязко, что мы едва могли его разжевать.

По словам Гейглина, и негры племени дор на Белом Ниле едят мясо этой исполинской змеи, между тем как негры динка, живущие на той же реке, по наблюдениям Швейнфурта, считают несъедобными всех ползающих тварей, и особенно высокопочитаемых ими змей, а из всех пресмыкающихся едят единственно черепах. Напротив, некоторые племена западной Африки считают исполинских змей изысканным кушаньем; по словам Саважа, они даже варят из кожи и внутренностей суп, который, по их мнению, превосходит все другое.

Ливингстон сообщает нам, что бушмены охотно едят южноафриканских питонов. Напротив, по сведениям Смита, другие туземцы южной Африки редко решаются преследовать этих змей, так как чувствуют к ним необычайный страх и считают, что они могут иметь известное влияние на их судьбу и что тот, кто нанесет какой-либо вред исполинской змее, неминуемо рано или поздно поплатится за свою дерзость. Пестрая кожа питонов для суданцев еще важнее их мяса; суданцы, а также негры, живущие по Белому и Голубому Нилу, применяют ее для всевозможных украшений, и притом с величайшим вкусом, особенно как украшения оправ ножей, амулетов, письменных и денежных сумок и т. п. Некоторые народности, например готтентоты, считают, что жир питонов обладает в высшей степени целебными свойствами, потому он еще тщательнее сохраняется, чем мясо, и принимается больными с полной верой, а потому часто и с пользой. По словам Швейнфурта, в Судане существует подобное же воззрение, но целебные свойства жира распространяются только на ушные болезни.

В зоологических садах и странствующих зверинцах африканские питоны, особенно иероглифовый, встречаются не реже своих американских родственников. Они, по-видимому, так же

легко, как последние, привыкают к своим хозяевам и при соответствующем уходе отлично выживают в неволе*.

Один питон, живущий в Австралии и Новой Гвинее, отделяется от своих родичей в особый род — **ромбические, или водяные, австралийские питоны** (*Morelia*), потому что отличается от них более боковым положением ноздрей и устройством головных щитков. Каждая ноздря открывается среди одного неразделенного щитка; на голове только сзади переднего щитка имеются две более крупные пары щитков, остальная голова покрыта мелкими неправильными чешуями; на переднем щитке и обоих передних щитках верхней губы имеются углубления.

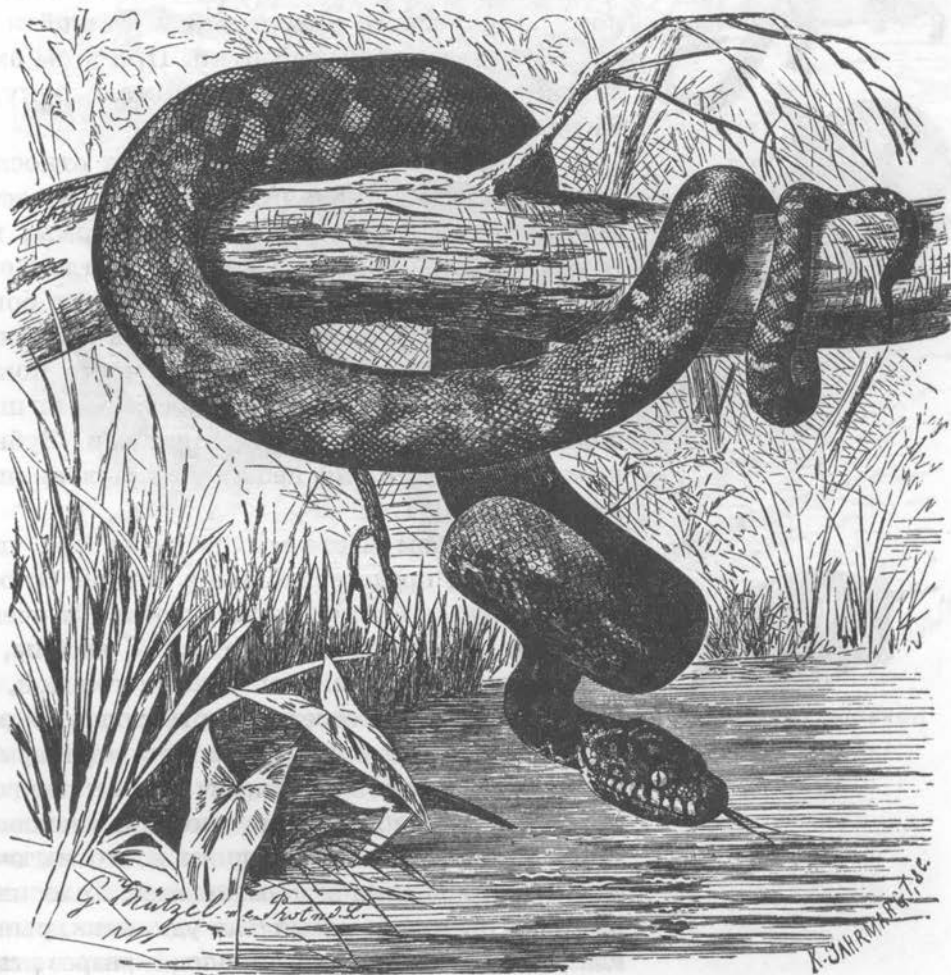
Ромбический питон (*Morelia spilota*) может считаться красивейшей из исполинских змей. Его окраска черного и желтого цвета в высшей степени разнообразного рисунка. Голова часто

черного цвета с желтыми пятнами, верхняя часть тела усыяна блестящими желтыми ромбами по сине-черному фону; нижняя сторона светло-желтого или соломенно-желтого цвета с серо-черными поперечными полосами и пятнами. У середины тела можно насчитать 45—50 рядов чешуй. Согласно Беннету, эта змея достигает в длину 4—5 м. Под названием «ковровая змея» часто различают другой вид, но Беннет справедливо считает его разновидностью первого.

По наблюдениям Лессона, ромбический питон живет преимущественно в сырых местах, часто в самой воде, по уверению же Старого Бушмена — на открытых местах, в сухую погоду, по большей части на равнинах, где лежит свернувшись в каком-нибудь углублении. В жаркое время года

Семейство ЛОЖНОНОГИЕ ЗМЕИ

* Любопытно, что иероглифовый питон был первым из позвоночных животных, которые заселили вулкан Кракатау после его опустошительного извержения в 1888 году.

Ромбический питон
(*Morelia spilota*)

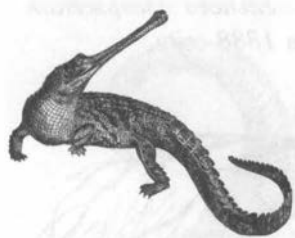
он приближается к воде и охотно держится общественно. Его пища состоит из мелких сумчатых крыс, мышей и птиц; у одного исследованного Беннетом экземпляра в желудке оказался кузу лисий, который был так мало поврежден, что его смогли препарировать и выставить в австралийском музее рядом с его убийцей. «Однажды, — рассказывает Старый Бушмен, — я видел, как этот питон очаровывал стайку маленьких лесных птичек. Он лежал под свалившимся деревом, на сухих ветках которого резвилась большая стая птичек, перепархивая и щебеча. Движения змеи были в высшей степени грациозны: она наполовину приподнялась, нагибала голову вперед и назад, двигала языком и, очевидно, старалась приманить жертву и привлечь ее к себе; вдруг она увидела меня и поспешно скрылась».

Этот вид питонов также скоро привыкает к неволе и даже до некоторой степени приручается. Беннет держал в клетке одного ромбического питона 2,5 м длиной и позволял ему иногда обвиваться вокруг своей руки. При этом змея единственно с целью крепко держаться так сжимала руку, что рука несколько часов потом плохо двигалась.

К представителям ложноногих относятся и удавы, к которым принадлежит значительная часть настоящих исполинских змей. Их тело очень вытянутой формы; хорошо образованная голова по большей части явственно отделяется от туловища; шея сравнительно тонка; туловище сжато с боков и сверху немного углублено вдоль посредине; хвост в различной степени способен свертываться и цепкий; голова часто покрыта вместо щитков чешуями; нижняя сторона хвоста одета широкими, всегда расположенными в один ряд щитками. Зубы сидят в верхней и нижней челюсти, на небной и крыловидных костях, но не на межчелюстных.

На первом месте мы поставим род удавчиков (*Eryx*), так как он имеет представителя и в Европе. От остальных ложноногих удавчики отличаются главным образом очень коротким хвостом, который не может свертываться и, вообще, гораздо менее подвижен, одетой мелкими чешуйками головой, явственным продольным желобком на середине подбородка, окраской и образом жизни. Тем не менее они очень близки к удавам как по внешним, так и по внутренним признакам. К уже перечисленным признакам рода можно прибавить, что передние челюстные зубы удавчиков лишь немного длиннее задних и что их очень мелкие чешуйки могут быть гладки или килеваты. Тело их умеренной длины и вальковато, голова несколько удлинена, рыло широко закруглено, глаза малы, зрачок вертикальный, разрез рта широкий. Ни один из губных щитков не имеет ямкообразного углубления.

В отличие от настоящих исполинских змей, предпочитающих всем другим местности, богатые водой и растительностью, удавчики, соответственно их немецкому названию

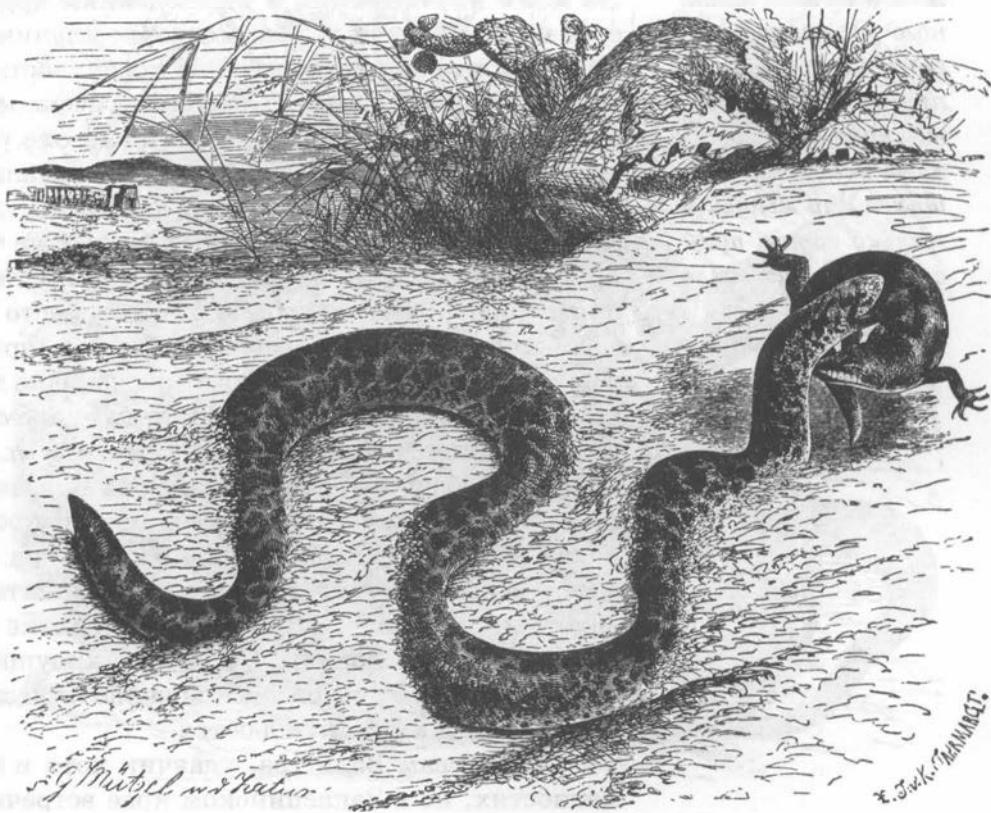
(Sandschlangen — песчаные змеи), живут именно на очень сухой и по возможности состоящей из мелкого песка почве степей и пустынь и охотятся здесь более под землей, чем на ее поверхности. Этот род, в котором до настоящего времени различают лишь 5—6 видов, живет в южной Европе, западной и южной Азии и северной Африке*.

Западный удавчик (*Eryx jaculus*) служит представителем этого рода в юго-восточной Европе. Он достигает в длину 66, самое большее 77 см, и его легко узнать и отличить от других европейских змей по короткому, тупо закругленному хвосту, маленькой, не отделенной от тела голове, одетой сверху мелкими, неправильными, кзади даже чешуеобразными щитками, и по шпорцевидным придаткам по бокам заднепроходной щели, которые представляют зачатки ног. Тело покрыто приблизительно 45 рядами чешуй, которые гладки и лишь на хвосте слабокилеваты. Лежащие сбоку ноздри очень узки, глаза малы. Основной цвет верхней стороны более или менее яркий желтоватосерый, который может переходить у

некоторых экземпляров в ржавый, у других в соломенный. Голова, за исключением черноватой полоски с каждой стороны, тянущейся от заднего края глаза к углу рта, одноцветна и разве что на затылке разрисована двумя широкими, посредине соприкасающимися черноватыми или темно-бурыми полосами; верхняя сторона тела и хвоста украшена расположенными в четыре продольных ряда более или менее четырехугольными пятнами того же цвета, которые самым различным образом сливаются между собой и благодаря разным оттенкам цвета образуют рисунки, похожие на ковер. Нижняя сторона всегда значительно светлее, или одноцветна, или имеет черные пятна. Наблюдались различные разновидности.

Семейство ложноногие змеи

* Сейчас насчитывают 10 видов удавчиков рода *Eryx*.

Западный удавчик
(*Eryx jaculus*)

* Любопытной особенностью западного удавчика является заготовка пищи как бы впрок: он сначала умерщвляет всех попадающих ему мышей и только потом приступает к их заглатыванию.

Область распространения западного удавчика ограничивается в Европе Балканским полуостровом, где на западе он был найден еще на Корфу; на востоке этот удавчик встречается до Алтайских гор, на юге — по всей западной Азии, в Африке — до Египта и Алжира. В Европе эта змея встречается довольно часто в Греции и населяет также некоторые греческие острова. В Азии она известна в Сирии, Палестине, Малой Азии, Аравии, Персии, Каспийской области и Туркестане. На севере Африки в пустынях вдоль всего берега, а также вдоль обоих берегов Нила до области верхнего течения его он принадлежит к обыкновенным змеям. По моим наблюдениям и наблюдениям других, удавчик встречается на местах, покрытых мягким сыпучим песком; это объясняется тем, что он охотится не на поверхности, а под нею и предметом этой охоты служат, вероятно, главным образом ящерицы, ведущие такой же образ жизни. В неволе удавчики показываются разве в том случае, если долго голодали и по движению над ними замечают или предполагают присутствие добычи. На последнюю они затем нападают и душат ее так же, как их более крупные родичи, пока она не умрет, и затем обычным способом приступают к заглатыванию*. Арабы часто ловят эту змею и другой близкий вид, но по большей части уродуют их, отрезая им язык. Такие пленники живут, правда, еще долгое время, но упорно отказываются от пищи и потому непременно рано или поздно гибнут; напротив, неповрежденные экземпляры живут в неволе годами. Особенного удовольствия они, впрочем, не доставляют даже самому усердному наблюдателю по той простой причине, что не показываются, а если их и вынуть из песка, то тотчас зарываются в него снова. Если удавчиков не беспокоить, то можно иногда не видеть их месяцами, а, переменяя в клетке песок, изумиться, что они еще существуют там. Напротив, живущие, подобно им, в песке ящерицы оказываются обыкновенно исчезнувшими. В воде для питья удавчики не нуждаются.

По словам Вальтера, удавчик хотя и водится лишь на низменностях, но в Закаспийском крае встречается не только в чистом песке, но также и в степи и по течению рек. Он появляется там лишь в апреле, и поймать его легче всего в темную ночь с фонарем. Два экземпляра этого вида выползли 19 мая из узких ходов в песке и начали играть, что, вероятно, должно было предшествовать совокуплению; когда их хотели схватить, то один скрылся, необыкновенно быстро зарывшись в песок.

Наиболее известный представитель рода обыкновенных удавов (*Boa*) — удав обыкновенный (*Boa constrictor*). Отличительные признаки этого рода: отсутствие ямок на губных щитках; гладкие чешуйки тела, расположенные приблизительно 90 продольными рядами, и ясно отделенная от шеи, плоская, спереди притупленная голова, покрытая чешуйками и лишь по краю рта — равномерно расположенными щитками.

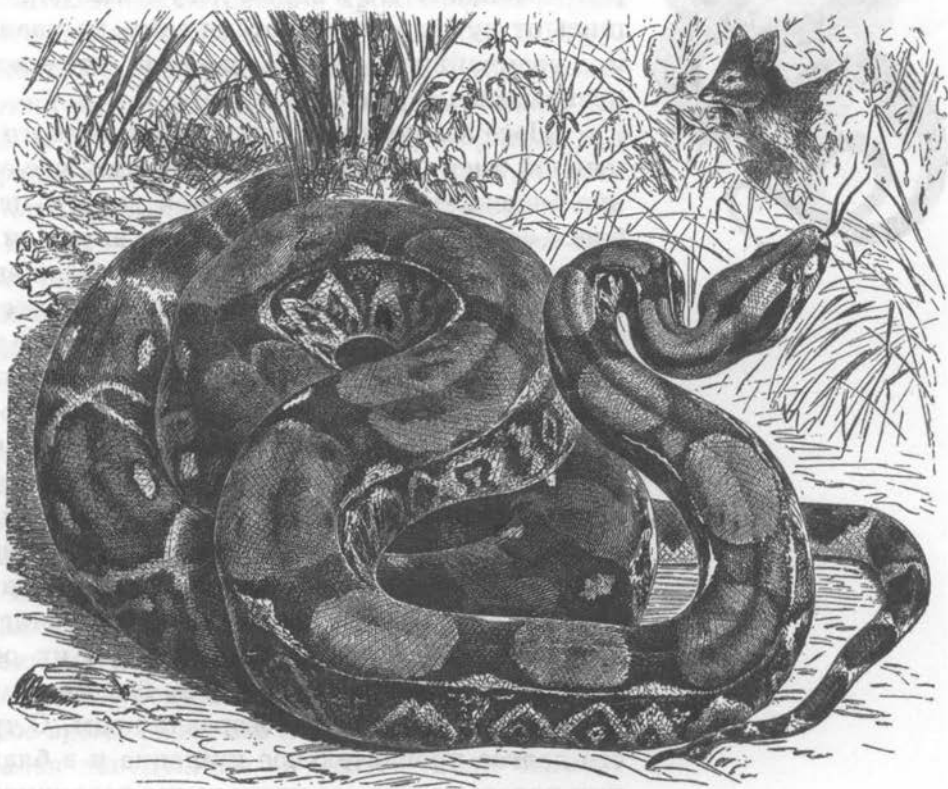
Обыкновенный удав принадлежит к самым красивым из всех змей вообще. Рисунок его очень изящен и приятен, хотя и состоит лишь из немногих и простых цветов. Основной цвет приятный красновато-серый; по спине пробегает широкая зубчатая продольная полоса, заключающая в себе яйцевидные, с обеих сторон выемчатые серо-желтоватые пятна; голова разрисована тремя продольными темными полосками. У молодых удавов цвета ярче, а яйцевидные пятна соединены по бокам более светлыми продольными линиями.

Длина взрослых животных достигает и даже превосходит

6 м. «Эта змея, — говорит принц фон Вид, — достигала прежде и даже достигает еще теперь (1825) в совершенно безлюдных местностях длины 20—30 футов, а может быть, и более. Еще теперь попадаются экземпляры толщиной в человеческое бедро, которые способны поймать и задавить коосулю. В Сертонге, в Бахиа и у Риаконде-Рессакве мне рассказывали об одном убитом там животном такой величины. В совершенно пустынных диких местностях еще и

теперь при их расчистке и обработке находят обыкновенно исплинские экземпляры этого вида». Шомбургк тоже утверждает, будто бы эта змея достигает длины 6—10 м. Но ни тот, ни другой путешественник не измеряли сами такую змею, и оба пересказывают, очевидно, лишь рассказы туземцев, в достоверности которых следует сомневаться.

При современном состоянии наших знаний рассказы прежних путешественников об удаве кажутся нам в высшей степени забавными. Именно о нем сочинялись всевозможные небылицы. Еще во времена Ласепада верили всем преувеличениям и сказкам, исходящим от путешественников, одаренных непомерно развитым воображением. «Если и отбросить кое-что из рассказов об удаве, особенно об его бесчувственности и оцепенении, то

Удав обыкновенный
(*Boa constrictor*)

все же несомненно, что в различных местностях, а именно на Панамском перешейке, путешественники наталкивались среди густой травы лесов на скрытых наполовину удавов. Иногда они переступали через них во время переваривания змеями пищи или, если можно верить рассказам, даже садились на них, считая этих животных за упавшие, покрытые травой древесные стволы, и при этом змея не трогалась. Только в том случае, когда близко от нее разводили огонь и тепло настолько оживляло ее, что она начала двигаться, путешественники замечали ее и в ужасе убегали». Ласепед основывается при этом на рассказе патера Симона, который сообщает, что в одном лесу Венесуэлы 18 испанцев, утомившись от путешествия, хотели сесть на упавший древесный ствол и, к величайшему ужасу, заметили, что этот ствол начал ползти и превратился в удава.

Ласепед полагает, что обыкновенного удава называют священной змеей (*Abgottschlange*) потому, что ему поклонялись древние мексиканцы. «Его ужасная сила и исполинская величина, блеск его чешуй и красота цветов внушали чувство изумления и ужаса некоторым народам, которые были еще недалеко от первобытного состояния. Но, так как все удивительное и страшное, все то, в чем можно видеть большое превосходство над другими существами, легко возбуждает в непросвещенных умах представление о сверхъестественном существе, то и древние обитатели Мексики всегда со священным ужасом взирали на удава и боготворили его. Они полагали, что такая большая и движущаяся с такой быстротой масса может быть приводима в движение лишь дыханием божества, или считали эту змею служителем небесных сил. Вследствие этих выдающихся качеств удава они дали ему имя своего царя. К нему они обращались с молитвами, а, следовательно, он служил и предметом их особого внимания. Ни одно его движение не осталось незамеченным, ни одно из действий не было для них безразличным. С трепетом слушали они его долгое пронзительное шипение и в благочестивом заблуждении полагали, что все проявления различного расположения духа этого удивительного и божественного существа могли предвещать им их судьбу. Шипение удава в глазах мексиканцев предвещало всегда большое несчастье и приводило их в ужас. Высшее божество мексиканцев, Витцлипутцли, изображается со змеей в правой руке, а в храмах и на алтарях этого идола, которому приносились человеческие жертвы, тоже находится изображение этой змеи». Я оставляю, конечно, открытым вопрос, действительно ли мексиканцы поклонялись обыкновенному удаву или близкому виду этого рода, водящемуся в Мексике, не отваживаюсь также решать, действительно ли существовало это поклонение или нет, но считаю возможным, что название божественной змеи произошло от идолопоклоннических обрядов, похожих на те, которые негры проделывают по отношению к змеям в Южной и средней Амери-

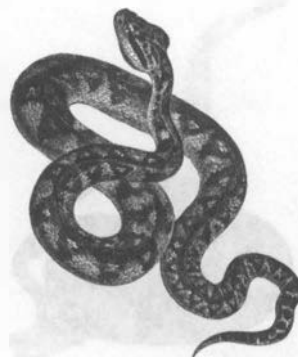

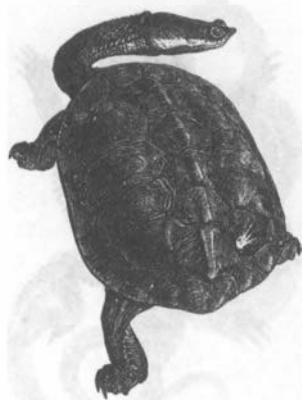
ке. Среди ныне живущих индейцев все змеи, насколько мне известно, утратили подобное значение, если и имели его когда-либо; напротив, среди негров поклонение змеям, как уже было замечено, играет важную роль.

Область распространения обыкновенного удава, по-видимому, менее обширна, чем обычно считали, так как часто смешивали исполинских змей разных видов. Можно считать установленным, что он занимает совершенно замкнутую область распространения к северу от Рио-де-Жанейро и Кабо-Фрио в средней и северной Бразилии, во всей Гвиане, в Венесуэле и на некоторых из более южных Малых Антильских островов и проникает на запад, в области верхнего течения Амазонки до Андос Эквадора и Перу. Принц фон Вид и Шомбургк единогласно говорят, что он держится лишь в сухих жарких местностях, лесах и кустарниках. Он живет в норах в земле и расщелинах скал, между корнями и в других убежищах, нередко маленькими обществами из 4, 5 и более экземпляров, а также поднимается иногда на деревья, чтобы подстергать добычу. В воду он не идет никогда, между тем как некоторые родственные любят ее.

Если бы можно было проследить поведение удава ночью, то мы получили бы совершенно другое представление об его характере, чем то, которое имеем теперь. Правда, он и днем не пропустит подвернувшуюся добычу, но настоящая охота удава начинается, несомненно, лишь с наступлением сумерек. Это достаточно ясно доказывается поведением его на свободе и в неволе. Все путешественники, которые бродили по лесам Южной Америки и встречались с обыкновенными удавами, говорят единогласно, что эти змеи неподвижно или, по крайней мере, вяло оставались на одном месте и обращались в бегство лишь тогда, когда противник приближался к ним на несколько шагов. Шомбургк встретился на одной из своих экскурсий с большим удавом, который, наверное, уже некоторое время видел его и его спутника-индейца, но не скрылся, а остался неподвижно на месте. «Если бы этот предмет, — говорит путешественник, — бросился мне в глаза прежде, то я принял бы его за конец торчащей кверху ветви. Несмотря на убеждения и страх моего спутника и нежелание моей собаки, я скоро решился, по крайней мере, сделать попытку убить это животное. Здоровая дубина в качестве оружия для нападения была скоро найдена. Змея все еще неподвижно протягивала голову над чащей; я осторожно приблизился, чтобы иметь возможность достать до нее своим оружием и нанести оглушающий удар; но в то самое мгновение, как я хотел сделать это, животное исчезло под зеленым покровом, и шуршащее движение листьев папоротников показало мне, что удав обратился в бегство. Густота зарослей не давала мне проникнуть в них, но движение растений указывало направление, которого держалась убегающая змея. Она скоро снова приблизилась к опушке, вдоль которой я спешил, чтобы

*Семейство
ложноногие змеи*

держаться на одной линии с нею. Вдруг движение папоротников прекратилось, и голова змеи высунулась сквозь зеленый кров листьев, вероятно, чтобы осмотреться, где преследователь. Счастливый удар так сильно поразил ее голову, что она, ошеломленная, свалилась на землю; прежде чем она пришла в себя, я нанес ей еще несколько ударов. Как хищная птица на голубя, бросился я теперь на свою добычу, опустился на нее коленями и, обхватив обеими руками шею, сдавил ей горло. Убедившись, что настоящая опасность миновала, индеец поспешил на мой зов, отстегнул у меня одну из подтяжек, сделал петлю, наложил ее выше моей руки вокруг шеи удава и как можно сильнее стянул ее. Густая чаща мешала судорожным извивам сильного животного и тем помогла овладеть им».

Принц фон Вид говорит, что в Бразилии обыкновенного удава убивают палкой или ружейным выстрелом. Опытные и смысленные охотники в Бразилии смеются, если их спросить, опасна ли эта змея и для людей; лишь невежественная народная масса рассказывает об этих животных фантастические истории, которые, однако, всегда опровергаются знатоками и основательными наблюдателями.

Пища удава состоит из мелких млекопитающих и птиц различного рода, особенно агути, пака, крыс и мышей. Что удав не щадит и яиц, доказывают содержащиеся в неволе особи, которые, по-видимому, проявляют к ним большую жадность. Старые экземпляры отваживаются, говорят, нападать на животных величиной с собаку или косулю. Один бразильский охотник рассказывал принцу фон Виду, что раз он услышал в лесу крик своей собаки и, приблизившись, увидел, что большой удав схватил ее за бедро, обвился вокруг нее и так сдавил, что у собаки выступила из горла кровь. Истории, сообщенные Гарднером, и подобные им, будто бы американские исполинские змеи проглатывают лошадей или людей, относятся к области басен.

Живущие на свободе, без сомнения, пожирают лишь добычу, которую умертвили сами, но не падаль; в неволе же их можно постепенно приучить есть и падаль. Так, Эффельдт кормил своих удавов всегда мертвыми крысами, так как живые производили в ящике слишком большой беспорядок, и змеи никогда не оставляли такую падаль нетронутой; им даже, по-видимому, нравилось, если крысы были несколько загнившими, что говорит в пользу существования у них обоняния.

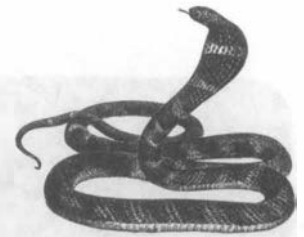
О размножении удавов на свободе я не имею никаких подробных сведений; в неволе наблюдали, что они рождали живых детенышей. Принц Вольдемар Прусский убил одну беременную самку обыкновенного удава, 12 яиц которой были уже настолько зрелыми, что детеныши достигали длины от 30 до 50 см. Вестерману посчастливилось видеть, как в неволе удавы с успехом приступили к размножению: змея, о которой идет речь, родила нескольких живых детенышей и вместе с ними несколько яиц.

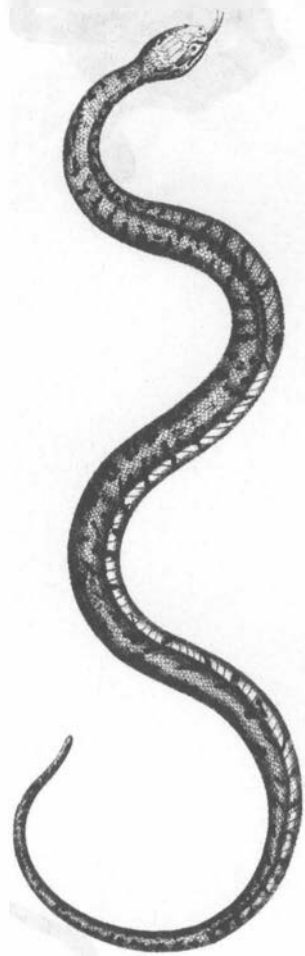

В восточной части Южной Америки убитые удавы различным образом употребляются в дело. Мясо, как говорят, едят негры; жир считается надежным средством против различных болезней; кожу обыкновенно дубят и изготавливают из нее сапоги, чепраки и тому подобное; негры обвивают ее также вокруг тела, считая предохранительным средством от различных болезней.

Удавов, привозимых живыми в Европу, ловят обыкновенно в петли, которые расставляют перед их логовищем. По степени гладкости входа, где толстое, тяжелое тело всегда оставляет след, узнают, обитаема ли данная нора или нет, и в первом случае укрепляют перед входом в нее петлю. Пойманное животное, говорят, сильно бьется и извивается, но лишь редко случается, чтобы оно задохнулось, так как, легко погибая от ранений, оно, по-видимому, оказывается довольно нечувствительным к давлению и удару. Убедившись ранее на опыте в живучести змей, Шомбургк тщательно связал пришибленного им удава и прикрепил его к столбам хижины. Оказалось, что эта предосторожность была совершенно оправданна. «Резкий необузданный хохот и громкое странное шипение, — рассказывает наш исследователь, — разбудили меня утром. Я поспешно соскочил с гамака и вышел из хижины. Змея действительно оправилась и старалась, делая страшные усилия, освободиться от пут. Вокруг нее собрались индейцы, которые дразнили ее, увеличивая ее гнев и ярость. Язык удава был в непрерывном движении. Если к нему приближались во время шипения, то чувствовался мускусный запах. Чтобы как можно скорее положить конец мучениям змеи, я выстрелил ей в голову».

Истребляя мышей и крыс, удав, как мы слышали, оказывается весьма полезным в амбарах бразильских купцов и плантаторов, поэтому считается почти домашним животным и пользуется иногда таким доверием, что даже ночью спит в одной комнате с хозяевами. Его умеренность или способность без вреда голодать целые месяцы еще более увеличивает его ценность и вместе с тем облегчает пересылку. Это делается крайне просто. Змею упаковывают в большой ящик, забивают его гвоздями, проделывают несколько отверстий для воздуха и предоставляют его судьбе. Вследствие этого пренебрежительного обращения и, вероятно, пробуждающегося голода она обыкновенно достигает места назначения в довольно неприветливом расположении духа, оказывается злой, готовой к нападению и долго упрямится, прежде чем решится приняться за еду; но скоро раздраженное состояние начинает уменьшаться, а когда она начинает есть и несколько привыкает к хозяину, то с нею легко иметь дело. Условия, необходимые для того, чтобы удав чувствовал себя хорошо, — это большая теплая клетка со стволами и ветвями для лазания и вделанным в дно большим корытом для купания. Употребляемые в зверинцах ящики вовсе поэтому не соответствуют потребностям

животного, а шерстяные одеяла, в которые его закутывают, думая согреть, могут принести больше вреда, чем пользы. Дело в том, что не раз наблюдали, как в неволе исполинские змеи, может быть под влиянием голода, проглатывали свое одеяло. В Берлине у одного удава шерстяное одеяло оставалось в желудке 5 недель и 1 день. В течение этого времени он очень много пил и обнаруживал признаки недомогания, пока не начал, ночью, между 11 и 12 часами, выбрасывать обратно шерстяную массу и наконец счастливо освободился, с помощью сторожа, от неперевариваемого куска. То же случилось почти одновременно и в Лондонском зоологическом саду, а позднее в Jardin des plantes в Париже. Одеяло, которое проглотил живший здесь трехметровый удав, имело 2 м в длину и 1,6 м в ширину и оставалось в желудке с 22 августа до 30 сентября. Наконец змея открыла пасть, в которой показался конец одеяла; за этот конец схватился сторож, но не тянул его; удав обвился хвостом вокруг находившегося в клетке дерева и стал подаваться назад, так что все одеяло вышло обратно неповрежденным, но приняло форму валька длиной почти 2 м, который в самом толстом месте достигал в поперечнике 12 см. После этого происшествия змея оставалась 10 дней вялой, но потом совершенно оправилась.

В тех же странах, которые служат родиной обыкновенного удава, живет и знаменитая обыкновенная анаконда, принадлежащая к тому же семейству, но очень сильно отличающаяся по образу жизни и служащая представителем рода **анаконд** (*Eunectes*). Она отличается от обыкновенного удава и своих родичей тем, что носовые щитки — с закрывающимися ноздрями и соприкасаются между собой на середине морды, и тем, что покров головы перед глазами состоит из более крупных, довольно правильно расположенных щитков. Голова, по сравнению с длиной и толщиной тела, мала и практически не отделена от шеи. Форма головы продолговато-яйцевидная и сплющена сверху, морда закруглена, тело толстое, хвост тупой и короткий; 55—60 рядов чешуек окружают середину тела.

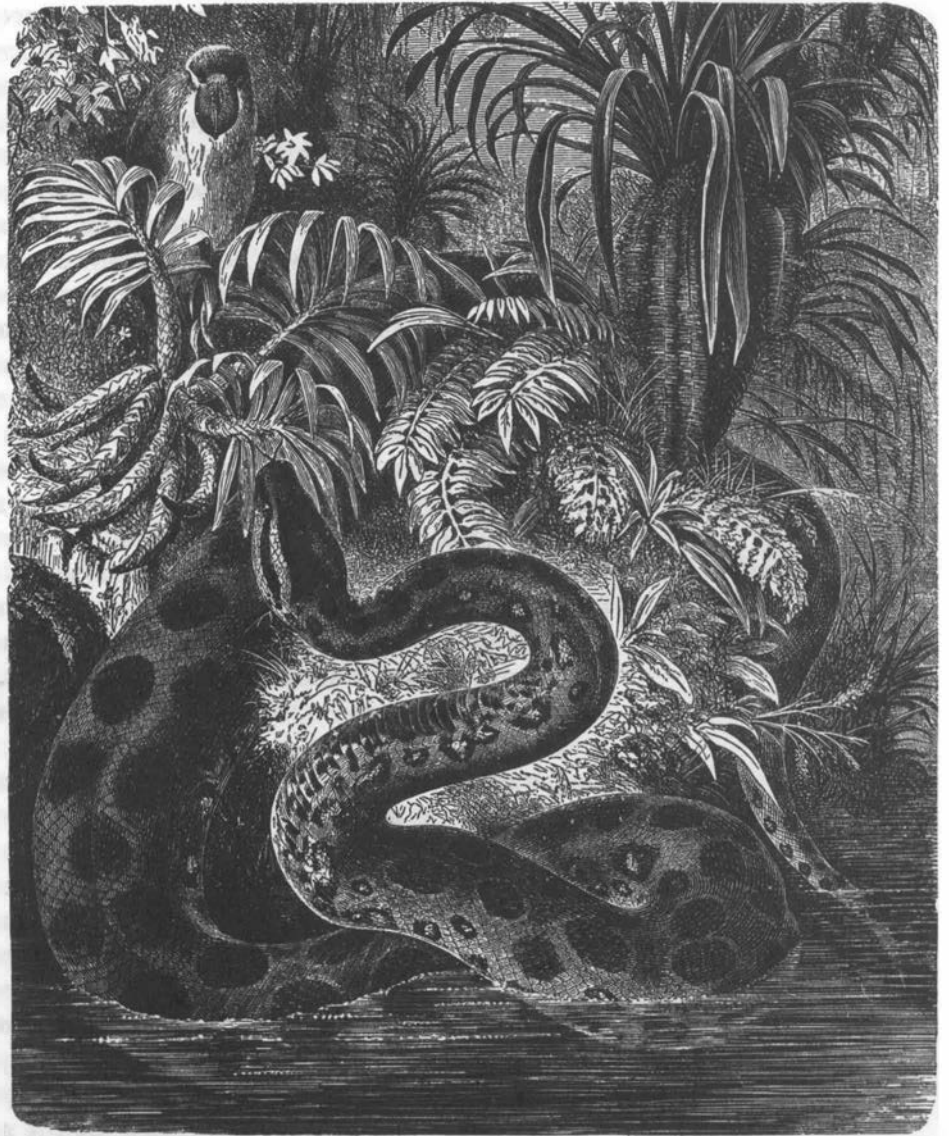
Обыкновенная анаконда (*Eunectes murinus*), по словам принца фон Вида, который подробно описывает ее, обладает очень постоянной и характерной окраской. Верхняя поверхность темно-оливково-черного цвета, бока головы оливково-серые, нижние края челюстей более желтоватые; от области лба между глаз, радужная оболочка которых темна и малозаметна, тянется к затылку широкое грязно-желто-красное пятно, окаймленное с боков черным цветом, а под ним, тоже от глаз, следует вниз, над углом рта, черно-бурая полоса, которая резко отличается от пятна на верхней части головы. Нижние части животного до половины высоты боков усеяны на бледно-желтом фоне черноватыми пятнами, которые в некоторых местах образуют две прерывающиеся продольные линии; рядом с этими пятнами находятся два ряда

кольцеобразных черных с желтой серединой глазчатых пятен, а от головы до конца хвоста тянутся по верхней стороне два ряда круглых или кругловатых, отчасти расположенных попарно, отчасти чередующихся черно-бурых пятен, которые на шее и над заднепроходным отверстием обыкновенно стоят рядом, а в остальных частях тесно сближены и могут соединяться в поперечном направлении.

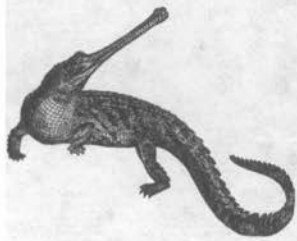
Из исполинских змей Нового Света анаконда самая большая. Самая крупная змея этого вида, измеренная Гюнтером, равнялась 29 футам, или 8,29 м. Фишер упоминает об измеренных им самим экземплярах длиной 7,13 и 7,58 м. Одна змея этого вида, которую исследовал Бэтс, имела в длину более 6 м, и обхват ее по середине тела составлял 60 см. Шомбургк рассказывает, что он убил несколько экземпляров длиной 5 м; то же подтверждают и данные принца фон Вида. Но Каплер определенно говорит об анаконде, которую он сам убил и измерил: «Она без головы и хвоста была длиной 26 рейнских футов, а, следовательно,

вся длина равнялась почти 30 футам, а толщина — обыкновенной толщине тела мужчины». Несомненно, что анаконда — сильная, внушающая почтение змея, которая, вместе с живущим в Индии сетчатым питоном, самая большая из всех известных змей.

«Все рассказы и названия, — говорит принц фон Вид, — указывающие на пребывание в воде или около воды, относятся к

Обыкновенная
анаконда
(*Eunectes murinus*)

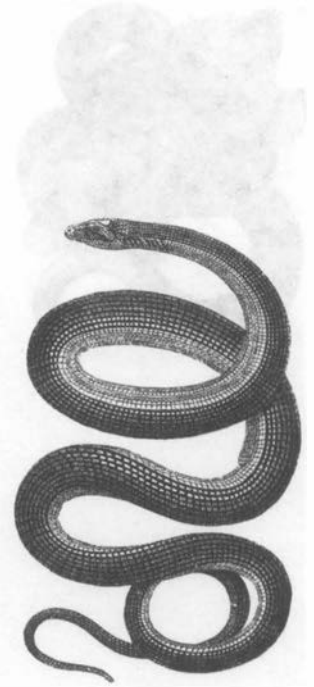
этому виду. Он по большей части живет в воде и может очень долго оставаться на глубине, но часто выходит на берег на старые древесные стволы, обломки скал или на горячий песок, чтобы греться здесь на солнце или съесть добычу. Анаконда представляет течению реки нести ее, ловит здесь рыбу или ложится на обломок скалы в засаду, подстерегая водосвинок, агути, пака и тому подобных животных. В реке Бельмонте мои охотники увидели торчащие из воды четыре ноги млекопитающего, которое они приняли за мертвую свинью; но когда они подошли ближе, то заметили исполинскую змею, которая несколько раз обвилась вокруг большой водосвинки и задушила ее. Охотники тотчас два раза выстрелили в чудовище, а ботокуд всадил в нее стрелу. Лишь теперь змея оставила добычу и, несмотря на рану, быстро удалилась, как будто бы с ней ничего не случилось. Мои люди взяли свежую, только что задушенную водосвинку и возвратились, чтобы рассказать мне об этом случае. Так как для меня было крайне важно добыть эту замечательную змею, то я тотчас послал охотников снова, чтобы отыскать ее; но все труды пропали даром. Дробины потеряли в воде силу, а стрелу нашли сломанной на берегу, где змея освободилась от нее».

Анаконда питается различными млекопитающими и птицами. Она проводит много времени на дне, лежит отдыхая в глубине, но иногда высовывает над поверхностью воды свою голову, наблюдая за берегом, или плывет вниз по течению, в поисках всякого рода добычи. Жители сильно ненавидят ее за разбой. Шомбургк убил змею, которая только что схватила и задушила одну из больших ручных мускусных уток; посетив одну плантацию, он узнал, что анаконда нападает иногда и на домашних четвероногих, например свиней. Другие исследователи подтверждают эти данные. «Когда мы, — рассказывает Бэтс, — стояли на якоре в гавани Антонио Малагета, мы испытали неприятное посещение. Сильный удар в борт моей лодки, за которым последовал звук падающего в воду тяжелого тела, разбудил меня около полуночи. Я поспешно встал, чтобы посмотреть, что случилось. Все уже успокоилось, и лишь куры в корзине, привязанной к борту судна на высоте около 2 футов над уровнем воды, были беспокойны и кудахтали. Я не мог объяснить себе это; мои люди были на берегу, поэтому я возвратился в каюту и проспал до утра. Проснувшись, я нашел, что куры бегают по лодке, и при ближайшем исследовании в корзине для кур оказалась большая дыра; двух кур не доставало. Синьор Антонио заподозрил в этом преступлении анаконду, которая, как он говорил, охотилась в этой части реки несколько месяцев назад и утащила множество уток и кур. Сначала я был склонен сомневаться в этом и скорее подозревал каймана, хотя мы уже некоторое время не видели в реке ни одного; однако спустя несколько дней я имел случай убедиться, что Антонио был прав. Молодые люди из раз-

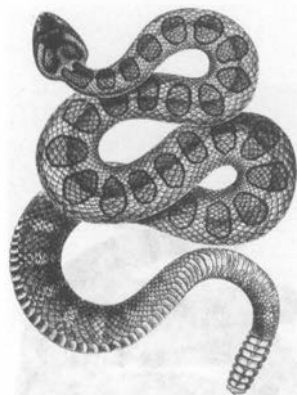
личных поселений собрались на охоту за хищником, начали правильное преследование, исследуя все мелкие островки по обоим берегам реки, и наконец нашли змею в устье одной илистой речки, где она лежала на солнце. Они убили ее метательными копьями, и на следующий день мне удалось увидеть ее; при измерении оказалось, что это был не особенно большой экземпляр: его длина равнялась 6 м, обхват — лишь 40 см».

Именно относительно анаконды утверждают, что она иногда нападает на человека, и, может быть, к ней относится уже приведенный рассказ принца Морица Нассауского. Шомбургк рассказывает буквально следующее: «В Марокко (одна из миссий в Гвиане) все были еще ошеломлены нападением исполинской змеи на двух жителей миссии. Незадолго до этого один индеец из миссии поехал с женой вверх по реке на охоту за птицами. Он выстрелил в утку, и она упала на берег. Спеша к добыче, охотник был внезапно схвачен большой анакондой, или комути, как ее здесь называют. Не имея с собой никакого оружия (ружье он оставил в челноке), охотник крикнул жене, чтобы она принесла ему большой нож. Едва жена приблизилась к нему, как чудовище схватило и обвилось и вокруг нее, но индейцу, к счастью, удалось в этот момент высвободить руку и нанести змее несколько ран. Ослабленная ими, она наконец оставила их и обратилась в бегство. Это был единственный известный мне случай, когда анаконда напала на людей». В высшей степени вероятно, что голодная змея намеревалась напасть на утку, а не на индейца и в слепой хищности вцепилась в него. Однако бывают и другие случаи. «В Эге, — рассказывает Бетс, — большая анаконда раз чуть не съела 10-летнего мальчика, сына одного из моих соседей. Отец и сын хотели набрать диких плодов и высадились на песчаный берег. Мальчик остался стеречь лодку, а отец пошел в лес. В то время как мальчик играл в воде под тенью деревьев, вокруг него обвилась большая анаконда, которая незаметно приблизилась к нему настолько, что он не мог уже спастись бегством. К счастью, на его крик своевременно подоспел отец, который тотчас схватил анаконду за голову, раскрыл ей челюсти и освободил мальчика». Александр Гумбольдт тоже говорит, что большие водяные змеи представляют опасность для индейцев во время купания. Тем не менее, эти исключения не могут опровергнуть установленного принцем фон Видом правила, что нераздраженная анаконда безопасна для человека и никто ее не боится*.

После обильной трапезы анаконда, как и вообще все змеи, становится вялой, но никогда не бывает при этом до такой степени неподвижной, как рассказывают. Во всем, что говорилось о пище и неподвижности во время пищеварения, заключается, как указывает принц фон Вид, «известная доля правды, но она всегда очень преувеличена». Шомбургк замечает, что запах, исходящий от анаконды во время пищеварения, отвратителен, и по большей

**Анаконда практически не нападает на человека. Все известные случаи следует считать либо существенным преувеличением, либо случайной ошибкой змеи, которая видит в воде лишь часть тела человека и может понять его движения как угрозу для себя.*

части, руководясь им, можно прийти к месту, где лежит переваривающая пищу змея. По словам Ватертона, остается еще спорным, происходит ли эта вонь от разлагающихся кусков добычи или от известных желез, которые находятся, как говорят, около заднепроходного отверстия.

Гумбольдт первый из естествоиспытателей упоминает, что анаконда зарывается в ил и впадает в состояние оцепенения, когда высыхают воды, в которых она живет. «Индейцы часто находят, — говорит он, — громадных исполинских змей в этом состоянии и, как говорят, чтобы разбудить, их раздражают или поливают водой». Впрочем, такая зимняя спячка наступает лишь в известных частях Южной Америки, но не в тех странах ее, где не бывает ни холода, ни невыносимой жары или засухи. Здесь, по уверению принца фон Вида, не случается никаких значительных перемен в образе жизни анаконды и все, что говорили о зимней спячке ее, не относится к лесам Бразилии. Вечно богатых водой лесных долинах, где она живет не в настоящих болотах, а в широких озерах, реках и ручьях, берега которых освежаются тенью старых деревьев девственного леса, она остается подвижной и зимой, и летом. Однако жителям известно, что в жаркое время, т. е. в декабре, январе и феврале, так как в это время в ней пробуждается уже половое стремление, она движется больше и чаще показывается, чем в остальное время года.

Во время спаривания, по словам того же исследователя, которые вполне подтверждает и Шомбургк, часто бывает слышно странное ворчание анаконды. О самом совокуплении, т. е. о времени и способе его, не известно ничего. Шомбургк говорит, что детеныши выходят из яиц еще в брюхе матери и что число их часто доходит до сотни, а Каплер нашел в теле убитой им анаконды «78 кожистых пузырей длиной 6 дюймов, в которых находилось по змее длиной 1,5 фута и толщиной в большой палец. Все детеныши были мертвы». Шлегель тоже вынул из тела присланной ему из Суринама анаконды штук 20 яиц, в которых зародыши почти полностью развились и достигли длины 30—45 см. Однако детеныши могут, по-видимому, являться на свет и недоношенными, так как одна анаконда из зверинца Дитера отложила 26 мая 36 яиц; их поместили между шерстяными одеялами и держали при температуре 36 градусов, и они успешно развивались до 18 июня, когда вылез бодрый и свежий первый детеныш толщиной приблизительно в палец. На свободе детеныши, по-видимому, тотчас после рождения отправляются в воду, но еще долго держатся вместе и располагаются обществом на соседних прибрежных деревьях. Это указание подтверждается и Шомбургком. «Несколько исполинских змей, — рассказывает он, — по-видимому, избрали берега реки для рождения детенышей; на деревьях, свешивающихся над рекой, находилось множество этих змей длиной около 2 м и соответственного возраста. Если мы начинали

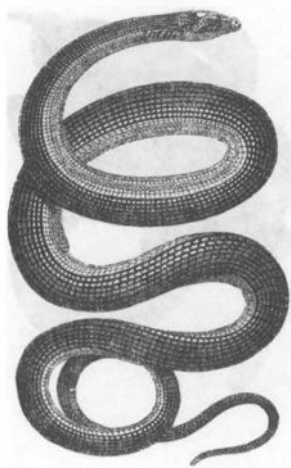
трясти ствол дерева, свесившегося над рекой, то каждый раз несколько штук падали вниз в челноки».

Читая старые описания путешествий, не удивляешься более, что еще и сегодня верят в страшные случаи борьбы между людьми и анакондами или другими исполинскими змеями. Патер Мантон говорит, что видел сам, как анаконда ловила рыбу. По его словам, она выплевывает на воду массу пены для того, чтобы привлечь рыб, ныряет и, когда пена окажет свое действие, появляется и опустошает реку от немых обитателей глубины. Однажды патер видел, как взрослый большой индеец, стоявший по пояс в воде, был проглочен змеей, видел также, что он на следующий день был выплюнут обратно. Другие рассказчики придумывают или преувеличивают таким же образом. Штедман описывает очень яркими красками свою охоту на одного из этих чудовищ. Путешественник был болен лихорадкой и лежал в гамаке, когда часовой сказал ему, что в кустарнике на берегу движется что-то черное, по-видимому человек. Бросили якорь и поехали в челноке к указанному месту. Один невольник различил, что черный предмет — это исполинская змея, и Штедман приказал повернуться назад; но невольник хотел непременно напасть на змею и возбудил тем дух соревнования в европейце, который, несмотря на нездоровье, пошел к змее с заряженным ружьем, между тем как один из солдат нес за ним еще три ружья. Едва они прошли по илу и кустарнику 50 шагов, как невольник закричал, что видит змею. Громадное животное лежало всего в 5 м от них под листьями двигало языком; глаза его сверкали. Штедман положил ружье на сук, прицелился, выстрелил, но попал пулей не в голову, а в тело. Змея стала страшно биться и точно скосила кустарник вокруг, сунула в воду хвост и стала бросать им на преследователей такую массу ила, что они думали лишь о том, как бы поскорее дать тягу и прыгнуть в челнок. Когда они пришли в себя, невольник предложил повторить нападение. Змея, полагал он, через несколько минут успокоится и не будет думать о преследовании. Штедман еще раз ранил ее, но тоже легко и получил такой заряд ила, как в сильнейшую бурю. Опять мужественные бойцы убежали в челнок и потеряли охоту к дальнейшим нападениям; но невольник не отставал. Теперь выстрелили все трое и попали змее в голову. Негр был вне себя от радости, принес веревку, набросил все еще извивавшейся змее петлю на шею, и тогда ее с большим трудом стащили в воду, привязали к челноку и поплыли обратно к барке. Змея была еще жива и плыла, как угорь. Длина ее равнялась 7 м, толщина была настолько значительна, что она совершенно наполняла жилет 12-летнего негра.

Нечего удивляться, что после таких рассказов и Шомбургк сначала боялся нападать на замеченную его индейцами анаконду. «Чудовище, — рассказывает он, — лежало на толстой ветви нависшего над рекой дерева, свернувшись как якорный канат, и

Семейство
ложноногие змеи

грелось на солнце. Я уже видел действительно больших анаконд, но такой великан мне еще не попадался. Долго боролся я с собою и был в нерешимости, напасть или спокойно проехать мимо. Все страшные картины, в которых мне рисовали громадную силу этой змеи и от которых я дрожал еще ребенком, всплыли теперь в моей памяти. А заявление индейцев, что, если мы не раним анаконду смертельно первым выстрелом, она, без сомнения, нападет на нас и опрокинет маленький челн, обвинившись вокруг него, как неоднократно бывало. Ужас на лице Штеккле (слуга-немец), который заклинал меня моими и своими родителями не подвергать нас легкомысленно таким опасностям, побудил меня оставить мысль о нападении и спокойно проехать мимо. Но едва мы отъехали от этого места, как мне стало стыдно своей нерешительности, и я заставил гребцов вернуться. Я зарядил оба ствола ружья самой крупной дробью и несколькими картечинами; то же сделал и самый храбрый из индейцев. Медленно возвратились мы к дереву; змея лежала на прежнем месте. По данному знаку мы одновременно выстрелили; громадное животное свалилось вниз, и после нескольких судорожных движений его понесло течением. Мы с ликованием понеслись на своем судне вслед за змеей, скоро догнали ее и втащили в челнок. Хотя все убедились, что она давно уже умерла, Штеккле и Лоренц вовсе не считали себя в безопасности около нее; оба героя с жалобами и воем бросились на дно лодки, увидев лежащее перед ними и от времени до времени двигавшее хвостом животное длиной 5 м. Легкостью, с которой мы овладели анакондой, мы обязаны действию картечин, из которых одна раздробила спинной хребет, другая — голову. Такая рана, особенно в голову, мгновенно делает неподвижной, как я имел случай неоднократно заметить позднее, даже самую громадную змею. Крик и выстрелы заставили возвратиться и оба челнока, которые уплыли вперед; однако господин Кинг сделал мне несколько замечаний относительно моего предприятия, вполне подтверждая слова индейцев. В одно из его путешествий такое чудовище, длиной почти 6 м, было убито лишь седьмой пулей».

Каплер следующим образом описывает, как он убил испанский экземпляр, размеры которого были уже приведены. «Когда в ноябре 1838 года я возвращался в пост Никкери на большом судне, в котором мы привезли необходимую воду для питья, гребцы обратили мое внимание на большую змею, лежавшую у берега. Я видел сначала лишь покрытую илом и намытыми листьями кучу, и лишь когда рулевой ткнул в нее шестом, которым правил, можно было различить пятнистую кожу животного. Удар, нанесенный шестом, сломал бы человеку ребра, но чудовище точно не почувствовало его. Лишь когда я выстрелил в него мелкой дробью, оно подняло голову из середины клубка, но тотчас снова опустило ее. Мы были у самого берега и находились от змеи на расстоянии около 6 футов; голову она снова втянула в середину.

Я выстрелил второй раз. Теперь змея с быстротой, какой нельзя было ожидать от такого вялого животного, поднялась, обдав нас илом, взлетевшим вверх на 12 футов, и с раскрытой пастью бросилась на меня. Это нападение было так неожиданно, что я бросился стремглав в судно. Между тем рулевой, сильный негр, напал на бешеное животное с шестом; анаконда обвилась вокруг шеста и вцепилась зубами в твердое дерево. Я тем временем оправился от испуга, зарядил ружье и убил животное на месте выстрелом в голову. Затем мы общими силами втащили змею на судно, где я отрубил ей голову и хвост и выбросил их за борт, так как иначе негры не хотели брать ее с собой».

В противовес таким рассказам, справедливость которых я вовсе не хочу оспаривать, мне кажется необходимым привести еще некоторые данные принца фон Вида. «Обыкновенно, — говорит этот во всех отношениях надежный исследователь, — анаконду убивают дробью, но ботокуды пользуются и стрелами, если могут достаточно приблизиться к ней, так как на суше она движется медленно. Догнав змею, ее бьют по голове или стреляют в голову. Ее нелегко умертвить стрелой, попавшей в тело, так как анаконда живуча; она уползает со стрелой в теле и обычно выздоравливает. Жители Бельмонте убивали этих змей, почти совершенно отрубали им голову, вынимали из тела все внутренности и большое количество находившегося там жира, и тело все-таки двигалось еще долгое время, даже после того, как шкура была содрана. Анаконду преследуют без пощады, где найдут. Ее толстую кожу дубят и делают из нее попоны, сапоги и чемоданы. Белый жир, которого в известные времена года у нее бывает очень много, в большом употреблении, а ботокуды едят мясо анаконды, если это животное попадает случайно им в руки».

Кроме людей, у взрослых анаконд едва ли есть какие-либо враги; по крайней мере, я считаю, все рассказы об ужасных битвах между крокодилами и водяными змеями за пустую болтовню, чтоб не сказать за ложь. Напротив, детенышей с таким же рвением преследуют все южноамериканские враги змей, как и других мелких представителей этого отряда.

В наших зверинцах и зоологических садах живых анаконд можно видеть так же часто, как и обыкновенных удавов. Уход за ними такой же, и то, что можно сказать о жизни в неволе одной из этих змей, относится и к другой.

Под названием **узкобрюхих удавов** (*Corallus*) выделяют четыре вида из остальных представителей этого семейства. Как и у обыкновенного удава, голова и тело их одеты гладкими чешуйками, которые на передней части головы позади морды превращаются в несколько крупных одинаковых щитков. Эти змеи особенно отличаются тем, что каждая сторона рыльцевого щитка и большая часть верхнегубных имеют по глубокой ямке и всегда между носовым щитком и глазом находятся два или более уз-

дечных щитков, расположенных в виде продольного ряда. Тело сильно сжатое, хвост, как и у предыдущих форм, способен к хватанию. Кроме того, как считает Шомбургк, характерным признаком является то, что у одного из видов более длинные зубы сильнее развиты в нижней челюсти, чем в верхней. Узкобрюхие удавы населяют тропическую Америку.

Собакоголовый удав (*Corallus caninus*) достигает длины 3—4 м, но экземпляры такой величины попадаются редко. Цвет верхней стороны прекрасный лиственно-зеленый, темнеющий вдоль средней линии и испещренный по бокам резко выступающими, чисто белыми двойными пятнами и поперечными полукольцами; нижняя сторона желто-зеленая.

В настоящее время еще не установлено с достаточной достоверностью, как далеко простирается область распространения этого вида. Чаще всего он встречается, по-видимому, в бассейне Амазонки и отсюда распространяется на север до Гвианы и на юг по северной Бразилии.

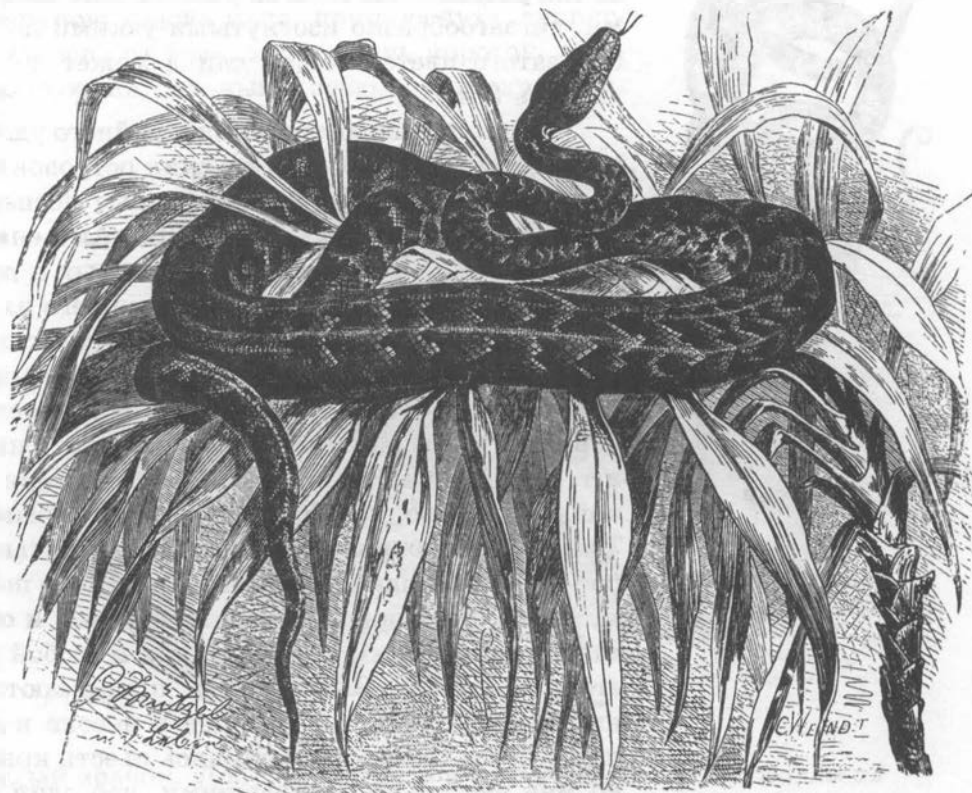
Один удав этого вида, которого держали в Лондонском зоологическом саду, обыкновенно лежал свернувшись в клубок на высоких ветвях, прикрепляясь своим хватательным хвостом к более тонкой ветви. Пища собакоголового удава состоит, вероятно, из птиц; наблюдали также, что он превосходно плавает, и притом не только в пресных водах, но и в море. Так, Спикс встретил одного собакоголового удава, переплывающего Рио-Негро, а один морской офицер уверял Дюмериля, что видел такого удава плавающим по рейду Рио-де-Жанейро. По рассказам старых авторов, он часто прокрадывается в жилища, особенно в хижины негров, в поисках пищи, но никогда не бывает опасен для людей. Тем не менее, он

Собакоголовый удав
(*Corallus caninus*)

ветвях, прикрепляясь своим хватательным хвостом к более тонкой ветви. Пища собакоголового удава состоит, вероятно, из птиц; наблюдали также, что он превосходно плавает, и притом не только в пресных водах, но и в море. Так, Спикс встретил одного собакоголового удава, переплывающего Рио-Негро, а один морской офицер уверял Дюмериля, что видел такого удава плавающим по рейду Рио-де-Жанейро. По рассказам старых авторов, он часто прокрадывается в жилища, особенно в хижины негров, в поисках пищи, но никогда не бывает опасен для людей. Тем не менее, он

сильно кусается, если его раздражить, и наносит своими длинными зубами болезненные и трудно заживающие раны. В последнем Спикс убедился на том экземпляре, который он видел плавающим в бухте Рио-де-Жанейро. Желая поймать его, он велел грести вслед за удавом, и один из его спутников-индейцев счастливо оглушил змею ударом по голове. Наш исследователь схватил удава, но едва взял его, как тот с такой силой обвился вокруг руки, что Спикс не мог двинуть ею. К счастью, он схватил удава рукой за голову и сунул ему в пасть кусок дерева, в который змея сильно вцепилась зубами. Никто из сопровождавших его индейцев не осмеливался приблизиться, боясь, что удав выпустит белого и бросится на него. Только убедившись, что змея не может ничего им более сделать, они помогли Спиксу освободиться от колец змеи. Ее убили и заспиртовали. Когда вынули ее в Европе из сосуда, она держала еще во рту кусок дерева, а исследование показало, что зубы ее пронзили его с обеих сторон. Относительно

размножения собакоголового удава я не знаю никаких данных; о жизни его в неволе Склатер, который написал несколько слов по поводу великолепного рисунка Вольфа, изображающего эту змею, тоже ничего не говорит.

Лишь в новейшее время стал известен один из представителей этого семейства — **стройный удав** (*Epicrates striatus*), представитель **гладкогубых удавов** (*Epicrates*), признаки которых следующие: голова заметно отделена от тела, сзади значительно шире, чем спереди; морда косо усечена по направлению книзу, лоб низкий, слегка вдавленный посередине, ноздри лежат сбоку и каждая окружена тремя щитками; шея тонка, тело сильно сжато, хвост тонкий и в значительной степени способен свертываться. Лишь на морде находятся более крупные правильные щитки; находящиеся на лбу и между глазами неправильны и расположены неоди-

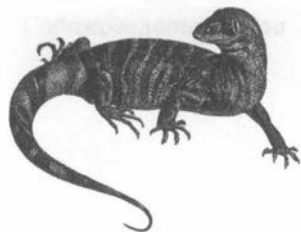
Стройный удав
(*Epicrates striatus*)

*Семейство
ложноногие змеи*

наково; губные щитки не имеют ямкообразных углублений. Гладкие чешуйки, расположенные в 55—65 рядов, на боках уменьшаются, но к брюху снова увеличиваются и покрывают верхнюю сторону тела; на брюхе щитки широкие; более узкие, в один ряд, — на нижней стороне хвоста. Зубы расположены на челюстях и нёбе; в верхней челюсти с каждой стороны по 20, в нижней — по 18 зубов. Основной цвет — медно-красно-бурый; голова одноцветная или с желтыми пятнами назади и украшена двумя более темными полосами, тянущимися с каждой стороны от глаз назад; спина разрисована по всей длине очень многочисленными, частыми, зигзагообразно изогнутыми узкими поперечными полосками беловатого цвета. Общая длина может достигать или даже превышать 3 м.

Область распространения стройного удава, по-видимому, ограничивается Гаити. С Антильских островов были получены в Германии первые экземпляры, которые познакомили с этим видом ученый мир. От Гебгардта из Кап-Аитьена на Гаити я получил однажды три змеи этого вида, которых я долгое время держал и наблюдал. По словам лица, подарившего их, стройные удавы держатся главным образом на плантациях сахарного тростника, но нередко показываются и в хижинах туземцев или селятся среди кровельных балок полуразрушенных строений, например старых церквей, и предпринимают отсюда охоту на крыс, молодых птиц и т. п., похищают также и яйца. Днем они ведут себя очень спокойно и лениво, почему на родине их называют сонными змеями. Тем бодрее и оживленнее бывают они ночью, когда, подобно всем родичам, занимаются охотой. Только что пойманные злы и любят кусаться, но скоро привыкают к людям и обнаруживают позднее такой же смирный характер, как и любой другой представитель этого семейства. За пищу они принимаются не сразу: присланные мне прожили 11 месяцев в неволе в доме отправителя, но лишь через 6 месяцев решились съесть крысу и потому прибыли ко мне настолько исхудавшими, что один из них скоро околел. Остальные стали наконец есть, и при этом оказалось, что они схватывают, душат и заглатывают добычу совершенно так же, как и другие удавы. Но они довольно существенно отличаются от большинства родичей способностью лазать. Между тем как другие удавы только иногда пользуются предоставленными им ветвями, стройные удавы, по-видимому, не могут без них жить или, по крайней мере, никогда не чувствуют себя так хорошо, как другие исполинские змеи, даже тогда, когда лежат в ленивом покое на хорошо прогретом полу. Положение, переданное нашим художником, обыкновенно принимали стройные удавы, которых я держал.

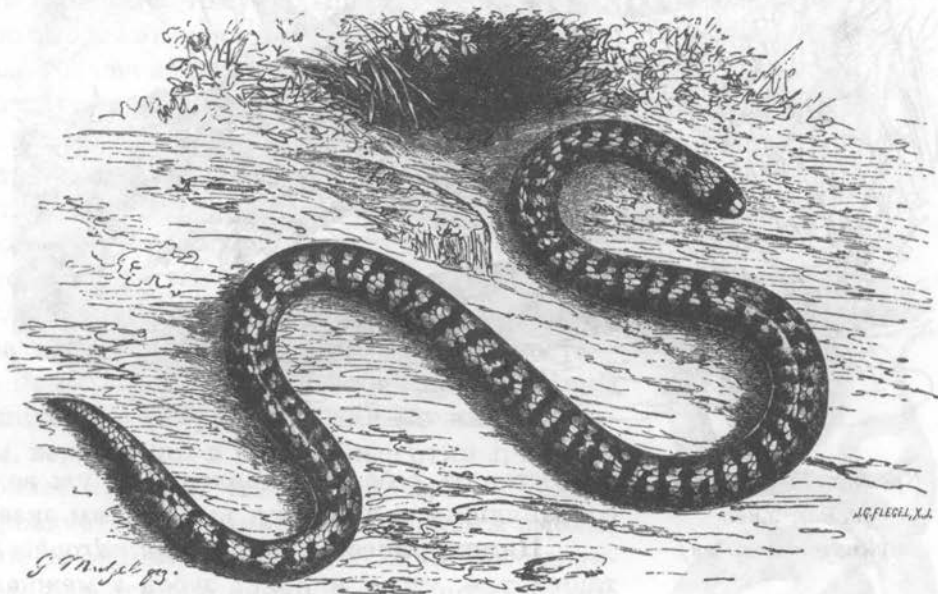
СЕМЕЙСТВО ВАЛЬКОВАТЫЕ ЗМЕИ (Aniliidae)

Семейство
вальковатые змеи

Соединительным звеном между ложноногими и щитохвостыми змеями является семейство вальковатых змей. Они родственны последним по форме тела и чешуям, а с ложноногими сходны в том отношении, что у них существуют остатки таза и следы задних конечностей, между тем как по строению черепа они как раз стоят между обоими семействами посередине. Общий вид их напоминает слепунов: голова мала, приплюснута, закруглена и едва заметно отделена от тела, хвост очень короткий, с тупым концом. Пасть вооружена сильными зубами для схватывания добычи, которых в межчелюстных костях 0—4, на каждой челюсти по 9—12, на небных костях по 6—8 и еще значительное число на крыловидных костях. В скелете заметны зачатки таза и конечностей с недоразвитым когтем, что более явно заметно у ложноногих. Маленькие глаза лежат свободно или скрыты под просвечивающей роговой чешуйкой и имеют круглый зрачок. Лоб покрыт двумя большими, верхние губы 5—6 более мелкими щитками; чешуйки малы, округлены, гладки и налегают друг на друга черепицеобразно; брюшные чешуйки едва крупнее покрывающих остальное тело. Все виды рожают живых детенышей.

Один из обыкновеннейших видов этого маленького семейства — **коралловая сверташка** (*Anilius scytale*), представитель одноименного рода, который отличается тем, что у единственного принадлежащего к нему вида с каждой стороны два зуба в межчелюстных костях и маленькие глаза находятся под серединой щитка. Цвет великолепный — кораллово-красный, на нем очень резко выступают многочисленные, зубчатые по краям, черные кольца или кольцеобразные поперечные полосы. Длина равна 60—70 см.

По словам Дюмерля и Биброна, отечество этой змеи — голландская и французская Гвиана. Они говорят, что этот вид здесь

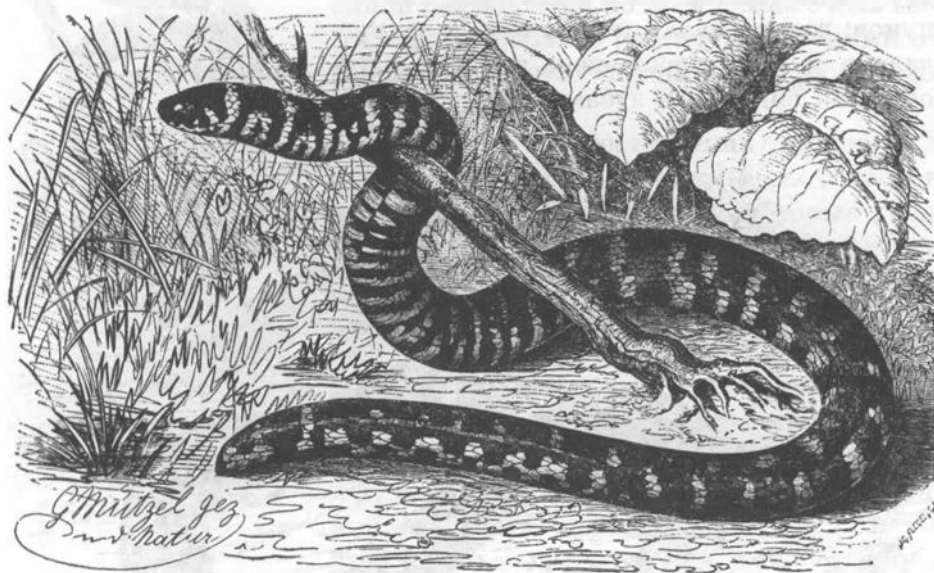
Коралловая
сверташка
(*Anilius scytale*)

очень обыкновенен; другие исследователи тоже утверждают, что сверташка, которая встречается во всех собраниях, обыкновенна в Венесуэле, Гвиане и северо-восточной Бразилии, и потому странно, что тщательно наблюдавший Шомбургк не упоминает о ней. Каплер говорит, что эта змея живет и в Суринаме, но упоминает только, что всегда удивлялся ее мышечной силе, которая гораздо значительнее, чем сила всякой другой змеи такой же величины.

Об образе жизни ее мы знаем приблизительно следующее: сверташка медлительна в движениях, не удаляется на значитель-

ное расстояние от своего убежища, которое избирает под корнями старых деревьев, в норах в земле и тому подобных местностях, охотится за мелкими пресмыкающимися, например слепунами, и рождает детенышей, уже разорвавших оболочку яйца.

О великолепии цвета живого животного, по словам Бэтса, едва ли мож-

Красная цилиндрическая змея
(*Cylindrophis rufus*)

но составить себе представление, и уж во всяком случае, не по сохранявшимся в спирту, выцветшим экземплярам.

Цилиндрические змеи (*Cylindrophis*) отличаются от сверташек тем, что у них нет зубов в межчелюстных костях и их глаза не затянуты кожей. Глаз окружен надглазным, заглазным, лобным и двумя губными щитками. Каждая ноздря лежит в большом неразделенном щитке. На середине подбородка явственно заметна продольная бороздка.

В качестве представителя этого рода, к которому относятся лишь три вида, живущие в Индии, приводится обыкновенно **красная цилиндрическая змея** (*Cylindrophis rufus*), распространенная от Бирмы до Кохинхины и Малаккского полуострова и по всем нидерландским колониям на Зондских островах; она особенно обыкновенна на Яве, где достигает длины 78—83 см. Змея бурого или черного цвета с кораллово-красным ошейником, неправильными, большими или меньшими, черными полосками на белой нижней стороне и кораллово-красной нижней стороной хвоста. Продольных рядов чешуек от 19 до 21. Белые поперечные полосы по бокам спины могут и отсутствовать.

Цилиндрические змеи живут под землей; они вырывают себе ходы, лишь случайно выходят на поверхность и питаются насекомыми, червями и слепунами, но едва ли, как указывали прежде, — мелкими, живущими в земле млекопитающими. Они тоже рожают живых детенышей.

СЕМЕЙСТВО УЖЕОБРАЗНЫЕ (Colubridae)

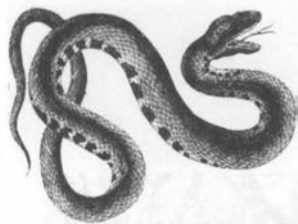
Линней соединял всех известных ему змей в три семейства, именно: исполинских, ужеподобных и гремучниковых. Под ужеобразными мы, следуя Буланже, подразумеваем приблизительно всех тех змей, которых соединял под этим названием Линней, а следовательно, относим к одному этому большому семейству значительное большинство змей, как неядовитых, так и ядовитых*.

Понадобилось целое столетие для того, чтобы естествоиспытатели убедились в том, что основное деление змей на безвредных и ядовитых неестественно и ненаучно. Главная причина, почему нельзя провести это, по-видимому, столь резкое деление, заключается в существовании переходных форм змей, относительно которых никто не может сказать, ядовиты они или нет. Целый ряд бороздчатоzubых, к которому мы должны еще будем возвратиться, включает животных совершенно ужеобразного строения и образа жизни, но строение их зубов и, в частности, действие укусов приближают их к настоящим ядовитым змеям. Их укусы решительно смертельны для мелких животных, каковы ящерицы, веретеницы и воробьиные птицы, но неопасны для людей и более крупных млекопитающих. Должны ли мы причислять бороздчатоzubых змей к неядовитым змеям, с которыми они сходны по общему строению тела, или к ядовитым, с которыми они до известной степени сходны по действию их укусов? Мы знаем теперь ядовитое действие на мелких животных укусов ящеричного ужа и травянисто-зеленой плетевидки, которых относили прежде к безвредным змеям, и можем заключать отсюда, что и другие роды, подобным же образом вооруженные бороздчатыми зубами, каковы кошачья змея, бойги и остроголовые змеи, отравляют своими укусами. Об отделении от безвредных ужей здесь тем менее можно думать, что бороздки на зубах остаются часто почти единственным признаком, по которому можно различать два близкородственных вида.

С другой стороны, переход между бороздчатыми зубами и полыми, какими обладают виды, ядовитые и для человека, совершенно постепенный и оба рода зубов вообще различны лишь по степени развития, а укусы различаются лишь по степени действия. Что такое полый зуб, как не бороздчатый, у которого загнутые края желобка слились, срослись между собою? У зубов

** В семейство Colubridae входит около 60% всех современных змей.*

обоего рода основная форма сходная, развитие зуба одинаковое, деятельность тоже. Оба зуба снабжены желобкообразной выемкой на переднем крае, а края выемки завернуты, чтобы ядовитая жидкость при укусе могла вернее попадать в рану; если оба края сближаются, образуется бороздчатый зуб, если они соприкасаются и сливаются посередине, мы имеем перед собой полый или ядовитый зуб. Не следует забывать, что при основании и на конце полые зубы остаются настоящими бороздчатыми. В самой ядовитой железе мы тоже не находим различий между ядовитыми и безвредными змеями с тех пор, как Рейхель показал, что ядовитая железа гадюки и ее задняя верхнегубная железа ужа соответствуют друг другу по положению и строению.

От остальных семейств ужеобразные отличаются отсутствием остатков таза и задних конечностей, присутствием верхнечелюстной кости, а также тем, что передние лобные кости всегда отделены от носовых промежутков. Зубы находятся в обеих челюстях; верхняя челюсть расположена горизонтально и не способна совершать движения в вертикальном направлении; в нижней челюсти нет венечной кости.

Мы делим это большое семейство, к которому относится большинство всех известных змей, на три параллельных ряда, из которых гладкозубые ужовые змеи (*Aglypha*) имеют лишь один род зубов: сплошные, не имеющие ни бороздок, ни внутренних каналов. Второй ряд обнимает бороздчатозубых ужовых змей (*Opisthoglypha*). У них, по крайней мере, один из задних зубов верхней челюсти имеет на передней стороне продольный желобок. Они считаются подозрительными змеями и отчасти известны уже как в легкой степени ядовитые. У третьего ряда, переднебороздчатых змей (*Proteroglypha*), передние зубы верхней челюсти снабжены бороздкой или каналом. Все эти змеи ядовиты, и укусы их по большей части опасны и для человека.

К первому ряду, гладкозубых, относится громадное большинство родов, представители которых более или менее приспособлены к жизни на суше и покрыты чешуйками, черепицеобразно налегающими друг на друга.

Ужи отличаются тем, что тело их тонко и одинаково гибко во все стороны; маленькая, продолговатая, стройная голова более или менее явственно отделена от тела; хвост оканчивается острием; тело одето гладкими или килеватыми черепитчатыми чешуйками, а на нижней стороне — большими щитками, и, наконец, щитки на подбородке обыкновенно разделены бороздкой, а щитки хвостовой части расположены в один или два ряда. Многочисленные одинаковые зубы сидят на челюстях и на небе; лишь редко некоторые из них отличаются своей величиной. Таким образом, можно сказать, что ужи — те безвредные змеи, которые обладают наиболее правильной формой тела и строением отдельных частей и не отличаются никаким выдающимся признаком. Но

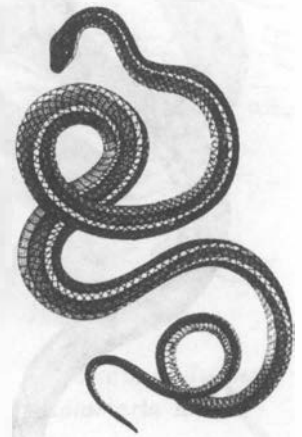

среди многих других змей они выделяются своей подвижностью, бодростью и относительной понятливостью, так что их можно в известном смысле назвать выше всего стоящими змеями, по крайней мере, они едва ли уступают в этом отношении исполинским змеям.

Ужи, которых различают не менее 1000 видов*, распределены по всей Земле, так как они, хотя и в малом числе, доходят до полярного круга и несколько видов их встречаются также в Австралии и на островах Великого океана. Местопребывание их очень различно. Многие виды любят сырые места и воду, другие ищут, напротив, более сухую местность. Большинство их, как заставляет предполагать уже круглый зрачок, — преимущественно дневные животные, которые с наступлением ночи удаляются в свои убежища. Однако есть немало видов, как, например, живущие в Индии волкозубы (*Lycodon*), которые деятельны в сумерки или благодаря своему вертикальному зрачку отыскивают добычу, состоящую из ящериц и особенно сцинковых, днем в их убежищах. По образу жизни разные виды различаются довольно существенно, так как значительное влияние на это оказывает местопребывание их, но, с другой стороны, между ними много общего. Это быстрые и подвижные животные; они относительно быстро ползают извиваясь по земле, некоторые изумительно ловко плавают, лазают также более или менее хорошо, а некоторые превосходно.

Пища их состоит главным образом из мелких позвоночных всех классов, особенно пресмыкающихся и земноводных, однако некоторые ревностно преследуют также мелких млекопитающих, другие — мелких птиц, а плавающие — рыб соответственной величины. Некоторые из более мелких видов довольствуются червями, насекомыми и их личинками. Если в смешанное общество ужей, живущих в одной клетке, бросить различных животных, соответствующих привычкам и вкусам пестрого общества, то можно наблюдать, как один вид ужей намечает одну, другой — другую добычу, преследует, овладевает ею и поедает ее. Ни один известный мне уж не подстерегает проходящую мимо жертву, а каждый охотится за замеченным животным, подкрадывается к нему или торопливо преследует его, пока не схватит. При этом можно заметить, что виды, поедающие лягушек и рыб, глотают их без особых приготовлений — лягушек, часто начиная с задних ног, рыб всегда головой вперед; напротив, те, которые охотятся за млекопитающими, птицами или ящерицами, всегда сначала душат добычу и лишь затем поедают ее. Со змеями, не исключая и ближайших родичей, ужи поступают так же, как и с рыбами, — глотают так быстро, что их можно спасти, лишь вовремя схватив за хвост и вытащив из пищевода или желудка врага. Один лазающий уж, проглоченный североамериканским черным ужом до кончика хвоста, был мною возвращен таким образом на свет и прожил после своего спасения из

* Ужеобразные до сих пор самое многочисленное семейство змей; оно насчитывает более 2000 видов более чем из 300 родов.

глотки опасного родственника еще несколько лет. Крупнейшие виды этого семейства оказываются настолько же энергичными, насколько и предприимчивыми хищниками.

В более холодных странах ужи прячутся поздней осенью в зимние убежища, впадают здесь в состояние оцепенения и появляются снова лишь с наступлением настоящей весны, линяют и приступают затем к размножению, которое замечательным образом возбуждает некоторые виды и, как говорят, делает их склонными к нападениям на более крупных животных. Несколько недель спустя самка кладет свои 10—30 яиц в теплых и влажных местах, предоставляя их действию солнечного тепла, или вынашивает их так долго, что детеныши разрывают оболочку яйца непосредственно перед кладкой или после нее и, следовательно, рождаются живыми. Детеныши питаются сначала мелкими беспозвоночными животными различных классов, но скоро начинают вести образ жизни родителей.

Ужи не приносят человеку никакой пользы, скорее вред; поэтому тот, кто желает, чтобы ужей щадили, должен не забывать, что для такой пощады необходимо точное знание охраняемых животных. В неволе многие виды выдерживают целые годы, так как без колебания принимаются за пищу, постепенно привыкают к хозяину и действительно могут быть в известной степени приручены.

По их малой величине и сходству с щитохвостками по общей форме тела мы рассмотрим здесь первым род **карликовых змей**, или **каламарий** (*Calamaria*). Под этим названием объединяют приблизительно 30 видов, распространенных по Индокитаю, Бирме, южному Китаю, Малайскому архипелагу и особенно на Яве, Суматре и Калимантане. Признаки рода следующие: тело круглое и негибкое, голова очень короткая, не отделена от шеи, хвост более или менее короткий, но заострен. Круглые, гладкие, более или менее черепицеобразно налегающие друг на друга чешуйки, расположенные в 13 продольных рядов, покрывают тело и хвост; на брюхе щитки хорошо развиты, а нижнюю сторону хвоста покрывают два ряда щитков. Напротив, число головных щитков очень уменьшено, так как всегда нет уздечных, передних лобных и височных. Глаза, с круглым зрачком, малы; ноздри лежат сбоку в очень маленьком носовом щитке. Зубы не представляют ничего особенного: верхнечелюстные — приблизительно равны между собой по величине; рядом с ними располагаются нёбные зубы; передние зубы нижней челюсти всегда несколько длиннее задних.

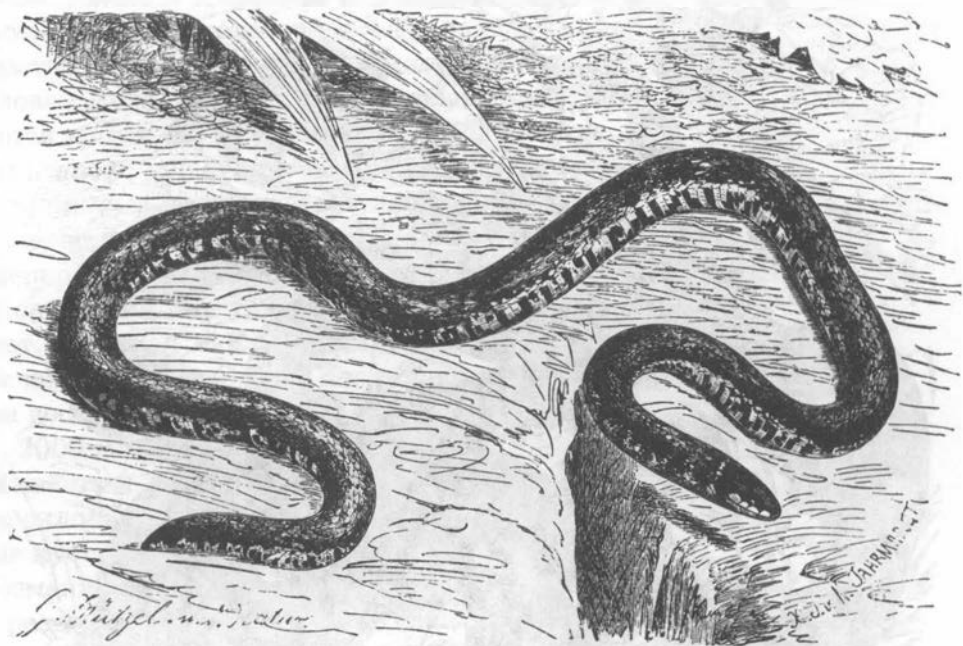
Карликовые змеи заслуживают свое имя: ни одна из них не превышает в длину 51 см; большинство не достигает и половины этой длины, а некоторые — едва одной трети. Они живут, почти как червеобразные змеи и сверташки, под упавшими деревьями, камнями и в других подобных убежищах исключительно на земле, частью под землей и питаются, подобно им, насекомыми и чер-

вами; в свою очередь, они очень часто становятся жертвами других змей, особенно более мелких аспидов, которые живут в тех же местах.

Достаточно рассмотреть здесь подробно один вид этого красивого пестроокрашенного рода, к которому примыкают многочисленные родственные ему группы, живущие во всех тропических странах. Я выбираю для этого один из наиболее известных видов.

Каламария Линнея (*Calamaria linnaei*) достигает в длину 33 см, имеет четыре верхнегубных щитка и отличается также тем,

что первая пара нижнегубных щитков позади подбородочного щитка не соприкасается, как обыкновенно у громадного большинства змей, а передние щитки желобка прилегают к заднему краю подбородочного щитка. Цвет и еще более рисунок чрезвычайно разнообразны. Голова и тело более светлого или темного бурого цвета с великолепным голубым отливом, то одноцветные, то с черными пятнами, продольными или поперечными полосками; брюхо карминно-красное и украшено большими черными четырехугольными пятнами. Отечество этой змеи — остров Ява.

Каламария Линнея
(*Calamaria linnaei*)

Названная карликовая змея и все виды этого рода живут на земле, движутся лишь днем и питаются мелкими беспозвоночными животными. Они предпочитают гористые местности равнинам. По наблюдениям Кантора, эти змеи не встречаются в большом числе. Они вялы, движутся медленно и даже в случае преследования никогда не уползают далеко, а, напротив, предпочитают лежать неподвижно и, по-видимому, притворяться мертвыми. От врагов они не защищаются, не пытаются кусаться и едва уползают. Из всех известных змей они наименее выносливы, так как не могут ни долго голодать, ни выносить какое-либо причиненное им насилие. В неволе они не принимают пищи и потому скоро погибают; их также едва можно трогать, так как легкого движения достаточно, чтобы умертвить их.

Кантор в желудке исследованных им видов нашел останки насекомых и немного песка.

На втором месте мы поставим род **медянок**, или **гладких полозов** (*Coronella*). Это относительно маленькие или средней величины ужи с сильным, слегка укороченным, вальковатым, не сжатым посредине телом, короткой, довольно плоской, мало отделенной от шеи головой с круглой мордой и умеренно длинным хвостом. Они характеризуются: довольно маленькими глазами с круглым зрачком; ноздрями, открывающимися наружу между двумя

Обыкновенная
медянка
(*Coronella austriaca*)

Во всей Европе, от северной Норвегии до юга, живет на удобных местах, иногда в большом числе **обыкновенная медянка** (*Coronella austriaca*) — одна их самых изящных, подвижных и живых змей нашего отечества, длина которой не превышает 65 см, причем около 10 см приходится на хвост. Основной цвет верхней стороны обыкновенно бурый; рисунок состоит из большого темного пятна на зашейке, которое часто продолжается назад широкими полосами, и двух рядов темно-бурых, иногда соединенных попарно пятен, которые пробегают вдоль спины; другая темно-бурая полоса тянется через глаза вниз по бокам шеи; нижняя сторона тела бывает или стале-голубого или красно-желтоватого

щитками; двумя парами лобных, одним уздечным и 4—7 височными щитками; гладкими, расположенными в 19—25 рядов чешуйками, которые имеют перед концом по тонкой ямке, так называемой концевой поре; двурядными подхвостными щитками. В верхней челюсти у них 12—16 зубов, которые равномерно увеличиваются в длину спереди назад, в нижней — гладкие, небородчатые зубы равной величины. Брюшные щитки закруглены на боках и не загнуты вверх в виде выступающего края.

и беловатого цвета и часто испещрена более темными пятнами. Как и у большинства змей, цвет и рисунок представляют большое разнообразие. Попадаются разновидности от серого до красноватого цвета во всех промежуточных оттенках.

От гадюки, с которой несведущие люди так часто путают медянку, она отличается с первого взгляда: совершенно гладкими чешуйками, на которых нет ни следа срединного киля; головой, покрытой щитками; двойным, расщепленным посередине заднепроходным щитком и круглым, а не вертикально-щелевидным зрачком. Очень существенно отличается, наконец, и строением зубов о чем будет сказано ниже. В Норвегии и Швеции медянка встречается, подобно всем представителям того же разряда, лишь в особенно удобных местах и всюду редко; в южной Англии ее можно встретить, по словам Вуда, лишь на известковых горах, на которых часто попадаются ящерицы; в Германии ее нередко встречают на Гарце и в Тюрингенском Лесу, а к югу отсюда — на всех горах средней Германии, также в Австрии, особенно в альпийских странах, следовательно, по всей Штирии, Тиролю, Каринтии, Крайне и в Далмации. В северной Греции, Италии, северной Франции, северной Испании и Португалии она тоже живет; в России она, как доказано, населяет, начиная с Курляндии, Лифляндии и Польши, все средние и южные губернии до Каспийского моря. В германских Альпах она восходит до 1200 м, в кантоне Ваадт — до 1240, на Кавказе — до 2000 м.

Своим местопребыванием медянка избирает сухую почву, солнечные каменистые склоны, покинутые каменоломни, горные откосы, густо поросшие кустарником обрывы, но в виде исключения встречается и в низменности на болотистой почве. По наблюдениям Ленца, она гораздо чаще заползает под гладкие камни, чем гадюка и обыкновенный уж, прячется также под мох, так что над ним выглядывает лишь головка. Вполне вероятно, что она делает это, чтобы укрыться от своих бесчисленных врагов. Медянка гораздо подвижнее и живее ужа, что особенно обнаруживается, если ее поднять за конец хвоста или на палке, вокруг которой она обвилась. В первом случае она может, если здорова и не слишком отягощена пищей, быстро поднять голову до руки. Во втором, по письменному сообщению Стерки, — она обвивается, делая оживленные движения, кольцами вокруг палки и старается достать до земли или прочной опоры, а если ей это не удастся, то продолжает держаться на палке и не сваливается с нее, как делает в таких случаях более неуклюжий уж.

Несмотря на такую ловкость, насколько мне известно, никогда не видели, чтобы она лазала. Точно так же она не идет добровольно в воду, а если ее бросить туда, то плавает быстро и ловко, но всегда старается как можно скорее выбраться на берег.

О характере медянки различные наблюдатели высказываются неодинаково. Некоторые называют ее смиренным, добродуш-

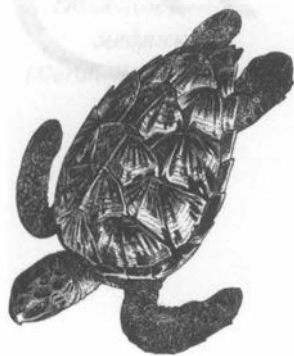

ным животным, между тем как большинство утверждает прямо противоположное. «Она, — говорит Ленц, — вспыльчивое, злобное животное, которое не только бешено кусается тотчас после поимки, но даже и в комнате продолжает кусаться еще несколько недель, а иногда и целые месяцы. Если ей подставить перчатку или полу сюртука, то она обыкновенно вцепляется так крепко, что иногда висит по 8 минут и больше. Ее зубы, правда, так малы и так мало выдаются из десен, что едва видны; но они так остры, что все-таки тотчас вонзаются. Хотя эта змея легко озлобляется до того, что кусает саму себя, подобных ей, других змей и т. д., но неохотно пробует зубы о камни, железо и т. п. Если ее задразнить, то она принимает почти такое же положение, как гадюка: свертывается, втягивает шею, расширяет затылок и при укусе часто раскрывает пасть, насколько может. Медянки очень часто сражаются между собой и при этом кусаются очень сильно. Если они случайно схватят друг друга за голову, то иногда случается, по словам Дерси, что они сцепляются своими загнутыми назад зубами и не могут расцепиться. В таком случае битва становится продолжительной, обе змеи тянут назад в противоположных направлениях и более слабая вынуждена следовать за более сильной. Такие битвы можно провоцировать, если взять в обе руки по медянке, схватив их около головы, и, держа одну против другой, просто дразнить или вдруг обрызгнуть водою. Особенно в последнем случае они, разгневанные, ползают в разных направлениях, в слепой ярости хватают друг друга. Этот злобный характер создал медянке дурную славу, и ее очень боятся, так как считают ядовитой; и действительно, в то мгновение, когда она злобно хватает все вокруг себя, ее легко спутать с самкой гадюки. «Со мною случалось, — замечает Шинц, — что я принимал такую змею за виперу, пока не исследовал ее точнее. Конечно, если можно вблизи увидеть ее голову, то ошибка скоро становится ясной для всякого знатока; большие щитки на голове, более тонкое блестящее тело, отливающее на солнце разными цветами, позволяют легко отличить ее; но ошибиться в этом случае слишком опасно, и потому надо смотреть хорошенько».

Вероятно, эти различные мнения легко примирить между собою. У медянки бывает хорошее и дурное расположение духа. «Иногда, — продолжает Ленц, — особенно если погода мокрая и холодная, она без сопротивления позволяет поймать себя; но по большей части она старается быстро ускользнуть и, действительно, бывает очень проворна, хотя ее и легко догнать на ровном месте; во всяком случае, она гораздо быстрее гадюки и ужа. Если ее держать за конец хвоста, она очень легко поднимает голову вверх до руки».

Иногда она живет вместе с другими змеями, например с ужами, реже с гадюками, уживается с ними долгое время и в неволе, но лишь до тех пор, пока ей это нравится и она не голодна. «Только

если к ней посадить живую мышь, — говорит Ленц, — она тотчас приходит в возбужденное состояние и шипит, но лишь отрывисто и тихо. Иначе нелегко услышать ее шипение, кроме разве тех случаев, когда ее дразнят в то время, когда она вполне бодр». Она, как уже упомянуто, предпочитает добычу известного рода всякой другой, именно горных ящериц, но нередко нападает также на других ящериц и маленьких змей и поедает, по наблюдениям Эрбера, даже молодых гадюк, несмотря на их ядовитые зубы. Видер, по-видимому, первый обнаружил свои наблюдения относительно того, каким способом медянка овладевает своей добычей; но позднейшим исследователям мы обязаны более подробными описаниями, лучшее из которых, по моему мнению, принадлежит Дерси. Если, так приблизительно рассказывает он, посадить несколько живых ящериц в помещение, в котором находятся медянки, то они тотчас понимают грозящую им опасность и стараются спастись, бешено бегая по всем направлениям. Все общество приходит в величайшее возбуждение, и после первого замешательства медянки тоже стараются спешно выбраться из суматохи. При этом они часто так сильно кусают кругом, что вступают в драки и иногда хватают даже собственное тело. «За этим шумным началом следует мучительная пауза. Быстро двигая языком и подняв голову, змеи обдумывают план нападения, а оцепеневшие от ужаса ящерицы собирают с полуоткрытым ртом свои силы для отчаянной защиты. Вдруг одна из змей бросается на свою добычу, вытягивает предварительно согнутую назад и в сторону шею и, быстро скользя, хватается широко раскрытой пастью убегающую ящерицу. Бешено крутясь, обвивается она тесными кольцами вокруг тела опрокинутой на спину ящерицы, так что только голова и хвост последней выдаются из плотного клубка.

Теперь наступает тяжелая работа. Ящерица должна быть проглочена целиком, и притом головой вперед; на это уходит много времени и труда. Поэтому наша медянка не особенно торопится, облизывает свою жертву и по-кошачьи виляет хвостом. Но затем она высоко поднимается, описывает шейю вертикальную дугу и, широко раскрыв пасть, схватывает голову жертвы. Постепенно кольца змеи распускаются; голова ящерицы исчезает; медленно следует за ней тело; печально кивает еще на прощание хвост, но лишь по прошествии получаса или даже позднее ящерица проходить через широко растянутый пищевод в желудок медянки. Не всегда все проходит так гладко; обвитая до шеи ящерица еще жива и, раскрыв пасть, готовится к отчаянной обороне. Если медянка схватит не так, как следует, то ящерица хватается за верхнюю или нижнюю челюсть и, судорожно сжав рот, может своими плотными и крепкими зубами целые часы держать схваченную часть своего врага. Тщетно старается змея освободиться. Оба животных, судорожно сжав челюсти, как бульдоги, вцепляются друг в друга; бешено извивается змея, стараясь оторваться от до-

*Семейство
ужеобразные*

*Семейство
ужеобразные*

** У медянок известны случаи каннибализма (поедание себе подобных).*

бычи, но тщетно. Наконец ящерица выпускает змею, конечно, тотчас же удирает, и змея, из ран которой подчас выступает кровь, смотрит ей вслед».

Если надо еще дополнить это живое описание, то я могу прибавить, что медянка обыкновенно образует вокруг своей жертвы три кольца и так тесно стягивает их, что они, не повреждая кожи, врезаются до костей и делают почти невозможным никакое движение тела добычи, даже биение сердца. Схватив веретеницу, которая после ящериц является самой любимой добычей медянки, она образует кольца на большем расстоянии одно от другого, но всегда так, что голова добычи направлена вперед. Одна ручная медянка, которую держал Гюнтер, ела лишь ящериц, но никогда не ела мышей или лягушек, хотя кусала и их, как и всяких животных. После того как хозяин долгое время кормил ее ящерицами обыкновенной величины, он дал ей, чтобы испытать ее силу, необыкновенно большую и сильную ящерицу. Она тотчас схватила ее, но после долгой битвы, во время которой ящерица не раз казалась задушенной кольцами змеи, но снова вырывала из челюстей врага свою голову, схваченную уже для глотания, она переменяла способ нападения и схватила ящерицу за хвост. Хвост обломался и был съеден. С тех пор змея всегда довольствовалась тем, что обламывала у ящериц хвосты и не продолжала преследование бесхвостых; если изуродованных таким образом животных сажали в ее клетку, она не обращала на них внимания. Шлегель говорит, что находил в желудках исследованных им ужей этого вида также мышей, а Эрбер наблюдал их в то время, как они ели мышей; тем не менее мы можем принять, что, пока у них есть ящерицы и веретеницы, они питаются лишь ими*. Соответственно можно считать, что Ленц совершенно прав, называя и этого ужа вредным, так как не подлежит никакому сомнению, что ящерицы и веретеницы, которых он уничтожает, нам полезны.

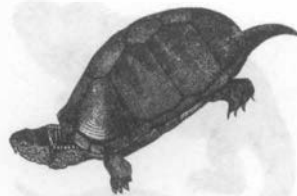
Линк утверждает, что медянка чувствует отвращение к сырости: брошенная в воду, она, напрягая все силы, легко и проворно скользит по поверхности, но только к берегу; в клетке, если при поливке дерна на нее попадет хотя бы немного ненавистой жидкости, она настойчиво ищет сухое местечко; «питье для нее страшилище», и она старается преградить доступ внутрь тела даже влажному воздуху. Линк говорит даже, что наблюдал, как одна из его пленниц, которой не удалось достаточно быстро защитить себя от поднимавшихся испарений воды, схватила в пасть оставшееся сухим тело другой змеи, чтобы таким образом вполне закрыть доступ влажного воздуха внутрь своего тела. Этим заявлениям решительно противоречат наблюдения других исследователей. Мартин наблюдал, что одна медянка, которую он держал и намеревался кормить лягушками и мышами, не трогала их и как будто для того, чтобы утолить голод, жадно слизывала капли воды

с влажного мха или стеклянной крышки. Дерси говорит прямо, что пойманная медянка, если поставить ей в клетку блюдце с водой, иногда пьет, причем погружает в воду переднюю часть головы и делает явственные глотательные движения. Те же наблюдения произведены недавно и другими, так что этот вопрос можно в настоящее время считать совершенно исчерпанным.

Видер первый заметил, что медянка принадлежит к числу живородящих змей, т. е. так долго вынашивает свои яйца, что тотчас после кладки детеныши разрывают оболочку яйца и выходят*. Ленц в середине мая находил у крупных экземпляров яйца длиной 15 мм, толщиной 6 мм; во второй половине июня яйца достигали более 25 мм в длину и около 12 мм в ширину; затем он находил в них белых свернувшихся зародышей длиной 6 см с толстыми головами и большими черными глазами. Яйца откладываются в конце августа или начале сентября, и из них тотчас выползают детеныши длиной 15 см и толщиной с карандаш, числом от 3 до 13, которые при хорошей погоде стараются еще добыть немного пищи, а позднее прячутся в удобное убежище, чтобы укрыться здесь от суровой зимы. Эфеле, который мог подробно наблюдать процесс рождения, видел, как пойманная 10 сентября самка родила в течение 4 дней 9 детенышей длиной 5 см, шириной 3 см, которые освобождались от оболочек. Каждому отдельному рождению предшествовала пауза, похожая на родовые схватки; она была тем продолжительнее, чем больше времени прошло с предшествовавших родов. «Более хорошенькие создания, чем эти маленькие ужи, — восклицает Линк, — едва ли могут существовать! Пятна спины тянутся блестящими изящными рядами до тонкого, как иголка, кончика хвоста; цветные украшения несколько широкого черепа выступают явственно и резко, и глаз с удовольствием смотрит на постоянную смену арабесок, которые украшают тело этих бесконечно гибких маленьких животных, когда они скользят между пальцами или по низкому кустарнику».

Тот же наблюдатель предполагает, что медянка, вопреки общему правилу, рождает иногда детенышей лишь весной. «Я находил молодых медянок, — говорит Линк, — во всякое время теплой части года и даже получил 3 апреля 1854 года, в конце долгой, суровой зимы, немного дней спустя после наступления теплой погоды, одну, которая, по-видимому, едва за неделю до того вышла из яйца! Родилась ли она уже прошлой осенью и, прожив несколько дней, погрузилась в зимнюю спячку? Но ее окраска была слишком свежа и блестяща для выветрившейся зимней одежды, а для второй линьки животное было еще слишком юно. Может быть, мороз принудил мать, тело которой было наполнено зрелыми яйцами, искать убежища в лоне земли, а вместе с матерью ускользнули от влияния сурового времени года и детеныши? Трудно сделать выбор из этих предположений; но, во всяком случае, сам факт сильно говорит в пользу предположения, что грани-

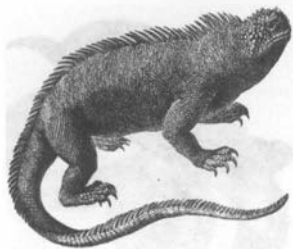
Семейство ужеобразные

** Медянку правильнее называть яйцеживородящим видом, так как яйца задерживаются в теле самки почти до полного развития зародышей.*

Семейство ужеобразные

* Французские исследователи установили факт осеннего спаривания медянок, причем сперматозоиды долгое время остаются жизнеспособными и хранятся в семяприемниках самки до весны, когда и происходит оплодотворение яиц. Однако это не исключает у медянок возможности весенней копуляции.

** Для медянки характерно специфическое оборонительное поведение: она сворачивается в плотный клубок, внутри которого прячет голову, совершая из такого положения броски в сторону неприятеля.

цы половой деятельности у этой змеи по времени очень растяжимы»*.

В высшей степени странное сообщение обнаружил Гредлер. Сеттари, известный ему ревностный наблюдатель и содержатель змей, державший в неволе целые годы и медянок и не раз получавший от них и воспитывавший детенышей, пишет следующее: «В течение первых двух-трех недель детенышей кормит мать; она сначала проглатывает мучных червей, мелких ящериц и т. п., затем через час или два выбрасывает их обратно и всовывает детенышам в рот». До сих пор не известно ничего подобного относительно какого-либо пресмыкающегося, поэтому к этому сообщению должно относиться с решительным сомнением.

В неволе медянка обыкновенно уже по прошествии немногих дней приручается настолько, что не кусает более хозяина, если он берет ее в руки или сует себе за пазуху, чтобы согреть. Однако, как уже замечено, попадаются экземпляры, которые долго упрямятся, прежде чем решаться вступить в дружеские отношения с хозяином. Сначала все кусаются, и хотя давление, которое могут производить их челюсти, крайне слабо, но острые зубки все же легко проникают сквозь кожу, и так глубоко, что течет кровь**. Эта злость рано или поздно непременно пропадает и потому эта столь же красивая, как изящная и привлекательная змея весьма удобна для содержания в неволе, тем более что она очень хорошо выживает, если только обратить должное внимание на ее жизненные потребности.

«Одно время, — рассказывает Ленц, — по совету одного теперь умершего венгерского врача употребляли желчь медянки против падучей. Тогда многие врачи обращались ко мне за этой желчью, и, чтобы удовлетворить их желание, я постепенно умертвил множество своих медянок. Сначала я для этой цели погружал их в воду, но в таком случае они мучились перед смертью несколько часов. Поэтому позднее я всегда смазывал им ротовую полость табачным соком, после чего они сильно раздували голову и горло, выпускали из ноздрей пузыри, вертелись и по прошествии нескольких минут или четверти часа умирали в судорогах». Целебного действия змеиная желчь, понятно, не имеет.

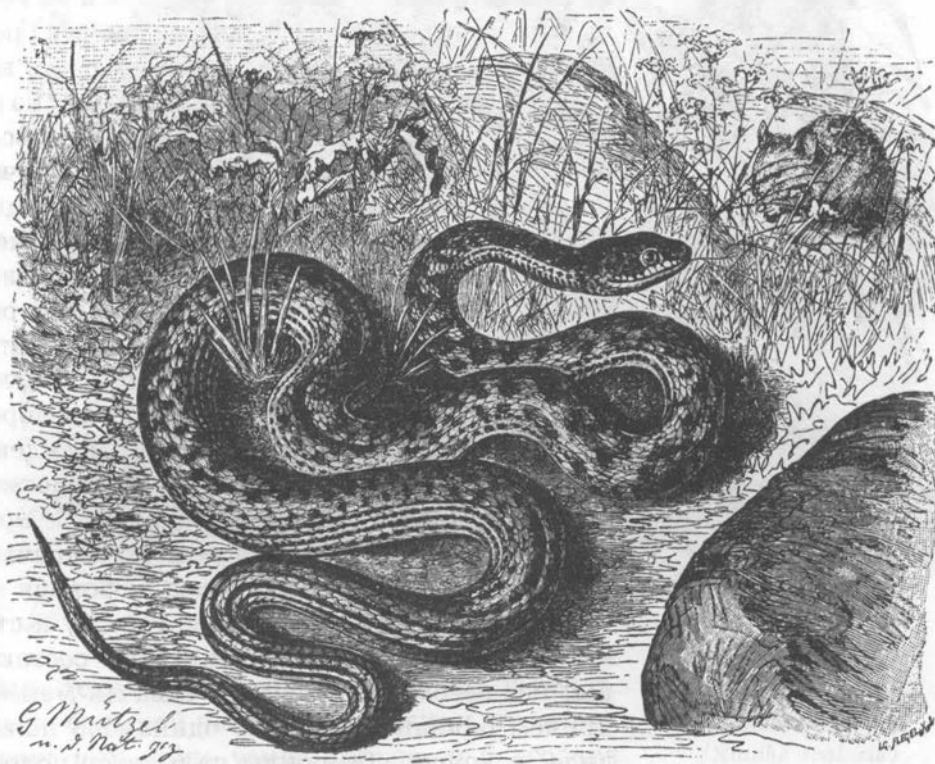
Чаще всего встречающийся в Европе уж имеет две постоянные разновидности, которых прежние исследователи принимали за отдельные виды. Одна из них — **балканский полоз** (*Coluber gemonensis*) отличается от других представителей семейства правильными щитками на верхней стороне головы, двумя передними глазными щитками, из которых нижний мал и отодвинут в ряд губных, и длиною хвоста, которая едва составляет четверть общей длины. Кроме того, два верхнегубных щитка всегда касаются глазного яблока. Гладкие чешуйки расположены в 17—19 продольных рядов. Подробное описание главных и промежуточных разновидностей потребовало бы не-

скольких страниц, поэтому для различения двух важнейших форм мы ограничимся приведенным ниже.

Балканский полоз, по-видимому, не превышает в длину 1,9 м, а обыкновенно бывает меньше этих размеров. Голова и зашеек покрыты на серо-желтом, а спина и хвост на зеленоватом фоне неправильными черными поперечными полосками, на желтой нижней стороне полоски эти более правильные; пятнистый рисунок переходит на задней части тела в тонкие продольные полоски, которые тянутся параллельно до конца хвоста. У других экземпляров на верхней стороне преобладает вместо зеленого красивый зелено-желтый цвет, а нижняя сторона в таком случае канареечно-желтая.

Балканский полоз распространен, начиная с Венгрии, на западе по всем средиземноморским странам, но лишь во Франции проникает на север, за Альпы. Он обыкновенен в Кroatии, Крайне, южной Каринтии и южном Тироле; здесь, по словам Гредлера, он встречается даже чаще, чем всякие другие представители ужеобразных, тем более что он дерзко приближается к домам; в южной части

Швейцарии, а именно в Тессине и Валлисе, он, напротив, редок и так как держится в некоторых курортах, то, по мнению Фацио, был ввезен сюда лишь римлянами; во многих местностях южной Франции он представляет обыкновенное явление на север до 50° с. ш. В Италии он распространен повсюду, очень обыкновенен в окрестностях Рима, встречается около самого города и нередко проникает даже в сады внутри города. В Далмации он, по словам Эрбера, встречается чаще всякой другой змеи. Начиная от Венгрии на восток, его заменяет другая разновидность — желтобрюхий полоз; он распространен, начиная отсюда, по всей южной России, а также от Греции по Малой Азии, Сирии и Персии. Он известен, начиная от Офена, на юге Венгрии, Славонии, на Кикладских островах, в Малой Азии, на Кавказе, в местностях по нижней

Балканский полоз
(*Coluber gemonensis*)

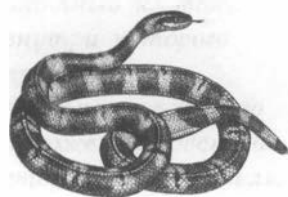

Волге, Тереку и Уралу, вообще по всей южной России, от Днестра до Каспийского моря, и его можно назвать в южнорусских степях самой обыкновенной из водящихся там змей. Таким образом, область распространения балканского полоза простирается, по крайней мере, от Пиренеев до западного берега Каспийского моря и от 32 до 50 градуса северной широты.

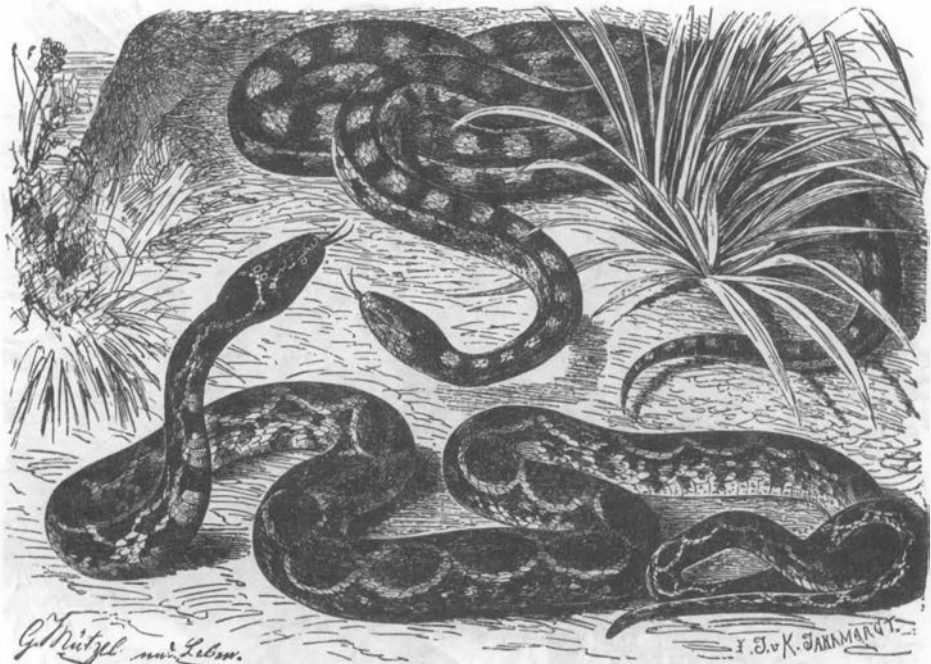
Балканский полоз избирает себе местопребывание в зависимости от местных условий. В русских степях он живет на самых жарких и сухих равнинах, напротив, в Далмации и Тироле — на солнечных, но на бесплодных местностях возделанных стран — в кустарниках или вдоль изгородей и дорог, в старых постройках и кучах камней, как на равнинах, так и на холмистой местности; он влезает и на деревья; по крайней мере, Гредлер уверяет, что ему случалось стряхивать с деревьев вместе с насекомыми и полозов.

Пища состоит, по словам Эрбера, из ящериц и мышей, но, вероятно, и из других змей, так как в неволе наблюдали, что эти полозы нападали на змей. Во всяком случае, балканский полоз, по-видимому, предпочитает пресмыкающихся мышам. Эрбер и Метакса убедились, что он поедает и змей. Метакса держал в клетке балканского полоза вместе с другими, но должен был, к своему неудовольствию, убедиться, что он съел двух из своих товарищей, в том числе одного представителя того же вида. Его застали, когда он уже наполовину проглотил вторую жертву; ему, понятно, помешали и заставили выбросить добычу обратно. Последняя вышла живой и неповрежденной; но и первая из съеденных змей, которую вытащили из желудка полоза, умертвив его, оказалась лишь полумертвой. У Эрбера, к его огорчению, один из этих полозов съел редкую кошачью змею; он наблюдал, что храбрый балканский полоз не боялся и ядовитых змей и без колебаний напал на песчаную гадюку и съел ее. По наблюдениям Эффельдта, любимую пищу его составляют зеленые ящерицы, но, несомненно, и змеи едва ли менее любимая их добыча, причем балканский полоз одинаково пожирает и змей того же вида, и других. Однажды наш автор подоспел как раз вовремя, чтобы видеть, как полоз длиной более метра хотел проглотить другую змею того же вида почти такой же длины, но, несмотря на все усилия, не мог добиться, чтобы она поместилась в желудке, так что Эффельдт должен был прийти на помощь и отрезать часть, висевшую изо рта; в другой раз он застал полоза, который проглотил наполовину другую змею того же вида чуть-чуть меньше его; он надеялся, что ее еще можно спасти, и стал мешать глотанию, пока змея не выбросила свою добычу, хотя еще живую, но очень ослабевшую. Это привело к тому, что на следующий день обе змеи были мертвы.

Второй европейский вид этого рода — **подковчатый полоз** (*Coluber hippocrepis*). От других злых ужей он отличается венцом мелких подглазных чешуек, которые вполне отделяют глаз

от лежащих под ним верхнегубных щитков, разделенным заднепроходным щитком, гладкими чешуйками тела, расположенными в 25—29 продольных рядов, и очень мало изменчивым цветом и рисунком. Длина этой красивой змеи достигает 1,75 м. Основной цвет верхней стороны представляет переходы от зелено-желтого или серовато-желтого через оранжевый до красновато-бурого. Голова разрисована обыкновенно темной поперечной полоской между глазами, далее кзади — второй поперечной полоской, выгнутой кпереди и продолжающейся вниз до боков шеи, и пятном, лежащим между обеими половинами задней полоски, так что между пятном и полоской выступает светлая подковообразная фигура. На спине выступают в виде продольного ряда ромбоидальные или яйцевидные темные пятна, окаймленные желтым цветом; они далее кзади сливаются обычно в продольную полосу и заключают между собою с каждой стороны по ряду других, более мелких пятен; к этому примыкает третий ряд расположенных бо-

лее вертикально крапин, доходящих вниз до брюшных щитков. Так как средние пятна по большей части очень велики, то основной цвет образует вокруг них лишь узкие кольца, и благодаря этому образуется очень правильный и красивый рисунок в виде цепочки. Нижняя сторона испещрена на желтом или оранжево-красном фоне черными пятнами. Подковчатый полоз тоже принадлежит средиземноморским странам. В Европе распространение его ограничивается Пиренейским полуостровом и Сардинией; в Северной Африке, где он очень обыкновенен и достигает большей величины, чем в Испании, он распространен, насколько известно до настоящего времени, от Марокко до Туниса. Для жительства он выбирает, по словам Кантрэна, сухие и каменистые почвы. По уверению этого путешественника он, в противоположность балканскому полозу и несмотря на свою живость, смирен и безобиден и никогда не пытается кусаться. Бетхер сделал такие же наблюдения на содержащихся в неволе экземплярах

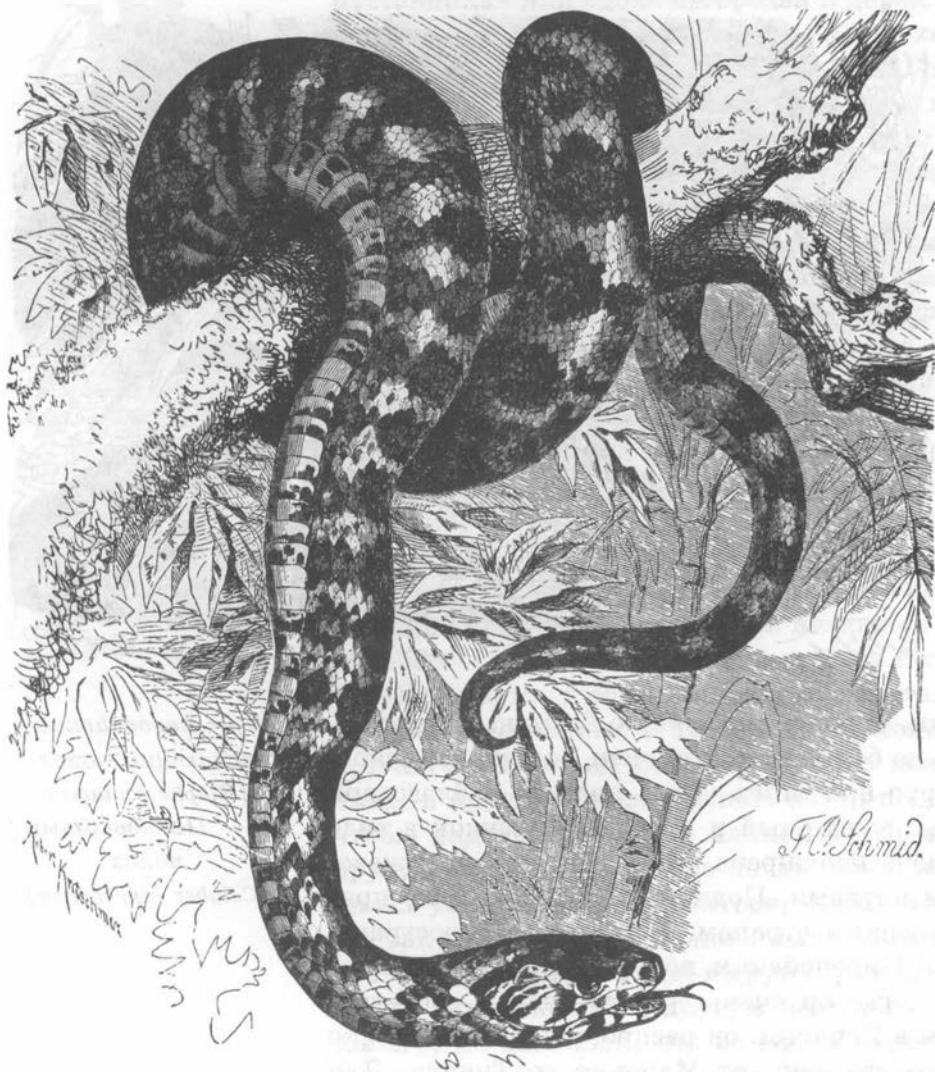
- 1 — Европейский
лазающий полоз
(*Elaphe scalaris*)
2 — Подковчатый
полоз
(*Coluber hippocrepis*)

средней величины, родом из Марокко; Фишер, напротив, уверяет, что подковчатый полоз из Алжира так же зол и смел, как и балканский.

Подковчатый полоз питается на свободе мышами и воробьиными птицами.

Аргентинский пантеровый уж (*Mastigodryas bifossatus*) легко отличается по 15 продольным рядам чешуек тела, отсутствию маленького нижнего предглазного щитка и по цвету и рисунку. Это змея длиной приблизительно 2 м, окраска которой, по исследованиям принца фон Вида, очень постоянна, т. е. не изменяется

значительно ни по полу, ни по возрасту. Основной цвет бледный чало-желтовато-серый, на передней части головы находятся три темные поперечные полоски, на затылке и зашееке — две широкие продольные полоски. Рисунок спины состоит их ряда больших серо-бурых пятен, окаймленных черным цветом; которые на шее пятна ромбовидальной формы, на остальном теле — неправильной и соединены каждое с двумя боковыми пятнами; желтовато-белые щитки краев челюстей с черной каймой; позади каждого глаза тянется к углу рта чернобурая продольная полоска. У молодых животных пятна более сближены и со-

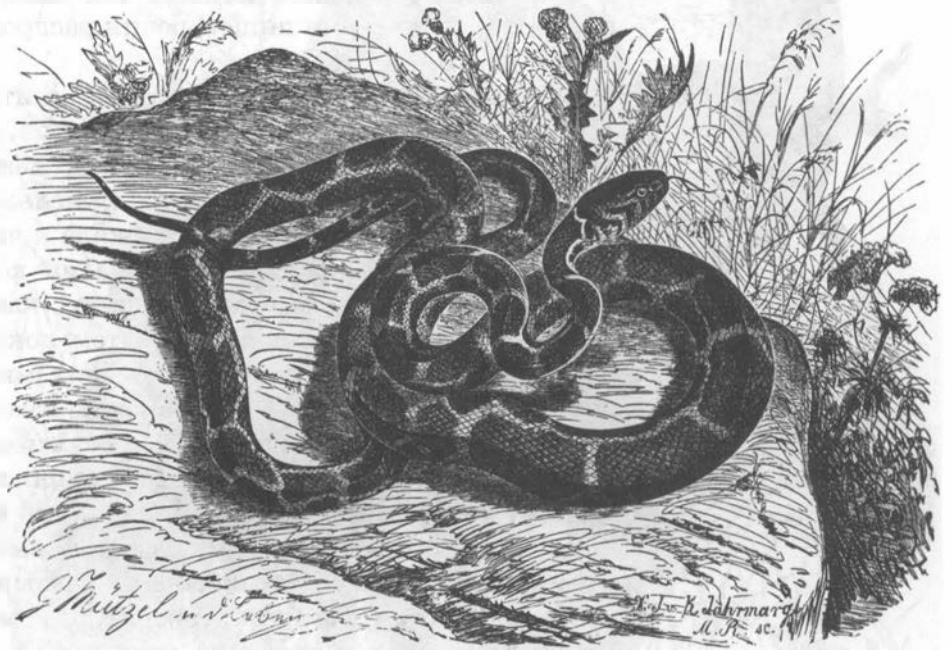
Аргентинский
пантеровый уж
(*Mastigodryas*
bifossatus)

единения между ними шире, а потому и общая окраска темнее.

Пантеровый уж распространен по Гвиане и тропической и умеренной части восточной Бразилии до Рио-Гранде-де-Сул. Принц фон Вид видел его у Рио-де-Жанейро на поросших кустарником высотах позади Санто-Христованто и позднее находил его на севере в Пара-

хибе и до Эспирито-Санто; Вухерер наблюдал его у Бахии, Гензель в Рио-Гранде-де-Сул. У Эспирито-Санто он не редок, у Бахии это самая обыкновенная из встречающихся там змей. Он, по-видимому, предпочитает болота и болотистые пастбища, поросшие кустарником. Движения его умеренно быстры, и по проворству он далеко уступает другим видам. Поэтому можно без труда подойти к нему довольно близко, и он даже и тогда едва обнаруживает какой-либо признак тревоги. Жабы и лягушки составляют его пищу, а следовательно, он ведет, по-видимому, и образ жизни нашего обыкновенного ужа. В Рио-Гранде-де-Сул его, по словам Гензеля, часто путают с шараракой и потому боятся, считая крайне ядовитым.

Один из красивейших известных мне видов ужеобразных, напоминающий во многих отношениях медянок, — обыкновенная, или цепная, королевская змея (*Lampropeltis getulus*), длиной в 1,35 м, очень красивого цвета и привлекательного рисунка. Темный фон, который может изменяться от красновато-бурого до черно-

бурого и даже черного, разрисован на верхней стороне узкими желтыми поперечными полосками, отстоящими друг от друга приблизительно на 4—5 см, которые с каждой стороны соединяются на границе брюшных щитков с продольными полосками и образуют таким образом цепь, продолжающуюся до конца хвоста. Щитки на верхней стороне головы шоколадно-бурого цвета с различной формы желтыми пятнами, губные щитки грязно- или желтовато-белые с черно-бурыми краями, брюшные щитки испещрены грязно-желто-белыми и бурыми четырехугольными пятнами. Хвост средней длины и несколько сжат с боков, гладкие чешуйки расположены в 21 продольный ряд, заднепроходный щиток не разделен. Обыкновенно с каждой стороны можно насчитать 7 верхнегубных щитков.

Обыкновенная королевская змея распространена по значительной части Соединенных Штатов, встречается уже в непосредственной близости от Нью-Йорка и избирает для жительства богатые кустарником равнины и леса. Проворство ее движений

Обыкновенная,
или цепная,
королевская змея
(*Lampropeltis getulus*),

* Эскулапов полоз назван по имени римского бога врачевания Эскулапа (в греческой мифологии — Асклепий), который изображался со змеей, а его дочь Гигиеня (от ее имени произошло слово «гигиена») обычно представляли с чашей, обвитой змеей. Позднее чаша, обвитая змеей, стала эмблемой медиков.

очень велико; в клетке она принадлежит к числу самых живых, бодрых и подвижных змей, каких я когда-либо видел. На свободе она, по-видимому, охотится почти исключительно за ящерицами, в неволе предпочитает их всякой другой пище, однако привыкает со временем и к мышам и даже к тонко нарезанным кускам сырого мяса. Она часто попадает живой в Европу и при надлежащем уходе выживает в клетке несколько лет, становится с течением времени очень ручной, может быть приучена брать из рук даваемую ей пищу и вообще очень выгодно отличается от других змей тем, что не кусается. Поведение ее гораздо более похоже на поведение эскулапового полоза, чем медянки. По наблюдению Вернера, она во время пищеварения распространяет крайне сильный запах.

Асклепий, бог врачебной науки, носит, как известно, в качестве знака своего могущества в руке жезл, вокруг которого обвивается змея. Какой вид отряда подразумевали при этом древние греки и римляне, в настоящее время нельзя решить; общепринято считать, что змея эта принадлежала к числу ужей и была распространена лишь римлянами. Когда при консулах Фабии и Бруте в Риме свирепствовала чума, эту змею, как было уже сообщено выше, привезли из Эпидавра и затем поклонялись ей на одном из островов Тибра, чтобы укротить эпидемию, и теперь еще, говорят, можно видеть там ее изображение в садах одного монастыря, посвященного св. Варфоломею. Но Бетхер доказал, что эскулапов полоз не мог водиться в Эпидавре, что ближайший к нему пункт, где этот уж водится, лежит гораздо далее на северо-запад у Превезы в Эпире и что поэтому сказочная змея храмов относилась, вероятно, к другому виду и была или четырехполосным, или балканским полозом. Из Рима, говорят, эта змея постепенно распространилась далее и особенно развелась в курорте Шлангенбад. Верно одно, что змея, которую мы теперь называем эскулаповым полозом, еще и теперь попадает в близости от курортов в таких странах, где он вообще не водится. Так, его находят в Германии у Шлангенбада, в Австрии у Бадена около Вены, в Швейцарии в нижнем Тессине и в Валлисе, где, по мнению Фацио, его первоначально тоже не было, почти исключительно на развалинах римских построек около целебных источников.

Эскулапов полоз (*Elaphe longissima*)* легко отличается по маленькой, мало отделенной от шеи голове с закругленной мордой, плотному телу и длинному тонкому хвосту, а также по строению покрова и простой окраске. Что касается головных щитков, то маленького нижнего предглазного щитка, которым отличаются многие из родичей этой змеи, нет, из 8 верхнегубных щитков четвертый и пятый входят в состав кольца, окружающего глаз. На теле находится 21—23 ряда гладких чешуй; заднепроходный щиток разделен. Верхняя сторона тела и головы обыкновенно буровато-серо-желтого цвета, нижняя сторона беловатая; на за-

тылке находится с каждой стороны по желтоватому пятну, а на спине и на боках заметны мелкие беловатые крапинки, которые у некоторых экземпляров очень чисты, явственны и имеют форму буквы X. Впрочем, цвет представляет разнообразные изменения: встречаются очень светлые и почти черные эскулаповы полозы. Ленц справедливо указывает еще на одну особенность этой змеи, что брюшные щитки на обеих сторонах как бы согнуты коленчато, а потому плоское брюхо имеет с каждой стороны по краю, который может становиться острым, когда уж прижимает к нему ребра. Длина равна 1,5 м; такой значительной величины достигают, впрочем, лишь те особи этого вида, которые живут в южной Европе.

Все наблюдатели, которые видели эскулапова полоза на свободе или держали его в неволе, единогласно хвалят его. «Форма его тела и его движения, — говорит Линк, — имеют что-то чрезвычайно привлекательное, изящное, утонченное. На всей поверхности его кожи нет ничего шероховатого, оборванного, не видно ничего угловатого, резкого в изменении формы: все гладко, изящно, мягко». Характер змеи соответствует ее внешности: она привлекательна во всех отношениях.

В южной Европе эскулапов полоз держится предпочтительно на скалистой или, по крайней мере, каменистой почве, скудно

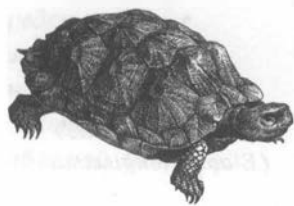
Эскулапов полоз
(*Elaphe longissima*)

поросшей кустарником, а потому здесь его часто вовсе не бывает в местностях другого характера. У Шлангенбада, по Гейзенгейнеру, единственного места, где этот вид встречается в Германии и даже обыкновенен, он живет охотно в развалинах. В упомянутом поселении графа Гертца они тоже часто лазают по решетчатой стене, поднимаются на теплый чердак низкой, ветхой, поросшей плющом пекарни и являются иногда на куче разлагающихся растительных веществ, набросанной нарочно для них, где развивается и их потомство. Они мирно живут вместе с шершневыми осами в отверстиях стены, а также в дупле старого дуба, куда проникают через отверстие на высоте около 3 м над землей. В воду эскулапов полоз не входит добровольно, а брошенный в нее, очень быстро и ловко плывет к берегу. Движения его по ровному месту не особенно быстры и вообще не представляют ничего особенного; в быстроте ползания он, может быть, даже уступает другим ужеобразным, но тем лучше умеет он лазать. В этом отношении он превосходит всех остальных германских змей и почти равняется настоящим древесным змеям, которые проводят на ветвях большую часть своей жизни. Наблюдая его во время лазания, можно ясно видеть, как он пускает в дело свои ребра. «Когда я, стоя, прикладывал ручного эскулапова полоза, длиной в метр, — рассказывает Ленц, — к своей груди, застегнув пуговицы сюртука, он умел все-таки удержаться на ней, так крепко прижимаясь к тому месту, где была пришта пуговица, что тело его образовывало острый край; этот край он так плотно вдвигал под пуговицу, что мог висеть на одной или двух пуговицах, хотя и был очень тяжел. Если он хотел лезть выше, то втискивал тело под следующие пуговицы. Таким образом, эти животные могут подниматься даже по толстым вертикальным стволам сосен; они втискивают при этом выступающие края своего тела в щели коры». Впрочем, обыкновенно эскулапов полоз старается подниматься вверх по тонким стволам деревьев, вокруг которых он может обвиваться, пока не достигнет ветвей, по которым он может лезть далее. В густом лесу он перелезает с дерева на дерево и передвигается таким образом на большие расстояния. По стене он взбирается вверх с почти непостижимой ловкостью, так как каждый, даже самый незначительный, выступ служит ему достаточной опорой, и он действительно искусно умеет пользоваться всякой неровностью камней.

Пища его состоит, по-видимому, преимущественно из мышей; но, между прочим, он охотится и за ящерицами, а если представится случай, то не упустит и птицу или ограбит гнездо. Тем не менее его друзья, которые за охоту на мышей причисляют его к самым полезным представителям отряда, правы.

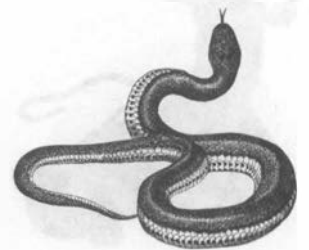
Образ жизни выпущенных графом Гертцем поселенцев можно было хорошо наблюдать. Если спокойно сесть на одну из удобных скамеек парка и удерживаться от всякого движения, говора

и крика, то змеи считают наблюдателя за чурбан или что-нибудь подобное и часто подползают совсем близко; но если сделать самое незначительное движение, они поспешно обращаются в бегство. Если они думают, что за ними не наблюдают, то ползают взад и вперед, лазают вверх и вниз, греются на солнце и занимаются охотой, как обыкновенно. До упомянутого отверстия в ветви дуба они добираются без затруднения, втискивая при лазании края тела в щели коры. Так же спускаются они и вниз по деревьям и охотно прицепляются, греясь на солнце, к вертикальному стволу дуба. Еще не видели, чтобы они поднимались вверх до вершины; но они греются на солнце также на верхушках густых кустов или стен. Не видели также еще ни разу, чтобы они плавали, пили, ели, но часто замечали, как они, обвинившись по две одна вокруг другой, так быстро катались по земле, что глаз зрителя не мог уследить за их движениями.

«Из всех германских змей, — говорит Линк, — эскулапов полоз производит наименее многочисленное потомство. Совокупление их совершается обыкновенным образом, но поздно, так как они гораздо чувствительнее к морозу, чем все другие водящиеся здесь виды, и редко оставляют свои зимние убежища раньше начала июня, а следовательно, смотря по обстоятельствам, на 1 или 2 месяца позднее остальных. Это единственная, кроме настоящих ужей, змея Германии, яйца которой должны созревать в течение нескольких недель после кладки, прежде чем детеныш разовьется настолько, что сможет выйти из яйца. Обыкновенно эскулапов полоз кладет лишь около 5 яиц, и именно в рыхлую землю, а также в глубокий сухой мох, и оставляет их на произвол судьбы. Яйца продолговаты, но менее выпуклы, чем голубиные, и похожи на увеличенные муравьиные куколки».

Ни одну германскую змею не ловят так часто, как эскулапова полоза. В Шлангенбаде охота за ними представляет предмет промысла для бедных людей. Их отыскивают после их пробуждения от зимнего сна, приручают и забавляют затем посетителей курорта, а также продают экземпляр-другой любителям. По окончании купального сезона пленников выпускают на свободу, так как в клетке они редко принимают пищу, и по крайней мере в Шлангенбаде все думают, что это не случается никогда. С этим согласуются и рассказы Ленца и Линка. «Я никогда не мог, — говорит первый, — заставить их есть в неволе и тем не менее держал их живыми почти год. Раз 1 августа у меня ускользнул полоз длиной в метр, который прожил у меня с предыдущей осени и от голода и скуки ослабел и исхудал. По прошествии месяца однажды в саду раздался громкий крик поденщика, звавшего на помощь: он увидел ползущую змею и быстро прижал ее лейкой. Когда я подоспел к нему, то с большой радостью увидел ускользнувшего от меня полоза. Он выглядел очень бодрым и упитанным. Его схватили и снова возвратили в неволю». Линк уверяет,

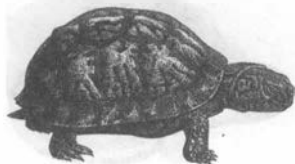

что эти полозы вовсе не принимают в неволе пищу и потому, хотя и могут выдержать несколько месяцев, перед весной жалким образом погибают.

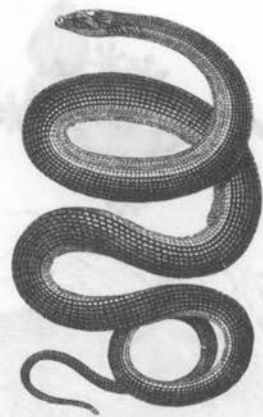
Что оба наблюдателя не правы, хотя и сообщают результаты собственных наблюдений, следует из рассказа Эрбера, который удивляется добровольному голоданию пленников, так как он наблюдал на двух эскулаповых полозах, которых он долгое время держал в клетке, что они в течение одного лета съели вдвоем 108 мышей и 2 ящерицы. Один полоз, который не принимал пищи 14 месяцев, но правильно линял в течение этого времени и, несмотря на это лечение голодом, видимо, не исхудал, тоже решился, наконец, приняться за еду, но вскоре после этого лежал в клетке мертвый. «Первое животное этого вида, которое погибло у меня».

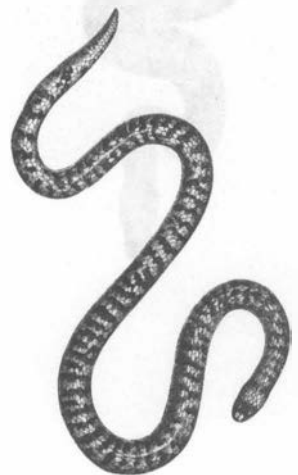
Эффельдт заставлял эскулаповых полозов, которых он держал иногда дюжинами, ради опыта голодать целые месяцы и затем давал им птичьи яйца, ящериц, веретениц, жаб, лягушек и других земноводных, а также насекомых и червей разного рода. Но ни один из полозов не трогал этих животных. Однако названный исследователь, обладавший чрезвычайной опытностью и удивительной ловкостью в уходе за змеями, скоро приучил их есть мышей и птиц и нашел, что они нуждаются в очень большом количестве пищи. «Если в клетку, — пишет он Ленцу, — посадить живую мышь или птицу, то, будет ли это днем или ночью, головки змей тотчас выглядывают из нор. Начинается горячая охота, и счастливый охотник хватается зубами за какую попало часть тела и с быстротой молнии обвивается вокруг нее шестью тесно прилегающими друг к другу кольцами, так что она пропадает с глаз наблюдателя. Если обвитое животное особенно живуче и сопротивляется, то часто случается, что полоз начинает с бешеной быстротой кататься по клетке, пока ему не покажется, что добыча наверняка задушена. Но и теперь алчный полоз не выпускает ее. Он расслабляет свои кольца, отыскивает голову жертвы, хватается зубами и начинает затем обыкновенным образом глотать добычу. Иногда случается, что два эскулаповых полоза одновременно обхватят одну и ту же добычу, обовьются вокруг нее и в борьбе из-за желанной еды начинают с такой быстротой кататься по земле, что зритель не может хорошенько различить, из каких частей состоит катающийся клубок». Эффельдт достиг того, что живущие у него эскулаповы полозы ели также мертвых млекопитающих и птиц, а под конец даже нарезанную сырую конину.

В начале неволи эскулапов полоз очень зол и бешено пытается укусить руку ловца или мышей, которых посадят к нему в клетку. «При этом, — говорит Ленц, — он чрезвычайно расширяет голову, так что получается совершенно иной внешний вид и голова его становится треугольной, втягивает шею и затем чрезвычайно быстро выбрасывает ее вперед, чтобы укусить. Даже если его глаза затемнены предстоящим линянием, он целится хорошо,

гораздо лучше гадюки. Прежде чем укусить, он, подобно ей, быстро движет языком; но при самом укусе язык втянут. Иногда он быстро кусает, не раскрывая предварительно пасти; иногда же предварительно широко раскрывает рот. Если два полоза очень разозлены, то иногда кусают друг друга; вообще же они очень хорошо уживаются в неволе между собой и с другими пресмыкающимися. Злость полоза продолжается иногда долго и прорывается снова, если его потревожат, когда он нежится, или после продолжительного пребывания на свободе посадят снова в клетку. Но через несколько недель пойманный полоз, если им много заниматься, становится настолько ручным и добродушным, что действительно вступает в дружбу с хозяином, никогда не пытается более кусать его, даже из каприза или если его дразнят; попав на свободу, он, как уверяет Эрбер, снова возвращается в свою тюрьму. Как быстро эта змея привыкает к людям, следует из наблюдения, произведенного Эрбером, когда он поймал одного эскулапова полоза поблизости от каменоломни. «Это животное, — рассказывает он, — было настолько ручным, что я предполагал, что оно уже раньше жило в неволе; но от работавших там людей я узнал, что они уже давно заметили полоза, но не убивали его потому, что видели, как он ел и истреблял мышей. Этим объяснялось отсутствие страха при приближении человека». Так как все попытки заставить этого полоза есть не удалось, то он был высажен обратно, но не оправдал ожиданий хозяина. «Полученная свобода, по-видимому, мало радовала его; он свернулся и продолжал спокойно лежать около меня на солнечном месте; удаление мое мало тревожило его. Когда я спустя долгое время возвратился на то же место, он лежал не изменив позы и не двигался; только когда я погладил его, он, как делал обыкновенно в клетке, медленно вполз вверх по моей руке и улегся у меня на плече. Я всячески тревожил его, но он не уползал, а очень тихо пополз вверх по моей ноге и старался спрятаться ко мне под жилет; поэтому я оставил свое намерение и снова взял его с собой домой». Один полоз, которого держал Ленц, так привык к нему, что змее не приходило более в голову укусить хозяина. «Только когда я, — рассказывает он, — как часто случалось, брал его с собою в рощу из вишневых деревьев, где он скоро поднимался вверх по стволу, затем переходил с ветви на ветвь и с дерева на дерево, он кусал меня, если я влезал за ним и хотел снять его. Там наверху он снова чувствовал себя свободным, пытался отстоять свою свободу и всегда крепко обвивался снова, когда я делал попытку отцепить его от ветви. Поэтому мне не оставалось ничего иного, как брать каждый раз с собою наверх пилу и отпиливать ветвь, на которой он висел; когда я спускался вниз, он все-таки не выпускал ветви, и потому я должен был каждый раз совать его под воду. Тогда он оставлял ветвь, поспешно плыл к берегу, и здесь я без затруднения снова ловил его».

О его искусстве лазать, гибкости и стремлении уклониться от опеки хозяина Ленц и Линк приводят интересные рассказы. Линк получил в начале июня красивую пару этих полозов из Шлангенбада, вынул обоих из хорошо выстланного мхом и травой ящика и, занятый делами, предоставил их самим себе в большой, хорошо запертой комнате. По прошествии часа он возвратился, чтобы поздороваться с гостями, но они исчезли. Он искал во всех углах, перерыл все возможные укромные уголки: тщетно! Наконец он заметил самца на высоте 3 м на карнизе занавески, по складкам которой он, наверное, взобрался наверх; полоз лежал вытянувшись вдоль палки и спокойно посматривал на то, что происходило под ним. Стал продолжать искать, чтобы найти самку, и опять поиски долго были безуспешными, пока наконец наш наблюдатель не услышал легкое движение в подушке обитого стула. Перевернув стул, он с радостью увидел беглеца, который тесно перепутался с пружинами сиденья и, как доказывали попытки кусаться, решил защищать против всякого свое убежище. Лишь с величайшим трудом удалось вынуть оттуда животное.

Склонной к бродяжничеству паре предоставили теперь более надежное помещение: ящик, заплетенный сверху частой проволочной сеткой. Один раз крышку закрыли недостаточно тщательно, змеям удалось несколько сдвинуть ее в сторону, и тюрьма снова оказалась пустой. Отверстие, через которое оба полоза ускользнули, возбуждало своими малыми размерами справедливое изумление; казалось непостижимым, как такое большое животное могло протиснуться через такую щель. На этот раз очень долго искали напрасно, выдвигали ящики, самым тщательным образом осматривали каждую подушку, даже поднимали пол; все комнаты, все уголки были осмотрены, но змеи, казалось, пропали. «Приблизительно через три недели, — рассказывает наш автор, — я собирался пройти через спальню в одну внутреннюю комнату, как вдруг увидел самку, которая усердно старалась пролезть под дверь в соседнюю комнату. Встревоженная приближавшимися шагами, она на мгновение приостановилась и лежала теперь передней частью тела на пороге, остальным телом в спальне, прижавшись под дверь, как мертвая. Дверь нельзя было отворить, не повредив животное, но вытащить его, не разорвав на куски, также было невозможно. Поэтому я предоставил змею самой себе, и она воспользовалась этим, чтобы как можно скорее удрать. При этом я не мог надивиться переменам формы ее тела, которое сжималось то в вертикальном, то в горизонтальном направлении. Но где же обитало животное все это время? Несмотря на тщательные поиски, это до сих пор осталось неразрешенной загадкой. Спустя 8 дней был найден и самец, а именно на куче хвороста около деревянного сарая, где он с удовольствием потягивался под теплыми солнечными лучами. Судя по объему тела, он, за время своего отсутствия, не умирщвлял своей плоти.

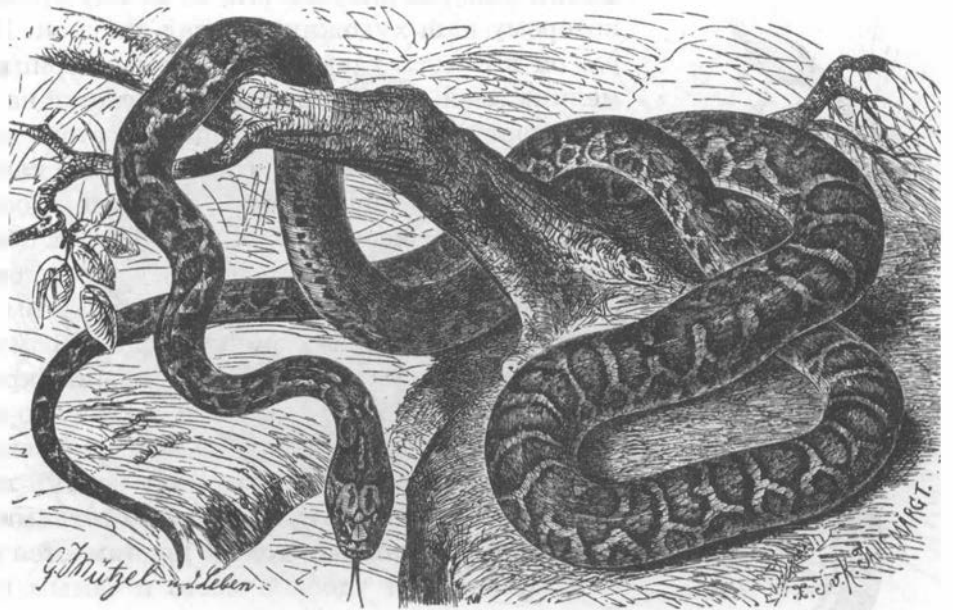
Близкий родственник эскулапова полоза — леопардовый лазающий полоз (*Elaphe situla*) широко распространенная по южной Европе змея, отличающаяся изящным сложением и красотой, а также и значительно варьирующей окраской; длина этого полоза может достигать 90 см. Он отличается от других видов того же рода отсутствием нижнего предглазного щитка, 8 верхнегубными щитками, из которых четвертый и пятый касаются глаза, 25—27 продольными рядами гладких чешуй на середине тела и разделенным заднепроходным щитком. Среди многих разновидностей встречаются две постоянные. У одной, настояще-

го, но гораздо более редкого четырехлинейного ужа, по Штрауху, на буровато-сером фоне имеются четыре, но чаще две, более темные или кроваво-красные продольные полосы, обычно окаймленные черным цветом, которые или непрерывно тянутся вдоль спины, или местами прерываются. Гребень спины обыкновенно окрашен очень свет-

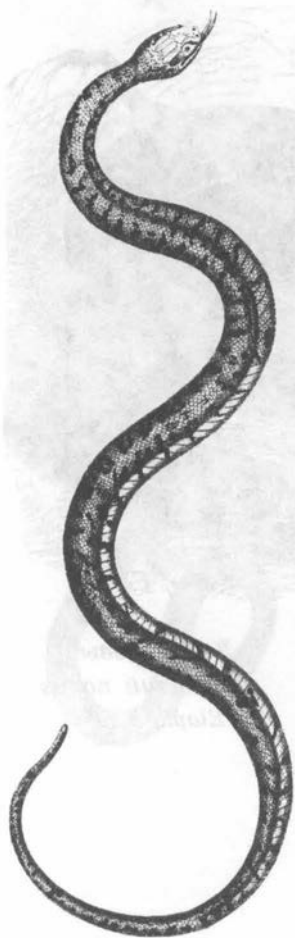
лым, даже белым цветом, бока разрисованы более мелкими черноватыми пятнами; нижняя сторона головы и передней трети тела желтовато-белая или очень светлая желтая, но каждый брюшной щиток разрисован 4 или 5 мелкими, неправильными, черноватыми пятнами, которые далее к заднепроходному отверстию настолько увеличиваются в размерах, что середина всего брюха оказывается темного стале-голубого цвета и лишь наружные края щитков сохраняют еще желтую окраску.

Более обыкновенная, пятнистая разновидность, напротив, окрашена светлым красновато-бурым цветом и украшена на верхней стороне тела и хвоста расположенными в два продольных ряда, но часто сливающимися в широкие поперечные полосы кроваво-красными пятнами с черной каймой, а по бокам рядом более мелких, черных полулунных крапин, чередующихся с первыми.

Область распространения этой змеи ограничивается на западе горами южной Италии и Сицилией, притом в большинстве стран в пределах этой области встречаются обе разновидности, а в

Леопардовый
лазающий полоз
(*Elaphe situla*)

Далмации и Греции почти исключительно леопардовый лазающий полоз. Паллас открыл первую из описанных нами форм в Крыму; Эрбер ловил леопардового полоза во всей Далмации и Герцеговине, но всегда лишь поодиночке; Эргард наблюдал его только один раз около вершины горы Пиргос, высотой 500 м, на Сире. Напротив, Бетхер получал его изо всех частей Греции в широком смысле слова, материка и островов, так регулярно и в таком значительном количестве, что называет его одной из самых обыкновенных змей Балканского полуострова. Он встречается также на Хиосе и у западного берега Малой Азии. Из Далмации я не раз получал его, и, между прочим, тот экземпляр, по которому наш художник сделал рисунок. По наблюдениям Эрбера, он питается главным образом ящерицами, но нападает и на мелких змей, по крайней мере бросается на них в клетке, убивает и съедает их. Эрбер просит щадить этого полоза, так как, по его словам, нельзя доказать, чтобы он был в каком-нибудь отношении вреден, а его чудная окраска и рисунок доставляют удовольствие всякому. В неволе он хотя и переносит обыкновенно зиму, но с началом весны всегда погибает, даже в том случае, если приложить величайшее старание к уходу за ним и устройству клетки. Из наших европейских змей он если не самая живая и бодрая, то, безусловно, самая красивая. Он служит украшением всякой клетки, тем более что не прячется, если только за ним хорошо ухаживать. Он лазает с такой же охотой и ловкостью, как эскулапов полоз, держится на плоском полу клетки лишь в силу необходимости и, если снабдить последнюю ветвями или, что еще лучше, зелеными растениями, тотчас поднимается вверх по стволу и ветвям, отыскивает удобное место и самым красивым образом ложится здесь, как правило перепутавшись и извившись. Таким образом, он и здесь, как на свободе, пленяет каждого зрителя.

Метакса, один итальянский исследователь, полагает, что в четырехполосом полозе надо видеть боа Плиния, но понятно, не хочет поддерживать этим мнением старую сказку, что во времена Клавдия была убита змея этого вида, в брюхе которой нашли ребенка. Как уже замечено, Плиний ясно указывает, что боа питается коровьим молоком и получил от этого свое название, и еще сегодня четырехполосого полоза, по словам Эрбера, очень боятся, преследуют и беспощадно убивают, так как все думают, что он ползает за коровами и козами, чтобы высасывать у них молоко, почему эту змею и называют «сavorciza», или доильщица коров.

Четырехполосый лазающий полоз (*Elaphe quatuorlineata*) — одна из крупнейших европейских змей, достигает длины 1,8—2 м и сверху по оливково-буроватому, переходящему в мясной цвет фону разрисована двумя черно-бурыми продольными линиями с каждой стороны, снизу соломенно-желтого цвета. От глаза к углу рта тянется черная полоска. Эта окраска, впрочем, представляет различные изменения. Эрбер ловил экзем-

пляры совершенно черного цвета, а другие исследователи показали, что у детенышей на голове находятся правильные поперечные черные полосы, а на верхней стороне тела три ряда больших бурых пятен; бока тоже испещрены пятнами, а на нижней стороне находятся черновато-стале-серые четырехугольные пятна. Из других признаков надо еще указать присутствие маленького нижнего предглазного щитка, 23—25 рядов спинных чешуек, которые в молодости слабо, а в зрелом возрасте сильнее килеваты, и двойной заднепроходный щиток.

Область распространения четырехполосого полоза простирается по южной и юго-восточной Европе, от нижней Италии и Далмации через Турцию, Грецию и Греческий архипелаг, по крайней мере до внутренних районов Малой Азии. Принадлежат ли сюда родичи этого ужа, описанные в кавказских странах, или представляют один или два другие вида, нам еще неизвестно, но очень вероятно, что змеи, встречающиеся в

южной части Европейской России и в местностях к западу от Каспийского моря, названные Штраухом *Elaphe sauromates*, относятся к четырехполосым полозам. Достоверно, что этот вид, за исключением, быть может, окрестностей Неаполя и некоторых греческих островов, нигде не может считаться обыкновенным, без сомнения, из-за непрерывного преследования, которому он подвергается в большей части стран.

В Греции четырехполосый полоз, по исследованиям Бедраги, населяет довольно ограниченные местности. «На острове Миконос он должен, впрочем, быть очень обыкновенным, судя по большому числу убитых экземпляров, которые я находил на дорогах этого острова. Я узнал от местных жителей, что они не боятся этого вида змей, который они называют «лафитис» (*Laphitis*), а терпят его вследствие одного местного поверья и не растаптывают нарочно, потому что он, благодаря своей смелости, сам подвергает себя опасности. Он живет там в местах, часто посещаемых людьми, каковы огороды, сараи и курятники. Подобное же поверье относительно змей существует и в России и Италии. В Мало-

Четырехполосый
лазающий полоз
(*Elaphe quatuorlineata*)

** Любопытно «пристрастие» четырехполосого полоза к скворечникам и дуплянкам. Он планомерно обследует эти устройства в поисках обитаемых гнезд. Забравшись на крышу скворечника, он опускает голову в леток и, если там никого не обнаруживает, продолжает поиск на других деревьях.*

*** Полозы рода Elaphe, как и ящерицы, питающиеся яйцами птиц, разламывают их скорлупу при помощи отростков позвонков, которые вдаются в верхнюю стенку пищевода.*

россии щадят ужей, и особенно большие экземпляры, чтобы не накликал беду. У Длинного озера в Италии я нашел, что там подобным же образом щадил живущих в виноградниках эскулаповых полозов».

Все наблюдатели называют четырехполосого полоза безобидным и крайне полезным животным, которое не кусает даже тогда, когда его ловят на свободе, и в самое короткое время привыкает к хозяину; оказывает услуги, поедая крыс, мышей и менее крупных змей, но, между прочим, преследует также полезных кротов, мелких птиц и ящериц*.

«Тому назад два года, — пишет мне Эрбер, — я поймал в Албании четырехполосого полоза при странных обстоятельствах. Собирая насекомых вокруг одного монастыря, я услышал в водосточной трубе непонятный для меня шорох. Я остановился неподвижно, ожидая, не покажется ли какое-нибудь мелкое четвероногое, но я немало удивился, когда сначала показалось куриное яйцо, а за ним четырехполосый полоз длиной более 5 футов. Животное уползло в кусты, с бесконечными усилиями проглотило яйцо, не разбивая его, но вскоре после этого раздавило его, прижавшись к маленькому дереву**. Признаюсь, я должен был сделать усилие, чтобы не начать ловлю этой красивой змеи; но я хотел понаблюдать дальнейшее поведение ее. Действительно, через несколько минут полоз снова пробрался по водосточной трубе на крышу, а оттуда через окно чердака внутрь монастыря. Вероятно, там находились гнезда кур или склад яиц, так как скоро змея снова оказалась на том же пути, опять с яйцом во рту, спустилась, как и первый раз, через водосточную трубу, поползла в кустарник и проглотила таким же образом вторую добычу. Этим дело не кончилось: семь раз повторял четырехполосый полоз свои разбойничьи набеги и, быть может, был еще не удовлетворен; но мне показалось это слишком долгим, и я, благодаря тому что змея наелась, без особого труда поймал ее. Так как со мной не было ни какого мешочка достаточной величины, я сунул пленника в один из карманов пальто, которые были достаточно велики и застегивались с помощью пуговиц, и спокойно продолжал собирать насекомых. Но скоро я почувствовал на боку странную влажность: змея выбросила в мой карман все съеденные и раздавленные яйца, и мне стоило немалых усилий отмыть карман от этого грязного подарка, тем более что полоз стал теперь очень подвижен, и мне приходилось все время держать его. Во всяком случае, животное это обнаружило в своем хищническом предприятии хитрость и ловкость, которые заслуживают полнейшего внимания, тем более что это наблюдение самым неопровержимым образом подтвердило часто возбуждавшие сомнения рассказы, что наши европейские змеи грабят птичьи гнезда и похищают яйца».

Кнауер описал жизнь четырехполосого полоза в неволе. Он оказался животным, хорошо переносящим наш климат и без зат-

руднений зимующим. Он много лазал, охотно купался и легко принимался за еду; любимую пищу его составляли птицы. Граф Перакка получил из яиц через 56 дней детенышей*. По его мнению, самцы встречаются реже самок.

В лесах всей Бразилии, Гвианы и Венесуэлы, а также на Малых Антильских островах живет зипо (*Chironius carinatus*). Эта древесная змея, длиной 2,3 м, имеет великолепную внешность, каков бы ни был оттенок ее цвета. По описанию на месте, сделанному принцем фон Вид, верхние части — красивого, мягкого, несколько темного чижиково- или оливково-зеленоватого или ярко-желтого цвета; при этом следует заметить, что первый цвет преобладает обыкновенно на брюхе, последний — на нижней стороне головы, на горле, на нижней стороне шеи и хвоста. Зеленый цвет представляет все оттенки до блестящего металлически-бурого. Среднюю линию спины занимает более светлая полоска, которая часто ограничена по бокам более темным цветом. Вест-индские экземпляры этого вида сверху черновато-бурые или черные, снизу свинцово-серые; верхняя губа и область горла у них желтоватые. Чешуйки этой легко отличимой змеи то гладкие, то два средних спинных ряда килеватые; они всегда расположены двенадцатью продольными рядами. Глаза замечательно велики.

По наблюдениям принца фон Вид, зипо представляет в Бразилии, вместе с коралловой змеей, один из самых обыкновенных видов отряда. Она встречается около Рио-де-Жанейро, Кабо-Фрио, Кампос-де-Гойтасазес, у Парахиба и Капитания при Эспирито-Санто и живет преимущественно в кустарниках, растущих на песчаной почве, поблизости моря. Здесь упомянутый естествоиспытатель наблюдал чрезвычайно крупные экземпляры, длиной 2—3 м и толщиной 4—6 см. Змея эта, по-видимому, особенно любит песчаную почву, а также влажные и болотистые местности около моря, поросшие ситником, желтоколосником, тростником и тому подобными растениями и напоминающие наши луга. Здесь ее часто находят в кустах там, где растут

* Самки четырехлопастого полоза защищают свою кладку от врагов, обвивая ее кольцами своего тела.

Зипо
(*Chironius carinatus*)

прямые цекропии с белыми цветами и жесткие широколистные клузии. По большей части она попадает на деревьях, где отдыхает на ветках или толстых сучьях, но нередко и на земле. Если к ней приблизиться, то она так быстро уползает, что за ней едва можно следовать, всего быстрее в траве, несколько медленнее по голому песку. Гензель полагает, что зипо может быть не так редка в южной Бразилии, как кажется, но скрывается от взоров, так как держится под кустарником и в лесах и уходит от всех преследователей, благодаря своей невероятной скорости.

С быстротой молнии эта змея влезает на терновник и кусты и, извиваясь, проскальзывает сквозь них, так что рассказы о том, будто бы она питается птицами, не кажутся невероятными. Принц фон Вид часто находил, что тонкая шея зипо была чрезвычайно сильно растянута большими жабами; поэтому можно думать, что она питается главным образом земноводными. Время спаривания приходится на октябрь.

По Молю и Уриху, эта общеизвестная змея называется на Тринидаде «Machete» (ножик), по острому гребню спины. Она не только изумительно лазает по кустам и деревьям, но также превосходно плавает. С чрезвычайной быстротой она соединяет необыкновенную ловкость в гимнастических упражнениях. Нередко можно видеть, как она висит на кончике хвоста на самом конце ветви куста, склоняющейся над рекой. Если ее схватят, то блистающая золотистым и бронзово-зеленым цветом «мачете» яростно кусает все вокруг себя. Главную пищу ее составляют лягушки, но она не пренебрегает также молодыми птицами и ящерицами. Она откладывает пять яиц вальковатой формы с очень тонкой скорлупой.

Зипо считают безвредной даже в Бразилии; тем не менее жители с ужасом смотрели, как упомянутый натуралист и его спутники брали голыми руками это красивое животное. В безвыходной ситуации зипо, впрочем, защищается от человека, как видно из следующего рассказа Шомбургка: «На одной из своих охотничьих экскурсий я увидел змею длиной 2 м, которая медленно двигалась мне навстречу. Расстояние было еще слишком велико, и я не мог различить, ядовитая это змея или безвредная. Оба ствола моей двустволки были заряжены; я прицеливаюсь, стреляю, и животное, судорожно извиваясь, вытягивается в виде дуги. Хлопанье крыльев в ветвях дерева, под которым я стоял, привлекает мое внимание: два красивых, незнакомых мне попугая, которые сидели в тени и были испуганы выстрелом, скоро снова опускаются на кончик ветви. Змея казалась смертельно раненной, и я убил одну птицу из второго ствола. И тут я вижу, как змея с трудом поворачивается к густому кусту, в котором и исчезает, пока я заряжаю ружье. Тщетно ищу я ее с заряженным ружьем в руке и стараюсь подойти ближе. Вдруг раненое животное, которое заметило мое приближение и приготовилось к прыжку, стре-

лой бросается по направлению к моему плечу и заставляет меня сделать сильный скачок назад. Еще оцепенелый от испуга, не зная, ранен ли я или нет, я увидел, что животное снова готовится к прыжку. Сделать это змее, однако, не удалось, так как вовремя прозвучал мой выстрел. При ближайшем рассмотрении я нашел, что не был ранен, а мой яростный враг оказался не ядовитой змеей, а безвредной зипо».

Большой род **настоящих ужей** (*Natrix*) отличается своим внутренним строением, малой величиной носовых костей и зубами. Из 12—22 зубов верхней челюсти последний всегда длиннее остальных; зубы

нижней челюсти равной величины.

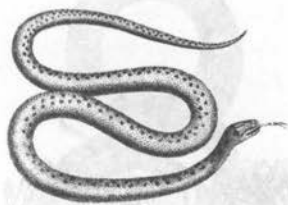
Голова резко отграничена от шеи, умеренно большие или очень большие глаза имеют круглый зрачок, ноздри направлены несколько вверх. Вальковатое тело то более, то менее вытянуто; чешуйки килеватые, реже гладкие, расположены в 15—29 продольных рядов и по большей части имеют перед кончи-

ком поры. Брюшные щитки закруглены и не загнуты по бокам углом вперед; хвостовые щитки расположены попарно.

Общеизвестный представитель этого рода — **обыкновенный уж** (*Natrix natrix*) — змея змей для нашего народа, предмет его древних сказаний и новых чудесных рассказов, его страха, его ненависти, его страсти к истреблению, — самый распространенный из всех германских ужей. Он может достигать в длину 1,58 м, но обычно, по крайней мере в Германии, вырастает только на добрую треть этих размеров, а самцы, кроме того, всегда меньше самок. Одна исключительно крупная самка из Швейцарии, которую имел Фишер-Зигварт, была 1,80 м длины. Два белых или желтых, а у южных форм часто ярко-красно-желтых полулунных пятна с каждой стороны позади висков, которые называют «короной» ужа, служат таким надежным отличительным признаком, что эту змею никогда нельзя спутать с другими европейскими змеями. Кроме того, этот уж на сером фоне разрисован 4—6 рядами черных пятен, тянущихся вдоль спины, ниже по бокам испещрен белыми пятнами, а середина брюха черного цвета.

Обыкновенный уж
(*Natrix natrix*)

* Популяции с территории Кавказа сейчас относят к другому виду — большоголовому ужю (*Natrix megaloccephala*).

Цвет спины то более бурый, то зеленоватый, то серо-голубой; иногда он кажется почти черным, и в таком случае темные пятна исчезают почти совершенно. Вообще же оба пола, а также старые и молодые отличаются друг от друга очень мало. Для дальнейшей характеристики этого вида можно еще прибавить, что килеватые чешуйки расположены в 19 продольных рядов и что глаз окружен лишь одним предглазным щитком, а сзади тремя заглазными. Из семи верхнегубных щитков третий и четвертый доходят до глаза.

От гадюки, с которой обыкновенный уж имеет общий признак — килеватые чешуйки, его легко отличить по большим щиткам, круглому зрачку, заднепроходному щитку, разделенному на два, и по тому, что между верхнегубными щитками и глазом не вдается ряд более мелких чешуек, отделяющих глаз от губных щитков.

Область распространения ужа простирается, за исключением самого крайнего севера, по всей Европе и очень значительной части передней Азии и северной Африки до Алжира. Он встречается по всей Германии, особенно часто в болотистых и богатых водой местностях, реже в сухих местах, и вообще попадает везде. Он водится также в Швейцарии и вообще в Альпах, поднимается здесь до 1650 м, а в Пьемонте, по Камерано, даже до высоты 2300 м. По ту сторону Альп он встречается во всех частях Италии; во всей Франции, а также на Пиренейском полуострове он принадлежит к самым обыкновенным змеям; в Дунайских низменностях и на Балканском полуострове встречается еще гораздо чаще, чем у нас, но лишь в виде полосатой разновидности, на севере достигает средней Швеции, в России доходит до Финляндии, переходит за Кавказ и Урал, живет, следовательно, и в Киргизской степи, Закавказье и лишь в Закавказье, Персии и Алжире достигает южной границы области своего распространения*. Только в Алжире обыкновенного ужа можно назвать редким.

Поросшие кустами берега болот и топких мест, медленно текущие ручьи и реки, заброшенные плотины прудов, влажные леса, места, поросшие ситником или камышом, и болота составляют излюбленные местопребывания ужа, так как здесь он находит свою любимую пищу. Однако его можно встретить и на более высоких горах, далеко от всякой воды, и притом, по словам Ленца, вовсе не случайно, а в любое время года; это дает право заключать, что он не покидает этих мест. Нередко он приближается к человеческим жилищам и селится на дворах под кучами навоза и земли, в которых сам вырывает себе нору, или в норах, вырытых крысами, мышами и кротами, а также в погребках и хлевах. Струк убедился, что в Мекленбурге ужи особенно любят хлева для уток и кур; там он видел иногда дюжинами старых и молодых ужей. Особенно нравятся им находящаяся здесь влажная теплая подстилка. Они живут

в самом лучшем согласии с утками, которые не дотрагиваются даже до маленьких ужей вследствие их вони; ужи же охотно кладут свои яйца под покинутыми гнездами уток и кур. Напротив, названный наблюдатель нигде не видел, чтобы ужи селились в хлевах для коров и овец; это объясняется тем, что копыта домашних млекопитающих представляют для змей слишком большую опасность. Менее часто, чем в птичниках, но все же нередко, ужи встречаются в человеческих жилищах. Ленц рассказывает, что жил ребенком в доме, в нижнем этаже которого более года пребывала пара больших ужей, к которой время от времени присоединялась и пара молодых. «Было запрещено беспокоить это общество, но зато было трудно найти прислугу, которая согласилась бы жить у нас. Мы, дети, особенно дивились этим животным, когда они с дребезжащим шумом ползали по стеклам витрины. Более неприятно было, когда большой уж поселился под половицами жилой комнаты у одного моего близкого родственника, духовного лица. Стоило только немного посильнее ступить на половицы, и тотчас из-под них распространялась известная вонь ужа. Половицы не были подняты, так как дом стоял под управлением общины. Наконец змея выселилась добровольно». В русских крестьянских избах ужи, по словам Фишера, ползают очень часто, так как крестьяне охотно допускают их или, по крайней мере, терпят*; их охраняет поверье, будто бы смерть ужа приносит несчастье. Малоросс верит в царство ужей, в котором есть царь ужей. Он носит украшенную драгоценными камнями корону, которая прекрасно блестит на солнце, и ему подвластны все ужи. Если одному из его подданных сделают зло, то он мстит за это, напуская на обидчика болезнь, у этого человека рождается урод, случается пожар, или какая-нибудь другая беда. Весьма естественно, что уж вступает в дружеские отношения с настроенными таким образом обитателями дома.

Уж принадлежит к тем пресмыкающимся, которые, насколько возможно, сокращают свой зимний сон. Осенью при хорошей и теплой погоде еще в ноябре можно видеть, как он греется на солнце, весной он снова показывается в конце марта или начале апреля и сначала в течение нескольких недель согревается под теплыми лучами солнца, прежде чем начнет свою летнюю жизнь или даже свою охоту.

Тот, кто отбросит привитый нам воспитанием страх перед змеями и познакомится с ужом, безусловно, назовет его приятным и привлекательным существом. Он принадлежит к самым подвижным и проворным видам семейства; правда, он охотно вытягивается на солнце и по целым часам с удовольствием остается в этом положении, но он также много ползает, во всяком случае, гораздо больше, чем коварно подстерегающая, ленивая ядовитая змея, которая даже ночью движется в возможно малом районе. На поросших кустами берегах спокойных вод легко можно наблюдать живость и подвижность ужа. С берега, на краю кото-

** В XIX веке в деревнях Казанской губернии действительно в домах специально содержали ужей, видимо, для борьбы с мышевидными грызунами или просто как домашних животных.*

рого он только что грелся на солнце, он бесшумно соскальзывает в воду, чтобы развлекаться плаванием или выкупаться. Обычно он держится так близко у поверхности воды, что головка его выдается над ней, и он движется вперед, изгибаясь в стороны и постоянно двигая языком. Но иногда он плавает также в толще воды, выпуская пузыри воздуха, и вблизи твердых предметов, осязая их языком. Испуганный, он постоянно скрывается в глубине и довольно далеко может уплыть или по дну, или около самого дна, пока не сочтет себя в безопасности, чтобы снова подняться к поверхности, или же опускается на дно и долго лежит там, так как может оставаться под водой целые часы. «Это я наблюдал, — говорит Ленц, — не только в природе, но и в комнате. У меня было 16 ужей в большой бочке, наполовину наполненной водой; на дне лежала доска, на которой они могли отдыхать; под доской был столб. Я видел, что они часто добровольно оставались полчаса под водой, или лежа на доске, или ниже, обвившись вокруг столба».

Если уж хочет проплыть большое расстояние, например переплыть широкую реку или озеро, то он наполняет, насколько возможно, свое широкое легкое воздухом и, благодаря этому, значительно облегчает себе плавание, между тем как при нырянии он всегда предварительно выдыхает воздух. Правда, он плавает не особенно быстро, по крайней мере не так скоро, чтобы нельзя было идти рядом с ним, но очень продолжительно и может предпринимать гораздо более долгие путешествия по воде, чем обыкновенно думают. При благоприятных обстоятельствах можно проследить его плавание на большом расстоянии. Так, Струк заметил однажды ужа, плывшего вдоль берега, и прошел 1800 шагов рядом с ним, пока тот наконец нырнул и исчез. Что он действительно переправляется через обширные водные поверхности, это определенно доказано. Шинц видел в тихую погоду ужа, который бодро плавал на середине Цюрихского озера; английские исследователи неоднократно встречали ужей в море между Уэльсом и Англией; датский моряк Ирмингер нашел ужа даже в открытом море на расстоянии 23 км от ближайшего берега, острова Рюгена. Так как он старался взобраться на борт, то Ирмингер спустил шлюпку, поймал ужа и отослал его в Копенгаген к Эшрихту, который и определил его.

В Мекленбурге считается общеизвестным, и Струк несколько раз видел это собственными глазами, что ужи, ловящие рыбу в озере, иногда располагаются на спине плавающих уток, без сомнения, для того, чтобы таким образом одновременно наслаждаться теплом, мягкой подстилкой и отдыхом. Уткам нравятся такие всадники. В народе, на основании этого наблюдения, возникло мнение, будто бы утки спариваются с ужами, и ни один из сторонников этого поверья не согласится когда-нибудь съесть утиное яйцо. Ползает уж по земле довольно быстро; однако на равнине

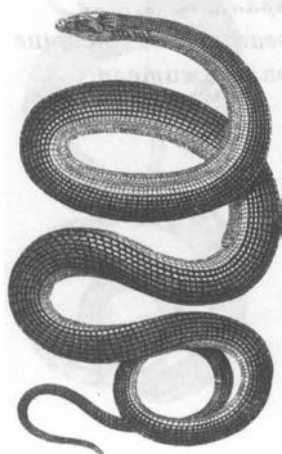
его всегда можно догнать, даже без значительных усилий; напротив, по склонам он иногда скользит вниз с такой быстротой, что его можно сравнить со стрелой. В лазании он тоже достаточно ловок и иногда влезает на довольно высокие деревья. «Увидев ужа на дереве, — говорит Ленц, — я забавлялся тем, что загонял его очень высоко на дерево. Если он не может лезть дальше, то начинает, быстро извиваясь, спускаться по ветвям или, если это возможно, переходит на ближайшее дерево и спускается по его ветвям; но если нижние ветви далеко от земли, то он не старается соскользнуть по стволу, а шлепается вниз и уползает».

Ужа называют добродушным животным, так как он лишь крайне редко пускает свои зубы в дело против человека и хорошо уживается на свободе и в неволе с другими змеями или вообще пресмыкающимися, а также и с земноводными; с последними, по крайней мере, если не голоден. Против хищных млекопитающих и птиц он, конечно, шипя, становится в оборонительную позу и пытается укусить, но если можно, то он всегда убегает от существ, кажущихся ему опасными, особенно от тех, которые его преследуют и едят*. Линк называет ужа таким миролюбивым, безобидным существом, «что можно почувствовать искушение приписать ту доверчивость, с которой он приближается к жилищам человека, известного рода чистой совести. Особенно человеку нечего бояться зубов ужа, он может без страха протягивать к нему руку, ловить его и, если хочет, даже носить за пазухой. У ужа нет недостатка в храбрости, чтобы защищаться, но надо прибегнуть к хитрости и схватить его неожиданно и сзади, чтобы побудить его кусаться». По наблюдениям Дерси, уж не кусает даже тогда, когда, спрятавшись за доской или дверью, вдруг всунуть руку в его помещение. Указание Линка тем не менее справедливо; Ленц уверяет, что ужи иногда кусали его очень неожиданно. Однажды один уж добродушно позволил поймать себя и лишь около 6 минут спустя вдруг укусил, издав короткое шипение, хотя до того спокойно лежал в руке, и нанес кровавую рану длиной в сантиметр и глубиной в миллиметр, которая была как бы порезана острым ножом и, конечно, очень скоро зажила без осложнений. Для защиты от человека уж пользуется только своими крайне вонючими испражнениями; против больших животных, хищных птиц и воронов он защищается энергичнее, очень сильно шипит при их приближении, делает выпады по направлению к ним, но лишь редко достает до врага. «Я никогда не видел, — говорит Ленц, — чтобы он действительно нанес сильный укус такому врагу, хотя он в состоянии, если его запрут вместе с врагом, несколько дней кряду непрерывно лежать, свернувшись клубком и надувшись, и кусаться каждый раз при его приближении. Если враг, будь то птица или млекопитающее, действительно схватит ужа, то он не защищается, а только сильно ши-

** Одной из форм защиты обыкновенного ужа является мнимая смерть, когда он переворачивается на спину, приоткрывает рот и высовывает язык, практически не реагируя на внешние раздражители.*

* На смачивание
жертвы уж выделяет
около 1 г слюны.

пит, старается освободиться или обвивается вокруг врага и выпускает испражнения и вонючую жидкость».

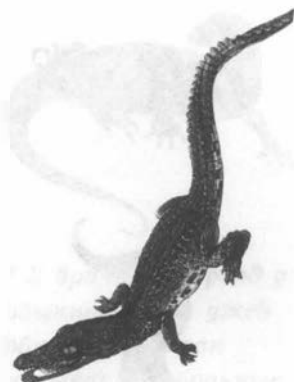
Любимая добыча ужа состоит из лягушек, особенно ревностно преследует он травяную лягушку. По наблюдениям Ленца и Бетхера, он предпочитает квакшу всякой другой; по крайней мере только что пойманных ужей, которые пренебрегают лягушками, можно легко заставить есть, если предложить им квакш. Но до такого лакомства уж при жизни на свободе добирается, однако, лишь в период спаривания квакш, во время которого они спускаются на землю, а обыкновенно травяные или остромордые лягушки составляют ту добычу, которая достается ужам легко и постоянно*. Наблюдения Эффельдта, что обыкновенно ужи боятся прудовых лягушек, а при сильном голоде хотя и кусают, но не едят их, едва ли относится к нашим ужам; я не раз видел, как они глотали прудовых лягушек.

Замечательна, по словам Вернера, та верность, с которой уж даже в темноте различает разные виды лягушек и жаб и делает между ними выбор, причем, вероятно, руководствуется обонянием. Даже знатоку земноводных не так легко отличить травяную лягушку от прыткой, а между тем уж это делает всегда с легкостью и безошибочной точностью. Если он не находит достаточно лягушек, то принимается и за жаб. Тритонов он ест, по-видимому, очень охотно и умеет овладевать всеми встречающимися у нас видами, как на земле, так и в воде. Иногда, как сообщает мне Стерки, он схватывает и саламандру, но, по-видимому, такая пища не особенно нравится ему, так как уж иногда выплевывает саламандру обратно и этим дарует ей жизнь. После земноводных он, подобно всем родичам, особенно охотно преследует маленьких рыбок и потому может местами действительно приносить вред. Линк никогда не видел, чтобы ужам на свободе удавалось поймать рыбу, и потому сомневается, чтобы кто-нибудь мог приписать ужам, на основании собственных наблюдений, ловкость, необходимую для ловли рыбы. Но уже Ленц, этот точный и добросовестный наблюдатель, не оставляет никакого сомнения в этом, а мой брат Рейнгольд часто наблюдал, как другие настоящие ужи ловили рыбу; так что этот вопрос можно считать совершенно исчерпанным. Ленц, исследуя содержимое желудка убитых ужей, находил, что они ели главным образом гольцов, пескарей и молодых линей, а Пехуэль-Леше наблюдал их во время ловли рыбы.

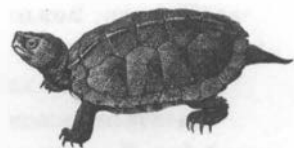
Живо и верно описывает Линк охоту ужа за его любимой дичью — толстой травяной лягушкой. «Лягушка вовремя замечает намерения приближающегося ужа, в котором инстинкт, а иногда и воспоминание о счастливо избегнутой опасности заставляет ее узнать жестокого врага; поэтому лягушка тотчас обращается в бегство. При этом она, как и всякая преследуемая дичь, движется тем поспешнее, чем более уменьшается расстояние между ней и преследующим ее врагом. Страх лишает ее соображения, так что

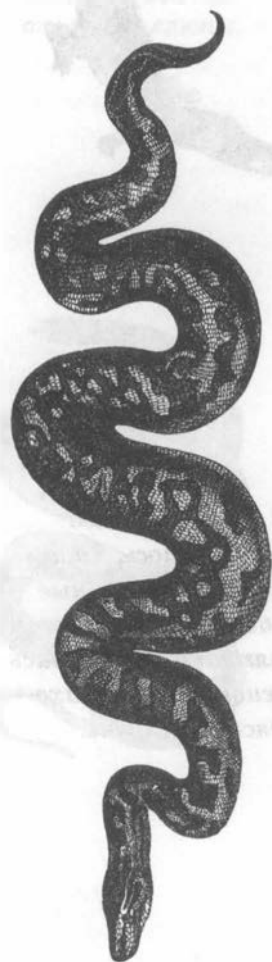
она делает лишь редкие и короткие прыжки (хотя она скорее всего могла бы спастись сильными прыжками, к которым она вполне способна в другое время) и с удвоенной поспешностью старается спастись бегом, причем часто кувыркается. Очень редко при этом раздается полный отчаяния жалобный крик испуганного животного. Этот крик не имеет никакого сходства со звуками, которые мы слышим у лягушек обыкновенно, и незнающий может приписать его скорее любому другому животному, чем лягушке. Он звучит почти как жалобное, продолжительное овечьё блеяние, но более протяжен и действительно возбуждает сострадание». Такое преследование, при котором змея кажется слепой по отношению ко всему остальному, редко продолжается долгое время; напротив, обыкновенно очень скоро добыча бывает схвачена и затем проглочена. Линк полагает, что в так называемой волшебной силе змей, быть может, есть доля истины; один достойный доверия человек рассказывал ему об уже, который только что проглотил очень большую лягушку и был окружен полдюжиной других; они изо всех сил издавали жалобный крик, но не делали никакой попытки избежать судьбы товарища, так что уж схватил и умертвил еще одну из них, а затем третью. Я полагаю, что могу остаться при том мнении, которое высказал выше, так как не раз видел столь наглядно описанную Линком охоту на лягушек. Притом, если посадить лягушку в одну клетку с ужом, она старается как можно поспешнее убежать и, только увидев, что это невозможно, почти без сопротивления отдается своей судьбе.

Способ, которым уж глотает добычу, внушает зрителю отвращение, особенно потому, что он не умерщвляет предварительно свою жертву (к чему он, впрочем, и не способен), а проглатывает ее еще живой*. Обыкновенно он старается схватить лягушку с головы; но если это не удастся, то схватывает ее, например, за задние лапы и медленно втягивает в глотку, причем лягушка, понятно, сильно бьется и жалобно квакает, пока может еще открывать рот. Змее стоит немалого труда удержать подвижную добычу; тем не менее последней крайне редко удается освободиться от безжалостного врага. Но и в таком случае, если змею не беспокоят, то она тотчас следует за добычей и снова овладевает ею. Мелкие лягушки проглатываются гораздо легче, чем большие, работа с которыми часто продолжается несколько часов и, по-видимому, очень утомляет ужа; между тем мелких лягушек он в случае голода часто схватывает и глотает полдюжины сразу. При сильном голоде он съедает через короткие промежутки 100 головастиков или 50 маленьких лягушек, только что окончивших превращение. Испуганный уж, подобно другим змеям, обыкновенно выплевывает обратно принятую пищу, причем, если проглоченное животное было очень велико, он должен очень сильно разинуть пасть. Мелких позвоночных, принадлежащих к двум первым классам, уж ест разве лишь в самых исключительных

** В ряде случаев оказывалось, что недавно съеденные обыкновенным ужом лягушки оставались живыми, уже находясь в желудке.*

случаях; по крайней мере, на содержащихся в неволе наблюдали, что они постоянно пренебрегают мышами или птицами и их яйцами. Желтком разбитых яиц они, напротив, лакомятся с видимым удовольствием, как наблюдал Струк и другие. В молодости они если и не преимущественно, то изредка могут питаться также насекомыми и мягкотелыми. Эрбер видел, как ужи, которых он держал, ели улиток и гусениц, а Струк — как живущие на воле старались схватывать на освещенных солнцем стенах спокойно сидевших мух, комаров, мокриц и т. п.

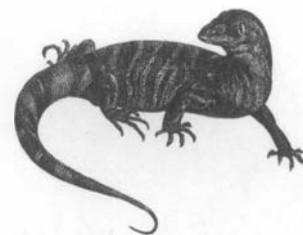
Долгое время полагали, что уж не пьет. Ленц никогда не находил воду в желудке исследованных им ужей, хотя оставлял их в жаркую погоду долго без воды, помещал затем в воду и скоро после этого вскрывал. Тем не менее нельзя сомневаться в противоположном. Один приятель только что названного исследователя наблюдал, как один из его пленников, после того как в середине лета не получал жидкости в течение 14 дней, выпил до дна чашечку воды; другие любители змей убедились в том же. Дерси удивляется каждому наблюдателю, который не видел, как ужи пьют. В жаркие дни можно заметить, что они жадно всасывают упавшие на землю капли, а также очень часто удается видеть, как они пьют из наполненного водой блюдечка таким же образом, как медянка. Те ужи, которых я наблюдал и которых держал в клетке вместе с другими змеями, пили так же регулярно, как и их родичи. Кроме воды, по крайней мере некоторые из них, пьют и молоко, особенно если у них нет ничего другого; а если они раз привыкли к такой жидкости, то может случиться, что они пьют ее даже очень охотно. На этом наблюдении основывается, вероятно, общеизвестное поверье, что ужи сосут вымя коров и других дающих молоко домашних животных для лакомства.

Подобно всем змеям, уж может выживать целые месяцы без пищи. Относительно этого Герклоц обнаружил в свое время одно наблюдение, которое, несмотря на жестокость опыта, заслуживает широкой известности. «В 1864 г. 19 июня я поймал во время одной из охотничьих экскурсий в болоте Нейзидлерского озера ужа и сохранял его с тех пор в устроенном для этого стеклянном помещении. Хотя в нем находилась подходящая для ужа пища, он упорно отказывался от корма и воды. Это продолжалось до середины сентября; в этом месяце он пил один раз воду, но не принимал пищу. Линька произошла полная. Мне очень хотелось знать, сколько времени это животное сможет голодать, и потому с этого времени я отказывал ему в пище и воде. Клетка стояла в моей комнате; я жил в ней один, и не подлежит никакому сомнению, что никто не кормил змею. Наступила зима, но змея, хотя и пыталась устроить себе логовище под камнями и покрытой мхом землей, не впала в зимнюю спячку, так как температура не падала ниже 10—12° Цельсия. В течение зимы змея была, правда, не очень оживлена и по временам даже лежала долгое время, как

мертвая, но быстрое, как стрела, движение языка, когда я отворял клетку, показывало мне, что она была еще жива и не спала. Только раз я подумал, что она умерла, и поручил убрать труп из клетки; однако в теплой руке моего сына змея снова ожила, начала извиваться, выпила немного воды и затем продолжала свой невольный пост до 26 апреля. В этот день она снова была совершенно истощена, и я серьезно опасался за ее жизнь. Так как она была мне нужна и я не хотел ее жертвовать, то принес в клетку двух тритонов. Она мгновенно заметила еду, развернулась и несколько раз проползла вокруг своей тюрьмы, затем вдруг остановилась, подняла головку и стала водить ею по камню то вправо, то влево. При этом она поочередно открывала то одну, то другую сторону пасти и, наконец, совсем раскрыла и растянула ее. С чрезвычайной быстротой бросилась она затем на одного из тритонов, с большой жадностью проглотила его, а скоро в ее пасти исчез и второй тритон. С тех пор уж часто ел, был совершенно здоров и перелинял 11 мая. Хотя во время жизни в неволе он исхудал, однако никаких признаков болезненного состояния не обнаруживал, и все поведение его соответствовало поведению других экземпляров, которых я тоже держал в неволе, не заставляя их голодать. Редко может случиться, чтобы животное провело без пищи и зимнего сна 311 дней, потому я полагал, что об этом случае следует сообщить».

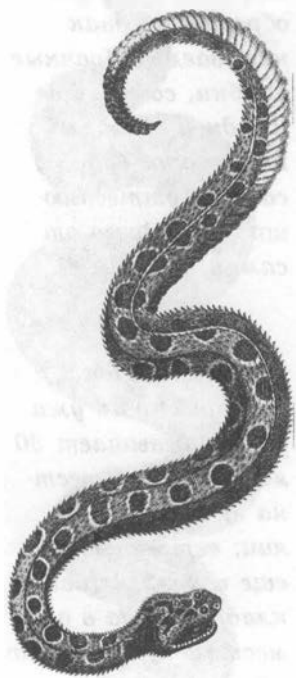
Хотя в хорошие годы уж, как уже замечено, показывается к концу марта или в начале апреля и скоро после этого линяет, а следовательно, надевает свой брачный наряд, однако он редко приступает к спариванию раньше конца мая или начала июня*. В это время можно видеть, обыкновенно в утренние часы, как самец и самка лежат в самом тесном соединении, обвившись многократно друг около друга, по возможности на таком месте, которое освещается лучами утреннего солнца. При этом они так поглощены своей страстью, что можно приблизиться к ним на несколько шагов, прежде чем они с громким шипением попытаются бежать, как указано выше, дергая друг друга и взаимно мешая ползти. На вынашивание яиц в теле матери, по-видимому, влияет погода, так как свежеотложенные яйца можно находить в различные времена года, первые в конце июля, последние в августе и сентябре. В неволе у ужей кладка может затягиваться до того, что детеныши образуются уже в теле матери и выползают немедленно или скоро после того, как яйца появятся на свет. Молодые самки кладут 15—20, старые 25—36 яиц**. По форме и величине яйца похожи на яйца домашних голубей, но отличаются, как и все яйца пресмыкающихся, своей мягкой, гибкой, содержащей мало извести скорлупой, а внутри — незначительным количеством белка, который образует лишь тонкий слой вокруг желтка. На воздухе они постепенно засыхают и гибнут, в воде они тоже пропадают; и то и другое влияет на размножение этого вида змей,

Семейство ужеобразные

* В брачный период у обыкновенных ужей образуются так называемые брачные клубки, состоящие из одной самки и нескольких (до 20) самцов, оттесняющих друг друга от самки.

** Объем кладки обыкновенного ужа редко превышает 30 яиц, однако известна кладка из 105 яиц; встречаются еще и коллективные кладки, когда в одно место откладываются несколько самок. В этом случае их количество может достигать 1200 яиц. Если же кладки разных самок не разделяются, то образуются массовые, или коммунальные, кладки. В подобных кладках обыкновенного ужа находили до 3000 яиц.

которое было бы чрезвычайно сильным, если бы развивались все зародыши. Обыкновенно самка выбирает с большим искусством удобные места: кучи навоза, листьев, коры из дубильных ям, опилок, рыхлой земли, влажный мох и т. п. — места, которые подвергаются нагреванию и тем не менее долго сохраняют умеренную влажность. Здесь она отыскивает углубление, помещает над ним заднепроходное отверстие, загибает вверх хвост и выпускает в углубление яйца. При кладке одно яйцо непосредственно следует за другим и связано с предыдущим студенистой массой, так что вся кладка имеет вид четок. Дозревание их заканчивается через три недели после кладки; совершенно развитый детеныш проделывает себе отверстие в скорлупе и начинает затем вести такую же жизнь, как и родители, если только рано наступивший холод не заставит его искать защиты от непогоды, т. е. заползать в отверстие, служащее убежищем во время зимы. При выходе из яиц молодые ужи бывают длиной около 15 см; зубы у них уже есть, и, следовательно, они достаточно подготовлены для самостоятельной жизни. Если погода мешает им охотиться и добывать пищу, то жир, отложившийся в их теле еще в яйце, и их прирожденная живучесть защищают их до следующей весны от голодной смерти. Мать после кладки не заботится более о потомстве.

В неволе ужа держать легко, так как он тот час принимается за еду. Даже только что пойманный обыкновенный уж, если к нему посадить живую лягушку, не оставит ее без внимания и не позволит ей прыгать перед ним взад и вперед, а если голоден, то начинает охоту, схватывает и съедает ее; если же, кроме того, позаботиться также о воде для питья и купания и надлежащим образом устроить помещение, то он очень хорошо чувствует себя в клетке. Сначала он докучливым образом пользуется своим оборонительным средством и опорожняет свои вонючие железы чаще, чем это может нравиться; но понемногу он отучается от такой невежливости и с течением времени может стать действительно ручным. Стерки пишет мне, что держал несколько ужей, которые так мало стремились к свободе, что он мог выносить их и по целым часам оставлять в траве, предоставляя самим себе, причем они не пытались бежать. Я сам студентом держал несколько ужей, которые следовали за мной по всей комнате, когда я держал перед ними пищу. Так как уж кусает лишь в редких случаях, то его можно беззаботно поручать попечению детей, любящих животных, и он всегда доставляет им большое удовольствие. Мне известны случаи, когда ужи, которых особенно не холили и не лелеяли, выдерживались в неволе три года и более.

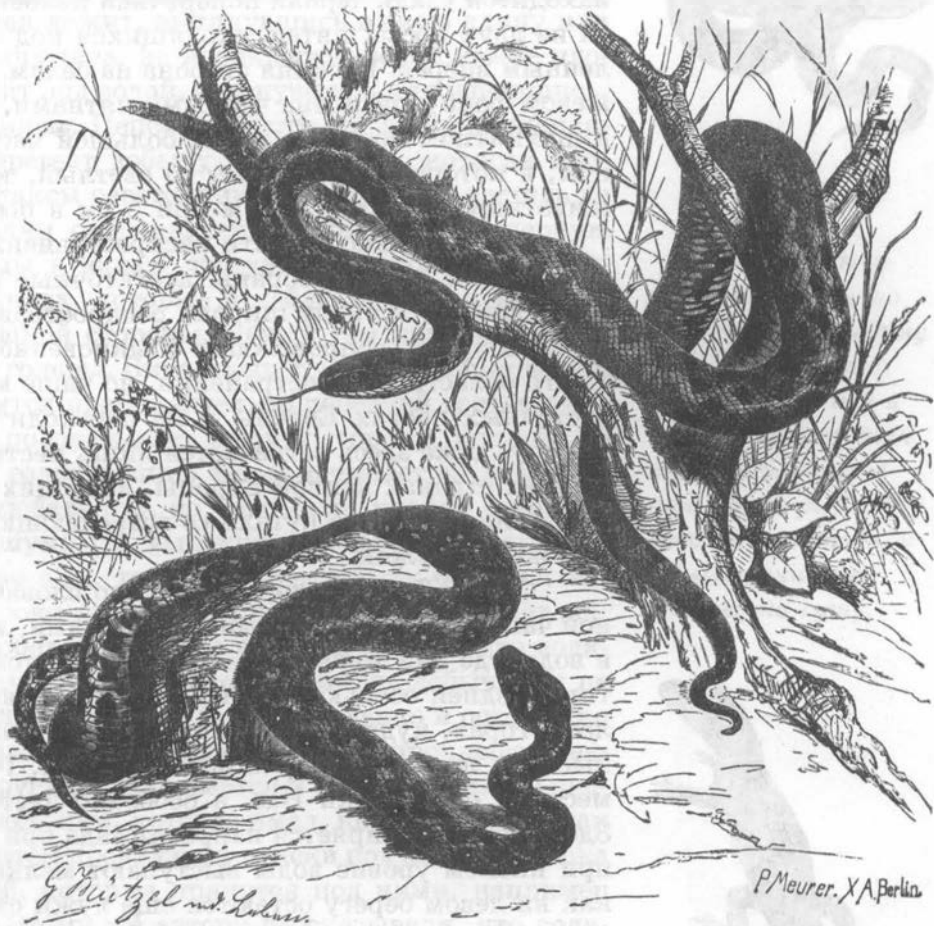
О врагах ужа мне незачем распространяться после того, что уже сказано, но тем не менее я хочу еще раз просить для них пощады. За самого ужа я не стану вступаться, так как считаю его скорее вредным, чем полезным животным, не говоря уж об истреблении рыбы, которое может действительно стать ощу-

тимым там, где существуют рыбоводные пруды, он питается, как мы слышали, только животными, которые бесспорно приносят нам пользу, истребляя вредных улиток и насекомых. Тем не менее и я, подобно Линку, предлагаю «не только любителю природы, но и каждому стороннику разумного воспитания рядом с комнатными птицами и тому подобным дать место около себя и пресмыкающимся, а прежде всего ужу». Я согласен с упомянутым любителем змей, что это решительно способствует развитию народа и ослабляет суеверие, так как все заблуждения, очевидно, уходят, когда людям дается возможность наглядно убедиться в безвредности животного.

Произведенные моим братом Рейнгольдом в Испании прекрасные наблюдения над ловлей рыбы настоящими ужами дают мне повод говорить еще о двух, в большом числе живущих в Европе видах этого рода, которых часто путают, — водяном и гадюковом ужах.

Водяной уж (*Natrix tessellata*) по величине и форме близок к обыкновенному ужу, но отличается от него не только числом верхнегубных и предглазных щитков, но также формой головы и рисунком.

Число верхнегубных щитков равняется в среднем 8, в очень редких случаях 7 или 9, число предглазных колеблется между 2 и 3, число заглазных между 3 и 5. Голова ужа и более вытянута, по бокам «срезана» менее круто, чем у обыкновенного ужа, так что глаза, а также ноздри занимают более косое положение и направлены не просто кнаружи, как у того, а в то же время и несколько вверх. Его килеватые чешуйки расположены 19 продольными рядами. Более светлый или более темный оливково-серый цвет, часто с желтовато-серым оттенком, составляет фон. Голова одно-

1 — Водяной уж
(*Natrix tessellata*)
2 — Гадюковый уж
(*Natrix taurica*)

цветная, только желтоватые верхнегубные щитки почти все без исключения имеют то более широкий, то более узкий черный край. Пять продольных рядов черных, по большей части четырехугольных, редко округленных пятен составляют рисунок тела и чередуются между собой в шахматном порядке. Пятна могут различным образом варьировать по форме, даже совершенно исчезать до незначительных черных черточек на конце чешуек, а также вместо равномерного черного цвета могут быть перерезаны более светлыми, оливково-серыми линиями, которые соответствуют киллям чешуек. На некоторых экземплярах тотчас позади головы находится узкая черная поперечная полоска, которая составляется из двух косых пятен, сходящихся под острым углом, направленным вперед. Нижняя сторона на белом, желтоватом или оранжевом фоне испещрена черными пятнами, которые расположены в шахматном порядке, но по большей части не совсем правильном, в котором преобладает то светлый, то темный цвет. Длина животного достигает 1,2 м при 5 см в поперечнике.

Относительно области распространения водяного ужа лишь в новейшее время собраны достаточные наблюдения. Он тоже принадлежит к числу широко распространенных змей и, как говорит Штраух, сопровождает обыкновенного ужа в большей части его области распространения, но чаще встречается в южных и восточных частях Европы и не переходит на север за среднюю Европу, даже здесь встречается лишь местами и вообще не часто. Во всех странах южной Европы, лежащих к западу от Германии и Италии, его часто путали со встречающимся здесь рядом с ним гадюковым ужом.

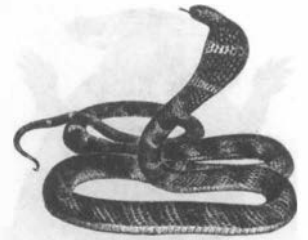
Около Лана водяных ужей, по словам Фогельсбергера, весной часто встречаются парами под камнями, летом их находят много в воде, где они тоже охотно располагаются под камнями; напротив, поздней осенью и ранней весной водяной уж попадает более в горах, куда он удаляется и где его можно видеть в солнечные дни лежащим на мшистых местах. Гейзенгейнер видел его местами около реки Наэ, а особенно часто в самом Крейцнахе. Здесь река расширяется напротив сада при минеральных водах, и при низком уровне воды выступают мелкие острова, между тем как на левом берегу остаются еще лужи стоячей воды. Эта часть реки — самое удобное место для того, чтобы наблюдать эту змею. В лужах ее по большей части приходится видеть лежащей на камнях под поверхностью воды, и отсюда-то она предпринимает экскурсии к ближним горам. Как она здесь обыкновенна, видно из того, что Гейзенгейнер в одно утро мог найти пять экземпляров с разбитыми головами. В Далмации водяной уж, по наблюдениям Эрбера, живет главным образом на берегу моря, так как занимается охотой на рыб и в соленой воде. По Фогельсбергеру, он прячет яйца на сыром берегу; Гейзенгейнер получил их семь штук величиной с яйца обыкновенного ужа, но они не были при-

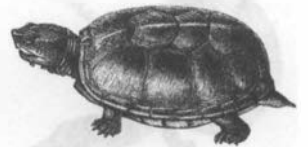
креплены одно к другому в виде четок, а сложены в комок и найдены в навозе. Яйца откладываются в июле. Гейзенгейнер недавно очень внимательно изучил распространение и образ жизни этой змеи. По его описаниям, водяной уж охотно держится в Наэ, особенно на таких местах, где в русле реки еще и в настоящее время бьют теплые ключи; он подтверждает, следовательно, указания Гейдена, который впервые нашел водяного ужа 70 лет тому назад при подобных обстоятельствах в Лане около Эмса. «В солнечные летние дни, — рассказывает Гейзенгейнер, — водяного ужа можно часто наблюдать около ключа Элизабетквелле в Крейцнахе во время наибольшей жары, следовательно, между 10 и 15 часами дня. Иногда змея лежит, вытянувшись во всю длину или свернув заднюю половину тела, на непокрытом водой камне плотины, но чаще она лежит под водой, свернувшись или извившись, иногда отчасти под камнем. Неподвижность эта лишь кажущаяся: водяной уж подстерегает добычу. Горе рыбке, которая проплывает мимо него на таком расстоянии, что он может достать до нее! С быстротой молнии она схвачена и обречена на верную смерть. Только однажды я видел, что уж преследовал намеченную добычу. В тех случаях, которые я наблюдал, уж схватывал рыбу за середину брюшной стороны, между тем как, по словам Лейдига, уж хватается с головы. Змея плывет затем, крепко держа добычу, к берегу, ложится приблизительно передней третью тела на сушу и до тех пор подбрасывает рыбу в сторону, пока ей не удастся схватить ее за голову; лишь затем начинает заглатывать ее*. Если хочешь наблюдать это, то надо быть крайне осторожным; при малейшем шуме уж выпускает добычу и уплывает. Если его поймать после еды, то он отрыгнет рыбу обратно: несколько раз кряду широко раскрывает пасть и выплевывает ее.

«В поздние послеобеденные часы я видел, однако, что водяной уж поступал и иначе, для того чтобы поймать добычу: он не сидел в засаде, а отыскивал добычу. Очень медленно и осторожно он засовывает тогда голову под каждый камень, проплывает некоторое расстояние, вдруг останавливается и остается, как бы окаменев, в том самом положении, которое имел, когда плыл (он как бы прислушивается!), затем продолжает поиски под камнями, пока не добудет одну из рыб, которые прячутся под ними, например пескороя или бычка». Этому же автору рассказывали, что водяные ужи проплывали порядочные расстояния по поверхности воды, не двигаясь. При этом они совершенно вытягиваются, держат тело под самой поверхностью, а голову и хвост высовывают из воды.

По наблюдениям Эрбера, водяной уж обнаруживает настолько сильное любопытство, что, благодаря этому, его легко поймать, несмотря на его чрезвычайное проворство. Даже в клетке он старается исследовать все, что его беспокоит, и без страха вползает на протянутую к нему руку. Более старые экземпляры, которых

** Крупную добычу водяной уж обычно хватается за середину туловища, однако справиться с ней в воде не может, так как для умерщвления такой рыбы ему необходима опора, и он вытаскивает жертву на сушу.*

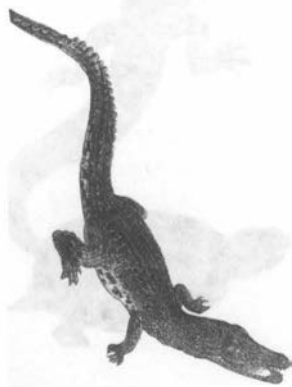

держал в неволе Гейзенгейнер, шипели очень сильно, когда их сажали в клетку, тотчас начинали, продолжая шипеть, предпринимать ряд отчаянных попыток освободиться, и хотя скоро оставляли их, но лишь затем, чтобы возобновить их к вечеру. Как я могу утверждать на основании собственных наблюдений, они тоже скоро привыкают к неволе, и если им доставлять в достаточном количестве их любимую пищу, рыб и тритонов, то они, по-видимому, наконец совершенно примиряются с потерей свободы. Я держал их много, некоторых более года, и потому совершенно не могу согласиться с мнением других наблюдателей, будто бы водяные и гадюковые ужи легко гибнут.

Гадюковый уж (*Natrix maura*) отличается от предыдущего, как и от обыкновенного ужа, чешуйками тела, расположенными всегда в 21 продольный ряд, и двумя, реже одним, предглазными щитками и двумя заглазными. С обыкновенным ужом у него общее число верхнегубных щитков, именно 7, из которых, как и у того, третий и четвертый входят в состав щитков, окружающих глаз. Длина его от 60 до 90 см; очень редко он превышает 1 м. Цвет верхней стороны темно-серый, более или менее переходящий в желтоватый или бурый; на нем резко выделяется чернобурый рисунок. Последний начинается более темными ромбическими пятнами на голове, продолжается в виде зигзагообразной полосы вдоль всей спины, распадается у некоторых экземпляров на задней половине спины и у всех — на конце хвоста на отдельные пятна и быстро суживается здесь. По обеим сторонам этого рисунка, который придает гадюковому ужам сходство с гадюкой, могущее часто ввести в заблуждение, пробегают на приблизительно равных расстояниях круглые глазчатые пятна темного цвета, заключающие по маленькому белому или желтовато-белому глазку; иногда эти пятна сливаются между собой, принимая вид цифры 8. Нижняя сторона желтая, к середине брюха темно-желтая, далее к задку поочередно покрыта красно-желтыми пятнами и черными четырехугольниками; нижняя челюсть желтовато-белая.

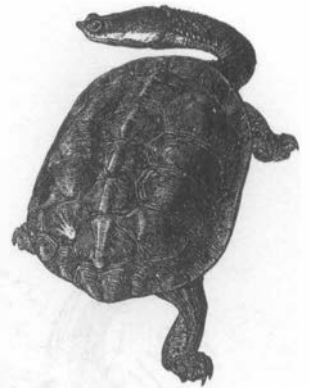
Что касается распространения гадюкового ужа, то он сменяет на западе водяного. Он обитает на Сицилии и Сардинии и в северо-западной части Апеннинского полуострова, следовательно, в Лигурии и Пьемонте, в отдельных пунктах южной Швейцарии, встречается вдоль всего южного берега Франции и в частях этой страны, лежащих к югу от Гаронны, наконец, почти во всей Испании и Португалии и на Балеарских островах. В северо-западной Африке он особенно обыкновенен и живет во всех водах Марокко, Алжира и Туниса, где достигает особенно больших размеров. При исследовании одного гадюкового ужа мы увидели, как из его глотки выползла жаба и поползла прочь, хотя одна задняя лапа ее была уже переварена и ее, конечно, не было.

«Гадюковый уж, — говорит мой брат Рейнгольд, — живет по близости дворца Эскориал у больших прудов и населяет здесь

растрескавшиеся камни и трещины стен искусно построенных, но несколько заброшенных плотин и островов. При одном из больших прудов их поселились целые сотни; обойдя один только раз вокруг острова величиной около 10 кв. м, которым я обыкновенно пользуюсь для того, чтобы подстергать уток, я мог насчитать около 60 штук, которые прятались от меня в свои жилища или бросались в воду. Эти змеи преследуют лягушек лишь между прочим, а главным образом охотятся за рыбами и производят среди них значительные опустошения. Чтобы ловить рыб, они пересекают пруд во всех направлениях, извиваясь на глубине от 30 см до 1 м под поверхностью и поднимая время от времени свою головку над водой; они усердно охотятся за своей добычей и преследуют ее долгое время. Я часто наблюдал другой способ, которым они ловят рыбу. Он заключается в том, что они или ложатся на камни под водой, или становятся в воде косо, так что голова находится на 10 см и более под поверхностью воды, а хвост иногда касается дна, тело же поддерживается в таком положении с помощью изгибания. Из этого положения ужи с быстротой стрелы бросаются вперед, если мимо проплывают рыбки, и почти всегда схватывают намеченную добычу. Обыкновенно они схватывают рыбу за брюхо, поднимают над поверхностью воды и плывут к берегу или острову, чтобы здесь съесть свою добычу. Из засады я часто видел, как несколько ужей одновременно подплывали ко мне; у всех рыбка была схвачена поперек серебристого брюха, и они держали ее вне воды. Когда я в первый раз увидел змею, приближавшуюся ко мне со своей добычей, то я не знал, что это за животное; я видел всего лишь широкий блестящий предмет, который быстро двигался в воде, и только охотничья зрительная труба разъяснила мне, в чем дело. Нередко в узких протоках и таких местах, где плавало много рыбы, я видел по 6—8 гадюковых ужей, мирно стоявших в воде рядом, ожидая рыб, между тем как другие спокойно лежали у берега на камнях, находившихся под поверхностью воды, очевидно не мешая остальным. Что они в случае нужды ловят и лягушек, не подлежит никакому сомнению; еще вчера я поймал одного, который на моих глазах схватил и проглотил лягушку; но во всяком случае здесь рыбы составляют главную пищу этого вида, и поэтому его должно причислить к безусловно вредным животным». По Вернеру, он, кроме рыб, ест особенно охотно квакш, жаб и тритонов. Он линяет по крайней мере четыре раза в год.

У представителей рода **косоглазых змей** (*Helicops*) тело довольно короткое и толстое, хвост умеренной длины и заострен, голова широкая и сплюснутая сверху вниз, слегка отграниченная от шеи, глаза малы, далеко отодвинуты вверх, с круглым зрачком. Каждая из ноздрей открывается кверху в большом, неправильно четырехугольном, до половины разделенном щитке; они часто так малы, что кажутся лишь точками; морда круто закруг-

лена. Тело покрыто 19—23 рядами килеватых чешуек, не имеющих концевых пор. Покров верхней стороны головы состоит, кроме уже описанных носовых щитков, из одного широкого треугольного переднего щитка, одного простого, лежащего между носовыми, пятиугольного переднего и двух коротких широких пятиугольных задних лобных щитков, одного шестиугольного теменного и двух надглазных и затылочных щитков, всего, следовательно, из одиннадцати щитков.

Задние зубы верхней челюсти, которых всего можно насчитать около 20, больше передних, но без следов бороздки; нижнечелюстные зубы одинаковой величины спереди и сзади, брюшные

щиты по бокам закруглены, хвостовые расположены в два ряда.

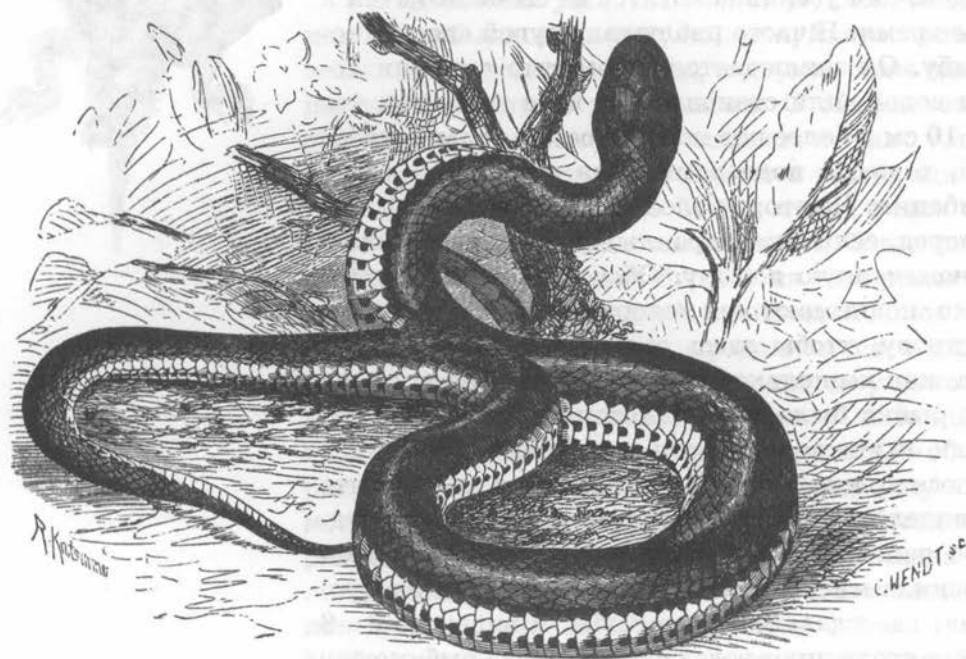
Все виды этого рода, за исключением одного, встречающегося в Индии и на Цейлоне, водятся в тропической Америке, живут, подобно нашим водным ужам, в реках и болотах и питаются земноводными и рыбами.

Сюда принадлежит килехвостая косоглазая змея

(*Helicops carinicaudus*) — змея длиной около 1 м, имеющая 8 верхнегубных щитков, 2 заглазных и 19 рядов чешуек. Сверху косоглазая змея на грязно-сером фоне разрисована тремя продольными более темными полосками, снизу на желтом фоне рядами правильно расположенных четырехугольных черных пятен; на каждом брюшном щитке находятся три таких пятна, из которых среднее обыкновенно самое малое; в области шеи и на хвосте среднее пятно исчезает, почему здесь видны лишь два ряда. Иногда на брюшной стороне вместо пятен находятся три широкие темные продольные полоски.

Отечество этой змеи составляет восточная Бразилия, от северо-восточной границы ее на юг до Рио-Гранде-де-Сул, где, как и в провинции Санто-Паулу, этот вид, говорят, очень обыкновенен, и Уругвай до залива Ла-Плата.

Принц фон Вид, который впервые описал килехвостую косоглазую змею, говорит, что добыл лишь один экземпляр, именно

Килехвостая
косоглазая змея
(*Helicops carinicaudus*)

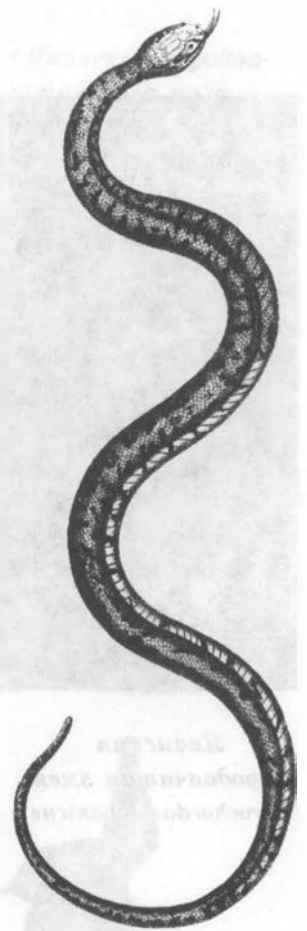
у реки Итапемирим, а потому не может ничего рассказать относительно образа жизни ее; от других исследователей мы узнаем, что она и ее родичи ведут образ жизни водных ужей, подобно им живут главным образом в сырых местностях или даже в реках и преследуют здесь рыб и лягушек. Шомбургк видел, как змея одного из ближайших видов пыталась проглотить в неглубоком месте рыбу, которая была слишком велика для нее, и легко поймал это животное, ослабевшее из-за этой трудной работы. Гегзель тоже наблюдал косоглазых змей и называет их настоящими водяными змеями, которых никогда не находишь на берегу, а всегда в таких заливах. Здесь они движутся около берега на мелких местах, между водяными растениями, и ловят рыб. Если их преследуют, то они тотчас ныряют и стараются спрятаться на дне, никогда не спасаются на суше. Они рожают, подобно всем известным видам того же рода, живых детенышей.

СЕМЕЙСТВО БОРОДАВЧАТЫЕ ЗМЕИ (Acrochordidae)

К семейству ужеобразных примыкает семейство бородавчатых змей. По строению тела и образу жизни представители этого семейства должны быть причислены к водным животным. Они отличаются зернистыми чешуйками, которые не прикрывают друг друга, и той особенностью в строении черепа, что их заднелобная кость вытянута над надглазничной областью.

В эту группу входит очень немного видов; из них три обладают явственно развитыми брюшными щитками, которых нет у остальных. У некоторых видов верхняя часть головы покрыта обыкновенными большими щитками, у других на голове лишь такие же чешуйки, какие одевают также тело и хвост. Тело довольно длинное вальковатое или слегка сжатое с боков одето мелкими, похожими на бородавки, килеватыми, бугорчатыми или иглистыми, не прикрывающими друг друга чешуйками. Хвост часто превращен в хватательный, голова не отделена или мало отделена от шеи, глаза с круглым или вертикально яйцевидным зрачком, носовая полость, отверстия которой сближены между собой, лежит на кончике морды. Короткие, но крепкие зубы, почти одинаковой величины, стоят в челюстях и на нёбе.

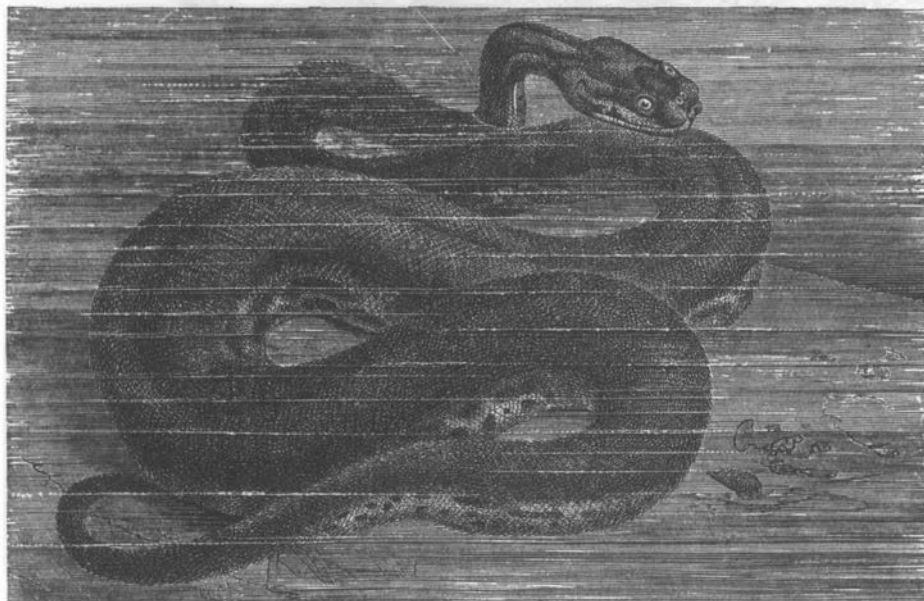
Распространение бородавчатых змей очень своеобразно. Они населяют, по-видимому, не в большом числе, реки и морские берега Индии и все острова соседнего архипелага, от восточного берега южной Индии и Малаккского полуострова до Филиппинских островов и Новой Гвинеи, проводят жизнь исключительно в воде и наблюдаются иногда в море на расстоянии 3—4 морских миль от берега. Но один род живет далеко от других, в восточной части Панамского перешейка. Пища их состоит преимущественно из рыб, которых они, по-видимому, ловят в воде на всякой глубине.

Семейство
бородавчатые
змеи

Они могут по целым часам оставаться под водой, не поднимаясь на поверхность, чтобы дышать, и, вероятно, никогда не оставляют воду добровольно. По движениям и характеру они чрезвычайно сходны с морскими змеями, но существенно отличаются от них своей безвредностью. Хотя их и многократно подозревали, но они совершенно неядовитые, но не особенно и добродушны. Все виды рождают живых детенышей.

Типичный представитель этого семейства, от которого и род получил свое название — **яванская бородавчатая змея** (*Acrochordus javanicus*) отличается от родственных ей видов тем, что слегка сжатая задняя часть ее тела не имеет кожистой складки вдоль средней линии и что на ее верхней и нижней челюсти находится по ряду явственных, если и не очень больших, губных щитков. Каждая че-

Яванская
бородавчатая змея
(*Acrochordus javanicus*)

шуйка ее кожного покрова поднимается по середине в виде большого трехстороннего иглистого кия, который заостряется в виде шипа; на многих чешуйках к нему присоединяется еще пара более мелких шипов. Голова коротка и широка, главным образом вследствие необыкновенно укороченной морды; глаза направлены вперед, ноздри лежат близко одна около другой и каждая лежит посредине маленького округленного щитка на верхней стороне морды; ротовая щель умеренная, верхняя челюсть округленная, спереди имеет посредине четырехугольную выемку, которая принимает в себя соответственный выступ нижней челюсти. Хвост короткий и превращен в орган хватания. В верхней челюсти 17, в нижней 18—22 зуба, которые спереди назад несколько уменьшаются. Равномерно-бурый цвет, переходящий на боках в желтый, составляет основную окраску старых особей; напротив, у молодых на буром фоне находятся большие, неправильные, более темные продольные пятна, которые явственно выделяются на желтом брюхе, но с возрастом становятся более и более неясными и, наконец, совершенно исчезают. Взрослые экземпляры достигают в длину 2,30 м и, вероятно, могут быть еще значительно больше.

Может быть, яванская бородавчатая змея ускользает от наблюдения, но даже там, где она постоянно живет, она попадает

очень редко. В этом малайцы Пинанга уверяли опытного исследователя Кантора, и в том же самом убедился Монгомери, который в течении 20-летнего пребывания в Сингапуре только один раз мог наблюдать одну из этих змей. Она известна на Яве, Калимантане, Суматре, Малаккском полуострове и в Кохинхине. Кантор сравнивает морду яванской бородавчатой змеи с мордой чистокровного бульдога; он убедился, что и характер ее соответствует этому выражению. Коль скоро ее тронуть, она пытается укусить, но так как ее зрачок очень сильно сжимается при ярком дневном свете, то она обыкновенно промахивается и не попадает в намеренный предмет. Добровольно она никогда не оставляет воду; тем не менее она способна без особенного затруднения двигаться на суше, хотя лишь медленно*. Пища ее состоит из рыб и лягушек. Одна самка, которую Кантор получил живой, скоро после того, как он положил ее на землю, стала особенным образом двигать задними ребрами и в течении 25 минут родила 27 детенышей, которые, за исключением двух, являлись на свет головой вперед и в среднем имели в длину 45 см. Они обнаруживали чрезвычайную живость и тотчас пускали в дело свои вполне развитые зубы, яростно кусая вокруг себя. Скоро после этого отпали яйцевые оболочки большими кусками, как это бывает и у других новорожденных водяных змей. В воде детеныши, по-видимому, чувствовали себя сначала неуютно, по крайней мере, они ревностно стремились выбраться на сушу.

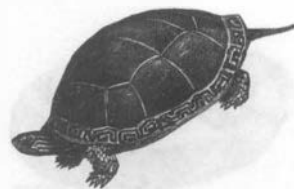
В Кохинхине, по Тирану, едят мясо этих змей.

Вторая группа ужеобразных снабжена бороздчатыми зубами. Все относящиеся сюда роды имеют ту общую черту, что задние зубы верхней челюсти превращены в органы, служащие для ловли добычи; они больше и крепче верхнечелюстных зубов, сидящих перед ними, и имеют вдоль передней стороны глубокую, желобообразную бороздку. Всех их можно назвать подозрительными, и относительно некоторых в настоящее время собраны уже путем опытов надежные доказательства того, что их укусы оказывают в несколько минут смертельное действие на позвоночных всех классов. Эти **бороздчатозубые ужовые змеи** (*Opisthoglypha*) по образу жизни точно соответствуют настоящим ужам и бородавчатым змеям. Подобно им, некоторые живут главным образом на суше, другие почти исключительно или постоянно в воде.

Одно малопонятное для нас имя, которым Плиний обозначает какую-то змею, было позднее дано одному южноамериканскому виду. Мы назовем этих змей **псевдобоа** (*Pseudoboa*); немецкие названия их: *Mondschlangen* (лунные змеи) и *Bleichschlangen* (бледные змеи), соответствуют названиям, данным бразильцами.

Псевдобоа имеют умеренно тонкое, несколько сжатое тело, плоскую, мало отделенную от шеи, сзади расширенную, кпереди заостренную голову с закругленным кончиком морды, верхняя челюсть которой сильно выступает над нижней и косо усечена по

Семейство бородавчатые змеи

** Яванская бородавчатая змея может подолгу находиться под водой, потребляя растворенный в ней кислород густой сетью капилляров между щитками.*

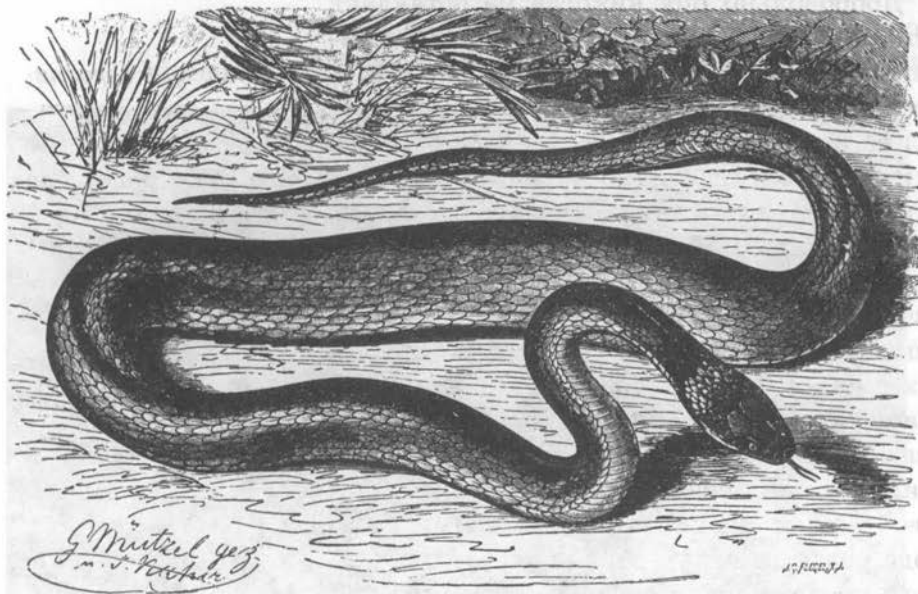

Семейство
бородавчатые
змеи

направлению вверх, начиная от края верхней губы. Кроме того, они отличаются гладкими чешуйками, простым заднепроходным щитком и тем, что их нижние хвостовые щитки образуют лишь один ряд. Зрачок глаза вертикальный. Немногочисленные известные виды живут в Южной Америке.

Наиболее известный представитель этого рода — псевдобоа Шнейдера (*Pseudoboa coronata*). Длина этой змеи приблизительно равна 60 см. Главный признак вида тот, что на задней части тела или на первой трети хвоста чешуйки средних рядов значительно увеличены. Основной цвет молодых животных однообраз-

ный бледно-красный, на котором резко выступает почти яйцевидное, темно-буроватое пятно на задней части головы, так называемая корона; кроме того, замечаются темно-бурое поперечное кольцо на шее и далее назад еще несколько мелких, неправильно расположенных пятнышек того же цвета. Однако цвет темнеет с возрастом

Псевдобоа Шнейдера
(*Pseudoboa coronata*)

более и более, пока на верхней стороне не получит преобладания черный цвет, а на нижней — белый; в то же время почти совершенно исчезают и пятна. Псевдобоа Шнейдера живет в тропической части восточной Южной Америки, начиная от Гренады и Тринидада, в Венесуэле, Гвиане и Бразилии на юге приблизительно до тропика Козерога.

Об образе жизни псевдобоа Шнейдера, насколько мне известно, рассказывает лишь Вухерер. Принц фон Вид добыл его в песчаных местностях между реками Св. Матвея и Рио-Доце, но затем никогда не видал ее более. «Обыкновенная около Бахиа псевдобоа Шнейдера, — говорит Вухерер, — замечательна теми переменами, которым она подвергается с возрастом. Молодые змеи этого вида бледного гвоздично-красного цвета; напротив, старые сверху почти равномерного черного цвета, снизу белого. Эта змея подобно всем ее родичам, питается ящерицами. Я часто держал ее и один сходный с ней вид в неволе. Это наполовину ночная змея, которая отыскивает добычу, правда, не ночью, но и не раньше заката солнца, лишь в сумерки. Пойманную ящерицу она не душит, если только жертва не сопротивляется ей. Принимая во

внимание живучесть всех ящериц, я часто изумлялся, что ящерица, схваченная змеей, хотя бы только за лапу, не оказывает ей никакого сопротивления; она казалась обыкновенно совершенно ошеломленной. Если она бьется, то змея быстро обвивается раз или два вокруг ее тела и душит ее; если же она вовсе не сопротивляется, то змея разворачивается и осторожно схватывает добычу за голову, чтобы проглотить ее. Действительно ли змеи с бороздчатыми зубами совершенно безвредны, по крайней мере, не ядовиты для холоднокровных животных?»

Мы упоминали уже, что в настоящее время в состоянии дать ответ на этот вопрос превосходного наблюдателя. Да, бороздчато-зубые змеи ядовиты, но их яд действует смертельно лишь на более мелких животных.

Один из немногих европейских видов бороздчато-зубых ужовых змей, Флейшман отделил в особый род кошачьих змей (*Telescopus*). Тело их веретенообразное, голова явно отделена, несколько плоская, хвост относительно короток. Маленькие глаза с щелевидным зрачком. Вместо нижнего предглазного щитка сильно вытянутый в длину уздечный щиток достигает глаза, так что верхний предглазый щиток отчасти окружает его, — единственный случай такого строения щитков у европейской змеи. Передние зубы нижней челюсти гораздо длиннее и более загнуты, чем следующие за ними; задние бороздчатые зубы в верхних челюстях очень длинны и тоже сильно согнуты. Известен лишь следующий вид*.

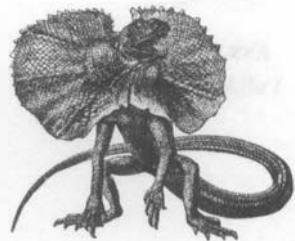
Кошачья змея (*Telescopus fallax*) легко отличима от всех европейских змей по длинному уздечному щитку и щелевидному вертикальному зрачку; она разрисована по грязно-буровато-желтому или серому фону крайне мелкими черными точечками и, кроме того, на головных щитках каштаново-бурыми пятнами, на затылке большим черно- или красно-бурым пятном, а на спине рядами пятен того же цвета. Темная полоска пробегает от глаза к углу рта, ряд мелких пятен — вдоль каждой стороны тела; нижние части желтовато-белого цвета с бурым мраморным рисунком. Длина не превышает 1,08 м, а по большей части значительно меньше.

Насколько известно до настоящего времени, область распространения кошачьей змеи простирается от Истрии до Апшеронского полуострова и от северо-восточной окраины Африки до 45—46 градуса северной широты. Она получена из Истрии, Далмации, Албании, Турции и Греции, а также из Египта, Палестины, Малой Азии, горных стран около Черного моря и, начиная отсюда, до Каспийского моря. Скалы, покрытые камнями обрывы, освещаемые солнцем склоны и развалины служат местопребыванием ее; но, по словам Флейшмана, она, по-видимому, боится значительного жара и ощутительного холода, а потому выходит из своего убежища в жаркие месяцы лишь в утренние и вечерние часы.

Семейство
бородавчатые
змеи

* В настоящее время
род *Telescopus* насчиты-
ывает 13 видов.

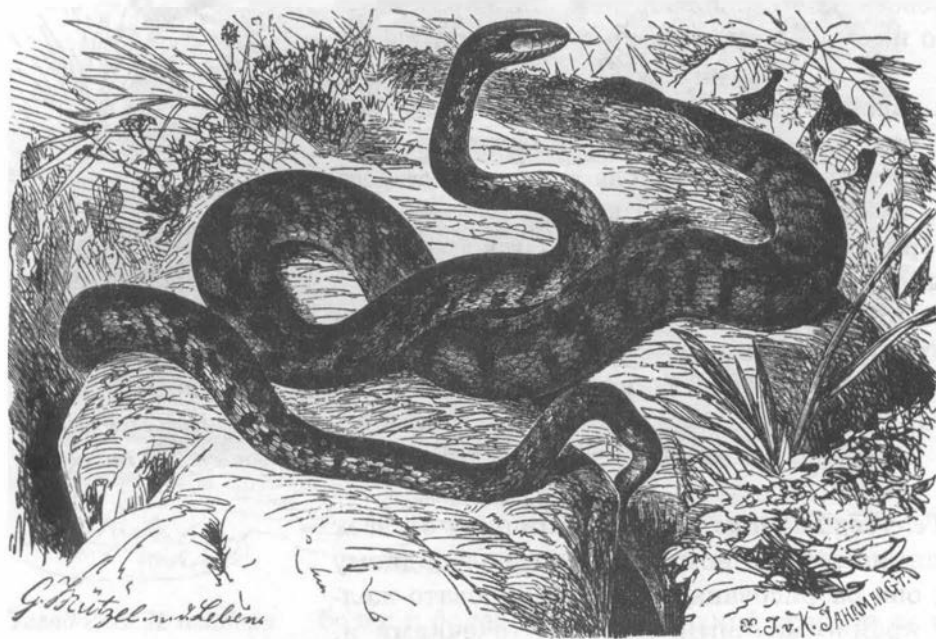

Семейство
бородавчатые
змеи

Движения ее живее, чем у гадюк, но медленнее и ленивее, чем у ужей. Флейшман говорит, что кроме ящериц она преследует и мелких млекопитающих; Эрбер убедился, что она исключительно довольствуется первыми; Дюмериль нашел в желудке одной исследованной им кошачьей змеи полупереваренного геккона.

Так как она очень кусается, то местные жители часто путают ее с гадюкой, считают очень ядовитой и преследуют так ревностно, что она в настоящее время стала уже в Далмации довольно редкой. В неволе она скоро привыкает к своему хозяину, принимается, не упрямясь, за пищу и потому выдерживает при надле-

жащем уходе несколько лет. По своему поведению она, как сообщает мне Эффельдт, обнаруживает много сходства с медянкой. Она лазает чрезвычайно ловко и держится на ветвях, если раз обвилась вокруг них, так крепко, что ее едва можно отцепить, даже если дразнить и сердить. Добычу она убивает, обвиваясь вокруг нее, совершенно так же, как медянка. Эрбер на-

Кошачья змея
(*Telescopus fallax*)

блюдал, что его пленники впадали в зимний сон; этот факт заслуживает упоминания потому, что Кантрэн видел еще в декабре одну из этих змей, которая ползала между развалинами одного заброшенного замка в Далмации.

Эйффе наблюдал ядовитое действие ее укуса на одной горной ящерице, которая была умерщвлена в 1¹/₂ минуты; но это действие могло быть достигнуто только один раз; остальные опыты, проведенные им в этом направлении, не удались.

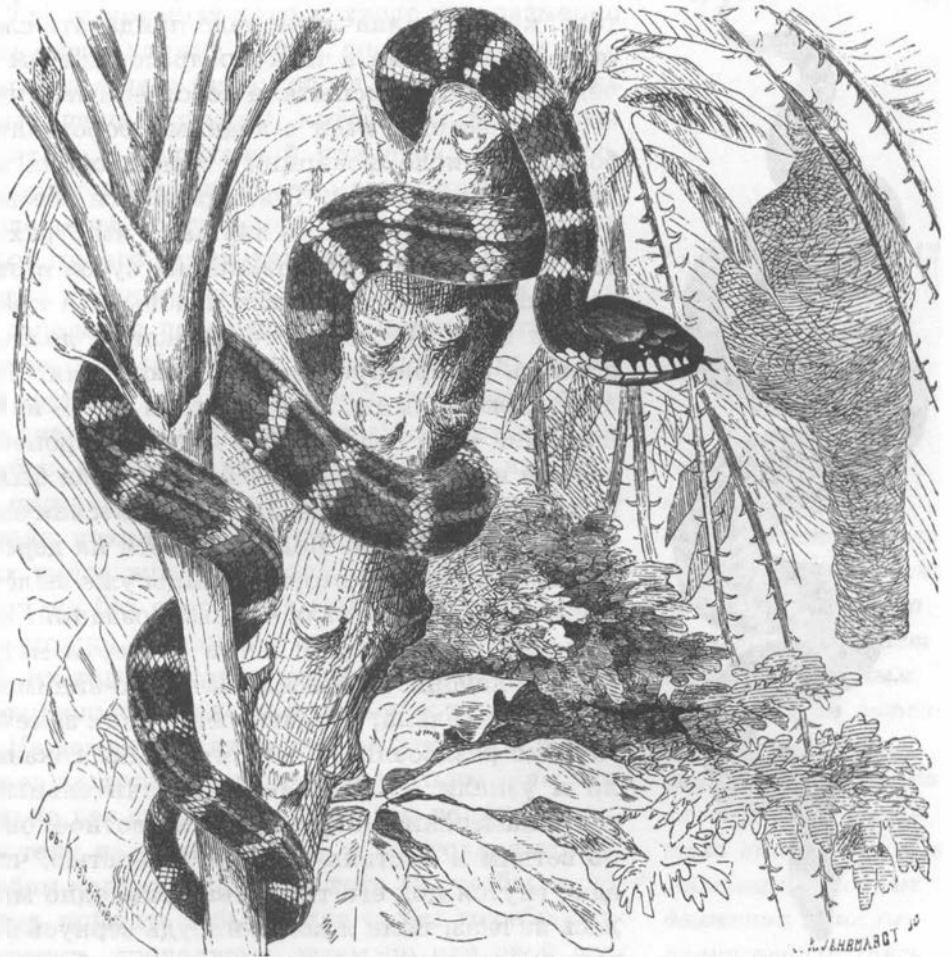
У бойг (*Boiga*) тело длинное, сильно сжатое с боков, плоская голова с короткой мордой очень явственно отделена от шеи, глаза велики, как всегда у змей, ведущих ночной образ жизни, щелевидны. Голова правильно покрыта щитками, тело покрыто 17—27 рядами узких и гладких чешуек, расширенных лишь вдоль спинного хребта; хвост покрыт снизу двумя рядами щитков. Только 2 или 3 задних зуба в верхней челюсти бороздчатые. Передние зубы нижней челюсти длиннее задних.

Из этого рода известно теперь 20 видов, которые водятся в южной Азии, на Молуккских островах, в Новой Гвинее, северной Австралии и тропической Африке и живут в первобытном лесу на деревьях и кустах, реже на земле в степных местностях. Пресмыкающиеся, а именно ящерицы, составляют, по-видимому, их любимую пищу; но некоторые охотятся исключительно за птицами, другие также за млекопитающими, некоторые преследуют, может быть, и насекомых. Что они грабят гнезда, было неопровержимо доказано Гюнтером, который вынул из желудка одной бойги хорошо сохранившееся яйцо попугая. Образ жизни их еще мало известен и это тем более странно, что там, где они живут, они встречаются не слишком редко.

В качестве представителя рода можно назвать **мангровую змею** малайцев (*Boiga dendrophila*), змею, отличающуюся действительно великолепной окраской и рисунком. На черном блестящем фоне выделяются от 40 до 90 узких, расширяющихся книзу светло-желтых кольцевых поперечных полосок, которые на середине спины обыкновенно разделены, а в виде исключения, имеют вид отдельных пятен. Губные и горловые щитки тоже желтые,

но с широким черным краем; брюхо или одноцветное черное, или с желтым мраморным рисунком. Верхняя челюсть вооружена 12 равными зубами, небо — мелкими зубами. Чешуйки расположены в 21 ряд. Взрослые экземпляры достигают в длину 2 м, из которых хвост занимает несколько менее четверти.

Мангровая змея — обитатель всех островов Нидерландской Индии, а также встречается на Малаккском полуострове и в Сингапуре. На Яве она населяет все леса, хотя и не во множестве, и

Мангровая змея
(*Boiga dendrophila*)

Семейство
бородавчатые
змеи

посещает даже ботанический сад в Бейтензорге, резиденции голландского наместника. Как и все ее родичи, она любит кусаться и при приближении врага тотчас готовится к нападению. Подобно ядовитым змеям она свертывается в плоский кружок, делает дрожательные движения хвостом, отгибает голову, насколько может, назад, качает ею в стороны, движет языком и, наконец, вдруг разворачивает свои передние кольца и ударяет в косом направлении вперед, но очень часто промахивается. На Яве каждый знает, что укус мангровой змеи не опасен; поэтому никто не боится ее, между тем, как один из ее родичей считается крайне ядовитым. Это, по словам Шлегеля, может служить доказательством того, как мало значения надо придавать словам людей, для которых перешедшие к ним предрассудки имеют больше значения, чем то, что они испытали собственными чувствами.

Древесные змеи с задними бороздчатыми зубами живут в большом числе в жарких странах обоих полушарий в удобных для них местностях. Туземцы почти все виды считают за очень ядовитые, и потому они внушают им страх и отвращение. Между тем тщательное исследование их зубов и опыт доказали, что они совершенно безвредны для человека, а красота их форм, изящество и привлекательность движений должны в высшей степени пленять беспристрастного наблюдателя. Такое воззрение разделяют даже сиамцы, которые дали одной из этих змей поэтическое название «луч солнца». Но и среди европейцев эти изящные животные нашли много друзей. «Я всегда был в восторге, — пишет Вухерер, — когда замечал, что древесная змея снова поселилась в моем саду в Бахиа. Поднимаешься на дерево, чтобы исследовать птичье гнездо, из которого птицы уже вылетели, но находишь его занятым одним из этих чудных созданий, которое свернуло клубком свое тело, длиной в три четверти метра, в пространстве не больше ладони. Древесная змея, по-видимому, всегда настороже, всегда бдительна; в то мгновение, как замечаешь ее, быстрая игра глубоко раздвоенного черного языка доказывает, что тебя увидели и узнали. Если самым незначительным движением обнаружить намерение потревожить животное, оно тотчас убегает вверх по ветвям и листьям с такой легкостью, что последние кажется, едва гнутся под его тяжестью; еще одно мгновение и змея скрылась из глаз. Если я когда-нибудь вернусь в Европу, то, во всяком случае, хочу чтобы в моей оранжерее были эти невинные и милые существа».

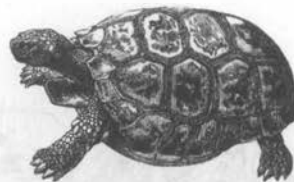
Питаются древесные змеи, по-видимому, различно. Они едят мелких грызунов, маленьких птиц, а особенно охотно всех тех разнообразных ящериц и земноводных, которые разделяют с ними местожительство. По наблюдениям Смита над одним африканским видом, птицы знают, что это опасный враг, и, заметив такую змею, по обыкновению громким криком возвещают об этом соседям. Со всех сторон показываются затем птицы и с громким

криком порхают стаей вокруг врага до тех пор, пока, наконец, одна из них не станет жертвой змеи, которая, высоко подняв голову, выжидает удобное мгновение. Смит полагает на основании своих наблюдений, что может подтвердить старую сказку о волшебной силе змей и видит в неосторожности, с которой птицы приближаются к ним, лишь следствие ошеломляющего их ужаса; он однако упоминает о чрезвычайном проворстве древесных змей, которое ведет к тому, что им удается, наконец, схватить ослепленную собственным возбуждением птицу, ставшую слишком смелой; этим он сам же ниспровергает свои выводы.

Наиболее выражен характер древесных животных у **плетевидных змей** (*Ahaetulla*), у которых тело и хвост несоразмерно длинны и тонки, голова очень длинна и узка, спереди сильно заострена и нередко удлинена еще в виде хобота, благодаря очень вытянутому вперед рыльцевому щитку, который у некоторых видов может превращаться в подвижный придаток; рот широкий, глаза велики, с горизонтальным щелевидным зрачком, маленькие ноздри расположены по сторонам. В остальном щитки головы не представляют ничего замечательного. Расположенные в 15 рядов чешуйки тела гладкие, очень узкие, далеко налегающие одна на другую наподобие черепицы, брюшные щитки округлены, а подхвостовые, как обыкновенно, расположены в два ряда. Из 12—15 зубов верхней челюсти 1 или 2, стоящие в середине ряда зубов, очень увеличены и похожи на клыки, затем идет промежуток в ряду зубов, а позади стоят два больших, крепких бороздчатых зуба. В нижней челюсти третий и четвертый зуб больше остальных и тоже похожи на клыки, остальные меньше. Все 7 или 8 известных видов живут в тропической Азии*.

Плетевидные змеи не без основания получили свое название, их действительно можно сравнить с плетью: так тонко, так чрезвычайно вытянуто их тело. Соответственно такому строению тела они живут исключительно в зелени деревьев и только здесь чувствуют себя дома. На земле их движения беспомощны и медленны, в ветвях деревьев настолько же привлекательны, как ловки. Обвившись несколько раз своим тонким телом вокруг ветви, они дают этим своему телу надежную опору и, благодаря этому, могут двигать им в любом направлении, для того ли, чтобы, далеко выдвинувшись вперед, поймать добычу, или чтобы, перебросившись на отдаленную ветку, продолжать затем по ней свой воздушный путь. Мы можем признать, что они опасны всем мелким позвоночным, которые, подобно им живут на деревьях**. Ядовитое действие их укуса на жертву Вальян доказал недавно опытами. Они охотятся за птицами, ящерицами, древесными лягушками, а в молодости и за насекомыми. По рассказам Мотлея и Дилльвина, они замечательно прожорливы, по другим указаниям очень любят кусаться, коварно бросаются на каждое приближающееся к ним существо и кусают каждый подставленный им

Семейство бородавчатые змеи

* Сейчас известно 12 видов этого рода. Все плетевидки — живородящие змеи.

** У плетевидок достаточно оригинальный способ охоты. Располагаясь на дереве, она высоко поднимает шейную область и нагибает голову под прямым углом. Увидев потенциальную добычу, она медленно опускает переднюю часть тела вниз, производя маятниковоподобные движения и постепенно приближаясь к жертве. После этого следует молниеносный бросок. Ящериц она практически всегда схватывает за загривок и поглощает их на весу.

Семейство
бородавчатые
змеи

предмет, но, тем не менее, местами дети употребляют их в качестве игрушек.

Водящаяся на Целойне и горах Анаймалай приблизительно на высоте 570 м **припудренная плетевидка** (*Ahaetulla pulverulenta*) может нам дать понятие об одной из южно-азиатских плетевидных змей. Ее хобот, длина которого превышает ширину глаза, состоит главным образом из удлиненного, четырехстороннего, свернутого переднего лицевого щитка, который по-

крыт сверху мелкими чешуйками; уздечного щитка нет. Змея эта, не часто встречающаяся на своей родине, покрыта по буро-серому фону сверху и снизу пурпурным мраморным рисунком и более темными бурыми крапинками; кожа между чешуйками белого и черного цвета, и благодаря этому, когда животное вытягивается, показываются чередующиеся кольцевые полосы обоих этих цветов. Бурая уздечная полоска пробегает до глаза; наконец бурые верхние головные щитки с широкими желтыми краями. Из всей длины, достигающей 1,67 м, на хвост приходится $\frac{2}{5}$.

Для какой цели служит хобот плетевидных змей, трудно сказать. Его едва ли можно считать органом осязания, так как он одет толстыми щитками, также вряд ли можно считать его органом, служащим для того, чтобы пробивать дорогу в густых ветвях. Для какой-нибудь цели он, конечно, служит, но для какой — мы еще не можем указать.

У **остроголовых змей** (*Oxybelis*), о которых можно упомянуть в заключение, как об американских и африканских заместителях предыдущего рода, голова тоже узкая, вытянутая, начиная от глаз, в очень сжатую длинную морду. Рыльцевый щиток, который несколько выдается за нижнюю челюсть, заострен-

Припудренная
плетевидка
(*Ahaetulla pulverulenta*)

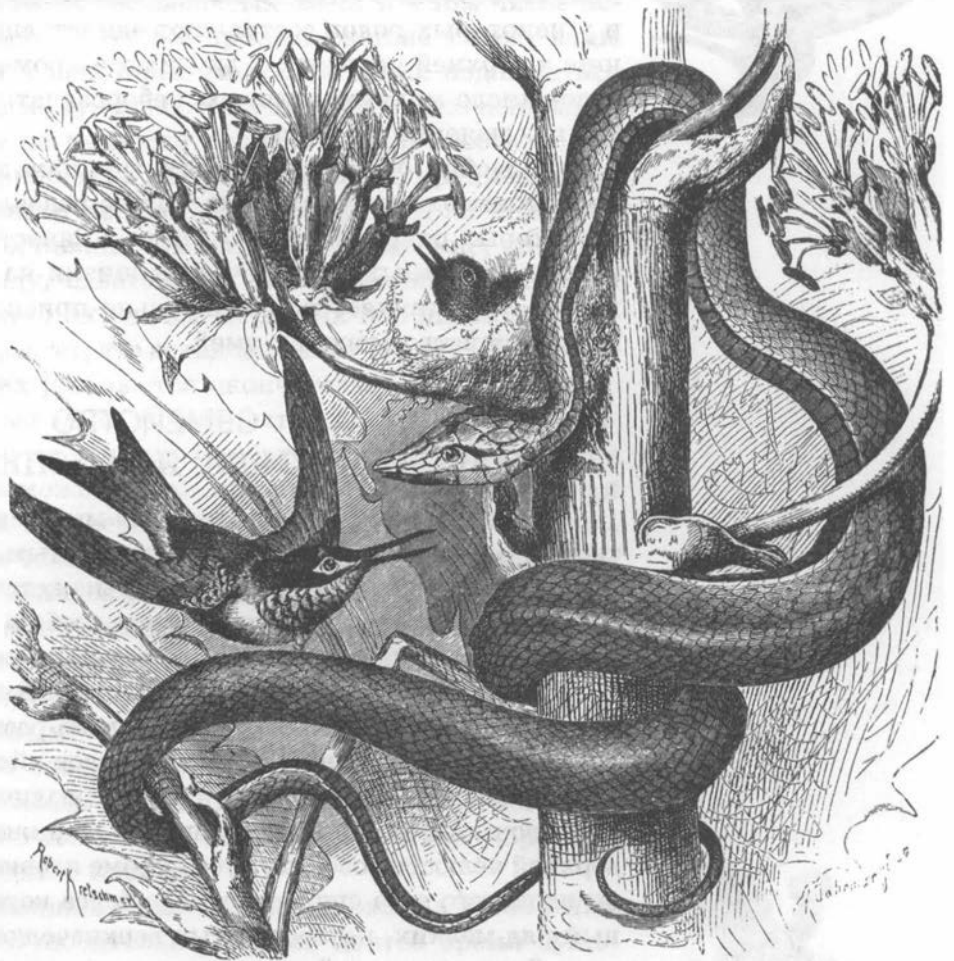
заместителях предыдущего рода, голова тоже узкая, вытянутая, начиная от глаз, в очень сжатую длинную морду. Рыльцевый щиток, который несколько выдается за нижнюю челюсть, заострен-

ный, но неподвижный, шея чрезвычайно тонка, тело очень вытянуто, несколько сжато с боков, хвост длинен и тонок и заканчивается тонким острием. В верхней челюсти позади приблизительно 17 гладких зубов равной длины находятся 4 более крупных борозчатых зуба.

Блестящая остроголовка (*Oxybelis fulgidus*) змея, длиной около 1,5 м, разрисованная на великолепном зеленом фоне с каждой стороны желтой продольной линией, живет в северо-восточной Бразилии, Гвиане и других частях Южной Америки почти исключительно на деревьях, на ветвях которых она движется с величайшей быстротой. От других родичей она отличается 17 рядами спинных чешуек, из которых средние с киями, 9—10 верхнегубными щитками и отсутствием уздечного щитка.

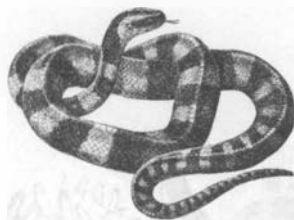
Относительно их образа жизни нет специальных данных. Фишер сообщил о жизни в неволе близкородственного вида, **бронзовой остроголовки** (*Oxybelis acuminatus*), которая встречается во всей северной части Южной Америки.

Эти змеи лежат в виде мягких широких колец на ветвях или листьях и избегают земли, а потому их крайне трудно отличать от перепутанных ветвей. По отношению к колебаниям температуры они обнаруживают большую чувствительность; лучше всего они чувствуют себя при 25—31 градусе Цельсия. Охлажденные до 7,5 градусов Цельсия, они казались безжизненными, но снова оправлялись при более высокой температуре. Если попытаться схватить остроголовую змею, то она кусается. Понятливость ее очень ничтожна, однако первоначальная робость ее скоро уступает место известной смелости. Это дневное животное с хорошо раз-

Блестящая
остроголовка
(*Oxybelis fulgidus*)

Семейство аспидовые змеи

витым зрением и слухом. Пища ее состоит из молодых ящериц, которых она проглатывает, не душа их, а свободно свесив шею и голову. Это животное пьет росу, но привыкает и к чашке с водой. Линяет четыре раза в год; осенняя линька, приостановившаяся на 6 месяцев, была закончена в апреле, причем кожа отделялась лоскутьями; все это время змея проголодала.

Переднебороздчатые (*Proteroglypha*) отличаются бороздчатыми зубами, которые стоят в передней части верхней челюсти приблизительно в области между ноздрей и передним краем глаза и у некоторых родов составляют единственные зубы, существующие в верхней челюсти, у других же кроме них замечается известное число мелких, толстых, небороzdчатых зубов. Все эти змеи без исключения ядовиты.

Подобно обоим остальным группам змей, с которыми мы уже познакомились, их тоже можно разделить на два семейства, из которых одно, аспидовые змеи, в качестве наземных или древесных животных, приурочено к жизни на суше; между тем как другое представляет исключительно приспособленное к жизни в море семейство морских змей.

СЕМЕЙСТВО АСПИДОВЫЕ ЗМЕИ, ИЛИ АСПИДЫ (*Elapidae*)

В первом семействе аспидовых мы соединяем змей с вытянутым телом, маленькой головой, вальковатым, на конце умеренно заостренным телом. Оно округло или кажется в разрезе тупо треугольным, благодаря выступающему гребню на спине. Ноздри открываются по бокам на закругленном конце морды: уздечные щитки всегда отсутствуют; голова одета большими щитками; остальные чешуйки тела бывают довольно разнообразны. Маленькие глаза с круглым, лишь у немногих видов яйцевидным и вертикальным зрачком. Строение зубов очень различно у разных видов: у коралловых и украшенных аспидов, а также у железистых змей в верхней челюсти вовсе нет зубов кроме ядовитых, у остальных позади ядовитого зуба существует еще более короткий или более длинный ряд мелких, небороzdчатых верхнечелюстных зубов.

Один из важнейших отличительных признаков этого семейства заключается в отсутствии уздечного щитка; весьма вероятно, что это отсутствие стоит в какой-нибудь связи с находящимся прямо под этим местом ядовитым зубом. Может быть, отсутствие этого щитка, а, следовательно, меньшее число и менее свободное соединение щитков, лежащих между ноздрями и глазами, объясняется необходимостью дать этому зубу более твердое, менее подвижное положение. Правда, есть довольно много безвредных змей из других семейств, у которых тоже нет уздечного щитка. Однако, по крайней мере, это предостерегающий нас признак, который указывает нам, что не следует схватывать руками тех

змей, у которых нет уздечного щитка. Полную уверенность в том, имеем ли мы дело с ядовитой или безвредной змеей, окончательно может дать нам, как мы объяснили уже раньше, лишь точное исследование их зубов.

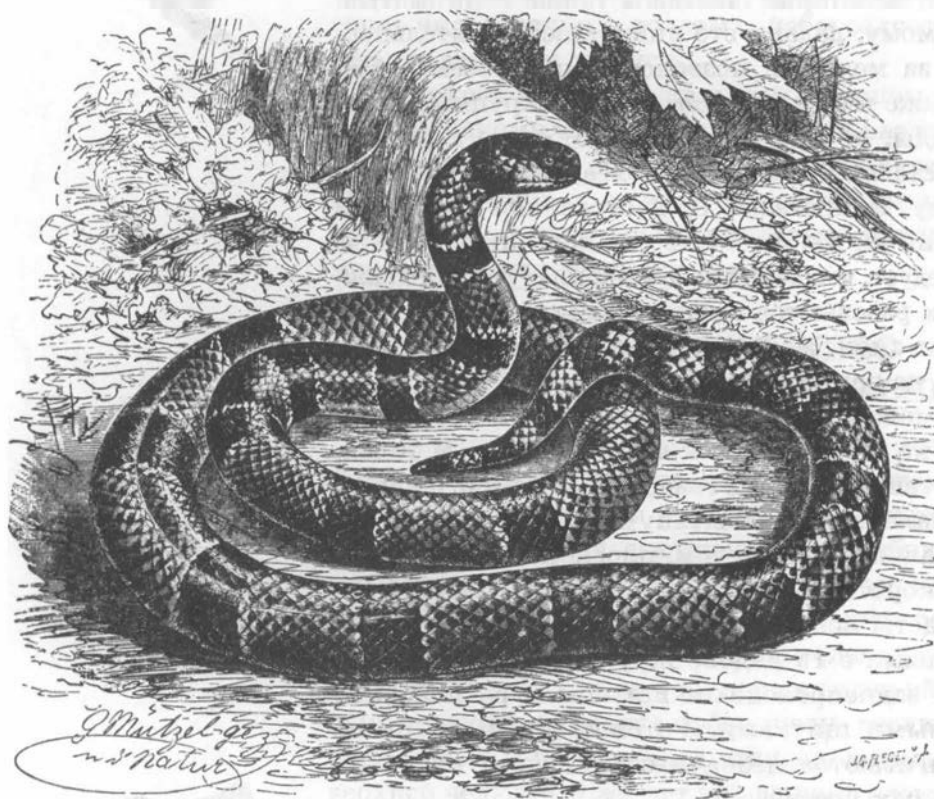
Семейство это распространено по всему свету, достигает большого разнообразия в Восточном полушарии, включает всех встречающихся в Австралии многочисленных ядовитых змей, но, к счастью, не имеет представителей в Европе. Оно заключает в себе почти половину всех известных ядовитых змей, и в том числе некоторых самых опасных. Почти все принадлежащие к нему виды живут на земле, однако, некоторые способны также подниматься на деревья, но, по-видимому, делают это лишь в исключительных случаях. Все охотятся за мелкими позвоночными, особенно безвредными змеями, а также и за ящерицами. Более крупные нападают на добычу из засады, но иногда преследуют ее на коротком расстоянии, кусают и оставляют умирать. Более мелкие, по-видимому, отыскивают пищу, схватывают ее и отравляют лишь при глотании. О размножении их мы имеем до сих пор лишь скудные сведения, из которых следует, что аспидовые змеи кладут яйца прежде, чем зародыши в них разовьются окончательно.

В общем, ядовитые змеи, может быть, и уступают неядовитым в красоте окраски, но некоторые могут соперничать с ними в этом отношении; быть может, даже ни одна змея или вообще ни одно пресмыкающееся не превосходит красотой цветов аспидов, которые живут в более теплых частях Америки, а немногие виды в южной Африке. Это маленькие, но вытянутые в длину, несколько неуклюжие змеи с вальковатым телом, плоской, едва отделенной от шеи головой и коротким хвостом. Маленькие глаза имеют круглый зрачок. Одеты аспиды однородными, гладкими чешуйками, расположенными в 15 рядов, округленными брюшными щитками, простым заднепроходным щитком и расположенными попарно хвостовыми щитками. Ротовое отверстие очень мало, и челюсти растягиваются незначительно, из-за коротких барабанных и сосцевидных костей.

Позади пробуравленных ядовитых крючковатых зубов у них нет сплошных зубов. Относительно первых долгое время существовало сомнение, так как некоторые из лучших естествоиспытателей, между прочим, принц фон Вид, несмотря на тщательное исследование, не могли открыть ни пробуравленных, ни бороздчатых зубов, между тем как у других видов того же рода они были найдены. Поэтому принц фон Вид считал тех аспидов, которых он наблюдал, безвредными змеями и отвергал также и ядовитость остальных. «Даже если бы у них, — говорит он, — пробуравленные зубы содержали яд, то и в таком случае было бы очень мало оснований бояться этих животных, так как при малой величине их и незначительности разреза рта, они могли бы кусать лишь совсем мелких животных и не могли бы быть опасны для чело-

века. Аспиды, из которых я многих носил с собой без малейшего вреда, по-видимому, родственны по форме и строению двухходковым: плоская, спереди закругленная голова, маленькие глаза, длинные зубы, стоящие поодиночке в передней части верхней челюсти, маленький, едва открывающийся рот, нерастяжимый затылок — эти признаки довольно хорошо согласуются между собой в обеих группах. Чего им недостает, благодаря строению челюстей, вознаграждается, по-видимому, длиной больших клыков, которые, впрочем, могут быть пускаемы в дело лишь против очень маленьких животных». Новейшие исследователи, хотя и не причисляют

аспидов к самым опасным ядовитым змеям, однако согласны между собой в том, что яд этих змей так же действителен, как и яд других змей такой же величины, вооруженных бороздчатыми или пробуравленными зубами.

Один из великолепнейших видов — **обыкновенный коралловый аспид** (*Micrurus corallinus*), змея длиной от 60 до 70 см, из которых хвост занимает около 10 см. «Основной цвет всего животного, — говорит принц

Обыкновенный
коралловый аспид
(*Micrurus corallinus*)

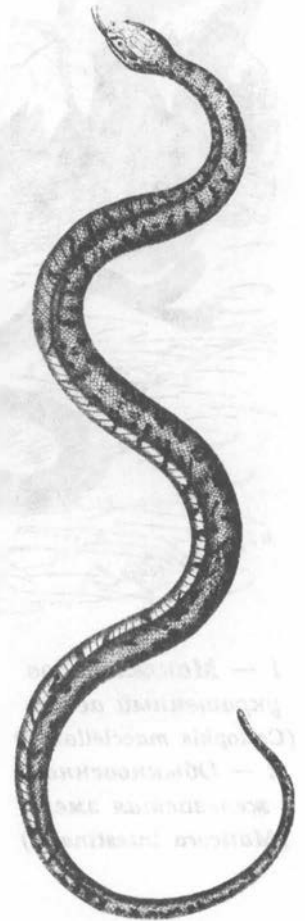
фон Вид, — великолепный киноварно-красный с необыкновенно ярким, на брюхе несколько более матовым блеском. Этот красивый красный цвет прерывается на теле 16—19 черными кольцами шириной около 10—44 мм, окружающими тело и расположенными довольно правильно, через одинаковые промежутки; на переднем и заднем краю каждое кольцо очень резко отделено от красного цвета узким зеленовато-белым кольцом. Все красные и зеленовато-белые кольца усеяны черными точками, так как каждая их чешуйка с черным кончиком. Передняя половина головы до заднего конца лобного щитка голубовато-черная, на обоих затылочных щитках начинается широкая зеленовато-белая поперечная полоса, которая позади глаза опускается вниз и занимает всю нижнюю челюсть; позади нее находится черный ошейник

или первое черное кольцо, за которым следует красное. Хвост обыкновенно не красного цвета, а имеет на черном фоне около 8 беловатых колец и короткий белый кончик. Эта окраска, по-видимому, очень постоянна».

Коралловый аспид живет, как указывает принц фон Вид, в больших лесах и кустарниках около Рио-де-Жанейро, Кабо-Фрио и у Парахиба, но встречается как в Вест-Индии и Аргентине, так и на западе в Эквадоре, Боливии и низко лежащих областях северо-восточного Перу. На совершенно открытых местах его замечают реже, хотя иногда его находят также здесь и даже поблизости жилищ. В болотах он, по-видимому, не живет и скорее предпочитает всем другим местностям песчаную почву или прохладную, влажную почву лесов, где растения и опавшие гниющие листья предоставляют ему убежища. «Охотник, — продолжает наш автор, — который вступает на эту покрытую растениями лесную почву, останавливается с изумлением и удовольствием, увидев в зелени ярко-красные кольца этой великолепной змеи, и только неуверенность в том, опасно ли это животное, или безвредно, останавливает его желание протянуть руку за этим прекрасным существом; однако мы скоро убедились, что вовсе не опасно брать этих животных и таскать с собой живыми в карманах. Я часто находил кораллового аспида во время моих охотничьих экскурсий, но больше в теплое время года, чем в холодное. Он не принадлежит к быстрым змеям и его можно скоро догнать; он не может также влезать на деревья, как многие его родичи в первобытных лесах Бразилии. Пища его состоит из мелких позвоночных: глотать более крупных ему не позволяет узкий рот и глотка. Я не замечал у этих змей особого запаха во время спаривания, но часто находил тело их наполненным яйцами.

Бразильцы обыкновенно много рассказывают чужестранцу об этих красивых животных, так как чудный блеск красок этих змей производит впечатление и на них; но они считают их, как и большинство змей, ядовитыми; многие думают даже, что коралловый аспид носит в своей шее еще другую маленькую змею, которая кусает». Мы знаем теперь, что оба наблюдения имеют известное фактическое основание. Высказывавшие это мнение люди были правы, что коралловый аспид ядовит, а принц фон Вид был не прав; мы должны согласиться и со вторым замечанием, так как он питается змеями, двуходками и сцинками и другими мелкими пресмыкающимися и его часто могли наблюдать во время заглатывания добычи.

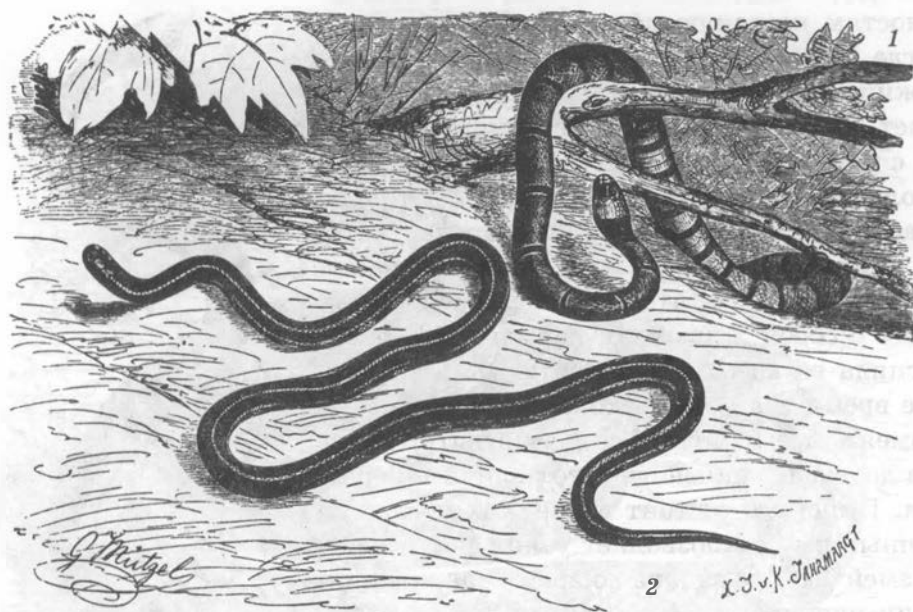
В Азии только что описанных змей заменяют **украшенные аспиды** (*Callophis*). Они отличаются бороздкой вдоль всей передней стороны верхнечелюстных зубов, присутствием задних лобных костей и числом рядов чешуек, которое у них равняется 13, а у аспидов 15. Округленное тело очень длинно и тонко, голова, едва отделенная от шеи, тупая, хвост очень короткий, широкие ноз-

дри лежат между двумя щитками, глаз с круглым зрачком мал и окружен 0—1 предглазным и 1—2 заглазными щитками. Щитки головы правильные, хотя недостает уздечного щитка, височные щитки расположены в один продольный ряд, верхние губы покрыты 6—8 щитками, чешуйки тела гладки и мало налегают друг на друга, покрывающие середину спины не увеличены. Строение ядовитых желез несколько не уклоняется от строения их у предыдущего рода. Распределены по Ост-Индии, южному Китаю и южной Японии.

Один из обыкновеннейших и наиболее распространенных

видов, **макеллландов украшенный аспид** (*Callophis maclellandi*), змея, длиной 62 см, из которых хвост занимает около одной одиннадцатой. Число губных щитков равно 7, число предглазных 1, число заглазных 2; два височных стоят один позади другого. Цвет довольно значительно варьирует. Обычно верхняя сторона этой красивой змеи красновато-бу-

1 — Макеллландов украшенный аспид
(*Callophis maclellandi*)
2 — Обыкновенная железистая змея
(*Maticora intestinalis*)

рая и украшена приблизительно 40 правильно расположенными на равных расстояниях черными с белыми каемками поперечными полосками или полными кольцами; желтое брюхо имеет черные поперечные полосы или квадратные пятна.

Одна разновидность из Непала имеет на спине черную линию, и ее черные поперечные полосы заменяются поперечными пятнами или могут и вовсе исчезать.

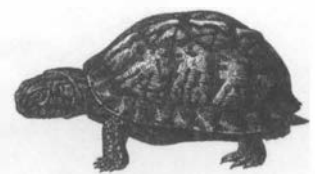
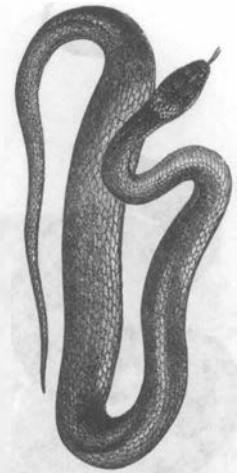
Она известна из Непала, Сиккима, Ассама, Бирмы и южного Китая.

У второго азиатского рода, крайне близко родственного предыдущему, **железистых змей** (*Maticora*), заслуживает особенного внимания строение ядовитых желез, которые, как нашел Мейер, достигают такой величины, какой не встречается у других змей. Железы эти занимают на каждой стороне треть длины тела, простираются даже в полость тела и оказывают заметное влияние на положение остальных внутренностей, например, оттесняют назад сердце. Особенно бросается в глаза тот факт, что такие большие железы находятся у некоторых

змей, во всех остальных отношениях сходных с теми, у которых они достигают лишь обыкновенной величины. По Буланже, в существовании этих больших ядовитых желез можно убедиться, не вскрывая змею, а лишь ощупывая ее, можно даже заметить их существование глазом, по небольшому возвышению в начале второй трети тела, там, где лежит сердце. Известны два вида, живущие в Юго-Восточной Азии.

Самый обычный вид этого рода **обыкновенная железистая змея** (*Maticora intestinalis*) встречается в Бирме, на Малаккском полуострове и на всех островах от Суматры до Филиппинских. Длина ее равна 57 см, из которых около $\frac{1}{13}$ приходится на хвост. Число верхнегубных щитков равно 6, спереди находится одиночный, сзади два лежащих один над другим височных щитка. Экземпляры с Явы имеют на красно-буром фоне красную спинную полосу, окаймленную черным цветом, и с каждой стороны по желтой боковой полоске, тоже окаймленной черным цветом. Спинная полоска разделяется у заднего края теменного щитка на две ветки, которые тянутся по направлению к ноздрям. Вся нижняя сторона покрыта чередующимися широкими черными и желтыми полукольцами, заднепроходной щиток черный, нижняя сторона хвоста желтая с поперечными полосками или без них.

Украшенные аспиды и железистые змеи, которые в высокой степени сходны между собой, особенно обыкновенны в Индии, по крайней мере, их находят здесь в большем числе, чем на крупных соседних островах. По своему образу жизни они замечательно сходны с карликовыми змеями; они не только живут в тех же местностях, но и теснейшим образом связаны с ними в том отношении, что главным образом, если не исключительно, питаются ими. Обе группы имеют совершенно одинаковую область распространения, и эти ядовитые змеи так сильно зависят от своей добычи, что не водятся там, где ее нет, как например на Цейлоне. Если позволительно делать заключение об относительном количестве представителей обеих групп на свободе, основываясь на числе экземпляров, попадающих в наши собрания, то можно, по словам Гюнтера, сказать, что виды карликовых змей встречаются приблизительно вдвое большем числе, чем живущие в тех же местностях украшенные аспиды и железистые змеи. По наблюдениям Кантора, эти ядовитые змеи не особенно обыкновенны, но их также нельзя назвать и редкими. Это земляные змеи в полнейшем смысле этого слова, которые ищут убежища под корнями деревьев, камнями и в трещинах скал, кажутся очень вялыми и неловко движут своим длинным, тонким телом, а обыкновенно встречаются лежа на земле без движения с различным образом изогнутым, но не свернутым телом. Хотя их следует считать дневными змеями, однако их зрение соответственно чрезвычайно малому круглому зрачку, по-видимому, так же слабо, как и их слух; по крайней мере, можно близко подойти к ним, не вызывая с их

* В настоящее время этот род насчитывает 13 видов.

стороны никакого движения, которое выражало бы страх. Если их трогать палкой, то они делают большие усилия, чтобы ускользнуть, но скоро снова останавливаются и, если продолжать их преследовать, то они движутся крайне неправильным, судорожным образом, но никогда не пробуют кусаться. Только однажды Кантор видел, как одна из этих змей подняла голову приблизительно на 4 см над землей. В неволе они не принимают ни пищи, ни воды и скоро гибнут. Кантор много раз исследовал желудки этих змей, и только раз нашел останки маленькой змеи, которую он не мог определить. Напротив, Шлегель находил в желудках железистых змей карликовых, которых еще можно было определить.

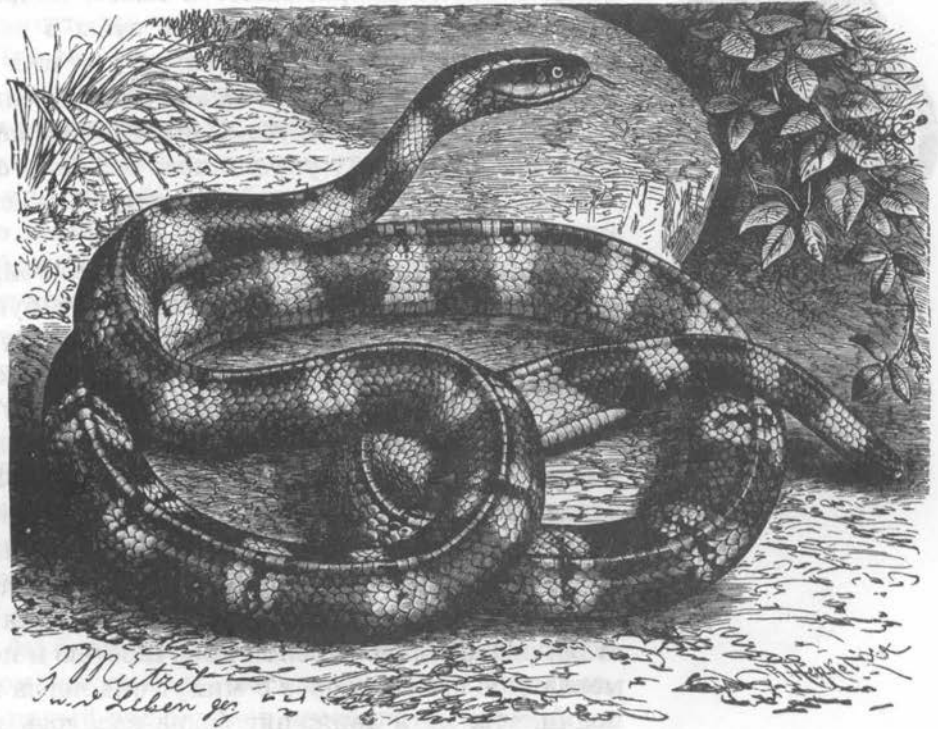
Только благодаря узкому рту эти змеи оказываются безвредными; действие их яда относительно так же сильно, как и действие яда других представителей того же семейства, а железистые змеи, у которых ядовитая железа достигает такого необычайного развития, могла бы, несмотря на очень малые ядовитые зубы, наносить крайне опасные укусы. Но и остальные могут умертвить более крупное животное. После различных неудачных попыток раздражить красивых аспидов и побудить их кусать, Кантор вонзил ядовитые зубы одного из них в приподнятую складку кожи на голени курицы, но не был уверен из-за узкого рта змеи и трудности выполнения этого опыта, проникли ли ядовитые зубы сквозь кожу. Поэтому через четверть часа змею заставили таким же образом укусить курицу под правым глазом. Спустя 20 минут последняя обнаружила первые признаки отравления, испражнилась, подняла с видимою болью раненую ногу и прижала ее к телу. Через 28 минут после первого укуса, который оставил едва видимые раны, птица свалилась и несколько раз тщетно пыталась подняться; 10 минут спустя начались судороги, зрачок сжался, явления отравления продолжались, и по прошествии часа наступила смерть. Другие куры, которых кусали украшенные аспиды, умирали с такими же признаками отравления по прошествии от 80 минут до 3 часов. Но и все змеи, которых употребляли для этих опытов, вскоре после этого умирали вследствие причиненного им насилия.

Именем бунгар или бунгарум индийцы означают больших и крайне опасных ядовитых змей своей родины. Название это переделано в латинское **бунгарусы** (*Bungarus*) и принято наукой. В настоящее время это название рода включающего 8 видов* змей Ост-Индии и южного Китая, которых объединяют следующие признаки: голова едва шире шеи, мала, яйцевидна, с короткой и тупой мордой; шея не способна расширяться или надуваться, тело круглое или тупо треугольное, почти равной толщины до самого хвоста, сам хвост относительно короток. Большие щитки покрывают голову, гладкие чешуйки, расположенные косыми поперечными и 13—15 продольными рядами, покрывают тело, более широкие, шестиугольные щиткообразные чешуйки

образуют выступающий гребень на спине, а одно- или двухрядные щитки покрывают нижнюю сторону хвоста. Ротовое отверстие мало, нижняя челюсть несколько короче верхней и зубы в ней меньше. От одного до трех мелких сплошных зубов стоят позади крючковатых ядовитых зубов, которые имеют на передней согнутой стороне явственную бороздку, но очень малы по отношению к величине животного и лишь мало выступают из складки десны.

Ленточный крайт (*Bungarus fasciatus*), или **пама**, самый крупный вид этого рода, достигает в длину 1,75 м и покрыт на черном или черно-голубом фоне желтыми кольцами; голова черно-голубая, морда бурая, полоска, которая начинается на середине затылочного щитка и идет по обеим сторонам в виде ошейника назад и вниз, желтая; остальное тело покрыто 25—35 черно-голубыми и желтыми кольцами приблизительно одинаковой ширины и почти на равном расстоянии друг от друга. Кроме сильно расширенных брюшных щитков и однорядных хвостовых щитков, которые свойственны и следующему виду, ленточный крайт отличается явственным килем на спине и замечательно тупо закругленным концом хвоста.

Ленточный крайт распространен по Ост-Индии, Индокитаю и соседним островам; его находили во всей Ост-Индии, Ассаме, Бирме, Сиаме, южном Китае и на Яве и Суматре. Вид выбирает для жилья, по словам Кантора, сухие местности и охотится здесь за мелкими млекопитающими и пресмыкающимся, особенно за другими змеями и ящерицами. В пределах своей области она выбирает себе убежище или норки в земле, или место под корнями дерева и охотится поблизости него. В населенной стране их приходится видеть нечасто, однако и они пробираются в хижины туземцев. Кантор говорит, что, несмотря на свой круглый зрачок, змеи часто прячутся днем в своих убежищах, избегают солнца,

Ленточный крайт
(*Bungarus fasciatus*)

ищут тени и двигаются медленно, а иногда без видимого повода быстро. Напротив, Фэйрер называет их дневными животными. Если они не раздражены, то при приближении человека всегда обращаются в бегство, но если их дразнить, то они тотчас приходят в ярость и в таком состоянии могут быть настолько же опасны, как и любая другая ядовитая змея такой же величины. Если бить их или вообще нападать на них, то они проявляют сильный гнев, стараются выйти из своего убежища, и их обычная медлительность внезапно сменяется большой подвижностью. При падении на них они, подобно гадюкам, далеко отодвигают голову назад и затем выбрасывают в косом направлении вперед половину тела и стараются вонзить зубы в своего врага. Индийцы уверяют, что укусы их смертельны и от них нет спасения, поэтому очень боятся их, особенно весьма обыкновенного индийского крайта, или голубого бунгаруса. Однако, благодаря тому, что их ядовитые зубы коротки, у укушенного все-таки остается известная надежда на сохранение жизни, в отличие от случаев укусов очковой змеи.

Опыты, произведенные Русселем, Фэйрером и другими, достаточно доказывают опасность укусов бунгарусов. Укушенная очень ослабевшим ленточным крайтом курица тотчас легла, у нее обнаружился сильный понос, и она не могла больше держаться прямо. В первые 10 минут она тщетно пыталась подняться, голова ее дрожала; 5 минут спустя она лежала и, по-видимому, умирала, но смерть наступила лишь через 25 минут и сопровождалась подергиванием всех членов. Большая сильная собака, укушенная голубым бунгарусом в бедро, громко закричала в то же мгновение, хотя нанесенная ей рана была едва видима, но продолжала бегать, по-видимому, без затруднения; 10 минут спустя она стала подергивать раненой конечностью и поднимала ее вверх, но могла еще стоять, через 5 минут она легла и стала лаять, но еще поднялась, хотя движение бедра казалось заметно ослабленным; через 25 минут после укуса обе задние ноги были уже парализованы. В течение второго часа ее несколько раз рвало, параличное состояние усугублялось; собака легла на бок, стала тяжело дышать и умерла к концу этого часа. На укушенной конечности едва можно было заметить опухоль или бледность. Сука, укушенная в пах, умерла при таких же явлениях в течение часа, но при сильных подергиваниях. Курица, укушенная той же змеей в крыло, тотчас впала в бессознательное состояние, но могла еще ходить в течение 10 минут; через 15 минут легла и казалось, засыпала, поворачивала голову то в одну, то в другую сторону, несколько раз делала бесплодные движения или усилия, чтобы встать, начала подергиваться и через час умерла.

Очень многочисленные, но недостаточно обстоятельные опыты Фэйрера в существенных чертах согласуются с опытами Руссея. Укушенные собаки начинали через 23 минуты скоро и тре-

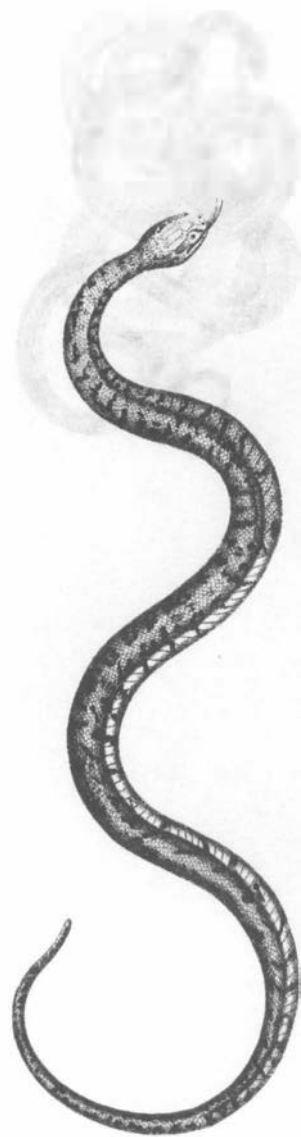
можно дышать, через три четверти часа подвергались рвоте, становились очень беспокойны, вялы, сонливы, равнодушны, наконец, начинались судороги, и они умирали по истечении 54—55 минут. Кошки после укуса раскрывали рот, далеко высовывали язык, пытались убежать, затем спокойно ложились и умирали приблизительно через такое же время. Цапли, укушенные в голень, уже спустя 3 минуты вытягивали раненую ногу, учащенно дышали, делали попытки лететь. Через 6 минут после укуса они обнаруживали первые признаки слабости: широко открывали клюв, нахохливали перья. Через 20 минут ложились, пальцы их судорожно сводило, они делали дрожащие движения кожей, спустя час не могли более двигаться; через полтора часа после укуса цапли были мертвы. При исследовании укушенная голень оказалась очень опухшей и до такой степени наполненной газами, что при надавливании они перемещались с шумом; кровь была водянистой и жидкой, что обыкновенно наблюдается при исследовании крови животных или людей, погибших от укусов ядовитых змей. Куры уже через 2 минуты после укусов были очень возбуждены и тревожно бегали, через 8 минут после того они начинали шататься, так что должны были поддерживать себя, упираясь в землю клювом; через 5 минут после того они падали парализованные, еще через 15 минут у них делались подергивания и через 26 минут, некоторые уже через 17 минут, а самое позднее через полтора часа после укуса, они умирали. Укушенная молодая кошка проболела 3 дня, но осталась жива, вероятно, потому, что в рану влилось недостаточно яда. Подобные же обстоятельства встречаются иногда и в тех случаях, когда укушенные люди не умирают от отравления. «Если бы, — говорит Фэйрер, — для спасения кошки были применены какие-нибудь средства, то, вероятно, им приписали бы благоприятное действие, и может быть, неосновательно». В том же смысле высказывается и Ричардс, который указывает на целый ряд случаев, имевших подобный же исход.

Из всех этих опытов, полное перечисление которых утомило бы читателей и все же не дало бы ничего нового, следует, что яд бунгарусов действует не так быстро или сильно, как яд очковой змеи, но, вероятно, лишь благодаря короткости ядовитых зубов, которые не могут проникать так глубоко. Отравления, вызванные укусами этих змей, опасны всегда, и самые дурные исходы могут иметь место и тогда, если ядовитые зубы только оцарапали кожу.

Бунгарусы, укушенные очковыми змеями, умирали на следующий день; иные оставались живы. Фэйрер склонен приписывать смерть первых действию укусов более крупных очковых змей, и на это он, по моим наблюдениям, имеет полное право.

Сколько из большого числа несчастных случаев, вызванных укусами ядовитых змей, ежегодно повторяющихся в Индии, надо

приписать бунгарусам, трудно решить; но, вероятно, мы не будем несправедливы к ним, если поставим их на первое место после очковой змеи, как самых опасных из ядовитых змей Ост-Индии. Относительно незначительная величина и вовсе не бросающаяся в глаза форма головы, а также и вообще их безвредный вид, а также, быть может, великолепные цвета и рисунки бунгарусов могут ввести в заблуждение иного незнающего человека, а их дневной образ жизни и многочисленность чаще приводят их в столкновение с человеком, чем других ядовитых змей такой же величины. «Относящееся к Европе правило, — говорит Мартенс, — что ядовитых змей можно узнать по широкой голове, явственно отделенной от шеи, неверно для южной Азии. Один голландский офицер в Амбарае должен был незадолго до нашего приезда на Яву поплатиться жизнью за недостаточность знаний по зоологии, так как он счел бунгаруса безвредным на основании малой величины его головы. Так как передний и задний конец этих змей на первый взгляд не слишком различны, то народ считает их двухговыми и предостерегает от двухголовых змей, как особенно опасных».

Насколько основательно такое предостережение, хотя оно и основано на ложном мнении, в этом убеждают нас данные Фэйрера относительно ост-индских бунгарусов. В отчетах, доходящих до правительственных мест, бунгарусы, а особенно голубой, занимают второе место. Укусы ленточного крайта упоминаются замечательно редко, напротив, укусы или случаи смерти от голубого бунгаруса крайне часто, и все доклады полицейских чиновников приводят ужасающее число несчастных случаев, причиненных этой относительно небольшой ядовитой змеей. Она же обыкновенна по всей Индии, чаще, чем всякая другая змея, пересекает дорогу путнику, проникает не только в открытые хижины, но даже в запертые дома, свертываясь на пороге двери, в углу комнаты, в шкафу и в сундуке, проскальзывает в спальни и ванные и, благодаря этому, очень часто бывает причиной смерти людей.

«Кобра де Капелло» назвали португальцы одну змею, которую они нашли на Цейлоне, а позднее перенесли это название и на родичей ее, которых встретили в Африке. Название это значит «шляпная змея» и оно характерно; однако португальцы могли бы и не создавать нового названия, так как и та, и другая змея уже с незапамятных времен были известны и названы; особенно вид, живущий в северной и восточной Африке, приобрел громкую известность уже в истории древнего Египта. Особенность этих змей заключается в том, что они могут, вертикально поднимая переднюю часть тела, расширять шею в виде плоского кружка, направляя в стороны передние восемь ребер. При этом положении они всегда держат голову горизонтально, и тогда, кажется, будто бы на них надета большая круглая шляпа, однако лишь в том случае, если смотреть на них сзади. При рассмотрении

спереди плоский кружок, образованный с помощью ребер, вызывает сравнение со щитом и потому название «щитоносная змея» («Schildotter») было бы еще характернее.

Тело **настоящих кобр** (*Naja*) вытянуто в длину и округлено, по середине несколько утолщено, снизу плоско; шея, способная к значительному расширению, в покое несколько отделена от головы; сама голова мала, продолговато-яйцевидна, довольно плоска, в общем, очень похожа на голову настоящих ужей; хвост удлиненно-конический и заостренный; глаза довольно малы и с круглым зрачком; ноздри широкие и лежат по бокам, каждая между двумя щитками. Покров головы состоит из больших правильных щитков. Уздечных щитков нет; предглазных 1—2, заглазных 3, иногда же 2 или 4; верхняя губа одета 6—7 щитками, из которых третий и четвертый по большей части входят в состав кольца, окружающего глаз. Остальной покров состоит из расположенных косыми рядами, гладких, более мелких чешуек на шее и так же расположенных более крупных ромбических на верхней стороне остального тела, между тем как брюшная сторона покрыта большими однорядными щитками, а нижняя сторона хвоста — однорядными и разделяющимися на пары. Ротовое отверстие относительно широкое; позади явственно бороздчатых ядовитых зубов средней длины находятся 1—3 гладких сплошных зуба. Различают 6 или 7 видов, которые распределены по Африке и южной Азии*. Все кладут яйца, живут на земле, но часто поднимаются на деревья и добровольно идут в воду.

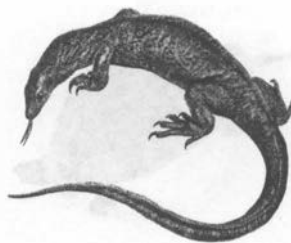
Тот, кто хоть раз видел настоящую кобру, когда она, испуганная и раздраженная видом врага, особенно человека, поднялась, вытянула вверх переднюю треть тела, расширила свой щит и в этой величественной позе, готовая к нападению или, по крайней мере, к защите, то более медленно, то быстрее ползет, извиваясь, к предмету своего гнева, причем передняя часть ее держится неподвижно, как статуя, а задняя напрягает каждый свой мускул, и кто знает при этом, что ее укус так же смертелен, как укус куфии или каскавеллы, тот поймет, что она должна была издавна возбуждать внимание человека, поймет, почему ей воздавали божеские почести и пользовались ею, чтобы обманывать людей, незнакомых с характером и особенностями этой змеи. Существо, столь своеобразное по характеру и строению, должно было привлекать к себе внимание каждого мыслящего человека, а знание смертоносного действия ее укуса позволяло властолюбивому жрецу или ловкому обманщику выдавать это животное за изображение или представителя божества.

Индийская кобра, или **очковая змея** (*Naja naja*), называемая в Индии тшинта-негу, налла-памба, нага, в Бирме муэ-наук, длиной 1,4—1,81 м. Она огненно-желтого цвета, при известном освещении с пепельно-голубым блеском; цвет этот кажется, однако, бледным, так как промежутки между чешуйками светло-жел-

Семейство аспидовые змеи

* Со времен Брема
род увеличился
вдвое.

Семейство аспидовые змеи

* Некоторые подвиды индийской кобры не имеют характерного рисунка в виде двух колец, соединенных перемычкой.

Индийская кобра,
или очковая змея
(*Naja naja*)

тые или белые, а часто того же цвета и углы отдельных чешуек. На затылке светло-желтый или белый цвет настолько преобладает, что более темный является лишь в виде крапин, и именно на этом месте явственно выделяется рисунок, имеющий сходство с очками*. Очки эти окаймлены двумя черными линиями и обыкновенно значительно светлее, чем окружающие части, между тем как места, соответствующие стеклам очков, или чисто-черного цвета, или представляют светлое глазчатое пятно, окруженное темным краем. Брюшная сторона грязно-белая и часто имеет на передней трети тела широкие черные поперечные полосы. Но не-

редко встречаются и экземпляры, которые сверху черного цвета, снизу черновато-бурого, такие, которые и сверху, и снизу оливково-бурого, наконец, такие, которые окрашены сверху сероватым, снизу беловатым цветом; кроме того, в некоторых местностях у этого вида вовсе нет бросающегося в глаза рисунка на затылке. Главные отличия от родственных видов заключаются в отсут-

ствии больших щитков позади затылочных, в числе рядов чешуй по середине тела, которых здесь 19—23, и в незначительной вышине шестого верхнегубного щитка.

Очковая змея распространена по всей Индии, южной части Китая, Бирме, Сиаму, Малаккскому полуострову, большим Зондским островам за исключением Сулавеси, Андаманским островам и Цейлону, а на западе по Афганистану, северо-восточным частям Персии и южным областям Туркмении до Каспийского моря. На Гималаях она встречается до высоты 2 500 м. Подобно большинству остальных змей, она, по-видимому, не связана с определенной местностью, напротив, поселяется везде, где находит удобное убежище и достаточно пищи. Любимое жилище ее составляют покинутые холмики термитов, развалины, кучи камней и дерева, дырявые глиняные стены и тому подобные кучи хлама, заключающие в себе дыры и скрытые промежутки, служащие очковой змее убежищем. Теннент указывает, что на Цейлоне она, наряду с так называемым большеглазым полозом (*Ptyas*

mucosus), представляет единственных змей, не избегающих соседства человеческих жилищ. Ее привлекают сюда сточные рвы, а может быть, и добыча, которую она рассчитывает здесь достать, именно крысы, мыши и маленькие цыплята. Нередко и наводнение заставляет ее отыскивать вышележащие части страны, не заливаемые водой, а вместе с тем и построенные там хижины. Пока ее не тревожат, она обыкновенно лениво и вяло лежит перед входом в свое жилище, а при появлении человека, как правило, торопливо прячется и только доведенная до крайности бросается на нападающего. Если она не раздражена, например, если она отправляется на охоту, она ползет по земле извиваясь, с едва поднятой головой и не расширенной шеей; если же она раздражена или хотя бы испугана, она тотчас принимает свойственное этому роду положение, приготовляясь к нападению. Хотя она дневная змея, но избегает жары и вообще жгучих лучей солнца и начинает охоту лишь в поздние послеобеденные часы и часто продолжает еще ползать поздно ночью, а потому некоторые авторы однозначно считают ее ночным животным.

Все наблюдатели называют ее движения медленными, однако она более ловка, чем думают: она не только умеет плавать, но до известной степени и лазать. Одна кобра, которая упала в крепостной ров и не могла взобраться по крутым стенам его, легко и свободно плавала в течение нескольких часов, держа голову и шейный щит над водой; другие даже отправлялись добровольно в море. Когда «Веллингтон», правительственное судно, служащее для надзора за рыбной ловлей, стоял на якоре в бухте Кудремеле на расстоянии около четверти мили от берега, однажды, приблизительно за час до заката солнца, с него заметили очковую змею. Она плыла прямо на судно и, когда приблизилась на 12 м, матросы стали бросать в нее кусками дерева и другими предметами и заставили ее повернуть к берегу. На следующее утро на берегу нашли след животного там, где оно вышло из воды, и проследили его до близлежащих джунглей. Позднее нашли и убили на том же судне одну кобру, которая могла попасть на него лишь по якорной цепи; это доказывает, что она может и хорошо лазать. Теннент слышал, что одну очковую змею нашли на верхушке кокосовой пальмы; «ее привлек, как говорили, пальмовый сок, который сочился в это время»; в действительности же она, наверное, взобралась на пальму, чтобы охотиться за птицами или грабить гнезда. На крышах домов их замечают нередко.

Пища кобры состоит исключительно из мелких животных и, кажется, преимущественно из пресмыкающихся и земноводных, по крайней мере, Теннент указывает в качестве добычи, которую она преследует, ящериц, лягушек и жаб, Фэйрер, кроме того, еще рыб и насекомых. Что она должна быть опасной для молодых кур, мышей и крыс, это достаточно выясняется уже из приведенных мной данных первого из вышеназванных исследовате-

лей; что она грабит также птичьи гнезда и в особенности отыскивает в курятниках и голубятниках яйца домашних птиц, упоминает Фэйрер. Другими змеями она мало интересуется и, по-видимому, не преследует их. Она много пьет, но может также долгое время без вреда терпеть жажду, по наблюдениям над содержащимися в неволе кобрами, в течение нескольких недель и даже месяцев.

Относительно размножения кобры Фэйрер говорит, что она кладет до 18 продолговатых белых яиц с мягкой скорлупой, которые по величине равны яйцам домашнего голубя. Финсон увеличивает это число до 12—20. Индийцы рассказывают об очковой змее то же, что древние говорят о родственной ей египетской кобре: что самец и самка обнаруживают известную взаимную привязанность, что там, где поймашь одну кобру, по большей части скоро после того замечаешь и другую и т. п., одним словом, что у очковых змей существует брачная жизнь, и что оба пола решительно держатся вместе. Теннент замечает, что он два раза имел случай сделать наблюдения, которые, по-видимому, подтверждают этот рассказ. Одна взрослая кобра была убита в купальне правительственного дома в Коломбо, и «ее товарищ» был найден на следующий день на том же месте; точно так же, когда в крепостной ров падала кобра, то в то же утро ее «товарища» находили в соседнем рве. Происходило ли это именно в период спаривания и, следовательно, объясняется весьма естественным образом, об этом Теннент не говорит ничего, и потому мы не знаем, насколько это может считаться делом случая. Относительно детенышей сингалезцы утверждают, будто бы они становятся ядовитыми не раньше 13-го дня, когда происходит первая линька.

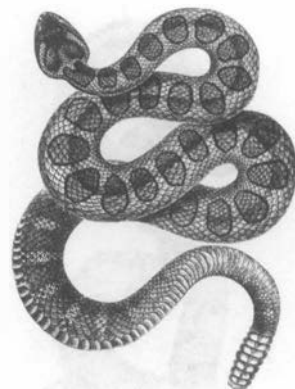
Как в прежние времена, так и сегодня еще очковая змея служит предметом благоговейного почитания и даже почти боготворения и играет важную роль в религиозных сказаниях индусов. Одна из самых интересных выдумок этого рода следующая: когда Будда однажды скитался по земле и заснул под лучами полуденного солнца, явилась кобра, расширила свой щит и заслонила им от солнца лицо бога. Довольный этим бог обещал ей чрезвычайную милость, но забыл о своем обещании, и змея была вынуждена напомнить ему об этом, так как грифы производили в это время среди них ужасные опустошения. В защиту от этих хищных птиц Будда даровал кобре очки, которых коршуны боятся. Другое сказание повествует о драгоценном камне, «негеменик-киа», который иногда находят в желудке кобры и который она заботливо скрывает, так как не поддающийся описанию блеск его стал бы привлекать всякого, подобно лучезарному светилу, и тем подвергал бы животное опасности.

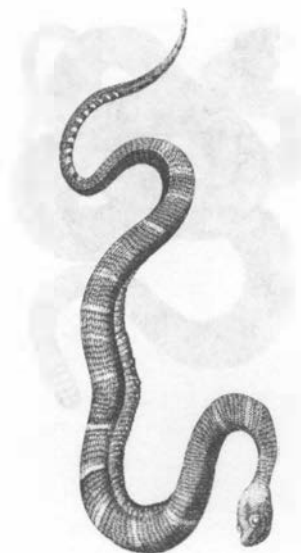
Во время пребывания Деллона в Курануре, около середины XVII столетия, один секретарь князя был укушен очковой змеей. Его принесли в город, а вместе с ним в хорошо закрытом сосуде

и змею. Князь был очень огорчен несчастным случаем и призвал браминов, которые трогательным образом стали указывать змее, что жизнь раненого секретаря очень важна для государства. К таким увещаниям присоединялись и необходимые угрозы: змее объясняли, что ее сожгут на одном костре с больным, если в результате ее укуса он умрет. Однако божественное животное не смягчилось, и секретарь умер. Глубокое уныние овладело князем; однако ему вовремя пришла в голову мысль, что мертвый, быть может, навлек на себя гнев богов каким-нибудь тайным грехом, и змея исполнила лишь повеление богов. Поэтому ее вынесли в сосуде из дому, отпустили на свободу и надлежащим образом умоляли ее с низкими поклонами о прощении. Данные Ричардса об особенных воззрениях, которые удерживают индийцев от умерщвления змей, сообщены уже выше. Если житель Малабара находит в своем доме ядовитую змею, он самым дружеским образом просит ее уйти; если это нисколько не помогает, то он держит перед ней пищу, чтобы выманить ее, а если она и тогда не уходит, то он призывает благочестивых служителей божества, которые, понятно, за соответствующее вознаграждение, делают змее трогательные увещания. По справкам, собранным Фэйрером, воззрения индийцев, если и не всех каст, не изменились в этом отношении и до наших дней. Многие из них ни в каком случае не убьют очковую змею. Если кто-нибудь найдет ее в своем доме, то успокаивает ее, насколько может, кормит и защищает ее, как будто бы причиненный ей вред должен принести несчастье дому. Если страх перед опасным и злобным гостем перевесит суеверное обоготворение, или, например, змея умертвит кого-нибудь из жителей дома, то индеец приказывает поймать ее, но и теперь обращается с ней почтительно и осторожно, относит ее в отдаленное необитаемое место и отпускает на свободу, чтобы она мирно ползла своей дорогой.

С таким народом фиглярам, понятно, легко иметь дело. Слепая толпа считает их фокусы за очевидное волшебство, а брамины по мере сил поддерживают эту выгодную для них веру. Правда, нельзя отрицать, что фигляры обращаются с этими опасными животными таким образом, что вполне могут внушить и недоверчивому европейцу высокое почтение к своей ловкости; но все их искусство основано исключительно на точном знании характера и особенностей змей. Различные писатели утверждали, что очковой кобре, как и ее африканскому родичу, египетской, выламывают ядовитые зубы, прежде чем употреблять их для представлений, и что укус их не может приносить вред; но уже Дэви самым решительным образом оспаривает это мнение, а новейшие наблюдатели вполне согласны с ним. Конечно, может случаться, что фигляры выламывают у змей ядовитые зубы, но обыкновенно кобра обладает своим смертоносным оружием и, следовательно, может пускать его в дело; дрессировка, которой она подверглась, едва ли

может помешать ей в этом. Дрессировка, правда, происходит, но, наверное, не ведет к тому, чтобы удержать животное от кусания, и только проворство и внимательность фигляра спасают его от опасности, которую он дерзко навлекает на себя, хотя и не во всех случаях. Иной из этих людей погибает от очковой змеи. «Заклинатель змей, — рассказывает Дэви, — дразнит кобру ударами или быстрыми угрожающими движениями руки и снова успокаивает ее голосом, медленными круговыми движениями рук и легким поглаживанием. Если она разозлится, он искусно избегает ее нападения и играет с ней только, когда она успокоена. Тогда он подносит пасть животного к своему лбу, проводит ею по лицу. Народ думает, что заклинатель может безопасно обращаться со змеями благодаря волшебству; просвещенный человек смеется над этим и подозревает фигляра в обмане, думая, что он вырвал у кобры ядовитые зубы; но он ошибается, а народ более прав. Я исследовал таких змей и нашел их зубы неповрежденными. Фигляры действительно обладают волшебством — конечно, не сверхъестественным, а волшебством уверенности и мужества. Они знают нравы и склонности этой змеи, знают, как неохотно она пускает в дело свое смертоносное оружие и что она кусает лишь после того, как ее сильно раздражат. Тот, кто обладает уверенностью и проворством этих людей, может подражать их игре, и я не раз делал это. Фигляры могут вести игру с каждой змеей, только что пойманной или долго содержавшейся взаперти; но они не отваживаются на это ни с какой другой ядовитой змеей». Справедливость указаний Дэви печально подтвердилась, по Тенненту, на Цейлоне смертью одного из этих заклинателей, который благодаря этим представлениям приобрел необыкновенную дерзость в обращении со змеями, был укушен одной из них в грудь и умер в тот же день.

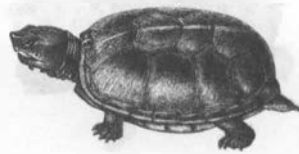
Очень живое описание заклинания дал Рондо. «К 6 часам вечера на судно является заклинатель — индеец. Он бедно одет, но в виде отличительного признака носит тюрбан, украшенный тремя павлиньими перьями. Он приносит с собой в мешках ожерелья, амулеты и тому подобное, а в плоской корзинке очковую змею. Он располагается на баке: мы садимся на скамьи на шканцах; матросы становятся кругом. Он ставит корзинку и снимает с нее крышку. Змея лежит, свернувшись, на дне ее. Фигляр садится на корточки на некотором расстоянии перед ней и начинает играть на особом роде кларнете протяжную, жалобную, однообразную мелодию. Змея немного поднимается, вытягивается и встает. Кажется, как будто бы она села на свой хвост, который остается еще свернутым. Она не оставляет корзинку. Через некоторое время она становится беспокойной, старается ознакомиться с местом, где находится, начинает двигаться, развертывает и расширяет свой щит, сердится, более храпит, чем шипит, быстро движет языком и несколько раз с силой бросается к фигляру, как бы

желая укусить его, при этом неоднократно подпрыгивает и делает неловкие скачки. Чем более она двигает своим щитом, тем более расширяет его. Фигляр не сводит с нее глаз и смотрит на нее странным пристальным взглядом. По прошествии 10—12 минут змея кажется менее возбужденной, постепенно успокаивается и покачивается; наконец, как будто бы прислушиваясь к постепенно слабеющей музыке фокусника, она ложится, но все еще движет языком с чрезвычайной живостью. Состояние ее, по видимому, все более и более становится сонным. Глаза ее, которые сначала, казалось, хотели уничтожить заклинателя, смотрят на него неподвижно, как будто очарованные. Индеец пользуется этим мгновением слабости змеи, медленно приближается к ней, не переставая играть, и прижимает к ее голове сначала свой нос, затем язык. Это продолжается не более одного мгновения, но в ту же минуту змея оправляется и с бешеной яростью бросается к фигляру, который едва успевает отступить настолько, чтобы она не могла его достать.

Когда фокусник кончил свою игру, подходит один из офицеров судна и выражает желание видеть, каким образом индеец прикладывает губы к покрытой чешуей голове животного. Бедняк снова начинает свою однообразную песню и снова устремляет на кобру пристальный взгляд. Усилия его тщетны. Змея находится в состоянии крайнего раздражения; ничто на нее не действует. Она хочет оставить корзинку и ее приходится закрыть. Мы сомневаемся, чтобы у кобры были еще ее ядовитые зубы и чтобы страх, выражаемый индийцем, был основательным. Поэтому мы требуем, чтобы он дал змее укусить двух кур, и обещаем ему за это испанский пиастр. Он берет черную курицу и держит ее перед змеей. Змея поднимается наполовину, смотрит одно мгновение на курицу, кусает и оставляет ее. Курицу отпускают, и она убегает в испуге; 6 минут спустя у нее делается рвота, она протягивает ноги и умирает. Змее подставляют другую курицу, она кусает ее два раза, и курица умирает через 8 минут».

Граф Гертц описывает в своем путешествии вокруг света представление фигляров несколько иначе. Очковые змеи, с которыми играли перед ним заклинатели в Мадрасе, тоже лежали, свернувшись в плоских корзинах. Старшина труппы фокусников брал змей одну за другой за голову, вынимал и клал на землю, и лишь после того стал извлекать звуки, раздражающие уши, из странного кларнета, к концу которого была прикреплена маленькая тыква. Животные подняли кверху головы и шеи, пристально смотрели ему в лицо и сильно расширяли шеи, не делая других движений. Затем он стал протягивать кулак к их головам, они двигали головою вслед за кулаком, как бы с намерением укусить, но не открывали рта. Кончиком носа и языком этот фигляр делал то же, что и первый. Он не старался очаровать их пристальным взглядом, напротив, часто небрежно трогал животных и, наконец,

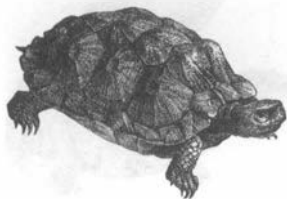

обвил их вокруг своей шеи. Танцующих движений у змеи было вовсе не заметно; в ее поведении явственно выражались, с одной стороны, вся злоба и бешенство этого вида змей, с другой — страх перед заклинателем. Легко было догадаться, что приручение заключалось в том, что змее давали кусать твердые или нагретые предметы. «Ядовитые зубы были вырваны, как я убедился сам; в этом признались и сами фигляры».

Последнее подтверждается и следующим рассказом Джонсона: «Один фокусник заставлял большую очковую кобру плясать перед многочисленным обществом. Сын его, юноша 16 лет, привел животное в ярость, был укушен и через час умер. Отец был поражен и клялся, что смерть его сына не могла произойти от укуса, так как у змеи не было зубов, и как его, так и сына она уже часто кусала без всяких дурных последствий. Однако при исследовании змеи оказалось, что вырванные ядовитые зубы заменены новыми, которые хотя и мало выдавались, но все же нанесли мальчику смертельную рану. Старик клялся, что никогда не видел ничего подобного, и был безутешен вследствие потери сына».

По данным, сообщенным одним образованным индийцем, которые обнаружил Фэйрер, в Бенгалии есть четыре различных класса людей, которые ловят змей и дают представления с ними. Первый из них, несравненно более опытный, чем остальные, — класс «мальс», низкая каста индийцев, которые живут ловлей и продажей змей, но никогда не занимаются фиглярством, волшебством и лечением. Мальс бедные жалкие люди, осужденные на бродячую жизнь; но они не занимаются воровством и вообще не возбуждают никаких подозрений. В северо-западной части Бенгалии их заменяют «модарис», из которых некоторые приходят иногда и в Калькутту. Найендралала Митра, упомянутый индеец, никогда не имел случая ближе наблюдать их и потому ничего не знает о них, но замечает, что их, вероятно, часто смешивают с «бедяхс», цыганами Бенгалии. Последние — фигляры, вожаки медведей и обезьян, продавцы трав и амулетов, знаменитые знахари, которые лечат от ломоты, паралича и других недугов, мастера в «волшебстве и колдовстве», цирюльники и хирурги, а также заклинатели змей; вообще они занимаются всем, чем угодно, пока не придут в столкновение с полицией. Они вовсе не славятся, как заклинатели змей. От мальс они отличаются в том отношении, что заставляют работать вместе с собой и своих жен, чего никогда не бывает у тех. Настоящие заклинатели змей «саниис», называемые в Бенгалии «тубри-валлахс», которые, вероятно, тоже родом из северо-западной Бенгалии и отличаются желтой одеждой и большим тюрбаном; они носят известную дудку, с помощью которой они будто бы овладевают змеями и выманивают их из нор. Чтобы очистить дом от змей, они, понятно, уносят несколько штук с собой в складках своей широкой одежды, а в то же время пока-

зывают некоторых находящихся на свободе, или и вовсе не показывают их. В качестве бродяг они по дороге берут, что подвернется под руку, но, тем не менее, их нельзя назвать профессиональными ворами. Они бродят по всей стране, и их можно одинаково встречать и в северо-западной, и в южной Индии. Уже самые древние санскритские книги рассказывают о них; поэтому, вероятно, что их искусство восходит до самой глубокой древности. Дудка их должна считаться характерной особенностью, так как ее не бывает ни у мальс, ни у модарис или бедияхс.

Очковая змея потому служит любимицей всех этих людей, что, благодаря своей позе при защите и нападении, более поражает зрителей, чем всякая другая ядовитая змея, а благодаря их многочисленности, заклинатель змей никогда не терпит в них недостатка. Кроме них иногда можно видеть в руках заклинателей **королевскую кобру** (*Ophiophagus hannah*), которая обнаруживает те же особенности и еще большую свирепость, чем очковая змея. У тех, которых постоянно употребляют для представлений, почти всегда вырывают ядовитые зубы и, кроме того, вырезают и складку, в которой они лежат и где развиваются новые, заменяющие их. Тем не менее, надо признать, что заклинатели змей очень хорошо умеют обращаться и с такими ядовитыми змеями, которые вполне обладают еще своим смертоносным оружием. Ловкость, которую они обнаруживают, когда берут с земли голой рукой ползущую в густой траве ядовитую змею и избегают при этом поранения, и уверенность, с какой они потом обращаются со змеями, в высокой степени достойны удивления. Заклинатели змей хорошо знают, какой опасности они подвергаются, они знают не хуже других, что нет ни одного средства против действия яда змей, которое можно было бы считать надежным, хотя они сами же и указывают такие средства, и продают их. Кроме ядовитых змей они всегда показывают и неядовитых, причем всегда играют на дудке.

Ловлей и дрессировкой очковой змеи занимаются, кроме фокусников, и брамины. Как сообщает Джонсон, ловцы исследуют в удобных местностях все углубления в земле и начинают копать, если земля при выходе сглажена, благодаря вползанию и выползанию змей, так как знают, что если в норе живут животные, снабженные ногами, то это место бывает обыкновенно неровным. Отыскав змею, они начинают осторожно разрывать нору, пока не натолкнутся на ее обитательницу, стараются схватить ее левой рукой за хвост, правой — выше за тело и как можно быстрее протягивают ее сквозь руку, пока не схватят ее за затылок указательным и большим пальцами. Джонсон уверяет, что видел, как змей ловили таким образом и на открытом месте. Впрочем, ловцы никогда не ходят на охоту за змеями поодиночке и всегда носят при себе необходимые орудия и средства, чтобы иметь возможность принять меры в случае укуса. Так, один из них несет обыкновенно жаро-

Семейство
аспидовые змеи

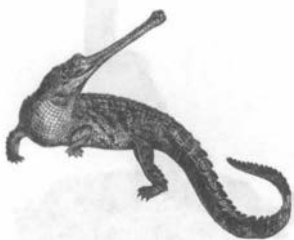

вню с угольями, служащую для того, чтобы поддерживать в раскаленном состоянии маленький железный инструмент величиной с обыкновенный зубец вилки, имеющий форму змеиного зуба, которым он, если кто-нибудь будет укушен, выжигает пораненное место, выдавив и высосав предварительно кровь, а также перевязав раненую часть. Другие ограничиваются тем, что прикладывают к ране так называемый «змеиный камень», о котором я буду подробнее говорить ниже. Внутри принимают настой безоарового спирта на дикой конопле или табаке, называемый гонгеа, по словам Джонсона, часто с хорошими результатами.

Рейне рассказывает, что ловцы змей употребляют иногда маленькую дудку, чтобы выманить очковую змею из ее убежища, и утверждает, что сам видел это. «Один заклинатель змей явился в 1854 году в мое бунгало и просил позволения показать мне пляску своих змей. Так как я не раз видел уже этот фокус, то я возразил ему, что готов подарить ему рупию, если он согласится сопровождать меня в джунгли и поймает там очковую змею, жилище которой было мне известно. Он согласился. Я пересчитал его ручных змей, поставил к ним сторожа с поручением смотреть за ними до моего возвращения, осмотрел затем самого фокусника и убедился, что он не имел при себе змей. Когда мы пришли на место, он заиграл на маленьком духовом инструменте, и через некоторое время большая очковая змея действительно показалась перед холмиком термитов, где, как я знал, она жила. При виде человека она попыталась скрыться, но он схватил ее за хвост, стал непрерывно кругообразно махать ей вокруг себя и, таким образом, донес ее до нашего бунгало. Здесь он заставил ее плясать, но прежде чем овладеть ею, был укушен в ногу выше колена».

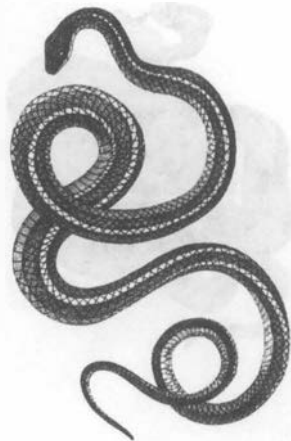
Последние слова еще раз подтверждают рассказ Дэви; они доказывают, что собственно нет никакой надобности в дрессировке очковой змеи для того, чтобы заставить ее выполнять так называемую пляску. Тем не менее, я приведу рассказ Кэмпфера о том, как надо поступать, чтобы отбить у змей охоту кусаться. «Один брамин занимался, кроме поучения верующих, также дрессировкой змей, чтобы по окончании обучения продавать их. У него их было 22 штуки, в таком же числе глиняных сосудов, которые были достаточно велики, чтобы позволить змеям делать необходимые движения, и могли закрываться крышками. Когда погода была не слишком жаркой, он выпускал одну змею за другой из заключения и обучал их более короткое или более продолжительное время, смотря по успехам, достигнутым ими в своем искусстве. Как скоро змея выползала из сосуда и хотела обратиться в бегство, учитель поворачивал ее голову к себе с помощью нескольких ударов прутиком, и в то мгновение, когда она хотела кусить его, подставлял ей сосуд, принимая им, как щитом, укусы. Скоро змея убеждалась, что ярость ее ни к чему не ведет, и отступала. Эта борьба между человеком и змеей продолжалась в тече-

ние четверти часа или даже получаса, и все это время змея следила за всеми движениями сосуда, который держали перед ней, расширив капюшон и выставив ядовитые зубы для укуса. Таким образом, она постепенно приучалась подниматься, как только перед ней появлялся сосуд. Позднее учитель вместо сосуда держал перед змеей руку, но она не смела броситься на нее, думая, что опять укусит глину. Фигляр сопровождал движения пением, чтобы увеличить обман. Несмотря на всю ловкость и осторожность, он мог, однако, быть поранен и потому давал змее предварительно кусать сукно и таким образом освободиться от яда». Напротив, Ричардс настоятельно указывает на то, что нужно лишь знание характера змеи и соответствующие ловкие движения руки, чтобы, по-видимому, подчинить кобру, не лишённую ядовитых зубов, воле того, кто ее показывает; он рассказывает даже об одном европейце, которому доставляло удовольствие проделывать подобные фокусы.

На основании всего этого кажется, что рассказ Кэмпфера основан лишь на том, что он слышал, а не на собственных наблюдениях. Может быть, и рассказ Дэви, по-видимому, говорит в пользу того, что настоящие кобры легче обучаются, чем другие ядовитые змеи; но я считаю очень сомнительным, чтобы дрессировка могла приносить пользу. В Индии рассказывают удивительные истории. «Слыхали ли вы, — пишет Скиннер Тенненту, — когда-нибудь о ручных очковых змеях, которых поймали и приучили к дому, которым позволяют по желанию входить и выходить, как остальным обитателям дома? Один зажиточный человек, живущий в области Негомбо и постоянно имеющий у себя в доме значительные суммы денег, держит в качестве хранителя своих сокровищ вместо собак кобру. Но это вовсе не единственный случай такого рода. Я слышал об одном таком случае всего несколько дней тому назад и притом от человека, безусловно, заслуживающего доверия. Змеи ползают по всему дому на страх воров, но никогда не пытаются вредить законным обитателям дома». Можно ли верить таким рассказам? Я сомневаюсь в этом, хотя они, по-видимому, подтверждают древние рассказы; я отношусь к ним с тем большим недоверием, что происхождение их кажется мне легко объяснимым. Зажиточный и образованный человек, который умеет надлежащим образом судить о невежественном народе, пускает в ход такую сказку, чтобы обезопасить себя от неприятных посещений, пожалуй, показывает иногда и несколько очковых змей, чтобы придать своей выдумке печать правдивости. Таково зернышко истины, заключающееся во всем этом рассказе.

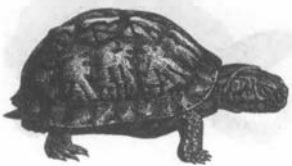
Относительно действия укуса кобры Руссель, Джонсон, Бретон, Фэйрер, Ричардс и другие произвели разнообразные опыты, которые достаточно выясняют, насколько опасна эта змея. Голуби умирали через 3—4 минуты после укуса, куры через 4—6, собаки мучались перед смертью от 20 минут до нескольких часов;

*Семейство
аспидовые змеи*

люди — несколько часов. Джонсон нашел, что во всех случаях яд все более и более терял свою смертоносную силу, если одну и ту же очковую змею заставляли кусать различных животных через короткие промежутки; по его мнению, из опытов, произведенных им, следует, что яд при сохранении в железах становится все сильнее и что в более теплую погоду он делается жиже, а также, что змеи в разное время обладают способностью убивать в различной степени. Бретон тоже нашел, что последовательные укусы теряют силу. Он дал кобре укусить в хвост водяную змею. Через полтора часа последняя не могла владеть укушенной частью, постепенно слабела и умерла через 2 часа и 15 минут, не обнаруживая никаких особенных явлений, кроме того, что чаще дышала. Кролик, укушенный в голень той же змеей, немедленно вслед за тем обнаружил паралич и слабость, у него начались легкие судороги, и он умер через 11 минут. Голубь, укушенный вслед за тем, умер через 27 минут, второй лишь через 1 час 11 минут, третий через 3 часа 42 минуты, четвертый не обнаружил никаких признаков отравления, пятый тоже несколько не пострадал от укуса. Той же коброй были ранены другие ядовитые змеи, причем не обнаружилось никакого действия яда. Руссель дал очковой змее укусить свинью, которая оказалась вовсе не способной противостоять действию яда, и умерла через час после укуса. Отравленные собаки вели себя различно. Некоторые были относительно спокойны, только поджимали укушенную конечность, затем ложились, подвергались рвоте, делали тщетные усилия подняться и умирали; другие ужасно выли и дрожали всем телом, пока не впадали в бесчувственное состояние; третьи сначала визжали, пытались убежать, обнаруживали чрезвычайное беспокойство, лаяли, ели еще, их опять рвало, наконец, приходили в бешенство, делали сильные попытки убежать и непрерывно лаяли, пока и у них не наступали паралич и слабость. Куры и голуби, которым был привит яд очковой змеи, испытывали все припадки отравления и умирали, если опыт был действительно выполнен ловко. Белланже, врач и директор ботанического сада в Пондишери, доказал другими опытами, что два грана яда очковой змеи, перенесенные на поверхность слуховых органов (вероятно на барабанную перепонку) собаки, могут причинить смерть при весьма замечательных симптомах, и что яд, выпущенный каплями на поверхность глаза, языка и т. п., тоже вызывает очень тяжелые последствия.

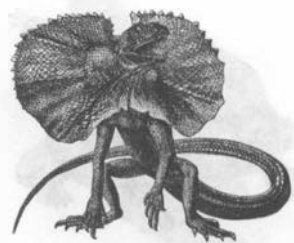
Фэйрер производил в течение трех лет обширнейшие опыты, чтобы выяснить действие яда индийских змей и в особенности яда очковой змеи. Для этих опытов употреблялись преимущественно собаки и куры, а, кроме того, лошади, рогатый скот, козы, свиньи, кошки, мунго, или полосатые мангусты, кролики, крысы, грифы, цапли, ящерицы, неядовитые и ядовитые змеи, лягушки, жабы, рыбы и улитки. Все наблюдения записывались так тщательно, но в то же время в таком пестром беспорядке, что разоб-

раться в его сочинении и прийти к определенному выводу для читателя почти невозможно. Из всех данных выясняется, что яд очковой змеи действует на всех животных, с которыми производились опыты, и что действие его чрезвычайно сильно, а по большей части и крайне быстро, наконец, что противоядия самого различного рода или вовсе не действуют, или имеют крайне ничтожное действие и что укусы, задевшие более крупный кровеносный сосуд, должны считаться, безусловно, смертельными. Фэйрер доказал с полной определенностью, что мнение, будто бы яд змей, и в частности кобры, действует лишь в том случае, если его ввести непосредственно в кровь, совершенно ошибочно, напротив, яд может всасываться всеми слизистыми оболочками и даже может перейти в кровь из желудка.

На людях последствия укуса змеи, как говорят, часто проявляются иначе, чем на животных, и именно у них замечали, что тело становилось холодным, как у трупа, между тем как у собак наблюдалось прямо противоположное, именно лихорадочное состояние. Так как в Индии ежегодно относительно большое число людей бывает укушено очковыми змеями, и они по большей части умирают, то имеется достаточно наблюдений и относительно течения болезни у отравленных людей. Я хочу привести здесь несколько случаев, которые не кончались смертью, так как считаю их более поучительными, чем другие.

Одна женщина была укушена в нижнюю часть ноги; через 11 часов ее посетил Дюффин. Она утратила чувство зрения и осязания; глотание было так затруднено, что было невозможно ввести в ее желудок хотя бы самое незначительное количество какого-нибудь вещества. Судороги не мучили ее, но с самого начала она впала в состояние слабости, которая все возрастала. Рану расширили и приложили ртутную мазь; наконец, с трудом удалось дать больной несколько пилюль. Первые не подействовали, но после третьей больная испражнилась, и кожа стала немного влажной. Через 18 часов после укуса у больной восстановилось осязание, зрение и способность к глотанию; в три следующих дня она сильно потела; через 8—10 дней слабость исчезла, и больная стала медленно поправляться.

Один индеец, укушенный в пятку, через четверть часа крепко сжал челюсти и казался мертвым, не обнаруживал чувствительность, когда смочили четыре очень больших раны жидкостью, состоящей из едкого аммиака, янтарного масла, воскового мыла и винного спирта. Ему насильно раздвинули челюсти и в буквальном смысле слова влили с помощью воронки две бутылки нагретой мадеры, продолжая непрерывно наружное употребление вышеупомянутой жидкости. Больной был в таком бесчувственном состоянии, что его можно было бы счесть за мертвого, если бы он не дышал от времени до времени. Он оставался в этом состоянии 40 часов и лишь после того обнаружил признаки возвращения

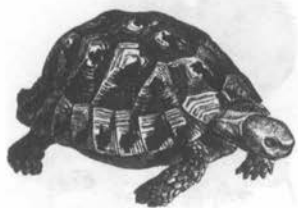

чувствительности; через два часа он начал говорить, но оставался еще слабым и изнуренным в течение нескольких дней.

Туземцы Индии, особенно заклинатели змей и фокусники, кроме вышеуказанных целебных средств, употребляют при укусах змей также многие другие, но обыкновенно держат их в тайне, так что еще и теперь неизвестно, какого они рода и каково их действие. Два весьма употребительных средства заслуживают, по видимому, упоминания, хотя в действительности приносят мало пользы. Первое из них — змеиный камень, называемый на Цейлоне «пембу-келу», употреблению которого сингалезцы научились, вероятно, от заклинателей змей, приезжающих сюда с Коромандельского берега. «Не один случай успешного употребления этого камня, за достоверность которых вполне ручались, — говорит Теннент, — рассказывали мне люди, бывшие очевидцами этого. Однажды в марте 1854 года один из моих друзей, проезжая верхом по джунглям, поблизости Бинтенне, вместе с правительственным чиновником, увидел тамила, который приближался к ним с товарищами. Вдруг он прыгнул в лес и возвратился с очковой змеей, которую он схватил за голову и хвост и крепко держал. Он позвал товарища на помощь, чтобы посадить змею в корзину с крышкой, но обращался с ней так неловко, что она укусила его в палец и несколько мгновений держала его зубами, как будто бы не могла вытащить их.

Кровь потекла, и сильнейшие боли последовали, по-видимому, непосредственно за укусом. Его товарищ тотчас развязал свой пояс и вынул два змеиных камня черного цвета, крайне тщательно отполированных и величиной с маленькие миндалины, и положил по камню на каждую рану. Они пристали к ранам, впитывали в себя всю кровь, вытекавшую из ран, оставались в этом положении около 3 или 4 минут, между тем как товарищ больного гладил и растирал руку от плеча к пальцам, и, наконец, отпали сами собой. Страдания укушенного, по-видимому, прекратились. Он стал двигать рукой, вытягивать пальцы, так что суставы хрустели, и пошел дальше, не обнаруживая озабоченности. Между тем другой индеец достал из своего дорожного мешка маленький кусочек дерева, похожий на корень, и осторожно приблизил его к голове змеи, которая тотчас прижала голову к земле, схватил ее затем без всякого страха и свернул в кружок на дне корзинки. Он уверял, что этот корень делает хватание змеи совершенно безопасным, и назвал его «найа-тали-к-каланго», что значит корень змеиного растения».

Другой случай произошел в 1853 году и был сообщен Тенненту Лавальером, который был очевидцем его. Он встретил в лесу заклинателя, который отыскивал очковых змей, последовал за ним и увидел, как тот нашел и поймал одну, но был при этом укушен в голень, так что из раны потекла кровь. Он тотчас приложил к ране змеиный камень, который крепко пристал и дер-

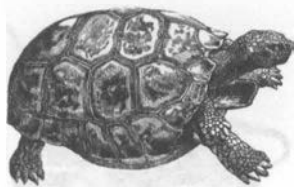
жался около 10 минут; между тем индеец двигал над камнем взад и вперед каким-то корнем, который он держал в руке, пока камень не отпал. Он уверял европейца, что больше не о чем заботиться, и дал ему тот самый змеиный камень, который он употреблял. Лавальер не раз видел потом этого человека вполне здоровым.

Тот индеец, о котором рассказывает Рейне, употребил после укуса пембу-келу, но в то же время перевязал укушенный орган выше места укуса. В течение нескольких минут он терпел, по-видимому, сильную боль, но постепенно стал оправляться и почувствовал облегчение, когда камень отпал. Собравшись немного с силами, он подставил змее кусок сукна, который она укусила, схватил ее прежде, чем она успела освободиться, рукой за затылок и в присутствии Рейне вырвал у нее ядовитые зубы. Рейне следил с полнейшим вниманием за всей операцией, причем ему помогало и несколько других лиц. Однако Ричардс, рассматривая подобные случаи, указывает, прежде всего, на то, что остается открытым вопросом, не остался ли бы укушенный жив и здоров и без такого лечения; хотя укус и действительно произошел, но это вовсе не значит, что непременно последовало и отравление.

Змеиные камни и корни, которые употреблялись в приведенных выше случаях, достались позднее Тенненту. «Корни, — говорил он, — не одинаковы. Один из них, по-видимому, кусок ветви кирказона, другой так сух, что определение его было очень затруднительно, но он похож на четырехгранный кусок ломоноса. Несколько видов рода кирказон (*Aristolochia*), как, например, растущая в Америке *Aristolochia serpentaria*, издавна уже пользуются славой, как помогающие от укусов змей, а индийский вид этого рода (*Aristolochia indica*) и есть то растение, к которому прибегают мунго по народному поверью». Теннент прибавляет, приводя эти данные, что он не верит в действенность этих корней и убежден, что они имеют лишь воображаемое значение, внушая ловцу змей храбрость и доверие к собственной ловкости. В этом он, без сомнения, прав.

О природе змеиного камня нам сообщили достаточные сведения Барров и Гарди; исследования Теннента имели, однако, то значение, что подтвердили прежние данные. Уже Кольбе упоминает, что европейцы, живущие в Капланде, пользуются змеиным камнем и получают его из Индии, где его приготавливают брамины. Только они, по-видимому, знают тайну его состава и ни за какую цену не открывают ее людям, которые не принадлежат к их касте. «Я чрезвычайно жалею, — говорит Кольбе, — что тайна неизвестна среди христиан и что брамины непреклонны в этом отношении, так как упомянутые камни действительно обладают чудесной силой». Затем идет описание употребления камня, которое в существенных чертах сходно с описанным выше. Тунберг, который посетил Капланд после Кольбе, тоже рассказывает

о змеиных камнях и указывает следующие отличительные признаки настоящих камней: если положить их в воду, то поднимаются пузырьки воздуха, а если ввести в рот, то они крепко прилипают к небу; когда их прикладывают к части тела, укушенной змеей, то они крепко прилипают к ране, высасывают яд и отпадают сами, когда напитаются. По уверению Джонсона тайна приготовления и теперь еще находится в руках браминов и приносит им значительную выгоду; но приготовление змеиных камней более не тайна. Наши химики исследовали массу и нашли, что это обожженные кости, известь и обугленная смола; посредством своих ячеек, или внутренних пустот эти вещества всасывают жидкость, а, следовательно, кровь и даже яд.

Путешественник Гарди, который ознакомился с приготовлением змеиного камня, употребляемого в Мексике, сообщает нам даже, как его готовят. «Возьми кусок оленьего рога любой величины и формы, оберни его травой или сеном, заключи в кусок листовой меди и положи в горящие уголья, пока рог не будет достаточно обожжен, дай остыть, вынь обожженный рог из оболочки, и он готов для немедленного употребления. В этом состоянии он представляет крепкую, хотя и ячеистую массу черного цвета, которая по форме и величине похожа еще на кусок рога». В южной Африке, как и в Мексике, принимают еще одну меру предосторожности, именно расширяют рану, а когда змеиный камень вполне напитается, его бросают обыкновенно в воду или молоко, очищают его таким образом, высушивают и снова прикладывают к ране. Что подобное тело действительно может оказывать некоторое действие, нельзя сомневаться; однако действие это, конечно, значительно уступает действию кровососной банки, и упомянутые выше случаи могут следовательно доказать лишь то, что больные, спасенные с помощью змеиного камня, были лишь легко ранены и отравлены. В том же смысле высказывается и Фэйрер.

С гораздо большей уверенностью употребляли недавно в Индии против укусов змей листья кирказона и, как говорят, получали самые лучшие результаты. «Одна индианка, укушенная змеей, — рассказывает Лацтер, — была принесена ко мне на носилках. Она находилась в состоянии полной безжизненности, так что я решительно отказал ей в помощи. В этом меня поддерживал и один офицер, находившийся в моем доме; он указывал, что лучше всего отослать ее обратно, чтобы не ронять моего целебного средства в глазах народа. Женщина была холодна, как мрамор; я вовсе не замечал кровообращения; по виду она походила на труп. Муж ее был глубоко огорчен моим отказом и умолял, чтобы я хоть попробовал применить свое средство. Я объяснил ему свои причины и не скрыл от него своего глубокого убеждения, что его жена уже скончалась. Однако чтобы не увеличивать его горе, упорствуя в отказе, я насильно раздвинул челюсти укушенной и влил своего лекарства, которое я составил из трех растертых листьев кирказо-

на средней величины и десяти зерен перца, настоянных в унции воды. Когда питье было влито, я велел привести тело в сидячее положение, и стал ждать с некоторым напряжением, но без малейшей надежды на успех. По прошествии 8 или 10 минут я заметил легкую пульсацию в нижней губе. Я тотчас велел мужу носить больную взад и вперед при помощи моих слуг, в надежде, если возможно, снова возбудить кровообращение. Двое людей держали ее под руки и стали двигать ее взад и вперед, причем ноги ее беспомощно волочились. Несколько минут спустя я заметил, что больная сделала попытку двигать ногами, и велел поднять ее настолько, чтобы подошвы касались земли. Еще несколько минут, и глубокий вздох, сопровождаемый странным криком, показал, что сознание возвращается. Затем последовал возглас: «Огонь жжет внутренности!» В это время грудь и руки были еще холодны, как у трупа. Я тотчас снова дал ей настой одного листа в унции воды, который, по-видимому, смягчил жгучие боли в желудке. Теперь она могла указать мне место, в которое была укушена. Я велел натирать его листьями кирказона и, благодаря этому, она была в состоянии ходить без посторонней помощи. Я велел ей еще ходить взад и вперед, по крайней мере, часа два, сказал ей затем, что она вполне выздоровела, и отпустил ее».

Лаутер рассказывает и другие подобные случаи и уверяет, что он лечил, по крайней мере, 20 человек, на которых употребление кирказона увенчалось полнейшим успехом. При опытах над собаками оказалось, однако, что это растение не может считаться средством, пригодным во всех случаях, и что у этих животных оно вызывало ужасную лихорадку, от которой они и погибали. Это различное действие, по мнению Лаутера, легко можно объяснить; он утверждает, что последствия отравления проявляются у различных живых существ очень несхожим образом.

Очень может быть, что старая слава кирказона оправдается, и он окажет целебное действие против змеиного яда. Однако, по опытам, произведенным до сих пор знатоками дела, надежда на листья кирказона оказывается очень плохой. «Я должен, к сожалению, сказать, — замечает Фэйрер, — что во всех случаях, когда я применял кирказон, я терпел полную неудачу, и я вообще очень сомневаюсь в том, чтобы существовало какое-нибудь средство, которое могло бы воспрепятствовать действию страшного яда взрослой очковой змеи, хотя мне и кажется возможным, что более крупные животные, укушенные очковой змеей, могут быть вполне спасены, благодаря употреблению лекарств».

Если вспомнить сообщенные выше, правда, сомнительные, данные о вопиющем числе людей, погибших от укусов ядовитых змей, если принять во внимание указание Руссенберга, что в 1834 году на Цейлоне умерло 20 человек от укусов этих змей, опять-таки преимущественно очковых, и положиться на уверение Теннента, что из 112 человек, умерщвленных в 1851—55 годы

** Общеизвестен злейший враг индийской кобры хищник семейства виверровых млекопитающих — мангуст, воспетый Редьярдом Киплингом под именем Рики-Тики-Тави. Мангусты обладают существенно более низкой чувствительностью к яду кобр, чем другие млекопитающие (например, в 25 раз ниже, чем собака), однако, укусы змеи для них болезненны, и они стараются их избегать.*

на том же острове дикими животными, 68 умерло от змеиного яда, то приходишь к выводу, что число врагов этих опасных пресмыкающихся не может быть особенно велико. Тем не менее, индийцы рассказывают о значительном числе мелких хищных млекопитающих с мунго* во главе, и различных хищных птицах, которые будто бы усердно преследуют ядовитое пресмыкающееся. Упомяну еще, как о факте, достойном внимания, о том, что увеличение числа змей наблюдали, или, по крайней мере, полагали, что наблюдали, там, где усердно охотились за павлинами и другими дикими курами и таким путем сильно уменьшили число этих птиц. На основании этого можно было бы заключить, что эти большие и гордые птицы поступают с очковыми змеями так же, как и наши домашние куры с гадюками. Утверждают также, будто бы олени Цейлона истребляют много змей, прыгая на них всеми четырьмя ногами сразу и растаптывая их.

Огромное число несчастных случаев побудило английское правительство прибегнуть к более серьезным мерам для уничтожения ядовитых змей и, прежде всего, очковых. К счастью, не все индийцы думают так, как было указано выше; многие из низших каст, напротив, занимаются почти исключительно ловлей или умерщвлением ядовитых змей, одни для того, чтобы давать представления с ними, другие — чтобы добывать скудное вознаграждение ловлей и убиванием их. В 1858 году правительство назначило за каждую убитую и доставленную властям ядовитую змею вознаграждение в 4 анна, или 48 пфеннингов, и выдало в одном только округе не менее 1 961 рупии. Когда вознаграждение было понижено до 2 анна, число доставляемых змей внезапно понизилось, так что в 1859 году в том же округе выдали лишь 124, в 1860 — даже лишь 27, а в 1861 лишь одну рупию; никто не хотел рисковать жизнью из-за ничтожной суммы в 2 анна. В 1862 году вознаграждение снова повысили до 4 анна, и тотчас снова началась охота за змеями, так что уже в первый день было доставлено 47, во второй — 70, позднее — 118 ядовитых змей в день. С 15 октября до 7 декабря результаты ловли увеличились настолько значительно, что было доставлено 26 920 змей. Когда наместник выразил удивление, что именно в холодную погоду было поймано столько змей, то ему просто и основательно объяснили это увеличением числа ловцов змей и постепенно возрастающей опытностью их. Конечно, по-видимому, не была исключена возможность того, что между ядовитыми змеями могло находиться и много неядовитых; но чиновники утверждали, что осматривали доставленных змей с большой тщательностью, и полагали, что было бы выдано на 40 000 рупий больше, если бы они не платили исключительно за ядовитых змей. Однако при этом выяснилось, как можно было и ожидать, что хитрые туземцы, чтобы более удобным образом получать сравнительно высокий доход, занимались с большим успехом регулярным разведением опасных змей.

Зрелище, подобное тому, которое доставляют индийские заклинатели змей, можно видеть в каждый праздничный день на площадях Каира. Глухие, но громкие звуки, производимые с помощью большой раковины, привлекают внимание к человеку, который готовится дать одно из тех представлений, которые в высшей степени любят сыны и дочери «победоносной столицы и матери мира». Скоро вокруг хауи (заклинателя змей) образуется кружок, и представление начинается. Оборванный юноша играет роль паяца и расточает неуклюжие, грубые шутки, которые не только встречают полное сочувствие со стороны большинства зрителей, но и отклик; затем показывает свою понятливость гамадрил, и помощница фокусника встает, чтобы собрать скудное вознаграждение в виде малочисленных медных монет. Самое удивительное еще впереди: явное волшебство фокусника, на которого со страхом смотрит иной из зрителей, должно обнаружиться лишь постепенно.

Фокусник, паяц и обезьяна озабоченно бегают и прыгают друг через друга, хватаясь за один предмет, притаскивая другой. Наконец хауи схватывает один из кожаных мешков, в которых хранит все свои принадлежности, бросает его на середину круга, развязывает узел, которым он был затянут до тех пор, берет вместо раковины «сумара», инструмент, изобретенный демонами, враждебными музыке, и начинает играть свою однообразную мелодию*. В мешке замечается движение, ближе и ближе к отверстию ползет в нем что-то, и, наконец, показывается маленькая яйцевидная голова змеи. За головой следует передняя часть тела, и лишь только она выйдет из мешка, как животное подымается совершенно таким же образом, как очковая змея. Затем она окончательно выползает, извиваясь, из мешка и начинает медленно ползать взад и вперед в пределах, до известной степени указанных ей фокусником, гордо покачивая маленькой головой над расширенной шеей и следя сверкающими глазами за каждым движением хозяина. Общий ужас охватывает зрителей: каждый знает, что эта змея, внушающая основательный страх, — кобра; но едва ли кто-нибудь считает возможным, чтобы фокусник мог безопасно потешаться над ее гневом, и потому предполагают, что он был настолько умен, что выломал ей ядовитые зубы. Хауи поворачивает и извивает ее, как делают у нас хозяева зверинцев, чтобы показать, насколько она ручная, схватывает ее за шею, плюет на нее или обрызгивает ее водой и незаметно для зрителей вдруг сжимает ей одно место на затылке. В то же мгновение змея вытягивается во всю длину и делается похожей на палку.

Змея, с которой египетские заклинатели показывают фокусы перед народом, есть египетская кобра, или знаменитый аспид греков и римлян; «Ара», или «приподнятая» древних египтян, символ возвышенности, изваянное изображение которого можно видеть на храмах по обе стороны изображения земного шара. Ее изваяние царь носил на лбу, как украшение и знак своего могу-

Семейство аспидовые змеи

** Танцующая под флейту заклинателя змея — много раз описанная картина. Однако, кобра все же не слышит музыку, а лишь следует в такт за движениями человека.*

Семейство аспидовые змеи

щества и власти. Позднее она была названа по древнеегипетскому слову «Urdus», и может считаться самой знаменитой змеей на всей земле. Что побудило удивительный народ долины Нила отнести ей столь выдающееся место между другими животными: странная ли поза, которую она иногда принимает, или польза, которую она приносит земледельцам, истребляя крыс и мышей, или ужасное действие ее ядовитых зубов, — этот вопрос остается открытым. Почти каждый греческий или римский писатель рассказывает что-нибудь об аспиде, его жизни и действии его яда, почете, которым он пользовался, и употреблении его для лекарственных целей. Но почти каждый смешивает истину с ложью и то, что он сам видел, с вымыслом. «Находят, — говорит Элиан, — аспидов длиной в 5 локтей. Большинство их черного или пепельно-серого цвета, некоторые огненного». — «Представь себе кровавого аспида, — описывает Никандр, — с его ужасной чешуей. Если он слышит шум, то свертывается в круг и поднимает посередине свою страшную голову. При этом затылок его раздувается, он бешено шипит и грозит смертью каждому, кто ему встретится». «Это ужасное животное, — прибавляет Плиний, — обнаруживает, однако, в одном отношении нежное чувство: самец и самка живут постоянно вместе, и только смерть может разлучить их. Если один аспид убит, то другим овладевает невероятная жажда мести. Он преследует убийцу, находит его даже в величайшей толпе людей, побеждает все трудности, не обращает внимания на расстояние, и только поспешное бегство через реки может спасти от него. Трудно определить, создала ли природа больше зла или средств против него. Этой злобной змее, например, она дала слабые глаза, и расположила их так, что змея может видеть не перед собой, а только по сторонам; поэтому она часто замечает человека только тогда, когда он наступит на нее».

«Египтяне, — рассказывает Элиан далее, — высоко чтят аспидов, и поэтому эти змеи у них ручные и обходительные. Если воспитывать аспидов вместе с детьми, то они не делают им никакого вреда и выходят из нор, если хлопать в ладоши; словами их не зовут. Когда египтяне кончают обед, они размачивают хлеб в вине и меде и кладут его на стол, за которым ели, и затем хлопают руками, как бы призывая гостей. Змеи тотчас выходят, становятся вокруг стола с поднятыми головами и позволяют целовать себя, причем спокойно поедают хлеб. Если египтянин идет по своему дому темной ночью, он тоже хлопает руками. Животные прячутся тогда, и на них нельзя наступить. Изображение аспида, который египтяне называют «термутис», считается у них священным и украшает в виде диадемы голову Изиды. Египтяне утверждают, что аспиды созданы не во вред человечеству; но если уверяют, что аспид щадит добрых и умерщвляет злых, то это пустяки. Некоторые прибавляют, что Изида посылает их к злейшим преступникам. Египтяне насчитывают не менее 16 различных

видов аспидов, но говорят, что только термутис бессмертен. В каждом углу храма они, как говорят, строят жилища для таких змей и кормят их телячьим салом». «Об одном аспиде, — дополняет в свою очередь Плиний, — Плутарх рассказывает, что он приходил обыкновенно к столу одного египтянина и что это очень нравилось хозяину. Позднее он родил детенышей, и один из них умертвил сына хозяина. Когда аспид возвратился, чтобы есть, и узнал о несчастье, он умертвил своего детеныша и более не показывался в доме». «Ни один человек, — рассказывает Элиан далее, — укушенный аспидом, не оставался, говорят, живым. Поэтому египетские цари носят, как я слышал, на своей диадеме изображение аспида, как знак непобедимости их владычества. Надувая свою шею, аспид лишает зрения того, кто подвергается его дыханию. Ядовитые зубы одеты тонким покровом, похожим на кожицу. Когда аспид вонзает зубы, кожица эта отодвигается и яд изливается. Затем кожица снова прикрывает зубы. След укуса аспида, говорят, не очень явствен, так как смертельный яд его, как утверждают, очень быстро распространяется по телу, так что на коже остаются лишь незначительные следы. Поэтому посланные Августом к Клеопатре могли заметить лишь два чуть видимых укула, которые и объяснили ее загадочную смерть».

«Если кто-нибудь укушен аспидом, — рассказывает Диоскорид, — то видны лишь тонкие уколы; из раны вытекает мало крови и именно черной; часто смерть наступает прежде, чем пройдет треть дня». «Укушенный аспидом, — указывает Плиний далее, — впадает в бесчувственное состояние и сон. Из всех змей аспид имеет самый смертоносный яд. Введенный в кровь или свежую рану, он убивает мгновенно, намазанный на старые нарывы — лишь медленно. Вообще же его можно без вреда пить, сколько хочешь, а также есть животных, умерших от укуса аспида. Из слюны аспида, уверяет Аристотель, готовят яд, возбуждающий гниение, против которого нет средства. Если в Александрии кого-нибудь приговаривали к смерти и он должен был умереть тихой смертью, то, по словам Галена, аспиду давали укусить его в грудь. Прекрасный афинский государственный человек и знаменитый ученый Деметрий Фалерский, как уверяет Цицерон, лишил себя жизни, дав аспиду укусить себя. Как на самого важного врага этой змеи указывают всегда на ихневмона, или египетского мангуста; но Аристотель говорит, что он всегда, прежде чем напасть на ядовитую змею, созывает помощников и никогда не приближается к ней, не покрыв себя сначала панцирем из ила».

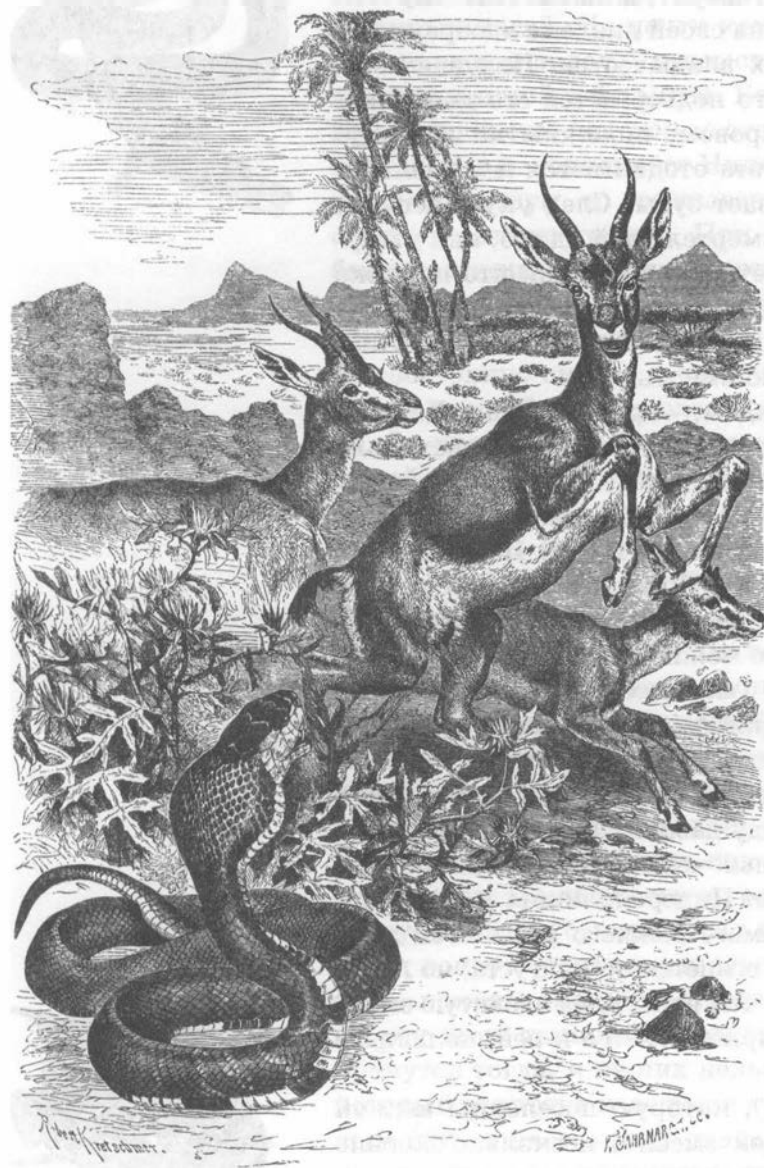
Египетская кобра (*Naja haje*), которую поселенцы южной Африки называют также «плюющей змеей», несколько больше своего азиатского родича, так как длина взрослого экземпляра может достигать 2,25 м. У нее шестой верхнегубной щиток гораздо выше, чем остальные губные щитки, так как сливается с лежащим над ним височным щитком и образует очень боль-

Семейство аспидовые змеи

шую пластинку, которая касается впереди заглазных щитков. Что касается цвета египетской кобры, то об этом можно сказать так же мало общего, как и об окраске очковой змеи. Большинство кобр, и именно египетские, сверху равномерного соломенно-желтого цвета, снизу светло-желтого, но имеют на нижней стороне в области шеи несколько более темных поперечных полос различной ширины, из которых каждая тянется по нескольким брюшным щитам. Но существуют разновидности, представляющие сверху все оттенки от соломенно-желтого до черно-бурого цвета.

Уверяют, что египетские земледельцы не оставляют из-за кобры свою работу, когда встречают ее на полях, так как знают, что она не нападает, если держаться на некотором расстоянии от нее, а спокойно лежит, подняв голову, и не переставая следить глазами за человеком. Это указание нуждается в исправлении. Все египтяне чрезвычайно боятся кобру и, если это возможно, всегда убивают ее; что же касается мнения, будто бы она не нападает, то следует заметить, что она, правда, обыкновенно скрывается, увидев человека, и притом как можно быстрее, но тотчас поднимается и принимает оборонительное положение, если кто-нибудь действительно идет ей навстречу, и вообще очень ясно проявляет свою раздражительность и свирепость. Если она думает, что может укусить, то, по единогласным уверениям различных ловцов змей, бросается на противника и последний тогда должен не зевать. Эти заявления египтян находят подтверждение со стороны Смита, Андерсона и Ливингстона, или вернее Уоллера, издателя последних сообщений этого путешественника. Смит замечает, что египетская кобра никогда не об-

Египетская кобра
(*Naja haje*)

ращается в бегство и от защиты нередко переходит к нападению. Андерсон и Ливингстон также рассказывают характерные случаи, подтверждающие то же самое. «Один из моих друзей, — говорит

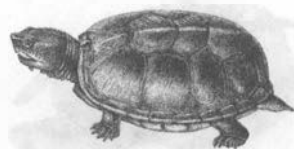
первый, — едва спасся однажды от такой змеи. Когда он был занят собиранием одного редкого растения, кобра бросилась по направлению к его руке. У него не было времени повернуться, и он побежал задом так быстро, как только мог. Змея следовала за ним по пятам и догнала бы его, если бы эта охота продлилась еще несколько секунд. Но в это мгновение он споткнулся на муравейнике и упал навзничь. Лежа он видел, как змея стрелой пронеслась мимо». В справедливости этого рассказа можно было бы усомниться, так как Андерсон рассказывает то, что не сам испытал. Рассказ Ливингстона, или вернее Уоллера, если только он точно передает событие, еще более говорит в пользу того, что кобра нападает сама. «Одна маленькая девочка умерла ужасным образом. Она шла в ряду носильщиков, как вдруг на нее бросилась большая змея, укусила ее в голень и скрылась в соседней норе. Это совершилось в одно мгновение, но было достаточно, чтобы смертельно ранить бедную девочку. Все средства были употреблены, но менее чем в 10 минут ребенок испустил дух. Этот вполне достоверный случай доказывает справедливость рассказов некоторых путешественников по различным частям Африки. Туземцы уверяют, что большая ядовитая змея с быстротой молнии преследует и настигает добычу и что те, кто знает, насколько она опасна и проворна, избегают приближаться к ее убежищу. Замечательно следующее обстоятельство: один араб рассказывал носильщикам, с которыми он встретился позднее в Занзибаре, что через короткое время после упомянутого несчастного случая он отправился той же дорогой, и что один из его носильщиков подвергся на том же месте нападению той же змеи и исход был такой же несчастный». Хотя змея здесь и не названа коброй, но едва ли это могла быть какая-нибудь другая.

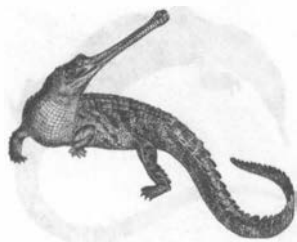
Достоин внимания то, что поселенцы в южной Африке и туземцы западного берега разделяют убеждение древних, что египетская кобра может плевать ядом и тем вредит нападающему*. Гордон Кемминг уверяет, что с ним самим случилась неприятность такого рода, и он вследствие этого должен был целую ночь терпеть сильнейшие боли. Гордон Кемминг, правда, часто рассказывает происшествия, за которые не может отвечать, и в этом случае, вероятно, передал лишь общераспространенное мнение туземцев; однако, по-видимому, здесь есть доля истины. «Египетские кобры, — пишет мне Рейхенов, — вместе с шумящей гадюкой, очень обыкновенны на Золотом берегу. Они живут в степях и избегают густого леса. В полуденный жар они охотно выползают на дороги, чтобы греться на солнце. Если кто-нибудь наталкивается на них, то они поднимаются вверх, шипят, раздувают шею и плюют на расстояние 1 метр в нарушителя покоя, причем, по-видимому, всегда целятся ему в глаза. Количество жидкости, которую они при этом выбрасывают, довольно значительно, так как змеи часто плюют три раза подряд, и под конец слюна капает у них изо рта. По словам миссионеров на Золотом берегу,

Семейство аспидовые змеи

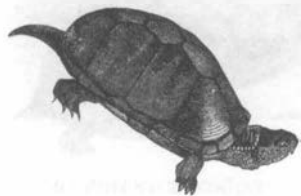
* Плюющую кобру из Южной Африки относят к виду ошейниковая кобра (*Hemachatus haemachatus*).

а также и туземцев, если эта слюна попадает в глаз, то вызывает слепоту. Замечу, что Эффельдт рассказывал мне о подобных наблюдениях, сделанных над гремучими змеями, но в то же время уверял, что такая слюна, которая может быть смешана с ядом, не в состоянии произвести на кожу или роговую оболочку никакого другого действия, чем любая другая едкая жидкость». Согласен с Рейхеновым и Фалькенштейн, который, правда, тоже не наблюдал этого сам; он считает это, по-видимому, очень обыкновенным явлением. «Если кобра оплюет негра, то последний, как мне сообщали, моет себе соответственные места молоком женщины, которое считается надежным целебным средством».

Пехуэль-Леше слышал почти везде, где эта змея встречается, рассказы о плевании и прыгании, но не мог убедиться в их справедливости. «Говорят, что она, — пишет он, — не только прыгает на нападающего, но и обрызгивает его на расстоянии 3—4 шагов несколькими каплями жидкости, которая причиняет на чувствительных частях тела злокачественные воспаления и сильные боли. Надежным средством в Лоанго и около Конго считается помазать те места, куда попал яд, молоком женщины, между тем как люди из племени кру и боеры в юго-западной Африке хвалили мне также употребление человеческой слюны в качестве средства, уничтожающего яд. Самый рассудительный из боеров, Бота, прекрасный охотник и наблюдатель, осмеивал эти рассказы и вообще оспаривал, чтобы эта или какая-либо другая из известных змей «плевалась». Я сам не раз имел случай нарочно дразнить замеченных на открытых местах кобр (они живут и в саванне), но не видел, чтобы какая-нибудь из них выбрасывала жидкость или действительно нападала. Сильно преследуемые кобры, правда, свертывались, поднимались и принимали известное по индийскому виду угрожающее положение, но тотчас же снова обращались в бегство. В Кинзембо я был приглашен на обед в факторию Баннистера. Когда я вошел на двор, я нашел хозяина и несколько других европейцев, занятых прикреплением большой мясной вилки к длинной палке; в обеденной комнате была только что замечена «куспидейра», кобра, настоящая плюющая змея; ее хотели удержать или приколоть с помощью вилки и передать мне живую. По моему желанию, неприятному гостю, лежавшему в углу, предложили сначала немного свежего козьего молока; он не обратил на него внимания. Наконец мы не без затруднения выгнали его на широкий песчаный двор, лишенный всякой растительности. Здесь мы стали дразнить змею всевозможными способами, но могли добиться лишь того, что она несколько раз поднималась в величайшей ярости и, широко раскрыв рот, издавала несколько раз почти храпящее шипение. Но она не «плевала» и не «прыгала»; в этом убедился вместе со мной и каждый из присутствовавших европейцев. Наконец я отрубил змее голову похожим на саблю охотничьим ножом. Голова эта, лежавшая на пес-

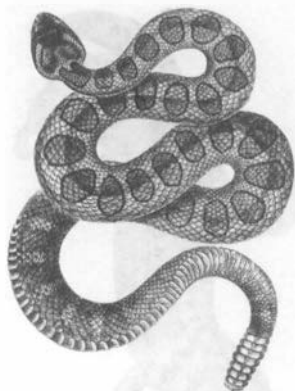

ке под палящими лучами солнца, кусала еще спустя 10 минут палку, которой до нее дотрагивались. Я не хочу поэтому оспаривать ни плевания, ни прыгания; но сам я никогда не мог наблюдать этого и не слышал, чтобы какой-нибудь спокойный наблюдатель подтверждал это в качестве очевидца. Положение при нападении, которое, конечно, в сущности, есть лишь оборонительная поза, может подать повод к различным ошибкам; действительно кажется, что животное готовится к прыжку: передняя часть тела поднимается вертикально, шея надувается и расширяется в стороны, маленькая голова с шипением наклоняется вперед. В этой позе змея со своими оригинальными гибкими движениями представляет даже привлекательное зрелище. Будь она не ядовитая, можно было бы почувствовать желание держать ее у себя, чтобы любоваться ею. Я не думаю, чтобы и самая большая из тех кобр, которых я наблюдал и длина, которой равнялась не полным 2 м, могла подниматься вверх, больше, чем на 0,5 м. В Лоанго рассказывают также, что плюющая змея держится в ветвях кустарников и низких деревьев и в таком случае часто бывает окружена роем кричащих птиц».

Гессе, который прожил три года в Нижней Гвинее и подробно занимался животным миром этой страны, конечно, знаком со всеми указаниями относительно характера плюющей змеи и, тем не менее, не приводит ни одного случая, который бы мог подтвердить это распространенное мнение. Шинц, который в течение многих лет исследовал юго-западную Африку, тоже не может ничего сообщить о плевании и прыгании этой змеи, хотя она иногда, как например в Ондонге, угрожала ему. «Присутствие мышей, — пишет Шинц, — было очевидно причиной того, что у нас поселился еще один и притом значительно более опасный сосед, кобра, о существовании которой мне несколько раз говорили мои люди, причем я не доверял их рассказам. Раз ночью я уже заснул, когда шорох и треск в гербарии под моей постелью разбудил меня. Спички и свеча были под рукой, я, ничего не подозревая, зажигаю огонь, и в то же самое мгновение перед самым лицом моим поднимается вверх гибкое тело самой страшной из ядовитых змей Африки. Разозленная змея широко раздувает шею, но я уже вскочил и пускаю в нее с близкого расстояния полный заряд птичьей дроби. На утро мы измерили убитое животное и нашли, что оно имело в длину 2 м». По отношению к способам движения египетская кобра, по-видимому, совершенно сходна с очковой змеей. Она тоже проворна на земле, часто и добровольно идет в воду, очень хорошо плавает и лазает, подобно своему родичу.

Добыча египетской кобры состоит из различных мелких животных, особенно из полевых мышей, песчанок и тушканчиков, птиц, живущих на земле, и их потомства, ящериц, других змей, лягушек и жаб, смотря по местности и обстоятельствам. В общем, она, подобно всем ядовитым змеям, может приносить пользу сво-

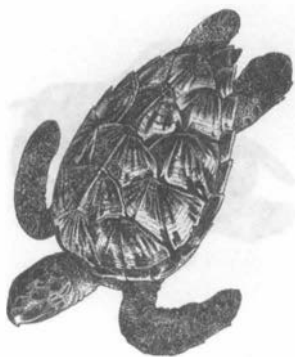

ей хищностью, но пользу, приносимую ей человеку, едва ли можно ценить высоко, и общее преследование, которому она подвергается, конечно, вполне основательно.

Каждый египетский фигляр сам ловит себе кобр, которые нужны ему для представлений, и очень простым способом. Вооруженный длинной крепкой палкой из дерева мимозы, он посещает места, обещающие добычу, и исследует все удобные убежища, пока не увидит кобру. На одном конце палки прикреплен комок тряпок, который ловец и подставляет змее, коль скоро она поднимается угрожающим образом и делает вид, что переходит от защиты к нападению. В ярости кусает она тряпки, и в то же мгновение ловец быстрым движением дергает палку назад с намерением выломать у змеи зубы. Но никогда он не довольствуется одной попыткой и дразнит, и раздражает змею до тех пор, пока она не укусит много раз, не лишится наверняка своих ядовитых зубов и не будет совершенно изнурена. Теперь он крепко прижимает ей палкой голову к земле, осторожно приближается, схватывает ее за шею, сжимает известное ему место на затылке, приводит ее, таким образом, в столбняк и исследует, наконец, ее пасть, чтобы увидеть, действительно ли вырваны ядовитые зубы. Он очень хорошо знает, что это оружие возобновляется само собой, и потому никогда не упускает повторять от времени до времени вышесказанное кусание тряпок.

В истине вышесказанного я убедился в результате собственного наблюдения. Во время нашего пребывания в Фаюме при Меридовом озере к нам явился однажды хауи и стал уверять, что в нашем жилище поселились змеи, и что он пришел прогнать их. Я возразил ему, что мы уже сами позаботились об этом, но что мы готовы разрешить ему дать перед нами представление. Он тотчас открыл принесенный с собой мешок со змеями и заставил 6—8 кобр «танцевать» в нашей комнате. Тогда я попросил его принести мне несколько кобр, у которых есть еще ядовитые зубы, так как я знаю, что те, которых мы видим перед собой, не имеют более этих зубов. Он утверждал противное, пока мы не назвали себя заклинателями змей из Франкистана, страны европейцев, следовательно, до некоторой степени товарищами его по специальности. Я обладаю тем счастьем, что когда посещаю зверинец и меня узнают, со мной обращаются с величайшей предупредительностью и называют «господин коллега»; это счастье помогло мне и в этом случае. Наш хауи многозначительно подмигнул и произнес несколько обычных фраз о том, что надо «жить и давать жить, о жестокости судьбы, трудности добывать хлеб, глупом народе, сыновьях, внуках, правнуках и потомках ослов» (при этом он подразумевал своих высокочтимых зрителей) и т.п. В заключение обещал, вероятно, более побуждаемый предложенным вознаграждением, чем товарищескими чувствами, принести мне, европейскому заклинателю змей и его другу, знаменитому врачу,

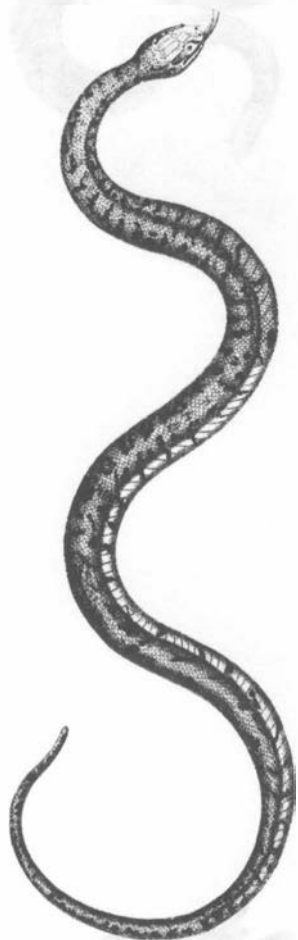

большую египетскую кобру с ядовитыми зубами. Уже на другой день он снова явился к нам в комнату со знакомым кожаным мешком на плече, положил мешок на пол, открыл его без всяких ужимок с величайшей осторожностью и стал, держа наготове палку, ждать появления змеи. Показалась изящная головка, но прежде чем успела показаться часть тела, чтобы кобра могла стать «ара», т. е. расширить шею, он придавил ее палкой к земле, схватил правой рукой за затылок, левой за середину тела вместе с заключавшим его кожаным мешком — и когда рот открылся, то мы увидели оба неповрежденных ядовитых зуба. «Так, брат мой, — сказал он, — мое слово — слово истины, моя речь без обмана. Я поймал ее, опасную, не повреждая ее. Бог велик и Магомет его пророк». Минуту спустя кобра плавала в очень большом широком сосуде, наполненном спиртом, и делала тщетные усилия вытолкнуть пробку. Несколько минут винный спирт, по-видимому, не оказывал на нее ни малейшего действия, но через четверть часа движения ее стали слабее, а еще через четверть часа она лежала, неподвижно свернувшись, на дне сосуда.

Туземцы западной Африки, как может подтвердить Пехуэль-Леше, не прибегают к таким сложным приемам при ловле ядовитых змей, даже если имеют дело с проворной коброй. При благоприятных обстоятельствах самые бесстрашные из них просто хватают ядовитую змею за шею, прижимают большой палец к ее голове и свободно несут ее. Большинство же берут с собой для ловли палку с коротко обрезанной развилиной, которой они прижимают к земле шею добычи тотчас позади головы прежде, чем схватить ее. Относительно юго-западной Африки Шинц рассказывает: «Змей приносили всегда без исключения живыми; я помню даже, что получил раз от маленького мальчика кобру, опаснейшую из змей южной Африки, длиной в 2,25 м, которую он нес голыми руками в темную ночь на расстоянии двух часов пути».

Несмотря на всю осторожность, которую соблюдают хауи при ловле змей и обращении с ними, иногда случается, однако, что змея кусает его, и он умирает. Противоядие, насколько мне известно, он не употребляет. В Капланде же находятся в общем употреблении средства, которым приписывают целебные силы. Англичане употребляют особую жидкость, нашатырный спирт и т. п.; голландские поселенцы, по словам Андерсона, распарывают живой курице грудь и кладут ее на рану, происшедшую от укуса змеи. По их мнению, у курицы, если яд смертелен, тотчас обнаруживают признаки отравления, т. е. она слабеет, опускает голову и умирает. После первой берут вторую, третью и четвертую курицу, если это покажется нужным, пока на ней не будет более заметно никаких признаков отравления. Теперь, как полагают, укушенный змеей вне всякой опасности. Лягушка, которую употребляют таким же образом, оказывает, впрочем, ту же услугу, т. е. конечно никакой. Один из видов белых бобов, который растет в некото-

рых частях южной Африки и называется бобами Гереро, тоже считается средством от укусов змей и других ядовитых животных. Этот боб разрезают, кладут на рану, и он так крепко пристаёт к ней, что его можно удалить лишь с усилием, но он отпадает сам, когда высосет яд. Прежде считалось в высшей степени действенным средством кровь черепахи; туземцы в своих путешествиях всегда носили ее поэтому с собой и принимали в случае надобности, а в то же время мазали ей и пораненное место. Нечего и упоминать о том, чего можно ждать от таких средств.

Египетская кобра часто попадает живой в Европу, но обыкновенно лишь с вырванными ядовитыми зубами, и по большей части погибает, хотя она легче других ядовитых змей привыкает к неволе, скоро принимается за еду и постепенно мирится со своей участью. Сначала при приближении хозяина к ее помещению она постоянно становится «ара» и остается иногда по целым часам в этом положении; однако позднее ее раздражительность уменьшается, хотя она никогда не вступает в дружбу с хозяином. Кобры, которых держал в неволе Эффельдт, хотя и были лишены ядовитых зубов, скоро принимались за еду. Они ели сначала живых, позднее мертвых мышей и птиц, предпочитали млекопитающих птицам и пренебрегали пресмыкающимся и земноводными, по крайней мере, не нападали на них и обнаруживали к ним такое отвращение, что удалялись, если те двигались около них. Вода была, по-видимому, им, безусловно, необходима для того, чтобы они чувствовали себя хорошо: они регулярно купались и с видимым удовольствием оставались целые часы в своем бассейне с водой. Приблизительно по прошествии года их ядовитые зубы образовывались снова, и теперь приходилось обращаться с ними с крайней осторожностью, так как их нападения совершаются неожиданно и с быстротой молнии, и они удивительно далеко выдвигают голову вверх или вперед.

О жизни их в неволе Гюнтер дал подробный и привлекательный рассказ на основании наблюдений, сделанных в Лондонском зоологическом саду. «Замечательную противоположность вялым водяным змеям составляют их опасные соседи, два великолепных экземпляра черной разновидности египетской кобры. При своей живости и величине они требуют довольно большого помещения. Стекла клетки на треть высоты покрыты масляной краской и потому непрозрачны для того, чтобы доставить больше покоя змеям, которые при своей раздражительности находились бы в постоянном возбуждении, частью же для того, чтобы скорее побудить их, если бы пришлось их дразнить, подниматься вверх и выглядывать из-за более темной части стекла. Это они делают всегда по самому ничтожному поводу. Если при этом или во время кормления они приблизятся друг к другу, то между ними начинается бой: они поворачиваются одна к другой с поднятым телом, расширяют, насколько возможно, шеи, и каждая старается

подняться выше другой, причем они постоянно кусают по направлению к противнику. Замечательно, что эти животные не наносят друг другу ран, но когда некоторое время тому назад к ним посадили третью кобру, то началась битва, во время которой последняя была, вероятно, укушена, так как на следующее утро ее нашли мертвой*. Посажённых к ним животных кобры умерщвляют, даже если и не едят их. Движение, совершающееся при укусе, происходит с чрезвычайной быстротой; хотя и видишь, что змея коснулась животного, но не думаешь, чтобы оно было действительно укушено, пока несколько секунд спустя оно не начнет подергиваться. Рот открывается при этом очень мало, и змея скорее царапает, чем вонзает зубы, таким же образом, как если, держа иголку перпендикулярно к боку животного, провести ею вниз вместо того, чтобы воткнуть в тело. Они часто и долго лежат в воде; они совершенно уходят под ковры лишь зимой».

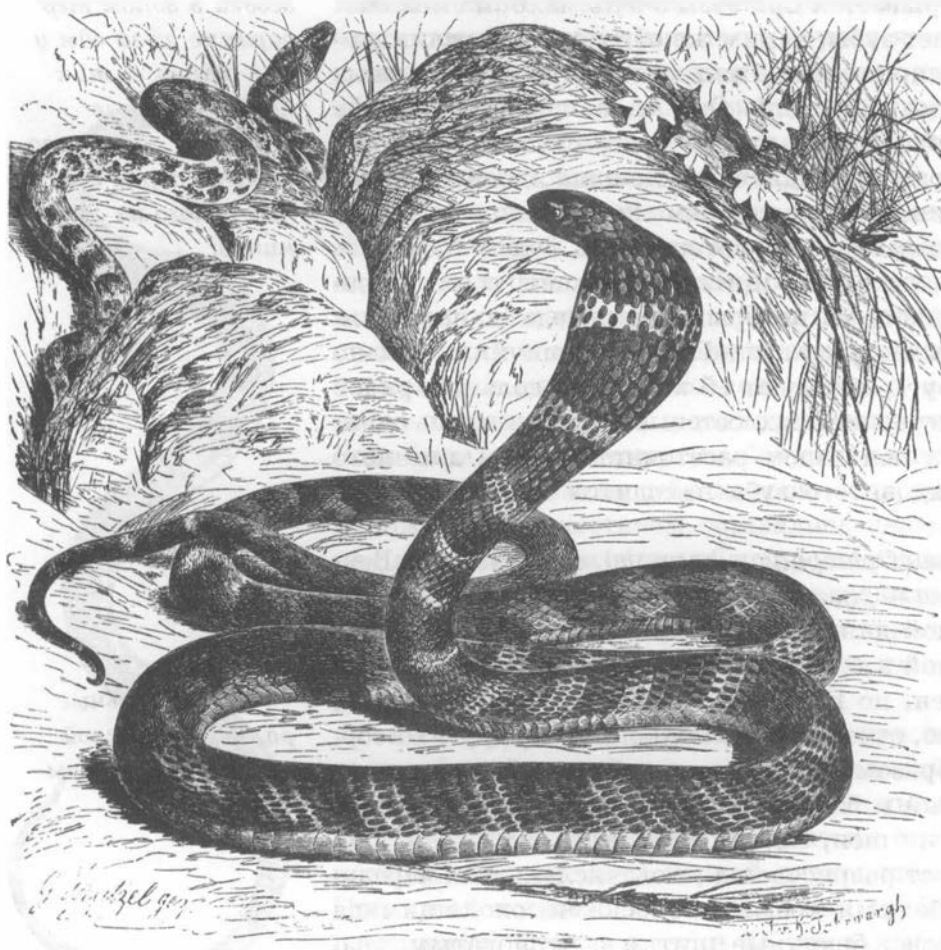
К настоящим кобрам принадлежит еще одна ядовитая змея, водящаяся в южной Азии, быть может, самая страшная и, по крайней мере, самая длинная из всех, которую мы будем называть королевской коброй. Затылочные щитки окружены тремя парами очень больших щитков, из которых два передних надо считать верхними височными щитками. Гладкие чешуйки, сильно налегающие друг на друга, образуют 15 косых продольных рядов вокруг середины тела, передние подхвостовые щитки — лишь один, задние — два ряда. На некотором расстоянии позади длинного спереди бороздчатого ядовитого зуба находится второй маленький сплошной зуб.

Королевская кобра (*Ophiophagus hannah*), называемая в Бенгалии сункерхор, в Бирме — гнанбок, достигает длины 3,38—3,75 м, действительно громадной для ядовитой змеи. Беддом убил даже одну такую кобру длиной в 4,26 м, а самой большой экземпляр в Лондонском музее равен, по Буланже, 3,96 м**. Часть затылка, способная к расширению, относительно меньше, чем у других кобр; окраска различным образом варьирует, по большей части цвет сверху оливково-зеленый и бледно-зеленый снизу. Все головные щитки, а также чешуйки шеи, задней части тела и хвоста с черной каймой; тело и хвост разрисованы многочисленными чередующимися черными и белыми косыми полосками, сходящимися по направлению к голове; брюшные щитки с черноватым мраморным рисунком. Змеи этого вида, окрашенные таким образом, встречаются на полуострове Малакка, в Бенгалии и южной Индии. У королевских кобр, живущих на Филиппинских островах, передняя часть тела буровато-оливкового цвета, чешуйки задней части с черным краем, каждая чешуйка хвоста украшена сильно выделяющимся белым глазчатым пятном с черным краем. Экземпляры с Калимантана отличаются равномерным желто-бурым цветом верхней стороны, желтым цветом подбородка и горла, черным остальной нижней стороны и несколько более светлым

* Египетская кобра — достаточно агрессивное животное. В случае поселения нескольких особей в одном террариуме из-за еды у них могут возникнуть серьезные схватки, заканчивающиеся порой гибелью одного из соперников.

** Максимальные размеры взрослой королевской кобры 5,5 м.

цветом середины каждой чешуйки на задней части тела и хвоста. У молодых королевских кобр окраска различается еще больше. Некоторые разрисованы по черному фону многочисленными желтыми узкими поперечными полосками, одинаково отстоящими друг от друга и направленными косо к заду, голова украшена четырьмя желтыми поперечными полосками, из которых одна проходит через конец морды, вторая через передние лобные щитки, третья поперек темени, четвертая через заднюю часть головы к углам рта. У других экземпляров брюхо черное, а желтые поперечные полоски расширяются на спине; у третьих брюхо белое, и

Королевская кобра
(*Ophiophagus hannah*)

каждый щиток с черноватым краем. Некоторые молодые, как нашел Беддом, настолько похожи на одну безвредную древесную змею, что их можно спутать. Область распространения этой в высокой степени замечательной змеи простирается почти по всем частям Индии и ост-индского архипелага. Кроме южной Индии, ее наблюдали также на Андаманских островах, на Яве, Суматре, Калимантане и Филиппинских островах. Вообще она редка, но в Сиккиме и Ассаме, напротив, встречается, по-видимому, довольно часто и не представляет особенно необыкновенного явления в Бирме. В восточной Бенгалии она встречается местами чаще, чем было бы желательно, и смело приближается к местечкам, даже к более значительным городам. Андерсон получил одну из ботанического сада в Калькутте, другую около Мутлаха. На Гималаях она, говорят, встречается до высоты 2 000 м.

Насколько можно судить по имеющимся данным, она населяет преимущественно редкие леса или богатые травой джунгли

и селится охотнее всего в дуплах, так как прекрасно лазает, по крайней мере, ее можно часто видеть отдыхающей на ветвях. В воду она тоже идет время от времени, так как плавает превосходно. Один друг Фэйрера рассказывал ему, что незадолго до того заметил королевскую кобру в одной реке, когда плыл в лодке по течению. Змея легко плыла по воде, подняв голову, но когда ее ранили дробью, то постаралась как можно быстрее скрыться на берегу, и была там убита.

Пища королевской кобры состоит, по-видимому, преимущественно из других змей*. На ее охоте за змеями основано распространенное местами в Индии поверье, что она пользуется среди змей королевской властью. Один очень разумный индеец уверял Торренса, что видел своими глазами, как королевская кобра ела других змей. Рассказчику было тогда 14 лет, и он находился на плоской крыше своего дома, когда поблизости показалась королевская кобра, которая, очевидно, не могла заметить его; она подняла шею, расширила свой капюшон, как обыкновенно делают кобры, издала затем свистящее шипение и была немедленно после того окружена 10 или 12 змеями, которые приползли со всех сторон и собрались перед своим королем. Этот последний посмотрел на них короткое время, затем бросился на одну из них и проглотил ее. Наблюдение индийца, в общем, верно, только вывод из него, понятно, ложный: рассказчик видел не что иное, как охоту мнимого короля за змеями. Что королевская кобра поедает их, вне всякого сомнения доказано наблюдениями надежных исследователей. «Двум, которых я держал в неволе, — рассказывает Кантор, — я бросал регулярно через каждые 14 дней по змее, безразлично, ядовитой или неядовитой. Увидев добычу, кобры издавали громкое шипение, расширяли свой капюшон, поднимали переднюю часть тела, оставались в этом положении, как бы желая хорошенько прицелиться, следя за каждым движением добычи, и затем бросались на жертву. Когда она была отравлена и умерщвлена, они глотали ее и затем предавались в течение около 12 часов ленивому покою».

У тех змей, которых достал Фэйрер, ядовитые зубы были вырваны заклинателями, поэтому они совершенно утратили свою живость, подчинились власти своих повелителей и вели себя совершенно так, как очковые змеи, с которыми играют фигляры. Они два раза съедали в присутствии Фэйрера змей, убитых коброй. Хозяин всовывал голову древесных змей в рот королевских кобр, и они медленно проглатывали их в течение приблизительно четверти часа, покачивая головою и расширив шейный щит. Сжимая ядовитую железу, удалось добыть несколько капель яда. Они были введены в тело курицы. Через три часа она умерла при таких же болезненных явлениях, какие наступают после укуса кобры, и кровь ее оказалась при исследовании свернувшейся. Позднее Фэйрер достал другую королевскую кобру, длиной лишь

** Королевская кобра может нападать даже на других ядовитых змей — крайтов, кобр, украшенных аспидов.*

2 м. Она казалась вялой и нерасположенной кусаться, однако от времени до времени поднималась, расширяла шейный щит и шипела. Запертая в ее клетку живая древесная змея осталась нетронутой, на собаку она тоже не напала; короче, она, по-видимому, стремилась уклониться от всякого беспокойства и остаться одна. Заклинатель змей ввиду силы и опасности королевской кобры обращался с ней с видимой неохотой и заметной осторожностью и, если требовали, чтобы он взял ее, то он не соглашался ничего делать с нею без помощи товарища. С течением времени он согласился проделывать с ней обычные штуки, но лишь в том случае, если другой заклинатель держал ее за хвост.

Такая осторожность находит полное оправдание: королевская кобра настолько же свирепое, как и опасное животное, которое не только выдерживает нападение, но даже преследует противника, когда он повернется к ней спиной, совершенно в противоположность нравам других змей этого рода. Так говорит Кантор, и единогласно рассказывают все остальные наблюдатели, которые встречались с королевской коброй. На одного офицера в Ассаме напала королевская кобра, и он подвергся величайшей опасности; одного бирманца она, по уверениям другого, рассказывавшего эту историю англичанам, даже долгое время преследовала. Он наткнулся на несколько молодых королевских кобр, которых, как он полагал, стерегла их мать. Последняя мгновенно обратилась к пришельцу. Он побежал со всех ног, и ужас придавал ему крылья. Таким образом, он счастливо достиг маленькой речки и, не раздумывая, бросился в ее волны, чтобы переплыть на другой берег. Но река не остановила бешеную змею, и она все ближе и ближе приближалась к испуганному беглецу, которому мерещились уже ее сверкающие глаза и готовые вонзиться зубы. Как последнее средство для спасения он бросил на землю свой тюрбан; змея с яростью бросилась на него и стала кусать рыхлую ткань. Беглец благодаря этому выиграл время и счастливо убежал. Я не отвергаю, что на это описание мог влиять перенесенный испуг, что оно может быть сильно преувеличенным, а отчасти и вымышленным; но что змея действительно преследует, это, кажется, не подлежит никакому сомнению. Ричардс, который очень спокойно и критически относится ко всем рассказам о ядовитых змеях, тоже признает, что королевские кобры опасны, но существенно ограничивает свое заявление. «Эта змея, — говорит Ричард, — нападает бесспорно охотнее, чем какая-либо другая, с которой я имел случай ознакомиться; однако мы, Валль и я, находили, что обращаться с крупной, только что пойманной королевской коброй едва ли труднее, чем с только что пойманной коброй самой проворной разновидности. Я полагаю даже, что последняя вследствие своей чрезвычайной подвижности и неутомимости в начале жизни в неволе опаснее для того, кто ей занимается». Кроме того, этот автор говорит в другом месте: «эту змею тоже охотно

показывают заклинатели, как вследствие ее величественного вида, так и того, что с ней легко обращаться».

Яд королевской кобры, по опытам Кантора, действует чрезвычайно сильно. Собака умирает приблизительно через 14 минут после укуса, и притом даже в холодное время года, когда, как известно, яд всех змей менее опасен, чем в жаркие месяцы. Человек, по словам Маклея, может умереть от укуса за 3 минуты. Неволю королевская кобра переносит хорошо; большой экземпляр этой змеи прожил в Лондонском зоологическом саду 12 лет 7 месяцев; в течение этого времени ее кормили почти исключительно местными змеями.

Столь богатой ядовитыми змеями Австралии и соседним островам принадлежит еще один большой род змей, к которому, наверное, относится видов 25. По внешнему виду они представляют большое сходство с настоящими ужами, но могут быть отличены по бороздчатым зубам. Мы будем называть их **эхиопсисами** (*Echiopsis*). По форме тела и строению зубов они сходны с аспидовыми, но отличаются от них тем, что в передней части верхней челюсти позади короткого бороздчатого ядовитого зуба есть еще ряд мелких, кривых и остроконечных зубов без бороздок. Голова, имеющая форму неравностороннего четырехугольника, плоская и закругленная на краю рыла, тело толстое, хвост умеренной длины или короток. Гладкие спинные чешуйки одинаковой величины и расположены в 15—21 ряд; чешуйки гребня спины сходны с остальными; нижняя сторона хвоста одета всегда одним простым рядом щитков. Все отличаются, кроме того, тем, что рожают живых детенышей. Особенный интерес для немцев представляет то, что один вид этого рода встречается и в германской Новой Гвинее, а несколько других на островах архипелага Бисмарка.

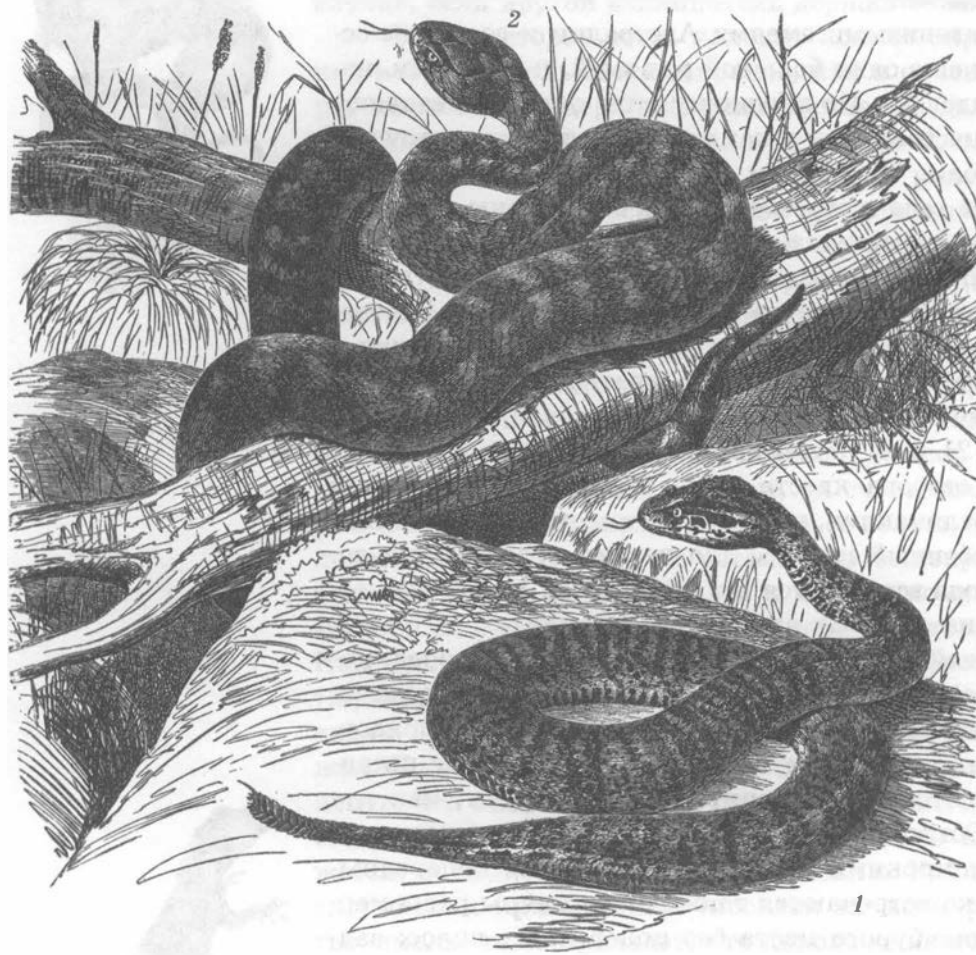
Один из известнейших и страшнейших видов этого рода, **короткий эхиопсис** (*Echiopsis curta*), змея длиной 1—1,5 м, отличающаяся своими гладкими чешуями, расположенными в 19 рядов, и теменным щитком, длина которого почти вдвое больше ширины. Цвет и рисунок этой змеи значительно варьируют, как и у многих ее родичей. Обыкновенно голова одноцветная черная, тело оливкового цвета с широкими бурыми или черными поперечными полосками. Однако встречаются также экземпляры равномерного темного оливково-бурого цвета без поперечных полос; задние части тела и верхняя сторона хвоста по большей части одноцветные черноватые; вся нижняя сторона бледно-желтая.

Сколько названий из тех, которые употребляются среди колонистов, относится к этой змее, нельзя определить с уверенностью, а потому нельзя еще установить и область ее распространения. Там, где она водится, она встречается очень часто; так, в Тасмании Верро смог собрать в течение кратковременного пребывания более 40 экземпляров. По Беннету, ее чрезвычайно боятся, так как укусы ее влечет всегда за собой самые серьезные послед-

Семейство аспидовые змеи

ствия. Один девятилетний мальчик из Сиднея был укушен одной из этих змей в октябре 1858 года; к сожалению, его родные не употребили тотчас же какого-либо подходящего средства, а послали мальчика к врачу, жившему от них на расстоянии около 2 английских миль. Когда последний стал помогать больному, тот находился уже в очень жалком состоянии, был сонлив, потерял способность видеть правым глазом и вообще тяжело страдал от действия яда. На мизинце, в который он был укушен, были заметны лишь две маленьких точки, но едва было видно воспаление или опухоль. Сделали разрезы, высосали рану, давали нашатырный спирт и другие раздражающие веще-

1 — Короткий
эхиопсис
(*Echiopsis curta*)
2 — Гадюкообразная
смертельная змея
(*Acanthophis
antarcticus*)

ства, заставляли бедного мальчика безостановочно бегать, чтобы прогнать сонливость, как делают обыкновенно чернокожие, но не достигли ни малейшего успеха; через 8 часов после укуса у мальчика начались судороги, и он умер. Короткий эхиопсис, по-видимому, сильно размножается: у него нередко бывает 32 детеныша, а Мортон утверждает даже, что нашел в одной убитой им самке более 100 детенышей. О других эхиопсисах рассказывают, впрочем, то же самое.

Гадюкообразная смертельная змея (*Acanthophis antarcticus*) служит представителем рода смертельные змеи (*Acanthophis*), отличительные признаки которого заключаются в широкой голове, одетой до передней половины большими щитками, в лежащих сбоку и открывающихся посреди большого щитка ноздрях, и сильно заостренном, покрытом снизу простыми непарными щитками хвосте, который оканчивается роговым шипом. Надглазный щиток выступает углом на заднем краю, по-видимому,

обладает, как у гадюк, известной подвижностью и придает змее злобный вид. Из 19 рядов чешуек средние на передней половине тела более или менее явственно килеватые. Известен лишь один вид*. Кроме Австралии и Новой Гвинеи мы знаем теперь эту змею также с восточных Молуккских островов, где она доходит в западном направлении до Церама и Амбоины.

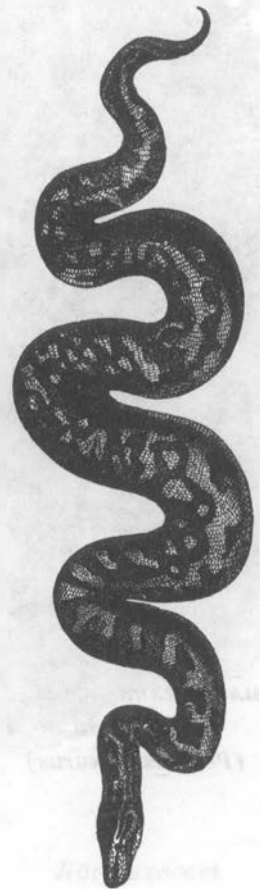
«Смертельная змея, — говорит Беннет далее, — обыкновенна в Новом Южном Уэльсе, даже поблизости Сиднея. Ее находят в сухих, песчаных местах, часто на улицах и тропинках, где она лежит днем, свернувшись, и продолжает лежать при приближении врага; это обстоятельство делает ее тем опаснее. Я сам почти коснулся ногой первой из них, с которой я встретился в этой стране, но, к счастью, еще вовремя обратил на нее внимание. Ее короткое толстое, своеобразно окрашенное тело, широкая голова и злобные глаза предостерегают от нее и неспециалиста, а выражение ее лица настолько отталкивающее, что его может превосходить разве выражение лица у шумящей гадюки. Пища ее состоит главным образом из лягушек и мелких птиц; по крайней мере, я находил последних в желудке тех, которых исследовал».

Туземцы утверждают, что от укуса этой змеи не умирает никто, что укушенный, самое большее, — чувствует себя некоторое время нездоровым и именно сонливым, а затем выздоравливает; европейцы же убедились в противном. Странную историю рассказывает Куннингам. В период спаривания змей охотничья собака нашла двух гадюкообразных смертельных змей и подзвала своего хозяина, который отрубил одной из них голову; другая же успела скрыться. Приблизительно через 10 минут после этого другая собака пробежала по тому же месту, была укушена отрезанной головой и вскоре умерла со страшным воем и подергиванием.

СЕМЕЙСТВО МОРСКИЕ ЗМЕИ (Hydrophiidae)

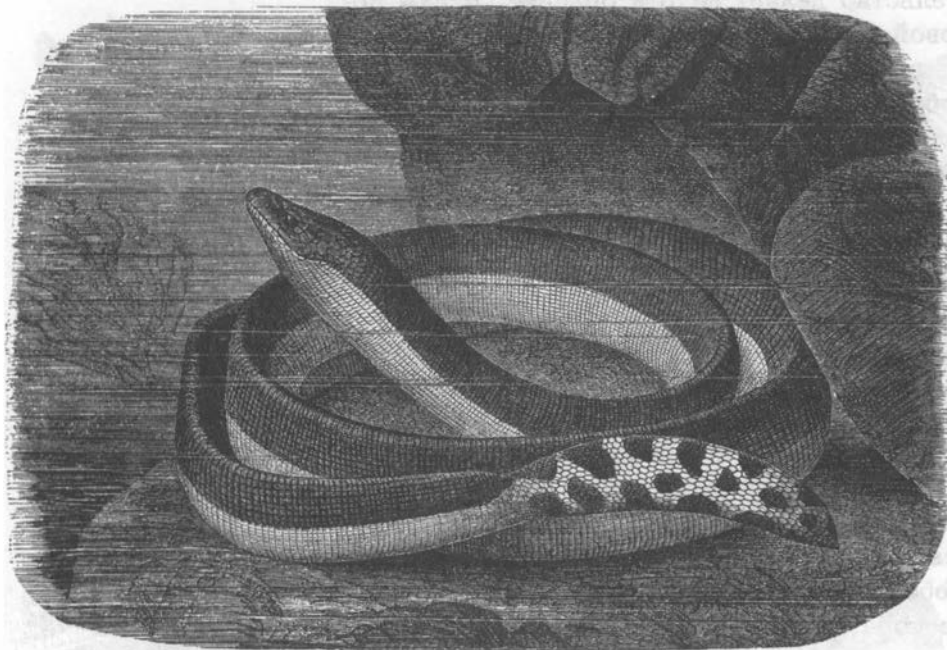
Морские змеи составляют еще одно семейство ядовитых змей. Плавательный хвост служит таким характерным признаком, что морских змей никоим образом нельзя смешать с другими. При поверхностном сравнении они более кажутся похожими на угревидных рыб, чем на змей. Голова относительно мала, тело в передней части почти вальковатое, далее обыкновенно сжато с боков, хвост очень короткий, сильно сжат с боков и похож на весло, поставленное ребром. Ноздри открываются на верхней стороне морды на больших носовых щитках; маленькие глаза с круглыми зрачками. Голова всегда одета большими неправильными щитками, тело — мелкими чешуйками, покрывающими друг друга черепицеобразно или соприкасающимися в виде пластинок. На нижней стороне чешуйки лишь в виде исключения превращаются в уз-

* В настоящее время
род включает 3 вида.

кий ряд брюшных щитков. Зубная система состоит из коротких бороздчатых ядовитых зубов, за которыми следует известное число более мелких зубов, нижняя челюсть по всей длине вооружена сплошными зубами.

С необыкновенным страшилищем, которое показывается время от времени если не в море, то в головах моряков, а затем и на страницах газет, настоящие морские змеи не имеют ничего общего. Ни один из 50 видов, которые различают до настоящего времени, не достигает в длину 3,5 м; то есть такие, что имеют в длину более 1 м, уже принадлежат к очень редким явлениям.

Двухцветная,
или желтобрюхая,
пеламида
(*Pelamis platurus*)

* Ротовая полость морских змей снабжена богатой сетью капилляров, что позволяет им долго находиться под водой и дышать растворенным в воде кислородом.

Бросающемуся в глаза строению тела соответствует их местопребывание и образ жизни, так что морских змей можно считать характерными во всех отношениях. Все морские змеи живут, как показывает их название, в море, никогда не выходят на сушу, а также не поднимаются добровольно и вверх по рекам*. Все рожают живых детенышей. Они водятся в Индийском и Тихом океанах, от мыса Доброй Надежды и берегов Мадагаскара до Панамского перешейка и от Новой Зеландии до Японии, особенно же в частях, лежащих между южнокитайским и североавстралийским берегами. По характеру, нравам и привычкам все виды, по-видимому, сходны между собой, по крайней мере, наши исследования еще недостаточны для того, чтобы установить какие-либо различия. Поэтому описание их образа жизни не может, относиться к отдельным видам, а должно обнимать всю их совокупность.

У пеламид (*Pelamis*) голова плоская, морда очень длинная и лопатообразная, шея толстая, тело короткое, толстое, сильно сжатое с боков и по всей длине, сверху с тупым, снизу с острым краем. Носовые щитки касаются друг друга по средней линии, больше в длину, чем в ширину и пробуравлены в задней части носовыми отверстиями, которые открываются кверху; лобных щитков лишь одна пара, чешуйки на всем теле четырех- или шестиугольные, касающиеся друг друга в виде пластинок, гладкие или

бугорчатые, брюшные щитки неразвиты. Позади ядовитых зубов с каждой стороны по 7—8 мелких сплошных зубов.

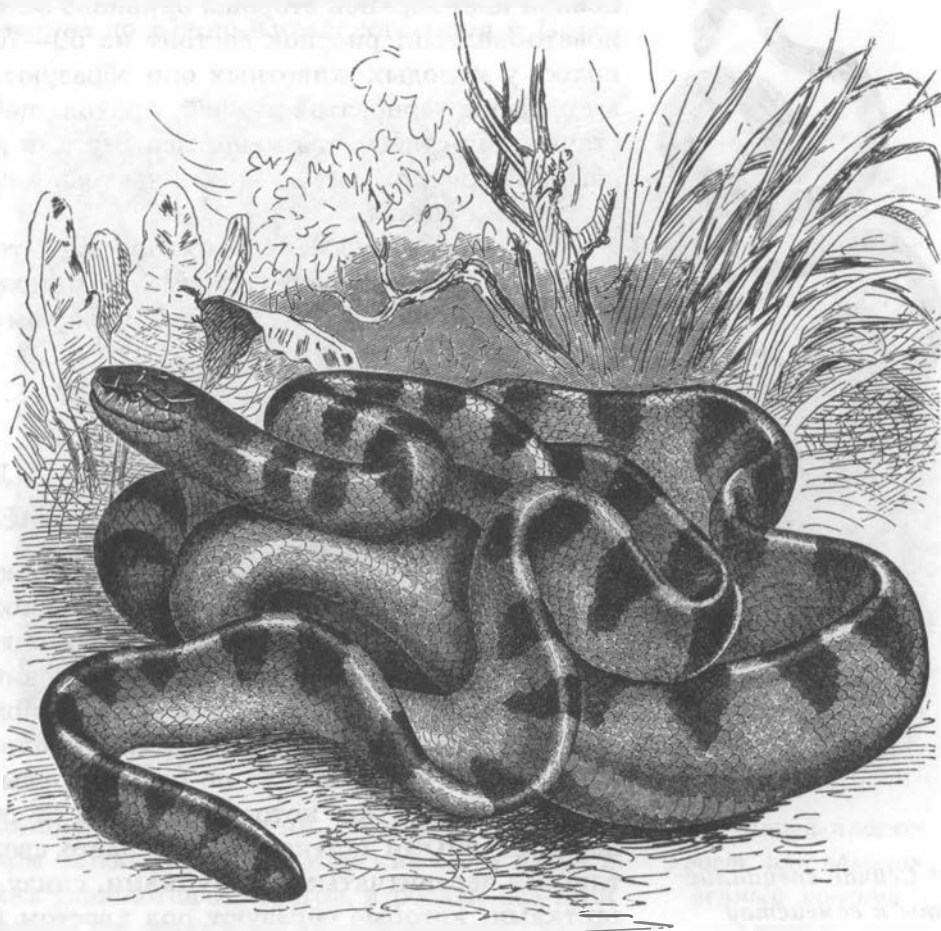
Цвет двуцветной, или желтобрюхой, пелакиды (*Pelamis platurus*), темный буро-черный, нижняя сторона — светлая желто-бурая, охрово- или лимонно-желтая. Оба цвета, резко отделяющиеся друг от друга, перемешиваются в области хвоста и здесь образуют полосы и пятна. Реже встречаются экземпляры с черными поперечными полосками или с равномерно распределенными по обеим сторонам спины черными пятнами на лимонно-желтом фоне. Длина животного редко превышает более 0,85 м.

Двуцветная пелакида — тоже один из самых обыкновенных и известных видов семейства морских змей, область распространения ее простирается по Индийскому океану и тропическим частям Тихого.

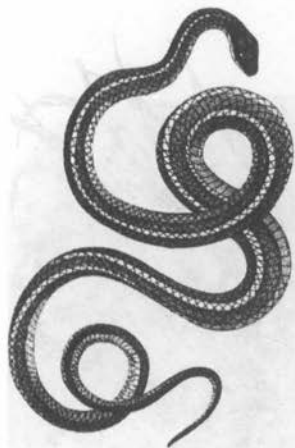
Она часто встречается вблизи берегов Бенгалии, Малабара, Суматры, Явы, Сулавеси, южного Китая, а также в Персидском заливе и у западного берега Средней

Америки; но ее наблюдали также в водах Японии, вокруг Мадагаскара и даже у мыса Доброй Надежды.

У ластохвостов (*Hydrophis*) голова умеренной величины или маленькая, продолговатая, тело длинное, впереди тонкое и округленное, сзади утолщенное и сжатое, хвост широкий, чешуйки различные, смотря по видам, но всегда расположены в передней части тела черепицеобразно. Носовые щитки на конце морды, из которых каждый окружает ноздрю, граничат друг с другом и дают место лишь одной паре лобных щитков. В задней части тела килеватые или бугорчатые, но никогда не гладкие, чешуйки, лежат, налегая одна на другую, или рядом; брюшные

Ластохвост
синеполосатый
(*Hydrophis*
cyanocincta)

* Сейчас специалисты к семейству морские змеи относят двухцветную пеламиду и синеполосатого ластохвоста, а к семейству плоскохвостые морские змеи — собственно плоскохвоста. При этом последнее семейство состоит всего лишь из 2 родов и 5 видов.

щитки по большей части явственные, но маленькие. Зубная система своеобразная.

Ластохвост синеполосатый (*Hydrophis cyanocincta*) — одна из самых обыкновенных морских змей. Чешуйки на теле расположены черепицеобразно, на шее в 27—33 ряда, а на середине тела продольно в 39—43 ряда; теменной щиток заметно больше в длину, чем в ширину, два или три передних височных щитка лежат один над другим. Длина может достигать 1,75 метра. Основной цвет верхней стороны оливково-зеленый, нижней — зеленовато-желтый; рисунок состоит из 50—70 черных поперечных полос; у молодых животных они образуют кольца и часто бывают связаны черноватой линией, проходящей вдоль брюха, у более старых они становятся менее яркими или распадаются на пятна, обыкновенно доходят до половины тела и шире всего на срединной линии спины.

Область распространения простирается от Персидского залива до Японского моря. Эта змея обыкновенна у берегов Цейлона, в Бенгальском заливе, в Ост-Индийском архипелаге и в Южно-Китайском море.

СЕМЕЙСТВО ПЛОСКОХВОСТЫ, ИЛИ ПЛОСКОХВОСТЫЕ МОРСКИЕ ЗМЕИ (*Laticaudidae*)

У представителей семейства плоскохвостов тело почти вальковатое, выдающееся на спинной поверхности в виде крыши; чешуйки и щитки похожи на чешуйки и щитки других змей, так что это семейство можно считать соединительным звеном между аспидовыми и морскими змеями. Голова покрыта щитками, которые по числу и расположению приближаются к обыкновенному типу. Ноздри лежат по бокам морды и открываются каждая посреди щитка, который отделен от парного выдающимся переднелобными щитками. Тело одето сверху гладкими и блестящими черепитчатыми чешуйками, снизу — хорошо развитыми щитками, которые образуют под хвостом два ряда. В очень короткой верхней челюсти позади ядовитых зубов находится отделенный от них довольно широким промежутком небороздчатый зуб, который, однако, легко выпадает, а потому часто отсутствует*.

Из трех известных видов этого рода плоскохвостов самый обыкновенный **кольчатый плоскохвост**, или **обыкновенный морской крайт** (*Laticauda laticaudata*). Длина его может достигать 1 м, но по большей части меньше. Плоскохвоста легко отличить по отсутствию непарного щитка на морде и только 120 рядами чешуек в первой трети тела. Основной цвет верхней стороны тела более или менее яркий, голубовато- или зеленовато-черный, цвет нижней стороны от желтоватого до гуммигутово-желтого; рисунок состоит из 25—50 черных колец, которые окружают все тело,

и черного пятна на темени, соединенного со вторым поперечным пятном на задней части головы и таким же на затылке, начинающейся на подбородке продольной полоской того же цвета, и, наконец, из черной уздечной полоски, подобно полоскам на голове, резко выступающей на ярко-желтой морде.

По Кантору, плоскохвост водится в Бенгальском заливе около Пондишери, а также в морях у Никобарских, Андаманских и Моллукских островов, вокруг Тимора, Сулавеси, Новой Гвинеи и южного Китая. По Буланже, область распространения простирается от Бенгальского залива до Южно-Китайского моря и Полинезии. Но плоскохвост, по-видимому, живет в море не при всяких условиях, так как некоторые экземпляры были найдены на суше и притом довольно далеко от берега. Как сообщает Фан-Лидт, Гаген тоже добыл плоскохвоста в лесах Сердагана на Суматре на расстоянии почти дня пути от ближайшего берега.

Опытные моряки, которые не раз плавали по Индийскому океану и привыкли обращать внимание на происходящие в нем явления, считают появление морских змей признаком близости земли. Морские змеи лишь в исключительных случаях удаляются от берегов, взрослые все-таки чаще, чем молодые, так как последних, по словам Кантора, ловят гораздо больше. Известная близость суши представляет, по-видимому, необходимое условие их жизни. Однако их нельзя считать ни береговыми животными, ни обитателями обширных пространств моря, лишенных островов, хотя им было бы легко кочевать по морям, и по временам, быть может, побуждаемые половым чувством, они, бесспорно, более приближаются к берегам, чем в другое время. Любимое местопребывание морских змей — широкие рукава между островами. Вероятно, им особенно нравится здесь относительно спокойная и неглубокая вода, но, конечно, больше всего привлекает обилие животных, служащих им пищей. Правда, их встречали иногда и в открытом море, но всегда счита-

Кольчатый плоскохвост, или обыкновенный морской крайт
(*Laticauda laticaudata*)

ли за змей, которые заблудились и по каким-нибудь причинам были отнесены далее. В 1837 году колонисты Новой Зеландии были неприятно удивлены, убедившись, что около их острова появилось множество морских змей, однако опасения, связанные с появлением этих ядовитых животных, к счастью, не оправдались: гости скоро снова исчезли, потому ли, что откочевали обратно или погибли на чужбине. Подобные явления наблюдались, как говорят, также около Панама и Кейптауна. В Атлантическом океане заблудившиеся морские змеи, насколько известно, еще не попадались. Иногда случается, что прилив заносит их в реки, но здесь их замечают всегда лишь непродолжительное время, так как они не в состоянии жить в пресной воде. Руссель, Кантор и Фэйрер убедились, что все морские змеи, которых они получали живыми, умирали через два-три, самое большее, через 10 дней после поимки, даже если их держали в морской воде. Другие наблюдения тоже доказывают, что эти змеи — морские животные, как киты или океанические птицы, они не могут жить вне моря. Гюнтер полагал, впрочем, основываясь на строении, особенно на развитии брюшных щитков и боковом положении ноздрей плоскохвостых змей, что они могут по временам жить на суше и что, по крайней мере, некоторые виды охотятся иногда на иловатой почве; это мнение недавно подтвердилось.

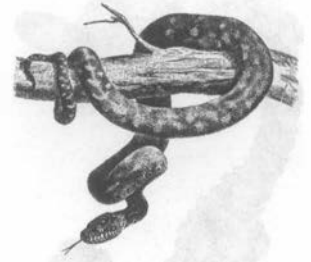
Относительно образа жизни морских змей мы не имеем еще достаточных сведений. Обыкновенно они встречаются вместе в очень большом числе, иногда такими обществами, что на некотором протяжении совершенно наполняют воду. Они плавают, высоко подняв голову и делая такие же движения, как и другие змеи, но превосходят виды, не живущие постоянно в воде, легкостью, изяществом и красотой движений. Широкий сплюснутый хвост, лежащий на верхней стороне, и закрывающиеся клапанами ноздри, объемистые легкие и даже маленькая голова и тонкая, вальковатая передняя часть тела или сжатое с боков все тело, своеобразные чешуйки — все это делает их очень совершенными морскими хищниками. Хвост, который у многих видов может служить и органом хватания, соответствует во всех отношениях хвосту рыб; он позволяет морским змеям двигаться в воде с быстротой стрелы и служит якорем, когда они отдыхают на коралловых банках или камнях; высоко лежащие ноздри позволяют самым удобным образом захватывать воздух, а обширные легкие — долее, чем все остальные змеи, оставаться под водой. Наконец, благодаря тонкой шее они могут, внезапно выдвинув голову вперед или сделав быстрое боковое движение, верно схватить добычу или, по крайней мере, смертельно ранить ее. Все наблюдатели, которые видели, как они плавают в чистой воде, единогласно удивляются быстроте и ловкости их движений. В тихую погоду морские змеи лежат на поверхности и, по-видимому, спят; они не особенно пугливы, но не предаются и беззаботному покою. Иногда они едва обращают внимание

на проплывающее между ними под парусами судно, другой раз их пугает самый незначительный шум, который покажется им подозрительным, например приближение лодки: они опоражнивают легкие, ныряют в глубину и только ряд поднимающихся пузырьков воздуха обнаруживает их присутствие.

Что они погружаются на значительную глубину, доказало исследование их желудков, что подолгу отдыхают под водой, показали точные наблюдения. Когда намеревались строить маяк на скалах Бассельса, остатках поглощенных морем островов Гири, при первой высадке среди сотен и тысяч рыб, оживлявших многочисленные пещеры этих скал, заметили множество морских змей, из которых некоторые достигали в длину 1,5 м. Змеи лежали свернувшись, предавались покою и так сердились, когда их тревожили, что с яростью бросались на шесты, которыми исследовали углубление. Сингалезцы, проводники европейских инженеров, уверяли, что морские змеи не только смертельно отравляют своим ядом, но стараются вредить противнику, обвиваясь вокруг него. Вообще наблюдатели сходятся том, что эти змеи вовсе не вялые и добродушные, а, напротив, крайне проворные, злые и свирепые существа, которые в своей стихии так же, как ядовитые змеи на суше, яростно кусают по направлению к каждому мнимому или действительному противнику, и при этом наносят раны и себе самим. Случалось, правда, редко, что они кусали людей, но это зависит исключительно от того, что человек редко посещает их стихию, а также от их пугливости. По мелким местам, на которых они держатся, не ходит без особой надобности ни один рыбак, а от приближающейся лодки они, если и не всегда, то по большей части прячутся. Но неосторожные купающиеся нередко подвергаются их укусам, а те змеи, которых вытаскивали на берег во время рыбной ловли, причинили бы много зла, если бы рыбаки не вполне представляли ту опасность, которую представляет неосторожное обращение с этой нежелательной добычей, часто попадающей в слишком большом количестве. Страх местных рыбаков перед морскими змеями совершенно основателен, так как их укусы по действию совершенно сходно с укусами других бороздчато-зубых. В этом достаточно убедились путем опытов индийские исследователи, именно Руссель и Кантор, и если Зибольд наблюдал, что матросы держали в руках пойманных морских змей, не подвергаясь укусам, то речь шла, очевидно, об одном виде плоскохвостов, который, по новейшим опытам, проведенным в Японии, действительно не кусает, даже если его дразнить. С другой стороны, мы знаем, что укусам морских змей подвергались и английские моряки и умирали от них, как показывает следующий рассказ, переданный Чеверсу.

Когда в 1837 году английское военное судно «Элджерин» стояло на якоре на Мадрасском рейде, была поймана морская змея длиной 2 м. Один из матросов до тех пор рассматривал и

трогал ее, пока она не укусила его в указательный палец правой руки. Он не обратил внимания на маленькую рану, так как ранее подвергался укусам водяных змей в Малаккском проливе, и не чувствовал никаких дурных последствий. Через полчаса он позавтракал, оделся и приблизительно часа через два отправился на палубу. Здесь у него вдруг началась рвота, вскоре пульс стал слабым и по временам пропадал; зрачки были расширены, но сужались под влиянием света; на коже выступил холодный пот, а выражение лица становилось все более тревожным и обнаруживало общее тяжелое болезненное состояние. Скоро наступил паралич гортани, который существенно затруднял дыхание; края раны и ближайшие части руки опухли; затем опухоль распространилась по всей правой стороне, а шея и лицо приняли пятнистый пурпуровый и серый цвет. Врач прописал различные средства, больной делал усилия, чтобы принять их, но не мог. Только после продолжительной теплой ванны матрос был в состоянии проглотить лекарства, но они тотчас же выбрасывались обратно вместе с бурой липкой жидкостью. Приблизительно через 20 минут после ванны приступы судорог, от которых больной страдал с самого начала, стали чаще и темный цвет распространился по всему телу. Дыхание становилось все труднее, изо рта вытекала темно-бурая волокнистая масса, затем наступило беспамятство, и еще до истечения четвертого часа после укуса больной умер.

Второй случай, тоже имевший печальный исход, произошел в мае 1869 года с капитаном одного судна, который был укушен во время купанья. Рана причиняла ему лишь незначительную боль, и он думал, что его ущипнул краб. Позднее он тоже не чувствовал ни малейшего признака отравления, долго говорил с одним из друзей, забавлялся с его детьми, играл и пел, вообще находился в самом лучшем настроении и только по временам чувствовал своеобразный жар, пробегавший по всему телу, который был скорее приятен, чем болезнен. Этот жар мало изменял его вид и вызвал замечание друга, что капитан никогда не казался здоровее, чем в тот день. По возвращении на судно, приблизительно через три часа после купанья, он почувствовал, что движения языка, а вместе с тем и речь затруднены, и постепенно стал замечать, что первоначально едва заметная оочеченелость членов все более распространялась. Он выпил водки и послал за врачом, который скоро явился и прописал лекарство, но лишь позднее один бирманец обратил его внимание на истинную причину болезни. При ближайшем исследовании укушенного места, сбоку от ахиллесова сухожилия, около лодыжки, нашли две маленьких ранки, которые едва вызвали воспаление и мало отличались от укусов комаров. Врач прибегнул тогда к средствам, которые казались ему целебными, часто давал больному пить водку и отвар конопли; но все средства не помогали. Болезненное состояние капитана усиливалось, и через 71 час после укуса он умер.

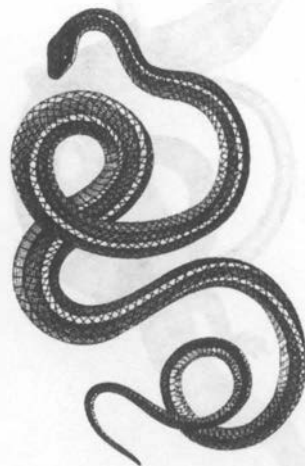
Кантор дал одной морской змее длиной 1,5 м укусить птицу; она тотчас обнаружила признаки параличного состояния и умерла через 4 минуты при подергиваниях членов; вторая птица, укушенная той же змеей, умерла через 10 минут, третья, отравленная другой морской змеей, через 7 минут и т.д. Особенно замечательны опыты, которые тот же исследователь произвел над пресмыкающимися и рыбами. Мягкая черепаха была укушена морской змеей в морду; 5 минут спустя она стала чесать укушенное место ногой и продолжала это некоторое время, но через 16 минут спустя она уже не могла делать это, так как члены ее были парализованы и неподвижны; по истечении еще 14 минут она была мертва. Кроме незначительного изменения в укушенной части на труп животного не замечалось ничего необыкновенного. Вторая черепаха того же вида умерла через 46 минут после укуса. Древесная змея стала через три минуты после укуса беспокойной, ползала по клетке из угла в угол, но уже вскоре после того не могла владеть задней частью тела, через 16 минут после отравления судорожно открыла рот и через 30 минут околела. Большой скалозуб, укушенный ластохвостовой змеей длиной 1,5 метра, бодро плавал в течение первых трех минут после укуса в ванне, наполненной морской водой, потом стал сильно двигать хвостом, не мог более держаться определенного направления и умер через 10 минут.

Из всех этих опытов следует, что морские змеи так же страшны в своей стихии, как родственные им ядовитые змеи на суше.

Только что пойманные морские змеи издают ясный запах ворвани, который не утрачивается даже тогда, когда их пересылают в спирте и вынимают из сосуда в Европе по прошествии нескольких месяцев.

Пища всех видов морских змей состоит из рыб и ракообразных; за первыми охотятся взрослые, за вторыми молодые. Гюнтер находил в желудках различных морских змей мелких рыб почти всех семейств, живущих в тех же морях, в том же числе таких, которые обладают очень крепкими и острыми шипами и другими колючими твердыми частями. Вооружение этого рода так же мало может защитить рыб от морских змей, как и помешать этим последним глотать свою добычу. Они убивают ядом и перед смертью, как и после смерти добычи нисколько не заботятся об ее оборонительном оружии, потому что глотают всех рыб с головы. Все морские змеи очень прожорливы. Обыкновенно они охотятся в верхних слоях воды, а в бурную погоду — на более значительных глубинах. На содержащихся в неволе замечали, что их зрачок способен значительно расширяться и сжиматься, а, следовательно, может исполнить свою службу на очень различных глубинах. Полный дневной свет, то есть не преломленный в воде, действует на их глаза так сильно, что зрачок сжимается в точку и совершенно ослепляет животных, как видно по их неловким движениям.

Семейство ПЛОСКОХВОСТЫ

Семейство ПЛОСКОХВОСТЫ

** В период размножения морские змеи образуют скопления, вытянутые широкой лентой длиной до 95 километров.*

Относительно размножения морских змей еще нет достаточных данных*. Самцы и самки довольно значительно различаются у некоторых родов и видов по форме, чешуе и цвету и тем делают еще более трудным различение отдельных видов. Так, у самцов большей части видов кили на чешуйках, которые на некоторых могут оканчиваться несколькими шипиками или иглами, значительно больше, чем у самок; у некоторых видов самцы короче и имеют меньше чешуек, чем более вытянутые в длину самки; у некоторых видов ластохвостов, по Буланже, шейная часть у самки гораздо тоньше, чем у самца. Ластохвостые змеи спариваются, по наблюдениям Кантора, в феврале и марте, обвиваются во время совокупления одна вокруг другой и долгое время носятся вместе по волнам, подвигая себя поочередными движениями. О продолжительности беременности Кантор не мог получить надежные сведения, но он полагает, что она длится около семи месяцев. Детеныши разрывают при рождении яичные оболочки и начинают с этого момента вести такую же жизнь, как их родители.

Врагами морских змей оказываются индийские орланы и акулы. В желудке последних Перон постоянно находил остатки этих пресмыкающихся; весьма вероятно, что они были схвачены во время сна и без страха перед ядовитыми зубами погребены в широкой пасти акул. Вероятно, не менее опасны для них и другие большие хищные рыбы, а также сильные бури, которые часто массами выбрасывают змей на сушу. Здесь они гибнут, если другая благоприятная для них волна не возвратит их в родные глубины. Насколько они ловки в море, настолько же неловки и беспомощны на суше, за исключением плоскохвоста. Они пытаются ползать и двигать частью тела, сначала, правда, еще бешено кусают вокруг, но скоро утомляются и тогда забывают даже пускать в дело свое страшное оружие. Свет ослепляет их, необычная среда лишает не только силы, но, по-видимому, и сознания. По прошествии немногих дней они умирают, наверное, как и выброшенные на сушу киты. К названным врагам и враждебным явлениям присоединяется человек. Ни один местный рыбак не бросает без нужды обратно в воду морских змей, которых вытаскивает на берег вместе с различными рыбами, каждый старается убить их столько, сколько может. Однако большого вреда человек им не приносит, как и все остальные их враги. Море защищает их, к сожалению, лучше, чем было бы желательно, а их если и не особенно сильное, то все же значительное размножение скоро восполняет все потери. На морских змеях, и именно на тех видах, чешуйки которых снабжены шероховатыми килиями, часто селятся водоросли, мшанки, так что эти животные иногда тащат за собой плавучий лес, населенный, кроме того, различными ракообразными. Эта оригинальная одежда может быть полезна им при добывании пищи, но еще более наводит она нас на размышления, когда мы стараемся узнать средства, которыми пользуется природа, чтобы распрост-

ранять по морям низшие морские растения и морских животных. По-видимому, на долю морских змей выпадает при этом значительная роль, и они могут переносить на большие расстояния многие из организмов, живущих паразитами на их теле.

СЕМЕЙСТВО ГАДЮКОВЫЕ (Viperidae)

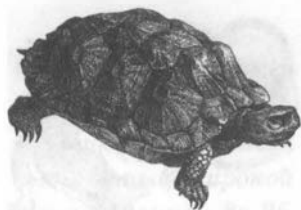
Мы обращаемся теперь к семейству гадюковых. Все его виды ядовиты и, насколько известно, живородящи. Толстое тело, плоская, часто треугольная голова, короткий, тупой хвост, иногда превращенный в орган хватания, недоразвитая верхняя челюсть, вооруженная исключительно гладкими крючковатыми ядовитыми зубами, и глаза с вертикальным зрачком составляют отличительные признаки, свойственные всем змеям семейства, однако на основании этих признаков нельзя еще безошибочно отличать их от аспидовых. Нужно большое внимание, а иногда приходится прибегнуть и к тщательному исследованию внутреннего строения, чтобы различать эти семейства.

Самым важным внутренним признаком гадюковых должно считать форму и способ движения короткой и толстой, как бы недоразвитой верхней челюсти, которая, с одной стороны, подвижно связана через посредство, поперечнонёбной соединительной кости, с крыловидной костью, с другой — с межчелюстной. Верхнечелюстная кость может подниматься перпендикулярно к поперечнонёбной кости и позволяет прикрепленным к ней спереди ядовитым зубам совершать движение такого рода, что если мы будем считать основание зуба за постоянную точку, конец его может описывать вокруг этой точки дугу в четверть круга. Каждая верхнечелюстная кость имеет по одному большому, шиловидно изогнутому зубу около 5 мм длиной, по которому тянется канал, оканчивающийся тонкой щелью на передней, следовательно, выпуклой стороне зуба около его кончика. Очень часто в верхнечелюстной кости стоят по два зуба рядом. Так как один из них обыкновенно сидит не совсем крепко и при укусе тоже редко наблюдается более двух ранок, то следует принимать, что второй зуб — более старый, уже вышедший из употребления. Зубы связаны с ядовитыми железами. Если змея хочет кусать, она прижимает поперечнонёбную кость к верхнечелюстной; последняя с приросшими к ней зубами поднимается кверху, и яд вытекает вследствие действия височных мускулов, а также, вероятно, и того сопротивления, которое встречает верхняя челюсть при кусании, через отверстие в верхней и передней части зуба в зубной канал. Когда зубы при кусании проникают в мясо, яд попадает в рану и отсюда в кровь. В состоянии покоя эти зубы повернуты назад и лежат в кожистых сумках на верхней челюсти, направленные острием назад. Позади обоих ядовитых зубов находятся еще три-

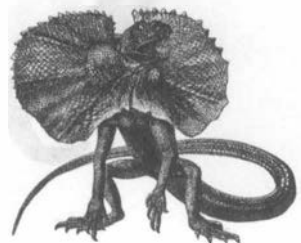
Семейство
гадюковые

Семейство гадюковые

** В настоящее время гадюк и гремучников часто выделяют в разные семейства, хотя многие зоологи продолжают считать их лишь подсемействами одного семейства. В последнем случае в этом семействе насчитывается более 200 видов, почти 30 родов.*

четыре замещающих зуба, которые заменяют собой действующий ядовитый зуб, если он сломается. Первый замещающий зуб достигает иногда полной величины прежде, чем вступит в деятельность. В нижней челюсти на крыловидных и нёбных костях находятся плотные, гладкие, крючковатые зубы. Они служат для того, чтобы схватывать добычу и втаскивать ее в зев и глотку, причем ветви нижней челюсти, соединенные лишь растяжимой соединительной тканью, поочередно подвигаются вперед и вонзают зубы в добычу. Благодаря тому, что весь челюстнёнбный аппарат состоит из многих подвижных костей и потому чрезвычайно растяжим и что обильное отделение желез смачивает добычу и делает ее скользкой, гадюковые, подобно многим другим змеям, могут проглатывать относительно больших животных.

Мы будем следовать Буланже, который подразделяет гадюковых на два резко разделенных подсемейства, на гадюк (*Viperinae*) и гремучников (*Crotalinae*)*, которые все без исключения имеют ямку в виде дырочки между ноздрей и глазом, значение которой неизвестно. Гадюки характерны для Старого Света, и особенно много видов водится в Африке; гремучие змеи — обитатели Америки и распространены от Соединенных Штатов до Патагонии, в Азии доходят на запад до границы Европы, один маленький вид встречается еще, быть может, по эту сторону реки Урал. Что в Германии уже в древние времена были змеи этого семейства, недавно доказала нам поразительная находка полого ядовитого зуба в нижнем миоцене Висбадена.

Гадюки могут считаться самыми типичными представителями ядовитых змей. Они отличаются очень плотным, иногда почти безобразно толстым телом, плоской головой, имеющей форму треугольника, вернее четырехугольника с неравными сторонами, а также тем, что верхняя сторона морды почти всегда покрыта чешуей или мелкими, неправильной формы и неправильно расположенными щитками, и, наконец, коротким тупо-коническим хвостом, который лишь в исключительных случаях обладает способностью цепляться. Они отличаются от гремучников, единственных змей, с которыми их можно было бы смешать, как уже замечено, отсутствием окруженной щитками ямки на голове между ноздрей и глазом.

Гадюки — медленные ядовитые змеи, обреченные на жизнь на земле; все они чисто ночные животные, которые начинают свою деятельность лишь после солнечного заката. Некоторые африканские гадюки, по-видимому, не боятся и воды, однако об этом существует пока еще мало надежных наблюдений. Позвоночные, особенно мелкие млекопитающие и птицы, а иногда также ящерицы и земноводные, но не рыбы, составляют их добычу. Только более мелкие и проворные виды решаются на продолжительное преследование; настоящий способ охоты у гадюк другой: они терпеливо выжидают добычу, быстро выдвигают голову, вонзают свое

страшное оружие и, уверенные в успехе, ожидают действия яда, который оказывается смертельным почти без исключений. Они более вялые, чем все другие ядовитые змеи, и поэтому кажутся нам более коварными, чем все их родичи, с которыми они разделяют вспыльчивость, бешенство и злобу. Несмотря на их страшное оружие и на то, что яд по своему действию не уступает никакому другому, от них гораздо реже, чем от аспидов, погибают люди, они менее опасны, чем ближайшие родичи — гремучники, но, тем не менее, причиняют довольно бед. Все они соответствуют своему латинскому названию, так как рожают живых детенышей. Размножение их не особенно сильное, но способность противостоять вредным влияниям значительна, а число врагов относительно ничтожно; этим объясняется их многочисленность. Человек должен преследовать и истреблять их самым ревностным образом.

Ядро подсемейства образует род **настоящие гадюки** (*Vipera*), отличительные признаки которых заключаются в разделенных хвостовых щитках, расположенных в два продольных ряда, килеватых чешуйках, которые образуют 21—37 продольных рядов, и в том, что голова покрыта чешуйками или немногочисленными мелкими щитками. К этому роду относится не менее 20 видов.

Прототипом гадюк и всего подсемейства мы считаем **обыкновенную гадюку** (*Vipera berus*). Она отличается превращенными в щитки чешуйками на темени и, за редким исключением, только одним рядом чешуек между глазом и лежащими под ним верхнегубными щитками. Цвет и рисунок ее чрезвычайно разнообразны, но почти всегда на спине есть темная зигзагообразная полоса, которая заслуживает внимания как отличительный признак.

Обыкновенная гадюка отличается по форме от большинства змей Европы, ее ближайших родичей за исключением асписовой и носатой гадюк. Голова сзади заметно шире шеи, довольно плоская, впереди слегка закругленная; шея ясно отделена, немного сжата с боков, и ее сечение имеет продолговато-округленную форму; тело значительно толще шеи, довольно плоское на спинной стороне, ширина и высота ее одинаковы, брюшная сторона также плоская; хвост относительно короткий, заметно утончен в последней трети длины и заканчивается коротким твердым кончиком. Начиная от шеи, тело постепенно утолщается до середины, а отсюда снова утончается к хвосту, в который и переходит без заметной границы. У самца тело короче и тоньше, а хвост относительно толще и длиннее, чем у самки. Длина взрослого самца около 60 см, редко на 5 см больше или меньше; длина самки 70, но может достигать до 81 см. Голова составляет приблизительно двадцатую часть длины тела, хвост самца — шестую, самки — восьмую: это отношение не встречается ни у какой другой змеи, кроме асписовой гадюки. Рыльцевой щиток треугольно закругленный, снизу с дугообразной вырезкой, через которую проходит

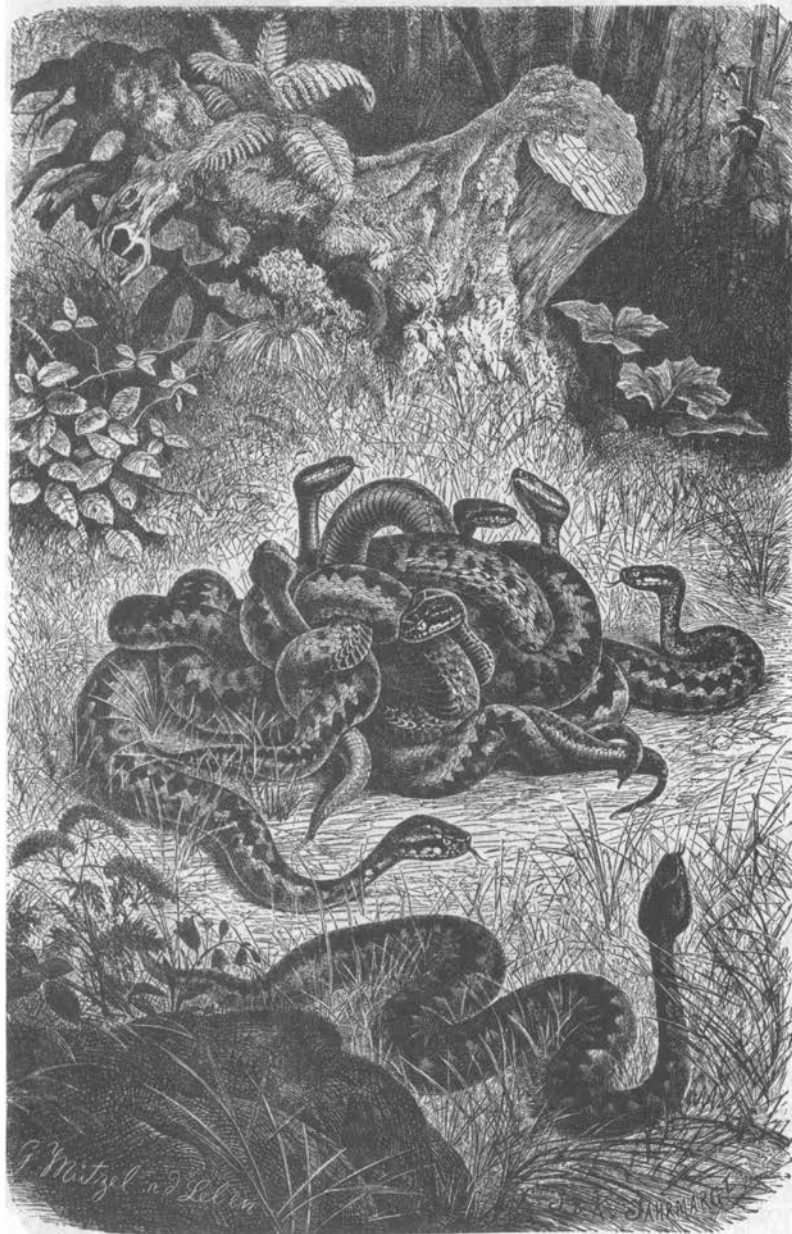

язык, с каждой стороны от него находятся два неправильных пятиугольных щитка, а около него — большие носовые щитки с широкими ноздрями. На передней части темени три маленьких неправильно треугольных щитка, передний вдается вершиной между задними. Спереди на краю морды шесть округленных чешуек образуют полукруг, а между ними и большими надглазными щитками лежат пять—девять других маленьких щитков тоже округ-

лой формы. Позади теменных щитков начинаются чешуйки тела, форма которых остается в основных чертах одинаковой. Преобладает яйцевидная форма, но чешуйки становятся уже и длиннее на спине и расширяются на боках и хвосте. Они образуют 21 продольный ряд, все чешуйки снабжены более или менее явственным килем, который, однако, едва намечен на чешуйках ряда, примыкающего к брюшным щиткам; нижняя сторона одета широкими поперечными щитками, которые на хвосте расположены попарно. Особенно важен щиток, покрывающий заднепроходное отверстие, так как он всегда не разделен и, следовательно, не состоит из двух чешуек; это признак, свойственный, кроме обыкновенной гадюки, только асписовой гадюке. Число и форма головных щитков меняются, а число брюшных щитков колеблется в таких широких пределах, что считать их — бесполезный труд.

Мало змей, у которых окраска настолько изменчива, как у гадюки; тем не менее, можно считать, что основной цвет самца серебристо-серый, светло-пепельно-серый, зелено-

ватый, светло-желтый, светло-бурый и т. д. Но как ни различен основной цвет, темная зубчатая продольная полоса заметно выделяется и только у очень темных самок и у совершенно черной

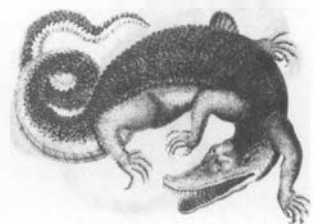

Обыкновенная
гадюка
(*Vipera berus*)

разновидности становится мало заметной или вовсе незаметной. Эта полоса, «каинов знак» европейских ядовитых змей, как ее назвал Линк, пробегает зигзагами вдоль всей спины от затылка до конца хвоста и сопровождается с каждой стороны продольным рядом темных пятен. Не только ширина, но и форма отдельных составляющих ее пятен очень различна. Нормально она складывается из ряда косвенно и поперечно расположенных ромбических или прямоугольных четырехугольников, или же полоса распадается на отдельные пятна, вытянутые в поперечном направлении или округлые; боковые пятна, которые обыкновенно чередуются с более крупными, тоже могут распадаться на более мелкие крапины. Цвет полосы соответствует, по Штрауху, основному цвету, так что у гадюк светлого желтовато-бурого или почти песочного цвета полосы и пятна светлого каштаново-бурого цвета, у окрашенных более темным цветом — бурого в различных степенях и, наконец, у темных или каштаново-бурых — совершенно черного. Кроме этой зигзагообразной полосы следует обратить внимание на рисунок головы. Две продольные полоски, окруженные неправильными пятнами и черточками, украшают середину темени и иногда сближаются здесь до соприкосновения, начинаются на глазном щитке, пробегают отсюда к середине темени, соединяются иногда пятном того же цвета и затем расходятся, образуя сзади явственный треугольник, вершина которого направлена вперед, и как бы обхватывая первый ромб спинного рисунка. Нижняя сторона у гадюки по большей части темно-серого или даже черного цвета, но каждый щиток обыкновенно покрыт многочисленными желтоватыми отдельными или сливающимися пятнами самой различной формы. Гадюки очень светлого цвета сверху имеют и на нижней стороне более светлую окраску до буровато-желтой, на отдельных щитках разбросаны мелкие пятна черноватого цвета. Конец хвоста всегда более светлого желто-белого, лимонно-желтого или оранжево-желтого цвета; верхнегубные щитки тоже светлые, обыкновенно белые, но всегда с темной каймой.

Большие круглые огненные глаза благодаря выдающимся надглазным щиткам, под которыми они лежат, производят впечатление коварства и злобы и действительно помогают отличить гадюку, особенно если не забывать, что ни у какой другой змеи зрачок не имеет вида косой продольной щели, направленной спереди и сверху вниз и назад. При ярком солнечном свете эта щель стягивается в едва заметную линию, а в темноте сильно расширяется. Цвет радужной оболочки обыкновенно яркий огненно-красный, у темных самок светлый красновато-бурый.

Из разновидностей гадюки темную, которую в Германии называют «адской змеей» («Höllennatter»), долгое время считали особым видом (*Vipera prester*). Однако более внимательным наблюдателям скоро бросилось в глаза, что почти все «адские змеи»

Семейство гадюковые

** Некоторые популяции обыкновенной гадюки на юге ареала сейчас относят к другому виду (гадюка Никольского).*

были самки, а когда наконец достали беременных «адских змей» и убедились, что их детеныши ничем не отличались от детенышей обыкновенной гадюки, то не было никаких сомнений, что мы имеем здесь дело с разновидностью.

Область распространения обыкновенной гадюки не только больше, чем у какой-либо другой змеи, водящейся в Европе, но и обширнее, чем у всякой наземной змеи вообще: она простирается, по Штрауху, от Португалии на восток до острова Сахалин, в Скандинавии переходит за Полярный круг, на юге достигает, с одной стороны, средней Испании, с другой — северной границы Персии.

Хотя на этом огромном пространстве то тут, то там ее нет, но всегда только на очень ограниченных местах. Вообще же она живет во всяких местностях, как бы различны они ни были: в лесах и в пустынях, на горах, лугах, полях, болотах и даже в степях*. Первые условия ее довольства — это удобные уголки, куда бы она могла заползать, достаточная пища и солнечный свет; в остальном она, по-видимому, не предъявляет особых требований к той местности, в которой поселяется. Каменистые отлогости и скалы, поросшие кустарником, пустырь, чаща лиственного или хвойного леса, в котором есть прогалины, доступные солнцу, особенно же болотистые местности или степи дают ей все необходимое для жизни. На таких местах она встречается иногда в ужасающем количестве: в одном лесу Люнебургского герцогства во время сенокоса в течение трех дней и на очень небольшой площади было убито штук тридцать гадюк. Некоторые пустынные местности в северной Германии пользуются дурной славой из-за множества этих ядовитых змей. Вблизи Берлина есть отдельные участки леса, куда по милости гадюк женщины, косящие траву, приходят не иначе, как в высоких сапогах. В чистом высокоствольном лесу она не встречается, но не избегает большого леса, если почва покрыта травой, также переселяется мало-помалу в местности, где долго не появлялась, если почва изменяется таким образом, что она может найти тут убежище и добычу; при обратных же обстоятельствах снова уходит. «В Тюрингенском Лесу, — рассказывает Ленц, — увеличение числа гадюк сначала было вызвано тем, что там, где рубили деревья для нового посева, почву взрывали большими глыбами, под которыми сейчас же разводились ящерицы и мыши, а позднее и гадюки. Теперь при правильном лесном хозяйстве подобные вещи совершенно прекратились; на вырубленных участках сажают молоденькие деревца, взятые из питомников, ямы уничтожают, а вследствие этого число гадюк сильно уменьшилось». Наоборот, Бетхер уверяет, что на горах около Фрейберга в Саксонии, где прежде гадюка попадалась нередко, но и нечасто, он в течение трех лет, от 1862 до 1866 года, не видал ни одной, несмотря на ежедневные охоты за жуками в течение лучшего времени года и на то, что он с особенным вниманием выискивал змей (ужей было поймано мно-

го). Он не мог даже достать ни одного экземпляра гадюки для Фрейбергского музея, который тогда создавался. Теперь эти змеи опять появились: в течение 1885—1890 года было поймано несколько штук и доставлено Бетхеру.

Эта змея живет в каком-нибудь найденном отверстии в почве, под корнями дерева или между камнями, в мышинной или кротовой норке, в покинутой норе лисицы или кролика, в расселине почвы — вообще в каком-нибудь подобном убежище, вблизи которого по возможности находится небольшое открытое место, где она могла бы греть на солнышке свое тело*. Когда желание спариться не побуждает ее бродить по окрестностям, гадюку всегда можно найти днем вблизи ее убежища, куда при малейшей опасности она возвращается настолько поспешно, насколько позволяют ее сонливость и лень. При приближении грозы, по наблюдениям Ленца, она совершает небольшие экскурсии, но обыкновенно днем никогда не уходит далеко от своей норы.

Ленц утверждает, что гадюка чисто дневное животное, «так как мало найдется животных, в такой степени любящих выставляться на солнце». Но к этим словам он прибавляет, что трудно узнать, что она делает ночью. «Я не сомневаюсь в том, что в теплые или душные ночи гадюки остаются на поверхности земли или заползают только под мох. При лунном свете я тихонько подкрадывался к своим пленницам и нашел, что часто они совсем спокойно лежат, но иногда и проворно ползают; два раза я приходил в лунные ночи совершенно один и так тихо, как только возможно, на места, где, как я знал, есть гадюки, но не находил ни одной, хотя из этого нельзя вывести никакого заключения, так как среди бела дня и в самую прекрасную погоду можно не найти ни одной змеи. Известно только, что после заката солнца редко можно найти змей на открытых местах; они заползают под мох, в траву и пр.». Если бы случай научил нашего исследователя, как научил меня, если бы он на тех местах, на которых напрасно искал гадюк при лунном свете, зажег бы темной ночью огонь, то он изменил бы свое мнение. Особенная «любовь» гадюки к солнечному свету доказывает только одно: она, как и ее родичи, больше всего любит тепло и старается доставлять себе это наслаждение как можно чаще, но это еще не доказывает, что она дневное животное. Бросающаяся в глаза каждому лень, которую она обнаруживает, когда греется на солнце, равнодушие ко всему, что не касается ее непосредственно, указывает на то обстоятельство, что днем она находится не в бодром состоянии, а скорее в каком-то полусне. Все ночные животные без исключения, любят солнце, хотя боятся и избегают света; самым красноречивым доказательством этого служат кошка или сова, которые тоже греются на солнце; пойманные совы погибают, если их продолжительное время лишают солнца.

Для гадюки же, животного пресмыкающегося, температура тела которого увеличивается или уменьшается в зависимости от

Семейство гадюковые

* Площадь индивидуального участка пары гадюк обычно от 1,5 до 4 гектаров.

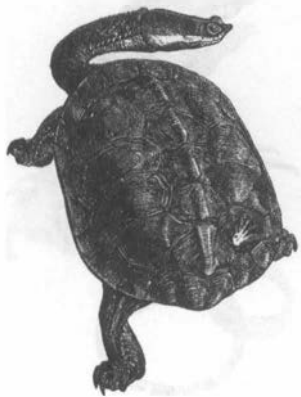

Семейство
гадюковые

окружающей среды, составляет самую насущную потребность ча- сами лежать, растянувшись на солнышке; для нее истинное бла- годение дать телу теплоту, которой не может доставить ему вяло обращающаяся кровь. Но эта змея отнюдь не дневное животное, точно так же, как и все другие из этого семейства. Недаром она наделена зрачками, способными необыкновенно расширяться и сокращаться, недаром глаза ее защищены выдающимися бров- ными щитками, а у других сходных с ней видов — кожистыми образованиями, которые можно сравнить только с осязательными волосками ночных хищных млекопитающих, потому что каждый орган, каждая способность, которой обладает животное, находит свое применение. Только с наступлением сумерек гадюка начи- нает свою деятельность, свои занятия, свою охоту. Чтобы убедить- ся в этой истине, тому, у кого есть пойманные змеи, стоит устро- ить клетку таким образом, чтобы видеть, что в ней происходит, не будучи замеченным животными, или же ночью зажечь огонь на месте, где часто попадаются гадюки. Необычный свет удивляет животных, ночью очень оживленных, и они спешат поближе по- знакомиться со странным явлением, подползают к самому огню, с удивлением смотрят на пламя и, по-видимому, неохотно решают- ся уползти. Таким образом, тот, кому надо поймать гадюк, гораз- до легче достигнет цели ночью с помощью огня, чем днем; он поймает их даже на тех местах, где напрасно искал днем, конечно, в случае, если в этой местности действительно есть гадюки или другие ночные змеи.

Против того мнения, что гадюка скорее ночное, чем дневное животное, Блум выставляет все сообщения, полученные им, и соб- ственные наблюдения. Они сводятся к тому, что «после заката солнца, даже гораздо раньше, гадюка заползает в свою норку и выползает оттуда ночью только в очень теплую, душную погоду. Тогда действительно она повсюду разгуливает и отправляется за добычей. В горах, где большей частью из всех змей только и во- дится гадюка, а в северных местностях даже на низменностях, где летом ночи всегда холодные, она никогда не покидает ночью сво- его убежища, так что там она принуждена искать добычу днем. Как дневные животные известны и другие змеи с щелеобразным зрачком. Из группы волкозубых змей индийские виды питаются, по мнению Гюнтера, веретеницами, которых им приходится ло- вить днем; африканские едят мышей и других маленьких ноч- ных млекопитающих. Возможно, что щелеобразные зрачки и выдающиеся надглазные щитки полезны гадюке при отыскива- нии мышей в норках. Доказательством того, что она это делает, служат мышата, которых много раз находили у нее в желудке». Гомейер часто встречал гадюк, отправлявшихся за добычей днем, а однажды наблюдал, как гадюка нападала на птичку.

Заблуждение относительно времени, в которое гадюка пре- дается деятельности, оправдывает отчасти распространенные всюду

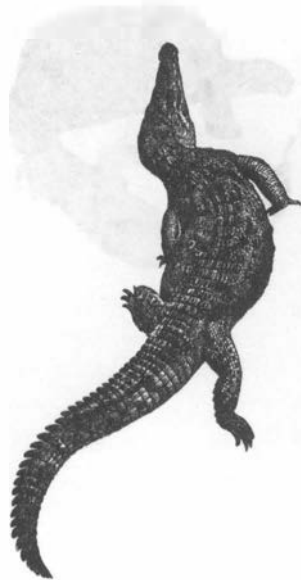
взгляды о ее нраве, которые и я прежде разделял. Кто наблюдал ее днем, скажет истинную правду, назвав ее крайне вялым, неподвижным, тупым к восприятию внешних впечатлений и неумным животным, даже сравнительно с другими змеями, но человек, наблюдавший ее ночью, составит себе совсем другое мнение. Правда, она и тогда не может соперничать в ловкости и проворстве со стройным ужом или медянкой; но все же ночью остаются только слабые признаки вялости, медлительности и осмотрительности ее дневных движений. Она делается подвижной и проворной, во всех направлениях ползает по своей клетке, а на свободе по той области, в которой охотится, и в противоположность своему дневному поведению, обращает внимание на все, что кругом происходит. Наблюдения и проведенные опыты показали, что гадюка довольно быстро передвигается по ровному месту, но может взобраться по кривому стволу дерева, а также отлично плавает. Воду она избегает совсем не в той степени, как думают обыкновенно. Она не так любит воду, как уж и его родичи, но совсем не боится близости воды.

О развитии внешних чувств гадюки приходится повторить то, что уже сказано выше; только я очень сомневаюсь, что у нас сложилось верное мнение об остроте ее зрения, и никогда не присоединюсь к мнению лиц, приписывающих ей слабое зрение на основании наблюдений, произведенных днем. Нуждается в подтверждении и наш приговор относительно ее умственных способностей. Об уме в собственном смысле у этой змеи не может быть и речи. Беспристрастное наблюдение выставляет ее крайне глупым животным, чудом умственной несостоятельности. Самой выдающейся чертой ее характера является безумная ярость. Все непривычное возбуждает ее гнев, но она не делает различия, поддается самому грубому обману и никогда не научается опытом.

Почти с одинаковым бешенством кусает гадюка как живое существо, так и палку или палец, показываемый ей за стеклом. Она разбивает себе морду в кровь, не сознавая, что ее злость беспечельна; когда она рассержена, то в бешенстве кусается прямо на воздух, если нечего больше кусать. Она не в состоянии отличить опасное от безопасного, по этой причине она вряд ли знает страх и не всегда обращается в бегство даже при очевидном превосходстве силы ее врага. Ни одно животное нельзя так легко поймать или убить, как гадюку. На вид она упорно ожидает приближающегося врага, а между тем иногда совершенно забывает все окружающее. Не надо обманываться, принимая такое поведение за храбрость; этой последней у нее нет, самое большее, что можно ей приписать, это упрямство. У нее не хватает ума даже на хитрость; настоящее лукавство ей чуждо. Когда она собирается схватить добычу, она обыкновенно шипит так громко, как будто дело идет об обороне. Всякого рода раздражение вызывает в ней сильный гнев. Нечего и говорить, что подобное создание никогда не

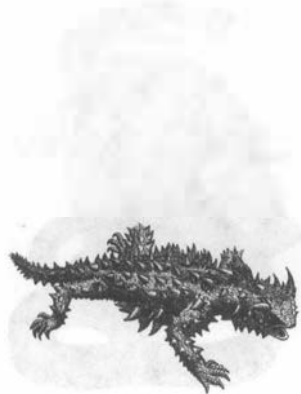
Семейство
гадюковые

заключает дружбы с другими животными, что приручить его нельзя; такие ограниченные умственные способности не поддаются развитию.

Это описание верно, пока речь идет о дневной жизни гадюки, но теперь я сомневаюсь, чтобы оно имело какое-нибудь значение для изображения ее ночных походов. Кто наблюдал галаго, летучую мышь или сову днем, вряд ли составил себе правильное мнение об их характере и привычках. Можем ли мы предполагать обратное у живущих ночью пресмыкающихся? Думаю, что нет. Против этого говорят даже во всех отношениях скудные и недостаточные наблюдения, которые мы можем делать над пойманными гадюками в клетке. А какие открытия могли бы повести за собой наблюдения их жизни на свободе! С моим теперешним опытом я думаю, что могу высказать мнение, что все ночные змеи, а с ними и наша гадюка, ведут себя по ночам приблизительно так же, как дневные змеи, деятельность которых мы в состоянии наблюдать. Например, они наверно действительно охотятся за добычей, а не только лежат на одном месте в ожидании, чтобы какая-нибудь добыча приблизилась к ним, как это можно было заключить из наших прежних наблюдений. Чтобы оправдать этот взгляд, я могу теперь привести следующее наблюдение. В прекрасную летнюю ночь, в полнолуние, Штрук шел со своим другом по широкой дороге через смешанный лес. Около 11 часов друзья расположились отдохнуть около дороги; через некоторое время они услышали шуршание шагах в 17 от себя и увидели мышь, которая быстро выбежала из кустарника на дорогу, преследуемая змеей. Охота эта происходила на дороге на расстоянии 15 шагов; змея нагнала мышь, зашипела и схватила добычу. Спутник Штрука, лесник, взял ружье, выстрелил и нашел мертвую мышь и издыхающую гадюку. Тот же наблюдатель заметил, что гадюки приползают к тем огням, которые зажигают ночью, чтобы сгонять зверей с зерновых хлебов, в том случае, если люди сидят смирно; если же кто-нибудь идет на гадюк с дубиной, то они дают тягу.

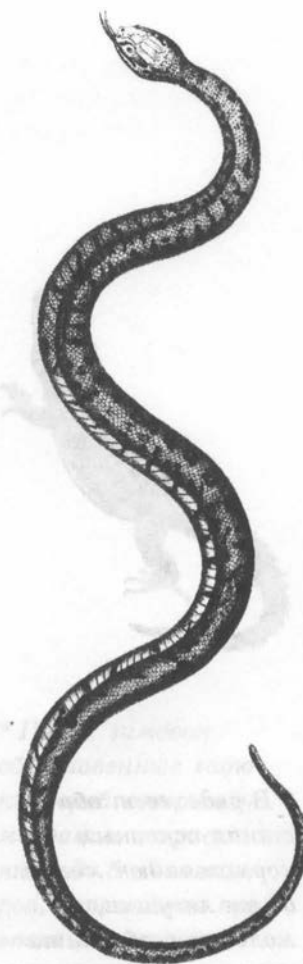
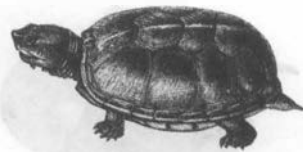

Характер гадюки, насколько мы его знаем, нимало не симпатичен, а слепое, безграничное бешенство, вызываемое при раздражении, просто отвратительно. «Однажды, — рассказывает Ленц, — я дразнил гадюку целый час, причем она беспрестанно фыркала и старалась меня укусить, так что наконец мне это надоело, но ей ничуть. В таком бешенстве, если предмет, рассердивший ее, удалился, она бросается и кусает воздух или кучки мха и тому подобное, а чаще всего, если дело происходит на солнце, то кусает свою тень или тень других предметов. Она тогда свертывается и втягивает шею в середину образующегося таким образом плоского кружка, чтобы при каждом укусе быстро выдвинуть ее на 15, самое большее на 30 см. Втягивание шеи всегда есть знак, что гадюка хочет укусить; она почти никогда не кусает,

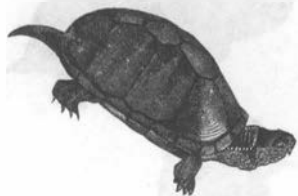
не подготовившись таким образом, и сейчас же после укуса опять быстро втягивает шею, если она впиалась зубами не так крепко, что это становится для нее невозможным. Даже если перед ней держать предмет величиной с мышь, она, кусая, часто промахивается, значит, прицеливается плохо (как почти все ядовитые змеи). Когда гадюка разозлится и собирается кусаться, она не только втягивает шею, но, если у нее есть время опомниться и если предмет, рассердивший ее, не вдруг приближается, то она часто и быстро высовывает язык приблизительно на длину своей головы, причем глаза у нее горят, но во время укуса язык у нее втянут; она также редко трогает им предмет, который собирается укусить. Когда враг настигает ее вдруг, и она тотчас же кусает его, то редко шипит предварительно, но чем больше у нее времени опомниться, тем более растет ее раздражение и тем сильнее и продолжительнее она шипит. Это шипение или фырканье производится с закрытым ртом и вызывается тем, что она вдыхает и выдыхает воздух сильнее, чем обыкновенно; оно состоит из двух разных, хотя несколько сходных между собой звуков, перемежающихся друг с другом приблизительно в промежуток времени, необходимый человеку для вдыхания и выдыхания. При выдыхании воздуха звук силен и низок, при вдыхании — слабее и выше. Я прикрепил на конец палки пушок и держал его перед носом гадюки, которая продолжительно и сильно шипела; таким образом я мог ясно наблюдать вдыхание и выдыхание, но нашел, что движение воздуха при этом ничтожно. Вообще, когда гадюка злится, то она так сильно надувается, что даже самая худая кажется толстой и жирной. Еще сильнее раздувается она, если ее бросишь в воду, но это она делает для того, чтобы уменьшить свой удельный вес посредством втягивания в себя воздуха. Она всегда настороже и одинаково готова и к защите, и к нападению. Поэтому, если ее ничто не тревожит, почти всегда находишь ее с приподнятой несколько на сторону головой. Хотя днем она довольно плохо видит, но все же очень хорошо умеет различать приближающиеся к ней предметы, и легко можно заметить, что она охотнее других хватается теплокровных животных, особенно мышей. Также замечают, что если ее посадить в очень светлое стеклянное помещение, то она скорее бросается на обнаженную руку, поднесенную снаружи к стеклу, чем на рукав или палочку, если ими дотронуться до стекла.

«В неволе в просторном ящике она очень хорошо уживается со всеми маленькими животными, кроме мышей. Я даже часто видел, как ящерицы, лягушки и птицы, однажды приученные, спокойно грелись на солнышке, сидя на гадюке, а на свободе тоже встречал гадюк, на которых уютно располагались ящерицы. Однажды я был свидетелем премилой сцены. В ящике со змеями солнце освещало только маленькое пространство, которым гадюки и овладели тотчас же. Тогда приползла ящерица и, поискавши

Семейство
гадюковые

Семейство гадюковые

** В ряде мест обитания основным кормом гадюк могут быть лягушки, молодые особи питаются насекомыми.*

напрасно свободного места, преспокойно укусила одну из гадюк за бок, чтобы заставить ее уступить место, но та даже не шевельнулась. Наконец ящерица улеглась подле гадюки не на солнце. Другие змеи и веретеницы тоже охотно помещаются около гадюки, на ней и под ней, как будто она принадлежит их семье. Она не обращает внимания на жуков, бегающих у нее по телу; если же они ползут по голове, то стряхивает их, но не сердится.

Повсюду распространено мнение, что гадюка прыгает и в гневе преследует врага на большое расстояние. Ни я, ни мой охотник за змеями не видели этого; также ничего подобного не рассказывали мне люди, хорошо знакомые с гадюкой. Часто не только в комнате, но и на воздухе я прилагал все старания, чтобы заставить гадюку прыгать, но напрасно. Однако, все же большое удовольствие подразнить гадюку прутиком, застигнув ее неожиданно на месте, которым она, по моему мнению, владеет нераздельно, и где она удобно расположилась отдыхать. Иногда она свивается так, что образует небольшую башенку, на верху которой помещается угрожающая головка, а иногда лежит широким кольцом. Все ее мускулы находятся в постоянном движении, так что нельзя хорошенько разглядеть цвет тела, и, точно молния из темной грозовой тучи, поминутно вздрагивает в воздухе голова, старающаяся укусить нарушителя покоя. Но я никогда не видел, чтобы она намеренно прыгнула хотя бы на 30 сантиметров вперед; только иногда, когда ее неожиданно застигнуть в вытянутом положении, и у нее нет времени свернуться кольцом, то она втягивает шею и потом быстрым движением выдвигает ее вперед и кусает, причем иногда случается, что это движение перемещает несколько вперед и остальное тело.

Часто в слепой злобе гадюка выдает себя сама, когда, спрятавшись в траве или в кустарнике и совершенно не замечаемая проходящим мимо, она, вместо того, чтобы тихо лежать, начинает дико шипеть и кусает человека, так что часто он замечает ее только тогда, когда она уже укусила или его самого, или башмак, или платье. Иногда гадюка обращается в бегство, укусив раз или два, но чаще она убирается восвояси, как только замечает поблизости людей. Это случается постоянно ночью, когда она бодрствует, и вследствие этого происходит то явление, что в это время она гораздо реже кусает людей, чем это обыкновенно предполагают, даже если принять во внимание, что после захода солнца ее излюбленные места мало посещаются».

Пища гадюки состоит преимущественно, хотя и не исключительно, из теплокровных животных, особенно мышей, которых она предпочитает всякой другой еде; она ест даже землероек и молодых кротов*. Особенно страдают от нее, по словам Ленца, земляные полевки, потому что они самые медлительные и добродушные из всех видов мышей; гораздо менее достается быстрым, хитрым обыкновенным полевкам. Нет пощады и землеройкам.

Хотя мне и не приходилось находить кротов в желудке у гадюки, но я ничуть не сомневаюсь, что, найдя случайно гнездо с кротятами, она с аппетитом полакомится их жирным мясом. Из наблюдений Ленца следует, что она ловит мышей не только на земле, но и под землей, в желудке вскрытых им гадюк он часто находил маленьких, совсем голых мышат и землероек, которых можно было добыть только в гнезде под землей. Птенчики, особенно тех птиц, которые гнездятся на земле, часто становятся жертвой гадюки, и очень правдоподобно, что она опустошает немало гнезд. На это указывает поведение старых птиц, которые поднимают крик и обнаруживают величайшее беспокойство, как только увидят гадюку. Лягушек она ест только в случае крайности, ящериц — пока они молоды. «Замечательно, — рассказывает Ленц, — насколько у гадюки врожденная неодолимая потребность умерщвлять мышей. Даже в неволе, где она добровольно обрекает себя на голодную смерть и, если ее не раздражить, нелегко кусает других животных, даже тут, как только увидит мышью, ее глаза начинают гореть от дикой жажды крови, и она бросается на мирного зверька; она умерщвляет его с бешенством, но никогда не ест. Как только бедный зверек лежит перед ней без дыхания, к гадюке возвращается спокойствие, точно коварная злодейка утолила в крови ненавистного врага долго сдерживаемую жажду мести. Я часто видел подобные сцены. В ящик, в котором жили 10—12 гадюк с другими змеями, веретеницами, ящерицами, лягушками, иными животными, и где царили полный мир и взаимное доверие, я вдруг пускал мышью. Бесстрашно бегают она кругом, воображая, что попала в хорошее общество, и ничуть не боится прыгать по телу и голове гадюк. Но вот они втягивают шею и голову, их глаза горят, язык высовывается и быстро движется, во всех углах слышится шипение и все открытые пасти направляются на нее с целью укусить. Мышь еще не знает, на кого они нападают. Она увертывается от укусов, прыгает во всех направлениях, но нигде не находит покоя. Наконец ядовитые зубы настигают жертву; она содрогается, распухает, шатается, падает и умирает. Возбуждение еще не улеглось; там и тут слышится шипение и вытягивается на воздух пасть, но скоро, со смертью врага, водворяются мир и тишина».

Как и другим змеям, гадюке не приносит вреда продолжительное голодание, но зато, если уж улыбнется ей счастье на охоте, то она вволю наедается. В своих исследованиях Ленц нашел в пищевод и желудке одной гадюки трех больших мышей, одну за другой.

Летняя жизнь гадюки начинается в апреле, хотя во время благоприятной весны ее замечают уже в марте вне ее зимнего убежища, а в особенно теплую погоду можно видеть иную гадюку и раньше, как исключение, даже зимой*. «19 января 1875 года, — пишет Гримм, — около трех часов пополудни я стоял на юго-

** После зимовок обыкновенные гадюки порой совершают миграции на расстояния до 5 километров, переплывая при этом достаточно крупные реки.*

западной опушке старого дубового леса, богатого выгнившими пнями, где предполагалась охота. Солнце довольно сильно грело, и хоть на всей земле еще лежал снег, но с одной стороны леса, покрывавшего пологую покатошь, почва оттаяла и была совершенно суха. Около одного из пней лежала, греясь на солнышке, гадюка, не совсем свернувшаяся и, по-видимому, мертвая. Но когда я тронул ее палкой, то она довольно поспешно поползла к ближайшему стволу дерева. Пока я старался удержать ее, чтобы поймать живьем, подскочил слишком усердный загонщик и убил ядовитое животное».

В зимнем убежище гадюки обыкновенно собираются порядочными обществами. «В 1816 году, — пишет пастор Трейсе Ленцу, — несколько дровосеков работали в теплую погоду на дороге, для починки которой пришлось ломать значительные стены из песчаника в которых было много трещин и щелей, и тут нашли на один-два метра ниже поверхности земли десять гадюк в состоянии зимней спячки. Сначала дровосеки приняли их за веревки, но, вытащив первую с помощью кирки, признали за гадюку, доставили остальных, размещенных в разных трещинах, и убили всех. Животные были найдены свернувшимися между камнями, вялыми и в состоянии оцепенения. По бокам стен не было заметно трещин, так что гадюки, должно быть, заползали туда сверху, где было несколько щелей». Сообщение Вагнера совершенно согласуется с этим. «Зимой 1829—1830 года, на расстоянии одного часа пути на запад от города Шлибен, были найдены девять гадюк в болотистой местности, над поверхностью воды, в старом пне. Они тесно прижались друг к другу, почти не выказывали признаков жизни и были все вместе убиты. Вместе с гадюками нашли хорька, который, вероятно, искал себе там пищу и тоже был убит». Гомейер сообщает мне еще доказательство этого факта. «Гадюка совершает зимнюю спячку целым обществом. По наблюдениям моего брата, находят 15—25 гадюк, лежащих вместе под корнями можжевельника и под старыми полусгнившими ольховыми и березовыми пнями, куда они сползают с началом холодов, чтобы остаться там до возвращения весны. Обыкновенно, когда дровосеки выкорчевывают старые корни, то находят такие спящие общества и, понятно, убивают всех членов их. С истинным удовольствием открыли мы, что хорек знает об этом факте гораздо больше, чем знали мы до сих пор. Зимой он отыскивает подобные логовища и таскает оттуда животных, сколько ему нужно. Мой брат, доставая хорька из норы среди зимы, нашел несколько лягушек и трех гадюк, которых животное натаскало в нору, проявив сначала предосторожность — перекусив им спинной хребет у самой головы. В заключение еще замечу, что зимний сон гадюки не очень крепок: при некотором беспокойстве она поднимает голову, начинает медленно ползать и высовывает язык, однако глаза кажутся усталыми и тусклыми»*.

* Описаны случаи зимовок обыкновенных гадюк в скоплениях из 200—300 особей. Вместе с гадюками на зимовках находили жаб, тритонов, веретениц.

По мнению Блума, половая зрелость наступает не раньше четвертого года. Спаривание начинается только тогда, когда весенняя погода установилась, обыкновенно около конца апреля или начала мая*. Как исключение, случается, что гадюки спариваются и в необычное время. Так, например, в 1848 году Эффельдт нашел пару совокупившихся гадюк 15 марта; также и Ленц рассказывает, что 18 декабря, в прекрасную теплую погоду видели однажды двух спарившихся гадюк**. Поэтому он считает возможным, что детеныши рождаются у них иногда уже весной. Обыкновенно гадюки выводят детенышей в августе и сентябре. Весьма вероятно, что эти животные совокупаются ночью, но остаются несколько часов, обвившись друг с другом, так что их можно увидеть еще и на следующий день, лежащих на выбранном месте. Как было уже замечено, случается, что во время совокупления несколько пар гадюк свиваются вместе и образуют целый клубок, что, весьма возможно, и дало повод к древнему сказанию о голове Горгоны. «В апреле 1837 года, — рассказывал мне Эффельдт, — отправился я, как часто это делаю в это время, в деревню Иоганнисталь, расположенную в 10 километрах от Берлина, чтобы наловить там гадюк. Тогда я еще не знал, что все гадюки — ночные животные, и так как прибыл на место, где предполагал охотиться, уже довольно поздно вечером, то думал отложить поиски до следующего утра. Однако после заката солнца я вышел в лес, не столько ради животных, как для того, чтобы насладиться прекрасной погодой. К крайним домикам деревни примыкал лесок, состоявший преимущественно из ольхи и густо поросший ежевикой. Он был до того полон гадюк, что ежегодно то тот, то другой житель деревни бывал ими укушен, и даже гадюки приползали к людям, как случается читать подобные вещи об южных странах. В лесу я встретил знакомого лесничего, который еще издали приветствовал меня восклицанием: «Ну, если вы сегодня опять хотите ловить гадюк, то вы пришли вовремя; я только что видел их целую кучу». По моей просьбе мой знакомый вернулся, но подвел меня только на известное расстояние к указанному месту, «потому что, — уверял он, — ни за что на свете не подошел бы он к этому комку гадюк, даже не решился бы выстрелить в них, так как злые животные тотчас же бросаются на человека и долго преследуют его». После продолжительных поисков я понял, к величайшему удивлению, что лесник сказал мне действительно правду. Около ольхового пня, окруженного молодыми побегами, совсем близко к тропинке, лежало 65—78 гадюк, свернувшихся и спутавшихся друг с другом самым удивительным образом: самцы и самки лежали вперемешку, несколько парочек уже совокупались, другие свились с ними. Когда я подошел, все они подняли головы, высунули языки и зашипели, но упорно оставались на том же месте, не сделав ни малейшей попытки спастись бегством; они не тронулись даже тогда, когда я стал трогать их и дразнить

* В брачный период самцы устраивают соперничество — так называемые брачные танцы.

** Самки гадюки способны сохранять сперму от нескольких самцов в своих семяприемниках и расходовать ее «по мере необходимости». Таким образом, спарившаяся осенью самка может забеременеть весной следующего года.

прутиком. Поздний час помешал мне предпринять что-либо, поэтому утром на следующий день я снова отправился на это место, не столько ожидая застать еще клубок гадюк, как надеясь встретить многих из виденных вчера животных. Каково же было мое удивление, когда, подойдя к знакомому месту, я нашел не только вчерашних гадюк на прежнем месте, но заметил, что за ночь их число еще увеличилось. Состояние животных существенно изменилось; теперь при ярком солнечном свете они были несравненно спокойнее и равнодушнее, чем накануне вечером, и потому мне удалось с помощью сачка на длинной палке поймать всех их и посадить в хорошо закрытый ящик. Тогда я отправился обратно в Берлин, сгорая от любопытства узнать, что будет дальше. Однако дорога в продолжение нескольких часов и постоянная тряска, вероятно, побеспокоили их: когда я приехал домой, клубок совсем размотался. Десять лет спустя я узнал от преемника того лесничего, что он наблюдал у гадюк совершенно такие же факты».

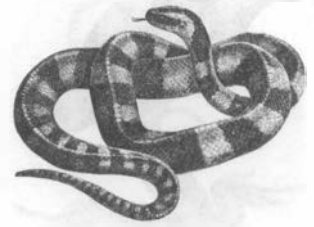
По исследованиям Ленца, гадюки спариваются только тогда, когда достигают почти полного роста; этот исследователь не нашел ни одной гадюки менее 50 см длиной, в теле которой были бы яйца, достигнувшие полного развития. Число детенышей, производимых на свет самкой, зависит от возраста и величины матери: более молодые мечут пять-шесть детенышей, постарше — 12—14, даже 16 штук. Ленц наблюдал и очень подробно описал самый ход рождения. «Когда гадюка кладет яйца, — говорит он, — то лежит вытянувшись и выжимает одно яйца за другим из отверстия кишечника, в котором оканчиваются яйцеводы, понатно попеременно, так что если положено яйцо из одного яйцевода, то второе следует уже из другого. Во время кладки гадюка поднимает хвост криво и часто дугообразно, а туловище ее лежит на земле. Сначала это последнее до самого хвоста равномерной толщины, но как только положено первое яйцо, наблюдатель видит очень ясно, как подвигается следующее, и замечает, что перед каждым яйцом тело сужается, чтобы пропихнуть его дальше и, наконец, совсем выдавить. Между появлением яиц проходят каждый раз несколько минут, иногда четверть часа или даже целый час. В продолжение кладки яиц гадюка, по моим наблюдениям, чрезвычайно спокойна. Как только яйцо положено, находящийся там детеныш вытягивается, разрывает тонкую яичную оболочку и выползает из нее. Но у него на теле висит еще желточный мешок; животное освобождается от него, разрывая во время ползания пупочные сосуды, и тогда, обладая уже полным развитием, не помышляя ни о матери, ни об отце, начинает трудный жизненный путь на собственный страх.

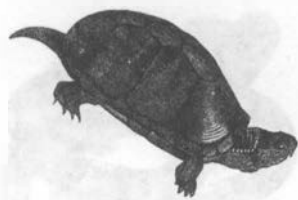
Я должен заметить, что гадюка рождается злой и остается злой до конца жизни. Маленькие гадюки, только что вылупившиеся из яйца и еще мокрые, шипели и сердито кусались, когда я трогал

их, но должен признать, что не все появляются на свет с одинаковой злостью, всегда находятся более спокойные даже между детенышами одной и той же матери. Особенно забавно наблюдать, как маленькие, едва вылупившиеся из яйца гадючки, которые только начинают ползать и знакомиться со светом, обыкновенно не забывают время от времени разевать пасть, высовывают свое смертоносное орудие — ядовитые зубы — расширяют затылок и приготавливаются к предосудительному ремеслу. Тотчас после рождения они бывают от 18 до 23 см длины или немножко больше, а в середине тела имеют сантиметр толщины. Голова, щитки, чешуйки, зубы и прочее у них устроены, как у взрослых, но все тело покрыто очень тонкой, прозрачной и неплотно прилегающей кожей, отчего цвет тела кажется бледнее. Через несколько минут или часов после рождения они сдирают с себя эту кожу, совершенно так же как и взрослые; таким образом, линяние является первым важным делом их жизни. Между родившимися у меня маленькими гадюками я всегда находил только пятую часть самцов, впрочем, и у родившихся на свободе всегда встречаешь гораздо больше самок, чем самцов, между тем как между взрослыми число самок и самцов одинаково. Что может быть причиной этого явления?

Следует еще заметить, что у гадюк нет и следа родительской любви, любви детенышей к родителям и детенышей между собой. Тотчас после рождения каждая маленькая гадюка идет своей дорогой, вовсе не требуя попечения матери, которая и сама совсем не обращает внимания на детенышей: гадюки одного помета не выказывают никакой связи между собой. Маленьких гадюк встречаешь всегда поодиночке, причем каждая очень хорошо сознает свою силу и выказывает много смелости. Однако имеют ли они уже свойственный взрослым смертельный яд, хотя бы в более слабой степени? Вопрос этот заслуживает внимательного исследования. Для этого я вынул из тела убитой матери детеныша, который должен был родиться дней пять спустя, затем я несколько раз проколол иголкой его голову в том месте, где находятся ядовитые железки, и этой иголкой ранил клеста, который от этого вовсе не пострадал. Я повторил этот опыт с другой маленькой гадюкой и с другим клестом и получил тот же результат. Вскоре после этого я пустил мышонка в ящик, где находилось 16 родившихся у меня гадюк, имевших около шести дней от роду. Мышка сначала вовсе не выказывала страха, но, бегая по ящичку взад и вперед, она везде слышала тихое, но сердитое шипение: все гадюки на нее грозно смотрели и кусали ее, когда могли. Она старалась избежать опасности, бегая из стороны в сторону, однако получила десять укусов, из которых самые сильные были в морду и в левую заднюю ногу. Два раза даже случилось, что маленькая гадюка так впилась в мышку зубами, что она некоторое время тащила ее за собой. Я тогда вынул мышку из ящика,

она хромала и усиленно чистила заднюю ногу и мордочку; затем стала слабеть, однако жила после этого около часа и, наконец, околела. Я пустил другого мышонка в ящик с 24 молодыми гадюками, и с ним случилось то же, что и с первым». Другие наблюдения подтверждают сказанное. Из опытов Кирша оказывается, что гадюки через несколько минут после вылупления из яйца уже могут ранить смертельно.

Большой вклад в изучение развития гадюк внес Петри. Этот наблюдатель получил взрослую гадюку, которую один из его друзей хотел убить палкой, и нанес ей настолько сильные повреждения, что животное несколько часов не двигалось. По светлым глазам гадюки Петри понял, что она еще жива и отнес ее в клетку со змеями, стал употреблять оживляющие средства, окропил свежей колодезной водой и особенно обильно полил пораненное место на спине. На следующий день к полудню он нашел змею в ее естественном положении, немного свернувшейся, а по прошествии восьми дней она стала такой же бодрой и так же кусалась как всякая другая змея. Почти через месяц после этого гадюка произвела на свет в один день десять детенышей, из которых четыре были мертвы, а остальные вскоре околели. На следующую ночь змея родила еще одного детеныша, который, подобно другим животным этого вида, особенно сердито кусался и жил с матерью в одной клетке, но 6 декабря околел от истощения. Но 12 декабря, к своему немалому удивлению, Петри нашел в клетке опять троих детенышей, хотя мертвых, но вполне развитых, которых старая гадюка могла родить только в последние холодные дни, так как один из детенышей лежал еще в мягкой, кровавой слизи. Таким образом, через 15 недель после первого помета гадюка принесла еще трех совсем выношенных детенышей. Этот удивительный факт Петри объясняет вполне справедливо, ранением матери и таким предполагаемым положением трех яиц, что их развитие должно было приостановиться до полного заживления раны.

Если Ленц говорит, что гадюка остается злой до конца жизни, то это относится также и к поведению ее в неволе. Во всяком случае, с течением времени ее необузданная и бестолковая ярость несколько притупляется: она кусается меньше и реже, чем вначале, но никогда ее нельзя действительно приручить, никогда не удастся довести до того, чтобы она не кусала хозяина, и поэтому обращение с ней всегда остается опасным. Замечательно то, что даже при самом заботливом уходе она принимает пищу в клетке только в исключительных случаях. «Кажется, — говорит Ленц, — что с той минуты, как змея попадает в ненавистную неволю, она принимает намерение уморить себя голодом, потому что, почти всегда без исключения, она или тотчас же, или через несколько часов выплевывает принятую пищу, даже в том случае, когда ее поймали так ловко, что придавили только хвост. Иногда она вып-

левывает пищу, как только ее поднимут за хвост, чаще, в то время как ее несут домой в капсуле для собирания растений или в мешочке, часто также, когда она уже полежала спокойно некоторое время в отведенном ей помещении. В неволе я давал ей, кроме мышей, маленьких птичек, лягушек, ящериц и других животных, как, например, всевозможных насекомых, мучных червей, муравьиные яйца, дождевых червей, древесных лягушек, птички и черепахи яйца, молодых змей других пород, хлеб, семена и т.д., но она не обнаруживала ни малейшей охоты ко всем этим лакомствам. Она съедала только муравьиных куколок, но не переваривала их надлежащим образом. Я делал попытки впихивать маленьких мышат долго голодавшим гадюкам, причем хватал их левой рукой за затылок, а в правой держал щипцами мышонка, вталкивал его в пасть и пропихивал палочкой в пищевод. Но, к несчастью, подобное предприятие не помогало, через некоторое время гадюка все-таки выплевывала введенную пищу». Такое упорное пренебрежение пищей есть общее правило, но бывают и исключения. Если гадюке устроить клетку, которая очень походила бы на болотную почву, то она иногда решается принимать пищу добровольно. В последнем убедились Эрбер, Эффельдт, а также и я. «Многие испытанные исследователи змей, — говорит первый, — уверяли меня, что наша местная гадюка никогда не ест в неволе, поэтому я перестал снабжать ее пищей. Как же был удивлен, когда однажды вечером в середине октября застал гадюку, в то время как она ела одну из только что убитых молоденьких мышек, которых я незадолго перед этим посадил в клетку!» Эффельдт уверял меня, что между бесчисленными гадюками, которые жили у него в неволе, было несколько таких, которые приучались есть, а одна даже правильно принимала пищу. Но это только исключения; общее правило таково, что пойманные гадюки обрекают себя на голодную смерть и редко выживают дольше девяти месяцев.

Что касается до истребления вредных животных, то среди всех змей гадюка приносит самую большую пользу, а между тем никто не благодарит ее за ее заслуги, все стараются уничтожить ее, где и как только могут! В Германии редко случается, чтобы человек погибал от какого-нибудь хищного животного. Однако постоянно повторяются случаи смерти людей от укусов гадюки. Вероятно, Линк прав, рассчитывая, что в Германии ежегодно умирает два человека от укуса гадюки, и в 20 раз более людей бывают отравлены ее ядом, но спасены*. Блум замечает, что по имеющимся у него сведениям в период времени с 1879 до 1888 года в Германии было 17 смертных случаев от укуса гадюки. Восемь случаев, почерпнутых из газетных и вообще недостоверных сообщений, не были сюда причислены; точно также не учел он и 14 лиц, умерших от укуса гадюки в Фолькмарсдорфе в королевстве Саксония за последние 10 лет, судя по запискам Гейте. «Из 17

** До сих пор известны лишь единичные летальные случаи от укуса обыкновенной гадюки, жертвой при этом обычно становятся дети, укушенные в лицо.*

смертных случаев два приходится на восточную, один на западную Пруссию, два на Померанию, один на Силезию, два на Гессен-Нассау, четыре на Баварию, один на Саксен-Веймар, один на Ольденбург, один на Саксен-Альтенбург, один на Рейс младшей линии и один на Эльзас и Лотарингию. Укусы, не оканчивающиеся смертью, чрезвычайно многочисленны во всей Германии и часто сопровождаются серьезными заболеваниями. Во многих известных мне случаях замечалась продолжительная болезненность, а в некоторых даже полное омертвление укушенного члена. Нелегко назвать точное число укусов при общепринятых сообщениях, которые часто делают в подобных случаях, но я думаю, что без преувеличения можно определить количество укусов за последние десять лет числом 600».

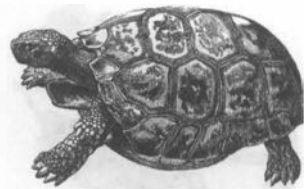
О действии яда у нас есть обстоятельный отчет, который тем более имеет значение, что принадлежит врачу, который испытал это действие на самом себе. Взрослая гадюка укусила Гейнца, как он сам рассказывает, в большой палец правой руки с правой стороны около ногтя; случилось это 28 июня после часа пополудни, когда он хотел перенести змею из одного помещения в другое. День был жаркий, животное — большое и раздраженное — не кусалось уже три дня, место очень удобно для укуса, так как змея могла совсем обхватить его челюстями и всадить зубы во всю их длину. Раны были так глубоки, что места их обозначались только несколькими каплями крови, наполнявшими постепенно ногтевую впадину, но, несмотря на это, боль при укусе была значительная. Хотя рассказчик выставляет себя выносливым на боль, но он задрожал всем телом, точно пораженный электрическим током; в минуту укуса чувствовал совершенно ясно, как боль с быстротой молнии передавалась по большому пальцу к внешней стороне запястья, потом вкось по направлению локтевой кости и выше по руке до подмышки, где ощущение остановилось. «Я перевязал слегка палец, — рассказывает он, — и высосал рану; однако я ее не вырезал, не прижег и не вытравил, потому что вообще не придавал значения этому случаю, а также потому, что составил себе о действии яда неправильное понятие, которое заставляло смотреть на все эти средства, как на не достигающие цели. С момента укуса был точно оглушен, через 5—10 минут почувствовал легкое головокружение и впал в короткое беспамятство, которое перенес сидя. С того времени головокружение не проходило у меня до полудня 30 июня. В 2 часа я во второй раз потерял сознание. Место укуса между тем сделалось синевато-серым, распухло и болело, как и весь палец. Обмороки становились у меня все чаще и чаще; однако усилием воли я мог отдалять их наступление на несколько минут, но зато тогда они были продолжительнее. Вся рука до самого плеча распухла так, что я едва мог поднимать ее; голос сделался таким беззвучным, что меня с трудом понимали; но при большем напряжении я был в состоянии уси-

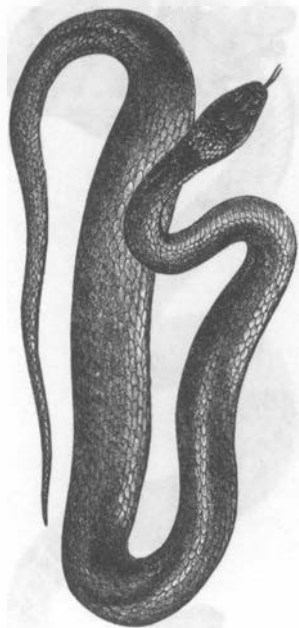
лить его звук. В то же самое время живот стал пухнуть, что сопровождалось сильной болью: после трех часов в первый раз сделалась рвота, вскоре после этого меня прослабило. Затем начались не очень болезненные судороги в небольших участках брюшных мускулов, в различных частях тела и продолжительная судорога мочевого пузыря. Я был слаб в высшей степени, лежал большей частью на полу, плохо видел и слышал, чувствовал мучительную жажду и ледящий холод во всем теле так же, как и в распухшей руке, на которой стали появляться кровоподтеки как раз по направлению, указанному мне первой болью. Теперь боль причинял мне только распухший живот, потому что он делал невозможным глубокое вдыхание. В остальном дыхание не было затруднено, не чувствовалось ни усиленного сердцебиения, ни головной боли.

Окружавшие говорили, что мое лицо до того исказилось и осунулось, что я сделался совершенно неузнаваем. Часто я бредил, но вообще, когда не лежал в обмороке, был в полном сознании. Иногда я начинал говорить, но от слабости не мог или не хотел закончить предложение. В 7 часов, то есть через шесть часов после укуса, обмороки, общие судороги, рвота и понос прекратились, а вскоре после этого прошла и боль живота. Я выпил несколько глотков настойки опия и провел ночь, хотя без сна, но спокойно в постели, только боль распухающего тела беспокоила меня. Опухоль распространялась следующим образом: когда я в 7 часов исследовал свою руку, то вся она от самых пальцев распухла почти вдвое; укушенное место было синевато-черное и от него шел неправильный ряд синеватых и красных пятен по внутренней стороне запястья к локтю, и продолжался по всей руке до плеча. Подмышка также сильно и равномерно распухла, иногда нельзя было прощупать ни сосудов, ни желез». В течение первой ночи рука распухла еще больше, и число кровоподтеков увеличилось настолько, что вся она покраснела и посинела. Опухоль и кровоподтеки распространились с плеча через грудь до края ребер, а на следующий день и на подвздошную кость; в распухших местах, температура которых была чуть-чуть выше, чем в остальном теле, боль усилилась, и больной чувствовал некоторое облегчение только во время испарины. Чувствительность при давлении и напряжении уменьшилась от мази, прописанной другим доктором, но каждая попытка подняться вызывала головокружение или продолжительный обморок. Когда выступал пот, боль и головокружение значительно уменьшились. Затруднение мочеиспускания продолжалось, пульс был маленький и слабый, аппетит хороший, сон в высшей степени беспокойный.

30 июня опухоль и кровоподтеки распространились в сторону по брюшной стенке, а также на бока до половины бедра, но дальше опухоль не пошла, а стала заметно опадать на пальцах. После продолжительной испарины к полудню прошло головок-

Семейство
гадюковые

ружение, а после полудня больной мог встать на несколько часов. Хотя рука еще сильно болела, пульс был все еще мал и слаб, неприятное ощущение холода продолжалось, однако мочеиспускание несколько облегчилось, аппетит был хороший и жажда умеренная. 1 июля опухоль кисти руки, живота и бедер опала, и одновременно прекратилось затруднение мочеиспускания, но оставалась еще значительная слабость, и все остальное было в прежнем состоянии. 8 июля опухоль всей грудной клетки опала, и новые кровоподтеки, которые постоянно образовывались в течение последних трех дней, показались в последний раз. Сон сделался спокойнее, хотя рука все еще сильно болела, а худоба и бледность лица были очень заметны. В течение последующих восьми дней опухоль и кровоподтеки совершенно исчезли, но еще в продолжение трех недель ощущалась легкая боль при испражнении. «Сегодня, 10 августа, через шесть недель после укуса, — заключает Гейнцель, — к вечеру показалась легкая опухоль правой руки. Кожа на всех распухших местах получила грязноватую окраску и стала очень чувствительна к нажиму и перемене погоды. Я не могу лежать на правом боку, вся правая рука бессильна и болит очень сильно иногда часами. Я сильно похудел, не совсем еще избавился от озноба, часто без всякой причины чувствую целый день слабость и цвет лица у меня переменился. Я убежден, что укус непосредственно в большую вену почти всегда влечет за собой смерть, и в подобном случае все попытки лечения бесплодны».

По опытам Боллингера, при смертельных случаях отравления от укуса гадюки, смерть наступает в промежуток времени от одного часа до трех недель. Из 610 укушенных, о которых Боллингер получил сведения, умерло 59 человек: в этом случае смертность составляла приблизительно 10 %, но, по очень добросовестным сопоставлениям Блума, она составляет только 2,83%.

Как продолжительное действие может вызвать укус гадюки, как одна капелька жидкости из ее зуба может отравить целую жизнь, показывает случай, сообщенный Ленцом, который я хочу пересказать здесь. Марта Елизавета Эгерт, из Вальтерсхаузена, 60-летняя женщина в то время, когда Ленц писал свое «Исследование о змеях», пошла как-то, еще будучи 19-летней девушкой, босиком в степь и была укушена гадюкой в ногу. Сначала она обратила на это мало внимания, но скоро нога начала пухнуть, опухоль и боль быстро распространились до верхней части туловища, так что она упала и не имела сил идти дальше. К счастью, с ней была мать, которая и помогла девушке добраться до дома. Позвали хирурга, который применял много средств. Состояние больной постепенно улучшилось, но до 40 лет нога болела, причем на ней постоянно выступали желтые, синие, красные пятна и чувствовалась боль. До этого времени, по совету разных знакомых и кумушек, пробовали то то, то другое средство. Но вдруг

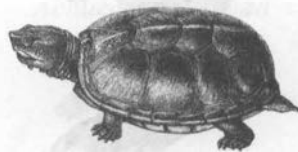
болезнь ноги исчезла и перешла на глаза, которые сильно болели некоторое время, затем больная совсем ослепла. По прошествии двух лет глаза постепенно выздоровели и стали опять видеть, но болезнь распространилась теперь по всему телу и выражалась болями в различных частях туловища и в конечностях. Так больная и оставалась в этом состоянии, а под конец еще почти совсем оглохла. Долголетие у них в роду, потому она до сих пор окружена родственниками, которые очень хорошо помнят все течение ее недуга. Удивительно, что человек может дожить до старости при подобных страданиях, но ужасно, что целую долгую жизнь он обречен мучиться. Кто же, прослушав эту грустную историю, не присоединится к моему желанию, чтобы были приняты серьезные меры для предотвращения подобного несчастья!

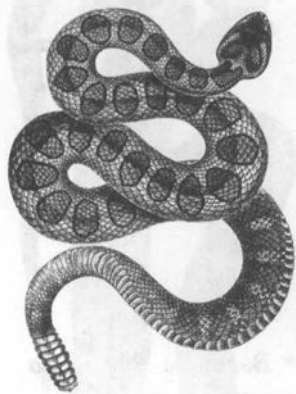
Тот, кто из преувеличенной любви к животным защищает змей, несомненно, грешит против людей. Лучше, повторяю, уничтожать всех змей, ядовитых и неядовитых, чем терпеть, чтобы хоть один человек лишился жизни из-за них, или чтобы жизнь хоть одного человека превратилась в непрерывное страдание из-за их адского яда*. Поэтому охраняйте естественных врагов змей, прежде всего хорька, ежа и змеяеда и безжалостно преследуйте самих гадюк и всю их породу! Каждый учитель должен давать своим ученикам наставления о гадюках, научить их, как они могут, не подвергая себя опасности, уничтожить подобное животное, если оно им встретится, каждый отец должен сообщить своим детям, что один сильный удар, притом по хребту гадюки, убивает ее, как бы живуча она ни была! Только никогда не надо попадаться впроак и брать убитое животное без необходимой предосторожности, потому что у гадюки способность движения остается еще долгое время после того, как ей был нанесен смертельный удар, а опасность ее ядовитых зубов не уменьшается даже в том случае, если ей отрубят голову. Отрубленная змеиная голова старается укусить вас почти так же свирепо, как и раньше, когда змея была жива, несколько десятков минут после обезглавливания поворачивается она в ту сторону, с которой, по ее предположению, угрожает опасность, что показывает, как долго не прекращается деятельность ее ничтожного и малоразвитого мозга. «Ужасно смотреть, — говорит Линк, — как такая окровавленная голова несколько раз открывает пасть, высовывает ядовитые зубы и с жадной мести старается схватить палец, который ей показывают». Повторяю, что яд теряет силу далеко не так скоро после смерти; многие произведенные в этом отношении опыты показывают, что даже высушенный и затем снова растворенный яд способен отравить кровь млекопитающего. Итак, большая осторожность должна быть внушена каждому, кто выказывает охоту способствовать уничтожению ядовитых змей. Даже способ, рекомендуемый со многих сторон, который состоит в том, что выгоняют свиные стада в поля, посещаемые гадюками, скорее может принести убыток,

Семейство гадюковые

** Взгляды Брема на уничтожение ядовитых змей, безусловно, слишком категоричны. Люди уничтожают много змей. Общий объем заготовок обыкновенных гадюк, например, в Западной Сибири с целью сбора яда для приготовления различных препаратов за пять лет (с 1972 года) составил около 41 500 особей. Только в Новосибирской области в 1966—1973 годах было выловлено 9 783 обыкновенные гадюки.*

* Описанные средства устарели. Во многих случаях достаточно применения противоаллергических и успокоительных препаратов.

чем иметь успех. Тем из моих читателей, которые живут в местностях, зачумленных змеиным отродьем, я бы посоветовал ночные охоты. По вышеприведенным опытам я думаю, что вернее всего можно очистить местность от гадюк, приманивая их ночью на зажженный огонь и затем убивая. Сапоги, доходящие до колен, совершенно защищают от укусов змеи; таким образом, охотник, запасшийся ими, не подвергается ни малейшей опасности, а сама по себе охота, наверно, доставит удовольствие каждому. Во всяком случае, надо бы попробовать это средство.

Что касается лечения лиц, имевших несчастье быть укушенными гадюкой, то я скажу еще раз, что по нашим теперешним сведениям, самое действенное из всех бесчисленных средств, которые были испробованы, это спирт, коньяк, ром или водка, принятые в большой дозе; таким образом, каждый в состоянии лечить укушенного гадюкой, потому что водку можно достать в самой маленькой деревушке. Среди горных жителей верхней Баварии это превосходное средство известно всем и каждому, как я узнал из верного источника, и почти постоянно успешно применяется на деле. Для успокоения тех, кто опасается худших последствий от этого лекарства, чем опьянение, я говорю с убеждением, что люди, заболевшие от укуса гадюки, нисколько не хмелеют даже от неумеренного приема водки. Если, кроме того, высасывают укушенное место, вырезают или прижигают, или же до прибытия медицинской помощи привязывают на это место какой-нибудь твердый предмет, например, камешек, так туго, как только можно вытерпеть — все это, по моему мнению, не заслуживает особенного одобрения. Еще надо заметить, что в новейшее время советуют промывать рану обеззараживающим раствором марганцово-кислого калия (2 % на сто) или карболовой кислоты (5 % на сто)*.

Асписовая гадюка (*Vipera aspis*), достигает почти таких же размеров, как и обыкновенная гадюка, но большей частью она короче и толще, а голова у нее шире. Самый верный признак отличия одного вида от другого составляют ряды чешуек, отделяющих глазное яблоко от лежащих под ним верхнегубных щитков, а особенно вздернутая морда. На спине не видно или, по крайней мере, видна реже, чем у гадюки, непрерывная зубчатая полоса. Вместо нее — отдельные большие пятна, расположенные таким же образом, как те, которые составляют полосу на спине у гадюки. Окраска фона, на котором выделяется темный рисунок, принимает самые разнообразные оттенки, от беловато-серого до пепельного или серовато-зеленого и от светло-коричневатого до медно-красного или темно-коричневого цвета; у асписовой гадюки, как и у обыкновенной гадюки, самцы обыкновенно светлее самок. Чтобы дать описание, взятое прямо с живых экземпляров, приведу слова Шинца: «Спина покрыта четырьмя продольными рядами черных или темно-бурых пятен, из которых пятна двух

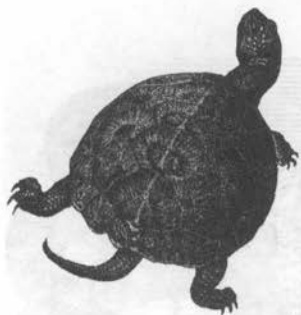
средних рядов почти четырехугольные и лежат близко друг к другу, но редко образуют зубчатую полосу, хотя они более или менее соединяются и иногда связаны по углам черной узкой полоской, идущей посреди спины; боковые пятна меньше, нижние части черные с белыми пятнами, а иногда встречаются пятна цвета ржавчины». Длина колеблется между 50 и 60 см; хвост, который к кончику на нижней стороне желтого, как сера, или оранжевого цвета, составляет шестую или восьмую часть всей длины тела. Миллер разделяет швейцарских асписовых гадюк на две формы: живущую в долинах, с треугольной головой, сплошь покрытой чешуйками, и горную, по рисунку тела и более узкой голове приближающуюся к гадюке. К первой форме относятся экземпляры из Юры, Ваадта, из нижней главной долины Валлиса, а к горной — из Верхне-Ронской долины и боковых долин Валлиса, также часть экземпляров из Зимменталья.

Надо еще заметить, что Линней называл асписовую гадюку аспидом (*Coluber aspis*); в большей части старинных учебников зоологии она названа *Vipera redii* в честь итальянского ученого, которому мы обязаны прекрасными наблюдениями над ней и над действием ее укусов.

«Тогда как обыкновенная гадюка, — замечает Штраух, — живет в средней и северной частях евроазиатского материка и

Асписовая гадюка
(*Vipera aspis*)

сравнительно маленькая часть области ее распространения принадлежит Средиземному морю, асписовая гадюка водится исключительно в странах, окружающих это море, и удаляется от него только во Франции, Швейцарии и Германии. Круг ее распространения тянется приблизительно от 16 до 34 градуса восточной долготы и достигает на севере приблизительно 49 градуса, между тем как на юге только незначительно переходит за 37 градус северной широты». Асписовая гадюка распространена на большом пространстве во Франции, особенно в южных департаментах, а в северных попадает реже; она водится также в окрестностях Метцы, очень обыкновенна в Швейцарии, на Юре и в некоторых частях Ваадта, Валлиса и южного Тессина; в Италии это самая обыкновенная ядовитая змея, которая встречается на всем полуострове и в Сицилии, исключая счастливый остров Сардиния, свободный от ядовитых змей; ее нет даже в Далмации, Греции и в северной Африке. По словам Видера, с приближением зимы она покидает горы и переселяется в равнины ближе к человеческому жилью, чтобы там провести суровое время года. Ее находят в сухих, теплых, каменистых местах, реже в лесах и рощах, чаще у заборов, около стен или подле кучи камней, утром и вечером, перед грозой; весной она встречается большей частью парами, так что, найдя самца, обыкновенно скоро замечают и самку. Последнее сообщение вполне может подтвердить Гредлер, опираясь на случай, когда он поймал пару асписовых гадюк, местопребывание которых было открыто таким образом, что заметили одну змею из пары. Тот же самый исследователь наблюдал одну асписовую гадюку в 9 часов вечера, о чем я упоминаю только потому, что считаю важным приводить все наблюдения, доказывающие их ночную жизнь или же, по крайней мере, говорящие об этом факте.

По своим привычкам асписовая гадюка обнаруживает очень большое сходство с обыкновенной гадюкой. «Ее движения, — говорит Шинц, — медленны и неуклюжи. Сама она пуглива и старается спастись бегством и только в том случае, если это ей не удастся, если ее тронули или случайно наступили на нее, она готовится к обороне и кусается. Если поставить на нее ногу, то она защищается, но кусает также палку или другие предметы, которыми ее хотят схватить».

Вероятно, что асписовая гадюка питается тем же, чем и обыкновенная гадюка, то есть преимущественно охотится за различными видами мышей. По словам Видера, она питается главным образом кротами, которые умирают от ее укуса через 8—10 минут, но она не кусает и не ест ни пресмыкающихся, ни амфибий, потому что ее яд действует только на теплокровных животных. Сеттари также уверяет, что кошки застрахованы от яда асписовых гадюк, и говорит, что неоднократно производил опыты, доказывавшие это. Я сомневаюсь и в том, и в другом, потому что, опи-

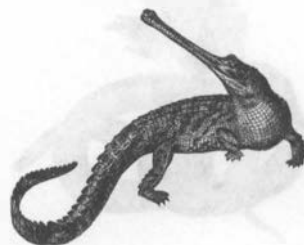

раясь на приобретенные раньше сведения, не могу понять, почему яд асписовой гадюки может действовать не так, как яд обыкновенной гадюки. Другое сообщение Сеттари во всяком случае вернее: она «прилежно охотится за мышами на лугах и очень любит лежать в теплые дни под кучами скошенной полусухой травы, почему косари часто бывают укушены ею за руки и ноги». Видер не может сказать, чем питаются маленькие асписовые гадюки, которые не в состоянии проглотить ничего большого; я считаю вероятным, что они едят вначале маленьких ящериц, как это делают молодые гадюки.

Асписовая гадюка только на третьем году жизни становится способной к размножению. Спаривание происходит в апреле и продолжается больше трех часов, как однажды наблюдал Видер. При этом самец и самка так тесно соединены, что, застигнутые в это время, не могут оторваться друг от друга. Приблизительно через четыре месяца после совокупления самка мечет 8—15 вполне развитых детенышей, около 20 см длины, которые с первого же дня жизни обнаруживают злой нрав и усердно кусаются.

В неволе асписовая гадюка ведет себя так же, как и обыкновенная гадюка. Она никогда не делается ручной, остается всегда коварной, хотя через несколько месяцев отчасти утрачивает ярость; после полугодового заключения она все еще кусает хозяина и редко решается принимать пищу. «У меня было несколько асписовых гадюк, — говорит Видер, — которые ничего не ели в течение 16 месяцев, но часто пили воду». Совершенно так же, как и обыкновенная гадюка, она вскоре после того, как ее поймают, выплевывает только что проглоченную пищу. Наш исследователь поймал асписовую гадюку, у которой было очень толстое тело, и в гостинице посадил ее в бутылку, за неимением другого сосуда; на другое утро он немало удивился, найдя в бутылке большого крота. Вытащить этого крота из бутылки оказалось гораздо труднее, чем посадить туда змею вместе с добычей, находившейся у нее в желудке. Одна пойманная асписовая гадюка, которую Гредлер держал в строгом заточении, совсем не подтвердила наблюдений Видера: она съедала подряд трех ящериц, пила воду и даже линяла. С другими змеями асписовая гадюка живет в мире, как на свободе, так и в клетке, и те ее не боятся, но, при появлении домашней мыши или крысы, она тотчас же принимает угрожающую позу и кусается. Домовая мышь умирает через пять минут от единственного укуса, крыса же через 20 минут и обыкновенно предварительно мстит своему коварному врагу. «Зимой, — рассказывает Видер, — я держал в стеклянном ящике пять асписовых гадюк средней величины. Однажды я посадил к ним большую крысу и думал, что ее скоро закусуют и она издохнет. Но этого не случилось: все общество жило в полнейшем мире. Я кормил крысу хлебом и другими припасами в течение нескольких недель; когда же должен был уехать на восемь или десять

Семейство гадюковые

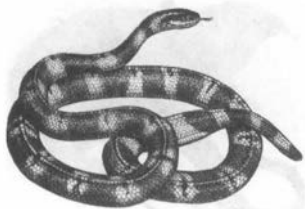
Семейство
гадюковые

дней и ей нечего было есть, мир был нарушен. По своем возвращении я нашел крысу очень бодрой, а пять асписовых гадюк были съедены до косточки».

Асписовая гадюка — это та самая змея, над которой, кроме Реди, также и Фонтана производил исследования, ставшие знаменитыми. При дворе Тосканского великого герцога Фердинанда II, который сам занимался науками и поддерживал выдающихся людей, была рассмотрена и асписовая гадюка. До того времени (XVII в.) имелись только сообщения древних, и им верили, не заботясь о том, чтобы собственными наблюдениями исследовать истину. Некоторые из ученых мужей, с которыми Реди имел сношения, утверждали, что яд асписовой гадюки помещается у нее в зубах; другие говорили, что ядовиты не зубы сами по себе, а сок зубных мешков, и что притекает он из желчной сумки, потому что желчь змеи, даже если ее проглотить, действует как страшнейший яд; третьи думали, что яд находится в слюне, и, наконец, четвертые присоединялись к мнению древних, что все зло заключается в кончике хвоста. Начали исследования с желчи, потому что за нее было мнение большей части присутствующих, опиравшихся на показания Галена, Чезальпино, Кардано и многих других знаменитых врачей. «Собрание этих высокоученых имен, — говорит Ленц устами Реди, — могло бы испугать любого человека; но, нимало не заботясь о них, Яков Коцци, охотник за асписовыми гадюками, который, стоя в углу, слушал все ученое изложение, подошел, смеясь, взял желчь змеи, бросил ее в воду и проглотил без рассуждений. Это было поистине веское доказательство, однако собравшиеся господа не поверили проделке и предположили, что у него в желудке было какое-нибудь противоядие. Поэтому они давали желчь асписовой гадюки многим животным, но все они оставались здоровыми, а кошка, проглотившая желчь, стала даже с удовольствием облизывать свою мордочку. После многочисленных опытов над животными, которым вводили желчь в раны без всякого для них вреда, господа, предполагавшие ядовитость желчи, были разбиты на голову.

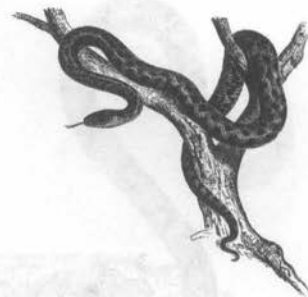
Охотник за асписовыми гадюками скоро положил также конец спорам о жидкости, находящейся в пасти змеи; он взял большую, злую гадюку, старательно вымыл ее пасть и зубные мешки вином и затем спокойно выпил эту настойку; на следующий день повторил то же с тремя другими гадюками. Козел и утка, которым приготовили такой же напиток, чувствовали себя также хорошо, но когда большому количеству молодых кур и голубей ввели в раны желтый сок, находящийся в зубных мешках животных и мертвых змей, то все они умерли». Таким образом, яд был довольно скоро обнаружен. Для того чтобы опровергнуть басни древних писателей, Бреди производил самые разнообразные опыты: испробовал всевозможные травы, которые рекомендовались как противоядия, и нашел, что они никуда не годны;

убивал массу асписовых гадюк, жарил их мясо и кости, сжигал их затем в пепел и применял добытые из щелока соли, для того чтобы убедиться, что они действовали точно так же, как вещества, полученные аналогичным путем из других животных. Так как Аристотель, Никандр, Гален, Плиний, Павел Эгинет, Серапион Владимирский, Авиценна, Лукреций и позднее многие другие знаменитые писатели утверждали, что человеческая слюна убивает ядовитых животных, то Реди впрыскивал ее гадюкам в продолжении 154 дней, однако без малейшего для них вреда; он бросал им все те листья, к которым, как говорили древние, ядовитые змеи чувствуют ужасное отвращение, и с удовольствием замечал, что асписовые гадюки не только не боялись их, но, наоборот, заползали на эти листья. Он отверг мнение, что гадюка сама по себе может употребляться как целебное средство против укусов других змей этого рода, вообще доказал, что уверения древних писателей не были основаны на беспристрастных наблюдениях.

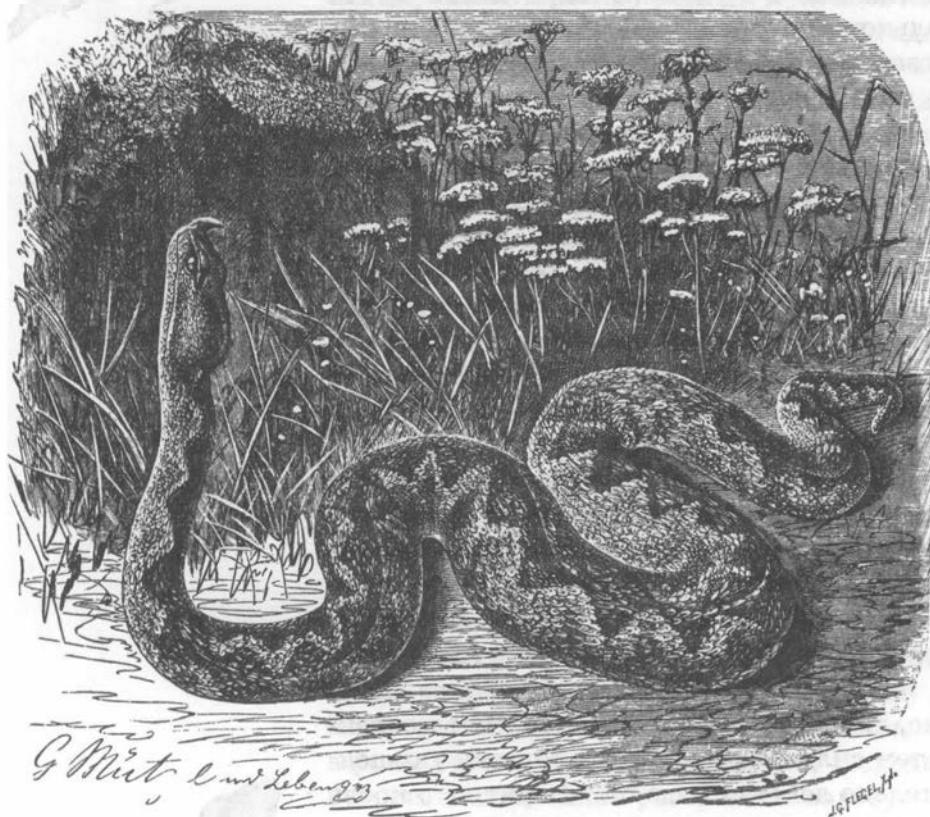
В конце XVIII столетия Фонтана стал продолжать исследования Реди. «Яд асписовой гадюки, — говорит он, — не есть кислота; он не делает красным лакмус, не меняет цвета фиалкового сиропа, который только немного желтеет, если в него добавят много яда. Соединенный со щелочными солями, он не шипит и очень медленно смешивается с ними; в воде тотчас же опускается на дно. Он не горит, высушенный имеет прозрачный желтый цвет и липнет как смола; в зубах мертвой гадюки остается годами, не изменяя цвета и не теряя прозрачности; его можно развести в теплой воде и он все еще смертелен; высушенным его сохраняли около десяти месяцев, и он не терял своей силы» Из бесчисленных опытов, произведенных им, Фонтана выводит следующие заключения: при одинаковых условиях самая большая асписовая гадюка есть в то же время и самая опасная. Действие яда усиливается вместе с гневом животного. Чем дольше оставляет гадюка ядовитые зубы в ране, тем вернее она отравляет. Чем медленнее умирает животное, тем сильнее развивается болезнь укушенной части тела. Относительно действия яда он говорит, что кровь укушенного животного свертывается, плазма отделяется от кровяных телец и распространяется по ткани, что приводит к прекращению кровообращения и смерти. Кровь, разделенная на сгустки и водянистую часть, начинает быстро разлагаться и вызывает омертвление всего тела. Лягушки после укуса гадюки могут жить гораздо дольше, чем теплокровные животные, потому что они долгое время могут обходиться без дыхания и кровообращения, не умирая от этого. Фонтана сообщает, что яд асписовой гадюки не убивает ужа и это подтверждено двумя французскими учеными.

Насколько обширны опыты этого знаменитого ученого, доказывается приводимыми числами. У него было более 4000 укушенных животных, для чего он употребил около 3 000 асписовых

гадюк; применял все противоядия, известные ему, и не только над одним животным, а сразу над дюжинами их, и в строгом смысле слова пришел к заключению, что нет противоядий. По его мнению, человек, укушенный асписовой гадюкой, не умирает; надо, по крайней мере, пять-шесть таких змей, чтобы убить человека. Это сообщение, к сожалению, не нуждается в исследовании, так как мы знаем, если и немного, то все же несколько случаев, когда люди умирали от укуса только одной асписовой гадюки.

Носатая гадюка (*Vipera ammodytes*) имеет мягкий рогообразный придаток на носу, покрытый чешуйками и похожий на

Носатая гадюка
(*Vipera ammodytes*)

конусообразную бородавку. Она отличается от обыкновенной гадюки покровом головы, на которой кроме надглазных щитков нет больших пластинок, но очень похожа на нее по внешнему виду; даже окраска и рисунок их обеих имеет большое сходство. Голова покрыта маленькими, более или менее черепитчатыми чешуйками с очень неясным килем, вдоль туловища проходят 21, в редких случаях 23 ряда подобных чешуек большего размера с острым килем. Господствующая окраска

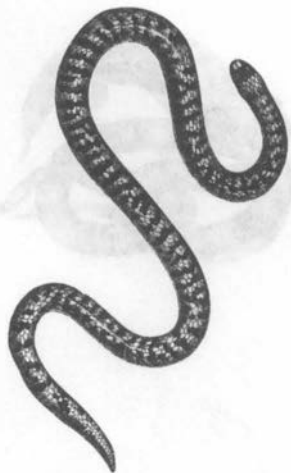
так же переменчива, как и у прочих видов: большей частью она бывает желтовато-бурого цвета, но также беловато-серого, у отдельных экземпляров с большей или меньшей примесью красного, у некоторых даже прекрасного розовато-красноватого цвета, действительно великолепного; рисунок находится в бурой зубчатой полосе, которая начинается на затылке и идет через все тело и хвост и состоит из продолговатых ромбоидальных пятен, соединяющихся между собой углами. Черные полосы ограничивают с боков среднюю полосу, так что она еще ярче выступает на общем фоне. Щитки нижней части тела желтоватого цвета с черными точками и крапинками. Смотря по окраске фона и по более или менее ясно выделяющейся зубчатой полосе, носатая гадюка име-

ет очень разнообразный вид, но ее всегда легко узнать и определить по наросту на носу. Хвост на нижней стороне у самого конца принимает яркий кирпично-красный цвет. Длина на несколько сантиметров больше длины сходных с ней видов; однако экземпляры в 95 см составляют большую редкость.

Носатая гадюка живет в Италии, в австрийских Альпах, в Истрии, Далмации, южной Венгрии, Семиградье, на Греческом архипелаге, в Турции, Сирии, Малой Азии и Армении. В Каринтии, по словам Галленштейна, чаще всего встречающаяся ядовитая змея, в Крайне и Истрии она обыкновенное явление, в Тироле, по словам Гредлера, нередко попадает, хотя ограничивается незначительной областью распространения; вблизи Боснии, в южной Венгрии и Далмации обыкновенна. Эффельдт нашел ее уже под Пресбургом, и, начиная отсюда, находил везде по направлению к югу, особенно часто вблизи Мехадии; Эрбер встречал ее в Далмации, Эдгард в виноградниках на Кикладских островах, Бори де Сент-Венсане и все позднейшие путешественники в большом количестве в Греции. В Италии она распространена гораздо больше, чем обыкновенно полагают, и северу полуострова так же свойственна, как и югу.

Шрейбер называет носатую гадюку вполне ночным животным; днем ее встречают очень редко даже в таких местах, где она принадлежит к самым обыкновенным змеям. «В это время она еще охотнее вылезает из своей норки после теплого грозового дождя, особенно если после него сразу выглянет солнышко. Ночью же, наоборот, она правильнее выползает, и тогда ее можно наблюдать на подходящих местах, особенно в лунные ночи, как она ползает часто во множестве и ищет добычи. Условия почвы, которые выбирает эта змея для местожительства, не везде одинаковы; в некоторых местах, как, например, в южных Альпах, она водится исключительно в известковых горах и преимущественно на твердых, изредка поросших кустарником местах, тогда как на Балканском полуострове особенно часто попадает в виноградниках. Вообще в совершенно плоской местности она встречается редко, а чаще в холмистых или гористых местах. Насколько высоко она поднимается в вертикальном направлении, я точно не могу определить, но сам поймал носатую гадюку в южных Альпах на высоте около 1145 м над уровнем моря. Это животное довольно чувствительно к холоду, потому что из всех змей, населяющих с ней одну и ту же местность, она последняя появляется и обыкновенно раньше других исчезает. Пища, по всей вероятности, состоит исключительно из мышей».

Напротив того, Бедряга замечает, что, по крайней мере, в Греции не приходится называть носатую гадюку исключительно ночным животным. «В Греции я встречал ее, — говорит он, — наоборот, постоянно в полдень, когда она грелась на солнце в местах, совершенно лишенных зелени. Чтобы поймать ее, я должен был

выбирать самые светлые и теплые дни, потому что при этих условиях она обыкновенно теряет всякий страх и свободно ожидает врага, чтобы в подходящий момент пустить в ход свои страшные зубы».

Она живет в одиночку, однако, по словам Эффельдта, встречается парами еще иногда в мае, то есть долгое время спустя после спаривания; выбирает убежище под камнями или в отверстиях почвы, в кустах, даже в лесах и на открытых полях или на межах между ними, но особенно охотно поселяется в виноградниках. По Гредлеру, в Тироле она появляется уже в марте и встречается еще поздней осенью; на островах Киклады почти не впадает в зимнюю спячку, но остается деятельной целый год напролет. Эффельдт никогда не наблюдал ее в полуденное время, но или ранним утром, или поздно вечером; наш наблюдатель находил ее часто в большом количестве даже на таких местах, которые напрасно обыскивал днем, когда в теплые вечера, через четверть часа после захода солнца, выходил искать змей с фонарем в руках. «На мысль о подобного рода охоте, — рассказывал он мне, — я был наведен сообщением венгерского крестьянина, которого расспрашивал об этом животном, и у которого просил помощи. «Днем, — говорил мне этот человек, — будет трудно собирать ядовитых змей, но вечером это не представит никаких затруднений: надо только зажечь огонь, тогда их приползет столько, что можно наловить сколько угодно». Я последовал этому совету в тот же вечер, и результат подтвердил справедливость сообщения, казавшегося мне тогда маловероятным. Мой охотник за змеями и я поймали за одну ночь 21 змею».

По наблюдениям Эрбера, носатая гадюка питается мышами, птицами и ящерицами, причем умеет очень хитро подстергать птичек и смертельно ранит простодушных пернатых певцов часто во время пения. «С жалобным криком поднимается птичка еще раз в воздух, но тотчас же падает на землю и умирает через несколько минут, после чего змея съедает ее».

О размножении носатой гадюки не имеется особых наблюдений; но, из сообщений Эффельдта и Эрбера, видно, что спаривание происходит приблизительно в то же время, как и у обыкновенной гадюки, детеныши выводятся в августе или сентябре. В сентябре одна самка, пойманная Эрбером, родила двух детенышей, которые, к сожалению, оба появились на свет мертвыми, может быть, недоношенными, потому что они были еще в яичной оболочке.

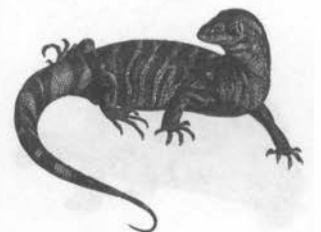
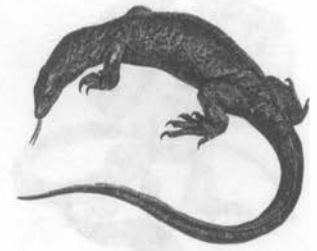
Первые пойманные носатые гадюки, полученные Эффельдтом, были присланы ему с замечанием, что они ни разу не принимали пищу в клетке; но как раз эти два экземпляра опровергли подобное утверждение, так как одна из них, без дальних рассуждений, схватила и проглотила брошенную ей мышь. Впоследствии то же наблюдение повторялось несколько раз. Некоторые экземпляры даже отличались прожорливостью, отнимали корм у дру-

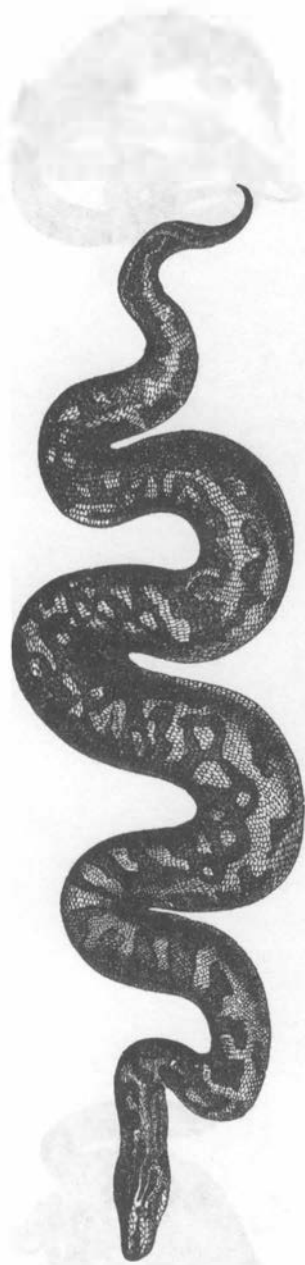

гих змей, а у слабейших со злобным шипением вырывали из пасти наполовину проглоченных мышей и насыщались ими. Так как живые мыши, которыми сначала кормили змей, иногда не сразу бывали убиты ленивыми носатыми гадюками и грызли ящик, то Эффельдт стал бросать только мертвых мышей; но змеи не пренебрегали и ими, а под конец так привыкли к этому корму, что перестали пускать в ход свое оружие, когда схватывали мышь, безразлично мертвую или нет. Однажды Эффельдт оглушил мышь ударом и бросил ее носатым гадюкам. Она тотчас же была схвачена и проглочена, но при этом очнулась, начала шевелиться и царапаться. Так как гадюка схватила ее сзади, то мышь старалась выкарабкаться и пробиралась вперед, и гадюка должна была напрягать все силы, чтобы возвращать ее назад. Через некоторое время змея решилась выплюнуть сопротивляющуюся добычу. Мышь еще была жива, но превратилась в неузнаваемый комок, весь покрытый слюной; она еще билась несколько минут и затем умерла. Но носатая гадюка тоже оказалась больной и околела часа через три, может быть, вследствие внутренних повреждений, причиненных ей мышью.

По наблюдениям Эффельдта, носатая гадюка отлично уживается с другими змеями, даже с неядовитыми; вообще она сравнительно миролюбивое животное и, пока не рассержена, не обращает внимания на других животных, исключая мышей и птиц. Она не так свирепо бросается на хозяина, как обыкновенная гадюка, мало-помалу выучивается кое-чему до известной степени, и поэтому принадлежит к тем немногим ядовитым змеям, которые доставляют радость любителю.

«В сентябре 1857 года, — рассказывает Эрбер, — я получил из Далмации двух носатых гадюк, а в начале декабря еще третью. Пара из них живет у меня до сих пор (1863). Они не впадают в зимнюю спячку, хотя я ставил их в прохладное место, но аккуратно каждую неделю съедали по одной мыши, которая никогда не жила больше пяти минут после укуса. Два раза я даже видел, как мышь, укушенная в голову, падала с жалобным писком и моментально умирала. Только на следующий день или даже через день после этого змея проглатывала свою жертву, и, право, ей стоило немалого труда справиться с животным, успевшим сильно окоченеть; часто ей это удавалось только после трех или четырех бесплодных попыток, но всегда она проглатывала добычу ночью; по крайней мере, я никогда не видел, чтобы она ела что-нибудь днем. Вообще ночь — это ее время: она тогда гораздо живее, чем днем. Ночью она следит за каждым движением руки, между тем как днем лежит совершенно спокойно и особенно усердно ищет солнечного тепла. Она пьет часто и охотно, относительно людей не особенно раздражительна, но относительно животных — очень; например, вид собаки легко приводит ее в бешенство, и она выказывает это тем, что сильно шипит и

приподнимается. Она нелегко обращается в бегство, но большей частью принимает выжидательное положение, из которого неохотно позволяет себя потревожить. В декабре 1857 года мне принесли совершенно взрослую крысу, которая попала в капкан за заднюю ногу. Животное было чрезвычайно живое, и всеми средствами старалось освободиться. Тогда я вынул из клетки носатую гадюку-самца, положил ее на пол и принес крысу ближе к ней. Змея тотчас же приняла угрожающий вид и укусила крысу при первом ее движении. Тогда я посадил змею назад в ее помещение, а крысу выпустил в кухню. Сначала она хотела спрятаться, но скоро добровольно вышла наружу, стала жадно искать чего-то вокруг, и, казалось, совсем потеряла страх к людям. Я налил ей немного воды, которую она выпила с жадностью. Но через несколько минут стала беспокоиться, оцетинилась, потом съежилась и на некоторое время оставалась спокойной, затем снова вытянулась, перекувырнулась и издохла с продолжительным визгом; со времени укуса не прошло и четверти часа.

Относительно действия укуса на других пресмыкающихся и земноводных я получил следующие сведения. На обыкновенных и водяных ужей, медянок и эскулаповых полозов укусы не производят никакого действия; у всех ящериц, наоборот, за укусом почти в ту же минуту следовали паралич и скорая смерть. Не то с жабами, которые несколько дней бывают больны, но затем снова поправляются и принимают пищу. У тритонов, после укуса снова посаженных в воду, выказывается только одно явление, это то, что они глотают воздух через каждые две минуты, тогда как обыкновенно это случается в промежуток времени 8—10 минут; но если их держать в сыром мху, то они умирают через несколько минут. То же самое можно сказать и об укушенных саламандрах, которые покрываются перед смертью белой пеной. Отравленные животные тотчас же после смерти коченеют.

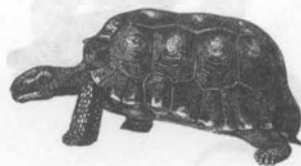
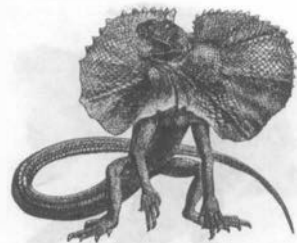
Что касается действия укусов на человека, то я в состоянии привести только один случай, который, к сожалению, испытала на себе моя жена. Я предоставляю ей самой рассказать об этом происшествии. «Во время отсутствия мужа я заботилась о кормлении пойманных пресмыкающихся и земноводных и чистке их клеток. Чтобы снабдить носатых гадюк свежей водой, я поставила три клетки на стол, открыла одну из них и длинными щипцами поставила сосуд с водой опасным животным. В это время раздался звонок, и я пошла отворить дверь, но в своей поспешности забыла затворить клетку со змеями. Когда я снова вошла в комнату, то с ужасом увидела, что одна из носатых гадюк наполовину выползла из клетки. Страшно испуганная, я не знала, что делать и не догадалась впихнуть опасное животное назад в клетку с помощью щипцов, но необдуманно схватила его рукой и бросила в клетку. Это было делом одной минуты; но как ни быстро я это проделала, все же гадюка злобно поднялась и укусила меня

в левую руку, в то время как я хотела запереть клетку. Я так испугалась внезапного нападения змеи, что некоторое время смотрела на свою рану совершенно растерянно. Но рана не представляла ничего замечательного, казалась совсем маленькой царапиной, как от иголки, и совсем не болела, так что я успокоилась и сочла ее неопасной. Но это продолжалось недолго; я почувствовала головокружение и мне сделалось так нехорошо, что я вынуждена была сесть; в то же время почувствовала сильное колотье в укушенном месте и только тогда заметила, что оно начало зеленеть, а маленькая царапина в середине пятна стала укорачиваться. Так как боль делалась все сильнее и сильнее, то я, наконец, увидела, что мне осталось только одно — применить одно из сильных средств, употребляемых при укусе ядовитой змеи, а именно вырезать, высосать или выжечь рану. Я схватила щипцами утюг, который как раз стоял на огне, и смело прижала его к ране. На укушенном месте образовался большой темный пузырь, а вокруг раны показалось много меньших красноватых пузырей. Напряжение кожи сделалось скоро невыносимым, поэтому я разрешила пузырь. Оттуда пошла грязная, черноватая жидкость, которую я выдавила, сколько смогла, несмотря на сильную боль. После этого тщательно перевязала рану, и через восемь дней она совершенно зажила к моей большой радости».

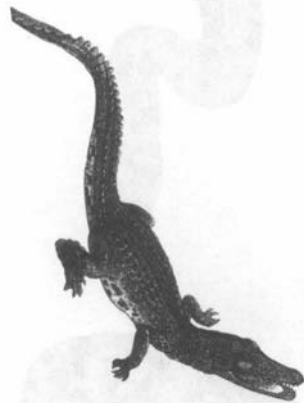
Из сообщений Эргарда видно, что не все случаи проходят так благополучно. «Греческим виноградарям, работающим обыкновенно босиком, особенно детям, носатая гадюка нередко приносит вред. Ее яд действует гораздо сильнее, чем яд итальянской асписовой гадюки, так что в жаркое время года ее укус можно считать смертельным для детского или вообще слабого организма. К счастью, она очень ленива. Так как она никогда не нападет первая, а кусает только в том случае, если на нее случайно наступят, то ее можно было бы считать безвредной, если бы не истинно греческая небрежность, которая слишком велика в отношении этой змеи, несмотря на внушаемый ею страх. Для примера приведу случай с одним пастухом, которого несколько лет назад носатая гадюка укусила в щеку, вследствие чего у него образовалось дикое мясо, распространившееся на язык и твердое небо до небных дуг. Ежегодно в те дни месяца, когда пастух был укушен, это место распухало, и его соотечественники считали болезнь проказой. Хотя он сам отлично знал причину болезни, но был настолько неосторожен, что его вторично укусила змея, вследствие чего он едва не умер».

Одна из самых больших, опасных и известных змей жаркого и умеренного пояса Африки это шумящая гадюка (*Bitis arietans*). Самую большую шумящую гадюку из всех, попадавших до тех пор в коллекции, я сам держал у себя и измерил ее после смерти: она была длиной 1,47 метра. Бэкер уверяет, что он убил еще большую шумящую гадюку, длиной 1,63 метра: этой

Семейство гадюковые

Семейство
гадюковые

мерой можно обозначить крайний предел величины, которой может достигнуть змея этого вида. Это единственная гадюка, у которой сравнительно маленькие ноздри лежат наверху рыльца за его кончиком и направлены вверх; она отличается от ближайших родственниц верхненосовыми щитками с простым килем, покрытыми так же скудно, как и надглазничная область, чешуйками, шипами или пучками шипов, расположенными наподобие рогов. Это не клевета, если на нее указывают как на одну из самых некрасивых змей, но это относится к форме тела, а не к его окраске. «Тот, — говорит Гюнтер, — кто назвал гадюк жабами между змеями, разумеется, прав, если взял за образец шумящую гадюку». В самом деле, эту пучеглазую змею с плоской и широкой головой, с неграциозно толстым телом можно сравнить с жабой. Ее голова, представляющая почти треугольник или, вернее, разносторонний четырехугольник, неуклюже закруглена на конце рыльца и очень резко отделена от шеи, которая отнюдь не отличается стройностью, а, наоборот, также толста. Туловище, быстро расширяющееся от самой шеи, без всякой меры утолщено и расширено, так как его разрез представляет плоский, закругленный на углах треугольник, самую широкую сторону которого, основание, составляет брюхо. Без заметной границы туловище переходит в хвост, который можно сравнить с тупым конусом, приплюснутым на одном месте боковой поверхности, на нижней стороне тела. Голова и туловище покрыты одинаковой формы килеватыми черепитчатыми чешуйками, различающимися только величиной, они располагаются на туловище в 31—33 продольных ряда, а между глазами и верхнегубными щитками образуют три или четыре ряда. Окраска и узор изменяются у различных экземпляров, но не особенно резко, если принять во внимание, что, подобно всем другим змеям, шумящая гадюка тотчас после линяния является с гораздо более яркой окраской, так что иногда можно ошибиться и причислить один и тот же экземпляр, до и после линяния, к двум различным разновидностям. Сразу после линяния, фон всего тела становится ярким песочно-желтым, затем до следующего линяния более или менее темнеет и перед самым обновлением животного может дойти до грязного серовато-коричневого цвета. Над передней частью морды через глаза идет поперечная полоса темно-коричневого или черноватого цвета, спереди со светлой каймой; непосредственно к ней, занимая все пространство между глазами, примыкает основание лирообразного светлого узора, который, мягко изгибаясь, идет от глаз через височную область, затем поворачивает с каждой стороны вниз к углу рта, а между ветвями лиры заключается темное пространство. На шее начинается в три ряда узор, составленный из углов, которые в среднем ряду обращены вершиной назад, а в боковых рядах открываются вниз. Между этими рисунками находятся полоски и пятна самой разнообразной формы. Углообразные рисунки обыкновенно окрашены в яркий желтый или желто-

вато-белый цвет и всегда с обеих сторон окаймлены черным, а так как пятна окружены такой же каймой, и эти каймы иногда бывает шире, чем сами полосы, то отсюда возникают всевозможные разновидности. На самом деле все эти отличия незначительны и, во всяком случае, если признать, что вряд ли найдутся две шумящие гадюки с одинаковыми окраской и рисунком, то надо прибавить, что существенные признаки цвета и узора у всех одинаковы.

Шумящая гадюка живет в Африке, начиная с 17-го градуса северной широты, переходя за эту параллель на север только в южном Марокко; к югу материка она опять встречается реже. На западном берегу Африки она обыкновенна, на ее юго-востоке нигде не представляет редкого явления, в середине материка распространена повсюду на подходящих местах.

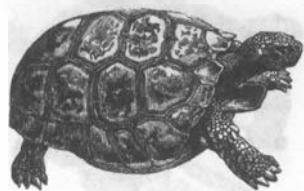
Шумящая гадюка заслужила немецкое название «Puffotter» вследствие громкого шипения, которое она испускает, если ее обеспокоят или рассердят. При этом она поднимает голову приблизительно на 30 см от земли, горящими глазами следит за каждым движением приближающегося противника и выжидает благоприятный момент, чтобы броситься на него. Рис уверяет, что в гневе ее голова не только расширяется, как это бывает и у других змей, но в то же время изменяет цвет и отликает то голубым, то голубовато-красным, но это сообщение неправдоподобно и, по крайней мере, не относится к пойманным шумящим гадюкам, в чем я мог убедиться путем собственных продолжительных наблюдений.

О жизни шумящей гадюки на свободе мало известно. Только от Фритша я получил жизнеописание этой змеи. «В Южной Африке, — пишет мне этот путешественник, — собственно в Капской земле шумящая гадюка встречается редко, но чаще попадает в восточных провинциях или дальше внутри страны. Она отличается своей ленью, движется чрезвычайно медленно и только когда кусает, то с быстротой молнии устремляется на свою добычу, при этом вращается вокруг своей оси. Люди уверяют, будто она может подпрыгнуть так высоко над землей, что в состоянии достать всадника на лошади. Днем она обыкновенно смиренно лежит, спрятавшись в кустарнике или траве, ночью выползает и для ловли мышей часто приближается к жилищам. Одна женщина в Трансваале, выходя из дома, наступила в темноте на шумящую гадюку, лежавшую перед дверью, была ею укушена и умерла на следующий день. Эта змея еще опаснее для пасущегося мелкого скота или для охотничьих собак, потому что под прикрытием кустов она всегда обороняется. Один господин в Блумфонтене из-за нее лишился одновременно двух собак, из которых одна умерла через 10 минут, а другая через несколько часов после укуса.

Один наблюдатель, вполне достойный доверия, пошел гулять в лес, как он сам рассказывал мне, и, к своему великому удивлению, заметил на небольшом расстоянии от себя большую южно-африканскую полевую мышь, которая точно приросла к месту.

Семейство
гадюковые

Когда он посмотрел, что за причина удерживает пугливого зверька обратиться от него в бегство, то заметил совсем близко от себя большую шумящую гадюку, которая определила эту мышь себе в добычу и не спускала с нее глаз. Прежде чем изумленный свидетель этой сцены успел пустить в дело палку, змея бросилась на мышь, схватила ее и исчезла вместе с ней в находившейся рядом дыре. Вероятно, змея видела своего врага, но ей не хотелось упустить добычу, потому она и утащила ее с собой, вместо того, чтобы укусить мышь и ожидать ее смерти. Последний акт маленькой трагедии прошел очень быстро, и шумящая гадюка, вообще ленивая, произвела целый ряд быстрых движений, чтобы достигнуть цели. Подобная подвижность этого животного составляет, впрочем, редкое исключение. Однажды я пролежал в земле бечуанов более получаса рядом с полувзрослой шумящей гадюкой, свернувшейся в высокой траве, и она даже не пошевелилась. Когда я хотел немного подвинуться, чтобы спрятаться от солнца, то заметил змею в тот момент, когда намеревался опереться на нее локтем. Я осторожно поднялся с земли, чтобы взять свой хлыстик, а змея по-прежнему лежала неподвижно. Сильный удар сделал ее навсегда безвредной».

С этим описанием согласуются и другие сообщения, до сих пор еще очень скудные. Андерсон рассказывает, что быка, на котором он ездил верхом, раз чуть было не укусила такая змея, лежавшая, вытянувшись, поперек дороги; она не тронулась с места, хотя бык почти наступил на нее. Другой раз жена слуги этого путешественника нашла это отвратительное животное, по-видимому, спящее, в складках своего кожаного передника.

Относительно питания и, вероятно, размножения шумящая гадюка существенно не отличается от других гадюк. Ее добыча также состоит из всевозможной мелкой дичи, преимущественно крыс, мышей, сусликов и тому подобных грызунов, изредка также и из птички, необдуманно приблизившейся к опасному животному. Я не думаю, чтобы она ела других змей и вообще пресмыкающихся и земноводных: против этого говорит ее отношение к этим животным в клетке.

Между тем Нольте сообщает, что в три часа пополудни в солнечный октябрьский день у Порт-Елизабет он убил ударом по голове шумящую гадюку, которая намеревалась переплыть маленький ручеек, шириной в три метра. «Отличаясь этим от своих родственниц Старого Света, она хорошо плавает, на что указывает также положение ее ноздрей наверху морды. Я также слышал, что главная ее пища состоит из лягушек. При внимательном осмотре убитого животного я заметил, что оно покрыто множеством мелких бурых клещей». Гессе пишет, что на нижнем Конго около Бананы она особенно охотно держится на песчаной почве. «В Банане она встречается даже в населенных местах; один экземпляр был убит очень близко от моего жилища. У этого жи-

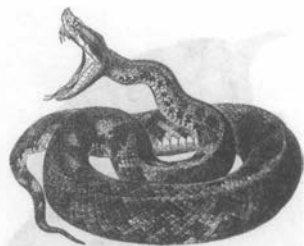
вотного нашли в желудке двух крыс, и, по моим наблюдениям, эти грызуны составляют ее главную пищу».

Рассказывают, что бушмены ее усердно преследуют, чтобы получить яд для отравления своих стрел. Говорят, что при ловле этой гадюки они выказывают много мужества и ловкости, приближаются осторожно к лежащей змее, быстро становятся ногой ей на затылок, таким образом крепко прижимают ее к земле и быстрым ударом ножа отрезают голову, затем выжимают жидкость из ядовитых желез и смешивают ее с липким соком одного растения, для того чтобы яд лучше приставал к кончику стрелы. Впрочем, за верность этого рассказа я не ручаюсь.

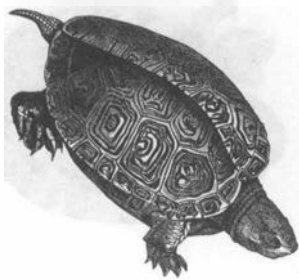
Шумящая гадюка, приведенная в ярость, имеет очень страшный вид. «Однажды, — рассказывает Драйсон, — я видал самку этого вида в сильной ярости. Несколько кафров выгнали ее вместе с детенышами из-под поваленного дерева, и змея, очевидно, имела намерение защищаться. Кафры решили уничтожить все семейство, но боялись ближе подойти к страшному животному. Случайно я подошел в это время к недоумевающим людям и стал распорядиться нападением: велел притащить большие камни и приказал кидать их на змей. Убитых гадюк положили в костер и тут же сожгли, чтобы босоногие кафры не могли ранить себя, нечаянно наступив на голову убитой змеи, так как ее яд действует очень долго после смерти». Драйсон обращает внимание на то, что в Южной Африке, где так много ядовитых змей, очень редко услышишь о несчастном случае, происшедшем от укуса этих животных, и объясняет это обстоятельство тем, что змеи боятся людей и избегают их.

Шумящая гадюка принадлежит к числу тех гадюк, которые в неволе довольно легко принимают пищу, что, вероятно, происходит от того, что ее потребности довольно легко удовлетворимы. Ей нужна теплая клетка, пол которой посыпан песком или мелкими камешками; если в подобную клетку бросить добычу, то она тотчас же ее схватит. Поэтому она встречается почти во всех зоологических садах, где держат змей. Поимка ее, несмотря на страшно ядовитые зубы, не представляет больших затруднений: местные жители нередко хватают змею просто руками за затылок или сначала прижимают к земле веткой с развилиной. Перевозка ее так же легка, как и других змей, так как она выдерживает путешествие в течение месяца без всякого корма. Я сам воспитывал несколько лет сряду двух шумящих гадюк и имел возможность внимательно наблюдать за ними. Оба животных долго жили у Эффельдта и были приучены им к неволе, но не сделались ручными. Как только кто-нибудь приближался к их клетке, то гадюки тотчас же выказывали свойственную ядовитым змеям ярость фырканьем и шипением, однако впоследствии они не кусали подходивших к ним людей, как это делали вначале; их не следовало только трогать и беспокоить. Трудно описать словами

Семейство гадюковые

Семейство гадюковые

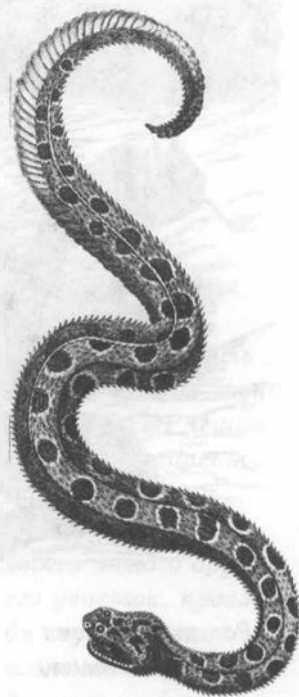
необыкновенную неподвижность шумящей гадюки днем: где она улеглась утром, там непременно останется лежать до самого вечера, предаваясь, по-видимому, сну; ее очень трудно заставить пошевелиться, и если это делать насильственно, то она приходит в сильную ярость. Гюнтер рассказывает, что он однажды рассматривал на корабле только что привезенных и недавно пойманных змей, причем ящики пришлось открывать. Ящик, где была очковая змея, нужно было закрыть тотчас же, так как животное моментально приготовилось к нападению; другой ящик, где было от 20 до 30 шумящих гадюк, можно было открывать совершенно спокойно, так как змеи не пробовали уйти и не кусались, несмотря на то, что Гюнтер вынимал их из ящика палкой. Я могу подтвердить эти наблюдения тем, что мои шумящие гадюки не обнаруживали расположения кусаться: они очень сердились, когда их беспокоили, но и при этом старались оставаться в прежнем положении, так что из всех ядовитых змей они могут быть названы самыми ленивыми. Без крайней нужды они никогда днем не шевелятся, и если это случается, то делают это очень неохотно. Они вовсе не заботятся об окружающем и не обращают ни малейшего внимания на змей в соседних клетках и на зрителей. Ночью же они тихо, но довольно продолжительно ползают по клетке, что видно из того, что за одну ночь гладко выравнивают только что насыпанный песок. Страшный гремунчик после многих лет неволи начинает шуршать хвостом, как только человек входит в комнату, где стоит его клетка, между тем как шумящая гадюка начинает шевелиться только тогда, когда ее сильно рассердят. Лениость их лучше всего заметна, когда днем в клетку посадят животных, служащих им пищей. В таком случае эти гадюки вовсе не похожи на африканских змей, «которые кусают каждое животное без всякого повода»; шумящая гадюка нападает на брошенных в клетку животных обыкновенно только тогда, когда очень голода. Если она накануне поела, то позволяет кроликам играть с собой и все-таки не пользуется своим страшным оружием. Ее умеренность в пище почти так же значительна, как ее лениость; иногда проходят две-три недели, пока эта гадюка решается проглотить добычу и, если она иногда ночью убивает маленькое млекопитающее, находящееся в клетке, то это, вероятно, вызывается тем, что оно нарушило ее покой. Однако, когда она очень голодна, то сразу же бросается на добычу и сейчас же приступает к проглатыванию ее.

Вследствие этой лениости и умеренности кормление шумящей гадюки представляет занимательное зрелище. Кролик или морская свинка, предлагаемые в пищу этой змее, не имеют никакого понятия о грозящей опасности. У млекопитающего вовсе не заметно предупреждающего инстинкта, и оно с любопытством приближается к змее, что вполне понятно, так как оно никогда не видело ничего подобного. Кролик обнюхивает своего врага, но еще

не знает, что он может ему повредить. Змея поднимает треугольную голову, выгибает шею назад и принимает угрожающую, но очень красивую позу для нападения; кролик все-таки ничего не замечает, опять обнюхивает, становится смелее и приближается к голове змеи. Гадюка высовывает язык, который приходит в соприкосновение с усами кролика, но он и теперь не замечает опасности: как будто очарован и удивлен созерцанием столь необыкновенного существа. Змея приходит в заметное волнение, начинает сильно дышать, так что тело ее то подымается, то опускается, то расширяется, то суживается; она не шипит, но явственно сопит, как бы предупреждая кролика, но и это предупреждение напрасно: грызун не обращает ни на что внимания. Змея опускает голову, чтобы принять другое положение, она вытягивается, сотни ребер начинают передвигаться, и она медленно уползает; кролик удивлен; он прыгает в сторону, внимательно осматривает ползущую змею, наостряет уши, ворочает усами во все стороны и успокаивается. Змея снова лежит неподвижно, кролик опять к ней приближается, гадюка приподнимает голову, ощупывает жертву языком, одним словом, все происходит как в первый раз. Кролик вытягивается на мягком песке и даже начинает грызть брошенную ему морковку; ему, очевидно, нравится в клетке, он делается смелее и начинает прыгать, причем даже задевает змею лапами. Она, наконец, приходит в ярость от этой дерзости, быстро приподнимается и начинает громко шипеть. Кролик опять озадачен, оглядывает и обнюхивает врага, но все же не догадывается об опасности. Это может продолжаться в течение нескольких часов, причем кролик делается все смелее, а змея оживляется, наконец, чувствует, что голодна, и решительно ползет к жертве. Кролик ее спокойно ожидает, как и прежде. Змея высоко приподымает голову, шея суживается, еще раз ощупывает кролика, и голова с быстротой молнии сначала откидывается назад, а затем двигается вперед, пасть широко раскрывается, длинные ядовитые зубы выставляются из чехлов и глубоко вонзаются в тело жертвы. Кролик еще раз вскрикивает, но смертельный удар нанесен. Гадюка вытягивается на земле, внимательно смотрит на жертву и ждет ее смерти: только небольшое движение кончиком хвоста указывает на ее нетерпение. Кролик делает еще несколько прыжков, но затем приседает, уши его опускаются, веки закрываются; он встряхивает один или два раза головой, а затем теряет сознание. Он тихонько падает на бок, лежит спокойно 10—20, в крайнем случае, 100 секунд, затем судорожно вздрагивает и падает мертвым. Адская жидкость свершило свое дело.

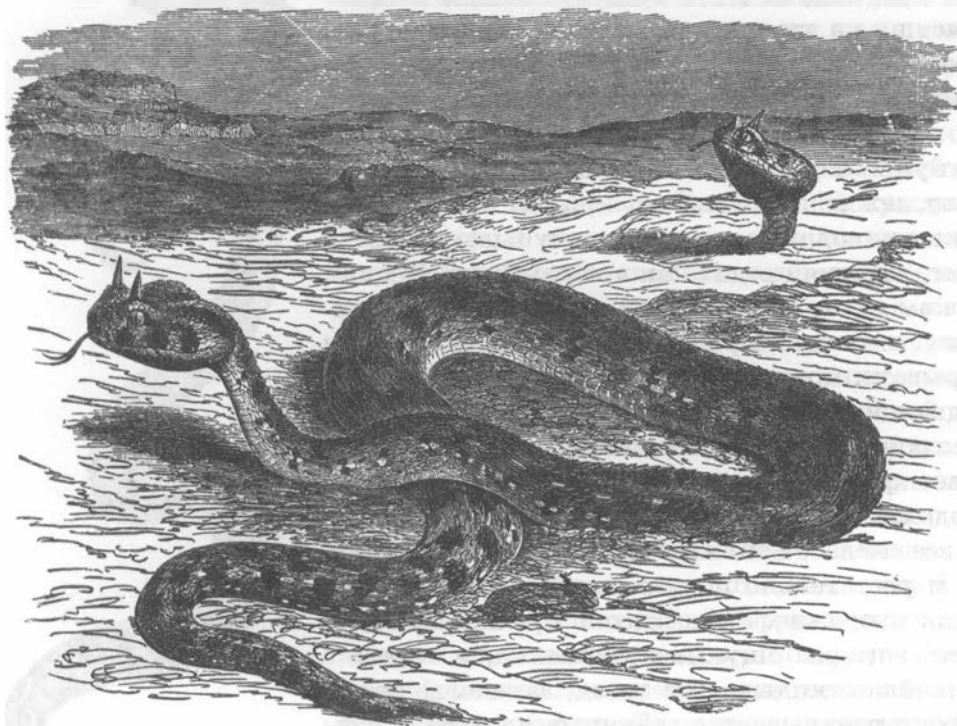
Кроме аспиды ни одна змея не была столь известна древним, как египетская рогатая гадюка, представительница рода **рогатые гадюки** (*Cerastes*). Она отличается маленькими полулунными ноздрями, расположенными по сторонам у края морды, часто, но не всегда, встречающимися рожками над глазами, наклонными ря-

дами чешуек по сторонам тела и короткими, на конце вздутыми отростками, не доходящими до конца чешуек. Рогатых гадюк известно всего два вида, оба встречаются в северной Африке.

Рогатая гадюка (*Cerastes cerastes*) достигает длины 60—65 см и сразу заметно, что это дитя пустыни, так как ее тело окрашено под цвет песка. Основным цветом служит ярко буровато-желтый, на котором заметны то округленные, то почти четырехугольные, ясно очерченные или неясно выступающие поперечные пятна темно-бурого или красно-бурого цвета; они располагаются в шесть продольных рядов и уменьшаются от середины к бокам.

Под глазами проходит темно-бурая, а на середине головы замечается светлая желтовато-бурая полоса, которая на затылке разделяется на две и соединяется с двумя другими такими же полосками, идущими от подбородка. Чешуйки, окружающие рот, светло-песчано-желтого цвета, а щитки нижней части тела светло-желтые или белые. Число чешуек одного пояса вокруг

Рогатая гадюка
(*Cerastes cerastes*)

тела 29—33; на спине они расположены друг к другу вертикально, а по бокам принимают косвенное направление; заднепроходный щиток не разделен, а хвостовые щитки разделены на два.

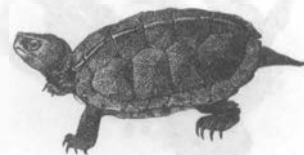
Изображение рогатой гадюки встречается в иероглифах древних египтян, так как первоначальное его название «фи» впоследствии употреблялось для изображения аналогичной буквы. Геродот упоминает об этой змее и говорит, что она живет около Фив, имеет два рога на голове и не опасна для людей; кроме того, он замечает, что ее считают священной, но не объясняет почему. Прочие древние писатели лишь описывают ее наружность.

Рогатая гадюка распространена по всей северной Африке, за исключением Марокко, а также в каменистой Аравии; она встречается и южнее пояса пустынь, например, ее находят в Восточном Судане и, по моим собственным наблюдениям, довольно часто в степях Кордофана. «Африка, — говорит Геснер, — полна

этих змей; особенно их много в песчаной и бесплодной Ливийской пустыне. Существует предание, что прежде их было очень много в Египте; они заняли значительную часть страны и сделали ее пустынной, так как никто не мог там жить. Они обыкновенно живут в песчаных местах под песком или лежат в норках около дорог, откуда им легко нападать на проходящих. Хотя рогатая гадюка очень ядовита и задорна, но только она и обыкновенная гадюка могут так долго оставаться живыми без питья. Они рожают живых детенышей. Рогатая гадюка ползает недурно, со многими поворотами и изгибами, причем сильно шумит и свистит, точно корабль, несомый волнами и бросаемый ветром туда и сюда. Она очень усердно охотится за птицами, прячет туловище под песок и приманивает птиц рогами, которые торчат над поверхностью земли; тогда она быстро хватает добычу и убивает ее. Эти змеи не выказывают никакой любви и дружбы жителям Ливии, но ненавидят их и желают им вреда. Псиллам же, напротив, они не вредят, и их укусы для них не опасны, так что эти люди отгоняют их голыми руками не только от себя, но и от других людей. Чтобы испытать верность своих жен, псиллы подкладывают своих детей этим змеям, точно так, как испытывают золото огнем».

Первая часть сказанного во многом верна: рогатая гадюка действительно часто встречается в Африке, и особенно в Египте; она на самом деле живет преимущественно в пустыне и днем почти совсем зарывается в песок в таких местах, где далеко кругом нет воды; правда и то, что при ползании она заметно шумит вследствие наклонного направления чешуй по сторонам тела, которые при сильном движении трутся друг о друга*. Эти боковые чешуйки могут быть приведены особыми мускулами в дрожательное движение и служат для того, чтобы захватывать песок и бросать его себе на спину, чтобы скрыться от врагов; свойство это встречается еще у рода эфа. Уже Брюс заметил, что это ночная змея, так как она ночью подползала к его костру. Во время моей охоты в пустынях и степях днем я никогда ее не видел, так как у меня не доставало людей, специально занимающихся отыскиванием змей, зато ночью она меня часто сильно сердила. С раннего утра до заката солнца сидишь на спине верблюда, утоляя постоянную жажду тепловатой вонючей водой из бурдюка, а сильный голод небольшим количеством риса; после такого жаркого и утомительного дня радуешься предстоящему ночному покою около костра на песке пустыни. Наконец место выбрано, и общество располагается к покою: снимают тюки, выкапывают небольшое углубление в песке, закрывают его ковром, разводят ярко горящий костер, и путешественник ложится на ковер, набивает себе трубку. Все общество в приятном настроении; даже повар, которому приходится готовить скромный ужин, напевает про себя однообразную мелодию. Вдруг песня прерывается громкими про-

Семейство гадюковые

** Рогатая гадюка действительно способна издавать отпугивающие звуки килеватыми чешуйками. Свернувшись в полукольцо, она третью часть своего тела о другой его участок, производя звук, похожий на шипение воды, падающей на раскаленную электроплиту.*

Семейство гадюковые

клятиями. «Что такое?» «О, да будет она проклята с ее отцом и всем родом! Да низвергнет ее Господь Бог в преисподнюю! Змея, господин, но она уже жарится в огне». Весь лагерь оживляется, каждый садится на тюк или ящик и вооружается щипцами или чем-нибудь подобным, а рогатые гадюки появляются иногда дюжинами; не понимаешь, откуда они берутся. Каждый осторожно приближается к змее, крепко захватывает ее железными щипцами за затылок и бросает в огонь, со злобной радостью наблюдая мучения этого исчадия ада. «Скорпионов, — пишет мне Дюмихен, — которые посещали ночью мой лагерь, я нисколько не боялся, но змея Фи часто пугала меня и моих служителей. Целыми месяцами я занимался ею в храмах и развалинах, срисовывая ее изображение, копал землю, исследовал и днем не видал ни одной живой змеи; но как только начиналась ночь и горел костер, то они появлялись во множестве, извивались около нас и грозили нам языком». Другие путешественники жалуются таким же образом.

Чем рогатая гадюка питается в пустыне, я сказать не могу, так как к своему стыду должен признаться, что не дал себе труда исследовать желудок ни одной из убитых нами змей. Вероятно, там, где нет мышей, она питается главным образом ящерицами, но несомненно, что нападает и на птиц.

О ее размножении существуют различные мнения. Египетские укротители змей говорят, что она, как и обыкновенная гадюка, рождает живых детенышей; Дюмериль же у плененных змей, которые несколько раз спаривались, наблюдал, что они откладывают яйца, из которых, впрочем, никогда детеныши не вылуплялись. Несмотря на это, я считаю мнение египтян справедливым, так как у пресмыкающихся не следует придавать большого значения различию в способе размножения, и живущие в неволе животные часто ведут себя в этом отношении иначе, чем на свободе.

Рогатая гадюка уживается в неволе точно так же легко, как и другие ее родичи. Она может удивительно долго голодать: Шау уверяет, что видел у одного любителя в Венеции двух гадюк, которые прожили пять лет без пищи; они линяли и были так проворны, что можно было подумать, что их только что поймали. Другие наблюдатели убедились в том, что эти змеи могут оставаться без пищи в течение полугода. Большинство рогатых гадюк, которых привозят в Европу живыми, лишены ядовитых зубов, так как при поимке охотники всегда выламывают их. Змеи сначала ничего не едят, но когда зубы у них снова вырастут, то они тотчас нападают на добычу и съедают каждую мышь, которую к ним пустят. С другими змеями, а также с ящерицами они уживаются хорошо, но небольшие теплокровные животные возбуждают их внимание и кровожадность. Если только возможно, то они совсем зарываются в песок, так что видны только глаза, оба рожка и иногда некоторые

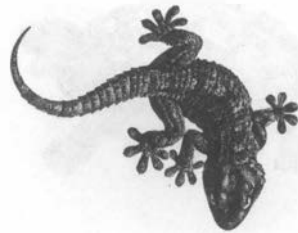

места спины. Рогатая гадюка зарывается в песок своеобразным движением ребер: она то расширяет свое тело, то суживает его, и при расширении раздвигает песок в стороны. Движение это происходит так быстро, что она совсем зарывается в течение 10, самое большее 20 секунд. Если даже песок и не вполне закрыл ее, то она совершенно ускользает от взора; даже при отличном зрении ее трудно отличить от окружающего песка, если не укажут то место, где она лежит. В клетке площадью 4 кв. метра, дно которой усыпано мелким песком, нужно долго искать глазами зарытую змею, и если затем посмотреть в сторону, то опять совершенно теряешь ее из виду. Основываясь на этих наблюдениях, которые я проводил в течение нескольких месяцев, мне кажется вероятным рассказ прежних натуралистов, что птичка может ошибиться и, приняв рожки гадюки за личинку или червя, сделается добычей змеи. Для самой гадюки рожки едва ли имеют какое-либо значение, так как, по наблюдениям Штрауха, из 31 гадюки пять вовсе их не имели, а у двух было только по одному рогу. Эти совершенно скрытые в песке ядовитые змеи могут быть очень опасны людям, путешествующим в пустыне в одних сандалиях, и древние египтяне имели полное право, на основании личного опыта, рассказывать про эту гадюку разные ужасы

Песчаная эфа (*Echis carinataus*) небольшая красивая змейка не более 60 см длины; ее окраска также песчаная, но очень разнообразная: на светло-желтовато-буrom фоне замечается множество темно-бурых и черных полосок, штрихов, точек и пятнышек, нижняя сторона светло-желтая, иногда с бурыми точками, расположенными в виде полосок. На темени находится беловатое или желтое, более или менее ясно копьевидное пятно, окруженное темно-бурым полоской; посредине спины идет ряд небольших удлиненно четырехугольных или яйцевидных, равномерно расположенных беловато-желтых пятен с темно-бурым опушкой; вдоль боков проходит полоска, составленная из подобных пятен, или светлая волнистая линия, окаймленная темно-бурым цветом. У этой гадюки также замечаются различные видоизменения в окраске и рисунке.

До последнего времени считали змею, живущую в Индии и называемую там «афэ», а на языке синдгов «куппур», за особый вид, хотя единственным отличительным признаком служило число брюшных щитков. По исследованиям Гюнтера, у песчаной эфы бывает не менее 163 брюшных щитков, а у афэ не более 153, но Андерсон нашел в Индии змей, имеющих также 163 щитка, и поэтому следует признать, что обе змеи принадлежат одному виду.

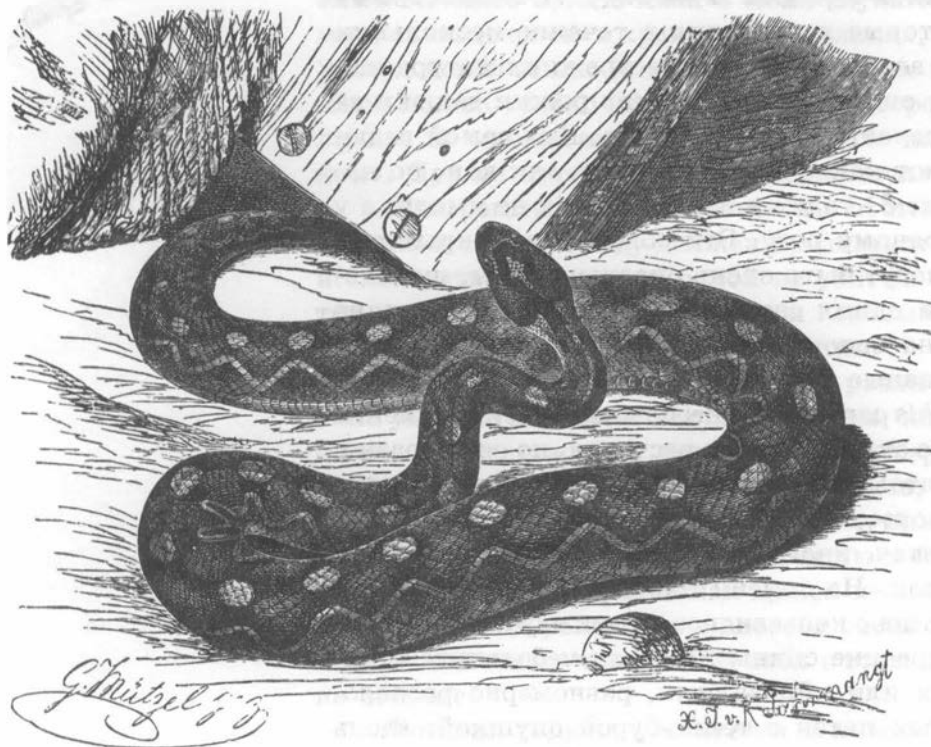
Если присоединиться к этому мнению, то оказывается, что область распространения песчаной эфы не менее области распространения обыкновенной гадюки; она живет во всей северной Африке на запад до Алжира, а на юг до Абиссинии и Кордофана и,

кроме того, в Палестине, Аравии, Персии и на западе полуострова Индостан. Ташенберг указывает на ее присутствие и на острове Сокотора.

Когда караван правоверных направляется к священному городу Мекка и избранный старшина и предводитель паломников въезжают в Каир, то там собираются многие тысячи людей, чтобы пожелать счастливого пути выступающим и проводить их до ворот города. При этом бывает своеобразное шествие: предводитель каравана, сидя на прекрасном коне, едет, но не по земле, а по спинам правоверных, которые лежат на его

пути. Коня ведут два богато одетых конюха, которые также ступают по спинам людей; лошадь идет очень осторожно, но, несмотря на это, некоторые люди бывают ранены ее копытами, и это служит доказательством того, что их вера неглубока, так как истинно правоверный не может получить увечья в такой ситуации. Во время шествия заклинатели змей дают особые представления, и для того, чтобы доказать, что Аллах все может, показы-

Песчаная эфа
(*Echis carinata*)

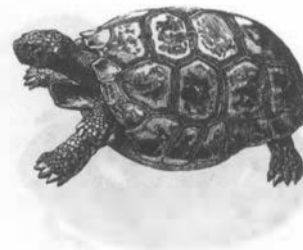
вают такие фокусы, которые в другое время видеть нельзя.

Эти заклинатели змей совсем нагие, только их бедра прикрыты разорванным куском полотна; они имеют вид сумасшедших, пляшут и прыгают, рыщут и бегают перед процессией, часто набегают и на лежащих людей и наносят им удары своими пятками. Через плечо у них висит мешок, из которого они вынимают несколько змей, бешено размахивают ими направо и налево, дают им обвиваться около рук и шеи, позволяют кусать себя, затем вдруг хватают змею обеими руками, откусывают ей голову и съедают ее или вырывают зубами кусок мяса из туловища змеи. Все это сопровождается благочестивыми возгласами и продолжается до тех пор, пока у заклинателей не выступит пена изо рта и не смешается с кровью змей. В этом пред-

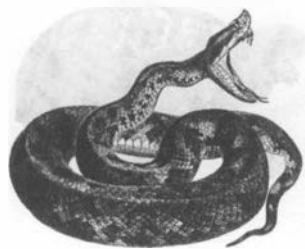
ставлении используются очковые змеи и песчаные эфы, но, само собой разумеется, что у них предварительно обломаны ядовитые зубы. Заклинатели очень расчетливы, так как во время торжества правоверные делаются особенно щедрыми, и фокусники получают богатую подачку.

Заклинатели, вероятно, потому часто пользуются песчаной эфой, что все египтяне знают ее как очень ядовитую змею. Она обыкновенна во всем Египте и встречается не только в пустырях и в пустыне, но также и в населенных местах, даже в самом Каире, где часто кусает людей. Кто поселяется в доме, который долго был нежилым, тот должен внимательно очистить его от поселившихся там гадин, и между ними почти всегда найдется и песчаная эфа. Мне случалось несколько раз убивать эту змею в нашем доме в Хартуме, случалось даже находить ее под ковром, на котором я ночью спал. Однажды ночью в темном коридоре я наступил на песчаную эфу, и она не укусила меня только потому, что в это время проглатывала ласточку, которую каким-то образом поймала в нашем доме; в другой раз я нашел парочку этих змей за подушкой дивана. Мы боялись этой маленькой гадюки больше, чем очковой змеи и проклинали ее чаще, чем какое-либо другое вредное животное, не исключая и надоедливых скорпионов. Мы преследовали ее и убивали с особенным наслаждением. В своих домах турки и египтяне редко или никогда не решаются уничтожить эту непрошеную гостью. Как только узнают, что змея появилась в доме, всеми овладевает ужас, и ничего не придумывают лучше, как обратиться к заклинателю змей. Он берет за эту работу высокую плату и часто выпускает из своего мешка еще другую змею, затем уверяет хозяина, что узнал о ее присутствии особым колдовством, и за это получает еще более высокое вознаграждение. Жофруа Сент-Илер рассказывает очень интересную историю. Французский главнокомандующий, то есть Бонапарт, пожелал узнать, действует ли заклинатель змей обманом или нет, и велел одному из них вызвать змею, которая пряталась в нижнем этаже его дворца. Жофруа должен был за ним присматривать. Заклинателя раздели догола, чтобы исследовать его платье, а затем позволили начать работу. Человек этот тотчас же почувствовал себя очень неловко и несколько раз повторял: «А что, если тут никакой змеи нет?» Ему отвечали, чтобы он все-таки попробовал выманить ее и успокоили небольшой подачкой. Тогда он начал искать, особенно в сырых местах, и стал свистеть то громко и резко, как самец песчаной эфы, то глухо и тихо, как самка. Наконец, после двух часов поисков, одна змея действительно ответила и выползла. Беспокойство заклинателя тогда исчезло и он, гордо посматривая на окружающих, был убежден, что теперь все верят в его колдовство. Это случилось несколько десятков лет назад, но и ныне за небольшую сумму денег можно доставить себе подобное зрелище.

Семейство гадюковые

Семейство гремучие змеи

* Ямки между ноздрей и глазом представляют собой термолокаторы. Они улавливают тепловое излучение, исходящее от жертвы, позволяя оценивать направление от источника тепла и ориентировать голову в его сторону. Термолокаторы улавливают температурные различия в 0,2° С.

Песчаная эфа довольно обыкновенна в средней и северо-восточной Индии и живет там в пустынных песчаных местностях. По словам Блэндфорда, ее находят в редких лесах, там, где почва песчаная. Хотя песчаная эфа не велика ростом, но очень сердита и опасна. В некоторых провинциях Индии ей приписывают большинство смертных случаев, причиненных укусами змей; особенно страдают от нее работники на полях. Несмотря на небольшой рост, она очень задорна и склонна к нападению, и даже защищаясь, всегда готова укусить очень большого и сильного противника. Как только она заметит опасность, то сейчас же начинает извиваться, но не так, как другие гадюки, а образует из своего тела два полулунных изгиба и держит голову готовой к нападению в середине одного из этих изгибов. При этом она ни минуты не остается спокойной, а постоянно вертится направо и налево и этим производит такой же шорох, как и рогатая гадюка. Она остается в наступательном положении до тех пор, пока человек или животное находится вблизи и впивается зубами в каждый предмет, до которого может достать, говорят, что она может делать прыжки высотой в половину ее тела. Андерсон первый обратил внимание на своеобразный продолжительный шелест, который песчаная эфа производит трением боковых чешуй; этот шум можно даже произвести и после смерти животного, поворачивая тело в разные стороны: зубчики килей тогда трутся о чешуи и производят заметный шум. Подобное устройство чешуек имеют также живущие в песчаных местностях Африки рогатые гадюки и африканские яичные змеи из рода *Dasypeltis*. Фэйрер считает песчаную эфу самой оживленной и задорной из всех ядовитых змей, с которыми он успел познакомиться, и прочие наблюдатели в этом с ним согласны. Как опасен ее укус, видно из опытов вышеназванного натуралиста: курица умерла через четыре минуты после укуса, другая даже через две минуты, а собака через четыре часа.

СЕМЕЙСТВО ГРЕМУЧИЕ, ИЛИ ЯМКОГОЛОВЫЕ, ЗМЕИ (Crotalidae)

Главным признаком гремучников служат глубокие впадины с обеих сторон морды между ноздрями и глазами*, не имеющие соединения ни с носом, ни с глазами. Кроме этого, названные змеи отличаются от гадюк более тонким телом и большей частью несколько более длинным хвостом, способным к хватанию. Голова яйцевидная или тупая, треугольная, сзади расширенная, ясно отделяющаяся от шеи; ноздри расположены по бокам морды; умеренной величины глаза имеют зрачок в форме вертикальной щели. Голова часто не вполне покрыта щитками; чешуи на остальном теле в главных чертах походят на чешуи асписовых гадюк.

Гремучники в самом большом количестве водятся в восточной области; в соседней эфиопской и австралийской их совсем нет, в северной части Старого Света встречаются лишь немногие их виды, но они водятся на обоих материках Нового Света и особенно в большом количестве в Северной Америке. Уоллес считает, что из этого можно сделать заключение, что гремучие змеи происходят из индокитайских стран и отсюда распространились на северо-запад до Северной Америки и затем в Южную Америку, где, поселившись позднее, не успели развестись в особенно большом количестве, несмотря на то, что тут очень благоприятные условия для жизни пресмыкающихся. Мы не решаемся основываться на подобных заключениях, но довольствуемся признанием того факта, что гремучники удивительно распространены. Точное разъяснение этих обстоятельств может дать нам только палеонтология. После того, как нашли в Висбаденском нижнем миоцене пустой ядовитый зуб, был объявлен неверным очень распространенный взгляд, что ядовитость змей надо считать недавним их приобретением; может быть, недалеко то время, когда будут открыты остатки гремучников предшествующих геологических периодов.

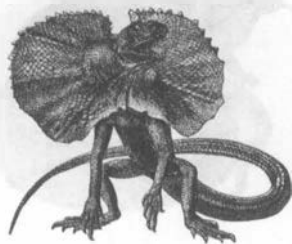
Образ жизни гремучников мало отличается от жизни гадюк. Они также настоящие ночные животные и проводят день в сонном состоянии, спрятавшись в нору или лежа перед ней, чтобы доставить себе наслаждение погреться на солнышке, но все-таки они кажутся менее ленивыми, чем гадюки. Некоторые виды лазают, другие, зеленая окраска которых указывает на них, как на древесных животных, проводят всю жизнь в ветвях высоких или более низких растений; третьи плавают почти так же искусно, как настоящие ужи и преследуют главным образом рыб, но большинство не покидает землю и охотится за всякими маленькими млекопитающими и птицами. Относительно размножения совершенно похожи на гадюк, они так долго вынашивают яйца, что детеныши разрывают яичную скорлупу тотчас после кладки.

Хотя по опасности и злости гадюки мало уступают гремучникам, все же последние считаются самыми страшными змеями на земле, поскольку их ядовитые зубы отлично развиты. Из опасности, грозящей человеку от некоторых из этих змей, делали более шума, чем она того заслуживала; другие же, наоборот, действительно оправдывают ужас, внушаемый даже их названием. Они считаются проклятием тех стран, где водятся, препятствуют обработке земли на больших пространствах и ежегодно требуют себе жертв. Против них человек бессилен до сих пор, ужасное действие яда ограничивает число их врагов и делает единодушным начатое против них гонение.

Самые известные из гремучников, **настоящие гремучники** (*Crotalus*), отличающиеся от остальных доведением на конце хвоста, погремком, или трещоткой, над значением которого многие

Семейство
гремучие змеи

напрасно ломали себе голову. Она состоит из большего или меньшего числа роговых пластинок, которые можно сравнить с несколькими приплюснутыми пустыми конусами, надетыми один на другой, из которых каждый имеет снаружи три возвышения, обращен вершиной к концу хвоста и вставляется в следующий за ним конус; каждый отдельный погремок укрепляется на двух горбинках, предшествующих ему по направлению к телу, но соединяются с ним свободно, так что все роговые конусы могут двигаться и тереться друг о друга. Погремок есть, очевидно, нажное образование, и, без сомнения, это нечто иное, как ряд остатков от прежних линяний. Сведения о развитии и росте этой змеи были до самого последнего времени не совсем ясны. Жители Северной и Южной Америки определяют возраст змеи по числу колец ее погремка и думают, что ежегодно прибавляется новое кольцо. Гензель полагает, что это мнение, вероятно, справедливо, но всего скорее не основано на опыте. Я должен указать, что, наблюдая несколько лет подряд гремучников в неволе, замечал увеличение их роста, но не прибавление колец погремка, который по несколько лет не изменялся. Имеется одно верное предположение отдельных исследователей, состоящее в том, что при линянии кожа, образовавшаяся на нижней стороне хвоста перед конусами погремка, не исчезает, а свертывается и образует новый конус, принимая форму старых. По-видимому, не каждое линяние, происходящее, как и у всех змей три-четыре раза в год, дает повод к образованию нового звена погремка. Наблюдения над пленными змеями ничего не доказывают, так как они и в других отношениях часто уклоняются от своего образа жизни на свободе. Случалось, что гремучники линяли в неволе, но никогда не приходилось наблюдать прибавления нового члена погремка. По словам Гармана, мексиканский ромбический гремучник (*Crotalus adamanteus*) линяет только два раза в год и соответственно этому образует также только два звена погремка ежегодно. Во всяком случае, целые годы проходят прежде, чем образуется погремок. 15—18 конусов на погремке встречаются очень редко и вызывают сомнение, может ли вообще змея иметь большее число этих образований, как видно на одном старом изображении. Как самое большое действительно наблюдаемое число звеньев погремка Гюнтер называет 21. «Рост погремка, — говорит Гейер, — очевидно, зависит от питания и роста животного, который при неблагоприятных обстоятельствах может быть прерван, а в ином случае замедлен; нельзя назначить для него какой-нибудь определенный срок». «Некоторые люди, — высказывается Гибель, — видят заботу Провидения в этом устройстве, предупреждающем человека об опасности, но они не говорят нам, чем человек так же заботливо защищен от других, не менее опасных ядовитых змей, лукаво поджидающих его в засаде. Гремучие змеи, точно так же, как и большая часть змей, не нападают на человека, не будучи

рассержены и, кроме того, поселяются в пустынных открытых местах, куда человеку незачем ходить и где он может заметить своего врага легче, чем в кустарнике или в густой траве». Я не могу ничего прибавить к этим словам, потому что они достаточно понятны. Тем не менее, кажется достойным внимания предположение Гайя, что польза погремка состоит в том, что змея вовремя предупреждает его бизонов и охраняет таким образом от повреждения и себя и этих больших жвачных животных, правда теперь почти истребленных*.

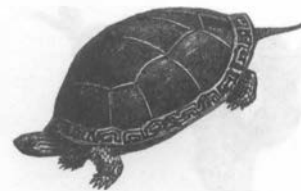
Кроме погремка, другие признаки этих змей кажутся довольно незначительными. Голова их впереди и сверху покрыта или немногими, или более многочисленными щитками, а кроме того, как и вся верхняя часть тела, — продолговатыми, ромбоидальными, килеватыми чешуйками. Нижняя часть тела покрыта широкими щитками, шея по обыкновению ясно отделена, тело сильное, для ядовитых змей довольно вытянутое, ядовитые зубы совершенно такого же устройства, как у гадюк, но так сильно развиты, что Дюмериль с полным правом называет их самыми совершенными ядовитыми губами.

Настоящие гремучники живут только в Америке, как на севере, так и на юге. Они селятся преимущественно в сухих, песчаных или каменистых пустынях, также в таких, которые поросли низким кустарником, однако предпочитают соседство воды сухим местам.

Как у большинства родичей, так и у настоящих гремучников трудно дать общее описание для одного какого-нибудь вида, так как окраска и рисунок этих змей чрезвычайно разнообразны. Для того чтобы отличать отдельные виды, принимают во внимание щитки головы.

Страшный гремучник, или **каскавелла** (*Crotalus durissus*), отличается тем, что у него, кроме больших бровных щитков над каждым глазом, впереди морды есть еще две пары больших щитков, между которыми расположены щитки меньшей величины. К большому треугольному рыльцевому щитку примыкает с каждой стороны четырехгранный передний лобный щиток, а к этому последнему далее назад второй большой яйцеобразный щиток, который надо считать боковым остатком заднего лобного щитка. Пространство между двумя последними щитками заполнено меньшими неправильными щитками, большей частью увеличивающимися по направлению вперед. Уже между надглазными щитками начинаются продолговатые, ромбоидальные, килеватые, черепитчатые чешуйки, которые покрывают всю верхнюю часть туловища и идут здесь в 25—27 продольных рядов. Господствующий цвет верхней части тела темный серовато-коричневый; рисунок состоит из трех рядов больших неправильных пятен или угловатых черных поперечных полосок, теряющихся на темном хвосте; нижняя часть тела желтовато-белого цвета с маленькими черны-

Семейство гремучие змеи

* Треск погремков порой слышится на расстоянии 30 м. Скорость вибрации трещотки зависит от температуры среды.

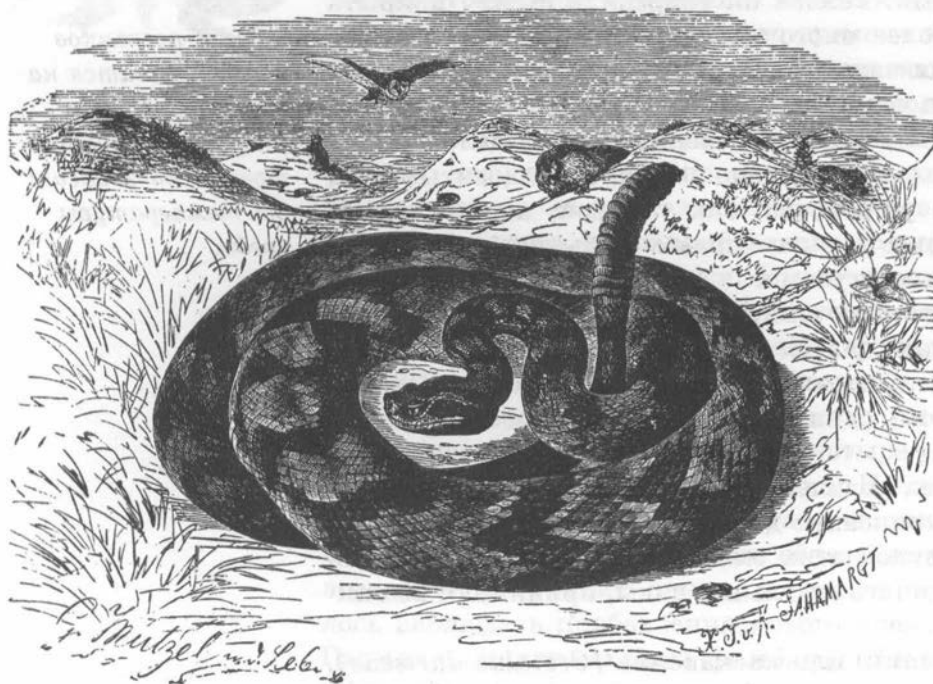

ми точечками. Говорят, что очень старые самки достигают длины почти два метра, однако теперь змеи в 2 метра составляют уже редкость.

Область распространения страшного гремучника простирается от Мексиканского залива на север до 46 градуса северной широты, хотя только на западе Соединенных Штатов Америки; по крайней мере, все исследователи говорят, что на востоке или в Атлантической части страны эта змея водится не дальше озера Чемплен. «Можно принять, — говорит Гейер, — что она не водится там, где не растет маис». Еще в первые десятилетия нашего

столетия она встречалась в таком ужасающем количестве, что двое людей, занимавшихся охотой на страшных гремучников из-за их ценного змеиного жира, могли убить в течение трех дней 1 104 штуки. Эта змея постоянно и быстро уменьшается в количестве, что приписывают распространению земледелия в стране и увеличению числа свиней.

Любимым местом пребывания

Страшный гремучник, или каскавелла
(*Crotalus durissus*)

страшных гремучников служат местности, где скалистые пустынные высоты, подверженные лучам солнца, граничат с плодородными травянистыми долинами, орошенными реками, ручейками и текущими ключами; на обширных равнинах он встречается только там, где бывает очень обильная роса. Эта змея очень чувствительна к переменам температуры и меняет свое местопребывание чуть не ежечасно. В хорошее ясное утро жаркого дня она купается в росе, а затем греется на солнце на удобном месте, на дорожке или на плоском камне; позднее, в полуденный жар, отыскивает тенистые, сухие места и там лежит спокойно, но никогда не удаляется слишком далеко от солнечных мест. Если несколько ночей подряд не было росы, то ее часто встречают на берегах рек и луж, но в воду она отправляется только за добычей. Дождя она очень не любит. Жилища ее различны в населенных и возделанных местностях и в пустынях. В последнем случае она живет обществами в завоеванных ею норах; в населенных местах живет

поодиночке и прячется в скрытых местах. В пустынях селится в норах так называемых луговых собачек, крыс, мышей и даже береговых ласточек, хотя крупным экземплярам, по-видимому, трудно забраться в гнезда ласточек. Но гремучая змея очень легко бурит землю и мягкий песчаник посредством твердых чешуй на голове и теле и таким образом легко расширяет найденные норки. На почти безлесном склоне песчаниковой горы высотой около 80 м в верхней части реки Монахов в штате Айова мы видели много страшных гремучников, которые поселились в расширенных норах береговых ласточек. Вблизи населенных мест змею редко находят в большом количестве, кроме времени размножения, именно в конце апреля и начале мая. Здесь она прячется в расселинах скал и стен, под постройками, в дуплах деревьев, в сложенных дровах и кучах хвороста, ее даже иногда находят в норах крыс и мышей под полами. Зимнее убежище выбирается иногда случайно, как и у других змей. Животное часто вылезает из убежища в теплые октябрьские дни, затем его внезапно застанет мороз, и оно должно остаться на зиму в своей временной норе, поэтому в прериях часто находят страшных гремучников, лежащих зимой под камнями с переполненным желудком. Зимняя спячка их такая же, как и у других пресмыкающихся, но для зимнего пребывания они, по возможности, выбирают сухое, закрытое помещение».

Одубон, подробно описавший это животное, рассказывает следующее. «Однажды зимой мы отправились на охоту за утками. Для обеда остановились около озера, развели костер и начали ощипывать утку. Один из моих спутников хотел прикатить к костру бревно и при этом нашел свернувшегося и оцепеневшего страшного гремучника. Он был тверд как палка, и я положил его для дальнейших наблюдений в чехол для ружья, который висел у меня за спиной. Вскоре после этого, когда наши утки еще жарились на деревянных вилках над огнем, я заметил, что за мной что-то шевелится. Сначала я подумал, что это движется не совсем убитая утка, но скоро вспомнил об опасном животном, отбросил чехол далеко от себя и попросил моего спутника посмотреть, что делает змея. Оказалось, что она вполне ожила, выползла из чехла, начала шуршать, подняла голову, свернула туловище и приготовилась к нападению. Так как она находилась далеко от огня, то я был уверен, что холод ее снова успокоит, и действительно, прежде чем утки поджарились, она перестала греметь и отыскивала себе убежище, где опять оцепенела. Мы взяли змею домой и дорогой несколько раз будили ее, поднося к огню».

Палиссо де Бовуа сообщает другое собственное наблюдение. «Гремучая змея охотнее всего избирает зимнее убежище вблизи ключей. Мы находили многие норки на берегу Маврикиевой реки. Кривые ходы, имевшие 2—3 метра длины, оканчивались камерой, где лежало несколько змей на влажной земле. Наши проводники

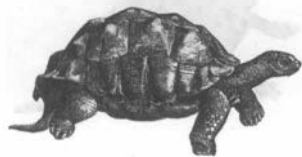

*Семейство
гремучие змеи*

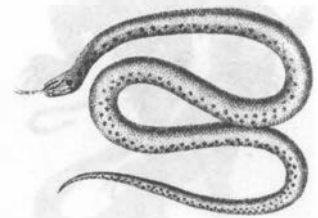
привели нас к болоту, покрытому слоем торфяного мха в 20—30 см толщины. Поверхность мха замерзла, но под ним мы нашли несколько страшных гремучников, которые медленно ползали по незамерзшей сырой почве. Осенью после линяния еще до равноденствия они прячутся и выходят из убежищ весной после весеннего равноденствия».

Гейер считает страшного гремучника за дневное животное и уверяет, что он проводит каждую ночь в своем жилище, как это делают и домашние животные. Он наблюдал в течение четырех недель, что змея каждый вечер появлялась около дуплистого дерева, а днем ее никогда там не было видно. Однако другие наблюдения ясно доказывают, что мнение Гейера неверно. Для доказательства обществу страшного гремучника он рассказывает следующее приключение. «Возвращаясь с экскурсии, я подошел 22 августа к подошве высокой горы, орошенной быстрым ручейком, и решил переночевать здесь на небольшом лужке, окруженном кустарником. Сойдя с лошади, подошел к ручью, чтобы напиться, и найдя интересное растение, стал искать другие растения, при этом на меня напал большой страшный гремучник, которого я и убил. Позднее, когда я ужинал, то услышал шум: мул, которого привязал на ночь вблизи, сделался очень беспокоен, но я продолжал есть, а затем взял стакан и пошел к ручью напиться. Шум, который я слышал, казался очень близким и был похож на шелест шестов, если их волочить по земле. Как только я перешел лужок и встал на береговой вал, возвышавшийся на метр над руслом ручья, то увидел много страшных гремучников, которые ползали и извивались на песчаном берегу. Луна светила очень ярко, и я ясно видел, как они переползали друг через друга и безостановочно ползали вокруг больших булыжников, лежащих на берегу, причем сильно шуршали. Шум еще увеличивался от трения их чешуйчатого тела о песок; вонь была нестерпимая и очень сильная. Испугавшись, я возвратился к костру и совсем завернулся в шерстяное одеяло, так как боялся, что змеи могут приблизиться к огню и напасть на меня во время сна. Шум продолжался почти до 10 часов, а затем прекратился, и только тогда я заснул. Рано утром я оседлал мула и стал искать своих лошадей, чтобы поскорее удалиться от этого неприятного места, но проехав несколько часов, лошадей не нашел и потому был вынужден здесь остаться. Снова исследовав берег ручья, я нашел его совершенно пустым: там лежала только убитая мной змея. Чтобы убедиться в отсутствии змей, я устроил себе рычаг и стал переворачивать лежавшие на берегу камни, но змей нигде не было видно. Несколько дней спустя я встретился в форте Кольвиль с доктором Макдональдом. Когда я рассказал ему свое приключение, то он, к большому моему удивлению, сказал, что 21 августа, то есть днем раньше, видел такое же собрание змей на берегах Колумбии».

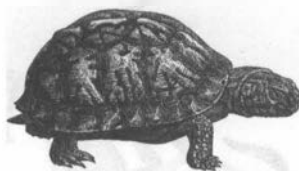

Большинство наблюдателей описывают страшного гремучника как очень ленивое создание, и Палиссо де Бовуа даже говорит, что немногие змеи так добродушны, как они. «Он никогда не нападает сам на животных, которые не служат ему пищей, никогда не кусается, если его не трогать и не испугать. Я часто проходил на расстоянии нескольких сантиметров от них, и они никогда не пробовали меня укусить. Его присутствие всегда можно узнать по шуршанию его погромков, и я всегда успевал вырезать себе палку, чтобы убить змею, прежде чем она ко мне приближалась». Это сообщение верно только относительно; змея ведет себя так только во время своего покоя, а когда она вполне оживлена, то дело происходит иначе. «Страшный гремучник, — говорит Гейер, — движется быстро без особых усилий и сильных изгибов, поэтому кажется, что он движется медленно, но если измерить расстояние, пройденное им за одну секунду, то оно оказывается довольно значительным. На свою добычу он бросается с постепенно увеличивающейся быстротой, которая под конец похожа на полет птицы. Раз я видел, как около жилища крестьянина, на берегах Миссури, страшный гремучник с дерева бросился на цыпленка, схватил его за крылья и с быстротой молнии унес его на голую скалу, так что я только с трудом мог его догнать. Я бросил в него камень: он остановился, обвился вокруг своей жертвы, выпустил ее из пасти, но укусил в голову. Когда я вторично бросил камень, то он сначала бросил цыпленка, а затем высоко приподнял его за крыло, как бы любясь его смертельным страхом. После этого он, очевидно, хотел уйти, но когда получил меткий удар камнем, то бросил свою полумертвую добычу и свился в кружок для защиты. Я тотчас его убил. Еще большую быстроту я заметил у змеи около верхнего течения Миссисипи, в то время как она охотилась за земляной белкой». Совершенно то же самое говорит Одюбон, который приписывает ей большую способность к лазанью, но все прочие наблюдатели отрицают в ней эту способность и говорят, что она скорее идет в воду, хотя особенно не ищет ее, чем лазает на деревья. Уже Кальм заметил, что она иногда переплывает озера и реки и в воде очень движется. «Тогда кажется, будто она надулась и плывет по воде точно пузырь. Ее лучше не преследовать, так как по опыту известно, что она может внезапно броситься в лодку».

Пища страшных гремучников состоит из маленьких млекопитающих, птиц и земноводных. Кальм утверждает, что в его желудке находили даже куниц, но прибавляет, как бы для опровержения этого, что животных, величиной с белку или зайца, он проглатывает только наполовину, причем вторую половину съедает только тогда, когда первая переварена. О волшебной силе взгляда этой змеи и в наше время еще говорят, хотя добросовестные наблюдатели отрицают это. Я не могу с уверенностью сказать, обвивается ли она кругом жертвы, как это делают неядови-

*Семейство
гремучие змеи*

тые змеи, или, укусив добычу, спокойно ожидает ее смерти, но последний способ ловли мне кажется более вероятным. У живших у меня в клетке змей я никогда не замечал, чтобы они душили брошенных ими животных, но случилось, что они не считали нужным предварительно отравлять маленьких животных, а глотали их, как ужи это делают с лягушками. То же самое заметил Шмидт у своих пленных страшных гремучников. После обильной пищи змея издает сильное зловоние, которое замечают не только чуткие к этому животные, но оно чувствительно и для человека. Это обстоятельство отрицают многие натуралисты, но другие положительно его подтверждают. Ласепед говорит о сильном запахе змей и ставит его в связь с их способностью наводить на свою жертву столбняк. Пехуэль-Леше рассказывает, что однажды он посетил пещеру, где под камнями пряталось, по крайней мере, сто страшных гремучников. Менее чем через пять минут ему и его спутникам сделалось дурно от ужасно сильного запаха, распространяемого змеями, и с трудом он смог выбраться на свежий воздух. Это, наверное, преувеличение, но доля правды тут должна быть, так как животные, даже не видя змей, чувствуют ее присутствие, например, лошади пугаются и бросаются в сторону, если они находятся в нескольких шагах от подобной змеи. «Хотя некоторые, — говорит Гейер, — и отрицают вонючее испарение страшных гремучников, но я должен признать справедливость этого факта, хотя не обладаю очень тонким обонянием. Запах этот, вероятно, зависит отчасти от пищи; если, например, он проглотит мертвую белку, то распространяет такой же запах, как хищные птицы, питающиеся трупами; следует заметить, что он ест и падаль. В голодном состоянии он, вероятно, не издает такого сильного запаха». У плененных змей, я могу с уверенностью утверждать, никакого запаха не чувствовал или замечал только слабый мускусный запах.

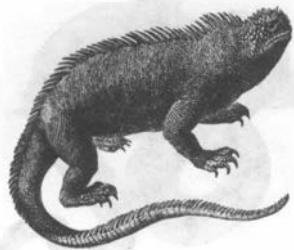

Размножение этих змей происходит в весенние месяцы, причем самец и самка свиваются совершенно так же, как гадюки. «Способ сближения этих животных, — говорит Одюбон, — так противен, что о нем не стоило бы говорить, если бы он не был так удивителен. В начале весны змеи, вылиняв, выползают из своих убежищ, блистая яркими цветами, с глазами, полными жизни и огня. Самцы и самки бродят по залитым солнцем лесным прогалинам и свиваются вместе, если встретятся, пока их не свернет 20—30 штук в один отвратительный клубок. При этом головы торчат во все стороны, пасти открыты, и змеи громко шипят и шуршат своими погремками. В таком положении они остаются лежать на одном месте в течение нескольких дней. К подобному сборищу очень опасно приближаться, потому что, завидя врага, змеи распутываются и тотчас же бросаются на нарушителя их потехи». Последнее, без сомнения, неверно, но свертывание змей в клубок во время размножения не подлежит сомнению и подтвер-

ждается Гейером, который приводит наблюдения индейцев. Яйца откладываются в августе, и детеныши уже несколько минут спустя раздирают яичные оболочки; мать о них вовсе не заботится. Палиссо де Бовуа, правда, пытается доказать обратное, но ни у одной змеи не было замечено заботы матери о детенышах, и было бы крайне удивительно, если бы страшный гремучник составлял в этом отношении исключение. Я считаю более важным сообщение Гейера о вылуплении детенышей, основанное на собственном наблюдении. «Только раз я имел возможность видеть вылупление молодых страшных гремучников из яиц; это было в августе около заброшенного мормонского жилища на берегах Миссури. Самка грелась на солнце перед дверью хижины и при моем приближении подползла под порог; вдруг я увидел маленькую змею, около 15 см длины. Я воткнул палку под порог и слышал, как мать, шурша, уползала; при этом я заметил еще несколько молодых змей, а откатив порог, состоявший из толстого бревна, увидел под ним в сухой земле между камнями около 40 яиц, из которых уже некоторые были пусты. Они были различной формы, по величине похожи на голубиные яйца и имели светло-бурый цвет. Только что вылупившиеся змееныши так сильно пытались кусаться, что меня это очень удивило. Некоторые утверждают, что страшный гремучник при опасности забирает своих детенышей в пасть, но это неверно; в приведенном случае самке было бы очень кстати это сделать, между тем она ушла и бросила детенышей.

«Самый опасный враг страшного гремучника — слишком суровая зима, особенно, если она наступает рано и вдруг. Продолжительные весенние разливы, степные и лесные пожары не менее страшны для этой змеи. Есть примеры, что суровая зима, разливы и пожары совершенно освобождали от него местность, в которой он прежде водился в большом количестве. Носятся вообще слухи, что свиньи пожирают страшных гремучников, и что их яд не приносит свинье вреда. Многие естествоиспытатели приняли эту сказку за чистую монету, несмотря на то, что она, собственно, ни на чем не основана. Произведенные мной опыты подтвердили то, что я прежде находил: свиньи, так же как и другие домашние животные, боятся живых змей, а мертвых, даже разрубленных на куски, никогда не трогают». Мне не хотелось утаить это последнее сообщение Гейера, но я должен все-таки заметить, что уже в сочинениях самых первых наблюдателей упоминается о свиньях, как о самых полезных истребителях страшных гремучников, и что новейшие наблюдатели только подтверждают это мнение. «Как только змея увидит свинью, — говорит Кальм, — то теряет всякое мужество и тотчас пускается в бегство. Свиньи жадно разыскивают ее, чувствуют издали, выслеживают и все ближе и ближе подходят к той, которую увидят и, наконец, набрасываются на нее и загрызают зубами. Как только змея попала ей в пасть, она сильно трясет ее и пожирает без всякого для себя вреда; однако голову она

всегда отбрасывает. Если какой-нибудь человек имеет намерение распахать новь, он, прежде всего, приобретает свиней, которых и выпускает на избранный участок в полной уверенности, что в скором времени земля его будет освобождена от этих гадин. Случается, конечно, что змея укусит свинью, но по большей части это не приносит ей никакого вреда».

Вышеупомянутые сообщения Кальма мне кажутся довольно вероятными, а новейшие исследования еще более утверждают меня в этом мнении. «Ни одна местность в Орегоне, — говорит Браун, — не была так густо населена страшными гремучниками, как долины реки Колумбия. Короткое время после прибытия туда первых поселенцев змеи надоедали им в высшей мере, так как они появлялись даже в домах и подползали под кровати людей. Все усилия истребить их оказались тщетными, пока свиньи не стали распространенным животным в этой местности. Этих полезных животных откармливали в дубовых лесах, и они были предоставлены сами себе. С этой поры господство страшных гремучников стало падать, и в настоящее время они здесь представляют весьма редкое явление. В те четырнадцать дней, в продолжение которых я, собирая растения, обошел вдоль и поперек эту местность, на 6 или 7 английских миль в окружности, мне ни разу не случилось увидеть страшного гремучника. Только после того, как я перешел границу той местности, на которой водились свиньи, мне стали чаще встречаться змеи. Между свиньями и змеями, очевидно, существует инстинктивное отвращение. Как только свинья заметит змею, она тотчас набрасывается на нее, и прежде чем змея успеет всадить в нее ядовитые зубы, ставит ей ногу на затылок, раздробляет голову и потом спокойно пожирает ее. Индейцам хорошо известна эта обоюдная вражда, и я несколько раз видел, как индеанки приходили просить у поселенцев куски свиного мяса; они говорили, что хотят обернуть ими лодыжки, чтобы предохранить ноги от укуса гремучих змей. В южной Орегоне даже распространено ни на чем не основанное мнение, будто свиное мясо само по себе спасает от укуса змей; доходят даже до утверждения, будто свиное мясо составляет отличное лечебное средство против змеиного яда. Можно, впрочем, допустить, что толстый слой жира предохраняет свинью от проникновения яда в кровь». Еще лучшим предохранительным средством считает Пехуэль-Леше ту кору грязи, которой покрывается свинья, копаясь в тине, и вообще ее склеенные грязью и смолой щетины, которые защищают ее от укусов змей; однако сильно укушенная свинья все-таки умирает.

Согласно с Брауном высказывается и Брухин. «Страшные гремучники, — говорит он, — в прежнее время часто попадались в графстве Милуоке, но в настоящее время они совсем почти истреблены там, благодаря деятельному преследованию их людьми и свиньями. По крайней мере, в те пять лет, в течение которых я

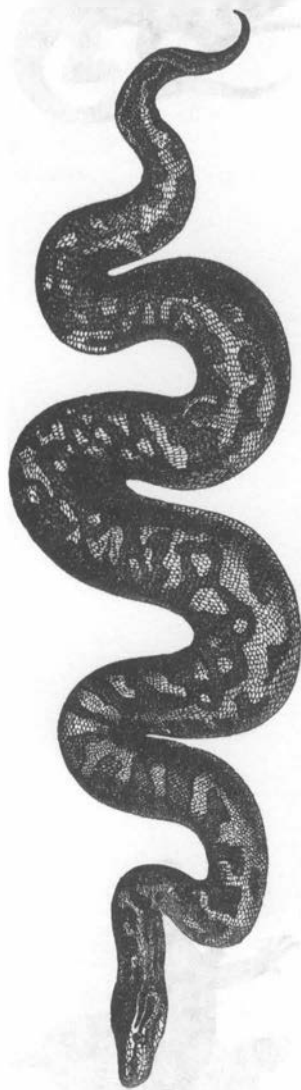
вдоль и поперек изъездил все леса, поля и болота, ни разу не удалось поймать или даже увидеть страшного гремучника, несмотря на то, что он попадался там и сям, по одиночке, около Нью-Кельна». После таких, вполне соответствующих друг другу сообщений незнакомых между собой наблюдателей и после подобных же сообщений из других местностей я имею право думать, что Гейер неверно оценил пользу свиней. «Врагами и преследователями змей, — говорит Гейер, — считаются также хорек, опоссум и барсук, а в особенности черный барсук. Относительно первых двух я нигде не мог найти достаточного удостоверения; над черным барсуком сам произвел немало опытов, которые оказались такими же неудачными, как и опыты со свиньями. Точно также неосновательны и легенды о хищных птицах, как о врагах страшного гремучника, за исключением разве луны и грифа. Остальные все слишком слабы, чтобы осмелиться нападать на него. Я часто находил вилохвостого сокола, которому присвоена слава истребителя змей, в таких местностях, где страшный гремучник весьма редко попадает. Возможно, что хищные птицы пожирают маленьких змей. Много змей бывает убито или раздавлено на больших дорогах. Никто не поленится сойти с лошади с целью уменьшить число этих гадин. Несмотря на то, что я часто встречал и убивал многих страшных гремучников, я никогда не мог подавить своего страха перед этими животными, хотя только один раз был укушен в носок сапога. В Америке, правда, отступают при виде этих змей, но только с целью найти камень или палку, чтобы убить их. Каждый маленький мальчик справляется со змеей, так что страх перед ней не очень велик. В населенных местностях Северной Америки она уже может считаться редкостью, так что неусыпное преследование ее не осталось без последствий».

Индейцы сиу и дакота никогда не убивают страшных гремучников, они скорее уважают их за хитрость, и встреча с ними считается хорошей приметой. Вследствие почитания змей, эти индейские племена и получили от своих заклятых врагов название надовесиу, что значит «гремучая змея». Название же «сиу» не что иное, как последний слог этого слова. Ни одно другое племя индейцев не питает подобного религиозного чувства перед страшным гремучником, даже так называемые змеиные индейцы, или шошоны, не знают его».

Многие животные знают страшного гремучника и боятся его. Лошади и быки пугаются его и бегут, лишь завидев издали; собаки делают над ним стойку, но при этом держатся на почтительном расстоянии; птицы испускают при виде его громкие боязливые крики. «Шагах в двадцати от моего дома, — рассказывает Додень, — увидел я однажды страшного гремучника полтора метра длиной; он лежал, свернувшись, около корня орешника и принял наступательное положение относительно моих собак. Хвост змеи был в постоянном движении и производил шум, подобный

Семейство гремучие змеи

точилу, между тем как ее широко раскрытая и высоко приподнятая пасть была направлена против моих двух собак. Последние глядели неподвижно, как бы в величайшем изумлении, на угрожающее им животное и не решались напасть на него, несмотря на то, что каждая из них, не задумавшись, вступала в борьбу с волками. Две кошки стояли тут же, объятые таким же изумлением. Я уже начинал опасаться за судьбу домашних животных, но змея внезапно переменила положение и продолжила свой путь. Собаки и кошки заботливо посторонились; однако, по-видимому, из простого любопытства преследовали ее. Я выпустил в нее полный заряд ружья и потом добил ударами палки. Ни одного из своих домашних животных я не мог принудить подойти к мертвой змее ближе, чем они стояли к живой».

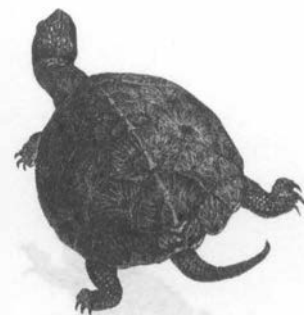
Многие наблюдатели утверждают, будто страшный гремучник перед тем, как укусить, всегда шуршит своими погремками, но это оказывается не совсем верным. «Когда он ползет медленно, — говорит Гейер, — то совершенно волочит свои погремки по земле; когда спасается от преследования, то поднимает их вверх и гремит ими безостановочно; только когда он сам преследует добычу, то шума совсем не слышно. Шум этот похож на шум лязганья точильщиков или шуршание мышиного горошка в сухих стручках. В прериях Миссури живет маленькая саранча, которая, улетая, производит точно такой же шум. Страшный гремучник не всегда предупреждает шумом о своем приближении, а только когда испугается или видит, что на него хотят напасть. Мне часто случалось находить змею в 10 см от того места, где я за минуту перед тем стоял». «Местные жители, — говорит Кальм, — уверяют, что змеи никогда не шуршат, когда намереваются нанести вред, но это мнение, совершенно соответствующее представлениям индейцев о хитрости и лукавстве змей, конечно, ни на чем не основано». Насколько я могу судить, шум погремков служит выражением сильного возбуждения, которое и у других змей выражается усиленным движением кончика хвоста. Страшные гремучники, которых я воспитывал или вообще видел в неволе, шумели при всяком беспокойстве, даже, если кто-нибудь только входил в комнату, где стояли их клетки. Во время шума погремками змеи обыкновенно поднимают голову на 20—30 см над землей, а шею придают форму латинской буквы S, чтобы иметь наготове достаточной длины переднюю часть тела для нападения; при этом они высовывают кончик хвоста с погремками между извилинами тела, позади его. Шум погремков скорее всего можно сравнить с трескотней кузнечика, но он не такой звонкий и происходит от безостановочного дрожания хвоста, причем движения эти так быстры, что глаз не может уследить за ними и видит, как бы одно мелькание. Страшный гремучник шуршит долго: пока он чувствует опасность, то не изменяет положение тела и шумит безостановочно. Я хотел, ради забавы, испытать его терпение, но

не выдержал. По мере удаления наблюдателя от разъяренного животного трескотня становится тише, но стоит опять подойти ближе, как усиливаются гнев и страх змеи. По моим собственным наблюдениям, могу утверждать, что змея начинает шуршать, как только увидит приближающегося человека, и кусает безмолвно только тогда, когда застигнута врасплох.

Укус этой змеи всегда очень опасен, потому что большие острые зубы пробивают даже самую плотную одежду или толстый мех. «Она кусает, — говорит Гейер, — с такой силой, какую в ней и не подозреваешь. Убедившись в том, что она не может прыгать, я стал наблюдать за тем, как долго она будет кусаться. Я нашел, что ядовитые зубы не так скоро отламываются, даже если повернуть палку, в которую они вонзились; можно даже притом повернуть и приподнять вверх все животное. Бросает змея палку только с целью сохранить зубы, но почти тотчас же хватается ее. Большая гремучая змея, в 2 метра длиной, которую я еще раньше избил, 30 раз набрасывалась и кусала древесный сучок толщиной 3 см; она сорвала кору древесины и даже разгрызла ее. Чем дальше продолжать эту забаву, тем более бесится змея, так что укусы следуют один за другим с изумительной быстротой; наконец, наступает утомление и бешенство сменяется страхом.

Другой случай испытать силу укуса страшного гремучника представился мне в прериях близ Миссури. Я заметил взрослого быка, который, как бешеный, неся прямо на меня. Чтоб не попасть к нему на рога, я повернул лошадь в сторону и пустил коротким галопом. Бык пронесся мимо низкого кустарника совсем около меня, причем я заметил, что у него на шее, за подбородком, висела большая змея. Я помчался за ним вслед. Он описал широкую дугу, наконец, бросился в рожицу, из которой выбрался с противоположной стороны, сбросив своего врага. Я сошел с лошади, чтобы наблюдать за последствиями укуса. Бык медленно подошел к пасущимся животным, но сам есть не стал. Несколько минут спустя он остановился, свесил голову на противоположную сторону от раны. Я заметил, что его ноги дрожат, начиная с колен и до лодыжек, и это дрожание увеличивалось по мере того, как я гнал его вперед. Укушенное место до самого уха сильно вспухло. Это случилось между 9 и 10 часами утра. На другой день около 4-х часов пополудни я возвращался назад и нашел укушенное животное на том же месте; рот его был весь в земле, сухой, открытый, распухший язык висел и был покрыт сухой землей. Под языком было довольно большое вылизанное в почве углубление. Рана гноилась и была покрыта роем мух. Так как вблизи не было жилища, то я ничего не мог сделать для бедного животного; однако нарезал ему целую охапку травы, которую обмакнул в воду и положил перед ним. Действие яда бывает различным, смотря по степени возбужденности страшного гремучника. Менее ядовитым считается укус в сырую холодную погоду и очень опас-

Семейство гремучие змеи

Семейство гремучие змеи

** Единственным относительно действенным средством являются лишь противозмеиные сыворотки. Сейчас существуют моновалентные (от яда одного конкретного вида змеи) и поливалентные (от укусов нескольких видов змей) сыворотки. Одна из первых сывороток была получена еще Кальметтом в 1892 году в Пастеровском институте во Франции.*

ным в то время, когда змея только что выползла из зимнего убежища, и в жаркие августовские дни. В это время нигде нельзя считать себя в безопасности от ее укусов; она находится в самой сильной степени возбуждения, смело нападает и шуршит еще за несколько шагов до приближения врага. Однажды я видел индейского мальчика, которого укусила змея именно в это время года. Ни одно известное индейцам средство не помогало ему. На мальчика было страшно смотреть, потому что на укушенном месте гангрена обнажила кости, и можно было видеть, как он живо гнил. Раны издавали такой отвратительный запах, что к нему невозможно было подойти. Несчастный мальчик умер только через шесть недель.

Индейцы, следовательно, тоже не имеют верного средства против укуса страшного гремучника. Однако нужно заметить, что многие растительные вещества употреблялись в некоторых случаях с успехом*. Индейцы постоянно имеют при себе высушенные корни этих растений. Я не думаю, чтобы они приносили иную пользу, чем некоторое уменьшение страданий. По общим отзывам птицеловов и охотников, самым верным, хотя и самым болезненным средством считается выжигание раны сырым порохом.

К счастью, среди американцев все более распространяется знание самого действенного противоядия: укушенным дают выпить водки или спирта. «В сентябре 1820 года, — рассказывает Майранд, — я услышал вечером сильный женский крик, и когда через несколько минут меня позвали, то узнал, что один из невольников укушен змеей и лежит при последнем издыхании. Я нашел его без движения; челюсти были плотно сжаты, пульс бился неправильно и еле слышно. Как человеколюбие, так и собственная выгода требовали, чтобы я испробовал все возможное для его спасения. Я слышал о хорошем действии спиртных напитков и решил применить самые сильные возбуждающие средства: смешал чайную ложку мелкоистолченного перца со стаканом водки, приказал разжать челюсти и влил в рот больному эту смесь. От первых четырех стаканов его только рвало, наконец, пятый остался в желудке. Пульс стал чаще после приема больным пяти-шести стаканов перцовки, но скоро опять упал, и я снова принялся вливать ему в рот водку с перцем. Хотя я и опасался, что слишком большое количество возбуждающих средств не привело бы к смерти пациента, но был вынужден продолжать, так как пульс сразу падал, как только я прекращал вливание перцовки. Проглотив более литра водки с перцем, больной заговорил со своими земляками; после двух часов, в продолжение которых ему давали все те же средства, он так окреп, что я мог его оставить на попечение сторожей. На следующий день его состояние заметно улучшилось, однако он был еще очень слаб. Я стал ему каждый час давать понемногу спирта, настоящего на оленьем роге, и сытную пищу. В течение ночи было истрачено до трех

литров водки, из которых около одного литра было пролито. Большая часть мяса под подбородком загнила и отвалилась, и около раны отвалился кусок мяса в талер величиной; однако исцеление все-таки скоро наступило при помощи припарок и обмываний раны настоем коры красного дуба.

Год спустя однажды ночью меня позвали, чтобы лечить негра тоже от укуса страшного гремучника. У него были сильные боли в груди, и его рвало желчью. Ему вливали несколько раз по полному стакану водки с зеленым перцем, пока пульс не вернулся. Боль уменьшилась, и, проглотив шесть стаканов водки, человек почувствовал себя гораздо лучше, рвота и боль прекратились и 10—12 часов спустя негр был вне опасности. Он выпил около литра водки, настоянной на перце. Мой приятель рассказал следующее: «Однажды нашли человека, которого змея укусила несколько раз, и когда принесли домой, то сочли мертвым. Однако через некоторое время он пришел в себя и чувствовал себя совсем хорошо. По рассказам прислуги, он вышел пьяный из дома и, вероятно, упал на землю, но возбуждительное средство уничтожило действие яда. Вспоминая опыты, проделанные в Индии, я скорее могу допустить, что если человек и был укушен, то, во всяком случае, не отравлен.

Пойманные страшные гремучники долго упорствуют, но, если клетка соответствует своему назначению, все-таки принимаются за пищу. Купленный мной страшный гремучник ничего не ел в течение семи месяцев, хотя и убивал животных, которых я ему предоставлял на жертву; только по прошествии сказанного времени, исхудав почти до скелета, он решился проглотить отравленную им же крысу. Предположив, что змея жила в неволе, по меньшей мере, два месяца прежде, чем попала ко мне, я могу смело сказать, что девятимесячное голодание несколько не повредило ей. Во время добровольного поста она пила воду, купалась, несколько раз сбросила кожу, после чего требовала пищи и казалась злее и оживленнее, чем прежде; убивала принесенных ей животных и все же не дотрагивалась до них, пока не решилась проглотить крысу и с той же поры стала так правильно питаться, что за два месяца вернула прежнюю полноту. Из другого случая я узнал, как ленивы страшные гремучники. Несмотря на предостережения Эффельдта, который уверял, что уже видел нечто подобное, я все-таки приказывал доставлять своим пленным змеям живых крыс. Они быстро осваивались с клеткой и устраивались в ней по возможности удобно. Шум, производимый погремками, возбуждал их любопытство, но никак не страх. Они не обращали никакого внимания на змей, перебегали через них, скакали по их спинам и вовсе не страшились проявления их гнева, который иногда доходил до того, что змеи принимали наступательную позу, оставаясь в ней целыми часами, и то громче, то тише стучали погремками, смотря по приближению или удалению от

Семейство гремучие змеи

*Семейство
гремучие змеи*

них крыс. Подойдя однажды к клетке одной из моих гремучих змей, я, к удивлению своему, заметил, что она больше не шумит, как это делала постоянно, увидев меня. Она лежала, очевидно, больная, растянувшись по клетке, без движения, и только глаза сверкали по-прежнему живо или, лучше сказать, коварно. Около полудня змея лежала уже мертвой на том же самом месте и когда ее стали вынимать из клетки, то заметили у нее на теле большую и глубокую рану, которая, очевидно, и была причиной ее смерти. Рану же ей, очевидно, нанесла крыса, которая попросту заживо загрызла змею. Эффельдт, которому я сообщил об этом случае, очевидно, обрадовался, что его предсказание оправдалось таким блестящим образом и повторил предупреждение: никогда не сажай вместе с ядовитыми змеями таких млекопитающих, которые могут причинить им какой-либо вред.

При мало-мальски заботливом уходе, страшные гремучники отлично выдерживают неволю. О некоторых из них мы знаем, что они выживали в клетке 10—12 лет. Вначале они, как и прочие их сородичи, находятся постоянно в возбужденном состоянии; мало-помалу злость их утихает и, наконец, они начинают смотреть на своего сторожа как на кормильца, не бросаются так бешено и на других людей, подходящих к их клетке. С себе подобными они уживаются отлично. «Из 35 штук, — говорит Метцель, — которых я держал вместе в клетке, ни одна не выказала вражды против остальных, даже и тогда, когда им бросали змею их вида прямо в середину общества, между тем как посаженный в их клетку кролик или голубь приводил в смятение всех. В другое время они пребывали в совершенном бездействии. В теплую погоду они были еще веселее; сплетались между собой клубками, изредка меняя положение, а то подолгу лежали совершенно неподвижно». Этот покой тем опаснее, что он составляет совершенную противоположность значительной быстроте их нападения и может легко ввести в заблуждение наблюдателя.

Ниле, который держал у себя многих страшных гремучников, пришел к заключению, что их можно приручить. Он уверял, что музыка и на них оказывает свое влияние, а кротким обращением можно, наверное, укротить самых бешеных из них. Говорят, что, в конце концов, Ниле действительно продемонстрировал прирученных гремучих змей. «Послушание их, — говорит один свидетель, — так велико, что, сказав им несколько слов и погладив рукой, он может обращаться с ними, как с веревками. Он позволяет змее ползать у себя на груди, обвиваться вокруг шеи, целует ее и берет в руки вторую, когда первая обвилась вокруг него. При этом страшные животные не только не желают вредить своему хозяину, но, кажется, даже очень к нему привязаны. Он открывает рот змее, показывает ее ядовитые зубы и т.п. Его уверенность в своей безопасности имеет еще другую причину: он знает верное средство против укуса змей и не скрывает этого. По его словам,

надо прежде всего вымазать рот горячим маслом, потом высосать рану и, наконец, пить настойку из корня серпентарий, пока не вырвет, после всего этого нечего больше бояться действия яда».

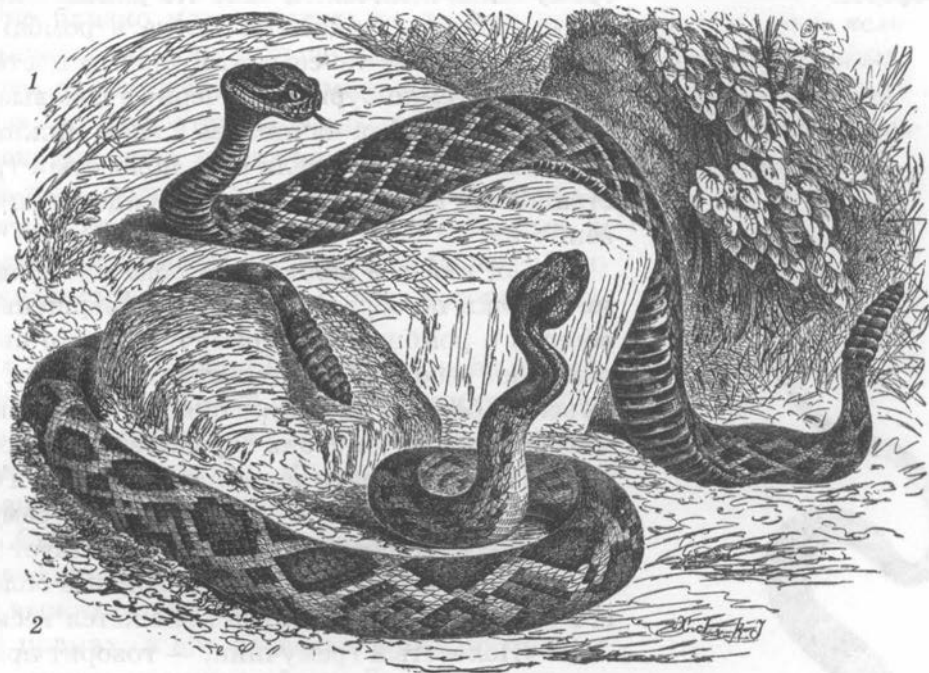
Нет причины думать, чтобы нельзя было заботливым уходом отчасти приручить страшных гремучников; но обращение с ними — вещь довольно опасная, и почти все фокусники, которые дают подобные представления, рано или поздно платят жизнью за малейшую неосторожность.

На юге Соединенных Штатов к страшному гремучнику, т.е. к более известному виду присоединяется **ромбический гремучник** (*Crotalus adamanteus*), а еще

южнее, в Средней Америке, у самой границы области распространения страшного гремучника, появляется **полосатый гремучник** (*Crotalus horridus*), единственный вид, найденный до сих пор в Южной Америке.

Ромбический гремучник, без сомнения, самый красивый вид; он превосходит всех остальных и величиной, так как, говорят,

находили старых самок 2 метра длины. Обыкновенно же он достигает только 1,7 м длины*. От страшного гремучника ромбический сильно отличается, во-первых, большой, вытянутой головой с малоразвившимися щитками, из которых три пары с каждой стороны окаймляют сверху края рыльца между рыльцевыми и надглазными щитками; во-вторых, 27 рядами чешуек на всем протяжении туловища и, наконец, окраской и рисунками кожи. Небольшой рыльцевый щиток представляет собой высокий треугольник, малоразвитые лобные щитки имеют округленную пятиугольную форму, а большие надбровные щитки окружены заметно выдающимся бортом. Великолепный зеленоватый, а у некоторых экземпляров золотисто-бурый цвет, в который облекается животное в первое время после сбрасывания кожи мало-помалу темнеет до нового линяния, и вместе с тем почти совершенно стирается рисунок, состоящий из трехкратной ромбической цепи, золотисто-желтые края которой странно выделяются на темном

1 — Ромбический
гремучник
(*Crotalus adamanteus*)
2 — Полосатый
гремучник
(*Crotalus horridus*)

* Ромбический гремучник, пожалуй, самый крупный представитель семейства, некоторые особи достигают в длину 2,4 м.

Семейство гремучие змеи

* Любопытно, что в качестве убежищ ромбический гремучник часто использует норы черепах-гоферов.

фоне скошенных четырехугольников. Черно-бурая полоса тянется через глаза от конца рыльца до углов рта. Верхняя часть головы одноцветная или расписана темными, неправильными пятнами, фигурами или полосками*.

Полосатый гремучник похож на североамериканских сородичей устройством щитков головы, а на ромбического гремучника — цветом и рисунком. Отличается от первых тем, что четыре щитка передней части рыльца, между рыльцем и надглазным щитком не разделены более мелкими щитками, а, следовательно, сходятся между собой на средней части головы. От ромбического гремучника отличается тем, что ромбы у него гораздо больше, их каймы шире, срединные пятна в ромбах светлее и окружены беловато или светло-серовато-желтым цветом. Две параллельные, широкие, темно-бурые или черные долевые полосы тянутся через всю голову и шею, начинаясь у глаз; нижняя часть тела желтовато-белого цвета. По величине полосатый гремучник почти равен страшному гремучнику. Число рядов чешуек равняется обыкновенно 29.

Так как все виды этого рода настоящих гремучников весьма похожи по образу жизни, то совершенно достаточно будет сообщить о ромбическом гремучнике, что он с особенной любовью выбирает себе местожительство около рек, озер, болот или же на морском берегу; он также опасен, но соответственно своей величине еще ядовитее своих сородичей, а во всем остальном, в образе жизни и нраве почти ничем не отличается от других видов. Хотя последнее относится и к полосатому гремучнику, но о его внешности и отношении к людям существует так много интересных сообщений, что наше желание войти в более подробное описание его образа жизни и нравов покажется весьма естественным.

«Полосатый гремучник, — говорит принц фон Вид, которому мы обязаны подробным описанием этого животного, — распространен на большей части Южной Америки, живет во всей внутренней Бразилии, встречается в провинции Минас-Жераэс и пробирается далее к северу, до Гвианы и Амазонки». От Азара, Бурмейстера и Гензеля мы узнаем, что полосатый гремучник встречается и на юге, а именно в Рио-Гранде-де-Суле и в Ла-Плате, а от Шомбургка, что в Гвиане он выбирает для жилья такие же местности, как и в Бразилии. «Он, по-видимому, избегает, — говорит принц фон Вид, — сырые береговые леса, но населяет более центральные, сухие, каменистые местности Сертонга, пустыри, необработанные еще земли, но живет и в иглистых, сухих, нагретых кустарниках и т. д.» С этим сообщением согласен и Чуди, который говорит, что полосатый гремучник предпочитает прохладные степные страны жарким первобытным лесам, почему и встречается преимущественно в центральных частях Бразилии. В Рио-Гранде-де-Суле, он, по словам Гензеля, встречается гораздо реже двух других видов гремучников и здесь живет тоже преимущественно на местах открытых,

обросших травой и окруженных скалами и кустарником. В Гвиане живет в саваннах и в растущем там редком, низком кустарнике, до высоты 2 000 метров над уровнем моря; но и здесь, как и в Бразилии, он избегает густых береговых лесов*.

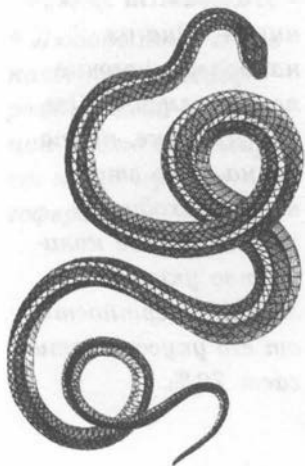
В течение целого дня полосатый гремучник исключительно предается покою. Он лениво лежит, свернувшись в плоский кружок, и кусает только тех, кто слишком близко подходит к нему. «Часто случается, — рассказывает принц фон Вид, — потерять таким образом в течение дня несколько штук рогатого скота, укушенного в каком-нибудь месте пути или пастбища; заметив это, начинают искать и убивают опасную ленивую змею. Если не подойти к ней случайно близко или заметить ее за несколько шагов, то бояться ее нечего, так как раньше, чем укусить, она всегда дает знать о своем присутствии знакомым нам шуршанием хвостовых погромков; но звук этот не очень громок, так что издали почти не слышен. Впрочем, несмотря на величайшую осторожность, можно все-таки подойти к змее слишком близко и быть укушенным в ногу». Это случается не только с белыми, у которых внешние чувства очень слабы, но даже, по словам Шомбургка, и с местными жителями, от соколиных глаз которых ничто не ускользает.

«Я часто подходил, — рассказывает Шомбургк, — на расстояние не более двух метров к полосатому гремучнику и спокойно наблюдал за ним. Он, правда, не спускал с меня глаз, но не выказывал ни малейшего желания кусаться. Но самое незначительное побуждение, даже внезапное приближение, тотчас приводило животное в бешенство. Свернувшись спирально, приподняв шею и голову и испуская совершенно своеобразный свист, он злобно осматривается кругом, выжидая удобной минуты, чтобы укусить врага; он редко делает промах, а его ядовитые зубы пробивают самую толстую одежду, самую крепкую обувь. Дрожание хвоста производит, правда, шум, но он недостаточно громок, чтобы его можно было слышать издали». Что касается до троекратного предупреждения, то мы его отнесем к той же области, как и волшебную силу, которую приписывают полосатому гремучнику, т.е. к области басен. Что человек всегда может быть предупрежден предшествующим нападению шумом, подтверждает и Чуди; но предупреждение иногда является слишком поздно; случается, например, что наступят на спящее животное и тогда укус происходит немедленно, без предварительного шума.

Главную пищу полосатого гремучника составляют мелкие млекопитающие, а на юге, по словам Гензеля, маленькие водосвинки и морские свинки; кроме того, он гоняется за всеми птицами, которых надеется перехитрить. Все наблюдения, сделанные относительно размножения других гремучих змей, можно, вероятно, отнести и к полосатому гремучнику. Один рассказ Гарднера дает нам право утверждать, что во время спаривания эти гремуч-

* Полосатый гремучник — одна из наиболее многочисленных змей в Южной Америке, поэтому на долю этого вида приходится максимальное количество укушенных людей. Смертность от его укусов достигает 70 %.

ники живут обществами. На западном склоне хребта Органо, близ Рио-де-Жанейро, он услышал однажды странное шипение и шорох и узнал от своего местного спутника, что этот шум происходит от гремучих змей. Оба путешественника влезли на дерево и увидели оттуда до двадцати, свернувшихся в один клубок гремучников, которые, подняв головы вверх, шипели и стучали по гремкам. Стрелы бразильцев и двустволка Гарднера убили до 13 штук змей и многие, тяжело раненные, были добиты палками.

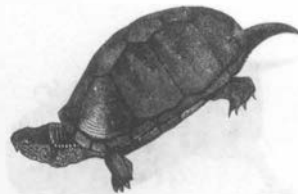
О действии укуса полосатого гремучника Шомбургк рассказывает следующее: «Солнце почти совсем спустилось за горизонт, а индеец Эссетамайпу все еще не вернулся, о чем, впрочем, мы вспомнили только тогда, когда увидели другого индейца, быстро сбегавшего к нам с пригорка: это был первый признак случившегося несчастья или важной новости, так как индеец обыкновенно приближается к деревне самым размеренным шагом. Действительно, оказалось, что индеец нашел Эссетамайпу, укушенного змеей и лежащего без чувств, в саванне. Взяв всевозможные вспомогательные средства, мы поспешили к месту, где, по словам индейца, лежал несчастный, и нашли его там без чувств. Страшного вида рана, вырезанная ножом и перевязанная клочком передника, над щиколоткой правой ноги указывала на место, где бедняга был укушен. Вся нога распухла, и сильнейшие судороги приподнимали все тело лежащего без сознания человека, которого даже трудно было узнать, так изменились его черты вследствие судорог. Бедный Эссетамайпу, проходя по саванне, наступил на змею, тотчас убил ее в припадке мести, а потом уже, со свойственной одним индейцам выносливостью, вырезав ножом укушенное место, сам перевязал рану. Так как ранение произошло на высоком месте в глубине саванны, то с трудом он дотащился до тропинки, где его могли заметить скорее, и там упал без чувств на землю. Почти половина жителей Пирары, увидев, с какой поспешностью мы бежали мимо них, и узнав, вероятно, о причине нашей торопливости, последовали за нами и, усевшись кругом на корточки, молча смотрели на несчастного, в то время как жена и дети Эссетамайпу испускали душераздирающие вопли. Судя по запекшейся крови укус произошел уже несколько часов тому назад; поэтому ни высасывание, ни выжигание не могли принести пользы. Мы обмыли рану аммиаком и влили несколько капель аммиака, разбавленного водой, в рот все еще бессознательного больного. Это средство произвело, по-видимому, свое действие. Сознание вернулось, и больного, который жаловался на боли в груди, плечах и спине, так же как и на подергивание во всех членах, отнесли на носилках в Пирару. Нога оставалась в течение нескольких дней страшно распухшей до самого бедра и совершенно неподвижной; при этом, при малейшем сотрясении, больной чувствовал невыносимую боль. Через три недели теплые припарки из кассавы совершенно уничтожили как опухоль, так и

мертвенную бледность лица и боли. По истечении шести недель закрылась и рана, и больной мог опять владеть ногой».

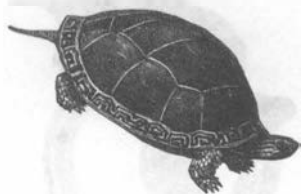
Несколько лет назад происшествие в Рио-де-Жанейро справедливо возбудило всеобщее внимание. Сообщает его нам Чуди в своем, появившемся в 1867 году, «Путешествии по Южной Америке». Известный Маньяро-Хозе-Махадо, страдавший уже долгое время проказой, решил, после четырехлетнего пребывания в лечебнице столицы, испытать последнее средство излечения от страшной болезни. В некоторых местностях Бразилии народная молва приписывает укусу ядовитых змей свойство излечивать от проказы. Узнав, что в городе находится живой страшный гремучник, Махадо выразил твердое намерение дать себя укусить этому животному. Напрасно близкие и доктора старались удержать его от этого. Устав от своей тяжелой жизни, он оставался глух ко всем увещаниям. В сопровождении многих людей, в том числе и некоторых докторов, он отправился в указанный дом и составил торжественный нотариальный акт, в котором заявлял, что решился на этот важный шаг после зрелого размышления и только по собственному побуждению, так что всю опасность и ответственность в случае неуспеха берет на себя. Акт был подписан им и еще несколькими свидетелями.

Махадо был человек среднего роста лет пятидесяти. Все его тело было покрыто сухими болячками, которые характеризуют проказу, лицо изуродовано, и на всех сочленениях образовались наросты, с которых кожа легко лупилась. Его отвращение к жизни достигло высшей степени, так что по исполнении вышеупомянутой формальности, он без колебания всунул руку в клетку страшного гремучника. Но животное, как бы охваченное отвращением, боязливо отступило. Больной дотронулся до змеи, но она и тогда направила только жало против его вздувшейся руки и решилась укусить его у основания мизинца после долгих поддразниваний и давления с его стороны. Махадо не почувствовал укуса, пока присутствующие не сообщили ему о нем. Это случилось в 11 часов 50 минут дня. Когда он вытащил руку из клетки, около укушенного места была заметна только небольшая опухоль; 5 минут спустя в руке появилось ощущение холода, она быстро стала пухнуть и через четверть часа приняла страшные размеры. В 12 часов 28 минут опухоль уже распространилась по всей руке до плеча. Судорожные подергивания лица и всего тела доказывали усиливающееся действие яда. В двадцать минут второго стали заметны необыкновенная чувствительность и дрожание всего тела; через 16 минут помутилось сознание; больной с трудом шевелил губами, появилась сонливость и сжатие глотки. В 2 часа 5 минут глотание стало затруднительным, а разговор неясным. Больной жаловался на ощущение невыразимого страха, и на груди показался обильный пот; еще через полчаса беспокойство достигло высшей степени. В то же время появилась дурнота и кровоте-

*Семейство
гремучие змеи*

Семейство
гремучие змеи

ние носом, которое повторилось в 3 часа 4 минуты. Боли в руке усилились до такой степени, что больной невольно застонал. В 3 часа 35 минут по всей коже распространился желчный оттенок, и из одной из болячек, под рукой, стала сочиться кровь. Больной выпил без затруднения немного воды с вином. Но скоро глотание и дыхание опять затруднились, боли в руке стали почти невыносимыми, и желтый цвет кожи стал темнеть, особенно на укушенной руке. Пульс, который в 2 часа составлял 98 ударов, достиг 104 ударов в минуту. Во всем теле был сильный жар и стала обильно течь слюна; в 5 часов 30 минут началось значительное выделение мочи, а в 7 часов появилась непреодолимая сонливость. Больной непрерывно стонал. Через некоторое время он вдруг проснулся и стал жаловаться на сильную боль в груди и сужение горла, так что ему невозможно было ничего проглотить; после того наступило опять обильное мочеиспускание и кровотечение из носа. Когда больной, наконец, достиг такого состояния, что, как он сам, так и присутствующие доктора пришли к убеждению, что болезнь будет иметь смертельный исход, была сделана, с согласия Махадо, еще одна попытка предотвратить катастрофу. В 10 часов вечера он принял три ложки отвара гуако и час спустя еще одну ложку того же средства. В полночь больной заснул, а через полчаса он опять проснулся и, объятый невыразимым страхом, громко закричал и требовал священника. Остальная часть ночи прошла очень беспокойно. Около 9 часов утра больной впал в глубокое уныние, выделявшаяся моча была кровяная, и судорожные подергивания возобновились на подбородке и в ногах. В 10 часов 30 минут, следовательно, менее чем через сутки после отравления он, наконец, умер, несмотря на всевозможные попытки спасти его; между прочим, ему дано было несколько унций ящеричного жира. Труп вскоре страшно распух и стал быстро портиться.

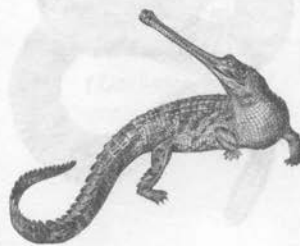
«Если, — говорит Шомбургк, — своевременная, быстрая помощь и может предотвратить смертельный исход от укуса змеи, то раненый все-таки в продолжение всей жизни чувствует вредные его последствия и умирает от них через несколько лет. Рана раскрывается почти ежегодно, и в укушенном месте чувствуется сильная боль при всякой перемене погоды. Кроме общих средств: вырезания и высасывания раны, так же как и употребление вовнутрь свежего сока сахарного тростника, который, по словам индейцев, служит верным средством и против отравления стрелами, каждое племя имеет еще собственные лекарства, большинство которых мы должны отнести к воображаемым. Так, у некоторых племен ни сам раненый, ни его дети, ни родители, ни братья и сестры, живущие с ним, не должны в первое время после укуса пить воду, купаться и даже вообще подходить к воде; это дозволено только его жене. Жажду он в это время может утолять только жидкой, но непременно теплой тыквенной кашей, в голод — поджаренными плодами пизанга. Если раненый после укуса пил сок

сахарного тростника, то он должен впоследствии избегать всего сладкого. Некоторые племена считают, что нашли в женском молоке верное противоядие, и употребляют его одновременно с смягчительными припарками из хлеба кассавы; другие лечат выжатым соком стебельков и корней растений *Draconium dubium*. Довольно сильно распространено тоже против укушения змей употребление отвара *Byrsonima crassifolia* и *Moureira* и, кроме вышеупомянутой ароидеи, принадлежащей к тому же семейству *Quebitea guianensis*. Однако целебное действие всех этих средств почти всегда обусловлено телосложением раненого, так что женщины и слабые мужчины весьма редко выздоравливают». Чуди, впрочем, не сомневается, что лесные индейцы, которые так часто подвергаются опасности быть укушенными змеями, имеют очень действенное средство против змеиного яда; но средство это нам пока еще незнакомо. «Известно, — говорит он, — что индейцы Колумбии и Перу обладают чудесным и почти верным средством против укуса известного вида змей; это вьющееся растение *Vejuco de huaco* (*Mikania huaco*)». При обсуждении вышеописанного добровольного отравления Шомбургк прибавляет, что средство это в тысячах случаях было применено с блестящим успехом и не оказало своего действия у Махадо только потому, что было употреблено слишком поздно, когда, по мнению всякого знающего человека, о спасении нельзя было и думать. «Гуако могло замедлить смерть, но не спасти от нее».

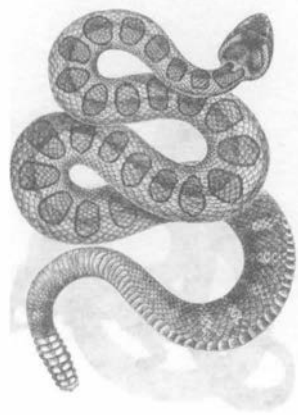
«Бразильцы, — замечает принц фон Вид, — знают несколько весьма действенных средств от укуса змей, лечение которыми сопровождается у них многими суеверными обрядами, молитвами, заклинаниями и т.п. К этим средствам принадлежат: вырезание и выжигание раны, отвары разных трав, которые употребляют для примочек или вовнутрь; в последнем случае они действуют обыкновенно, как потогонное. Трав, употребляемых от укуса змей, насчитывается большое количество; к ним принадлежат: несколько видов *Aristolochia*, *Bigonia*, *Lacaranda* и др., так как в подобных случаях всякий советчик думает, что известное ему средство самое лучшее. Корни, листья и плоды этих растений скоблят и растирают, дают вовнутрь, или же прикладывают к ране; одни действуют раздражающим образом, другие, и большая даже часть, как потогонное, и т.д.». В описании своего путешествия принц сообщает о многих случаях исцеления укушенных змеями. Молодому индейцу перевязали укушенную ногу, вырезали и высосали рану и дали внутрь водки. «После неоднократного выжигания раны порошком, больного положили на койку и насыпали в рану порошок шпанской мушки. Нога сильно распухла. Присутствовавший при этом рудокоп принес два корешка, действие которых он очень расхваливал; один из них был губчат и безвкусен, вследствие чего его забраковали; из другого, очень горького (вероятно кирказон), сварили крепкий настой. Была ли последовав-

Семейство гремучие змеи

Семейство гремучие змеи

* Описанные «лекарственные» средства не помогают. Эффективным средством следует считать лишь сыворотки крови ряда животных.

шая затем рвота произведена этим чаем, водкой или змеиным ядом — весьма трудно решить. После спокойной ночи нога и бедро так сильно распухли, что объем их был вдвое больше нормального, больной же стал так раздражителен, что малейший шум заставлял его плакать и кричать. Так как у него изо рта шла кровь, ему ничего больше не давали внутрь; на ногу положили листьев, вероятно, *Plumeria obovata*, которые больной очень хвалил за их охлаждающее действие. В рану насыпали порошка из корня этого растения, и больной скоро поправился*. Во время короткого путешествия в окрестностях Рио-де-Жанейро Селлоу нашел негра, укушенного змеей, лежащего на земле в совершенном изнеможении. Лицо его сильно распухло, он дышал громко, и из ушей, носа и рта шла кровь. Ему дали внутрь жира большой ящерицы тегу, а перед тем снаружи и внутрь чай из вербены, которая действует как потогонное».

Чуди рассказывает, что немецкий аптекарь Пеккольд в Кантагалло готовил тинктуру из лесного растения, употребляемого иногда с успехом местными жителями против укусов змей; этому лекарству он дал название *Polygonaton*. Тинктуру принимают чаще или реже, смотря по большей или меньшей силе припадков. «Средство это оказало прекрасные услуги в более чем семидесяти случаях в окрестностях Кантагалло. Оно приносило исцеление даже в таких случаях, когда отравление приняло угрожающий характер и наступило опасное кровохарканье».

Индейцы и негры уверяют, что укусы гремучих змей опаснее всего в то время, когда они беременны или меняют кожу, а также в жаркую погоду, в полнолуние и новолуние. Как индейцы, так и колонисты говорят, что змеи выплевывают яд во время питья, что люди, укушенные змеями, должны все время лечения избегать женщин, что яд долго сохраняет свою силу, и рассказывают об этом много часто уморительных анекдотов. Среди бразильцев и североамериканцев переходит из уст в уста известная история о паре сапог, убивших трех мужей одной женщины, только вследствие того, что в них остались зубы гремучника, отломившиеся при укусе.

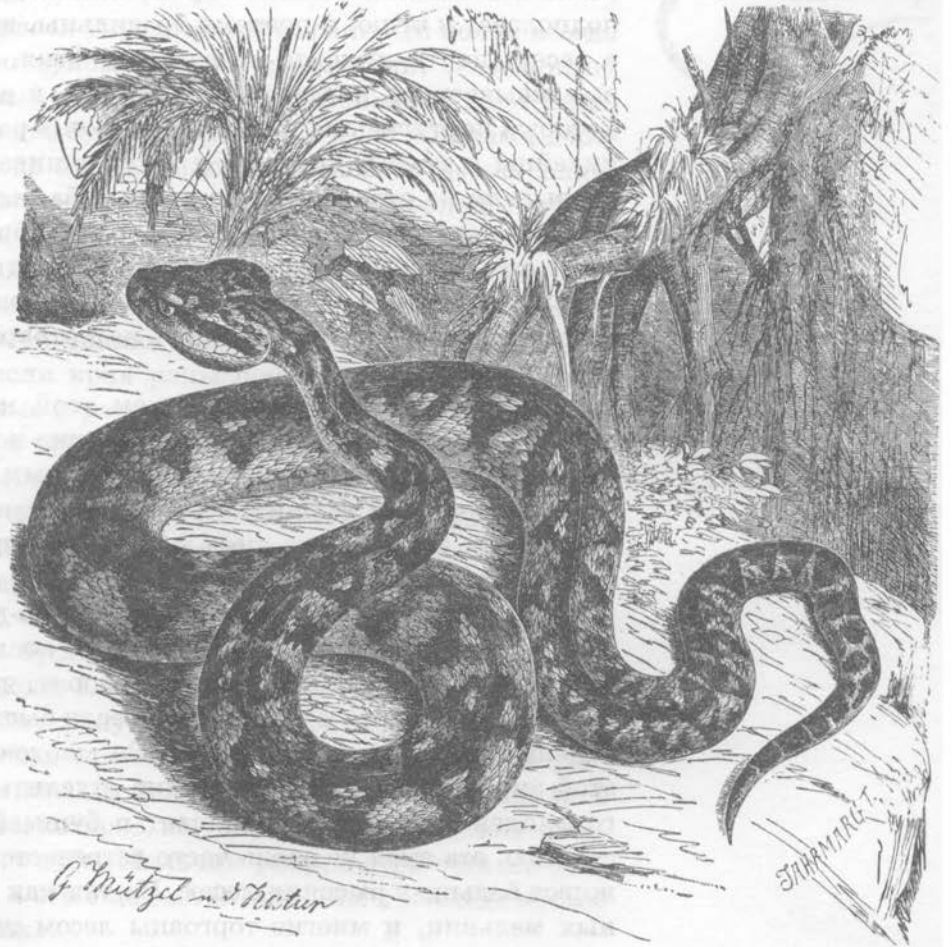
О врагах полосатого гремучника ничего не сообщает ни принц фон Вид, ни другие путешественники, но не подлежит сомнению, что их истребляют в большом количестве некоторые виды куниц, а также известные враги змей, хищные и болотные птицы, даже домашние кошки успешно борются с ними. Человек убивает их, где только встретит, но ни на что не употребляет. Ни один южноамериканец, даже дикий индеец, не ест мяса змеи. Но хвостовые погремки, по словам принца, никогда не выбрасывают, даже охотно покупают, так как считают их действенным средством от многих болезней.

В Южной Америке только одни негры находят удовольствие в воспитании ядовитых змей. «Искусство приручения таких змей, —

говорит Шомбургк, — по-видимому, перенесено неграми из своего отечества; нередко можно видеть, что гремучники, у которых даже не вырваны ядовитые зубы, обвиваются вокруг руки своего хозяина, не причиняя ему вреда, и вообще живут с ним дружно».

Бушмейстер, или сурукуку (*Lachesis muta*), достигает в длину 2,5 м, а по словам Каплера, до 4 м; по красновато-желтому фону верхней части тела проходит продольный ряд черно-бурых ромбов, из которых каждый заключает в себе два меньших светлых пятна. Нижняя часть тела желтовато-белая, блестящая, как фарфор. Шея уже более темная, на голове рисунок переходит в неправильные черно-бурые пятна. От глаз до угла рта идет широкая темная полоса по более светлому фону. Сердцевидная, очень расширенная ядовитыми железами, голова этой красивой змеи, резко отделяющаяся от шеи, так же как и ядовитые зубы 2,5 см длиной, указывают на ядовитость бушмейстера. Если бы эти змеи жили не в высоких лесах, где они целыми днями лежат, свернувшись, и если бы они были многочисленнее, то путнику угрожала бы смерть на каждом шагу: по словам индейцев, эта змея не убегает подобно другим змеям от человека, а, свернувшись спиралью, спокойно поджидает его, чтобы с быстротой молнии броситься на него. Она, бесспорно, самая ядовитая и опасная змея, живущая в Гвиане, и укусы ее, безусловно, смертельны». С этим описанием согласны и другие наблюдатели, которые прибавляют, что бушмейстера опасаются больше, чем страшного гремучника.

«В северной и средней Бразилии, — говорит принц фон Вид, — эта змея живет всюду, потому что я слышал о ней во всех местах,

Бушмейстер,
или сурукуку
(*Lachesis muta*)

Семейство
гремучие змеи

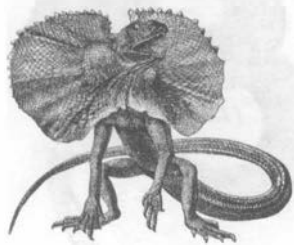
где бывал, и мои охотники убивали ее в лесах у рек Иритиба и Итапемирим, Рио-Доце, Перухипе и далее на север». Маркграф находил ее в Пернамбуко, Вухерер около Бахии, Чуди во всех прибрежных местностях бассейна Амазонки, начиная с провинции Сан-Паулу, далее на север в Куйябе и Мату-Гросу; Шомбургк и другие наблюдатели видели ее в Гвиане.

Это большая, красиво разрисованная, ленивая змея, которая, как говорят, толщиной равняется мужскому бедру; она выбирает для местожительства преимущественно прохладные, тенистые леса, в которых обыкновенно спокойно лежит, свернувшись на земле. Она никогда не влезает на деревья. По образу жизни и нраву очень похожа на страшного гремучника. Уверяют, что ночью она подползает к огню, и поэтому бразильцы, вынужденные кочевать в лесах, почти никогда не разводят огня. Говорят еще, что она выплевывает яд, когда хочет напиться, и еще многое другое. Некоторые португальцы говорят, будто она ранит шипом хвоста; но индейцы и негры, которых я расспрашивал об этом, всегда мне указывали на отверстие страшного зуба, как на вместилище яда.

Кажется, что в Бразилии время сбрасывания кожи этих змей совпадает со временем линяния птиц, так как я нашел однажды в марте, в первобытном лесу около Марро-д'Аррара, совсем свежесброшенную кожу, на которой еще были отпечатаны все чешуйки.

Над пищей и размножением этой красивой змеи мне не случалось делать наблюдений, но нужно полагать, что в этом отношении она вполне сходна со страшным гремучником. Вследствие величины и толщины своего тела, так же как и силы оборонительных средств, эта змея может справиться с довольно большим животным.

Ее укус убивает быстро. Около Рио-де-Жанейро один негр умер через шесть, другой через 12 часов после укуса, и рассказывают еще много подобных случаев. Говорят, что у укушенных кровь льется из ушей, рта и носа. Однако если быстро оказать помощь, то раненые часто выздоравливают. Во множестве легенд и басен об этой змее бывает довольно трудно отделать правду от лжи. Один голландский колонист сообщает о бушмейстере следующее: «К счастью, эта змея не очень часто встречается вблизи плантаций, а живет больше в высоких лесах. Но так как в них много лесопильных мельниц, и многие торговцы лесом живут в тех местах, то часто случается, что некоторые из них умирает от укусов змеи. Один индеец нанялся к господину Моллю в качестве охотника и отправился однажды в лес за дичью. Некоторое времени спустя его собака принялась выть — верный признак близости змеи. Испугавшись за жизнь собаки, индеец поспешил на ее голос с ружьем в руке, но змея бросилась на него раньше, чем он ее заметил, сильно укусила в руку выше локтя и исчезла. Не чувствуя пока боли, индеец преследовал змею, убил ее, распорол ей живот и натер

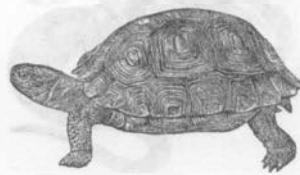
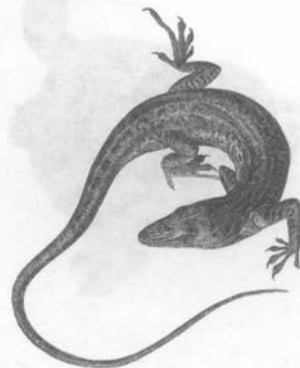
рану ее желчью, как противоядием; после того он, взяв в руки змею, поспешил домой. Но так как до дома было очень далеко, он почувствовал на полдороге слабость и холод, так что члены его окоченели, и он упал обессиленный на землю. Собака, заметив, что хозяин лежит без чувств, побежала домой и там подняла шум. Молль понял, что с его охотником случилось несчастье и вместе с одним из своих людей последовал за собакой. Через полчаса они нашли индейца на земле, совершенно окоченелого, но еще в полном сознании. Молль со своим слугой перенес раненого домой; однако все примененные средства оказались недействительными: яд уже проник в кровь, так как со времени укуса прошло несколько часов и смерть была неизбежна.

Однако, как ни опасен укус этой змеи, раненый почти всегда может быть спасен нижеупомянутыми средствами, если применять их в течение первых часов после укуса: больному дают пить, мало-помалу одну или две бутылки молока с 4—6 ложками деревянного масла, когда оно есть налицо; дают жевать сырой сахарный тростник или, за неимением его, горький померанец, глубоко вырезают рану и накладывают на нее вытяжной пластырь из размоченных табачных листьев с очень обыкновенным в Вест-Индии корнем репейника, смоченным бензойной или камфарной тинктурой; этот пластырь меняют каждые четверть часа и добавляют к нему опиум, если края раны почернеют. Больному внутрь дают слабительные и рвотные средства, а рану искусственно поддерживают еще в течение нескольких дней». Действительны ли вполне эти средства — остается пока нерешенным, особенно после утверждения в противном Шомбургка. Последний сообщает нам одну замечательную историю, основанную на его собственном опыте. «Во время моего первого пребывания в Бартико-Гrove, — пишет он, — я встретил там человека, сын которого был укушен коварным бушмейстером в левую щеку за несколько дней до моего приезда. Отец нашел сына в бессознательном состоянии и высосал ему рану. Через четверть часа после того этот человек почувствовал невыносимые страдания, голова распухла и скоро превратилась в бесформенную массу: появились все признаки отравления, которое, как оказалось, проникло в кровь через отверстие большого зуба. Мальчик умер, а отец остался хворым; по крайней мере, я его еще застал таковым в последнее свое пребывание в тех местах».

«Индейцы и негры, — говорит принц фон Вид, — иногда едят мясо бушмейстера, предварительно отрубив ему голову. При встрече с этой змеей в нее стреляют из ружья, так как всякий считает долгом убить это опасное и огромное животное, которого все боятся и ненавидят. В змеиные ловушки он тоже иногда попадает и тогда обыкновенно долго остается живым».

В Европу бушмейстер попадает гораздо реже, чем этого желали бы наши знахари. В честь его одно из их средств названо

Семейство гремучие змеи

Семейство
гремучие змеи

«Лажезис», вероятно потому, что для его изготовления Геринг прежде всего взял яд бушмейстера и обработал его. Удивительное действие этого средства может доказать следующий рассказ. «Когда мы вспоминаем, — говорит Геринг, — старые народные лекарства, то не можем не заметить, что для их изготовления использовали многих рыб, а еще чаще земноводных. Эти страшные, отвратительные существа должны были иметь силу преодолевать самые ужасные болезни. Рассмотрев внимательно известные нам старые предания, мы увидим, что жареные лягушки, сушеные ящерицы, жир змей, кровь черепах и преимущественно их желчь расхваливаются на все лады, как самые действенные средства против сыпи и нарывов. Но самым сильным животным ядом справедливо считается змеиный, так что страшно и употреблять его как лекарство, особенно если вспомнить, что многие из укушенных и исцеленных от него всю жизнь страдали сыпями на укушенном месте, которое, говорят, делалось такого же огненного цвета, как сама змея. Если, кроме того, принять во внимание, что большое количество этого яда убивает мгновенно, меньшее количество производит опухоли и воспаления и даже самое малое вызывает опасные припадки, то, конечно, надо стараться настолько уменьшить дозу, чтобы его действие было менее быстро. Поэтому еще раньше моего приезда на юг, у меня появилось сильное желание исследовать знаменитый яд. Опыты со змеиным ядом, растертым в молочном сахаре, не только покажут, как он действует на людей, но и дадут возможность с большей уверенностью лечить больных и из множества противоядий выбирать самые действенные; они, наконец, возведут змеиный яд на степень очень важного целебного средства. Я здесь напому только рассказ Галена, в котором говорится, что прокаженный был исцелен вином, в котором околед уж. Мне тоже сообщили здесь (в Парамарибо) под большим секретом, что жареная голова ядовитой змеи, истолченная в порошок, служит главной составной частью порошка, который, втертый в ссадины кожи, не только предупреждает вредное действие укуса, но исцеляет и после укуса. Наконец, я видел прокаженного, у которого, как мне говорили, пропали все струпья на лице и на всем теле вследствие лечения этим порошком. Не следует пренебрегать народными средствами, до Ганемана они были почти единственным источником аптекарских лечебных средств. Часто инстинкт указывал людям на такие средства, на которые не натолкнул бы их и столетний опыт. Все это, вместе взятое, заставило меня сильно желать приобрести большую ядовитую змею».

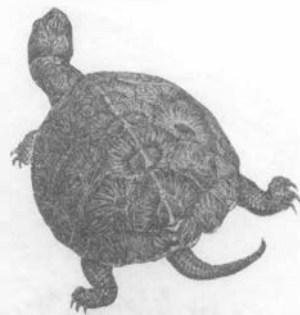
Такое вступление заставляет ожидать весьма многого; действительно, Геринг не обманывает наших ожиданий. Он рассказывает весьма подробно, как в 1828 году он добыл себе бушмейстера, выжал яд, 10 капель его смешал со 100 гранами молочного сахара и эту смесь растирал в течение «целого часа»; потом 10

гран этой смеси опять смешал со 100 гранами сахара, чтобы получить сотые части, считая каждую каплю яда за гран. К счастью для страждущего человечества, сам изобретатель чудесного средства испытал его действие тотчас на самом себе. «При растирании яда, — говорит он, — я заметил, что вдыхаю его мелкие частицы. Вследствие этого я почувствовал сзади на небе странное ощущение, как бы щекотание; через час появилась щемящая боль в горле, на маленьком местечке, глубоко справа, на стороне глотки; при глотании боль не увеличивалась, но усиливалась при нажимании. Несколько часов спустя меня вдруг охватил страх или, точнее, тяжелое предчувствие чего-то ужасного; оно мучило меня более часа. К вечеру случился припадок необыкновенной, почти безумной ревности, столь же глупой, как и непреодолимой, позднее слабость, усталость, сонливость и при этом страшная болтливость, но говорил я кажется, вздор. Appetit совершенно пропал вследствие неприятного ощущения в желудке, появилось сильное желание выпить пива, время от времени чувствовалась вышеупомянутая боль в горле. Когда я, наконец, совершенно сонный (как мне казалось), лег в постель, то заснуть никак не мог, ворочался с боку на бок, не находя удобного положения: все казалось — что-то давит в шею и в затылок. Всякое прикосновение к гортани было не только чувствительным, но производило ощущение удушья и увеличивало боль горла сзади. Ладони, подошвы и живот были очень горячими. Заснув, наконец, поздно, я очень рано проснулся. На другой день испражнения были недостаточны, полужидки и глинистого цвета; на третий день утром сделался понос с кашицевидным испражнением, а после обеда, заснув, видел пресветлые, уморительные сновидения».

При первом употреблении этого удивительного средства таким искусным врачом получилось следующее: отвращение к курению, вспыльчивость и гнев, но без злобы, недоверие и подозрительность, щекотанье в кончике носа; в углах глаз чувствовалось давление, и они слезились; перед полуночью появилось возбужденное состояние, и после полночи — внезапный понос, потом поразительная апатия, забывчивость и желание напиться вина, боль под ложечкой при давлении, зуд между пальцами, беспокойство, вызывающее на воздух, насморк и понос, которые, возможно, доказывали, что прием был слишком силен.

Город Змеиногорск в Алтайском горном округе, по словам Ренованца, получил название от поразительного количества змей, которые сначала находились в рудоносных горах и в таком количестве, что их складывали в кучи и сжигали, чтобы от них избавиться. Когда мы, т. е. Финш, граф Вальдбург-Цейль-Траухбург и я, летом 1876 года посетили этот красивый город, то решили исследовать: заслуживает ли и теперь городок свое название, и попросили нашего радушного хозяина, горного чиновника Иванова, послать кого-нибудь из незанятых рабочих на охоту за зме-

*Семейство
гремучие змеи*

* Сейчас насчитывают до 14 видов щитомордников.

ями. Несмотря на грозу и дождливый день за самый короткий срок нам принесли исключительно ядовитых змей, нашу общеизвестную гадюку и еще единственного европейского представителя гремучников.

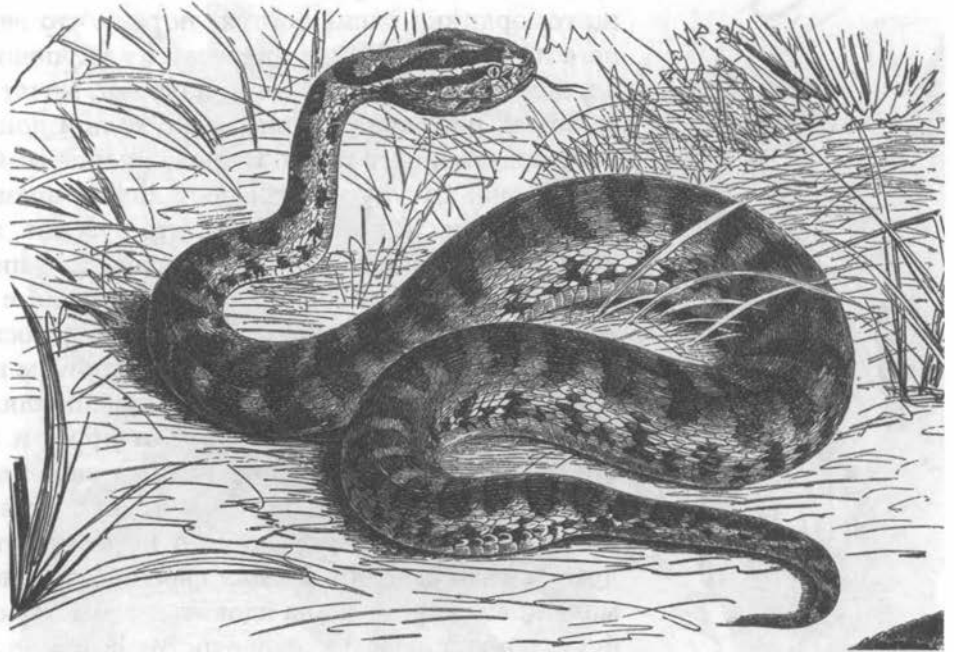
Обыкновенный, или палласов, щитомордник (*Agkistrodon halys*) служит представителем рода щитомордников (*Agkistrodon*). Палиссо де Бовуа обозначает этим названием всех гадюк без погремков с треугольной головой, покрытой сверху обыкновенным числом щитков, с длинным туловищем, снабженным 17—27 рядами килеватых чешуек, и с очень коротким, неспособным к схватыванию хвостом, нижние щитки которого расположены в два или три ряда, а последняя чешуйка, похожая на жало и роговая, по утверждению некоторых исследователей, представляет недоразвившийся гремок. Известны 9 или 10 видов щитомордников, которые обитают по большей части в Северной и Центральной Америке, в некоторых своих формах распространяются на Среднюю и южную Азию, а один вид переходит и за Урал и таким образом проникает на крайний восток Европы. Все эти змеи живут исключительно на суше*.

Обыкновенный щитомордник не превосходит по величине обыкновенную гадюку. Совершенно треугольная голова необыкновенно плоская, на конце морды косо срезана снизу, сверху углублена в виде желобка и покрыта девятью обыкновенными щитками; покрытая щитками часть головы невелика и, по крайней мере, половина ее прикрыта ими. Щитки отличаются тем, что каждая пара или каждый щиток лежат в особой плоскости и задним краем прикрывают передний край следующих пар или щитка; таким образом, получается более или менее ясно обозначенное черепичное расположение всей группы головных щитов. Отличительной особенностью этого вида, по Штрауху, являются узкие передние лобные щитки, которые составляют фигуру в виде полумесяца и создают выпуклую возвышенность; вся морда имеет форму более или менее сильно изогнутого седла. Голова всегда очень резко отделяется от сжатой и тонкой шеи; туловище довольно длинное и посередине почти круглое, покрыто 25 рядами килеватых чешуй и перед хвостом немного утолщено; последний очень короток, конусообразно заострен и снабжен вышеупомянутым роговым придатком, довольно длинным, слегка изогнутым и с заметной бороздкой во всю длину. Окраска верхней стороны всегда буровато желто-серая, на середине спины более темная; нижняя сторона более или менее чистого желто-белого цвета; на задних щитках замечаются более или менее ясные черные точки. Совершенно то же заметно на краях губных щитков, которые на желтом фоне имеют каштановый рисунок. Узор головы состоит из большого, правильной четырехугольной формы пятна, находящегося на обеих парах лобных щитков, из широкой, на середине прерывающейся поперечной полосы, тянущейся от одного пред-

глазного щитка к другому, и из очень широкой полосы, пробегающей от заднего края глаза до угла рта через шею. Все эти рисунки имеют окраску спины и более или менее заметно окаймлены желтой каймой. Вдоль всей спины и на конце хвоста находятся в большом количестве желтые или желто-белые, окаймленные черным, поперечные полосы, по краям зазубренные, часто прерывающиеся или развитые лишь наполовину; иногда они разветвляются наподобие сети. По сторонам туловища к ним примыкают черно-бурые, окаймленные молочно-белым, большей частью правильные полосы, расположенные продольными рядами. Первое пятно на затылке отличается от остальных подковообразной формой. У этой змеи тоже встречаются видоизменения в цвете и рисунке.

Область распространения обыкновенного щитомордника, открытого Палласом в верховьях Енисея и впоследствии вновь найденного близ устьев Волги и у Ленкорани, простирается от Волги на востоке до Енисея и от 51 градуса северной широты на юг, до какой широты еще неизвестно. В Европе эта змея обитает только между Волгой и Уралом в степных местностях. Ее настоящей родиной можно считать Среднюю Азию и южную Сибирь, так же как север Туркестана и Монголии. В Киргизской степи, именно в юго-восточных ее частях, она может вместе с гадюкой считаться самой распространенной змеей; то же самое можно сказать и о степях Алтайского края.

По нашим, впрочем, очень поверхностным, наблюдениям, обыкновенный щитомордник не имеет постоянного убежища, а ложится днем то тут, то там, свернувшись клубком, между травами степи. Когда мы с нашими киргизскими проводниками переезжали через степь Семиреченской области, а потом через долину Эмиль, каждый день по нескольку раз какой-нибудь киргиз вдруг вытаскивал длинный нож, наклонялся с седла и наносил быстрый удар. Это всегда обозначало присутствие ядовитой змеи, то гадюки, то щитомордника, и доказывало нам, как распространены здесь эти животные. Кочевники с полным правом нена-

Обыкновенный,
или палласов,
щитомордник
(*Aghkistrodon halys*)

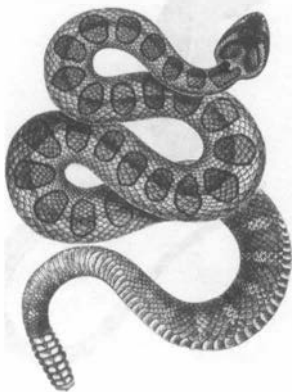
Семейство
гремучие змеи

видели и ту, и другую змею, потому что из-за них они нередко теряют ягнят и коз, хотя и те, и другие знают этих змей и избегают их. Те киргизы, которых я расспрашивал, ничего не могли сообщить мне относительно пищи этой змеи, и я решаюсь высказать догадку, что щитомордники, так же как и гадюки, питаются мышами, маленькими птицами, преимущественно жаворонками и, вероятно, жабовидными ящерицами, очень обыкновенными в степи. Зато киргизы многое знали об образе жизни обеих змей, знали, например, что они ночные животные и в самое жаркое время года лежат на солнце только в утренние и вечерние часы, в полдень же прячутся в тень кустарника, под камнями или залезают в воду. Укуса щитомордника очень боятся, потому что верного средства против него не знают. Сначала надрезают у укушенного рану, высасывают яд, дают тинктуру опиума и, наконец, мочат в воде укушенное место до тех пор, пока не спадет опухоль и пока нельзя приняться за втирание змеиного жира. В продолжение всей болезни читают места из Корана. От укусов страдают долгое время, иногда месяцами и даже годами. Удивительно то, что русские, которые в Змеиногорске ловили нам гадюк и щитомордников, нисколько не разделяли страха киргизов и обращались со змеями с достойной порицания небрежностью. Чтобы безопаснее их переносить, они делали из гибких сучков очень удобные щипцы, причем надрезали сук до половины, потом, начиная от разреза, расщепляли, затем сгибали так, что обе стороны отставали друг от друга и представляли стороны щипцов. Между этими последними защепляли шею пресмыкающегося, отпускали сучок и так крепко захватывали на любом месте шею, что змея уже никого не могла укусить. При этом они думали, что сделали все для своей безопасности и, не обращая ни малейшего внимания на ядовитые зубы, обходились со змеями так, будто не знали об их ядовитости. Как мне рассказывали, многие бывают искусаны гадюками и щитомордниками, но так как они верят, что втиранием дегтя можно предотвратить последствия укуса, то мало остерегаются.

На Яве живет гладкий, или **островной, щитомордник** (*Agkistrodon rhodostoma*), который отличается от других родственников сжатым туловищем и гладкими, не килеватыми чешуями на голове и на теле. Во всем остальном чешуйчатый покров этой змеи только тем отличается от других видов, что чешуйки, расположенные в 21 ряд, лежат более косо, чем обыкновенно. Длина щитомордника не больше 95 см.

У этого вида также замечается темно-бурая с беловатой или розоватой каймой продольная полоса от глаз до угла рта. Спину украшают на красно-буром фоне два ряда черно-бурых треугольных пятен с черной и белой каймой, которые то сливаются с черной, средней полосой, то переходят с одной стороны на другую, и, таким образом, представляют весьма красивый рисунок. Белая нижняя сторона слегка покрыта буроватыми жилками.

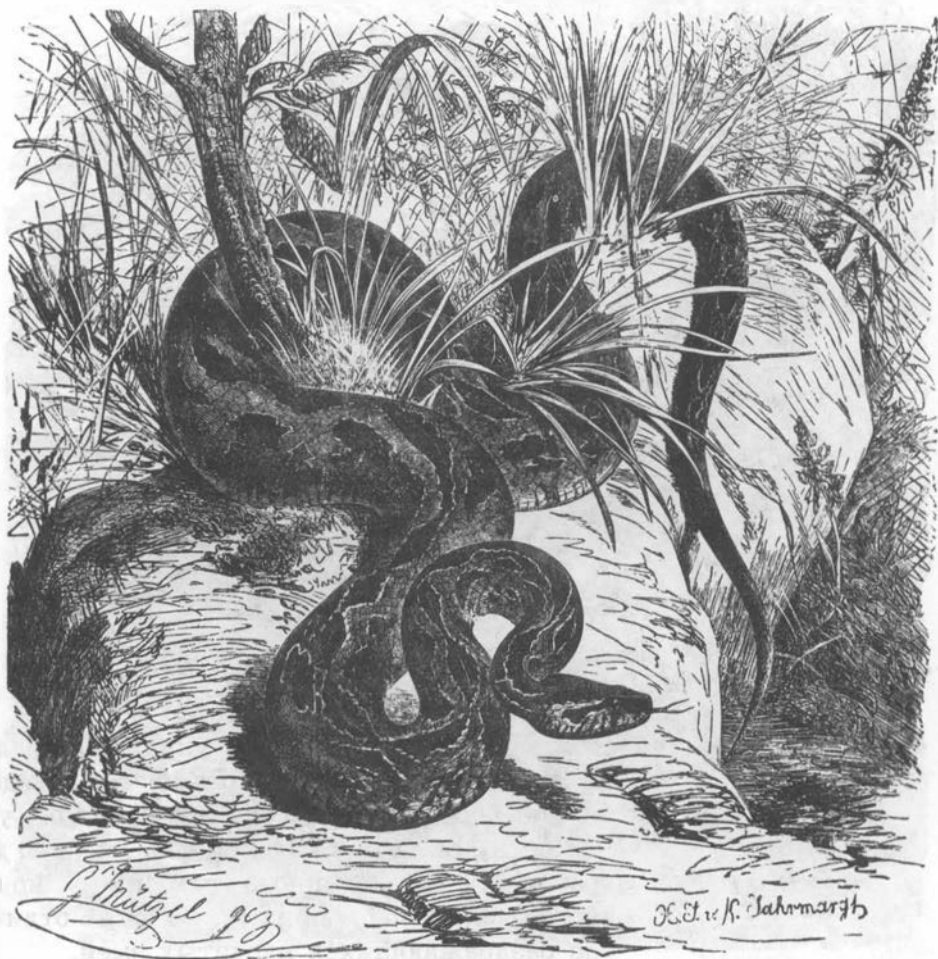
Эта змея живет в Сиаме, а также в западной части Явы на суше, прячась между травами; она проникает в сады деревень и даже городов. Яванцы считают гладкого щитомордника самым ядовитым животным их острова. Шлегель рассказывает, что два работника, которых в Бейтензорге укусила эта змея, умерли через пять минут.

Как и другие ядовитые змеи, гладкий щитомордник родит живых детенышей и питается обыкновенно лягушками, остатки которых Шлегель находил в его желудке.

Циветты и мангусты помогают людям уничтожать эту красивую, но опасную ядовитую змею.

Медноголовый, или мокасиновый, щитомордник.

(*Agkistrodon contortrix*) — один из самых известных и распространенных североамериканских видов. Длина его около 1 м, редко больше. Туловище толстое, хвост довольно короткий, снизу покрыт щитками, а на конце снабжен роговым острием, голова представляет удлиненный треугольник, но очень заметно отделена от шеи; с верхней стороны не очень плоская; углубление, которое лежит между верхней губой и передним глазным щитом, не особенно глубоко, рот сильно разрезан. За затылочными щитками нет других некилеватых щитков, как у водяного щитомордника. Красивый медно-бурый цвет, который блестит на боках, составляет основную окраску верхней части тела; около 126 красно-бурых с более темными каймами поперечных полос, выгнутых дугами на боках, создают узор спины; и благодаря ему она и получила свое название, потому что его можно сравнить с мокасинами. Эти поперечные полосы, которые тянутся до самого хвоста,

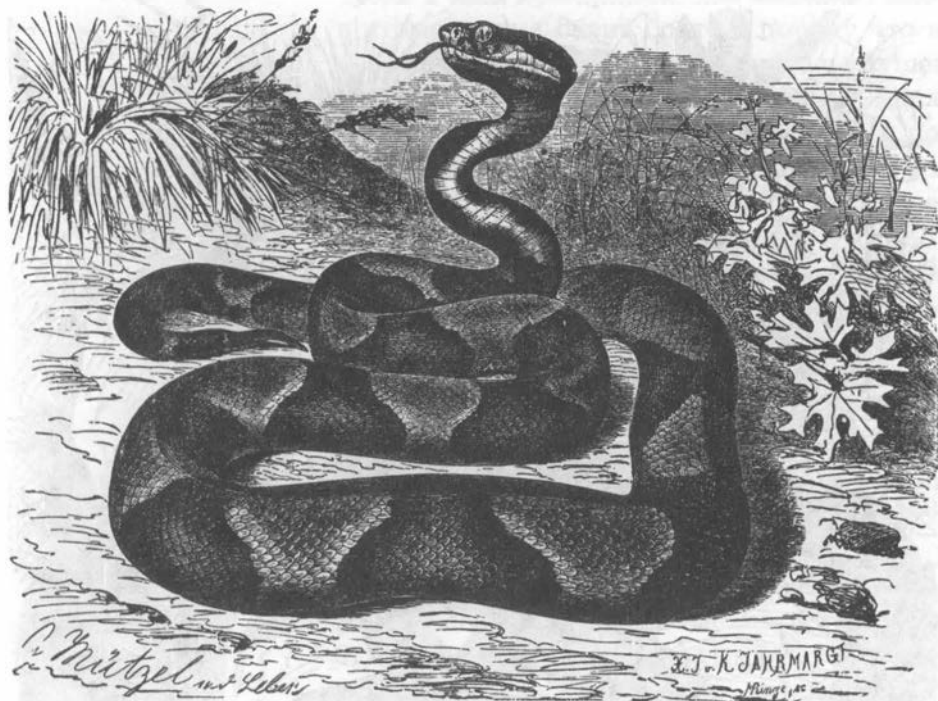

Гладкий, или островной, щитомордник (*Agkistrodon rhodostoma*)

ста, перемежаются с неправильными и одинаково друг от друга отстоящими пятнами основной окраски. Брюшные щитки светлого медно-красного цвета и украшены по сторонам большими многоугольными, более темными пятнами, которые перемежаются с такими же круглыми. Голова обыкновенно более светлого цвета, чем туловище, и украшена широкой светлой полосой, с более темными краями, проходящей от конца морды по всей стороне до угла рта.

Область распространения медноголового щитомордника простирается от 45 градуса северной широты до крайнего юга восточных штатов Северной Америки.

Местом жительства служат болотистые районы, преимущественно широкие пастбища, тенистые луга с высокой травой; пищу составляют полевые мыши, птицы и, вероятно, лягушки. Вследствие подвижности медноголового щитомордника американцы боятся их больше, чем страшного гремучника, которому они почти равняются по ядовитости своего укуса.

Медноголовый, или
мокасиновый,
щитомордник
(*Agkistrodon
contortrix*)

Кари упоминает случай, что укушенная медноголовым щитомордником лошадь через несколько часов издохла. Нерлинг приводит, наоборот, около 20 случаев, когда его укусы не приводили ни к смерти, ни даже к опасной болезни. Его движения гораздо быстрее движений страшного гремучника, но все же довольно ленивы; по характеру и привычкам он не отличается от других, быстро раздражающихся ядовитых змей.

При приближении человека змея принимает наступательную позу, поднимает треугольную голову, вертит языком и двигает из стороны в сторону кончиком хвоста. Кунце долгое время наблюдал эту змею и может удостовериться, что она не кусается ни в растянутом положении, ни когда лежит, свернувшись. Опасна лишь тогда, когда лежит, выгнувшись наподобие латинской буквы S. Гартман также описывает привычки этой змеи по жившим в неволе экземплярам, которые он получил из Северной Каролины. Она не оставляет своей дикости даже после долгой неволи и

во время гнева машет концом хвоста, подобно страшному гремучнику, с заметным шумом. Ее яд убивал мышей за 1—4 минуты; при голоде она проглатывала их тотчас же; в другое время давала им лежать несколько дней. Рыб она не трогала. При перемене кожи у нее образуется подкожная беловатая жидкость, которую наш наблюдатель заметил также у лазающих, водяных и других североамериканских ужей.

Относительно размножения я не имею никаких сведений, но не думаю, чтобы оно отличалось от размножения других видов этого семейства.

Гораздо лучше медноголового щитомордника знаем мы его ближайшего сородича, водяного щитомордника (*Agkistrodon piscivorus*), который тоже живет в Северной Америке, но исключительно в болотах и топях, реках и озерах. Это тоже большая ядовитая змея, так как длина ее доходит до 1,5 м. От медноголового щитомордника водяной щитомордник отличается двумя гладкими сверхкомплектными щитками, которые лежат за большими затылочными щитками, и, кроме того, маленькими чешуйками, которые теснятся между задними

лобными и теменными щитками. Окраска очень изменчивая. Большинство змей испещрены по глянцевиному зелено-серому фону более или менее правильными темными полосами. Одна разновидность, которую американцы называют водяной гадюкой, — ровного темно-землянисто-бурого или матово-черного цвета, и ее полосы выступают только непосредственно после линяния. У другой разновидности преобладает красивый каштановый цвет, который иногда темнеет до густого оливкового цвета, а на нижней

Водяной
щитомордник
(*Agkistrodon
piscivorus*)

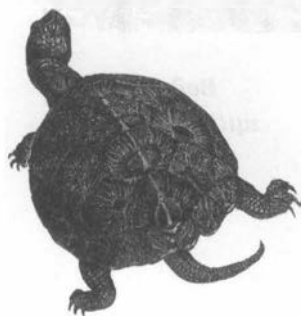
*Семейство
гремучие змеи*

стороне переходит в желтовато-бурый; эта окраска свойственна только молодым змеям, у некоторых, впрочем, она сохраняется и до глубокой старости. Обыкновенно нижняя сторона заметно темнее, чем у медноголовых щитомордников.

По Гольбруку, эта змея распространяется от Педи, речки Северной Каролины, на юг по всей Северной Америке и на запад до Скалистых гор, но встречается обыкновенно вблизи воды или в самой воде. Она живет на берегу островов, в озерах, болотах, прудах и ручьях, на сухой земле совсем не попадает. Во время сильной жары змеи лежат в большом количестве на нависших над водой ветвях, поспешно соскальзывают с них, если что-то им угрожает, и быстро уплывают. Катэсби считает, что они лежат на ветках, высматривая добычу, но вероятнее, они отыскивают сучья, чтобы погреться на солнце, потому что даже в безлесных болотах или на полях в полдень они поднимаются, ползут на сухие места, чтобы подставить себя солнечным лучам. Пища их состоит преимущественно из рыб и амфибий, но они не щадят млекопитающих, птиц и вообще ни одного позвоночного животного, которого могут проглотить. По отзыву всех наблюдателей, которые их изучали, эти змеи составляют предмет ужаса работающих на полях и возбуждают страх в большей степени, чем гремучие, потому что эти последние, как говорят, ранят только тогда, когда их раздражат, между тем как водяные щитомордники нападают без всякого повода и стараются укусить всякое живое существо, которое к ним приближается. Они пугают не только людей, но и зверей, которые живут в болотах или держатся вблизи воды: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб, потому что никто не застрахован от них.

Из всех ядовитых змей водяного щитомордника легче всего содержать в клетке, он сразу принимается за корм, употребляет самую разнообразную пищу и размножается без всяких затруднений. В Лондонском зоологическом саду пара этих животных произвела на свет детенышей, из которых Эффельдт получил четырех. Они дали ему возможность сделать многие наблюдения. Змеи ели и теплокровных, и холоднокровных животных, охотнее всего рыб, которых они предпочитали всякой другой пище. Эффельдт называет их самыми опасными соседями, которых только могут иметь змеи или маленькие животные, потому что они кусают и отравляют не только млекопитающих и птиц, но и пресмыкающихся, земноводных и рыб, даже других змей. Наш наблюдатель заметил, что из носатых гадюк, впущенных в клетку к водяному щитоморднику, некоторые исчезли; он обратил на это внимание и однажды увидел, что самец водяного щитомордника укусил носатую гадюку. Желая узнать действие этого укуса, Эффельдт остался у клетки и к немалому удивлению очень скоро заметил несомненные признаки последовавшего отравления гадюки. Через несколько минут укушенная змея замерла и в скором време-

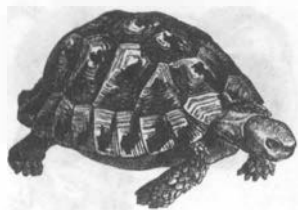
ни сделалась совершенно бесчувственной. Тогда водяной щитомордник схватил змею за середину тела и, не выпуская ее, придвинул свою пасть к голове жертвы и повернулся так, что гадюка была прямо против его рта, и начал ее проглатывать. В зоологических садах, по словам Эффельдта, должны были отделять водяных щитомордников от страшных гремучников, живших в одной клетке, потому что первые нападают на вторых, хотя и бóльших, чем они сами, и опасно ранят их. Ужи и другие безвредные змеи или ящерицы, принесенные к водяным щитомордникам, вызывают ужасный страх и всегда стараются от них убежать, но скоро бывают пойманы и рано или поздно укушены. Притом эти змеи никогда не проявляют той слепой и бешеной ярости, какая замечается у гремучих змей и гадюк; не выказывая особенного раздражения, они пристально смотрят на жертву и вдруг бросаются к ней на целую половину своего туловища, чтобы укусить. Они очень кровожадны; например птиц, которых приносят в клетку, или рыб, они очень скоро убивают, даже когда не голодны.

У своих пленников Эффельдт заметил, что они совокупляются несколько раз и притом в различные времена года, сначала весной, затем летом и окончательно осенью, около 10 октября. При этом замечается, что эти змеи во время совокупления свиваются в клубок. К одной паре, которая долгое время находилась в клетке, были принесены две другие, по-видимому, самки. Они принимали участие в первом совокуплении, свидетелями которого были, обвиняя совокупляющуюся парочку. Совокупление начинается с действительных ласк со стороны самца, который сначала окружает самку, живет, чем прежде, вертит языком, начинает дрожать хвостом, потом приближает свою пасть к самке, так что кажется, будто они хотят кусаться, причем и самка также вертит хвостом, показывая свое благоволение; обе змеи приближаются друг к другу с продолжающимся дрожанием хвоста и совокупляются так быстро, что едва можно заметить. Даже после совокупления продолжаются ласки, с той только разницей, что они проявляются с обеих сторон, причем нельзя сказать, кто из них нежнее, самец или самка. После того, как совершилось спаривание одной пары, приближаются и остальные змеи того же вида с теми же самыми ласками с явным намерением тоже принять участие в совокуплении, что часто и случается, если есть налицо оба пола, так как стремление к спариванию овладевает всеми. Пара остается соединенной большей частью целый час.

Относительно своих воспитателей водяные щитомордники выказывают себя удивительно добродушными и кроткими и, можно даже сказать, благодарными. Раньше, чем другие ядовитые змеи, они теряют охоту кусать его и легче других сородичей привыкают брать от него пищу. Я сам видел, что когда Эффельдт протягивал им щипцы с рыбой или сырым мясом, они тотчас же подходили и брали у него из рук пищу и моментально начинали

*Семейство
гремучие змеи*

двигаться, как только он отворял дверь клетки. Первый кусок рыбы или мяса они хватают с известной нежностью, потом начинают быстро проглатывать; при остальных кусках они кажутся жаднее, так как у них аппетит разыгрывается по мере того, как они едят. При этом часто случается, что они кусают щипцы, очевидно, только по ошибке; потому что, по уверению Эффельдта, эти животные никогда не пробовали угрожать своему воспитателю, напротив, всегда были так добродушны, что тот совсем легкомысленно с ними обходился, при кормлении беззаботно стоял при открытой двери и позволял змеям наполовину выходить из своей клетки, чтобы достать корм. При таких обстоятельствах случилось раз, что друг Эффельдта Вагенфюр, вдруг почувствовал что-то на своей руке, именно язык змеи, который ощупывал руку, очевидно, с намерением найти что-нибудь съестное, впрочем, без всякого желания обидеть беззаботного человека. Подобное приращение трудно заметить у других ядовитых змей.

Относительно медно-бурой разновидности водяного щитомордника Эффельдт также сообщает ценные сведения. В ноябре 1871 года этот знаменитый воспитатель змей получил водяного щитомордника-самца названной окраски, а в июне следующего года ему удалось приобрести и самку той же разновидности. 21 января 1873 года в прекрасный солнечный день обе змеи спарились, а в июле наш наблюдатель нашел в клетке восемь живых, только что родившихся змеенышей. Длина этих милостивых зверьков при рождении едва достигала 26 см. Окраска была не такая, как у родителей, а мясного цвета, на голове краснее, узор состоял из черно-бурых зигзагов. После первого линяния, дней через 14 после рождения, цвет туловища перешел в более красно-бурый, а после второй перемены, последовавшей через пять недель, — в медно-бурый. Но и при этом голова оставалась более светлой. До второго года окраска не изменилась, и только после этого времени кожа стала постепенно темнеть, пока не перешла в вышеописанный цвет. В продолжение 14 первых дней молодые щитомордники не принимали никакой пищи; после этого они начали, отказываясь решительно от рыб, пожирать маленьких лягушек. Через два месяца они достигли длины 34 см, их головы тогда уже были гораздо больше головы взрослой гадюки, благодаря чему они могли поедать полувзрослых лягушек. «Сейчас же после рождения, — говорит Эффельдт, — я унес молодых змеенышей, кроме одного, из клетки родителей, опасаясь, чтобы их собственный отец не проглотил их. Первые дни я не замечал змееныша, оставленного при родителях; только восемь дней спустя увидел его лежащим на теле своего отца, и заметил, что тот очень ласково облизывал его со всех сторон. Этот случай доказал мне, что эти змеи чувствуют нежность к своим детенышам, между тем как со всеми другими существами, даже с другими видами змей они живут во вражде и нападают не только на всякое жи-

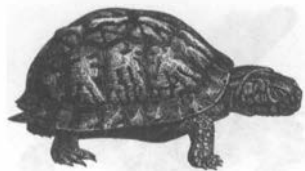
вотное, но и на человека. Когда я посадил вместе многих змей одного вида, между ними царствовала дружба, когда же я впустил змею другого вида, на нее сейчас же напали и укусили. Укус никогда не имел вредных последствий для змеи того же вида, тогда как другие виды, которые были в клетке, всегда поддавались действию яда».

Эффельдт для опыта давал своему водяному щитоморднику кусать различных животных. Посаженная в клетку со змеями крыса, укушенная только одним ядовитым зубом в бедро задней ноги, собственно была только оцарапана, как доказало исследование. Тотчас после полученного укуса крыса начала беспокойно бегать назад и вперед; через несколько минут ее поврежденный член онемел, через 10 минут она с взъерошенной шерстью сидела, съежившись, в углу, не двигаясь; через 17 минут после укуса лежала на боку вследствие наступивших судорог, и через 40 минут последовала смерть. Менее опасным оказался укус молодого двухмесячного водяного щитомордника, который был тоже нанесен только одним ядовитым зубом; через пять минут последовало онемение ноги крысы, через 6 минут она заметно распухла, через шесть часов опухоль перешла в нагноение; но этим и прекратилась опасность, потому что в следующие дни крыса уже ела и только немного хромала на укушенную ногу. Впрочем, другая крыса, которую молодая змея укусила в голову, умерла через две минуты. У укушенных лягушек сейчас же случались судороги, и они вскоре умирали.

Так как я получил от Эффельдта многих водяных щитомордников и долгое время воспитывал их, то могу подтвердить его показания, прибавив кое-что и от себя. Водяные щитомордники ночные животные; впрочем, днем они не так ленивы и сонливы, как другие гремучие змеи или гадюки. Раз привыкнув к клетке и к правильному кормлению, они редко отказываются от предложенной им и днем пищи, обыкновенно сейчас же подходят к ней, чтобы съесть. Рыбы составляют лакомое кушанье взрослых щитомордников; обыкновенно они хватают их, не отравляя раньше, и проглатывают головой вперед; не брезгуют они тоже и лягушками, но отравляют их большей частью до проглатывания; маленьких млекопитающих они тоже пожирают, раньше укусив их. В теплое время года или в хорошо натопленной клетке они проводят почти целые дни в тазу с водой, укладываясь там рядом или друг на друга во всех, возможных для змей положениях, так что глазам представляется чудесно сплетенный клубок, из которого то тут, то там возвышается змеиная голова. Такое купание доставляет им высочайшее наслаждение, и пока змеи в воде, они силой отражают всякое нарушение их спокойствия. Если всем не хватает места, может произойти ссора. Хотя змеи, поселенные вместе, живут мирно, не сердятся, если одна вползает на другую, и редко ссорятся из-за пищи. Рассердившись, они начинают напа-

Семейство
гремучие змеи

дать, а если при этом ими овладевает стремление к совокуплению, то страстность их характера, и без того заметная, еще увеличивается, и серьезные битвы становятся у них делом обыкновенным. При поединках они недолго остаются в наступательных положениях, но тотчас же начинают кусаться и ранят друг друга при этом так серьезно, что кровь сочится из многих ран их тела.

Несмотря на то, я никогда не видел, чтобы хоть один из укушенных щитомордников обнаружил какие-нибудь признаки отравления, и должен согласиться с Эффельдтом, когда он говорит, что их обоюдные укусы несколько им не вредят. Во время случки они необыкновенно возбуждены, беспрестанно ползают взад и вперед по клетке даже днем, угрожают соперникам и кусают друг друга, очень нежно облизывают избранную самку, наконец, обвивают ее обычным у змей образом, причем и происходит совокупление. Развитие зародыша, вероятно, ускоряется под влиянием теплоты и замедляется от охлаждения.

Ядовитые **азиатские копьеголовые змеи**, или **куфии**, (*Trimeresurus*) — довольно стройные животные с треугольной головой, покрытой (за исключением самого кончика морды и надглазной области) только небольшими чешуйками, а не щитками, и с довольно длинным цепким хвостом, переходящим в тонкое острие. Я могу еще к ним добавить, что тело этих змей покрыто чешуйками, более или менее килеватыми и расположенными рядами, числом от 13 до 31; щитки нижней стороны хвоста расположены большей частью двумя рядами, редко — в один ряд.

Бамбуковые куфии предпочитают жить в траве и кустах; бурые же и серые, более неуклюжие и менее подвижные виды, любят ровную землю или каменистые и скалистые местности и даже высокие горы. Но обе группы, на первый взгляд, резко отличаются по цвету, образуют многочисленные переходные формы. Многие из них, как это доказывает приспособленный к хватанию хвост, древесные змеи, которые большую часть жизни проводят на ветвях деревьев и вообще на растениях и только иногда спускаются на землю; другие живут только на земле.

Чтобы ознакомиться с образом жизни бамбуковых куфий, будет достаточно сообщить все то, что мне известно об одном из видов, живущих в Индии.

Бамбуковая куфия, или **бодру-пам** (*Trimeresurus gramineus*), — средний по величине вид этой группы, в длину достигает 71 см; верхняя сторона туловища водянисто- или травянисто-зеленого цвета; нижняя — зеленовато-белая. От белой нижней губы иногда тянется под глазами и по бокам головы к шее — такого же цвета полоса, а 21 ряд спинных чешуек иногда отделяются от брюшных щитков линией, образуемой белыми и желтыми точками. Старые самки, по словам Гюнтера, не имеют этих признаков. Кончик хвоста окрашен великолепным красным цветом. От многочисленных сородичей эта змея отличает-

ся числом рядов чешуек, маленькими килеватыми чешуйками черепа, гладкими височными чешуйками и относительно длинным, цепким хвостом.

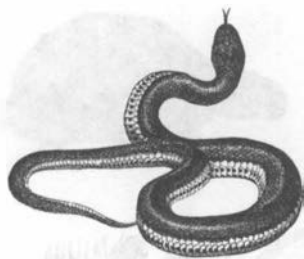
Область распространения бамбуковой куфии простирается от западной части полуострова Индостан до Китая; она известна от Бенгалии по всей восточной части этого полуострова до южного Китая, от полуострова Малакка и всех тропических островов, до Филиппинских, не исключая Андаманских и Никобарских, кроме Цейлона. По наблюдениям Столички, она живет в очень значительном количестве в холмистых местностях близ Мульмена и почти исклю-

чительно на деревьях. Окраска туловища этих змей так сходна с цветом листьев различных деревьев, что их трудно заметить среди нее. Столичка часто видел молодых змей этого вида и на более низких растениях, а Кантор встречал их иногда на земле. Среди ветвей они чувствуют себя как дома, так как не только превосходно лазают, но умеют принимать там самые удобные позы. Их цепкий хвост обхватывает сук или верхнюю часть

ствола зонтичного растения, чтобы туловище имело необходимую опору, и тогда последнее, или прямо вытянутое, или свернутое в несколько оборотов, или, наконец, только частью кольцеобразно свернутое, покоится неподвижно на широких листьях, сучьях или ветках, как бы составляя часть самого растения. Отдыхающая таким образом бамбуковая куфия обращает внимание на окружающий ее мир только в случае крайней необходимости. Не шевелясь, она близко подпускает человека, позволяет даже снять себя с дерева, не выказывая сопротивления, и пытается укусить только тогда, когда ее прижмут палкой или защемят щипцами. Но рассерженная, она проявляет ярость, подобно другим ядовитым змеям. По словам Мартенса, она так раскрывает пасть, что верхняя и нижняя челюсти образуют прямую линию, и тогда с

*Бамбуковая куфия,
или бодру-пам
(Trimeresurus
gramineus)*

острыми, выступающими из розовато-красных десен ядовитыми зубами имеет страшный вид. Протянутую ей палку так яростно кусает, что выламывает себе ядовитые зубы.

Насколько эта куфия сонлива днем, настолько подвижна ночью, так как в это время начинается ее охота на различных маленьких птиц, млекопитающих, древесных и других лягушек, а также и насекомых, которые, по мнению Столички, составляют даже главную часть ее пищи. Этот наблюдатель никогда не находил в желудке исследованных им древесных змей остатков позвоночных животных, но он все-таки не сомневается в том, что они иногда убивают и небольших четвероногих, если это им удастся без особого труда. Но все наблюдатели согласны с тем, что они пренебрегают другими пресмыкающимися.

Яд бамбуковой куфии не считается очень сильным, однако, не подлежит сомнению, что и она может нанести опасные раны. Человек меньше страдает от них по той причине, что эти змеи, проводя время на деревьях, реже других приходят в соприкосновение с человеком. Но что они могут самым серьезным образом повредить человеку, подтверждается, к сожалению, многими примерами. «Укус ее, — говорит миссионер Гензель, — так ядовит, что я видел, как раненая женщина умерла через полчаса после укуса. Эта женщина взобралась на дерево, чтобы сорвать плоды, причем слишком приблизилась к незамеченной ею змее и тотчас же была укушена в руку. Вполне сознавая опасность такого укуса, она моментально спустилась с дерева, но едва достигла земли, как почувствовала головокружение. Ее принесли ко мне тотчас после укуса, но пока я ставил ей банки, она умерла на моих руках». Впрочем, это единственный из сообщенных мне случаев, который окончился смертью; следует заметить, что в этом случае вид змеи не был точно определен. Все другие сообщения согласны между собой в том, что люди, укушенные бамбуковыми куфиями, хотя и очень страдали, но все же чрезвычайно редко погибали от отравления, главным образом, конечно, оттого, что большинство этих змей не достигает большой величины.

Руссель наблюдал над действием укусов бамбуковой куфии. Курица, укушенная в ногу, тотчас же подняла ее вверх; через две минуты после того легла на землю, затем пыталась встать, но не могла держаться на ногах, 5 минут спустя сильно повела головой и шеей и умерла через 8 минут после укуса. Свинья, укушенная той же змеей в переднюю ногу, уже через 7 минут выказала большую слабость и пробыла в оцепенении около четверти часа. Это состояние продолжалось около двух часов; бедное животное было не в состоянии приподняться и жалобно кричало, когда его хотели поставить на ноги; в продолжение третьего часа свинья страдала, кажется, еще более, по временам визжала и потом опять впала в забытие. Через два часа ей стало лучше, и она попробовала ходить, а через семь часов после укуса была совсем здорова.

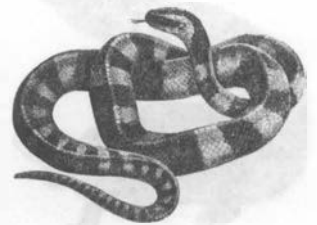
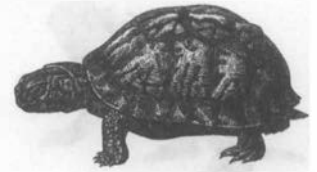
Курица, укушенная через полчаса после свиньи той же змеей, умерла через 33 минуты. Через шесть дней куфии дали укусить собаку в бедро. Через 16 минут у нее задрожали голова и ноги; через 25 минут дрожь распространилась по всему телу; собака вытягивала вперед шею, поднимала вверх морду, зевая, но не визжа. В продолжение второго часа она лежала на боку, как бы в изнеможении, шевеля времени от времени конечностями, причем вздрагивала всем телом. Через три часа после укуса припадки уменьшились, и наступило выздоровление. Два дня спустя эту же самую собаку дали укусить в оба бедра той же змее, которая за этот промежуток времени отравила еще трех кур. Она страдала около трех часов такими же припадками.

Кантор описывает целый ряд подобных опытов, предпринятых с тем, чтобы узнать действие яда бамбуковой куфии и аналогичных ей видов, и он пришел к различным результатам: только что поевшая куфия укусила курицу, которая обнаружила лишь легкую боль, а в остальном не выказала никакого признака отравления. Другая курица, укушенная змеей того же вида, тотчас после укуса скрючила ногу, упала навзничь, через три минуты после укуса испражнилась, еще через три минуты выказала легкую онемелость головы и затылка, которая продолжалась минут пять; затем безуспешно пыталась встать на ноги, чего достигла только через 25 минут после укуса, встряхнула крыльями и, по-видимому, совсем выздоровела. Случалось, однако, что курицы, укушенные аналогичными видами змей, умирали; собаки, напротив, выздоравливали, впрочем, только при заботливом уходе.

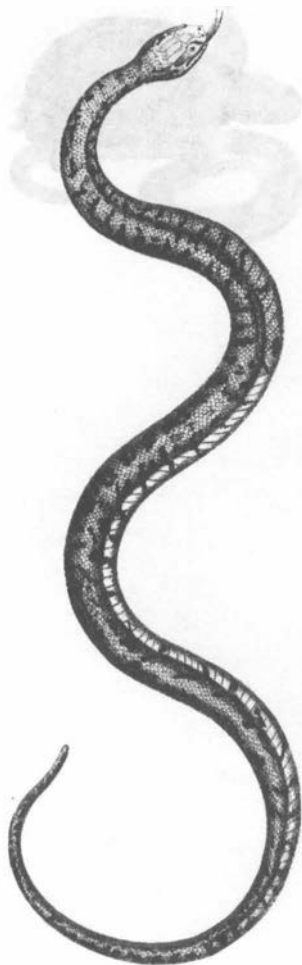
Представителям куфий в Новом Свете недостает цепкого хвоста; своим образом жизни они тесно связаны с землей.

«На обоих островах: Мартинике и Санта-Люсия, — говорит Руфц, — мартиникский ботропс еще безгранично господствует в кустарниках и лесах; даже в тех местах, где уже поселился человек и обрабатывается земля, никто не может беззаботно отдохнуть под тенистым деревом или пройти через поле без охраны; никто не решается бродить среди кустарников или идти для удовольствия на охоту. Ночью вам постоянно снятся отвратительные змеи, потому что здесь вы беспрестанно слышите страшные рассказы о них».

Мартиникский ботропс в большом количестве и повсеместно распространен на названных выше островах; он живет, по словам Моро де Жонеса, по всему острову от уровня моря до гор, окруженных облаками; плавает в воде и качается на ветках деревьев, подползает к городам, а в деревнях нередко проникает в самые дома, если они окружены кустарником или высокой травой. По словам Руфца, горы Св. Петра, достигающие 1 500 метров высоты, считаются любимым местопребыванием этих змей. Горы прорезаны пропастями в несколько сот метров глубины, покрыты густым лесом, обвитым и переплетенным лианами. Первобыт-

Семейство
гремучие змеи

ная почва глубоко скрыта под толстым слоем гнили, образовавшейся с незапамятных времен из истлевших стволов растений, и плотно покрыта частью сгнившими, а частью еще живыми растениями, великолепными по форме и цвету; под ними везде лежит такая густая тень, что тут чувствуется скорее тяжелый запах смерти, чем свежее дыхание жизни. Мертвая тишина царит в этом лесу и лишь изредка нарушается однообразным пением птицы, которую прозвали горным свистуном; другие птицы там редки. Люди никогда не могли проникнуть в эту мрачную глушь, но она населена бесчисленным количеством мартиникских ботропсов.

Густые плантации сахарного тростника составляют любимое местопребывание этой опасной змеи, но она попадает и во всякого рода кустарниках, которые могут дать ей убежище. Пещеру в скале, полое дерево, вырытую кротами или крабами яму — она обращает себе в жилище, но часто забирается в хлева и дома деревенских жителей, так как ночью предпринимает далекие путешествия даже по тем дорогам, по которым днем очень много ходит людей.

Во время отдыха днем она лежит, свернувшись в плоский кружок с головой посередине. Но когда ее беспокоят, то с быстротой молнии она бросается на врага, вытянувшись на расстоянии, равном половине своей длины, после чего опять мгновенно сворачивается в кружок. Если в это время ходить вокруг нее на некотором расстоянии, то она незаметно для вас будет поворачиваться так, что вы постоянно видите перед собой ее лоб. Ползая, она очень высоко держит голову, что придает ей красивый и гордый вид. По земле движется с такой легкостью, точно парит над ней: не слышно ни малейшего шума и не остается никакого следа. На острове все знают, что она очень быстро плавает. «Я сам, — говорит Руфц, слова которого привожу в переводе Ленца, — бросил однажды из лодки в море мартиникского ботропса, длиной 1,5 м. Он быстро и грациозно поплыл к берегу, но едва мы его нагоняли, как он моментально останавливался, свертывался посреди реки так же легко, как на суше, и грозно поднимал голову. Удивительно, что он не пользуется своим проворством, чтобы переплыть на соседние, близлежащие острова».

Совокупление бывает в январе, время кладки яиц в июле. Детеныши выползают из яиц в самую минуту кладки. По словам Вальяна, они появляются на свет окрашенные в два совершенно различных цвета, причем не замечается никаких промежуточных оттенков; отличия эти не обусловлены и различием полов. Многие, даже большинство, погибают в юности потому, что родители о них совсем не заботятся, и их часто убивают даже слабые животные, как, например, домашние куры. Но размножение мартиникского ботропса происходит очень быстро. По уверениям Моро де Жонеса, в животе беременной самки заключается 50—60 яиц; Боноде находил их тоже 20—60 штук, смотря по ве-

личине самки, а Руфц от 36 до 47. Детеныши по вылуплении бывают длиной 20—25 см, очень подвижны и готовы кусаться.

В ранней молодости мартиникский ботропс питается ящерицами, позднее маленькими птицами, и под конец жизни преимущественно крысами, которые, будучи перевезены европейскими моряками на остров, размножились там в страшном количестве. Впрочем, он охотится и за домашней птицей, и может в зрелом возрасте проглотить курицу, молодую индейку или двуутробку. Ему можно было бы поставить в заслугу истребление крыс, но никто не помянет его за это добрым словом, так как приписываемые змее человеческие жертвы слишком многочисленны. «Не подлежит сомнению, — продолжает Руфц, — что она кусается, если к ней подойдут слишком близко; но чтобы она бросилась на человека издали или преследовала убегающего от нее — не случается никогда, или, по крайней мере, очень редко, иначе на островах, на которых она водится, невозможно было бы жить человеку. В 1843 году я собирал через священников и местные власти сведения относительно смертных случаев, причиненных этой змеей, и узнал, что в каждой общине острова от ее укусов умирает от одного до трех человек. Число укушенных, но оставшихся в живых, конечно, в 10 раз больше, а так как, даже при самых благоприятных случаях, последствием укуса бывает продолжительная болезнь, а часто и онемение членов, то вред этой змее для населения очень высок. Бывают особенно плохие годы, так например 1843, в котором укусы были смертоноснее, чем обыкновенно. Начальник округа Венанкурт сообщил мне, что меньше чем за семь месяцев в его округе от укусов змей умерло 18 человек. Клервиль тоже уведомляет нас, что в 1843 году умерли почти все, кто был укушен змеями. Между тем опустошения, произведенные крысами, именно в этом году действительно были ужасны, из чего мы, к сожалению, видим, что ожидаемая от этих змей помощь против крыс очень незначительна.

«Во время уборки сахарного тростника негров постоянно ставят на работу рядами, мужчин и женщин попеременно. Голос надсмотрщика раздается время от времени, напоминая каждому, чтобы он остерегался змей. Заметив змею, весь ряд, при жалобном крике женщин, обращается в бегство. Самый храбрый негр выступает вперед и убивает чудовище, которое вследствие поднятого шума или осталось лежать на месте, или же только немного подалось назад».

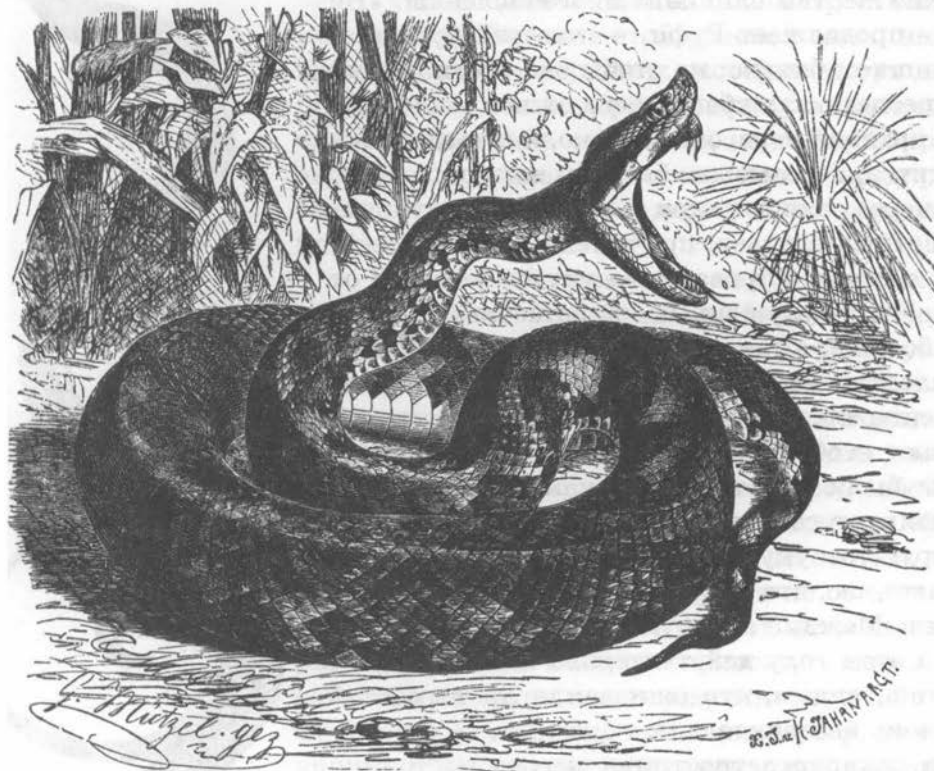
Кусая, мартиникский ботропс страшно разевает пасть, быстро бросается вперед и, укусив, опять также быстро свертывается и готовится к новому нападению. Если он очень разозлится, то кусает несколько раз. Руфц утверждает, что видел, как ботропс, кусая собак, обвивался вокруг своей жертвы. Последствия укуса ужасны: быстрое опухание укушенного места, которое скоро синеет и воспаляется, рвота, судороги, боль в сердце, непо-

Семейство гремучие змеи

Семейство
гремучие змеи

бедимая сонливость и смерть через несколько часов или дней. В самом благоприятном случае всевозможные страдания, продолжающиеся годами: головокружение, боль в груди, параличи, нарывы и т.п. Бесчисленное множество средств употребляются против этих укусов и большая часть их взята из растительного царства. Одно время возлагали большие надежды на гуако и поэтому перевозили его в огромном количестве из Новой Гренады, Венесуэлы и Тринидада в Мартинику, где и разводили его. Дальнейшие опыты доказали, что это средство вовсе не действительно и пришлось от него отказаться. «Грустно подумать, — говорит граф

Мартиникский
ботропс
(*Bothrops lanceolatus*)

Герц, — что до сих пор не могут найти верного средства против укусов змей, и что каждый раненый ищет помощи только у старых. Мне рассказали случай, когда молодой европеец, укушенный змеей в двух местах, для каждой раны пригласил по негру и все же умер после тяжелых страданий. Однажды пришла кому-то счастливая мысль переселить в Мартинику африканского секретаря змеяда, но тамошние жители перестреляли всех этих птиц для забавы». Граф Герц сожалеет, что против размножения мартиникского ботропса не принимают серьезных мер, а Ленц советует для этой цели поселить на острове млекопитающих, уничтожающих змей, как то: хорьков, барсуков и ежей, тем более что они уничтожали бы и крыс, чем уменьшили бы количество главной пищи змей. Оба правы, хотя следует заметить, что местные жители тоже стараются воспрепятствовать размножению змей. «Мой приятель Гайо, — говорит Руфц, — убивает ежегодно, на каждом сахарном поле три-четыре змеи, а другой приятель, Дюшатель, в одну неделю убил 23 штуки». По словам Гюйона, который вел подробный счет убитых змей около форта Бурбон и окружающих его местностей, их за 4 года (1818—1821) достигало до 370 штук; с 1822 по 1825 год убили 2 026 молодых

и старых змей, следовательно, за 8 лет убито 2 396 штук, хотя область эта очень мала. Приблизительно в то же время в управление Данцелота была назначена награда за каждую голову мартиникского ботропса, а Вианес, который выплачивал эту премию в окрестностях форта Ройал, сообщил мне, что только в окрестностях этой крепости каждую четверть года ему доставляли 70 змей. По сообщению Лалаурета, на плантациях, принадлежащих даче Пекуль, в один год было убито 600 штук, а в следующий год 300 штук мартиникского ботропса.

Руфц уверяет, что эта змея в неволе не принимает никакой пищи и все-таки выдерживает по несколько месяцев. Я знаю из достоверных источников, что в Европе их держали в неволе в продолжение нескольких лет. У содержателя ботанического сада в С. Пьере, Барилье, граф Герц видел четырех красивых змей этой породы в проволочной клетке и присутствовал даже при поимке двух змей: одного чрезвычайно злобного самца в 2 м и самки в 1,6 м длины.

Мартиникский ботропс (*Bothrops lanceolatus*) достигает 2 м длины и толщины мужской руки. Его окраска весьма различна даже у детенышей одной кладки. Основной, более или менее ярко-желтовато-бурый цвет переходит в бурый, серо-бурый и черный; рисунок состоит из черной полосы, пробегающей от глаз к затылку и двух рядов неправильных, более светлых, иногда тигровых поперечных пятен вдоль спины. Черная полоса иногда отсутствует. У некоторых особей бока окрашены в великолепный красный цвет. От других видов этого рода она отличается острыми краями уздечки, выложенными сверху тремя парами больших гладких щитков, семью верхнегубными щитками, и 29 рядами чешуй и совершенно не пятнистой нижней частью туловища. Кроме Малых Антильских островов мартиникский ботропс населяет еще и часть Панамского перешейка.

Семейство
гремучие змеи

Подотряд АМФИСБЕНЫ, ИЛИ ДВУХОДКИ (Amphisbaenidae)

Амфисбены, или двуходки, образуют подотряд, все представители которого ведут отчасти подземную жизнь.

Внешний вид амфисбен совсем напоминает червей: туловище у них цилиндрическое, длинное, везде одинаково толстое и вместо чешуй покрыто твердой и довольно толстой кожей, которая разделена на множество маленьких удлиненно четырехугольных щитков кольцеобразными бороздками и углубленными продольными линиями. Между этими четырехугольными щитками изредка замечаются многоугольные щитки, но на голове находятся всегда большие кожистые щитки. Один вид отличается присутствием передних конечностей, у других под кожей находят только следы ключиц и лопаток, а также таза. Хвост у всех видов короткий и толстый. Внешнего уха нет ни у одного вида; глаза лишены век и очень несовершенны; они виднеются лишь как темные точки под кожей, которая их покрывает, и расположены на верхней части головы; ноздри находятся обыкновенно около конца морды.

При анатомировании двуходок оказывается, что они отличаются от прочих ящериц следующими признаками: череп по форме очень разнообразен, обыкновенно удлинен, в середине с выемкой, над мордой выпуклый и несколько похож на череп хищного млекопитающего тем, что на темени находится большой костяной гребень, а на затылке проходит острый костяной выступ. Массивная и сзади очень высокая нижняя челюсть, которая, впрочем, бывает различного строения, по длине едва равняется половине всего черепа. Глазные впадины не имеют между собой стенки и также соединены с височной полостью; по сторонам головы нет костяных дуг, а межчелюстная кость цельная и не разделена на две части. Некоторые амфисбены имеют грудную кость, у других она в совершенно зачаточном состоянии, между тем как у всех других ящериц, как известно, она существует. На челюстях замечается небольшое количество крупных зубов, которые доходят, однако, как замечает Ваглер, лишь до переднего угла глаз, что, впрочем, замечается и у других ящериц; у всех известных видов нет зубов на крыловидных костях. Язык короткий, широкий и плоский, спереди с двумя остриями и у основания без чехла. У амфисбен, как у змей, развито лишь одно легкое, и дыхательное горло очень удлинено. Эти ящерицы отличаются от змей тем, что они не могут расширять в стороны ни верхней, ни нижней челюсти, так как обе половинки нижней челюсти и лицевые кости соединены швами. Кроме того, они отличаются еще от змей строением зубов и языка.

Амфисбены все без исключения ведут отчасти подземную жизнь, и в большинстве случаев живут в гнездах термитов. Они роют в сырой земле узкие ходы своей мордой, имеющей иногда продольное, иногда поперечное твердое острие; в этих ходах они, как кроты, могут легко двигаться как вперед, так и назад. На поверхности земли они ползают по прямой линии вперед, образуя вертикальные, а не горизонтальные изгибы. Хвост многих видов может служить для схватывания. Они питаются маленькими насекомыми, например муравьями и термитами, а также червями. Известно, что род *Alops* кладет цилиндрические яйца, имеющие 35 мм длины и 10 мм ширины; яйца эти кладутся в муравьиные гнезда.

Ныне известно 11 родов и 66 видов двуходковых*.

СЕМЕЙСТВО ДВУНОГИ (*Bipedidae*)

Род **двуногов** (*Bipes*) отличается от всех прочих присутствием передних конечностей с четырьмя малоразвитыми пальцами, снабженными, однако, когтями. По прочим признакам он почти ничем не отличается от рода *Amphisbaena*. На челюстях сидят острые, неровные между собой по длине зубы. У двуногов существуют ключицы, лопатки и грудная кость, но они малоразвиты. От плеч до заднего прохода тянется ясная боковая складка.

Единственный вид этого рода **хирот** (*Bipes canaliculatus*)** живет в Мексике, Калифорнии и на реке Платте (приток Миссури). Он достигает 20 см длины, сверху буровато-мясного цвета, а снизу беловатый. На шее и туловище насчитывают 210—260 колец; на хвосте 36—37. Об образе жизни его мы не имеем пока никаких сведений.

СЕМЕЙСТВО АМФИСБЕНЫ (*Amphisbaena*)

Амфисбенами называют ныне 27 видов***, живущих в тропической Америке и Африке. Они имеют червеобразное тело, округленную и слегка сжатую с боков морду, толстый, тупой цилиндрический хвост и конусообразные, слегка загнутые зубы, приросшие к внутреннему краю челюстей. Только передняя часть головы до темени покрыта правильными большими щитками, образующими на конце морды еще более крупный хоботный щит; задняя часть головы, туловище и хвост покрыты кожей, разделенной на узкие кожистые или роговые колечки, которые в свою очередь разделены на маленькие четырехугольные щитки. Ноздри расположены по сторонам головы и окружены особым ноздревым щитком. На груди нет крупных щитков. По сторонам тела от шеи до заднего прохода проходит боковая складка, которая у некоторых видов более, у других менее заметна; у некото-

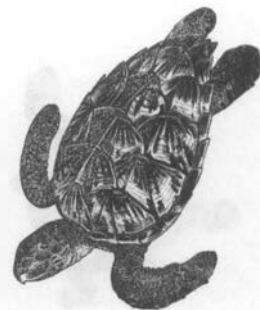
СЕМЕЙСТВО АМФИСБЕНЫ

* Сейчас насчитывают около 130 видов из 17 родов семейства *Amphisbaenidae* и 10 видов (5 родов) двуногих и трогонофидных амфисбен (семейства *Trogonophidae*).

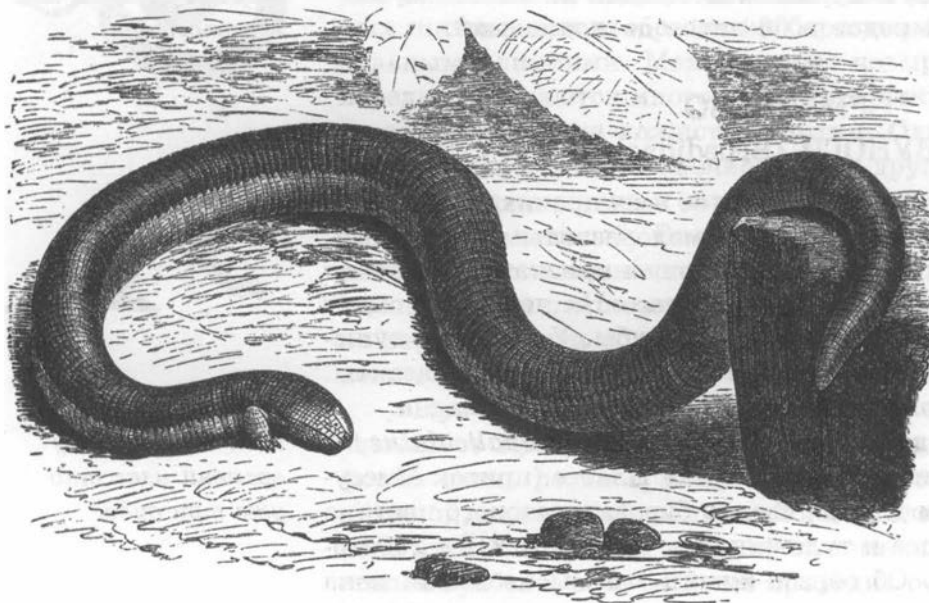
** К настоящему времени известно уже три вида.

*** Сейчас зоологи насчитывают 43 вида.

рых видов посередине спины проходит подобная же складка. Перед задним проходом замечается поперечный ряд из 2—12 пор.

Один из наиболее известных видов рода это — **амфисбена белая**, или **ибижара бразильцев** (*Amphisbaena alba*), — животное в 52 см длины, из которых на голову приходится 2, а на хвост 5 см. Верхняя часть его тела блестящая желто-бурая, бока светло-желтые, нижняя сторона желтовато-белая, голова светлее спины. На туловище насчитывается 205—242 кольца, а на хвосте 17—21. Свое научное название этот вид получил по бледным экземплярам наших музеев.

Хирот
(*Bipes canaliculatus*)

«Хирот», а на реке Амазонской — «матерями муравьев», тогда как в остальной Америке они известны под названием «двуглавых змей». Там и сям во внутренних частях Южной Америки они довольно обыкновенны; но их странный образ жизни, как легко понять, весьма затрудняет всякие наблюдения, так что до сих пор не имеется еще верных сведений относительно числа их видов, нравов и привычек. Достоверно только то, что они и по сей час представляют собой редкое явление в маленьких музеях. Жители побережья Амазонской реки, равно как и другие южноамериканцы, полагают, что их воспитывают, вскармливают и вообще очень почитают муравьи. По их мнению, когда амфисбены покидают муравейник, то и муравьи пускаются бродить, рассеиваясь во все стороны. По всей вероятности, случается и обратное: двуходки следуют за муравьями, когда те бывают вынуждены покинуть свою постройку.

«Весьма странным кажется, — замечает Чуди, — наблюдаемое в быту странствующих муравьев явление, что они терпят внутри своих подземных жилищ такое значительное по величине

Амфисбены, составляющие самый многочисленный род этого семейства, живут под землей и показываются на поверхности только ночью и во время пасмурной или дождливой погоды. Обыкновенным их местопребыванием служат муравейники и постройки термитов, личинками которых они питаются. Поэтому в Суринаме их называют «муравьиными королями», а на реке Амазонской — «матерями муравьев», тогда как в остальной Америке они известны под названием «двуглавых змей». Там и сям во внутренних частях Южной Америки они довольно обыкновенны; но их странный образ жизни, как легко понять, весьма затрудняет всякие наблюдения, так что до сих пор не имеется еще верных сведений относительно числа их видов, нравов и привычек. Достоверно только то, что они и по сей час представляют собой редкое явление в маленьких музеях. Жители побережья Амазонской реки, равно как и другие южноамериканцы, полагают, что их воспитывают, вскармливают и вообще очень почитают муравьи. По их мнению, когда амфисбены покидают муравейник, то и муравьи пускаются бродить, рассеиваясь во все стороны. По всей вероятности, случается и обратное: двуходки следуют за муравьями, когда те бывают вынуждены покинуть свою постройку.

животное, как амфисбену, тем более, что они считаются злейшими врагами всех живых существ, и нападают на каждое из них, которое неосторожным образом приблизится к их жилищу, своей численностью одолевая и убивая даже змей более, чем в метр длины, и млекопитающих величиной с белку. Какие основания имеются к такому сожительству, до сих пор еще не известно. Но ясно, что как хозяева, так и гости извлекают из этого совместного жительства одинаковую пользу, иначе такое явление не было бы таким общим и заурадным. Впрочем, из этого не следует вывести, что всякое гнездо странствующих муравьев обязательно содержит в себе амфисбен или что всякая амфисбена неизбежно живет в муравьиной колонии: мне не раз случалось доставать амфисбен из неглубоких, по-видимому, ими самими выкопанных нор в кофейных плантациях. Насколько мне известно, эти животные держатся преимущественно в очень старых муравейниках, либо в больших кучах земли, нарытых муравьями при их постройках, либо в верхних сырых слоях, и, напротив, крайне редко их можно видеть в глубоких проходах. Здесь же амфисбены кладут и свои яйца. При выкуривании муравейников, что во всяком хозяйстве практикуется очень часто в виде предохранительной меры против этого страшного врага, можно зачастую видеть, как амфисбена быстро обращается в бегство, лишь только начнется действие раздувальных мехов».

Движения этого животного крайне своеобразны, а потому неудивительно, что во всей Южной Америке распространилось мнение, будто амфисбены умеют ползать и назад, и вперед. «Те, которых я находил, — говорит принц фон Вид, — чуть-чуть шевелились, если их не толкали, и в таком случае движениями своими вполне напоминали дождевых червей, что также может служить доказательством их слабого зрения». Но насколько медленно они ползают, настолько же ловко роются в земле, причем существенную услугу оказывает им их хоботной щиток.

Относительно размножения этого вида мало еще определенных сведений. В противоположность Чуди туземцы утверждают, что амфисбены рожают живых детенышей; но эти люди рассказывают про этих животных так много чудесного, что, право, трудно отличить истину от басен*. В глазах южноамериканцев безобидные амфисбены считаются за крайне ядовитых созданий, но в то же самое время они приписывают им необыкновенно целебные свойства. Возможно, что способность возобновлять части тела, свойственная всем пресмыкающимся вообще, и может быть амфисбенам в особенности, навела людей на мысль, что подобное существо должно оказывать хорошую услугу при ранениях; короче говоря, в них живет твердое убеждение, что мясо амфисбен, высушенное и истолченное в порошок, оказывает самую действительную помощь при переломе костей, глубоких ранах и т. п. Тем не менее не видно, чтобы этих животных

* Сейчас известно, что белая амфисбена откладывает яйца в термитниках.

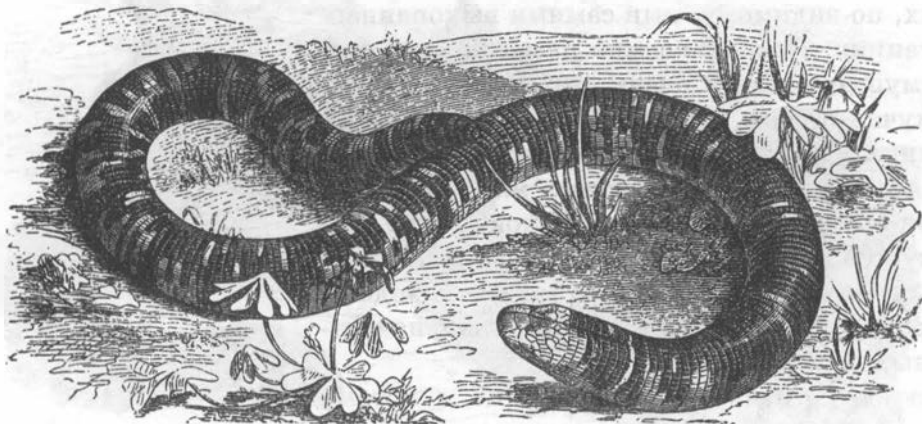

Семейство амфисбены

особенно ревностно преследовали ради того, чтобы добыть от них это чудесное целебное вещество; и в этом случае дело ограничивается больше одним пустословием.

В самом деле, вполне опасными врагами амфисбены могут считать только других пресмыкающихся, именно ядовитых змей; они становятся жертвами этих врагов в то время, как выходят ночью из своих подземных жилищ или, вследствие затопления, бывают вынуждены покинуть защищающую их почву. Бетс вынул однажды вполне сохранившийся экземпляр из тела одной шарараки (*Trimeresurus jararaca*), которая была ненамного больше проглоченной жертвы. Буланже также сообщает об одной

амфисбене (*Lepidosternum*), проглоченной бразильским аспидом (*Micrurus*), но проравшей его тело. Отверстие, из которого торчала голова амфисбены, находилось на расстоянии 7,5 см от рыла змеи. В этом случае оба животных лишились жизни.

Двуходка пятнистая
(*Amphisbaena
fuliginosa*)

Второй вид этого рода, распространенный в тропической части Южной Америки и в Вест-Индии, это — двуходка пятнистая (*Amphisbaena fuliginosa*), изображение которой мы и даем на нашем рисунке. Она отличается от предыдущего вида тем, что каждое кольцо в средней части тела имеет менее 60 щитков и что у нее средние брюшные щитки совершенно квадратные. Окраска ее также совсем иная. Ибижара выглядит почти одноцветною, этот же вид черного цвета с белыми круглыми и четырехугольными пятнами с поочередным преобладанием того или другого цвета. На туловище насчитывают 193—217 колец, а на хвосте 24—32. При длине хвоста в 5,5 см эта двуходка достигает общей длины в 39 см.

Об ее образе жизни нам известно еще так мало, что мы не можем отметить никакого различия между ней и ибижарой.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Русские названия

- Агама, род, 216
Агама колонистов, 217
Агамовые (агамы), семейство, 212–233
Акантозавр вооружённый, 219
Аллигатор миссисипский, 91
Аллигаторы, семейство, 91–104
Амейва гигантская, 291
Амфисбена белая, 652
Амфисбены, подотряд, 650–654
Амфисбены, семейство, 651–654
Анаконда обыкновенная, 430
Анаконды, род, 430
Анолис, род, 234
Анолис североамериканский
 красногорлый, 236
- Аррау, 170
Аспид
 обыкновенный коралловый, 502
 украшенный маклелландов, 504
Аспиды, семейство, 500–545
Аспиды украшенные, род, 503
- Бисса, 163
Бодру-пам, 642
Бойга, род, 494
Ботропс мартиникский, 649
Бунгарусы, род, 506
Бушмейстер, 627
- Вальковатые змеи, семейство, 441–443
Варан
 желтый, 279
 капский, 286
 нильский, 280
 полосатый, 282
 серый, 284
Вараны американские, семейство, 287–292
- Вараны, семейство, 276–287
Василиск
 мексиканский полосатый, 240
 обыкновенный, 239
 шлемоносный, 239
Василиски, род, 239
Веретеница ломкая, 269
Веретеницевые, семейство, 263–274
Веретеницы, род, 268
Веретеницы панцирные, род, 268
Волкозубы, род, 445
- Гавиал гангский, 48
Гавиалы, семейство, 48–50
Гадюка
 аспидовая, 578
 носатая, 584
 обыкновенная, 557
 рогатая, 596
 шумящая, 589
Гадюки настоящие, род, 557
Гадюки рогатые, род, 595
Гадюковые, семейство, 555–602
Гаттерия, 187
Геккон
 индо-малайский лопастехвостый, 202
 стенной, 203
 турецкий полупалый, 201
 широкопалый, 203
Гекконовые, семейство, 200–211
Гекконы лопастехвостые, род, 202
Гекконы полупалые, 201
Гидромедузы, род, 178
Гладкозубые ужовые змеи, 444
Гологлаз азиатский, 328

- Гологлазы, род, 328
 Гремучник
 полосатый, 619
 ромбический, 619
 страшный, 605
 Гремучники настоящие, род, 603
 Двуноги, род, 651
 Двуноги, семейство, 651
 Двуходка пятнистая, 654
 Двуходки, подотряд, 650–654
 Дракон летучий, 214
 Драконы летучие, род, 214
 Желтопузик, 268
 Зипо, 471
 Змееглазы, род, 328
 Змеи, подотряд, 348–649
 Змеи азиатские копьеголовые, род, 642
 Змеи аспидовые, семейство, 500–545
 Змеи бородавчатые, семейство, 489–500
 Змеи гремучие, семейство, 602–649
 Змеи железистые, род, 504
 Змеи карликовые, род, 446
 Змеи косоглазые, род, 487
 Змеи кошачьи, род, 493
 Змеи ложноногие, семейство, 394–440
 Змеи морские, семейство, 545–548
 Змеи морские плоскохвостые, семейство, 548
 Змеи остроголовые, род, 498
 Змеи плетевидные, род, 497
 Змеи смертельные, род, 544
 Змеи цилиндрические, род, 442
 Змеи ямкоголовые, семейство, 602–649
 Змея
 гадюкообразная смертельная, 544
 килехвостая косоглазая, 488
 кошачья, 493
 красная цилиндрическая, 442
 мангровая, 495
 обыкновенная железистая, 505
 обыкновенная королевская, 459
 очковая, 511
 цепная королевская, 459
 яванская бородавчатая, 490
 Ибижара, 652
 Игуана
 морская, 242
 обыкновенная, 249
 Игуановые, семейство, 233–261
 Игуаны, род, 249
 Игуаны кольцевхвостые, род, 253
 Кабарагойя, 282
 Кайман
 крокодиловый, 100
 черный, 96
 широкомордый, 100
 Кайманы очковые, род, 96
 Каламарии, род, 446
 Каламария Линнея, 447
 Каскавелла, 605
 Киникса зубчатая, 136
 Кирказон, род, 525
 Клинозубые, семейство, 187–190
 Клювоголовые, отряд, 187
 Кобра
 египетская, 531
 индийская, 511
 королевская, 519, 539
 Кобры настоящие, род, 511
 Конолоф галапагосский, 246
 Конолофы, род, 246
 Короткохвост, 327
 Крайт
 ленточный, 507
 обыкновенный морской, 548
 Крокодил
 африканский узкорылый, 51
 болотный, 84
 гребнистый, 63, 83
 нильский, 63
 острорылый, 53
 сиамский, 63
 тупорылый, 52, 90
 Крокодилы, отряд, 41
 Крокодилы настоящие, семейство, 51–91
 Круглоголовки, род, 259
 Куфии, род, 642
 Куфия бамбуковая, 642
 Ластохвост синеполосатый, 548
 Ластохвосты, род, 547
 Матамата, 177
 Медянка обыкновенная, 448
 Медянки, род, 448
 Молох, 231
 Остроголовка
 блестящая, 499
 бронзовая, 499
 Пама, 507

- Пеламида
 двуцветная, 547
 желтобрюхая, 547
 Пеламиды, род, 546
 Пеломедузовые, семейство, 168–176
 Переднебороздчатые змеи, 444
 Питон
 иероглифовый, 412
 ромбический, 421
 тигровый, 405
 южноафриканский, 411
 Питоны, род, 404
 Питоны водяные австралийские, род, 423
 Питоны ромбические, род, 421
 Плтевидка припудренная, 498
 Плика, 241
 Плики, род, 241
 Плоскохвост кольчатый, 548
 Плоскохвосты, семейство, 548–555
 Полоз
 балканский, 454
 леопардовый лазающий, 467
 подковчатый, 456
 четырёхполосый лазающий, 468
 эскулапов, 460
 Полозы гладкие, род, 448
 Поясохвост обыкновенный, 263
 Поясохвосты, род, 262
 Поясохвосты, семейство, 261–263
 Пресмыкающиеся чешуйчатые, отряд, 191
 Псаммодромус алжирский, 320
 Псаммодромусы, род, 319
 Псевдобоа, род, 491
 Псевдобоа Шнейдера, 492
 Сверташка коралловая, 441
 Сепс трёхпалый, 332
 Стеллион, 220, 223
 Сурукуку, 627
 Сцинк аптечный, 330
 Сцинки цилиндрические, род, 332
 Сцинковые, семейство, 324–334
 Тартаруга, 170
 Тегу, 288
 Тегу, род, 288
 Тола-хини, 274
 Трионикс злой, 185
 Удав
 обыкновенный, 424
 собакоголовый, 438
 стройный, 439
 Удавчик западный, 423
 Удавчики, род, 422
 Удавы гладкогубые, род, 439
 Удавы обыкновенные, род, 424
 Удавы узкобрюхие, род, 437
 Уж
 аргентинский пантеровый, 458
 водяной, 483
 гадюковый, 486
 обыкновенный, 473
 Ужеобразные, семейство, 443–489
 Ужи настоящие, род, 473
 Халцид трёхпалый, 332
 Халциды, род, 332
 Хамелеон
 карликовый, 338
 обыкновенный, 338
 Хамелеоны, семейство, 334–347
 Хамелеоны настоящие, род, 334
 Хирот, 651
 Циклура килеватая, 254
 Циклуры, род, 253
 Цилиндрические сцинки, род, 332
 Черепаха
 аррау, 170
 бисса, 163
 большеголовая, 120
 грифовая, 116
 европейская болотная, 125
 звездчатая, 141
 зеленая, 155
 злой трионикс, 185
 змеиношейная аргентинская, 179
 зубчатая, 138
 каймановая, 114
 каролинская коробчатая, 131
 кожистая, 112
 кусающаяся, 114
 лесная, 124
 матамата, 177
 пенсильванская, 119
 слоновая, 147
 средиземноморская, 150
 суповая, 155
 тартаруга, 170
 Черепахи, отряд, 105
 Черепахи бахромчатые, род, 176
 Черепахи большоголовые, семейство, 120–122
 Черепахи змеиношейные, семейство, 176–181

Черепahi иловые, семейство, 119–120
Черепahi каймановые, семейство, 114–119
Черепahi кожистые, семейство, 112–114
Черепahi морские, семейство, 154–168
Черепahi пресноводные, семейство, 122–134
Черепahi сухопутные, семейство, 134–153
Черепahi трехкоготные, семейство, 181–186
Черепahi щитоногие, род, 170
Чешуеног обыкновенный, 211
Чешуеноги, семейство, 211–212

Шипохвост

африканский, 227
индийский, 229

Шипохвосты, род, 226

Щитомордник

водяной, 637
гладкий, 634
медноголовый, 635
мокасиновый, 635
обыкновенный, 632
островной, 634
палласов, 632

Щитомордники, род, 632

Эсکورпион, 274, 275

Эфа песчаная, 599

Эхиопсис короткий, 543

Эхиопсисы, род, 543

Ядозубы, род, 274

Ядозубы, семейство, 274–276

Ящерица

глазчатая, 301

европейская гребнепалая, 323

живородящая, 312

зеленая, 305

молуккская парусная, 226

обыкновенная стенная, 315

плащеносная, 224

прыткая, 310

техасская жабовидная, 256

Ящерицы, подотряд, 191–347

Ящерицы визжащие, род, 319

Ящерицы гребнепалые, род, 322

Ящерицы жабовидные, род, 256

Ящерицы настоящие, род, 301

Ящерицы настоящие, семейство, 292–324

Ящерицы парусные, род, 225

Латинские названия

Ablepharus, 288, 328

Ablepharus pannonicus, 328

Acanthodactylus, 322

Acanthodactylus erythrus, 323

Acanthophis, 544

Acanthophis antarcticus, 544

Acanthosaura armata, 219

Acrochordidae, 489

Acrochordus javanicus, 490

Acrodontes, 192

Agama, 216

Agama agama, 218

Agamidae, 212

Agkistrodon, 632

Agkistrodon

contortrix, 635

halys, 632

piscivorus, 637

rhodostoma, 634

Aglypha, 444

Ahaetulla, 497

Ahaetulla pulverulenta, 498

Alecto, 285

Alligator mississippiensis, 91

Alligatoridae, 91

Amblyrhynchus cristatus, 242

Ameiva, 291

Ameiva ameiva, 291

Amphisbaena, 651

Amphisbaena

alba, 652

fuliginosa, 654

Amphisbaenidae, 650

Ancistrodon hypnale, 283

Anguillidae, 263

Anguis, 268

Anguis fragilis, 269

Aniliidae, 441

- Anilius scytale*, 441
Anolis, 234
Anolis carolinensis, 236
Aristolochia, 295, 525
Aristolochia
 indica, 525
 serpentaria, 525
Basiliscus, 239
Basiliscus basiliscus, 239
Basiliscus vittatus, 240
Bipedidae, 651
Bipes, 651
Bipes canaliculatus, 651
Bitis arietans, 589
Boa, 424
Boa constrictor, 404, 424
Boidae, 394
Boiga, 494
Boiga dendrophila, 495
Bothrops lanceolatus, 649
Bungarus, 506
Bungarus fasciatus, 507
Caiman, 96
Caiman
 crocodilus, 100
 latirostris, 100
Calamaria, 446
Calamaria linnaei, 447
Callophis, 503
Callophis macclellandi, 504
Calotes, 337
Cerastes, 595
Cerastes cerastes, 596
Cercosaura, 197
Cervus dama, 415
Chalcides, 332
Chalcides chalcides, 332
Chalcides ocellatus, 326
Chalcides sepoides, 326
Chamaeleo, 334
Chamaeleo chamaeleon, 338
Chamaeleo pumilus, 338
Chamaeleonidae, 334
Chelidae, 176
Chelonia mydas, 155
Chelonidae, 154
Chelus, 176
Chelus fimbriatus, 177
Chelydra serpentina, 114
Chelydridae, 114
Chironius carinatus, 471
Chlamidosaurus kingi, 224
Clemmys insculpta, 124
Coluber
 aspis, 579
 gemonensis, 454
 hippocrepis, 456
Colubridae, 443
Conolophus, 246
Conolophus subcristatus, 246
Corallus, 437
Corallus caninus, 438
Cordylidae, 262
Cordylus, 262
Cordylus cordylus, 263
Coronella, 448
Coronella austriaca, 448
Crocodylia, 41
Crocodylidae, 51
Crocodylus
 acutus, 53
 cataphractus, 51
 niloticus, 63
 palustris, 84
 porosus, 63, 83
 siamensis, 63
Crotalidae, 602
Crotalinae, 556
Crotalus, 603
Crotalus
 adamanteus, 604, 619
 durissus, 605
 horridus, 619
Cryptodira, 112
Cyclura, 253
Cyclura carinata, 254
Cylindrophis, 442
Cylindrophis rufus, 442
Deilephila livornica, 285
Dermochelyidae, 112
Dermochelys coriacea, 112
Draco, 214
Draco volans, 214
Echiopsis, 543
Echiopsis curta, 543
Echis carinataus, 599
Elachistodon, 367
Elaphe
 longissima, 460
 quatuorlineata, 468

- sauromates, 469
 situla, 467
 Elapidae, 500
 Emydidae, 122
 Emys orbicularis, 125
 Epicrates, 439
 Epicrates striatus, 439
 Eretmochelys imbricata, 163
 Eryx, 422
 Eryx jaculus, 423
 Eumeces schneideri, 285
 Eunectes, 430
 Eunectes murinus, 371, 430
 Gavialidae, 48
 Gavialis gangeticus, 48
 Gekkonidae, 200
 Geochelone denticulata, 138
 Geochelone elegans, 141
 Geochelone elephantopus, 147
 Gerrhonotus, 264
 Gymnophthalmus, 197
 Helicops, 487
 Helicops carinicaudus, 488
 Heloderma, 197, 274
 Heloderma horridum, 274
 Heloderma suspectum, 276
 Helodermatidae, 274
 Hemidactylus, 201
 Hemidactylus turcicus, 201
 Heterodactylus, 197
 Hydromedusa, 178
 Hydromedusa tectifera, 179
 Hydrophiidae, 545
 Hydrophis, 547
 Hydrophis cyanocincta, 548
 Hydrosaurus, 225
 Hydrosaurus amboinensis, 226
 Iguana, 249
 Iguana iguana, 249
 Iguanidae, 233
 Kinixys erosa, 136
 Kinosternidae, 119
 Kinosternon subrubrum, 119
 Lacerta, 298, 301
 Lacerta agilis, 310
 Lacerta lepida, 308
 Lacerta mosorensis, 300
 Lacerta praticola, 314
 Lacerta viridis, 305
 Lacerta vivipara, 312
 Lacertidae, 292
 Lacertilia, 191
 Lachesis muta, 627
 Lampropeltis getulus, 459
 Laticauda laticaudata, 548
 Laticaudidae, 548
 Lepidosternum, 654
 Lycodon, 445
 Lygodactylus, 200
 Macrolemys temmincki, 116
 Mastigodryas bifossatus, 458
 Maticora, 504
 Maticora intestinalis, 505
 Melanosuchus niger, 96
 Micrurus, 654
 Micrurus corallinus, 502
 Moloch horridus, 231
 Morelia, 421
 Morelia spilota, 421
 Naja, 511
 Naja
 haje, 531
 naja, 283, 511
 Natrrix, 473
 Natrrix
 maura, 486
 natrrix, 473
 tessellata, 483
 Naultinus elegans, 210
 Ophiophagus hannah, 519, 539
 Opisthoglypha, 444, 491
 Osteolaemus, 90
 Osteolaemus tetraspis, 52, 90
 Oxybelis, 498
 Oxybelis acuminatus, 499
 Oxybelis fulgidus, 499
 Pelamis, 546
 Pelamis platurus, 547
 Pelomedusa subrufa, 168
 Pelomedusidae, 168
 Phrynocephalus, 260
 Phrynosoma, 256
 Phrynosoma cornutum, 256
 Phrynosoma douglassi, 259
 Pituophis, 357
 Platysternon megacephalum, 120
 Platysternidae, 120
 Pleurodira, 112, 166
 Pleurodontes, 192

Plica, 241
 Plica umbra, 241
 Podarcis muralis, 315
 Podarcis taurica, 294
 Podocnemis, 170
 Podocnemis expansa, 170
 Proteroglypha, 444, 500
 Psammodromus algerus, 320
 Psammodromus, 319
 Pseudoboa, 491
 Pseudoboa coronata, 492
 Pseudopus, 268
 Pseudopus apodus, 268
 Ptyas mucosus, 512
 Ptychozoon, 202
 Ptychozoon Kuhli, 202
 Pygopodidae, 211
 Pygopus, 211
 Pygopus lepidopodus, 211
 Python, 404
 Python
 molurus, 405
 sebae, 357, 412
 sebae natalensis, 411
 Rampholeon, 338
 Rhynchocephalia, 187
 Sceloporus, 234
 Scincidae, 324
 Scincus, 330
 Scincus scincus, 330
 Serpentes, 348
 Spalerosophis diadema, 332
 Sphenodon punctatus, 187
 Sphenodontidae, 187
 Squamata, 191
 Stellio stellio, 220
 Tarentola, 203
 Tarentola mauritanica, 203
 Teiidae, 287
 Telescopus, 493
 Telescopus fallax, 493
 Teratoscincus, 205
 Terrapene carolina, 131
 Testudines, 105
 Testudinidae, 134
 Testudo graeca, 150
 Thamnophis sirtalis, 386
 Trachysaurus, 327
 Trachysaurus rugosus, 327
 Trimeresurus, 642
 Trimeresurus gramineus, 642
 Trimeresurus jararaca, 654
 Trionychidae, 181
 Trionyx ferox, 185
 Tupinambis, 288
 Tupinambis teguixin, 288
 Uromastix, 226
 Uromastix
 acantinurus, 227
 hardwickii, 229
 Varanidae, 277
 Varanus exanthematicus, 286
 Varanus flavescens, 279
 Varanus griseus, 284
 Varanus niloticus, 281, 397
 Varanus salvator, 283
 Vipera, 557
 Vipera
 ammodytes, 584
 aspis, 578
 berus, 557
 prester, 559
 redii, 579
 russellii, 283
 Viperidae, 555
 Viperinae, 556
 Zootoca, 312

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Биография Альфреда Эдмунда Брема	7
ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ, ИЛИ РЕПТИЛИИ	17
Общий взгляд на жизнь пресмыкающихся	17
Отряд крокодилы	41
Семейство гавиалы	48
Семейство настоящие крокодилы	51
Семейство аллигаторы	91
Отряд черепахи	105
Семейство кожистые черепахи	112
Семейство каймановые черепахи	114
Семейство иловые черепахи	119
Семейство большеголовые черепахи	120
Семейство пресноводные черепахи	122
Семейство сухопутные черепахи	134
Семейство морские черепахи	154
Семейство пеломедузовые	168
Семейство змеиношейные черепахи	176
Семейство трехкоготные черепахи	181
Отряд клювоголовые	187
Семейство клинозубые	187
Отряд чешуйчатые пресмыкающиеся	191
Подотряд ящерицы	191
Семейство гекконовые	200
Семейство чешуеноги	211
Семейство агамовые, или агамы	212
Семейство игуановые	233
Семейство поясохвосты	261
Семейство веретеницевые	263
Семейство ядозубы	274
Семейство вараны	276

Семейство американские вараны, или тейиды	287
Семейство настоящие ящерицы	292
Семейство сцинковые	324
Семейство хамелеоны	334
Подотряд змеи	348
Семейство ложноногие змеи	394
Семейство вальковатые змеи	441
Семейство ужеобразные	443
Семейство бородавчатые змеи	489
Семейство аспидовые змеи, или аспиды	500
Семейство морские змеи	545
Семейство плоскохвосты, или плоскохвостые морские змеи	548
Семейство гадюковые	555
Семейство гремучие, или ямкоголовые, змеи	602
Подотряд амфисбены, или двуходки	650
Семейство двуноги	651
Семейство амфисбены	651
Алфавитный указатель	655
Русские названия	655
Латинские названия	658

Брем Альфред

РЕПТИЛИИ

Директор издательства *О.С. Бартенев*
Оформление художника *М.А. Трубецкого*
Редактор *Е.В. Попова*
Технический редактор *Т. П. Тимошина*
Набор и верстка *Ю.Н. Дородницына, Л.Ф. Комаровская,*
Р.А. Курбакова, Н.Е. Манушкина
Корректор *Н.С. Емельянова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 15.12.99. Формат 84×108^{1/16}. Бумага Офсетная. Гарнитура Школьная.
Печать Офсетная. Печ. л. 41,5. Тираж 10 000 экз. Заказ 3887.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»».
ЛР № 066236 от 22.12.98 г.
366720, РФ, Республика Ингушетия, г. Назрань, ул. Московская, 13а.
ООО «Издательство Астрель».
143900, Московская область, г. Балашиха, пр-т Ленина, д. 81.
ЛР № 066647 от 1. 06. 99 г.
E-mail: AST@POSTMAN.RU

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

